ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

1941–1945

Памяти защитников
Отечества посвящается

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 ГОДОВ

В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

МОСКВА
КУЧКОВО ПОЛЕ
2012

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 ГОДОВ

ТОМ ТРЕТИЙ

БИТВЫ И СРАЖЕНИЯ, ИЗМЕНИВШИЕ ХОД ВОЙНЫ

М О С К В А
КУЧКОВО ПОЛЕ
2 0 1 2

УДК355/359
ББК63.3(2)62
В26

Авторский коллектив третьего тома:

М. В. Виниченко, О. В. Саксонов (*руководители авторского коллектива*), Н. В. Агеев, В. П. Баранов, В. И. Бойко, В. Л. Голотюк, О. В. Гаман-Голутвина, Р. А. Даниленко, Л. А. Зайцев, В. М. Зарецкий, В. П. Зимонин, В. А. Золотарев, Г. М. Ипполитов, А. В. Кириллов, А. Т. Климович, О. К. Кривонос, В. В. Круглов, С. Ф. Кужилин, Г. А. Куманев, С. Я. Лавренов, С. А. Макушкин, А. В. Мельничук, В. А. Миркискин, Б. И. Невзоров, Р. С. Осипян, С. Н. Полторак, А. Л. Самович, А. М. Соколов, С. А. Тюшкевич, Б. П. Фролов, В. И. Фролов, А. Г. Шляхтунов

При участии:

В. В. Абатурова, И. Ю. Агишевой, В. А. Афанасьева, С. Г. Бандурина, О. Б. Белоусова, И. Г. Беликовой, А. М. Беляева, Ф. И. Бескоровайного, О. В. Власова, Д. М. Воробьева, П. А. Высоцкого, О. В. Горбунова, С. В. Гребенюка, М. В. Ежова, А. В. Зотовой, С. Н. Карлова, А. Р. Кима, А. А. Климова, Н. И. Кобрина, Ю. В. Кожухова, В. Е. Колоткова, А. В. Лебедева, А. В. Маклачкова, Г. А. Малахова, Ю. А. Марценюка, В. С. Мильбаха, А. И. Миренкова, М. Ю. Мягкова, М. А. Напреенкова, В. Ю. Новожилова, Р. Г. Носова, В. С. Параскевова, Ю. Ф. Пивоварова, В. Н. Попова, А. Ю. Потапова, Б. Е. Рассказова, О. А. Ржешевского, В. Ю. Русанова, А. В. Саманкова, А. Н. Самолькина, О. В. Соловьева, Д. В. Суржика, М. Я. Тарасова, В. О. Терентьева, А. В. Тимченко, М. И. Фролова, Б. В. Хилько, Е. П. Челышева, А. С. Ченцова, А. В. Шипунова

Помощь авторскому коллективу в научно-организационной и контрольной работе по тому оказали: Н. И. Бритвин, О. Б. Гузенко, В. А. Демин, А. В. Зорин, В. А. Ивасенко, Г. В. Ковальчук, Д. А. Краснова, С. В. Кузнецов, В. С. Кутина, Н. Г. Михальцов, М. С. Полянский, С. В. Радзивил, С. И. Саксонов, М. А. Селиванов, В. В. Соколов, А. Т. Хабалов, Л. А. Харламов, В. С. Хмельников

В26 **Великая** Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. — М.: Кучково поле, 2012. — 864 с., 26 л. ил., ил.

ISBN 978-5-9950-0269-7

3-й том посвящен событиям первого и второго периодов Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. В нем раскрываются политические, экономические и военно-стратегические условия и предпосылки, обеспечившие коренной перелом в войне в пользу Советского Союза и других стран антигитлеровской коалиции. Основное внимание уделено решающим битвам и сражениям, изменившим ход Великой Отечественной и Второй мировой войн. Показаны величие подвига советского народа, драматические события 1941 и 1942 годов. Проанализированы деятельность советского и немецкого политического и военного руководства, военное искусство противоборствующих сторон.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей Отечества.

УДК 355/359
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-9950-0269-7

Предисловие

Третий том «Битвы и сражения, изменившие ход войны» многотомного фундаментального труда «Великая Отечественная война 1941—1945 годов» содержит всесторонний анализ комплекса военных, экономических и внешнеполитических событий Великой Отечественной войны в хронологических рамках от 30 сентября 1941 г. до конца 1943 г., включающих по сути ее первый и второй периоды. За два года и три месяца Советский Союз, его народы и вооруженные силы в тяжелейшем противоборстве с фашистской Германией и ее союзниками вначале остановили агрессоров, потом овладели стратегической инициативой на фронте и добились перелома в ходе Великой Отечественной и Второй мировой войны в целом. В связи с этим основной акцент сделан на анализе и оценке битв — Московской, Сталинградской, за Кавказ, Ленинград, Курской, за Днепр, победоносное завершение которых позволило не только кардинально изменить ход войны, но и обеспечить в последующий период полное освобождение оккупированной фашистской Германией советской территории и окончательный разгром Третьего рейха и его сателлитов. Учитывая проблемно-хронологический принцип, заложенный в концепции фундаментального многотомного труда, и принимая во внимание то, что вопросам стратегии отведен отдельный том, авторы сконцентрировали внимание на наиболее важных оперативно-стратегических и оперативно-тактических уроках исследуемых событий.

Победы на полях сражений были обеспечены не только героизмом и воинским мастерством бойцов и командиров Красной армии, партизан и подпольщиков, наносивших удары по врагу с тыла, но и напряженным трудом советского народа, а также усилиями советской дипломатии по обеспечению совместной с США, Великобританией и другими странами борьбы против нацистской Германии и ее сателлитов в рамках сложившейся в этот же период антигитлеровской коалиции.

Дата 30 сентября 1941 г. избрана в томе в качестве рубежа, от которого начинается повествование, потому что именно тогда военно-политическое руководство Германии начало операцию «Тайфун» по захвату Москвы и завершению молниеносной войны, тем самым обозначая новый этап противоборства на советско-германском фронте. Позади уже были три месяца войны, когда происходили кровопролитные приграничные сражения, сопровождавшиеся не только отступлением и жесткими поражениями Красной армии, но и ее первыми победами, приобретением советским командным составом ценнейшего боевого опыта: серьезные сбои дал немецкий план молниеносной войны, войска Красной армии отразили попытки вермахта с ходу взять Ленинград, а их активные действия, особенно в Смоленском сражении, заставили врага остановить наступление на Москву. Впервые во Второй мировой войне крупная немецкая группировка была вынуждена перейти к обороне. Героическое сопротивление оказывали агрессору войска на юго-западном направлении.

В этот же период произошли кардинальные, ключевые для дальнейшего хода, а также и исхода войны перемены в государственном и военном управлении СССР. Настойчивыми усилиями руководства страны Советский Союз становился единым военным лагерем. Активно шел процесс перестройки экономики на военный лад, осуществлялось широкомасштабное перебазирование на восток из западных районов, подвергшихся вражеской оккупации, предприятий промышленности и сельского хозяйства, учреждений науки и культуры. Навстречу эшелонам с техникой и эвакуируемым населением в сторону фронта каждый день двигались составы с маршевым пополнением, ежемесячно составлявшим не менее полумиллиона человек, боевой техникой и вооружением.

Героический и драматический ход Великой Отечественной войны показал, что подавляющая часть советского общества встала на защиту Родины и ее святынь.

Несмотря на захват большой территории европейской части СССР, фашистская Германия не смогла достичь главной цели: уничтожить войска приграничных военных округов, обеспечить себе беспрепятственное продвижение в глубь Советского Союза и одержать над ним победу.

Тем не менее положение, в котором оказался Советский Союз после первых трех месяцев войны, было крайне тяжелым. К середине сентября войска фашистского блока продвинулись в глубь нашей территории на 600–850 км. Противник блокировал с суши Ленинград, находился в 300 км от Москвы, захваченными оказались военно-морские базы Балтийского флота в Прибалтике. Велики были потери людские и боевой техники Красной армии.

Рассказывая о Московской битве — одной из поворотных в истории Великой Отечественной и всей Второй мировой войны, авторы стремились передать весь драматизм обстановки, когда в конце ноября — начале декабря 1941 г. боевые действия шли уже у окраин советской столицы. Приводится значительный исторический материал о действиях советского командования, когда наши войска, отразив два немецких наступления — в октябре и ноябре, все же остановили врага на подступах к Москве, что позволило в это же время накопить необходимые людские и материальные ресурсы для перехода Красной армии в контрнаступление. В ходе Московской наступательной операции был похоронен план гитлеровского блицкрига. Фашистский блок оказался перед фронтом антигитлеровской коалиции.

С началом 1942 г. Красная армия вела борьбу за стратегическую инициативу. Однако серьезные просчеты советского командования в оценке боевого потенциала вермахта и его союзников и переоценка собственных возможностей привели весной — летом к масштабным поражениям в районе Демянска, Харькова и в Крыму и прорыву немецких войск к Волге и Главному Кавказскому хребту. Центр противоборства сместился в район Сталинграда и в предгорья Кавказа.

В томе представлена масштабная картина борьбы советского народа и его армии в новых условиях. Фашистский блок уже значительно утратил наступательный потенциал, в то время как Советский Союз завершил перестройку всей жизни на военный лад и обрел важных союзников по антигитлеровской коалиции.

В такой обстановке советское командование решило в ходе зимней кампании 1942–1943 гг. осуществить масштабный переход от обороны к стратегическому наступлению. Он начался операцией «Уран» — успешным контрнаступлением советских войск под Сталинградом, ставшим важнейшим этапом борьбы за достижение перелома в войне и открывшим второй период Великой Отечественной войны. В томе не только подробно показаны действия объединений и соединений Красной армии, но и рост полководческого искусства советских военачальников, осуществивших столь масштабную операцию по окружению противника.

К осени 1942 г. обрушились мечты гитлеровцев о зловещем, сатанинском генеральном плане «Ост».

В контексте контрнаступления под Сталинградом и в тесной увязке с ним рассмотрены наступательные операции Красной армии на Среднем и Нижнем Дону, при освобождении Северного Кавказа. События подчас приобретали неоднозначный, а то и драматический для советских войск характер. Об этом подробно говорится в томе.

Особое внимание уделено двум битвам летне-осенней кампании 1943 г. — в районе Курской дуги и за Днепр, в ходе которых были закреплены обладание стратегической инициативой Красной армией, с одной стороны, и утрата наступательных возможностей вермахта — с другой. Раскрыты процесс освобождения Левобережной Украины, форсирование Днепра, наступление в Белоруссии и Правобережной Украине, освобождение Киева.

Показаны героизм защитников Ленинграда в условиях блокады, борьба за ее снятие. Фактором успеха были не только умелые действия войск Ленинградского и Волховского фронтов, сил Балтийского флота и Ладожской флотилии, но и исключительное мужество, стойкость и сила духа ленинградцев. Впервые во всемирной истории блокированный мегаполис выстоял, да еще и внес огромный вклад в разгром противника.

Наряду с успешными, победоносными операциями Красной армии в настоящем томе рассматриваются ход и исход ряда операций, не получивших в историографии сколько-нибудь подробного освещения из-за их незначительного или неудачного итога. Например, в комплексе обстоятельно рассмотрены Ржевско-Сычевские наступательные операции, операция «Марс». Раскрывая многие вопросы, авторы учитывали, что некоторые их взгляды носят дискуссионный характер, поэтому приводят имеющиеся альтернативные точки зрения.

Думается, что подход авторов, не скрывающих ни трудностей, ни неудач Красной армии, позволяет читателям судить о цене достигнутых советскими войсками побед и более объемно представить процесс совершенствования отечественного военного искусства. Этой теме в томе посвящена отдельная, специальная глава. Наряду с развитием стратегии, оперативного искусства и тактики исследуется вклад ВМФ, ВВС и ПВО в завоевание господства на морских коммуникациях и в воздухе, освоение ими новых способов ведения боевых действий. На основе анализа обширного документального материала сделан вывод о превосходстве, которое за два с половиной года войны Красная армия получила в области стратегии и оперативного искусства.

На основе анализа и обобщения большого фактического и статистического материала раскрыты характер и динамика борьбы за достижение перелома в Великой Отечественной войне. Он стал закономерным результатом не только военных, но также политических и экономических усилий Советского Союза, деятельности его народа и политического руководства; определенное позитивное влияние оказали союзнические действия со стороны партнеров СССР по антигитлеровской коалиции.

В этой связи рассмотрены проблемы формирования духовной и нравственной устойчивости советских людей на фронте и в тылу, патриотизма и уверенности в победе, обретения экономического превосходства СССР над фашистской Германией и ее союзниками. Раскрыт вклад в достижение побед над агрессором советскими партизанами и подпольщиками, действовавшими за линией фронта. В полный голос и весьма обоснованно говорится в томе о решающем вкладе именно СССР и его вооруженных сил в победу над вермахтом, об их определяющей роли в антигитлеровской коалиции, что не могли не признать участники Тегеранской конференции «большой тройки», в 1943 г.

Положения и выводы, содержащиеся в материалах тома, опираются на научную методологию и современную источниковую базу. Введены в оборот многие новые документы, выявленные в фондах Архива внешней политики МИД РФ, Российского государственного архива экономики, Центрального архива Министерства обороны РФ и других архивов Российской Федерации, а также в архивах Республики Беларусь и других иностранных государств.

Третий том подготовлен научными сотрудниками Военного учебно-научного центра Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооруженных сил Российской Федерации», Российской академии наук (РАН), Российской академии естественных наук, Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, Академии внешней разведки, Академии военных наук, Военного университета, Института всеобщей истории РАН, Института российской истории РАН, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Российского государственного социального

университета, Санкт-Петербургского государственного университета и других научных и образовательных учреждений.

Редакционная комиссия и авторский коллектив тома выражают благодарность сотрудникам Главного управления кадров Министерства обороны Российской Федерации (МО РФ), Главного организационно-мобилизационного управления, 8-го управления Генерального штаба ВС РФ, Главного управления по работе с личным составом ВС РФ, Военно-научного комитета ВС РФ, научного-исследовательского отдела (научного руководителя труда), Центрального музея ВС РФ, Архива Президента Российской Федерации, Архива внешней политики Российской Федерации, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива научно-технической документации, Российского государственного военного архива, Центрального архива МО РФ, Белорусского государственного архива кино-, фото- и фоно-документов, Комитета по культуре Санкт-Петербурга, Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя, Историко-краеведческого музея обороны Туапсе, Музейного историко-мемориального комплекса Героическим защитникам Севастополя «35-я береговая батарея» за предоставленные материалы, а также всем, кто оказал помощь в подготовке тома к печати.

ПРОВАЛ МОЛНИЕНОСНОГО ПОХОДА ПРОТИВ СССР

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА К ОСЕНИ 1941 г.

Международная обстановка

Международная обстановка осенью 1941 г. для Советского Союза постепенно менялась к лучшему. Дальнейшее расширение масштабов фашистской агрессии после нападения на Советский Союз коренным образом изменило расстановку сил на мировой арене. В результате не только многочисленные общественные организации, но и некоторые реалистически мыслящие деятели ведущих государств мира стали публично выступать за сотрудничество с Советским Союзом.

Однако на этом пути сохранялись серьезные трудности. В первую очередь, они были обусловлены несовместимостью социально-политических систем СССР и западных союзников, и это сразу проявилось в определении целей войны и послевоенного устройства мира. США и Великобритания стремились в мировой войне устранить Германию, Японию и Италию как наиболее опасных конкурентов и тем самым сохранить свое господство в колониальных и полуколониальных странах, распространив его, если удастся, на другие регионы мира.

Осень 1941 г. характеризовалась, с одной стороны, зондажем советского руководства серьезности намерений США и Великобритании по созданию антигитлеровской коалиции, а со стороны последних — способности Советского Союза противостоять фашистскому нашествию. Решение жизненно важного в тот период для СССР вопроса — о поставках СССР вооружения и военных материалов — затягивалось.

Необходимо признать, что осуществление помощи Советскому Союзу в тот момент было сопряжено для Англии с рядом объективных трудностей, прежде всего связанных с незавершенностью развертывания ее военной промышленности. Отправка вооружения и военных материалов задерживалась также и потому, что ряд английских руководителей не верил в способность Советского Союза успешно противостоять фашистской агрессии.

Впрочем, уже в этот период сотрудничество Великобритании и СССР дало первые конкретные результаты, основанные на взаимных интересах. По согласованию между двумя правительствами, советские и британские войска, вступив в августе — сентябре 1941 г. на территорию Ирана, предотвратили втягивание этой страны в орбиту немецко-фашистского блока. Вслед за этим в октябре СССР и Великобритания потребовали от правительства Афганистана прекратить прогерманскую деятельность различных группировок на своей территории. В ответ созванный 5 ноября королем Захир-Шахом высший законодательный орган страны Большая джирга одобрил политику строгого нейтралитета. Аналогичный демарш,

предпринятый ранее Великобританией и СССР по отношению к Турции, дал возможность нейтрализовать или, по меньшей мере, ослабить германское влияние в этой стране дипломатическими средствами[1].

Что касается отношений между СССР и США, то осенью 1941 г. они развивались в рамках экономического сотрудничества. В ходе американо-советских переговоров, завершившихся в сентябре 1941 г. в Вашингтоне, президент Ф. Рузвельт признал необходимым в срочном порядке удовлетворить советские заявки на поставки вооружения и различных материалов, в том числе и за счет помощи Англии, считая, что борьба СССР имела в тот момент «наибольшее значение для всех, с точки зрения успеха общего дела»[2]. Тем не менее конкретные решения в этом направлении принимались с трудом, в том числе из-за медленной перестройки американской экономики на военный лад. Анализ причин отставания американских оборонных мероприятий от все более масштабных задач военного времени был изложен в меморандуме руководства вооруженных сил США от 11 сентября 1941 г. На основе этого документа была разработана так называемая Программа победы, которая после официального принятия ускорила перестройку американской промышленности.

Затяжной характер приняли также переговоры с США о предоставлении Советскому Союзу запрошенного ранее кредита. Поворотным моментом стал визит в Москву личного представителя и одного из ближайших советников президента США Г. Гопкинса, целью которого являлось выяснение целесообразности материальной помощи СССР в условиях, когда немцы находились на подступах к Москве[3]. Составив благоприятное впечатление о решимости советского руководства продолжать бескомпромиссную борьбу с немецко-фашистскими захватчиками, Г. Гопкинс тем не менее дал ясно понять советскому руководству, что ни американское, ни английское правительства не захотят посылать тяжелое вооружение на советско-германский фронт до тех пор, пока не состоится совещание представителей трех правительств для изучения стратегических интересов каждого фронта мировой войны, каждой страны[4].

Конференция представителей СССР, Великобритании и США по вопросу о военных поставках Советскому Союзу прошла в Москве с 29 сентября по 1 октября 1941 г. Советскую делегацию возглавлял нарком иностранных дел Молотов, английскую — министр снабжения лорд У. Бивербрук, американскую — А. Гарриман, в работе конференции принимал участие И. В. Сталин.

Опубликованные в последние годы документы характеризуют напряженную обстановку, царившую на конференции в ситуации, когда немецкие войска приближались к Москве. Положительное влияние на зарубежных участников конференции оказал тот факт, что, несмотря на нахождение Москвы в прифронтовой полосе, ощутимого ущерба немецкие бомбардировщики ей не нанесли благодаря многоярусной системе противовоздушной обороны столицы, созданной еще в июле — августе. Кроме того, «всех иностранных представителей, которые оказывались в Москве, поражала атмосфера спокойствия, выдержанности и четкой дисциплины»[5].

Переговорные позиции зарубежных делегаций были выработаны еще заблаговременно до приезда в Москву. В указаниях У. Черчилля У. Бивербруку предписывалось «всячески поддерживать решимость России продолжать сопротивление». В отношении же возможных поставок в Лондоне считали полезным «не скупиться на обещания», особенно на более отдаленное будущее. Подобная позиция происходила из того, что положение России было настолько отчаянным, а значение для Великобритании ее сопротивления «столь велико, что стало необходимым как-то ободрить ее»[6].

Американское правительство, готовясь к конференции, исходило из неизбежности войны между Соединенными Штатами и Германией. В этих условиях оно считало выгодным для США поставлять СССР военные материалы, с тем чтобы советские войска как можно дольше перемалывали военную силу Германии. Это был сугубо прагматичный подход. Жизненные интересы США, как заявил глава американской делегации в начале работы конференции, были связаны с исходом боев на советско-германском фронте[7]. «Если бы Советский Союз

не смог удержать свой фронт, — подчеркивал Э. Стеттиниус, — у немцев создалась бы возможность захвата Великобритании. Они могли бы также захватить Африку, и в этом случае им удалось бы создать свой плацдарм в Латинской Америке»[8].

В ходе конференции делегации Англии и США смогли убедиться в решимости СССР продолжать войну против Германии до полной победы[9]. На конференции И. В. Сталин представил обстоятельный обзор положения на советско-германском фронте. Он отметил, что положение Красной армии осложняется превосходством германских войск в количестве самолетов и особенно танков, без которых немецкая пехота по сравнению с русской слаба. Переходя к вопросу о поставках, глава советского правительства сообщил, что больше всего СССР нуждается в танках, но ему нужны также противотанковые орудия, средние бомбардировщики, истребители и разведывательные самолеты, зенитные орудия, броня, колючая проволока и некоторые другие материалы. Советская сторона представила «программу заявок» на период с октября 1941 г. по июнь 1942 г. А. Гарриман признал затребованное Советским Союзом количество поставок «умеренным». Советские представители предложили по итогам конференции подписать официальный протокол о поставках. Однако выяснилось, что Гарриман и Бивербрук не уполномочены на принятие официальных обязательств и не имеют права подписи от имени американского и британского правительств.

Таким образом, протокол конференции, принятый 1 октября 1941 г., ограничился указанием, что конференция «пришла к единодушному решению о снабжении Советского Союза Великобританией и Соединенными Штатами Америки, каковое снабжение будет разрешено к поставке в производственных центрах Великобритании и США начиная с октября 1941 года до конца июня 1942 года». Американская и британская стороны не обязались доставлять соответствующие грузы, но договорились способствовать СССР в их доставке[10]. В конце протокола содержалась оговорка о том, что «в случае изменений в военном положении и перенесения тяжести обороны на другие театры военных действий заинтересованные три государства посовещаются между собой и решат относительно внесения необходимых поправок в настоящее соглашение». Советское правительство, со своей стороны, заявило о готовности, так сказать, обратного ленд-лиза, то есть осуществлять ответные поставки различных товаров и материалов, в которых нуждалась американская экономика. Выступая на закрытии конференции, Гарриман от имени американского и английского правительств заявил, что Советский Союз уже начал крупные поставки в их страны сырьевых материалов, которые помогут производству вооружения[11]. Протокол конференции, несмотря на расплывчатый характер ряда формулировок, стал первым соглашением трех держав о реальном сотрудничестве.

По итогам работы Московской конференции помимо основного был подписан секретный протокол о снабжении Советского Союза Англией и США начиная с октября 1941 г. до конца июня 1942 г.[12] США и Англия обязались поставлять Советскому Союзу в течение этого периода ежемесячно 400 самолетов, 500 танков, зенитные и противотанковые орудия, разведывательные автомобили, алюминий, олово, свинец, никель, молибден, броневые листы для танков и другие виды вооружения и военных материалов. Это был не безвозмездный дар — всем получателям помощи по ленд-лизу США передавали военные материалы и оружие на условиях долгосрочного кредита.

Закупка Советским Союзом военных материалов в США, однако, осложнялась тем, что не была полностью урегулирована финансовая сторона вопроса. Первоначально СССР осуществлял закупки за счет своих вкладов в американских банках. Затем советское правительство стало оплачивать поставки золотом. Между тем другим странам, участвовавшим в вооруженной борьбе против фашистских агрессоров, США поставляли военные материалы в кредит на основании закона от 11 марта 1941 г. о ленд-лизе. Закон предусматривал передачу взаймы или в аренду военных и других материалов любой стране, если ее «оборона против агрессии жизненно важна для обороны Соединенных Штатов». Советское правительство добивалось, чтобы подобные условия были распространены и на СССР. Немаловажную роль сыграла позиция А. Гарримана. 10 октября палата представителей конгресса США одо-

брила законопроект об ассигнованиях на поставки другим странам, по которому ленд-лиз мог быть распространен и на СССР. Согласно Московскому протоколу, урезанному в США с 340 млн до 270 млн долларов, поставки в СССР должны были осуществляться на уровне 30 млн долларов в месяц. Однако в октябре — декабре 1941 г., по признанию официального американского издания, они «упали значительно ниже того количества, которое Соединенные Штаты согласились поставить»[13].

30 октября США приняли решение о предоставлении Советскому Союзу беспроцентного займа в 1 млрд долларов для финансирования поставок. 7 ноября действие закона о предоставлении взаймы или в аренду оружия и военных материалов (ленд-лиз) в отношении СССР вступило в силу. Приняло решение о поставках Советскому Союзу на основе ленд-лиза и британское правительство. В своем послании Ф. Рузвельту И. В. Сталин после слов благодарности подтвердил готовность советского правительства поставлять США те товары и сырье, которые имеются в его распоряжении и в которых могут нуждаться Соединенные Штаты[14].

Укрепляя отношения прежде всего с Великобританией и США, советское правительство не упускало из виду необходимость развития всестороннего сотрудничества с другими странами, провозгласившими своей целью борьбу против фашистской Германии, в том числе с эмигрантскими правительствами оккупированных стран Европы, находившимися в Лондоне. В результате советско-французских переговоров, состоявшихся в Лондоне в конце сентября 1941 г., правительство СССР официально признало Национальный комитет «Свободная Франция» и выразило готовность оказать французам «всестороннюю помощь и содействие в общей борьбе с гитлеровской Германией и ее союзниками». Оно подчеркнуло твердую решимость после достижения победы над врагом «обеспечить полное восстановление независимости и величия Франции»[15]. Дипломатические отношения были установлены также с эмигрантскими правительствами Норвегии и Бельгии[16]. В целом к началу октября 1941 г. основы антигитлеровской коалиции были заложены. Успехи дипломатии СССР на международной арене оказались возможны прежде всего благодаря стойкому сопротивлению Красной армии.

Особое значение для Советского Союза в этот тяжелейший для него период имел основополагающий вопрос сотрудничества в рамках антигитлеровской коалиции — открытие второго фронта. Впервые предложение об открытии второго фронта прозвучало в послании И. В. Сталина У. Черчиллю 18 июля 1941 г., где констатировалось: «Военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика). Фронт на севере Франции не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию... Его следовало бы создать не только ради нашего общего дела, но и ради интересов самой Англии. Легче всего создать такой фронт именно теперь, когда силы Гитлера отвлечены на Восток и когда Гитлер еще не успел закрепить за собой занятые на Востоке позиции»[17]. Однако американское и английское правительства придерживались иной точки зрения по этому вопросу.

Осознав осенью 1941 г., что немецкая армия надолго увязла на советско-германском фронте, У. Черчилль пришел к выводу, что возникли благоприятные перспективы для реализации принципов так называемой «периферийной стратегии». Сущность этой стратегии заключалась в том, чтобы Советский Союз продолжал нести главное бремя войны с фашистской Германией, благодаря чему основные усилия Великобритании и США могли быть направлены на защиту жизненно важных для них территорий, прежде всего Средиземноморья, Ближнего и Среднего Востока. Обосновывая эту концепцию, английский премьер-министр У. Черчилль в последующем утверждал, что концентрация военных усилий союзных армий на периферии позволила бы создать вокруг Германии кольцо окружения, сужение которого поставило бы нацистский режим в безвыходное положение. Замыкание, стягивание кольца вокруг Германии намечалось по линии Архангельск — Черное море — северное побережье Средиземного моря — западное побережье Европы. В этом гигантском периметре наиболее

слабым звеном, по мнению англичан, являлось североафриканское побережье, где они и предлагали предпринять в 1942 г. наступательную операцию[18].

У. Черчилль следующим образом определил ближайшие задачи союзников: «Военная кампания 1942 года на Западе должна включать в себя такие основные моменты, как оккупация англо-американскими войсками всех французских владений в Северной и Западной Африке, а также установление Великобританией своего контроля над всем североафриканским побережьем — от Туниса до Египта, что обеспечит, если позволит обстановка на море, свободное судоходство по Средиземному морю в страны Леванта[19] и к Суэцкому каналу»[20]. Что касается содействия Советскому Союзу в его единоборстве с фашистской Германией, то, по мнению Черчилля, «ни Великобритания, ни Соединенные Штаты не должны принимать никакого участия в этих событиях, за исключением того, что мы обязаны с пунктуальной точностью обеспечить все поставки снабжения, которые мы обещали»[21].

Руководствуясь этой принципиальной установкой, Лондон соответствующим образом выстраивал союзнические отношения с Советским Союзом. В ряде бесед, состоявшихся осенью 1941 г. с советским послом в Лондоне И. М. Майским, У. Черчилль подтвердил, что открытие второго фронта на Западе в данный момент не считает возможным. Он выразил сомнение и в открытии такого фронта весной 1942 г., если только за зиму не обнаружится, что Германия близка к внутреннему краху[22].

Между тем германское руководство, пользуясь отсутствием второго фронта в Западной Европе, продолжало перебрасывать против Красной армии свежие дивизии. В послании английскому премьер-министру от 3 сентября 1941 г. глава советского правительства снова поставил вопрос об открытии второго фронта. Оно было вновь отвергнуто Черчиллем[23]. В военном кабинете только один министр — Бивербрук подверг критике выжидательную позицию, занятую британским кабинетом по отношению к Советскому Союзу, однако на заседании Комитета обороны 20 октября 1941 г. У. Черчилль продолжал настаивать, что ощутимые результаты могут быть достигнуты только в районе Средиземного моря[24].

В начале декабря на советско-германском фронте наметились крупные военно-политические изменения. После пятимесячной ожесточенной обороны Красная армия перешла наконец в стратегическое контрнаступление. Это означало провал гитлеровской стратегии блицкрига.

Почти одновременно с контрнаступлением советских войск, 7 декабря японская авиация осуществила внезапное нападение на американский флот, базирующийся в Пёрл-Харборе (Гавайи)[25]. Вооруженные силы Японии атаковали также острова Гуам, Уэйк, Мидуэй и предприняли широкое наступление в Юго-Восточной Азии. На следующий день японская авиация подвергла бомбардировке американские аэродромы и военно-морскую базу Кавите на острове Лусон, уничтожив там половину тяжелых бомбардировщиков и более трети истребителей. 10 декабря передовые части японской 14-й армии высадились на Лусоне. Американо-филиппинские сухопутные войска, понеся потери, начали отступление. В ночь на 8 декабря японские десантные части под прикрытием авиации высадились в Британской Малайе. С территории Индокитая японцы вторглись также в Таиланд. 10 декабря японские самолеты атаковали и потопили британские линкор и крейсер. Сухопутные силы англичан в этом географическом районе остались без прикрытия и поддержки с моря[26].

В Вашингтоне не ожидали подобного развития событий. Долгое время руководители США исходили в своих внешнеполитических расчетах из реальной возможности военного столкновения Японии с СССР, не исключая в качестве альтернативы вероятности японского нападения на британские владения. Рузвельт неоднократно говорил Гопкинсу, что японцы постараются избежать вооруженного конфликта с США, воздержатся от прямого нападения на Филиппины и тем более на Гавайи. Их целью явятся британские, французские и голландские колониальные владения в Юго-Восточной Азии. При благоприятном для них стечении обстоятельств они могут напасть на Россию, но только не на США[27]. Японская атака на Пёрл-Харбор опрокинула эти предположения. США не оставалось ничего иного, кроме

как объявить войну Японии. 8 декабря 1941 г. Рузвельт на заседании обеих палат конгресса в этом решении получил единодушную поддержку.

С нападением Японии на Гавайи и страны Юго-Восточной Азии в орбиту военных действий оказались втянуты десятки государств. Вслед за США войну Японии объявили Великобритания и ее доминионы, Китай, большинство стран Латинской Америки. Германия и Италия, в свою очередь, 11 декабря декларировали состояние войны с США, которые в тот же день вступили в войну с этими странами оси. Конфликт принял глобальный характер.

Вступление США в войну могло негативно сказаться на оговоренном ранее объеме американских поставок военной техники и материалов в Советский Союз[28]. Однако в связи с тихоокеанской войной отношения с Советским Союзом приобрели особое значение для США. 11 декабря государственный секретарь К. Хэлл при встрече с послом СССР в США М. М. Литвиновым, прибывшим накануне в Вашингтон, поставил вопрос о желательности использования советских аэродромов на Дальнем Востоке[29]. Советское правительство, не заинтересованное в обострении советско-японских отношений, отклонило это предложение.

Активизировала дипломатические контакты с СССР и Великобритания. 12 декабря в Мурманск на крейсере «Кент» во главе официальной делегации прибыл министр иностранных дел Великобритании А. Иден, в тот же день поездом выехавший в Москву. Его сопровождал посол СССР в Великобритании И. М. Майский. Как вскоре выяснилось, цели визита А. Идена были далеки от оказания реальной военной помощи СССР в борьбе с фашизмом. Еще из Мурманска он направил телеграмму У. Черчиллю следующего содержания: «Согласен, что в сложившейся обстановке мы ничего не сможем предложить русским, за исключением уже обещанных поставок. Я сделаю все возможное, чтобы произвести на Сталина впечатление значимостью наших операций в Ливии и нашей решимостью их продолжать. Необходимость обеспечения пути через Средиземное море возросла вследствие превосходства японских сил на Тихом океане и потенциальной угрозы Индийскому океану. Аргументы в пользу ослабления нашего воздушного наступления во Франции теперь приобретают новую силу. Если Вы решите воздержаться от предварительно согласованной посылки эскадрильи английских самолетов из Ливии (на советско-германский фронт. — *Прим. ред.*) с тем, чтобы обеспечить поддержку в Ливии и на Дальнем Востоке, я уверен, что Сталин отнесется к этому с пониманием»[30].

Однако во время беседы с А. Иденом И. В. Сталин поднял вопрос о непосредственном участии Англии в войне против фашистской Германии, например об отправке британских войск на советско-германский фронт. А. Иден после консультации с У. Черчиллем ограничился предложением направить британские войска на Кавказ для «охраны нефтяных районов», а также в северную часть Ирана, с тем чтобы находившиеся там советские войска, как и советские гарнизоны, высвободившиеся на Кавказе, могли быть использованы в действующей армии на советско-германском фронте. Более всего Идена в ходе переговоров (как, впрочем, и американцев) интересовала позиция советского правительства относительно перспективы вступления в войну на Дальнем Востоке. Советское руководство, исходя из реалий тяжелой военно-стратегической обстановки на советско-германском фронте и не собираясь втягиваться в войну на два фронта, подтвердило свою заинтересованность в том, чтобы это произошло как можно позже. Относительно послевоенных вопросов И. В. Сталин предложил проекты двух советско-английских договоров — о военной взаимопомощи и о разрешении послевоенных проблем, включая характер и форму репараций от стран фашистского блока. Однако каких-либо официальных договоренностей на этот счет принято в тот момент не было.

В отличие от Советского Союза, союзнические отношения США и Великобритании после событий 7 декабря развивались энергично. Направив А. Идена в Москву, сам У. Черчилль 12 декабря 1941 г. во главе представительной делегации прибыл в Вашингтон для выработки совместного англо-американского стратегического плана ведения войны. Работа конференции заняла беспрецедентно долгий период — она длилась с 22 декабря 1941 г. по 14 января 1942 г. В ходе нее был рассмотрен и фактически одобрен подробный вариант бри-

танской стратегии затяжной периферийной войны, косвенно предполагающей дальнейшее ослабление Советского государства в процессе его единоборства с фашистским блоком, что, как следствие, создало бы условия для последующего мирового господства Великобритании в союзе с США[31].

Черчилль опасался сценария, при котором США, после нападения Японии, могли сосредоточить главные военные усилия на Тихоокеанском театре военных действий. Поэтому британская дипломатия в вашингтонских переговорах ставила задачу не допустить пересмотра заранее согласованных с США стратегических планов, предусматривающих разгром сначала Германии, а потом Японии. На конференции был подтвержден принцип: сначала Европа, затем Тихий океан.

Руководствуясь этим принципом, американцы, не оспаривая в целом идею окружения Германии на периферии, считали стратегически более целесообразным сосредоточить силы на Британских островах и развернуть наступление в Западной Европе. Накануне военное министерство США изучило вопрос о высадке десанта в Северной Африке и пришло к выводу о крайне невыгодных условиях для этой операции (небольшое число портов, слабо развитая сеть коммуникаций — железных и шоссейных дорог). И главное — операция в Северной Африке была отдалена от Германии, «дорога и бесполезна», к тому же лишь «косвенно содействовала бы делу разгрома нацистов»[32]. Американские военные пришли к выводу, что предложения англичан исходят из политических, а не военно-стратегических соображений. Но Рузвельт после переговоров с Черчиллем проигнорировал мнение военных и поддержал предложение последнего[33].

На англо-американской конференции было решено сосредоточить усилия на том, чтобы сдержать натиск японцев, обеспечить безопасность Австралии, Новой Зеландии и Индии, оказать помощь Китаю. По предложению американской стороны было создано объединенное командование вооруженными силами союзников в юго-западной части Тихого океана и на юго-востоке Азии, которое возглавил английский адмирал Уэйвелл. Для разработки планов ведения войны, координации и согласования операций был создан Объединенный комитет начальников штабов США и Англии с местонахождением в Вашингтоне. Были образованы также Совет по распределению вооружения и ряд других объединенных советов.

Таким образом, конференция глав правительств США и Великобритании, на которой были одобрены основы совместной стратегии войны, стала серьезным этапом на пути развития американо-английских союзнических отношений.

Еще одним важным документом, разработанным по инициативе президента США и утвержденным на конференции, явилась Декларация Объединенных Наций. 1 января 1942 г. ее подписали 26 государств. Правительства СССР, США, Великобритании и других стран, поставивших свою подпись, обязывались употребить все ресурсы, военные и экономические, против членов Тройственного пакта и присоединившихся к нему государств. Страны — участницы Декларации торжественно провозгласили свое намерение сотрудничать друг с другом и не заключать перемирия или мира с общими врагами[34]. Декларация имела большое значение в укреплении союза государств и народов.

В целом события осени — начала зимы 1941 г. привели к изменению всей международной обстановки. Германская армия, на протяжении двух с лишним лет владевшая наступательной инициативой на Западе и Востоке, была остановлена советскими войсками и под их ударами перешла к обороне. Крушение расчетов на молниеносную победу поставило руководителей Третьего рейха перед перспективой не только изнурительной затяжной борьбы с Советским Союзом, но и войны на два фронта. Наиболее дальновидные представители правящей верхушки Германии осознали бесперспективность дальнейшей борьбы. 29 ноября министр вооружения и боеприпасов Ф. Тодт рекомендовал Гитлеру принять решение о прекращении войны с Советским Союзом, поскольку «в военном и экономическом отношении война Германией уже проиграна»[35].

Крушение политических и стратегических расчетов отразилось не только на внутреннем положении Германии, но и ее внешнеполитических позициях. Япония — азиатский

партнер Третьего рейха — в декабре 1941 г. отказалась от планов нападения на Советский Союз и перенесла основные усилия на осуществление «южного варианта агрессии», который предусматривал захват колониальных владений западных держав в районе Южных морей и в Юго-Восточной Азии.

Осложнились взаимоотношения Германии с ее главным европейским союзником — Италией. Итальянские правящие круги обвиняли германское руководство в том, что оно, преследуя корыстные цели в войне с СССР, ослабило борьбу с Великобританией в бассейне Средиземного моря. Германия, оказав Италии незначительную помощь, потребовала, в свою очередь, от Муссолини более активного участия в военных действиях против Советского Союза. Было подорвано доверие к Германии и других европейских сателлитов Третьего рейха.

Большие изменения в международную обстановку внесла развязанная Японией агрессия против США, Великобритании и Голландии. Бои и сражения на необъятных пространствах Тихого океана, в районе Южных морей и в Юго-Восточной Азии вовлекли в орбиту войны новые миллионы людей. Вступление в войну крупнейшей капиталистической державы — США и других стран не только значительно расширило пространственный размах Второй мировой войны, но и привело к изменению общего соотношения сил в пользу государств антигитлеровской коалиции.

Вместе с тем ряд кардинальных вопросов коалиционной политики и стратегии к этому времени так и не был решен. Неодинаковый подход СССР и капиталистических государств к определению конечных целей войны и послевоенному устройству мира создавал немало трудностей в решении главной задачи — быстрейшего разгрома фашистского блока. Одним из препятствий, мешавших более тесному сближению СССР с США и Великобританией, являлось отсутствие между ними военно-политического договора о целях войны, способах их достижения и послевоенном устройстве мира. Английское правительство стремилось избежать каких-либо конкретных военных обязательств перед СССР.

Несмотря на то что по ряду принципиальных вопросов позиция США мало чем отличалась от политики Великобритании, Ф. Рузвельт ранее других понял, что отсутствие конкретных договоров между союзными государствами препятствует объединению их экономических и военных усилий. В послании И. В. Сталину, полученном в Москве 16 декабря 1941 г., он писал: «По моему мнению, крайне важно предпринять немедленно шаги с целью подготовки почвы для совместных действий не только на ближайшие недели, но также для окончательного поражения гитлеризма»[36].

Это было разумным предложением. Военные возможности прогитлеровских государств оставались еще весьма значительными. Предстояла трудная борьба с вооруженными силами фашистского блока. Противоборствующие стороны прилагали все усилия к дальнейшей мобилизации людских и материальных ресурсов для успешного ведения войны.

Военно-экономическое положение СССР и Германии

Ущерб, причиненный захватчиками советской экономике в первые три месяца, был огромен. Враг вторгся на обширную территорию европейской части СССР, поставив под угрозу районы, где проживали 40% населения страны, были расположены 31 850 промышленных предприятий, из них 37 заводов черной металлургии, 749 заводов тяжелого и среднего машиностроения, 169 заводов сельскохозяйственного, химического, деревообрабатывающего и бумагоделательного машиностроения, 1135 шахт, свыше 3000 нефтяных скважин, 61 крупная электростанция, сотни текстильных, пищевых и других предприятий[37]. Были утрачены или оказались под угрозой захвата сотни предприятий оборонной промышленности, например ведущие танкостроительные заводы в Харькове и Ленинграде, в результате чего резко сократилось производство танков, в которых фронт и без того испытывал острую нужду.

Советское руководство продолжало решать неотложные задачи, касающиеся эвакуации предприятий и перестройки экономики на военный лад. Громадные размеры развернувшегося театра военных действий, массированные удары с воздуха, артиллерийские обстрелы, превращение многих городов и сел в арену ожесточенных сражений — все это создало исключительные сложности для перестройки экономики. Валовая продукция промышленности СССР с июня по ноябрь 1941 г. в целом сократилось в 2,1 раза. В последние два месяца 1941 г. уровень производства почти всех отраслей промышленности был самым низким за весь период Великой Отечественной войны.

Первоочередной задачей являлось завершение организованного перебазирования основных производительных сил из угрожаемых районов страны на восток. От темпов перемещения населения и производственных ресурсов с запада на восток в решающей степени зависели развертывание оборонного производства, восполнение огромных потерь вооружения и боевой техники в действующей армии, фактически сам исход войны.

Несмотря на чрезвычайные трудности, перемещение производительных сил в тыловые районы страны в этот период в основном прошло в соответствии с намеченными сроками. Из прифронтовой зоны в течение второго полугодия 1941 г. на восток только по железным дорогам, согласно сводкам Народного комиссариата путей сообщения (НКПС), было вывезено 2593 промышленных предприятия[38]. Всего по железным дорогам было перевезено 1,5 млн эвакуационных грузов. Эти данные не являются исчерпывающими. Значительную часть перевезенных на восток промышленных объектов составляли нигде не учтенные так называемые бездокументные грузы, то есть спасенные от врага в последний момент. Эвакуированные заводы и предприятия стали основой для создания на востоке новой военно-промышленной базы страны, где в относительно безопасных условиях могло коваться оружие будущей Победы.

Одновременно была осуществлена масштабная операция по спасению от врага оставшихся ресурсов сельского хозяйства. Колхозы и совхозы восточных районов страны приняли во втором полугодии 1941 г. свыше 2 млн 390 тыс. голов скота, перемещенного из прифронтовой полосы[39].

Что касается итогов эвакуации людских ресурсов СССР, согласно результатам изучения данных переписи эваконаселения от 1 февраля 1942 г., а также ряда других источников, из угрожаемой зоны удалось переместить на восток различными видами транспорта в 1941–1942 гг. около 17 млн человек. По мнению бывшего генерала вермахта и военного историка К. Типпельскирха, «все население, способное носить оружие, удалось своевременно эвакуировать»[40]. Это стало полной неожиданностью для руководства Третьего рейха, недооценившего мобилизационные возможности Советского Союза.

В сложном процессе перестройки народного хозяйства на военный лад особое внимание, естественно, уделялось оборонной промышленности, от которой зависели бесперебойные поставки на фронт боевой техники, вооружения, боеприпасов, снаряжения. Вопрос стоял не просто о налаживании производства на эвакуированных заводах на Волге, Урале и в Сибири, а о массовом производстве современных, постоянно совершенствуемых, отвечающих требованиям современного боя различных видов вооружения и военной техники. Решение столь сложной задачи требовало, в свою очередь, увеличения производства черных и цветных металлов, химической продукции, сырья и электроэнергии, изменения технологии производства, предельной интенсификации и технического усовершенствования производственных процессов[41].

Беспримерная масштабность задачи потребовала усилить организационный централизм в управлении хозяйственной жизнью страны. Роль Совнаркома СССР как органа государственного руководства хозяйством в военное время резко возросла. Перестраивалась также работа Госплана СССР — вся система планирования и снабжения хозяйства. В Госплане были созданы отделы вооружения, боеприпасов, судостроения, авиастроения и танкостроения. В наиболее важные экономические районы страны были направлены его представители для оперативной связи с производством. С целью повышения оперативности хозяйственного

планирования Госплан ввел краткосрочные планы — графики производства (от одного до трех месяцев), а также планы — задания для всех отраслей оборонной промышленности и транспорта.

Быстрое восстановление перемещенных в восточные районы заводов стало возможным благодаря не только умелому руководству, но и трудовому подвигу рядовых строителей и инженерно-технического персонала, их творческой смекалке, смелым техническим решениям. Строить приходилось в неимоверно тяжелых условиях, возведение цехов и монтаж оборудования зачастую проходили одновременно, работы не прекращались ни днем, ни ночью. Под открытым небом, в непогоду, проливные дожди, лютые сибирские и уральские морозы, при ледяном пронизывающем ветре люди рыли котлованы, строили железные дороги, разгружали поезда, монтировали оборудование[42]. Преодолевая многочисленные, не поддающиеся пониманию трудности и лишения, рабочие эвакуированных предприятий в рекордно короткие сроки вводили в строй поступавшее промышленное оборудование. К концу 1941 г. на востоке страны уже действовали многие перемещенные заводы и фабрики. Так, Краматорский завод начал давать продукцию уже через 12 дней после прибытия на новое место. Эвакуация Харьковского тракторного завода завершилась 19 октября 1941 г., а 8 декабря первые 25 танков Т-34, собранных на уральской земле из привезенных агрегатов, были отправлены на фронт. На Магнитогорском комбинате за несколько месяцев была сооружена крупнейшая в Европе доменная печь № 5 мощностью 1400 тонн чугуна в сутки[43]. А. Верт, корреспондент Би-би-си и газеты «Санди таймс» в Советском Союзе, непосредственный очевидец этих событий, следующим образом оценил происходящее: «Повесть о том, как целые предприятия и миллионы людей были вывезены на восток, как эти предприятия были в кратчайший срок и в неслыханно трудных условиях восстановлены и как им удалось в огромной степени увеличить производство в течение 1942 года — это, прежде всего, повесть о невероятной человеческой стойкости»[44].

Сложные задачи встали перед металлургами востока. Они должны были не только значительно увеличить выпуск металла, но и в кратчайшие сроки освоить выпуск новых марок чугуна, стали, броневого проката. До войны удельный вес качественных сталей в металлургии восточных районов был невысок. Из-за отсутствия на Урале необходимых прокатных станов впервые в истории мировой и отечественной металлургии для этой цели был приспособлен блюминг[45]. Созданная металлургическая база в целом смогла удовлетворить растущие потребности военного производства, особенно в качественном металле и прокате.

Растущая военно-промышленная база все больше нуждалась в топливе. Особенно велика была потребность в угле. Донбасс к тому времени почти полностью находился в руках противника. Под угрозой прекращения работы из-за отсутствия топлива оказались некоторые крупные тепловые электростанции, в том числе московские. На помощь пришли шахты Урала, Караганды и Кузбасса, ставшие основными поставщиками угля. Немалую роль в снабжении топливом северных и северо-западных районов страны сыграл Печорский бассейн.

Первоначально серьезной проблемой для советской военной экономики стало сокращение общей добычи нефти, которая в декабре составила лишь 65,8% (от уровня июня 1941 г.). Масштабное капитальное строительство было запланировано в районах нефтедобычи Второго Баку, в Казахстане и Средней Азии. Наряду с этим ГКО была поставлена задача форсировать сооружение новых и расширение ряда действовавших нефтеперерабатывающих установок и заводов в Уфе, Саратове, Сызрани, Орске, Ишимбае и других местах. В результате нефтяная промышленность со своей задачей зимой 1941—1942 гг. в основном справилась. Не менее сложным делом явилось увеличение энергетических мощностей. Решение этой задачи почти целиком зависело от нового строительства, прежде всего в тех районах, где располагалась военная промышленность страны. Энергетические мощности наращивались на Урале, в Кузбассе и республиках Средней Азии.

В исключительно трудных и сложных условиях протекала перестройка сельского хозяйства. Наиболее трудоспособная и квалифицированная часть мужского населения села ушла на фронт. К концу 1941 г. число мужчин в колхозах тыловых районов уменьшилось почти

на 3 млн человек. Почти вдвое сократилось количество колхозов, совхозов и МТС. Валовой сбор зерна снизился с 95,6 млн тонн в 1940 г. до 55,9 млн тонн в 1941 г., резко уменьшилось поголовье скота[46]. Главной силой колхозно-совхозного производства в годы войны стали женщины и подростки. Как и в промышленности, они, заменяя ушедших на фронт, с успехом осваивали мужские профессии — трактористов, комбайнеров, механизаторов, пахарей и т. д.

Перевод экономики на рельсы войны был теснейшим образом связан с транспортом, особенно железнодорожным. Недостаточная пропускная способность восточных железных дорог страны, особенно ощущавшаяся осенью — зимой 1941 г., затрудняла хозяйственные перевозки, ряд крупных предприятий не получил нужного количества сырья и топлива[47]. На железных дорогах не хватало паровозов и топлива. Была разработана обширная программа по строительству транспортных магистралей, особенно железнодорожных, прежде всего по увеличению пропускной способности железнодорожных магистралей Поволжья, Урала, Сибири, восстановлению коммуникаций[48]. Благодаря принятым мерам и самоотверженному труду железнодорожников в начале 1942 г. удалось увеличить перевозки для армии и народного хозяйства, заметно снизился простой вагонов.

В связи с особой важностью производства танков в сентябре 1941 г. был образован Наркомат танковой промышленности во главе с В. А. Малышевым. Танкостроительная промышленность во втором полугодии 1941 г. получила задание значительно увеличить выпуск танков КВ и Т-34. Однако вынужденное перебазирование предприятий танкостроительной промышленности тормозило темпы развертывания производства боевых машин; во втором полугодии план удалось выполнить лишь на 61,7%. Особенно заметно снизилось производство танков Т-34; если в III квартале был выпущен 1121 танк, то в IV — только 765. Первоначальное падение производства танков наряду с острой потребностью Красной армии в боевых машинах вынудило советское руководство прекратить, насколько возможно, разработку новых типов танков ради максимального увеличения производства существующих образцов. С этой же целью был разработан и внедрен упрощенный дизайн корпуса танка Т-34, а также технология более легких в производстве литых танковых башен.

Производство танков КВ, в отличие от Т-34, оставалось примерно на том же уровне до конца года: в III квартале было выпущено 492 танка, а в IV — 441. Одновременно было налажено массовое производство легких танков Т-60, вооруженных 20-мм пушкой, предназначенных для поддержки боевых действий пехоты. До конца года их было выпущено 1830, что составило 38% общего выпуска танков за второе полугодие[49].

Серьезной проблемой парка боевой техники Красной армии в этот период — как, впрочем, и на протяжении всей войны — было недостаточное количество бронеавтомобилей и бронетранспортеров. Стоявшие на вооружении бронеавтомобили БА-10 и БА-20 оказались неэффективными, в результате чего в конце 1941 г. производство этих машин было прекращено. Последующие попытки запустить в производство современные бронеавтомобили оказались неудачными. Отсутствие бронетранспортеров лишило командование Красной армии возможности формировать мобильные танково-пехотные группы, которые столь эффективно использовал вермахт. Красноармейцам, сопровождавшим в бою танковые подразделения, чаще всего приходилось это делать на броне боевых машин.

Немалые трудности вызывал огромный дефицит автомобильного транспорта. В Красной армии отсутствовал грузовик, отвечавший требованиям боевой обстановки. Производившиеся на советских заводах грузовики ГАЗ и ЗИС в трудных условиях эксплуатации часто выходили из строя. Их количество далеко не полностью удовлетворяло потребности Красной армии. Мобилизация гражданского автотранспорта смогла лишь частично компенсировать снижение производства автомашин.

Не меньшую нужду фронт испытывал и в самолетах, прежде всего новых типов. Потери в самолетном парке Красной армии за три месяца боев были огромны. По некоторым данным, ВВС фронтов и дальняя бомбардировочная авиация к 30 сентября 1941 г. потеряли 8166 самолетов[50]. Восполнить потери было крайне сложно. Проблема заключалась в том, что большая часть агрегатных заводов самолетостроения осталась на территории, захва-

ченной вражескими войсками. Восстановление авиационной промышленности требовало развертывания нового крупного производства на востоке страны. 8 сентября ГКО ввел в действие мобилизационный план выпуска самолетов и авиамоторов на сентябрь — декабрь 1941 г. С каждым месяцем и даже неделей организационные и технологические трудности постепенно преодолевались. Выпуск самолетов вырос с 693 в декабре 1941 г. до 976 в январе 1942 г. Начали выпускаться самолеты новых моделей, в том числе ЛаГГ-3, Як-1, Як-7б, Ту-2 и Як-9[51]. Всего авиационная промышленность СССР в 1941 г. выпустила 15 735 самолетов.

С первых дней своей деятельности ГКО огромное внимание уделял производству артиллерийского и стрелкового вооружения. Во втором полугодии 1941 г., по сравнению с первым, увеличился выпуск всех артиллерийских систем, прежде всего противотанковых. Быстро росло производство, ошибочно остановленное перед войной, 45-мм и 76-мм пушек, являвшихся эффективным средством борьбы с вражескими танками. По-прежнему узким местом в артиллерийском вооружении являлось недостаточное количество механизированных средств тяги. В артиллерийских частях стрелковых войск более половины орудий оставалось на конной тяге, что значительно снижало их маневренные возможности.

Тысячи предприятий различных наркоматов и ведомств были привлечены к производству минометов — технологически простого и при этом эффективного вида вооружения. Осенью 1941 г. был создан Наркомат минометной промышленности. Летом и осенью 1941 г. было выпущено 42 тыс. минометов (из них более половины 50-мм, имевших относительно невысокие боевые качества)[52].

Важную роль в повышении боевой мощи советских войск играла реактивная артиллерия. Если 31 июля ГКО обязал Наркомат общего машиностроения изготовить три батареи установок БМ-8, то в августе — декабре 1941 г. было выпущено уже 900 установок реактивной артиллерии[53].

Одним из серьезных недостатков вооружения Красной армии в начале войны стало отсутствие у советских солдат эффективного ручного противотанкового оружия. Из-за неправильной оценки боевых возможностей противотанковых ружей перед войной они были сняты с производства. Опыт боевых действий доказал их необходимость. В августе 1941 г. было восстановлено производство противотанковых ружей В. А. Дегтярева (ПТРД) и полуавтоматических многозарядных противотанковых ружей С. Г. Симонова (ПТРС)[54]. Одновременно были развернуты разработка новых образцов ПТР и их производство. До конца 1941 г. удалось выпустить 17,6 тыс. 14,5-мм однозарядных противотанковых ружей.

Тяжелые трехмесячные бои, утрата значительной территории и большого количества оборонных заводов, в том числе ружейных, создали дефицит стрелкового оружия. Несмотря на значительный запас винтовок, накопленный перед войной, потребность в них сильно возросла. Заметно отразилась на мощностях оружейного производства эвакуация тульских заводов в конце 1941 г. Восстановление оборонной промышленности по производству стрелкового оружия завершилось лишь во второй половине 1942 г.

Первые месяцы войны показали, что наиболее эффективным стрелковым оружием являлись пистолеты-пулеметы. Однако на вооружении Красной армии их было небольшое количество, а эвакуация из Подмосковья головного завода по производству пистолетов-пулеметов задержала их массовое производство. Во второй половине 1941 г. было выпущено всего около 90 тыс. пистолетов-пулеметов[55]. Особенно зарекомендовал себя высокими боевыми качествами 7,62-мм пистолет-пулемет Г. С. Шпагина (ППШ). Однако резкий подъем в производстве автоматического стрелкового оружия произошел только в 1942 г.

Несмотря на ряд очевидных успехов, трудности первых трех месяцев войны привели к нарастанию диспропорции в работе военной экономики. Из-за неблагоприятного развития военно-стратегической обстановки и неудачного размещения заводов по производству боеприпасов положение Красной армии оказалось критическим. Только с августа по ноябрь 1941 г. из строя выбыло более 300 предприятий — в результате произошло снижение выпуска боеприпасов, составившего 50–60% от плана. Для ликвидации кризисного состояния в производстве боеприпасов пришлось в экстренном порядке привлекать большие материальные,

сырьевые и людские ресурсы. Всего в 1941 г. с этой целью из гражданского сектора народного хозяйства было задействовано 380 предприятий, в том числе тяжелой индустрии. Основными поставщиками боеприпасов с осени 1941 г. стали заводы в Челябинске, Дзержинске, Златоусте, Копейске, Миассе, Саратове, Горьком, Казани, Новосибирске, Кемерове, Молотове и других городах. Основная тяжесть этого опасного производства вновь легла на плечи женщин. Выправить положение с производством боеприпасов удалось лишь в 1942 г.[56]

Существенную роль в этом сыграли поставки по ленд-лизу различных взрывчатых веществ (пороха, динамита, тротила, толуола, детонаторов и т. д.). Одновременно велись интенсивные работы по замене дефицитных материалов, совершенствованию технологических процессов. Принимались энергичные меры для наращивания выпуска основного взрывчатого вещества — тротила. Однако на протяжении всей войны при производстве тротила ощущался острый недостаток толуола, азотной, серной кислот, ряда других химических продуктов, поэтому мощности тротиловых производств не были загружены полностью, а выпуск тротила определялся поставками сырья.

Важную роль в совершенствовании производства боеприпасов сыграли новые взрывчатые составы, полученные на основе флегматизированного гексогена Е. Г. Лединым в 1940 г. По мощности гексоген более чем в два раза превосходил тротил, отличался высокой зажигательной способностью. В начале декабря 1941 г. было принято решение о применении взрывчатки на основе гексогена в бронебойно-зажигательных снарядах, снарядах для авиационных пушек, а также в фугасных бомбах.

В целом благодаря колоссальным организаторским усилиям и беспримерному трудовому подвигу советского народа новая промышленная база на востоке в конце 1941 — начале 1942 г. стала реальностью. Уже в марте 1942 г. промышленность восточных районов с учетом восстановленных здесь эвакуированных предприятий произвела военной продукции столько, сколько в начале войны выпускалось на всей территории СССР[57]. Стержнем военной экономики стал Урал, промышленность которого давала от 40% всей военной продукции, в том числе 60% средних и 100% тяжелых танков. Каждый второй снаряд, выпущенный по врагу, изготовлялся из уральской стали. Обеспечение вновь формируемых частей и соединений осуществлялось, как правило, с заводов прямо в войска, минуя арсеналы и склады. При этом максимальный ежемесячный объем производства 1941 г. не удовлетворял потребностей войск даже в обороне.

Большое значение в решении проблемы обеспечения Красной армии боевой техникой и оружием играло развивающееся сотрудничество с Великобританией и Соединенными Штатами Америки. Поставки по ленд-лизу осуществлялись по трем маршрутам — тихоокеанскому, трансиранскому, а также арктическими конвоями, — в совокупности обеспечившим свыше 90% общих поставок. Самым быстрым (и самым опасным) маршрутом стали арктические конвои. В июле — декабре 1941 г. 40% всех поставок осуществлялось именно этим маршрутом, около 15% отправленных грузов вследствие действий вражеской авиации и подводных лодок до места назначения не дошли. Морская часть пути от восточного побережья США до Мурманска занимала около двух недель. Груз с северными конвоями направлялся также в Архангельск и Молотовск (ныне Северодвинск), откуда по спешно достроенной ветке железной дороги отправлялся по назначению. Поскольку моста через Северную Двину не было, для переброски военной техники зимой приходилось наращивать слой льда. Тихоокеанский маршрут, обеспечивший около половины поставок по ленд-лизу, был относительно безопасным. Со вступлением США 7 декабря 1941 г. в войну перевозка грузов на Тихом океане осуществлялась только советскими торгово-транспортными судами, которые тем не менее могли подвергнуться принудительному досмотру японскими властями. Морская часть пути от западного побережья США до дальневосточных портов СССР занимала в среднем 18–20 суток.

По трансиранскому маршруту первые поставки в СССР начались в ноябре 1941 г. Для увеличения объема поставок потребовалась масштабная модернизация транспортной системы Ирана, в частности портов в Персидском заливе и трансиранской железной дороги. Среди прочего, это также стало одной из причин ввода англо-советских войск в Иран. Специально для нужд ленд-лиза в Иране было построено несколько автомобильных заводов. На

территории Советского Союза доставка грузов осуществлялась судами Каспийской военной флотилии, которая в 1941—1942 гг. часто подвергалась ударам немецкой авиации. Следует отметить, что помимо наземных маршрутов ленд-лиза были освоены два воздушных. По одному из них самолеты летали в СССР из США через Южную Атлантику, Африку и Персидский залив, по другому — через Аляску, Чукотку и Сибирь[58].

Несмотря на определенное облегчение со снабжением Красной армии в результате поставок по ленд-лизу, объем экономической помощи со стороны США и Великобритании не соответствовал огромным потребностям советских войск в вооружении и военной технике. В октябре — ноябре 1941 г. США направили в СССР на основе закона о ленд-лизе вооружения и военных материалов на сумму 545 тыс. долларов при общей стоимости американских поставок во все страны 741 млн долларов[59].

Однако в полной мере возлагать ответственность за снижение объема поставок на западных союзников неоправданно. Программа поставок не выполнялась по ряду причин, в том числе из-за нехватки судов для доставки грузов, а также вследствие стремления западных держав удовлетворить в первую очередь заявки собственных вооруженных сил на военную продукцию и материалы. Тем не менее даже такой сравнительно небольшой объем поставок в СССР имел положительное значение для Красной армии осенью и зимой 1941 г. Сыграв значительную роль в восполнении потерь Красной армии в военной технике, вооружении и военных материалах, ленд-лиз не оказал существенного влияния на ход боевых действий в 1941 г., как, впрочем, и в последующем. Это было очевидно для непосредственных участников событий. В конце мая 1945 г. Г. Гопкинс, оценивая в беседе со Сталиным значение ленд-лиза для Советского Союза, заявил следующее: «Мы никогда не считали, что наша помощь по ленд-лизу является главным фактором в советской победе над Гитлером на восточном фронте. Она была достигнута героизмом и кровью русской армии»[60]. В целом до конца года союзники поставили 873 самолета (43,3% от общего производства их в СССР) и 699 танков (24,1%)[61].

Что касается Германии, то в 1941 г. она продолжала сохранять высокий уровень производства наиболее важных видов стратегических материалов и промышленной продукции, способный восполнять потери в военной технике на восточном фронте. Общий объем производства важнейших видов металла был в основном рассчитан на ведение кратковременной войны против СССР, однако в случае необходимости выпуск военной продукции мог быть увеличен. По величине станочного парка, составлявшего в 1941 г. около 1,7 млн станков, Германия занимала первое место в мире[62]. Предпосылкой для этого являлось также разграбление покоренных государств Европы, в результате чего военно-экономические ресурсы фашистской Германии возросли почти в три раза. Кроме того, Германия поставила на службу своим интересам экономический потенциал своих союзников — Италии, Румынии, Венгрии, Финляндии, Болгарии, — что не могло не привести к растущим разногласиям внутри фашистского блока. Особые надежды германское руководство возлагало на захват промышленности и сырьевых ресурсов европейской части Советского Союза. С этой целью был разработан специальный план «Ост», предусматривавший порабощение народов СССР, их уничтожение и разграбление Советского государства.

По сравнению с началом войны, выпуск военной продукции Германии был увеличен на 75%[63]. Особое внимание осенью 1941 г. уделялось производству танков и штурмовых орудий, самолетов, автоматического оружия, необходимых для ведения боевых действий на восточном фронте. Военные успехи первых месяцев войны укрепили уверенность германского командования в том, что имеющихся запасов вооружения и боеприпасов вместе с текущим производством будет достаточно для завершения операции «Барбаросса» до наступления зимы.

3 октября 1941 г. Гитлер заявил: «Мы так обеспечили все заранее, что я в самый разгар этой битвы могу приостановить дальнейшее производство вооружения в крупных отраслях промышленности, ибо знаю, что сейчас не существует противника, которого мы не могли бы сокрушить с помощью имеющегося запаса вооружения»[64]. Однако никакого сокращения производства вооружения в ходе войны против Советского Союза не произошло. Напротив, во второй половине 1941 г. наблюдался рост выпуска всех важных видов военной техники,

особенно танков. Не снижалось и производство боевых самолетов, особенно бомбардировщиков новых типов[65].

Однако с началом войны против СССР обозначился и постепенно усиливался процесс отставания уровня военного производства Германии от непрерывно возраставших потребностей вермахта в вооружении и боеприпасах. Большие потери в боевой технике и значительный расход боеприпасов в сражениях под Смоленском, Ленинградом, Ростовом и особенно под Москвой не могли быть полностью восполнены за счет текущего военного производства. Ощущалась нехватка металла и горючего. Недостаток сырья, особенно нефти, продолжал усиливаться по мере затягивания военных действий на советско-германском фронте.

Уже осенью 1941 г. Германия столкнулась с растущим дефицитом рабочей силы. По оценке управления военной экономики и вооружения ОКВ, в октябре 1941 г. потребность военного производства в рабочей силе исчислялась примерно в 1 млн 500 тыс. человек. Для частичного покрытия этого спроса предполагалось после завершения блицкрига расформировать 49 пехотных дивизий и высвободить тем самым около полумиллиона человек[66]. Однако уже осенью 1941 г., в ходе ожесточенных боев под Москвой, стало ясно, что этим планам не суждено сбыться. Вместо увольнения солдат перед командованием вермахта возникла острая необходимость в призыве на военную службу минимум 625 тыс. человек для пополнения фронтовых частей[67].

Недостаток рабочей силы после призыва военнообязанных в вермахт особенно ощутимо сказывался на показателях добывающей промышленности. В ноябре 1941 г. добыча каменного угля по сравнению с октябрем снизилась на 700 тыс. тонн, бурого — на 1 млн тонн[68]. Это привело к перебоям в снабжении топливом промышленности и транспорта.

К концу 1941 г. военная промышленность Германии оказалась не в состоянии восполнить урон вермахта в вооружении и военной технике, понесенный на советско-германском фронте. С июня по декабрь 1941 г. потери в танках и штурмовых орудиях составили 2851 единицу, а произведено их было 2487[69]. Значительными были потери в боевых самолетах. До 31 октября 1941 г. среди истребителей они составили 1527 машин (из них 853 безвозвратно), а произведено было 1079 самолетов[70]. Негативно сказались и допущенные просчеты в планировании. Разрабатывая планы производства боеприпасов в 1941 г., гитлеровское руководство исходило из того, что после военной кампании на Западе большое их количество осталось неизрасходованным, поэтому выпуск боеприпасов в 1941 г. был определен лишь в 540 тыс. тонн вместо 865 тыс. тонн в 1940 г. Планы пришлось менять на ходу[71].

В связи с тем что расчеты германского руководства провести войну против СССР созданными запасами оружия, боевой техники и боеприпасов, а также текущим производством не оправдались, германскому руководству пришлось в течение декабря 1941 — апреля 1942 г. принимать экстренные меры по приспособлению военной экономики страны к потребностям длительной войны. Фактически речь шла о мобилизации всей экономики страны, не только военной[72].

Одной из таких мер явилась так называемая «рационализация», предусматривавшая дальнейшую концентрацию основных производительных сил в руках крупных монополий и увеличение выпуска оружия и военной техники. Она предполагала перераспределение заказов, сырья и рабочей силы в пользу военного производства. Основные мероприятия были намечены на 1942 г., в том числе значительные изменения в руководстве военной экономикой. В этот период произошла еще большая степень слияния крупнейших монополий с государственной властью и военной элитой. В апреле были созданы два совета: вооружения и центрального планирования, которые наделялись неограниченными полномочиями в области военного производства и перераспределения трудовых и сырьевых ресурсов для нужд войны. В промышленность и сельское хозяйство направлялась дополнительная рабочая сила, в первую очередь иностранные рабочие и военнопленные. Началось осуществление так называемой «программы восточных рабочих», которая предусматривала принудительный вывоз людей из оккупированных советских областей. Дополнительным источником рабочей силы стали узники концентрационных лагерей.

В результате жестких государственно-монополистических мер в первые четыре месяца 1942 г. произошел некоторый рост производства вооружения и военной техники, в том числе за счет резкого сокращения выпуска товаров широкого потребления и жилищного строительства[73]. Однако германская военная экономика в первые месяцы 1942 г. по темпам роста и общему объему производства уступала Советскому Союзу и другим основным странам антигитлеровской коалиции[74].

В целом, несмотря на то что СССР, Великобритания и США начали переводить свою экономику на военные рельсы значительно позднее, чем их противник[75], государствам антигитлеровской коалиции удалось к концу 1941 — началу 1942 г. превзойти агрессивный блок в объемах военного производства. Проблема, однако, заключалась в том, что большая часть производимых в США и Англии вооружения и военной техники пока не поступала на фронты, а находилась в метрополиях и использовалась преимущественно для укомплектования формируемых соединений. Экономические возможности государств антигитлеровской коалиции позволяли и дальше высокими темпами расширять военное производство.

Расчеты правителей фашистской Германии на то, что советская экономика не сможет возместить потери, понесенные с начала войны, не выдержит напряжения и развалится в результате нового мощного наступления вермахта, потерпели крах. Преодолевая невероятные трудности, народное хозяйство Советского Союза постепенно набирало темпы, создавая реальные предпосылки для обеспечения материально-технического превосходства над врагом в ближайшем будущем.

Планы противоборствующих сторон

К осени 1941 г. войска фашистской Германии и ее союзников по-прежнему владели стратегической инициативой на всем советско-германском фронте. СССР потерял важнейшие сырьевые и промышленные центры. Были оставлены Минск, Харьков, Смоленск, Одесса, Днепропетровск. Оказался в блокаде Ленинград. В руки врага попали или оказались отрезанными от центра важнейшие источники продовольствия на Украине и юге России. В целом оперативно-стратегическая обстановка на советско-германском фронте осенью 1941 г. складывалась крайне неблагоприятно для Красной армии.

Успеху вермахта и его союзников способствовали тщательная проработка операций, воинское мастерство и опыт немецких военачальников и командиров, слаженность боевых действий частей и соединений. Благоприятствовали этому успеху также изъяны в организации боевых действий советских войск: преимущественно одноэшелонное построение боевых порядков в обороне, отсутствие в ряде случаев артиллерийских групп и противотанковых резервов, не всегда организованная система огня, слабое инженерное оборудование местности, незначительные, не способные существенно повлиять на оперативно-тактическую обстановку резервы, вводимые в бой по частям. Построенная подобным образом система обороны была неустойчивой, обороняющиеся соединения и части нередко сражались в отрыве друг от друга, что не позволяло резервам маневрировать по фронту и в глубину[76].

Подводя итоги боевых действий перед Смоленским сражением, маршал Г. К. Жуков впоследствии писал: «Противник, хотя и нес значительные потери, по-прежнему на решающих направлениях имел трех-четырехкратное превосходство, не говоря уже о танках... Прибывающие войска зачастую вводились в бой без полного сосредоточения, что отрицательно сказывалось на политико-моральном состоянии частей и их боевой устойчивости. Слабость нашей оперативно-тактической обороны состояла главным образом в том, что из-за отсутствия сил и средств было невозможно создать ее глубокое эшелонирование. Оборона частей и соединений, по существу, носила линейный характер... Из-за отсутствия быстроходных и вездеходных тягачей войска не имели возможности широко маневрировать артиллерией,

чтобы в нужный момент оказать помощь в отражении танковых атак противника. Во фронтах и армиях осталось очень мало танковых частей и соединений»[77].

Но постепенно в достигнувшей крайнего ожесточения борьбе все большее значение приобретали твердость духа советского народа, вера в окончательную победу, его самоотверженность на фронте и в тылу. С каждой неделей, месяцем сопротивление советских войск нарастало, совершенствовалось искусство организации оборонительных действий.

Тем не менее крупные успехи вермахта и его союзников на восточном фронте вселили в германское руководство уверенность в скорой победе над СССР. Действительно, Красная армия в первые три недели войны понесла огромные потери, для восстановления которых требовались титанические усилия советского народа и значительное время. Гитлер и командование вермахта не могли представить, что после трагических итогов начала войны Советский Союз сможет длительное время продолжать борьбу. Поэтому противник считал, что военная кампания будет завершена до наступления холодов. Командование вермахта стремилось форсировать наступление на восточном фронте, прежде всего на центральном участке.

Первоначально оно рассчитывало, что с выходом в район Смоленска группа армий «Центр» во взаимодействии с группой армий «Север» сможет в короткий срок овладеть всей Северной Россией и Московским промышленным районом, а затем во взаимодействии с группой армий «Юг» захватить промышленный район Донбасса. «Когда мы форсируем Западную Двину и Днепр, — отмечал начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Ф. Гальдер, — то речь пойдет не столько о разгроме вооруженных сил противника, сколько о том, чтобы забрать у противника его промышленные районы и не дать ему возможности, используя гигантскую мощь своей индустрии и неисчерпаемые людские ресурсы, создать новые вооруженные силы»[78].

Однако растущее сопротивление Красной армии поставило под сомнение первоначальный стратегический замысел Германии. В результате оборонительных и наступательных действий советских войск в июле — августе 1941 г. был сорван план германского командования безостановочного наступления на Москву. Немецкому командованию пришлось в середине августа временно перейти от наступления к обороне на главном, московском направлении. Потерпели также неудачу замыслы противника по беспрепятственному наступлению в сторону Крыма и Кавказа, взятию Ленинграда и ликвидации Балтийского флота, захвату Мурманска, баз Северного флота, Кировской железной дороги. До 30 сентября 1941 г. сухопутная армия вермахта на советско-германском фронте потеряла свыше полумиллиона человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести[79].

Германскому командованию потребовалась корректировка стратегических задач. Приостановка наступления вермахта против сил Красной армии, прикрывавших столицу, грозила затяжной войной, к которой Германия не была готова. С этого времени германскому руководству не раз приходилось менять решения и последовательность операций, искать обходные пути для достижения целей, определенных планом «Барбаросса». Из 2000-километровой глубины, которую предполагалось преодолеть на советской территории, удалось осилить лишь одну треть. Тем не менее руководство Третьего рейха было полно решимости, не считаясь с потерями, завершить войну с Советским Союзом до наступления зимы.

Используя оперативную паузу на центральном направлении, противоборствующие стороны готовились к решающей схватке. Обстановка для Красной армии оставалась крайне сложной. Войска фашистского блока занимали выгодное оперативно-стратегическое положение и по-прежнему превосходили Вооруженные силы СССР. На советско-германском фронте вермахт и его союзники имели 207 дивизий, 4 млн 300 тыс. человек, 2270 танков, свыше 43 тыс. орудий и минометов и 3050 самолетов[80]. Им противостояли 250 советских дивизий (в том числе 30 кавалерийских, пять танковых и две мотострелковые), 18 стрелковых, 37 танковых и семь воздушно-десантных бригад. Всего в действующей армии насчитывалось 3 млн 245 тыс. человек, 2715 танков (из них тяжелых и средних — 728), более 20,5 тыс. орудий и минометов (в том числе 45-мм пушек — 3050, зенитных орудий — 3060) и 1460 самолетов (без учета дальнебомбардировочной авиации)[81].

Средняя численность немецкой пехотной дивизии составляла 15,2 тыс. человек против 7,5 тыс. советской стрелковой дивизии, танковой — 14,4 тыс. и моторизованной — 12,6 тыс. против 3 тыс. человек советской кавалерийской и танковой. Противник превосходил советские войска по всем показателям.

Германское командование, оценивая обстановку на восточном фронте после трехмесячных сражений, считало, что созданы все условия для нанесения последнего удара по войскам Красной армии и окончательного разгрома Советского Союза. Для этого, по мнению верховного командования вермахта, было необходимо разгромить войска западного направления, прикрывавшие путь в Центральный промышленный район и к Москве. Задачи по продолжению наступления на восточном фронте были изложены в директиве верховного командования вооруженных сил Германии (ОКВ) № 35, подписанной Гитлером 6 сентября 1941 г.

Общая цель большого осеннего наступления заключалась в том, чтобы решительными ударами на всех трех стратегических направлениях еще до зимы добиться разгрома противника, быстро овладеть Крымом, Киевом, Харьковом, Ленинградом и соединиться с финской Карельской армией. Главные усилия вновь переносились на московское направление. Группе армий «Центр» предстояло к концу сентября подготовить наступательную операцию на московском направлении с целью уничтожения советских войск восточнее Смоленска. Перед группой армий «Север» стояла задача совместно с финнами полностью окружить Ленинград и не позднее 15 сентября большую часть своих подвижных войск и соединения 1-го воздушного флота передать группе армий «Центр». Масштабные задачи стояли и перед группой армий «Юг». После разгрома вражеской группировки восточнее Киева 2-я полевая армия и 2-я танковая группа нацеливались на Москву, а группа армий «Юг» должна была приступить к операциям по овладению Донбассом и Крымом с последующим выходом на подступы к Северному Кавказу[82].

Завершив разгром группировки советских войск под Киевом, руководство вермахта пришло к выводу, что Красная армия уже не сможет создать сплошной фронт между Ладожским озером и Черным морем, тем более удержать его[83]. После войны бывший начальник генерального штаба сухопутных войск Ф. Гальдер засвидетельствовал известному английскому историку Б. Лидделл-Гарту, что Гитлер после битвы под Киевом заявил: «С Россией в военном отношении покончено»[84]. Этой неверной оценке способствовали разведсводки отдела по изучению иностранных армий Востока, содержавшие неточные сведения о военном, военно-экономическом и духовном потенциале Советского Союза. Возможность переброски большого числа свежих советских дивизий из внутренних округов СССР не предусматривалась.

Ставка Верховного главнокомандования, осмысливая обстановку на советско-германском фронте, отдавала себе отчет, что наступившее затишье на московском направлении временное, оно неизбежно сменится крупными сражениями. Поэтому осуществлялся гигантский комплекс мер по мобилизации всех сил и ресурсов страны, реализация которых позволила бы если не вернуть утраченное, то хотя бы остановить стремительное наступление агрессора.

Оценивая итоги летних кровопролитных сражений, Ставка ВГК пришла к выводу, что в ближайшее время вырвать инициативу из рук врага не удастся. Было принято решение о переходе к стратегической обороне на всем советско-германском фронте. Предполагалось измотать ударные группировки противника, остановить их продвижение и подготовиться к наступательным действиям. Одновременно с этим советские войска продолжали вести борьбу в невыгодных условиях под Ленинградом, Киевом, в Крыму. Кризисные для Красной армии ситуации возникали то на одном, то на другом направлении. Ставка изо всех сил пыталась сохранить устойчивый фронт, наладить управление, локализовать прорывы противника, организованно ввести в сражение резервы и вывести из окружения войска. Проблема, однако, заключалась в том, что делалось это, как правило, с большим опозданием, часто без учета реального положения на фронтах.

На направлениях главных ударов противника советское командование принимало экстренные меры по созданию системы эшелонированных оборонительных полос и рубежей. К их сооружению привлекались не только войска действующей армии, но и строительные

организации НКВД, а также сформированные стройотряды, в которых самоотверженно трудились десятки тысяч москвичей, жителей Орловской, Смоленской, Калининской, Рязанской, Воронежской и других областей. Сооружались противотанковые рвы, эскарпы, завалы, командные и наблюдательные пункты, противопехотные препятствия, долговременные земляные огневые точки (дзоты), долговременные железобетонные артиллерийские и пулеметные точки (доты), ходы сообщения, убежища и другие объекты. Те дороги и сооружения, которыми мог воспользоваться противник, готовились к разрушению.

Советские войска, понеся серьезные потери, нуждались в реорганизации и пополнении людьми и вооружением. Нехватка военной техники и оружия, продолжающееся формирование многих резервных частей и соединений, а также высокоманевренный характер военных действий поставили военно-политическое руководство страны перед необходимостью изменений как в руководстве вооруженными силами, так и в организационной структуре войск.

Высшим органом руководства вооруженными силами и боевыми действиями являлась Ставка Главного командования, созданная 23 июня 1941 г. 10 июля она была преобразована в Ставку Верховного командования, а 8 августа — в Ставку Верховного главнокомандования.

Наиболее сложным и тяжелым для Ставки ВГК, как и для всей страны, был первый период войны. В это время Верховное главнокомандование не имело необходимого опыта и работало недостаточно организованно. Формы его деятельности еще не сложились. В результате многие вопросы решались поспешно, нередко методами проб и ошибок, часто единолично И. В. Сталиным, без участия Генерального штаба, иногда вопреки его предложениям. Именно в эти месяцы Ставка допустила больше всего просчетов. Наиболее серьезными были запоздалое решение на переход к стратегической обороне и несвоевременный вывод войск из-под ударов противника под Киевом, в результате чего тяжелое поражение потерпел Юго-Западный фронт. Вместе с тем в этот период Ставка сумела успешно решить ряд сложнейших задач, в том числе по изматыванию противника, ликвидации образовавшихся брешей, организации Смоленского сражения, обороны Одессы, Севастополя и Москвы.

Проведенные в первые три месяца войны, а также до конца 1941 г. операции заблаговременно Ставкой не планировались. Их подготовка осуществлялась в основном путем отдачи приказов и директив, распорядительным порядком. Конкретное оперативно-стратегическое планирование проводилось главным образом во фронтах и армиях. Роль Ставки сводилась преимущественно к постановке задач фронтам и армиям, рассмотрению разработанных командующими и штабами фронтов планов операций, обеспечению их выполнения за счет резервов ВГК и определенной части материальных средств центра, согласованию усилий фронтов, а также определению наиболее рациональных и эффективных способов действий для достижения поставленных целей.

Система стратегического руководства постоянно совершенствовалась. Так, с целью повышения надежности и оперативности руководства фронтами еще 10 июля 1941 г. решением ГКО были образованы главные командования войск стратегических направлений. Главнокомандующим войсками Северо-Западного направления (Северный и Северо-Западный фронты) был назначен К. Е. Ворошилов, Западного (Западный фронт) — С. К. Тимошенко, Юго-Западного (Юго-Западный и Южный фронты) — С. М. Будённый. Два последних с перерывами просуществовали до лета 1942 г. Первое было упразднено в августе 1941 г. и больше не создавалось. В апреле 1942 г., когда встала задача освобождения Крыма, а затем наметилась угроза захвата противником Кавказа, было создано главное командование Северо-Кавказского направления, функционировавшее до середины июня 1942 г. Главкомы руководили войсками фронтов и флотов, координировали и контролировали их действия, проводили мероприятия по мобилизации местных ресурсов на отпор врагу, представляли в Ставку соображения по организации и ведению операций.

Маршал Г. К. Жуков, оценивая деятельность этого органа стратегического руководства, отметил, что, создавая Главные командования ГКО, «рассчитывал помочь Ставке обеспечить возможность лучшего управления войсками, организовать взаимодействие фронтов, военно-

воздушных и военно-морских сил. Предполагалось, что военные советы этих командований в большей степени, чем командование фронтов, смогут использовать местные силы и средства в интересах вооруженной борьбы. Однако уже первые месяцы существования главных командований войск направлений показали, что они не оправдывают надежд». Создавались они спешно, без заранее разработанной и проверенной организационной структуры, с неясными функциональными обязанностями, без необходимого количества средств управления, связи и квалифицированных военных кадров. Главкомы не имели широких полномочий для принятия решений по использованию войск и руководству их боевой деятельностью. Они не располагали необходимыми резервами, запасами материально-технических средств, чтобы влиять на ход военных действий. Кроме того, высокая динамичность обстановки вынуждала Ставку постоянно отдавать распоряжения фронтам напрямую, вследствие чего нередко возникали различные недоразумения, снижалась ответственность обоих штабов за исход операций. «Они не могли без согласия Верховного главнокомандования проводить в жизнь какие-либо принципиальные решения и, таким образом, превращались в простые передаточные инстанции»[85]. В 1942 г. они были ликвидированы.

С созданием Ставки ВГК Генеральный штаб РККА стал ее основным оперативным рабочим органом. Уже первые недели войны потребовали организационной перестройки работы Генерального штаба. Прежде всего были внесены изменения в его структуру. Постановлением ГКО № 300 от 28 июля 1941 г. из Генштаба передавались в другие органы: организационное и мобилизационное управления, управления укомплектования и устройства войск, военных сообщений, автодорожное, устройства тыла и снабжения войск, а также узел связи. Осталось шесть управлений: оперативное, разведывательное, военно-топографическое, устройства оперативного тыла, строительства укрепленных районов, шифровальное и три отдела — военно-исторический, кадров и общий. В оперативном управлении на каждый фронт были созданы направления в составе до 10 сотрудников. Проводились и другие организационные мероприятия, в основном связанные с созданием войск связи РГК, поскольку отсутствие собственного узла связи отрицательно сказывалось на решении задач управления войсками.

В начале августа 1941 г. было утверждено «Положение о Генеральном штабе». В соответствии с ним Генштаб определялся как центральный орган управления Наркомата обороны по подготовке и использованию вооруженных сил для обороны страны. Ему вменялись: разработка директив и приказов Ставки ВГК по оперативному использованию вооруженных сил и планов войны на театрах военных действий; организация и руководство деятельностью всех видов разведки; разработка вопросов ПВО; разработка планов и руководство строительством укрепленных районов; руководство военно-топографической службой Красной армии и снабжением войск топографическими картами; руководство оперативной подготовкой всех родов войск, штабов, служб и органов тыла; организация и устройство оперативного тыла действующей армии; сбор и обработка материалов по изучению опыта войны и порядка его использования; организация и руководство шифровальной службой Красной армии; обеспечение скрытого управления войсками.

В этот период центральное место в работе Генерального штаба заняли вопросы планирования, подготовки и ведения стратегических операций. Особое внимание уделялось доразведке противника, местности, оценке возможностей сторон, определению главного и вспомогательных ударов, уточнению потребности войск в материально-технических средствах и т. п. Эффективность деятельности Генерального штаба, его влияние на ход и исход событий на фронтах во многом зависели от оперативности ведения разведки, полноты, достоверности и своевременности получения разведывательной информации. Поэтому организация и ведение разведки в этот период, как и в годы войны в целом, занимали в работе Генштаба исключительно важное значение. Однако после трех месяцев войны, как и в ее начале, эта проблема решалась с трудом. Основные причины — большой урон, нанесенный советской агентурной разведывательной сети, и активное проведение немецким командованием мероприятий по дезинформации. К концу 1941 г. разведуправление потеряло связь с агентурой в 11 европейских странах. Сложившееся положение требовало перестройки

системы руководства разведкой. Однако эта работа началась лишь в феврале, а закончилась в октябре 1942 г. Разведывательное (с февраля 1942 г. — Главное) управление было выведено из состава Генерального штаба и подчинено непосредственно наркому обороны. В Генштабе было создано Управление войсковой разведки для координации деятельности разведотделов фронтов и армий.

Одно из важнейших направлений деятельности Генштаба в этот период — штатно-организационные мероприятия, которыми непосредственно занимались управления: организационное, мобилизационное и укомплектования войск. В августе 1941 г. они были выведены из состава Генштаба и переданы вновь созданному Главному управлению формирования и укомплектования войск Наркомата обороны (Главупраформа). Дальнейшие события показали, что в данном случае была допущена серьезная ошибка, приведшая к нарушению оперативности решения вопросов организации войск с учетом реальной обстановки. Поэтому в апреле 1942 г. в Генштабе было создано организационное (с 1943 г. — Главное) управление.

Основным средством, с помощью которого Верховное главнокомандование могло активно влиять на развитие операций, кампаний и ход войны в целом, являлись стратегические резервы. Поэтому их созданию, подготовке, использованию и восстановлению уделялось особое внимание. В обязанности Генерального штаба входило определять общую потребность в резервах, сроки и порядок их создания. В начале войны контроль над их формированием и использованием осуществляло оперативное управление, затем — отдел резервов и контроля организационного управления. Эффективность использования находившихся в распоряжении Ставки резервов во многом зависела от их своевременной, четкой и скрытой перегруппировки. Планирование и организация стратегических перегруппировок осуществлялись Генеральным штабом. Большая часть стратегических перегруппировок проводилась по железным дорогам.

Одной из важнейших функций Генштаба являлась организация строительства и использования укрепленных районов и полевых оборонительных рубежей. За три месяца войны в тыловых районах страны было оборудовано 25 тыс. км полевых оборонительных рубежей.

В первые месяцы войны Генеральный штаб испытывал острую нехватку кадров. Его укомплектованность военнослужащими летом и осенью 1941 г. колебалась от 22 до 71%. Имели место многочисленные, порой необоснованные внутренние кадровые перестановки, которые, как правило, не улучшали работу Генштаба. Летом 1941 г. Генштаб несколько раз менял свое местоположение в Москве. В октябре, когда противник приблизился к столице, он был эвакуирован в Арзамас. Обеспечение работы Ставки в Москве осуществляла в это время оперативная группа, возглавляемая А. М. Василевским.

Одним из серьезных недостатков в работе Генштаба в начале войны являлось нарушение связи с войсками, главным образом из-за того, что базировалась она в основном на стационарных воздушных линиях и сетях Наркомата связи. Отрицательно сказались отсутствие заранее подготовленных пунктов управления и узлов связи, недостаток техники связи и ее большие потери, радиобоязнь большинства командного состава, нарушения правил скрытого управления войсками.

Работа Генерального штаба к августу — сентябрю 1941 г. стала постепенно налаживаться. Генштабу удалось в короткие сроки и скрытно сосредоточить на западном направлении крупные силы второго стратегического эшелона, которые вынудили группу армий «Центр» перейти к обороне. Ее наступление было остановлено на два месяца. Однако Генеральный штаб не сумел вскрыть замыслы противника на продолжение военных действий. Более того, объективные донесения разведки Западного фронта разошлись с данными Генштаба. В результате генерал И. С. Конев по указанию Генштаба ослабил направление, где противник запланировал главный удар. Это привело к тяжелым последствиям в октябре 1941 г. Только героическое сопротивление советских воинов, умелое руководство войсками Г. К. Жуковым, быстрое выдвижение резервов, в том числе с Дальнего Востока, позволили создать новый оборонительный рубеж под Москвой и остановить врага у столицы.

Ожесточенные боевые действия первых трех месяцев войны сопровождались большими потерями в личном составе, военной технике и материальных средствах. Обстановка по тылу на фронтах была крайне неустойчива. Созданные перед войной значительные запасы материальных средств оказались на оккупированной врагом территории. Организованные фронтовой и армейский тылы практически отсутствовали. Их работа нередко выражалась в эпизодической доставке войскам боеприпасов и горючего. В работе тыла не было плановости. Командующие и начальники штабов из-за перегруженности оперативной работой деятельности тыла уделяли мало внимания. Для того чтобы разгрузить общевойсковые штабы, создать жесткую централизацию управления тылом, более эффективно использовать имеющиеся силы и средства, в августе 1941 г. была учреждена должность начальника тыла Красной армии, на которую назначили генерала А. В. Хрулева, во фронтах и армиях была введена должность начальника тыла — заместителя командующего по тылу. Все службы снабжения подчинялись начальнику тыла. Должность заместителя начальника штаба по тылу во фронтах (армиях) и отделы (отделения) в общевойсковых штабах были упразднены. С этого момента Генштаб освобождался от функций устройства тыла и снабжения Красной армии и сосредоточивал свои усилия непосредственно на руководстве ведением военных действий. Новая структура управления тылом себя оправдала и в основном осталась без изменений до конца войны.

Одним из решающих условий успешного ведения войны в создавшейся обстановке являлось восполнение огромных потерь, понесенных Красной армией в начальный период. Речь шла фактически о формировании новых вооруженных сил. С этой целью Ставкой ВГК принимались экстренные меры по оптимизации организационной структуры Красной армии с учетом сложившейся обстановки и возможностей военной экономики страны, проведению необходимых организационно-штатных мероприятий, а также накоплению стратегических резервов.

Решать задачи приходилось с неимоверными трудностями. Учетные сведения военнообязанных, имевшиеся к началу войны, в условиях временной оккупации противником территории оказались непригодными. Систему учета удалось восстановить в основном лишь к сентябрю 1941 г. Постоянные налеты вражеской авиации, огромные встречные эвакуационные перевозки до крайности осложнили обстановку на железных дорогах, значительно снизив ее пропускную способность, затруднив процесс мобилизационных перевозок. Чтобы восстановить порядок на оставшихся железных дорогах, ГКО в сентябре 1941 г. приказал Народному комиссариату путей сообщений (НКПС) учредить военно-восстановительное управление и службы, которые должны были заниматься ремонтно-восстановительными работами в тылу действующих фронтов и армий[86]. Не способствовал порядку на железных дорогах и запутанный характер управления железнодорожными войсками, подчинявшимися различным ведомствам. Так, отдельные железнодорожные полки и батальоны находились в ведении Службы военных сообщений (ВОСО) при НКО. В то же время в подчинении НКПС находился особый корпус железнодорожных войск, состоявший из пяти железнодорожных бригад. Кроме того, в Главное управление НКВД по охране железнодорожных сооружений входили железнодорожные войска (дивизии), отвечавшие за охрану железных дорог, переданные с началом войны в подчинение командующим фронтами. Лишь в январе 1943 г. все железнодорожные войска были переданы в ведение НКПС.

Не менее острой была ситуация с проходимостью автомобильных дорог. Как и в случае с железнодорожными войсками, к началу войны не существовало единого центрального органа, отвечавшего за строительство, ремонт и охрану дорог, а также управление дорожными войсками. По решению Ставки осенью 1941 г. на ключевых оперативных направлениях были организованы военно-автомобильные дороги (ВАД), мобилизован гражданский автотранспорт[87]. Сформированные к осени 1941 г. военно-дорожные управления (ВДУ) отвечали за текущий ремонт дорог и регулирование движения по ним[88]. Благодаря энергичным мерам ГКО в целом удалось справиться с массовыми переброосками мобресурсов.

Осуществление мобилизации было важной, но лишь предпосылкой для восстановления боеспособности Красной армии. Остро стоял вопрос не только о восполнении, но и о под-

готовке людских резервов. Эта проблема решалась путем формирования новых войсковых частей и соединений, вывода частей и соединений в резерв Ставки ВГК для переформирования и доукомплектования маршевыми пополнениями из запасных и учебных частей.

Подача пополнения фронтам осуществлялась через армейские и фронтовые запасные полки, подготовка резервов велась во внутренних округах. Запасные части, ставшие основным источником подготовки резервов, со своей задачей в основном справились. В свою очередь, во внутренних округах формировались новые дивизии и бригады. Военные округа, расположенные вдоль границ Советского Союза со странами, представлявшими потенциальную угрозу, — Турцией и оккупированным японцами государством Маньчжоу-Го, — были преобразованы в недействующие фронты. В сентябре 1941 г. Забайкальский военный округ стал Забайкальским фронтом, Закавказский военный округ — Закавказским фронтом с задачей защиты подступов к Кавказу из района Нижнего Дона на севере и из Турции и Ирана на юге. Переименованный в декабре 1941 г. в Кавказский, этот фронт был единственным в своем роде — в его состав входили как действующие, так и недействующие войска. Первые защищали Кавказ от вторжения немцев с севера, а вторые дислоцировались на южном Кавказе и защищали ключевые маршруты поставок по ленд-лизу через Иран. Недействующие фронты сыграли огромную роль в первые месяцы войны, направляя полнокровные соединения на главные участки советско-германского фронта. До конца ноября 1941 г. из Дальневосточного фронта, насчитывавшего 32 дивизии, под Москву были переброшены 12 соединений, сыгравших значительную роль в обороне столицы. Мобилизация позволила затем довести количество дивизий на Дальнем Востоке до 39.

Начиная с сентября 1941 г. задача пополнения частей и соединений решалась в основном с помощью маршевых подразделений. Подготовкой и их обучением с августа 1941 г. занимались Главное управление формирования и укомплектования войск Красной армии и военные округа. Всего до конца 1941 г. были подготовлены и отправлены на фронт 2 млн 250 тыс. человек маршевого пополнения. Не обошлось и без просчетов — отсутствовал строгий порядок в распределении ресурсов. Формирование новых частей и соединений осуществлялось главными управлениями Наркомата обороны самостоятельно, без учета наличия людских ресурсов. В результате уже к концу сентября 1941 г. были полностью использованы остатки всех призванных по мобилизации возрастов (1918–1905 гг. рождения). Ситуация начала меняться лишь к концу 1941 г., когда заявки фронтов стали удовлетворяться, исходя из наличных ресурсов, централизованно через Главупраформ. В целом работа по восполнению потерь Красной армии была проделана огромная. Только в июле — августе 1941 г. в Красной армии была сформирована 191 стрелковая дивизия, с июля по сентябрь — 40 кавалерийских дивизий[89].

В стране широко развернулось всеобщее военное обучение трудящихся без отрыва от производства и в школах, которое было введено в сентябре 1941 г. К обучению привлекалось население в возрасте от 16 до 50 лет по 110-часовой программе. Эти меры обеспечили непрерывное пополнение действующей армии подготовленными людскими ресурсами.

Важную роль в оборонительных сражениях сыграли внутренние и пограничные войска, насчитывавшие к марту 1942 г. 493 тыс. человек. В критических ситуациях внутренние войска приняли непосредственное участие в боевых действиях. Так, в сентябре 1941 г., когда вермахт угрожал Ленинграду окружением, командование Ленинградского фронта сформировало из имеющихся пограничных и других охранных войск три стрелковые дивизии, отдельную стрелковую бригаду и несколько полков НКВД, принявших активное участие в обороне осажденного города[90]. В ходе оборонительных сражений под Москвой из внутренних и пограничных войск были сформированы пять стрелковых и три мотострелковые дивизии. Они отвечали за прикрытие отдельных районов и борьбу с вражеской агентурой. По мере ухудшения обстановки часть из них была преобразована в обычные стрелковые дивизии Красной армии и использовалась в активных боевых действиях[91].

Серьезные изменения в этот период произошли в организационно-штатной структуре Красной армии. Многие организационные мероприятия, проводимые в 1941 г., носили временный характер. Как только изменялись условия ведения войны, как следствие увеличива-

лись поставки в войска вооружения, вносились изменения в организацию подразделений, частей и соединений. Изменения были направлены на более эффективное использование имевшихся сил и средств.

У фронтового объединения не было постоянного состава — все зависело, на каком конкретном направлении он действовал, какие задачи выполнял. Если в начале войны действовали пять, то уже в декабре 1941 г. было десять фронтовых объединений. Боевой состав фронтов определялся Верховным главнокомандованием в зависимости от содержания возлагаемых на них задач, важности и емкости направлений, на которых они действовали. В большинстве операций в состав фронта входили четыре-шесть общевойсковых армий, несколько кавалерийских дивизий, до 10 танковых бригад, две-три тысячи орудий и минометов, 200–400 самолетов[92].

У армий, как и у фронта, также не было стандартного штата, они существенно различались по типу войск, численности и количеству сил поддержки, которые зависели от поставленной задачи и выделенной полосы боевых действий. Их количество возросло с 27 до 58 к концу года. Армии создавались в сокращенном составе (пять-шесть стрелковых дивизий), что позволяло достаточно оперативно управлять боевыми действиями войск.

Наиболее значимым организационно-штатным мероприятием в этот период стала ликвидация звена механизированных, стрелковых и авиационных корпусов, большинство из которых утратило в предыдущих ожесточенных боях боеспособность. Высвободившийся опытный командный состав направлялся на укомплектование штабов и управлений формируемых армий и дивизий. К концу 1941 г. в сухопутных войсках осталось лишь шесть управлений стрелковых корпусов из имевшихся 62[93]. На базе механизированных корпусов формировались танковые дивизии нового образца, а также танковые бригады и отдельные танковые батальоны. Несмотря на то что это снижало ударную силу Красной армии, советское командование вынуждено было пойти на такой шаг: в его распоряжении осталось ограниченное количество бронетанковой техники. Нехватка танков не позволила довести дивизии до полной штатной численности. Поэтому с осени 1941 г. большинство из них было расформировано или преобразовано в танковые бригады и отдельные танковые батальоны. К октябрю 1941 г. из 10 танковых дивизий остались только три: 112-я на Западном фронте, 61-я и 111-я на Дальнем Востоке.

К январю 1942 г. было сформировано 76 танковых бригад, насчитывавших 46 танков, в том числе 10 танков КВ, 16 танков Т-34 и 20 танков Т-40. Для поддержки стрелковых подразделений с осени 1941 г. начали формироваться отдельные танковые батальоны в составе 29 танков. Они сыграли свою роль в ожесточенных осенних оборонительных боях. В ноябре началось формирование тяжелых отдельных танковых батальонов, предназначавшихся главным образом для участия в контрударах и развития контрнаступления. На их вооружении находились пять танков КВ, 11 боевых машин Т-34 и 20 легких танков Т-60[94]. Формирование танковых частей и подразделений в тяжелейших условиях осени 1941 г. потребовало больших усилий от Ставки ВГК.

Весомую роль в оборонительных сражениях и боях осени 1941 г. сыграли дивизионы бронепоездов и отдельные бронепоезда. К концу 1941 г. были сформированы 33 дивизиона и три отдельных бронепоезда[95]. Главная задача дивизионов заключалась в защите железнодорожных линий, станций и узлов от немецких воздушных атак, но очень часто они перенацеливались на огневую поддержку армейских частей и подразделений. Впоследствии для усиления огневой мощи бронепоездов на них устанавливались ракетные минометные установки.

К декабрю 1941 г. были сформированы 82 кавалерийские дивизии, большинство из которых сведены в кавалерийские корпуса[96]. Из-за недостатка танковых частей и соединений для увеличения подвижности и маневренности войск, особенно при действиях в условиях бездорожья и пересеченной лесисто-болотистой местности, создавались легкие кавалерийские дивизии численностью до трех тысяч человек.

Через месяц после начала войны были переведены на новый штат стрелковые дивизии. Из их боевого состава исключался один артиллерийский полк и противотанковый дивизион, в

стрелковом батальоне вместо минометной роты оставался взвод, из стрелковых рот изымался пулеметный взвод. В результате произошло существенное снижение огневых возможностей дивизии: на 30% сократился численный состав, на 52% стало меньше орудий и минометов, на 64% — автомашин[97]. По своим боевым возможностям она значительно уступала немецкой пехотной дивизии: в советской дивизии было в 1,5 раза меньше личного состава, стрелкового оружия — в 1,4 раза, орудий и минометов — в 2,1 раза[98].

Лишь в декабре 1941 г., когда увеличилось поступление в действующую армию вооружения, стрелковая дивизия получила отдельный противотанковый дивизион, а каждый стрелковый полк — роту противотанковых ружей, что повышало противотанковую устойчивость частей в обороне. Всего до конца 1941 г. в составе сухопутных войск были вновь сформированы 286 стрелковых дивизий и переформированы из соединений других родов войск 22 дивизии. В то же время 124 стрелковые дивизии, понесшие большие потери, были расформированы[99].

Высокие темпы продвижения противника, большие потери советских войск требовали быстрого восполнения боевых возможностей действующей армии. Из-за длительности сроков формирования дивизий советское командование вынуждено было с осени 1941 г. формировать стрелковые бригады и укрепленные районы нового типа. Уже к декабрю 1941 г. насчитывалось 159 стрелковых бригад (четыре батальона, артиллерийский и минометный дивизионы, рота автоматчиков, подразделения обслуживания)[100]. Впоследствии они были переформированы в стрелковые дивизии.

Одновременно формировались бригады различного вида: курсантские, лыжные, морской пехоты, морские стрелковые. Огневая и ударная мощь бригад была ограничена.

Важную роль в оборонительных и наступательных боях во второй половине 1941 г. сыграли бригады, сформированные флотами. Так, Балтийский флот сформировал семь бригад морской пехоты и курсантскую бригаду, Черноморский флот — четыре бригады, Северный и Тихоокеанский флоты — по три бригады каждый[101]. 18 октября 1941 г. НКО распорядился о формировании морских стрелковых бригад, организация которых была идентична стрелковой бригаде[102].

Осенью 1941 г. стали формироваться лыжные батальоны, которые сыграли важную роль в условиях зимнего бездорожья. В декабре 1941 г. их насчитывалось 84. В последующем часть из них для повышения ударной мощи войск была объединена в лыжные бригады.

К началу войны Красная армия имела 19 горнострелковых дивизий, предназначенных для ведения боевых действий в горной местности. Понеся серьезные потери в боях, большая часть из них была расформирована или преобразована в стрелковые дивизии.

В свою очередь, сохранившиеся воздушно-десантные части и соединения в сентябре — октябре 1941 г. были пополнены, и на их базе сформированы пять воздушно-десантных корпусов, принявших участие в контрнаступлении под Москвой.

Важную роль в пополнении действующей армии сыграло народное ополчение, инициаторами создания которого выступили Москва и Ленинград. Ополченские формирования создавались практически во всех прифронтовых городах, районах и областях, а также в ряде других регионов. Наиболее крупные ополченские контингенты послали на фронт Москва и Московская область — 16 ополченских дивизий (всего 180 тыс. человек). Ополченские формирования сыграли важную роль в укреплении прифронтового тыла, пополнении войск резервами, обороне Ленинграда и Москвы. Всего в действующую армию влилось 36 ополченских дивизий, из них 26 прошли всю войну[103].

Тяжелые кровопролитные бои в первые три месяца войны, нехватка материальной части обусловили принципиально новый подход в организации артиллерии. За счет артиллерии расформированных корпусов и некоторых дивизий создавался артиллерийский резерв Верховного главнокомандования, которым оно распоряжалось для усиления объединений, действовавших на наиболее важных направлениях. Пушечные и гаубичные полки РВГК были переведены на сокращенные штаты, началось формирование частей полевой реактивной артиллерии. К концу 1941 г. было создано 215 таких полков, восемь гвардейских реактивных минометных полков и 73 отдельных реактивных минометных дивизиона.

Подверглась реорганизации и противотанковая артиллерия. Громоздкие истребительно-противотанковые бригады, понесшие в начальный период войны серьезные потери, были преобразованы в противотанковые артиллерийские полки. К концу осени были сформированы 72 противотанковых артиллерийских полка, часть из них имела на вооружении 37-мм и 85-мм зенитные орудия, которые вели эффективную борьбу с танками противника[104].

Переход к стратегической обороне, огромный объем инженерных задач по срыву вражеского наступления потребовали серьезной реорганизации инженерных войск. В формируемых соединениях и объединениях создавались саперные батальоны, оперативно-инженерные отряды и группы по устройству заграждений. Для подготовки оборонительных рубежей в тылу действующих фронтов формировались объединения инженерных войск — саперные армии. К концу октября 1941 г. было создано девять таких армий (две-четыре саперные бригады в каждой)[105]. Саперные армии сыграли большую роль в инженерной подготовке обороны на московском направлении. Так, силами 1-й и 3-й саперных армий совместно с населением под Москвой было построено свыше 3700 огневых сооружений, отрыто 325 км противотанковых рвов, устроено свыше 1300 км лесных завалов[106].

Реорганизации подверглись и военно-воздушные силы. В авиадивизиях вместо трех авиаполков остались два, численность самолетов в полку сокращалась вдвое (30 вместо 60). К концу июля были сформированы 20 запасных авиаполков, которые решали задачи переподготовки летного состава и формирования маршевых авиаполков для фронта.

В результате организационных мероприятий удельный вес различных родов войск значительно изменился. В связи с большими потерями в первые три месяца войны, недостаточным поступлением военной техники и вооружения от промышленности произошло значительное уменьшение удельного веса танковых войск, артиллерии и самолетов. Одновременно возрос удельный вес специальных войск, запасных частей, а также пехоты.

Произошли изменения в развитии Военно-морского флота. Решением ГКО было приостановлено строительство линкоров и тяжелых крейсеров — экономика не смогла обеспечить строительство этих сложных и дорогостоящих кораблей. Были образованы Ладожская и Чудская военные флотилии, которые действовали совместно с сухопутными войсками на северо-западном направлении.

К концу октября 1941 г. стало очевидно, что стратегический план немецкого командования по разгрому Красной армии до начала зимы сорван. Наступательные операции немецко-фашистской армии на всем протяжении восточного фронта, за исключением Крыма, к ноябрю 1941 г. были приостановлены. Немецкий историк К. Рейнгардт пришел к следующему выводу: «Планы Гитлера и перспективы успешного завершения войны Германией рухнули, видимо, в октябре 1941 года»[107]. Растущее сопротивление советских войск, а не сложные климатические условия, стало решающим фактором в приостановке наступления вермахта. Неслучайно бывший министр иностранных дел Й. фон Риббентроп, находившийся под следствием в рамках Нюрнбергского процесса, среди главных причин поражения Германии в войне назвал неожиданную «силу сопротивления» Красной армии.

В сложившейся осенью 1941 г. обстановке даже ограниченные цели уже были не по силам обескровленному вермахту. Возобновив наступление на Москву в середине ноября 1941 г., группа армий «Центр» не смогла выполнить поставленную перед ней задачу, достигнув в начале декабря предела своих возможностей. Критическая ситуация для вермахта сложилась не только на центральном направлении. В ноябре началось контрнаступление советских войск на юге, в ходе которого был освобожден Ростов. Вслед за этим, в декабре, началось контрнаступление под Ленинградом, завершившееся освобождением Тихвина.

Гигантская работа ГКО и Ставки ВГК по мобилизации людских и материальных ресурсов для нужд фронта, упорное сопротивление Красной армии, героизм и самоотверженность советских солдат, накопленный советским командованием опыт по планированию и ведению боевых действий в условиях маневренной войны привели к тому, что в ожесточенных сражениях 1941 г. немецко-фашистские армии были обескровлены и остановлены на всех стратегических направлениях.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: документы и комментарии. 1941–1945 гг. М., 2004. С. 15.

[2] Архив внешней политики (далее — АВП). Ф. 059. Оп. 1. П. 346. Д. 2364. Л. 48.

[3] *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. В 2-х т. Т. 1. М., 1958. С. 511.

[4] Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (далее — FRUS). 1941. Vol. 1. Wash., 1958. P. 812–813.

[5] *Судоплатов П.* Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001. С. 329.

[6] *Батлер Д., Гуайер Д.* Большая стратегия (июль 1941 — август 1942 г.) / Пер. с англ. М., 1967. С. 125.

[7] FRUS. 1941. Vol. 1. P. 838.

[8] *Stettinius E.* Roosevelt and the Russians. Garden City, 1949. P. 7.

[9] *Исраэлян В. Л.* Дипломатия в годы войны (1941–1945). М., 1985. С. 36.

[10] Военно-экономические вопросы на Московской конференции трех держав в 1941 г. // Военно-исторический журнал. 1978. № 9. С. 15.

[11] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 1. М., 1946. С. 175.

[12] См.: *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. С. 25.

[13] История США. Т. 3. 1918–1953 гг. М., 1985. С. 336.

[14] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (далее — Переписка...). Т. 2. М., 1957. С. 13.

[15] Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1959. С. 47.

[16] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. С. 145.

[17] Переписка... Т. 1. С. 11.

[18] *Мэтлофф М., Снелл Э.* Стратегическое планирование в коалиционной войне. 1941–1942 гг. М., 1955. С. 118–119, 209.

[19] Страны Леванта — общее название стран, прилегающих к восточной части Средиземного моря (Сирия, Ливан, Египет, Турция, Греция, Кипр).

[20] *Батлер Д., Гуайер Д.* Большая стратегия. Июль 1941 — август 1942 г. С. 249.

[21] Там же. С. 246.

[22] Международная жизнь. 1970. № 3. С. 102.

[23] Переписка... Т. 1. С. 19–20.

[24] *Parkinson R.* Blood, Toil, Tears and Sweat. The War History from Dunkirk to Alamein, based on the War Cabinet papers of 1940 to 1942. London, 1973. P. 287–288, 299–302.

[25] *Хаттори Т.* Япония в войне. 1941–1945 / Пер. с япон. М., 1973. С. 110.

[26] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 4. М., 1975. С. 389–392.

[27] *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Т. 1. М., 1958. С. 633.

[28] *Кошкин А.* Дипломатическая прелюдия войны на Тихом океане // Вопросы истории. 2002. № 4. С. 37–38.

[29] The Memoirs of Cordell Hull. Vol. 1, 2. NY., 1964. Vol. 2. P. 1111–1112.

[30] The Eden Memoirs: The Reckoning. L., 1965. P. 288.

[31] *Churchill W.* The Second World War. Vol. 3. L., 1950. P. 574.

[32] *Мэтлофф М., Снелл Э.* Стратегическое планирование в коалиционной войне. 1941–1942 гг. С. 123.

[33] *Фейс Г.* Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились. М., 2003. С. 35.

[34] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. С. 170–171.

[35] Цит. по: *Reinhardt K.* Die Wende vor Moskau — Das Scheitern der Strategie Hitlers im Winter 1941–1942. Stuttgart, 1972. S. 184.

[36] Переписка... Т. 2. С. 15.

[37] *Вознесенский Н. А.* Избранные произведения. 1917–1947 гг. М., 1979. С. 504, 582; Эшелоны идут на восток: Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг. М., 1966. С. 6.

[38] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический сборник (далее — Народное хозяйство СССР). М., 1990. С. 15.

[39] *Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 52.

[40] *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. М., 1956. С. 228.

[41] *Рыжков Н. И.* Великая Отечественная: битва экономик и оружие победы. М., 2011.

[42] *Куманев Г. А.* Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы // Новая и новейшая история. 2006. № 6.

[43] *Дьяков Ю. Л.* Подвиг строителей индустрии тыла. М., 1981. С. 81.

[44] *Верт А.* Россия в войне. 1941–1945 гг. М., 1967. С. 148.

[45] Блюминг — прокатный стан особой системы.

[46] Народное хозяйство СССР... С. 83.

[47] *Куманев Г.* Советские железнодорожники в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М., 1963. С. 99.

[48] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 4. С. 147.

[49] Там же. С. 149.

[50] ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11285. Д. 205. Л. 1–78.

[51] *Кожевников М. Н.* Командование и штаб ВВС Советской армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1977. С. 83.

[52] *Яковлев Н. Д.* Об артиллерии и немного о себе. М., 1981. С. 151.

[53] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. М., 1998–1999. Кн. 1. М., 1998. С. 409.

[54] *Бабич Ю. П., Байер А. Г.* Развитие вооружения и организации советских сухопутных войск. М., 1990. С. 9.

[55] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 1. Основные события войны. М., 2011. С. 471.

[56] Оружие Победы. 1941–1945 гг. М., 1985. С. 410, 413, 442, 452–453.

[57] *Вознесенский Н. А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 505.

[58] *Зимонин В. П.* Ленд-лиз: как это было // Красная звезда. 2006. 26 октября.

[59] Foreign Commerce and Navigation of the United States for the Calendar Year 1941. Wash., 1942. P. 38.

[60] *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Т. 1. М., 1958. С. 626.

[61] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 249.

[62] *Кнорр К.* Военный потенциал государств. М., 1960. С. 252.

[63] См.: *Фомин В. Т.* Фашистская Германия во Второй мировой войне (сентябрь 1939 — июль 1941 г.). М., 1978. С. 270, 274.

[64] Цит. по: Германский империализм и Вторая мировая война. М., 1963. С. 377.

[65] *Millward A.* Die Deutsche Kriegswirtschaft 1939–1945. Stuttgart, 1966. S. 44.

[66] *Reinhardt K.* Die Wende vor Moskau — Das Scheitern der Strategie Hitlers im Winter 1941–1942. Stuttgart, 1972. S. 39.

[67] *Tomas G.* Geschichte der deutschen Wehr- und Rüstungswirtschaft (1918–1943/45). Boppard am Rhein, 1966. S. 475.

[68] *Reinhardt K.* Die Wende vor Moskau. S. 189.

[69] *Muller-Hillebrand B.* Das Heer 1933–1945. Bd. 3. Frankfurt a/M, 1969. Anhang B.

[70] *Reinhardt K.* Die Wende vor Moskau. S. 110, 111.

[71] *Janssen G.* Das Ministerium Speer, Deutschlands Rüstung im Krieg. Frankfurt a/M., 1968. S. 333, 337.

[72] *Scherner J.* Industrial Investment in Nazi Germany: The Forgotten Wartime Boom / University of Mannheim / Yale University, 2006. P. 1.

[73] *Overy R. J.* War and Economy in the Third Reich. Oxford, 1994. P. 278, 288–290.

[74] United States Strategic Bombing Survey. The Effects of Strategic Bombing on the German War Economy: Overall Economic Effects Division, Oct 31, 1945. Vol. 1. NY, 1976. P. 7.

[75] *Hayes P.* Industry and Ideology: IG Farben in the Nazi Era. Cambridge, 1987.

[76] См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 2. Происхождение и начало войны. М., 2012. С. 845–858.

[77] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 3-х т. М., 1990. Т. 2. С. 58–59.

[78] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск. 1939–1942 гг. В 3-х т. М., 1968–1971. Т. 3. В 2-х кн. Кн. 1. М., 1971. С. 80.

[79] Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. Wehrmachtführungsstab. 1940–1945 (далее — KTB/OKW). Bd. 1. Frankfurt a/M., 1965. S. 1121.

[80] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 4. М., 1975. С. 90.

[81] Там же. С. 90–91.

[82] «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы (далее — «Совершенно секретно!»). М., 1967. С. 326–331.

[83] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 111–112.

[84] Liddell Hart Centre for Military Archives (далее — LH). 9/24/107.

[85] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 80.

[86] *Гусаров Ф. Ф., Бутаков Л. А.* Техническое прикрытие железных дорог // Военно-исторический журнал. 1988. № 4. С. 52–53.

[87] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5-1). М., 1996. С. 329.

[88] *Попов Н.* Совершенствование системы транспортного обеспечения в годы войны // Военно-исторический журнал. 1982. № 8. С. 22.

[89] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 208.

[90] *Сечкин Г. П.* Пограничные войска в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 100.

[91] Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1975. С. 704.

[92] Фронты наступали: по опыту Великой Отечественной войны. Краткий историко-теоретический очерк. М., 1987. С. 31.

[93] 50 лет Вооруженных сил СССР. М., 1968. С. 269.

[94] Строительство и боевое применение советских танковых войск в годы Великой Отечественной войны. М., 1979. С. 48–49.

[95] Советская военная энциклопедия в восьми томах. Т. 1. М., 1990. С. 595.

[96] 50 лет Вооруженных сил СССР. С. 270.

[97] Советские вооруженные силы. М., 1978. С. 280.

[98] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 4. С. 60, 61.

[99] *Павловский И. Г.* Сухопутные войска СССР: зарождение, развитие, современность. М., 1985. С. 108.

[100] Советские вооруженные силы. С. 281.

[101] *Камалов Х. Х.* Морская пехота в боях за родину. М., 1966. С. 7–19.

[102] *Шломин В.* Двадцать пять морских стрелковых // Военно-исторический журнал. 1970. № 7. С. 96.

[103] *Колесник А. Д.* Ополченские формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. М., 1988. С. 243; Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. М., 1985. С. 478–479.

[104] 50 лет Вооруженных сил СССР. С. 270, 271.

[105] *Комаровский А. Н.* Записки строителя. М., 1973. С. 101.

[106] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. М., 1985. С. 34.

[107] The Axis and Allies / Ed. by *Erickson J., Dilks D.* Edinburgh, 1994. P. 207.

«ВСЕ НА ЗАЩИТУ МОСКВЫ»

Московская битва — самая крупная не только во Второй мировой войне, но и во всей военной истории человечества. Она втянула в свою орбиту более 7 млн человек[1]. В 1943 г. Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников назвал ее событием Великой Отечественной, которое повлияло на ход и исход войны. С захватом Москвы, ключевого пункта восточной кампании вермахта в 1941 г., согласно немецким планам, Советский Союз должен был утратить свою государственность. Удержание же столицы давало возможность советскому народу получить необходимое время для развертывания в полном масштабе военной экономики, мобилизации всех ресурсов на разгром врага.

В ходе Московской битвы были перечеркнуты планы Гитлера и его стратегов молниеносной победы над Советским государством и последующего установления мирового господства. У стен советской столицы вермахт потерпел первое крупнейшее поражение, определившее во многом последующий ход и конечный итог Великой Отечественной войны. Оценивая победу Красной армии в Московской битве, Г. К. Жуков писал, что именно тогда «была заложена прочная основа для последующего разгрома фашистской Германии»[2].

Московская битва представляла собой совокупность оборонительных и наступательных операций советских войск, проведенных с 30 сентября 1941 г. по 20 апреля 1942 г. на западном стратегическом направлении с целью обороны Москвы и Центрального промышленного района, разгрома угрожавших им ударных группировок немецких войск. Она делится на два периода: оборонительный (30 сентября — 4 декабря 1941) и наступательный, состоящий из двух этапов: контрнаступления (5–6 декабря 1941 — 7–8 января 1942) и общего наступления советских войск (7–10 января — 20 апреля 1942).

План вермахта по захвату Москвы

В истории нашего Отечества Москва всегда занимала особенное положение. Здесь сходятся крупнейшие железные и автомобильные дороги, воздушные магистрали и водные пути. Москва лежит на линии, которая разделяет европейскую Россию на две части — северную и южную. Она связывает их так же, как запад и восток государства. Велико было и экономическое значение Центрального промышленного района и самой Москвы. Валовая продукция только столичных промышленных предприятий к началу войны составляла 14,7% продукции, выпускаемой всей промышленностью СССР. Московская металлообрабатывающая и электротехническая промышленность занимала ведущее место в стране и давала 48,1% всей продукции. Москва не просто столица нашей страны, она еще и политический, экономиче-

ский и социокультурный центр, символ российской государственности. Москва — сердце России. Москву следует расценивать не только как материальное, но и духовное образование. В директиве № 21 (план «Барбаросса») указывалось, что захват Москвы означал бы «как в политическом, так и в экономическом отношении решающий успех»[3]. Предполагалось, что с достижением этой цели война будет выиграна[4]. Причем, планируя захват Москвы, гитлеровцы предусматривали истребление основной массы москвичей. Для жителей великого города предназначались пуля и петля, их намеревались задушить в тисках голода. Фашисты цинично заявляли, что они против сохранения населения Москвы и его «кормления». А. Розенберг открыто признавал, что они не видели «абсолютно никакой причины... снабжать продовольствием русский народ». Для массовых убийств москвичей гитлеровцы создали специальную зондеркоманду «Москва»[5]. Поэтому одной из основных задач главного командования сухопутных войск вермахта (ОКХ) наряду с разгромом советских войск в приграничных сражениях являлся захват столицы СССР — Москвы.

Мощнейшая группировка вермахта (группа армий «Центр») под командованием опытного военачальника генерал-фельдмаршала Ф. фон Бока должна была продвигаться к Москве по кратчайшему маршруту. При этом командование группы армий «Центр» исходило в своих расчетах прежде всего из установок директивы «Барбаросса», по которой, в частности, продвижение немцев к советской столице должно было осуществляться в условиях полного развала и дезорганизации сил Красной армии[6].

Но ни план «Барбаросса», ни последовавшие затем оперативные разработки групп армий не учитывали всех издержек, связанных с гигантским расширением фронта в ходе предстоявшей операции: потерю времени, износ материальной части ударных группировок, падение наступательного духа солдат и офицеров в случае непредвиденного замедления продвижения вперед. Взоры немецких стратегов были устремлены к Москве. И не только стратегов. «Мы хотели доказать большевикам наше превосходство и стремились в Москву. Чем скорее достигнем этой цели, тем скорее будет конец войне, и мы окончательно вернемся домой — так мы думали», — вспоминал немецкий солдат Б. Винцер[7].

Правда, уже по итогам первых дней боевых действий Бок сообщал в донесении в генеральный штаб сухопутных войск (ОКХ), что «завершение сражений на уничтожение на Востоке будет иметь существенное отличие от Запада. Если на Западе, как и в войне с Польшей, окруженные силы противника после окончания сражения в основном сдавались в плен, здесь это будет происходить по-другому»[8]. Мужество, отвага, героизм солдат Красной армии в приграничных сражениях, боях и оборонительных операциях подтвердили прогноз немецкого военачальника. Немцам приходилось выделять крупные силы, в том числе из частей армии резерва, для борьбы с оставшимися в их тылу советскими войсками, которые с оружием в руках прорывались на восток.

К концу лета 1941 г. московское направление продолжало оставаться решающим как для ОКХ, так и для верховного командования вооруженных сил Германии (ОКВ). Временная задержка продвижения частей группы армий «Центр» на восток являлась болезненной для германских генералов, рассчитывавших завершить к этому времени уничтожение основных сил Красной армии. Но она не влияла пока на осуществление общей стратегической концепции блицкрига. В телеграмме ОКХ от 31 июля 1941 г. группе армий «Центр» было приказано по-прежнему «готовиться к наступлению на Москву»[9].

6 сентября 1941 г. последовала директива ОКВ № 35. Германское верховное командование намечало в ближайшее время провести последовательно две крупные операции. Первая — уничтожение советских войск под Киевом силами групп армий «Центр» и «Юг», и вторая — после устранения угрозы южному флангу группы армий «Центр» решительное наступление войск фон Бока на Москву. После выхода директивы началась непосредственная подготовка операции по захвату советской столицы, позже (19 сентября 1941) получившей кодовое наименование «Тайфун». Намеченный в директиве общий замысел наступления на Москву в сентябре 1941 г. был доработан, а затем оформлен в виде приказов группы армий «Центр», в которых детально излагались задачи каждого объединения.

В вводной части директивы № 35 пояснялось, что «начальные успехи против сил противника, находящихся между внутренними флангами групп армий «Центр» и «Север», с точки зрения окружения Ленинграда, создают предпосылки для проведения решающих операций против ведущей наступление группы армий Тимошенко. Она должна быть уничтожена еще до наступления зимы. Для этого необходимо подтянуть и сосредоточить все силы авиации и сухопутной армии, без которых можно обойтись на флангах»[10].

Фюрер косвенно признал: оборона Ленинграда — города, в который германские войска должны были войти раньше, чем в Москву, — оказалась ему не по зубам. Не произошло и быстрого соединения вермахта с финской армией. Окружение Ленинграда ставило его защитников и жителей в тяжелейшее положение, но и германскому командованию приходилось считаться с отвлечением крупных сил для его блокирования. Гитлер был вынужден смириться с незавершенностью операций в полосе группы армий «Север» и довольствоваться тем, что вопрос об угрозе северному флангу группы фон Бока сделался на время менее острым. Продвижение в направлении Тихвина и далее навстречу финнам планировалось начать лишь в октябре 1941 г.

Операция «Тайфун» готовилась в тот момент, когда в Красной армии сложилось крайне тяжелое положение, так как на ряде направлений противнику удалось добиться крупных успехов. Командование вермахта после разгрома Юго-Западного фронта под Киевом практически поставило крест на способности СССР продолжать активные боевые действия[11].

Успехи немецких войск при окружении частей Западного фронта под Белостоком и Минском, Смоленское сражение, боевые действия под Брянском и Вязьмой, казалось, ставили Советское государство в безвыходную ситуацию. Весьма значительными были потери Красной армии и на других участках советско-германского фронта — под Киевом, Уманью, Лугой. Они также во многом определили исход летней кампании 1941 г. и позволили командованию вермахта надеяться на полное истощение резервов Советского Союза.

Создавшиеся для вермахта благоприятные условия для наступления в первые дни войны, особенно на московском направлении, безусловно, повлияли на стремление главного командования сухопутных войск продолжать быстрое продвижение на восток. Подобные замыслы подкреплялись донесениями с фронта. Так, подполковник фон Либерштейн, офицер генерального штаба ОКХ, служивший во 2-й танковой группе, во время беседы с адъютантом фюрера полковником Р. Шмундом 12 июля 1941 г. сообщал, что, по оценке командующего танковой группой Г. Гудериана, боевая сила его объединения вполне достаточна для того, чтобы прорваться на Москву. Группа имела только одно желание — получить разрешение двигаться вперед[12].

И это притом что танковые дивизии понесли в предыдущих боях крупные потери. 5-я и 8-я танковые дивизии потеряли до 50% танков, а 17-я танковая дивизия имела в распоряжении только 30% боеспособных боевых машин. Тем не менее Гудериан считал, что сумел «вклиниться в стратегическое сосредоточение противника», который только выдвигался на передовые позиции, и желал продолжать наступление, чтобы выиграть свободный путь на восток[13].

Командующий 3-й танковой группой генерал Г. Гот, после того как его войска захватили Витебск, также рассчитывал наступать вплоть до Москвы. Позднее в своих воспоминаниях он отмечал, что 3-я танковая группа «стремилась развить операцию по преследованию отступающего противника без остановки до самой Москвы»[14]. Оставшиеся советские части и вновь подходившие с востока соединения Красной армии должны были уничтожаться по ходу дела в новом, Смоленском котле.

После разгрома окруженных советских войск о сопротивлении Красной армии, по мнению ОКХ, можно было забыть. Поэтому 15 сентября 1941 г. Бок отдал приказ, требующий скорого принятия решений и быстрого продвижения. Командир, по его мнению, должен был «раздумывать до начала боя... Если даже часть смертельно устала, командир должен найти средства и пути и начать преследование и провести его до конца»[15].

Между тем реализация операции «Тайфун» началась не по сценарию германских стратегов. Прорваться с ходу на Москву не удалось. Положение на московском направлении в середине сентября 1941 г. более или менее стабилизировалось. Части Западного, Резервного

и Брянского фронтов пополнялись личным составом и техникой. Несмотря на тяжелейшие потери в июле — начале августа 1941 г., войска Красной армии, прикрывавшие путь на Москву, не только не утратили своей боеспособности, но и продолжали ее наращивать. Смоленское же сражение изматывало силы вермахта и задерживало их на главном стратегическом направлении. Возрастающее сопротивление Красной армии не только в центре, но и на флангах советско-германского фронта сковывало наступление противника, не допускало его дальнейшего продвижения.

Хотя накал сражений в полосе группы армий «Центр» несколько снизился, офицеры в боевых частях все чаще стали отмечать усталость военнослужащих вермахта. Отсутствие продвижения вперед, условия фронтового быта, ежедневные неизбежные потери тяжело воспринимались германскими солдатами, привыкшими к легким победам, что не прошло незамеченным для германского командования.

Немецкие войска несли заметные потери. С начала войны по 30 сентября 1941 г. вермахт (без войск сателлитов) потерял ранеными, убитыми и пропавшими без вести, не считая больных, 551 039 человек, в том числе офицеров — 18 235 и унтер-офицеров и рядовых — 532 804, то есть 16,2% общей численности немецких сухопутных войск на советско-германском фронте, равной 3,4 млн человек[16]. Танковые дивизии противника уже к середине августа потеряли в среднем около половины танков.

На начало сентября в результате непрерывных сражений боевая численность пехотных подразделений группы армий «Центр» снизилась настолько, что начала внушать опасения немецкому командованию. Штаб 2-й немецкой армии констатировал, что в ротах осталось в среднем по одному, в редких случаях по два офицера, по 10 унтер-офицеров и по 70 рядовых. Вследствие непрерывных и очень больших переходов ухудшилось состояние здоровья личного состава[17]. Некоторые войсковые части вермахта после трех с половиной месяцев тяжелейших боев потеряли боеспособность, по оценкам немецких исследователей — на 50%[18].

В планах вермахта по захвату Москвы в рамках операции «Тайфун» констатировалось, что угроза южному флангу группы армий «Центр» оставалась. Еще до начала наступления на Москву немецкое командование планировало операцию на южном фланге советско-германского фронта: предполагалось силами группы армий «Юг» и южного крыла группы армий «Центр» разгромить войска Юго-Западного фронта «в треугольнике Кременчуг, Киев, Конотоп» с последующим проведением перегруппировки соединений 2-й, 6-й полевой армий и 2-й танковой группы для новой операции. На нижнем Днепре предусматривалось продолжить наступление на Крым и Мелитополь.

Незадействованные в операциях на южном фланге войска группы армий «Центр» должны были готовиться к проведению в конце сентября решительного наступления в направлении на Москву. Это наступление предусматривало два этапа: первый — окружение советских сил, прикрывавших столицу с запада; второй — преследование остатков советских войск вплоть до Москвы.

В соответствии с замыслом операции «Тайфун» предполагалось создать на флангах группы армий «Центр» «сильные танковые части и в результате двойного охвата в направлении города Вязьма уничтожить противника, находящегося восточнее Смоленска». Для удара моторизованных сил намечались два направления: «Первое — на южном фланге, предположительно в районе юго-восточнее Рославля [4-я армия] с нанесением удара на северо-восток» — туда перебрасывались свежие 5-я и 2-я танковые дивизии; и «второе — в районе 9-й армии с нанесением удара через Белый» — в этот район должны были подтянуться значительные силы из группы армий «Север». Указывалось: «только после того, как основная часть сил группы Тимошенко в результате этой операции будет уничтожена, группе армий «Центр», примыкая справа к р. Ока и слева к верховьям Волги, начать преследование противника в направлении на Москву»[19].

Германским ВВС ставилась задача поддержать наступление, особенно на северо-восточном направлении. Основные силы 2-го воздушного флота также должны были действовать на флангах.

Второй этап наступления (преследование противника до Москвы) намечалось обеспечить: с юга — продвижением моторизованных частей группы армий «Юг» в северо-восточном направлении, а с севера — наступлением соединений группы армий «Север» по обе стороны оз. Ильмень и навстречу финской Карельской армии[20].

Необходимо отметить одну деталь в плане германского командования. Моторизованные части 2-й танковой группы армий «Юг», высвобождавшиеся по мере ликвидации окруженной группировки Юго-Западного фронта, пока не предусматривалось задействовать на главном направлении. Они должны были лишь прикрывать его южный фланг. Очевидно, что ОКВ беспокоилось за судьбу операции в районе Киева и не хотело опережать события. Естественно, такой поворот событий не устраивал командование группы армий «Центр». Бок не оставлял надежды, что впоследствии ему удастся воспользоваться мощью 2-й танковой группы и расширить фронт наступления на московском направлении.

Командование группы армий «Центр» было вынуждено смириться с тем, что даже при быстром успехе под Киевом 2-й танковой группе предстояло совершить большой маневр на несколько сотен километров. Это влекло за собой серьезный износ материальной части и физическое истощение военнослужащих (не говоря уже о потерях в личном составе и бронетехнике), а в конечном итоге грозило отсутствием тесного флангового взаимодействия 2-й танковой группы с наступающей из района Рославля 4-й полевой армией. По оценкам некоторых современных немецких исследователей, в операции «Тайфун» Гитлер «всё поставил на карту»[21].

В сентябре 1941 г. велась подготовка немецких войск к операции. Лимит времени заставлял германских генералов действовать быстро и энергично. ОКВ указывало, что решающее значение имела переброска шести пехотных дивизий из 2-й и 6-й армий, двух танковых дивизий из Германии, высвобождавшихся соединений группы армий «Север», 2-й танковой группы до начала октября 1941 г. Отмечалось, что переход в наступление группы армий «Центр» до начала октября может осуществиться при следующих условиях: боевые действия группы армий «Юг» в междуречье Днепр — Десна закончатся в основном до 25 сентября; пехотные соединения группы армий «Центр» к началу октября не будут ослаблены оборонительными боями; погодные условия будут благоприятствовать осуществлению передвижения; войска группа армий «Центр» удержат фронт и сохранят за собой базу снабжения в Смоленске[22].

Основным замыслом первого этапа немецкого наступления на Москву осенью 1941 г. стал охватывающий удар на Вязьму. Вопрос — почему же была выбрана именно Вязьма — требует некоторого пояснения. Дело в том что сама идея такого охватывающего удара родилась еще в начале августа 1941 г., но не в недрах ОКХ и ОКВ, как было принято считать ранее, а в штабе 3-й танковой группы. Офицер связи командования сухопутных войск, участвовавший в переговорах с командующим группой Г. Готом, 11 августа докладывал: «...общие соображения 3 ТГр[23] более продуманы. 3 ТГр не ожидает в целом, как 2 ТГр, разгрома противника перед его фронтом только путем лобовой атаки. Командование группы больше видит возможность к его уничтожению во взаимодействии со 2 ТГр, в создании мешка с завершением восточнее Вязьмы, для чего требуется держать вблизи группу Гудериана»[24].

Хотя в сентябре 1941 г. части Гудериана оказались отвлечены операцией на юге, идея мешка под Вязьмой не была забыта. 2-ю танковую группу призвана была заменить 4-я танковая группа генерала Э. Гёпнера, находившаяся в то время под Ленинградом. Это, естественно, ослабляло немецкие силы, предназначенные для захвата города на Неве, ставило под вопрос успешное соединение с финнами еще в 1941 г., однако давало германскому командованию шанс сконцентрировать крупные танковые силы на главном, московском направлении. В дальнейшем, несмотря на то что 4-я танковая группа еще некоторое время действовала на северном участке советско-германского фронта, расчеты ОКХ и штаба группы армий «Центр» стали основываться на ее участии в предстоявшем наступлении на Москву.

После выхода директивы № 35 Вязьма стала фигурировать почти во всех документах германского командования, посвященных предстоящему наступлению. Более того, название этого города часто упоминалось в прямых переговорах командующего группы армий «Центр»

с главнокомандующим сухопутными войсками. После 6 сентября между Ф. Боком и В. Браухичем возникли некоторые разногласия относительно глубины продвижения германских войск на первом этапе операции, в основном по вопросу: где должны замкнуться танковые клещи — у Вязьмы или восточнее?

8 сентября 1941 г. Бок просил главное командование сухопутных войск учесть, что «рубежи укреплений по обеим сторонам Вязьмы, а также глубокоэшелонированное построение этих оборонительных рубежей позволяют провести операцию только за ними, то есть в направлении на Гжатск»[25]. Но Браухич был более осторожным и придерживался другого мнения. 12 сентября он сообщил командующему группой: «Основная цель операции, проводимой группой армий «Центр», должна заключаться в том, чтобы вывести из строя расположенный в центре группы войск Тимошенко основной стержень сосредоточения войск противника на ограниченной территории и плотным охватом уничтожить его... Для намеченного двустороннего охвата ядра группировки Тимошенко необходимо взять направление общего наступления на Вязьму»[26].

Браухич, в отличие от Бока, поддерживал мнение тех генералов, которые считали, что слишком глубокий охват противника становится все более опасным, он чреват тем, что наступление может не достигнуть своей цели. Так, представители ОКХ, находившиеся при 3-й танковой группе, предостерегали, что «при выходе к далеко отстоящим целям фронт охвата противника будет, как и до сих пор, недостаточно плотен, и в этом случае крупные вражеские силы смогут прорваться и выйти, избегнув окружения, которое возможно будет завершить спустя лишь продолжительный срок. Время же, которое имеется в нашем распоряжении, ограничено»[27].

В конечном итоге, в ОКХ решили использовать в первую очередь тактику «небольших мешков», тем самым косвенно признавалось, что тактика блицкрига в России себя не оправдывает. Пришлось на ходу приспосабливаться к действиям советских частей. 25 сентября 1941 г. начальник генерального штаба ОКХ генерал-полковник Ф. Гальдер приказал подчиненным ему офицерам связи собрать в войсках данные о приобретенном опыте кампании. Одним из вопросов, который рекомендовалось задавать полевым командирам, был следующий: «Вызывает ли чувствительность флангов необходимость отказаться от применявшегося до сих пор принципа — продвигаться далеко вглубь [обороны противника]?»[28]

Приготовления германских войск к операции в полной мере учитывали местность предстоявшего наступления, вопросы своевременного подвоза войск, маскировки. Генштаб ОКХ определял количество корпусов и дивизий, необходимых для каждого направления, уточнял оперативные планы. Развертывание войск и их сосредоточение были возложены на командование группы армий, которому вменялось в обязанность руководить операцией. Выпускники германской академии генштаба (офицеры генштаба), находившиеся непосредственно в войсках и занимавшие различные командные должности, были ответственны за конкретизацию задач каждого соединения.

Огромное значение для успеха наступления приобретали маскировка, дезинформация противника (в том числе радиообман), распространение в тылу советских войск ложных слухов, а также учет рельефа местности, бесперебойное снабжение боеприпасами и прочее.

Северная ударная группировка группы армий «Центр» сосредоточилась в районе Духовщины, а южная — под Рославлем. Расстояние между ними — примерно 150 км, то есть почти в два раза меньше, чем между 2-й и 3-й танковыми группами перед началом «Барбароссы». Это было вызвано, во-первых, необходимостью взять в кольцо наиболее многочисленную советскую группировку, расположенную вдоль шоссе Минск — Москва; а во-вторых, немецкие удары направлялись по слабым участкам, что позволяло быстро прорвать советскую оборону и на начальном этапе сражений избежать крупных потерь.

К началу наступления германское командование сумело получить достоверные сведения о расположении советских войск. Еще 12 сентября Браухич отметил, что направления восточнее Рославля и восточнее Велижа являются наиболее уязвимыми участками советского фронта. Чуть позднее, в своей сводке № 102 от 25 сентября 1941 г., отдел по изучению ино-

странных армий Востока генштаба ОКХ сообщил о прочности советской обороны напротив внутренних флангов 4-й и 9-й немецких армий, то есть непосредственно в районе шоссе Москва — Смоленск[29].

16 сентября 1941 г. Бок издал директиву № 1300 («Директивы для новой операции»), которая в полной мере учитывала сложившуюся к тому времени ситуацию на фронте германских сил. Согласно оперативному замыслу, разработанному штабом группы и изложенному в этой директиве, 4-я армия (с подчиненной 4-й танковой группой) и 9-я армия (с подчиненной 3-й танковой группой) должны были осуществить прорыв обороны противника по обеим сторонам шоссе Рославль — Москва и севернее автодороги Смоленск — Москва и зажать противника в клещи у Вязьмы. Частям 9-й армии предстояло также продвинуть свои войска в направлении на Ржев. Задачей 2-й армии было наступление между городами Почепом и Снопотью в направлении на Сухиничи, Мещовск и на южном фланге на Брянск. 2-я танковая группа, местом сосредоточения которой был район Рыльска, Почепа и Новгород-Северского, должна была ударить через линию Орел — Брянск. Указывалось, что танковая группа продвигается «с юга в направлении позиций противника на реке Десна и вытесняет его во взаимодействии со 2-й армией в дуге рек Судость, Десна». Главное командование сухопутных войск дало указание, чтобы правый (южный) фланг 2-й танковой группы ограничивался реками Свапа и Ока. В директиве также говорилось, что ситуация на флангах группы армий «Центр» в период наступления будет следующей: на северном фланге — 16-я армия (группа армий «Север») будет «оборонять линию озер на участке Осташков, озеро Ильмень, Волхов»; а на южном фланге — соединения группы армий «Юг» предположительно будут «наступать в общем направлении на Харьков»[30].

Для операции предназначались силы 22 немецких корпусов. В наступлении должны были принять участие (теперь в полном объеме) соединения 2-й танковой группы. Более того, под Рославль перебрасывались из района Ленинграда соединения 4-й танковой группы. Из состава группы армий «Юг» Бок получал также две танковые, две пехотные и две моторизованные дивизии. Из резерва главного командования группе армий были переданы полностью укомплектованные 2-я и 5-я танковые дивизии, прибывшие из Германии, которые должны были войти в состав 40-го корпуса, 4-й танковой группы[31]. 19 сентября началась переброска в район действий группы армий «Центр» 27-го армейского корпуса из района расположения группы армий «Д» (во Франции).

Таким образом, общий фронт предстоявшего наступления вражеских войск на западном направлении расширился до 600 км: от верховий Западной Двины — на севере, до Глухова и Шостки (Украина) — на юге. Это давало возможность проводить операцию более решительно, использовать широкий маневр и не опасаться удара по южному флангу соединений, предназначенных для окружения противника под Вязьмой.

Часть дивизий группы армий «Центр» оставалась в обороне восточнее и северо-восточнее Смоленска. В резерве группы армий оставались всего два соединения: 19-я танковая дивизия и 900-я учебная бригада. Кроме того, имелся моторизованный полк дивизии СС «Великая Германия».

Некомплект личного состава немецких соединений, составлявший на конец августа в некоторых дивизиях до 25%[32] (при штатной численности германской пехотной дивизии — 16 859 человек, моторизованной — 14 089 и танковой — 16 000), был пополнен в пехотных дивизиях живой силой — примерно до 90% штатной укомплектованности. Количество танков в танковых и моторизованных дивизиях было доведено до 80—100% по штату[33].

Благодаря подвозу танков, моторов и запасных частей к началу октябрьского наступления количество находившихся в группе армий боеспособных танков увеличилось в два-три раза. Более того, 4-я танковая группа получила полностью укомплектованные 2-ю и 5-ю танковые дивизии. Притом что на 1 октября 1941 г. в группе армий «Центр» насчитывалось 1700 танков, входивших в состав 14 танковых дивизий[34], в среднем на танковую дивизию приходилось около 120 бронированных машин. Согласно штатному расписанию, немецкая танковая дивизия могла включать в свой состав от 135 до 209 танков.

Часть соединений, перебрасывавшихся в группу армий с других участков фронта, оставалась пока на значительном расстоянии от фронта. В частности, в 20-х числах сентября 1941 г. в Невеле сосредотачивались штабы и части 57, 41, 56-го корпусов. ОКХ обращало особое внимание на скрытность перегруппировки войск, выход их на исходные рубежи наступления как можно в более позднее время и с проведением мероприятий по дезинформации противника. Перемещение частей необходимо было производить по возможности в ночное время[35].

Накануне наступления командование 2-го воздушного флота тщательно спланировало взаимодействие авиации с сухопутными войсками. Для облегчения связи ее штаб размещался рядом со штабными палатками группы армий «Центр» в лесном лагере около Смоленска. Предполагалось, что 8-й авиакорпус и его части ПВО будут содействовать прорыву 3-й танковой группы генерала Гота. Частям 2-го авиакорпуса и 2-му корпусу ПВО генерала О. Десслоха предписывалось прикрыть соединения 4-й танковой группы генерала Гёпнера, а специальной группе подполковника графа К. фон Шенборна, входившей во 2-й авиакорпус, совместно с переброшенным с юга 1-м корпусом ПВО способствовать прорыву 2-й танковой группы генерала Гудериана.

Во второй половине сентября 1941 г. в штабе группы армий «Центр», в штабах ее соединений продолжалась кропотливая работа по подготовке операции. Уточнялись задачи каждому соединению. 24 сентября состоялось последнее оперативное совещание всех командующих немецкими полевыми армиями и танковыми группами с участием главнокомандующего сухопутными войсками Браухича и начальника генштаба ОКХ Ф. Гальдера. Начало операции для 2-й танковой группы было назначено на 30 сентября; для всех остальных соединений — 2 октября. Генерал Г. Гудериан настоял на том, чтобы его группа выступила раньше ввиду отсутствия на его направлении дорог с твердым покрытием. Он желал также максимально использовать хорошие погодные условия для броска в район Орла и Брянска[36].

Германские силы на московском направлении составляли в тот момент 42% личного состава, 75% танков, почти половину самолетов, 33% орудий и минометов от общего количества, находившегося на всем восточном фронте[37].

26 сентября 1941 г. Бок подписал приказ о наступлении. В нем говорилось: «После трудного времени ожидания группа армий возобновляет наступление». Предусматривались удар 4-й армии и подчиненной ей 4-й танковой группы по обеим сторонам шоссе Рославль — Москва, а затем их поворот на Вязьму. 9-я армия и подчиненная ей 3-я танковая группа должны были продвигаться через район г. Белый к железной дороге Вязьма — Ржев, а затем повернуть в районе верхнего течения Днепра в направлении автодороги западнее Вязьмы. 2-й полевой армии ставилась задача прорвать позиции противника в районе р. Десна и наступать на Сухиничи, Мещовск, в то время как 2-й танковой группе нанести удар в направлении Орел — Брянск и во взаимодействии со 2-й армией вытеснить противника из района дуги рек Судость и Десна. Отмечалось, что группа армий «Север» силами 16-й армии будет прикрывать линию севернее оз. Жеданье, а группа армий «Юг» наступать в восточном направлении севернее Харькова. 2-му воздушному флоту ставилась задача уничтожать советскую авиацию перед фронтом группы армий «Центр» и поддерживать наступление всеми силами. В связи с этим налеты на промышленные предприятия отходили пока на второй план[38].

Ошибочные данные немецкой разведки об отсутствии у СССР крупных резервов, представленные в сентябре 1941 г., не повлияли на результаты начального этапа боевых действий. Однако в дальнейшем они привели к крупным просчетам германского командования и явились одной из причин поражения немецких войск под Москвой. В конце сентября 1941 г. германское командование тщательно готовило операцию «Тайфун». Но гитлеровские стратеги строили свои прогнозы, исходя из существовавшей стратегической и оперативно-тактической обстановки. Они игнорировали остающийся людской, экономический и духовный потенциал советского народа. Гитлеровцы не принимали в расчет, что окончательный успех нового наступления может зависеть от способности Красной армии в кратчайшее время подготовить и перебросить к фронту стратегические резервы.

Трагедия поражения в октябре

Усиление группы армий «Центр», невыгодное для Красной армии соотношение сил и средств, явные признаки готовящегося противником крупного наступления на западном (московском) направлении вынудили Ставку Верховного главнокомандования предпринять меры по подготовке фронтов к отражению готовившегося удара. Хотя и с опозданием, она своей директивой от 27 сентября приказала войскам Западного, Резервного и Брянского фронтов перейти на занимаемых рубежах к упорной обороне. Указывалось на необходимость совершенствования инженерного укрепления главной полосы обороны, создания фронтовых и армейских резервов, вывода с переднего края наиболее ослабленных в предыдущих боях войск в ближайший тыл для пополнения и отдыха. Но времени для осуществления этих мероприятий было уже слишком мало[39].

Войска трех советских фронтов — Западного, Резервного и Брянского — занимали оборону в 300 км западнее Москвы, в полосе шириной около 800 км, простиравшейся от оз. Селигер до р. Сейм. В группировку, прикрывавшую около одной трети активной части советско-германского фронта, входило свыше 40% сил Красной армии, действовавших между Балтийским и Черным морями[40]. Это свидетельствовало о том, что Ставка оценивала московское направление в предстоявшем наступлении немецких войск как главное.

Общий замысел советского Верховного главнокомандования по обороне на западном направлении заключался в том, чтобы, упорно защищая подготовленные оборонительные рубежи, нанести немецко-фашистским войскам максимально больший урон и выиграть время для формирования и подвоза новых резервов.

Система оборонительных рубежей на московском направлении готовилась с начала июля. К сентябрю их было подготовлено три. Передовой рубеж сооружался по рекам Десна, Судость и уже в августе стал передним краем обороны советских войск. Восточнее строился Ржевско-Вяземский оборонительный рубеж, который состоял из двух полос. 250 тыс. жителей Москвы и Московской области совместно с воинами дивизий народного ополчения к концу сентября сумели отрыть 2250 км противотанковых рвов и эскарпов, построить тысячу фортификационных сооружений.

Для более надежного прикрытия подступов к столице 16 июля было принято решение о строительстве Можайской линии обороны, состоявшей из двух полос. Таким образом, готовившиеся на дальних подступах к Москве оборонительные рубежи состояли из шести-семи оборонительных полос. Они опирались на выгодные в оперативно-тактическом отношении участки местности: берега рек, высоты и другие естественные препятствия. Общая глубина обороны достигала 200—250 км[41].

Были приняты меры и по прикрытию столицы от ударов противника с воздуха. Противовоздушная оборона Москвы располагала относительно сильной истребительной авиацией, зенитной артиллерией с плотностью по четыре орудия на 1 км прикрываемой площади и аэростатами заграждения. Глубина зоны зенитного огня на основных направлениях достигала 35—45 км. Самолеты противника, направлявшиеся к Москве, держались непрерывно под контролем системы воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС), имевшей небольшое количество радиолокационных установок (восемь установок РУС-1 и РУС-2), звукоулавливатели и прожекторные части.

К началу операции Западный фронт (командующий — генерал И. С. Конев), оборонявшийся в полосе шириной 347 км, по своему состоянию был самым сильным на московском направлении. В его составе имелось свыше 262 тыс. человек против 406 тыс. у противника, орудий и минометов — 4028 против 5651, танков — 486 против 591.

Войска Резервного фронта, которым командовал маршал С. М. Будённый, заменивший на этом посту Г. К. Жукова, оборонялись в 108-километровой полосе. Резервный фронт, как и Западный, уступал вражеским войскам по всем показателям. В его составе имелось чуть

Немецкие пехотинцы у танка T-IV. Район Вязьмы

Женщины роют противотанковые рвы под Москвой

более 371 тыс. человек против 404 тыс. у противника, орудий и минометов — 4752 против 4940, танков — 301 против 809.

Армии Брянского фронта, возглавляемого генералом А. И. Ерёменко, были развернуты в полосе шириной 345 км. В составе войск фронта имелось около 199 тыс. человек против 260 тыс. у противника, орудий и минометов — 1529 против 3409, танков — 257 против 300.

Общее соотношение сил и средств на московском направлении к началу операции «Тайфун» характеризовалось следующими количественными показателями: личного состава трех советских фронтов — 1 млн 250 тыс. против 1 млн 800 тыс. в войсках группы армий «Центр» (соотношение 1:1,14), орудий и минометов — 10 309 против 14 000 (1:1,3), танков — 1044 против 1700 (1:1,6), боевых самолетов — 545[42] против 1390 (1:2,5)[43].

Таким образом, соотношение сил и средств было в основном не в пользу Красной армии. С учетом же качественных параметров, оно становилось еще более неблагоприятным. Например, в составе Западного фронта из 483 танков современных тяжелых (КВ) и средних (Т-34) насчитывалось лишь 45 единиц[44], то есть немногим более 9%. Остальные танки были легкие, устаревшие, которые по своему вооружению, легкой броне и маневренности не могли идти ни в какое сравнение с немецкими. Аналогичное положение было и на других фронтах.

Количественное превосходство в самолетах также было на стороне противника. Что касается качественного состояния, то большинство самолетов боевой авиации трех советских фронтов было устаревших конструкций[45]. Самолеты же новых типов в бомбардировочной, истребительной и штурмовой авиации составляли очень незначительный процент, в то время как в авиации противника имелись весьма маневренные и хорошо вооруженные самолеты «Юнкерс-87», «Фокке-вульф», «Мессершмитт-109» и другие.

Укомплектованность советских дивизий была весьма невысокой, насчитывая в среднем не более 5—7 тыс. человек. Это притом что штатная численность стрелковой дивизии РККА в то время составляла 10 859 человек, а немецкой — 16 859[46]. Численность пехотных дивизий группы армий «Центр» к концу сентября 1941 г. была доведена до 14,5—15 тыс. человек (свыше 85% штатной численности). Количество танков в танковых дивизиях составляло в среднем: во 2-й танковой группе — до 50%, в 3-й танковой группе — до 70—80% и в 4-й танковой группе — до 100% штатной численности[47]. На направлениях намеченных противником главных ударов количественное его превосходство было еще более значительным.

Привлеченные к обороне войска составили две группировки. Главной из них предстояло оборонять непосредственно московское направление, другой — брянское и орловское. В составе главной группировки было 12 армий Западного и Резервного фронтов, во второй — три армии и оперативная группа Брянского фронта. На первый эшелон, в который входили 11 армий и оперативная группа, возлагалось удержание оборонительного рубежа. Второй эшелон, состоявший из четырех армий Резервного фронта, должен был оборонять первую полосу Ржевско-Вяземского рубежа. Оперативное построение Западного и Брянского фронтов было в один эшелон, а Резервного — в два. Первые два фронта имели сильный резерв. Например, у генерала И. С. Конева находились семь дивизий и четыре танковые бригады. Фронтовые резервы и второй эшелон располагались на направлениях сосредоточения основных усилий оборонявшихся. Глубина обороны фронтов достигала 20—25 км, а на направлениях, где располагались резервы, — до 30—55 км.

Оперативная плотность группировки советских войск к началу немецкого наступления в целом была низкой, особенно по артиллерии (12,9 орудий и минометов на 1 км фронта). В районах сосредоточения основных усилий она достигала 38 орудий и минометов. Но, учитывая дефицит боеприпасов в войсках для 76-мм и 152-мм пушек, 122-мм гаубиц, 82-мм и 120-мм минометов, обеспеченность которыми находилась в пределах от 0,3 до 1,2 боекомплекта, рассчитывать на создание эффективной системы огневого поражения противника в обороне было проблематично[48].

Немецкие ударные группы заняли исходные районы за один-два дня до начала операции «Тайфун».

30 сентября из района Шостки нанесла удар 2-я танковая группа генерала Г. Гудериана, а на рассвете 2 октября 9-я и 4-я полевые армии, 3-я и 4-я танковые группы атаковали советские войска на московском направлении одновременно на нескольких участках фронта. Гитлер, ожидая от предстоявшего наступления решающих победных результатов, в приказе солдатам восточного фронта от 2 октября самоуверенно заявил: «За несколько недель три самых основных промышленных района (Северо-Западный, Центральный и Донбасс. — *Прим. ред.*) будут полностью в наших руках... Создана наконец предпосылка к последнему огромному удару, который еще до наступления зимы должен привести к уничтожению врага... Сегодня начинается последнее большое, решающее сражение этого года»[49].

Начало операции для разработчиков операции «Тайфун» было оптимистичным. В дневнике Гальдера 2 октября 1941 г. появилась запись: «Группа армий «Центр»: Сегодня в 5.30 войска, используя ясную осеннюю погоду, начали крупную операцию «Тайфун». Танковая группа Гудериана, несмотря на затруднения на своем отставшем правом фланге, продолжает продвигаться вперед. Остальные наступающие армии и танковые группы к середине дня продвинулись только на 6—12 км. На отдельных участках противник поспешно отходит»[50].

Началась Московская стратегическая оборонительная операция, длившаяся 67 суток (30 сентября — 5 декабря 1941), которая явилась первым этапом битвы за Москву. В рамках Московской стратегической оборонительной операции были проведены: Орловско-Брянская, Вяземская, Можайско-Малоярославецкая, Калининская, Тульская, Клинско-Солнечногорская и Наро-Фоминская фронтовые оборонительные операции.

В полосе Западного фронта противник начал наступление после сильной артиллерийской и авиационной подготовки и под прикрытием дымовой завесы[51]. К исходу дня части 3-й танковой группы генерала Гота прорвали фронт на стыке 19-й и 30-й советских армий, а 4-я танковая группа генерала Гёпнера — в полосе обороны 43-й армии, к югу от Варшавского шоссе. К сожалению, все внимание Ставки ВГК в тот момент было приковано к орловскому и брянскому направлениям, а также к положению в районе Харькова. К тому времени 2-я танковая группа углубилась в полосу обороны Брянского фронта уже на 120 км[52].

Оборонявшиеся на рославльском направлении южнее Варшавского шоссе три стрелковые дивизии и две танковые бригады 43-й армии Резервного фронта не выдержали натиска двенадцати дивизий 4-й танковой группы. Противник смял их и устремился в глубину обороны. К исходу дня соединения Гёпнера нанесли удар уже по второму эшелону фронта — 33-й армии, находившейся в 40 км от переднего края обороны.

За первые два дня наступления танковая группа Гудериана продвинулась до 80 км в глубину обороны Брянского фронта. Ее успех был следствием внезапности удара, очень мощной поддержки с воздуха почти всеми самолетами авиационной группировки, а также неподготовленности обороны на левом крыле фронта советских войск. Неправильно оценив обстановку, генерал Ерёменко решил провести наступление с ограниченными целями силами группы А. Н. Ермакова, войска изготовились к наступлению, но противник упредил их. Находясь вне укрытий, они не выдержали внезапного удара и были оттеснены к востоку.

Расчленив войска Брянского фронта, танковые и моторизованные дивизии Гудериана главными силами устремились на север, в тыл фронта, а частью сил продолжили наступление на Орел[53] и 3 октября захватили его. Части 24-го моторизованного корпуса вклинились в тыл Брянского фронта. К тому времени вклинение дивизий Гудериана на орловском направлении достигло 120 км[54]. Глубина продвижения немецких войск возросла до 50 км на Западном фронте, до 80 км — на Резервном и до 200 км — на Брянском. Над войсками Брянского фронта нависла угроза окружения. Генерал Ерёменко обратился в Генеральный штаб с предложением отвести соединения фронта на тыловой рубеж, но поддержки не получил.

В то же время 1-й гвардейский стрелковый корпус и московские дивизии народного ополчения, переброшенные в район Мценска, вступили в бой с моторизованной и танковой группировками противника. Вражеские войска были задержаны на несколько дней и понесли большие потери. 4-я и 11-я танковые бригады впервые применили способ поражения непри-

ятельских танков из засады. Используя успех 1-го гвардейского корпуса, войска Брянского фронта отошли на указанные им рубежи[55].

Глубокий прорыв противника привел к образованию между 30-й и 19-й армиями Западного фронта бреши шириной до 30–40 км. Подвижные войска немцев, сосредоточивая свои главные усилия в полосе 19-й армии, создали угрозу выхода в тыл Западного фронта и прорвались к Вязьме. 3–4 октября в полосе 24-й и 43-й армий Резервного фронта сложилась еще более неблагоприятная обстановка, вынудившая отходить через Юхнов. Танковые соединения 4-й немецкой танковой группы устремились в направлении восточнее Вязьмы в тыл войскам Западного фронта.

Советское командование предпринимало ответные меры. Чтобы сорвать наступление врага, в 30-й и 16-й армиях провели артиллерийскую контрподготовку. Для восстановления положения генерал Конев передал командующему 30-й армией три дивизии и моторизованную бригаду. Одновременно из фронтового резерва он создал оперативную группу (пять дивизий и четыре танковые бригады), которую возглавил его заместитель генерал И. В. Болдин. Группа начала перегруппировку в направлении, где прорвались моторизованные корпуса Гота. Для противодействия дивизиям Гудериана, наступавшим в северном направлении, генерал Ерёменко использовал часть своего резерва. На перемещение резервных дивизий в намеченные районы требовалось от одних до трех суток, но полное господство в воздухе немецкой авиации значительно увеличило этот срок.

Контрудар Западного фронта силами оперативной группы генерала Болдина успеха не имел. 4 октября соединения 19, 16 и 20-й армий Западного, 32-й и 24-й армий Резервного фронта оказались глубоко охвачены, а затем и окружены. Но своими активными действиями эти армии сковали значительные силы врага. На просьбу командующего Западным фронтом разрешить отход к Ржевско-Вяземскому оборонительному рубежу И. В. Сталин не ответил[56].

Чтобы прикрыть орловское направление, Ставка ВГК приказала выделить четыре авиадивизии РГК и стрелковый корпус. Туда же, а также на курское и харьковское направления по ее указанию началась переброска соединений 49-й армии Резервного фронта.

Тем не менее в донесениях от передовых немецких частей появились сведения, что сила сопротивления противника стала слабее и в больших масштабах вырисовывались явления разложения советских войск. Штаб 3-й танковой группы позднее сделал вывод о том, что «постоянные неудачи русских как в обороне и наступлении, так и при отходе, по-видимому, сломили его силу сопротивления»[57].

К исходу 4 октября острие танкового клина генерала Гота находилось уже в 60 км, а Гёпнера — в 70 км от Вязьмы. Удерживавшие позиции между флангами участков прорыва советские войска были удалены от города на 100–110 км.

Ставка ВГК понимала всю опасность обстановки, однако действовала нерешительно. Лишь 5 октября она начала осуществлять радикальные меры. В тот день Государственный Комитет Обороны (ГКО) отдал распоряжение поднять по боевой тревоге слушателей Военно-политической академии имени В. И. Ленина, курсантов шести военных училищ Москвы и Подольска с задачей занять позиции на Можайской линии обороны. Под Москву были направлены войска с соседних фронтов и из глубины страны.

В ночь на 6 октября Ставка ВГК приняла решение отвести войска всех трех фронтов на тыловые рубежи и передать 31-ю и 32-ю армии из Резервного в Западный фронт. Считая Г. К. Жукова единственным военачальником, способным восстановить положение, И. В. Сталин отозвал его из Ленинграда в Москву[58], направив в район действий Резервного фронта в качестве представителя Ставки[59].

Советские войска начали отход, но он оказался запоздалым. Горловина мешка под Вязьмой сузилась до 20 км. 7 октября она сомкнулась. Согласно оперативным данным, нанесенным на отчетную карту ОКХ 8 октября 1941 г., в котел попали части 19, 20, 24 и 43-й советских армий в составе двадцати трех стрелковых и трех танковых дивизий, а также отдельные части восьми стрелковых и двух танковых дивизий. Около шести стрелковых, одной танковой дивизий и одной танковой бригады вынуждены были действовать в разрозненных

Советские воины контратакуют. Западный фронт

Колонна советских бронебойщиков следует по московской улице

боевых порядках в районе деревень Медведки, Преображенское, севернее Спас-Деменска. Под Брянском окружение трех советских армий (50, 13 и 3-й) было завершено спустя два дня, 9 октября. Продолжая развивать наступление, противник 10 октября овладел Сычевкой, откуда нанес удар на Зубцов[60]. Тяжелое положение создалось и на юхновском направлении, где отходили войска Резервного фронта.

Ситуация на московском направлении стала катастрофической. Почти все пути на столицу оказались открыты. В стратегической обороне образовалась брешь шириной до 500 км, закрыть которую было нечем. Стратегических резервов в районе Москвы не оказалось. Они были задействованы для восстановления обороны на юго-западном направлении.

10 октября 1941 г. Ставка ВГК приказала объединить Западный и Резервный фронты в Западный фронт и назначить командующим Западным фронтом Г. К. Жукова, а его заместителем — И. С. Конева[61].

Для обороны орловско-тульского направления создавалась 26-я армия с непосредственным подчинением ее Ставке ВГК. В состав армии были включены части 1-го гвардейского стрелкового корпуса, остановившего продвижение танковых войск Гудериана у Мценска (49 км северо-восточнее Орла).

Командование Западного фронта старалось вывести войска из вяземского котла. Из отходивших и вновь прибывавших частей была создана группировка восточнее Гжатска. Ее контрудар в направлении Вязьмы, по замыслу командования, должен был оказать содействие войскам фронта в прорыве из окружения, который планировался на 10—11 октября.

Окруженные войска находились под непрерывным огнем противника. В особенно тяжелых условиях оказалась 24-я армия. Оба ее фланга были открытыми, а путь отхода — более трудный, чем у других армий: он проходил по П-образному коридору длиной свыше 40 км и шириной до 10 км. Отход прикрывала 139-я стрелковая дивизия (бывшая 9-я дивизия народного ополчения). Четверо суток ополченцы-москвичи под командованием генерала Б. Д. Боброва сражались на рубеже в 10—15 км юго-западнее Ельни, большинство из них погибли. 9 октября немцы перерезали последние пути отхода. Армия так и не смогла соединиться с силами 19-й армии. Основная масса частей и соединений 24-й армии была уничтожена или пленена. Под Семлёвым, что в 20 км юго-западнее Вязьмы, погиб генерал К. И. Ракутин — командующий 24-й армией, бывший начальник Прибалтийского пограничного округа[62].

Под Вязьмой оборона слабела. Все меньше людей оставалось в строю. Боеприпасы были на исходе. Закончились продовольствие, медикаменты и перевязочные материалы. Палатки и крестьянские дома были переполнены ранеными. В таких условиях войска, которые возглавил генерал-лейтенант М. Ф. Лукин, неоднократно шли на прорыв окружения. Но силы сторон были неравными. 14 октября в сводке ОКХ появилась запись: «Противник, окруженный... западнее Вязьмы, полностью уничтожен». Однако на ежедневных отчетных картах генерального штаба сухопутных войск Lage Ost после указанной записи еще в течение более двух недель отмечалось, что от девяти до пяти немецких дивизий вели боевые действия с этим «уничтоженным» противником[63].

Картина завершившегося сражения была поистине трагичной. Офицер штаба 8-го армейского корпуса группы армий «Центр» передал свои впечатления от увиденного в отчете, подготовленном для командования соединения. В нем говорилось: «Наступил мороз, и выпал первый снег. Бесконечные потоки русских пленных шли по автостраде на запад. Полны ужаса были трупные поля у очагов последних боев. Везде стояли массы оседланных лошадей, валялись имущество, пушки, танки». Значительными были и немецкие потери. Только один 8-й армейский корпус в период 2—14 октября 1941 г. потерял убитыми, ранеными, пропавшими без вести 4077 человек. Однако его части за то время пленили 51 484 советских военнослужащих и взяли в качестве трофеев 157 танков, 444 орудия и другое имущество[64].

Также мужественно пробивали вражеское кольцо окружения и армии Брянского фронта. Только 9 октября 1941 г. соединения 2-й армии генерала Вейхса смогли соединиться со 2-й танковой армией Гудериана северо-западнее Брянска, расчленив тем самым советскую

группировку на две части: северную — в районе Брянска, Дятьково (50-я армия) и южную — в районе Трубчевска, Суземки, Навли (13-я и 3-я армии).

Из окружения вышло множество мелких групп и отдельных военнослужащих. Прорывались и более крупные отряды. Так, 5 ноября на участке 16-й армии, уже под Волоколамском, через линию фронта пробилась группа в составе около 800 человек во главе с генералом И. В. Болдиным. 14 октября был тяжело ранен М. Ф. Лукин. У генерала оказались перебиты правая нога и рука, он потерял способность к передвижению и в бессознательном состоянии попал в плен.

Генералы Вейхс и Гудериан, решавшие задачу ликвидации брянского котла, имели на восемь дивизий меньше, чем использовали Гот и Гёпнер под Вязьмой. Поэтому и созданный ими фронт окружения оказался менее плотным. Это обстоятельство в определенной степени способствовало тому, что всем трем армиям Брянского фронта удалось вырваться из котла. Так, 20 октября пробилась из окружения 50-я армия. В район Белёва вышли штаб армии и остатки 217, 290, 299, 278, 258, 260 и 154-й стрелковых дивизий[65]. В период с 20 по 23 октября войска фронта, которыми после ранения генерала А. И. Ерёменко стал командовать его заместитель генерал Г. Ф. Захаров, заняли оборону на рубеже Белёв — Поныри — западнее Фатежа.

К сожалению, советская авиация не смогла оказать реальной помощи окруженным войскам. Не было налажено должное снабжение отрезанных частей, плохо работала авиаразведка. Прорыв из окружения осуществлялся не в самых подходящих районах — именно там, где были сосредоточены мощные германские заслоны. Получилось, что немцы от воздушных наблюдателей хорошо знали обо всех намерениях окруженных, а те — ничего о своем противнике. У ВВС Красной армии не имелось необходимых средств для организации «воздушного моста», лишь эпизодически войскам сбрасывалось некоторое количество боеприпасов[66].

Сражения под Вязьмой и Брянском завершились. Исход их для советских войск оказался катастрофическим: в окружение также попали семь из 15 управлений армий, 64 из 95 дивизий, 11 из 13 танковых бригад, 50 из 62 артиллерийских полков РГК. Из этого числа в районе Вязьмы были окружены 37 дивизий, девять танковых бригад, 31 артиллерийский полк РГК и четыре полевых управления армий. Окруженные под Вязьмой войска входили в состав десяти армий. Вне общих котлов были окружены пять дивизий, четыре артиллерийских полка РГК, все остальные — под Брянском[67].

В окружении советские войска потеряли 6000 орудий и минометов, свыше 830 танков. Окруженные армии своей героической борьбой на три недели сковали от 48 до 26 дивизий противника. Более того, из котлов окружения сумели вырваться три полевых управления армий и 29 дивизий. Прорвались три дивизии из пяти, окруженных вне общих котлов[68].

Согласно предварительным оценкам ОКХ от 14 октября 1941 г., в плену оказались свыше 500 тыс. советских солдат и офицеров, были захвачены 3000 орудий, 800 танков и другая техника. Чуть позже, к 18 октября, 2-я полевая армия доносила о пленении 55 105 человек и захвате трофейного имущества: 477 орудий, 21 танка, 1066 автомашин и другой техники[69]. В сводке германского верховного командования вскоре появились сообщения о взятии в плен 663 тыс. красноармейцев и командиров, уничтожении или захвате 1242 танков и 5412 орудий. По недавно опубликованным данным, за первые две-три недели боев под Москвой Красная армия лишилась до одного миллиона человек, из которых (по немецким источникам) около 688 тыс. пленными[70].

Подобный успех начала операции «Тайфун» вызвал взрыв восторга в Третьем рейхе. Впервые после начала восточного похода публично выступил Гитлер, который заявил: «Противник разгромлен и больше никогда не поднимется». Гигантские заголовки на первых страницах газет кричали: «Прорыв центра восточного фронта!», «Последние боеспособные дивизии Советов принесены в жертву»[71]. Все было настроено на то, чтобы не только в самом рейхе, но и за его пределами создать впечатление полного и окончательного триумфа Германии и поражения СССР. Однако германское командование переоценило результаты первых сражений.

Действия окруженных под Вязьмой и Брянском советских частей сыграли важную роль в спасении столицы. Для ликвидации двух огромных котлов группе армий «Центр» пришлось привлечь до 61% своих дивизий (48 из 78) и затратить на это от семи до 14 суток[72]. Было выиграно драгоценное время для организации обороны на Можайской линии и восстановления боеспособности Западного фронта.

В боях с противником приняли участие и бронепоезда частей 3-й дивизии НКВД по охране железнодорожных сооружений. Только один бронепоезд 76-го полка со 2 по 10 октября 1941 г. вывел из строя восемь вражеских танков[73].

К 10 октября линия фронта проходила примерно в 180 км к западу от Москвы. Наиболее опасное для советских войск направление в середине октября обозначилось на можайском направлении. Именно там почти параллельно друг другу проходили железные и автомобильные дороги на Москву, и именно там моторизованные части вермахта, не задействованные в уничтожении окруженных советских войск, пытались прорваться по кратчайшему пути, который вел к советской столице. Осенняя распутица не прервала маневр немецких частей и переброску на этот участок высвобождавшихся из-под Вязьмы частей. В первом эшелоне продвигались 10-я танковая дивизия вместе с дивизией СС «Райх».

Нужно было срочно создать прочную оборону на рубеже Волоколамск — Можайск — Малоярославец — Калуга, развить оборону в глубину, сформировать вторые эшелоны и резервы фронта, чтобы можно было ими маневрировать для укрепления уязвимых участков обороны. Необходимо было организовать наземную и воздушную разведки и твердое управление войсками фронта, наладить материально-техническое обеспечение войск. «Дни и ночи шла в войсках напряженная работа, — вспоминал Г. К. Жуков. — Люди от усталости и бессонницы буквально валились с ног, но, движимые чувством личной ответственности за судьбу Москвы, за судьбу Родины, проводили колоссальную работу по созданию устойчивой обороны войск фронта на подступах к Москве»[74]. 13 октября командующий войсками Западного фронта отдал всем армиям приказ об упорной обороне занимаемых ими рубежей[75].

Германское командование скорректировало свои планы, решив одновременно с наступлением на Москву взять в гигантские клещи и уничтожить войска Северо-Западного фронта. Для этого 3-я танковая группа развертывала наступление на Калинин, Торжок, Вышний Волочек. Навстречу ей от Чудова предусматривалось нанести удар силами группы армий «Север». Эта операция, по мнению фельдмаршала Бока, должна была стать последним усилием в битве за Москву[76]. Группе армий «Центр» предстояло развивать наступление силами 9-й и 2-й полевой армий на северо- и юго-восток, 4-й армии и 4-й танковой группе — на Москву, а 2-й танковой армии[77] — в обход ее с юго-востока.

В середине октября немецким генералам казалось, что дальнейшее наступление на Москву пойдет легко. Они были убеждены, что основные силы Красной армии западнее столицы уже разбиты. Следовательно, оставалось только продвигаться вперед и добивать разрозненные советские части. 14 октября 1941 г. штаб группы Бока издал новый приказ о продолжении операций на московском направлении.

Наступление группы армий «Центр» по расходящимся направлениям отнимало время и силы, необходимые для удара непосредственно на Москву. Более того, осуществить такое наступление уже не представлялось возможным. Удары на Торжок и Воронеж откладывались, но цель продвижения к Ярославлю и Рыбинску еще оставалась. Захват этих городов позволял германским войскам перерезать важнейшие транспортные артерии, связывавшие столицу с северными и северо-восточными районами Советского Союза, затруднить подход к ней резервов и подвоз военных материалов, в том числе поставляемых по ленд-лизу через Мурманск и Архангельск. Полное окружение Москвы 4-й армией вместе с 4-й танковой группой и 2-й танковой армией означало, по мнению фюрера, ее неминуемое падение. Капитуляцию столицы, согласно приказу ОКХ от 12 октября 1941 г., не должны были принимать. Город обрекался на уничтожение[78].

Положение войск Западного фронта вновь резко ухудшилось. Между Волгой и Гжатском образовался разрыв до 80 км, закрыть который было нечем. Войска правого крыла фронта

отводились на левый берег Волги. Соединения 22-й и 29-й армий заняли оборону от Осташкова до Старицы. Организация обороны на рубеже Калинин — Тургиново — Волоколамск возлагалась на 30-ю армию, которая отошла в этот район. Но оборонять Калинин было нечем. В городе имелись лишь курсы младших лейтенантов и отряд народного ополчения. Г. К. Жуков направил туда своего заместителя генерала И. С. Конева, приказав ему задержать на калининском направлении часть войск, перебрасываемых на Можайскую линию, и возглавить оборону. По приказу Ставки командующий Северо-Западным фронтом сформировал оперативную группу во главе с начальником штаба фронта генералом Н. Ф. Ватутиным, которая начала выдвигаться к Калинину.

Воспользовавшись несогласованностью действий советских войск, генерал К. Рейнгардт, спешно подтянув к Калинину свои силы, начал развивать наступление на Торжок. Но контрударом группы Ватутина они были разгромлены в районе поселков Марьино и Медное. 13 октября в Калинине развернулись тяжелые уличные бои. Удержать город имевшимися там силами не удалось. Утром 15 октября враг овладел большей частью города[79].

В октябре были приняты меры по усилению войск НКВД Московского гарнизона. Согласно приказу НКВД СССР от 7 октября 1941 г., была сформирована 2-я мотострелковая дивизия особого назначения (командир — генерал К. Р. Синилов), включавшая три мотострелковых полка, артиллерийский полк и танковый батальон (общей численностью 10 857 человек)[80], а также переформирована Отдельная мотострелковая дивизия особого назначения имени Ф. Э. Дзержинского. Помимо этого, была сформирована Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН) (командир — полковник М. Ф. Орлов) общей численностью 4000 человек[81].

В связи с приближением линии фронта к Москве и необходимостью наведения строгого порядка в тыловых участках фронта, прилегающих к Москве, по решению ГКО в составе НКВД был создан штаб охраны Московской зоны обороны. Зона охватывала территорию прифронтовой полосы, прилегающей к Москве по линии Калинин — Ржев — Можайск и Калуга — Тула — Коломна — Кашира. На штаб охраны Московской зоны возлагались задачи борьбы с вражеской агентурой и ее пособниками, дезертирством, наведения порядка на дорогах, идущих с фронта в столицу, контроля организации службы регулирования движения по трассам, обеспечения важнейших фронтовых органов ВЧ-связью[82]. Для выполнения оперативно-боевых задач выделялись нештатные оперативные батальоны, организованные за счет находившихся в Москве частей войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности, общей численностью около 6000 человек[83].

16 октября на базе истребительных батальонов был сформирован мотострелковый полк УНКВД, а остальные батальоны (9500 человек) были переданы на формирование дивизий народного ополчения.

На всех двенадцати ведущих в столицу шоссе в пределах 100 км организовывалась заградительная служба, для чего выделялись подразделения внутренних войск (от 300 до 600 человек).

В связи с решением ГКО по эвакуации Москвы центральные войсковые управления НКВД СССР были эвакуированы в г. Куйбышев. В Москве осталась группа руководящих работников в составе 17 человек, которая возглавила руководство всеми войсками НКВД, находившимися в столице[84]. В состав оперативной группы при начальнике войск НКВД вошли: ОМСДОН, 2-я МСДОН, ОМСБОН, 11-я и 12-я дивизии по охране важных предприятий промышленности, 42-я отдельная конвойная бригада, 3-й полк местной противовоздушной обороны (МПВО), три бронепоезда (53, 73, 78-й) и другие части и подразделения.

Велась подготовка и для ведения уличной борьбы. В Москве был создан оборонительный рубеж, состоявший из трех полос, границы которых проходили по Окружной железной дороге, Садовому и Бульварному кольцам. Оборона города была возложена на части Отдельной мотострелковой дивизии особого назначения имени Ф. Э. Дзержинского и 2-й МСДОН, которые на случай прорыва войск противника получили задачу прикрыть город с северного и северо-западного направления между Ярославским и Можайским шоссе. Отдельная мотострелковая бригада особого назначения совместно с танковым батальоном и

артиллерийским дивизионом оставалась в резерве командования и должна была подготовить к обороне центр Москвы — площадь Свердлова, Красную площадь, площадь Маяковского и площадь Пушкина — с целью не допустить прорыва противника через Садовое кольцо к центру и Кремлю. Кроме того, на все воинские части НКВД возлагалась задача поддержания общественного порядка и ведения беспощадной борьбы с паникой[85].

Ставка ВГК продолжила принимать меры по укреплению обороны на подступах к Москве. 17 октября был создан Калининский фронт во главе с генералом И. С. Коневым[86]. Перед новым фронтом стояла задача не допустить дальнейшего продвижения противника к Москве, разгромить его группировку в районе Калинина. Образование Калининского фронта почти вдвое сократило полосу обороны Западного фронта. У генерала Жукова появилась возможность уделить больше внимания укреплению Можайской линии обороны. Все четыре укрепрайона, входившие в состав Можайской линии обороны, к 6 октября практически не были обеспечены войсками. Позиции занимали лишь наспех переброшенные туда части. Основу Малоярославецкого укрепрайона составили курсанты Подольских пехотного и артиллерийского военных училищ, личный состав запасного стрелкового полка, двух полков противотанковой обороны (ПТО), гаубичного артиллерийского полка и танковой роты. Основу Волоколамского укрепрайона — курсанты Пехотного училища имени Верховного Совета РСФСР (1000 человек), личный состав двух батарей ПТО, батальон 33-й стрелковой бригады. Других боеспособных частей, способных помешать наступлению частей и соединений группы армий «Центр» на Москву, у советского командования на тот момент не было.

Несмотря на спешно принимаемые меры, Можайская линия обороны была еще слабой. По расчетам, она должна была обороняться 150 батальонами. Но к моменту подхода передовых частей противника ее занимали только 45 батальонов. Фланги и стыки Волоколамского, Можайского, Малоярославецкого и Калужского укрепленных районов остались неприкрытыми[87].

Бои на Можайской линии развернулись 10–16 октября. По мере высвобождения немецких дивизий из-под Вязьмы и подхода советских войск интенсивность боевых действий на этом рубеже возрастала. Частям 43-й армии удалось к 29 октября остановить противника на рубеже р. Нара и заставить его перейти к обороне.

Более тяжелая обстановка сложилась на калужском направлении. Малочисленные части формировавшейся в тот момент 49-й армии генерала И. Г. Захаркина не сумели сдержать натиск немецких соединений. 13 октября они оставили Калугу, и противник начал развивать наступление на Серпухов. Возникла опасность удара врага по Москве с юга. Угрозу требовалось немедленно снять. Решить эту задачу имевшимися силами армия не могла. Ставка срочно перебросила под Серпухов четыре стрелковые дивизии и подчинила их генералу Захаркину. К 29 октября наступление противника на том участке было остановлено. Обе стороны закрепились на противоположных берегах Оки от Тарусы до Алексина[88].

Самые напряженные бои во второй половине октября проходили на можайском направлении — кратчайшем пути к Москве, что обусловило выбор главного удара противника. Сюда немецкое командование направило четыре из восьми своих корпусов[89]. 18 октября отдел по изучению иностранных армий Востока в своей сводке констатировал: «В ходе боев последних дней под Малоярославцем, Вереей, Можайском, которые можно охарактеризовать как наиболее трудные за эту кампанию, высокая обороноспособность русских достигалась в основном за счет хорошего оборудования московских оборонительных позиций и использования большого количества тяжелых танков»[90]. Особенно ожесточенными для 4-й армии противника оказались бои под Можайском с советской 17-й танковой бригадой в районе Медыни и переброшенной с Дальнего Востока 32-й стрелковой дивизией.

18 октября германская авиация нанесла массированный удар по Можайску и частям 5-й армии, а вслед за этим большая группа пехоты и танков атаковала 32-ю стрелковую дивизию. Под мощным натиском врага соединения 5-й армии были вынуждены оставить Можайск и Верею. Одна из групп пехоты противника, поддержанная танками, прорвалась к командному пункту армии. Ее атаку отразили бойцы роты охраны и штабные работники, во главе которых сражался генерал Д. Д. Лелюшенко. В ходе боя командарм был тяжело ранен. Его эвакуировали

в госпиталь, а командование армией принял генерал Л. А. Говоров. В целях усиления обороны верейско-боровского направления командующий Западным фронтом приказал действия 222, 110, 113-й стрелковых дивизий и частей гарнизона Наро-Фоминска объединить под командованием 33-й армии. 22 октября в командование армией вступил генерал М. Г. Ефремов[91].

В полосе 43-й армии противник продолжал штурм укреплений у сел Ильинское и Детчино, которые прикрывали Малоярославец с запада и юга. Там в течение восьми суток курсанты подольских военных училищ отбивали непрерывные атаки пехоты и танков врага. Немцам удалось окружить подразделения курсантов и части 312-й стрелковой дивизии и захватить Малоярославец. Но курсанты обороняли ильинский и детчинский секторы еще двое суток, пока не получили приказ командарма 43-й армии на отход за р. Нара.

На Брянском фронте встречными ударами частей группы генерала А. Н. Ермакова и 13-й армии при поддержке авиации удалось прорвать кольцо вражеского окружения. В результате войска генерала А. М. Городнянского переправились на восточный берег р. Свапа и к 22 октября заняли рубеж обороны к юго-западу от Фатежа[92].

19 октября ГКО принял постановление о введении с 20 октября 1941 г. в Москве и прилегающих к городу районах осадного положения. Оборона столицы на рубежах, отстоявших на 100—120 км к западу, была поручена командующему Западным фронтом генералу армии Г. К. Жукову, а оборона Москвы на ее подступах — начальнику гарнизона Москвы генералу П. А. Артемьеву[93]. Была повышена роль военного коменданта города и районных военных комендатур. Войска НКВД вели борьбу с вражескими агентами, сигнальщиками, диверсантами, нарушителями установленного порядка (светомаскировки, уличного движения, пропускного режима, паспортного режима), контролировали въезд в город и выезд из него, круглосуточно патрулируя и неся службу на контрольно-проверочных пунктах и заставах. Проведение всех этих мероприятий имело огромное значение, позволило обезвредить шпионско-диверсионную агентуру противника, пресечь распространение ложных слухов, деятельность паникеров и провокаторов. Так, с 14 по 31 октября шестью оперативными батальонами были задержаны 20 агентов противника и 296 распространителей ложных слухов[94].

В опубликованной 24 октября в «Красной звезде» статье генерала П. А. Артемьева «На защиту Москвы» говорилось: «Сильно укрепленный город взять невозможно. Мы должны сделать все для того, чтобы наша Москва стала крепостью. У нас есть, чем защищать нашу... столицу. Вся эта могучая техника скажет свое грозное слово в этих боях. Население города Москвы вместе со всей Красной армией уже сейчас должно подготовиться к борьбе не только с вражеской пехотой, но и с вражескими танками. Из окон, из ворот домов, из каждого закоулка посыплются на немецкие танки бутылки с горючим, связки гранат. Мы не пропустим вражеских танков. В боях за Москву мы нанесем врагу такой удар, который явится началом конца гитлеровских походов, Москву мы отстоим!»[95]

Немецкие войска к тому времени находились от Москвы на волоколамском направлении в 100—110 км, на можайском, наро-фоминском и подольском — в 80 км. Положение становилось все более угрожающим. Согласно постановлению ГКО, из столицы началась частичная эвакуация правительственных и партийных учреждений. Но в Москве оставались Политбюро ЦК партии, ГКО, Ставка ВГК. Руководя обороной столицы, они вселяли в сознание героических защитников Москвы уверенность в победе.

Войска Западного фронта продолжали бои с наступающим противником. Волоколамский участок Можайской линии прикрывала 16-я армия генерала К. К. Рокоссовского. В течение девяти дней она отражала удары танковых дивизий 46-го моторизованного корпуса. Но когда немцы ввели в сражение 5-й армейский и часть сил 40-го моторизованного корпуса, войска Рокоссовского были вынуждены оставить Волоколамск. К 30 октября они закрепились на рубеже в 3—4 км к востоку от города.

5-я армия по приказу Г. К. Жукова отвела на новый рубеж соединения, действующие на правом фланге, а центром и левым флангом закрепилась на рубеже в 7 км восточнее Можайска. Части 33-й армии встали на рубеже деревня Петрищево — р. Истья — 5—8 км западнее — юго-западнее Наро-Фоминска — восточный берег р. Нара южнее города. В район

дислокации прибыли 13 эшелонов 1-й гвардейской мотострелковой дивизии. 20 октября противник ворвался в северную часть Наро-Фоминска. Просачиваясь лесными массивами и выбрасывая воздушные десанты, немцы окружали город. Были захвачены военный городок, платформы Зосимова Пустынь и Бекасово, деревня Ивановка, перерезаны железная дорога на Москву, Кубинское и Киевское шоссе. Ожесточенные бои развернулись почти во всей полосе обороны 33-й армии[96].

23 октября 1941 г. немецкая авиация совершила ночной налет на Москву, аэродромы Кубинка и Внуково. Войска ПВО столицы успешно отразили его, сбив 19 вражеских самолетов[97].

Сопротивление советских войск возрастало. Продвижение германских частей замедлилось. Среднесуточный темп наступления неприятеля упал с 30–40 км в первой декаде октября до 3–5 км во второй половине месяца[98]. Все дальнейшие попытки врага прорваться к Москве по кратчайшему пути с запада оказались малоэффективными.

Избранная командованием Западного фронта тактика прикрытия основных направлений (в том числе главных дорог) заставляла части вермахта либо наступать на советские укрепленные позиции в лоб, либо обходить их по бездорожью. Более того, в тот период от командующих армиями в штаб группы армий «Центр» стала поступать тревожная информация об ожесточенных столкновениях с русскими танками.

Главной проблемой командующего 4-й армией фельдмаршала Х. Г. Клюге в конце октября — начале ноября 1941 г. были не размокшая почва и плохие дороги, а советские войска, контратаковавшие германские соединения. 2 ноября он доложил в штаб Бока: «На участке 34 пд 13 октября произошел бой между нашими легкими полевыми гаубицами и тяжелыми советскими танками (предположительно, 52-тонными), в ходе которого с расстояния от 500 до 25 метров по танкам было выпущено попеременно 30 бронебойных и бризантных снарядов и 10 снарядов 10-см образца 1939 г. Уничтожив три легких полевых гаубицы, семь средних и одну легкую противотанковую пушку, танки отошли назад... Несмотря на многочисленные попадания бронебойных снарядов, в том числе в башню, вражеские танки недостаточно быстро выводятся из строя и не пробиваются насквозь. В последнее время русские используют до 80% всех танков — танки Т-34. В случае атаки большого количества таких танков мы могли бы потерпеть локальное поражение»[99].

На орловско-тульском направлении для противника удачно сложился начальный этап операции. За первые четыре дня немцы продвинулись на 200 км. Но затем темп продвижения резко снизился. Ценой больших потерь в октябре 1941 г. немецким войскам удалось ворваться в Тульскую область. На пути к Туле их действия сковали соединения 50-й армии и 1-й усиленный стрелковый корпус под командованием генерала Д. Д. Лелюшенко.

Затратив шесть суток на последующие 49 км пути, враг вынужден был в районе Мценска перейти к обороне. Задержка противника дала возможность подготовить к обороне Тулу. Ставка ВГК, передав части и соединения 26-й армии в состав вышедшей из окружения 50-й армии Брянского фронта, 23 октября приказала последней оборонять тульское направление. Командующим 50-й армией был назначен генерал А. Н. Ермаков. Помимо соединений 50-й армии на прикрытие Тулы направлялись и части войск НКВД. В район Алексина был переброшен 115-й отдельный батальон 69-й отдельной бригады НКВД по охране важных предприятий промышленности. В течение 15–20 октября 1941 г. батальон отражал атаки противника, прикрывая отход советских войск. «Немцы сосредоточили против участка обороны батальона до полка пехоты с артиллерией и минометами. Три раза фашистское командование организовывало наступление против боевых порядков батальона, но каждый раз яростные атаки фашистов отбивались мужеством, упорством и героизмом обороняющихся. Попытки противника прорваться к г. Алексину не увенчались успехом, и, потеряв 400–500 человек убитыми и ранеными, фашистское командование должно было изменить свои планы»[100].

Для усиления ополченцев Тулы, сдерживающих противника в районе Черепети, командир 69-й бригады в спешном порядке сформировал оперативный батальон в количестве 410 человек и 19 октября направил его в район Черепети. Вслед за батальоном на станцию Черепеть 20 октября из Тулы прибыли рота 156-го полка и сводный истребительный отряд. 21 октября

«в течение 2–2,5 часов под прикрытием огня 8–10 минометов, 10–12 станковых пулеметов, нескольких противотанковых ружей и автоматов фашисты пытались развить наступление с фронта, но, несмотря на большие потери, которые несли от минометного огня противника наши обороняющиеся части, они стойко держали рубежи»[101].

24 октября противник возобновил наступление на Тулу. Оно велось на город с трех сторон. Танковым дивизиям Гудериана удалось прорвать оборону защитников города. Обходя открытые фланги частей 50-й армии, противник приближался к Туле. 29 октября немцы захватили Ясную Поляну и поселок Косая Гора.

В это время в Туле не было крупных сил советских войск. В ней находились 732-й отдельный зенитный артиллерийский полк, 156-й полк 69-й бригады войск НКВД по охране важных предприятий промышленности, сформированный из истребительных батальонов и отрядов народного ополчения, Тульский рабочий полк и батальон милиции. Они и приняли на себя основную тяжесть вражеских ударов в первые дни обороны города.

По решению ГКО еще 22 октября 1941 г. был создан Тульский городской комитет обороны, в состав которого вошли начальник областного управления НКВД В. Н. Суходольский и командир 69-й бригады НКВД полковник А. К. Мельников. Штаб 69-й бригады находился непосредственно в Туле, а ее части (кроме 156-го полка и штабных подразделений) в это время дислоцировались в других районах. Город был разделен на пять оборонительных участков.

С утра 30 октября начались ожесточенные бои за Тулу. Только по Орловскому шоссе двинулось до 50 вражеских танков, сопровождаемых мотопехотой, поддержанных огнем артиллерии и минометов. Они обрушились на позиции, занимаемые 156-м и Тульским рабочим полками, которые поддерживал 732-й зенитный артиллерийский полк. Несмотря на значительное численное превосходство врага, первый натиск был отбит. В 10 часов немецкие войска предприняли вторую атаку, в 13 часов — третью, в 16 часов — четвертую. Однако достигнуть цели им так и не удалось. В первом же бою противотанковый расчет в составе красноармейцев С. Г. Шахова, М. П. Карпукова, П. Д. Андреева под командованием сержанта В. С. Тришкина подбил пять вражеских танков[102]. Вскоре противник повторил ряд атак, но с большими потерями был отброшен на исходные рубежи[103].

Контрудар советских войск, нанесенный 7 ноября силами 50-й армии со стороны города и 3-й армии из района к юго-западу от Тулы, расстроил планы противника. Немцы вынуждены были на десять дней прекратить наступление своими главными силами. В то время только 43-й армейский корпус пытался прорваться в тыл 50-й армии севернее Тулы. Этим Гудериан рассчитывал вынудить войска генерала А. Н. Ермакова оставить город. Однако совместными усилиями 49-й и 50-й армий и эта попытка врага была отбита. Удержав Тулу, ее защитники не позволили 4-й немецкой армии сократить протяженность своего 200-километрового фронта. Не могла выполнить задачу по обходу Москвы с востока и 2-я танковая армия Гудериана без риска подставить свой тыл под удар советских войск со стороны Тулы[104].

Благодаря быстрому подвозу резервов, заблаговременно подготовленным оборонительным сооружениям, умелому маневру силами, стойкости советских войск и твердому управлению ими перед наступавшим противником встал новый фронт обороны. Группе армий «Центр» прорвать его не удалось. Они смогли только вытеснить армии Западного фронта с Можайской линии обороны. Потеряв наступательную мощь, немцы в конце октября перешли к обороне в 70–110 км к северо-западу и западу от Москвы.

Достигнув окраин Тулы, Серпухова, заняв Наро-Фоминск, Волоколамск, Калинин, германские части вынуждены были остановиться, чтобы пополнить передовые подразделения личным составом, привести в порядок материальные, продовольственные и боеприпасы. Стойкость советских частей на укрепленных рубежах Можайской оборонительной линии и на главных направлениях удара группы армий «Центр» стала неожиданностью для немецкого командования, она предопределила фиаско германского наступления во второй половине октября 1941 г. Группе армий «Центр» была необходима передышка для продолжения наступления. Это, в свою очередь, дало Ставке ВГК возможность перебросить на защиту столицы дополнительные соединения из восточных регионов СССР.

Во второй половине октября к Москве из тыловых районов страны и с других фронтов в спешном порядке подходили все новые эшелоны с войсками. Они практически с ходу вступали в бой. Это не замедлило сказаться на оперативной обстановке западнее столицы. К 22 октября перед фронтом группы армий «Центр» немецкая разведка насчитывала уже силы 38 стрелковых, восьми кавалерийских, двух танковых дивизий и 17 танковых бригад. Правда, отмечалось, что большая часть этих соединений была сосредоточена юго-западнее Москвы, под Калинином и севернее Ржева[105], а боеспособность их была различной.

Во всех донесениях говорилось об исключительной самоотверженности частей РККА. Упорство советских солдат в обороне удивляло немецких полевых командиров. Так, командование 5-го армейского корпуса в докладе об обстановке на фронте от 23 октября 1941 г. отмечало, что «316-я русская дивизия, которая осталась неразбитой и имеет в своем составе много хорошо обученных солдат, ведет поразительно упорную борьбу. Эта дивизия имеет много тяжелого пехотного оружия, сравнительно мало пехотной артиллерии, но все же имеет тяжелую артиллерию, и в некоторых местах она переходит в контратаки вместе с танками»[106].

Встреча передовых германских подразделений, продвигавшихся на Москву, со свежими советскими дивизиями никак не входила в расчеты командования вермахта. Еще 22 октября 1941 г. немецкая разведка отмечала, что в дальнейшем можно ожидать подхода к столице всего одной или двух дивизий с Кавказа и одной дивизии с Дальнего Востока и «до наступления зимы противник не имеет в своем распоряжении боеспособных резервов крупного масштаба»[107]. В дальнейшем оказалось, что немцы глубоко заблуждались.

Октябрь 1941 г. — первый и один из самых трагических месяцев битвы за Москву. Обстановка, в которой пришлось действовать советским войскам, была крайне сложной, трудной. Красная армия, несмотря на то что две трети ее дивизий оказались во вражеских котлах, все же смогла воспрепятствовать намерениям врага. Окруженные войска более двух недель героически сражались с противником, сковав до 48 его дивизий, или 64% состава группы армий «Центр». За то время Ставка ВГК смогла подтянуть резервы, провести перегруппировку войск и вместе с остатками 32 дивизий, вырвавшимися из окружения, закрыть брешь в обороне Москвы. Тем самым бойцы и командиры окруженных под Вязьмой и Брянском группировок внесли великий вклад в общее дело защиты Москвы.

К концу октября наступление противника было остановлено. Вражеский «Тайфун», не достигнув своей цели, захлебнулся на Можайской линии обороны. Для подготовки наступления непосредственно на Москву немцам требовалась «сравнительно продолжительная, двух-трехдневная передышка... Это позволило бы обеспечить подвоз боеприпасов и продовольствия и подтянуть отставшие соединения, особенно артиллерию, застрявшую в пути»[108], а главное — перегруппировать танковые и моторизированные войска в интересах создания ударных групп на флангах Западного фронта.

Огромную помощь частям Красной армии, защищавшим подступы к столице, оказали героические усилия тружеников Москвы, денно и нощно не отходивших от станков. Внесли весомый вклад в защиту столицы и бойцы сопротивления, не подлежавшие призыву, но вставшие в строй, героические партизаны и подпольщики, не давшие спокойной жизни немецким тылам, а также бойцы рабочих батальонов.

Лозунг «Все на защиту Москвы!» советский народ претворил в жизнь.

Героическая защита Москвы

Срыв попыток овладеть Москвой в октябре и неумолимое приближение зимних холодов заставляли германское командование спешить с возобновлением наступления на советскую столицу. 30 октября 1941 г. командующий группой армий «Центр» отдал приказ о продолжении операций. Основная идея замысла Бока: двумя подвижными группировками нанести удары

Расчет пулемета «Максим» на огневой позиции на подступах к Москве

Советские солдаты в траншеях в обороне на берегу Москвы-реки

по флангам Западного фронта и, обойдя Москву с севера и юга, замкнуть кольцо окружения восточнее города.

С севера удар наносили смежными флангами 9-я и 4-я полевые армии, а с юга и юго-востока — 2-я танковая армия. 9-й армии надлежало разгромить противника в нижнем течении р. Лама, захватить переправы через Волжское водохранилище[109] и в дальнейшем силами группы Рейнгардта развивать наступление в направлении канала Москва — Волга. Главным силам 4-й армии предстояло вести фронтальное наступление на столицу. 3-я и 4-я танковые группы были подчинены командующим 9-й и 4-й армиями соответственно, составляя основу ударных групп последних. Задача 2-й танковой армии состояла в обеспечении южного фланга всей группы армий «Центр».

Несмотря на то что соединения противника имели минимум необходимых материальных средств, они сохраняли преимущество над советскими войсками западного направления: в людях — в 2 раза, в танках — в 1,4 раза, в орудиях и минометах — в 2,4 раза. Зато по количеству самолетов советская авиация превосходила немцев в 1,5 раза[110].

Готовилось к возобновлению активных боевых действий под Москвой и советское командование. Для усиления Западного фронта, выполнявшего главную задачу по обороне Москвы, а также для улучшения управления войсками Ставка ВГК с 10 ноября переподчинила 50-ю армию Брянского фронта командующему Западным фронтом, а 3-ю и 13-ю армии Брянского фронта с 11 ноября — Юго-Западному фронту. Весь штаб Брянского фронта был передан в распоряжение главкома Юго-Западного направления[111]. В состав Западного фронта были переданы 2-й кавалерийский корпус генерала П. А. Белова и 112-я танковая дивизия полковника А. Л. Гетмана[112].

За первую половину ноября Западный фронт с учетом 30-й армии, переданной из Калининского фронта, получил 105 тыс. человек, 300 танков и 2,8 тыс. орудий. Всего в составе войск фронта насчитывалось 35 стрелковых, три моторизованные, три танковые, 12 кавалерийских дивизий и 14 танковых бригад.

Учитывая, что Западный фронт оборонял все кратчайшие подступы к столице, а наступление врага ожидалось в ближайшие дни, генерал армии Жуков потребовал строить деревоземляные огневые точки (дзоты) не только на переднем крае, но и в глубине обороны, а особое внимание уделить созданию противотанковых районов на участках Теряево, Ново-Петровское, Истра, Звенигород, Кубинка, Акулово, Наро-Фоминск, Серпухов и еще в 11 пунктах[113].

16-я армия Западного фронта находилась на направлении вероятного главного удара врага. Учитывая это, генерал К. К. Рокоссовский сосредоточил основные усилия на удержании главной полосы обороны с массированием сил на волоколамско-истринском направлении, создал второй эшелон и общевойсковой резерв. Оборона была подготовлена на глубину 40–50 км. Создана развитая система противотанковой обороны. В батальонах, полках и дивизиях организовывались отряды истребителей танков. Устанавливались минно-взрывные заграждения. По сравнению с октябрем их плотность возросла с 95 до 540 противотанковых мин на 1 км фронта. Были подготовлены к разрушению (в случае возникновения такой необходимости) дороги, мосты, предусматривалось затопление пойм рек Истры, Сестры и Яхромы.

Большое внимание в это время уделялось устройству инженерных заграждений на танкоопасных направлениях. В работах по минированию коммуникаций участвовали и подразделения Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН) войск НКВД. Ее сводный отряд производил минирование и закладку фугасов на Ленинградском, Пятницком, Волоколамском, Можайском, Наро-Фоминском, Остаповском, Подольском и Каширском шоссе, а также на грунтовых дорогах, которые противник мог использовать для наступления. В течение октября и в начале ноября 1941 г. отрядом было установлено 12 тыс. противотанковых и 8 тыс. противопехотных мин, заложено 160 фугасов, подготовлены к взрыву 67 км шоссейных дорог, 19 мостов и ряд других объектов[114].

Командование Калининского фронта поставило перед армиями задачу прочно оборонять занимаемые рубежи и активными действиями сковать противника, не допуская переброски

Экипаж тяжелого танка КВ-1 под командованием лейтенанта Н. Киндера *(крайний справа)*
из 17-й танковой бригады у своей боевой машины

САУ ЗиС-30 (57-мм противотанковое орудие ЗиС-2
на базе артиллерийского тягача А-20 «Комсомолец») на огневой позиции

его сил на московское направление. Штаб Брянского фронта составил план наступательной операции против тульской группировки врага[115].

Все это происходило хотя и в период оперативной паузы, но при постоянных боях местного значения. Так, 11 ноября части 22-й армии Калининского фронта остановили в районе Селижарова продвижение противника, который вклинился в оборону на участке до 20 км по фронту и 10—15 км в глубину.

Главной же причиной затянувшейся оперативной паузы для группы армий «Центр» стало то, что ее войска находились под непрерывным воздействием контрударов советских войск[116]. Жуков пытался убедить Сталина в нецелесообразности их проведения, но безрезультатно[117]. В соответствии с распоряжением Ставки Западному фронту предписывалось упреждающими ударами сорвать наступление противника. Один из них требовалось «нанести в районе Волоколамска, а другой — из района Серпухова, во фланг 4-й армии немцев»[118].

Генерал Жуков был вынужден отдать необходимые распоряжения 16-й и 43-й армиям и передать им все свои резервы. Однако это не привело к существенному изменению в соотношении сил. Оно по-прежнему оставалось в пользу противника. Это заставило К. К. Рокоссовского отказаться от второго эшелона, ликвидировать 13 противотанковых районов, уменьшить состав резерва. В итоге сократилась глубина оперативного построения армии и была существенно ослаблена противотанковая оборона. Для выполнения требований Сталина о немедленном нанесении контрудара генералы Рокоссовский и Захаркин были вынуждены начать атаку еще до подхода выделенных им резервов[119].

Контрудар 49-й армии — это шестидневные ожесточенные бои с небольшим территориальным успехом и огромными потерями обеих сторон. Положительным в нем было то, что соединения правого фланга 4-й немецкой армии не смогли принять участия в наступлении на Москву[120].

Контрудар в районе Волоколамска из-за отсутствия времени на его подготовку, плохого управления войсками, неправильного применения конницы и легких танков оказался крайне неудачным. В результате 16-я армия понесла большие потери. Оборона ее была ослаблена[121].

15 ноября группа армий «Центр» возобновила наступление на Москву. Ее войска вводились в сражение в течение пяти суток. Среди причин, обусловивших разновременность перехода в наступление, были и действия советских партизан. Они разрушали железные дороги и мосты, минировали шоссе, взрывали склады с боеприпасами и горючим, срывали снабжение. В результате группа армий вместо 70 эшелонов, составлявших суточную потребность войск в материальных средствах, в середине ноября получала только 23[122].

Поддержка наступления группы армий «Центр» со стороны соседних группировок по-прежнему отсутствовала. Бок упрекал командующего 6-й армией фельдмаршала В. Рейхенау, а также командующего группой армий «Север» фельдмаршала Лееба в том, что они никаким образом не содействовали удару его соединений[123]. В результате, 2-я и 9-я полевые армии по мере наступления главных сил группы на Москву вынуждены были планировать частные операции для прикрытия растягивавшихся флангов группы армий «Центр».

По-существу, основная тяжесть наступательных операций ложилась на три танковых объединения — 3-ю и 4-ю танковые группы и 2-ю танковую и 4-ю полевую армии. Сила их была еще велика, но в середине ноября Бок стал беспокоиться, что противник может преподнести сюрприз, перебросив под Москву свежие силы с других участков фронта[124]. Группа армий «Центр» резервов не имела. Однако Бок верил в новый решительный успех своих войск. Ноябрьское наступление германской армии на Москву, по его мнению, должно было привести вермахт к окончательной победе. Взятие столицы и подавление остатков сопротивления Красной армии, как казалось немецкому командованию, было делом ближайших дней.

Погода благоприятствовала атаке. Солдаты и техника начали продвигаться на восток по мерзлой и твердой, словно камень, земле, лишь слегка припорошенной снегом. Даже когда солнце достигло зенита, оно было едва ощутимо и не давало никакого тепла. Небо было ясное. Метели не предвиделось до конца месяца. Никаких ограничений действий германской авиации не было.

Немецкие солдаты на привале во время битвы за Москву

15 ноября начался поистине кульминационный период кампании 1941 г. Он не был продолжительным. С начала возобновления немецкого наступления на Москву 15–19 ноября до перехода Красной армии в контрнаступление 5–6 декабря 1941 г. прошло чуть больше чем полмесяца. Но именно за то время сила германских соединений, наступавших на Москву, основанная на их численном превосходстве, профессионализме германских солдат и офицеров, была превзойдена стойкостью советских воинов и экстренными мерами военно-политического руководства по мобилизации ресурсов на отпор врагу.

16–17 ноября 4-я и 3-я немецкие танковые группы перешли в наступление, нанося главный удар по войскам 16-й армии. На фронте 35–40 км наступали четыре танковые, одна моторизованная и одна пехотная дивизии, общей численностью до 400 танков, поддержанные авиационной группой «Восток», совершавшей свыше 200 самолето-вылетов в сутки. Первыми приняли на себя удар центр и левый фланг 16-й армии. Удар основных сил противника пришелся между 316-й стрелковой дивизией и кавалерийской группой генерала Л. М. Доватора, имея задачу создать брешь в советской обороне и ввести в сражение танковые дивизии.

Для срыва вражеского наступления 16-я армия подготовила контрудар во фланг и тыл 4-й танковой группы. Времени на его подготовку было недостаточно, поэтому перегруппировка и развертывание выделенных для этого войск закончились лишь к рассвету 16 ноября. Утром танковая, стрелковая и четыре кавалерийские дивизии нанесли удар на правом фланге армии. Контрудар 16-й армии совпал по времени с началом немецкого наступления против центра и левого фланга армии. Таким образом, 16-я армия на одном из своих флангов вела наступательные, а на другом оборонительные действия.

Контрудар 16-й армии представлял собой практически неподготовленное наступление на противника, изготовившегося к нанесению своего удара и имевшего превосходство в живой силе и артиллерии в 2,4–3 раза, а в танках — в 10 раз. Это был первый бой частей фронтового резерва, еще недостаточно сплоченных. Действуя на открытом пространстве, кавалерийские части нередко в упор расстреливались артиллерийским и пулеметным огнем противника, что привело к большим потерям и значительно ослабило оборону. В результате контрудара 58-я танковая дивизия потеряла 139 танков (70,2% их общего числа), 17-я кавалерийская дивизия — 75% своего личного состава, а продвинулись они всего на 3–4 км[125].

Соединения, действовавшие на левом фланге 16-й армии, под мощными ударами противника несли большие потери и были вынуждены отходить. Большой урон был нанесен 17-й кавалерийской дивизии, принявшей на себя удар до 80 танков врага. Особенно ожесточенный бой происходил в полосе обороны 316-й стрелковой дивизии И. В. Панфилова и 50-й кавалерийской дивизии. Четыре часа длился бой у разъезда Дубосеково. Герои-панфиловцы остановили 50 вражеских танков, прорвавшихся к Волоколамскому шоссе[126]. Утром 16 ноября по позициям 1077-го стрелкового полка удар нанесла вражеская авиация, после чего противник попытался овладеть позициями полка. Умелыми действиями первые атаки были отражены. Затем враг ввел в бой 20 танков и новую группу пехоты. Гранатами, бутылками с горючей смесью и огнем в упор из противотанковых ружей панфиловцы подбили 14 танков. Остальные были вынуждены отойти.

Не дав передышки нашим бойцам, противник бросил в бой еще 30 боевых машин. Перевес сил явно был на стороне наступавших. Политрук Клочков обратился к бойцам со знаменитыми ныне словами: «Велика Россия, а отступать некуда, позади Москва!». В жестоком неравном бою один за другим гибли герои. Так, тяжело раненный политрук Василий Клочков со связкой гранат бросился под вражеский танк и уничтожил его.

Бой героев-панфиловцев у разъезда Дубосеково явился образцом стойкости и мужества. Продвижение противника было задержано, что дало возможность другим частям дивизии занять и подготовить новые оборонительные позиции.

Беспримерное мужество проявили воины 2-й батареи 871-го противотанкового артиллерийского полка при отражении атаки 11-й танковой дивизии противника около деревни Матренино. В ходе боя весь расчет одного из орудий батареи был ранен, но продолжал вести бой, пока атака противника не захлебнулась.

Артиллерийские расчеты советских войск готовятся открыть огонь из трофейных немецких 50-мм орудий во время битвы за Москву

Советские солдаты ведут бой в лесу под Москвой

В итоге тяжелых боев 16 ноября части 316-й стрелковой дивизии были вынуждены отойти на новый рубеж Ченцы — ст. Матренино. Продолжали стойко удерживать свои рубежи кавалерийская группа генерал-майора Доватора, 18-я и 78-я стрелковые дивизии. Ожесточенные бои на волоколамско-истринском направлении продолжались и в последующие дни. Противник прорывался к Ново-Петровскому. Двумя группами танков, преодолев оборону 50-й и 53-й кавалерийских дивизий, он вышел в район Покровское, Гряды[127]. Но дальше продвинуться враг не смог.

4-я танковая группа повсюду встречала беспримерные стойкость и мужество частей и соединений 16-й армии. За три дня наступления она смогла вклиниться в оборону армии всего на 4—6 км.

Самолеты люфтваффе продолжали попытки прорваться к Москве. В течение 17—19 ноября средства ПВО столицы отразили 20 налетов, в которых участвовало 145 самолетов противника[128]. Неудачными оказались и атаки немецкой авиации на советские аэродромы. Боеспособность многих авиачастей люфтваффе снизилась до критической отметки. Они теряли самолеты как в воздухе, так и на земле. Господства в воздухе немецкая авиация в ноябре так и не добилась. Неспособность люфтваффе в должной мере поддерживать наземные части вермахта снижала темпы продвижения группы армий «Центр» к советской столице, отрицательно влияла на моральное состояние германских военнослужащих. Так, командование 4-й танковой группы отмечало: «Налеты русских бомбардировщиков и штурмовиков причиняют большие потери. В войсках недовольны отсутствием нашей авиации»[129].

Нанесение контрударов армиями Западного фронта в первой половине ноября негативно сказалось на их обороноспособности. На проведение контрударов были брошены все резервы Западного фронта. До 20 ноября генерал Жуков был лишен возможности оперативно парировать удары врага и эффективно влиять на ход сражения. Когда же резерв был восстановлен, немцы уже обошли оба фланга 16-й армии, создав угрозу ее тылу и захвата Клина. Противодействие врагу оказалось запоздалым по времени и неадекватным по силе. Ведь на правом крыле Западного фронта противник нанес удар в направлении Клина и Солнечногорска силами шести танковых и пяти пехотных дивизий, стремясь окружить соединения 30-й и 16-й армий, а наступлением на Звенигород обеспечить ударную группировку с юга.

23 ноября Клин и Солнечногорск были захвачены противником. Немцам открылись пути не только для обхода Москвы с севера, но и для удара непосредственно по ней[130]. «Чтобы не подвергать наши войска угрозе окружения, в ночь на 24 ноября их пришлось отвести на следующий тыловой рубеж. После тяжелых сражений 16-я армия отошла от Клина. В связи с потерей Клина образовался разрыв между 16-й и 30-й армиями, который прикрывался лишь слабой группой наших войск», — вспоминал Жуков[131].

Ситуация становилась критической. Ставка ВГК решила начать переброску под Москву семи резервных армий из тех десяти, что с начала месяца готовились к контрнаступлению Красной армии. Так, 10-я резервная армия генерала Ф. И. Голикова к вечеру 2 декабря была сосредоточена в районе Рязани, Канина, Шилова с задачей не допустить выдвижения противника на Рязань[132].

Московский военный округ срочно формировал оперативную группу под командованием Героя Советского Союза полковника А. И. Лизюкова[133]. Группа была выдвинута к северу от Москвы в район поселка Красная Поляна. Четыре кавалерийские дивизии и стрелковый полк под общим командованием генерала Л. М. Доватора перекрыли пути на Москву юго-западнее и южнее Солнечногорска. Туда же выдвинулись 133-я и 7-я гвардейская стрелковые дивизии, 19, 29, 145, 146 и 24-я танковые бригады, 126-й и 138-й отдельные танковые батальоны. Из зенитных частей 1-го корпуса ПВО были сформированы две противотанковые группы. Батареи (64 зенитных орудия и 43 пулемета) группы полковника Д. Ф. Гаркуши были развернуты южнее Солнечногорска вдоль Ленинградского шоссе, а группа (20 орудий и пять пулеметов) майора С. Л. Спиридонова — восточнее Клина[134].

Для сдерживания противника до подхода резервных соединений в район Клина и Солнечногорска были брошены три оперативно-инженерные группы, созданные по приказу

В засаде. Московское направление

В засаде «сорокапятка» — 45-мм противотанковая пушка

Передовые части 11-й немецкой танковой дивизии под Волоколамском, в 100 километрах от Москвы

Немецкие солдаты устанавливают дорожные указатели

Ставки за счет объединения саперных и инженерных батальонов. Саперы разрушали Ленинградское шоссе и дороги, шедшие от него на восток, взрывали мосты, устанавливали мины и фугасы, устраивали завалы[135]. Общими усилиями наступление дивизий Гёпнера из района Солнечногорска было задержано на пять суток.

Чтобы лишить германские войска возможности располагаться в населенных пунктах, Ставка ВГК 17 ноября 1941 г. обязала «разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог». При вынужденном отходе наших частей на том или другом участке «уводить с собой советское население и обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать»[136]. К 25 ноября было сожжено полностью или частично 53 населенных пункта[137].

Основные усилия Бок сосредоточил в полосе наступления 4-й танковой группы. 24 и 25 ноября ее соединения приступили к форсированию р. Истра. Полки 78-й стрелковой дивизии полковника А. П. Белобородова, сдерживавшие врага на рубеже 3–4 км к западу от г. Истры, обеспечив отвод соединений 16-й армии, отошли. Чтобы задержать гитлеровцев, командование армии распорядилось открыть водоспуски плотины Истринского водохранилища. Водяной поток высотой около 2,5 метра устремился вниз по долине Истры на 50 км. Уровень воды в водохранилище резко упал. Лед перестал выдерживать тяжелые автомашины. Немецкое командование вынуждено было на несколько часов отложить форсирование Истры[138]. Тем не менее 26 ноября участок советской обороны в районе Истринского водохранилища был уже в руках захватчиков. Бой за город продолжался день и всю ночь, борьба шла за каждую улицу, каждый дом. Новоиерусалимский монастырь трижды переходил из рук в руки. Однако Истру удержать не удалось[139].

В результате немецкие соединения вышли на ближние подступы к Москве. Бои шли уже в районе дачных поселков, в окрестностях города. Окружение столицы отошло на второй план, германское командование жаждало поскорее ворваться в ее кварталы и добить советские части на городских улицах. Удары соединений группы армий «Центр» следовали один за другим. Участок боевых действий северо-западнее Москвы стал решающим для противоборствовавших сторон. Немцы стремились открыть себе путь к столице по важнейшим транспортным магистралям с твердым покрытием. Захват Истры, Клина и Солнечногорска, казалось, позволял им исполнить задуманное.

Штаб дивизии СС «Райх» полагал, что после захвата Истры устранен «самый важный опорный пункт последнего фронта обороны западнее Москвы», а впереди остаются лишь арьергарды советских частей, отступавших на восток[140]. Основной задачей 4-й танковой группы в сложившейся обстановке стало максимально возможное расширение захваченной территории.

Г. К. Жуков вспоминал: «Западный фронт нашей обороны выгибался дугой — образовывались очень слабые места. Казалось, вот-вот случится непоправимое. Но нет! Войска стояли насмерть, а получив подкрепление, вновь создавали непреодолимый фронт обороны»[141]. Однако восточнее Клина остановить немцев не удалось. Под натиском 3-й танковой группы соединения и части, действовавшие на левом фланге 30-й армии, отходили к северу. На ее стыке с 16-й армией образовался разрыв, через который вражеские части развили наступление в направлении канала Москва — Волга. В ночь на 28 ноября они захватили мост через канал у Яхромы и образовали плацдарм на восточном берегу. В то же время 4-я танковая группа усилила давление на 16-ю армию и потеснила ее части. 30 ноября противник занял поселок Красная Поляна, подойдя к столице на пушечный выстрел. Днем и ночью шли ожесточенные бои на рубеже современного аэропорта Шереметьево, железнодорожной станции Крюково, Дедовска (14 км юго-восточнее Истры)[142].

На южных подступах к Москве обстановка также была напряженной. С 18 ноября здесь наступала 2-я немецкая танковая армия. Ее главный удар, как и севернее столицы, был направлен в соединение двух фронтов. Прорвав слабую оборону левого фланга 50-й армии, немцы устремились в обход Тулы с востока. К исходу 25 ноября они достигли рубежа в 6 км к

Верховный главнокомандующий, Председатель Ставки ВГК

И. В. Сталин

Начальники Генерального штаба РККА в 1941–1943 гг.

Г. К. Жуков

Б. М. Шапошников

А. М. Василевский

Командующие фронтами в 1941–1943 гг.

И. Р. Апанасенко

П. А. Артемьев

И. Х. Баграмян

И. А. Богданов

С. М. Будённый

А. М. Василевский

Н. Ф. Ватутин

К. Е. Ворошилов

Л. А. Говоров

Ф. И. Голиков

В. Н. Гордов

А. И. Еременко

Г. К. Жуков

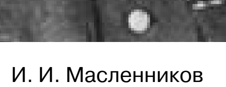
Г. Ф. Захаров

П. А. Курочкин

Р. Я. Малиновский

И. И. Масленников

М. А. Пуркаев

М. А. Рейтер

К. К. Рокоссовский

Д. Т. Козлов

И. С. Конев

Ф. Я. Костенко

К. А. Мерецков

И. Е. Петров

М. М. Попов

В. Д. Соколовский

С. К. Тимошенко

Ф. И. Толбухин

И. В. Тюленев

И. И. Федюнинский

В. А. Фролов

М. С. Хозин

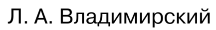
Я. Т. Черевиченко

Н. Е. Чибисов

Командующие флотами в 1941–1943 гг.

Л. А. Владимирский

А. Г. Головко

Ф. С. Октябрьский

Ф. В. Трибуц

И. С. Юмашев

югу от Каширы. Но дальше продвинуться не смогли. Неожиданно сильный контрудар корпуса генерала П. А. Белова заставил противника перейти к обороне. Не увенчалась успехом и попытка Гудериана овладеть Тулой с востока и северо-востока. Наступление его частей было остановлено войсками 50-й армии. Но 22 ноября юго-восточнее Тулы немецкая танковая группа «Эбербах» прорвалась к Сталиногорску (Ново-Московск) и, как записано в оперсводке ОКХ, овладела «незанятым противником городом». Ставка ВГК сняла с должности командующего 50-й армией генерала А. Н. Ермакова, а вместо него назначила генерала И. В. Болдина[143].

Накал борьбы уже достигал своей кульминации. Пытаясь снять напряжение, 27 ноября И. В. Сталин приказал командующему Калининским фронтом генералу И. С. Коневу нанести удары по противнику, чтобы «облегчить положение Западного фронта, войска которого обливаются кровью»[144]. Выполняя указания ВГК, две стрелковые дивизии, четыре стрелковых полка и семь батальонов 22, 29 и 31-й армий Калининского фронта нанесли контрудар по частям 9-й полевой армии противника[145].

Кроме того, Ставка ВГК передала Западному фронту из своих тщательно сберегаемых резервов две армии. Г. К. Жуков сразу же ввел их в сражение между 30-й и 16-й армиями. Контрударом части сил 1-й ударной армии (29-я, 50-я стрелковые и 21-я танковая бригады) прорвавшаяся через канал Москва — Волга в районе Яхромы группировка противника была отброшена на западный берег[146]. Активные действия 20-й армии сковали врага на рубеже, проходившем через Красную Поляну.

В тяжелейших условиях продолжала находиться 16-я армия, от которой во многом зависела судьба Москвы. «Особенно упорно дрались стрелковые дивизии 16-й армии: 316-я генерала И. В. Панфилова, 78-я генерала А. П. Белобородова и 18-я московская дивизия народного ополчения генерала П. Н. Чернышева, отдельный курсантский полк С. И. Младенцева, 1-я гвардейская, 23, 27, 28-я отдельные танковые бригады и кавалерийская группа генерала Л. М. Доватора»[147], — вспоминал Г. К. Жуков. Он укреплял соединения и части 16-й армии всем, чем только мог.

Наконец, командующий Западным фронтом пошел на хитрость. По его приказу от каждой дивизии четырех армий, оборонявших центральный участок фронта, в 16-ю армию было направлено по одному взводу солдат. Их бросили в бой. По документам, найденным на месте боев, и опросам взятых «языков» немцы сделали вывод о том, что советское командование перебросило сюда дивизии, которые ранее противостояли 4-й армии, и что этим русские оголили центр фронта[148]. Такой «выгодный» момент Бок упустить не мог: наступил момент для решающих ударов по Москве. Тем более что немецкие соединения на рогачевско-дмитровском, солнечногорском и истринском направлениях вышли в районы, удаленные от города всего на 25–35 км.

Особенно опасная обстановка создалась в 16-й армии в районах Крюкова и Нахабина, где сильно ослабленные кровопролитными боями 8-я, 9-я гвардейские и 18-я стрелковые дивизии вели поистине героическую борьбу с главными силами 4-й танковой группы противника[149]. К исходу дня, когда фашисты заняли поселок Красная Поляна, их отделяло от Кремля расстояние в 30 км, от Владыкина (северная граница города тех лет) — 18 км и от МКАД в районе Лианозова (современной границы столицы) — 12 км. При таком удалении противника Москва могла превратиться в объект разрушения вражеской артиллерией.

Идея замысла командующего группой армий «Центр» сводилась к нанесению одновременных ударов по столице не только с севера и юга, но и с запада. С этой целью предусматривалось силами 4-й армии прорвать оборону в районах Звенигорода и Наро-Фоминска и, наступая по сходящимся направлениям на Кубинку и Голицыно, окружить и уничтожить войска 5-й и 33-й армий. А в дальнейшем развить наступление непосредственно на Москву вдоль Минской автострады и Киевского шоссе.

Утром 1 декабря после артиллерийской и авиационной подготовки немцы по всему фронту перешли в наступление на Москву. За двое суток они добились ощутимых успехов. На участках прорыва они вклинились в оборону 5-й и левого фланга 33-й армий на 4–9 км, а на правом ее фланге, севернее Наро-Фоминска, даже на 25 км[150].

Командир 4-й танковой (1-й гвардейской) бригады
генерал Михаил Ефимович Катуков *(слева)* стоит на броне танка КВ-1

Советские солдаты-вожатые ведут собак-истребителей танков

Советская пехота на оборонительных позициях

Танки направляются к линии фронта

Советские артиллеристы в минуты отдыха во время битвы за Москву

Войска Западного фронта вели активную оборону, нанося контрудары по наступавшему противнику. Неудача постигла 3-ю немецкую танковую группу. Ее части, не выдержав контратак 1-й ударной армии, вынуждены были отойти. 4-я танковая группа, встретив упорную оборону частей 20-й и 16-й армий, также не смогла продвинуться к Москве. Напряженные бои разгорелись за Красную Поляну, станцию Крюково и село Рождествено (3 км западнее Дедовска). Отдельные населенные пункты по нескольку раз переходили из рук в руки. К 5 декабря части генерала Гёпнера были окончательно остановлены в 15—20 км от главного рубежа Московской зоны обороны (современной границы Москвы).

Командование Западного фронта, передав в распоряжение 33-й армии фронтовые резервы (18-ю стрелковую бригаду, 136-й и 148-й отдельные танковые батальоны и два лыжных батальона), приказало командарму с утра 3 декабря нанести контрудар, ликвидировать прорвавшегося в район Юшково противника и полностью восстановить положение. Одновременно 20-й армии предписывалось с 7 часов 3 декабря перейти в наступление на Солнечногорск; 30-й армии — с утра 6 декабря перейти в наступление всеми силами на Новозавидовский, Рогачево и Клин, охватывая вражескую группировку с севера[151].

3 декабря на всем Западном фронте продолжались ожесточенные бои. 331-я стрелковая дивизия и 28-я стрелковая бригада 20-й армии вели наступление на Красную Поляну, Владычино (5 км западнее Красной Поляны). К исходу дня наступавшие части достигли рубежа Носово — Шемякино (1,5—3 км южнее и юго-западнее Красной Поляны), где были остановлены противником.

Соединения и части 16-й армии отражали сильные удары противника. 7-я и 8-я гвардейские стрелковые дивизии в течение всего дня упорно сражались за Крюково. Бои не прекращались и ночью. 9-я гвардейская стрелковая дивизия сдерживала натиск противника на рубеже восточная окраина Нефедьево — Селиваниха — восточнее Рождествено, в 1,5—3 км от Дедовска. Части 5-й армии отбили все попытки гитлеровцев прорваться через Акуловский узел сопротивления к Кубинке.

Контрударная группировка 33-й армии к исходу дня выбила противника из района Юшково, Петровское, Бурцево. Подвижная группа генерала П. А. Белова продолжала вести бой южнее Каширы и к исходу дня вышла в район Пряхино (3,5 км северо-восточнее Мордвеса). На тульском направлении мотопехота и танки врага утром 3 декабря перерезали в районе Ревякино (15 км севернее Тулы) железную дорогу Тула — Москва[152]. 1-я ударная и 20-я армии нанесли сильные удары по врагу и выбили его из населенных пунктов Ольгово (9 км западнее Яхромы) и Озерецкое (5 км севернее Красной Поляны). В полосе только 20-й армии противник потерял 18 танков, восемь бронемашин, шесть орудий и свыше тысячи солдат и офицеров[153].

4 декабря обстановка под Москвой достигла наивысшего напряжения. Наступательные возможности противника иссякали. На ряде участков фронта немцы, не выдерживая контрударов советских войск, откатывались на исходные позиции или переходили к обороне без приказа своего командования. Части 1-й ударной армии, преодолевая упорное сопротивление противника, вели уличные бои в центре Яхромы. Одновременно, продвинувшись на 10—12 км от канала, они обходили Яхрому с юга и юго-запада. 20-я армия вела бои за овладение рубежом Белый Раст — Красная Поляна[154]. 16-я армия, удерживая занимаемые рубежи, наносила удары в направлении Крюково, Шеметово, Рождествено. При этом 8-я гвардейская стрелковая дивизия с приданными ей 159-м полком 7-й гвардейской стрелковой дивизии и 1-й гвардейской танковой бригадой вела ожесточенный уличный бой в Крюкове. Бой шел за каждый дом. К 17 часам дивизия заняла юго-восточную окраину Крюкова и вела борьбу за западную окраину поселка. Части 5-й армии выбили противника из Акулова, где остались 34 подбитых танка и сотни трупов вражеских солдат. К концу дня брешь в обороне севернее Наро-Фоминска была закрыта.

На левом крыле Западного фронта гитлеровцы, заняв деревню Севрюково (12 км севернее Тулы), перерезали шоссейную дорогу на Москву. Чтобы замкнуть кольцо окружения вокруг Тулы, вражеским группировкам, наступавшим навстречу друг другу, оставалось всего 5—6 км.

Однако преодолеть этот отрезок им не удалось. 340-я стрелковая дивизия, переданная из 49-й армии в 50-ю, нанесла контрудар и, овладев Руднево (15 км северо-восточнее Тулы), отрезала 4-ю танковую дивизию противника от главных сил Гудериана[155].

Утром 5 декабря противник предпринял последнюю попытку решить исход боев северо-восточнее Тулы в свою пользу. Введя в бой 31-ю пехотную дивизию, ему удалось вклиниться в оборонительные порядки 258-й стрелковой дивизии, прикрывавшей правый фланг 50-й армии на глубину до 4 км, и захватить Луковицы. Последующие атаки противника были отбиты.

В такой кризисной обстановке под Каширой и Тулой Гудериан не мог получить помощи от соседа справа — 2-й полевой армии, основные силы которой были втянуты в затяжные бои с войсками 3-й и 13-й армий Юго-Западного фронта. И хотя после двухдневных ожесточенных боев частям 34-го армейского корпуса удалось захватить Елец, это был его последний успех. Наступательные действия на южном крыле группы армий «Центр» вследствие усиления сопротивления советских войск были прекращены[156].

За 20 дней второго наступления противник продвинулся на 80—90 км севернее Москвы и на 110 км к югу от нее.

5 декабря Бок отдал распоряжение командующим 4-й армией, 4-й и 3-й танковыми группами начать подготовку к возможному отходу: «На случай, если последует приказ на частичный отрыв от противника и занятие обороны, группа армий устанавливает следующий общий рубеж: Нарские пруды — течение р. Москва — Каринское — Истринское водохранилище — Сенежское озеро — район восточнее Клина — левый фланг 36 мд в районе Волжского водохранилища»[157]. Но на рассвете 5 декабря соединения левого крыла Калининского фронта, а в 14 часов и правого фланга 5-й армии Западного фронта нанесли мощные удары по германским частям. Началось контрнаступление советских войск под Москвой.

Советские войска сумели остановить мощную немецкую группировку буквально у стен столицы, укротив вражеский «Тайфун». Завершился оборонительный период Московской битвы. План окружения и захвата советской столицы потерпел полный провал. Противник под Москвой был остановлен окончательно. Подобный успех обеспечили следующие существенные факторы:

— стойкость и героизм советских солдат и офицеров, бойцов народного ополчения, курсантов военных училищ, всего народа;

— ввод стратегических резервов: Ставке удалось создать по существу новую стратегическую группировку, которая превысила состав армий, начавших оборонительные операции под Москвой. Упустив выгодный момент в октябре, группа армий «Центр» окончательно утратила все шансы на успех;

— переход оперативного господства в воздухе к советской авиации;

— повышение эффективности управления войсками со стороны Ставки и командования Западного фронта, которые в ноябре разгадали замысел, направления главных ударов и примерное время возобновления наступления противника на Москву, что позволило построить более устойчивую и активную оборону, чем в начале битвы.

Главную тяжесть в борьбе с врагом несли армии Западного фронта. Они отразили удары 51 вражеской дивизии, в том числе 21 танковой и моторизованной. Важную роль сыграли войска Калининского и Юго-Западного фронтов, создавшие угрозу обоим флангам группы армий «Центр». Для их обеспечения командование противника вынуждено было выделить 22 дивизии (30% от их общего числа) и тем самым ослабить главную группировку, нацеленную непосредственно на Москву. В результате глубина продвижения врага в ноябре сократилась в 2,5—3,5 раза по сравнению с октябрем.

За период оборонительной операции под Москвой безвозвратные потери Западного, Резервного, Брянского и Юго-Западного фронтов составили свыше 541,3 тыс. человек[158].

За это время немцы лишились 145 тыс. солдат и офицеров[159].

Анализируя Московскую стратегическую оборонительную операцию, следует отметить, что успех был достигнут общими усилиями тех, кто проливал кровь на полях сражений, мас-

совым героизмом советских людей, ковавших победу самоотверженным трудом и взявших в руки оружие в партизанских отрядах, народном ополчении, рабочих и истребительных батальонах. Только на создание Можайской линии обороны было затрачено около 2,5 млн человеко-дней. Всего под Москвой построили противотанковых препятствий 802 км, огневых точек — 7581, проволочных заграждений — 611 км. На танкоопасных направлениях под Москвой на протяжении 1528 км были устроены лесные завалы. Для выполнения этой работы было привлечено свыше 200 тыс. человек. За образцовое выполнение заданий ГКО по строительству оборонительных сооружений под Москвой 252 человека были награждены орденами и медалями[160]. На оккупированной территории Московской области в тылу фашистских войск действовали 41 партизанский отряд и 377 диверсионных групп, которые насчитывали до 15 тыс. человек. Всё это — существенные составляющие, обеспечившие срыв наступления противника на Москву.

Моральный дух защитников Москвы и его укрепление

Моральный фактор в войне, моральный дух армии, морально-психологическое состояние личного состава всегда выступали, как свидетельствует военно-исторический опыт, одними из существенных причин побед и поражений в вооруженном противоборстве. Не явилась исключением и Московская оборонительная операция.

В тяжелые дни октября 1941 г. Военный совет Западного фронта обратился к войскам с воззванием, в котором говорилось: «Товарищи! В грозный час опасности для нашего государства жизнь каждого воина принадлежит Отчизне. Родина требует от каждого из нас величайшего напряжения сил, мужества, геройства и стойкости. Родина зовет нас стать нерушимой стеной и преградить путь фашистским ордам к родной Москве. Сейчас, как никогда, требуются бдительность, железная дисциплина, организованность, решительность действий, непреклонная воля к победе и готовность к самопожертвованию»[161].

14 октября 1941 г. в день Покрова Пресвятой Богородицы патриарший местоблюститель митрополит Московский и Коломенский Сергий (И. Н. Страгородский) обратился с посланием, где говорилось: «Враг силен, но велик Бог земли Русской. Надо бороться с малодушием, бодро стоять на посту своем, ревниво охранять православные заветы, не отдавать православные святыни немецким ордам»[162].

15 октября 1941 г. газета «Правда» вышла с призывом: «Кровавые орды фашистов лезут к жизненным центрам нашей Родины, рвутся к Москве. Остановить и опрокинуть смертельного врага!»[163]

Как видно, и компартия, и командование Красной армии, и Русская Православная Церковь в суровые дни Московской стратегической оборонительной операции обратились к умам и сердцам советских воинов, побуждая их сражаться с врагом, не щадя своей крови и жизни. И призывы были услышаны — советские воины проявили, защищая столицу нашей Родины, высокую морально-психологическую устойчивость. В донесении члена Военного совета 30-й армии бригадного комиссара Н. В. Абрамова о боях за г. Калинин от 17 октября 1941 г. отмечалось, что «моральное состояние частей армии здоровое», много есть героических примеров и фактов, подтверждающих это. Так, например, «некоторые части 5 сд вечером 15.10, идя в атаку, пели Интернационал и шли в бой с настоящим русским «ура!». За три дня боев подбито и уничтожено у противника 33 танка, 2 самолета, 12 ст[анковых] пулеметов, до десятка различных орудий, убито и ранено более 2 тысяч солдат и офицеров»[164].

Те, кто не щадя крови и жизни, обороняли столицу Советского государства, проявили неимоверную силу духа. Они приумножали не только славную боевую традицию русского воинства, но и закрепляли тенденцию к героизму и самопожертвованию во имя защиты

Бойцы московского рабочего батальона

Отечества, оформившуюся уже в летних операциях, сражениях и боях Красной армии против вермахта. Тому была основа — высокий моральный потенциал советского народа, выразившийся, например, в том, что в первые дни войны советские люди проявили небывалый энтузиазм в записи добровольцами: с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г. в СССР было подано 20 млн заявлений от добровольцев с просьбой зачислить в Красную армию[165].

Между тем в современной отечественной историографии в ряде публикаций (особенно увидевших свет в 1990-е) акцентировалось внимание в том числе и на негативных аспектах проблемы морального духа РККА летом 1941 г. и в период битвы под Москвой. Причем ряд авторов допускает порой нарушения принципов объективности и историзма. Так, во втором томе двухтомника «Наше Отечество. Опыт политической истории» отсутствует само понятие «Великая Отечественная война». Пятидесятистраничная глава называется «Советский Союз во Второй мировой войне». В ней нет ни слова о битве под Москвой. Лишь после 40 страниц рассказа о неудачах, поражениях, репрессиях (естественно, без упоминания мер, которые предпринимались для укрепления политико-морального состояния личного состава, воинской дисциплины и правопорядка) можно найти косвенные ссылки на успехи советских войск. На десяти страницах последующего текста лишь десять строчек отведено Сталинграду, Курску[166].

Конечно, наивно было бы отрицать подобные аспекты. Так, с 5 по 10 июля в Красной армии за дезертирство, членовредительство, трусость, паникерство, распространение пораженческих настроений (в то время данные преступления относились к категории контрреволюционных) привлекли к уголовной ответственности 2681 человека, из них 605 — к расстрелу[167].

И если на чашу весов истории положить негативные и позитивные аспекты проблемы морального духа Красной армии в период защиты Москвы и умножить на тот факт, что советские воины выстояли в Московской оборонительной операции, то станет ясно: позитивные аспекты, как у любой здоровой и сильной нации, несомненно, существенно перевесят.

В битве за Москву в деятельности органов государственной власти и военного управления, командования и политогранов РККА по укреплению морального духа армии и морально-психологического состояния личного состава соединений и частей переплелись в тесном единстве силовая составляющая (принуждение) и воздействие на сознание военнослужащих путем убеждения. Причем уже в начале войны была создана соответствующая нормативно-правовая база, обеспечивавшая укрепление морального духа воинов.

Силовая составляющая в рассматриваемой деятельности органов государственной власти и военного управления, командования и политогранов РККА нашла особенно рельефное отражение в решительной борьбе с имевшими место случаями невыполнения боевых приказов, пресечении паники на поле боя, а также в борьбе с дезертирством и другими негативными явлениями, подрывавшими моральный дух армии и морально-психологическое состояние личного состава соединений и частей.

Для пресечения оставления поля боя в соответствии с директивой Ставки ВГК от 12 сентября 1941 г. в каждой стрелковой дивизии Западного фронта (из расчета по одной роте на полк) «из надежных бойцов» Красной армии создавались заградительные отряды. Их основной задачей было не допустить бегства «одержимых паникой военнослужащих, не останавливаясь перед применением оружия»[168]. В целом заградотряды действовали в основном эффективно. Как докладывал командующий 43-й армией генерал К. Д. Голубев, при помощи заградотрядов «удалось задержать бегущих из боевых порядков 17-й и 53-й стрелковых дивизий на рубеже Чернешня»[169].

13 октября 1941 г. командующий Западным фронтом генерал Жуков приказал: «Объявить всему командному составу до отделения включительно о категорическом запрещении отходить с рубежа. Все отошедшие без письменного приказа военных советов фронта и армии подлежат расстрелу»[170]. Обстановка требовала столь суровых решений. Судьба столицы и страны висела на волоске.

Закамуфлированное здание Большого театра

Жители Москвы строят баррикады на улицах города

В то же время И. В. Сталин в приказе от 4 октября «О фактах подмены воспитательной работы репрессиями»[171] резко осудил частые случаи незаконных репрессий и грубейшего превышения власти со стороны отдельных командиров и комиссаров по отношению к своим подчиненным. На оборонительном рубеже Волоколамск — Можайск — Малоярославец — Калуга была развернута активная партийно-политическая работа с целью «поднять моральное состояние воинов и укрепить их веру в свои силы, в неизбежность разгрома противника на подступах к Москве»[172].

Перед политорганами и парторганизациями войск Западного фронта стояла задача: путем укрепления боеспособности войск добиться их высокой боевой и моральной стойкости, которая позволила бы остановить и разгромить фашистские войска, рвавшиеся к Москве. Наиболее распространенными формами политической работы в войсках являлись: индивидуальная беседа, групповая политинформация и короткий митинг. Важным средством укрепления морально-боевого духа красноармейцев стала печать. Так, в 16-й армии Западного фронта на два-три бойца приходилась одна газета[173]. Печатное слово воодушевляло бойцов и укрепляло их веру в победу. «За эти месяцы тяжелой, решающей борьбы мы всё глубже понимаем кровную связь с тобой, еще мучительнее любим тебя, Родина... — писал Алексей Толстой 7 ноября 1941 г. в «Правде». — Наша земля немало поглотила полчищ наезжавших на нее насильников... Наша Родина ширилась и крепла, и никакая вражья сила не могла пошатнуть ее. Так же без следа поглотит она и эти немецкие орды. Так было, так будет. Ничего, мы сдюжим!»[174] Сведения о жестоком обращении немцев с пленными и об их преступлениях на оккупированной советской земле разжигали пламя ненависти к врагу. В разведсводке от 2 ноября 1941 г. сообщалось, что немцы держат военнопленных под открытым небом, почти ничем не кормят, заставляют их рыть окопы и строить дороги. «В Вязьме слабых и больных пленных немцы зарывали в землю живыми»[175]. Приводились случаи избиения пленных красноармейцев шомполами[176]. Военные преступления доводились до широких слоев населения и военнослужащих посредством радиопередач Совинформбюро и тематических сборников[177].

Важным и уникальным мероприятием стал военный парад в честь 24-й годовщины Октябрьской революции, проведенный 7 ноября 1941 г. Линия фронта проходила всего в нескольких десятках километров от Красной площади, но весь мир узнал, что страна не сдается и боевой дух армии не сломлен. Г. К. Жуков вспоминал, что парад 1941 г. сыграл «огромную роль в укреплении морального духа армии, советского народа и имел большое международное значение»[178]. Неслучайно английская газета «Ньюс кроникл» писала: «Организация в Москве традиционного парада в момент, когда на подступах к городу идут жаркие бои, представляет собой великолепный пример мужества и отваги»[179].

Таким образом, моральный дух армии в период обороны Москвы стал одним из условий возможности перехода Красной армии в контрнаступление. Тому была фундаментальная основа — исключительной силы духовность советского народа.

В то время когда Красная армия вела ожесточенные сражения с фашистскими полчищами на фронте, жители Москвы и Московской области продолжали готовить столицу к обороне. 12 октября ГКО принял постановление о строительстве обороны на ближних подступах к Москве и в самом городе[180]. Предусматривалось мобилизовать на строительство оборонительных сооружений сроком на 20 дней 240 тыс. жителей Московской области и 200 тыс. москвичей. Обеспечивать охрану и защиту людей, работавших на строительстве оборонительных рубежей, должны были войска НКВД. Были сооружены 72 тыс. погонных метров противотанковых рвов, около 80 тыс. метров эскарпов и контрэскарпов, 52,5 тыс. метров надолбов и других инженерных препятствий[181].

Предпринимались экстренные меры по сохранению промышленного потенциала и культурного наследия столицы. Из Москвы было вывезено более 80 тыс. вагонов с оборудованием. К декабрю 1941 г. из осажденной столицы в восточные района страны выехали 2,2 млн человек, из них более 1,5 млн квалифицированных рабочих, инженеров, техников и членов их семей[182]; началась эвакуация московских театров.

14 октября ГКО принял постановление о формировании к 28 октября 1941 г. 50 отдельных стрелковых бригад в девяти военных округах общей численностью более 216,6 тыс. человек. А через четыре дня в дополнение к этому решению постановил сформировать еще 25 отдельных стрелковых бригад (110 тыс. человек).

15 октября было принято постановление об эвакуации столицы СССР из Москвы в г. Куйбышев (ныне Самара), а основной группы Генштаба — в г. Арзамас (ныне Саров). В целях обеспечения обороны города и укрепления тыла войск, а также пресечения подрывной деятельности немецких агентов с 20 октября 1941 г. в Москве и прилегающих к городу районах были введены осадное положение и комендантский час с 12 часов ночи до 5 часов утра. Въезд в столицу разрешался только гражданам с московской пропиской или по спецпропускам.

На северо-западном направлении

Появление врага у стен Ленинграда всего через два с половиной месяца после начала войны оказалось для советского народа слишком неожиданным и труднообъяснимым. Невольно возникал вопрос: почему же части и соединения Красной армии остановили агрессора лишь у порога этого великого города? Ведь при умело организованной обороне соотношение сил сторон вполне позволяло преградить путь противнику далеко за его пределами. Тем более что Ставка ВГК постоянно оказывала помощь Ленинграду. С 10 июля до конца октября туда было дополнительно отправлено 17 стрелковых и три кавалерийские дивизии.

Одна из основных причин — поражение Северо-Западного фронта в самом начале войны. Ни командование, ни войска фронта так и не оправились от него. Главком маршал К. Е. Ворошилов, командования фронта, армий, соединений и частей не сумели восстановить боеспособность войск, деморализованных почти непрерывным отступлением.

Недостаток сил, слабая боевая выучка войск, отсутствие опыта оборонительных действий в условиях лесисто-болотистой местности, неумение командиров и штабов управлять войсками в сложной боевой обстановке привели к срыву плана деблокады города. Отрезанным от «большой земли» войскам и населению предстояла многомесячная и трудная борьба за жизнь.

В конце сентября на северо-западном направлении на всех участках фронта наступление противника было остановлено, и фронт временно стабилизировался.

Подготовку к новым операциям противник начал еще в середине сентября и закончил ее на северо-западном направлении к середине октября. Было решено нанести удар из района Чудово на Тихвин и далее на р. Свирь, чтобы соединиться здесь с финскими войсками и перерезать сообщение Ленинграда со страной по Ладожскому озеру.

Город прикрывали войска Ленинградского фронта. Основное направление в полосе Лигово — Камень — Южная окраина Пулково защищали соединения 42-й армии, которую поддерживал огнем корабельной и береговой артиллерии Балтийский флот. 55-я армия оборонялась на рубеже Верхнее Кузьмино — Большое Кузьмино — Новая Сель. Невская оперативная группа силами одной стрелковой дивизии и одной отдельной стрелковой бригады занимала оборону по правому берегу Невы, а тремя стрелковыми дивизиями и одной бригадой морской пехоты вела бои по расширению плацдарма на левом берегу Невы в районе Московской Дубровки. 23-я армия занимала оборону на Карельском перешейке на рубеже Нижние Никулясы — Керемяки — Лембалово — Охта — Мертуть — Белоостров — Сестрорецк. 8-я и 54-я армии непосредственно Ленинград не прикрывали. Соединения и части 8-й армии (со 2 ноября 1941 г. — Приморская оперативная группа), удерживая приморский плацдарм в районе Ораниенбаума, оборонялись на рубеже Керново — Готобужи — Ломоносово — Мишелово — западная окраина Петергофа. 54-я армия в октябре и ноябре вела боевые действия в районе западнее и южнее Волхова. В резерве командующего войсками

фронта в разное время находились от двух до четырех дивизий и ряд отдельных частей и подразделений, дислоцировавшихся в Ленинграде.

Оценивая группировку и оперативное построение войск, необходимо отметить, что командование Ленинградского фронта, творчески освоив полученный опыт в предыдущих боях, вполне своевременно и правильно отказалось от равномерного распределения сил и средств по фронту и сосредоточило основные усилия войск на решающих участках обороны — юго-западных и южных подступах к Ленинграду. На рубеже Урицк — Путролово — Новая протяженностью 47 км были сосредоточены десять дивизий, две бригады и семь отдельных пулеметных батальонов. Сюда же были привлечены свыше 70% артиллерийских орудий, значительная часть танков и почти все силы авиации фронта[183].

Большое внимание уделялось инженерному оборудованию местности. В течение сентября — декабря 1941 г. войсками фронта при активном участии населения Ленинграда и прилегающих к нему районов на южных, юго-восточных и северных подступах к городу была создана развитая в инженерном отношении оборона, включавшая в себя главную и вторую полосы обороны и ряд отсечных позиций и укрепленных районов. Насыщенность обороны инженерными сооружениями была высокой.

Наряду с созданием армейских оборонительных полос укреплялся и сам город. Передний край городского рубежа обороны проходил по линии внутренней окружной железной дороги. Оборона города делилась на сектора. В южной и северной частях города было по три сектора в каждом (Кировский, Московский и Володарский; Приморский, Выборгский и Красногвардейский). Каждый сектор состоял из трех позиций, удаленных друг от друга на 1,2–2 км. Основу позиций составляли батальонные районы обороны. Всего в шести секторах города было создано 99 батальонных районов. В случае необходимости для занятия обороны в городских батальонных районах привлекались части войск НКВД, расположенные в городе, ленинградская пожарная охрана, личный состав городской милиции и рабочие формирования. К началу ноября 1941 г. в городе насчитывалось 123 рабочих отряда с общим количеством 15 460 человек[184].

В городе было создано большое количество баррикад. Так, в Кировском секторе обороны баррикады в основной части представляли собой прямолинейные заграждения — барьеры между жилыми постройками. Высота баррикад достигала 2,5 м, глубина — 3,5 м. Общая длина баррикад в этом секторе составляла 17,2 км. Перед баррикадами отрывались противотанковые рвы.

Особое внимание уделялось созданию прочной и глубоко эшелонированной противотанковой обороны. Основная масса противотанковых средств, в том числе и артиллерийских, была сосредоточена на танкоопасных направлениях. На наиболее важном направлении в полосе 42-й армии к ноябрю 1941 г. был создан 41 противотанковый район (не считая противотанковых районов, созданных в городе). Эти районы эшелонировались на всю глубину обороны. Противотанковые районы имели между собой тесное огневое взаимодействие. В армии к противотанковой обороне было привлечено 324 орудия, или 17 орудий на 1 км фронта. До 50% всех артиллерийских противотанковых средств располагалось в главной полосе обороны, около 20% во второй полосе и около 30% на окраинах города. Широко использовались собаки — истребители танков.

Существенный недостаток организации противотанковой обороны состоял в том, что противотанковые районы были слишком велики как по занимаемой площади, так и по своему составу, в связи с чем управление ими было затруднено. Другой недостаток — отсутствие четкой организации управления средствами противотанковой обороны со стороны командиров стрелковых батальонов и полков, что снижало роль общевойсковых командиров в ведении противотанковой обороны.

Существенное внимание уделялось противовоздушной обороне Ленинграда. Непосредственно город прикрывали с воздуха 2-й корпус ПВО (с ноября 1941 г. — Ленинградский корпусной район ПВО) и 7-й истребительный авиационный корпус; водный путь через Ладожское озеро — Ладожский бригадный район ПВО; железнодорожные линии, подходившие

Советские танки, подбитые 9 октября 1941 г. в боях под Ленинградом

из глубины страны к Ладожскому озеру, — части Свирского бригадного района ПВО. Все эти соединения подчинялись управлению ПВО Ленинградского фронта.

Важное место в обороне Ленинграда занимала борьба с дальнобойной артиллерией противника, производившей варварский обстрел жилых кварталов и промышленных объектов города. В конце сентября был разработан единый план действий артиллерии и авиации. Между ними были распределены все цели, при этом подавление и уничтожение дальних целей возлагались на авиацию. В октябре были созданы специальные артиллерийские группы контрбатарейной борьбы, каждая в составе двух-трех дивизионов[185].

Немецкое командование еще в сентябре 1941 г. поставило командующему войсками группы армий «Север» задачу: перегруппировать силы на тихвинское направление с тем, чтобы нанести удар в северо-восточном направлении через Тихвин на Лодейное Поле. Цель предстоявшего наступления — глубокий обход Ленинграда с юго-востока, соединение с финскими войсками на р. Свирь и создание полной блокады города. Для выполнения этой задачи командование группы армий «Север» сосредоточило 39-й моторизованный корпус и главные силы 1-го армейского корпуса в районе Кириши — Любань и южнее. Эта группировка должна была нанести главный удар в направлении Грузино, Будогощь, Тихвин, Лодейное Поле и выйти на р. Свирь. Часть сил предназначалась для вспомогательного удара на Малую Вишеру, Бологое, навстречу войскам левого крыла группы армий «Центр», которые после овладения г. Калинином должны были наступать на Вышний Волочек.

6 октября И. В. Сталин отозвал генерала Г. К. Жукова в Москву, назначив его командующим войсками Западного фронта. Ленинградский фронт возглавил генерал И. И. Федюнинский.

Директивой от 12 октября Ставка ВГК потребовала от Военного совета Ленинградского фронта незамедлительно нанести удар в направлении Мги силами соединений и частей 55-й,

54-й армий и Невской оперативной группы. Причем к удару надлежало привлечь не менее пяти стрелковых дивизий с танками 55-й армии[186].

Через два дня Ставка ВГК уточнила план и силы для удара на Мгу. Для окружения и уничтожения шлиссельбургско-синявинской группировки противника и деблокирования Ленинграда с суши 55-я и 54-я армии должны были нанести удар навстречу друг другу в направлении Синявино. 54-й армии предписывалось привлечь к операции три стрелковые дивизии и всю свою крупную артиллерию, а 55-й — пять-шесть стрелковых дивизий, до 100 танков КВ и всю основную артиллерию. Обращалось также внимание на необходимость поддержки войск огнем минометов, катюш и авиации[187]. Всего к проведению операции привлекались около 63 тыс. человек, 475 орудий всех калибров (без учета артиллерии усиления и Балтийского флота) и 97 танков, в том числе 59 танков КВ.

Вражеское командование в районе предстоящего наступления войск Ленинградского фронта создало сильную оборону с большим количеством всевозможных инженерных сооружений. Узкую полосу местности, отделявшую Ленинград от страны, враг в короткий срок превратил в сильный оборонительный плацдарм, обращенный фронтом на север, восток и запад. Весь левый берег Невы южнее Шлиссельбурга и рубеж Липка — Вороново представляли собой сплошную полосу деревоземляных укреплений с хорошо подготовленной системой огня. Перед передним краем обороны и в глубине ее на всех доступных участках были поставлены противотанковые и противопехотные минные поля. Позиции противника, обращенные на запад и на восток, смыкались в районе Синявино, Мга, достигая общей глубины 12–30 км.

Лесисто-болотистая местность с большим количеством торфоразработок создавала большие трудности для наступления советских войск. Всего противник на синявинском направлении имел примерно 54 тыс. человек и около 450 орудий всех калибров. Танков в этом районе у него не было[188].

Операция должна была начаться 20 октября, но немцы упредили советские войска и перешли в наступление на тихвинском направлении.

Германское командование не теряло надежды занять Тихвин, чтобы затем двинуться на север — к Лодейному Полю, на соединение с финскими войсками, а также на восток — к Вологде и Рыбинску, конечным целям кампании 1941 г. для левого крыла немецких армий. Поэтому командование группы армий «Север» прекратило наступление на Бологое и перебросило 8-ю танковую и 18-ю моторизованную дивизии на тихвинское направление.

16 октября 1941 г. соединения трех корпусов 16-й армии противника перешли в наступление против войск 52-й отдельной армии, которая имела всего две стрелковые дивизии, оборонявшиеся на фронте более 80 км — от устья р. Пчевжа до Дубровки. Начиная наступление, соединения и части 16-й армии противника пытались вновь решить задачи, поставленные в директиве ОКВ № 34, уточненные директивой Гитлера от 21 августа. В ней говорилось: «Только плотная блокада Ленинграда, соединение с финскими войсками и уничтожение 5-й русской армии создадут предпосылки и высвободят силы, необходимые для того, чтобы согласно дополнению к директиве № 34 от 12.8 можно было предпринять успешное наступление против группы войск Тимошенко и разгромить их»[189].

Главной ударной силой немецкого наступления на Тихвин снова стал 39-й моторизованный корпус под командованием генерала Шмидта, того самого, который замкнул кольцо блокады Ленинграда в районе Шлиссельбурга. В наступлении участвовали также соединения 1-го и 38-го армейских корпусов. Три дня части 288-й и 267-й стрелковых дивизий сдерживали натиск превосходящих сил противника. 20 октября соединения 39-го корпуса, 21-я и 126-я пехотные дивизии прорвали оборону 52-й армии и вышли на оперативный простор. Основная ударная группировка противника в составе 12-й танковой и 20-й моторизованной дивизий двинулась на северо-восток в направлении Грузино — Будогощь — Тихвин.

23 октября А. М. Василевский передал И. И. Федюнинскому указания Верховного главнокомандующего: «Прошу принять следующее указание товарища Сталина и немедленно довести до сведения товарищей Жданова и Кузнецова. Если вы в течение ближайших дней не прорвете фронт и не восстановите прочной связи с 54-й армией, которая вас связывает с

тылом страны, все ваши войска будут взяты в плен. Восстановление этой связи необходимо не только для того, чтобы снабжать войска Ленфронта, но и особенно для того, чтобы дать выход войскам Ленфронта для отхода на восток — для избежания плена в случае, если необходимость заставит сдать Ленинград. Москва находится в критическом положении, и она не в состоянии помочь вам новыми силами. Либо вы в эти два-три дня прорвете фронт и дадите вашим войскам отойти на восток в случае невозможности удержать Ленинград, либо вы попадете в плен. Сосредоточьте дивизий восемь или десять и прорвитесь на восток. Это необходимо и на тот случай, если Ленинград будет удержан, и на случай сдачи Ленинграда. Для нас армия важней»[190].

В ночь на 26 октября генерал И. И. Федюнинский обратился в Ставку с просьбой провести рокировку между ним и генералом М. С. Хозиным, командующим 54-й армией. Довод — ему неудобно отдавать приказы старшему по званию и возрасту командиру. Истинные причины такого поступка генерала И. И. Федюнинского неизвестны. С 26 октября 1941 г. командующим войсками Ленинградского фронта был назначен генерал М. С. Хозин (уже пятый командующий фронтом за два с небольшим месяца после его образования).

Для ликвидации прорыва советское командование выделило восемь дивизий. Так как на их сосредоточение и развертывание требовалось не менее одной-двух недель, было решено, несмотря на резкое ослабление состава ударной группировки, начать Синявинскую операцию в соответствии с планом.

Вот слова Сталина из записи его переговоров со Ждановым и Хозиным от 8 ноября: «Нас очень тревожит ваша медлительность в деле проведения известной вам операции. Вам дан срок в несколько дней. Если в течение нескольких дней не прорветесь на восток, вы загубите Ленинградский фронт и население Ленинграда... вы должны знать, что пехота без танков не пойдет. После артиллерийской подготовки нужно пустить танки, и только после танков и за ними можно пустить пехоту. Надо выбирать между пленом, с одной стороны, и тем, чтобы пожертвовать несколькими дивизиями. Повторяю, пожертвовать и пробить себе дорогу на восток, чтобы спасти ваш фронт и Ленинград. Попробуйте из разных дивизий выделить группы охотников, наиболее смелых людей, составить один или два сводных полка... Возможно, что эти сводные полки смелых людей потянут за собой и остальную пехоту. Всё»[191].

Сопротивление советских войск усиливалось с каждым днем. Они не только удерживали оборонительные рубежи, но и пытались наносить контрудары по врагу, срывали его продвижение. Это обстоятельство заставило командование группы армий «Север» отказаться от наступления на Вышний Волочек. Перейдя здесь к обороне, немцы сосредоточили свои усилия на тихвинском и волховском направлениях.

Прикрывавшие Тихвин 191-я и 44-я стрелковые и 60-я танковая дивизии, естественно, не смогли сдержать удар такой мощной немецкой группировки. Достаточно сказать, что каждая танковая дивизия противника имела на вооружении более 200 танков. 8 ноября 1941 г. вражеские части захватили Тихвин и перерезали единственную железнодорожную магистраль к Ладожскому озеру, по которой шли грузы в блокадный Ленинград. Одновременно неприятель возобновил наступление на Волхов.

Упорным сопротивлением советских бойцов и командиров, контрударами в районах Малой Вишеры и Тихвина дальнейшее продвижение врага было остановлено. Таким образом, план немецкого командования по соединению с финскими войсками на р. Свирь оказался сорванным. С потерей Тихвина положение Ленинграда резко осложнилось: город лишился железнодорожной магистрали, связывавшей через Ладожское озеро Ленинградский фронт и Балтийский флот с тылом страны. Был разорван последний реальный путь завоза в Ленинград продовольствия, боеприпасов, вооружения. Известно, что после установления блокады основным коммуникационным путем являлся железнодорожно-водный; поезда следовали по маршруту Вологда — Тихвин — Волхов. Затем в Гостинополье (13 км к югу от Волхова) грузы переваливались на суда или баржи и перевозились по р. Волхов и Ладожскому озеру в Осиновец. Конечно, существовал еще воздушный путь, но из-за отсутствия достаточного количества самолетов он был малоэффективным.

В это же время 21-я и 11-я пехотные дивизии 1-го армейского корпуса противника находились в 15—18 км от Волхова[192].

В этих условиях Ставка изыскивала резервы для защиты Волхова. Она перебросила в этот район 3-ю гвардейскую стрелковую дивизию генерала Н. А. Гагена и 6-ю морскую бригаду. Оборона Волхова была возложена на командующего 54-й армией генерала И. И. Федюнинского.

В середине ноября 1941 г. обстановка на северо-западном направлении, особенно в районе Ленинграда, резко осложнилась. Но в результате непрерывного усиления 4-й и 52-й армий дивизиями Ленинградского фронта и резервами Ставки ВГК и возросшего сопротивления этих армий все попытки противника развить наступление на Волхов и на север от Тихвина с целью соединения с финскими войсками, а также на юго-восток от Малой Вишеры успеха не имели.

Положение Ленинграда и войск в районе города с каждым днем ухудшалось. Ленинградская промышленность могла давать вооружение и боеприпасы только при наличии сырья, а запасы его были весьма ограничены. При строгой экономии их могло хватить на месяц-два. Концентрированное топливо (уголь, нефть) было на исходе. Особенно серьезное положение складывалось со снабжением города продовольствием. Имевшиеся запасы расходовались значительно быстрее, чем шло их восполнение через Ладожское озеро.

9 ноября Ставка ВГК возложила командование войсками 4-й армии на генерала К. А. Мерецкова, освободив от этих обязанностей генерала В. Ф. Яковлева. Для удобства управления и более оперативного руководства войсками армии в ее составе были созданы четыре оперативные группы: Волховская, Северная, Восточная и Южная.

На волховском направлении противник, хотя и более замедленными темпами, но все еще продолжал продвигаться. Здесь он рассчитывал выходом к Ладожскому озеру в районе Новой Ладоги (20 км севернее Волхова) окружить и уничтожить войска 54-й армии и одновременно сорвать перевозки в Ленинград по Ладожскому озеру. Начав наступление еще 28 октября, противник, пользуясь численным превосходством, теснил правофланговые соединения 4-й армии на север. Положение войск на волховском направлении стало крайне тяжелым.

Ставка ВГК потребовала от командования Ленинградского фронта прекратить наступательные действия 54-й армии на синявинском направлении и возложила на нее разгром противника в районе Волхова. 12 ноября в состав армии была включена Волховская оперативная группа 4-й армии, которая в это время вела тяжелые оборонительные бои на подступах к Волхову.

Противник в середине ноября перебросил из района Тихвина на усиление 1-го армейского корпуса, наступавшего на Волхов, часть сил 8-й и 12-й танковых дивизий, рассчитывая захватить Волхов и выйти к Ладожскому озеру.

Укрепляя свои позиции вокруг Тихвина, немецкое командование все еще надеялось реализовать свои планы и задачи. Именно в эти дни в дневнике генерала Гальдера появились записи, касающиеся группы армий «Север». Так, 19 ноября 1941 г. были помещены тезисы его доклада Гитлеру. Касательно группы армий «Север» он записал: «В районе Тихвина — усиление войск противника. Волховстрой — перспективное направление (254-я пехотная дивизия). Наступление на ладожском участке фронта приостановлено. Оперативные замыслы: ликвидировать напряженное положение на ладожском участке фронта. Соединиться с финнами. Должны идти друг другу навстречу... Удерживать фронт на рубеже Ленинград — Кронштадт»[193].

Выслушав доклад Гальдера, Гитлер высказал некоторые пожелания. Одно из них — «на севере следующей ликвидировать ладожскую группу противника». 23 ноября Гальдер вновь коснулся событий под Ленинградом. В своем докладе на совещании обер-квартирмейстеров, словно предугадывая скорые неудачи немецких войск и под Тихвином, и под Москвой, он сказал: «Военная мощь России более не представляет угрозы для Европы. Противнику нанесен решающий удар... Но противник еще не уничтожен. Окончательно разгромить его в этом году мы не сможем, несмотря на немалые успехи наших войск. Колоссальные размеры

территории и неистощимость людских ресурсов этой страны вообще не позволяют гарантировать полного поражения противника... В этом году мы должны наступать до тех пор, пока не будут созданы благоприятные условия для продолжения наступления в будущем году. Цели (задачи): Ладога — соединение с финнами»[194].

С учетом задач, указанных выше, немецкое командование пополняло группировку своих войск в районе Тихвина. Сюда прибыли части 61-й пехотной дивизии. Согласно записям Гальдера от 3 декабря, «обстановка, сложившаяся у Тихвина в результате наступления противника с юга, осталась неясной. Командир 61-й пехотной дивизии взял в свои руки оборону Тихвина»[195].

Командующий 54-й армией 26 ноября предпринял контрудар специально созданной в районе Волхова ударной группировкой (четыре стрелковые дивизии и одна бригада морской пехоты). К исходу 29 ноября она отбросила вражеские части к югу от железной дороги Волхов — Тихвин. Фронт на подступах к Волхову временно стабилизировался. В это же время немецкие войска начали наступление в направлении станции Войбокало с целью выхода к южному берегу Ладожского озера. Соединения и части 54-й армии и здесь отразили удары противника.

Таким образом, наступление группы армий «Север», начатое во второй половине октября против войск 4-й, 52-й, а затем и 54-й армий, было окончательно остановлено. Попытка противника прорваться к р. Свирь и Ладожскому озеру оказалась сорвана. Немецкие соединения и части были измотаны и понесли большие потери. Начав наступление на участке в 70 км, ударная группировка врага растянулась на фронте свыше 350 км. Это определило переход советских войск в контрнаступление. Оперативное положение неприятельской группировки оказалось невыгодным. Она с трех сторон была охвачена советскими войсками, что создавало благоприятные условия для ее разгрома.

К этому времени за счет усиления войск 4-й и 52-й армий резервами Ставки ВГК и переброски в состав этих объединений четырех дивизий Ленинградского фронта соотношение сил изменилось в пользу советских войск.

Остановив наступление врага на тихвинском направлении, советские войска в середине ноября перешли в контрнаступление: 52-я армия 12 ноября в районе Малой Вишеры, а 4-я армия 19 ноября в районе Тихвина. 54-я армия Ленинградского фронта включилась в контрнаступление 3 декабря, а 4, 52 и 54-я армии нанесли в декабре серьезное поражение тихвинской группировке противника и к концу месяца вышли на рубеж р. Волхов[196].

К сожалению, советским войскам на данном направлении не удалось добиться значительных успехов. 52, 4, 54-я армии и Новгородская армейская группа начали наступление не одновременно, а в зависимости от конкретно складывающейся обстановки на том или другом направлении. Вначале на маловишерском направлении нанесла удар 52-я армия, затем в районе Тихвина 4-я и, наконец, в районе западнее Волхова 54-я армия.

Соединения и части 52-й армии с первого дня наступления пытались прорвать вражескую оборону на рубеже р. Малая Вишерка и овладеть сильным узлом сопротивления Малая Вишера. Ожесточенные бои развернулись за опорные пункты противника, расположенные на переднем крае обороны. Однако добиться положительных результатов не удалось. Не имела успеха и Новгородская армейская группа.

Основными причинами неполного достижения поставленных целей наступления являлись: плохая разведка, особенно состава вражеской группировки, поскольку не удалось обнаружить ни расположение частей 61-й пехотной дивизии, прибывшей из резерва группы армий «Север», ни 223-й пехотной дивизии — из Франции, ни основных огневых средств; плохая организация наступления и низкий уровень управления войсками; слабая эффективность огня артиллерии — недостаточно подавленные огневые средства противника быстро оживали и оказывали упорное сопротивление атакующей пехоте; несвоевременное наращивание усилий на направлении обозначавшегося успеха; использование, как правило, фронтальных атак опорных пунктов противника, что объяснялось прежде всего слабым знанием организации неприятельской обороны.

Крайне тяжелое положение в Ленинграде требовало принятия срочных мер. В первую очередь необходимо было разгромить тихвинскую группировку врага и восстановить железнодорожное движение на участке Тихвин — Волхов, а также сковать силы противника на северо-западном направлении и не допустить их переброски на московское направление.

Контрнаступление советских войск под Тихвином было осуществлено в ноябре — декабре 1941 г. силами 54-й армии Ленинградского фронта, 4-й и 52-й армий, находившихся в подчинении Ставки. Войска этих армий получили значительное пополнение. Несмотря на тяжелую обстановку под Москвой, Ставка ВГК изыскала возможность усилить 54, 4 и 52-ю армии. На их подкрепление были переброшены девять стрелковых и одна танковая дивизии, одна танковая бригада, один стрелковый полк и другие подразделения[197]. Наибольшее усиление получила 4-я армия, действовавшая в районе Тихвина. В ее состав в течение октября и ноября были переданы пять стрелковых (из Забайкалья и Приморья), одна танковая дивизии, одна танковая бригада. Благодаря проведенным мероприятиям по усилению армий, действовавших к востоку от р. Волхов, к середине ноября соотношение сил изменилось в их пользу.

54-я армия (одиннадцать стрелковых, одна танковая дивизии, две стрелковые и две танковые бригады и два стрелковых полка) вела упорные оборонительные бои южнее ст. Войбокало и в районе Волхова, сдерживая наступление группы «Бекман», а также занимала рубеж Липка — Лодва. 4-я армия (пять стрелковых, одна танковая и одна кавалерийская дивизии, одна танковая и одна стрелковая бригады, три отдельных танковых батальона), остановив наступление врага к северу и востоку от Тихвина, готовилась к переходу в наступление. Армия занимала охватывающее положение по отношению к основным силам 8-й и 12-й танковых, 18-й и 20-й моторизованных и части сил 61-й пехотной дивизий неприятеля, объединенных 20 ноября в группу «Тихвин». 52-я армия (четыре стрелковые дивизии) занимала оборону по обе стороны Октябрьской железной дороги в районе Малой Вишеры и также готовилась к наступлению. Перед фронтом армии оборонялись до полутора пехотных дивизий противника. Юго-западнее 52-й армии (до оз. Ильмень) действовала Новгородская армейская группа Северо-Западного фронта (две стрелковые, одна танковая и одна кавалерийская дивизии). Перед фронтом группы стояло до пехотной дивизии противника.

Таким образом, к началу контрнаступления на фронте от Ладожского озера до озера Ильмень действовали двадцать две стрелковые, три танковые, две кавалерийские дивизии, три стрелковые и три танковые бригады, а также три отдельных танковых батальона — всего до тридцати дивизий. Им противостояли четырнадцать дивизий (до десяти пехотных, две моторизованные и две танковые дивизии) противника. Укомплектованность вражеских соединений личным составом и вооружением в это время не превышала 60% штатного состава. Вся группировка насчитывала около 140 тыс. человек, примерно 1000 орудий и минометов калибром 75 мм и крупнее и около 200 танков[198].

Охватывающее положение советских войск по отношению к противнику и некоторое превосходство над ним создавали реальные возможности разгрома врага. По замыслу Ставки, разгром противника осуществлялся путем нанесения ряда ударов по сходящимся направлениям на Кириши, Грузино. Главный удар наносила 4-я армия из района Тихвина на Будогощь, Грузино. Она должна была разгромить 39-й моторизованный корпус, соединиться в районе Кириши с соединениями и частями 54-й армии, а в районе Грузино — с силами 52-й армии, захватить плацдарм на левом берегу Волхова. 54-й армии приказывалось остановить наступление противника на Волхов и Войбокало, нанести удар по левому флангу группы «Бекман» в направлении Кириши, отрезать пути отхода на запад ей и 39-му моторизованному корпусу, во взаимодействии с войсками 4-й армии уничтожить их. 52-й армии предписывалось во взаимодействии с Новгородской армейской группой Северо-Западного фронта разгромить противника в районе Малой Вишеры и, развивая наступление к р. Волхов, перерезать неприятельские коммуникации в районе Грузино. Новгородская армейская группа Северо-Западного фронта получила задачу частью сил прочно оборонять рубеж Пахотная Горка — устье р. Мета, а главными силами наступать в направлении на

Селищенский поселок, во взаимодействии с 52-й армией разгромить противостоявшего ей противника и овладеть плацдармом на левом берегу р. Волхов.

Соединения и части контрударной группировки начали наступление разновременно. Вначале перешла в наступление 52-я армия на маловишерском направлении, затем 4-я — в районе Тихвина, и 54-я армия — западнее Волхова.

Наступление 52-й армии и Новгородской армейской группы не имело успеха. Неудачный исход боевых действий в большей степени обуславливался слабой организацией наступления и плохим управлением войсками, низкой эффективностью огня артиллерии. Плохая организация разведки не позволила полностью вскрыть характер обороны противника.

Перелом в сражении под Тихвином наступил 7 декабря, когда советские войска, перешедшие в контрнаступление под Москвой, начали разгром главной ударной группировки противника, рвавшейся к столице.

В этот день южная оперативная группа войск 4-й армии прорвала оборону противника на линии железной дороги и подошла к Ситомле, создав угрозу перехвата единственной коммуникации, связывавшей тихвинскую группировку противника с тылом. С целью предотвращения этой угрозы немецкое командование было вынуждено часть своих сил из-под Тихвина спешно перебросить в Ситомлю. В это время погода стояла холодная. Так, 6 декабря генерал Гальдер в своем дневнике записал: «Противник усиливает свои войска в районе Тихвина. Очень сильный мороз (–38°). Большое количество обморожений...» И далее приводятся слова генерала Бреннеке: «Из пяти наших танков только один может вести огонь... Если нам не удастся удержать Тихвин, тогда придется отвести войска по всему фронту примерно на 20 км на запад»[199].

Воспользовавшись ослаблением вражеских сил, соединения и части 4-й армии решительно атаковали противника, сломили его сопротивление севернее и восточнее города и 9 декабря в упорном ночном бою овладели Тихвином. 12-й танковой, 18-й моторизованной и 61-й пехотной дивизиям был нанесен большой урон. Только с 7 по 9 декабря противник оставил на поле боя убитыми до 7 тыс. человек и много боевой техники. Улицы города были завалены разбитыми автомашинами, танками и орудиями[200].

Несмотря на достигнутые успехи, следует отметить, что в боевых действиях войск имелись и существенные недочеты. В первые дни контрнаступления усилия войск направлялись в основном на овладение отдельными опорными пунктами и узлами сопротивления на переднем крае обороны противника, задач на глубокий их обход не ставилось. Все это приводило к потере темпа наступления и позволило немецкому командованию беспрепятственно перебрасывать резервы из глубины, снимать части с не подвергавшихся атакам участков фронта. Неглубокий охват опорных пунктов и узлов сопротивления приводил к тому, что наступавшие части постоянно находились под воздействием флангового огня артиллерии, минометов и пулеметов противника и несли большие потери. Недостатком в действиях войск в это время являлось отсутствие практики массированного применения танков и артиллерии на направлениях главных ударов. Так, танковые части, входившие в состав 4-й армии, были равномерно распределены по группам, вместо того чтобы объединить их под общим командованием и образовать мощную ударную группу. Слабым местом в ходе контрнаступления оказалось взаимодействие пехоты с артиллерией и отсутствие у командующих армиями и войсками оперативных групп резервов, способных развивать успех соединений первого эшелона.

В боевых действиях войск поучительными были ночные действия. Наступление войск 4-й армии в ночь с 8 на 9 декабря закончилось успешным разгромом немецких войск в Тихвине. Также успешными были ночные действия войск 52-й армии по овладению основными узлами сопротивления в Малой и Большой Вишерах. Однако опыт ночных действий не был достаточно изучен и освоен войсками, и последние прибегали к ночным действиям в редких случаях.

Советское командование стремилось развить успех, достигнутый под Тихвином. 17 декабря Ставка ВГК восстановила Волховский фронт, который возглавил генерал К. А. Мерецков. В его состав вошли 4, 59, 26 и 52-я армии[201]. Ленинградский, Волховский и Северо-Западный фронты были нацелены на разгром группы армий «Север» и деблокаду Ленинграда. Замысел операции сводился к тому, чтобы ударом армий центра Волховского фронта в северо-запад-

ном направлении во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта срезать мгинский выступ и уничтожить находившиеся здесь 13—14 дивизий противника. В то же время Северо-Западный фронт должен был разгромить войска 16-й немецкой армии, находившиеся южнее оз. Ильмень, и дальнейшим наступлением в западном направлении выйти во фланг и тыл новгородской группировке противника.

Однако, несмотря на все усилия войск этих фронтов, развить успех контрнаступления не удалось. Командующий 54-й армией генерал И. И. Федюнинский, вспоминая эти события, писал: «54-я армия уткнулась в организованную оборону немцев на линии железной дороги Мга — Кириши. Взять Кириши не удалось. Преодолела «железку» и продвинулась дальше всех на запад 311-я стрелковая дивизия под командованием полковника С. Т. Биякова. Но устроить «котел» тихвинско-волховской группировке противника войскам 4-й и 54-й армий не удалось. Немецкие части (21-я пехотная дивизия) даже сумели сохранить небольшой плацдарм на восточном берегу реки Волхов — у Кириши, который они удерживали до осени 1943 года»[202]. Напряженные бои продолжались до конца 1941 г. Они не дали территориальных результатов, но сковали значительные силы немецко-фашистских войск на синявинско-мгинско-тосненском участке фронта, не позволили противнику свободно маневрировать своими силами.

Контрнаступление советских войск под Тихвином являлось важным звеном в зимней кампании 1941—1942 гг. Немецким войскам были нанесены первые поражения. Основные силы группы армий «Север» были скованы. Немецкое командование не смогло перебросить на усиление своих войск под Москвой ни одной дивизии из ее состава. План германского командования — полностью изолировать Ленинград от страны и удушить его в тисках голодной блокады — потерпел крах. Советские войска, продвинувшись в западном направлении на 100—120 км, освободили от захватчиков обширную территорию на правом берегу Волхова и вызволили из фашистской неволи тысячи советских граждан.

Успешное наступление войск 4-й и 52-й армий в Тихвинской операции, освобождение восточного берега р. Волхов получили высокую оценку правительства СССР. Орденом Красного Знамени были награждены 65-я и 191-я стрелковые дивизии, 305-й стрелковый полк (бывший 701-й сп 142-й дивизии) 44-й стрелковой дивизии, 46-я танковая бригада, ряд артиллерийских и минометных полков. 1200 воинов получили правительственные награды.

На юго-западном и южном направлениях

Сосредоточив главные силы на московском направлении, немецкое командование одновременно рассчитывало до наступления зимы не только изолировать Ленинград от других районов страны, но и на южном направлении захватить Крым, Донбасс и Ростов, открыв таким образом путь на Кавказ. От исхода борьбы на южном стратегическом направлении зависело решение вопроса, получит ли Третий рейх кавказскую нефть и продовольствие Дона и Кубани, а также важные политические и стратегические преимущества, которые приносило обладание Кавказом, — возможность вовлечения Турции в войну против Советского Союза и проникновение Германии в страны ближнего Востока, Индию[203].

Одним из стойких форпостов на юге страны являлась Одесса. Выполняя приказ Ставки Верховного главнокомандования: «Одессу не сдавать и оборонять до последней возможности, привлекая к делу Черноморский флот»[204], советские войска продолжали мужественно сдерживать удары румынских и немецких войск.

Ценой больших потерь враг вышел на ближние подступы к городу. Жители Одессы стали искать спасения под землей, в катакомбах, протяженность которых достигала 1400 км. Вместимость каменоломен была различной: от нескольких десятков до 400—500 человек, а самые большие — до 5—6 тыс. человек. Общая численность жителей Одессы, укрывавшихся в каменоломнях, достигала 50—60 тыс. человек[205].

Тяжелая артиллерия ведет огонь по вражеским войскам, штурмующим Одессу

Строительство баррикад в городе

Моряки сошли с кораблей для защиты города

Немецкое дальнобойное орудие, отбитое у врага в контратаке

Защитники Одессы эвакуируются из города

Советские войска несли большие потери, удерживать оборону становилось все сложнее. В стрелковых частях некомплект начальствующего состава достиг 42%. За месяц обороны Одессы потери только ранеными составили 25 тыс. человек.

Несколькими контрударами силами Приморской армии и Черноморского флота при поддержке авиации, воздушных и морских десантов удалось ослабить нажим противника, нанести ему существенные потери, поднять дух защитников Одессы. Однако это не могло изменить обстановку. Тяжелое положение, сложившееся на южном крыле советско-германского фронта, заставило Ставку ВГК 30 сентября 1941 г. принять решение эвакуировать Приморскую армию на Крымский полуостров[206].

Всего для эвакуации было использовано 24 транспорта с общим тоннажем в 150 тыс. брутто-тонн. С 1 по 16 октября были вывезены до 86 тыс. военнослужащих, 3625 лошадей, 1152 автомашины, 34 танка, три бронемашины, 462 орудия, более 25 тыс. тонн военных грузов и 15 тыс. гражданского населения. Всего из Одессы в Крым вывезли около 350 тыс. гражданского населения, раненых, больных. Только в одну ночь с 15 на 16 октября из Одессы были эвакуированы 35 тыс. советских воинов[207].

С уходом советских войск борьба с захватчиками в Одессе не прекратилась. В одесских катакомбах расположились несколько партизанских групп.

Героическая оборона Одессы в августе — октябре 1941 г. продолжалась 73 дня. 14 защитникам города было присвоено звание Героя Советского Союза, а 2167 воинов награждены орденами и медалями СССР[208].

Ростовское направление осенью 1941 г. было одним из важнейших. Как отмечалось в одном из немецких документов: «Ростов — это шлагбаум между Москвой и нефтеносным Кавказом... захватив шлагбаум, мы открываем себе путь к бакинской нефти». В этой связи премьер-министр Великобритании У. Черчилль в своем выступлении в палате общин в январе 1942 г. констатировал: «Мы были особенно озабочены тем, что бронетанковые части германской армии могли форсировать Дон, захватить Ростов, вторгнуться на Кавказ и достигнуть бакинских нефтепромыслов. Такое продвижение не только предоставило бы немцам нефть, в которой они начали испытывать серьезный недостаток, но и повлекло бы за собой уничтожение русского флота и потерю господства на Черном море. Это отразилось бы на безопасности Турции и поставило бы под серьезную угрозу Иран, Ирак, Сирию, Палестину, Суэцкий канал и Египет»[209].

На ростовском направлении командование немецкой группы армий «Юг» к началу ноября 1941 г. сосредоточило 1-ю танковую армию генерала Э. Клейста, включавшую два моторизованных и горнострелковый немецкие корпуса, а также итальянский подвижный корпус. В армии насчитывалось свыше 300 танков и 100 бронемашин. Наземные войска активно поддерживались авиацией, которая в то время имела полное господство в воздухе.

При планировании операции по захвату Ростова командование группы армий «Юг» отказалось от нанесения фронтального удара, решив демонстративными действиями одной дивизии сковать советские войска с запада, а главными силами осуществить глубокий охват города с северо-востока. Для этого 1-я танковая армия должна была нанести удар в направлении Шахты, Новочеркасск, окружить группировку Южного фронта на подступах к Ростову, уничтожить ее и получить возможность продвигаться в глубь Кавказа.

Первой приняла на себя вражеский удар 9-я армия генерала Ф. М. Харитонова, которая, действуя в полосе шириной около 90 км, занимала оборону с передним краем по рубежу Дубровский — Миллерово — Голубовский — Крутой Яр — Большекрепинская — Шахов. Перейдя в наступление утром 5 ноября, противник силами 16-й и 14-й дивизий, дивизии СС «Викинг» и одного полка 60-й моторизованной дивизии нанес главный удар по правому флангу армии на участке шириной 28 км, где оборонялись 136-я и 150-я стрелковые дивизии. Командование 1-й немецкой танковой армии полагало, что массированным применением танков сможет легко преодолеть сопротивление советских войск. Но с первых часов сражения вражеские танки встретили мощную, хорошо подготовленную противотанковую оборону.

Однако в полосе обороны 136-й стрелковой дивизии танкам противника удалось прорваться через передний край. В приказе Военного совета Южного фронта отмечалось: «Бойцы, командиры и политработники 136-й стрелковой дивизии... в ожесточенных боях с противником, имевшим на этом направлении почти пятикратное превосходство в танках и бронемашинах, проявили образцы мужества, самоотверженности, стойкости и геройства. 733-й стрелковый полк, несмотря на то что по нему наносили удар до 100 танков противника и обходили его левый фланг, ни на один метр не отошел с обороняемого рубежа и заставил танки противника повернуть назад»[210].

Тем не менее, используя значительное превосходство в танках, враг к исходу 5 ноября прорвался на смежных флангах 136-й и 150-й стрелковых дивизий, вклинился в глубину обороны 9-й армии на 17 км и захватил Красновку и Алексеево-Тузловку, потеряв при этом до 50 танков, пять бронемашин, 15 орудий, 50 грузовых автомобилей и до двух батальонов пехоты.

В связи с тем что противник вклинился в полосу обороны 9-й армии небольшой группой, командующий войсками фронта приказал генералу Харитонову устранить вражеский прорыв своими силами. Не имея в глубине обороны значительных резервов, командарм создал контрударную группировку за счет ослабления дивизий, оборонявшихся на переднем крае.

На следующий день ударные группы 9-й армии перешли в наступление, но встретили сильное огневое противодействие, завязались затяжные бои. Вслед за этим главные силы 1-й немецкой танковой армии возобновили наступление. В результате 136-я стрелковая дивизия была обойдена с флангов, а 150-я окружена. В итоге к исходу дня противник увеличил свой клин на этом участке еще на 8 км. В этих условиях генерал Харитонов решил силами 136-й стрелковой дивизии со 132-й танковой бригадой и дивизионом 8-го гвардейского минометного полка защищать позиции в районе Дьяково, а остальные силы армии отвести на тыловую полосу обороны с тем, чтобы перекрыть пути сообщения в направлении Шахт и Ростова.

С утра 7 ноября противник нанес еще один удар по частям 136-й стрелковой дивизии. Трижды он переходил в атаку, и все три раза они отражались с большими для него потерями. Два последующих дня 1-я немецкая горнострелковая и 2-я словацкая моторизованная дивизии пытались сбить подразделения 733-го и 387-го стрелковых полков 136-й стрелковой дивизии с занимаемых позиций, но каждый раз безуспешно. Только по приказу командующего 18-й армией, в подчинение которого было передано соединение, они отошли на новый оборонительный рубеж. За отвагу, стойкость, мужество и героизм 136-я стрелковая дивизия указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 февраля 1942 г. была преобразована в 15-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

1-я немецкая танковая армия, вклинившись в глубину обороны советских войск на 40 км, была остановлена на тыловой полосе, так и не выполнив поставленной перед ней задачи по овладению Ростовом. Противник потерял 146 танков, 22 бронемашины, 54 орудия и миномета, 257 грузовых автомобилей и около девяти тысяч солдат и офицеров[211].

636 солдат и офицеров 9-й армии были отмечены правительственными наградами: трое воинов стали Героями Советского Союза, 20 человек награждены орденом Ленина, 138 человек — орденом Красного Знамени, 197 человек — орденом Красной Звезды, 151 человек — медалью «За отвагу», 127 человек — медалью «За боевые заслуги»[212].

Не добившись успеха в попытке выхода к Ростову с северо-востока, командование 1-й немецкой танковой армии перегруппировало силы для нанесения фронтального удара по 56-й армии генерала Ф. Н. Ремезова. Эта армия была сформирована в октябре на базе Северо-Кавказского военного округа и находилась в непосредственном подчинении Ставки ВГК. К середине ноября в ее состав входили пять стрелковых и четыре кавалерийские дивизии, Ростовское артиллерийское училище и 6-я танковая бригада. В ней имелось 105 танков, из них только четыре КВ и десять Т-34, остальные — легкие танки Т-26. На вооружении также состояли тридцать девять 213-мм, шесть 152-мм и одиннадцать 122-мм орудий.

Армия оборонялась в полосе шириной 75 км — от Новочеркасска до Чалтыря. На ее правом фланге, где противник впоследствии нанес свой главный удар, находились отряды сторожевого охранения и 317-я стрелковая дивизия. В составленном по итогам операции «Описании боевых действий 56-й армии» говорилось: «В принятой группировке войск наиболее слабым местом являлся правый фланг... Не были даже закончены противотанковые и противопехотные препятствия на переднем крае обороны. Всего менее был готов к обороне сам город, наружный обвод города укреплен не был. Баррикады были в очень ограниченном количестве, не было постоянного гарнизона, подготовленного к уличному бою... Армия не имела достаточного количества противотанковых резервов»[213].

В период с 12 по 16 ноября немецкое командование сосредоточило против 56-й армии две танковые и две моторизованные дивизии. Утром 17 ноября 1-я танковая армия Клейста нанесла удар на Генеральское, Большие Салы. Уже к 10 часам враг прорвал оборону 317-й стрелковой дивизии и ворвался в Большие Салы. Утром следующего дня, отразив плохо подготовленный контрудар частей 56-й армии, ударная группировка противника начала расширять и углублять прорыв. К 16 часам враг захватил Красный Крым. Попытка 31-й стрелковой дивизии остановить противника не имела успеха.

В середине дня 19 ноября вражеские танки противника прорвались к северо-восточным предместьям Ростова, в тыл 56-й армии. Ее соединения получили приказ отойти на рубеж Ростовского оборонительного района и здесь остановить врага. 20 ноября в 4 часа 30 минут

начальник Генерального штаба Красной армии маршал Б. М. Шапошников от имени Ставки ВГК передал командарму Ф. Н. Ремезову категорическое указание: «Город Ростов должен быть удержан при всяких обстоятельствах. Драться до последнего бойца».

Упорные бои на ближних подступах к Ростову и его окраинах продолжались весь день 20 ноября. Генерал Ремезов в своем докладе в Генеральный штаб сообщал: «В сегодняшних боях потеряно большое количество материальной части: танков, артиллерии и три бронепоезда. Много смелых, храбрых командиров и политических работников дивизий погибли, есть потери и в управлении армии, руководившем боем во главе с Военным советом»[214].

К исходу дня танки противника вышли в районы Орджоникидзе и Красный Город-Сад, охватывая Ростов с северо-запада и северо-востока. Батальон автоматчиков, поддержанный 30—40 танками, прорвался к вокзалу и стал продвигаться к центру города, выходя в тыл частям 353, 31, 347-й стрелковых дивизий, к железнодорожному мосту и в южную часть Ростова. Обстановка с каждым часом обострялась. К 24 часам уличные бои разгорелись по всему городу, особенно ожесточенными они были в районе переправ в Аксайской, у острова Зеленый, а также в районе наплавного и железнодорожного мостов. Командный пункт армии был перенесен из здания Ростовского обкома в Батайск. В 3 часа 40 минут 21 ноября, когда все соединения армии прорвались к переправам, был отдан приказ об отходе на левый берег Дона. К 17 часам главные силы 56-й армии завершили отход, а переправы были взорваны.

Мужественно сражались в Ростове бойцы полка народного ополчения, который оборонялся на северо-западной окраине города и прикрывал отход частей 56-й армии. Даже попав в окружение, ополченцы стояли насмерть, отбивая одну атаку за другой. Только по приказу полк оставил занимаемый рубеж[215].

Тем не менее И. В. Сталин упрекнул секретаря Ростовского обкома ВКП(б) Б. А. Двинского в том, что якобы «никакого сопротивления рабочих в Ростове... организовано не было». В ответе Двинский подчеркнул: «В самом Ростове дрались, и крепко... Коммунисты и лучшие рабочие заранее, еще до эвакуации предприятий, были организованы в полк народного ополчения, прошли заблаговременно обучение и получили главным образом старое оружие (около тысячи человек). Они сражались честно внутри города всюду, где могли»[216].

Наряду с ополченцами отход 56-й армии из Ростова прикрывали 33-й мотострелковый полк и 230-й полк НКВД. 1-й батальон 230-го полка, неся большие потери, отошел на левый берег Дона через переправу на Будённовском проспекте, его 2-й батальон отходил по 29-й линии на Зеленый остров. Он не успел еще занять окопы, как по наплавному мосту на остров прорвались 12 вражеских танков, сопровождаемых сильным огнем пулеметов и минометов. Пять часов противник обстреливал позиции батальона из орудий, минометов и пулеметов, пропуская вперед танки. Но чекисты не дрогнули. И в последующие дни они, отражая многочисленные атаки, удерживали остров как плацдарм для наступления на город[217].

В то время когда соединения 9-й и 56-й армий отражали удары врага на шахтинском и ростовском направлениях, Ставка ВГК, главнокомандование Юго-Западного направления и командование Южного фронта готовили наступательную операцию с целью разгрома 1-й немецкой танковой армии. Главный удар в полосе Южного фронта по втянувшейся в борьбу за Ростов танковой армии Клейста наносила 37-я армия генерала А. И. Лопатина, занимавшая выгодное положение. В нее входили шесть стрелковых дивизий, три танковые бригады, семь артиллерийских полков, два минометных дивизиона и три бронепоезда. Кроме того, к контрнаступлению привлекалась часть сил 18-й и 9-й армий, отдельный кавалерийский корпус в составе двух кавалерийских дивизий. Помимо группировки Южного фронта удар по противнику должна была нанести и 56-я отдельная армия.

Контрнаступление началось утром 17 ноября. Соединения 37-й армии Южного фронта, прорвав оборону противника, в первый же день продвинулись на 15—18 км. Успешно наступала и 9-я армия. Командование 1-й танковой армии немцев, почувствовав угрозу окружения, бросало в сражение резервы, активно маневрировало подвижными соединениями. Это не позволило советским войскам достичь запланированных темпов наступления. В последующие три дня их продвижение на направлении главного удара составило всего 15—20 км.

Оборона Ростова. Артиллеристы ведут огонь по танкам противника

Начался штурм Ростова

Оценивая сложившуюся обстановку как благоприятную, начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал Ф. Гальдер 19 ноября в своем дневнике записал: «Противник пытается фланговым контрударом с востока приостановить наступление Клейста. Эти попытки не имеют успеха»[218]. Однако вскоре в его дневниковых записях стала нарастать тревога за судьбу 1-й танковой армии.

Перелом наметился 20 ноября. Улучшилась погода, и в действие вступили ВВС Южного фронта, оказавшие существенную помощь наступавшим войскам. 1-я и 4-я горнострелковые, 16-я танковая, моторизованная СС «Викинг» дивизии 1-й танковой армии понесли значительные потери. Продвижение ударной группировки Южного фронта создавало реальную угрозу ее флангу и тылу. Вражеские войска в Ростове оказались под угрозой окружения с северо-запада. Поэтому Клейст немедленно начал перебрасывать танковые дивизии на север и отказался от дальнейшего наступления на юге. Гальдер, в свою очередь, вынужден был признать, что «севернее Ростова ввиду наступления превосходящих сил противника 1-я танковая армия была вынуждена перейти к обороне, и ей будет очень трудно удержать занимаемые позиции»[219]. Для непосредственной обороны Ростова выделялись только дивизия СС «Адольф Гитлер», запасной учебный полк и корпусной саперный батальон.

24 ноября Ставка ВГК определила войскам ближайшую задачу — освобождение Ростова. 9-я и 37-я армии наносили удар на город с севера, а 56-я отдельная армия — с юга и юго-востока[220]. Силы первого эшелона 56-й армии были сведены в две группы — восточную и западную. Восточная группа (353-я стрелковая, 64-я кавалерийская дивизии, батальон военно-политического училища) под командованием генерала А. А. Гречкина получила приказ с утра 27 ноября ударом на Большой Лог, Орджоникидзе овладеть восточной окраиной города. Западной группе (31-я стрелковая дивизия, 13-я и 78-я стрелковые бригады, 62-я и 70-я кавалерийские дивизии) генерала П. М. Козлова предписывалось нанести удар на Чалтырь и Каменоломни и овладеть западной окраиной Ростова. В центре, непосредственно на Ростов, наступали 343-я стрелковая дивизия, Ростовский полк народного ополчения и 347-я стрелковая дивизия с 230-м полком НКВД.

Наступление 56-й армии началось в сложной обстановке. Ростов стоит на крутом берегу. Боевые порядки советских войск просматривались противником на всю глубину. Особенно тяжелые условия для наступления были в районе станции Аксайская и на левом фланге армии, где долина реки и плавни представляли открытую равнину. Этот участок местности был назван бойцами «долиной смерти», так как немецкие войска могли сосредоточить здесь огонь всех видов оружия. Кроме того, на отдельных высотах, в складках местности они разместили вкопанные в землю танки. Тщательно замаскированные огневые точки располагались в домах и других каменных зданиях. Успешной обороне врага способствовало также то, что лед через Дон был еще тонким, в некоторых местах отошел от берега, и это исключало возможность переправы по нему не только танков, но также автомашин и артиллерии.

Ранним утром 27 ноября после артиллерийской подготовки соединения 56-й армии начали штурм вражеских позиций. 31-я стрелковая дивизия вела бой за овладение Нижне-Гниловской и Семерниково. Бойцы шли через плавни, заросшие камышом, затем по совершенно открытому участку местности. Когда части вышли на неокрепший лед реки, враг обрушил на них лавину огня из всех огневых средств пехоты и закопанных танков. Но воины дивизии продолжали вести бой с противником и двигаться вперед. Несмотря на их героические усилия, 31-й стрелковой дивизии не удалось ворваться в город. Лишь в ночь на 29 ноября ее части вышли на его западную окраину, в район Красный Город-Сад, перерезали шоссе Ростов — Таганрог и вынудили немцев оставить занимаемые рубежи.

Основная тяжесть уличных боев в Ростове выпала на долю 347-й и 343-й стрелковых дивизий. Особенно самоотверженно сражались подразделения приданных им 230-го полка НКВД и Ростовского стрелкового полка народного ополчения. В журнале боевых действий Южного фронта отмечалось: «Через полыньи Дона, по льду, по открытой местности под непрерывным огневым шквалом, проявляя героизм, мужество и отвагу, шли доблестные части Красной армии на штурм Ростова. И впереди наступающих, прокладывая дорогу на

Пулеметчики поддерживают огнем атаку подразделений под Ростовом

Уличные бои в городе

баррикадах, — славный 230-й полк НКВД под командованием подполковника Демина, во главе с комиссаром полка батальонным комиссаром товарищем Школьниковым. В авангарде шел и полк народного ополчения под командой командира полка товарища Варфоломеева, комиссара полка товарища Штахановского.

230-й полк НКВД наступал на Ростов через остров Зеленый. Подразделения этого полка еще 28 ноября, форсировав Дон, ворвались в город и вышли до театральной площади, ведя с противником ожесточенные уличные бои. К вечеру... действия этого полка были поддержаны наступлением одного батальона 347-й стрелковой дивизии... В ночь на 29 ноября 230-й полк НКВД в результате контратак противника был вынужден оставить два квартала города, но основную часть захваченного он удержал за собой...

В ночь на 29 ноября полк народного ополчения, форсировав Дон у железнодорожного моста и ведя уличные бои, к рассвету подошел к вокзалу. В связи с этим на северном берегу реки Дон был обеспечен необходимый плацдарм для дальнейшего наступления...

Таким образом, 230-й полк НКВД и полк народного ополчения первыми ворвались в город и до окончательного овладения городом действовали в авангарде двух дивизий»[221].

29 ноября с севера и северо-востока в Ростов ворвались части 9-й армии, и город был окончательно очищен от немецких захватчиков.

Немецкое командование вынуждено было признать тот факт, что 1-я танковая армия Клейста была отброшена от Ростова с большими потерями: около 30 тыс. человек, 80 самолетов, 275 танков, свыше 350 орудий. «Ростовские ворота» на Кавказ, о захвате которого мечтали Гитлер и его генералитет, оказались надежно закрыты советскими войсками до лета 1942 г. Германский исследователь П. Карель отмечал: «Отступление хотя и не являлось катастрофой, стало все же первым откатом с начала войны. Это был искусный «гибкий отход». Бóльшая часть важного Донецкого бассейна осталась в руках немцев. Но ничего не могло прикрыть того факта, что немецкая армия на Востоке понесла первое серьезное поражение»[222]. С другой стороны, победа Красной армии под Ростовом наряду с оперативными результатами имела огромное политическое и моральное значение. Она вселила уверенность в командиров и бойцов в неизбежность разгрома врага, показала всему миру способность советского народа противостоять агрессору.

В целом на советско-германском фронте происходили события, которые свидетельствовали о том, что Красная армия, вопреки ожиданиям Гитлера, сохранила свою боеспособность, была в состоянии вести активные действия и наносить пока и небольшие, но поражения лучшей на тот период армии мира. Ситуация складывалась непростая. Тем не менее руководство Советского Союза не теряло надежды переломить ход событий в свою пользу, а народ — веры в победу.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Московская битва в хронике фактов и событий. М., 2004. С. 3.

[2] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 2-х т. М., 2009. Т. 2. С. 63.

[3] 1941 год. В 2-х кн. М., 1998. Кн. 1. С. 208, 453–454.

[4] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. События. Люди. Документы. Краткий исторический справочник / Под общ. ред. О. Ржешевского. М., 1990. С. 9.

[5] Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в семи томах. Т. II. М., 1957. С. 484.

[6] *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 2. М., 1973. С. 9.

[7] *Винцер Б.* Солдат трех армий / Пер. с нем. М., 1973. С. 192.

[8] Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее — ЦАМО). Ф. 500. Оп. 12462. Д. 572. Л. 3.

[9] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 571. Л. 79.

[10] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. М., 2011. Т. 1. Основные события войны. С. 167.

[11] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 111–112.

[12] Там же. Оп. 12454. Д. 115. Л. 24–27.

[13] Там же.

[14] *Гот Г.* Танковые операции / Пер. с нем. М., 1961. С. 116.

[15] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 114. Л. 5–8.

[16] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. В 2-х кн. Кн. 2. С. 14.

[17] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 72. Л. 152–153.

[18] Berthold Seewald. «Unternehmen Taifun» — Hitlers Blitzkrieg-Desaster // Die Welt 2011. 2 okt.

[19] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 7. Л. 38–41.

[20] Там же.

[21] Berthold Seewald. «Unternehmen Taifun» — Hitlers Blitzkrieg-Desaster // Die Welt 2011. 2 okt.

[22] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 554. Л. 46–51.

[23] ТГр — танковая группа.

[24] Цит. по: *Мягков М. Ю.* Вермахт у ворот Москвы. 1941–1942. М., 1999. С. 54–55.

[25] Там же. С. 55.

[26] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 571. Л. 1–3.

[27] Там же. Д. 231. Л. 41.

[28] Там же. Д. 114. Л. 34.

[29] Там же. Д. 548. Л. 96–99.

[30] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. С. 167.

[31] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг./ Пер. с нем. В 3-х т. Т. 3. М., 1976. С. 22.

[32] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. Т. 3. С. 17.

[33] *Муриев Д. З.* Провал операции «Тайфун». М., 1972. С. 19.

[34] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. М., 1998–1999. Кн. 1. М., 1998. С. 213.

[35] Битва за столицу. Сборник документов. В 2-х т. М., 1994. Т. 1. От обороны к контрнаступлению. С. 13–14.

[36] Там же. С. 15–16.

[37] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 165–166.

[38] См.: Битва за столицу. Сборник документов. Т. 1. С. 16–17.

[39] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5-1). М., 1996. С. 207.

[40] *Статюк И.* Оборона Москвы 1941 г. М., 2007. С. 4.

[41] Великая битва Великой войны. М., 2012. С. 137.

[42] Кроме того, в недалеком тылу небо столицы защищал 6-й истребительный авиакорпус ПВО (343 исправных самолета).

[43] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. С. 167–168.

[44] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 216. Л. 9.

[45] Там же. Оп. 2579. Д. 2. Л. 241.

[46] См.: Вторая мировая война 1941–1945 гг. М., 1958. С. 137.

[47] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 7.

[48] ЦАМО. Ф. 5. Оп. 11462. Д. 104. Л. 246; Д. 106. Л. 525–526; Ф. 8. Оп. 11627. Д. 107. Л. 108–110, 111–114, 115–116.

[49] Цит. по: Правда. 1942. 22 января.

[50] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 9.

[51] Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. М., 1964. С. 25.

[52] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 169.

[53] ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 51. Л. 343.

[54] Там же. Л. 344.

[55] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 9.

[56] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2433. Д. 3. Л. 47, 48.

[57] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1 . С. 172.

[58] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 17.

[59] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 5. Л. 450.

[60] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. С. 172; Битва за столицу. Сборник документов. Т. 1. С. 39–40.

[61] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. 1941 год. Т. 16 (5-1). С. 236–237.

[62] *Статюк И.* Оборона Москвы. 1941. С. 10.

[63] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании, стратегические операции и сражения. Статистический анализ. Летне-осенняя кампания 1941 г. С. 268.

[64] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 320. Л. 53–62.

[65] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 5. Д. 32. Л. 26–27.

[66] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 320. Л. 53–62.

[67] Великая битва Великой войны. С. 153.

[68] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 320. Л. 53–62.

[69] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 244.

[70] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. С. 176; Великая битва Великой войны. С. 153–154.

[71] Völkischer Beobachter. 1941/ 9, 10 okt.

[72] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. С. 176; Великая битва Великой войны. С. 153–154.

[73] Внутренние войска в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 193.

[74] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 18.

[75] ЦАМО. Ф. 202. Оп. 1019. Д. 12. Л. 3.

[76] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1990. Bd. 4. S. 573–578.

[77] 5 октября 1-я и 2-я танковые группы были переименованы в 1-ю и 2-ю танковые армии.

[78] Битва за столицу. Сборник документов. Т. 1. С. 57.

[79] Вторая мировая война 1939–1945 гг. М., 1958. С. 228.

[80] Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 38650. Оп. 1. Д. 605. Л. 188–189.

[81] См.: *Кривец В. Д., Холоден В. Ф., Штутман С. М.* История строительства внутренних войск (1917–1945). М., 1978. С. 195.

[82] Внутренние войска в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 201.

[83] *Кривец В. Д., Холоден В. Ф., Штутман С. М.* История строительства внутренних войск (1917–1945). С. 195.

[84] Там же. С. 195–196.

[85] РГВА. Ф. 38693. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

[86] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5-1). С. 248.

[87] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании, стратегические операции и сражения. Статистический анализ. Летне-осенняя кампания 1941 г. С. 269.

[88] ЦАМО. Ф. 8. Оп. 11627. Д. 233. Л. 125–130.

[89] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 277.

[90] Там же. Л. 308.

[91] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1029. Л. 161–173.

[92] ЦАМО. Ф. 202. Оп. 12462. Д. 73. Л. 18–19.

[93] Московская битва в постановлениях Государственного Комитета Обороны: Документы и материалы. М., 2001. С. 74–75; Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Л. 167.

[94] *Кривец В. Д., Холоден В. Ф., Штутман С. М.* История строительства внутренних войск (1917–1945). С. 196.

[95] Цит. по: Красная звезда. 1941. 24 октября.

[96] ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 1. Л. 34, 35, 54.

[97] Войска ПВО страны в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Краткая хроника. М., 1981. С. 54.

[98] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании, стратегические операции и сражения. Статистический анализ. Летне-осенняя кампания 1941 г. С. 279.

[99] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 115. Л. 41.

[100] См.: Внутренние войска в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 228.

[101] Там же.

[102] Войска называются внутренними. С. 217.

[103] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 5. Л. 3–4.

[104] Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. С. 62–63.

[105] Битва за столицу. Сборник документов. Т. 1. С. 55.

[106] Там же.

[107] Цит. по: *Мягков М. Ю.* Указ. соч. С. 95.

[108] *Рейнгардт К.* Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 года: Исторический очерк / Пер. с нем. М., 1980. С. 139.

[109] Эта часть наступления составляла содержание операции 9-й армии, имея кодовое наименование Wolga Staubecken — «Волжское водохранилище».

[110] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании, стратегические операции и сражения. Статистический анализ. Летне-осенняя кампания 1941 г. С. 279.

[111] ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 3. Л. 324, 336–337.

[112] Там же. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 92. Л. 92.

[113] Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. С. 66.

[114] Фронт без линии фронта. М., 1975. С. 52.

[115] ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 6 Л. 60–64.

[116] Еще 1 ноября 1941 г. в Ставке ВГК возникла идея контрнаступления. Для претворения ее в жизнь было принято решение о формировании в тылу страны 10 резервных армий (Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 250).

[117] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 29–30.

[118] ЦАМО. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 64. Л. 84–87.
[119] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 240–241.
[120] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 219. Л. 300–301.
[121] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании, стратегические операции и сражения. Статистический анализ. Летне-осенняя кампания 1941 г. С. 280.
[122] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 241.
[123] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 119. Л. 77.
[124] *Clark A.* Barbarossa: The Russian-German Conflict 1941–1945. L. 1965. P. 172.
[125] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании, стратегические операции и сражения. Статистический анализ. Летне-осенняя кампания 1941 г. С. 280.
[126] См.: Документальный фонд Центрального музея Вооруженных сил РФ. Д. 8/225. Л. 5–6.
[127] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 218. Л. 111.
[128] Войска противовоздушной обороны страны. Исторический очерк. М., 1968. С. 108.
[129] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 114. Л. 107.
[130] Битва за столицу. Сборник документов. Т. 1. С. 120–121.
[131] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 34.
[132] ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 233. Л. 127–129.
[133] Ордена Ленина Московский военный округ. 3-е изд., испр. и доп. М., 1985. С. 265–266.
[134] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2911. Д. 219. Л. 360, 374–375, 383–384, 398.
[135] Московская битва в хронике фактов и событий. М., 2004. С. 217.
[136] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5-1). С. 299.
[137] ЦАМО. Ф. 326. Оп. 5045. Д. 1. Л. 62–63.
[138] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 118. Л. 54.
[139] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 219. Л. 392–393.
[140] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 118. Л. 46–49.
[141] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 34.
[142] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 19. Л. 357. Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. С. 92.
[143] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 567. Л. 275; Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 93. Л. 89.
[144] Русский архив: Великой Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5-1). С. 310.
[145] ЦАМО. Ф. 213. Оп. 202. Д. 35. Л. 32–33.
[146] Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. С. 113.
[147] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 31.
[148] Великая битва Великой войны. С. 194.
[149] Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. С. 117.
[150] ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 15. Л. 3; Д. 21. Л. 98–99.
[151] ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 15. Л. 65; Д. 21. Л. 101, 110–113; Ф. 208. Оп. 2513. Д. 213. Л. 453–454.
[152] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 219. Л. 442, 443, 447.
[153] История Великой Отечественной войны Советского Союза. В 6-ти т. Т. 2. С. 263.
[154] Московская битва в хронике фактов и событий. М., 2004. С. 231.
[155] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 219. Л. 451, 457, 459, 460.
[156] *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 198–200.
[157] Цит. по: *Самсонов А.* Москва, 1941 год: от трагедии поражений — к великой победе. М., 1991. С. 168.
[158] Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистические исследования. М., 2001. С. 273.
[159] Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 165 (225). Л. 1–5; См. также: *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 381.
[160] Москва — фронту. М., 1966. С. 49; Московский большевик. 1942. 5 марта.
[161] Цит. по: *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 23.
[162] Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война: Сборник церковных документов. М., 1943. С. 409–410.

[163] Правда. 1941. 15 октября.
[164] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 2. Л. 543–549.
[165] См.: *Артамонов В. А.* Боевой дух Русской армии XV–XX вв. // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 143.
[166] Наше Отечество: опыт политической истории. М., 1991. Т. 2. С. 381, 419, 420, 425, 427.
[167] См.: *Паничев В.* Военная прокуратура в годы Великой Отечественной войны // Законность. 1995. № 3. С. 31.
[168] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5-1). С. 180.
[169] ЦАМО. Ф. 206. Оп. 2511. Д. 46. Л. 123.
[170] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 24. Л. 2–3.
[171] *Сталин И. В.* Сочинения. В 18-ти т. М., Тверь, 1946–2006. Т. 18. Тверь, 2006. С. 267–269.
[172] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 18.
[173] См.: Партийно-политическая работа в Советских вооруженных силах в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Краткий исторический обзор. М., 1968. С. 53.
[174] Правда. 1941. 7 ноября.
[175] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 18. Л. 4.
[176] Там же. Л. 37.
[177] См., напр.: *Эренбург И.* Бешеные волки. М., 1941; *Он же.* Людоеды. М., 1941.
[178] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 26.
[179] Цит. по: Военные парады на Красной площади. М., 1980. С. 123.
[180] Московская битва в хронике фактов и событий. М., 2004. С. 171.
[181] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 22.
[182] Москва военная. С. 355.
[183] Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в период отражения нападения фашистской Германии на СССР. Военно-исторический очерк. В 4-х т. М., 1958. Т. 1. С. 258.
[184] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 3084. Д. 4. Л. 16.
[185] Там же. Оп. 1221. Д. 8. Л. 96–99.
[186] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5-1). С. 240–241.
[187] Там же. С. 243–244.
[188] Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 1. С. 262.
[189] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. С. 298.
[190] ЦАМО. Ф. 96. Д. 5. Л. 138–140; Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. СПб., 2005. С. 55–56.
[191] Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 61–62.
[192] История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1974. С. 255.
[193] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 53, 55–56.
[194] Там же. С. 67.
[195] Там же. С. 91.
[196] Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 1. С. 271.
[197] Там же. С. 409.
[198] Там же. С. 411.
[199] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 97, 100–101.
[200] *Шигин Г. А.* Битва за Ленинград: крупные потери, «белые пятна», потери. М. — СПб., 2004. С. 98.
[201] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5-1). С. 329–330.
[202] *Федюнинский И. И.* Поднятые по тревоге. М., 1964. С. 88.
[203] О плане «Ориент» см. подробнее: *Макси К.* Упущенные возможности Гитлера. М. — СПб., 2001. С. 171–174.
[204] ЦАМО. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 30. Л. 12, 13.

[205] *Евстигнеев В. Н.* 70 героических дней. М., 1964. С. 55.

[206] Русский архив: Великая Отечественная война. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. М., 1996. Т.16 (5-1). С. 212–213.

[207] *Золотарев В. А., Козлов И. А.* Три столетия Российского флота. 1941–1945 гг. М., 2005. С. 426; Боевой путь советского Военно-морского флота. 4-е изд., испр. и доп. М., 1988. С. 322.

[208] 73 героических дня. Одесса, 1978. С. 295.

[209] Ростовская операция. Ноябрь — декабрь 1941 г. М., 1943. С. 11.

[210] ЦАМО. Ф. 328. Оп. 1041. Д. 1. Л. 29–39.

[211] *Орешкин А. К.* Оборонительная операция 9-й армии (октябрь — ноябрь 1941 г.). М., 1960. С. 117.

[212] Там же. С. 124.

[213] *Грецов М. Д.* На юго-западном направлении (июнь — ноябрь 1941 г.). М., 1960. С. 355.

[214] Известия ЦК КПСС. 1991. № 7.

[215] *Штахановский П. А.* В боях за Ростов // В боях за Дон. Сборник воспоминаний участников Великой Отечественной войны. Ростов, 1968. С. 76–77.

[216] Известия ЦК КПСС. 1991. № 7.

[217] Ростов-на-Дону. Исторические очерки. Ростов, 1979. С. 177.

[218] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 52.

[219] Там же. С. 63.

[220] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5-1). С. 308.

[221] ЦАМО. Ф. 51. Оп. 361. Д. 11. Л. 119–120.

[222] *Carell P.* Unternehmen «Barbarossa». Frankfurt a/M, 1963.

ПЕРВАЯ КРУПНАЯ ПОБЕДА

Накануне решительных перемен

В оборонительный период битвы под Москвой Красная армия отстояла столицу и остановила наступление вермахта, несмотря на летние и осенние успехи, не сумевшего достичь главной цели — уничтожить Советские вооруженные силы до наступления зимы. Германия оказалась перед неизбежностью затяжной войны. 19 ноября на совещании у Гитлера руководители вермахта, определяя задачи своих войск на советско-германском фронте на зиму 1941 г., считали, что разгром России является ближайшей и решающей целью войны, добиться которой можно только вводом в действие всех сил, в том числе и за счет других участков восточного фронта. Исходя из этого, противник, напрягая последние силы, в первых числах декабря все еще пытался продолжать наступательные действия на главном, московском направлении.

Бывший начальник штаба 2-й армии генерал Г. Блюментрит, оценивая обстановку, сложившуюся в начале декабря, констатировал: «Это был поворотный пункт нашей восточной кампании — надежды вывести Россию из войны в 1941 г. провалились в самую последнюю минуту. Теперь политическим руководителям Германии важно было понять, что дни блицкрига канули в прошлое. Нам противостояла армия, по своим боевым качествам намного превосходящая все другие армии, с которыми нам когда-либо приходилось встречаться на поле боя»[1].

Понимая неизбежность затяжной, изматывающей войны, руководители рейха вынуждены были принять ряд срочных мер по подготовке экономики. Прежде всего расширялась военная отрасль, увеличивались добыча и производство стратегического сырья как в самой Германии, так и в оккупированных ею странах, росли объемы его ввоза из Турции, Испании, Португалии, Швеции.

К началу декабря 1941 г. в результате упорной обороны советских войск вермахт понес большие потери в людях и технике. Инициатива постепенно перешла к Красной армии. Враг еще пытался вести активные действия. На северо-западном направлении он вышел к Ладожскому озеру и предпринимал отчаянные попытки соединиться на р. Свирь с финнами, но был остановлен перешедшими в контрнаступление советскими войсками в районе Тихвина. На московском направлении, где было сосредоточено до 40% дивизий, 70% танков, 40% артиллерии и более 30% самолетов всей армии вермахта, соединения группы армий «Центр» растянулись на фронте свыше 1000 км.

На левом крыле вела боевые действия 16-я полевая армия. Часть ее сил действовала против войск Северо-Западного фронта, оборонявшихся на рубеже южнее Малой Вишеры,

Осташкова. Войскам левого крыла (9-я полевая армия) этой группы армий противостояли и соединения Калининского фронта. Они прочно удерживали рубеж Осташков — северная окраина Калинина — Волжское водохранилище. Главным силам группы армий «Центр» (4-я и 3-я танковые группы, 4-я полевая и 2-я танковая армии)[2] противостояли войска Западного фронта, которые вели напряженные оборонительные бои, удерживая рубеж Волжское водохранилище — канал Москва — Волга — Звенигород — Наро-Фоминск — Тула — район Каширы. Юго-Западный фронт действовал на рубеже западнее Раненбурга — Тербуны — Волчанск — Лисичанск. Против войск фронта действовали 2-я полевая армия группы армий «Центр» и часть сил группы армий «Юг». Соединения 3-й и 13-й армий, действовавшие на правом крыле фронта, отражали атаки противника, стремившегося развить успех в восточном направлении.

После октябрьского поражения Красной армии под Москвой стратегическое и экономическое положение Советского Союза было чрезвычайно сложным. Тем не менее руководство страны изыскивало силы и средства, чтобы снять угрозу столице. Сразу же после срыва первой попытки немцев прорваться к Москве в Ставке ВГК возникла идея контрнаступления. Для претворения ее в жизнь 1 ноября было принято решение о формировании в тылу страны десяти резервных армий и других частей родов войск (например, девять танковых бригад, 49 отдельных танковых и свыше 100 лыжных батальонов) со сроком ввода в строй к 1 декабря[3]. Кроме того, намечалось передать на усиление Западного и Калининского фронтов 90 тыс. человек маршевого пополнения[4].

Однако возобновившееся в середине ноября наступление противника на Москву заставило на время отказаться от контрнаступления. Для отражения наступления ударных группировок врага потребовались созданные резервы[5]. А нужда в них была весьма острой, особенно после 23 ноября, когда пал Солнечногорск и немцы были всего в 40–45 км от Москвы. Обстановка с этого момента стала действительно угрожающей. 24 ноября Ставка приняла решение о переброске под Москву своих резервов, расположенных в Поволжье — от Чебоксар до Астрахани. Причем поставленные тогда войскам задачи носили чисто оборонительный характер. Так, Ставка приказала «не допустить выдвижения противника»: 10-й армии — на Рязань, 26-й — в направлении Коломны, 61-й — в направлении Ряжск — Раненбург (Чаплыгин)[6].

Драматичный ход оборонительных сражений на ближних подступах к Москве заставил советское командование против ударных танковых группировок врага развернуть свежие силы: 30-я армия получила четыре стрелковые и кавалерийскую дивизии, 5-я и 16-я армии — две стрелковые дивизии и пять стрелковых бригад. 29 ноября в промежутке между 16-й и 30-й армиями были введены в сражение 1-я ударная и 20-я армии резерва Ставки ВГК. В связи с прорывом противника под Наро-Фоминском и выходом его к Алабино (22 км северо-восточнее Наро-Фоминска) Ставка 2 декабря передала в распоряжение командующего Московским военным округом генерала П. А. Артемьева четыре стрелковые и кавалерийскую дивизии, а также семь стрелковых бригад, поставив задачу незамедлительно занять внешний оборонительный пояс столицы[7]. Одновременно на базе Управления обороны Москвы было приказано создать новое оперативное объединение — Московскую зону обороны (МЗО). В ее состав передавались 24-я и 60-я армии[8]. Этим решением Ставки в тылу Западного фронта развертывался второй стратегический эшелон.

На подготовку материальных предпосылок для перехвата стратегической инициативы и перелома хода сражений, а также на выбор момента перехода в контрнаступление сильное влияние оказывала зависимость фронтов от сроков выгрузки, сосредоточения и пополнения запасов вооружения резервных войск. Чтобы претворить намеченное в жизнь, нужна была целенаправленная работа по оптимальному использованию резервов. В условиях, когда все внимание Ставки и командования фронтов было сосредоточено на отражении рвавшегося к столице врага, эту задачу пришлось взять на себя Генеральному штабу. В третьей декаде ноября Генштаб во главе с маршалом Б. М. Шапошниковым в полном составе возвратился из Арзамаса в Москву и «тут же включился в работу по подготовке контрнаступления»[9].

Генштабу предстояло правильно выбрать районы сосредоточения стратегических резервов, организовать перевозку войск, одновременно прикрыть их от ударов с воздуха. На перевозку 10, 26 и 61-й резервных армий и соединений, предназначенных для усиления правого крыла Западного фронта, потребовалось изыскать в течение 7—10 дней свыше 60 тыс. железнодорожных вагонов[10].

План советского командования по разгрому врага вырабатывался в кратчайшие сроки. 29 ноября командующий Западным фронтом, доложив обстановку Верховному главнокомандующему, попросил его отдать приказ о начале контрнаступления. Свое предложение Жуков обосновал так: «Противник истощен. Но если мы сейчас не ликвидируем опасные вражеские вклинения, немцы смогут подкрепить свои войска в районе Москвы крупными резервами за счет северной и южной группировок своих войск, и тогда положение может осложниться»[11]. Рассмотрев это предложение, Ставка ВГК поздно вечером довела до командующих Западным и Юго-Западным фронтами общие задачи контрнаступления и потребовала от них конкретных предложений по их реализации.

30 ноября военные советы этих фронтов представили планы операций. Проанализировав их, Ставка пришла к выводу о необходимости привлечь к планируемому контрнаступлению еще и войска Калининского фронта, а также авиацию Московского военного округа, ПВО Москвы, соединения дальнебомбардировочной авиации и две резервные авиагруппы. Замысел Ставки ВГК на контрнаступление сводился к тому, чтобы ударами правого и левого крыльев Западного фронта во взаимодействии с Калининским и Юго-Западным фронтами разгромить главные группировки врага, стремившиеся охватить Москву с севера и юга. Основная роль при этом отводилась войскам Западного фронта.

Документально оформленного замысла и плана ведения контрнаступления Ставка не имела. Сам план контрнаступления представлял карту масштаба 1:200 000, на которой красным карандашом были изображены полосы наступления и стрелы направлений ударов армий Западного фронта, проведенные на глубину до 60 км к северу от Москвы и около 100 км к югу от нее. К плану — карте контрнаступления армий Западного фронта была приложена объяснительная, написанная от руки лично командующим войсками фронта, имеющая гриф «особо важно». В ней были указаны дни начала наступления обеих ударных группировок: 3—4 декабря — для четырех армий и 5—6 декабря — для 30-й армии, а также сформулирована ближайшая задача фронта и разъяснено, что «главная группировка авиации (3/4) будет направлена на взаимодействие с правой ударной группировкой и остальная часть — с левой армией генерала Голикова (10-я армия. — *Прим. ред.*)». Записка была завизирована Г. К. Жуковым, Н. А. Булганиным (член Военного совета фронта) и В. Д. Соколовским (начальник штаба фронта). На левом верхнем углу карты синим карандашом наложена резолюция «Согласен. И. Сталин. 30.11.41 г.»[12].

План намечал удары армий только одного фронта, но не предусматривал их согласования по цели, месту и времени с действиями двух других фронтов. Функция координации усилий фронтов принадлежала Ставке ВГК. Однако ни у нее, ни у Генерального штаба общего документально оформленного замысла и плана ведения контрнаступления не было. Созревая постепенно, идеи воплощались в жизнь распорядительным порядком: переговорами по прямому проводу, при личном общении командующих фронтами с И. В. Сталиным, Б. М. Шапошниковым и А. М. Василевским, директивами и боевыми распоряжениями.

Вспоминая о днях подготовки и планирования контрнаступления под Москвой, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков писал: «В наших замыслах еще не было четко обоснованного мнения о том, что нами затевается такое грандиозное контрнаступление, каким оно потом оказалось. Первая постановка задач... преследовала хотя и важную, но пока ограниченную цель — отбросить наиболее угрожавшие прорывом к Москве вражеские силы»[13].

В соответствии с планом контрнаступления командующий Западным фронтом поставил следующие задачи войскам: ударами правого и левого крыльев фронта, отстоявших друг от друга на 200 км, разгромить противника, действовавшего севернее и южнее Москвы. Глубина задач фронта на правом крыле составляла 35—50 км, на левом — 80—90 км. По решению

командования фронта войска правого крыла (30-я, 1-я ударная, 20-я и 16-я армии), действуя по сходящимся направлениям, должны были совместно разгромить ударную группировку противника (северную) в районе Солнечногорск — Клин — Истра. По южной группировке противника в направлениях Ново-Московск — Узловая и Епифань — Богородицк удары должны были нанести 10-я армия и 1-й гвардейский кавалерийский корпус, усиленный стрелковыми и танковыми соединениями. Часть сил 50-й армии во взаимодействии с 1-м гвардейским кавалерийским корпусом должны были наступать с северо-запада на Тулу — Ново-Московск и Тулу — Щекино. Главный удар войск левого крыла Западного фронта был направлен против основных сил 2-й немецкой танковой армии. Нанесение удара на Ново-Московск позволяло объединить усилия всех войск левого крыла фронта, что увеличивало его силу для более полного разгрома главной группировки войск Гудериана, рвавшейся с юга к Москве, и одновременно устраняло опасность для Тульского промышленного района. Разгром захватчиков под Тулой должен был содействовать также успешному наступлению войск правого крыла Юго-Западного фронта на елецком направлении. Четырем армиям предстояло сковать вражеские силы в центре фронта, чтобы лишить возможности перебрасывать войска для усиления важнейших направлений. В резерве командования фронта оставались одна стрелковая дивизия, одна танковая бригада и несколько артиллерийских полков.

Необходимость привлечения войск Калининского фронта к контрнаступлению была предложена заместителем начальника Генерального штаба генералом А. М. Василевским 1 декабря 1941 г. В тот же день Ставка ВГК приказала Калининскому фронту: «...сосредоточив в течение двух-трех дней ударную группировку в составе не менее пяти-шести сд, нанести удар с фронта (иск.) Калинин, (иск.) Судимирка в направлении Микулино, Городище и Тургиново. Задача: выходом на тылы клинской группировки противника содействовать уничтожению последней войсками Западного фронта»[14]. Решение командующего Калининским фронтом генерала И. С. Конева сводилось к тому, чтобы, продолжая обороняться на селижаровском и торжокском направлениях, сосредоточить главные силы на левом крыле с целью выйти на тылы клинской группировки противника, а затем во взаимодействии с войсками правого крыла Западного фронта уничтожить ее. Оперативное построение войск фронта планировалось одноэшелонное с выделением резерва.

Юго-Западный фронт маршала С. К. Тимошенко окружал и уничтожал елецко-ливенскую группировку врага, угрожая выйти в тыл 2-й танковой армии, что содействовало бы ее разгрому войсками левого крыла Западного фронта. В боевом распоряжении штаба фронта от 4 декабря войскам правого крыла была поставлена следующая задача: «С целью восстановления положения на правом крыле Юго-Западного фронта, создания угрозы выхода на тылы подвижной группы Гудериана и содействия ее разгрому силами Западного фронта на подступах к нашей столице правому крылу Юго-Западного фронта с утра 6.12 перейти в наступление, имея ближайшей задачей уничтожение ливенско-елецкой группировки противника»[15]. Главный удар должна была наносить оперативная группа фронтового подчинения под командованием заместителя командующего фронтом генерала Ф. Я. Костенко с рубежа Борки — Замарайка в общем направлении на Ливны[16].

При подготовке войск к контрнаступлению большой проблемой оказалась нехватка оружия, особенно для оснащения резервных соединений. Как правило, они вооружались уже в районах сосредоточения, то есть непосредственно перед их вводом в бой. В те дни даже стрелковое оружие относилось к разряду дефицитного. Например, войска Западного фронта были обеспечены винтовками лишь на 60% от штатной потребности. Чтобы обеспечить оружием соединения, отправляемые на фронт, командованию приходилось изымать его в частях, которые в тот момент не привлекались к боевым действиям.

Советское командование, принимая решение о контрнаступлении, учитывало многие факторы, в том числе невыгодное соотношение сил и нехватку оружия, которые ставили под сомнение успех предстоявшей операции. Но принимались во внимание и такие факторы, как отсутствие у противника оперативных резервов, измотанность немецких солдат, недостаточность их материального обеспечения в условиях суровой зимы, а также то обстоятельство,

что ударные группировки врага действовали на не подготовленных для отражения встречных ударов рубежах. Учитывался и более высокий моральный дух советских воинов, которые сражались за свои дома, во имя спасения Отечества.

Подготовка к контрнаступлению проходила в сжатые сроки с учетом жестких мер маскировки. Пауза для перехода от обороны к контрнаступлению исключалась, так как промедление пошло бы на пользу противнику. Поэтому соединения и объединения готовились к наступлению, находясь в тех же полосах и группировках, в каких они завершали оборонительные бои и сражения. Директиву о переходе в контрнаступление штаб Западного фронта отдал 2 декабря (10-й армии — 4 декабря), а штаб Юго-Западного фронта — 4 декабря. Боевой приказ командующего Калининским фронтом последовал 2 декабря[17]. Все передвижения войск осуществлялись ночью или в сложных метеорологических условиях днем. Сквозь снежные заносы они выдвигались на исходные рубежи для наступления. При этом категорически запрещалось разводить костры, работать на радиостанциях и т. д.

Проводимые мероприятия по сохранению в тайне подготовки контрнаступления принесли результаты. Противник был введен в заблуждение относительно истинных намерений советского командования. На ежедневных отчетных картах генерального штаба сухопутных войск («Положение на Восточном фронте») даже 6 декабря отсутствуют не только многие советские дивизии, но и три свежие армии Западного фронта, переданные из резерва Ставки ВГК[18].

В связи с тем что контрнаступление начиналось при невыгодном соотношении сил и средств, масштабы задач были ограничены. Фронтам ставилась только ближайшая задача, совпадавшая с глубиной одной армейской операции. Сроки ее выполнения заранее не оговаривались. «Для постановки войскам фронта более далеких и решительных целей, — вспоминал маршал Г. К. Жуков, — у нас тогда еще не было сил. Мы стремились только отбросить врага как можно дальше от Москвы и нанести ему возможно большие потери»[19]. Поскольку фронтам предстояло наступать в широких полосах, они имели одноэшелонное построение и низкую плотность. Однако за счет неравномерного расположения войск плотность на направлениях главных ударов была большой[20].

Германское командование было уверено в скором падении Москвы, а потому продолжало требовать от войск наступательных действий. В то время, когда советское командование приняло решение о проведении контрнаступления, группа армий «Центр» предприняла попытку нанести удары по Москве не только с севера и юга, но и с запада. В ходе этого последнего наступления немцам удалось прорвать оборону в центре Западного фронта и к исходу 2 декабря подойти к поселку Алабино (45 км юго-западнее Москвы). В этом продвижении частей 4-й армии Гитлер, как считают германские исследователи, «вновь увидел возможность окружения больших сил противника под Москвой»[21]. Однако уже 3 декабря обстановка для немцев стала обостряться. Командующий 4-й армией доложил Боку, что вынужден не только приостановить наступление, но и отвести части на исходные позиции, то есть за р. Нара, а командующий 4-й танковой группой предложил фельдмаршалу отдать приказ о занятии обороны соединениями его группы вдоль р. Истра на том основании, что силы подчиненных ему войск на исходе[22].

Физическое, а главное — психологическое состояние немецких войск достигло предела. Отдельные соединения и части, не выдерживая контрударов, самовольно, без приказа сверху, переходили к обороне и даже отступали. Фельдмаршал Бок в докладной записке главкому сухопутных войск отмечал, что предположения о близком поражении неприятеля оказались иллюзией, а посему и наступление теряет всякий смысл[23]. Генерал Гальдер 4 декабря в разговоре с начальником штаба группы армий «Центр» генералом Г. Грейфенбергом заметил, что, «если фельдмаршал фон Бок считает, что нет никаких шансов нанести противнику большие потери в ходе наступления северо-западнее Москвы, ему предоставляется право прекратить наступательные действия»[24]. Не дожидаясь решения Гитлера, командование группы армий «Центр» начало планировать отход ударных группировок на выгодные для обороны участки местности, наметило новые рубежи обороны. Отход предусматривалось начать 6 декабря и совершить его в течение двух ночей[25].

6 декабря Гитлер отдал соответствующий приказ на отход войск группы армий «Центр» и занятие ими нового рубежа в интересах «сокращения линии фронта», но потребовал предварительно «подготовить этот новый рубеж, отрыть стрелковые окопы, установить печи и т. д.»[26]. Этот приказ говорит о том, что начавшееся к этому времени контрнаступление советских войск у верховного главнокомандования вермахта никакого беспокойства не вызвало. Еще 4 декабря отдел сухопутных войск восточного фронта германского штаба, оценивая обстановку, сделал следующий вывод: «Противник перед фронтом группы армий «Центр» в настоящее время не способен вести контрнаступление без подхода значительных резервов»[27].

План отхода войск группы армий «Центр» начал претворяться в жизнь 5 декабря. В этот день 2-я танковая армия получила разрешение отойти на рубеж рек Шат и Дон. Не выдержав контрудара войск 33-й армии, части 4-й немецкой полевой армии отошли на исходные позиции, за р. Нара. Принимая решение на отход, командование группы армий «Центр» планировало сначала отразить, как им казалось, местные контратаки противника, а затем без особого воздействия с его стороны совершить тактическую перегруппировку, провести доукомплектование, пополнить запасы продовольствия, горючего и боеприпасов, организовать отдых личного состава и другие мероприятия по подготовке новых операций[28].

Таким образом, еще до начала контрнаступления в результате контрударов советских войск севернее столицы и в районах Тулы и Каширы противник вынужден был заранее подумать о возможном отводе своих войск из-под Москвы. 5 декабря Гудериан начал частичный отвод своих войск от Тулы. Все это свидетельствует о том, что план германского командования по захвату советской столицы провалился, а войска вермахта, непосредственно наступавшие на Москву, были измотаны и понесли огромные потери.

К 6 декабря Калининский, Западный и Юго-Западный фронты получили 27 расчетных дивизий, доведя, таким образом, общую численность войск, привлекаемых к контрнаступлению, до 1 млн 100 тыс. человек, а также имея 7652 орудия и миномета, 774 танка и 1000 самолетов. Всего на западном стратегическом направлении в составе трех советских фронтов находился почти 41% соединений сухопутных войск, здесь же было сосредоточено почти 40% танков, около 32% орудий и минометов от общего количества в действующей армии[29]. Группа армий «Центр» насчитывала 1 млн 708 тыс. человек, около 13,5 тыс. орудий и минометов, 1170 танков и 615 самолетов. Простое сравнение приведенных цифр показывает, что противник превосходил советские войска в личном составе — в 1,5 раза, в артиллерии — в 1,8 раза, в танках — в 1,5 раза, и только в боевых самолетах он уступал в 1,6 раза[30].

В целом соотношение сил и средств, за исключением боевых самолетов, оставалось неблагоприятным для советской стороны. Серьезную озабоченность у командования фронтов вызывало и то, что степень боевой готовности большинства резервных соединений была ниже минимального уровня. К тому же им в значительных размерах не хватало оружия, боеприпасов, имущества связи, инженерных средств, транспорта и т. д.

Недостаток времени также не обеспечивал полностью проведения всех желаемых мероприятий по подготовке войск к контрнаступлению. Малочисленная фронтовая и армейская артиллерия на направлениях главных ударов должна была передаваться для усиления дивизий, имевших значительный некомплект своей штатной войсковой артиллерии, понесшей потери в период прошедших боевых действий. Вследствие этого плотность орудий и минометов была недостаточной.

Важная роль при подготовке контрнаступления отводилась инженерному обеспечению. Оно строилось с учетом общего оперативного замысла. Для инженерного обеспечения привлекались как штатные подразделения и части, входившие в состав дивизий и армий, так и отдельные саперные и понтонные батальоны фронтового подчинения, часть из которых придавалась для усиления соединений и объединений. Группировка инженерных войск Западного фронта имела глубокое построение. В его составе, в частности, было девять саперных и пять понтонных батальонов. Кроме того, фронту была подчинена 1-я саперная армия (командующий генерал М. П. Воробьев). Первый эшелон инженерных войск фронта составляли войсковые саперы, второй — армейские инженерные части и части фронтового

подчинения, приданные армиям; во фронте имелся резерв инженерных частей. При подготовке контрнаступления задачами инженерных войск являлись: инженерная разведка, инженерная подготовка исходных районов для наступления, прокладка колонных путей, строительство и ремонт мостов, дорог и обеспечение продвижения войск по ним, прокладывание проходов в минных полях и других заграждениях, сопровождение атак пехоты и танков в ходе наступления, участие в штурме узлов сопротивления противника.

Связь во фронте и армиях организовывалась по ранее существовавшим правилам: сверху вниз, справа налево, от родов войск к пехоте. Большое внимание было уделено организации дублирующих линий связи на случай перерывов прямой связи. Для этой цели широко использовались местные телефонно-телеграфные линии. К началу контрнаступления в боевом составе Западного фронта было десять общевойсковых армий, группа генерала П. А. Белова, в резерве находилась одна стрелковая дивизия. Для организации устойчивого управления этими силами необходимо было организовать 11—12 направлений связи; в армиях нужно было иметь также 8—12—14 направлений. Все это весьма осложняло организацию и поддержание непрерывной связи. К тому же обеспеченность главными видами связи на 1 декабря была весьма низкой. Так, к началу контрнаступления войска Западного фронта были обеспечены радиостанциями 5-АК, РБ п/а на 44%, радиостанциями РБ, 6-ПК, РСБ и РРУ — на 51%, телеграфными аппаратами системы «Бодо» — на 85%, телефонными аппаратами — на 47%, кабелем телефонным — на 36%[31].

В звене «армия — дивизия» связь была, как правило, только телефонная и через офицеров связи. Радиосвязь в звене «Ставка — фронт» и с соседними фронтами обеспечивалась радиостанцией 11-АК и двумя дополнительными приемниками. Радиосвязь фронта с армиями была организована по отдельным направлениям. Наряду с радио- и телефонной связью широко применялись подвижные средства. Большое значение для организации устойчивой связи имела практика объединения командных и наблюдательных пунктов общевойсковых командиров с командными и наблюдательными пунктами артиллерийских, танковых и авиационных командиров.

В целом общая обстановка на советско-германском фронте к началу контрнаступления советских войск была сложной. Однако сама обстановка настоятельно диктовала необходимость немедленного перехода Красной армии к решительным наступательным действиям. Только так можно было разрядить стратегическую напряженность под Москвой.

Контрнаступление под Москвой

Для достижения успеха контрнаступления большое значение имела внезапность. Однако советскому командованию не удалось полностью скрыть крупномасштабную перегруппировку войск, находившихся в непосредственном соприкосновении с противником. Сведения, полученные германской разведкой, позволяли ей иметь сравнительно полные данные о положении войск Красной армии и замысле ее командования. Во многих немецких донесениях отмечалось выдвижение крупных сил русских к северу и югу от Москвы.

Командование вермахта, оценивая обстановку, сложившуюся на советско-германском фронте к декабрю 1941 г., не приняло во внимание тревожные сообщения. Оно считало, что Красная армия находится на грани истощения и не способна вести крупные наступательные действия. 4 декабря командующий группой армий «Центр» фон Бок на одно из донесений разведки отреагировал так: «Боевые возможности противника не столь велики, чтобы он мог этими силами... начать в настоящее время большое контрнаступление»[32]. Факт появления свежих частей под Москвой германское командование расценило как обычную перегруппировку войск для противодействия немецкому наступлению. Начальник генерального штаба сухопутных сил генерал-полковник Гальдер 2 декабря записал в своем дневнике:

«Сопротивление противника достигло своей кульминационной точки. В его распоряжении нет больше никаких новых сил»[33]. Лишь усталостью своего личного состава, а главное — влиянием погодных условий объясняло командование противника то обстоятельство, что не выдержавшие контрударов немецкие войска были отброшены под Яхромой, Кубинкой, Наро-Фоминском, Каширой, Тулой и на других участках.

5 декабря 1941 г. вопреки всем прогнозам фельдмаршала Бока началось контрнаступление советских войск под Москвой, охватившее впоследствии огромный фронт шириной свыше 1000 км. В этот день рано утром соединения левого крыла Калининского фронта, а в 14 часов и правого фланга 5-й армии нанесли удары по врагу. Затем, 6 декабря, в наступление перешли 1-я ударная, 10, 13, 20 и 30-я армии; 7 декабря — соединения правого фланга и центра 16-й армии, а также оперативная группа Ф. Я. Костенко; 8 декабря — левофланговые соединения 16-й армии, оперативная группа П. А. Белова, 3-я и 50-я армии. На калининском, клинском, солнечногорском, истринском, тульском и елецком направлениях развернулись ожесточенные сражения.

Практически одновременный переход всех трех фронтов в контрнаступление лишил командование группы армий «Центр» возможности маневра своими силами и средствами вдоль фронта — все резервы были израсходованы. Оказать помощь в этот критический момент командование вермахта также было не в состоянии. 7 декабря Гальдер сделал такую запись в своем дневнике: «События этого дня опять ужасающи и постыдны. Главком (сухопутных войск. — *Прим. ред.*) превратился в простого письмоносца. Фюрер, не замечая его, сам сносится с командующими группами армий. Самым ужасным является то, что ОКВ (верховное командование вермахта. — *Прим. ред.*) не понимает состояния наших войск и занимается латанием дыр, вместо того чтобы принимать принципиальные стратегические решения. Одним из решений такого рода должен быть приказ на отход войск группы армий «Центр» на рубеж Руза, Осташков»[34]. На следующий день Гальдер отметил: «Обсудили с фельдмаршалом фон Боком обстановку на фронте его группы армий. Результатом этого явился следующий вывод: группа армий ни на одном участке фронта не в состоянии сдержать крупное наступление... Большие опасения вызывают левый фланг группы Гудериана и правый фланг армии Клюге»[35].

Реакция Гитлера на переход Красной армии в контрнаступление, тогда как еще два месяца назад он утверждал, что противник на востоке разгромлен и больше не поднимется, была иной. В своей директиве от 8 декабря 1941 г. он указывал: «Преждевременное наступление холодной зимы на восточном фронте и возникшие в связи с этим затруднения в подвозе снабжения вынуждают немедленно прекратить все крупные наступательные операции и перейти к обороне. Порядок ведения этой обороны зависит от цели, которую она преследует, а именно: а) удержать за собою районы, имеющие для противника важное оперативное и военно-хозяйственное значение; б) дать войскам отдых и возможность произвести пополнение; в) создать, таким образом, необходимые предпосылки для возобновления крупных наступательных операций в 1942 г.»[36]. Решительные задачи ставились только перед группой армий «Юг», которая должна была «в течение зимы предпринять наступление с целью выхода на рубеж нижнего течения р. Дон и Донец» и «как можно быстрее захватить Севастополь»[37].

Ссылка на холодную погоду, которая наступила слишком рано, малоубедительна. Средняя температура в Подмосковье, и об этом свидетельствуют ежедневные оперсводки группы армий «Центр», держалась в ноябре на уровне минус 4—6 градусов по Цельсию. Наоборот, замерзшие болота, ручьи, мелкие речки вместе с неглубоким еще снежным покровом резко улучшили условия проходимости немецких танков и моторизованных частей, которые получили возможность, не увязая в грязи, действовать вне дорог, выходить на фланги и в тыл советских войск. Такие условия благоприятствовали вермахту. Правда, с 5 по 7 декабря, когда ртутный столбик опускался до отметки минус 30—38 градусов, положение войск заметно ухудшилось. Но уже с 8 числа температура поднялась до нулевой отметки. Следовательно, в мотивировке германского командования просматривается попытка скрыть правду о положении на восточном фронте, снять с себя ответственность за неподготовленность своих войск к действиям в зимних условиях.

Артиллерия расчищает дорогу для контрнаступления советских войск

Бронеавтомобили выдвигаются на боевые позиции

Командующий группой армий «Центр» 9 декабря отдал приказ об оборудовании тыловой позиции группы армий «Центр» по рубежу Курск — Орел — Медынь — Гжатск — Ржев[38]. Промежуточную позицию для 3-й и 4-й танковых групп, а также для левого фланга 9-й полевой армии он наметил по линии Руза — Волоколамск — Старица. Что касается 4-й полевой армии, то она еще в конце октября подготовила оборону по рубежу рек Ока и Нара.

Соединения правого крыла Западного фронта, тесно взаимодействуя с войсками Калининского фронта, наносили удар по клинско-солнечногорской и калининской группировкам врага, а смежные фланги Западного и Юго-Западного фронтов — по его 2-й танковой и 2-й полевой армиям.

30-я армия под командованием генерала Д. Д. Лелюшенко, прорвав своим центром фронт обороны 3-й танковой группы, с северо-востока приближались к Клину. По всей полосе армии шли сильные бои. Наибольшего успеха добилась ударная группа, наступавшая в юго-западном направлении в обход Клина с северо-запада. Преодолевая ожесточенное сопротивление противника, она продвинулась вперед на 6—7 км[39]. Противник оставил на поле боя 12 орудий и минометов, 18 станковых и ручных пулеметов, 20 мотоциклов, три радиостанции и другое вооружение[40].

Особенно сильное сопротивление встретили части и соединения ударной группы армии. Клин для противника был единственным в этом районе узлом дорог, который связывал между собой соединения 3-й танковой группы, а кроме того, всю эту группу — с тылом группы армий «Центр». Город «был необходим им и для обеспечения отвода войск с дмитровского и солнечногорского направлений. Но главным было то, что выход советских войск на ближние подступы к Клину создавал угрозу глубокого флангового удара по немецким войскам, действовавшим северо-западнее Москвы. Вот почему германскому командованию пришлось спешно усиливать свою клинскую группировку за счет переброски войск с других участков. Уже 7 декабря в район Клина начали перебрасываться части шести танковых дивизий»[41], в том числе 1, 2, 5 и 10-й. С той же задачей удержать этот важнейший транспортный узел из резерва группы армий «Центр» в район севернее Решетникова прибыла 900-я моторизованная бригада. Наступление 30-й армии замедлилось, но зато другим войскам правого крыла Западного фронта облегчило ведение боевых действий.

Несмотря на определенные успехи, темп наступления советских войск оставался низким: он составлял всего 1,5—4 км в сутки. Многие командиры не всегда учитывали состояние обороны противника, в боевых порядках которого в то время было множество промежутков и свободных проходов по окрестным лесам и полям. Части и соединения втягивались в бои за овладение опорными пунктами, поспешно создаваемыми немцами в населенных пунктах, узлах дорог и на господствовавших высотах. Многие из них не успели овладеть искусством ведения наступательного боя.

В то время, когда войска 30-й армии вели упорные бои на клинском и рогачевском направлениях, 1-я ударная армия под командованием генерала В. И. Кузнецова развивала удар на Федоровку, а затем должна была наступать на южную окраину Клина, содействуя 30-й армии в освобождении города. Наиболее сильную оборону противника соединения армии встретили в районе Яхромы и западнее Дмитрова. После упорных боев Яхрома была освобождена 7 декабря. Однако противник продолжал оказывать сопротивление. Бои шли с переменным успехом. Только на следующий день, когда немцы потеряли опорные пункты на западном берегу канала Москва — Волга, сопротивление их было сломлено. Соединения армии продолжали наступление своим правым флангом в северо-западном направлении на Клин, а центром — в западном направлении. За два дня армия продвинулась вперед от 8 до 20 км[42].

Одновременно с 30-й и 1-й ударной армиями в направлении на Солнечногорск перешла в наступление и 20-я армия, которой предстояло во взаимодействии с 16-й армией завершить разгром краснополянской группировки противника. В течение двух дней соединения армии продвинулись вперед на глубину от 8 до 12 км. В это время 16-я армия под командованием генерала К. К. Рокоссовского вела сильные бои за населенные пункты Никольское, Матушкино, Крюково, Рождествено[43]. Противник силами 106-й и 35-й пехотных, 11-й и 5-й

Танки идут в атаку

Войска на марше. Контрнаступление советских войск под Москвой

Кавалеристы 2-го гвардейского кавалерийского корпуса 16-й армии Западного фронта.
В центре с картой в руках-командир корпуса гвардии генерал-майор Л. М. Доватор

На дорогах минувших сражений

ОБЩИЙ ХОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ПЕРВОМ ПЕРИОДЕ ВОЙНЫ
22 июня 1941 г. — 18 ноября 1942 г.

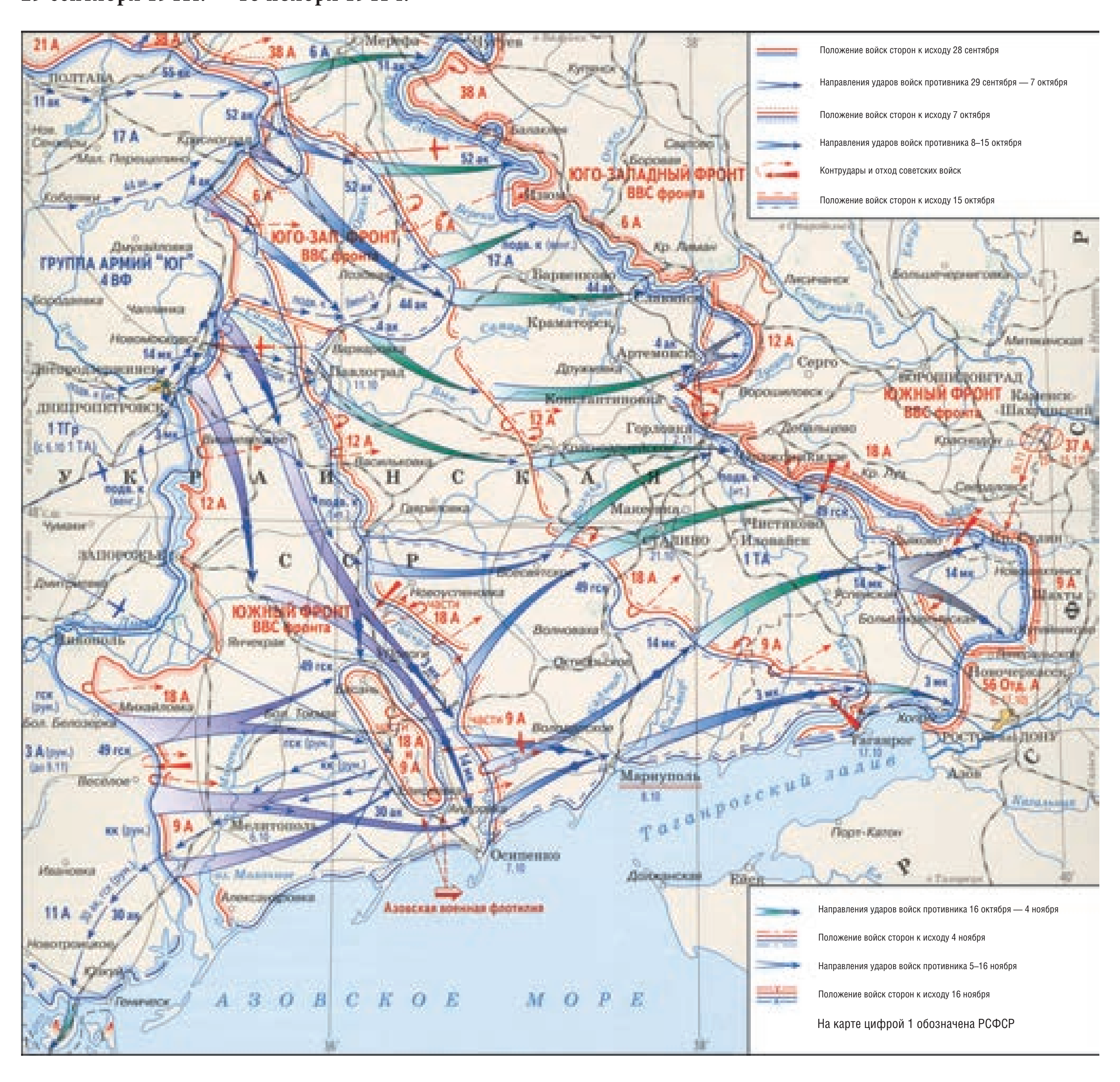

СИЛЫ СТОРОН К НАЧАЛУ ВОЙНЫ

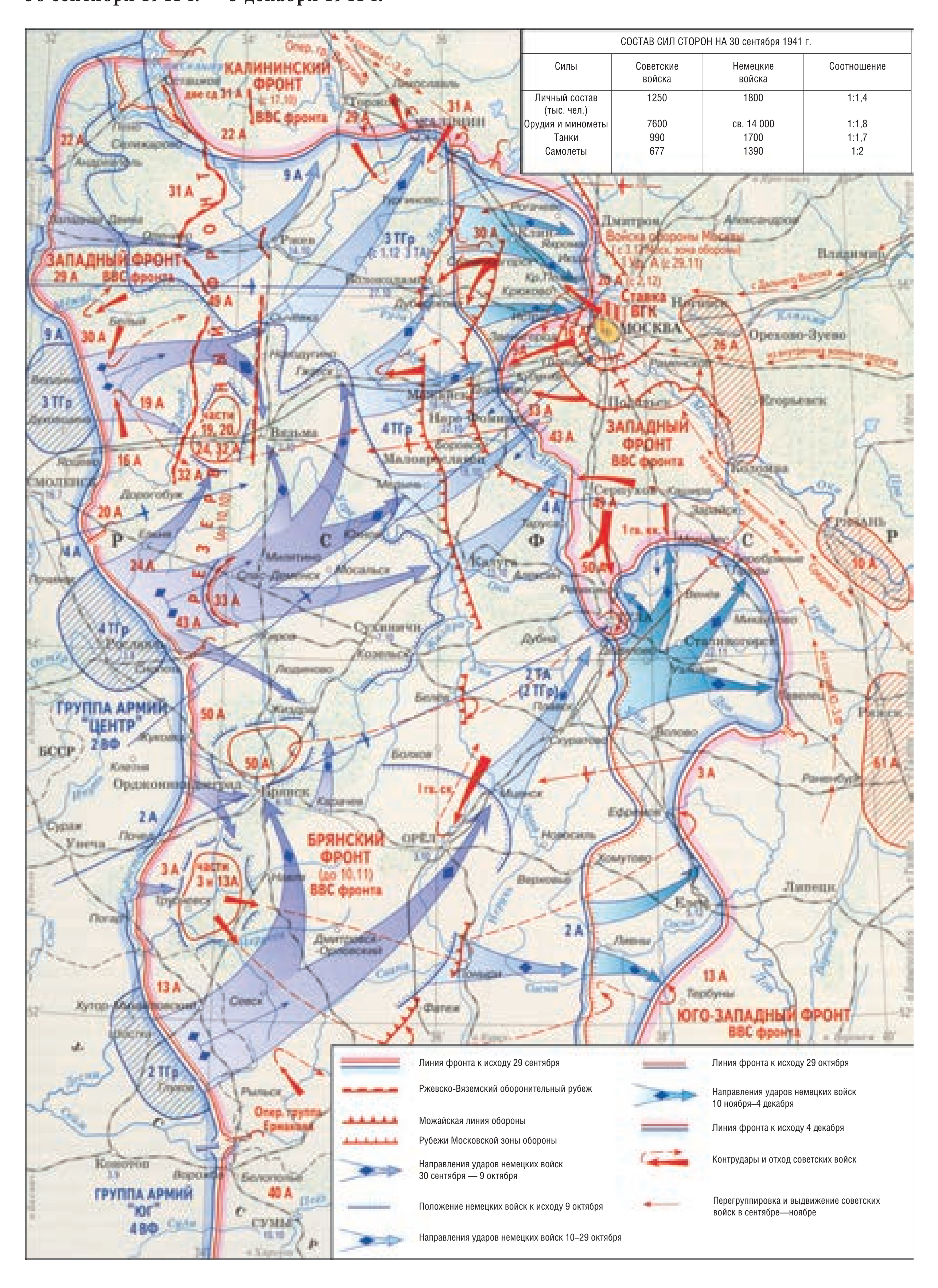
Силы и средства	СССР	Германия
Личный состав, млн чел. Дивизий	3,0 186	5,0 182
Орудий и минометов, тыс. шт.	39	47,2
Танков, тыс. шт.	11	4,4
Самолетов, тыс. шт.	9,1	4,4

Великая Отечественная война. 1941–1945. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 123.

ДОНБАССКО-РОСТОВСКАЯ ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ
29 сентября 1941г. — 16 ноября 1941 г.

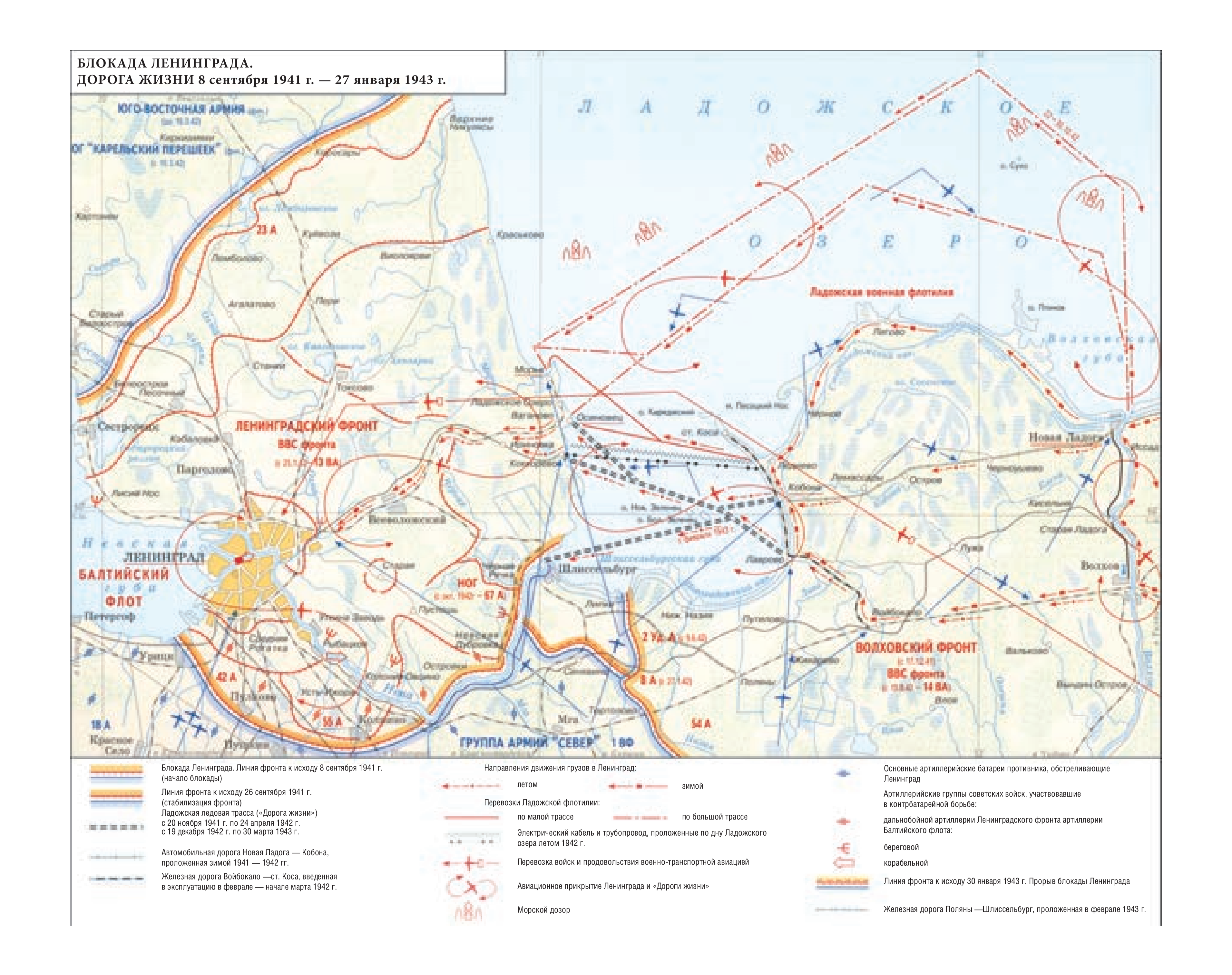

МОСКОВСКАЯ ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ
30 сентября 1941 г. — 5 декабря 1941 г.

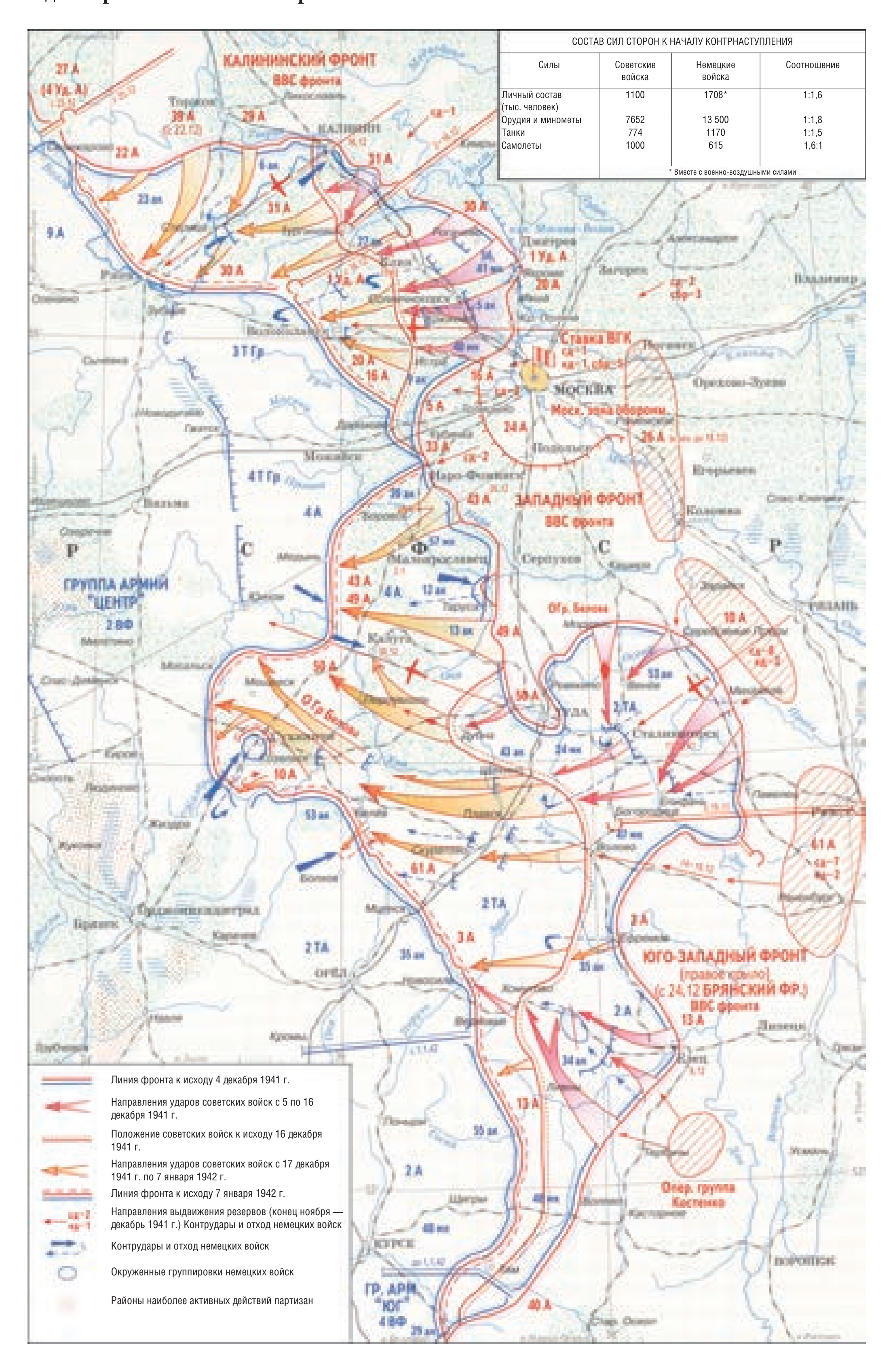

СОСТАВ СИЛ СТОРОН НА 30 сентября 1941 г.

Силы	Советские войска	Немецкие войска	Соотношение
Личный состав (тыс. чел.)	1250	1800	1:1,4
Орудия и минометы	7600	св. 14 000	1:1,8
Танки	990	1700	1:1,7
Самолеты	677	1390	1:2

БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА.
ДОРОГА ЖИЗНИ 8 сентября 1941 г. — 27 января 1943 г.
ЛАДОЖСКОЕ ОЗЕРО
Ладожская военная флотилия
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ФРОНТ
ВВС фронта
ВОЛХОВСКИЙ ФРОНТ
ВВС фронта
ГРУППА АРМИЙ "СЕВЕР"
БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ
ЛЕНИНГРАД
Невская губа
23 А
42 А
55 А
54 А
18 А
8 А
2 УД А
НОГ
Сестрорецк
Парголово
Петергоф
Урицк
Пулково
Красное Село
Колпино
Всеволожский
Шлиссельбург
Мга
Новая Ладога
Волхов
Кобона
Осиновец
Морье
Нева
Блокада Ленинграда. Линия фронта к исходу 8 сентября 1941 г. (начало блокады)
Линия фронта к исходу 26 сентября 1941 г. (стабилизация фронта)
Ладожская ледовая трасса («Дорога жизни») с 20 ноября 1941 г. по 24 апреля 1942 г. с 19 декабря 1942 г. по 30 марта 1943 г.
Автомобильная дорога Новая Ладога — Кобона, проложенная зимой 1941 — 1942 гг.
Железная дорога Войбокало —ст. Коса, введенная в эксплуатацию в феврале — начале марта 1942 г.
Направления движения грузов в Ленинград:
летом
зимой
Перевозки Ладожской флотилии:
по малой трассе
по большой трассе
Электрический кабель и трубопровод, проложенные по дну Ладожского озера летом 1942 г.
Перевозка войск и продовольствия военно-транспортной авиацией
Авиационное прикрытие Ленинграда и «Дороги жизни»
Морской дозор
Основные артиллерийские батареи противника, обстреливающие Ленинград
Артиллерийские группы советских войск, участвовавшие в контрбатарейной борьбе:
дальнобойной артиллерии Ленинградского фронта артиллерии Балтийского флота:
береговой
корабельной
Линия фронта к исходу 30 января 1943 г. Прорыв блокады Ленинграда
Железная дорога Поляны —Шлиссельбург, проложенная в феврале 1943 г.

КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ ПОД МОСКВОЙ
5 декабря 1941 г. — 7 января 1942 г.

СОСТАВ СИЛ СТОРОН К НАЧАЛУ КОНТРНАСТУПЛЕНИЯ			
Силы	Советские войска	Немецкие войска	Соотношение
Личный состав (тыс. человек)	1100	1708*	1:1,6
Орудия и минометы	7652	13 500	1:1,8
Танки	774	1170	1:1,5
Самолеты	1000	615	1,6:1

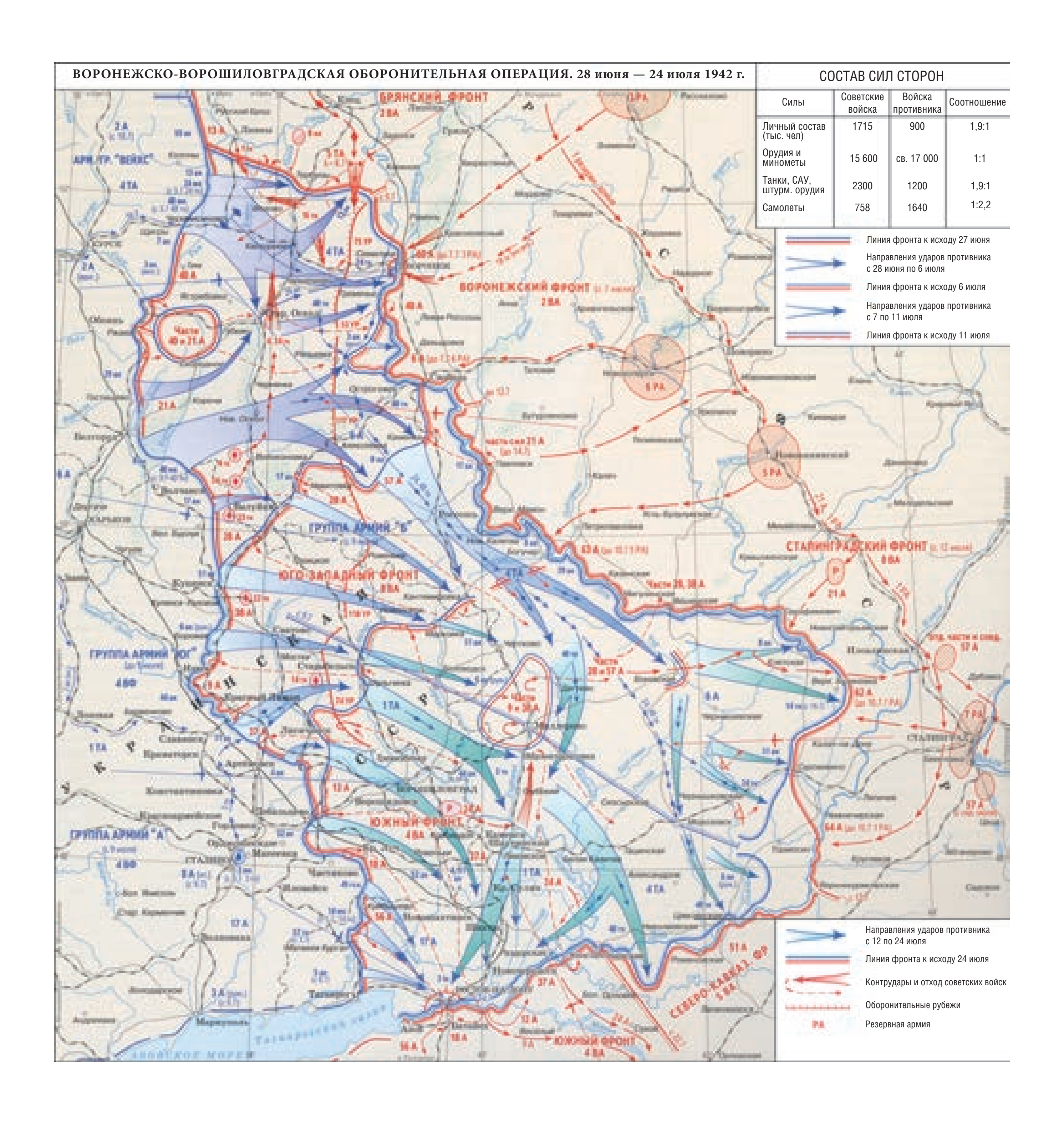
* Вместе с военно-воздушными силами

ОБЩЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ. Январь — апрель 1942 г.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА ВЕСНОЙ 1942 г. и ПЛАНЫ СТОРОН

ВОРОНЕЖСКО-ВОРОШИЛОВГРАДСКАЯ ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ. 28 июня — 24 июля 1942 г.

СОСТАВ СИЛ СТОРОН

Силы	Советские войска	Войска противника	Соотношение
Личный состав (тыс. чел)	1715	900	1,9:1
Орудия и минометы	15 600	св. 17 000	1:1
Танки, САУ, штурм. орудия	2300	1200	1,9:1
Самолеты	758	1640	1:2,2

танковых и моторизованной дивизии СС «Рейх» оказывал упорное сопротивление, проводя на отдельных участках контратаки. Лишь на следующий день части армии овладели населенным пунктом Крюково[44]. Войска 5-й армии под командованием генерала Л. А. Говорова, перешедшие в наступление утром 6 декабря, смогли продвинуться только на 2—3 км.

Ожесточенные бои вели части 9-й гвардейской стрелковой дивизии за поселок Снегири на Волоколамском шоссе (11 км юго-восточнее Истры). После неудачных фронтальных атак генерал А. П. Белобородов изменил тактику: с наступлением темноты он решил совершить обходный маневр, выйти на Волоколамское шоссе с фланга и нанести удар по снегиревской группировке противника с тыла. Внезапное появление подразделений полка в тылу частей моторизованной дивизии СС «Райх» вызвало среди немцев панику. Враг поспешно отступил, и дивизия, овладев поселком Снегири, продолжила наступление в сторону Истры[45].

В результате наступления армий правого крыла Западного фронта, начатого 6—7 декабря, создалось опасное положение для группы армий «Центр». Немецкое командование вынуждено было принимать срочные меры к спасению своих войск, оборонявшихся на солнечногорском и истринском направлениях. Одновременно оно стремилось во что бы то ни стало удержать позиции в районе Клина, так как его потеря угрожала катастрофой всему левому крылу группы армий «Центр». Прорыв 16-й армии в северо-западном направлении грозил окружением всей клинско-солнечногорской группировки. Этим и объяснялось упорное сопротивление врага.

Однако наряду с успехами, достигнутыми войсками правого крыла Западного фронта, имелись и просчеты в действиях частей и соединений. Помимо того что наступление велось невысокими темпами, бои носили преимущественно фронтальный характер, недостаточно применялись охваты и обходы оборонявшегося противника. С целью повышения темпов наступления командующий Западным фронтом 9 декабря издал директиву, в которой потребовал от всех командующих армиями категорически запретить ведение фронтальных боев. «Некоторые наши части вместо обходов и окружения противника выталкивают его с фронта лобовым наступлением, — говорилось в директиве, — вместо просачивания между укреплениями противника топчутся на месте перед этими укреплениями, жалуясь на трудности ведения боя и большие потери. Все эти отрицательные способы ведения боя играют на руку врагу, давая ему возможность с малыми потерями планомерно отходить на новые рубежи, приводить себя в порядок и вновь организовывать сопротивление нашим частям»[46]. В директиве требовалось шире применять обходы, а для этого формировать сильные ударные группы, имея в их составе танки, автоматчиков, конницу, которые во вражеском тылу должны уничтожать склады горючего и артиллерийскую тягу. Действия войск должны были обеспечиваться средствами противотанковой обороны, разведкой. Генерал Г. К. Жуков приказывал гнать немцев днем и ночью[47]. К моменту выхода этой директивы армии правого крыла Западного фронта, взаимодействуя с Калининским фронтом, продвинулись на глубину от 3 до 20 км в полосе протяженностью почти 290 км[48].

В результате успешного удара в южном направлении войска Калининского фронта выходили в тыл дмитровской группировки врага и тем самым содействовали Западному фронту в ее уничтожении. Кроме того, своими действиями, предпринятыми на сутки раньше, чем на Западном фронте, войска Калининского фронта сковали значительные силы противника, препятствуя их переброске в полосу соседнего, Западного фронта[49].

29-я армия под командованием генерала И. И. Масленникова перешла в наступление 5 декабря в 11 часов. Однако вместо того чтобы нанести один удар, предприняла наступление одновременно на трех участках фронта, к тому же удаленных один от другого на 7—8 км. Каждая из наступавших дивизий (246, 252 и 243-я стрелковые) наносила удары на 1,5-километровом участке. В результате атаковавшие части вклинились в оборону противника, но были им остановлены. 246-й и 252-й стрелковым дивизиям удалось по льду преодолеть р. Волга. На следующий день немцы предприняли сильные контратаки и вновь оттеснили советские части на левый берег Волги. По существу, и к концу пятого дня боев соединения 29-й армии оставались на тех же рубежах, с которых они начали наступление. А 31-я армия под командованием генерала В. А. Юшкевича, наоборот, достигла успеха. Передовые отряды

стрелковых дивизий армии уже в первый день наступления захватили плацдармы на правом берегу Волги. Введя в сражение свои главные силы, армия сумела к исходу 9 декабря продвинуться на 10–12 км и перерезать шоссе Калинин — Тургиново, тем самым создав угрозу тылу группировки противника в Калинине.

Этот город имел важное оперативное значение для вражеского командования, к тому же здесь находились большие запасы... материальных средств, а на аэродроме — значительное количество не готовых к вылету самолетов»[50]. Уже 6 декабря противник начал усиливать свои войска, действовавшие юго-восточнее Калинина. Командующий 9-й армией генерал А. Штраус снял с участка фронта западнее города две пехотные дивизии и поспешил перебросить их к юго-востоку. Не веря в контрнаступление советских войск, генерал Штраус был убежден, что «линия фронта юго-восточнее Калинина, где бои уже перешагнули кульминационный пункт, может быть удержана»[51].

Первые дни контрнаступления армий правого крыла Западного фронта (в историю эти действия вошли как Клинско-Солнечногорская наступательная операция) показали, что удар, предпринятый северо-западнее столицы, оказался для вражеского командования неожиданным. Выход соединений 30-й армии в район Клина создал угрозу разгрома главных сил всего левого крыла группы армий «Центр». В наибольшей опасности оказались 3-я и часть сил 4-й танковых групп. Несмотря на упорное сопротивление противника, войска Западного фронта продолжали продвигаться на клинско-солнечногорском направлении. К исходу 12 декабря они преодолели еще 7–16 км. Теперь линия фронта проходила северо-западнее, севернее и восточнее Клина и вплотную подошла к Истринскому водохранилищу и р. Истра. Противник, стремясь помешать наступлению советских войск, взорвал плотину. Бурлящий поток унес немало людей. Река разлилась, ее ширина увеличилась до 60 м, превратившись в серьезную водную преграду, к преодолению которой наступавшие части никак не были готовы. Наступление приостановилось. В то же время, чтобы удержать дороги, ведущие на запад, и обеспечить вывод главных сил 3-й и 4-й танковых групп на рубеж Волоколамск — Руза, неприятель продолжал упорно сражаться в районе Клина и Истринского водохранилища.

Наступление в целом развивалось недостаточно быстро. В действиях соединений и частей по-прежнему преобладали лобовые атаки укрепленных опорных пунктов противника, а не окружение их посредством охватов. Генерал Г. К. Жуков директивой от 13 декабря вновь потребовал от армий правого крыла энергичным наступлением завершить разгром противника. 30-й и 1-й ударной армиям предстояло частью сил окружить врага в районе Клина[52]. В директиве требовалось прекратить лобовые атаки укрепленных узлов врага, а «преследование вести стремительно, не допуская отрыва противника. Широко применять сильные передовые отряды для захвата узлов дорог, теснин, дезорганизации походных и боевых порядков противника»[53].

Выполняя приказ командующего фронтом, командиры соединений и объединений стремились перехватить пути отхода врага и окружить его. С этой целью командующий 30-й армией генерал Д. Д. Лелюшенко направил подвижную группу (82-я кавалерийская дивизия, 120-й мотострелковый полк 107-й мотострелковой дивизии, 145-й отдельный танковый и два отдельных лыжных батальона) во главе с полковником П. Г. Чанчибадзе в его тыл. Группа должна была стремительно продвигаться в направлении Павельцово — Теряева Слобода и отрезать противнику пути отхода на запад. 14 декабря группа вышла к Дятлово, что в 35 км западнее Клина, однако перехватить дорогу Клин — Волоколамск ей не удалось. Противник, действуя более крупными силами, остановил группу Чанчибадзе в 6 км к северу от этой коммуникации, а сам продолжил отводить свои части из Клина. 1-й ударной армии, несмотря на требования командующего фронтом об ускорении продвижения и ликвидации отставания от 30-й армии, так и не удалось в достаточной степени добиться этого. Штаб фронта вынужден был снова потребовать от генерала В. И. Кузнецова форсирования наступления с тем, чтобы главными силами выйти на Ленинградское шоссе — на участок между Клином и Солнечногорском[54]. Боевые действия 1-й ударной и 30-й армий на клинском направлении поддерживались авиационной группой под командованием генерала И. Ф. Петрова.

После боя в Подмосковье. Позиции немецких войск

Замерзший немецкий оберфельдфебель

Соединения 20-й армии, продолжая наступление на Солнечногорск, обходили город с трех сторон: с севера, юга и юго-запада. Однако их совместная атака 10 декабря была отбита противником. Лишь 12 декабря Солнечногорск был освобожден[55].

Выполняя указания командования вермахта о создании после себя «зоны пустыни», части и подразделения противника, отходя, сжигали и разрушали города, деревни и села.

В течение 11 и 12 декабря войска армий правого крыла Западного фронта продолжали наступление на прежних направлениях. Немецкое командование, организуя оборону Клина, стремилось одновременно с этим вывести из-под удара с севера свои главные силы. 30-я армия вела напряженные бои за Клин, отражая ожесточенные контратаки врага с запада и юга. Группа полковника Чанчибадзе, войдя в прорыв, вклинилась во вражескую оборону на 15 км[56]. Одновременно с этим из состава правофланговых соединений армии 12 декабря был выделен отряд с целью отрезать пути отхода немецкой группировки из района Завидово. Соединения 1-й ударной армии вели упорные бои с частями 6-й танковой и 23-й пехотной дивизий, пробиваясь к Ленинградскому шоссе.

Бои на подступах к Клину продолжались весь день 13 декабря и носили ожесточенный характер. Вражеский гарнизон отчаянно сопротивлялся, непрерывно переходя в контратаки. К исходу дня, сломив сопротивление врага, 371-я стрелковая дивизия подошла к северо-западной окраине Клина. Чтобы усилить действия соединений, требовались дополнительные силы, однако свободных войск в распоряжении командующего 30-й армией уже не было. Соседняя слева 1-я ударная армия к этому времени только подходила к городу с юга, а частью сил наступала в направлении на Высоковск, стремясь выйти на пути отхода противника. Клин был охвачен со всех сторон, но вражеский гарнизон продолжал сопротивляться.

Только в 2 часа 15 декабря, сломив сопротивление гитлеровцев, части 30-й армии с северо-востока, а 1-й ударной армии с юго-востока прорвались в центр Клина. Первым вошел в город 1263-й стрелковый полк 371-й стрелковой дивизии. После упорных уличных боев город был освобожден[57].

Клинская группировка противника (1, 6 и 7-я танковые, 14-я моторизованная дивизии, часть сил 255-й пехотной дивизии), потерпев поражение, отходила на запад и юго-запад. Соединения 30-й и 1-й ударной армий, закрепив свое положение на рубеже Ленинградского шоссе, продолжали преследовать врага. К 16 декабря они вышли на линию Троицкое — Павельцово — Захарово — Власково. Подвижная группа 30-й армии по-прежнему стремилась перехватить шоссе в районе Теряевой Слободы.

Успешно наступали части и соединения 16-й армии. За два дня они продвинулись вперед от 10 до 16 км, достигнув Истринского водохранилища и р. Истра. На левом фланге оперативная группа генерала А. П. Белобородова, сломив сопротивление частей моторизованной дивизии СС «Рейх» и 10-й танковой дивизии, 11 декабря освободила г. Истру. Части 16-й армии пытались преодолеть Истринское водохранилище. Однако после взрыва плотины лед опустился на 3—4 метра и у западного берега покрылся полуметровым слоем воды. Кроме того, на этом берегу, который являлся довольно серьезным естественным препятствием, заняли оборону части пяти дивизий противника. Самопожертвование и героизм проявили воины-сибиряки генерала Белобородова, москвичи-ополченцы 18-й и бойцы 354-й стрелковых дивизий во главе с полковниками П. Н. Чернышевым и Д. Ф. Алексеевым. Под огнем противника они вновь и вновь пытались преодолеть ледяной поток, захватить плацдармы и, пользуясь подручными материалами, навести переправы.

13 декабря немецкая артиллерия разрушила только что наведенный мост севернее Истры, а 14-го она уничтожила переправу южнее города. Этим соединениям волей-неволей пришлось вести фронтальное наступление на неприятельскую оборону. Осуществить тогда тактические обходы и охваты не имелось никакой возможности, ибо занятое противником естественное препятствие проходило через всю полосу армии, то есть свыше 30 км. В такой ситуации маневр войск мог быть организован только командованием оперативного звена[58].

Для наступления в обход водохранилища с севера, а реки с юга генерал Рокоссовский сформировал несколько подвижных групп. Одну группу (44-я кавалерийская дивизия, 145-я танковая и 17-я стрелковая бригады) возглавил генерал Ф. Т. Ремизов, другую (1-я гвардейская и 17-я танковые, 40-я стрелковая бригада и 89-й отдельный танковый батальон) — генерал М. Е. Катуков. Генерал Г. К. Жуков, передав на усиление 5-й армии 2-й гвардейский кавалерийский корпус генерала Л. М. Доватора, два отдельных танковых батальона и другие части, потребовал от командующего 5-й армией генерала Л. А. Говорова использовать их в качестве армейской подвижной группы. Все три группы 13 декабря были введены в сражение. Особенно впечатляющих результатов на этом этапе контрнаступления добилась подвижная группа Л. М. Доватора. В одной из сводок группы армий «Центр» говорилось: «Дивизии 9-го армейского корпуса... принуждены бросить большую часть своего тяжелого оружия и материальной части... Организация нового фронта не удалась. От 78-й пехотной дивизии сведений нет... она окружена с запада»[59].

Успешно действовали и другие подвижные группы. Группа Чанчибадзе к исходу 16 декабря вела бои в 17 км северо-восточнее Волоколамска, группа Ремизова, только накануне переданная в состав 20-й армии, вышла на рубеж в 16 км западнее Истринского водохранилища, а группа Катукова продвинулась на 24 км западнее р. Истра[60]. Правофланговые соединения 5-й армии по распоряжению штаба фронта содействовали частям левого фланга 16-й армии в преодолении р. Истра и Истринского водохранилища. Сюда перебрасывалась 336-я стрелковая дивизия из состава 60-й армии.

Однако, несмотря на принятые меры, наступление войск фронта в эти дни велось все же недостаточно быстро. В действиях частей и соединений по-прежнему наблюдались лобовые атаки укрепленных опорных пунктов противника. Поэтому командование фронта вновь потребовало от армий правого крыла быстрее завершить разгром отступающего противника и к исходу 18 декабря выйти на фронт Степурино — Шаховская — Осташево — Маурино. При этом 1-я ударная и 30-я армии должны были частью сил окружить вражескую группировку в районе Клина. Категорически запрещалось проведение лобовых атак укрепленных пунктов врага, приказывалось в этом случае первым эшелонам обходить их и продолжать наступление далее, возлагая уничтожение противника в укреплениях на последующие эшелоны.

20-й армии после овладения Солнечногорском предписывалось к исходу 16 декабря выйти в район Колпаки — Ново-Петровское и перехватить пути отхода 11-й и 5-й немецких танковых дивизий, оборонявшихся на западном берегу Истринского водохранилища. Армия была усилена подвижной группой генерала Ремизова, перед которой стояла задача к утру 17 декабря овладеть Волоколамском[61]. Сосредоточив основные усилия на своем правом фланге и в центре, с утра 14 декабря во взаимодействии с 1-й ударной и 16-й армиями она продолжила наступление. Противник, сбиваемый с промежуточных рубежей, поспешно отходил на юго-запад, бросая в большом количестве технику и вооружение. Только за один день боев были захвачены 32 противотанковых орудия, 14 станковых пулеметов, 106 автомашин, 15 мотоциклов, несколько складов и другие трофеи[62].

Агрессор при отходе взрывал мосты, минировал дороги, устраивал завалы. Всё это и глубокий снежный покров замедляли темп наступления. Кроме того, частям и соединениям приходилось прорывать оборону, подготовленную противником по р. Катыш. Наступление велось при господстве в воздухе вражеской авиации.

16-я армия, стремившаяся в течение 13 декабря форсировать Истринское водохранилище, вначале успеха не имела. Враг упорно сопротивлялся, предпринимая все меры, чтобы удержать выгодный рубеж. Он подорвал дамбу и полностью уничтожил все переправы. Однако упорство войск и командования 16-й армии, организовавшего умелое наступление подвижными группами в обход водохранилища с севера и юга, обеспечили в дальнейшем успех[63].

Немецкое командование планомерно отводило свои части. Подвижные группы Ф. Т. Ремизова и М. Е. Катукова в тесном взаимодействии с частями 20-й и 5-й армий обошли Истринское водохранилище с севера и перехватили пути отхода противника на запад и юго-запад[64].

Соединения 16-й и 5-й армий, преодолев истринский рубеж, развивали наступление на Волоколамск, Осташево, Рузу. Успешно действовал 2-й гвардейский кавалерийский корпус, совершавший рейд по тылам врага. Разгромив арьергарды 255-й немецкой дивизии, конники вышли в тыл врага в момент его отхода на запад с рубежа Истра — Звенигород. К 9 часам 15 декабря корпус достиг района Сафониха — Шейно — Петрово.

Успешные действия кавалеристов сорвали план немецкого командования по усилению левого крыла своей северной группировки за счет переброски 57-го моторизованного корпуса, действовавшего ранее северо-восточнее Малоярославца. Совместными усилиями 16-я и 5-я армии создали благоприятные условия для продвижения советских войск к р. Руза.

Противник лихорадочно принимал меры, чтобы остановить продвижение советских войск. Против 5-й армии он ввел 3-ю моторизованную дивизию 57-го армейского корпуса. Одновременно с этим в район западнее р. Руза он подтягивал и 20-ю танковую дивизию, находившуюся в резерве 4-й армии в районе Волоколамска. Кроме того, к участку прорыва 5-й армии противник перебрасывал и отдельные части 255-й пехотной дивизии. Делая запись в своем дневнике, генерал Гальдер 15 декабря 1941 г. отметил, что считает обстановку на участке фронта по р. Руза «неприятной», в этот район были направлены 19-я танковая и 3-я моторизованная дивизии[65].

Освобождение Клина и продвижение войск Западного фронта способствовали борьбе советских войск за г. Калинин. Соединения Калининского фронта продолжали штурмовать областной центр. К разгрому калининской группировки врага привлекались соединения не только 29-й, как это имело место ранее, но и часть сил 31-й армии. Об активности войск фронта свидетельствует такая выдержка из сводки штаба ОКВ за 12 декабря: «Отбито 11 атак противника с северо-востока и севернее Калинина»[66]. Но добиться полной реализации поставленной цели им все-таки не удалось. Немецкое командование продолжало подтягивать и перегруппировывать силы.

Окружить и разгромить калининскую группировку врага у фронта не хватало сил. В отличие от Западного Калининский фронт к началу контрнаступления получил на усиление всего одну стрелковую дивизию, 10 декабря — один танковый батальон, 13 декабря — еще один батальон, 16 декабря — две стрелковые дивизии. В период боев за Калинин немцы превосходили войска этого фронта в людях в 1,5 раза, а в артиллерии — в 2,2 раза[67]. В таких условиях германское командование имело возможность выделить необходимые силы для удержания шоссе Калинин — Старица, а ведь это была единственная дорога, по которой немецкие соединения могли отойти на промежуточную позицию. Причем выделенные части активно противодействовали всем попыткам 29-й армии перерезать эту артерию. Только 14 декабря 110-я пехотная дивизия провела три последовательные контратаки, лишь бы не допустить подхода русских к трассе[68].

Ставка ВГК передала в состав фронта, кроме того, вновь сформированную 39-ю армию (шесть стрелковых и две кавалерийские дивизии). Сосредоточение армии намечалось в районе Торжка с 14 по 24 декабря. Ставка потребовала от генерала И. С. Конева силами 31-й и 29-й армий освободить Калинин, а остальным продолжать наступление на юго-запад, чтобы совместно с войсками правого крыла Западного фронта разгромить противника[69].

Однако наступление, начатое 13 декабря, развивалось крайне медленно. Ни в этот, ни на следующий день соединениям 29-й и 31-й армий прорвать вражескую оборону не удалось. Не хватало огневых средств для ее подавления. Разгорелись ожесточенные бои. Силы противника таяли. Резервов не хватало. Но и советские войска действовали слабо. Так, соединения ударной группировки 29-й армии, как и в предыдущие дни, взаимодействовали нечетко. Удар в направлении на Даниловское не был в достаточной степени подготовлен, в результате противник удержал за собой этот населенный пункт.

Определенный успех имели 5-я стрелковая и 46-я кавалерийская дивизии 31-й армии, освободившие во второй половине дня несколько населенных пунктов. Остальные соединения армии успеха не имели. Большую помощь войскам Калининского фронта, штурмующим Калинин, оказали соединения 30-й армии Западного фронта, вышедшие к р. Лама,

Разминирование территории

Истребитель готов к вылету на боевое задание

чем создали угрозу тылу 9-й армии противника. Устойчивость ее обороны у Калинина в связи с этим была подорвана, к тому же атаки советских войск в этом районе становились все активнее.

Вражеское командование в ночь на 16 декабря начало вывод войск из Калинина. Противнику удалось провести эту операцию, несмотря на потери, которые, например, в его 9-й армии составили 12% орудий и минометов и свыше 43% танков[70]. Обнаружив отход вражеских войск, 243-я и 252-я стрелковые дивизии 29-й армии заняли северную часть города. К 11 часам в бой за город вступили и части 256-й стрелковой дивизии 31-й армии. К 13 часам Калинин был полностью освобожден[71]. Части противника, не успевшие выйти из города, были уничтожены.

В итоге беспрерывного 11-дневного наступления армии левого крыла Калининского фронта продвинулись от 10 до 22 км, хотя в этот период не удалось добиться полного уничтожения калининской группировки противника. Одна из главных причин этого — дефицит в силах и средствах. Усиление войск Калининского фронта в более или менее значительных размерах началось лишь со второй половины декабря, когда выгодный момент для окружения и уничтожения противника был упущен. Поставленные фронту задачи явно превышали возможности войск. Впрочем, в подобной ситуации находились тогда и остальные фронты и армии.

И все-таки освобождение Калинина стало крупным оперативным успехом советских войск, обеспечившим продвижение правого крыла Западного фронта и создавшим более выгодные условия для развития дальнейшего наступления Калининского фронта в юго-западном направлении. Ему передавалась из Западного фронта 30-я армия. Ее задача — нанести удар в тыл 9-й армии. Левым флангом 30-й армии предстояло занять Старицу, а правым — перерезать все пути сообщения калининской группировки противника с юга и юго-запада.

Таким образом, несмотря на большие трудности и недостатки, контрнаступление развивалось успешно. Войска Западного фронта за 11 дней продвинулись на своем правом крыле от 30 до 65 км. Армии левого крыла Калининского фронта преодолели расстояние от 10 до 22 км. Итак, на ближних подступах к Москве, к северу и северо-западу от нее, отборные войска вермахта впервые потерпели значительное поражение. 3-я и 4-я немецкие танковые армии вынуждены были поспешно отступать на рубеж рек Лама и Руза.

Однако темп наступавших частей и соединений был сравнительно невысок, хотя в целом и превышал среднюю скорость движения противника в его ноябрьском наступлении на Москву[72]. Основными причинами низких темпов наступления советских войск являлись: нарушение взаимодействия войск, определение задач без учета возможностей соединений и объединений, применение, как правило, лобовых атак опорных пунктов и укрепленных позиций врага, недостатки в управлении войсками.

В то время как армии правого крыла Западного и левого крыла Калининского фронтов медленно продвигались вперед севернее и северо-западнее Москвы, в районе Тулы войска левого крыла Западного фронта силами 49-й, 50-й армий и группы генерала П. А. Белова добились больших успехов. Они завершили ликвидацию прорыва противника на шоссе Тула — Серпухов. Одновременно с этим на рубеж Зарайск — Захарово — Пронск выдвигалась вновь сформированная 10-я армия. Разгром вражеской группировки южнее Лаптева сыграл существенную роль в изменении обстановки в этом районе. Было восстановлено движение на шоссе Москва — Тула. 4-я немецкая танковая дивизия, потеряв почти все танки, оказалась разбитой, а ее остатки отошли в район Узловой. На правом фланге 50-й армии были отбиты утраченные ранее позиции. Потерпела неудачу попытка противника окружить и уничтожить советские войска под Тулой. Коридор между окружавшими город группировками противника с севера был расширен с 6—8 км до 32—34 км, что вполне обеспечивало снабжение войск 50-й армии и самой Тулы. Успеху севернее Тулы способствовали активные действия группы генерала П. А. Белова, действовавшей на веневско-новомосковском направлении. К исходу 7 декабря соединения группы нанесли поражение частям 17-й танковой, 167-й пехотной и 29-й моторизованной дивизий и вышли на рубеж Сосновка — Барсуки.

На посту на отбитом у немцев железнодорожном разъезде. В снегу — тела убитых немецких солдат

Поддержка атакующей пехоты

Успеху армий левого крыла Западного фронта способствовало неудачное расположение соединений 2-й танковой армии генерала Гудериана. Пробиваясь с юга к Москве, к 6 декабря они оказались растянутыми на 350-километровом фронте по дуге, проходившей через Тулу, Мордвес, Серебряные Пруды, Михайлов и Чернаву. Большая часть 2-й немецкой танковой армии была скована активными действиями советских войск. Ее правый фланг оказался плохо обеспечен из-за множества разрывов и низкой оперативной плотности войск (одна дивизия на 23 км фронта)[73], чем воспользовалось командование Западного фронта. Оно нанесло удар во фланг и тыл основной группировки противника, где соотношение сил в пользу 10-й армии составляло в людях в 2,5 раза, а в артиллерии — в 1,5 раза[74]. Наступление с выдвижением войск из глубины непосредственно из района сосредоточения обеспечило внезапность удара, о чем германский историк К. Рейнгардт писал: «Соединения 10-й армии... атаковали незащищенный восточный фланг танковой армии Гудериана... вызвав панику в немецких войсках»[75].

Немецкое командование, стремясь сдержать наступление советских войск арьергардами, свои главные силы отводило на южный берег р. Остер, на фронт Дедиловские Выселки — ст. Кораблевка. Туда же перебрасывались свежие части 25-й моторизованной дивизии, бывшие до этого в резерве генерала Гудериана. Наконец, большое влияние на улучшение обстановки в районе Тулы и Венева оказал переход 10-й армии под командованием генерала Ф. И. Голикова в наступление. Используя благоприятную ситуацию, соединения армии выбили противника из Пояркова, Михайлова, Серебряных Прудов и к исходу 7 декабря продвинулись почти на 30 км в глубину расположения противника. В тот момент перед советским командованием открылась перспектива не только расчленить, но и окружить восточнее Тулы часть сил танковой армии Гудериана. Дело в том что более трети ее состава оказалось в 50—90 км севернее и северо-восточнее Дедилова в оперативном мешке. В то же время соединения 10-й армии вышли на рубеж, удаленный на 65 км к востоку от Дедилова, а 50-я армия оборонялась в 25 км севернее. Для затягивания горловины мешка от обеих армий требовалось нанести встречные удары в направлении этого поселка. Причем им предстояло преодолеть расстояние в 1,5—2 раза меньшее, чем противнику. Вот почему командование Западного фронта решило привлечь для нанесения ударов от Тулы в южном и юго-восточном направлениях и 50-ю армию[76].

Командование 50-й армии воспользовалось создавшимся положением для нанесения удара в направлении Михайлова — Ново-Московска. Своей основной группировкой армия уже к исходу первого дня наступления вышла на ближние подступы к Михайлову и на рубеж Печерники — Высокое. Сформированные соединения армии вступали в сражение с ходу.

В ночь на 7 декабря начались бои за город Михайлов. После короткой артиллерийской подготовки части 330-й стрелковой дивизии полковника Г. Д. Соколова в ночном бою разгромили гарнизон противника и к утру освободили город. Враг начал отход в южном и юго-западном направлениях. В период боев за Михайлов враг потерял только убитыми до 250 человек, а также 18 орудий, один танк, пять бронемашин, девять ручных пулеметов, 18 мотоциклов, свыше 200 автомашин, большое количество боеприпасов и прочего, а также штабные документы трех полков[77].

К исходу 7 декабря части 50-й армии в скоротечном бою захватили населенный пункт Серебряные Пруды, что явилось для немецкого командования полной неожиданностью[78]. По свидетельству пленных, когда фашистские солдаты услышали орудийную стрельбу с трех сторон, они сочли себя окруженными и в панике бросились бежать, оставив склады с продовольствием, автомашины, средства связи и другое имущество[79]. Остальные соединения армии, не встречая на своем пути особого сопротивления, продолжали наступление.

Фронтовая авиация, 6-й корпус ПВО и дальнебомбардировочные авиадивизии активно поддерживали действия наземных войск. Бомбардировочные авиадивизии также наносили удары по железнодорожным узлам и коммуникациям.

Командование 2-й немецкой танковой армии, боясь окружения своих войск восточнее Тулы, отдало приказ о выводе их из мешка на рубеж рек Шат и Дон. От остальных частей

Сдача немецких солдат под Москвой

Брошенный при немецком отступлении бронетранспортер

армии оно потребовало усилить противодействие наступавшим советским войскам. Выполняя распоряжение Гудериана, четыре дивизии 2-й танковой армии уже к утру 8 декабря отошли на 17—25 км к юго-западу и югу от занимаемых накануне рубежей, а 4-я танковая дивизия, которая еще 5 декабря пыталась обойти Тулу с севера и завершить окружение города, к рассматриваемому времени «полностью переправилась через р. Шат и достигла района восточнее и юго-восточнее Дедилова»[80]. В связи с тем что войска 10-й армии наступали на Ново-Московск с востока и выходили в тыл 53-го армейского корпуса, его командир генерал В. Вайзенбергер вынужден был отдать приказ на отход своих частей из района Мордвеса на юг, к Веневу.

Таким образом, результаты боевых действий на левом крыле Западного фронта за 6 и 7 декабря сорвали удар противника на Москву с юга. Хотя в ходе боевых действий наступил перелом, обстановка в районе Тулы продолжала оставаться сложной: немецкое командование при получении дополнительных сил и средств могло возобновить наступление.

Используя сложившуюся обстановку, командование Западного фронта приняло решение наступлением 50-й армии генерала И. В. Болдина разгромить основные силы 2-й танковой армии Гудериана в районе Тула — Ново-Московск — Плавск. С этой целью к наступлению привлекались все силы 50-й армии. Перед ней была поставлена задача ударом из района Тулы в южном направлении отрезать пути отхода противнику на запад. Командующий 50-й армией генерал И. В. Болдин принял решение нанести удар в южном и юго-восточном направлениях, а правофланговыми соединениями наступать в юго-западном направлении на Воскресенское.

Атака началась 8 декабря. Противник упорно сопротивлялся. За два с лишним дня наступательных боев соединения армии сумели продвинуться лишь на 3—5 км. А уже к исходу следующего дня немецкая 296-я пехотная дивизия восстановила положение юго-восточнее Тулы[81]. Столь низкая эффективность действий 50-й армии объясняется общей слабостью ее войск. Еще 6 декабря генерал Жуков в своей докладной записке Верховному главнокомандующему сообщил: «Части 50-й армии, защищающие Тулу, понесли за последние два дня большие потери. Резервов нет... Прошу помочь тов. Болдину выброской на автотранспорте в Тулу одной стрелковой бригады и одного танкового батальона. Помощь необходима, так как действия Голикова и Белова, видимо, будут развиваться не так быстро»[82].

В связи с низким темпом продвижения и рассредоточенностью ударов 50-й армии командование фронта 11 декабря приказало генералу И. В. Болдину объединенными ударами войск армии с флангов отрезать пути отхода противнику на юг, а затем окружить и разгромить его южнее Тулы. С этой целью армия должна была нанести два удара с выходом обеих группировок в район Озерки.

Однако попытки прорвать оборону врага не удались. Недостаточно мощная артиллерийская и авиационная подготовка сказалась на результатах наступления армии. Успех сопутствовал лишь 258-й стрелковой дивизии генерала М. А. Сиязова, части которой, продвинувшись на 20—26 км, вышли к р. Упа на участке Борщевка — Воскресенское и вбили клин между 296-й и 31-й пехотными дивизиями врага. Но выполнить задачу в целом — уничтожить группировку врага южнее Тулы — не удалось. Генерал Гудериан спешно выводил части 4-й танковой дивизии из этого района, спасая их от разгрома. Одновременно он осуществлял перегруппировку своих войск, пытаясь задержать продвижение советских войск южнее Тулы и обеспечить выход главных сил своей армии из-под ударов группы генерала Белова и 10-й армии. Этим и объясняются причины упорного сопротивления противника, которое приходилось преодолевать соединениям генерала Болдина.

Враг усиливал сопротивление и на других участках. К 9 декабря он ввел в сражение 112-ю пехотную дивизию, которая совместно с отошедшими частями заняла оборону на рубеже западный берег р. Шат — Шатское водохранилище — р. Дон. Опираясь на эти естественные препятствия, немцы остановили 10-ю армию, части которой к тому моменту успели продвинуться на глубину до 60 км. Однако все попытки ее соединений преодолеть эту позицию оказались тщетными.

По-прежнему успешно действовала группа (две кавалерийские, стрелковая и танковая дивизии, танковая бригада) генерала П. А. Белова на веневском направлении, перешедшая в наступление 8 декабря. Отбросив части 17-й танковой, 167-й пехотной и 29-й моторизованной дивизий на юг, соединения группы утром 9 декабря заняли Венев и начали быстро продвигаться в южном направлении. К исходу 10 декабря группа главными силами вышла на рубеж Пожилки — Урусово. Стремление остановить наступление группы заставило немецкое командование взорвать плотину на р. Шат в районе Петрово. Однако, обходя затопленные участки, части группы Белова прорвали оборону врага на реке и 11 декабря после упорных боев освободили Сталиногорск (Ново-Московск). Продолжая наступление, группа, частью сил переправившись на южный берег реки, к исходу 12 декабря освободила Масловку.

Уточняя задачи, генерал Г. К. Жуков приказал: совместными усилиями войск группы Белова и 50-й армии окружить и уничтожить немецкую группировку, действовавшую южнее Тулы, а 10-й армии — нанести удар на Плавск[83]. Этот приказ говорит о том, что командующий Западным фронтом предпринял попытку окружить противника южнее Тулы. Одновременно Жуков сместил ось удара главных сил 10-й армии с направления Сталиногорск — Дедилово на линию Епифань — Плавск. Сделал он это с целью обхода наиболее сильного узла в обороне противника и глубокого охвата его группировки с юга.

Используя успех 50-й армии и группы генерала П. А. Белова, продолжала наступление и 10-я армия. Под ее ударами отходила 2-я немецкая танковая армия. Чтобы не дать танковым соединениям противника уйти из-под удара, начальник штаба Западного фронта потребовал от командующего 10-й армией ускорить перегруппировку.

Наступление на Епифань началось только утром 12 декабря, но безуспешно. Противник, опираясь на хорошо укрепленные здания, оказывал упорное сопротивление. К этому времени другие соединения армии вышли к Верхнему Дону на фронте Иван-Озеро — Епифань, но, встретив сопротивление вражеских частей, остановились. Правый берег Дона противник подготовил к упорной обороне. Здесь были сооружены окопы, дзоты, каменные здания приспособлены к обороне, перед передним краем устроены проволочные и другие инженерные препятствия. Кроме того, берега Дона местами были эскарпированы, а некоторые участки усилены искусственным обледенением. В контратаках кроме пехоты противник использовал танки и бронемашины[84].

Несмотря на наступление советских войск по сходящимся направлениям, противнику удавалось избегать окружения восточнее и южнее Тулы. Отсутствие у войск левого крыла Западного фронта моторизованных средств и глубокий снег на дорогах мешали им увеличить темпы наступления. Соединения и части 50-й армии южнее Тулы сдерживались организованным сопротивлением войск 2-й танковой армии.

13 декабря командование Западного фронта уточнило задачи войскам левого крыла. Все усилия направлялись на разгром противника в районе Плавска, Богородицка, Узловой[85]. 49-й армии генерала И. Г. Захаркина было приказано в течение 14—15 декабря разгромить алексинскую группировку противника и развивать наступление в общем направлении на Недельное. 50-й армии предписывалось ударом в направлении Щекино во взаимодействии с группой генерала П. А. Белова разгромить тульскую группировку врага. Группа генерала Белова к исходу 16 декабря должна была выйти в район Крапивны. 10-я армия получила приказание главный удар нанести на Богородицк. Во взаимодействии с группой Белова она должна была разгромить противника в районе Узловая — Богородицк — Плавск и главными силами к исходу 16 декабря выйти в район Плавска. От войск требовалось вести преследование стремительно, не допуская отрыва вражеских частей, запрещались лобовые атаки узлов сопротивления, уничтожение врага должно было осуществляться преимущественно посредством обходов, охватов и окружения.

Соединения 50-й армии, реализуя приказ Жукова, возобновили наступление, но вновь встретили ожесточенное сопротивление противника, который успел уплотнить свои боевые порядки за счет отходивших частей. Поэтому, несмотря на сосредоточение дополнительных войск, генералу Болдину изменить соотношение сил не удалось. В итоге двухдневные бои

В перерыве между боями

опять оказались бесплодными. Успешными были лишь действия 258-й стрелковой дивизии генерала М. А. Сиязова, которая получила задачу нанести вспомогательный удар. Ее части, наступая с исходного рубежа в 12–20 км северо-западнее Тулы, ударили по стыку 31-й и 296-й пехотных дивизий врага и прорвали их общий фронт. К исходу 12 декабря они продвинулись в западном и юго-западном направлениях на 20–26 км, создав в обороне немцев брешь шириной почти 20 км. К 16 декабря глубина их продвижения уже достигла 35 км, а ширина — 25 км. К этому же времени обозначился успех и на южном направлении. Своими центральными соединениями армия продвинулась на 15 км[86]. Подойдя к северной окраине Щекина, она завязала упорные бои с 3-й немецкой танковой дивизией и подразделениями полка СС «Великая Германия». Упорно обороняясь на подготовленном рубеже, противник к 16 декабря успел вывести из боя части 4-й танковой дивизии и сосредоточить их в районе Крапивна — Плавск.

На левом крыле группа генерала П. А. Белова вышла к р. Упа. Преодолев сопротивление врага, части 2-й гвардейской кавалерийской дивизии под командованием полковника Н. С. Осликовского после ночного боя на рассвете 14 декабря овладели ст. Узловая (9 км юго-западнее Сталиногорска). Утром следующего дня 1-я гвардейская кавалерийская дивизия освободила Дедилово, а 322-я стрелковая дивизия — Быково.

В тот же день войска 10-й армии штурмом взяли Богородицк, продолжая наступление в сторону Плавска. 10-я армия вела наступление на Богородицк, Плавск в тесном взаимодействии с соединениями 50-й армии и группы генерала Белова. При выполнении поставленных задач достигался глубокий охват 2-й танковой армии врага и воспрещался отход ее на новый

промежуточный рубеж. 14 декабря части 10-й армии штурмом взяли Богородицк и, продолжая развивать наступление, к исходу 16 декабря вышли на рубеж Кобелево — Плесы. Но главное, 14 декабря в контрнаступление включилась еще одна армия — 49-я, возглавляемая генералом И. Г. Захаркиным, с задачей разгромить алексинскую группировку противника[87]. К исходу 16 декабря она продвинулась от 5 до 15 км, прикрывая справа войска 50-й армии, наступавшие южнее Тулы.

Быстрое продвижение советских войск в направлении Одоево — Белёво заставило командование группы армий «Центр» принимать срочные меры по ликвидации бреши во фронте и спасению 2-й танковой армии. Из состава 4-й полевой армии на угрожаемый участок были направлены четыре батальона 137-й пехотной дивизии. Других резервов у немецкого командования не было[88]. Неся большие потери, бросая оружие и военную технику, соединения танковой армии отходили на запад. Теперь окружение главных сил этой армии зависело от темпов продвижения 10-й армии Западного фронта.

В полосе правого крыла Юго-Западного фронта действовала 2-я немецкая полевая армия под командованием генерала Р. Шмидта, которая наступала вплоть до 6 декабря, а потому подготовленной обороны не имела. Противник рассчитывал относительно спокойно укрепиться на зимней позиции, которую планировал создать в районе Ельца, а перед ней сделать «зону пустыни» глубиной 15—20 км, в пределах которой он намеревался разрушить все жилые дома и постройки. Уже обсуждался вопрос и об уничтожении Ельца и его населения (50 тыс. человек)[89]. Но вместо ожидаемой «зимней спячки» немцы попали здесь в наихудшее по сравнению со всеми остальными войсками Бока положение.

На елецко-ливненском направлении, где наносился вспомогательный удар, начала действовать 13-я армия под командованием генерала А. М. Городнянского. Главный удар она наносила на Елец. Оперативная группа генерала К. С. Москаленко (55-я кавалерийская, 307-я стрелковая дивизии, 150-я танковая бригада)[90], поддерживаемая ВВС фронта, наступала в направлении Тросна — Казаки. Одновременно с этим она препятствовала подходу вражеских резервов со стороны Ефремова и Ливны. В первый день войска армии не достигли сколько-нибудь значительного территориального успеха, но зато они отвлекли внимание противника от направления главного удара фронта, вынудив германское командование снять отсюда часть сил для противодействия соединениям 13-й армии. Это дало возможность ударной группе фронта, возглавляемой генералом Ф. Я. Костенко, нанести утром 7 декабря внезапный удар по ослабленной немецкой группировке. В тот же день 13-я армия завязала бои непосредственно за г. Елец. Враг оказывал упорное сопротивление, но в ночь на 9 декабря под угрозой окружения его части стали выходить из города. Елец был освобожден. На другой день войска армии наступали уже во всей полосе. Попытки немцев задержать их успеха не имели. 10 декабря части генерала Городнянского продвинулись от 6 до 16 км, а противник поспешно отступал в западном и северо-западном направлениях.

Одновременно с 13-й армией юго-западнее Ельца вела наступление ударная группа фронта под командованием генерала Ф. Я. Костенко. Ее левофланговые соединения 7 декабря смогли продвинуться всего на 2—4 км. А правофланговые войска, удачно использовав ослабление противостоявшей группировки, продвинулись почти на 15 км. В последующие дни соединения группы генерала Костенко, развивая наступление в северном направлении, отбрасывали части 45-й и остатки 95-й пехотных дивизий противника. К полудню 10 декабря части группы, преодолев с боями расстояние в 45 км, перерезали главную коммуникацию врага — дорогу Ливны — Елец и отсекли немцам пути отступления на запад. По этому поводу Гальдер в своем дневнике записал: «Снабжение войск 34-го армейского корпуса нарушено. Противник перерезал пути подвоза корпуса»[91]. За четыре дня боев, с 7 по 10 декабря, войска группы захватили у противника 74 орудия, 37 минометов, 74 пулемета, 139 автомашин, 31 мотоцикл, 270 лошадей, 103 повозки и другие трофеи[92].

Наступление Юго-Западного фронта в районе Ельца встревожило немецкое командование. Обеспокоенное создавшимся положением в районе Ливны, оно спешно перебрасывало в район Орла части и соединения, снимая их с других участков фронта: 22-ю охранную

дивизию из резерва 2-й полевой армии, часть сил 56-й пехотной дивизии из состава 2-й танковой армии, 1-ю пехотную бригаду СС из Орла. Готовилась к переброске из-под Тулы 29-я моторизованная дивизия. Группа армий также запросила помощь у главного командования сухопутных сил[93].

Группа Ф. Я. Костенко продолжала наносить удары по врагу. Несмотря на низкое обеспечение танками и артиллерией, соединения группы продвигались вперед, выходя во фланг и тыл отходившей от Ельца вражеской группировке и перехватывая пути ее отступления на запад. Смело и решительно действовал 5-й кавалерийский корпус под командованием генерала В. Д. Крючёнкина с приданной ему 32-й кавалерийской дивизией. Противник, теснимый советскими войсками с востока и юга, стремился во что бы то ни стало вырваться из мешка.

В этой обстановке командование Юго-Западного фронта уточнило задачи войскам, стремясь замкнуть кольцо окружения основных сил елецкой группировки противника и завершить ее разгром. Для этого ему нужно было решить две основные задачи: увеличить темп наступления и изменить направления ударов 13-й армии и группы Костенко, нацелив их на Верховье. В целом этому благоприятствовала и общая обстановка. Так, соседняя 3-я армия под командованием генерала Я. Г. Крейзера, используя успехи войск левого крыла Западного фронта, перешла всеми своими силами в наступление. Южнее группы Костенко двинулась вперед 40-я армия. С учетом этого маршал С. К. Тимошенко приказал 13-й армии усилить темп наступления и к исходу 13 декабря выйти на рубеж Верховье — Ливны и южнее для создания внешнего фронта окружения. Группе Костенко предстояло создать внутренний фронт окружения елецко-ливненской группировки врага, а затем завершить ее разгром[94].

Войска правого крыла Юго-Западного фронта устремились вперед. К исходу 12 декабря группа Ф. Я. Костенко перерезала пути отхода елецкой группировке врага на запад и юго-запад. К этому времени войска 13-й армии, усиленные 57-й стрелковой бригадой НКВД, преодолевая сопротивление вражеских частей, за два дня продвинулись до 15 км и вошли в непосредственное соприкосновение на своем левом фланге с правофланговыми частями группы генерала Костенко. Елецкая группировка врага, отброшенная в район Орево-Петровское — Успенское — Измалково, оказалась почти в окружении. Генерал Гальдер в своем служебном дневнике 12 декабря записал: «134-я и 45-я пехотные дивизии вообще более не боеспособны. Снабжение отсутствует, командование войск на участке фронта между Тулой и Курском потерпело полное банкротство»[95]. Полное окружение елецкой группировки завершилось к исходу 16-го, когда левофланговые соединения 3-й армии вышли к поселку Судбищи (68 км северо-западнее Ельца).Обстановка на правом крыле группы армий «Центр» обострилась. В результате фельдмаршалу Боку пришлось сосредоточить управление войсками на участке между Тулой и р. Тим в одних руках. 12 декабря он передал 2-ю армию в подчинение 2-й танковой армии, создав армейскую группу «Гудериан», перед которой поставил задачу остановить советские войска на рубеже Алексин — восточнее Курска[96]. Для того чтобы закрыть образовавшуюся брешь в полосе обороны 2-й армии, фельдмаршал приказал спешно перебросить подкрепление с других участков фронта. К 16 декабря сюда прибыли части 56-й пехотной дивизии и 1-я пехотная бригада СС из 2-й танковой армии, 221-я охранная дивизия и полицейские батальоны из тылового района группы армий «Центр», а также два усиленных полка из группы армий «Юг»[97]. Только после этого противнику удалось остановить продвижение войск правого крыла Юго-Западного фронта. Наступление в районе Ельца завершилось.

Все соединения 3-й армии включились в наступление на елецко-ливненском направлении. Наступая в общем направлении на Ефремов — Медведки, соединения армии к исходу 12 декабря окружили в районе Ефремова пехотный полк 293-й пехотной дивизии. В тот же день Ефремов был освобожден. Прорыв вражеского фронта в районе Ефремова имел большое значение, так как при успешном развитии наступления советские войска выходили во фланг 2-й немецкой танковой армии. Именно поэтому командование группы армий «Центр» сняло из-под Тулы 17-ю танковую дивизию и направило ее на юг, против 3-й армии генерала Крейзера.

Для усиления ударов по противнику Военный совет Юго-Западного направления усилил правое крыло Юго-Западного фронта 61-й армией, переданной из резерва Верховного главнокомандования. К середине декабря армии правого крыла фронта в основном завершили разгром 34-го немецкого армейского корпуса в районе между Ельцом и Ливнами. В целом в результате разгрома елецко-ливенской группировки врага войска фронта сорвали намерения командования противника отойти за р. Дон, очистили от врага участок железнодорожной рокады Москва — Валуйки от Волова до Долгорукова протяженностью 170 км и оттянули на себя часть сил 2-й немецкой танковой армии.

Оценивая создавшуюся обстановку на фронте 2-й танковой армии в этот период, ее командующий генерал Гудериан в своих воспоминаниях писал: «13 декабря 2-я армия продолжала отход. При этих обстоятельствах 2-я танковая армия не была в состоянии удержаться на рубеже Сталиногорск, р. Шат, р. Упа, тем более что 112-я пехотная дивизия не имела достаточно сил для того, чтобы оказать дальнейшее сопротивление и задержать наступление свежих сил противника. Войска вынуждены были отходить за линию р. Плава. Действовавшая левее нас 4-я армия, и прежде всего 4-я и 3-я танковые группы, также не могла удержать свои позиции»[98].

В целом войска Юго-Западного фронта продвинулись на запад на 80—100 км. Кроме того, они отвлекли на себя и часть сил 2-й танковой армии, облегчив этим выполнение задачи войскам левого крыла Западного фронта.

В результате разгрома елецкой вражеской группировки войска правого крыла Юго-Западного фронта получили возможность развивать наступление на Орел.

Однако результаты операции могли бы быть и более весомыми, но и здесь негативное влияние оказали общая нехватка материальных средств и ошибки командования. Основной просчет заключался в недостаточно обоснованном выборе направления главного удара. Так, наступавшие на север войска группы Костенко вышли не в тыл, а во фланг елецкой группировке врага. Столь неглубокий охват не позволил им сразу окружить противника, а это, в свою очередь, привело к затяжным боям и излишним потерям. И только уже в ходе сражения, когда части 5-го кавалерийского корпуса вышли на пути отхода немцев, удалось наконец нанести удары по их тылу. Анализ архивных документов показывает, что при ориентировании оси удара группы Костенко не в северном, а в северо-западном направлении охват был бы более глубоким и эффективным. Что касается материального обеспечения войск, то его недостатки особенно тяжело отразились на ходе боевых действий во второй половине операции.

О том, что Красная армия ведет контрнаступление и отбрасывает противника от Москвы, ни по радио, ни в газетах ничего не сообщалось. Лишь в ночь на 13 декабря по радио прозвучало сообщение Совинформбюро: «В последний час. Провал немецкого плана окружения и занятия Москвы». В нем впервые раскрывались планы врага и говорилось о срыве «второго генерального наступления на Москву». Сообщение всколыхнуло буквально весь народ, вызвав огромный эмоциональный подъем. Это была первая и такая долгожданная победа над захватчиками. Не только у нас, но и у всех народов оккупированных стран Европы появилась надежда на скорый разгром общего врага. Тот памятный день старшему поколению не забыть никогда.

События под Москвой развивались непрерывно, без всяких пауз. Середина декабря 1941 г. стала определенной вехой в развитии контрнаступления. К этому времени советские войска разбили ударные танковые группировки противника и, продвинувшись от исходной линии севернее столицы на 60 км, а южнее — на 120 км, устранили непосредственную опасность Москве. Таким образом, войска трех фронтов выполнили ближайшую задачу и достигли главной цели контрнаступления: отбросить врага как можно дальше от Москвы и нанести ему возможно большие потери[99]. Советские войска, наступавшие северо-западнее столицы, вышли на рубеж Даниловское — Высоковск — Ново-Петровское — Староруза, а на орловском направлении достигли линии Алексин — Дубна — Щекино — Волово — Никольское — Ливны. Были освобождены Калинин, Клин, Солнечногорск, Истра, Михайлов, Венев, Сталиногорск (Ново-Московск), Епифань, Ефремов, Елец и другие города.

Нанесение поражения вермахту явилось первым крупным стратегическим успехом советских войск за минувший период войны. Под Москвой была разрушена легенда, созданная пропагандой противника, о непобедимости армии вермахта. Красная армия, перейдя от обороны к решительному контрнаступлению, перехватила инициативу и заставила врага начать отступление на западном стратегическом направлении по всему фронту.

16 декабря начался второй этап контрнаступления Красной армии под Москвой. Ставка ВГК отдала распоряжение о продолжении преследования противника[100]. При этом увеличивались ширина фронта наступления и состав привлекаемых войск за счет правого крыла Калининского, центра Западного и правого крыла Юго-Западного фронтов.

Одновременно с развитием наступления на клинско-солнечногорском и истринском направлениях войска Западного фронта успешно продвигались и на волоколамском направлении. В то же время Сталин и Шапошников пришли к выводу, что при дальнейшем наступлении правого крыла Западного фронта на Волоколамск отпала необходимость использовать четыре армии на сравнительно узком участке фронта. В связи с этим Ставка ВГК распорядилась с 12 часов 16 декабря передать 30-ю армию Калининскому фронту с задачей «перехватить с юга и юго-запада все пути сообщения калининской группы противника и тем завершить окружение этой группы»[101]. После передачи 30-й армии в состав Калининского фронта полоса наступления войск правого крыла Западного фронта сократилась почти вдвое. Большой некомплект личного состава в частях и соединениях, недостаток танков, артиллерии, винтовок и боеприпасов затрудняли создание необходимого превосходства над противником и увеличения темпа наступления. Калининский фронт, как и Западный, становился теперь главным фронтом в контрнаступлении под Москвой.

Особое внимание Ставка ВГК обратила на координацию усилий фронтов. Ее обеспокоило то, что Юго-Западный фронт принял решение перейти в наступление 18 декабря, и это приводило к отставанию на 100 км от смежного с ним крыла Западного фронта. Причем левый фланг 10-й армии подставлялся под удар противника с направления Мценска. Поэтому Ставка предложила маршалу С. К. Тимошенко «ускорить срок наступления правого фланга Юго-Западного фронта»[102]. В соответствии с полученными указаниями командующий Юго-Западным фронтом приказал 61-й армии частью сил перейти в наступление 16 декабря, то есть на два дня раньше. Для этого была сформирована подвижная группа во главе с генералом К. И. Новиком.

Фронтам также был установлен темп, с которыми надлежало наступать армиям. Так, для войск правого крыла Западного фронта он был обозначен в пределах 10–15 км в сутки, а Г. К. Жуков увеличил его до 20–25 км в сутки, то есть почти вдвое[103], хотя в тех условиях достичь этого было практически невозможно.

Ряд важных решений приняло и верховное главнокомандование вермахта. 16 декабря Гитлер отдал приказ войскам группы армий «Центр» «держаться до последней возможности». Предписывалось все имеющиеся силы отправить «на восточный фронт: у военнопленных и местного населения отобрать зимнюю одежду, на оставляемой территории уничтожать жилые дома»[104]. Кроме того, он отдал распоряжение о формировании из войск армии резерва четырех с половиной дивизий для отправки на восточный фронт. Еще пять дивизий он приказал перебросить с запада, а четыре дивизии высвободить на Балканах, где решение оккупационных задач он возложил на союзников — болгар и итальянцев[105]. Для поддержки войск группы армий «Центр» дополнительно выделялись четыре бомбардировочные авиационные группы, группа истребителей-бомбардировщиков и пять транспортных групп[106].

Приняв решение любой ценой удержать фронт, Гитлер 16 декабря пришел к выводу о необходимости заменить как Браухича, так и Бока, которые, по его мнению, были не в состоянии справиться с кризисной ситуацией[107].

Принятые решения свидетельствуют о том, что верховное главнокомандование вермахта наконец-то осознало всю степень опасности, нависшей над группой армий «Центр». Дальнейшие удары Красной армии могли привести к разгрому самой крупной стратегической группировки вермахта. Положение обострялось тем, что соединения группы армий «Центр»

могли осуществить отход, только бросив тяжелое вооружение, а без него немецкие войска оказались бы не в силах удержать те тыловые позиции, на которые они отходили. Выход из создавшегося положения Гитлер видел в одном: «Заставить войска оказывать фанатичное сопротивление на занимаемых позициях, несмотря на вклинение противника во фланги и выход в тыл»[108]. Только так, по его мнению, можно было выиграть время до подвоза резервов из самой Германии и с запада.

Командование группы армий «Центр», принимая меры, чтобы сдержать натиск советских войск сильными арьергардами, стремилось отвести свои главные силы на рубеж рек Лама и Руза. Одновременно велась подготовка тылового рубежа Гжатск — Калуга — Орел — Курск. По мнению генерала Гальдера, войскам из-за больших потерь было сложно удержать этот рубеж при сильном нажиме советских войск[109]. Впрочем, объективно оценивая состояние и возможности сопротивления группы армий «Центр», следует отметить, что с сокращением линии фронта положение немецких войск несколько улучшилось. Если к началу контрнаступления оперативная плотность германских соединений перед правым крылом Западного фронта составляла 12,6 км на дивизию, а перед смежными крыльями Западного и Юго-Западного фронтов даже 32,1 км, то к 16 декабря она достигла соответственно 8,6 км и 18,1 км. Поэтому войска группы армий «Центр» имели реальную возможность вести упорную оборону и оказывать достаточно активное сопротивление наступавшей Красной армии.

Все эти важные события, которые произошли в середине декабря, оказали существенное влияние на характер боевых действий. Под воздействием рассмотренных факторов начался второй этап контрнаступления Красной армии под Москвой.

Советским войскам предстояло преодолеть сопротивление достаточно сильной вражеской группировки. Командование Западного фронта требовало от соединений и объединений продолжать «безостановочное преследование противника и к 27-му числу выйти на линию Зубцов — Гжатск», то есть на 112–120 км западнее рубежа, достигнутого ими к тому моменту. Немецкое командование, прикрывая отступление сильными арьергардами, отводило главные силы танковых групп на промежуточную позицию, подготовленную по берегам рек Лама и Руза, при этом широко использовались заграждения, особенно в населенных пунктах и на узлах дорог. На многих участках фронта враг отходил беспорядочно, бросая оружие, технику и автотранспорт. 1-я ударная армия должна была наступать на Раменье, Шаховскую, 20-я — на Волоколамск, 16-я — на Осташево, Цаганово, а 5-я — на Васюково, Клементьево, Крюково.

В связи с тем что армиям правого крыла фронта надлежало вести наступление с темпом 25–30 км в сутки, командование фронта требовало для захвата узлов дорог, мостов и тактически важных рубежей максимально использовать подвижные передовые отряды, а для параллельного преследования — лыжные отряды. Обращалось особое внимание командиров и штабов на поддержание непрерывного управления войсками. Сложившаяся обстановка требовала от войск максимального напряжения.

С утра 17 декабря войска правого крыла фронта продолжили преследование отходившего противника. Тесно взаимодействуя с 20-й армией, части и соединения 16-й армии стремительно преследовали врага. К утру 19 декабря они продвинулись вперед до 25 км. Группы генералов М. Е. Катукова и Ф. Т. Ремизова, тесно взаимодействуя друг с другом, преследовали отходившего противника в направлении на Волоколамск. За 17 декабря войска 16-й армии захватили восемь танков, шесть орудий, 162 автомашины, 50 тыс. патронов и другие трофеи[110]. К этому времени 5-я армия, преодолевая сопротивление 78-й и 255-й немецких пехотных дивизий, правофланговыми соединениями вышла к р. Озерка, перерезав таким образом шоссе Руза — Дорохово и Руза — Скирманово. На следующий день главные силы армии вышли к р. Руза, завязав бои за г. Рузу. К этой же реке выходил и 2-й гвардейский кавалерийский корпус.

К исходу 20 декабря войска правого крыла Западного фронта вышли к рекам Лама и Руза. Группы генералов Ремизова и Катукова ударом с севера, востока и юго-востока освободили Волоколамск[111], вследствие чего противник лишился крупного опорного пункта на р. Лама.

На командном пункте 16-й армии во время контрнаступления Красной армии под Москвой

Освобождена еще одна деревня Волоколамского района

После овладения Волоколамском 64-я морская стрелковая бригада (полковник И. М. Чистяков) 20-й армии, выделив передовой отряд для освобождения Шаховской, главными силами продолжала наступление в западном направлении. В это время группа генерала Ремизова, переданная в состав 1-й ударной армии, заняла Ярополец, а 331-я стрелковая дивизия — железнодорожную станцию Волоколамск. Группа генерала Катукова из 16-й армии была передана в 20-ю, главные силы которой сосредоточились в районе Волоколамска. 16-я армия, выйдя на левом фланге к р. Руза, главными силами вела бои с отходившими частями 10-й танковой и 252-й пехотной дивизий противника несколько восточнее.

В это время 5-я армия на своем правом фланге и в центре вела тяжелые бои с врагом, отошедшим за реки Руза и Москва. Шли напряженные бои за г. Рузу. В 12 часов 20 декабря командующий армией, чтобы ускорить освобождение города, ввел в сражение 108-ю стрелковую дивизию. Однако противник по-прежнему оказывал упорное сопротивление. 2-й гвардейский кавалерийский корпус, действовавший в тылу врага, вышел в район Захряпино — Палашкино — Ивонино, где продолжал вести упорные бои. В одном из этих боев 20 декабря в районе деревни Палашкино героически погиб командир корпуса генерал Л. М. Доватор. Ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза[112]. В течение 20 декабря войска правого крыла Западного фронта продолжали вести напряженные бои в полосе Лотошино — Руза. Но преодолеть с ходу укрепления врага на реках Лама, Руза и Москва советским частям не удалось.

Кроме недостатка сил и средств на приостановку наступления войск правого крыла Западного фронта повлияла также и преждевременная передача Ставкой ВГК 30-й армии Калининскому фронту. При наличии этого объединения правое крыло Западного фронта могло бы, несомненно, более эффективно решать свои задачи, особенно в период выхода войск на рубеж Лотошино — Шаховская.

В целом же наступление развивалось успешно. Темп продвижения войск в тяжелых условиях зимы был довольно значительным. Если противник в ходе своего ноябрьского наступления на дмитровском и солнечногорском направлениях имел среднюю скорость продвижения не более 4—5 км в сутки, то советские войска, наступавшие в несравнимо более тяжелых условиях, продвигались вдвое быстрее.

С 17 по 20 декабря противнику был нанесен большой урон. Из состава 78-й немецкой пехотной дивизии, окруженной войсками 5-й армии в лесах южнее Тростенского озера, вышли к своим частям в районе Рузы лишь небольшие силы. Крупные потери в личном составе и материальной части понесли соединения 46-го танкового корпуса, отходившие на стыке 20-й и 16-й армий. Особенно большой урон был нанесен 11-й танковой дивизии. Ее остатки были подчинены 5-й танковой дивизии. 7-й армейский корпус противника, оборонявшийся юго-восточнее Рузы, по донесению штаба группы армий «Центр», больше был «не в состоянии отбивать атаки».

Встретив на оборонительном рубеже по рекам Лама и Руза упорное сопротивление соединений 3-й и 4-й немецких танковых армий, командование Западного фронта уточнило задачи армиям. К исходу 27 декабря они должны были выйти на рубеж Зубцов — Гжатск, то есть продвинуться на 90—100 км к западу от этих водных преград. Темпы предлагалось сохранять до 15 км в сутки. Устанавливался также промежуточный рубеж по линии Кучино — Михалево — Бородино — Коровино, на который армиям правого крыла фронта необходимо было выйти к исходу 22 декабря.

Наступление возобновилось 21 декабря. Но из-за упорного сопротивления вражеских частей и соединений войска фронта существенно продвинуться не смогли. Не принесли успеха атаки и в последующие дни вплоть до 25 декабря. Несмотря на жесткие требования командования фронта, войска, как правило, вели наступление без создания сильных ударных группировок. Особенно характерно это было для 20-й армии. Артиллерия и танки зачастую равномерно распределялись по фронту. По-прежнему практиковались фронтальные атаки опорных пунктов противника. Сказывалось и отсутствие боевого опыта у вновь сформированных соединений.

Таким образом, наступление армий правого крыла фронта временно приостановилось. Создалась оперативная пауза, позволившая врагу подготовить свою оборону и привести в порядок изрядно потрепанные части и соединения. Итак, на втором этапе контрнаступления армии правого крыла Западного фронта продвинулись еще на 40 км, что было примерно в 1,5 раза меньше, чем в первый период. Причины в том, что наступательные возможности армий иссякли, фактор внезапности себя исчерпал, противник успел организовать на промежуточном рубеже довольно сильную оборону. Попытки преодолеть ее с ходу оказались безуспешными.

В то время как армии правого крыла Западного фронта штурмовали вражеский оборонительный рубеж на реках Лама и Руза, соединения левого крыла Калининского фронта вели наступление в южном и юго-западном направлениях. Основной задачей фронта после передачи ему 30-й армии являлся разгром 9-й полевой армии противника. Для ее решения, по замыслу генерала И. С. Конева, фронт должен был нанести два удара: один — смежными флангами 22-й и 29-й армий на Старицу с севера; другой, главный — силами 31-й и 30-й армий в общем направлении на северо-запад с выходом на рубеж Заборовье — Старица. На 30-ю армию возлагалась задача глубокого охвата войск правого фланга 9-й вражеской армии, действовавшей южнее Калинина[113]. В ходе этих действий предполагалось не только разгромить большую часть войск 9-й армии, но и создать условия для последующего удара во фланг и тыл главных сил группы армий «Центр»[114].

17 декабря армии левого крыла фронта приступили к выполнению поставленных им задач. Однако первый удар не получился. 22-я и 29-я армии не смогли нанести удар смежными флангами, так как 29-я армия своим левым флангом оказалась связана упорными боями с 6-й и 110-й пехотными дивизиями противника. Соединения 31-й армии, измотанные непрерывными боями, не смогли полностью сломить сопротивление врага. За четверо суток они продвинулись всего на 12—15 км. 30-я армия, наступавшая на левом крыле фронта, также не выполнила поставленные ей задачи. 185-я и 379-я дивизии не смогли прорвать оборону противника на р. Лама. Медленное продвижение армии беспокоило командование фронта. Генерал Конев потребовал от командарма сосредоточить большую часть сил и средств на главном направлении[115]. Однако перегруппировка войск проводилась медленно. Только к исходу 19 декабря основные силы армии вступили в сражение. К этому времени из резерва фронта в полосу армии перебрасывались стрелковая дивизия и танковая бригада. К исходу 20 декабря армия вышла на фронт Большое Селище — Андрейково.

Несмотря на низкий темп, наступление Калининского фронта улучшило положение войск, прочно обеспечило безопасность железнодорожной магистрали и шоссе Москва — Бологое и дало возможность установить прямое сообщение между западным и северо-западным стратегическими направлениями.

Создавшаяся обстановка на смежных крыльях двух фронтов требовала ускорения разгрома правофланговых соединений 9-й полевой армии, с тем чтобы выходом во фланг 3-й немецкой танковой армии оказать содействие Западному фронту, правое крыло которого вело упорные бои на рубеже рек Лама и Руза. Для того чтобы упредить отход врага из района Лотошино на Ржев, необходим был удар на ржевском направлении. Кроме того, это направление для удара определялось и тем, что немецкое командование, израсходовавшее все свои резервы, не могло противопоставить здесь крупные силы. Для удара на этом направлении по указанию Ставки ВГК была использована и 39-я армия. Кроме того, Ставка предложила изменить направление наступления и уточнить задачи 31-й и 30-й армий.

Командующий фронтом генерал Конев решил ударом с севера и северо-востока на Ржев окружить и уничтожить основные силы 9-й армии противника, не допуская их отхода на запад и юго-запад. К исходу 28 декабря войска фронта должны были выйти на рубеж р. Волга — Суходол — Бургово — Толстиково — Зубцов. 22-я армия двумя левофланговыми стрелковыми дивизиями наступала в направлении на Городище; 39-я армия наносила главный удар правым флангом в направлении Степино — Муравьево и далее на Ржев; 29-я армия предпринимала удар в направлении Высокое и Старица; 31-я армия продолжала преследовать отходившего

Экипировка офицера в период битвы за Москву

Легкие танки Т-26 на марше

врага в общем направлении на Старицу, а после выхода в этот район к исходу 24 декабря она совместно с 39-й и 30-й армиями должна была окружить и уничтожить противника в районе Старицы и Ржева. Тесно взаимодействовавшая с ней 30-я армия наступала в направлении Зубцова. В резерве фронта оставались четыре стрелковые дивизии. Начало наступления всех армий фронта было назначено на утро 22 декабря.

Авиации фронта предписывалось поддерживать наступление 39-й армии, уничтожая противника непосредственно на поле боя и в районах Старицы, Ржева, Зубцова, а также воспретить подвоз пополнения по железной дороге Высокое — Ржев — Великие Луки и прикрыть район Торжок — Калинин — Завидово — Бежецк.

Ударным группировкам, наступавшим навстречу друг другу, необходимо было с боями пройти от 70 км (северной группировке) до 85—100 км (восточной). Кроме конечного рубежа наступления армиям указывался промежуточный, на который они должны были выйти через трое суток после начала наступления.

39-я армия под командованием генерала И. И. Масленникова, развернутая между 22-й и 29-й армиями, перешла в наступление на торжокско-ржевском направлении, не завершив полностью сосредоточение своих частей и соединений. Для удара она смогла привлечь лишь две дивизии, которые к исходу дня продвинулись в южном направлении всего на 2—4 км. Генерал Конев отодвинул дату возобновления наступления на 25 декабря и потребовал к этому времени завершить перегруппировку войск армии. После окончательного сосредоточения соединений, армия усилила натиск и к концу декабря, взаимодействуя с левофланговыми дивизиями 22-й армии генерала В. И. Вострухова, пробилась в глубину вражеской обороны на 15—20 км.

Успешно вела наступление и 29-я армия, соединения которой к исходу 25 декабря, продвинувшись до 40 км, совместно с войсками 31-й армии вышли на подступы к Старице. Соединения из-за глубокого снежного покрова вынуждены были наступать в основном вдоль дорог, что значительно стесняло их маневренность. Этим воспользовался противник. Его части относительно организованно заняли подготовленный для обороны рубеж Иванищи — Чухино — Климово.

Войска 30-й армии стремились развить наступление своим левым флангом, чтобы выходом в район Зубцова перехватить пути отхода противника в западном и юго-западном направлениях. Однако наибольшего успеха добились правофланговые соединения, которые к исходу 25 декабря продвинулись на 30—35 км, в то время как на левом фланге только на 4—10 км. Кроме того, встретив сильное сопротивление частей 162-й, 86-й пехотных, 36-й моторизованной и 1-й танковой дивизий противника, они вынуждены были приостановить наступление. Охвата вражеской группировки, как предполагалось по первоначальному замыслу, не получилось. Не сумела преодолеть вражеский рубеж по р. Лама и 1-я ударная армия Западного фронта[116].

Задержка наступления войск, действовавших на смежных флангах Калининского и Западного фронтов, заставила Ставку ВГК 22 декабря уточнить разграничительную линию между этими фронтами, фактически изменив глубину продвижения для Калининского фронта[117]. В данном случае большее значение имели уже не окружение и разгром противника в районе Ржева и Зубцова, а стремительный выход в тыл 3-й и 4-й танковых армий врага, оборонявшихся перед правым крылом Западного фронта.

Таким образом, к исходу 25 декабря войска левого крыла Калининского и правого крыла Западного фронтов, отбросив противника на запад и юго-запад лишь на 30—40 км, вынуждены были приостановить наступление. Им снова не удалось преодолеть оборону вражеских соединений на реках Лама и Руза. Не могли они завершить и окружение сил левого крыла группы армий «Центр». И все же советское командование сумело перехватить инициативу.

Командующий Калининским фронтом генерал И. С. Конев решил использовать успех, достигнутый 39-й армией. Штаб фронта нацелил ее войска на обход Ржева с северо-запада, а 29-й армии — с северо-востока. Кроме того, учитывая трудности, встреченные 30-й ар-

Рота автоматчиков на лыжах перед вступлением в бой

Бойцы 1-й гвардейской Московской мотострелковой дивизии при поддержке танков идут в атаку

мией, генерал Конев передал подвижные соединения 31-й армии. Группа Чанчибадзе была реорганизована в 82-ю кавалерийскую дивизию[118].

Успешное продвижение войск правого крыла и центра Калининского фронта поставило противника в сложное положение. Ведь продолжение борьбы северо-восточнее Ржева создавало угрозу прорыва обороны в центре 9-й армии. Однако даже в такой ситуации Гитлер не дал разрешения на отвод войск этой армии[119].

В то время когда войска правого крыла Западного фронта приостановили свое продвижение и приступили к подготовке операции по прорыву вражеской обороны, основные события развернулись на его левом крыле. В процессе завершения наступления под Тулой командование фронта нацелило войска для последующих действий в северо-западном и западном направлениях. Вечером 16 декабря генерал Жуков приказал 10, 49, 50-й армиям и группе Белова продолжать безостановочное преследование противника и освободить Калугу[120].

Под их напором 2-я танковая армия врага главными силами отходила в юго-западном направлении на Орел, а левым флангом — на запад. Между этими группировками образовался разрыв, ширина которого к вечеру 17 декабря достигла 30 км. Командующий Западным фронтом генерал Г. К. Жуков решил использовать разрыв во фронте неприятеля для овладения Калугой ударом с юга. С этой целью он приказал командующему 50-й армией генералу И. В. Болдину создать подвижную группу. Одновременно группа П. А. Белова должна была стремительно выйти к р. Ока, форсировать ее севернее Белёва и, повернув затем главные силы на северо-запад, 28 декабря овладеть Юхновом, отрезав таким образом противнику пути отхода от Калуги и Малоярославца; 10-я армия получила приказ быстро занять Белёв и Сухиничи. Жуков преследовал цель лишить немцев возможности закрепиться на промежуточных рубежах и удержать важнейшие узлы дорог.

Обстановка на левом крыле Западного фронта позволяла продолжать наступление совместно с войсками правого крыла Юго-Западного фронта. Назревала возможность расширить фронт наступления, включив в него не только левый фланг, но и всю 49-ю армию. В ее состав для этого дополнительно были включены одна стрелковая дивизия, четыре стрелковые, две танковые бригады и два отдельных гвардейских минометных дивизиона[121]. Они должны были к исходу 15 декабря сосредоточиться в районе Прокшино — Кошкино — Екатериновка.

В соответствии с новыми задачами направление наступления 50-й армии последовательно перемещалось с южного на западное, что отвечало сложившейся обстановке и замыслу операции. Однако командованию армии для выполнения маневра предстояло в довольно сложных условиях осуществить значительную перегруппировку войск.

В связи с тем что Калуга входила в полосу наступления 49-й армии, командующий 50-й армией по указанию штаба фронта для оказания ей помощи сформировал подвижную группу (154-я стрелковая и 112-я танковая дивизии) под командованием своего заместителя генерала В. С. Попова. 18 декабря она была усилена 31-й кавалерийской дивизией, отдельным Тульским рабочим полком и 131-м отдельным танковым батальоном.

Группе было приказано, использовав образовавшийся разрыв между 43-м армейским корпусом и основными силами 2-й танковой армии противника, стремительно выдвинуться к Калуге и ударом с юга не позднее 20 декабря овладеть городом. Чтобы обеспечить выполнение этой задачи, 50-й и 49-й армиям, наступавшим на калужском направлении, командование фронта приказало увеличить темпы продвижения войск.

Между тем фланговые дивизии 50-й армии, наступление которых развивалось медленно, значительно отстали, а 49-я армия, ранее получившая задачу освободить Калугу, развивала наступление в северо-западном направлении, все более отдаляясь от города. Учитывая это, генерал Жуков передал левофланговую 340-ю стрелковую дивизию из 49-й в состав 50-й армии.

Соединения 49-й армии усилили нажим на противника в направлении на Чаусово, одновременно левофланговыми соединениями завершая разгром противника в районе Алексина. В ходе ожесточенных боев некоторые населенные пункты неоднократно переходили

из рук в руки. К исходу 17 декабря город был освобожден, а утром 19 декабря врага удалось выбить из Тарусы[122]. Однако сломить ожесточенное сопротивление противника на восточных подступах к Калуге не удалось.

Скоротечнее развивалось наступление в полосе 50-й армии. Ее соединения к исходу 17 декабря после упорных трехдневных боев овладели важным опорным пунктом Щекино. При захвате города было освобождено из плена большое количество раненых советских воинов. Правофланговые соединения пытались сломить сопротивление 31-й пехотной дивизии противника. Одновременно командующий армией проводил перегруппировку сил и средств с южного на западное направление. Своевременно принятые меры позволили отбросить 43-й армейский корпус врага на северо-запад, а основные силы 2-й танковой армии — в юго-западном направлении. Благодаря этому ширина прорыва к вечеру 17 декабря увеличилась до 30 км. Командование 50-й армии немедленно его использовало, направив туда 217-ю стрелковую дивизию. Сюда же выдвигалась и 413-я стрелковая дивизия. Разгромив заслоны неприятеля, эти соединения к исходу 20 декабря вышли на рубеж Меньшиково — Юрово — Дракино. На правом фланге армии части 258-й стрелковой дивизии утром 20 декабря освободили Титово.

Успешные действия соединений, наступавших в центре 50-й армии, выход их на подступы к Агееву, а группы генерала В. С. Попова — в район Мужачи создали условия для освобождения Калуги. К исходу 20 декабря группа генерала В. С. Попова с юго-востока вышла на подступы к городу.

Созданную в обороне противника брешь расширили части 50-й армии, и вражеское командование вынуждено было 18 декабря передать 43-й армейский корпус из 2-й танковой в состав 4-й полевой армии, действовавшей на серпуховском и наро-фоминском направлениях. С целью устранения образовавшегося прорыва и сохранения целостности фронта командование 2-й немецкой танковой армии начало переброску на этот участок различных подразделений.

Активные боевые действия продолжались и на фронте группы генерала П. А. Белова. К утру 17 декабря, преодолев р. Упа юго-восточнее Щекина, ее войска отбросили 3-ю танковую дивизию и полк «Великая Германия» на запад. К исходу дня они продвинулись с боями до 15 км. Группа генерала Попова наступала в тесном взаимодействии с соединениями 50-й и 10-й армий. К исходу 20 декабря группа совместно с частями 413-й стрелковой дивизии освободила г. Крапивну.

Потери, понесенные в непрерывных боях, перебои в снабжении, особенно фуражом и боеприпасами, создавали задержки в наступлении частей группы генерала Попова и осложняли ее боевые действия. Противник бросал тяжелое вооружение, военную технику и автотранспорт, стремясь спасти личный состав. Только за 17 декабря частями группы были захвачены 35 орудий, 46 автомашин, 31 танк, около 130 тыс. патронов, свыше 3 тыс. снарядов и мин и другие трофеи[123].

18 декабря генерал И. С. Конев уточнил задачу 10-й армии: продолжить наступать нарастающими темпами, в течение двух дней преодолеть расстояние до 30 км, выйти главными силами к р. Плава. Для выполнения этой задачи 17 декабря кавалерийские соединения были сведены в одну конную группу под командованием генерала В. А. Мишулина. Ввод группы в сражение был осуществлен на левом фланге армии в направлении Плавска. Противник стремился всеми силами задержать продвижение частей группы, чтобы отвести основные силы на р. Плава, одновременно перебрасывая на этот рубеж резервы.

Наиболее ожесточенное сопротивление соединения 10-й армии встретили на р. Упа и к западу от нее. Однако наступательный порыв воинов был высокий. За четверо суток наступления с упорными боями прошли до 40 км, к исходу 20 декабря форсировали р. Плава и освободили Плавск.

Противник, потерпев поражение на рубеже р. Протва — Алексин, отходил по двум направлениям: вдоль Протвы на Малоярославец и от Алексина на Калугу. Основная группировка 2-й немецкой танковой армии отходила на юго-запад, на Волхов и Орел. Отступая, враг упорно сопротивлялся, особенно на малоярославецком и калужском направлениях.

20 декабря были уточнены задачи. Основные силы левого крыла Западного фронта нацеливались в северо-западном направлении, в то время как правое крыло фронта с рубежа рек Лама и Руза перемещало направление своего наступления к юго-западу. Калининский фронт совместно с Западным получил задачу выйти на коммуникации 3-й танковой армии противника в районе Ржева.

Таким образом, замысел операции состоял в том, чтобы окружить главные силы группы армий «Центр» посредством охватывающих ударов обоих флангов фронта с перехватом вражеских коммуникаций. Осуществление этого замысла находилось в прямой зависимости от решительности действий войск, своевременного усиления фронта резервами и организации четкого взаимодействия со смежными крыльями Калининского и Юго-Западного фронтов. 49-й армии приказывалось к исходу 22 декабря выйти на рубеж Малоярославец — Детчино — Сляднево. 50-я армия к этому же времени должна была освободить Калугу, а затем выйти на рубеж Сляднево — Веретье. 10-й армии предписывалось к исходу 23 декабря выйти на рубеж Полшево — Одоево — Ливны.

Перед группой генерала П. А. Белова после овладения г. Одоево была поставлена задача форсировать р. Ока на участке Лихвин — Белёв и, повернув затем главными силами в северо-западном направлении, 26 декабря освободить Юхнов, располагавшийся на Варшавском шоссе, и выйти на пути отхода группировки противника, оборонявшейся в районах Малоярославца и Калуги. К этому времени группа состояла из усиленного гвардейского кавалерийского корпуса (1-я и 2-я гвардейские кавалерийские, 322-я, 328-я стрелковые, 41, 57, 75-я кавалерийские дивизии сокращенного штата)[124] и 9-й танковой бригады. Указывалось, что действия группы будут поддерживаться и прикрываться военно-воздушными силами фронта по заявкам командующего группой.

В соответствии с поставленными задачами войска армий левого крыла Западного фронта перешли в наступление. 49-я армия продвигалась медленно, прогрызая вражескую оборону. Командующий армией, проведя перегруппировку, усилил свой левый фланг. Удар на этом направлении отрезал пути отхода противнику, оборонявшемуся в районе Высокиничей[125]. Такое решение отвечало сложившейся обстановке, так как продолжение затяжных атак только в центре не обеспечивало необходимого успеха. Выход же войск армии на железную дорогу Малоярославец — Калуга не только создавал возможность охвата противостоявшей группировки, но и содействовал войскам 50-й армии, наступавшим на Калугу.

Главные силы 50-й армии встретили ожесточенное сопротивление 43-го немецкого армейского корпуса. Однако соединения армии усилили нажим на врага. Утром 21 декабря части подвижной группы захватили мост через р. Ока, ворвались в Калугу и завязали уличные бои с гарнизоном города. Немецкое командование, стремясь во что бы то ни стало удержать за собой Калугу, вначале направило туда полицейские части и 4-й пехотный полк СС, а затем и отходившие части 43-го армейского корпуса. Для ударов по группе с воздуха привлекалась авиация. В результате активных действий превосходящих сил врага группа Попова вскоре была расчленена; ей пришлось вести бои в окружении, которые приняли затяжной характер и продолжались до конца декабря. К исходу 24 декабря соединения армии сумели преодолеть р. Ока и захватить плацдарм. Завязались упорные бои за Перемышль, Вялицы, Лихвин.

Командование противника спешно продолжало принимать меры для сдерживания наступления советских войск. В район Лихвина оно направило сборные подразделения железнодорожных и саперных частей. 21 декабря противнику удалось перерезать шоссе южнее Калуги и временно нарушить сообщение группы генерала Попова с основными силами 50-й армии. Но соединения армии всеми силами рвались к Калуге. Сопротивление оборонявшихся все более нарастало. К тому же на боеспособности войск армии сказывались усталость и потери, понесенные в непрерывных боях, недостаток техники, вооружения, боеприпасов.

Группа генерала П. А. Белова после поворота 50-й армии на западное и северо-западное направления с рубежа р. Плава продолжала свое наступление на запад, на Одоево. Преодолевая сопротивление 296-й пехотной дивизии и отдельного полка СС «Великая Германия», части группы продвинулись на глубину до 15 км и 22 декабря во взаимодействии с частями

10-й армии с боем овладели Одоево[126]. Группа продолжила безостановочное продвижение вперед. Через два дня она вышла к р. Ока на участке Кипеть — Горбуново. Чтобы усилить боевой потенциал группы, ей были переданы вновь сформированные три кавалерийские дивизии (41, 57 и 75-я), которые находились на марше и были еще в 18—20 км от основных сил группы.

10-я армия после овладения Плавском продолжила наступление в прежнем направлении, постепенно выходя за левую разграничительную линию, в полосу действий 61-й армии Юго-Западного фронта. Соединения армии увеличили темп своего продвижения, доведя его в среднем до 15 км в сутки. Правее 10-й армии в 22 км впереди продвигались части группы генерала Белова. 24 декабря генерал Жуков уточнил задачу 10-й армии: к исходу 27 декабря главными силами выйти в район Козельска, а подвижными передовыми отрядами с ходу захватить Сухиничи. В штабе и в войсках армии началась подготовка к выполнению этих задач.

Наконец, в контрнаступление были вовлечены и войска, действовавшие в центре (5, 33 и 49-я армии) Западного фронта. Следует сразу же отметить, что условия здесь для этого оказались самыми неблагоприятными по сравнению с теми, какими они были на флангах Западного фронта. Немецкие войска опирались на заранее подготовленный оборонительный рубеж. Он сооружался в течение двух месяцев и к середине декабря имел вполне оборудованные опорные пункты с окопами полного профиля, блиндажами и ходами сообщения. Имелись противотанковые и противопехотные заграждения, главным образом минно-взрывные, а также хорошо организованная система огня с достаточным запасом снарядов, мин, патронов. Большая часть соединений оборонявшейся на этом участке 4-й полевой армии не вела активных боевых действий в течение месяца, а потому понесла наименьшие потери. К тому же и оперативная плотность ее войск, составлявшая 5,4 км на дивизию, оказалась самой высокой в группе армий «Центр».

Утром 18 декабря, после часовой артиллерийской подготовки, 33-я и 43-я армии перешли в наступление. Одновременно с ними начали действовать левофланговые соединения 5-й и правофланговые соединения 49-й армий.

Части двух дивизий 33-й армии сумели переправиться на западный берег Нары к северу от Наро-Фоминска, но они были отброшены контратакой противника. Остальные соединения армии вели бои на восточном берегу реки. На следующий день части армии завязали бои западнее Елагина (3 км южнее Наро-Фоминска).

20 декабря для развития успеха на стыке 1-й гвардейской и 110-й стрелковых дивизий в общем направлении на Котово командарм ввел в сражение свой резерв — 201-ю стрелковую дивизию. Однако существенных изменений в обстановке не произошло. Преодолеть оборону противника имевшимися у армии силами и средствами было нелегко. Только 222-й стрелковой дивизии 21 декабря удалось все же овладеть небольшим плацдармом на западном берегу р. Нара у д. Таширово (6 км севернее Наро-Фоминска). Не произошло перелома и к исходу 24 декабря, то есть на седьмой день операции. Войска 33-й армии продолжали вести боевые действия, находясь на одних и тех же рубежах.

В это время 43-я армия под командованием генерала К. Д. Голубева нанесла главный удар своим правым флангом в общем направлении на Романово — Балабаново. К исходу первого дня наступления соединения армии овладели населенным пунктом Никольские Дворы, блокировав сильный опорный пункт противника Романово.

Недовольный результатами наступления этих армий командующий Западным фронтом генерал Г. К. Жуков потребовал усилить нажим на противника и к исходу 22 декабря выйти на рубеж Симбухово — Боровск — Балабаново — Воробьи. Однако усилия соединений и частей 33-й и 43-й армий и на этот раз не привели к желаемому результату. К исходу 24 декабря они вели бои почти на тех же рубежах. Только 113-я и 93-я стрелковые дивизии, наступавшие на Балабаново, а также 1-я гвардейская мотострелковая и 110-я стрелковая дивизии, наступавшие непосредственно южнее Наро-Фоминска, добились некоторого успеха.

Действия фланговых соединений 5-й и 49-й армий, наступавших одновременно с войсками 33-й и 43-й армий, в основном протекали аналогично. Несмотря на неоднократные

попытки прорвать оборону противника на всю ее тактическую глубину, армиям центра не удалось справиться с этой задачей. Причин столь малоэффективных действий войск центра Западного фронта множество, но главная — нехватка огневых средств для надежного подавления вражеской обороны. Немцы же в полосе наступления 33-й армии имели в среднем свыше десятка пулеметов и 18—19 орудий и минометов на 1 км фронта. Причем эти огневые средства находились в хорошо замаскированных укрытиях, да и располагались они на выгодных позициях.

Одновременно с Западным фронтом продолжал наступать на орловском направлении и Юго-Западный фронт. Войска его правого крыла, усиленные 61-й армией генерала М. М. Попова, с утра 18 декабря перешли в наступление против 34-го и 35-го армейских корпусов 2-й полевой армии. Группа генерала Ф. Я. Костенко в это же время наступала на Мценск. 61-я армия (пять стрелковых и две кавалерийские дивизии) была введена в сражение на стыке двух фронтов в направлении, выводившем к Волхову, что, в принципе, могло бы привести к расчленению 2-й танковой армии. Пройдя с боями от 40 до 85 км, соединения 61-й армии к исходу 24 декабря были остановлены подошедшими немецкими войсками.

3-я армия (пять стрелковых и две кавалерийские дивизии) за десять дней напряженных боев преодолела 30–65 км и 27 декабря освободила г. Новосиль. Но развить наступление не получилось — в основном из-за недостатка сил и средств. Так, на 15 декабря в составе пяти стрелковых дивизий, наступавших на фронте шириной свыше 50 км, она имела всего 8253 человека, 29 полевых орудий, 76 противотанковых орудий, 167 станковых и ручных пулеметов[127], то есть их общий количественный состав равнялся примерно одной стрелковой дивизии. Несмотря на это, бойцы и командиры проявили исключительное мужество и в целом успешно решали поставленные перед ними задачи.

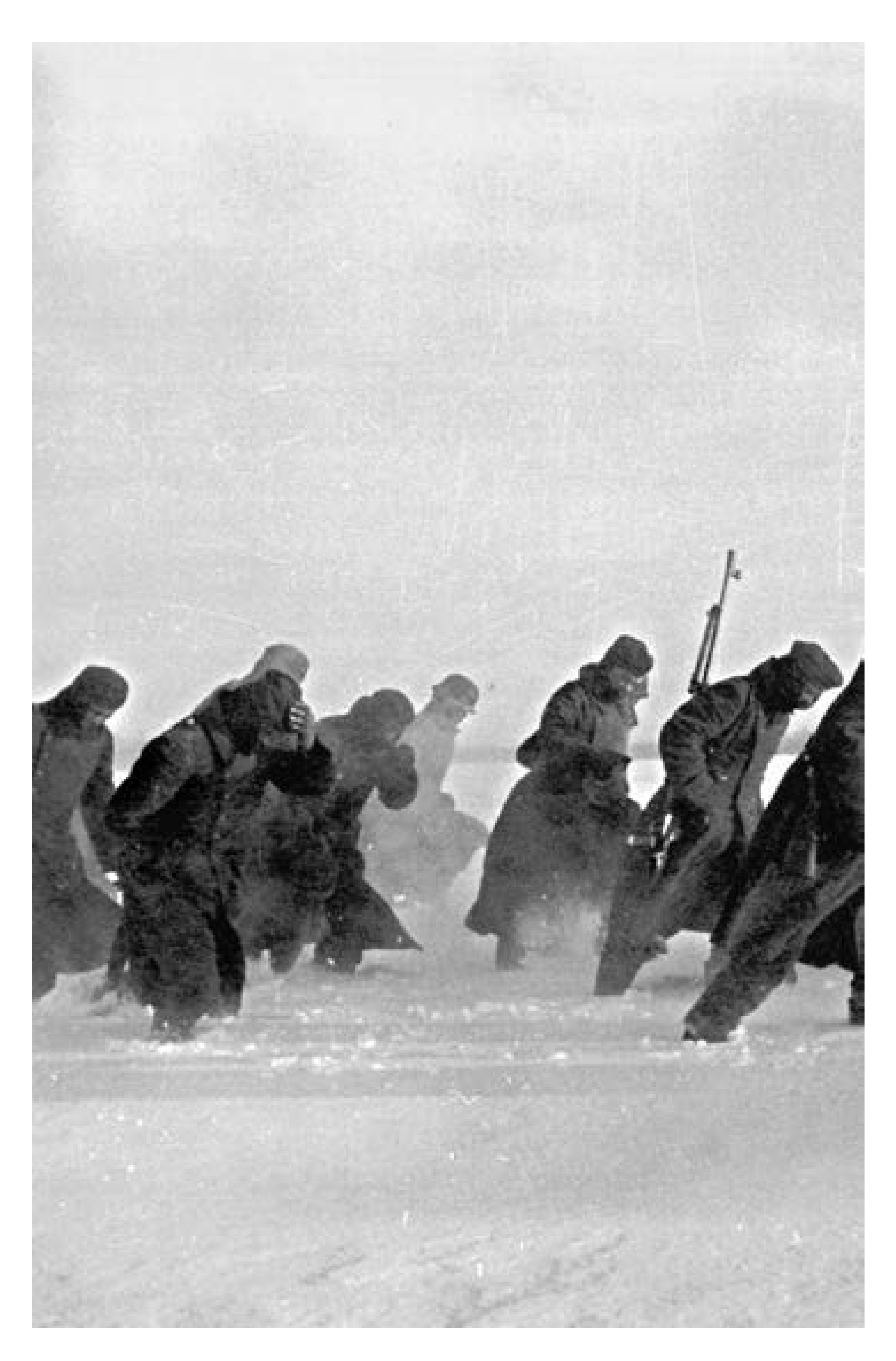
В полосе 13-й армии и группы Костенко наступление, начатое 21 декабря, застопорилось. До 24 декабря включительно их соединения вели бои в основном на прежних рубежах. Лишь правофланговые соединения армии продвинулись на 10—14 км к северо-западу от г. Ливны.

13-я армия (шесть стрелковых дивизий, одна стрелковая и одна танковая бригады) вела наступление в общем направлении на Ливны — Малоархангельск.

Главные усилия армейской и фронтовой авиации направлялись на содействие наступлению группы генерала Ф. Я. Костенко и войск 61-й армии. Однако группа Костенко, действовавшая в районе Верховья, не смогла приступить к выполнению поставленных ей задач — наступать в направлении Мценска — до конца 20 декабря, так как была связана боями с противником. Не имело успеха и наступление 13-й армии. Продвинувшись за четверо суток на отдельных направлениях на глубину от 6 до 20 км, ее войска втянулись в затяжные бои. Для дальнейшего наступления недоставало сил и средств. Так, в шести стрелковых дивизиях 13-й армии на 15 декабря имелось всего 10 343 человека, 36 станковых пулеметов, 29 минометов всех систем и только три танка. Не лучше обстояло дело и в группе генерала Костенко, в которой было всего 34 легких танка, 153 миномета, 45 полевых орудий и 92 станковых пулемета[128].

Несмотря на незначительный успех, наступление войск правого крыла Юго-Западного фронта вызвало беспокойство вражеского командования. С 18 декабря оно начало спешно усиливать орловское направление. Восточнее Мценска оборонялась 10-я моторизованная дивизия, в районе города — 29-я моторизованная дивизия, туда же направлялись и части 4-й танковой дивизии, остатки которой отошли уже в район Орел — Кромы. Восточнее Орла в полосе советской 3-й армии сосредоточивалась немецкая 3-я танковая дивизия. В районе железнодорожной станции Змиевка находились части 168-й пехотной дивизии, выдвигавшиеся в полосу наступления группы генерала Костенко.

Наступление войск правого крыла Юго-Западного фронта, особенно 61-й и 3-й армий в направлении на Чернь и Новосиль, способствовало успеху советских войск под Тулой и на калужском направлении, а активные действия 13-й армии и оперативной группы генерала Костенко сковывали значительные силы действовавшего перед ними противника.

Остатки разбитой немецкой воинской части под Москвой перед сдачей в плен

Соединения 61-й армии, тесня противника, 21 декабря перерезали железную дорогу Тула — Орел. На следующий день главнокомандующий войсками Юго-Западного направления уточнил армии задачу: правым флангом нанести удар в направлении Литвиново — Зубково. Преодолевая упорное сопротивление противника, войска армии к исходу 24 декабря вышли на фронт Белый Колодезь — Малое Скуратово — Соловьевка, причем по-прежнему левый фланг армии находился уступом назад до 20 км. Отставание левофланговых соединений армии было связано с ожесточенным сопротивлением врага на подступах к г. Чернь. Не овладев этим городом, армия не имела перспектив для развития дальнейшего наступления и на своем правом фланге. Поэтому командующий армией для штурма города назначил две стрелковые и одну кавалерийскую дивизии из семи, имевшихся в составе армии.

3-я армия продолжала теснить части 17-й танковой, 293-й и 262-й пехотных дивизий врага в общем направлении на Новосиль и во взаимодействии с группой генерала Костенко вела бои с войсками елецко-ливенской группировки противника. В центре и на правом фланге ей к исходу 24 декабря удалось продвинуться вперед на рубеж Румянцево — Кресты.

В полосе 13-й армии и группы генерала Костенко наступление, начатое 21 декабря, особого развития не получило. Включительно по 24 декабря они вели бои в основном на прежних рубежах, добившись лишь некоторого продвижения на узком участке фронта.

Напряженный характер боевых действий, нехватка сил и средств, неопытность командного состава, слабая подготовка войск, трудные погодные условия требовали от фронтового командования немедленной реакции в любых ситуациях. Однако командование и штаб Юго-Западного фронта при всем желании не могли реализовать это требование, управляя войсками почти в 700-километровой полосе. В связи с этим маршал С. К. Тимошенко обратился в Ставку с предложением: в целях развития наступления на орловско-брянском направлении и разгрома орловско-болховской группировки противника вновь создать Брянский фронт, полевое управление которого с 10 ноября оставалось в резерве главкома Юго-Западного направления, и передать ему 3, 13 и 61-ю армии вместе с оперативной группой Костенко. Ставка согласилась с Тимошенко и 24 декабря назначила генерала Я. Т. Черевиченко командующим Брянским фронтом.

Войска Брянского и правого крыла Юго-Западного фронтов, выполняя указания главкома Юго-Западного направления, предпринимали попытки овладеть Орлом и Курском[129]. Однако эти задачи намного превышали возможности войск. К 8 января они продвинулись лишь на 5–25 км. Противник постоянно наращивал свои усилия, а советские войска несли большие потери. Так, на 1 января 1942 г. в пяти стрелковых дивизиях 3-й армии насчитывалось 16 028 человек и 138 орудий; в пяти стрелковых дивизиях 13-й армии имелось всего 11 833 человека, 82 орудия и миномета[130]. Таким количеством людей можно было бы по полному штату укомплектовать только две дивизии, а вот артиллерии не хватило бы и для одной.

В конце декабря группа армий «Центр» продолжала отходить, за исключением немногих участков фронта. К этому времени войска Калининского, Западного и Брянского фронтов, продолжая контрнаступление на западном стратегическом направлении, вышли на фронт оз. Волго — Дудорово — Гурьево — Волоколамск — реки Руза и Нара — Высокиничи — Калуга — р. Ока — Спешнево — Русский Брод — Ливны — Вышне-Долгое. Здесь сопротивление противника значительно возросло, бои и сражения приняли еще более упорный характер. Лишь на ржевском и сухиничском направлениях советские войска продолжали наступать.

Группа армий «Центр», противостоявшая советским фронтам, имела в своем составе 48 пехотных, 14 танковых, восемь механизированных, три охранные дивизии, три бригады, организационно сведенные в 11 армейских и восемь механизированных корпусов[131].

Основные силы Калининского, Западного и Брянского фронтов действовали в полосе Паршино — Волоколамск — Руза — Белёв, сохраняя за собой некоторое превосходство (по количеству соединений) над фланговыми группировками противника. Однако подавляющее большинство соединений фронтов, участвовавших в контрнаступлении, по-

несло довольно значительные потери, ощущался острый недостаток вооружения, боевой техники, особенно танков, боеприпасов, транспорта, и поэтому в условиях бездорожья, многоснежной зимы они выполняли свои задачи с чрезвычайным напряжением. Многие дивизии насчитывали в своем составе 3–4 тыс. и менее человек, а стрелковые бригады по 700–1000 человек.

С 25 декабря направление удара главной группировки Калининского фронта, получившей дополнительные силы из резерва Ставки ВГК, было изменено с юго-западного на южное. В связи с этим и войска правого крыла Западного фронта главное направление своих усилий также постепенно перенацелили с западного на юго-западное. Одновременно, чтобы вбить клин между вражескими группами армий «Центр» и «Север», Ставка ВГК частью сил Северо-Западного фронта готовила удар в направлении Торопец — Ярцево.

После уточнения задач, пополнения сил и средств войска Западного фронта возобновили наступление. Армии правого крыла выполняли прежнюю задачу — прорыв вражеской обороны на реках Лама и Руза. Войска левого крыла продолжали развивать удар по 4-й полевой армии противника в общем направлении Козельск — Вязьма, а также наступали на Киров. Брянский фронт вел наступление на болховском и орловском направлениях. Ему противостояли войска 2-й танковой и 2-й полевой армий противника.

Отброшенные от Москвы войска противника, понесшие огромные потери, постепенно занимали оборонительные позиции, закрепляясь на подготовленных рубежах. Противодействовать этому у советского командования не было сил.

В конце декабря 1941 г. армии правого крыла (1-я ударная, 20, 16 и 5-я) Западного фронта продолжали предпринимать попытки по слому сопротивления вражеских соединений, закрепившихся на рубеже Лотошино — Осташево — Дорохово. Но осуществить прорыв не удалось. Многие населенные пункты неоднократно раз переходили из рук в руки. Бои приняли позиционный характер. Противник все чаще стал предпринимать контратаки. Только в течение 1 января группа генерала Ремизова отразила три сильные контратаки вражеских войск.

Лишь в первых числах января удалось добиться некоторых результатов. Небольшое продвижение совершили части группы генерала Катукова. Однако на рубеже Ильинское — Зубово, встретив упорное сопротивление 23-й и 106-й пехотных дивизий противника, дальше двигаться вперед не смогли. Примерно такая же обстановка сложилась в полосе 16-й армии. Не имела продвижения и 5-я армия. К 8 января она вышла к рекам Руза и Москва.

Таким образом, наступление армий правого крыла Западного фронта с 25 декабря 1941 г. по 7–8 января 1942 г. не принесло ощутимых результатов. Прорвать имевшимися силами и средствами оборону противника на всю ее глубину они не смогли. Однако армии прочно сковали сильную группировку противника, в состав которой входили десять пехотных, восемь танковых и три моторизованные дивизии.

В конце декабря 1941 г. войскам Калининского фронта, наступавшим на ржевском направлении, противостояли основные силы 9-й немецкой полевой армии. Калининский фронт должен был нанести удар на Ржев с севера, разгромить ржевскую группировку, открыв путь для последующих действий в тылу группы армий «Центр». Для решения этой задачи имелась всего одна 39-я армия, войска которой еще продолжали сосредоточение юго-западнее Торжка. Остальные армии были развернуты главным образом на левом крыле фронта и вели затяжные бои в обстановке активного и все возраставшего сопротивления противника.

В последние дни декабря 22-я и 39-я армии, преодолевая сопротивление вражеских соединений, пытались прорваться к Ржеву. Однако наступление развивалось недостаточно быстро, так как вновь прибывшие на фронт соединения 39-й армии были еще не слажены, их личный состав не имел боевого опыта, а артиллерийские части не полностью обеспечены средствами тяги и связи. К концу декабря 39-я армия продвинулась на глубину 15–20 км.

В эти же дни соединения 29-й армии форсировали Волгу в районе Козлова. По мере их продвижения полоса наступления армии сужалась. Войска 31-й армии продолжали вести бои с частями 161-й и 129-й пехотных дивизий и медленно продвигались вперед. Левофланговые

соединения армии 31 декабря в районе Бабынина перехватили дорогу Старица — Степурино, а частью сил вышли к южным подступам мощного узла обороны противника у Старицы. Соединения 30-й армии также медленно продвигались вперед.

В создавшейся ситуации генерал И. С. Конев решил использовать успех 39-й армии, соединения которой были нацелены на обход Ржева с северо-запада, и 29-й армии, наступавшей с северо-востока. Подвижные части и соединения из 30-й армии перегруппировывались в район Бакланово — Шишково, в полосу 31-й армии. Одновременно они были объединены во 2-й кавалерийский корпус (18, 24, 82-я кавалерийские и 107-я мотострелковая дивизии). В ночь на 2 января 1942 г. корпусу была поставлена задача: «...к 8.00 4.1.42 г. овладеть районом Зубцова и выйти на рубеж Белогурово, Высокино, Бубново, имея задачей перерезать пути, идущие на юг и юго-запад с последующим ударом в направлении ст. Мончалово, содействуя 39-й армии в овладении районом г. Ржев; силами не менее одной кавдивизии к утру 6.1.42 г. выйти в район Сычевки и стать на пути отхода противника, отходящего на запад»[132]. Ввод корпуса в прорыв должна была обеспечить 31-я армия.

В начале января 1942 г. соединения 39-й армии, сломив сопротивление противостоявших частей противника, развернули наступление в направлении Ржева. К западу от железной дороги Старица — Ржев в обороне врага наметилась брешь, использование которой создавало возможность для удара на ржевско-вяземском направлении с выходом в тыл 3-й и 4-й немецких танковых армий. Отбив попытки врага закрыть брешь, соединения армии продолжили продвигаться в юго-западном направлении. Используя успех 39-й армии, войска 22-й армии в период с 1 по 7 января 1942 г. отбросили части противника к Волге и вышли на рубеж Ильино — Сытьково — Свеклино, выполнив задачу по обеспечению защиты 39-й армии от ударов противника с запада.

Для развития успеха на ржевском направлении командование Калининского фронта 6 января приняло решение: прикрываясь силами 22-й армии с запада и сковывая противника левофланговыми соединениями 39-й армии северо-восточнее Ржева, основными силами 39-й армии во взаимодействии с 22-й армией и кавалерийской группой окружить и уничтожить группировку врага в районе Ржева и овладеть городом. Для перехвата путей отхода противника на юг выдвинуть два отдельных лыжных батальона в район Кульнево — Осуга[133]. Реализация этого решения не потребовала особой перегруппировки соединений 39-й армии, так как силу удара она нарастила за счет резервных соединений.

В двухдневных боях, отражая многочисленные фланговые контратаки частей и соединений противника северо-восточнее Ржева, 39-я армия преодолела Волгу и вышла на рубеж железной дороги западнее Ржева. К Волге вышли и соединения 22-й армии. Генерал Конев передал 39-й армии из своего резерва 357-ю стрелковую дивизию, одновременно изъяв 220-ю и 369-ю стрелковые дивизии, скованные боями севернее Ржева, для передачи их в 29-ю армию. Используя успех 39-й армии, соединения 29-й армии быстро продвигались между железной дорогой Высокое — Ржев и р. Волга. 1 января ее 252-я стрелковая дивизия овладела крупным узлом дорог — г. Старица. В последующих боях соединения армии продвинулись вперед на 30–40 км. К 7 января они вышли на рубеж Клипуново — Крупцово и нависли над ржевской группировкой противника с северо-востока.

Добились успеха 31-я армия и 2-й кавалерийский корпус, наступавшие на зубцовском направлении. К 7 января они с боями продвинулись на 20–30 км к югу и, переправившись частью сил через Волгу, начали упорные бои за подготовленные противником к обороне населенные пункты. Продолжала наступать и 30-я армия, но с низкими темпами. В результате напряженных боев ее правофланговые соединения продвинулись на 5–15 км.

Таким образом, под ударами войск Калининского фронта оборона 9-й полевой армии противника западнее Ржева оказалась прорвана на всю глубину. Открылись возможности для развития дальнейшего наступления на ржевско-вяземском направлении. Обстановка требовала быстрой перегруппировки основных сил фронта, действовавших северо-восточнее Ржева, в полосу наступления 39-й армии, где противник был наиболее ослаблен и имел лишь

три-четыре потрепанные дивизии, оборонявшиеся на широком фронте. Главные же силы 9-й армии, прикрывавшей с севера фланг группы армий «Центр», оборонялись к северу и востоку от Ржева; резервы противника были исчерпаны.

В то время, когда Калининский фронт развивал удар на Ржев — Вязьму, войска левого крыла (49, 50, 10-я армии и группа генерала П. А. Белова) Западного фронта успешно наступали на сухиничском направлении.

Группа генерала В. С. Попова уже с 21 декабря вела уличные бои в Калуге, а остальные соединения 50-й армии охватывали Калугу и Лихвин с севера и юга. От Лихвина до Белёва наступали группа генерала П. А. Белова и соединения 10-й армии. 24 декабря группа генерала Белова с ходу переправилась через р. Ока. 10-я армия, ломая сопротивление частей противника, оставшихся в тылу группы генерала Белова, подходила к р. Ока на участке от устья р. Упа до Белёва. 24 декабря командование Западного фронта потребовало от армии к исходу 27 декабря главными силами выйти в район Козельска, а передовыми отрядами к этому же времени захватить Сухиничи[134].

Противник, оставив свои позиции на р. Ока, сосредоточил усилия на удержании Калуги и Белёва, стремясь рассечь наступление советских войск. Опираясь на эти важные узлы обороны и сосредоточив здесь сильную группировку, немецкое командование могло предпринять попытку восстановить свою оборону по р. Ока, на стыке 2-й танковой и 4-й полевой армий.

Использовав успех группы генерала Белова, части 50-й армии освободили Лихвин. Одновременно правофланговые соединения армии охватывали Калугу с северо-востока. В это время соединения 49-й армии вели наступление на Детчино и Торбеево. В районе Калуги бои продолжались с нарастающей силой до 30 декабря. В этот день город был освобожден.

К 31 декабря 49-я и 50-я армии, преодолев сопротивление соединений и частей 12, 13 и 14-го армейских корпусов, вели бои юго-западнее Малоярославца, западнее Калуги, Утешево и на северных подступах к Мосальску. 10-я армия, наступавшая левее 50-й, отставала от соединений группы генерала Белова. 25–26 декабря ее войска переправились через р. Ока и во взаимодействии с группой генерала Белова завязали бои за г. Белёв. Кавалерийские соединения группы 28 декабря обходным маневром с ходу овладели Козельском. 31 декабря после шестидневных боев правофланговые соединения 10-й армии вышли на подступы к Сухиничам, а группа генерала Белова достигла малой излучины р. Угра.

В начале января 1942 г., чтобы удержать в своих руках Детчино, Кондрово, Юхнов, Мосальск и другие важные узлы обороны и не допустить прорыва советских войск к железной дороге Вязьма — Людиново, являвшейся рокадой группы армий «Центр», немецкое командование принимало меры по усилению противодействия войскам Красной армии. Против группы генерала Белова, 50-й и 10-й армий оно спешно создавало сильную группировку, включив в ее состав 19-ю танковую, 10-ю моторизованную, 216-ю и 56-ю пехотные дивизии.

К 6–8 января соединения 49-й армии вели ожесточенные бои за железную дорогу южнее Малоярославца, в районе Детчина, где многие опорные пункты противника переходили несколько раз из рук в руки. Правее вели напряженные бои соединения 50-й армии. Ее левофланговые соединения, наступавшие во взаимодействии с группой генерала Белова, к 8 января продвинулись вперед более чем на 25 км. Соединения группы генерала Белова после выхода в район Зубово — Мещовск встретили сильное сопротивление и контратаки переброшенных сюда частей 19-й танковой, 10-й моторизованной и 216-й пехотной дивизий. 10-я армия вела боевые действия на мещовском и сухиничском направлениях. Попытки передовых отрядов армии с ходу овладеть Сухиничами, превращенными противником в узел обороны, не удались. В связи с этим командование фронта приказало командарму частью сил блокировать город, а главными силами безостановочно продолжать наступление с целью выйти на железную дорогу на участке Бахмутово — Киров — Людиново. Оставив в районе Сухиничей 324-ю стрелковую дивизию, армия продолжала наступление в западном направлении.

Таким образом, в период с конца декабря 1941 г. до начала января 1942 г. войска левого крыла Западного фронта, преодолев вражеский рубеж на р. Ока и продвинувшись на запад более чем на 100 км, подошли к железной дороге Вязьма — Брянск на участке Бахмутово — Людиново, создав условия для развития дальнейшего наступления на Вязьму и Спас-Деменск.

33-я и 43-я армии одновременно с армиями, действовавшими на правом и левом крыльях Западного фронта, вели наступление в центре. В соответствии с указаниями командующего Западным фронтом 33-я армия имела задачу разгромить боровскую группу противника и освободить Боровск, а 43-я — овладеть районом Балабаново, а впоследствии — Малоярославцем. Соединениям этих армий противостояли части 4-й полевой армии противника. Используя многочисленные укрепления и заграждения на р. Нара, они оказывали упорное сопротивление. В ходе ожесточенных боев войска армий сломили сопротивление врага на р. Нара и отбросили его к Боровску и Малоярославцу. К исходу 25 декабря ударные группировки армий продвинулись на 3–7 км, форсировали в ряде мест р. Нара и завязали бои за Наро-Фоминск. Соединения 33-й армии вели ожесточенные бои в районе города. 26 декабря они сломили сопротивление врага и выбили его из города. К этому же времени обозначился успех и на левом фланге 33-й армии, где вела бой 338-я стрелковая дивизия. Ее наступление создало условия для развития удара на боровском направлении.

Для закрепления и развития успеха командование фронтом усилило эти армии. Всего им были переданы четыре дивизии. После перегруппировки сил и средств 33-я и 43-я армии усилили нажим на противника. Армия генерала Ефремова преодолела р. Нара во всей своей полосе наступления и перерезала в нескольких местах железную и шоссейную дороги Наро-Фоминск — Малоярославец. Натиск соединений на боровском направлении способствовал успешному наступлению правофланговых соединений 43-й армии. Они вышли в район Балабаново — Белоусово, овладели Угодским Заводом, восточнее Малоярославца прорвались к р. Протва. В конце декабря сопротивление противника северо-западнее Малоярославца и у линий железной и шоссейной дорог южнее города значительно усилилось, бои вновь приняли напряженный характер. К этому времени ударная группировка 33-й армии сломила сопротивление частей 15-й, 292-й пехотных и 10-й танковой немецких дивизий и начала охват Боровска с северо-востока и юга.

К этому же времени соединения 43-й армии форсировали реки Протва и Лужа и вышли на северные и южные подступы к Малоярославцу. В течение 1 и 2 января части 53-й стрелковой дивизии с 26-й танковой бригадой, взаимодействуя с 17-й стрелковой дивизией, в упорном бою сломили сопротивление 19-й танковой и 98-й пехотных дивизий и 2 января освободили город. Вследствие чего 43-я армия получила возможность наступать вдоль Варшавского шоссе в направлении Медыни.

1 января разгорелись ожесточенные бои за Боровск. Некоторые населенные пункты на подступах к городу несколько раз переходили из рук в руки. Лишь 4 января город был освобожден. В последующие четыре дня левофланговые соединения 33-й и войска 43-й армий продвинулись с боями еще на 10–25 км. К 8 января они вышли на линию Редькино — Вышгород — Благовещенское — Троицкое — Большая Шубинка, где вновь встретили упорное сопротивление и контратаки отошедших и подходивших для их поддержки частей противника.

В итоге январского наступления армии Западного фронта продвинулись на 60–150 км и еще дальше отбросили противника от столицы, создав при этом на ряде участков фронта глубокие вклинения в его расположение, а 1-й гвардейский кавалерийский корпус вышел на тылы группы армий «Центр».

В конце декабря 1941 г. к контрнаступлению подключился Брянский фронт. Основная задача его войск — во взаимодействии с армиями правого крыла Юго-Западного фронта разгромить вражескую группировку в районах Орла, Курска и южнее. Однако полностью сломить сопротивление противника, постоянно получавшего подкрепления, не удалось. С 25 декабря 1941 г. по 8 января 1942 г. армии фронта смогли продвинуться лишь на 25 км, отбросив врага к рекам Ока и Зуша.

В итоге контрнаступления Красной армии группа армий «Центр» к 7 января 1942 г. оказалась в критическом положении. Над ее левым крылом и тылом нависли войска Калининского фронта. В центре — фронт 4-й полевой армии был прорван у Боровска и Малоярославца. Левый ее фланг утратил непосредственную оперативную связь со 2-й танковой армией, отброшенной на юго-запад к Жиздре и Мценску. Между этими армиями в результате ударов войск левого крыла Западного фронта образовался большой разрыв, в который вошли 49, 50, 10-я армии и группа генерала П. А. Белова. 2-я полевая армия отходила под ударами Брянского фронта.

Контрнаступление советских войск под Москвой было первой в Великой Отечественной войне крупной наступательной операцией стратегического значения, осуществленной усилиями трех фронтов. В результате контрнаступления ударные группировки противника, нацеленные на Москву, были отброшены на 100–250 км на запад. Угроза столице государства и Московскому промышленному району была ликвидирована. Красная армия освободила свыше 11 тыс. населенных пунктов, вышла на рубеж Селижарово — Ржев — Руза — Боровск — Мосальск — Белёв — Мценск — Новосиль. Были разбиты 23 пехотные, 11 танковых и четыре моторизованные дивизии противника.

Под Москвой немцы не только утратили стратегическую инициативу и познали горечь поражения, но главное — они проиграли свою «молниеносную войну» против Советского Союза. Крах стратегии блицкрига поставил Третий рейх перед перспективой длительной, затяжной войны. Такая война потребовала от его правителей перестройки плана «Барбаросса», нового стратегического планирования на последующие годы и дополнительного изыскания огромных материальных ресурсов. К затяжной войне Германия не была готова. Для ее ведения требовалось радикальным образом перестроить экономику страны, внутреннюю и внешнюю политику, не говоря уже о стратегии.

Общие потери противника, включая раненых и больных, за период контрнаступления составили не менее 300 тыс. человек. Победа под Москвой показала всему миру, что Красная армия способна не только обороняться, но и наносить мощные скоординированные удары. Разгром наступавших на Москву ударных вражеских группировок вызвал замешательство и растерянность в стане противника. Вместо захвата Москвы и выхода на р. Волга и к Уралу, как это предусматривалось планом «Барбаросса», войска вермахта вынуждены были перейти к обороне на всем советско-германском фронте. Группа армий «Центр» — наиболее мощная группировка агрессора, включавшая лучшие соединения германского вермахта и три четверти танковых и моторизованных сил, оказалась буквально на грани разгрома. «Страх за свою судьбу, — писал бывший начальник штаба армии генерал Блюментрит, — охватил не только часть войск, но и многих представителей командования»[135]. Поражение под Москвой Гальдер назвал катастрофой и «началом трагедии на Востоке».

Особую значимость успеху Красной армии придает то, что его удалось достичь при невыгодном для наступления соотношении сил и средств. Однако это было компенсировано за счет удачного выбора момента перехода в контрнаступление, когда противник остановился, но еще не успел перейти к обороне и построить оборонительные позиции. Кроме того, успех был достигнут благодаря использованию дополнительных сил. Для развития контрнаступления были введены полевое управление фронта, две общевойсковые армии, 26 стрелковых и восемь кавалерийских дивизий, 10 стрелковых бригад, 12 отдельных лыжных батальонов и около 180 тыс. человек маршевого пополнения.

Находившиеся в непрерывных напряженных боях войска устали и понесли значительные потери. В то же время из-за острой нехватки личного состава и вооружения пополнить их было сложно. Сильных резервов для развития успеха в распоряжении командования фронтов и армий не было.

Общие потери советских войск, участвовавших в контрнаступлении под Москвой, составили 370 955 человек, 429 танков, 13 350 орудий и минометов, 140 боевых самолетов[136].

Решающим фактором в достижении победы над захватчиками в контрнаступлении под Москвой являлся высокий моральный дух советских воинов.

Общее наступление Красной армии

1942 г. народы Советского Союза встречали в условиях продолжавшейся напряженной борьбы с врагом. На всех участках советско-германского фронта не прекращались ожесточенные сражения. Победа под Москвой окрылила и фронт, и тыл. Завершилось мощное контрнаступление фронтов, действовавших на западном направлении. Конечно, успехи зимней кампании 1941—1942 гг. вызвали у руководства страны и народа определенный оптимизм: враг непременно будет разбит и победа будет за нами. Завершилось мощное контрнаступление фронтов, действовавших на западном направлении. Крупного успеха удалось достичь на северо-западном и юго-западном направлениях и в Крыму. Успех этот был бесспорным и чрезвычайно важным, а его значение вышло далеко за рамки выполнения чисто военной задачи. Ведь именно под Москвой немцы не просто утратили стратегическую инициативу и познали горечь поражения, они проиграли не сражение, операцию или битву, а «молниеносную войну» против СССР.

В связи с устранением угрозы захвата немцами Москвы и переходом стратегической инициативы на сторону Красной армии советское руководство приняло ряд мер по стабилизации обстановки в тылу и развитию успеха на фронте. Государственный Комитет Обороны постановил разминировать предприятия и объекты Москвы, подготовленные к взрыву еще в октябре 1941 г., прекратить все работы на пяти оборонительных рубежах, возводившихся за реками Волгой, Окой и Клязьмой[137]. Одновременно Ставка ВГК и Генеральный штаб осуществляли подготовку к новым наступательным операциям Красной армии.

Победа под Москвой оказала влияние на весь последующий ход Второй мировой войны. Она способствовала развертыванию движения Сопротивления в порабощенных гитлеровцами странах, вызвала большой энтузиазм у народов государств антигитлеровской коалиции, вдохновила их на усиление борьбы с фашизмом. Неслучайно именно 1 января 1942 г. представители СССР, США, Великобритании, Канады и других стран подписали в Вашингтоне Декларацию 26 государств, где заявили о своей решимости одержать полную победу над странами оси — Германией, Италией и Японией. Разгром немцев под Москвой отрезвляюще подействовал на реакционные круги Японии и Турции, заставив их воздержаться от вооруженного выступления против СССР.

Незадолго до этого британский министр иностранных дел А. Иден, прибывший в Москву на переговоры со Сталиным, посетил один из участков советско-германского фронта в районе г. Клина. Советские офицеры 19 декабря 1941 г. показали ему огромные колонны брошенных немцами автомашин и танков. Англичанин был удивлен и поражен масштабами германского разгрома. Личные впечатления Идена от всего увиденного под Москвой оказали влияние на выработку правительством Великобритании дальнейшей политики военной помощи Советскому Союзу[138].

В конце 1941 г. перед Ставкой ВГК встала задача разработать планы новых операций на зиму, весну и лето 1942 г. Советское военно-политическое руководство намеревалось закрепить стратегическую инициативу, завоеванную Красной армией в декабрьских сражениях, и развить достигнутый успех. Считалось необходимым усилить натиск на противника. Вместе с тем учитывались и возникавшие серьезные трудности. Народное хозяйство еще не завершило переход на военные рельсы и не имело возможности в полном объеме восполнять потери вооруженных сил в оружии и военной технике. Напряженное положение создалось и с пополнением людскими ресурсами. В операциях 1941 г. безвозвратные потери Красной армии и Военно-морского флота составили почти 3 млн 138 тыс. человек, в том числе пропавших без вести и попавших в плен более 2 млн 335 тыс. бойцов и командиров[139].

По требованию Ставки ВГК командования фронтов представили свои соображения по ведению боевых действий на зиму 1942 г. Командование Волховского фронта считало необходимым и возможным совместно с Ленинградским фронтом окружить и уничтожить 18-ю армию противника, полностью деблокировав Ленинград. Военный совет Калининского

В освобожденном селе

Саперы перед рубежом вражеской обороны

Командир авиационного полка Герой Советского Союза А. Б. Юмашев *(второй слева)* ставит боевую задачу командирам экипажей

Танкисты обсуждают план предстоящего боя

Брошенная техника врага

Бои не утихали и ночью

фронта предлагал организовать и провести наступательную операцию с решительной целью — завершить окружение и уничтожение 9-й немецкой армии, а затем развить наступление либо на Смоленск, либо на Великие Луки. Командующий войсками Западного фронта настаивал на дальнейшем развитии наступления на запад. Военный совет Юго-Западного направления предлагал перенести основные усилия на юго-запад и провести здесь крупную наступательную операцию с целью освобождения Донбасса и выхода на Днепр.

Все командующие просили об усилении своих фронтовых объединений. Без обстоятельного анализа реальных возможностей сторон, их положения и результатов предшествовавших боевых действий они настаивали на развертывании решительных наступательных операций. Это единодушие, безусловно, оказало на Верховного главнокомандующего большое влияние. Кроме того, сказывались и оптимистические выводы советской военной разведки, особенно по потерям агрессора. Генеральный штаб считал, что с начала войны и по ноябрь 1941 г. противник потерял 4,5 млн человек. В действительности реальные потери были в 5–6 раз меньше[140]. В частности, сухопутные войска вермахта к середине ноября 1941 г. потеряли в общей сложности лишь 699,7 тыс. человек[141]. Ошибочные выводы делались и из оценки намерений противника. Отсутствие достоверной информации о стратегической обстановке не позволило военно-политическому руководству правильно оценить истинное положение, а Ставке ВГК помешало принять целесообразное решение. Она считала, что в сложившейся обстановке немецкие войска, деморализованные поражением и плохо подготовленные к боевым действиям в зимних условиях, не смогут оказать достаточно упорного сопротивления до тех пор, пока не будут восполнены понесенные ими потери.

План военных действий Красной армии на зиму 1942 г. рассматривался на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) и Ставки ВГК 5 января 1942 г. в Кремле. Начальник Генштаба маршал Б. М. Шапошников проинформировал о положении дел на фронте и изложил проект плана общего наступления фронтов. На ближайшие месяцы перед вооруженными силами ставились решительные цели: ликвидировать угрозу Ленинграду, Москве и Кавказу и, удерживая стратегическую инициативу в своих руках, разгромить вермахт и армии союзников Германии, чтобы создать условия для завершения войны в 1942 г.

И. В. Сталин, выступая на заседании, заявил: «Немцы в растерянности от поражения под Москвой, они плохо подготовились к зиме. Сейчас самый подходящий момент для перехода в общее наступление. Враг рассчитывает задержать наше наступление до весны, чтобы весной, собрав силы, вновь перейти к активным действиям. Он хочет выиграть время и получить передышку. Наша задача состоит в том... чтобы не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать резервы еще до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов, и обеспечить, таким образом, полный разгром гитлеровских войск в 1942 г.»[142]. В целом замысел Верховного главнокомандующего сводился к тому, чтобы, используя успех, достигнутый в ходе контрнаступления, развернуть общее наступление силами девяти фронтов одновременно от Ладожского озера до Черного моря. Главный удар планировалось нанести на центральном, то есть западном направлении силами Западного и Калининского фронтов во взаимодействии с войсками левого крыла Северо-Западного фронта с целью завершения разгрома группы армий «Центр»[143].

Группу армий «Север» должны были разгромить войска Ленинградского, Волховского и правого крыла Северо-Западного фронтов. Им же ставилась задача деблокировать Ленинград[144]. Войскам Юго-Западного и Южного фронтов предстояло разбить главные силы группы армий «Юг» и освободить Донбасс. Армиям Кавказского фронта при содействии Черноморского флота надлежало завершить освобождение Крыма[145]. В целом фронтам предстояло окружить и уничтожить главные силы трех групп немецких армий и к весне 1942 г. продвинуться на глубину 300–400 км.

Нереальность такого замысла вытекала уже из фактического состояния советских войск. К началу января более половины дивизий действующей армии имели примерно 50% штатного состава. Особенно сильно были обескровлены соединения Западного и Калининского фронтов, которые вели непрерывные бои с главной ударной группировкой вермахта,

стремившейся овладеть Москвой. Эти же фронты играли главную роль и в развернувшемся контрнаступлении. Их оснащенность вооружением резко упала. На 1 января они были обеспечены: винтовками — на 67%, пистолетами-пулеметами — на 35%, станковыми пулеметами — на 36%, орудиями полевой артиллерии — на 66%, минометами — на 45%, а танками и того меньше[146]. В то же время положение СССР оставалось крайне сложным и опасным: ведь он по-прежнему нес основную тяжесть борьбы против Германии и ее союзников, так как Великобритания и США все еще не были готовы к открытию второго фронта в Европе. А тем временем войска вермахта находились всего в 150 км от Москвы; в тисках вражеской блокады умирали от голода и бомбежек ленинградцы; миллионы жителей значительной части оккупированных фашистами районов страны страдали от «нового порядка» захватчиков.

В ходе обсуждения плана боевых действий на зиму 1942 г. несогласие с замыслом Верховного главнокомандующего высказал Г. К. Жуков. Он возражал против одновременного наступления всех фронтов, предложив зимой продолжить наступательные операции лишь на западном направлении, где противник еще не успел восстановить боеспособность своих войск после декабрьского поражения. Чтобы это наступление было успешным, Жуков рекомендовал усилить фронты западного направления резервами, особенно танковыми частями, и пополнить их личным составом и техникой. На остальных направлениях, где советским войскам противостояла сильная оборона, он предлагал ограничиться временной обороной. Действовавшие здесь фронты, по мнению Жукова, «без наличия мощных артиллерийских средств не смогут прорвать вражескую оборону, сами измотаются и понесут большие, ничем не оправданные потери»[147].

Генерала Жукова поддержал только кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), заместитель председателя СНК Н. А. Вознесенский, который обоснованно заявил: «Мы сейчас еще не располагаем материальными возможностями, достаточными для обеспечения одновременного наступления всех фронтов»[148].

Но Сталин не прислушался к этим доводам. Ссылаясь на разговор с главнокомандующим войсками Юго-Западного направления маршалом С. К. Тимошенко, он вновь подчеркнул, что «надо быстрее перемалывать немцев, чтобы они не смогли наступать весной»[149].

Никто больше не выступал, давая тем самым понять, что согласны с установкой Верховного. В итоге план был принят и по нему отданы соответствующие директивы фронтам[150]. Очень скоро, однако, выяснилось, что иллюзорные расчеты на разлад в стане противника и достигнутое над ним превосходство безосновательны. В то время советские войска насчитывали около 4,2 млн человек, 28 тыс. орудий и минометов, 1780 танков, из них 506 тяжелых и средних. Этим силам противостояли войска Германии и ее союзников численностью около 4 млн человек, около 35 тыс. орудий и минометов и 1500 танков[151]. Советские фронты ни на одном из направлений не имели ни количественного, ни качественного перевеса над противником.

Планируя операции на зиму 1942 г., Ставка ВГК явно недооценила возможные контрдействия противника. Между тем немецкое командование принимало меры не только для того, чтобы стабилизировать восточный фронт, но и подготовить здесь новые удары. В целом ряде приказов, отданных в конце декабря 1941 г. и в январе — марте 1942 г., Гитлер требовал упорно сопротивляться на занимаемых рубежах, удерживать позиции любой ценой, сражаться всеми средствами до конца. В его приказе от 1 января 1942 г., например, указывалось: «Цепляться за каждый населенный пункт, не отступать ни на шаг, обороняться до последнего солдата, до последней гранаты»[152].

Предпринимались все меры для восстановления боеспособности немецких армий на восточном фронте. Чтобы остановить наступление советских войск, германское командование продолжало направлять туда свежие дивизии, маршевое пополнение, боеприпасы и другие материальные средства. К тому времени немцам удалось стабилизировать положение на своих флангах: группа армий «Север», остановив наступление советских войск, прочно закрепилась на левом берегу р. Волхов; оправилась от поражения под Ростовом и группа армий «Юг». А вот положение группы армий «Центр» вызывало в Берлине некоторую обес-

покоенность, ибо под Ржевом сохранялась опасность, что 9-я армия будет отрезана от своих коммуникаций.

Тяжелая обстановка сложилась в полосе 4-й армии, когда советские войска захватили Боровск и обошли правый фланг 20-го армейского корпуса. В случае дальнейшего их продвижения в северном направлении корпус мог оказаться в котле. А это, в свою очередь, открывало направление на Вязьму и могло привести к «большому окружению всей группы армий «Центр»[153]. Ликвидировать эту опасность Гитлер поручил командующему 4-й танковой армией, передав в его подчинение 20-й армейский корпус. Гёпнер, полагая, что для успешной реализации поставленной перед ним задачи необходимо немедленно отвести корпус к северо-западу от Боровска, 6 января обратился к командующему группой армий «Центр» фельдмаршалу Г. Клюге, но тот отклонил это предложение. Сложной оставалась обстановка и в полосе 2-й танковой армии, так как в разрыв, образовавшийся на ее стыке с 4-й полевой армией, устремилась оперативная группа генерала П. А. Белова, которая начала развивать успех на юхновском направлении, а через брешь на смежном со 2-й полевой армией фланге наступали части 10-й советской армии. Они уже настолько приблизились к железной дороге Брянск — Вязьма, что возникла прямая угроза этой жизненно важной для группы армий «Центр» артерии. Гитлер потребовал от войск оказывать ожесточенное сопротивление русским. Право на отход они получали только с разрешения вышестоящего командования и в том случае, если из-за отсутствия боеприпасов или продовольствия войска не смогут наносить потери противнику.

Германский исследователь К. Рейнгардт утверждает, что, «несмотря на все меры, принимаемые Гитлером, ОКХ и Клюге, группу армий («Центр». — *Прим. ред.*) нельзя было бы спасти, если бы ей противостоял сильный, умеющий использовать свои преимущества противник»[154].

Положение советских войск усугублялось также тем, что наступательные операции готовились в спешке. Сроки начала наступления устанавливались без учета степени готовности войск. Так, командующие Волховским и Северо-Западным фронтами в ходе прямых переговоров с Генеральным штабом докладывали о неготовности многих соединений и объединений к переходу в наступление в установленные сроки по ряду причин: не успевало подойти пополнение, запаздывал подвоз боеприпасов, продовольствия, горючего и других материальных средств, необходимых для ведения боевых действий. Да и перегруппировку многие армии не успевали завершить к указанному сроку, поэтому переходили в наступление разновременно, в неполном составе[155].

Безусловно, участники совещания в Ставке видели изъяны плана дальнейших действий. Но они понимали и другое: уже четыре месяца длилась блокада Ленинграда, в течение которых Ставка была не в состоянии оказать необходимую помощь ленинградцам. Только теперь, после отвода угрозы от столицы, появилась возможность усилить войска на северо-западном направлении и активизировать борьбу по снятию вражеской блокады. Кроме того, и И. В. Сталин, и Генеральный штаб считали, что сложившаяся обстановка благоприятна для освобождения Донбасса и Крыма.

Что касается недостатка сил и средств, то, по мнению Верховного главнокомандующего, его можно было компенсировать умелыми действиями войск, для чего потребовалось «заменить в практике наших армий и фронтов действия отдельными дивизиями, расположенными цепочкой, действиями ударных групп, сосредоточенных в одном направлении... и заменить так называемую артиллерийскую подготовку артиллерийским наступлением». Последнее означало, что артиллерия должна наступать вместе с пехотой, вести огонь в течение всего «наступления, пока не будет взломана оборонительная линия противника на всю ее глубину», и что «артиллерия должна быть сосредоточена не в любом месте фронта, а в районе действия ударной группы армии, фронта»[156].

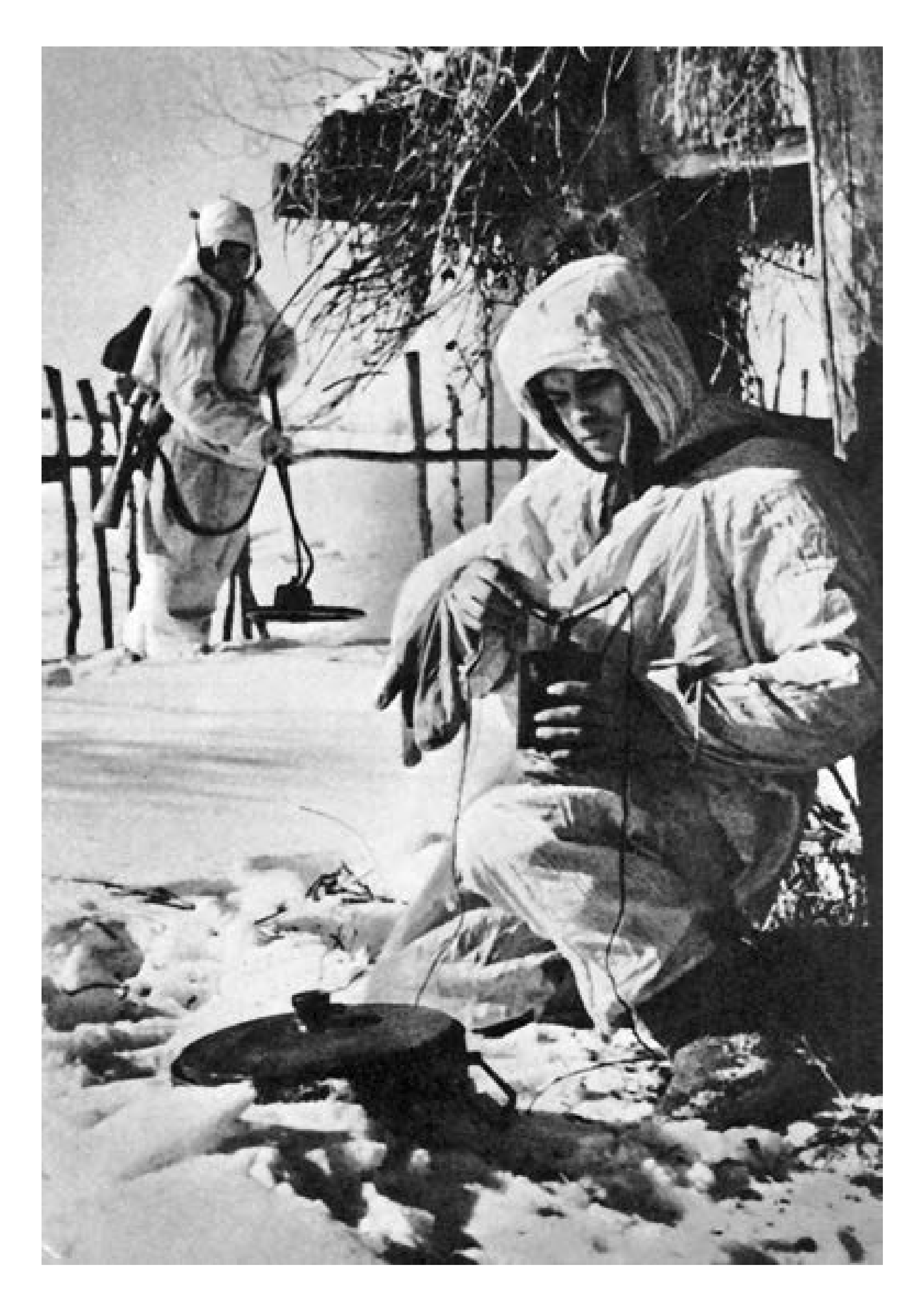
Советское командование при подготовке общего наступления исходило из того, что успех его будет обусловлен целенаправленностью усилий и непрерывностью боевых действий. 7 января 1942 г. Ставка ВГК поставила задачи фронтам западного направления: все дальнейшие усилия войск направлялись на окружение ржевско-вяземской группировки врага,

Огонь по врагу из вражеского орудия, захваченного в бою

После себя фашисты оставляли одни руины

Саперы обезвреживают мины

а операция должна была начаться немедленно, то есть никакой паузы между окончанием контрнаступления и началом общего наступления не планировалось[157]. Калининскому фронту приказывалось нанести удар в направлении Ржева и Вязьмы, Западному — в направлении Юхнова и Вязьмы. Совместными усилиями они должны были «окружить, а затем пленить или уничтожить» всю ржевско-вяземскую группировку противника. Кроме всего прочего, Западный фронт силами 20-й армии прорывал оборону врага на р. Лама.

Завершающий этап битвы под Москвой начался 8 января 1942 г., когда в наступление перешли войска Калининского, левого крыла и центра Западного фронтов. На следующий день в наступление включились ударные армии Северо-Западного, а 10 января — армии правого крыла Западного фронтов.

На северо-западном направлении операции должны были проводиться силами Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов при решающей роли Волховского фронта. Но этот фронт был создан только 17 декабря 1941 г. Он не имел ни необходимых сил, ни материальных средств, ни опыта проведения крупных наступательных операций, ни времени на их подготовку. Поэтому сроки перехода в наступление неоднократно переносились. В конце концов, фронты начали операции разновременно, в момент, когда некоторые их войска еще не сосредоточились в исходном районе. В итоге на Волховском фронте лишь 2-й ударной армии удалось прорвать оборону врага и к концу февраля продвинуться на 75 км. Попытки продолжить наступление и овладеть Любанью успеха не имели. Не дало заметного результата и наступление 54-й армии Ленинградского фронта навстречу 2-й ударной армии. В апреле из-за наступившей распутицы войска перешли к обороне.

На старорусском и торопецком направлениях действовал Северо-Западный фронт под командованием генерала П. А. Курочкина. Перед ним стояла задача разгромить гитлеровцев в районе озер Селигер и Волго, обойти их ржевско-вяземскую группировку с запада, отрезать пути отхода и «во взаимодействии с войсками Калининского фронта» уничтожить ее. Войска Северо-Западного фронта в течение последних двух месяцев оборонялись на сравнительно спокойном участке, где немцы активных действий не предпринимали. Во второй половине декабря фронт приступил к подготовке наступления. Сплошной обороны у противника здесь не было. 3-й и 4-й ударным армиям, действовавшим на левом крыле Северо-Западного фронта, противостояли три пехотные дивизии и кавалерийская бригада СС. В армиях имелось: пять стрелковых дивизий, 10 стрелковых бригад и свыше 30 отдельных полков, дивизионов и батальонов различных родов войск. Из них четыре стрелковые дивизии перебрасывались из-под Москвы автотранспортом, а обозы соединений и лыжные батальоны следовали своим ходом. Сильные морозы вынуждали делать частые остановки для обогрева личного состава. Почти непрерывные снегопады снижали скорость движения. Некоторые части прибыли за день-два до ввода в бой, а другие еще позже, и потому им пришлось догонять свои соединения уже в ходе наступления.

В наступление войска фронта перешли утром 9 января и сразу же встретили упорное сопротивление врага. Несмотря на преимущество в силах и средствах, его соединения продвигались очень медленно. Им понадобилось целых четыре дня, чтобы прорвать довольно слабую оборонительную полосу неприятеля. И всё из-за того, что малая плотность артиллерии не позволила подавить вражескую оборону. Да и пехота наступала без поддержки танков, ибо они оказались без горючего. Не набравшись еще боевого опыта, соединения и части увлекались борьбой за населенные пункты, ввязывались в затяжные бои с мелкими гарнизонами противника. Сказалось и плохое управление войсками из-за слабой подготовленности всех штабов. К исходу 16 января 3-я ударная армия продвинулась на глубину от 20 до 60 км.

Соединения 4-й ударной армии под командованием генерала А. И. Ерёменко за два дня прорвали оборону противника и устремились к Андриаполю. На подходе к нему они встретили упорное сопротивление врага. Только 16 января город был освобожден. Советским войскам достались богатые трофеи: огромные склады продовольствия и фуража, боеприпасов и горючего. За восемь дней наступления 4-я ударная армия продвинулась на 60–65 км, причем своим левым флангом она создала немецким частям, оборонявшимся в Селижаровском

укрепленном районе, угрозу обхода и вынудила их отступить. В свою очередь, это дало возможность правофланговым соединениям 22-й армии Калининского фронта выйти на правый берег р. Волга. Армии левого крыла Северо-Западного фронта продолжали продвижение в юго-западном направлении.

Основные события зимой 1942 г. развернулись на западном направлении, где войска Западного и Калининского фронтов стремились завершить разгром группы армий «Центр», начатый в декабре 1941 г. у стен Москвы. Происходившие здесь сражения вошли в историю войны как Ржевско-Вяземская стратегическая наступательная операция. Основная цель операции состояла в окружении можайско-гжатско-вяземской группировки противника. Кроме Западного и Калининского фронтов к этим действиям были привлечены и войска левого крыла Северо-Западного фронта[158].

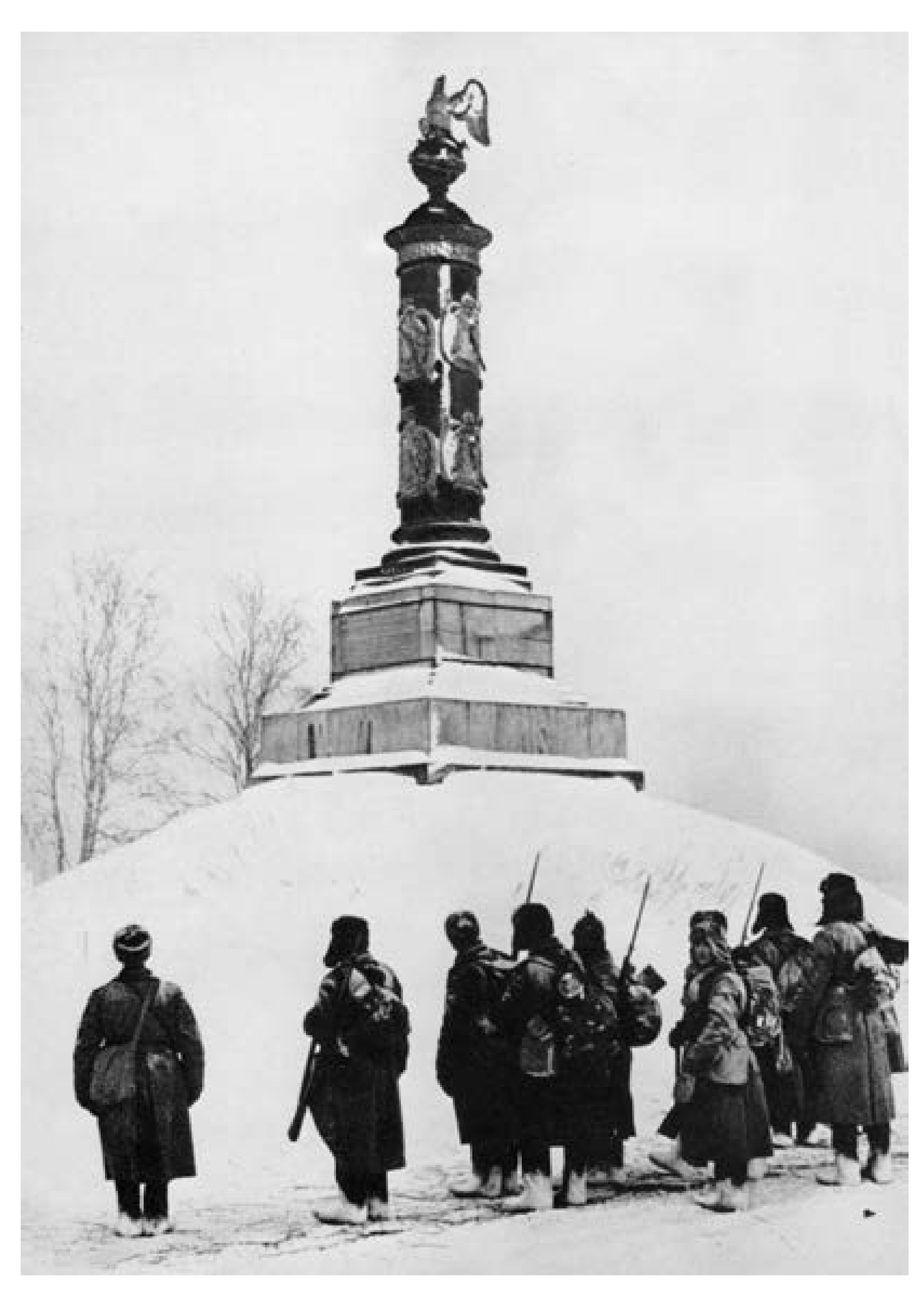
Ударная группа Калининского фронта перешла в наступление 6–7 января. Прорвав оборону противника западнее Ржева, она расчленила 6-й армейский корпус немцев на две части, отбросила одну на восток, к Ржеву, а другую — к железнодорожной станции Оленино. С утра 8 января 39-я армия под командованием генерала И. И. Масленникова частью войск продвигалась к Ржеву, а основными силами — на юг, в сторону Вязьмы. Отражая контратаки врага, главные ее силы к вечеру 10 января достигли рубежа в 35 км юго-западнее Ржева. Быстрый выход армии на фланг и в тыл ржевской группировки неприятеля существенно изменил обстановку. Противоборствовавшие стороны торопились принять экстренные меры. Ставка ВГК в ночь на 11 января потребовала от генерала И. С. Конева «в течение 11 и ни в коем случае не позднее 12 января овладеть г. Ржев»[159].

Противник бросил против главных сил 39-й армии танковую и пехотную дивизии. При этом штаб 9-й полевой армии из-за опасения попасть в окружение 12 января вынужден был переместиться из Сычевки в Вязьму[160].

Развернувшиеся сражения показали, что поставленные Ставкой задачи превышали возможности 29-й и 39-й армий, соединения которых за период контрнаступления понесли значительные потери. К тому же на подступах к Ржеву немцам за счет сокращения линии фронта и переброски новых частей удалось повысить оперативную плотность и усилить свою оборону. В итоге армии овладеть этим городом с ходу не смогли. Пришлось командованию фронта, перегруппировав силы, нацелить 29-ю армию только на Ржев, а 39-ю — на Вязьму. Не привел к изменению положения и ввод в сражение 12 января подвижной группы фронта — 11-го кавалерийского корпуса, поскольку сил и средств у него было мало: 5800 человек, 84 орудия и миномета, 27 противотанковых ружей[161].

Однако рокировка войск, осуществленная генералом Коневым в интересах быстрейшего освобождения Ржева, сильно ослабила 39-ю армию. Кроме того, на стыке с 22-й армией образовался разрыв шириной до 40 км, где находился всего один стрелковый полк. Не справлялся со своими задачами и тыл 39-й армии. Тыловые части базировались на единственную грунтовую дорогу, которая пролегала всего в 3–4 км от противника и потому постоянно им обстреливалась. В результате они могли перевозить не более четверти суточной потребности армии. В итоге войска испытывали острую нехватку продовольствия, фуража, боеприпасов и других средств. Все это и побудило командующего войсками Калининского фронта задержать на неделю продвижение к Вязьме с севера подвижной группы, возглавляемой генералом Г. Т. Тимофеевым.

Не совсем удачно развивалось наступление и в полосе Западного фронта. Используя брешь шириной 100–150 км, созданную еще в декабре — январе, группа П. А. Белова и 10-я армия продолжали наступление, а соединения 50-й армии, натолкнувшись на упорное сопротивление неприятеля, постепенно перегруппировывались к левому флангу для последующего удара на Юхнов. Первыми к городу вышли части группы генерала Белова, но здесь они встретили сильное сопротивление противника. Генерал Жуков, используя выход к Юхнову соединений 50-й армии, вывел группу Белова из боя и направил ее к Мосальску. Для нанесения удара по Юхнову с юга привлекались части 50-й армии. Одновременно 49-я армия наносила удар по нему с востока, а 43-я армия — с северо-востока.

Связь времен

Получение танков Т-34 и гусеничных тягачей на Сталинградском танковом арсенале Поволжья и Дона. Район Сталинграда, август 1942 г.

«Тридцатьчетверки» и мотопехота в районе Богучар.
Юго-Западный фронт, декабрь 1942 г.

Воины, отличившиеся в боях под Сталинградом.
Юго-Западный фронт, декабрь 1942 г.

Воины Красной армии рассматривают соломенные боты,
используемые солдатами вермахта в качестве аналога валенок

Комиссар 107-го отдельного танкового политрук М. И. Собченко проводит с бойцами политинформацию. Эта часть была вооружена трофейными германскими танками. Волховский фронт, 6 июля 1942 г.

Подготовка штурмовика Ил-2 к очередному вылету на боевое задание. Северо-Западный фронт, осень 1942 г.

Расчет 76,2-мм полкового орудия готовится открыть огонь по противнику.
Наводчик Хохлов наводит орудие на цель. Северо-Западный фронт, декабрь 1942 г.

Брошенная немецкая техника

На марше советская механизированная артиллерия

Позиции германских войск под Ленинградом. Начало 1943 г.

Батарея 122-мм гаубиц под командованием лейтенанта Г. М. Дзебы подавляет огневые точки врага. Калининский фронт, декабрь 1942 г.

Группа немецких пленных, сдавшихся войскам Красной армии под Демянском. 1943 г.

Однако сил и средств для развития наступления не хватало. Продвинувшись на 25—50 км, войска фронта к середине января вынуждены были остановиться. Особенно трудно пришлось соединениям генерала Белова, которые, выйдя к Варшавскому шоссе, натолкнулись на оборонительный рубеж гитлеровцев, состоявший из опорных пунктов, минных полей и хорошо организованной системы огня. Ударные группировки Калининского и Западного фронтов к 15 января были вынуждены перейти к обороне на рубежах, удаленных на 70—75 км к северу и юго-востоку от Вязьмы. Им не удалось использовать все выгоды своего охватывающего положения для окружения противника. Основная причина заключалась в том, что в период подготовки операции они не получили необходимого усиления. Поэтому наступательная мощь обеих ударных группировок быстро иссякла. Для продолжения наступления требовалось создать превосходство в силах и средствах над врагом на главных направлениях и одновременно развивать наступление на остальных.

Войска Западного фронта развернули наступление на широком фронте без всякой паузы. 8 января левофланговые дивизии 33-й армии, повернув на Верею (22 км юго-восточнее Можайска), перерезали коммуникации 20-го армейского корпуса, угрожая ему окружением. Единственным выходом в такой ситуации, по мнению командующего 4-й танковой армией генерала Гёпнера, был безотлагательный отвод частей корпуса. Не получив соответствующего разрешения ни от верховного главнокомандования, ни от командующего группой армий «Центр», Гёпнер самостоятельно принял решение об отводе 7-го и 20-го армейских корпусов на отсечную позицию. В результате Гитлер отстранил его от должности. Вместо него был назначен генерал Р. Руофф. К 15 января соединения 33-й армии вышли на рубеж в 15—18 км западнее Боровска. Отход 7-го армейского корпуса был немедленно использован командующим 5-й армией генералом Л. А. Говоровым. Его войска начали преследование противника севернее и южнее Минской автострады, а также вдоль нее. Левофланговые соединения армии продвинулись на 20—25 км и стали обходить Можайск с юга.

Генерал Г. К. Жуков, не получив от Ставки пополнения, за счет предельного ослабления второстепенных направлений осуществил массирование сил и средств на главном направлении. На правом крыле фронта была создана ударная группировка. Ее основу составила 20-я армия, куда были переданы три кавалерийские дивизии, четыре стрелковые бригады, пять полков, пять лыжных батальонов, 50 танков, 321 орудие и миномет из 1-й ударной и 16-й армий. В результате соотношение сил и средств в полосе наступления 20-й армии было в пользу ее войск. Кроме того, она должна была наступать вдоль Волоколамского шоссе, что давало значительные преимущества перед соседними армиями при решении вопросов маневра и подвоза материальных средств в условиях глубокого снежного покрова. Все это показывает, насколько серьезно и продуманно командующий фронтом готовил данную операцию, в которой, в частности, впервые за войну он создал самую высокую плотность артиллерии на участке прорыва.

Войска 20-й армии, несмотря на сильную метель, после полуторачасовой артиллерийской подготовки утром 10 января начали штурм оборонительного рубежа гитлеровцев на р. Лама. Преодолевая упорное сопротивление противника, соединения армии за день боя продвинулись всего на 2—3 км[162].

К вечеру 12 января правофланговые соединения 20-й армии углубились в оборону гитлеровцев еще на 5 км. С утра была введена в прорыв подвижная группа. Однако ввод ее оказался несколько преждевременным, так как оборона врага не была полностью прорвана, 2-му гвардейскому кавалерийскому корпусу под командованием генерала И. А. Плиева потребовалось еще двое суток, чтобы завершить прорыв в районе деревни Высоково (в 9—12 км от переднего края). «Густота населенных пунктов и глубокий снежный покров не позволяли обходить укрепленные узлы немцев. В связи с чем приходилось вести бои за каждую деревню, за каждый участок местности. Это вызывало задержку наступления. Попытки же просачивания между укрепленными пунктами привели к большим потерям (особенно в конском составе) и не дали положительных результатов»[163].

К 15 января прорыв в обороне немцев на р. Лама удалось расширить до 15 км по фронту и до 20 км в глубину. У войск правого крыла Западного фронта появилась возможность развить успех в направлении Гжатска и выйти во фланг 4-й немецкой танковой армии.

Германское командование начало принимать спешные контрмеры: 15 января Гитлер вынужден был подписать приказ об отходе группы армий «Центр» на зимнюю позицию. Однако отход войск при сокращении фронта обороны на 100 км был обусловлен целым рядом предварительных требований. В первую очередь необходимо было ликвидировать прорыв советских войск западнее Ржева, отрезать их от тыловых коммуникаций и уничтожить. 4-я полевая и 4-я танковая армии должны были сначала ликвидировать прорыв под Медынью. 4-й армии, кроме того, предписывалось при любых обстоятельствах удержать рубеж обороны южнее и восточнее Юхнова, обеспечив надежное прикрытие Варшавского шоссе на участке Рославль — Юхнов, а 2-й танковой армии он приказал деблокировать Сухиничи, где с 29 декабря были окружены части и соединения 10-й армии. Чтобы высвободить резервы для этих операций, Гитлер позволил Клюге выровнять линию фронта в районе Волоколамска, Рузы и юго-восточнее Юхнова.

Выполняя приказ Гитлера, одиннадцать немецких корпусов начали отходить, в основном ночью, с рубежа, протяженность которого составляла около 350 км. Но, несмотря на все принятые меры маскировки, сохранить в тайне столь крупномасштабный маневр германскому командованию не удалось. Отход сразу же был зафиксирован советской разведкой, что позволило соединениям 30-й армии Калининского и главным силам Западного фронта тут же перейти к преследованию.

Верховный главнокомандующий потребовал от 39-й армии Калининского фронта прочно встать «на путях отхода противника», а 11-й кавалерийский корпус должен был приступить к развитию наступления на Вязьму и перерезать железную дорогу и автостраду Москва — Минск к западу от Вязьмы. В целях содействия Калининскому и Западному фронтам в окружении и уничтожении ржевско-вяземской группировки врага он приказал командующему воздушно-десантными войсками Красной армии генералу В. А. Глазунову не позднее 21 января выбросить 4-й воздушно-десантный корпус юго-западнее Вязьмы с задачей перерезать основные коммуникации противника между Вязьмой и Смоленском и не допустить отхода его войск на запад. Далее он потребовал к исходу 19 января вывести из боя части 1-й ударной армии и не позднее 6 февраля перебросить их вместе с полевым управлением армии на Северо-Западный фронт, а тому к 22 января передать 3-ю и 4-ю ударные армии в состав Калининского фронта[164].

Эти решения И. В. Сталина носили кардинальный характер, а базировались они в основном на его излишне оптимистических выводах оценки обстановки. По его мнению, происходившие события подтверждали именно его точку зрения: немцы в полной растерянности, они в панике бегут, значит, принятый по его настоянию план общего наступления был, безусловно, своевременным и правильным, ибо, мол, сам ход операции доказал точность его предвидения.

Армии правого крыла Западного фронта вели преследование врага непрерывно днем и ночью, с предельным напряжением сил. Причем войска действовали не только на путях отхода немцев, но и по параллельным маршрутам, а лыжные батальоны направлялись на фланги и в тыл противника. Однако с 19 января наступление затормозилось. Вывод из состава фронта 1-й ударной армии привел к тому, что ширина полосы наступления 20-й армии увеличилась вдвое, уменьшилась оперативная плотность, и потребовалось дополнительное время на перегруппировку войск. А 21 января положение еще более осложнилось. В тот день генерал Г. К. Жуков направил полевое управление 16-й армии во главе с генералом К. К. Рокоссовским в район Сухиничей, где немцы нанесли сильный контрудар по оборонявшимся там частям. Изъятие 1-й ударной армии привело к уменьшению более чем наполовину боевого состава правого крыла Западного фронта. В итоге его наступательные возможности резко сократились, а немцам представилась возможность отвести свои соединения без особых помех.

Более успешно действовали войска центра Западного фронта. Соединения 5-й армии 20 января освободили Можайск, а через два дня — станцию Уваровка (139 км западнее Москвы). Это был последний крупный опорный пункт противника на территории Московской области. 25 января они достигли зимней позиции немцев, проходившей примерно в 15 км восточнее Гжатска, однако прорвать ее не смогли. С этого момента 5-я армия оказалась втянутой в напряженные затяжные бои.

Правофланговые дивизии 33-й армии, которые вели боевые действия южнее, 19 января сломили сопротивление немцев и штурмом овладели г. Верея. Одновременно части трех левофланговых соединений успешно наступали в юго-западном направлении. После непродолжительного боя с противником они 26 января пробили брешь в обороне врага на стыке его 4-й танковой и 4-й полевой армий (в 25 км севернее Юхнова) шириной до 12 км и устремились в нее. Форсировав реки Воря и Угра, эти соединения вклинились во вражескую оборону на глубину до 40 км и к 1 февраля достигли рубежа в 7—8 км юго-восточнее и южнее Вязьмы. Вскоре и 329-я стрелковая дивизия во главе с полковником Н. М. Маковчуком вошла в пробитый коридор, в то время как другие четыре стрелковые дивизии 33-й армии находились в 20—30 км восточнее.

Для содействия группе Белова в прорыве вражеской обороны перед Варшавским шоссе 18—22 января были десантированы 250-й стрелковый полк и два парашютных батальона 201-й воздушно-десантной бригады в районе сел Желанье и Великополье (45—50 км западнее Юхнова). Десантники вступили в бой с подразделениями полицейского полка, а частью сил продвигались в сторону линии фронта, навстречу войскам группы Белова. Вблизи деревни Батищево (27 км юго-западнее Юхнова) в ночь на 25 января одному из лыжных батальонов группы удалось захватить участок Варшавского шоссе. Генерал Белов незамедлительно приступил к

Пулеметчики ведут бой в районе Юхнова

сосредоточению частей пяти кавалерийских дивизий к пробитому в обороне врага узкому коридору. В ночь на 30 января конница завершила переход через шоссе и, соединившись с десантниками, двинулась на Вязьму. 2 февраля они были в 12 км южнее города. А стрелковые дивизии группы оставались на Варшавском шоссе с целью обеспечить проход дивизионной артиллерии, средств ПВО и тылов[165].

Части 11-го кавалерийского корпуса Калининского фронта, которые еще 26 января вышли в район западнее Вязьмы (17—30 км), перерезали Минскую автостраду и железную дорогу на Смоленск. С 27 января по 2 февраля в район юго-западнее Вязьмы была десантирована 8-я бригада 4-го воздушно-десантного корпуса в количестве 2100 человек. Таким образом, под Вязьмой удалось сосредоточить четыре стрелковые и восемь кавалерийских дивизий, пять отдельных лыжных батальонов и одну воздушно-десантную бригаду. Этим войскам предстояло освободить Вязьму, нарушить коммуникации противника и отрезать ему пути отхода.

Учитывая необходимость более тесного взаимодействия Калининского и Западного фронтов, Ставка ВГК 1 февраля восстановила должность главнокомандующего Западным направлением, обязанности которого возложила по совместительству на командующего войсками Западного фронта генерала Г. К. Жукова. При этом она указала, что «задачей ближайших дней Западного направления наряду с задачей занятия г. Вязьмы считать окружение и пленение ржевско-сычевской группы противника или в случае отказа сдаться — истребление этой группы»[166].

Части группы генерала Белова продолжали атаковать Вязьму с запада. Получив об этом донесение, Жуков тут же отдал приказ генералу Ефремову немедленно «атаковать город с юга и юго-востока». В журнале боевых действий Западного фронта далее зафиксировано: «33-я армия с 11.00 2.02.1942 г. начала наступление на г. Вязьма». К исходу дня ее части вели бои «в районе Алексеевское (южная окраина Вязьмы)». 3 февраля она установила связь с группой Белова[167]. Однако достичь поставленных целей советским войскам не удалось, хотя, казалось бы, сил у них было достаточно. Потеря Вязьмы, а также тех питающих артерий, что проходили через город, имела бы катастрофические последствия для всей группы армий «Центр». Удержание ее стало фактором стратегического значения. Вот почему фельдмаршал Клюге приказал в первую очередь без всякого промедления стягивать войска к Вязьме, а уж потом заняться ликвидацией бреши севернее и южнее Юхнова. Выполняя этот приказ, немцы к 1 февраля сосредоточили под Вязьмой до шести дивизий и, отбросив части 11-го кавалерийского корпуса к северу от автострады, восстановили прерванные коммуникации. Группу Белова и войска 33-й армии, начавших атаку Вязьмы, немцы встретили хорошо организованной системой огня всех видов и контратаками пехоты, поддержанной танками и авиацией. К преодолению такой обороны советские войска оказались не готовы. Занять Вязьму с ходу им не удалось, более того, уже на второй день боев они сами попали в трудное положение.

3 февраля немцы нанесли с севера и юга встречные удары, благодаря чему им удалось закрыть бреши под Юхновым. В результате советские войска, пытавшиеся окружить противника, сами оказались не только отрезанными, но и расчлененными. Половина состава войск 33-й армии и две стрелковые дивизии группы Белова вместе с большей частью дивизионной конной артиллерии и средствами ПВО, а также тылами обоих объединений остались за линией фронта. Положение усугублялось тем, что у отрезанных соединений почти закончились продовольствие и фураж, оставалось всего по пять-шесть выстрелов на орудие и миномет.

Такой поворот событий явился полной неожиданностью для советского командования. Оно явно не рассчитывало на столь сильное и активное противодействие врага. Вот почему генерал Ефремов для закрепления флангов участка прорыва шириной в 12 км выделил всего один стрелковый батальон, который занял оборону у деревни Захарово (23 км севернее Юхнова)[168]. И конечно, частям 20-й танковой, 17-й и 183-й пехотных дивизий противника не составило особого труда, сломив сопротивление одного батальона, закрыть эту брешь. В ночь на 4 февраля 17-я пехотная дивизия была усилена частями 98-й и 268-й пехотных дивизий, а к 7 февраля — частями 255-й пехотной и 5-й танковой дивизий.

Советские войска вступают в освобожденный город

Артиллерия ведет огонь по врагу

Недооценило советское командование и немецкую авиацию. Так, командир 4-го воздушно-десантного корпуса выбрал исходный район для десантирования вблизи линии фронта; к тому же вывод войск и сосредоточение транспортной авиации осуществлялись без соблюдения элементарных мер маскировки и при слабой противовоздушной обороне. В итоге противник без особых усилий вскрыл подготовку операции. Он нанес бомбоштурмовой удар по изготовившимся к взлету самолетам, уничтожив и повредив 15 транспортных машин. Среди десантников и летного состава оказалось много убитых и раненых. И после этого аэродромы подвергались систематическим вражеским ударам с воздуха. Процесс десантирования сильно усложнился и затянулся: на выброску лишь одной воздушно-десантной бригады потребовалась целая неделя. Действия немецкой авиации, по существу, сорвали десантную операцию. Ее пришлось прекратить, а оставшиеся две бригады возвратить к месту постоянной дислокации.

Главнокомандующий Западным направлением генерал Г. К. Жуков потребовал от командующего 43-й армией генерала К. Д. Голубева до 4 февраля восстановить положение. Руководство частями, выделенными для разгрома неприятеля, возлагалось на начальника штаба 33-й армии генерала А. М. Кондратьева. Батальон, который оборонял фланги прорыва, генерал Жуков приказал «вернуть обратно, виновных в сдаче этого особо важного пункта (Захарово. — *Прим. ред.*) арестовать, судить и расстрелять на месте независимо от количества». Генералам Ефремову и Белову приказывалось «ускорить взятие Вязьмы, используя время, пока противник еще слаб»[169].

Германское командование всемерно усиливало свою вяземскую группировку. Сюда из-под Юхнова перебрасывались части и соединения. В штабе Западного фронта этот маневр, зафиксированный фронтовой разведкой 4 февраля 1942 г., приняли за начало отступления из Юхнова по вяземскому большаку. В связи с этим командующему 50-й армией генералу Болдину было приказано «всемерно усилить темп наступления, перерезать Варшавское шоссе и завершить в этом районе окружение противника», а генералу Ефремову — «дезорганизовать движение противника по вяземскому большаку, а отходящие части уничтожить»[170].

К сожалению, ни Ставка ВГК, ни командование Западного фронта события, случившиеся под Юхновым, всерьез не восприняли, посчитав досадным недоразумением, которое можно быстро устранить. Поэтому и принятые меры были явно не адекватны действиям противника. Правда, уже 5 февраля стало ясно, что для восстановления утраченного положения выделенных войск недостаточно. Чтобы исправить ситуацию, Г. К. Жуков решил привлечь главные силы 43-й армии. Но для подготовки ее соединений к участию в этой операции требовалось не менее двух-трех суток. А ведь к тому времени девять дивизий, отрезанных под Вязьмой, уже более трех суток не имели продовольствия и боеприпасов. Понимая это, Г. К. Жуков передал Ефремову и Белову: «Дня через три-четыре к вам будут подходить части Голубева и Болдина»[171].

С целью оказания помощи отрезанным войскам фронтовое командование пыталось организовать прорыв вражеской обороны под Юхновым и установить непосредственную связь со своей вяземской группировкой. Жуков постоянно информировал Ефремова и Белова о немецких войсках под Вязьмой. Указывая на то, что это в основном обозы и другие тыловые подразделения врага, он упрекал Ефремова в том, что «его части ведут себя преступно плохо, поддаваясь панике и беспорядку», а в конце потребовал «всех трусов, паникеров, провокаторов судить и расстреливать перед строем»[172].

Окруженные войска вынуждены были перейти на самообеспечение и тесное взаимодействие с партизанами. Важнейшими объектами их атак стали коммуникации и склады, где иной раз они добывали богатые трофеи. Так, 329-я стрелковая дивизия на станции Волоста-Пятница (20 км южнее Вязьмы) захватила 150 вагонов боеприпасов, восемь танков (из них шесть исправных), а группа Белова — свыше 100 отечественных орудий и склад боеприпасов[173]. Партизаны не только выполняли боевые задачи по распоряжениям генералов Ефремова и Белова, но и снабжали войска продовольствием, оружием, боеприпасами. А отряды смоленских партизан под командованием В. И. Ворonченко, Ф. Н. Деменкова и В. А. Киселева, освободив 15 февраля Дорогобуж, способствовали выходу в этот район частей группы Белова.

Из-за неизбежных боевых и санитарных потерь ряды окруженных постепенно редели. Так, численность группы Белова к 7 февраля сократилась с 28 тыс. почти до 6 тыс. человек, из них одних только раненых было около 1500 человек[174]. В такой ситуации И. В. Сталин 9 февраля подписал приказ, в котором обязал военные советы действующих армий для пополнения своих частей личным составом призывать в порядке мобилизации граждан «освобожденных от оккупации территорий в возрасте от 17 до 45 лет из числа лиц, не призывавшихся в Красную армию в течение истекших месяцев войны»[175]. Реализация этого приказа позволила увеличить численность вяземской группировки советских войск. Представитель Генерального штаба при 33-й армии подполковник Н. Н. Борисенко докладывал, что на 11 марта соединения и части этой армии уже насчитывали 12 780 человек, то есть ее состав за неделю увеличился почти на 6 тыс. человек[176].

По мнению немецкого командования, прорвавшиеся под Вязьму войска Красной армии больших самостоятельных операций вести уже не могли, но в то же время и уничтожение их представлялось весьма трудной задачей. Поэтому целесообразнее всего было сковать их силы. Стремясь в максимальной степени парализовать вяземскую группировку, немцы решили осуществить ряд специальных акций. Прежде всего, отдельные дивизии и прочие боевые части были объединены в группу «Шенкендорф», сформированы конные отряды и подразделения из местного населения. Командование 4-й полевой армии отдало приказ о задержании всего мужского населения в возрасте от 16 до 50 лет и отправке его в концентрационные лагеря. Органы тайной полевой полиции, специальная команда при 12-м армейском корпусе и командование корпусного тылового района развернули крупномасштабные репрессии против местных жителей: всех лиц, подозреваемых в акциях саботажа или действиях, враждебных вермахту, надлежало расстреливать по приказу офицера[177].

К этому времени армии правого крыла Калининского фронта разгромили гитлеровцев в районе озер западнее Осташкова, обошли с юга демянскую группировку, окружили пятитысячный гарнизон в г. Холм, завязали бои за Великие Луки, Велиж и Демидов, выйдя на рубеж в 15 км к северо-востоку от Витебска. К 1 февраля они продвинулись на 250 км и, глубоко обойдя с запада ржевско-вяземскую группировку врага, нарушили оперативное взаимодействие между группами армий «Север» и «Центр». Командование вермахта еще в конце января выдвинуло на это направление 59-й армейский корпус, а также резервы из Западной Европы (три пехотные дивизии, стрелковую бригаду и отдельные части, вошедшие в состав групп «Зинцингер» и «Вельвер») и подчинило их управлению 3-й танковой армии, которое было переброшено в Витебск. Этой группировке было поручено остановить продвижение советских войск и тем самым обеспечить устойчивость левого крыла группы армий «Центр».

3-я и 4-я ударные армии, растянувшиеся на 300 км, не смогли преодолеть возросшее сопротивление врага и перешли к обороне на достигнутых рубежах. Ведя непрерывные бои с упорно оборонявшимся противником, соединения этих армий, несмотря на заносы и бездорожье, со средним темпом 10–12 км в сутки продвинулись на глубину, какой не достигла ни одна другая наступавшая армия. Это был настоящий подвиг личного состава этих объединений. Однако наступление 3-й и 4-й ударных армий из-за того, что направление было выбрано неудачно, особого влияния на события под Вязьмой не оказало. Очевидно, результат был бы более весомым, если бы они наступали не по расходящимся направлениям на запад и юго-запад, а нанесли один, более мощный удар на Вязьму. Генерал И. С. Конев послал следующее донесение главкому Западного направления: «...обе армии в непрерывных боях понесли потери, резко снизили свои боевые качества и требуют доукомплектования как людским составом, так и материальной частью»[178]. Не получив необходимого усиления, войскам пришлось в дальнейшем вести бои местного значения.

Войска главной ударной группировки фронта оказались в сложной ситуации. Противник, воспользовавшись растянутостью боевых порядков советских частей и соединений, 21 января нанес внезапные контрудары со стороны Ржева. К исходу 25 января 6-й и 23-й немецкие корпуса соединились на южном берегу Волги, к западу от Ржева, отрезав 29-ю и 39-ю армии, а также 11-й кавалерийский корпус (всего четыре из семи дивизии) от главных сил фронта.

С этого момента снабжение их стало возможным лишь через горловину у г. Белый, которую назвали «нелидовским коридором». В последующие дни 29-я армия под командованием генерала В. И. Швецова сдерживала напор гитлеровцев с востока и запада. Она предпринимала многочисленные попытки пробиться к северу, навстречу 30-й армии, но безуспешно. Ее положение резко осложнилось, когда 46-й моторизованный корпус противника нанес удар из района северо-западнее Сычевки. Прорвав советскую оборону, корпус 5 февраля установил связь с 23-м армейским корпусом. Кольцо окружения вокруг 29-й армии замкнулось.

Более двух недель войска 29-й армии бились в окружении. При этом некоторые подразделения сражались до конца, и все их воины погибли смертью храбрых[179]. В рядах окруженных частей действовали и партизаны. Вот донесение в штаб ОКВ: «Высоты западнее станции Манчалово, где велись бои с окруженными русскими частями (здесь оборонялись части 183-й стрелковой дивизии генерала К. В. Комиссарова. — *Прим. ред.*), удалось захватить только после жесточайших атак, поддержанных сильнейшим огнем артиллерии. Эти высоты противник оборонял с исключительным мужеством, используя хорошо развитую и отлично замаскированную линию обороны (участок Ржевско-Вяземского рубежа, оборудованного советскими войсками еще летом и осенью 1941 г. — *Прим. ред.*), которая имела окопы глубиной до 2,5 м и пулеметные гнезда, соединенные между собой ходами сообщения. Их замерзшие брустверы не могли разбить даже снаряды 210-мм мортир»[180].

Из окружения смогло вырваться небольшое количество советских воинов — всего до 3500 бойцов и командиров[181].

Умело маневрируя военной техникой и пехотой, командование группы армий «Центр» сумело остановить продвижение Красной армии на запад. За счет резервных соединений, маршевого пополнения, быстрого создания новых оборонительных рубежей, а главное — сокращения протяженности линии фронта удалось значительно повысить мощь группы. После ликвидации брешей под Ржевом и Юхновым и восстановления сплошного фронта, как пишут германские историки, «стало ясно, что самая опасная фаза боевых действий завершается»[182].

На этом основании уже 12 февраля 1942 г. командование сухопутных войск вермахта поставило группам армий задачи на дальнейшие действия: в ближайшее время уничтожить прорвавшиеся в их тыл русские силы, удержать нынешние позиции, а также готовиться к наступлению, которое планировалось начать после весенней распутицы.

Калининский и Западный фронты из-за больших потерь утратили свое относительно небольшое превосходство над противником. Подавляющая часть дивизий обладала малочисленным составом, а поступавшее пополнение, плохо подготовленное, зачастую не могло использовать выданное ему оружие, не зная, как с ним обращаться. Артиллерия при остром недостатке боеприпасов резко снизила свои возможности по огневому подавлению вражеской обороны, авиация лишилась господства в воздухе, а личный состав войск, свыше двух месяцев ведя непрерывное наступление, был предельно измотан. Все свидетельствовало о том, что наступательный потенциал войск Западного направления себя исчерпал.

Советское командование по-прежнему было настроено весьма оптимистично. В ночь на 16 февраля Ставка ВГК отдала следующее распоряжение: «Войскам Западного фронта при содействии 22, 29, 30, 31 и 39-й армий и 11-го кавалерийского корпуса Калининского фронта разгромить и уничтожить ржевско-вяземско-юхновскую группировку противника и к 5 марта выйти и закрепиться на нашем старом оборонительном рубеже... К тому же 5 марта 1942 г. войскам Западного фронта разгромить болховско-жиздринско-брянскую группировку противника и, уничтожив ее, занять Брянск и закрепиться на нашем старом оборонительном рубеже». Далее Сталин приказал передать в распоряжение главкома Западного направления 5-й гвардейский стрелковый корпус (три дивизии), 9-ю и 214-ю воздушно-десантные бригады, 60 тыс. человек маршевого пополнения, 200 танков и 40 самолетов[183].

С 17 по 23 февраля в район западнее Юхнова были десантированы 7373 человека 9-й и 214-й воздушно-десантных бригад, а также сброшено 1525 тюков с боеприпасами, вооружением, продовольствием и различным снаряжением. В последнюю ночь в тылу врага приземлился самолет, в котором находились командование и штаб 4-го воздушно-десантного корпуса.

Еще при подходе ТБ-3 к посадочной площадке его атаковал немецкий ночной истребитель. Командир корпуса генерал А. Ф. Левашов был убит, а несколько офицеров штаба ранены. В командование корпусом вступил начальник штаба полковник А. Ф. Казанкин.

Подготовка общевойсковых армий к наступлению осложнилась из-за задержки пополнения. К тому же ни на одном из намеченных участков прорыва не удалось создать требуемого превосходства над противником. Войскам пришлось переходить в наступление последовательно в течение десяти суток. Начали его 18 февраля три армии — 5, 20 и 31-я; 22 февраля к ним присоединились 22, 30 и 39-я, на другой день — 43, 49 и 50-я и, наконец, 27 февраля вступили последние три армии — 10, 16 и 61-я. Как и следовало ожидать, добиться решающего успеха, несмотря на многодневные кровопролитные бои, не удалось ни на одном из направлений, были лишь отдельные достижения местного значения. Соединения и части 43, 49 и 50-й армий сумели продвинуться на 8–15 км и срезать юхновский выступ, а 5 марта освободить Юхнов. Вместо продвижения на глубину 120–140 км, как того требовала директива Ставки, войска до 5 марта, по существу, не имели продвижения, а лишь топтались на месте. Все их попытки разгромить врага или хотя бы соединиться с 33-й армией, группой Белова и 4-м воздушно-десантным корпусом закончились неудачей.

Во второй половине апреля 1942 г. наступившая распутица крайне осложнила боевые действия советских войск: реки вскрылись, половодьем снесло много мостов, дороги стали почти непроходимыми для колесного транспорта, а вне дорог даже пешком передвигаться было трудно. Резко ухудшилось снабжение войск продовольствием и всем необходимым для ведения боя. В сложившейся обстановке И. В. Сталин был вынужден принять предложение Г. К. Жукова о прекращении наступления. Военный совет Западного фронта утром 20 апреля приказал «всем командармам, начарту, начинжу и начтыла привести в полное оборонительное состояние занимаемые позиции. Создать глубокую оборону, включая полосу дивизионных и армейских резервов с сильными ротными, батальонными опорными пунктами. Каждый опорный пункт должен системой всех видов огня взаимодействовать с другими опорными пунктами по фронту и в глубину, быть недоступным для танковых и артиллерийских, пехотных огневых средств и инженерных заграждений... Период весенней распутицы максимально использовать для укомплектования вооружением частей и соединений, их обучения и боевого сколачивания, выделения и приведения в полный порядок фронтовых и армейских резервов, устройства фронтовых и армейских тылов, ремонта вооружения и боевой техники и отдыха войск»[184].

20 апреля 1942 г. на всех стратегических направлениях завершилось общее наступление советских войск. На западном направлении установилось относительное затишье. Группе П. А. Белова и 4-му воздушно-десантному корпусу было приказано выходить на соединение с главными силами, а остальным войскам — закрепиться на занимаемых рубежах. В ходе общего наступления 34 армии всех девяти фронтов, наступая в полосе общей шириной около 1300 км, продвинулись на северо-западном направлении на 50–70 км, западном — на 80–250 км и юго-западном — почти на 100 км. Наиболее эффективными их действия были в январе. Именно тогда Красная армия нанесла противнику максимальный урон и, как вынужден был признать Гитлер в своей беседе с Антонеску, отбросила войска вермахта почти на край «наполеоновской катастрофы»[185].

Чтобы противодействовать советским войскам, немецкому командованию пришлось с декабря 1941 г. по апрель 1942 г. дополнительно перебросить из Германии, Западной и Юго-Восточной Европы 39 дивизий, шесть бригад, около 890 тыс. человек маршевого пополнения, 18 эшелонов с оружием и военной техникой. Их общая численность составила 800 тыс. человек. Все маршевое пополнение германское командование направляло исключительно в состав группы армий «Центр», которая понесла наибольшие потери среди всех других групп армий. Кроме того, германское командование направило на центральное направление 22,5 расчетных дивизий (57,7% от общего числа дивизий, переброшенных за это время на весь восточный фронт). Одновременно по приказу Гитлера на восточный фронт были возвращены авиационные части, только в ноябре отправленные на Запад и в Средиземномо-

Пленные

Бронебойщики занимают боевые позиции

рье. Для поддержки с воздуха групп армий «Север» и «Центр», а также 11-й армии в Крыму дополнительно перебазировались новые эскадры и авиагруппы с территории Германии[186]. С помощью этих сил и средств противнику удалось в начале февраля ликвидировать прорывы фронта, создать новые оборонительные рубежи и стабилизировать положение своих войск.

В целом можно утверждать, что общее наступление Красной армии, с учетом ряда неблагоприятных для нее факторов, завершилось определенным успехом. Так, войска Западного стратегического направления за это время продвинулись на гжатском и юхновском направлениях на 80–100 км, на витебском — до 250 км, сняв непосредственную угрозу Москве. При этом с 5 декабря 1941 г. по 20 апреля 1942 г. был освобожден 13 171 населенный пункт. Однако общее наступление Красной армии не стало решающим событием, ибо ни на одном из стратегических направлений советское командование не достигло поставленных целей. Не смогло оно, в частности, ликвидировать окруженные немецкие группировки под Оленино (семь дивизий) и Демянском (шесть дивизий). Более того, некоторые советские армии сами оказались в трудном положении. Так, значительная часть 29-й и 33-й армий была окружена, а затем разгромлена под Ржевом и Вязьмой. К концу зимы попали в охват или были окружены: 2-я ударная армия под Любанью, 39-я армия и 11-й кавалерийский корпус западнее Сычевки, группа Белова и 4-й воздушно-десантный корпус южнее и юго-западнее Вязьмы, 6, 9 и 57-я армии на барвенковском выступе. А на Керченском полуострове 44, 47 и 51-я армии, развернутые для наступления на узком Ак-Монайском перешейке, не имели в своем тылу никаких подготовленных оборонительных позиций.

Для изыскания резервов принимались экстренные меры. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. разрешалась мобилизация женщин, которые могли заменить призываемых в армию военнообязанных мужчин, до того служивших в милиции и военизированной охране. На основании постановления ГКО от 13 апреля во фронтовых, армейских и запасных частях связи, а также в тыловых узлах связи началась замена красноармейцев-мужчин женщинами.

Этой операцией и завершилась битва под Москвой (30.09.1941–20.04.1942). В этот период на полях Подмосковья в единоборстве участвовали главные силы воюющих сторон. В общей сложности в битве под Москвой, длившейся 203 дня и ночи и развернувшейся на территории, равной по площади трем странам, таким как Швейцария, Англия и Исландия, участвовали 7 млн 35 тыс. человек, около 33,5 тыс. орудий и минометов, почти 5,3 тыс. танков и более 3 тыс. самолетов[187]. О напряженности боев свидетельствуют огромные потери. Ведь только безвозвратно советские войска потеряли 958 тыс. человек, а также 4171 танк, 24 478 орудий и минометов, 983 самолета[188]. Из строя выбыли одиннадцать командующих армиями (пятеро погибли, трое оказались в плену, трое были преданы суду военного трибунала). Значительный урон зимой 1941–1942 гг. понес и вермахт. Только сухопутные войска потеряли 723,2 тыс. человек[189]. К концу апреля из 162 немецких дивизий, находившихся на советско-германском фронте, только восемь сохраняли способность вести активные боевые действия. За это время общие потери вермахта и его союзников на восточном фронте составили более 1,5 млн человек убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести, около 4 тыс. танков и штурмовых орудий, около 7 тыс. самолетов. Это почти в пять раз превышало его потери во всех военных кампаниях, предшествовавших нападению на СССР[190].

На флангах советско-германского фронта

Ввиду того что зимнее наступление Красной армии к весне 1942 г. исчерпало свой потенциал, Ставка Верховного главнокомандования была вынуждена планировать будущее в значительно менее радужных тонах[191]. И. В. Сталин полагал, что советские войска еще не имеют достаточно сил и средств, чтобы при отсутствии второго фронта в Европе

развернуть весной 1942 г. крупные наступательные операции. Поэтому он считал целесообразным на ближайшее время ограничиться активной обороной на всем советско-германском фронте, проводя только частные фронтовые наступательные операции на отдельных его участках. При этом он был сторонником таких операций на всех фронтах. И хотя маршал Б. М. Шапошников твердо стоял на том, чтобы на первом этапе стратегических действий ограничиться только активной обороной, выдержать удар противника, измотать и обескровить его в начале лета, а затем, накопив резервы, перейти к широким контрнаступательным действиям[192], все же была одобрена идея проведения Мурманской наступательной операции.

27 марта 1942 г. Ставка ВГК обязала командующего Карельским фронтом генерала В. А. Фролова не позднее 15 апреля провести наступательную операцию на мурманском направлении «с целью усиления обороны порта Мурманск и Кировской железной дороги». Замысел предстоявшего наступления состоял в том, чтобы, нанося главный удар южнее Мотовского залива, разгромить основную группировку противника в районе губы Большая Западная Лица и отбросить его на запад, обеспечив тем самым безопасность Мурманска, Мурманской и Обозерской железных дорог. При этом принималось во внимание, что соединения армии «Лапландия» (сформирована в январе 1942 г. из трех корпусов, ранее входивших в состав армии «Норвегия») занимали позиции всего в нескольких десятках километров от Мурманска. Поэтому угроза городу и основному маршруту поставки грузов по ленд-лизу была очень велика.

Выполнение основной задачи в Мурманской наступательной операции возлагалось на 14-ю армию генерала В. И. Щербакова. Армия должна была за 10 суток не только разгромить противостоящую ударную группировку врага, но и отбросить ее за линию государственной границы[193]. Северному флоту надлежало поддержать операцию действиями надводных кораблей, береговой артиллерии, авиации и частей морской пехоты. Одна из основных целей Мурманской операции — нанести упреждающий удар по вражеской группировке, изготовившейся для наступления.

Соединения и части 14-й армии во взаимодействии с морским десантом должны были одновременными ударами с фронта и тыла окружить и уничтожить западнолицкую группировку противника и, развивая успех, разгромить ее, выйдя на границу с Норвегией. Армия к концу апреля 1942 г. имела в своем составе: 10-ю гвардейскую, 14-ю стрелковую дивизии, 72-ю морскую стрелковую, 5-ю, 6-ю лыжные бригады, 9-й отдельный лыжный батальон, 23-й укрепленный район, 104-й, 471-й (без дивизиона) армейские артиллерийские полки, 645-й артиллерийский полк противотанковой обороны, 41-й гвардейский минометный полк, 20-й гвардейский, 197-й истребительный, 137-й, 608-й бомбардировочные авиационные полки, 118-ю отдельную корректировочную авиационную эскадрилью, 31-й, 259-й отдельные инженерные, 1202-й отдельный саперный батальоны[194].

Северному флоту предписывалось высадить в тыл противника (на южный берег Мотовского залива в районе мыса Пикшуев) тактический десант морской пехоты для содействия прорыву обороны противника на направлении главного удара. С этой целью были выделены: 12-я отдельная бригада морской пехоты (6065 человек), приданный ей разведывательный отряд штаба флота (170 человек), а также 44 корабля (эскадренные миноносцы, сторожевые корабли, тральщики и различные катера). Общее руководство морской частью операции осуществлял командующий флотом вице-адмирал А. Г. Головко. План, разработанный штабом флота, предусматривал высадку десанта на широком фронте между губами Большая Западная Лица и Титовка одновременно в нескольких пунктах. В целях отвлечения внимания противника от мест высадки 12-й бригады предусматривалось десантирование разведотряда под командованием лейтенанта В. Н. Леонова в районе губы Титовка[195].

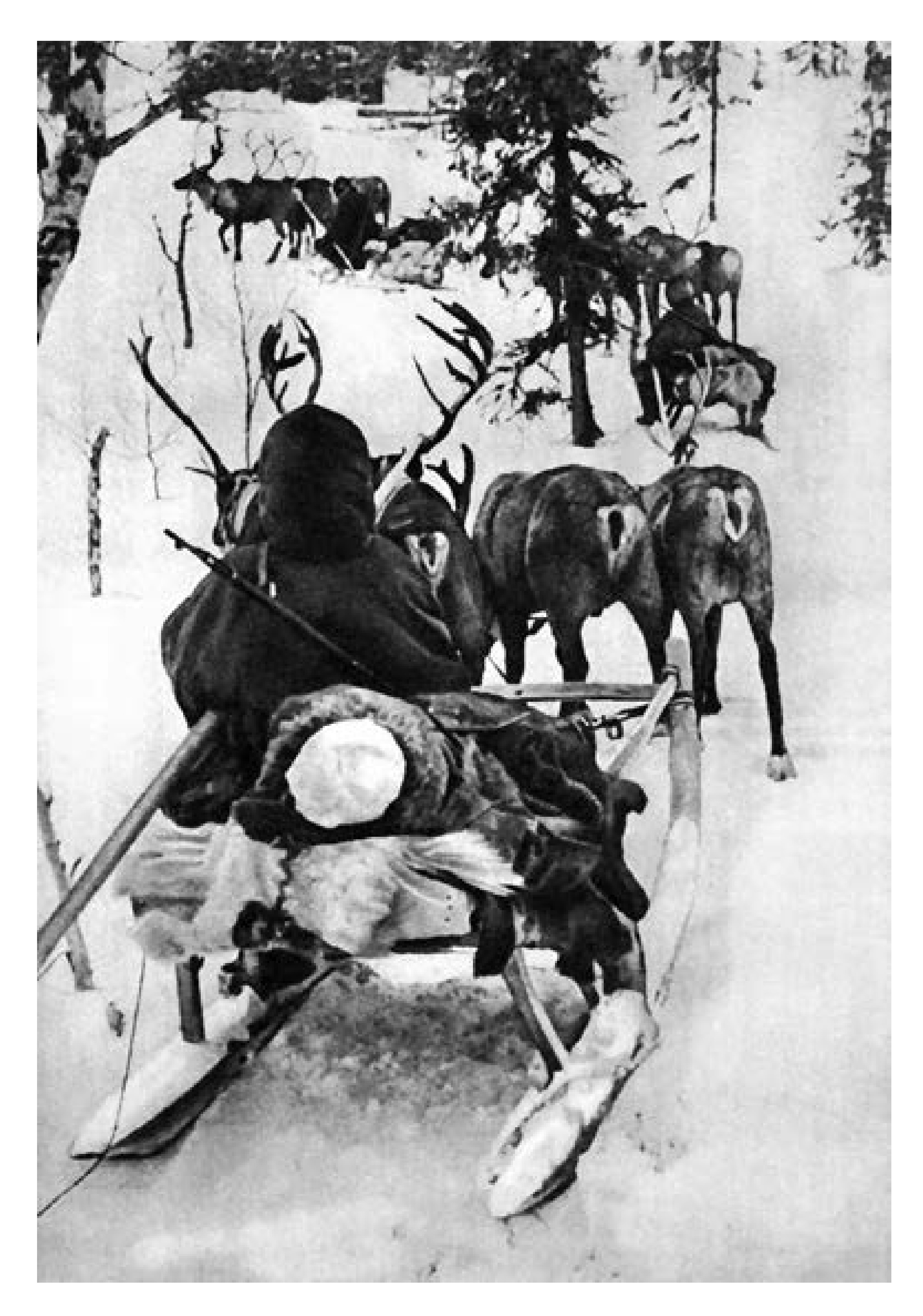
Огневую поддержку десанта должны были осуществлять эскадренный миноносец «Громкий», сторожевые корабли «Рубин» и «Смерч», девять сторожевых катеров, а также около 200 самолетов флота и Карельского фронта. Район высадки с моря прикрывали несколько подводных лодок, которые несли боевую службу севернее полуострова Рыбачий. На случай

Морские охотники выходят в море

Бой в сопках Кольского полуострова

Эвакуация раненых на оленьих упряжках

появления здесь кораблей противника на главной базе в повышенной готовности к выходу в море находились эскадренные миноносцы.

Противник опирался на хорошо подготовленную оборону, максимально усилив многочисленные оборонительные рубежи по горным грядам, рекам, заливам. Немецкое командование учло и опыт боев 1941 г., укрепив позиции по западном берегу губы Большая Западная Лица на случай высадки там советских десантов. За зиму противник успел построить на всех высотах мощные опорные пункты-крепости из камня и железобетона, являющиеся составными частями единой системы обороны. Для снабжения войск были построены многочисленные автомобильные дороги, а на сложных участках — и канатные. Войска армии «Лапландия» были очень хорошо вооружены.

При подготовке операции 14-я армия получила пополнение людьми, оружием, боевой техникой. Формирования прибывали из Сибири и с Дальнего Востока, маршевые роты шли из Архангельской и Вологодской областей, Республики Коми. В армии появились новые лыжные, стрелковые и артиллерийские подразделения, прибыл дивизион катюш. Существенно усилилась армия и автоматическим оружием. Если в начале войны на всю армию было 200–250 автоматов, то только весной 1942 г. Ставка ВГК выделила для войск мурманского направления 15 000 ППШ (пистолет-пулемет Шпагина)[196]. Несмотря на это, соотношение сил к началу операции было в пользу немецких горных егерей. Немцы имели превосходство в артиллерии и авиации.

Подготовка морского десанта в целях скрытности проводилась в различных пунктах, а переход морем намечалось произвести небольшими группами кораблей с последующим сосредоточением их в назначенном районе. Все приготовления проводились под видом учения, и только с выходом кораблей в море личному составу была объявлена боевая задача[197].

В то же время не хватало материалов, инструментов для строительства укреплений, необходимых для сдерживания противника вне направления главного удара. Кроме того, части 14-й армии обеспечивались сухим пайком на четверо суток, хотя операция планировалась на десять дней. Армия получила лишь половину необходимых боеприпасов. Бойцы были одеты в шинели, телогрейки и канадские эрзац-ботинки, пропускавшие воду. Личный состав не был обеспечен касками и маскхалатами.

Подготовка операции проводилась спешно. Лишь по настоянию командования фронта срок подготовки был увеличен еще на две недели. К тому же время года для организации и осуществления наступления выбрали самое неудачное — в конце апреля в Заполярье распутица. Да и район боевых действий представлял собой горную тундру, со множеством озер, труднопроходимых болот и обширных пространств, загроможденных валунами.

В ночь на 27 апреля корабли вышли в море и совершили переход отдельными отрядами. Подойдя к местам высадки, эсминец «Громкий», сторожевые корабли «Рубин» и «Смерч» открыли огонь по огневым точкам противника на берегу. В течение трех часов велся артиллерийский огонь и по району в губе Титовка, где должен был высаживаться отвлекающий десант[198].

В то же время части 14-й стрелковой дивизии перешли в наступление против группировки противника, оборонявшейся на петсамском направлении, и к 5 часам 28 апреля продвинулись на 1,5–2 км[199].

В установленное время 12-я морская бригада высадила основной морской десант (три батальона) в районе 4 км южнее маяка Пикшуев (в Мотовском заливе)[200]. Противник, застигнутый врасплох, не смог оказать противодействия. Подразделения десантировались быстро и без потерь. Экипажи кораблей действовали четко, смело и решительно. В ряде случаев из-за крупной волны сходни, поданные на скалистый берег, не доставали до береговой кромки, и тогда моряки прыгали в ледяную воду и на руках держали их, чтобы десантники сухими уходили в бой. Подразделения первого броска, доставленные сторожевыми катерами, быстро захватили плацдарм, на который затем были высажены главные силы десанта с боевой техникой. Подразделения десантников имели около 100 различных пулеметов, 76 минометов и семь орудий[201].

В 5 часов утра 28 апреля после трехчасовой артиллерийской подготовки перешли в наступление части и подразделения 10-й гвардейской стрелковой дивизии, 72-й морской стрелковой бригады и 6-й отдельной лыжной бригады. Затем в бой втянулись полки 14-й стрелковой дивизии и другие части.

Однако наступление развивалось медленно. Артиллерия не сумела подавить все огневые точки противника, ощущался недостаток боеприпасов, не было постоянной и надежной авиационной поддержки. Погодные условия также оказали влияние на боевые действия: в ходе наступления с моря двинулся мощный циклон, пошел снег, похолодало до минус 15 градусов. Движение на узких дорогах сразу оказалось затруднено, а зачастую парализовано. Сугробы в некоторых местах достигали полутора метров. За снегопадом, который продолжался несколько дней, пришла метель с обжигающим ветром. Среди личного состава появилось много обмороженных. И все же советские части смогли продвинуться на 6 км.

В ходе действий десантных подразделений были допущены и просчеты, которые повлияли на ход боя. Основным общим недостатком являлось плохое управление войсками. Некоторые командиры плохо ориентировались на местности, боем фактически не руководили. Командиры полков находились в 6—7 км от своих войск и, как правило, не владели обстановкой.

Тем не менее десантники действовали успешно. Несмотря на труднопроходимую местность и гололедицу, они сумели продвинуться в первый же день на 11 км[202]. Темп наступления морских пехотинцев замедлился лишь после того, как противник бросил против них свои резервы. Проявляя образцы мужества и героизма, десантники расширили захваченный плацдарм, на некоторых направлениях перешли к преследованию противника, захватили большое количество оружия и боеприпасов[203]. В последующие дни им удалось расширить плацдарм до 15 км по фронту и 12 км в глубину, но выполнить основную задачу — перерезать магистраль снабжения противника, автодорогу Мишуково — Титовка, морские пехотинцы не смогли. Противник упорно оборонялся и постоянно увеличивал свои силы. Десантники вынуждены были перейти к обороне[204].

Не выполнили свою задачу соединения и части 14-й армии. Лишь 6-я лыжная бригада смогла продвинуться на 3 км. Для усиления наступавших частей из-под Кеми была переброшена 152-я резервная стрелковая дивизия, но из-за испортившихся погодных условий (пурга бушевала трое суток) выход ее частей к переднему краю был затруднен. В результате наступление, которое командование 14-й армии пыталось возобновить после улучшения погоды, оказалось безрезультатным.

Для усиления морского десанта на плацдарм дополнительно были высажены 2660 человек[205]. Но этого оказалось недостаточно для того, чтобы удержать занятые рубежи, и под давлением превосходящих сил противника десантникам пришлось отойти к берегу. В этот период на мысе Пикшуев большую помощь в вывозе раненых десантникам оказали коренные жители Кольского полуострова — саамы. Закутав раненых в «постель» (так называется шкура взрослого оленя), оленеводы мчались на нартах к берегу, передавали бойцов в медсанбат и гнали упряжки к артиллерийскому складу, грузили снаряды, мины или патроны — и вновь к позициям сражавшихся североморцев[206].

Дальнейшее наступление было невозможно. 11 мая советские войска Карельского фронта с согласия Ставки ВГК перешли к обороне, а 13 мая был снят и десант с плацдарма в Мотовском заливе.

Мурманская наступательная операция 1942 г. не достигла поставленной цели. При этом части 14-й армии потеряли до 43%, а десант — почти 70% личного состава. В ходе операции проявились недостатки, характерные для этого периода войны: недооценка мощности обороны противника, слабая организация взаимодействия различных родов войск, ошибки и недочеты в управлении частями и подразделениями, шаблонность действий на тактическом уровне, слабое материально-техническое и тыловое обеспечение.

Несмотря на то что Мурманская наступательная операция не принесла ожидаемого результата, она не прошла бесследно. Немецкое командование вынуждено было израсходо-

вать свои резервы, предназначенные для готовившегося наступления армии «Лапландия» на Мурманск весной 1942 г. В боях было уничтожено около пяти тысяч солдат и офицеров противника[207]. После апрельско-майского наступления советских войск под Мурманском противник не имел возможностей для планирования масштабных наступательных действий.

Одновременно с боевыми действиями на севере не стихали бои и на юге. Продолжалась ожесточенная борьба противоборствующих сторон в Крыму, который оказался изолированным с суши, и боевые действия советских войск на Крымском полуострове могли обеспечиваться только Черноморским флотом.

Захватив Перекопские позиции и Турецкий вал, немецко-фашистские войска рвались вперед. Им противостояли соединения 51-й отдельной армии (четыре стрелковые, две кавалерийские дивизии), возглавляемой генералом В. И. Кузнецовым. В глубине Крымского полуострова, в районе Евпатории, располагались еще три стрелковые дивизии, в районе Феодосии формировались стрелковая дивизия и части укрепленного района для обороны Ак-Монайского оборонительного рубежа. В Севастополе находились части морской пехоты, местный стрелковый полк, учебные и специальные подразделения. Из пограничных частей НКВД на основе 4-й Крымской дивизии в начале октября была сформирована 184-я стрелковая дивизия.

18 октября противник начал штурм Ишуньских позиций. Удар наносился силами трех германских дивизий на узком участке фронта между железной дорогой и берегом Черного моря. Э. Манштейн, командовавший в то время 11-й армией, впоследствии отмечал, что наступление могло вестись только по трем узким проходам, на которые был разделен перешеек. Ширина этих полос допускала сначала введение в бой только трех дивизий[208].

В результате мощного удара по наиболее уязвимому месту противнику удалось сломить сопротивление четырех стрелковых дивизий и прорвать ишуньскую оборону. Командарм пытался восстановить положение проведением контратак. Однако это привело лишь к потерям в личном составе и вооружении.

Приморская армия под командованием генерала И. Е. Петрова, прибывшая в Крым, имела в своем составе три стрелковые и одну кавалерийскую дивизии. При эвакуации из-за отсутствия тяжелых подъемных кранов, которые к тому времени уже вывезли в порты Кавказа, орудия крупных калибров дивизионной артиллерии были демонтированы и потоплены в пунктах посадки дивизий. Конский состав легких артиллерийских полков дивизий из-за отсутствия транспортов пришлось оставить в Одессе, в связи с чем материальную часть этих полков по прибытии в Севастополь выгрузили и оставили на пристани[209]. Всего в Приморской армии вместе с тыловыми частями было около 80 тыс. человек, 1158 автомашин, 3625 лошадей, 462 орудия и 14 танков[210].

Для объединения действий войск 51-й отдельной, Приморской армий и Черноморского флота по обороне Крыма Ставка ВГК 22 октября 1941 г. создала командование войсками Крыма. Командующим был назначен вице-адмирал Г. И. Левченко с подчинением ему командования Черноморского флота в оперативном отношении; заместителем по сухопутным войскам — генерал-лейтенант П. И. Батов; заместителем командующего Черноморским флотом по обороне главной базы — контр-адмирал Г. В. Жуков[211]. Генерал Ф. И. Кузнецов от командования 51-й отдельной армией был отстранен и отозван в распоряжение Ставки ВГК.

Для восстановления положения новым командованием было принято решение о проведении контрудара силами двух армий. Всего в контрударе приняли участие двенадцать дивизий — восемь стрелковых и четыре кавалерийские. Приморская армия наносила удар в направлении Воронцовка — устье р. Самарчик; 51-я отдельная — в направлении устья р. Чатырлык. Обе группировки контрудар наносили в лоб, без должной подготовки. Упущенное время и возможности командование пыталось наверстать за счет введения в бой неподготовленных войск в большом количестве.

Контрудар начался утром 24 октября 1941 г. Наступление не было должным образом подготовлено и организовано. Рекогносцировка в дивизиях из-за отсутствия времени не проводилась. Артиллерия не была обеспечена боеприпасами, вследствие чего артиллерий-

ская подготовка ограничилась 15-минутным налетом по неразведанным целям противника. Поддержка наступления авиацией была очень слабой.

Полки и дивизии Приморской армии спешно вводились в бой, по мере того как выгружались на степных станциях за Симферополем, а затем форсированным маршем выдвигались на исходные рубежи. Начальник штаба армии Н. И. Крылов вспоминал: «Нам говорили: «Быстрее вперед, иначе противник займет через два дня весь Крым». И тут уж не принималось во внимание, что часть артиллерии еще где-то в пути, а для остальной только начали подвозить снаряды, что неясно с авиационной поддержкой — то ли будет, то ли нет»[212].

Сдерживая наступление советских армий, немецкое командование сильной танковой группировкой, поддерживаемой авиацией и артиллерией, нанесло контрудар во фланг Приморской армии. Понеся тяжелые потери, 26 октября армия стала отходить к югу от Воронцовки. В это время 42-й армейский корпус развивал наступление в направлении Феодосии, Керчи, преследуя также разбитые и разрозненно отходившие части 51-й отдельной армии.

В это время части и соединения 54-го армейского корпуса рвались в направлении Бахчисарая, чтобы с ходу захватить Севастополь. 30 октября одна из бригад противника подошла к Севастополю и попала под огонь 54-й береговой батареи[213]. Началась 250-дневная оборона Севастополя. На следующий день мощному огню 30-й береговой батареи под командованием капитана Г. А. Александера подвергся противник, вышедший в район Бахчисарая[214].

Управление войсками Крыма было нарушено. Командование 51-й отдельной армии смутно представляло, где находятся подчиненные войска. Командующий Приморской армией принял решение отходить на Севастополь. Сначала маршрут предполагался через Симферополь и Бахчисарай на Альму и Качу, а потом, когда появились сведения о том, что дорога перерезана, был выбран путь через горы.

Однако организованного отхода не получилось. Противник упредил Приморскую армию в выходе к Симферополю. Командующий и штаб армии периодически теряли управление, что привело к действиям разрозненными группами в Крымских горах. Так продолжалось до тех пор, пока войска не вышли в район Алупки, где командование связалось с подчиненными частями и соединениями и продолжило движение в сторону Севастополя по Приморскому шоссе. Наиболее подготовленные командиры смогли вывести в Севастополь максимальное количество личного состава.

Соединения и части 51-й отдельной армии отходили главным образом на вторую полосу обороны — Ак-Монайские позиции (северо-восточнее Феодосии). 30 октября командование войсками 51-й армии принял генерал П. И. Батов. Однако ему не удалось наладить управление войсками армии. Остатки соединений и частей были сведены в боевые отряды. Основная часть армии отходила на Керчь, другая — через горы на Алушту и Ялту в Севастополь. Общее руководство войсками армии, двигавшимися в Керчь, осуществлял командир 9-го стрелкового корпуса генерал И. Ф. Дашичев, а командарм генерал П. И. Батов выдвигался в Севастополь.

Добравшись до города, он 7 ноября в соответствии с директивой Ставки получил задачу возглавить все войска, действующие на Керченском полуострове, и создаваемый Керченский оборонительный район[215], в который вошли отошедшие на Керченский полуостров части и подразделения 51-й отдельной армии и Керченская военно-морская база.

51-я отдельная армия, отходя под ударами противника, 3 ноября закрепилась на указанных ей рубежах. Времени на приведение войск в боеспособное состояние практически не было. Ситуация осложнялась тем, что не хватало противовоздушных и противотанковых средств, было мало снарядов к ним, а также транспорта для подвоза материальных средств и боеприпасов.

4 ноября противник попытался с ходу прорвать Ак-Монайские позиции. Но атака была отбита. Второй удар по позициям был нанесен утром 7 ноября. Прорвав оборону советских войск, противник устремился к Керчи. Попытки генерала П. И. Батова организовать управление и оборону не увенчались успехом. Резервов не было. Он обратился за помощью в Ставку ВГК.

Немецкие солдаты ведут огонь из окопов

К 10 ноября противник подошел к Керчи. Уполномоченный Ставки ВГК по Керченскому направлению маршал Г. И. Кулик без ее разрешения 12 ноября отдал распоряжение об эвакуации из Керчи всех войск. Но И. В. Сталин резко отреагировал на это решение. Через несколько месяцев, освобождая его от должности, Верховный главнокомандующий в своем приказе отметил: «Кулик по прибытии 12 ноября 1941 г. в г. Керчь не только не принял на месте решительных мер против панических настроений командования крымских войск, но своим пораженческим поведением в Керчи только усилил панику и деморализацию в среде командования крымских войск... Кроме того, установлено, что Кулик во время пребывания на фронте систематически пьянствовал, вел развратный образ жизни и злоупотреблял званием Маршала Советского Союза и зам. наркома обороны, занимался самоснабжением и расхищением государственной собственности, растрачивая сотни тысяч рублей на пьянки из средств государства и внося разложение в ряды нашего начсостава... Преступление Кулика заключается в том, что он никак не использовал имеющихся возможностей по защите Керчи, Ростова»[216]. Г. И. Кулик был разжалован, лишен званий, орденов, но это уже не могло изменить обстановку.

Ставка ВГК 14 ноября потребовала во что бы то ни стало удержать Керчь и не дать противнику занять этот район. Для усиления туда была переброшена 302-я стрелковая дивизия.

Наиболее ожесточенные бои разгорелись за гору Митридат, с которой можно было вести эффективный огонь по городу и переправам. Первую атаку 170-й немецкой пехотной дивизии удалось отбить силами 825-го стрелкового полка 302-й дивизии и 9-й бригады морской пехоты. Собравшись с силами, противник ударил с трех направлений, и участь Керчи была

решена. 51-я отдельная армия не смогла удержать Керченский полуостров и к исходу дня 16 ноября эвакуировалась на Таманский полуостров.

Войска прикрытия, до конца оборонявшие город, к 20—25 ноября стали группами уходить вместе с партизанами в Старокарантинские и Аджимушкайские каменоломни. Это был первый опыт создания подземного гарнизона из войск прикрытия отхода главных сил в районе Керчи в годы войны.

На севастопольском направлении обстановка также была крайне сложной. Противник стремился упредить отход войск Приморской армии и с ходу овладеть Севастополем. Гитлер приказал взять город к 1 ноября 1941 г. Для этого у германских и румынских соединений и частей было необходимое превосходство в подвижности, надежном и устойчивом управлении, а также созданной крупной группировке артиллерии (до 13 дивизионов артиллерии) и мощной поддержке с воздуха (до 700 самолетов). Однако с ходу к намеченному сроку взять Севастополь им не удалось.

К 1 ноября вражеские войска смогли занять лишь Бахчисарай. Береговая артиллерия препятствовала развитию наступления противника, наносила удары по скоплениям его войск, обеспечивая выдвижение и занятие обороны Севастопольским гарнизоном. Огневая поддержка была необходима севастопольским соединениям и частям, общая численность которых к этому времени достигала 20 660 человек. На вооружении гарнизона находились 262 ручных, 276 станковых, 12 крупнокалиберных пулеметов, 72 миномета и 63 орудия различных калибров. Для обеспечения боевых действий сухопутных войск была выделена 3-я особая авиационная группа в составе около 100 самолетов[217].

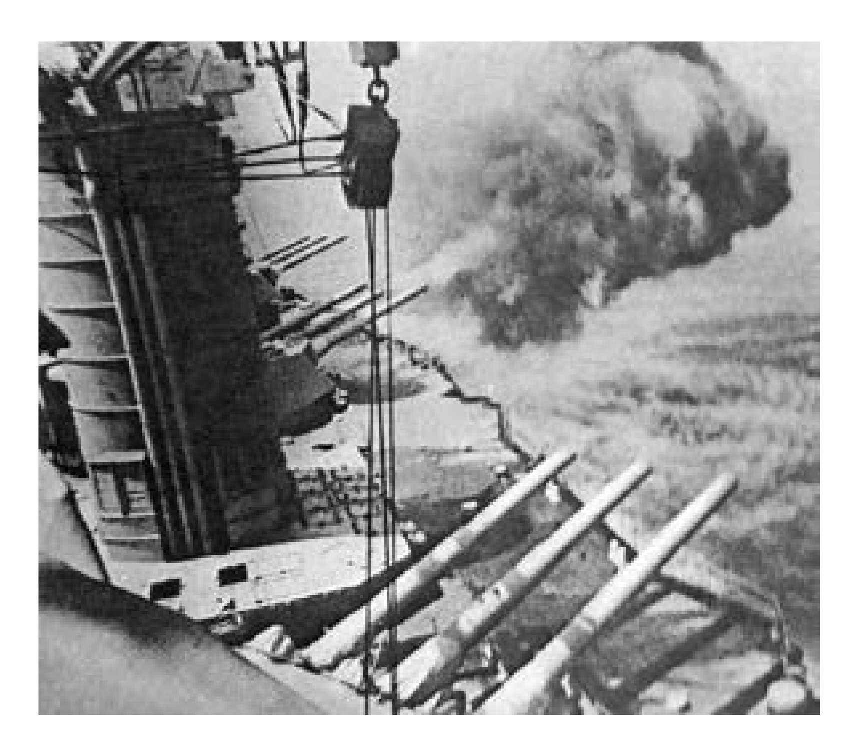
Для возведения прочной и надежной обороны 4 ноября был создан Севастопольский оборонительный район в составе Приморской армии, береговой обороны, главной морской базы Черноморского флота (Севастопольский гарнизон) и всех морских и сухопутных частей, а также ВВС Черноморского флота, находившегося в Севастополе. Он включал четыре сектора обороны, в которых войска последовательно занимали передовой, главный и тыловой рубежи, а для обеспечения эвакуации населения и войск — рубеж прикрытия.

В ходе ожесточенных боев 4—6 ноября частям 54-го немецкого армейского корпуса удалось овладеть Черкез-Керменским опорным пунктом. А 7 ноября защитники города были вытеснены из населенного пункта Мекензия. Но дальше продвинуться враг не смог. Прочно удерживали свои позиции войска в долине Кара-Коба.

Противник каждый день предпринимал штурмы позиций советских войск. 9 ноября разгорелись ожесточенные бои в долине Кара-Коба и в районе Верхний Чоргунь. Одновременно германская авиация непрерывно бомбила Севастополь. Однако ни на одном участке фронта противнику не удалось достичь успеха.

Несмотря на отчаянные усилия противника, войска Севастопольского гарнизона при мощной поддержке береговой и корабельной артиллерии, ударов авиации отразили все его попытки прорваться к городу, обеспечив возможность выхода и сосредоточения разрозненных частей Приморской армии. Существенную помощь обороняющимся войскам оказали батареи береговой обороны. Эффективно вели огонь башенные батареи БС-19, БС-35, БС-30. Особенно отличилась 30-я береговая батарея майора Г. А. Александера. Противник эффективно уничтожался как на дальних подступах, так и в районе Севастополя. Немецкое командование для нейтрализации этого мощного огневого средства обороны высылало специальные группы, в задачу которых входили захват командира батареи и подрыв командного пункта[218].

В это время соединения и части Приморской армии продолжали пробиваться к Севастополю. К 9 ноября к городу вышла основная часть отходивших войск. Общая их численность (четыре стрелковые и три кавалерийские дивизии, отдельные армейские части) составляла около 30 тыс. человек, а также 10 танков Т-26, 28 гаубиц калибра 122 мм и восемь — 152 мм, 116 пушек разного калибра, более 200 минометов (от 50 до 120 мм), 526 автомашин и много другой боевой техники[219]. После реорганизации на 10 ноября в составе Приморской армии с частями боевого обеспечения и тыла насчитывалось 31 500 человек, 108 орудий, 232 миномета и 10 танков, в Севастопольском гарнизоне — 260 орудий разных калибров и 323 миномета.

Огонь из главного калибра по врагу, штурмующему Севастополь

На командном пункте Приморской армии.
Слева направо: начальник штаба генерал Н. И. Крылов, командующий армией генерал И. Е. Петров, начальник артиллерии армии генерал Н. К. Рыжи

К 11 ноября Севастопольский оборонительный район был разделен на четыре сектора. Силы и средства распределялись неравномерно, массируясь на наиболее опасных направлениях. Каждый сектор возглавлял комендант, которым являлся командир дивизии. В среднем на стрелковую дивизию приходилась полоса обороны шириной до 10 км по фронту. Вся артиллерия, в том числе и береговая, была распределена по секторам обороны в количестве 35—40 орудий в каждом. Наибольшая плотность артиллерии была в первом и втором секторах. Управление внутри сектора было централизованным. На участке железной дороги Севастополь — Балаклава действовал бронепоезд «Железняков».

Руководство обороной Севастополя возлагалось на командующего Черноморским флотом Ф. С. Октябрьского. 7 ноября Ставка потребовала: «Севастополь не сдавать ни в коем случае»[220].

Поскольку захватить Севастополь с ходу не удалось, вражеское командование решило рассекающими ударами разорвать фронт Севастопольского оборонительного района во втором секторе, окружить его и уничтожить, открыв частям путь к городу. Для нанесения главного удара была выделена 72-я немецкая пехотная дивизия, усиленная танками (до 100 единиц). Вспомогательный удар наносился частями 50-й дивизии и 118-го отдельного моторизованного отряда в направлении Черкез-Кермен — долина Кара-Коба. Первое наступление противника (11—21 ноября 1941) было предпринято в районе Варнутки. Несмотря на ожесточенное сопротивление и поддержку действий пехоты огнем крейсеров «Червона Украина» и «Красный Крым», защитники города были вынуждены отойти. Подтянув свежие силы, с утра 13 ноября германское командование возобновило наступление вдоль Ялтинского шоссе и горной дороги от Кучук-Мускомьи на Кадыковку. Одновременно ударам подвергся и второй сектор обороны.

15 ноября противник преодолел передовой рубеж обороны первого сектора, существенно потеснив его защитников. Нависла угроза прорыва всей обороны. К участку прорыва были брошены из общего резерва 1330-й стрелковый полк, а также на машинах два батальона 161-го стрелкового полка из резерва четвертого сектора. Враг был остановлен. Возобновив наступление на следующий день вдоль долины Кара-Коба, противник за три дня боев незначительно продвинулся вперед.

Оценивая обстановку как критическую, командир Главной базы Черноморского флота контр-адмирал Г. В. Жуков в донесении от 19 ноября докладывал, что «в случае продолжения атак противника в том же темпе гарнизон Севастополя продержится не более трех дней. Потери наших войск за два дня боев только ранеными составляют 3000. Большие потери в материальной части и вооружении, большинство тяжелых батарей береговой обороны подавлено. Резервы и пополнения израсходованы. Снарядов наиболее нужных калибров — 107-мм корпусных, 122-мм гаубичных, 82-мм мин — нет. Остальной боезапас на исходе. На 20 декабря с целью усиления частей, действующих на фронте, вводился в бои личный состав кораблей, береговых батарей, зенитной артиллерии, аэродромной службы и др.»[221]

К концу первого наступления на Севастополь Ставка пришла к выводу, что Г. И. Левченко не способен руководить сухопутной обороной. 19 ноября должность командующего войсками Крыма была упразднена. Вице-адмирал Г. И. Левченко возвратился к прямым обязанностям — заместителя наркома Военно-морского флота. Командующим 51-й отдельной армией был назначен генерал П. И. Батов. Армии предписывалось оборонять побережье Азовского и Черного морей, не допустить форсирования противником на плавучих средствах и по льду Керченского пролива и высадки им десантов на Азовском и Черноморском побережьях, сосредоточив главные усилия на Таманском полуострове. Азовская военная флотилия в оперативном отношении подчинялась командующему 51-й отдельной армией. Особое внимание обращалось на принятие срочных мер по восстановлению боеспособности дивизий, понесших большие потери. Командующий Севастопольским оборонительным районом вице-адмирал Ф. С. Октябрьский переподчинялся непосредственно Ставке. Его заместителем по руководству сухопутными войсками, оборонявшими Севастополь, был назначен генерал И. Е. Петров[222].

Немецкий пулеметчик прикрывает расчет артиллерийского орудия

В целом советские войска успешно отбивали атаки противника. Этому способствовал ряд мероприятий, проведенных командованием Севастопольского оборонительного района. Действия пехоты активно поддерживались артиллерией и авиацией. За период первого наступления противника авиация совершила свыше 200 самолето-вылетов. Огнем артиллерии прикрывались стыки частей и секторов. Бронепоезд «Железняков» был вписан в единую систему огня. Ночью использовались 40-см и 150-см прожектора. Активизировалась разведка, добывая необходимые сведения. Интенсивно проводилось инженерное оборудование оборонительных позиций. Широко привлекалось местное население для работ по укреплению рубежей. Кроме того, население города работало в госпиталях, на предприятиях. За период первого вражеского наступления в городе погибли 273 местных жителя, ранения получили 636 человек, было разрушено 296 зданий[223].

В состав Севастопольского оборонительного района кораблями Черноморского флота были доставлены 388-я стрелковая дивизия, а также маршевые роты. Формировались новые артиллерийские батареи, строились доты, дзоты, землянки, оборудовались окопы и ходы сообщения. Усиливалась противотанковая оборона.

На немецком командном пункте

Морские охотники перед выходом на боевое задание

Второй штурм немецкое командование готовило более тщательно. К концу ноября планировалось покончить с Севастополем. Однако штурм был отложен с 27 ноября на более поздний срок. Одной из главных причин его переноса Манштейн считал плохую погоду: «Но здесь-то нам и помешала русская зима, причем двояким образом, что было особенно плохо. В Крыму начались непрерывные дожди, которые в кратчайший срок вывели из строя все дороги без твердого покрытия... Таким образом, с началом дождей армия практически теряла возможность обеспечивать свое снабжение автогужевым транспортом, во всяком случае на участке от материка до Симферополя. К 17 ноября уже вышло из строя по техническим причинам 50% нашего транспорта. На материке же, на севере, уже свирепствовал лютый мороз, который вывел из строя четыре паровоза из пяти, имевшихся тогда в нашем распоряжении южнее Днепра»[224].

С опозданием на три недели, 17 декабря, противник начал наступление. Главный удар был нанесен из района Дуванкой через долину р. Бельбек — Камышлы на северо-восточную оконечность Северной бухты на фронте Мекензия и гора Азиз-Оба, вспомогательный — в направлении Верхний Чоргунь — Инкерман вдоль долины р. Черная. В результате планировалось рассечь и окружить центральную группировку советских войск, что облегчало выполнение главной задачи — на четвертый день (21 декабря) захватить Севастополь.

С первого дня наступления разгорелись ожесточенные бои, особенно в районе горы Азис-Оба, где оборонялись подразделения 8-й бригады морской пехоты. Несмотря на превосходство противника, бойцы стойко оборонялись, неоднократно переходя в контратаки и отбрасывая врага. Наткнувшись на упорное сопротивление морских пехотинцев, противник атаковал вдоль долины между высотами 319,6 и 278,4. Удар пришелся по стыку позиций 287-го стрелкового и 2-го Перекопского полков морской пехоты. Чуть позже был нанесен еще один удар: в стык 241-го и 287-го стрелковых полков. Враг постоянно наращивал силу удара. Советские части, понеся большие потери, вынуждены были отойти. Создалась угроза частям третьего сектора обороны. Для восстановления положения в бой были брошены резервы, в том числе и из других секторов. Тем не менее противнику за два дня боев удалось полностью окружить 241-й стрелковый полк, который ночью вырвался из кольца. В районе Мекензии немцы смогли незначительно продвинуться, но также были остановлены.

Сильным ударам подверглись морские пехотинцы, оборонявшиеся в районе Нижний и Верхний Чоргунь. Высо́ты по три раза переходили из рук в руки. Но прорваться врагу не удалось. Более тяжелая обстановка сложилась севернее долины р. Бельбек. 8-я бригада морской пехоты была подвергнута мощному огневому воздействию, под ударами превосходящих сил противника стала отходить и смогла закрепиться в 1 км от ранее занимаемых позиций.

Ставка ВГК продолжала усиливать Севастопольский гарнизон, получивший 345-ю стрелковую дивизию и 79-ю бригаду морской пехоты. Для повышения эффективности управления и взаимодействия Севастопольский оборонительный район был подчинен командующему Закавказским фронтом генералу Д. Т. Козлову. Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Ф. С. Октябрьскому было приказано немедленно прибыть в Севастополь для личного руководства обороной.

Давление противника нарастало. Наибольшего успеха он добился южнее долины р. Бельбек. Оборонявшийся здесь стрелковый полк не выдержал натиска противника. Нависла реальная угроза прорыва обороны защитников Севастополя. Усилилось давление противника и вдоль р. Черная. Введя в бой второй эшелон, 170-я пехотная дивизия вынудила советские войска отойти севернее Верхнего Чоргуня на запад на 200—300 метров.

В результате ожесточенных боев противник, действовавший против первого, второго и правого фланга третьего сектора, оказался настолько обескровлен, что 22 декабря вынужден был отказаться от наступления и перешел к обороне.

В это время проявилась несогласованность в действиях командований Закавказского фронта и Черноморского флота. По предложению генерала Д. Т. Козлова Ставка отстранила генерала И. Е. Петрова от руководства Приморской армией. Однако вице-адмирал Ф. С. Октябрьский дал положительную характеристику командарму, высоко оценив его деятельность как в Одессе, так и в Севастополе. Ставка отменила свое прежнее решение и вновь назначила И. Е. Петрова командующим Приморской армией[225].

В перерыве между боями

Последние атаки второго штурма противник предпринял 31 декабря. Но защитники Севастополя отстояли свои позиции. Командир 54-го армейского корпуса вынужден был отвести свои войска за линию Бельбекская долина — Камышловский овраг — Мекензия.

Таким образом, советские войска в ходе второго наступления противника в целом смогли удержать свои позиции. На направлении главного удара врагу удалось оттеснить части четвертого сектора на рубеж прикрытия эвакуации. Однако уже в январе часть позиций на главном рубеже обороны была отбита. Части третьего сектора отошли на главный рубеж, на котором вели боевые действия войска первого сектора. Части второго сектора обороняли передовой рубеж. Отход войск несколько сузил фронт обороны. Это, с одной стороны, позволило более эффективно воздействовать на противника огнем артиллерии, но с другой — дало возможность противнику вести прицельный огонь по советским оборонительным позициям и Севастополю.

Мощное огневое воздействие противника заставило активнее использовать подземное пространство. К концу декабря 1941 г. перевод города под землю был завершен. В это время в Севастополе функционировали арсенал, два спецкомбината, госпиталь, кинотеатры, аптеки, школы, другие военные и гражданские учреждения. В сжатые сроки было построено более 600 убежищ для укрытия от фугасов и артиллерийских снарядов. В штольнях Инкермана размещался большой подземный город: цеха заводов, всевозможные мастерские, базы и склады. По соседству в цехах находились «жилые кварталы», там же размещался подземный госпиталь на 5 тыс. человек, амбулатория, детский сад и ясли, столовая, кинотеатр, клуб[226].

Стойкое сопротивление советских войск у Севастополя приковало к себе основные силы 11-й немецкой армии. Это позволило Ставке ВГК, командованию Закавказского фронта предпринять ряд мер по усилению обороны Таманского полуострова и всего Черноморского побережья. Активность противника в Крыму не повлияла на замыслы советского командования по расширению боевых действий Красной армии на Крымском полуострове. В связи с успехом контрнаступления под Ростовом, упорством защитников Севастополя и наличием войск на Кавказе у Ставки ВГК зародилась идея овладеть Керченским полуостровом и создать тем самым условия для освобождения Крыма.

К концу 1941 г. командование Закавказского (с 30 декабря 1941 г. — Кавказского) фронта разработало план десантной операции на Керченском полуострове. После его утверждения началась подготовка операции, особенно по выброске морских десантов. Помимо облегчения положения войск в Севастополе, эта операция рассматривалась как начало освобождения Крыма. Она вошла в историю как Керченско-Феодосийская десантная операция (26.12.1941–02.01.1942).

К этому времени основные силы противника находились под Севастополем, а на охрану и оборону побережья от Балаклавы до Алушты были выделены подразделения 3-го румынского моторизованного полка, от Алушты до Феодосии — части 8-й румынской дивизии. Всего на Керченском полуострове находились 25 тыс. человек, 180 орудий и 118 танков. Их действия поддерживали две группы авиации, входившие в состав 8-го авиационного корпуса, общей численностью до 100 самолетов. В районе Феодосии и Керчи у противника кораблей не было.

К участию в операции советское командование привлекло 44-ю (четыре стрелковые дивизии, стрелковая бригада и бригада морской пехоты) и 51-ю (четыре стрелковые и две горнострелковые дивизии, бригада морской пехоты) армии. В резерве находились три стрелковые и одна кавалерийская дивизии, отдельный танковый батальон. С воздуха действия войск прикрывали около 500 самолетов Закавказского фронта и 200 боевых машин ВВС Черноморского флота.

Черноморский флот и Азовская военная флотилия на период операции подчинялись командующему Закавказским фронтом. В соответствии с планом, высадку морского десанта силой двух дивизий и бригады со средствами усиления намечалось произвести на широком 250-километровом фронте: авиадесант — в районе Владиславовки, а вспомогательный десант — в районе Арабат — Ак-Монай с задачей овладеть районом Сейджеут — Ак-Монай — Арабат — Владиславовка — Насыпной — Султановка и прочно его удерживать до полного разгрома керченской группировки противника и для действий с тыла[227]. В конечном итоге планировалось окружить и уничтожить группировку противника на Керченском полуострове.

Главный удар на феодосийском направлении наносила 44-я армия. От нее выделялся воздушный десант, предназначенный для захвата Владиславовки. Действия армии поддерживал Черноморский флот. Другой удар на керченском направлении во взаимодействии с Азовской военной флотилией и Керченской военно-морской базой наносила 51-я армия[228].

В связи с декабрьскими событиями под Севастополем советское командование на пять суток задержало начало Керченско-Феодосийской десантной операции. Изменился и порядок ее проведения. Было решено высадку войск проводить не одновременно, а последовательно: 51-ю армию — 26 декабря, 44-ю — на три дня позже. После высадки и захвата плацдармов им предстояло при поддержке флота и авиации наступать от Феодосии и Керчи на Ак-Монай.

Несмотря на шторм (до 7–8 баллов), операция началась 26 декабря 1941 г. и сразу стала развиваться не по плану. Четыре десанта из пяти 51-й армии не смогли высадиться и вернулись обратно. Только четвертый отряд десантировался в районе мыса Хрони. Из-за шторма высадка десанта возобновилась только 28 декабря. Наиболее удачно она проводилась в районе Камыш-Бурун, где в период с 26 по 29 декабря из состава 302-й стрелковой дивизии были высажены более 11,2 тыс. человек и выгружены 47 орудий, 229 пулеметов, 198 минометов, 12 автомашин, 210 лошадей[229].

Посадка десанта на крейсер «Красный Кавказ»

Десантники на катерах в Керченском проливе

Моряки-десантники высаживаются на берег и с ходу вступают в бой

В связи с тем что соединения и части 51-й армии имели очень мало тяжелого вооружения, а фронтовая авиация не оказала им достаточной помощи, десантники вынуждены были обороняться, а не наступать, так как немцы стремились во что бы то ни стало сбросить их в море. Обстановка изменилась после того, как войска 44-й армии, высаженные кораблями и транспортами Черноморского флота в Феодосии, создали угрозу окружения всей группировки противника, действовавшей в восточной части Керченского полуострова.

Всего в районе Феодосии высадились 23 000 человек, а также были выгружены 34 танка, 109 орудий, 24 миномета, 1550 лошадей, 334 автомашины и трактора, 734 тонны боеприпасов и 250 тонн других грузов[230].

Командир 42-го немецкого артиллерийского корпуса, опасаясь окружения своих частей, отвел из Керчи 46-ю пехотную дивизию. И хотя он был снят с должности, восстановить положение не удалось: немецкие и румынские войска отступили за Ак-Монайский перешеек, лишившись большей части своей техники и артиллерии.

2 января 1942 г. советские войска вышли на рубеж Арабатский залив — Коктебель (15 км юго-западнее Феодосии) и развернулись фронтом на запад. Керченский полуостров был освобожден. Керченско-Феодосийская операция, одна из самых крупных морских десантных операций Великой Отечественной войны, завершилась. Несмотря на свою неполноту, она имела большое значение — в Крыму был захвачен важный оперативный плацдарм. Враг потерял возможность через Керченский полуостров вторгнуться на Кавказ и был вынужден прекратить наступление под Севастополем. Это несколько облегчило положение соединения и частей Севастопольского оборонительного района.

Высадка советских войск на Керченском полуострове вынудила германское командование перебросить две пехотные дивизии из-под Севастополя в район действий десантов. В связи с этим борьба противоборствующих сторон в Крыму обострилась.

Готовясь к возобновлению наступления по освобождению Крымского полуострова, командование Крымского фронта практически не уделяло внимания организации обороны. Имея в своем распоряжении более 259,6 тыс. человек, 347 танков, 3577 орудий и минометов разных калибров и 400 самолетов[231], командующий фронтом генерал Д. Т. Козлов расположил основные силы (47-ю и 51-ю армии) на правом крыле, которое далеко вдавалось в сторону противника, а на левом крыле занимала оборону 44-я армия. Группировка создавалась как наступательная. Лишь после информации штаба Северо-Кавказского направления о возможном наступлении немцев в период с 10 по 15 мая генерал Козлов доложил в Ставку план мероприятий по организации обороны. В нем предполагались усиление левого крыла обороны, создание подвижных танковых резервов, ускорение оборонительных работ, вывод во второй эшелон управления 47-й армии с задачей организовать оборону в тылу[232].

Фронт взаимодействовал с Черноморским флотом. Важным фактором, который негативно сказался на последующих действиях, стало присутствие представителя Ставки ВГК — начальника Главного политического управления Красной армии армейского комиссара 1 ранга Л. З. Мехлиса.

После утери в конце 1941 г. Керченского полуострова немецкое командование принимало все меры для повторного захвата этой территории. Для этого штаб 11-й армии разработал операцию под названием «Охота на дроф». К этому времени армия имела 150 тыс. человек, 2472 орудия и миномета, 180 танков и 700 самолетов[233] — всего пять немецких пехотных, одну танковую, две румынские дивизии и одну румынскую кавалерийскую бригаду.

Таким образом, советские войска превосходили противника в личном составе, артиллерии и танках, но уступали в количестве самолетов. Обстановка была достаточно благоприятной не только для обороны, но и отчасти для наступления.

Манштейн, зная о некотором превосходстве войск Крымского фронта, все же решил 8 мая 1942 г., создавая видимость наступления по всему фронту, нанести главный удар тремя дивизиями по 63-й стрелковой дивизии 44-й армии на шестикилометровом фронте. Уже в первый день части противника образовали брешь до 6 км по фронту и 10 км в глубину[234]. Одновременно командование 11-й немецкой армии высадило небольшой десант в тылу советских войск, в 15 км северо-восточнее Феодосии. Ударами вражеской авиации (до 900 самолето-вылетов в сутки) система управления Крымского фронта, его объединений и соединений была выведена из строя. Взаимодействие между армиями и внутри них было нарушено. Генерал Д. Т. Козлов не мог управлять войсками, которые беспорядочно отходили на восток.

В оборонительных боях на Крымском полуострове активное участие приняли 26-й и 276-й стрелковые полки войск НКВД. 16 мая 1942 г. полки, действуя в составе сводной группы войск НКВД охраны тыла Крымского фронта, контратакой отбросили наступающего противника от переправ, по которым производилась эвакуация советских частей на Таманский полуостров. В результате контрудара были уничтожены 14 танков и около 200 пехотинцев противника[235].

Несмотря на требования Ставки немедленно организовать фронтовой контрудар, командование фронта не сумело осуществить его из-за отсутствия связи с войсками. Враг продолжал развивать успех, введя в прорыв танковую дивизию. В этой обстановке Ставка ВГК в резкой форме высказала свое неудовольствие действиями командующего фронтом

Немецкие пикирующие бомбардировщики в полете

и своего представителя: «Ввиду того что Военный совет Крымфронта, в том числе Мехлис, Козлов, потеряли голову, до сего времени не могут связаться с армиями, несмотря на то что штабы армий отстоят от Турецкого вала не более 20–25 км, ввиду того что Козлов и Мехлис, несмотря на приказ Ставки, не решаются выехать на Турецкий вал и организовать там оборону, Ставка Верховного главнокомандования приказывает: главкому СКН маршалу Будённому в срочном порядке выехать в район штаба Крымского фронта (г. Керчь), навести порядок в Военном совете фронта, заставить Мехлиса и Козлова прекратить свою работу по формированию в тылу, передав это дело тыловым работникам, заставить их выехать немедленно на Турецкий вал[236], принять отходящие войска и материальную часть, привести их в порядок и организовать устойчивую оборону на линии Турецкого вала, разбив оборонительную линию на участки во главе с ответственными командирами»[237].

Для того чтобы избежать полного окружения, Сталин приказал генералу Козлову в ночь на 10 мая отвести войска фронта на Турецкий вал, где организовать оборону. Однако в армии и дивизии приказ на отход поступил только поздно вечером. Целые соединения так и не смогли вырваться из кольца и оказались в окружении в районе Ак-Моная.

Дальнейшие события носили скоротечный и драматический характер. Направленный Ставкой ВГК в Керчь главком Северо-Кавказского направления маршал С. М. Будённый принял вынужденное решение об эвакуации советских войск. Она началась 15 мая и продолжалась пять суток. Эвакуацию осуществляли корабли Черноморского флота и Азовской военной флотилии (командующий контр-адмирал С. Г. Горшков). Организована она была, к сожалению, хуже, чем в Одессе. К этому времени фашисты уже взяли гору Митридат и вели прицельный огонь по керченским переправам. Авиация противника непрерывно находилась над проливом, нанося удары по судам. Советская ПВО была организована крайне плохо.

Отход советских войск прикрывали части и соединения 51-й армии, которые были объединены в сводный отряд. Они зацепились за второй оборонительный рубеж — берег Азовского моря — поселки Аджимушкай и Колонка. В задачу сводного отряда входили обеспечение организованного отхода, погрузка на морские суда и переброска войск фронта по морю на другой берег залива. Пока сводный отряд отбивал первые немецкие атаки, войска трех армий спешно перебрасывались на противоположный, кавказский берег. В ход шло всё — морские суда, гражданские и военные, плоты из бочек и досок, бревна и т. д. Около 140 тыс. человек, 157 самолетов, 22 орудия и 29 реактивных установок смогли переправить на таманский полуостров. По требованию И. В. Сталина ему была предоставлена сводка о потерях Крымского фронта. За 12 дней немецкого наступления советские потери составили 176 566 человек, 347 танков, 3476 орудий и минометов, 400 самолетов[238]. По немецким данным, 11-я полевая армия Манштейна потеряла 7588 человек. В плен были захвачены около 170 тыс. советских бойцов и командиров[239].

Подразделения, оставшиеся в районе Керчи, укрылись в Аджимушкайских каменоломнях. По некоторым данным, численность гарнизона составляла около 12–15 тыс. человек. Боевая деятельность подземного гарнизона, начавшаяся с 21 мая, не прекращалась до самого последнего дня — 31 октября 1942 г. (около 170 дней обороны). Последняя боевая операция с выходом на поверхность земли была проведена в середине октября.

Для борьбы с подземным гарнизоном противник активно применял «бесконтактный» способ — атаки с использованием отравляющих веществ. Первая химическая атака, состоявшаяся 24 мая, нанесла серьезный урон защитникам катакомб[240]. За всю оборону, по архивным данным, не менее 5 тыс. человек стали жертвами газовых атак фашистов.

В целом оборона Аджимушкайских катакомб продемонстрировала высокий моральный дух советских людей, до последнего патрона, дыхания боровшихся за свободу и независимость.

Неудачи Крымского фронта, как это было сказано в специальном приказе Ставки ВГК, во многом объясняются тем, что командование не сумело организовать взаимодействие между армиями и наземными и воздушными силами. Отдавая приказы, оно не знало действительной обстановки на фронте, так как не было связи с соединениями и объединениями.

Большая вина за поражение в Крыму лежит на представителе Ставки ВГК армейском комиссаре 1 ранга Л. З. Мехлисе, который не справился со своими обязанностями. Он грубо вмешивался в функции командующего фронтом, подменял его, ставил войскам задачи без учета конкретной боевой обстановки. Были смещены и понижены в должности и в звании командующий фронтом Д. Т. Козлов, член Военного совета Ф. А. Шаманин, командующие 44-й и 47-й армиями С. И. Черняга и К. С. Колганов, командующий ВВС фронта Б. М. Николаенко. Начальник штаба фронта генерал П. П. Вечный был снят с должности и направлен в распоряжение Генерального штаба. Был смещен с поста заместителя наркома обороны и начальника Главного политического управления РККА, понижен в воинском звании и Л. З. Мехлис[241].

Потеря Керченского полуострова поставила в исключительно тяжелое положение советские войска, защищавшие Севастопольский оборонительный район. Теперь против них были повернуты все силы 11-й немецкой армии.

На Севастополь была нацелена группировка противника, включавшая семь с половиной немецких и полторы румынские дивизии. На фронте протяженностью 35 км она имела около 204 тыс. солдат и офицеров, 670 орудий калибра от 75 до 600 мм, 655 противотанковых пушек, 720 минометов, 450 танков и до 600 самолетов. 54-й армейский корпус, наносивший главный удар, поддерживали 120 артиллерийских батарей, в том числе 56 батарей тяжелой и сверхтяжелой артиллерии[242].

Общая численность войск Севастопольского оборонительного района достигала 106 тыс. человек, а также 38 танков и 606 орудий и только 53 исправных самолета. Советские дивизии были укомплектованы всего на 55% их штатной численности[243].

Действия авиации и артиллерии противника заметно активизировались с 20 мая, а 2–6 июня, перед третьим штурмом Севастополя, была проведена авиационно-артиллерийская подготовка. Вражеская авиация произвела свыше 9 тыс. самолето-вылетов, сбросив до 45 тыс. бомб, а артиллерия выпустила около 26 тыс. снарядов[244]. Однако и это не сокрушило севастопольскую оборону.

7 июня начался третий штурм Севастополя. Наступление условно делится на три этапа: первый — бои за станции Мекензиевы Горы и Камары (7–15 июня); второй — бои за Северную бухту (16–23 июня); третий — бои за Инкерман и на Херсонесском полуострове (24 июня — 3 июля).

Пехота и танки противника в сопровождении огневого вала перешли в наступление по всему фронту армии. Защитники города ежедневно отбивали до 15–20 атак. Враг постоянно наращивал усилия. Не сумев достичь успеха в направлении Северной бухты, он перенес основные усилия вдоль Ялтинского шоссе, но и здесь потерпел неудачу. Ударом вдоль Ялтинского шоссе на Сапун-гору и на Инкерман со станции Мекензиевы Горы противник стремился рассечь оборону советских войск. Генерал И. Е. Петров перебросил на это направление 7-ю бригаду морской пехоты и 138-ю стрелковую бригаду. На отдельных участках немцы сумели все же вклиниться в оборону защитников города, положение которых с каждым днем ухудшалось. К тому же усилилась блокада Севастополя с моря. Хотя корабли Черноморского флота отчаянно прорывались к городу, они не могли возместить потери войск и обеспечить их всем необходимым.

Поиск уязвимых мест в севастопольской обороне продолжался. 17 июня противник прорвал оборону на северном участке и в последующие шесть дней сумел захватить все побережье Северной бухты, а на юге продвинуться до Сапун-горы.

28 июня пал Инкерман. Следующий день стал решающим в обороне Севастополя. В ночь на 29 июня немецкие части неожиданно форсировали Северную бухту и с первой попытки закрепились на ее южном обрывистом берегу. А утром пехотная дивизия прорвала оборону в районе Сапун-горы и на следующий день вышла на широком фронте непосредственно к городу. Были захвачены все командные высоты вокруг Севастополя, враг получил возможность вести прицельный огонь из всех видов оружия по городу и обороняющимся войскам. В сложившихся условиях удержать Севастополь было невозможно: в дивизиях Приморской

Истребители И-153 «Чайка» над Севастополем

Зенитчики бронепоезда «Железняков» отражают воздушную атаку врага

Морские пехотинцы ведут бой в районе Севастополя

Танки Т-26 выдвигаются на рубеж атаки под Севастополем

Расчет немецкой гаубицы ведет обстрел Константиновского форта, защищающего вход в Севастопольскую бухту

Немецкие солдаты перед позициями 35-й батареи Севастополя

Эвакуация жителей Севастополя

армии оставалось по 300–400 человек. Снаряды закончились. Артиллерийские орудия стали отводить в тыл, надеясь получить снаряды. Пехота осталась без поддержки артиллерии и авиации. Существенно укрепить севастопольскую оборону не могла и Ставка ВГК, так как в это время противник вел наступление на Воронеж. Но сдаваться никто не собирался. Бои стали перемещаться в пределы города.

С разрешения Ставки ВГК началась эвакуация защитников города. Однако удалось эвакуировать лишь незначительную их часть. Около 600 человек руководящего состава армии, флота, гражданских организаций и членов городского комитета обороны в ночь на 1 июля на самолетах покинули Севастополь, а генерал Петров со своим штабом — на подводной лодке[245]. Кроме того, с 22 июня по 1 июля включительно самолетами «Дуглас» были вывезены 2370 человек, из них 1411 раненых[246].

Остатки Приморской армии 1 и 2 июля были сведены в отряды, которые под командованием генерал-майора П. Г. Новикова, сдерживая атаки противника, уничтожали материальную часть. Некоторые из них смогли вырваться из окружения. Кто-то погиб, оказывая сопротивление. Однако довольно большая часть войск прикрытия была прижата к берегу и попала в плен. По немецким данным, к 7 июля было сломлено последнее сопротивление войск на полуострове Херсонес. В плену оказались 95 тыс. человек, 45 тыс. погибли. Общие потери защитников Севастополя с 30 октября 1941 г. по 7 июля 1942 г. составили 200 тыс. человек, в том числе более 156 тыс. — безвозвратные[247].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Вестфаль З., Крейпе В.* и др. Роковые решения / Пер. с англ. М., 1958. С. 98.

[2] 1 декабря 3-я, а 31 декабря 4-я танковые группы были переименованы соответственно в 3-ю и 4-ю танковые армии.

[3] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 250.

[4] Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 8. Оп. 11627. Д. 76. Л. 24—25; Д. 60. Л. 3—21.

[5] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. В 2-х кн. М., 1989. Кн. 1. С. 161.

[6] ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 232. Л. 127—134.

[7] Там же. Д. 101. Л. 1; Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Т. 1. С. 366.

[8] ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 12. Л. 130.

[9] *Василевский А. М.* Указ. соч. Кн. 1. С. 161.

[10] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. М., 1998—1999. Кн. 1. М., 1998. С. 251.

[11] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 3-х т. М., 1990. Т. 2. С. 244.

[12] ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 4. Л. 164—165.

[13] Цит. по: Военно-исторический журнал. 1966. № 10 С. 70—72.

[14] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5-1). С. 316.

[15] ЦАМО. Ф. 229. Оп. 161. Д. 15. Л. 208.

[16] Там же. Д. 96. Л. 5.

[17] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 253.

[18] ЦАМО. Ф. 15. Оп. 12484. Д. 751. Л. 1.

[19] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 247.

[20] ЦАМО. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 5. Л. 134; Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. М., 1964. С. 186; *Муриев Д. З.* Провал операции «Тайфун». М., 1972. С. 173—174.

[21] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 599.

[22] Ibid.

[23] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12473. Д. 265. Л. 637; Д. 350. Л. 60—65; Д. 158. Л. 98.

[24] *Гальдер Ф.* Военный дневник. В 3-х т. М., 1968—1971. Т. 3. Кн. 2. М., 1971. С. 95.

[25] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 601.

[26] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 99.

[27] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 600.

[28] Ibid. S. 600, 602, 603.

[29] Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. М., 1964. С. 194.

[30] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 252.

[31] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1475. Л. 294.

[32] *Рейнгардт К.* Поворот под Москвой / Пер. с нем. М., 1980. С. 241.

[33] *Гальдер Ф.* Военный дневник Т. 3. Кн. 2. С. 90.

[34] Там же. С. 103.

[35] Там же. С. 106.

[36] «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967. С. 342.
[37] Там же. С. 34.
[38] *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 256.
[39] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 222. Л. 12–13; Оп. 2511. Д. 82. Л. 72–73.
[40] Там же. Д. 82. Л. 73.
[41] Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. С. 208.
[42] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 222. Л. 40.
[43] Там же. Д. 159. Л. 45.
[44] Там же. Д. 222. Л. 32.
[45] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 258–259.
[46] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 222. Л. 11–12.
[47] Там же. Оп. 2513. Д. 87. Л. 73–74.
[48] Великая битва Великой войны. М., 2012. С. 222.
[49] ЦАМО. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 21. Л. 44–49.
[50] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 606.
[51] *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 248.
[52] Великая битва Великой войны. С. 223.
[53] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 87. Л. 157–159.
[54] Там же. Оп. 2511. Д. 222. Л. 50.
[55] Освобождение городов. Справочник по освобождению городов в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1985. С. 225.
[56] ЦАМО. Ф. 354. Оп. 5806. Д. 29. Л. 36–38.
[57] Освобождение городов. С. 122.
[58] Великая битва Великой войны. С. 225.
[59] См.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 262.
[60] Великая битва Великой войны. С. 226.
[61] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 54. Л. 10.
[62] Там же. Д. 159. Л. 223.
[63] *Соколов А. М.* Великая Отечественная война. Хронограф 1941. М., 2007. С. 458.
[64] Там же.
[65] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 123.
[66] Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 261.
[67] Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. С. 170.
[68] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 261.
[69] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5-1). С. 334.
[70] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 201.
[71] Освобождение городов. С. 104.
[72] При этом нужно учитывать, что противник наступал с северо-запада на Москву двумя танковыми группами, а наше контрнаступление проводилось в основном стрелковыми соединениями.
[73] Военно-исторический журнал. 1986. № 12. С. 22–23.
[74] Великая Отечественная война. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 263.
[75] *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 249.
[76] Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. С. 233–234.
[77] ЦАМО. Ф. 353. Оп. 5866. Д. 6. Л. 27; Ф. 208. Оп. 2511. Д. 126. Л. 230.
[78] Там же. Д. 6. Л. 23.
[79] ЦАМО. Ф. 353. Оп. 5866. Д. 6. Л. 23.
[80] Великая битва Великой войны. С. 229.
[81] Там же.
[82] Цит. по: Великая битва Великой войны. С. 229.

[83] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 87. Л. 102–103.
[84] Там же. Оп. 2511. Д. 126. Л. 370.
[85] Там же. Д. 1030. Л. 28–30.
[86] Великая битва Великой войны. С. 230.
[87] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 222. Л. 96.
[88] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 120.
[89] *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 252.
[90] Переименована из группы полковника Я. К. Кулиева.
[91] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 112.
[92] ЦАМО. Ф. 229. Оп. 161. Д. 146. Л. 149.
[93] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 112.
[94] ЦАМО. Ф. 229. Оп. 161. Д. 96. Л. 16.
[95] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 114.
[96] *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 253.
[97] Великая битва Великой войны. С. 232.
[98] *Гудериан Г.* Воспоминания солдат / Пер. с нем. Смоленск, 1999. С. 356.
[99] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 257.
[100] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. С. 337.
[101] Там же.
[102] ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 1551. Д. 10. Л. 234.
[103] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1030. Л. 36.
[104] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 615.
[105] Ibid. S. 607–610.
[106] Ibid.
[107] *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 268–269.
[108] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 604.
[109] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 118, 124.
[110] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 222. Л. 123.
[111] Освобождение городов. С. 71.
[112] Правда. 1941. 22 декабря.
[113] Распоряжением Ставки ВГК с 22 декабря 1941 г. в состав фронта из резерва была передана вновь сформированная 39-я армия.
[114] ЦАМО. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 5. Л. 150–152.
[115] Там же. Л. 182.
[116] Там же. Л. 189.
[117] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5-1). С. 343.
[118] ЦАМО. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 105. Л. 24–27.
[119] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 620.
[120] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1030. Л. 36–38.
[121] Там же. Д. 71. Л. 26.
[122] Освобождение городов. С. 37, 238.
[123] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 159. Л. 238.
[124] 41, 57 и 75-я кавалерийские дивизии были переданы в группу генерала П. А. Белова из 10-й армии и прибыли после 22 декабря.
[125] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 71. Л. 36–37.
[126] *Соколов А. М.* Великая Отечественная война. Хронограф 1941. С. 472.
[127] ЦАМО. Ф. 229. Оп. 161. Д. 179. Л. 41.
[128] Там же.
[129] ЦАМО. Ф. 229. Оп. 161. Д. 15. Л. 275–277.
[130] Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. С. 297.

[131] Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск бывших ее сателлитов на советско-германском фронте за период 1941–1945 гг. (выпуск 1). С. 80–81.
[132] ЦАМО. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 105. Л. 26–27.
[133] Там же. Д. 336. Л. 13.
[134] Там же. Л. 181.
[135] Вторая мировая война 1939–1945 гг. С. 279.
[136] Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. М., 2001. С. 276, 484.
[137] РГАСПИ. Ф. 614. Оп. 1. Д. 16. Л. 94; Д. 17. Л. 178.
[138] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. С. 219.
[139] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2010. С. 60.
[140] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 8.
[141] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 48, 207.
[142] Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 8.
[143] Там же. С. 31, 32, 37.
[144] Там же. С. 36–38.
[145] Там же. С. 28–30, 38, 484.
[146] Там же. С. 9.
[147] *Жуков Г. К.* Указ. соч. М., 1990. Т. 2. С. 255.
[148] Там же.
[149] Там же.
[150] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 32, 38, 483, 484.
[151] *Андроников Н. Г., Соколов А. М.* Великая Отечественная война. Хронограф 1942. М., 2009. С. 7.
[152] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1983. Bd. 4. S. 699–701.
[153] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1990. Bd. 4. S. 621.
[154] Цит. по: *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 288.
[155] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 28–31.
[156] Там же. Л. 11–17.
[157] Там же. С. 32.
[158] Там же.
[159] Там же. С. 37.
[160] См.: *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 298.
[161] Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. С. 325.
[162] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1427. Л. 91.
[163] Цит. по: Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. М., 1943. Ч. 3. С. 71.
[164] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 48–49.
[165] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1429. Л. 14.
[166] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 79.
[167] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1429. Л. 21, 32, 38, 48.
[168] Там же. Л. 8.
[169] Там же. Л. 32, 33, 38.
[170] Там же. Л. 43.
[171] Там же. Л. 63, 81.
[172] Там же. Л. 81.
[173] Там же. Л. 42, 52.

[174] Военно-исторический журнал. 1962. № 8. С. 61.
[175] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1429. Л. 142–143.
[176] Военно-исторический журнал. 1990. № 1. С. 63.
[177] Цит. по: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 627.
[178] ЦАМО. Ф. 246. Оп. 1525. Д. 10. Л. 19–21.
[179] Там же. Д. 343. Л. 23.
[180] Великая Отечественная война. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 298.
[181] Там же.
[182] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 628.
[183] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 98–99.
[184] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2411. Д. 1435. Л. 336–337; Оп. 2511. Д. 1435. Л. 351–354.
[185] *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 317.
[186] Там же. С. 312; *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии. 1933–1945 гг. / Пер. с нем. В 3-х т. Т. 3. М., 1976. С. 271; История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. М., 1975. Т. 4. С. 323; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 699.
[187] Подсчитано по: История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 4. С. 92, 93, 303; Гриф секретности снят. С. 171, 174, 176, 224, 369; *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 72, 381.
[188] Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. М., 2010. С. 95, 100, 345, 346.
[189] *Müller-Hillebrand B.* Das Heer / 1933–1935. Frankfurt a/m., 1969. Bd. 3. S. 20; Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. Frankfurt a/m., 1963. Bd. 2. S. 95.
[190] Мировые войны XX века. В 4-х кн. М., 2005. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. 2-е изд. С. 143.
[191] *Уткин А. И.* Вторая мировая война. М., 2002. С. 324.
[192] См.: *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 2-х т. Т. 2. 2002. С. 60–61.
[193] *Журин Л. В.* Наступательная операция в Заполярье / Полярная правда. 2007. 8 мая. Вып. 64.
[194] По состоянию на 01.05.1942 г.
[195] *Козлов И. А., Шломин В. С.* Краснознаменный Северный флот. 3-е изд., доп. М., 1983. С. 96.
[196] См.: *Киселев А. А.* Мурманск — город-герой. М., 1988. С. 86.
[197] *Козлов И. А., Шломин В. С.* Указ. соч. С. 96.
[198] Там же. С. 96.
[199] Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 3. Через новые испытания. 1 января — 30 июня 1942 г. М., 2008.
[200] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1072. Д. 481в. Л. 307.
[201] *Козлов И. А., Шломин В. С.* Указ. соч. С. 96.
[202] Там же. С. 97.
[203] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1072. Д. 481в. Л. 315.
[204] *Козлов И. А., Шломин В. С.* Указ. соч. С. 97.
[205] Там же.
[206] *Киселев А. А.* Мурманск — город-герой. С. 88.
[207] Там же.
[208] *Манштейн Э.* Утерянные победы / Пер. с нем. Ростов н\Д, 1999. С. 231.
[209] *Воробьев В. Ф.* Оборона Севастополя в 1941–1942 годах. М., 1956. С. 6.
[210] ЦАМО. Ф. 288. Оп. 9900. Д. 4. Л. 54.
[211] Русский архив: Великая Отечественная война. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5-1). С. 256.
[212] *Крылов Н. И.* Не померкнет никогда. М., 1984. С. 558.
[213] См.: *Моргунов П. А.* Героический Севастополь. М., 1979. С. 48.
[214] *Александер Т. Г.* Слово о командире 30-й береговой батареи. Москва — Крым: Историко-публицистический альманах. М., 2000. С. 258.
[215] Русский архив: Великая Отечественная война. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5-1). С. 276–277.

[216] Известия ЦК КПСС. 1991. № 8. С. 215–216.

[217] См.: Операции Советских Вооруженных Сил в период отражения нападения фашистской Германии на СССР. Военно-исторический очерк. Т. 1 (22 июня 1941 — 18 ноября 1942). М., 1958. С. 320–321.

[218] *Александер Т. Г.* Слово о командире 30-й береговой батареи. Москва — Крым... С. 260.

[219] Героическая оборона Севастополя 1941–1942 гг. М., 1969. С. 61.

[220] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5-1). С. 276.

[221] ЦВМА. Ф. 72. Д. 800. Л. 65, 66.

[222] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5-1). С. 302–303.

[223] *Замятин Н. М., Воробьев В. Ф.* Оборона Севастополя. Оперативно-тактический очерк. М., 1943. С. 22.

[224] *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 243.

[225] *Крылов Н. И.* Огненный бастион. М., 1973. С. 201.

[226] *Иванов В. Б.* Тайны Севастополя. В 6-ти т. Кн. 2. Тайны подземные. Севастополь, 2005. С. 42, 43.

[227] ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3412. Д. 760. Л. 49, 50.

[228] Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. 1942 год. Т. 23 (12-2). М., 1999. С. 406.

[229] Операции Советских Вооруженных Сил в период отражения нападения фашистской Германии на СССР. Военно-исторический очерк. Т. 1 (22 июня 1941 — 18 ноября 1942). С. 431.

[230] Там же. С. 432.

[231] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 331.

[232] Керченская оборонительная операция. М., 1950. С. 19.

[233] Военная энциклопедия. Т. 4. М., 1999. С. 15.

[234] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 331.

[235] См.: Внутренние войска в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 344.

[236] Турецкий вал — древние земляные укрепления, возведенные на Керченском полуострове между Казантинским заливом и озером Узинларское в 24–25 км западнее Керченского пролива.

[237] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. М., 1996. Т. 16 (5-2). С. 21.

[238] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 332.

[239] Das Deutche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1990. Bd. 6. S. 843.

[240] *Камбулов М.* Свет в катакомбах. М., 1959. С. 128–130.

[241] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 236–239.

[242] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 333.

[243] Там же.

[244] Боевой путь советского Военно-морского флота. М., 1988. С. 337.

[245] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 335.

[246] *Стрельбицкий К.* Транспортная деятельность самолетов Московской авиагруппы особого назначения по снабжению и эвакуации осажденного Севастополя // ВИЖ Military. Крым. 2007. № 7. С. 47–49.

[247] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2010. С. 178; Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 335.

ВРАГ ОСТАНОВЛЕН ПОД СТАЛИНГРАДОМ

Накануне новых испытаний

Успехи зимней кампании 1941—1942 гг. придали уверенности командованию Красной армии, ее командирам и бойцам. Советский народ с большим воодушевлением трудился в тылу, обеспечивая всем необходимым фронт. Познав радость побед, советское руководство решило закрепить за собой право диктовать противнику — где, когда и как вести боевые действия, полностью перехватив стратегическую инициативу. Этому благоприятствовал ряд факторов.

Возросла мощь Красной армии и Военно-морского флота. К весне 1942 г. в вооруженных силах насчитывалось более 400 дивизий, около 11 млн человек, 83 тыс. орудий и минометов, свыше 10 тыс. танков, 11,3 тыс. самолетов[1]. Было сформировано 11 танковых корпусов, организована авиация дальнего действия, начали создаваться две танковые армии, увеличилось количество артиллерийских частей. Но в составе действующей армии насчитывалось только 5,6 млн человек, 41 тыс. орудий и минометов, 1220 установок реактивной артиллерии, около 5 тыс. танков, 4200 боевых самолетов[2]. Была организована авиация дальнего действия. Началось формирование танковых и воздушных армий. В войсках развернулась напряженная боевая учеба, в ходе которой осваивались техника и вооружение, совершенствовалось воинское мастерство. Советское командование готовило резервы[3].

Перебазированная и сохранившаяся отечественная промышленность стала наращивать производство военной продукции. С декабря 1941 г. падение промышленного производства прекратилось, а с марта 1942 г. быстро пошло вверх, причем выпуск военной продукции уже в марте только в восточных регионах страны достиг уровня производства, который имел место в начале Великой Отечественной войны на всей территории СССР[4]. Выпуск отдельных образцов вооружения возрос в разы. Например, для ведения эффективного боя с маневренным и хорошо управляемым противником в первом полугодии 1942 г. в войска поступило в шесть раз больше автоматов и противотанковых ружей, чем во втором полугодии прошлого года. В 1,8 раза увеличилось производство наземной артиллерии, в 2,3 раза — танков. Советское руководство всячески стимулировало и поощряло повышение эффективности работы в тылу по восстановлению техники и самолетов[5]. Однако достигнуть технического превосходства в подвижности и управляемости в авиации пока не удавалось.

Поднялся моральный дух советского народа, особенно среди военнослужащих. Уверенность в победе в массах возросла. Панические настроения, характерные для первых месяцев войны, относительно будущего Советского Союза практически растаяли.

Победы Красной армии наглядно показали всему миру, что можно и нужно бороться с фашизмом. Вокруг Советского Союза стало сплачиваться все прогрессивное человечество, руководства различных государств. США и Англия в декларативных заявлениях обещали в 1942 г. открыть второй фронт в Западной Европе. Национально-освободительная борьба набирала силу. Несмотря на зверства в отношении партизан и патриотов, их ряды ширились, волна сопротивления набирала силу, готовясь совместно с ударами по агрессору на фронтах смыть гитлеровцев с лица земли.

Однако враг еще был силен. Весной 1942 г. основная масса вооруженных сил фашистского блока находилась на советско-германском фронте. Здесь были сосредоточены 206 дивизий (в том числе 176 немецких) и 26 бригад — 80% сухопутных сил Германии и ее союзников, а также четыре воздушных флота (из шести). На Германию работала практически вся европейская промышленность. Для обеспечения вермахта только в 1941 г. было произведено 7092 орудия калибра 75 мм и крупнее, 4230 минометов, 3806 танков и штурмовых орудий, 11 030 самолетов (в том числе 9540 боевых)[6]. В следующем году производство военной техники и вооружения увеличилось.

Неожиданные, но еще не катастрофические неудачи вермахта под Москвой заставили руководство Третьего рейха искать пути выхода из создавшегося щекотливого положения для непобедимой до этого германской армии. Стало ясно, что ядро доктрины молниеносной войны разрушено. Необходимо было создать новую структуру методов руководства вооруженными силами, по-другому строить систему обеспечения армии, вооруженной борьбы всем необходимым, более динамично работать над созданием новейших, превосходящих советские и союзнические аналоги оружия, техники и вооружения. На первый план для Гитлера вышли новые методы руководства и принципы ведения войны.

«Во-первых, еще больше усилилась концентрация власти верховного главнокомандующего, который стал прямо руководить генеральным штабом сухопутных сил. Роль последнего возросла... Гитлер стал решать все, со временем даже мелкие, а потом и мельчайшие вопросы оперативного и тактического характера...

Во-вторых, на смену уничтоженной под ударами Красной армии теории и практике блицкрига приходили методы длительной, напряженной борьбы, в которой прежде отвергаемая оборона получила равные права с наступлением. На передний план выступали вопросы удержания оборонительного фронта.

В-третьих, это выразилось в смене высшего командования. Провалившиеся творцы блицкрига, его наиболее яркие апологеты — Браухич, Бок, Рундштедт, Лееб, Гудериан, Гёпнер, Штюльпнагель — ушли со сцены. Иные временно, некоторые навсегда. Отставки всех трех командующих группами армий и создателя теории «танковой войны» свидетельствовали и о нежелании Гитлера терпеть в новых условиях чересчур самостоятельных генералов, даже если их собственное мнение расходилось с мнением фюрера не дальше, чем по проблемам чисто оперативного характера.

Стали приходить люди, наиболее пригодные, по мнению Гитлера, для руководства трудной изнурительной борьбой, беспощадные фанатики, имевшие железные нервы и тяжелую руку и вместе с тем не менее самостоятельные. Первыми в новой компании стояли Рейхенау, Модель, Клюге, Кюхлер, Кессельринг, позже к ним прибавились Фриснер, Шернер и др.»[7]

С появлением первых неудач ближайшее окружение Гитлера все больше превозносило его, а геббельсовская пропаганда называла «аккумулятором немецкого народа». Сам Геббельс отметил в своем дневнике: «Пока Гитлер бодр и находится среди нас, пока он может излучать свою энергию и силу, не нужно беспокоиться о будущем»[8].

Однако «одновременное решение стольких задач наряду с политическим руководством не мог выдержать ни один человек. Поэтому возникали ошибки в принятии решений, которые способствовали провалам на фронтах, а также росту недовольства — как на фронте, так и в центральных штабах»[9].

Еще одним важным изменением в системе управления стало окончание процесса разделения театров военных действий. Фронт против СССР полностью вошел в предмет ве́дения генерального штаба сухопутных сил, что существенно повысило значимость последних.

Угроза активизации действий американских и английских войск не вызывала особого опасения у вермахта. Однако Гитлера раздражало поведение его союзников. Они старались получить от войны все больше территорий, материальных ресурсов, все меньше вкладывая сил в достижение победы в ней. У японцев вообще возникла идея заключения сепаратного мира, где в качестве посредника предлагало себя японское адмиралтейство.

Для поддержания с союзниками необходимых для Германии отношений Гитлер иногда даже позволял им общаться с собой как с равным, летал на празднование семидесятилетия Маннергейма в Хельсинки, встречался с Муссолини и Антонеску.

В целом, по выражению германского историка Б. Шойрига, 1942 г. для Германии наступал «под знаком упорства»[10].

Весна для Красной армии началась на мажорной ноте, и не было, казалось, особых оснований для изменений в худшую сторону для Советского Союза. Великая Отечественная война СССР против фашистской Германии и ее союзников приобрела всенародный характер.

Борьба за выгодные позиции в ходе зимне-весеннего наступления Красной армии привела к появлению извилистой линии фронта с большими выступами как в сторону советских, так и вражеских войск. Каждая из сторон стремилась использовать это в своих целях. И все прекрасно понимали, что успех может быть достигнут при условии своевременного вскрытия замысла противника и упреждения его в действиях.

Советское верховное командование стремилось развить успех: наступательными операциями в районах Ленинграда, Демянска, Харькова, в Донбассе и Крыму разгромить основные группировки вражеских войск, улучшить оперативное положение наших фронтов и сорвать подготавливаемое противником летнее наступление. В дальнейшем предполагалось развернуть наступление на всем фронте.

Ставка ВГК, Генеральный штаб, командующие стратегическими направлениями, фронтами, исходя из анализа полученных разведывательных данных, оценки сложившейся обстановки на советско-германском фронте, стремились определить прежде всего стратегические направления, которые станут центром внимания противника, где он будет пытаться решать свои главные задачи на 1942 г., а может, и на всю войну. К сожалению, советскому руководству в то время не хватило прозорливости.

Разведка, начиная с января 1942 г., обеспечивала Генеральный штаб необходимой информацией о планах гитлеровцев и указывала на приоритетность юга для будущего наступления.

Весной 1942 г. резиденты Разведуправления Генерального штаба РККА своевременно вскрыли и новые германские планы по ведению войны против СССР. В донесениях разведчиков А. Ф. Сизова, И. А. Склярова, Ш. Радо и других сообщалось о том, что немецкое командование в ходе летней кампании планирует нанести главный удар на южном фланге советско-германского фронта.

В январе — марте слова «южный фланг» и «Кавказ» в донесениях разведчиков встречаются достаточно часто. Данные резидентов военной разведки в Центре тщательно анализировались, проверялись и после этого в виде специальных сообщений направлялись членам Ставки ВГК и начальнику Генерального штаба.

Первые сведения о немецких планах по ведению войны против СССР на 1942 г. поступили в Москву в марте 1942 г. от резидентур военной разведки «Дора» в Женеве, «Брион» и «Эдуард» в Лондоне, «Омега» в Вашингтоне.

5 марта 1942 г. резидент военной разведки в Турции добыл копию донесения болгарского военного атташе в Анкаре, отправленного в Софию. В нем сообщалось о том, что новое наступление германских войск на восточном фронте «не будет иметь характер молниеносного, а будет проводиться медленно с целью достижения успеха. Турки опасаются, что советский флот попробует спастись через Босфор. Против этого будут приняты следующие меры:

1. Как только начнется германское наступление, турки начнут перегруппировку сил, концентрируя их на Кавказе и на Черном море.

2. С этого же момента начнется ориентировка политики Турции в сторону Германии»[11].

Далее болгарский военный атташе сообщал своему руководству: «Турки не ожидают нажима, чтобы они выступили в борьбу ни с той, ни с другой стороны до июля или августа. К этому времени они думают, что Гитлер добьется победы, и они открыто перейдут на сторону Германии»[12].

Это донесение было направлено членам Ставки ВГК и ГКО.

12 марта руководитель резидентуры военной разведки в Швейцарии Ш. Радо доложил в Центр о том, что основные силы немцев будут направлены против южного крыла восточного фронта с задачей достигнуть рубежа р. Волга и Кавказа, чтобы отрезать армию и население центральной части России от нефтяных и хлебных районов.

15 марта агент Долли из Лондона доложил о содержании бесед японского посла в Берлине с министром иностранных дел Риббентропом, которые состоялись 18, 22 и 23 февраля. В этих беседах Риббентроп сообщил японскому послу о том, что «в операциях Германии против СССР в 1942 г. первостепенное значение будет играть южный сектор восточного фронта. Именно там начнется наступление»[13].

Достоверные сведения о противнике добывали агенты Люци, Лонг, Луиза и другие[14]. Из донесений разведчиков следовало, что германское командование планирует перейти в решительное наступление на южном фланге советско-германского фронта, захватить Ростовскую область, Краснодарский и Ставропольские края, а также Крым, Кавказ и другие районы, которые являлись основными поставщиками продуктов питания и нефтепродуктов для войск Красной армии[15].

Военная разведка докладывала о том, что Германия продолжает наращивать усилия по втягиванию в войну против СССР Болгарии, Турции и Японии. В донесениях военных разведчиков подчеркивалось, что правительства этих стран воздерживались от прямого участия в войне против Советского Союза на стороне Германии, и это давало возможность советской дипломатии проводить мероприятия, удерживавшие руководителей этих государств от участия в войне на стороне Германии.

Особое значение имели разведывательные сведения военного характера. В спецсообщении Разведуправления Генштаба, направленном в ГКО 18 марта, сообщалось о том, что центр тяжести весеннего наступления немцев будет перенесен на южный сектор фронта (Ростов — Майкоп — Баку). В выводах указывалось: «Германия готовится к решительному наступлению на восточном фронте, которое развернется вначале в южном секторе и распространится в последующем на север»[16].

Эти донесения были использованы командованием военной разведки для подготовки специального сообщения членам Ставки ВГК «О планах Германии на 1942 год»[17].

Однако они не были приняты во внимание. Существенно сказывался комплекс боязни за столицу страны. К тому же весной 1942 г. наиболее мощная группировка противника находилась именно на центральном направлении. Чтобы скрыть направление главного удара летней кампании и создать ложное впечатление о подготовке крупного наступления на московском направлении, по распоряжению командования вермахта штаб группы армий «Центр» разработал дезинформационную операцию под кодовым названием «Кремль». Цель ее была сформулирована в приказе о наступлении на Москву, подписанном 29 мая фельдмаршалом Клюге[18].

По германским данным, начало действий на юге и операции «Кремль» совпадало по времени. Немцы предприняли все, чтобы план операции «Кремль» стал известен командованию Красной армии. Следует отметить, что им удалось этого добиться.

Несмотря на доклады всех видов разведки о том, что центр тяжести весеннего наступления будет перенесен в южный сектор фронта, Генеральный штаб, оценивая вероятный характер действий противника, пришел к выводу, что наибольшего эффекта немцы могут добиться при нанесении удара на участке Брянск — Курск в направлении на Ряжск с после-

дующими действиями в сторону Владимира. В случае успеха на этом направлении противник мог рассечь фронт на две части и охватить Москву с юга и юго-востока. Не исключалась возможность нанесения неприятелем и удара на Северо-Кавказском направлении с целью отсечения центра от Бакинской нефти[19].

С такой оценкой обстановки был согласен И. В. Сталин. Главными направлениями вероятных действий противника были определены ленинградское, московское, воронежское и ростовское, но предполагалось, что основные события развернутся на московском направлении. Защита Москвы ставилась во главу угла. Поэтому сюда, на западное направление, сосредоточивались войска в ущерб Южному и Юго-Западным фронтам.

Наряду с этим Генеральный штаб предложил активными оборонительными действиями на заранее подготовленных рубежах сорвать наступление противника, нанести ему поражение и создать условия для полного овладения стратегической инициативой. При этом на некоторых направлениях планировалось проведение частных наступательных операций для улучшения оперативного положения войск или упреждения вражеских ударов. В рамках этого подхода в план боевых действий Красной армии на весну 1942 г. были включены наступательные операции под Ленинградом, в районе Демянска, на смоленском и льговско-курском направлениях, в районе Харькова и в Крыму.

Германское руководство, как и в 1941 г., имело большие планы на 1942 г. Немцы, веря в свою силу, решили летом коренным образом улучшить положение.

Протокол допроса на Нюрнбергском процессе бывшего начальника штаба главного командования сухопутных войск фельдмаршала В. Кейтеля от 17 июня 1945 г. свидетельствует о его уверенности в правоте выбранного курса: «Русское контрнаступление, бывшее для верховного командования полностью неожиданным, показало, что мы глубоко просчитались в оценке резервов Красной армии. Тем более было ясно, что Красная армия максимально использует зимнюю стабилизацию фронта для дальнейшего усиления, пополнения и подготовки новых резервов. Молниеносно выиграть войну не удалось. Однако это ни в коем случае не отнимало у нас надежды новым наступлением достигнуть военной победы».

Говоря о цели наступления, Кейтель заявил: «Предполагалось полностью выключить Донбасс из военно-экономического баланса России, отрезать подвоз нефти по Волге и захватить главные базы нефтяного снабжения, которые, по нашей оценке, находились в Майкопе и Грозном. Выход на Волгу не планировался сразу на широком участке, предполагалось выйти в одном из мест, чтобы потом захватить стратегически важный центр — Сталинград. В дальнейшем предполагалось в случае успеха и изоляции Москвы от юга предпринять поворот крупными силами к северу (при том условии, что наши союзники взяли бы на себя р. Дон)... Вся операция на южном участке должна была закончиться крупным окружением всей юго-западной и южной групп Красной армии»[20].

В директиве ОКВ № 41, подписанной Гитлером 5 апреля 1942 г. — операция «Блау», главная цель, поставленная перед вермахтом на лето, заключалась в том, чтобы окончательно уничтожить оставшиеся еще в распоряжении Советов силы и лишить их по мере возможности важнейших военно-экономических центров. Для этого планировалось, сохраняя положение на центральном участке (на московском направлении), на севере взять Ленинград и установить связь на суше с финнами, а на южном фланге фронта осуществить прорыв на Кавказ. Все имеющиеся силы сосредоточивались для проведения главной операции на южном участке советских войск западнее Дона, захвата нефтеносных районов Кавказа и перехода через его хребет[21].

В период подготовки к весенним и летним операциям немецкая контрразведка предприняла действия по выявлению и уничтожению иностранных разведчиков. Операция получила кодовое название «Красная капелла». Она была проведена в Германии, Франции, Бельгии, Швеции и на территориях других государств, оккупированных немецкими войсками, а также в Швейцарии. В результате активных действий контрразведывательных органов Германии были выявлены и арестованы некоторые советские разведчики[22].

Не располагая возможностью для ведения одновременного наступления на нескольких направлениях, командование вермахта решило нанести главный удар летом 1942 г. на южном фланге восточного фронта. Разгром Красной армии предполагалось осуществить в три этапа. В мае — июне планировались частные операции для улучшения оперативного положения войск, спрямление линии фронта и высвобождение возможно больших сил и средств для проведения главной операции.

На втором этапе немецко-фашистские войска, сосредоточив основные усилия на юго-западном направлении, должны были разгромить южное крыло советских войск и овладеть районом Сталинграда, Нижней Волгой и Кавказом. Причем сталинградское направление рассматривалось как вспомогательное и по своему назначению должно было обеспечить успешное продвижение войск вермахта на Кавказ.

На третьем этапе необходимо было овладеть Ленинградом, Мурманской железной дорогой и тем самым лишить Советский Союз важных путей сообщения с внешним миром. В совокупности это приводило к потере основных ресурсов и полной катастрофе СССР.

К маю 1942 г. вермахт располагал 9 млн солдат и офицеров, 82 тыс. орудий и минометов, около 7 тыс. танков, 10 тыс. боевых самолетов. Из них на восточном фронте находились 5,5 млн, а с учетом союзников 6,5 млн человек, более 3000 танков и штурмовых орудий, 3400 боевых самолетов, около 57 тыс. орудий и минометов[23].

Таким образом, соотношение сил на фронте было практически равным. И это предопределило высокую напряженность предстоящей борьбы.

На ржевском и харьковском направлениях

После окончания общего наступления Красной армии с апреля вплоть до осени 1942 г. на западном направлении велись напряженные боевые действия. Обе стороны, готовясь к основным сражениям 1942 г. и в ходе них, вели активные действия в районе ржевско-вяземского плацдарма.

На этом направлении советское командование в мае 1942 г. готовило две фронтовые наступательные операции против немецкой группы армий «Центр». Однако из-за резкого обострения обстановки на южном крыле советско-германского фронта, где германские войска добились крупных стратегических успехов, намеченные операции по разгрому ржевско-вяземско-гжатско-оленинской группировки врага проведены не были. Для противодействия противнику Ставка вынуждена была отправить стратегические резервы вместо Западного и Калининского фронтов на юго-западное направление[24].

Для немецкой группы армий «Центр» под Москвой большую опасность продолжали представлять две крупные группировки советских войск. Первая из них — группа генерала П. А. Белова с частями 4-го воздушно-десантного корпуса, которая контролировала территорию внутри треугольника, образованного железными дорогами Вязьма — Смоленск, Смоленск — Занозная, Занозная — Вязьма. Ее войска, а также многочисленные партизанские отряды устраивали диверсии на коммуникациях, взрывали мосты, уничтожали железнодорожные эшелоны и другие транспортные средства в тылу немецкой 4-й полевой армии.

Второй опасной группировкой для врага являлись соединения 39-й армии и 11-го кавалерийского корпуса Калининского фронта, действовавшие в тылу 9-й полевой армии. Эта группировка, используя часть прежних оборонительных сооружений, отвлекала на себя большие силы немцев, которые отмечали, что вынуждены «иметь двойной фронт, отнимая силы у главного». Линия фронта здесь выглядела таким образом, что внутри большого ржевско-вяземского выступа имелся выступ поменьше с центром в поселке Холм-Жирковский.

Для устранения этих угроз германское командование спланировало наступательные операции в районе южнее Вязьмы против частей группы генерала П. А. Белова и против

партизан западнее Вязьмы. 24 мая одновременными ударами с нескольких направлений началось немецкое наступление против группы П. А. Белова, в результате которой ее соединения были окружены[25]. Из окружения вырвались более 10 тыс. человек, не считая 3 тыс. раненых, отправленных ранее на «Большую землю», кроме того, не менее 7 тыс. человек остались в тылу, в партизанских отрядах[26].

После завершения операций против группы генерала П. А. Белова и партизан германское командование силами 9-й полевой армии предприняло наступление с целью ликвидации 39-й армии и 11-го кавалерийского корпуса Калининского фронта, находившихся на Холм-Жирковском выступе[27]. Войска армии и кавалерийского корпуса действовали фактически в полуокружении — в оперативном мешке юго-восточнее г. Белый.

Командующий 9-й немецкой армией генерал Модель создал три ударные группировки: северную — в районе Оленино, южную — в районе г. Белый и восточную — в районе Сычевки. Наиболее мощной их них являлась северная ударная группировка, в которую было включено около 50% дивизий от общего числа соединений, выделенных для проведения армейской наступательной операции.

Наступление противника началось 2 июля. Через два дня советская группировка была окружена. Натиск врага оказался мощным, а имевшиеся в частях окруженных советских войск боеприпасы за четыре дня напряженных боев были почти полностью израсходованы. 6 июля танковые и пехотные части отрезали 11-й кавалерийский корпус от 39-й армии, перекрыв ему пути отхода в северо-западном направлении. В результате окруженные советские войска оказались расколотыми на две части — северную и южную.

Еще 4 июля командующий 39-й армией генерал И. И. Масленников отдал приказ о выводе войск с выступа. Отходившие части взрывали за собой мосты, устраивали лесные завалы, уничтожали технику, которую невозможно было вывести. Немцы сразу же направили в леса спецгруппы, переодетые в форму военнослужащих Красной армии. Они вклинивались в ряды отходивших частей, уничтожали командиров и комиссаров, распространяли ложные слухи, создававшие паническую обстановку среди военнослужащих и жителей ближайших населенных пунктов[28]. Тем не менее там, где сохранилась организованность и не было потеряно управление, войскам удавалось прорваться.

Командование Калининского фронта приказало вывести дважды раненного командующего 39-й армией генерала И. И. Масленникова, бывшего одновременно заместителем наркома внутренних дел, Военный совет и группу штабных командиров. Руководство остававшимися в окружении войсками было возложено на заместителя командарма генерала И. А. Богданова. В ночь на 18 июля в районе котла приземлились девять самолетов У-2, три из которых разбились. Из кольца окружения удалось вырваться примерно 18 тыс. человек — около 10% от численности войск к началу операции[29].

В результате двух неудачных оборонительных операций обстановка на западном направлении значительно ухудшилась. С ликвидацией крупных плацдармов Красной армии в тылу группы армий «Центр» под Ржевом и Вязьмой опасность возобновления противником наступления на Москву возросла. 24 июня Гитлер заявил: «В результате последних немецких наступательных операций противник потерял примерно 80 дивизий... Сопротивление русских может оказаться очень слабым. В связи с этим необходимо думать о том, чтобы провести наступление группой армий «Центр» на московском направлении»[30]. Фюрер был уверен, что ожидаемые крупные успехи германских войск на юге поколеблют стратегический фронт русских и вынудят их снять часть войск с московского направления.

В связи с усилением активности противника под Москвой, а также с целью оттянуть войска противника от сталинградского и кавказского направлений Ставка ВГК еще 16 июля 1942 г. приказала: общими усилиями левого крыла Калининского и правого крыла Западного фронтов провести наступление с задачей «очистить от противника территорию к северу от р. Волга в районе Ржев, Зубцов и территорию к востоку от р. Вазуза в районе Зубцов, Погорелое Городище, овладеть городами Ржев и Зубцов, выйти и прочно закрепиться на реках Волга и Вазуза, обеспечив за собой тет-де-поны в районе Ржева и Зубцова»[31].

Контратака немецких танков

Немецкая танковая дивизия в населенном пункте под Ржевом

Обсуждение боевой задачи

Войска Калининского (пять общевойсковых армий и один кавалерийский корпус) и Западного (восемь общевойсковых армий и два кавалерийских корпуса) фронтов занимали в июле 1942 г. по отношению к главным силам группы армий «Центр» охватывающее положение. Исходя из поставленной цели, замысел операции (впоследствии названной Ржевско-Сычевской) состоял в том, чтобы ударами смежных флангов фронтов — левого крыла Калининского фронта на ржевском направлении и правого крыла Западного фронта на сычевском направлении — разгромить основные силы 9-й полевой армии, очистить от противника территорию в районе Ржева и Зубцова, Карамзина, Погорелого Городища, выйти и прочно закрепиться на рубеже рек Волга и Вазуза и таким образом ликвидировать ржевский выступ. Главная роль в операции отводилась Западному фронту[32].

Противник, занимавший оборону перед 30-й и 29-й армиями, располагал восемью пехотными и тремя танковыми дивизиями из состава немецкой 9-й полевой армии. Заблаговременно подготовленные оборонительные рубежи были эшелонированы в глубину. На них имелись опорные пункты с окопами полного профиля и деревоземляными огневыми точками (дзот). Подступы к ним прикрывались минными полями и проволочными заграждениями.

В первый день наступления, 30 июля, в полосе Калининского фронта в обороне противника была образована брешь шириной 9 км с наибольшим продвижением в центре на 6 км. На угрожаемое направление немецкое командование подвело резервы и не только стабилизировало положение, но и на исходе дня предприняло ряд контратак. Попытки углубить и расширить прорыв на второй и третий день наступления дали незначительные результаты.

Войска Западного фронта перешли в наступление 4 августа. Уже в первый день в районе поселка Погорелое Городище оборона противника была прорвана, и на отдельных участках соединения и части продвинулись на глубину 8—11 км. А к утру второго дня наступления удалось прорвать всю главную полосу вражеской обороны и расширить прорыв до 16 км. К исходу 5 августа советские войска, увеличив участок прорыва вражеской обороны до 30 км по фронту и 25 км в глубину, вышли на подступы к рекам Вазуза и Гжать, где встретили сопротивление выдвигавшихся резервов группы армий «Центр». Командование 9-й немецкой полевой армии стремилось быстрым выдвижением резервов на рубеж рек Вазуза и Гжать упредить советские войска в захвате плацдармов на них и полностью остановить их дальнейшее продвижение в этом районе.

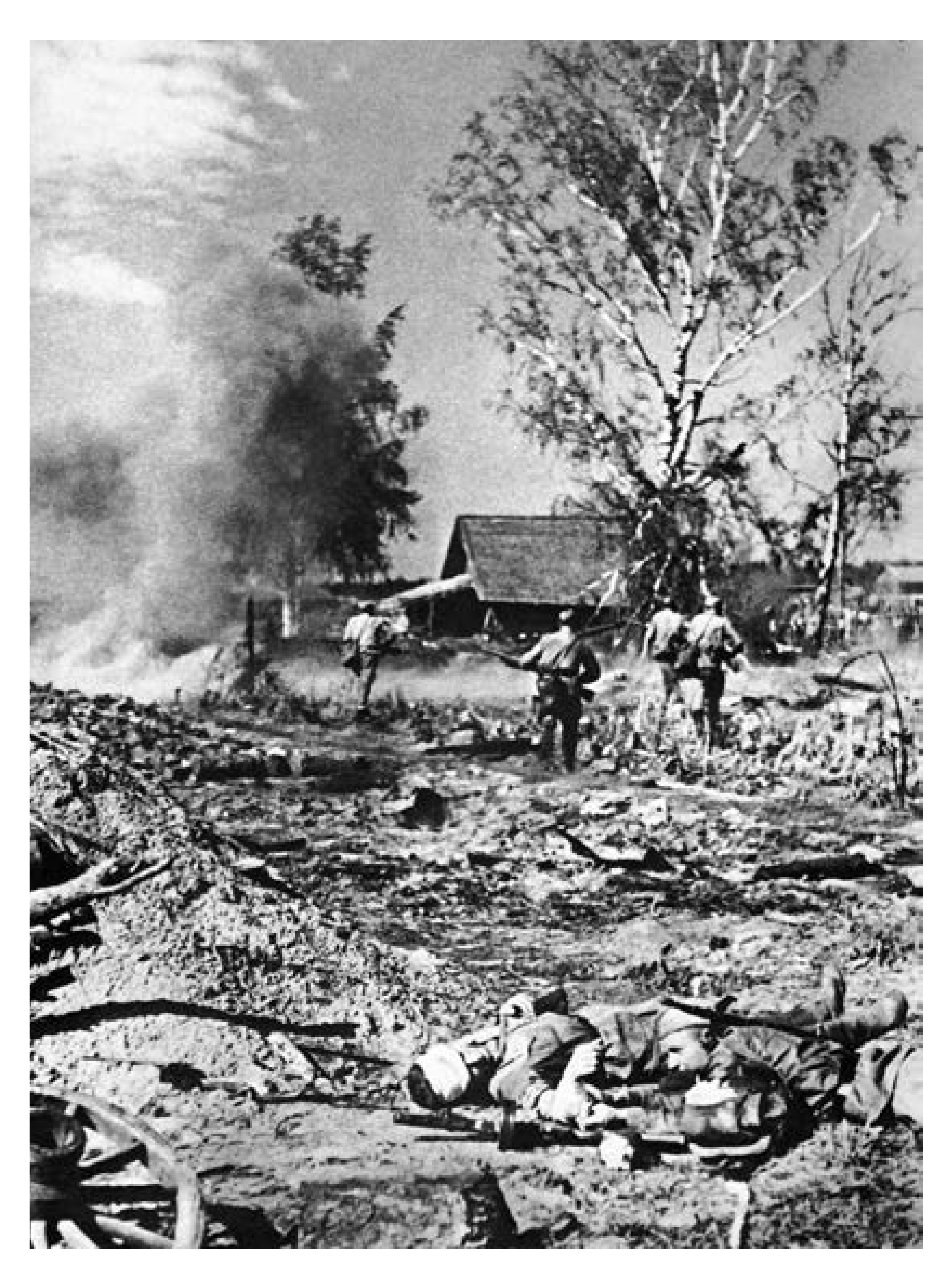
Вплоть до 7 августа велись непрерывные бои севернее Ржева. По нескольку раз в сутки танковые и стрелковые части шли в атаку или отражали неоднократные контратаки врага. Крайне тяжелая для советских войск обстановка сложилась и в 6—7 км севернее Ржева, где все населенные пункты были превращены немецкими войсками в мощные узлы сопротивления.

Командование 30-й армии, соединения которой штурмовали вражеские укрепления, вынуждено было остановить наступление, провести перегруппировку и перенести направление удара на левый фланг армии.

Подвижная группа фронта (два танковых и один кавалерийский корпуса), введенная в сражение 5 августа, с трудом преодолевала бездорожье и не смогла выйти к р. Вазуза.

С 7 по 10 августа на подступах к рекам Вазуза и Гжать развернулось крупное встречное сражение. 8 августа в сражение была введена также 5-я армия Западного фронта. И хотя советским войскам не удалось добиться значительных территориальных успехов, они сорвали контрудар противника, нанесли ему поражение и вынудили перейти к обороне.

Командование группы армий «Центр» вынуждено было принимать экстренные меры, чтобы предотвратить разгром своей группировки и сохранить важный выступ фронта, откуда открывался один из кратчайших путей на Москву. В связи с тем что в результате наступления войск Западного фронта в районе Сычевки создалась угроза отсечения соединений 9-й полевой армии в северной части Ржевского выступа, немецкое командование приняло решение нанести контрудар по советским войскам в общем направлении на Погорелое Городище. Однако 7 и 8 августа контратакующие части и соединения 9-й немецкой полевой армии были остановлены и отброшены назад.

Бой за населенный пункт под Ржевом

Артиллеристы меняют огневую позицию

Боевые действия в полосе наступления войск Калининского и Западного фронтов продолжались с переменным успехом. Постепенно наступление ударной группировки Западного фронта затухало. Войска его правого крыла продолжали вести бои за расширение захваченных на левых берегах Вазузы и Гжати плацдармов. К 23 августа войска вышли на подступы к Ржеву и Волге. Попытки форсировать ее с ходу не удались, а наступательные возможности советских войск были исчерпаны, и они перешли к обороне. На этом летняя операция войск западного направления закончилась.

Если в полосе Западного фронта после 23 августа активные боевые действия в основном прекратились, то на Калининском фронте, в полосе войск, действовавших на ржевском направлении, бои не утихали и после завершения Ржевско-Сычевской операции.

В целом в результате ожесточенных боев, продолжавшихся до 6 сентября, советские войска ликвидировали плацдармы противника на левом берегу Волги северо-восточнее Ржева, подошли к железной дороге Ржев — Сычевка, затруднив снабжение вражеских войск.

Несмотря на то что Калининский и Западный фронты полностью не выполнили поставленных перед ними задач, их действия имели важное значение. В ходе боевых действий войска фронтов привлекли к себе основные силы немецкой группы армий «Центр», что не

позволило перебросить крупные силы врага, в том числе 39-й и 46-й танковые корпуса, с центрального направления на юг. Эти корпуса «и несколько пехотных дивизий, которые уже готовились к переброске на южный фронт, были задержаны и введены сначала для локализации прорыва, а затем для контрудара»[33]. Вместе с тем такой результат был достигнут значительными потерями советской стороны: в период с 30 июля по 23 августа 1942 г. урон двух фронтов в людях составил 193 683 человека, из них 51 482 — безвозвратно[34].

В ходе Ржевско-Сычевской операции советские войска нанесли поражение 9-й армии противника, сковали основные силы группы армий «Центр» и вынудили ее перебросить в район сражения 12 дивизий (две — из резерва 9-й армии, шесть — за счет переброски войск из состава других объединений группы армий «Центр», три — из Германии и одну пехотную дивизию — из состава 11-й армии, которая следовала из Крыма под Ленинград)[35]. 16 немецких дивизий потеряли до 50% личного состава и свыше 80% танков[36].

Угроза Москве после завершения летней Ржевско-Сычевской операции не уменьшилась. Более того, активные действия советских войск встревожили немецкое командование. Полагая, что ржевско-сычевское направление является главным для Красной армии, «немецкий генеральный штаб просмотрел сосредоточение крупной группировки советских войск для контрнаступления под Сталинградом»[37].

Весной 1942 г. одновременно с боями на ржевском направлении и в Крыму развертывались события и на харьковском направлении, где войска Юго-Западного направления проводили наступательную операцию с целью освобождения Харькова.

С инициативой провести крупную наступательную операцию группой фронтов — Брянского, Юго-Западного и Южного — выступило командование Юго-Западного направления. Ее целью был разгром противостоящей группировки противника и выход на линию Гомель — Киев — Черкассы — Первомайск — Николаев.

Ставка ВГК, рассмотрев это предложение, отклонила его, так как в то время не было достаточного количества подготовленных резервов, чтобы усилить ими войска Юго-Западного направления. Переработанный план также был отклонен. Тогда главнокомандующий Юго-Западным направлением представил план менее масштабной операции в районе Харькова, которую предлагал провести силами войск направления. Одобренные Верховным главнокомандующим предложения командования Юго-Западного направления были конкретизированы в плане Харьковской наступательной операции, представленном 10 апреля 1942 г. в Ставку ВГК[38]. Ставка согласилась с этим предложением, надеясь на успех.

Непосредственно подготовка к операции началась после утверждения плана операции маршалом С. К. Тимошенко. Ее замысел заключался в нанесении двух ударов по сходящимся направлениям: одного — из района Волчанска, а другого — с барвенковского плацдарма в общем направлении на Харьков. Главными целями операции являлись: разгром харьковской группировки противника, освобождение Харькова, упреждение и срыв готовящегося германским командованием наступления. Успех операции позволял выровнять фронт и улучшить оперативное положение войск Юго-Западного направления.

Удар из района Волчанска предполагалось нанести силами 28-й армии и смежных с ней флангов 21-й и 38-й армий. С барвенковского выступа главный удар в направлении Харькова наносили 6-я армия и армейская группа генерала Л. В. Бобкина. Командующий фронтом создал резерв в составе двух стрелковых дивизий и кавалерийского корпуса. С юга ударную группировку Юго-Западного фронта активными наступательными действиями прикрывали 57-я и 9-я армии Южного фронта. В целом план разгрома противника базировался на внезапности, быстроте и согласованности действий, ударной силе и маневренности подвижных соединений.

Особенностью управления в этой операции являлось совмещение функций командования Юго-Западного направления с функциями командования Юго-Западного фронта. При этом пункты управления были значительно удалены от войск. Командные пункты армий находились в 30–70 км от линии фронта, штабы дивизий — в 4 км, а иногда в 8–10 км[39]. Конечно, при таком подходе рассчитывать на оперативность, устойчивость и надежность управления войсками в наступлении не приходилось.

В ходе подготовки стали проявляться слабая организация и низкая эффективность управления. Из 32 артиллерийских полков РГК, выделенных Юго-Западному фронту для усиления, к началу операции только 17 заняли огневые позиции. 11 полков находились в 12–15 км от огневых позиций, а четыре вообще не прибыли. Обеспеченность артиллерии боеприпасами была неудовлетворительной. Из положенных 5,5 боекомплекта к началу операции в войсках было накоплено 1,5 боекомплекта и на фронтовых складах 0,3 боекомплекта[40].

28 апреля С. К. Тимошенко подтвердил ранее принятое решение. В соответствии с его директивой войска Юго-Западного фронта, используя захваченные плацдармы на правом берегу Северского Донца северо-восточнее и юго-восточнее Харькова, должны были двумя охватывающими ударами разгромить харьковскую группировку немцев, овладеть районом Харькова и тем самым сорвать подготовку наступления противником в этом районе[41].

Генеральный штаб предпринимал ряд мер по укреплению оборонительных рубежей. К этой работе были привлечены 6, 7, 8-я саперные армии, силы 23, 24 и 25-го управлений оборонительного строительства, части инженерных войск Красной армии, войска Южного и Юго-Западного фронтов. От них требовалось активизировать строительство рубежей обороны. Рабочий день был увеличен до 14 часов[42].

Советское командование еще на этапе планирования получило сведения о возможности наступления противника. Однако наступление ожидалось только со стороны Харькова.

Вражеское командование планированием наступления занималось в апреле — начале мая. Основной его целью была ликвидация барвенковского выступа, который создавал угрозу фланговым группировкам, действовавшим под Харьковом и в Донбассе. Замысел немецкого командования заключался в нанесении встречных ударов силами 6-й армии из района Балаклеи и армейской группы генерала Клейста (1-я танковая и 17-я армии) из района Славянска и Краматорска в общем направлении на Изюм, чтобы окружить и уничтожить советские войска на этом выступе, а затем и захватить плацдарм в районе Изюма. Эта операция должна была создать условия для развертывания наступления в направлениях Кавказа и Волги. В полосе Юго-Западного фронта немцам удалось создать превосходство в людях и танках в 1,5–2 раза, а в артиллерии силы были примерно равными[43].

Германскому командованию удалось узнать советские планы. В его руки попал командующий 48-й армией Брянского фронта генерал А. Г. Самохин. Самолет, на котором он возвращался в свою армию после приема у И. В. Сталина, заблудился и сел не в Ельце, а на немецком аэродроме в Мценске[44]. У командарма находились секретные документы, которые давали полную картину предстоящего наступления советских войск с барвенковского выступа.

Наступательная операция войск Юго-Западного фронта началась 12 мая. Были нанесены два удара: главный — с барвенковского выступа в обход Харькова с юго-запада; вспомогательный — из района Волчанска. Вначале обе ударные группировки наступали успешно. Советские войска, наращивая натиск, с боями продвигались в глубину обороны противника. Наступающие соединения уже в первый день преодолели 10–12 км.

Бывший адъютант командующего 6-й армией Вильгельм Адам писал: «Для нас создалось угрожающее положение. Наносящим удар советским войскам удалось на ряде участков прорвать нашу оборону. 454-я охранная дивизия не устояла перед натиском... Пришлось отвести километров на десять назад и 8-й армейский корпус, так как венгерская охранная бригада под командованием генерал-майора Абта не смогла противостоять наступающему противнику. Советские танки стояли в 20 километрах от Харькова»[45].

В целом первый день операции внушал надежды на успех. Вторые эшелоны 28-й и 6-й армий, танковые корпуса еще не были использованы, а противник уже ввел в бой для проведения контратак почти все тактические резервы.

На следующий день наступление возобновилось. В результате двухдневных напряженных боев северная ударная группа отбросила противника на 12–15 км, а южная — на 12–16 км. 6-й кавалерийский корпус прорвал армейскую полосу обороны противника, захватил в тылу врага важные объекты и перерезал некоторые коммуникации.

Танкисты 121-й танковой бригады Южного фронта на митинге перед началом наступления

Десант на броне легкого танка БТ-5 во время Харьковской операции 1942 г.

Противник начал предпринимать контрмеры. 13 мая он нанес контрудар по войскам 38-й армии генерала К. С. Москаленко. Две немецкие ударные группировки (две танковые дивизии и три пехотных полка) ударом во фланг смешали порядки войск 38-й армии, которые спешно вынуждены были отойти на восточный берег р. Большая Бабка. В результате оголился фланг соседней 28-й армии. Чтобы стабилизировать обстановку, маршал С. К. Тимошенко приказал командующему 28-й армией из состава второго эшелона передать 162-ю стрелковую дивизию и 6-ю гвардейскую танковую бригаду 38-й армии. Однако время было упущено. Выделенные соединения начали выдвигаться только с утра 14 мая. Наступление советских войск стало замедляться. В северной ударной группе продвинулись вперед только соединения 21-й и 28-й армий. На результатах наступления стал сказываться недостаток боеприпасов. Так, в войсках 28-й армии оставалось от 0,2 до 0,6 боекомплекта, а напряжение боя не спадало.

Наступление войск левого крыла Юго-Западного фронта поставило в тяжелое положение соединения 6-й полевой армии. Ее командующий Ф. Паулюс был вынужден обратиться за помощью. Для поддержки войск группы армий «Юг» был перенацелен 4-й воздушный флот В. Рихтгофена (до 700 боевых самолетов)[46]. Кроме того, для стабилизации обстановки на правом фланге 6-й армии и заполнения бреши фельдмаршал Бок попросил у штаба сухопутных сил Германии разрешения перебросить туда три-четыре дивизии.

Преодолевая упорное сопротивление противника, советские войска медленно продвигались вперед. В результате ожесточенных пятидневных боев соединения преодолели 25—50 км. И все же на первом этапе операции полностью завершить выполнение поставленной задачи — разгромить харьковскую группировку противника — советским войскам не удалось. Обе ударные группировки слишком долго преодолевали главную полосу обороны врага, и он успел усилить свои боевые порядки оперативными резервами. Тем не менее советское наступление вынудило немецкое командование изменить план действий своих войск по ликвидации барвенковского выступа.

К этому времени немецкое командование сосредоточило в районе Краматорска против 9-й армии Южного фронта ударную группировку в составе двух танковых, одной моторизованной и восьми пехотных дивизий. Против 57-й армии противник развернул до пяти пехотных дивизий. Сложившаяся обстановка заставила немецкое командование уточнить ранее разработанный план операции. Вместо двустороннего охвата советских войск на барвенковском выступе предполагалось нанести односторонний удар соединениями армейской группы Клейста с юга, вдоль правого берега Северского Донца, на Изюм с одновременным продвижением на север через Барвенково. В дальнейшем планировалось наступление на Балаклею для соединения с 6-й полевой армией.

Советская разведка не смогла выявить приготовления противника к нанесению контрудара. В 5 часов 30 минут 17 мая после 90-минутной артиллерийской и авиационной подготовки войска Клейста на 90-километровом фронте нанесли мощные удары севернее Славянска и южнее Барвенково по соединениям 9-й армии. На барвенковском направлении удар пришелся по стыку 341-й и 106-й стрелковых дивизий, а на славянском — в стык 51-й и 33-й стрелковых дивизий.

Уже в первый день наступления немцы прорвали слабую в инженерном отношении оборону 9-й армии, соединения и части которой стали отходить на север и северо-восток. Переход противника в наступление явился полной неожиданностью для командования Южного фронта. Обстановка продолжала ухудшаться. За двое суток противник продвинулся до 50 км и вышел во фланг Юго-Западному фронту, создав непосредственную угрозу тылам его ударной группировки. Командующий Южным фронтом приказал соединениям резерва (кавалерийский корпус и стрелковая дивизия) нанести контрудар по группировке, прорвавшейся в Барвенково. Главком Юго-Западного направления передал Р. Я. Малиновскому еще один кавалерийский корпус, чтобы нанести контрудар по противнику, наступавшему на Изюм.

Сложившаяся обстановка настоятельно требовала прекратить наступление Юго-Западного фронта и совместно с Южным фронтом ликвидировать прорыв немецкой группировки. Временно исполняющий обязанности начальника Генерального штаба генерал-лейтенант

Атака при поддержке танков. Юго-Западный фронт

Танки 5-й гвардейской танковой бригады выходят на рубеж атаки

Немецкие зенитные орудия на марше

Немецкие артиллеристы устанавливают на позиции 37-мм орудие

Немецкий пулеметный расчет в бою

А. М. Василевский, учитывая, что вблизи от происходящих событий нет резервов Ставки ВГК, которыми можно было бы быстро помочь войскам Южного фронта, внес в Ставку ВГК предложение о немедленном прекращении наступления. И. В. Сталин после переговоров с маршалом С. К. Тимошенко, заявившим о намерении продолжать успешно начатое наступление на Харьков и одновременно принять меры для отражения удара краматорской группировки противника, отклонил предложение Генерального штаба[47]. Тимошенко попросил у Ставки две стрелковые дивизии и две танковые бригады. Их прибытие ожидалось не ранее 20–21 мая.

Обстановка в полосе 9-й армии постоянно ухудшалась. Авиация Южного фронта не смогла оказать существенной помощи наземным войскам. Маршал Тимошенко в ночь на 18 мая отдал распоряжение о переброске в полосу 9-й армии 23-го танкового корпуса и стрелковой дивизии из 6-й армии. А это означало отказ от наступления на Харьков.

19 мая Генеральный штаб снова высказался за прекращение наступления, предложив основные силы ударной группировки фронта повернуть для ликвидации угрозы окружения. Однако Верховный главнокомандующий вновь отклонил это предложение. Фронт еще раз попытался прорвать оборону 8-го немецкого армейского корпуса, но безуспешно. С. К. Тимошенко вынужден был отдать приказ всем соединениям 6-й армии и армейской группе перейти к обороне. К этому времени глубина продвижения составляла 60 км, а общий фронт обороны — 145 км. Предполагалось, что часть войск займет оборону, а основные силы 6-й армии и два ее танковых корпуса совместно с 57-й армией нанесут контрудар и разгромят прорвавшегося в тыл врага. Враг на время был остановлен.

Но 20 мая, сосредоточив две танковые, моторизованную и две пехотные дивизии в районе Красный Лиман — Ново-Николаевка, противник нанес удар в северном направлении. Одновременно немецкое командование стало перебрасывать из Харькова еще две танковые дивизии для наступления навстречу группе Клейста. Преодолевая слабое сопротивление советских войск, противнику удалось к исходу 20 мая выйти в район Петровская — Красный Лиман. Для армейской группы Ф. Я. Костенко (6-я армия и армейская группа Л. В. Бобкина) ситуация из критической переросла в катастрофическую. 23 мая немцы, перерезав коммуникации барвенковской группировки советских войск, соединились в районе Глазуновки (17 км юго-западнее Балаклеи). В окружении оказались восемь стрелковых дивизий 6-й армии, пять стрелковых дивизий 57-й армии, две стрелковые дивизии армейской группы генерала Л. В. Бобкина, шесть кавалерийских дивизий 2-го и 6-го кавалерийских корпусов, два танковых корпуса (восемь танковых и мотострелковых бригад), пять отдельных танковых бригад, артиллерийские, инженерные, тыловые части различного предназначения, части обеспечения и обслуживания. Их состояние было крайне тяжелым. Командующий 6-й армией генерал А. М. Городнянский докладывал в штаб Юго-Западного фронта: «На 22 мая 18.00 в войсках армии горючего 0,5 заправки. Некоторые части, особенно артиллерийские, горючего не имеют. Полностью отсутствует масло, боеприпасов — 0,7 бк, продфуража от двух до четырех сутодач. Подвоз с армейской базы прекратился со второй половины 21 мая»[48].

С. К. Тимошенко из окруженных войск создал группу «Юг» во главе с генералом Ф. Я. Костенко. Задачей этой группы был прорыв кольца окружения и выход из него. Для этого главными силами группы «Юг» необходимо было нанести удар на Савинцы с целью планомерного вывода войск за р. Северский Донец. Навстречу должны были наступать соединения левого фланга 38-й армии, усиленные сводным танковым корпусом. Однако противник не позволил этого сделать, без оперативной паузы возобновив с утра 24 мая наступление. Окруженная группировка была расчленена и дезорганизована. Пробиться к своим удалось немногим. Всего из окружения вышли около 27 тыс. человек[49]. При численности 765,3 тыс. человек в начале операции потери Красной армии составили 277 190 тыс. солдат и офицеров[50], из них 170 958 человек безвозвратно[51], более 1200 танков и 2100 орудий; потери вермахта составили 20 тыс. человек.

В результате катастрофы под Харьковом резко ухудшилась обстановка на южном крыле советско-германского фронта. 26 июня последовало резкое директивное письмо Вер-

Воины 6-й танковой бригады осматривают подбитые немецкие танки

Командир одной из кавалерийских частей наблюдает за передвижением своих подразделений. Район Харькова

Немецкие солдаты осматривают подбитый под Харьковом советский танк Т-34

Немецкие снайперы на позиции

ховного главнокомандующего И. В. Сталина Военному совету Юго-Западного фронта с оценкой действий командования фронта в Харьковской операции. Вина за трагедию была возложена на военное руководство, в первую очередь на начальника штаба фронта генерала И. Х. Баграмяна, а также на других членов Военного совета, в том числе на С. К. Тимошенко и Н. С. Хрущева[52].

Ожесточенные сражения, развернувшиеся на флангах советско-германского фронта, закончились в основном поражением Красной армии. Замыслы советского командования по развитию успеха зимней кампании оказались невыполненными. Значительная часть резервов Ставки ВГК, предназначавшихся для летнего наступления, была израсходована. Для их восполнения Генеральный штаб получил указания снять с Дальнего Востока 10—12 дивизий и не позже 11 июля начать их скрытное перемещение на запад в резерв ВГК[53].

После харьковской трагедии немецкое командование провело еще ряд наступательных операций с целью последовательного разгрома советских войск на восточном берегу Северского Донца и западнее р. Оскол. И хотя противнику не удалось окружить оборонявшиеся здесь войска, они были оттеснены на восток, благодаря чему создались условия для нанесения последующих ударов.

На воронежском и ворошиловградском направлениях

В период сражения под Харьковом командование вермахта завершило подготовку своей главной операции на южном крыле восточного фронта, намечая нанести ряд последовательных, дополняющих друг друга ударов, которые должны были развиваться с севера на юг. Вначале предполагалось силами армейской группы «Вейхс» (2-я полевая и 4-я танковая немецкие, 2-я венгерская армии) и 6-й немецкой армии окружить и уничтожить советские войска, прикрывавшие воронежское направление. Для этого планировалось нанести два удара: один — из района северо-восточнее Курска на Воронеж; другой — из района Волчанска на Острогожск. С выходом 4-й танковой армии к Воронежу предполагалось повернуть ее на юг, в сторону Кантемировки, а тем временем навстречу ей из района Славянска должна была двинуться 1-я немецкая танковая армия. Таким образом, целью первой операции являлось окружение Юго-западного фронта с последующим наступлением на Северный Кавказ.

Всего германское командование выделило на это направление 37% пехотных и кавалерийских, 53% танковых и моторизованных соединений вермахта: 97 дивизий, в том числе 10 танковых, восемь моторизованных (900 тыс. человек, 1200 танков и штурмовых орудий, свыше 17 тыс. орудий и минометов), поддерживаемых 1640 боевыми самолетами 4-го воздушного флота[54].

Первоначально операция намечалась на 15 июня, но из-за незавершенности подготовки и затяжных ожесточенных боев под Волчанском и Севастополем она была перенесена на более поздний срок. В ходе обсуждения даты начала операции случилось непредвиденное. 19 июня приказы и карты операции попали в руки советского командования. Самолет, на котором начальник оперативного отделения штаба 23-й танковой дивизии облетал намеченные маршруты выдвижения своего соединения, сбился с курса и был сбит советскими зенитчиками[55].

Узнав об этом, немецкое командование спешно завершило подготовительные мероприятия. Части 8-го авиационного корпуса, предназначенные для поддержки наступления, незамедлительно были выведены из боя под Севастополем. Однако корпус нуждался в подготовке к действиям на новом направлении.

После поражения под Харьковом войска Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов, понесшие тяжелые потери, еще продолжали восстанавливаться. В их составе насчитывалось 1 млн 715 тыс. человек, 2300 танков, 15,6 тыс. орудий и минометов, 758 боевых самолетов.

На этом же направлении располагались пять вновь формируемых общевойсковых армий, составляющих резерв ВГК.

Ни поражения советских войск под Харьковом и в Крыму, ни полученные немецкие документы не насторожили Ставку. Стратегические планы пересмотрены не были.

Немецкое командование считало, что к середине лета 1942 г. вермахт смог нанести Красной армии невосполнимые потери и вышел на оперативный простор для беспрепятственного продвижения на Кавказ и Сталинград.

28 июня 1942 г. ударом войск армейской группы «Вейхс» на воронежском направлении началось наступление немецких войск на южном крыле советско-германского фронта в рамках операции «Блау». Удар пришелся по стыку 13-й и 40-й армий Брянского фронта.

Несмотря на упорное сопротивление советских войск, соединения противника прорвали оборону войск Брянского и правого крыла Юго-Западного фронта, вышли к Дону в районе Воронежа и начали продвигаться в юго-восточном направлении. 6 июля Ставка ВГК приняла решение отвести соединения Юго-Западного и правого крыла Южного фронтов, над которыми нависла угроза окружения, на новые рубежи и одновременно приступила к сосредоточению резервов для подготовки обороны на подступах к Сталинграду и Кавказу. И хотя Брянский фронт (командующий — генерал Ф. И. Голиков) располагал вполне достаточными силами, в частности имел почти втрое больше танков, он не сумел, как того требовала Ставка, не только разгромить, но и остановить наступление армейской группы «Вейхс» на Воронеж.

30 июня из района северо-восточнее Харькова в наступление перешла ударная группировка 6-й армии генерала Ф. Паулюса, в которой в тот момент насчитывалось около 290 тыс. солдат и офицеров, до 3500 орудий и минометов калибра от 75 мм и выше и около 600 танков.

В связи с тем что в руках советского командования оказались документы по операции «Блау», она с 30 июня была переименована в «Брауншвейг».

Соединения 6-й полевой армии уже к исходу 2-го июля вышли к р. Оскол и заняли плацдармы на ее правом берегу. Продолжала продвижение на восток и армейская группа «Вейхс». Оборона на смежных флангах Брянского и Юго-Западного фронтов была прорвана на глубину до 80 км. По-прежнему ожидая от немецкого командования развития удара с целью глубокого охвата Москвы с востока, Ставка 2 июля передала в распоряжение Брянского фронта три резервные армии. Только что сформированная 5-я танковая армия (два танковых корпуса), усиленная еще одним танковым корпусом, получила приказ нанести контрудар из района южнее Ельца во фланг и тыл вражеской группировки, наступавшей на воронежском направлении.

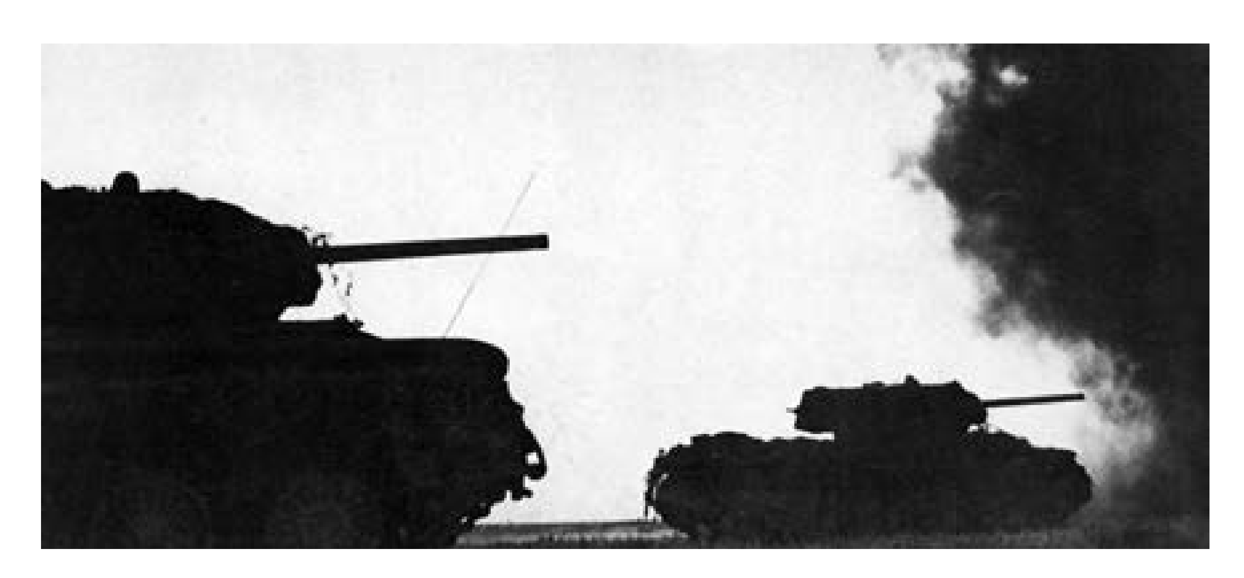
4 июля соединения 4-й танковой армии противника вышли на подступы к Воронежу, а через два дня форсировали р. Дон и ворвались на западную окраину города. В тот же день 5-я танковая армия нанесла контрудар по левому флангу немецкой группировки, но успеха не имела, так как ее силы вводились в сражение по частям, при слабой артиллерийской и авиационной поддержке.

И все же немецкое командование, обеспокоенное угрозой армейской группе «Вейхс» с севера, вынуждено было развернуть на этом направлении 24-й танковый корпус, а также три пехотные дивизии, что ослабило удар по Воронежу. В результате продвижение 4-й танковой армии застопорилось у Воронежа. В это время Гитлер, полагая, что основные силы советских войск уже уничтожены, принял решение не наступать через р. Дон на восток, а повернуть подвижные соединения на юго-восток, чтобы обеспечить окружение советских войск между реками Оскол, Дон и Северский Донец[56]. Группа армий «Юг» получила приказ вывести из боев за Воронеж подвижные войска. Однако выполнить это требование в короткие сроки было уже невозможно. Поэтому вдоль Дона к югу двинулся лишь один танковый корпус.

Несмотря на упорное сопротивление советских войск, немцы с 28 июня по 7 июля прорвали их оборону на 300-километровом фронте, продвинувшись на 160—170 км, вышли к Дону в районе Воронежа и глубоко охватили войска Юго-Западного фронта. В то же время советские войска, усиленные резервами Ставки, остановили немцев у Воронежа, задержав

Танки вермахта в бою за населенный пункт

Контратака советских танков

на несколько дней их продвижение на юг. ОКХ вынуждено было перебросить в район города 29-й армейский корпус 6-й армии, что, в свою очередь, ослабило удар против Юго-Западного фронта.

Посчитав, что войска вермахта достигли первой цели операции, командование сухопутных сил приняло решение начать операцию под кодовым названием «Клаузевиц». Замыслом операции предусматривался удар из Острогожска силами 4-й танковой и 6-й полевой армий, а из района Артемовска — 1-й танковой армии в общем направлении на Кантемировку. Цель — глубокий двусторонний охват войск Юго-Западного фронта.

Ставка ВГК вовремя осознала возникшую угрозу. 6 июля она приняла решение на отвод войск Юго-Западного и правого крыла Южного фронта на восток. Одновременно она начала сосредоточивать свежие силы и готовить оборону на подступах к Сталинграду и Кавказу. В районе Сталинграда формировалась 7-я резервная армия, сюда же перебрасывалась 1-я резервная армия. На Северо-Кавказском фронте на левом берегу Дона от Верхнекурмоярской до Азова развертывались соединения 51-й армии[57].

Отход соединений Юго-Западного и Южного фронтов начался в ночь на 7 июля. Под натиском 4-й танковой и 6-й немецких армий советские войска отошли на левый берег Дона. Чтобы избежать окружения войск Юго-Западного фронта, Ставка отдала указания о дальнейшем отходе этих фронтов. Одновременно она приказала Брянскому фронту создать две оборонительные полосы. Их должны были занять два укрепрайона, три истребительно-противотанковые бригады, а также отходившие соединения 21-й и 28-й армий и перебрасываемые из глубины части 22-го танкового и 3-го гвардейского кавалерийского корпусов[58]. Однако выделенные войска не смогли своевременно выйти в назначенные районы. Командованию Воронежского фронта предписывалось перейти в наступление и очистить от противника междуречье Дона и Воронежа. На Южный фронт возлагалась ответственность за строительство Сталинградского оборонительного рубежа.

Продолжались ожесточенные бои за г. Воронеж. Еще 6 июля в него ворвались части 24-го немецкого танкового корпуса. Отважно сражались, отбивая яростные атаки противника, бригады 18-го танкового корпуса под командованием генерала И. Д. Черняховского, а также другие части и соединения[59].

Борьбу за город английский военный историк Дж. Фуллер оценил следующим образом: «Началось сражение за Воронеж, и, как мы увидим, для немцев оно было одним из самых

роковых за время всей войны... Русские войска, сосредоточенные... к северу от Воронежа, прибыли вовремя, чтобы спасти положение, возможно, они спасли русским всю кампанию. Нет никаких сомнений, что дело обстояло именно так»[60].

Войска Юго-Западного фронта вели тяжелые бои юго-западнее Кантемировки. Здесь действовали соединения двух армий, которые не имели связи со штабом фронта. Еще две армии отходили за р. Дон. В связи с тем что штаб Юго-Западного фронта находился в отрыве от войск, действовавших юго-восточнее Воронежа, все четыре армии были подчинены Южному фронту.

Поскольку войска Брянского фронта оказались разделены на две изолированные группировки, Ставка 7 июля на базе одной из них (40-я армия, 3-я и 6-я резервные армии, 4, 17, 18 и 24-й танковые корпуса) образовала Воронежский фронт. В составе Брянского фронта остались 3, 48, 13-я общевойсковые и 5-я танковая армии, 1-й и 16-й танковые и 8-й кавалерийский корпуса[61].

Воронежскому фронту, в командование которым 14 июля вступил генерал Н. Ф. Ватутин, ставилась задача очистить от противника левый берег Дона, занять по нему оборону и прикрыть направления на Тамбов и Борисоглебск.

События на южном крыле советско-германского фронта развивались стремительно. Два корпуса 6-й полевой армии форсировали р. Черная Калитва и к исходу 17 июля вышли в район Боковской, а передовые соединения 4-й танковой армии Гота достигли Россоши.

Немецкий связист устраняет обрыв на линии

Советское командование вынуждено было принять решение о дальнейшем отводе войск, оставить Донбасс и часть Ростовской области. Соединения Южного фронта отводились на левый берег Дона в его нижнем течении. Армии Юго-Западного фронта перебрасывались за Дон и передавались в состав Южного фронта. Управление и части Юго-Западного фронта, отходившего на восток, получили задачу выдвигаться в район Сталинграда. Здесь, в большой излучине Дона, они поступили на развертывание нового Сталинградского фронта под командованием маршала С. К. Тимошенко, которого вскоре сменил генерал В. Н. Гордов. В состав фронта вошли 62, 63 и 54-я армии[62].

В то же время реорганизацию своих войск, действовавших на южном фланге восточного фронта, провело и немецкое командование. 9 июля группа армий «Юг» была разделена примерно на равные части: «А» и «Б» — по четыре армии в каждой. Возглавили эти группы фельдмаршалы В. Лист и Ф. Бок соответственно. Основная их задача — окружение и уничтожение советских войск в районе западнее Миллерово. С севера, из района Воронежа, наносила удар 4-я, а с юга, из района Славянска и Артемовска, — 1-я танковые армии. На сталинградском направлении наступала 6-я армия Паулюса.

В обстановке нарастающего натиска противника, в условиях реорганизации старых и развертываемых новых фронтов, частичной утраты управления войсками советские армии продолжали отходить. К 11 июля более слаженно и организованно отошли на новый рубеж Старобельск — Ворошиловск — Красный Луч соединения правого крыла Южного фронта. Что касается Юго-Западного фронта, то он так и не смог восстановить положение на своем правом крыле. Отойдя к р. Черная Калитва, его правофланговые соединения не успели подготовиться к обороне на новом рубеже. Преследовавшие их 40-й танковый и 8-й армейский корпуса 6-й полевой армии форсировали реку и к исходу 11 июля вышли на линию Боковская — Ново-Александровский, а затем и в район Россоши[63].

Продолжались ожесточенные бои за Воронеж. Еще вечером 6 июля две роты немецкой пехоты с 15 танками и двумя батареями 75-мм и 105-мм орудий проникли на левобережье в городской район Придачу. Потребовалось два дня, чтобы подразделения 180-й танковой бригады 18-го танкового корпуса отбросили эту группировку за р. Воронеж. 7 июля противник, обойдя центр города, где он встретил сильное сопротивление, вышел к западному берегу реки и попытался захватить Чернавский мост. Атаки были отражены, а мост вскоре взорван.

К 8 и 9 июля неприятель закрепился в центральных районах города. Ожесточенная борьба разгорелась за городок сельскохозяйственного института, который несколько раз переходил из рук в руки. Силами 796-го полка и 141-й стрелковой дивизии, батальона тяжелых танков Героя Советского Союза И. И. Маковского, сводного полка НКВД, части сил 121-й стрелковой дивизии городок удалось отбить. Немцы так и не смогли полностью овладеть Воронежем.

«Хотя немецкое радио сообщило о взятии Воронежа 7 июля, бои в квартале университета и в лесах севернее города шли до 13 июля. Но даже и после тринадцатого числа немцам не удалось овладеть восточной половиной города и мостом в северной части, что дало бы им возможность парализовать движение с севера на юг по железной дороге вдоль восточного берега реки — по жизненно важному для снабжения советских войск пути»[64].

Выполняя указания Ставки, соединения 60-й и 40-й армий предприняли попытку уничтожить группировку противника, захватившую правобережную часть Воронежа. Главный удар наносила 60-я армия вдоль Задонского шоссе. Через двое с половиной суток непрерывных боев к 12 часам 14 июля советские войска овладели важнейшим опорным пунктом врага на подступах к Воронежу — Подгорным. После этого была полностью снята угроза проникновения противника на север вдоль Задонского шоссе. Вместе с тем за время наступления ударная группировка понесла большие потери. Значительные потери и низкий темп наступления вызвали недовольство Генерального штаба. Так, в его директиве начальнику штаба фронта от 17 июля отмечалось: «Операция по уничтожению воронежской группировки противника и овладению Воронежем развивается крайне медленно. Несколько дней войска ударной группы совершенно не имеют продвижения, теряют время, которое противник использует для прочного закрепления за собой воронежского плацдарма и подтягивания резервов»[65].

И. В. Сталин предупредил командующего 60-й армией генерала М. А. Антонюка, что он повторяет «ошибку, проделанную Вами на Ленинградском фронте южнее Ладоги: две-три попытки наступательной вспышки, а потом оборона... Учтите... не оборона нужна нам, а наступление и овладение Воронежем. Если Вы на это не способны, то заявите прямо и честно, чтобы заменить Вас более способным командиром»[66].

В ночь на 19 июля генерал М. А. Антонюк произвел перегруппировку войск, бросив на направление главного удара в центре полосы армии 303-ю стрелковую дивизию. Ее полки вступали в бой непосредственно с марша. При поддержке 18-го танкового корпуса они атаковали северо-западную окраину Воронежа и отбросили противника в глубину городских кварталов. Другие соединения ударной группировки вели бои на улицах города.

Положение советских войск, действовавших на правом берегу среднего Дона, все более ухудшалось. Основные силы Юго-Западного фронта, глубоко охваченные противником с северо-востока, с огромным трудом отбивались от наседавших частей вермахта. Соединения 4-й немецкой танковой армии захватили Миллерово, ворвавшись в тыл войскам Юго-Западного фронта. Однако операция по охвату советских войск не удалась: значительная их часть избежала окружения. Тем не менее к исходу 15 июля фронт обороны Красной армии был прорван между реками Дон и Северский Донец. Основные силы Юго-Западного фронта оказались глубоко охваченными. Для их отхода за р. Дон оставался 150-километровый коридор, не занятый противником. Враг был близок к достижению своей главной цели — прорыву на Северный Кавказ. Но немцы, добившись больших территориальных успехов, не смогли уничтожить оставшиеся советские армии.

Германское командование переоценило свои успехи и недооценило возможности противоборствующей стороны. Оно посчитало, что наступление развивается более успешно, чем намечалось директивой ОКВ № 41, и начало изменять свои первоначальные планы: 4-я танковая армия была переброшена со сталинградского на кавказское направление, а 11-я армия перенацелена с кавказского на ленинградское.

Все это было на руку советскому командованию. Кроме того, Гитлер заставил вермахт наступать по двум расходящимся направлениям, при этом главный удар постепенно перемещался с Кавказа в сторону Сталинграда. Но для такого наступления у немцев было явно ограниченное количество сил и средств.

Сталинград: в центре борьбы

К июлю 1942 г. военное положение СССР резко ухудшилось — неудачи под Ленинградом, на западном направлении, в районе Вязьмы, а наиболее тяжелая обстановка сложилась на юго-западном и южном направлениях. Был утерян Барвенковский выступ, разгрому подверглись войска Юго-Западного фронта, а Южный потерпел серьезное поражение. Между Таганрогом и Курском на советско-германском фронте образовалась 600–650-километровая брешь, куда устремились германские войска. Во второй половине июля в большой излучине Дона развернулись кровопролитные бои. Действия на южном крыле советско-германского фронта вылились в две грандиозные битвы — за Сталинград и за Кавказ.

Создание нового Сталинградского фронта против фланга его главной кавказской группировки явилось для командования вермахта полной неожиданностью. Поставленная ранее 6-й армии задача образовать рубеж прикрытия в большой излучине Дона и с ходу овладеть Сталинградом теперь становилась невыполнимой. Кроме того, создать превосходство над новым советским фронтом было возможно лишь за счет ослабления войск, нацеленных на Кавказ. 6-я армия Паулюса требовала срочного усиления, так как в ее составе практически не было подвижных сил. Германское командование вынуждено было формировать ударные группировки армии за счет соединений, наступавших на кавказском направлении.

Северная ударная группировка была создана за счет 14-го танкового корпуса и пехотной дивизии, которая выходила к р. Чир. Основу южной группировки составляли 24-я танковая дивизия, а также армейский корпус 2-й танковой армии. Таким образом, в состав 6-й армии помимо имеющихся соединений включались еще шесть новых дивизий, снятых с кавказского направления. Кроме того, три дивизии 6-й армии прикрывали ее левый фланг, обороняясь на Дону. В соответствии с директивой Гитлера главные силы (17-я полевая, 1-я и 4-я танковые армии) группировки вермахта, действовавшей на южном крыле восточного фронта, были нацелены на Кавказ, а усиленная 6-я армия — на сталинградское направление.

В соединениях 6-й немецкой армии, наступавших на сталинградском направлении, было около 270 тыс. солдат и офицеров, 3,4 тыс. орудий и минометов и около 400 танков. Эти наземные силы противника поддерживались авиацией 4-го германского воздушного флота, имевшего до 1200 боевых самолетов[67].

Советское военно-политическое руководство своевременно определило важное значение Сталинграда и сталинградского направления в целом. Захват Сталинграда, крупного военно-промышленного центра страны и важного стратегического объекта, позволял противнику рассечь советский стратегический фронт на две изолированные части, лишить Советское государство главной водной магистрали, связывающей южные районы СССР с центром. Ставка ВГК понимала, что создание прочной обороны на сталинградском направлении обеспечивало фланг и тыл центральной группировки войск Красной армии, прикрывавшей западное (московское) направление. Она учитывала также и то, что район Сталинграда был чрезвычайно выгодным и в оперативном отношении для нанесения удара во фланг и тыл наступавшей на Кавказ группировке противника с последующим его разгромом на всем южном крыле советско-германского фронта.

В целом замысел Ставки на проведение Сталинградской оборонительной операции сводился к тому, чтобы в упорных сражениях обескровить и остановить наступающие соединения и части врага, не допустить их выхода к Волге и выиграть время, необходимое для подготовки стратегических резервов и сосредоточения в районе Сталинграда с целью последующего перехода в контрнаступление.

Учитывая особую важность сталинградского направления, Ставка ВГК осуществила ряд неотложных мер по организации здесь мощной эшелонированной обороны. На рубеже от Павловска до Серафимовича развертывались отступавшие соединения бывшего Юго-Западного фронта, а на рубеж Клетская — Суровикино — Суворовская — Верхнекурмоярская были направлены из резерва Ставки свежие армии. Между реками Дон и Волга возобновились начатые еще осенью 1941 г. работы по сооружению трех оборонительных обводов, которые в первые месяцы войны не были завершены. К тому же во время весеннего паводка их залило водой, а качество сооружения многих укреплений было невысоким. Было принято решение о строительстве силами населения четвертого оборонительного обвода на окраинах Сталинграда общей протяженностью 50 километров.

По призыву Сталинградского обкома партии и под его руководством на строительстве оборонительных обводов трудились сотни тысяч сталинградцев. «Ежедневно от 180 до 225 тысяч горожан и жителей окрестных сел и деревень выходят на строительство оборонительных рубежей. Свыше 1400 тракторов и автомашин и 6 тысяч подвод вывозят землю, лес, железо, бетон и броневые колпаки»[68]. 14 июля Сталинградская область была объявлена на военном положении.

Для оказания практической помощи местным органам по оборонительным и мобилизационным вопросам в Сталинград летом 1942 г. периодически направлялись представители Ставки генералы Г. К. Жуков, А. М. Василевский, А. А. Новиков, заместитель председателя СНК СССР и нарком танковой промышленности В. А. Малышев, секретарь ЦК ВКП(б) и член Государственного Комитета Обороны Г. М. Маленков, нарком речного флота З. А. Шашков, заместители наркомов А. А. Горегляд, С. И. Багаев, П. В. Харитонов и другие.

Перед новым Сталинградским фронтом была главная цель — остановить врага, не допустить его прорыва к Волге и прочно отстаивать сталинградский рубеж. К 17 июля в него

входили переданные из резерва Ставки 62, 63 и 64-я армии, а также 21-я общевойсковая и 8-я воздушная армии бывшего Юго-Западного фронта. Во второй половине июля этому фронту были также переданы 28, 38 и 57-я армии, ранее входившие в состав Юго-Западного фронта. С 25 июля в состав Сталинградского фронта перешла и Волжская военная флотилия.

Между тем Сталинградскому фронту пришлось функционировать в тяжелой обстановке. Его командование первоначально располагало сравнительно ограниченными силами: из 38 стрелковых дивизий только 18 были укомплектованы, шесть насчитывали от 2,5 тыс. до 4 тыс. человек, а 14 имели от 300 до 1 тыс. человек. К тому же большинство включенных в его состав соединений только еще следовали в указанные им районы для занятия обороны.

Вражеским силам могли тогда реально противостоять 12 советских дивизий 62-й и 63-й армий (около 160 тыс. человек, 2,2 тыс. орудий и минометов и около 400 танков), 8-я воздушная армия (454 самолета, включая 74 ночных бомбардировщика). При этом Сталинградский фронт испытывал острый недостаток в истребительной авиации, противотанковой и зенитной артиллерии, а многим его частям не хватало боеприпасов[69].

Основные усилия фронта сосредоточивались в полосах 62-й и 64-й армий, где ожидался главный удар противника. Здесь, на участке, составлявшем 34% ширины полосы обороны фронта, размещалось 46% всех его соединений, что говорит о сравнительно невысокой степени массирования сил и средств. Во фронтовом резерве сосредоточивались значительные силы: 57-я армия, 13-й танковый (доукомплектовывался в районе Добринка), 3-й гвардейский кавалерийский корпуса, две истребительные бригады (5-я и 20-я), два истребительно-противотанковых артиллерийских полка и два дивизиона бронепоездов. Большая часть резервов располагалась за левым крылом фронта, в полосе ожидаемого наступления неприятеля. Соединения 57-й армии находились в 120 км от переднего края обороны, в районе Сталинграда. Имея такой сравнительно сильный фронтовой резерв, командующий фронтом мог оказывать существенное влияние на ход оборонительного сражения. Общая глубина обороны 62-й и 64-й армий с учетом расположения резервов доходила до 50 км.

Еще 13 июля Ставка ВГК, передавая Сталинградскому фронту три военных училища, истребовала сформировать из них передовые отряды и отправить их на рубеж р. Цимла. Однако училища опаздывали с прибытием. 17 июля, когда Ставка получила известие об угрозе форсирования вражескими войсками р. Дон, она повторно приказала командующему войсками Сталинградского фронта маршалу С. К. Тимошенко «под личную ответственность организовать сильные передовые отряды и выслать их на рубеж р. Цимла от Чернышевского и до ее устья, особенно прочно занять Цимлянскую, войдя в связь здесь с войсками Северо-Кавказского фронта»[70]. В тот же день отряды были высланы на указанный рубеж, расположенный в 30—50 км от переднего края обороны. В состав отрядов включались стрелковый полк или батальон, усиленные танковыми и артиллерийскими подразделениями.

По решению командующего фронтом большая часть танков (свыше 70%) сосредоточивалась на левом крыле. При этом из имевшихся пяти танковых бригад три были переданы в распоряжение командующих 62-й и 64-й армиями и использовались ими в качестве армейского танкового резерва. Этим же армиям передавались и шесть танковых батальонов.

Передача большей части танков в распоряжение командующих армиями в условиях обороны в широкой полосе привела к неоправданному распылению этих мощных огневых и ударных средств, лишив фронт возможности иметь достаточно сильный танковый резерв. Большая часть артиллерии усиления также была передана в армии, где распределена по стрелковым соединениям.

В армиях готовилась главная полоса обороны глубиной 5—8 км, а на отдельных, преимущественно танкоопасных направлениях — армейская. Ее удаление от переднего края главной полосы обороны составляло 30—40 км. Однако оборона носила очаговый характер. Отсутствие системы траншей и ходов сообщения в условиях открытой местности затрудняло маневр людьми и огневыми средствами вдоль фронта и из глубины, демаскировало расположение войск. Для создания противотанковой обороны у войск не хватало артиллерии и инженерных противотанковых средств. Так, в 62-й и 64-й армиях на километр фронта при-

ходилось не более 4—5 противотанковых орудий и 12—18 противотанковых ружей, а в других армиях — 1–2 орудия и 3–4 ружья. Следует отметить, что для ведения противотанковой обороны впервые предусматривалось использовать подвижные отряды заграждения. Создавались также артиллерийско-противотанковые резервы, в том числе в армиях и во фронте.

Исключительно слабой к началу оборонительного сражения была противовоздушная оборона войск. Зенитная артиллерия во фронте отсутствовала. Лишь район Сталинграда прикрывался корпусным районом ПВО территории страны (532 орудия, 471 зенитный пулемет и 85 истребителей). Однако эти средства находились в распоряжении Верховного главнокомандования, и лишь в середине августа корпус был оперативно подчинен командующему Сталинградским фронтом.

17 июля 1942 г. в отечественной историографии принято считать началом Сталинградской битвы. Оборонительный период Сталинградской битвы длился четыре месяца (125 дней). По характеру боевых действий он распадается на три этапа: с 17 июля по 10 августа — оборонительные сражения на дальних подступах к городу (в большой излучине Дона); с 15 августа по 12 сентября — оборонительные сражения на ближних подступах (на сталинградских оборонительных обводах); с 13 сентября по 18 ноября — оборонительные действия в Сталинграде, а также севернее и южнее города[71].

В результате активных боевых действий передовых отрядов вражеские войска смогли подойти к главной полосе обороны лишь к исходу 22 июля, что обеспечило основным силам выигрыш шести драгоценных суток для подготовки обороны. Но это стоило передовым отрядам больших жертв. Смертью храбрых пало значительное число воинов.

Борьба за главную полосу обороны развернулась ранним утром 23 июля, когда северная ударная группировка 6-й полевой армии нанесла мощный удар по правому флангу 62-й армии. Оборонявшаяся 33-я гвардейская стрелковая дивизия занимала полосу шириной 42 км. В тяжелейших условиях 84-й гвардейский стрелковый полк более трех часов сдерживал подразделения и части 16-й танковой и 113-й пехотной дивизий врага. Подвиг совершили здесь воины-гвардейцы полка — Петр Болото, Григорий Самойлов, Александр Беликов и Иван Алейников. Оказавшись в разгар боя на небольшой высотке, рядом со станцией Клетская, они с двумя противотанковыми ружьями в неравной схватке с тремя десятками вражеских танков подбили и сожгли половину из них. Всего же гвардейцы полка уничтожили 45 боевых машин противника. Младший сержант П. О. Болото стал Героем Советского Союза, а трое его однополчан были удостоены высоких боевых наград. Лишь введя свежие силы, неприятелю удалось, наконец, прорвать основную полосу обороны и продвинуться вперед на 10—12 км.

Враг продолжал наращивать усилия. Утром 24 июля командование 6-й полевой армии дополнительно ввело в сражение 3-ю моторизованную дивизию 8-го корпуса, а 25 июля — 100-ю легкопехотную дивизию того же корпуса. Танковые и моторизованные соединения противника, обойдя основные силы 62-й армии, прорвались к Дону, выйдя в район Верхне-Бузиновки. До трех советских дивизий и одна танковая бригада оказались в окружении.

Наряду с этим осложнилась обстановка и в полосе 64-й армии, где 26 июля неприятель нанес удар по ее правому флангу. Через двое суток ему удалось в районе Нижнечирской прорваться к Дону.

Получив тревожное сообщение, командующий Сталинградским фронтом генерал В. Н. Гордов (назначен 23 июля) решил организовать контрудар силами резервных, еще не завершивших формирование 1-й и 4-й танковых армий (550 танков). Контрудар, по его замыслу, должен был привести к улучшению положения в полосах обороны 62-й и 64-й армий. И хотя в ходе контрудара 29 июля был обеспечен выход окруженных дивизий и сорвана попытка противника переправиться через р. Дон, полностью решить поставленные задачи не удалось. Более того, в ходе контрудара советские войска потеряли 450 танков (в том числе танковые армии — 300 танков)[72], что существенно ослабило Сталинградский фронт.

Маршал А. М. Василевский впоследствии отмечал, что эти контрудары, «как видно из последующих событий, сорвали замысел врага окружить и уничтожить войска 62-й и частично 64-й армий, сыгравших в дальнейшем основную роль в защите города, не позволили

Части 24-й танковой дивизии вермахта наступают на Сталинград

Танки 16-й немецкой танковой дивизии на дальних подступах к Сталинграду

противнику в намеченный срок захватить переправы через Дон и осуществить стремительный марш на Сталинград»[73].

Наряду с массовыми проявлениями героизма, поразительной стойкости и упорства советских воинов в этой тяжелой обстановке немало было в их рядах и случаев нарушений воинской дисциплины, неорганизованности, трусости и даже паники.

К концу июля противник добился на сталинградском направлении значительных успехов. Он вышел к Дону на двух участках, вбив клин в оборону 62-й армии, позволявший развить наступление на Сталинград. И. В. Сталин в телефонограмме высказал неудовольствие действиями командования Сталинградского фронта. Одна из главных причин неудачных действий войск — отсутствие умения в использовании сил и средств[74]. Кроме того, надо отметить, что вновь сформированные танковые батальоны, корпуса и армии не имели необходимого боевого опыта, а обученность экипажей была явно недостаточной. Здесь играл роль и своеобразный психологический синдром: после поражений и отступлений, а иногда и бегства бойцам и командирам трудно было настроиться на переход в наступление.

Обстановка на сталинградском направлении продолжала ухудшаться. Приказы и требования Ставки «Стоять насмерть!» не помогали.

28 июля появился приказ народного комиссара обороны И. В. Сталина № 227, который был объявлен во всех ротах, эскадронах и батареях. Отношение к этому приказу разное: одни историки и публицисты утверждают, будто в войсках подобного приказа давно ждали, ибо он был просто необходим; другие усматривают в нем попытку сказать хоть долю правды о положении на фронтах; третьи осуждают его за излишнюю жестокость. В приказе впервые сообщалась, хотя и малая ее толика, страшная правда об итогах войны. В приказе говорилось, что страна потеряла «более 70 млн населения, более 800 млн пудов хлеба в год и почти 10 млн тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских ресурсах, ни в запасах хлеба». Далее в приказе говорилось, что отступать и дальше, по сути, означало утрату национальной и государственной независимости. Конечно, в приказе № 227 нет ни слова о катастрофических потерях в личном составе, военной технике. И в то же время, если в приказе по поводу разгрома Западного фронта в 1941 г. вина возлагалась в основном на командование фронта и ряда армий, то в этом летнем приказе во всех бедах государства огульно обвинялась вся Красная армия[75].

Разумеется, определенная доля вины за новые неудачи, поражения и отступления лета 1942 г. ложится и на Красную армию. Но многие причины были обусловлены ошибками и просчетами Верховного главнокомандующего и Генерального штаба. Лежит вина и на профессионалах, которые соглашались с неправильными решениями И. В. Сталина по ведению военных действий.

Жесткими мерами Верховный главнокомандующий, Председатель ГКО, Ставки и нарком обороны СССР стремился навести в Красной армии строгий порядок, организованность и дисциплину. Приказ предусматривал деятельность в войсках специальных заградительных отрядов, которые функционировали еще в советско-финляндской войне и были наделены правом расстреливать[76] на месте или отправлять в штрафные батальоны (роты) самовольно покидавших свои боевые позиции.

И все же, несмотря на излишнюю суровость, приказ № 227 сыграл очень важную роль в укреплении духа советских воинов, организационном совершенствовании всех звеньев вооруженных сил, существенном повышении стойкости обороны. Он донес тогда почти до каждого солдата или воинского подразделения суровую правду о грозной опасности, нависшей над Родиной.

Британский историк Д. Роберто, говоря о приказе № 227, отмечает: «Фактически это был призыв к дисциплинированному, организованному отступлению и к защите последнего рубежа ценой своей жизни, если того потребуют обстоятельства. Главной целью документа являлось взятие под контроль стратегического отступления Красной армии. И в то же время приказ психологически готовил войска к обороне Сталинграда и стойкому сопротивлению на других рубежах обороны»[77].

Бой на подступах к Сталинграду

Минометчики меняют боевые позиции в районе Сталинграда

Ставка ВГК принимала срочные меры, чтобы укрепить юго-западные подступы к Дону и западные — к Сталинграду. По ее указанию от Красного Дона до Райгорода была развернута 57-я армия, а 51-ю армию, прибывшую с Северо-Кавказского фронта, Ставка 31 июля передала в состав Сталинградского фронта. Из резерва Ставки в район Сталинграда спешно перебрасывались войска 1-й гвардейской армии, другие части и соединения.

Когда обстановка особенно обострилась, И. В. Сталин 1 августа под грифом «особо важная» направил директиву командующим Московским, Приволжским, Сталинградским военными округами и наркому внутренних дел СССР Л. П. Берии, в которой требовал сформировать «штурмовые стрелковые батальоны» из содержавшегося в спецлагерях НКВД командно-начальствующего состава численностью 929 человек каждый. Все они направлялись преимущественно на южный фланг советско-германского фронта[78]. Получив свободу, бывшие командиры были счастливы, что наконец-то попадут на фронт, хотя хорошо понимали, что многих там ждала смерть, но это позволяло освободить их самих и их семьи от суровой, зачастую несправедливой кары за пребывание в «позорном окружении» или в плену.

Между тем германское командование искало способы ускорить продвижение своих войск на сталинградском направлении. Уже 30 июля начальник штаба оперативного руководства вермахта генерал А. Йодль вынужден был признать: «...судьба Кавказа будет решена под Сталинградом»[79]. Гитлер, понимая это, вынужден был перенацелить 4-ю танковую армию генерала Гота с кавказского на сталинградское направление. Усиленная таким образом вражеская группировка насчитывала уже не 18, а 31 дивизию и вновь была брошена в наступление. 31 июля главные силы 4-й танковой армии нанесли удар вдоль железной дороги Тихорецк — Сталинград в направлении на Котельниково и прорвали оборону 51-й армии Сталинградского фронта. 1 августа противник занял Ремонтную, на следующий день — Котельниково, а 3 августа передовые части 4-й немецкой танковой армии вышли к р. Аксай, устремившись во фланг 64-й армии.

Попытки советского командования двумя контрударами (30 июля и 3—4 августа) отбросить вклинившегося противника не увенчались успехом. Причиной неудач обоих контрударов были поспешная их организация и слабая обеспеченность войск боеприпасами. И все-таки наступление противника на Сталинград с юго-запада усилиями частей 64-й и 51-й армий на некоторое время все же удалось приостановить на рубеже р. Аксай.

Советское командование продолжало усиливать соединения, сражавшиеся в большой излучине Дона. Сюда были переброшены десять дивизий из Забайкалья и с Дальнего Востока. Со Сталинградского тракторного завода в войска было передано 200 танков. Однако восполнить потери это не могло. Ставка ВГК в полосу 62-й армии перебрасывала из Подмосковья 1-ю гвардейскую армию, 21-я армия была усилена двумя танковыми бригадами, на вооружении которых находились американские средние М-3с и легкие танки М-3л[80].

Чтобы облегчить управление войсками, растянутыми в полосе 500 км, и укрепить оборону, Ставка ВГК 5 августа решила разделить Сталинградский фронт, выделив из него 7 августа Юго-Восточный (во главе с генералом А. И. Ерёменко). При этом главной задачей Сталинградского фронта (4-я танковая, 62, 21 и 63-я, 8-я воздушная армии) оставалась борьба против 6-й полевой армии, наступавшей на Сталинград с запада и северо-востока, а Юго-Восточного (64, 51 и 57-я армии) — отражение удара 4-й немецкой танковой армии на юго-западных подступах к городу[81]. Но уже 9 августа Ставка ВГК вынесла необычное решение, удивившее тогда многих: с 10 августа генерал Ерёменко стал командующим одновременно двумя фронтами — Юго-Восточным и Сталинградским, а генералы Голиков и Гордов были назначены его заместителями[82]. Однако эти изменения себя не оправдали. И от них вскоре пришлось отказаться.

Для укрепления управления войсками под Сталинградом, улучшения их снабжения, усиления обороны Ставка направила в Сталинград своих представителей. В середине июля 1942 г. в город прибыли начальник артиллерии Красной армии генерал Н. Н. Воронов, начальник автобронетанкового управления генерал Я. Н. Федоренко, член Ставки ВГК Маршал Советского Союза С. М. Будённый, ответственные работники оборонных наркоматов. А 12 августа

Переправа частей 3-й немецкой моторизированной дивизии через Дон (район Вертячего)

Ставка вновь командировала в район Сталинграда начальника Генерального штаба Красной армии генерала А. М. Василевского, а вслед за ним 29 августа и заместителя Верховного главнокомандующего генерала Г. К. Жукова. Совместными усилиями государственных и военных руководителей были разработаны меры по увеличению выпуска важной продукции в интересах сталинградских фронтов. Уже к 20 августа тракторный завод дал 240 танков Т-34[83].

С 8 по 17 августа на внешнем оборонительном обводе, проходившем по левому берегу Дона, развернулись ожесточенные сражения. Основные силы 48-го немецкого танкового корпуса, действовавшие против левого фланга 64-й армии, прорвали оборону в районе Абганерово. Противник сумел захватить разъезд 74 км и вышел в район в 30 км от Сталинграда. Однако натиск превосходящих вражеских сил был остановлен.

На этом рубеже 9–10 августа командующий 64-й армией генерал М. С. Шумилов предпринял контрудар. В нем участвовали и правофланговые соединения 57-й армии. Противник не ожидал атаки и был отброшен за внешний обвод, положение на этом участке фронта удалось восстановить, а 4-я танковая армия противника была задержана на 10 дней. Но группировка советских войск, действовавшая в большой излучине Дона, была значительно ослаблена. Противник добился возможности вести наступление на Сталинград двумя группировками с запада и юго-запада.

Между тем утром 7 августа 6-я немецкая армия, усиленная подошедшими 17-м и 11-м армейскими корпусами, начала новое наступление и нанесла удар по основным силам Сталинградского фронта, оборонявшим правый берег Дона в его излучине. При этом входивший в 6-ю армию 24-й танковый корпус наступал западнее Дона на север, а навстречу ему продвигался 14-й танковый корпус, чтобы отрезать советские войска от их тыловых коммуникаций

на левом берегу Дона. В результате пятисуточных ожесточенных боев войскам Сталинградского фронта был нанесен серьезный ущерб. Кроме того, враг нанес удары и по флангам 62-й армии, которой с 3 августа стал командовать генерал А. И. Лопатин. К середине августа армия вынуждена была отойти на восточный берег Дона, заняв оборону по внешнему обводу Сталинграда, а четыре ее стрелковые дивизии вели бои, находясь в окружении на западном берегу реки. Вскоре связь с ними вообще была потеряна. Расколотые на мелкие группы окруженные части с большими потерями пробивались из вражеского кольца. Некоторым подразделениям все-таки удалось выйти на восточный берег Дона.

Стойко и мужественно сражалось в большой излучине Дона немало частей и соединений Красной армии. В районе Калача-на-Дону 1800 бойцов 20-й мотострелковой бригады полковника П. С. Ильина удерживали пятикилометровый участок фронта. Умело окопавшись, они не допускали немецко-фашистские части к реке. Саперы бригады подорвали мост через р. Дон. А когда гитлеровцы навели переправу, то саперы взорвали и ее. Только в ночь на 1 сентября по приказу командования бригада сняла оборону и вместе с присоединившимися к ней окруженными частями после ожесточенного боя прорвала вражеское кольцо и вышла к своим войскам.

На Сталинградском фронте семь самолетов-истребителей группы, возглавляемой командиром 39-го гвардейского истребительного авиаполка гвардии майором Б. Н. Ереминым, встретились с двадцатью пятью вражескими самолетами. Советские летчики не дрогнули и смело вступили в неравный бой. Они сбили восемь машин противника, а остальные обратили в бегство.

Бои в междуречье Дона и Волги отличались упорством и ожесточенным характером, беззаветным самопожертвованием и беспримерным героизмом защитников Сталинграда. Развернувшиеся встречные сражения проходили, как правило, без надлежащей подготовки советских войск и приводили к неоправданным потерям. Неувядающей славой покрыли себя курсантские полки Краснодарского, Грозненского, Винницкого, 2-го Орджоникидзевского училищ. Курсанты доблестно сражались на всех участках фронта. «Это — полки героев», — сказал о них командующий 62-й армией генерал А. И. Лопатин. К сожалению, к середине августа в строю остался лишь один полк Орджоникидзевского училища, находившийся в резерве армии[84].

Стойкое сопротивление войск Сталинградского и Юго-Восточного фронтов в большой излучине Дона сдержало натиск противника, помешав ему сделать решающий бросок к Сталинграду. И это в условиях, когда в результате больших потерь оба фронта имели меньше сил и средств, чем противник. Так, по немецким данным, с 23 июля только в полосе 6-й полевой армии противник пленил около 57 тыс. советских солдат и офицеров, уничтожил и захватил более 1 тыс. танков и бронемашин, до 750 орудий и почти 650 самолетов[85].

В течение месяца тяжелых и изнурительных боев части вермахта смогли продвинуться только на 60–80 км. Но положение Сталинграда становилось все более критическим, и инициативу в ожесточенной борьбе продолжал удерживать враг.

Непокоренный Сталинград

Во второй половине августа немецкому командованию пришлось вновь уточнять свой план взятия Сталинграда. Теперь противник решил одновременно нанести два удара по сходящимся направлениям — с северо-запада и юго-запада от Сталинграда.

Соотношение сил было в пользу противника, имевшего 236 тыс. человек (против 148 тыс. в трех советских армиях), 400 танков (против 270), 2800 орудий и минометов (против 1888)[86].

В период подготовки к очередным операциям обострилась борьба за господство в воздухе. Германское командование перебросило под Сталинград 52-ю эскадру люфтваффе из

Сицилии. Увеличила свою авиацию и Ставка ВГК: на сталинградское направление было переброшено 30 авиаполков, в том числе шесть бомбардировочных, 13 истребительных и девять штурмовых. Всего 8-я воздушная армия получила 700 самолетов[87].

16 августа 1942 г. командующий 6-й немецкой армией генерал Ф. Паулюс отдал приказ о наступлении непосредственно на Сталинград. Судя по содержанию этого приказа, Паулюс был уверен, что «в результате сокрушительных ударов последних недель у русских уже не хватит сил для оказания решительного сопротивления»[88]. В результате трехдневных боев вражеским группировкам удалось форсировать р. Дон в районах Вертячий и Песковатка и прорвать внешний фронт советской обороны. Вскоре ожесточенные сражения перекинулись на средний обвод, где продолжались с 21 августа по 3 сентября. Тем не менее советские войска сумели удержать северную часть большой излучины Дона вдоль узкой прибрежной полосы.

В эти чрезвычайно тяжелые дни на подступах к Сталинграду советские воины стояли насмерть, проявляя массовый героизм. В районе Малая Россошка тяжелый бой вели воины 1379-го стрелкового полка 87-й стрелковой дивизии под командой младшего политрука А. Г. Евтифеева, младшего лейтенанта Г. А. Стрелкова, заместителя политрука взвода разведчиков Д. И. Ковалева и старшины Д. И. Пуказова. Они были атакованы крупными силами противника. В этом бою наступление вражеской пехоты и танков с воздуха поддерживала авиация. Но горстка советских воинов не дрогнула. В неравной схватке, действуя противотанковым ружьем, гранатами и бутылками с горючей смесью, они вывели из строя 27 танков и уничтожили много фашистских солдат и офицеров.

Южнее станции Котлубань передовой отряд дивизии после ранения командовавшего им капитана А. А. Столярова возглавил командир пулеметной роты капитан Рубен Ибаррури — сын прославленной Долорес Ибаррури. 23 августа в неравном бою отряд отразил пять атак вражеских танков и мотопехоты. Здесь отважный сын испанского народа был смертельно ранен. Станцию Котлубань противник так и не взял, но южнее, несмотря на упорное сопротивление советских войск, немцы все же смогли продвинуться к Волге.

По решению командующего фронтом генерала А. И. Ерёменко 20 августа был предпринят контрудар. Соединения 21-й и 63-й армий, перейдя в наступление в районе Серафимовича, захватили важнейший плацдарм на Дону, который сыграл огромную роль в последующем контрнаступлении.

14-й немецкий танковый корпус 23 августа прорвался на стыке 41-й танковой и 62-й армий. Пройдя по тылам советских войск, он вышел к Волге севернее Сталинграда у поселков Латошинка, Акатовка и Рынок. Под огнем вражеских орудий оказался тракторный завод. Не смогли сдержать противника и соединения Юго-Западного фронта. Немецкий 48-й танковый корпус к 25 августа вышел к среднему оборонительному обводу, южнее Красноармейска. Но командование фронта, используя резервы, остановило врага.

В день прорыва противника к Волге почти вся авиация 4-го воздушного флота нанесла удар по Сталинграду. Несколько сотен бомбардировщиков, действуя эшелонами, сбросили на жилые кварталы тонны фугасных и зажигательных бомб. Город подвергся сильнейшему разрушению и был весь охвачен пламенем. Горели склады горючего, многочисленные деревянные постройки. Разрушилась вся система городского обеспечения. Телефонная связь с Москвой была прервана. Вражеские самолеты произвели в этот день свыше 2 тыс. самолето-вылетов. Их нападение отражали подразделения зенитной артиллерии и 105 советских истребителей, которые сбили в районе Сталинграда 120 вражеских бомбардировщиков[89].

Ежедневные налеты люфтваффе продолжались до конца месяца. Несмотря на самоотверженную борьбу с пожарами и разрушениями гражданского населения, частей ПВО, МПВО, пожарных служб, ремонтно-восстановительных батальонов и других, последствия этих налетов были поистине катастрофическими. Уже в ночь с 23 на 24 августа из строя был выведен центральный водопровод, и тушить пожары стало невозможно. Город был превращен в груду развалин, битого кирпича и щебня, только за 24—26 августа погибли 1083 жителя города и 1487 человек были ранены. Постановлением Сталинградского городского комитета обороны с 24.00 часов 25 августа 1942 г. в городе было введено осадное положение[90].

Немецкие пикирующие бомбардировщики Ю-87 в небе над горящим Сталинградом

Первые бомбежки Сталинграда. Женщины бегут в укрытие

Жители Сталинграда покидают свои разрушенные дома

Соляная пристань в первые дни бомбардировки Сталинграда вражеской авиацией

Город горит. 23 августа 1942 г.

В Сталинграде в это время находилось большое количество эвакуированных. В городе и области располагался 71 эвакуированный детский сад (10 179 воспитанников), а также Всесоюзный пионерский лагерь «Артек». Несмотря на боевые действия, приближавшиеся к Сталинградской области, сюда продолжали стекаться эвакуированные людские потоки, грузы, скот. С приближением фронта прибывающее население перебрасывалось через Волгу. Сталинградский городской комитет обороны принял постановление об эвакуации стариков, женщин и детей 24 августа на левый берег Волги. С 29 августа в городе началась массовая эвакуация, в том числе предприятий и рабочих[91].

В некоторых публикациях тиражируется миф о том, что И. В. Сталин запретил эвакуацию мирного населения Сталинграда. Однако в действительности не известны ни один правительственный документ или указание И. В. Сталина, категорически запрещавшие эвакуацию населения города. Известно лишь содержание телефонного разговора, состоявшегося в ночь на 20 июля 1942 г. между И. В. Сталиным и первым секретарем Сталинградского обкома ВКП(б), председателем городского комитета обороны А. С. Чуяновым. Сталин потребовал покончить с паническими и эвакуационными настроениями, принять меры к дальнейшему наращиванию усилий по укреплению обороны города. Сталин жестко заявил — Сталинград не будет сдан врагу[92]. Содержание этого разговора Чуянов довел до сведения актива города и области. Видимо, впоследствии из этой информации был сделан необоснованный вывод о том, что советское военно-политическое руководство страны запретило эвакуацию населения Сталинграда. Нужно учитывать и морально-политическую атмосферу, в которой жило население Сталинграда — прифронтового города. Подавляющее большинство жителей было уверенно в том, что город никогда не будет сдан немцам. Безусловно, были и панические настроения, попытки местных чиновников, как в Москве и других городах летом и осенью 1941 г., вывезти из Сталинграда свои семьи. Но они не определяли общей обстановки в городе. Все желающие могли покинуть город на законных основаниях. Запрета со стороны местных органов власти не было.

Особенно трагичным для Сталинграда был день 23 августа, когда немецкая авиация нанесла по нему массированный удар. Существует довольно распространенная точка зрения, согласно которой только 23 августа 1942 г. погибли более 40 тыс. человек и 150 тыс. были ранены. Из находившихся к концу августа в Сталинграде более 400 тыс. жителей до 14 августа удалось перебазировать на левый берег Волги до 300 тыс. человек[93].

Переправлявшиеся через Волгу мирные жители города подвергались беспощадным атакам вражеской авиации. Согласно другим данным, из 490 тыс. довоенного населения Сталинграда (с учетом эвакуированного населения из других районов) к концу Сталинградской битвы в городе остались лишь 32 тыс. человек. Покинуть Сталинград до августа 1942 г. смогли около 100 тыс. человек[94].

После объявления Сталинграда на осадном положении население начало сооружать баррикады. На действовавших оборонных предприятиях выпускались и ремонтировались танки, орудия, различные виды вооружения. Все это прямо из цехов сразу же направлялось в бой. Город стал фронтом. На место павших у своих станков от взрывов вражеских бомб, артиллерийского и минометного обстрела становились их товарищи.

Используя массированные удары люфтваффе по городу, немцы пытались овладеть тракторным заводом. Однако на их пути встали истребительные батальоны, полк НКВД, отряды народного ополчения, зенитчики, воины танкового учебного центра и группы Волжской военной флотилии. 24–25 августа на защиту Сталинграда выступили более 2 тыс. ополченцев, а в последующие дни в ряды защитников города влились еще 8 тыс. добровольцев.

Немецкие генералы и офицеры были поражены самоотверженной борьбой советских воинов и населения Сталинграда. Командир 14-го танкового корпуса сообщал Паулюсу: «...соединения Красной армии контратакуют, опираясь на поддержку всего населения Сталинграда, проявляющего исключительное мужество. Это выражается не только в строительстве оборонительных укреплений и не только в том, что заводы и большие здания превращались в крепости. Население взялось за оружие. На поле битвы лежат убитые рабочие в

Командующие общевойсковыми армиями в 1941–1943 гг.

П. Ф. Алферьев

М. А. Антонюк

И. Х. Баграмян

К. Ф. Баронов

П. И. Батов

П. В. Белов

Н. Э. Берзарин

И. В. Болдин

А. Л. Бондарев

С. В. Вишневский

А. А. Власов

В. И. Вострухов

Н. А. Гаген

И. В. Галанин

К. Н. Галицкий

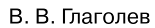

В. Ф. Герасименко

М. Н. Герасимов

В. В. Глаголев

В. А. Глуздовский

Л. А. Говоров

Ф. И. Голиков

К. Д. Голубев

А. В. Горбатов

В. Н. Гордов

Ф. Д. Гореленко

А. М. Городнянский

А. А. Гречкин

А. А. Гречко

И. Т. Гришин

В. Н. Далматов

А. И. Данилов

М. П. Духанов

А. И. Ерёменко

А. Н. Ермаков

Ф. А. Ершаков

М. Г. Ефремов

А. С. Жадов

Ф. Ф. Жмаченко

Е. П. Журавлёв

И. Г. Захаркин

Г. Ф. Захаров

А. И. Зыгин

П. А. Иванов

М. И. Казаков

С. А. Калинин

Ф. В. Камков

Н. Я. Кириченко

Н. К. Клыков

Д. Т. Козлов

П. М. Козлов

К. С. Колганов

Т. К. Коломиец

В. Я. Колпакчи

И. Т. Коровников

К. А. Коротеев

Г. П. Коротков

Г. П. Котов

Я. Г. Крейзер

Н. И. Крылов

В. Д. Крючёнкин

своей спецодежде, нередко сжимая в окоченевших руках винтовку или пистолет. Мертвецы в рабочей одежде застыли, склонившись над рычагами разбитого танка. Ничего подобного мы никогда не видели»[95].

Прорыв немцев к Волге оказался неожиданным не только для командования фронта, но и Верховного главнокомандования. Об этом факте Совинформбюро сообщило лишь 25 сентября, когда стало ясно, что уничтожить прорвавшихся немцев не удалось, причем сообщалось лишь о боях севернее Сталинграда[96].

На левом берегу Дона части 62-й армии все еще удерживали район Калача. Обстановка под Сталинградом с каждым днем обострялась. И. В. Сталин резко реагировал на неудачи Сталинградского и Юго-Восточного фронтов. Критическая ситуация заставляла Верховного главнокомандующего и Генеральный штаб искать пути решения. Помимо оказания реальной помощи фронтам, Верховный отправлял грозные телеграммы. Так, после получения сообщения о прорыве немцев к Волге он через Генеральный штаб потребовал от А. М. Василевского, Г. М. Маленкова и А. И. Ерёменко: «У вас имеется достаточно возможностей, чтобы уничтожить прорвавшегося противника. Соберите авиацию обоих фронтов и навалитесь на прорвавшегося противника. Мобилизуйте бронепоезда и пустите их по круговой железной дороге Сталинграда. Пользуйтесь дымами в изобилии, чтобы запутать врага. Деритесь с противником не только днем, но и ночью. Используйте вовсю артиллерийские и эресовские силы... Самое главное — не поддаваться панике, не бояться нахального врага и сохранить уверенность в нашем успехе»[97].

Войска левого крыла Сталинградского фронта при поддержке авиации предприняли контрудары по прорвавшейся к Волге вражеской группировке. Вечером 28 августа враг был остановлен на северо-западных окраинах Сталинграда, а затем силами 57-й армии и на южных подступах к городу.

Командование 6-й немецкой армии переключилось на решение второй задачи — окружение войск 64-й армии. 48-й немецкий танковый корпус 24—26 августа развернул фронт наступления на запад и прорвался к железнодорожной станции Тингута. Теперь угроза окружения создавалась и для 62-й армии. Предпринимая попытки ликвидировать вражеский прорыв, командующий 64-й армией генерал М. С. Шумилов использовал практически все резервы, в том числе и из района Абганерова (70 км западнее Сталинграда), что негативно отразилось на последующих действиях. Противник немедленно воспользовался этим и нанес на этом участке удар. Одновременно он усилил натиск на левом фланге и в центре 62-й армии, значительные силы которой были отвлечены прорвавшимися к Волге севернее Сталинграда частями танкового корпуса. В создавшейся обстановке, в условиях отсутствия резервов, командующие 62-й и 64-й армиями запросили разрешение на отвод своих войск на средний обвод. Однако получили отказ. К городу выдвигались соединения 24-й, 66-й и управление 1-й гвардейской армии[98].

Кризисная обстановка под Сталинградом нарастала. Соединения 62-й армии оказались отрезанными от основных сил Сталинградского фронта. Сил для сдерживания вражеского натиска ни у 62-й, ни у 64-й армий не хватало. 29 августа генерал А. И. Ерёменко отдал приказ на отвод их соединений вначале на промежуточный, а затем на средний оборонительный рубеж. В результате полоса обороны сокращалась с 100—120 км до 30—40 км. Отражая яростные атаки врага, соединения армий, прикрываясь арьергардами, отходили на указанный рубеж. Наиболее организованно отход осуществляла армия генерала М. С. Шумилова. Труднее проходил отвод войск 62-й армии, соединения которой понесли большие потери. Основу огневой мощи армии составляли приданные ей артиллерийские, в основном истребительно-противотанковые, полки резерва Ставки ВГК.

К исходу 2 сентября 62-я и 64-я армии отошли на внутренний оборонительный обвод, где вели бои до 12 сентября. Выдвигавшиеся к городу 24-я и 66-я армии получили задачи на наступление. Соединения, оборонявшиеся севернее Сталинграда, возглавило управление 1-й гвардейской армии. Силами этих армий по приказу Ставки готовился контрудар[99].

Расчет 37-мм автоматической зенитной пушки на позиции в районе Сталинграда

В начале сентября эти армии при поддержке 8-й, 16-й воздушных армий и авиации дальнего действия нанесли ряд ударов по противнику, прорвавшемуся к Волге. Хотя войскам не удалось полностью решить все поставленные задачи, их активные действия заставили Паулюса повернуть на север значительную часть своих сил. Это дало возможность задержать наступавшие части 6-й немецкой армии на внутреннем оборонительном обводе. Каждый шаг продвижения дорого стоил врагу. Только за первые 10 дней сентября немецко-фашистские войска потеряли на подступах к Сталинграду 24 тыс. солдат и офицеров убитыми.

12 сентября войска Красной армии завершили отход на городской оборонительный обвод. Сражение приобретало все более напряженный характер. Непосредственно Сталинград обороняли войска 62-й и 64-й армий. Они сражались на 60-километровом фронте, тянувшемся вдоль правого берега Волги от района поселков Рынок и Орловка и далее по западной окраине Сталинграда к его южной оконечности. Соединения этих армий были обескровлены непрерывными боями.

Большую роль в ходе борьбы продолжали играть действовавшие к северо-западу от Сталинграда 63-я, 4-я танковая, 1-я гвардейская, 24-я и 66-я армии, а также к югу от него — 57-я и 51-я армии.

С 13 сентября начались кровопролитные для обеих сторон бои на окраинах и в черте города. На долю 62-й армии, которую с 12 сентября возглавил генерал В. И. Чуйков, выпала задача оборонять центр и северную часть города, причем в исключительно сложных условиях. Вскоре армия оказалась отрезанной не только с севера — от войск Сталинградского фронта, но и с юга — от основных сил Юго-Восточного фронта. При этом 62-я армия в несколько раз уступала противнику в силах и средствах. Юго-Восточный фронт наносил контрудары в районе южнее Сталинграда, а Сталинградский фронт — с севера. Все эти сражения преследовали одну цель — удержать город и создать условия для перехода в контрнаступление.

Вражеское командование принимало все меры по захвату Сталинграда. На совещании в Виннице Гитлер приказал командующему группой армий «Б» генералу Вейхсу и командующему 6-й армией генералу Паулюсу взять Сталинград в самые короткие сроки. Группа армий «Б» и 6-я армия были усилены. Решающий штурм Сталинграда был намечен на 13 сентября.

12–13 сентября состоялось совещание в Ставке ВГК, на котором присутствовали А. М. Василевский и Г. К. Жуков, прилетевшие по вызову И. В. Сталина из района Сталинграда. При обсуждении обстановки под Сталинградом и возможности нанесения контрударов по противнику возникла идея о контрнаступлении на сталинградском направлении по флангам группировки Паулюса, где оборонялись румынские войска[100].

С этого времени началась усиленная подготовка к беспримерному в истории контрнаступлению Красной армии на берегах Волги.

А тем временем, 13 сентября враг приступил к решительному штурму города. Стремясь расчленить силы его защитников, он нанес сильный удар между 62-й и 64-й армиями, прорвался в центр города в районе вокзала Сталинград-I, захватил господствующую высоту — Мамаев курган, выйдя на этом участке к Волге. Фланги обеих оборонявшихся армий неприятель разъединил, но развить успех ему не удалось.

Защитников Сталинграда, сражавшихся на улицах города, поддерживали артиллерийские батареи, установленные на левом берегу Волги. Заволжская артиллерия вела огонь по участкам сосредоточения резервов противника и наиболее опасным направлениям его наступления. Громили прорвавшихся в город гитлеровцев и корабли Волжской военной флотилии под командованием контр-адмирала Д. Д. Рогачева, располагавшие 50 орудиями. Непрерывно наносила удары по врагу взаимодействовавшая с наземными защитниками города 8-я воздушная армия. С 13 по 26 сентября она совершила свыше 4 тыс. самолето-вылетов.

Особенно тяжелыми для сталинградцев были первые три дня штурма. Перелом удалось создать 13-й гвардейской стрелковой дивизии, которую возглавлял Герой Советского Союза генерал А. И. Родимцев. В ночь на 15 сентября она была переброшена через Волгу из резерва Ставки ВГК. В ту ночь на правый берег были переправлены свыше 6 тыс. человек. Обстановка сложилась столь тяжелая, что переправившиеся подразделения с ходу вступали в бой.

Немецкие солдаты на подступах к Сталинграду

Захватчики на улице Сталинграда

Немецкая пехота ведет бой на окраине Сталинграда

Рабочие сталинградских заводов на защите своего города

Внезапным для вражеских войск ударом дивизия генерала Родимцева 16 сентября отбила Мамаев курган и еще несколько других важных объектов в городе. Однако упорная борьба за эту главную сталинградскую высоту продолжалась до конца января 1943 г. Мамаев курган неоднократно переходил из рук в руки. Воины 13-й гвардейской стрелковой дивизии генерала А. И. Родимцева и 284-й стрелковой дивизии полковника Н. Ф. Батюка не уступили крутых склонов Мамаева кургана, окончательно остановив здесь продвижение врага. Активную помощь им оказали части авиации дальнего действия, 16-й воздушной армии, а также атаки с севера войск Сталинградского фронта.

Ожесточенная борьба в Сталинграде нарастала с каждым днем. Немецкое командование бросило против защитников города отборные части вермахта, сотни танков и самолетов. Непрерывные атаки поддерживались огнем более чем тысячи орудий. Благодаря превосходству в силах противнику все же удалось овладеть частью города южнее р. Царица и на довольно значительном участке прорваться к Волге. Несмотря на подоспевшую помощь 95-й стрелковой дивизии и двух стрелковых бригад, обстановка в полосе обороны 62-й армии становилась все более угрожающей.

С 27 сентября по 8 октября острие немецкого наступления переместилось в северную часть города, где находились заводские районы. Район, который занимала 62-я армия, резко сократился. Он имел глубину от 100 метров до 2,5 км. Особенно тяжелые кровопролитные бои с переменным успехом развернулись в районах Орловки, заводских поселков и Мамаева кургана. Для усиления обороны сюда была переброшена 308-я сибирская стрелковая дивизия полковника Л. Н. Гуртьева, а затем две стрелковые бригады. Бои шли за разрушенные дома, уцелевшие этажи и лестничные площадки. Часто завязывались и рукопашные схватки. Городские руины превращались в крепости. В сражениях принимали участие находившиеся в городе жители.

«Каждый сталинградец понимал, — писал после войны маршал В. И. Чуйков, — что на город гитлеровцы нацелили главный удар и что каждый боец отвечает перед Родиной и народом за его оборону. Никто не хотел умирать. Но мы знали, что на нас идут отборные гитлеровские головорезы, от которых нечего ждать пощады, и, только беспощадно уничтожая врага, можно отстоять город, жизнь близких и свою жизнь»[101].

В итоге сентябрьских боев противник захватил значительную часть высот, которые проходили по западным окраинам города. Это давало им возможность просматривать наиболее важные районы, русло Волги и ее левый берег. Командный пункт командарма В. И. Чуйкова был оборудован в обрыве правого берега Волги, восточнее Мамаева кургана, всего в двух километрах от врага.

К концу сентября обе стороны истощили свои силы, и схватки в центре Сталинграда на какое-то время, казалось, стали затухать. Немецким частям удалось продвинуться по руслу р. Царица к Волге и установить тяжелые орудия в нескольких метрах от центральной пристани. Позади Центрального вокзала, между р. Царица и Крутым оврагом они заняли район жилых домов.

Теперь судьба защитников Сталинграда во многом зависела от эффективности функционирования переправ, которые продолжали действовать в северной части города, в районах заводов. Казалось, что на этой стадии битвы противник был близок к тому, чтобы без особых усилий овладеть всей южной частью Сталинграда. Однако продвижение бронированных дивизий генерала Гота сдерживали отдельные, изолированные очаги сопротивления, с которыми враг не смог справиться еще во время его первых ударов 13 и 14 сентября. Один из основных очагов противостояния находился в районе элеваторов. Советские воины продержались здесь до 22 сентября. Они погибли, но не оставили поле боя. В плен враг взял только одного тяжелораненого, который не мог говорить[102].

Не прекращалась работа и на уцелевших после ежедневных обстрелов и бомбежек городских предприятиях. Рабочие мужественно восстанавливали боевую технику, ремонтировали оружие, изготавливали гранаты и различные противотанковые средства. В сентябре рабочие Тракторного завода передали 62-й армии 200 отремонтированных танков, тракторов и много

Расчет 50-мм ротного миномета ведет огонь

Ополченцы ведут бой на территории Сталинградского тракторного завода

Фашистский флаг на одном из захваченных зданий города

Немецкие солдаты у развалин Сталинградского тракторного завода

другой техники. На заводе «Баррикады», который действовал до 15 сентября, его коллектив вместе с воинами-артиллеристами из 62-й армии ремонтировали орудия. Разместившийся с середины сентября в блиндажах на левом берегу Волги Сталинградский городской комитет обороны осуществлял свою деятельность через оперативные группы, которые остались в городе.

Тяжелая обстановка в районе Сталинграда и растянутость полос обороны вызвали необходимость проведения новых организационных мероприятий. 28 сентября было ликвидировано единое командование Юго-Восточного и Сталинградского фронтов. Они перешли непосредственно в подчинение Ставки. Одновременно фронты переименовывались: Сталинградский — в Донской (командующий — генерал К. К. Рокоссовский), а Юго-Восточный — в Сталинградский (командующий — генерал А. И. Ерёменко). Менее чем через месяц, 25 октября, западнее Донского был создан еще один фронт — Юго-Западный под командованием генерала Н. Ф. Ватутина.

В конце сентября наступательные возможности группы армий «Б» стали иссякать. Однако тяжелые уличные бои продолжались в течение всего октября.

Чтобы ослабить натиск вражеских войск и облегчить положение 62-й армии, советское командование организовало два контрудара южнее Сталинграда. Первый из них нанесли в течение 29 сентября — 4 октября части 51-й армии в районе Садового, второй, примерно в это же время, — войска 57-й и 51-й армий в районе озер Сарпа, Цаца и Барманцак. Контрудары заставили немецкое командование снять часть своих сил с главного направления, что временно уменьшило их натиск непосредственно на город. Важнейшим результатом таких активных действий явились также упрочение обороны южного крыла советских войск под Сталинградом и овладение выгодными плацдармами для последующего контрнаступления.

Но противник продолжал усиливать натиск на позиции защитников волжской твердыни. В первых числах октября он захватил территорию города, простиравшуюся к югу от р. Царица вплоть до поселка Купоросное. Вражеские войска простреливали переправы через Волгу и позиции 62-й армии, имевшие протяженность 25 км и глубину от 200 метров до 2,5 км.

Бои за северную часть города по-прежнему носили чрезвычайно ожесточенный характер. Вражеская пехота, поддерживаемая танками, авиацией и артиллерией, непрерывно атаковала позиции советских воинов. Ценой огромных потерь противник овладел районом Орловки, углубившись на территорию Ерманского, Дзержинского, значительной части Краснооктябрьского, Баррикадного и Тракторозаводского районов города. Тогда же, в первых числах октября, начались кровопролитные бои за заводы «Красный Октябрь», «Баррикады» и Тракторный, расположенные к северу от Мамаева кургана. Вместе с советскими воинами заводы защищали вооруженные отряды рабочих. 5 октября они были включены в состав 62-й армии.

Один из главных ударов врага был направлен на Тракторный завод. Еще 29 сентября на этот район совершили налет несколько сотен самолетов. В результате бомбардировки вся огромная территория завода была объята пожарами. Продолжая наносить удары с воздуха, противник усилил свои атаки. Подступы к Тракторному заводу обороняли группа полковника С. Ф. Горохова (124-я и 149-я отдельные стрелковые бригады и 282-й полк 10-й стрелковой дивизии НКВД), 112-я и 308-я стрелковые дивизии под командованием полковников И. Е. Ермолкина и Л. Н. Гуртьева. Эти соединения, хотя и ослабленные в предшествовавших боях, героически отражали вражеские атаки. В ночь на 4 октября к ним на помощь прибыла 37-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием генерала В. Г. Желудева, а в ночь на 5 октября — 84-я танковая бригада полковника Д. Н. Белого.

Борьба за Тракторный завод и Рабочие поселки носила исключительно ожесточенный характер. Перед заводскими цехами выросли блиндажи, стрелковые ячейки, ходы сообщения. Советские воины стойко отбивали непрерывные атаки немецких танков и пехоты.

Только в результате многочисленных атак враг преодолел р. Мокрая Мечётка, тем самым получив возможность атаковать завод группами автоматчиков при поддержке танков. Бросив в бой свыше 100 танков, противник 7 октября вклинился в оборону частей 37-й гвардейской

Снайпер 64-й армии Н. Я. Ильин на огневом рубеже в Сталинграде

В ожидании сигнала контратаки Сталинграда

стрелковой дивизии на 300—400 метров. Понесенные при этом потери вынудили его приостановить атаки, чтобы подтянуть новые силы. Но на помощь защитникам завода была быстро переброшена с юго-западных окраин завода «Красный Октябрь» 95-я стрелковая дивизия под командованием полковника В. А. Горишного. Ее части заняли оборону юго-западнее Тракторного завода. В районе же поселка и завода «Красный Октябрь» продолжала упорно обороняться выдвинутая сюда еще в конце сентября 193-я стрелковая дивизия генерала Ф. Н. Смехотворова.

Днем наиболее трудных испытаний для защитников героического Сталинграда стало 14 октября. К тому времени немцы пополнили свои силы. Правда, 62-й армии противостояли уже не 10 дивизий, как это было в конце сентября, а восемь, что являлось результатом больших потерь, понесенных неприятелем в боях на улицах города. По-прежнему имея превосходство в силах и средствах, командование 6-й полевой армии не сомневалось, что на сей раз оно овладеет Сталинградом. С этой целью и началось 14 октября новое вражеское наступление.

После усиленной авиационной и артиллерийской подготовки в 8 часов утра в атаку пошли танки с пехотой. Основной удар наносился в направлении заводов Тракторного и «Баррикады». Здесь на узком пятикилометровом участке действовало несколько вражеских дивизий. Потеряв при этом сотни солдат и офицеров, а также десятки танков, противник ворвался на территорию Тракторного завода и вышел к Волге. Жестокие бои на территории завода, не утихавшие ни днем ни ночью и часто перераставшие в рукопашные схватки, продолжались до 18 октября. Враг пытался развить наступление вдоль берега Волги, чтобы выйти в тыл основным силам 62-й армии и полностью их окружить. Однако командованию армии удалось отвести остатки 37-й гвардейской и 95-й стрелковых дивизий ближе к заводу «Баррикады», где они вновь оказали врагу мужественное сопротивление. 17 октября в этот район прибыла с левого берега Волги 138-я дивизия полковника И. И. Людникова и с ходу включилась в бой за поселок и завод «Баррикады».

Пытаясь изолировать советские войска от тыла, неприятель обстреливал переправы всеми видами артиллерии и минометов. Над Волгой постоянно висели фашистские самолеты. Однако и в этих условиях благодаря мужеству и воинскому мастерству инженерных войск и речников связь Сталинграда с восточным берегом была обеспечена. Волжская военная флотилия поддерживала войска 62, 64 и 57-й армий огнем своей артиллерии и с помощью десантных групп.

В ходе тяжелейших октябрьских боев противнику удалось захватить еще часть территории города, однако и на этот раз он не достиг решающего успеха, не сумел сломить сопротивление защитников Сталинграда и полностью овладеть городом. От Мамаева кургана до Волги оставалось несколько сотен метров, но преодолеть их враг так и не смог. Воины Н. Ф. Батюка, А. И. Родимцева не сошли с крутых склонов Мамаева кургана. Отвага, мужество, стойкость стали той преградой, которая на волжском берегу окончательно остановила продвижение вермахта. 14 октября германское командование отдало приказ на переход к обороне на всем советско-германском фронте, за исключением Сталинграда. Неприятелю удалось захватить Тракторный завод, но его наступательная энергия начала постепенно ослабевать.

Чтобы облегчить тяжелое положение 62-й армии, войска Донского фронта 19 октября предприняли наступательные действия из района севернее Сталинграда. 25 октября с той же целью 64-я армия нанесла контрудар на стыке с 62-й армией в районе поселков Купоросное — Зеленая Поляна. Это заставило вражеское командование перебросить часть своих сил на север, затем перейти к обороне, что привело к ослаблению нажима на 62-ю армию.

После 18 октября наиболее ожесточенные бои продолжались на территории заводов «Баррикады» и «Красный Октябрь». Здесь храбро сражались воины 308-й (командир — генерал Л. Н. Гуртьев) и 138-й (командир — полковник И. И. Людников) стрелковых дивизий. Они не только отражали по 5—10 атак в день, но и переходили в контратаки. Вместе с советскими воинами мужественно бились с врагом рабочие. Так, ополченский артиллерийский дивизион подбил шесть вражеских танков.

Немецкие солдаты ожидают сигнал к атаке

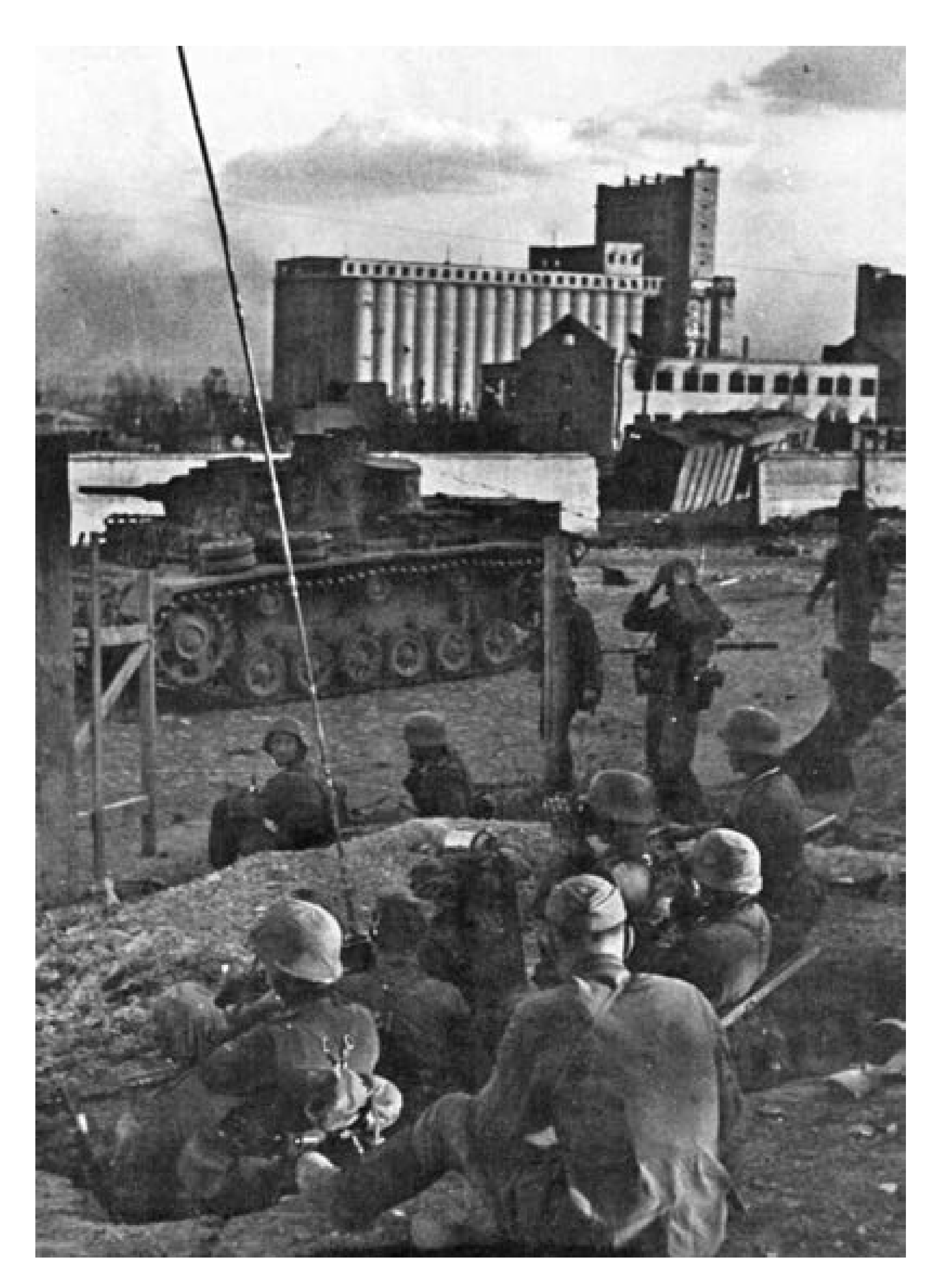
Не сумев развить прорыв в сторону завода «Баррикады», противник попытался продвинуться на север от Тракторного завода к поселку Спартановка. Но здесь он был остановлен группой полковника С. Ф. Горохова, сражавшейся в окружении, буквально на клочке земли между реками Волгой, Мечёткой и поселком Латошинка.

Не менее напряженная борьба шла в районе завода «Красный Октябрь». На помощь 39-й гвардейской стрелковой дивизии была направлена 45-я стрелковая дивизия полковника В. Н. Соколова с ротой танков 235-й танковой бригады, которые прибыли из резерва Ставки. Это позволило при поддержке фронтовой артиллерии нанести 31 октября контрудар по противнику и выбить его с занимаемой территории завода. Бои здесь не прекращались вплоть до перехода советских войск в контрнаступление. Борьба достигла крайнего напряжения. Теперь она велась в условиях, когда оборона 62-й армии была расчленена на три основных очага сопротивления: район поселков Рынок и Спартановка, где сражалась группа полковника С. Ф. Горохова, и восточная часть территории завода «Баррикады», которую продолжали упорно удерживать воины 138-й дивизии, а затем, после разрыва в 400–600 метров, начинался фронт обороны основных сил армии от завода «Красный Октябрь» до пристани. Левофланговой на этом участке была 13-я гвардейская стрелковая дивизия. Ее позиции проходили вблизи волжского берега. Далее — от центра до Купоросной балки — город занимали вражеские войска. Наконец, южную часть Сталинграда — от Купоросного до Красноармейска — продолжали удерживать части 64-й армии.

Каждый шаг стоил врагу огромных потерь. Они были столь велики, что от многих соединений противника остались только номера. 305-я и 79-я немецкие дивизии, например, потеряли почти весь свой личный состав. Во многих батальонах противника оставалось всего по 25–30 человек.

Тяжелый урон понесли и защитники Сталинграда. Однако итог борьбы был не в пользу немецко-фашистских войск. Несмотря на большое численное превосходство, они оказались не в силах преодолеть героическое сопротивление советских воинов. Ярким примером стойкости и высокого боевого мастерства защитников Сталинграда стала легендарная 58-дневная оборона дома сержантом Я. Ф. Павловым и лейтенантом И. Ф. Афанасьевым, еще одного дома — лейтенантом Н. Е. Заболотным, а также мельницы № 4 и многих других каменных зданий. Они были превращены воинами в опорные пункты, которые стойко удерживались, несмотря на яростные атаки врага. Широко стали известны имена артиллериста В. Я. Болтенко — со своим орудием он вступил в единоборство с 15 вражескими танками и вышел победителем; связистов В. П. Титаева и М. М. Путилова, которые получили смертельные ранения, но восстановили связь, зажав зубами оборванные концы телефонного провода. В боях за Сталинград отличились снайперы В. Г. Зайцев, А. И. Чехов, В. И. Медведев, Г. А. Авзалов, А. Калентьев, Н. Куликов, на счету которых были сотни убитых гитлеровцев. «За Волгой для нас земли нет. Мы стояли и будем стоять насмерть», — заявил в те дни прославленный снайпер Василий Зайцев. И советские воины стояли насмерть, проявляя железную волю и стойкость. В волжском небе геройски сражались летчики И. С. Полбин, И. И. Клещев, В. Д. Лавриненков, Н. П. Токарев, М. Д. Баранов, Н. П. Кочетков, И. И. Пстыго, А. У. Константинов и многие другие.

В историю Великой Отечественной войны навечно вписано имя тихоокеанского краснофлотца Михаила Паникахи из 1-й стрелковой роты 1-го стрелкового батальона 883-го стрелкового полка 193-й стрелковой дивизии 62-й армии Сталинградского фронта. 2 ноября во время отражения вражеской танковой атаки у поселка завода «Красный Октябрь» он израсходовал все гранаты и, схватив бутылку с горючей смесью, размахнулся, чтобы бросить ее в приближающийся танк. Но в это время в бутылку попала пуля или осколок, и воспламенившаяся смесь облила бойца. Пламя мгновенно охватило моряка, превратившегося в живой факел. Но он не потерял сознания от дикой боли, на глазах пораженных товарищей со второй бутылкой рванулся навстречу фашистскому танку и бросил ее на решетку моторного люка. Огромная вспышка огня поглотила героя, а с ним и вражескую боевую машину... Посмертно М. А. Паникаха был тогда награжден за этот беспримерный подвиг орденом Красной

Немецкий командный пункт в одном из районов Сталинграда

Рабочий отряд завода «Красный Октябрь»

Бой в разрушенном здании

Огнеметчик в бою

Звезды. И только через много лет справедливость восторжествовала: 5 мая 1990 г. Михаилу Аверьяновичу Паникахе посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза[103].

Сталинград отстаивали представители всех советских народов. Их боевое содружество явилось одним из решающих факторов невиданной стойкости города-героя на Волге. К своим землякам, оборонявшим Сталинград, направлялись тогда обращения жителей разных республик, краев и областей советского тыла. В передовой статье 31 октября 1942 г. «Боевое братство народов Советского Союза» газета «Правда» писала: «Народы мира говорят о «чуде Сталинграда». Не видала еще никогда история человечества такой самоотверженной обороны, такого героического упорства»[104].

В начале ноября на Волге появился лед. Защитники Сталинграда стали ощущать нехватку боеприпасов, продовольствия, медикаментов, доставлявшихся с левого берега. Создавшейся обстановкой вскоре воспользовался противник, начавший 11—12 ноября новый штурм города. Для этой цели он бросил в наступление пять пехотных и две танковые дивизии со средствами усиления. Однако и это, по существу, последнее отчаянное вражеское наступление серьезного успеха не имело. Гитлеровцам удалось захватить лишь небольшую южную часть завода «Баррикады» и на участке шириной около 500 метров прорваться к реке. На других участках обороны 62-й армии их атаки были отбиты. Воины 64-й армии, оборонявшей южную часть Сталинграда, прочно удерживали свои позиции.

Героический Сталинград был удержан, а наступательные возможности вражеских войск иссякли в ожесточенных, кровопролитных сражениях на подступах и в самом городе. Потери вермахта и его союзников за весь оборонительный период под Сталинградом (июль — ноябрь 1942) оказались весьма внушительными: около 700 тыс. солдат и офицеров убитыми и ранеными, свыше 1 тыс. танков и штурмовых орудий, более 2 тыс. орудий и минометов и более 1,4 тыс. боевых и транспортных самолетов[105].

Решающее значение советско-германского фронта в рассматриваемый нами период определялось не только тем, что здесь по-прежнему находились главные силы Третьего рейха, но и тем, что потери вермахта на этом фронте за весенний и летне-осенний периоды 1942 г. составили 95% всех потерь немецко-фашистских армий, включая и их участие на других фронтах Второй мировой войны.

В конце 1942 г. была учреждена медаль «За оборону Сталинграда», которой наградили более 700 тыс. человек, а свыше 100 наиболее отличившихся удостоились звания Героя Советского Союза. Но оборона Сталинграда досталась дорогой ценой. За 125 суток фронты, прикрывавшие сталинградское направление, потеряли 643 842 человека, из которых безвозвратно 323 856 человек[106].

В итоге вооруженного противоборства Красной армии с армиями фашистского блока в оборонительной стратегической операции под Сталинградом была не только сокрушена наступательная мощь врага и обескровлена главная ударная группировка германского вермахта на южном крыле советско-германского фронта, но и подготовлены условия для перехода советских войск в решительное контрнаступление.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Стратегический очерк Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. М., 1961. С. 356–357.

[2] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. М., 1996. Т. 16 (5-2). С. 14–15.

[3] Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 323.

[4] *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 43.

[5] Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР. Документы и материалы. 22 июня 1941 — 1942 г. Т. 2 (2). М., 1997. С. 198, 199.

[6] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. М., 1975. Т. 5. С. 25, 92.

[7] *Проэктор Д. М.* Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во Второй мировой войне 1939–1945 гг. М., 1968. С. 321.

[8] *Görlitz W., Quint H.* Adolf Hitler. Stuttgart, 1952. S. 581.

[9] *Манштейн Э.* Солдат XX века. М., 2006. С. 243–244.

[10] *Проэктор Д. М.* Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во Второй мировой войне 1939–1945 гг. С. 326.

[11] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24155. Д. 3. Л. 739–740.

[12] Там же. Л. 740.

[13] Там же. Л. 769–770.

[14] *Радо Ш.* Под псевдонимом Дора. М., 1973. С. 105–108.

[15] *Ибрагимбейли Х. М.* Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. М., 1977. С. 7.

[16] Там же. С. 62.

[17] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 7451. Д. 1. Л. 52–54.

[18] *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки, документы и материалы. В 2-х т. М., 1973. Т. 2. С. 312.

[19] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. М., 1998. Кн. 1. С. 324, 325.

[20] Военно-исторический журнал. 1961. № 9. С. 83–84.

[21] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. М., 1998. С. 321–322.

[22] *Полмар Н., Аллен Т.* Энциклопедия шпионажа. М., 1999. С. 335–336; *Перро Ж.* «Красная капелла». М., 2004. С. 230–231; *Полторак С.* Разведчик Кент. СПб., 2003. С. 361–381.

[23] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 15.

[24] Великая битва Великой войны. М., 2012. С. 296.

[25] *Гальдер Ф.* Военный дневник. М., 1971. Т. 3. Кн. 2. С. 256.

[26] *Белов П. А.* За нами Москва. М., 1963. С. 312, 324.

[27] Холм-Жирковский выступ по фронту достигал около 125 км, по глубине — от 50 до 90 км, располагался на удалении 50–90 км к западу от переднего края войск смежных крыльев Калининского и Западного фронтов. Расположение выступа в тылу 9-й армии вынуждало германское командование иметь здесь два фронта: один — по блокированию советских войск внутри выступа; другой, главный — против основных сил Калининского и Западного фронтов.

[28] *Герасимова С.* Ржев 42. Позиционная бойня. М., 2007. С. 89.
[29] Великая битва Великой войны. С. 99.
[30] KTB/OKW. Bd. 11. S. 348.
[31] Русский архив: Великая Отечественная война. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. М., 1996. Т. 16 (5-2). С. 311.
[32] ЦАМО. Ф. 373. Оп. 11350. Д. 1. Л. 47.
[33] *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны / Пер. с нем. М., 1956. С. 241.
[34] Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. М., 2010. С. 179.
[35] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1961. С. 418.
[36] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. М., 1985. С. 612–613.
[37] *Дёрр Г.* Поход на Сталинград / Пер. с нем. М., 1957. С. 7.
[38] ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 974. Д. 37. Л. 2–7.
[39] Операции Советских Вооруженных Сил в период отражения нападения фашистской Германии на СССР. Военно-исторический очерк. Т. 1. С. 582.
[40] См.: *Муриев Д. З.* Наступательная операция советских войск на харьковском направлении. Май 1942 года. М., 1956. С. 11.
[41] Операции Советских Вооруженных Сил в период отражения нападения фашистской Германии на СССР. Военно-исторический очерк. Т. 1. С. 549.
[42] Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. 1942 год. М., 1999. Т. 23 (12-2). С. 111.
[43] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 336.
[44] См.: *Бирюзов С. С.* Суровые годы. М., 1966. С. 84.
[45] См.: *Адам В.* Трудное решение / Пер. с нем. 2-е изд. М., 1972. С. 40.
[46] См.: *Gorlitz W.* Paulus und Stalingrad. Frankfurt a/M, 1964. S. 180–181.
[47] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 2010. С. 185.
[48] ЦАМО. Ф. 229. Оп. 164. Д. 90. Л. 472.
[49] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 338.
[50] Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. М., 2001. С. 241.
[51] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2010. С. 179.
[52] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 263.
[53] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 339.
[54] Там же. С. 340.
[55] Там же.
[56] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 6. S. 860.
[57] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-стратегические очерки. Кн. 1. С. 343.
[58] Стратегический очерк Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. С. 395.
[59] *Русецкий В. Д.* Будем драться // На воронежском направлении. Воронеж, 1973. С. 100–102.
[60] *Фуллер Дж.* Вторая мировая война 1939–1945 гг. / Пер. с англ. М., 1956. С. 243–244.
[61] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 291–292.
[62] Там же. С. 303.
[63] *Куманев Г. А.* Сталинградская битва (Краткий военно-исторический очерк, документы, материалы). М., 2008. С. 45.
[64] *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 1. Гитлер идет на восток. 1941–1943 гг. М., 2003. С. 432.
[65] ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 111. Л. 213.
[66] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 313.
[67] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 352.
[68] *Чуянов А. С.* Сталинградский дневник (1941–1943). Волгоград, 1979. С. 111.
[69] *Куманев Г. А.* Сталинградская битва. С. 48.

[70] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 315.

[71] Правда, существует и другая точка зрения, что Сталинградская битва началась 12 июля боями на рубеже западной части большой излучины Дона, которые вели отходящие войска 28-й и 38-й армий. Бывший тогда командующим 38-й, а вскоре 1-й гвардейской армией генерал (с 1955 г. — Маршал Советского Союза) К. С. Москаленко поддерживал второе мнение. В книге своих воспоминаний «На юго-западном направлении» он писал: «Считаю необходимым подчеркнуть два обстоятельства, связанные с действиями 28-й и 38-й армий в первой половине июля 1942 г. Одно из них заключается в том, что именно в полосе этих армий немецко-фашистские войска вышли в большую излучину Дона... Ведь известно, что большая излучина Дона простирается к востоку от условной линии г. Новая Калитва — р. Калитва — устье Сев. Донца. Когда сюда прорвался противник, стало ясно, что, продолжая двигаться на восток, ему некуда было идти, кроме как на Сталинград. Уже по одной этой причине выходит, что западная часть этой большой излучины — не что иное, как дальние подступы к этому городу. Есть и другое веское подтверждение тому: 12 июля, т. е. как только наступающие войска противника пересекли названную условную линию, Ставка Верховного главнокомандования вместо Юго-Западного фронта создала Сталинградский фронт. В связи с этим целесообразно считать, что Сталинградская битва началась с указанного выше рубежа. На наш взгляд, следует пересмотреть и дату начала Сталинградской битвы». (*Москаленко К. С.* На юго-западном направлении. 1941—1943 гг. Воспоминания командарма. М., 1973. Кн. 1. С. 256—257.)

[72] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 354.

[73] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1975. С. 231.

[74] ЦАМО. Ф. 220. Оп. 220. Д. 85. Л. 43.

[75] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 505.

[76] Но в архивах не обнаружено ни одного документа в подтверждение расстрела заградотрядами отходивших или бегущих бойцов и командиров.

[77] *Робертс Дж.* Победа под Сталинградом. Битва, которая изменила историю / Пер. с англ. М., 2005. С. 65—66.

[78] *Куманев Г. А.* Сталинградская битва. С. 53.

[79] Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht / Frankfurt a/M., 1963. Bd. 3. S. 439.

[80] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 360.

[81] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 342—343.

[82] ЦАМО. Ф. 132-А. Оп. 2643. Д. 32. Л. 354.

[83] Сталинградская эпопея. М., 1968. С. 392—393.

[84] *Попов В. Н.* Великий перелом. Сталинградская битва: новые подходы к оценке победы, изменившей мир (по материалам новейших исторических исследований). Волгоград, 2006. С. 19.

[85] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 6. S. 965.

[86] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-стратегические очерки. Кн. 1. С. 360.

[87] *Губин Б. А., Киселев В. А.* Восьмая воздушная армия: Военно-исторический очерк большого пути 8-й воздушной армии в годы Великой Отечественной войны. М., 1986. С. 44.

[88] Цит. по: *Doerr H.* Der Feldzug nach Stalingrad. Versuch eines operativen Uberblicks. Darmstadt, 1955. S. 127—129.

[89] *Куманев Г. А.* Сталинградская битва. С. 59.

[90] Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее — ЦДНИВО). Ф. 171. Оп. 1. Д. 6. Л. 32, 35—40.

[91] Сталинградская битва. Июль 1942 — февраль 1943 г. Энциклопедия. Волгоград, 2009. С. 657.

[92] *Чуянов А. С.* Сталинградский дневник 1941—1943 гг. Волгоград, 1968. С. 97—100.

[93] *Куманев Г. А.* Сталинградская битва. С. 61.

[94] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 362.

[95] Сталинград: забытые сражения. М., 2005. С. 107—108.

[96] *Попов В. Н.* Великий перелом... С. 21—22.

[97] Цит. по: *Василевский А. М.* Дело всей жизни. 6-е изд. В 2-х кн. М., 1988. Кн. 1. С. 236.

[98] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 364.

[99] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 373—374.

[100] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 301—305; *Василевский А. М.* Дело всей жизни. Кн. 1. С. 241—242.

[101] *Чуйков В. И.* Кризис нарастает // Сталинград: уроки истории. Воспоминания участников битвы. М., 1980. С. 50.

[102] *Куманев Г. А.* Сталинградская битва. С. 68.

[103] Сталинградская битва. Июль 1942 — февраль 1943 г. Энциклопедия. С. 412—413.

[104] Правда. 1942. 31 октября.

[105] *Куманев Г. А.* Сталинградская битва. С. 77; Сталинградская битва. Июль 1942 — февраль 1943 г. Энциклопедия. С. 393.

[106] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2010. С. 109.

БОРЬБА ЗА КАВКАЗ

Обстановка на кавказском направлении

Военно-политическая обстановка весной 1942 г. оставалась сложной. В результате невыполнения взятых на себя США и Англией обязательств об открытии второго фронта в Европе германское командование смогло сосредоточить на советско-германском фронте большое количество сил и средств и, нацелив их на одно — юго-западное направление, добиться здесь значительного превосходства, особенно в танках и авиации.

Турецкое правительство в своей внешней политике придерживалось прогерманского курса и планомерно готовило свои вооруженные силы к нападению на СССР. Пропуск через проливы военных и военно-транспортных судов с вооружением и войсками Германии, поставки стратегического сырья, продовольствия, создание благоприятных условий для немецкой агентуры в стране — это далеко не полный перечень активной помощи Турции фашистской Германии. Одновременно Турция получала технику и вооружение от англичан, американцев и немцев. Так, к концу мая 1942 г. США предоставили Турции 250 истребителей, тяжелые орудия и другое вооружение. К этому времени Турция удвоила свои войска на границе с СССР, доведя их общую численность до 26 дивизий. Она все чаще стала нарушать нейтралитет и была готова в благоприятный момент вступить в войну против СССР. В июле 1942 г. турецкий журнал «Бозкурт» опубликовал карту «Великой Турции» с включенными в нее Закавказьем и республиками Средней Азии. Разрабатывая план войны против Советского Союза, турецкий генеральный штаб планировал нанести удар через Иранское нагорье по направлению к Баку[1].

Германское руководство придавало большое значение захвату Северного Кавказа. Уже в первые дни после нападения на Советский Союз немецкое командование стало планировать наступление на кавказском направлении. Замысел операции был сформирован в дополнении к директиве от 22 июля 1941 г. и конкретизирован затем в документе под названием «Операция из района Северного Кавказа через Кавказский хребет и Северо-Западный Иран с целью овладения перевалами Ревандуз и Ханаган на ирано-иракском направлении»[2]. Захват Северного Кавказа позволял германскому руководству не только задействовать богатейшие ресурсы этого региона, но и распространить свою гегемонию на все Закавказье, а затем и на Ближний Восток с его огромными запасами нефти. Однако этим планам в 1941 г. не довелось сбыться. В первый год войны вермахт не решил ни одной стратегической задачи.

Вновь к планам овладения Северным Кавказом немецкое руководство вернулось весной 1942 г. Почти одновременно с наступлением на Сталинград германское командо-

вание начало основную операцию на Северном Кавказе. Сюда была переброшена группа армий «А» под командованием фельдмаршала В. Листа. В основу плана наступления на 1942 г. командование вермахта положило стремление достичь военно-политических и стратегических целей войны против СССР, которые она не смогла решить в 1941 г. Общий стратегический замысел сводился к нанесению мощного, сосредоточенного удара на одном стратегическом направлении — южном крыле советско-германского фронта. Главным направлением являлось кавказское. На допросе в июне 1945 г. фельдмаршал Кейтель в числе целей немецкого командования назвал стремление отрезать Советскому Союзу подвоз нефти по р. Волга и захватить главные базы нефтяного снабжения в городах Майкопе и Грозном[3].

Кавказ для СССР имел стратегическое значение. В довоенное время г. Баку занимал первое место по добыче нефти, производя 18,7% всей мировой добычи. Район Баку давал 60%, а район Грозного — 36% всей добычи нефти в СССР. В 1941 г. добыча нефти в Баку увеличилась. В первый год войны Бакинский район дал стране 23,5 млн тонн нефти и 2,6 млн куб. метров природного газа. Это был самый высокий уровень добычи сырья за время существования бакинских промыслов. В Грозненском районе за это время было добыто 3 млн тонн нефти[4].

Благоприятные для немцев условия создало поражение советских войск под Харьковом, а затем в Воронежско-Ворошиловградской оборонительной операции. После того как войска Красной армии отошли за р. Дон, противник получил возможность для наступления на Северный Кавказ. Планом операции под кодовым наименованием «Эдельвейс» предусматривалось окружить и уничтожить советские войска южнее и юго-восточнее г. Ростов, овладеть Северным Кавказом, затем обойти Главный Кавказский хребет одной группой войск с запада, захватить города Новороссийск и Туапсе, а другой — с востока, овладеть городами Грозным и Баку. Кроме того, намечалось преодолеть Кавказский хребет в его центральной части и выйти к городам Тбилиси, Кутаиси и Сухуми.

Для решения этих задач предназначались 1-я и 4-я танковые и 17-я полевая немецкая, 3-я румынская армии группы армий «А». В их составе насчитывалось 167 тыс. человек, 1130 танков, 4540 орудий и минометов. Поддержку осуществлял частью сил 4-й воздушный флот (до 1000 боевых самолетов)[5]. Действия этой группы поддерживали военно-морские силы Германии и Румынии. В ходе операции боевой состав группы армий «А» постепенно сокращался, поскольку часть соединений была переброшена на сталинградское направление.

Противостоящие этой группировке противника войска Южного и части Северо-Кавказского фронта к началу операции в своем составе насчитывали 112 тыс. человек, 2160 орудий и минометов всех калибров, 121 танк (из них 104 боевые машины прибыли в 51-ю армию лишь к концу месяца), 130 боевых самолетов[6].

Подавляющее превосходство немцев по самолетам и танкам позволяло германскому командованию ставить перед войсками решительные цели.

Битва за Кавказ началась почти одновременно со сражением под Сталинградом — 25 июля 1942 г. Обе битвы протекали в тесной взаимосвязи. Активные действия советских войск сковали крупные силы противника на Северном Кавказе и не допустили переброски их на сталинградское направление. В рамках битвы за Кавказ был проведен ряд оборонительных и наступательных операций. По развитию событий и характеру боевых действий ее можно разделить на два периода: первый — это оборона Южного (до 28.07.1942), Северо-Кавказского и Закавказского фронтов, вошедшая в историю как Северо-Кавказская стратегическая оборонительная операция (25.07–31.12.1942), а второй — наступательные операции войск Западно-Кавказского, Южного и Северо-Кавказского фронтов при содействии Черноморского флота. В ходе этой операции советские войска нанесли крупное поражение группе армий «А» и вышли на подступы к Ростову, северо-восточнее Краснодара и к р. Кубань. Впоследствии эти события были названы Северо-Кавказской стратегической наступательной

операцией (01.01–04.02.1943). Кроме того, в ходе второго периода битвы были проведены также Новороссийско-Таманская и Краснодарская операции.

Ослабленные войска Южного фронта (командующий — Р. Я. Малиновский) занимали оборону по левому берегу Дона, от Верхнекурмоярской до Азова. Семь армий, входивших в состав фронта, насчитывали по 17–20 тыс. человек каждая, лишь одна 51-я армия имела 40 тыс. солдат и офицеров. Войска переходили к обороне под непрерывными ударами противника. Северо-Кавказский фронт оборонялся северо-восточнее и восточнее побережья Азовского и Черного морей от Азова до Лазаревской. Через несколько дней после начала операции, 28 июля Южный и Северо-Кавказский фронты были объединены в один — Северо-Кавказский во главе с маршалом С. М. Будённым. Боевые действия нового фронта развернулись в полосе 1000 км. На следующий день фронт был разделен на две оперативные группы: Донскую во главе с генералом Р. Я. Малиновским и Приморскую под командованием Я. Т. Черевиченко[7]. Западно-Кавказский фронт во главе с генералом И. В. Тюленевым занял оборону на побережье Черного моря от Лазаревской до Батуми. Кроме того, его войска прикрывали границу с Турцией. Часть его войск дислоцировалась в Северном Иране и обеспечивала безопасность ирано-турецкой границы.

Черноморский флот, базирующийся в недостаточно благоприятных портах Новороссийска, Туапсе и Поти, оперативно был подчинен командующему Северо-Кавказским фронтом. Совместно с войсками этого флота действовала и Азовская флотилия.

Боевые действия развертывались на огромном пространстве, где характер местности был разнообразным. Его можно условно разделить на две части — северную и южную. Северная часть — Задонская степь и Северный Кавказ — позволяла проводить крупные операции с использованием всех родов войск. Здесь протекали реки Дон, Кубань и Терек, которые представляли серьезные преграды лишь в период весеннего паводка. Южная часть — горная: Главный Кавказский хребет и Закавказье были труднопреодолимыми преградами для войск. Применение здесь тяжелой техники и танков практически исключалось. Для ведения боевых действий требовались специально подготовленные части[8].

Еще в мае Ставка ВГК приказала подготовить на Северном Кавказе оборонительные рубежи: между Доном и Кубанью, по Тереку и на внешних оборонительных обводах, вокруг Тихорецка, Ворошиловска (Ставрополя), Грозного, Минеральных Вод и Краснодара. Военный совет Северо-Кавказского фронта приказал оборудовать на этих рубежах 580 батальонных районов обороны. Однако к началу боевых действий их было менее одной трети от намеченного количества. Существенными недостатками оборонительных рубежей являлись их слабая подготовка в противотанковом отношении и недостаточная маскировка[9].

Окончательные задачи немецким войскам, действовавшим на кавказском направлении, были уточнены в директиве верховного командования № 45 от 23 июля 1942 г.[10] В первую очередь группе армий «А» надлежало окружить и уничтожить советские войска, отошедшие за р. Дон, в районе южнее и юго-восточнее Ростова. Предназначенные для этого танковые и моторизированные соединения были сосредоточены на захваченных плацдармах в районе Константиновской и Цимлянской. Подвижным войскам предписывалось нанести удар на Тихорецк, а пехотным, егерским и горным соединениям — форсировать р. Дон в районе Ростова. После уничтожения группировки советских войск ниже Дона главной задачей группы армий «А» являлось овладение всем восточным побережьем Черного моря. Часть сил выделялась для обеспечения фланга. Им вменялось в задачу захватить район Грозного и перерезать Военно-Осетинскую и Военно-Грузинскую дороги, а в дальнейшем ударом вдоль Каспийского моря овладеть районом Баку. Другая группировка должна была форсировать Кубань, наступать на Майкоп, Армавир, захватить перевалы Главного Кавказского хребта, а впоследствии во взаимодействии с 11-й армией — Черноморским побережьем.

Для действий в горных условиях группе армий «А» был придан Итальянский альпийский корпус.

Сражения на ставропольском, краснодарском и майкопском направлениях

25 июля вражеские войска, поддерживаемые крупными силами авиации, перешли в наступление с плацдармов в нижнем течении Дона на сальском и краснодарском направлениях. Боевые действия с первого дня развивались драматически для советских войск. Соединения 4-й немецкой танковой армии устремились на Сальск, 1-й танковой — на Ворошиловск (Ставрополь), а 17-й полевой — от Ростова на Тихорецк. Южный фронт, не сумев удержать оборону по р. Дон, стал отходить на юг.

Удар 4-й танковой армии приняла на себя 51-я армия, имевшая в своем составе четыре стрелковые дивизии. Все соединения были в значительной степени ослаблены предыдущими напряженными боями, в ходе которых населенные пункты Николаевская, Константиновская и другие в течение дня несколько раз переходили из рук в руки[11]. Против них наступали две танковые, две моторизованные и две пехотные дивизии противника. Основные их усилия были сосредоточены против левого фланга армии, где оборонялись 91-я и 302-я стрелковые дивизии. Первые атаки врага были отражены. Значительно сложнее обстояло дело в полосе 37-й армии, против которой действовали главные силы 1-й танковой армии. Еще при отходе на р. Дон соединения 37-й армии понесли большие потери от вражеской авиации. Противник сравнительно легко прорвал плохо подготовленную оборону и вклинился на 15–20 км. Благополучнее дело обстояло на левом крыле Южного фронта, где оборонялись 12-я и 18-я армии. Им удалось отразить попытки врага форсировать р. Дон. Но соединения 18-й армии не смогли отбросить противника из района Батайска и ликвидировать захваченный им плацдарм. Воины 56-й армии отчаянно сражались до последней возможности и удерживали Ростов, обеспечивая отход частей 12-й и 18-й армий за р. Дон.

В действительности положение советских войск было еще сложнее. Они отходили за р. Дон с противником на плечах почти в прямом смысле. Возможности организовать оборону они не имели. Практически отсутствовал элементарный шанцевый инструмент, у инженерно-саперных частей не было противотанковых мин для создания минных заграждений[12].

В этот же день Ставка ВГК строго указала командованию Южного фронта на недопустимость подобных действий. В директиве говорилось: «Ставка... считает позором для командования Южного фронта, что оно, имея достаточно сил и средств, все же допустило захват автоматчиками противника южного берега р. Дона, и категорически требует... немедленно очистить южный берег от противника и прочно занять его от Верхнекурмоярской до Азова»[13].

27 июля начальник оперативного отдела генерального штаба сухопутных войск генерал А. Хойзингер передал начальнику штаба группы армий «А» следующие указания: «...из предмостного укрепления Ростов не нажимать слишком сильно на юг, чтобы не принудить противника к отступлению прежде, чем он будет окружен продвигающимся вперед левым флангом группы армий»[14]. Это свидетельствовало о том, что немецкое командование решило сначала окружить главные силы Южного фронта, а вместе с ними и весь Северо-Кавказский фронт, прикрывавший побережья Азовского и Черного морей.

Отступавшие войска Южного фронта в это время представляли собой плохо управляемую массу разрозненных, дезорганизованных соединений и частей. Штабы армий и дивизий не имели устойчивой связи со своими войсками и очень часто не знали их местонахождения. Управление во всех звеньях войскового организма от полка и выше носило неустойчивый эпизодический характер. Боевые распоряжения часто не соответствовали обстановке, так как до исполнителей если и доходили, то с большим опозданием. В результате плохо управляемые войска отходили без серьезного сопротивления[15]. И это не удивительно, если учитывать, что только 12-я и 18-я армии оставались еще относительно боеспособными. В двух армиях насчитывалось девять дивизий, но в них было по 300–1200 человек. В 37-й армии — четыре стрелковые дивизии по 500–800 человек в каждой. В 56, 9 и 24-й армиях остались только войсковые штабы и специальные части[16].

В разведывательном дозоре. Краснодарский край

На защите предгорий Кавказа

Ситуация складывалась не лучшим образом. 27 июля генерал Р. Я. Малиновский вынужден был отдать приказ об отходе войск на рубеж рек Маныч и Кагальник, где имел подготовленный, хотя и незначительный, оборонительный рубеж. Однако немцы, располагая превосходством в подвижных войсках, не дали соединениям фронта совершить планомерный отход. 28 июля части 17-й полевой армии заняли Азов и вышли к р. Кагальник, а 1-я танковая армия прорвалась в Манычскому каналу. Рассекая армии Южного фронта и нарушая управление, враг стремительно продвигался в Задонских и Сальских степях. Немцы рвались к Кавказу.

Недовольная действиями генерала Малиновского Ставка 28 июля объединила Южный и Северо-Кавказский фронты в один — Северо-Кавказский фронт со штабом в Армавире[17].

Оборонительные бои Красной армии при отходе к югу от Дона развернулись на рубеже р. Кагальник. На ставропольском и краснодарском направлениях советские войска пытались сдержать натиск агрессора, но безуспешно.

Войска Донской группы, ведя тяжелые оборонительные бои, не смогли противостоять яростным атакам вражеских танковых моторизированных соединений и вынуждены были отходить в южном и юго-восточном направлениях. Причем отход 57-й армии все больше увеличивал ее разрыв с 37-й армией. К концу июля он достигал уже 65 км. 40-й немецкий танковый корпус устремился в образовавшуюся брешь и вышел в район юго-восточнее и южнее Сальска. Соединения 51-й армии оказались отрезанными от основных сил Донской группы. Решением Ставки ВГК армия была передана в состав Сталинградского фронта. По приказу командующего Северо-Кавказским фронтом войска Донской группы начали отходить на юг, за р. Кубань.

В это время командование Закавказским фронтом по требованию Ставки приняло спешные меры по прикрытию грозненского и владикавказского направлений.

Войска Донской группы 2—4 августа, ведя тяжелые бои, продолжали отходить в южном и юго-восточном направлениях. 37-я армия, не успев занять оборону по левому берегу Кубани, отходила на Ворошиловск. Уже 3 августа подвижная группа 1-й немецкой танковой армии подошла к городу. Ворошиловск был сдан врагу практически без серьезного сопротивления: «Передовые части 3-й танковой дивизии 3 августа достигли г. Ворошиловска. Силы русских в этом населенном пункте не ожидали появления немцев, и после непродолжительных боев к 16 часам город находился уже в руках наступавших солдат вермахта. Контратака русских была успешно отражена»[18].

В это время 12-я армия отходила к р. Кубань и к исходу 5 августа переправилась на ее левый берег. Связь со штабом Донской группы была утеряна. По указанию командующего фронтом 12-я армия была передана в состав Приморской группы. В распоряжении Р. Я. Малиновского оставалась только 37-я армия, которая удерживала Невинномысск и прикрывала армавирское направление.

Особенно тяжелая обстановка складывалась для войск Приморской группы. Перед ними стояла задача остановить противника на р. Кагальник и не допустить дальнейшего его продвижения на юг. Однако выполнить эту задачу группа не смогла. 29 июля противник, наступая на краснодарском направлении, форсировал передовыми частями р. Кагальник в районе Новобатайска и, не встречая сколько-нибудь серьезного сопротивления со стороны 18-й армии, продолжил наступление в южном направлении. На помощь 56-й и 18-й армиям, принявшим на себя удар основных сил 17-й полевой армии, командующий фронтом бросил 17-й кавалерийский корпус с задачей нанести контрудар в направлении Батайска по вклинившемуся противнику. Однако намеченный удар не состоялся, так как приказ в штаб корпуса был доставлен с большим опозданием. 30 июля корпус перешел к обороне по южному берегу р. Ея. В связи с угрозой выхода врага в район Краснодара маршал С. М. Будённый еще 30 июля приказал 18-й армии занять оборону по левому берегу р. Куго-Ея. Завязались ожесточенные бои. Там, где оборонялись части кавалерийского корпуса, враг не прошел.

Не сумев сломить конников, командующий 17-й немецкой армией перенес основные усилия против 18-й и 12-й армий, в обход позиций, которые занимал 17-й кавалерийский корпус. Правый фланг 18-й армии оказался открытым, так как соединения 12-й армии вы-

нуждены были отойти. В разрыв между Приморской и Донской оперативными группами устремился 17-й танковый корпус противника, угрожая выходом к Тихорецку и далее на Краснодар. 18-я армия под угрозой окружения стала в беспорядке отступать.

Положение войск Приморской группы ухудшалось с каждым часом. Маршал Будённый вынужден был отдать приказ 18-й армии «отвести войска армии на южный берег реки Кубань, где к 7 августа занять оборону на рубеже Ладожская, Васюринская»[19]. Соединения и части 12-й армии переходили к обороне по левому берегу р. Кубань от Армавира до Ладожской. Слева от нее по Краснодарскому оборонительному обводу оборонялась 56-я армия, а 17-й кавалерийский корпус был выведен во второй эшелон.

В последующие дни положение Приморской группы значительно ухудшилось. Ее войска, сдерживая наступление противника, провели ряд тяжелых оборонительных боев на рубежах рек Ея, Сосыка, Челбас, Бейсуг. Однако, уступая противнику в силах и средствах, войска группы вынуждены были отходить в южном направлении.

С 6 августа немцы одновременно с наступлением 1-й танковой армии на армавирско-майкопском направлении, после боев на р. Ея, силами 17-й полевой армии нанесли удар на Краснодар. Наступая с двух направлений (из района Тихорецкой и Каневской), противник к 10 августа подошел к Краснодару и завязал бои в городе. Через два дня, 12 августа, части 56-й армии оставили Краснодар и отошли на южный берег р. Кубань.

Не сумев окружить советские войска между реками Дон и Кубань, немецкое командование решило изменить направление главного удара, направив 1-ю танковую армию на Армавир — Майкоп с задачей окружить войска Северо-Кавказского фронта, оборонявшиеся за Кубанью, и прорваться к Туапсе.

К началу наступления на майкопском направлении 1-я немецкая танковая армия, захватив Ворошиловск, вышла на ближние подступы к Невинномысску и р. Кубань на фронте Барсуковская — Кропоткин. Соединения 17-й полевой армии наступали на краснодарском направлении. 49-й горнострелковый корпус к этому времени был сосредоточен в районе Тихорецка и готовился к прорыву через перевалы Главного Кавказского хребта западнее горы Эльбрус в Закавказье.

Войска Приморской группы Северо-Кавказского фронта силами 12-й армии и 1-го отдельного стрелкового корпуса к 5 августа отошли на левый берег рек Кубань и Уруп и занимали оборону на рубеже Советская — Армавир — Отрадо-Ольгинское — Духовской — Ладожская. 18-я армия вела бои с передовыми частями противника на р. Бейсуг от Казанской до Березанской. 17-й кавалерийский корпус занимал оборону на р. Бейсуг на участке Березанская — Батуринская и готовился к нанесению контрудара в направлении Ирклиевская — Старый Челбас. 56-я армия занимала Краснодарский обвод на рубеже Васюринская — Динская — Ново-Титаровская — Марьянская, не имея соприкосновения с противником.

Таким образом, к исходу 5 августа положение Приморской группы продолжало оставаться тяжелым. Противник имел значительное превосходство в силе. Не прикрытый войсками разрыв между Донской и Приморской группами фронта достиг 80—100 км. Правое крыло Приморской группы вновь оказалось открытым. Тяжелая обстановка на правом крыле группы усугублялась еще и тем, что на фланге стояли слабые части 1-го отдельного стрелкового корпуса, которые в предыдущих боях понесли значительные потери. Соединения 12-й армии были также малочисленны, слабо вооружены. Протяженность фронта ее обороны достигла 115 км. В частях армии и корпуса ощущался острый недостаток в снарядах и минах[20].

6 августа враг после авиационного налета с боем овладел Армавиром и, охватывая правое крыло Приморской группы с юго-востока, продолжил наступление на Майкоп. Стремясь прорваться к майкопскому нефтяному району и выйти к Черноморскому побережью в районе Туапсе, немецкое командование бросило на это направление шесть дивизий, из них две танковые, три моторизованные и одну легкопехотную 1-й танковой армии.

В результате ожесточенных боев с 5 по 8 августа соединения 1-го отдельного стрелкового корпуса и 12-й армии не смогли сдержать натиск врага и начали отходить к р. Лаба. На краснодарском направлении противник вышел к Краснодарскому обводу. Войска Приморской

группы в результате тяжелых оборонительных боев на своем правом крыле к исходу 8 августа отошли на 40–50 км. Они сдерживали натиск врага на реках Лаба, Кубань и на Краснодарском обводе. 47-я армия занимала оборону на Таманском полуострове и Черноморском побережье до Новороссийска. 17-й кавалерийский корпус был выведен на левый берег Кубани.

Части береговой обороны Азовской военной флотилии эвакуировались из Ейска и Приморско-Ахтарской на Таманский полуостров. Ее 144-й батальон морской пехоты занимал оборону по р. Протока в районах Славянской и Петровской. Силы береговой обороны Новороссийской военно-морской базы Черноморского флота вели оборонительные работы в районе Новороссийска.

В этой обстановке, грозившей прорывом врага в район Туапсе, Ставка потребовала от командующего Северо-Кавказским фронтом усилить сопротивление противнику. Особое внимание она обращала на прикрытие направлений на Майкоп, Туапсе и Новороссийск. Ставка ВГК предупредила маршала С. М. Будённого, что он несет личную ответственность за то, чтобы не пропустить противника к Туапсе[21].

Маршал Будённый приказал командующему 12-й армией отвести войска на левый берег р. Лаба и занять там прочную оборону. Одновременно с этим ему надлежало принять в свое подчинение часть сил (две стрелковые дивизии и две бригады) 18-й армии с занимаемыми ими участками обороны на рубеже Красное — Адамий. В то же время 18-й армии предписывалось остальными силами (три стрелковые дивизии, мотодивизия НКВД, майкопский и белореченский гарнизоны) прикрыть майкопско-туапсинское направление и не допустить прорыва противника на рубежи Белореченская — Туапсе и Майкоп — Туапсе. 17-й кавалерийский корпус был нацелен на нанесение утром 9 августа контрудара в направлениях Хакуринохабль — Темиргоевская и Чернышев — Воздвиженская. Для усиления обороны туапсинского направления командующий фронтом вывел в свой резерв 32-ю гвардейскую стрелковую дивизию, перебросив ее с Таманского полуострова в район Навагинская — Шаумян.

Командующий 18-й армией разбил имевшуюся в его распоряжении артиллерию на две части: одна (59 орудий и 60 минометов) — для поддержки частей, оборонявших район Майкопа; вторая (54 орудия и 24 миномета) — для поддержки частей, прикрывавших туапсинское направление северо-западнее Майкопа. Кроме того, на этих направлениях были созданы и небольшие артиллерийские противотанковые резервы.

В течение четырех дней, с 8 по 12 августа, на правом крыле Приморской группы на рубежах рек Кубань, Лаба и Белая шли ожесточенные бои, особенно напряженные — в районах Курганной, Гиагинской, Келермесской, Белореченской, Майкопа. Обе стороны несли большие потери. Противник превосходил советскую армию, особенно в танках и авиации. 12 августа враг в районе Белореченской с ходу захватил плацдарм на левом берегу р. Белая. На краснодарском направлении в это время немцы овладели Краснодаром и вышли к Кубани на участке Васюринская — Марьянская.

Обстановка в полосе Приморской группы резко обострилась. 9 августа начальник генерального штаба вермахта Ф. Гальдер в своем дневнике записал: «На юге заняты Краснодар и Майкоп. Впечатление, что русские войска южнее Дона разбегаются и пытаются сейчас уйти вместе со скопившимися в северо-западной части Кавказа войсками к побережью... Это впечатление усиливается»[22].

18-я армия, выведенная на правое крыло Северо-Кавказского фронта, вела бои, прикрывая подходы к перевалам Главного Кавказского хребта в районах Хамкетинская, Новосвободная, Абадзехская, Дагестанская. 17-й кавалерийский корпус после безуспешных контрударов отошел за р. Белая и вел бой с группировкой противника, прорвавшейся в район Майкоп — Полтавский. 12-я армия, оставив рубеж на р. Лаба, отошла к р. Белая и закрепилась на ее противоположном берегу, а частью сил готовила оборону по р. Пшиш. 56-я армия после боев на Краснодарском обводе отошла на левый берег Кубани. 47-я армия вела бои с частями румынского кавалерийского корпуса в районе Славянской, а остальными силами занимала и готовила в инженерном отношении оборону в районах Крымской, Варениковской

Немецкие солдаты у горящих нефтяных скважин Майкопа

Артиллеристы ведут огонь прямой наводкой по противнику из 45-мм противотанковой пушки

Вражеские солдаты на подступах к майкопским нефтехранилищам

ской, Новороссийска. Оборона Таманского полуострова была передана частям береговой обороны Черноморского флота.

Противник, захватив районы Майкопа и Белореченской, 13 августа усилил свой натиск на туапсинском направлении. Здесь действовали 16-я моторизованная, 101-я легкопехотная, 13-я танковая дивизии, моторизованная дивизия СС «Викинг» и 97-я легкопехотная дивизия, пытаясь окружить соединения 18-й армии. Продвигаясь вдоль железной дороги, врагу удалось захватить район Гурийская — Тверская. На правом крыле группы противник потеснил отряды 9-й мотодивизии НКВД и завязал бои за Каменномостскую. В этот же день части 17-й полевой армии из района Краснодара пытались перейти в наступление в направлении Горячий Ключ — Туапсе, но безуспешно.

В этих условиях командующий Северо-Кавказским фронтом уточнил задачу войскам Приморской группы: 18-й армии приказывалось прочно закрыть все горные проходы, выводящие к Черноморскому побережью, не допуская прорыва противника к Туапсе; 12-й армии — отойти на рубеж Кабардинская — Кутаисская — Бакинская и закрепиться, прикрывая направление на Туапсе и Джубгу; 17-му кавалерийскому корпусу — обеспечить отход войск 12-й армии; 56-я армия получила задачу прочно удерживать берег Кубани, а правофланговые соединения к утру 15 августа отвести на рубеж Бакинская — Шенджий — Георгие-Афипская; резерву фронта — 32-й гвардейской стрелковой дивизии предписывалось подготовить для обороны Пшиш и Навагинскую, перевал Гойтхский и закрыть все проходы, выводящие на Туапсе из районов Нефтегорска, Хадыженского, Горячего Ключа.

После ожесточенного сопротивления войска правого крыла Приморской группы, практически лишенные авиационной поддержки, под воздействием превосходящих сил оставили Майкопский нефтяной район.

За боевыми немецкими частями шли «нефтяные бригады», укомплектованные специалистами-нефтяниками, общая численность которых составляла 15 тыс. человек. В Германии был создан ряд специальных фирм — «Немецкая нефть на Кавказе», «Ост-Оль», «Карпатен-Оль». В целом задача возобновления добычи нефти возлагалась на специально созданную экономическую инспекцию «А», которой подчинялись экономические управления на оккупированной территории Кавказа. Созданные фирмы получили от германского правительства монопольное право на разработку и освоение нефтяных месторождений на 99 лет. Для разработки месторождений было завезено большое количество труб, которые позже достались советским войскам в качестве трофеев. Бомбить нефтепромыслы и нефтеперерабатывающие заводы немецкое командование запрещало. Специально для охраны занимаемых нефтяных объектов были подготовлены охранный полк СС и так называемый Казачий полк.

Однако надежды немцев захватить горючее и нефть не сбылись. Основные запасы были заблаговременно вывезены, буровые скважины разрушены, а оборудование либо спрятано в земле, либо эвакуировано. После занятия нефтепромыслов противнику восстановить их практически не удалось. Только в районе Майкопа они смогли пробурить несколько скважин, которые, впрочем, не имели большого значения. Так, на хадыженских и ильских промыслах немцам удалось добыть около 10 тыс. тонн нефти, что составляло всего полпроцента от довоенной добычи Германии. Кроме того, большая часть этой нефти была уничтожена партизанами, а оставшуюся противник не успел переработать из-за поспешного отхода своих войск, тем более что восстановить нефтеперерабатывающие заводы он не смог[23].

Захватив Майкоп, передовые части 1-й танковой армии Клейста в тот же день ворвались в Пятигорск, в 240 км к востоку от Майкопа, у подножия Кавказских гор. Часть сил армии наступала восточнее, в направлении Будённовска. Попытки немцев прорваться к побережью Черного моря через предгорья западной части Главного Кавказского хребта встретили упорное сопротивление. Соединения 17-го кавалерийского корпуса генерала Н. Я. Кириченко стойко обороняли дальние подступы к станции Хадыженская, а также Туажинское шоссе. За эти бои он был преобразован в 4-й гвардейский Кубанский казачий кавалерийский корпус[24]. В районе Горячего Ключа (78 км западнее Майкопа) вела борьбу с врагом 30-я Иркутская стрелковая дивизия.

Продолжались ожесточенные бои в полосе 56-й армии. Войска 17-й полевой немецкой армии, захватив Краснодар, попытались с ходу преодолеть р. Кубань, но были отбиты воинами 56-й армии. Лишь 14 августа противник сумел захватить небольшие плацдармы в районе Пашковской и Адыгеи. В то же время врагу удалось войти в район Тверской и Гуритской. Создалась угроза выхода неприятеля в тыл 12-й и 56-й армий.

Маршал Будённый отдал распоряжение на отвод правофланговых соединений 56-й армии на рубеж Букинская — Гатлукай — Шенджий. Воспользовавшись этим, противник ускорил переброску своих войск через Кубань и нанес удар в направлении Горячий Ключ — Туапсе, воспретив отходившим соединениям 56-й армии закрепиться на указанном рубеже. Лишь 17 августа им удалось остановить врага на рубеже Пятигорск — Дербент. Левофланговые соединения 56-й армии продолжали удерживать позиции на левом берегу Кубани.

Отход правого фланга 56-й армии от р. Кубань заставил командующего 12-й армией отдать распоряжение об отступлении своих левофланговых соединений. К 16 августа они закрепились на рубеже Кабардинская — Хатыпс.

К 17 августа Приморской группе Северо-Кавказского фронта удалось остановить наступление врага на майкопско-туапсинском направлении. Несмотря на прорыв обороны Приморской группы, решить основную задачу — окружить советские войска, овладеть Туапсе, выйти к Черному морю — противник не смог. Немецкое командование вынуждено было временно прекратить наступление на этом направлении.

В результате боев с 25 июля по 17 августа советские войска потерпели поражение и были отброшены от Дона и Кубани, а затем к западным предгорьям Кавказа. По немецким данным, в период с 1 июля по 10 августа группа армий «А» пленила 309 тыс. воинов Южного и Северо-Кавказского фронтов[25], потеряв при этом 54 тыс. человек. Несмотря на это, войскам Северо-Кавказского фронта удалось стабилизировать положение.

Оборонительная операция в предгорьях Главного Кавказского хребта

В середине августа командование группы армий «А», считая, что в боях на Северном Кавказе войска Красной армии утратили боеспособность, приступило к переформированию своих войск с целью продолжения наступления. Оно готовило удары сразу на трех направлениях. 1-я танковая армия поворачивала на восток для наступления севернее Главного Кавказского хребта в направлении на Грозный, Махачкалу и Баку. 17-й полевой армии предписывалось занять Черноморское побережье и наступать вдоль него в юго-восточном направлении на Сухуми, а впоследствии на Батуми и Тбилиси. На Сухуми, Зугдиди и Батуми наступали моторизированная дивизия СС «Викинг» и 1-я словацкая моторизированная дивизия 57-го танкового корпуса. 44-й артиллерийский корпус наносил два удара: один — совместно с частями 57-го танкового корпуса на Туапсе, а другой — от Майкопа на Адлер. После захвата 57-м танковым корпусом Сухуми части 44-го армейского корпуса поворачивали через Сурамский хребет на Тбилиси. 5-й артиллерийский корпус получил задачу наступать на Крымскую, Анапу и захватить Новороссийск. Румынский кавалерийский корпус нацеливался на захват Таманского полуострова[26].

В связи с продвижением немцев в глубь Северного Кавказа советское командование в конце июля — начале августа предприняло ряд дополнительных мер по усилению обороны Кавказа. К началу битвы на Кавказе Закавказский фронт в своем составе имел три армии (44, 45, 46-я) — всего 20 стрелковых дивизий и бригад, три кавалерийские дивизии, три танковые бригады, пять стрелково-пулеметных батальонов, 12 артиллерийских, пять зенитных артиллерийских и 14 авиационных полков, 13 бронепоездов, а также запасные части.

Соединения 44-й армии прикрывали подступы с Северного Кавказа к Махачкале — Баку. 46-я армия обороняла побережье Черного моря от Лазаревской до границы с Турцией и госу-

Разведчики бригады морской пехоты вступили в схватку с противником

Плакат С. Алейникова. 1941 г.

Плакат А. Ситтаро. 1941 г.

Плакат В. Пинчука. 1942 г.

Плакат В. Иванова, О. Буровой 1942 г.

Плакат В. Серова. 1942 г.

Плакат Н. Жукова. 1942 г.

Плакат А. Казанцева. 1943 г.

Плакат В. Иванова. 1943 г.

дарственную границу СССР с Турцией до Ахалкалаки. Остальную часть границы с Турцией и частично с Ираном защищали соединения 45-й армии. 15-й стрелковый корпус располагался в Иране. Фронтовые резервы (стрелковая дивизия, танковая бригада, два артполка РГК, два гвардейских минометных полка) находились в районе Тбилиси. Всего у фронта имелось 926 орудий, 746 минометов, 221 танк (в том числе Т-34-20, КВ-10), 164 исправных самолета. Кроме того, в Закавказье дислоцировались запасные авиаполки, авиашколы — всего 800 самолетов[27].

По мере приближения немецких войск к Грозненскому нефтяному району и Главному Кавказскому хребту войскам НКВД наряду с Красной армией был отдан приказ о защите Владикавказского, Грозненского и Махачкалинского особых оборонительных районов. Для руководства обороной перевалов Главного Кавказского хребта при штабе Закавказского фронта была создана оперативная группа НКВД. Под контролем войск НКВД оказались центральная и северо-восточная части Северного Кавказа. Особенностью системы управления войсками на Северном Кавказе являлось существование параллельных структур управления Красной армией и войсками НКВД[28], общее руководство войсками НКВД на Кавказе осуществлял генерал И. Н. Кирюшин, заместитель начальника Главного управления внутренних войск НКВД[29].

В ходе июльских боевых действий Северо-Кавказского фронта оказалось, что прикрытие Кавказа с севера почти отсутствовало. Лишь в некоторых районах оборонительные работы вели части 44-й армии. Полоса от Махачкалы до горы Эльбрус вообще не была занята войсками. Лишь 29 июля начальник Генерального штаба генерал А. М. Василевский в ходе переговоров с командующим Закавказским фронтом генералом И. В. Тюленевым от имени Ставки отдал распоряжение «немедленно подготовиться к прочной обороне всех подступов к Закавказью с севера», при этом особое внимание следовало обратить на прикрытие направления Кизляр — Махачкала — Дербент. А на следующий день генерал Тюленев получил директиву Генерального штаба об организации обороны на подступах к Закавказью с севера. Занятие районов обороны фронт должен был завершить к 7–8 августа[30].

В соответствии с этой директивой Военный совет Закавказского фронта разработал план обороны, который Ставка утвердила 4 августа. Суть его состояла в следующем: для обороны подступов к Закавказью с севера Закавказский фронт выводил часть сил на рубеж р. Терек от устья до Майской и р. Урух, далее по Главному Кавказскому хребту до Лазаревской с задачей на указанном рубеже остановить противника, продолжая остальными силами совершенствовать оборону Черноморского побережья и укреплять юго-западную и южную государственные границы.

Оборона на рубеже рек Терек и Урух была разбита на два армейских участка — 44-й армии и армейской группы генерала В. Н. Курдюмова. 44-я армия организовывала оборону на правом фланге от устья р. Терек до Червленной с задачей во взаимодействии с Каспийской военной флотилией остановить противника, не допустив форсирования им р. Терек. Кроме того, в глубине создавались оборонительные рубежи по р. Сулак и от Махачкалы до Буйнакска, а также тыловые оборонительные рубежи в районе Дербентских ворот по р. Самур. Армейской группе генерала В. Н. Курдюмова поручалась организация обороны в полосе от Червленной до Майской и далее по р. Урух. Особое внимание уделялось созданию обороны Грозного и Владикавказа, Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дорог. Защита Главного Кавказского хребта от Мамисонского перевала на запад была возложена на соединения и части 46-й армии с задачей прочно оборонять перевалы Рокский, Бечо, Клухорский, Марухский, Псеашха и Белореченский. Остальные перевалы и проходы, незанятые войсками, было приказано подорвать и сделать их непроходимыми. Кроме того, армия, взаимодействуя с Черноморским флотом, должна была оборонять побережье Черного моря от Лазаревской до границы с Турцией.

Таким образом, на рубежах рек Терек, Урух, Сулак и на перевалах Главного Кавказского хребта войсками Закавказского фронта создавалась глубоко эшелонированная оборона, опирающаяся на естественные препятствия. Кроме того, создание основного оборонительного рубежа по линии рек Терек и Урух давало советским войскам ряд преимуществ.

Результат боя в районе Моздока — вражеская боевая машина остановлена!

Взвод лейтенанта Серегина отражает атаку противника

Во-первых, рубеж рек Терек и Урух являлся надежной водной преградой, прикрывающей восточный участок Главного Кавказского хребта с севера, при этом части Красной армии, занимая оборону по южному берегу, имели перед собой открытую местность, позволяющую вести наблюдение за действиями противника. Во-вторых, владея территорией между реками Терек и Урух, а также Главным Кавказским хребтом с достаточно развитой сетью железных, шоссейных и грунтовых дорог, советские войска имели оперативные просторы для маневра. И наконец, в-третьих, за Красной армией сохранялся крупный центр нефтегазодобывающей и перерабатывающей промышленности — Грозный, а также такие крупные административно-политические центры, как Махачкала и Орджоникидзе (Владикавказ).

Одновременно с подготовкой оборонительных рубежей Закавказский фронт был усилен значительными резервами. Через Каспийское море в трудных условиях на этот фронт из резерва Ставки с 6 августа по сентябрь 1942 г. были переброшены два гвардейских стрелковых корпуса (бригадного состава) отдельных стрелковых бригад[31].

С приближением немецких войск к Главному Кавказскому хребту и обострением угрозы их прорыва на бакинском направлении, на рубеже рек Терек и Баксан, на правом крыле Закавказского фронта 8 августа 1942 г. была создана Северная группа войск, в которую вошли 44, 9 и 58-я армии. 11 августа ей была передана также 37-я армия, а позднее в нее вошли и остальные силы Донской оперативной группы. Командующим Северной группой войск был назначен заместитель наркома внутренних дел генерал-лейтенант И. И. Масленников. Кроме того, на направлении наступления противника были созданы особые оборонительные районы. Их основу составили вновь сформированные Орджоникидзевская, Грозненская и Махачкалинская стрелковые дивизии войск НКВД[32]. Для обороны Нальчикского укрепленного района выделялась 11-я стрелковая дивизия, а Гудермесского района — 19-я дивизия войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности. Для борьбы с диверсионно-разведывательными группами противника в южной части Главного Кавказского хребта была сформирована Тбилисская стрелковая дивизия. В обороне перевалов Черноморского побережья участвовала Сухумская стрелковая дивизия войск НКВД[33]. Общая численность внутренних войск на Кавказе в августе — сентябре 1942 г. в среднем составляла 65 тыс. человек[34].

Во второй половине августа без какой-либо паузы противник перешел в наступление почти одновременно на всех операционных направлениях. Начались боевые действия в предгорьях Главного Кавказского хребта. 19 августа ожесточенные сражения развернулись на новороссийском направлении, за Таманский полуостров, на моздокско-малгобекском направлении.

Войска Северо-Кавказского фронта после отхода к предгорьям западной части Главного Кавказского хребта закрепились силами 18, 12 и 56-й армий на рубеже Хамышки (Алексеевская) — Нефтегорск — Кабардинская — Ставропольская — Азовская. 47-я армия, оборонявшая Таманский полуостров, организовала прикрытие Новороссийска с востока и северо-востока. Между 56-й армией, отошедшей в южном направлении, и 47-й армией к этому времени образовался разрыв от Азовской до Абинской протяженностью около 40 км.

Против войск Северо-Кавказского фронта действовала 17-я полевая армия, которая была усилена за счет войск, переброшенных из Крыма на Таманский полуостров. К сожалению, командование Северо-Кавказского фронта, сосредоточив силы в районе туапсинского горного прохода, недооценило новороссийское направление.

После захвата противником Краснодара и создавшейся угрозы прорыва на туапсинском и новороссийском направлениях Ставка 10 августа потребовала организовать прочную оборону Новороссийска. С Таманского под Новороссийск была переброшена 77-я стрелковая дивизия, а оборона полуострова полностью возложена на Черноморский флот[35].

Для объединения управления силами и средствами в районе Новороссийска командующий Северо-Кавказским фронтом создал Новороссийский оборонительный район (НОР). В его состав вошли соединения 47-й армии, части береговой обороны Азовской военной флотилии, Темрюкской, Керченской и Новороссийской военно-морских баз, сводная авиагруппа. Возглавил НОР командующий 47-й армией генерал Г. П. Котов.

15 августа противник начал наступление на Горячий Ключ, а через четыре дня, 19 августа, две его пехотные дивизии (73-я и 9-я) неожиданно повернули на запад, в сторону Крымской (24 км северо-восточнее Новороссийска) и на юг — на Шапсугскую (25 км восточнее Новороссийска). На новороссийском направлении развернулись напряженные бои. Соединения 47-й армии, поддержанные частями морской пехоты Черноморского флота, сдерживали натиск врага. 20 и 21 августа противник прорвался к станциям Крымской и Абинской. Имея четырехкратное преимущество, он захватил эти станции, создав угрозу прорыва через перевалы к Новороссийску. К исходу 23 августа враг захватил Неберджаевскую и Нижне-Баканский. Он начал обстреливать порт и сам город, но сломить сопротивление частей 47-й армии и Черноморского флота не смог.

Командование 17-й немецкой армии, обнаружив вывод советских войск с Таманского полуострова, изменило направление своего удара. Оставив в районе Горячего Ключа одну пехотную дивизию, другую немцы перебросили на помощь 4-му румынскому кавалерийскому корпусу. Эта группировка сумела обойти предгорье, выйти на побережье и 31 августа захватила Анапу. Действовавшие на Таманском полуострове части морской пехоты оказались отрезанными от основных сил фронта. Корабли Азовской военной флотилии вынуждены были прорываться в Черное море. Благодаря исключительной организованности, смелости и отваге всех моряков из 217 судов, направленных в Черное море, 144 успешно прорвались через Керченский пролив. 73 погибли от атак авиации и артиллерийского минометного огня противника. Кроме того, 14 кораблей были взорваны в азовских базах из-за невозможности вывести их в море[36].

Еще 27 августа в целях улучшения организации управления войсками Новороссийского оборонительного района Военный совет НОР разделил его на семь секторов[37]. Однако разделение оборонительного района на секторы ожидаемой четкости в управление войсками не внесло, так как командующий НОР по-прежнему отдавал распоряжения непосредственно командирам соединений и частей. Это сковывало инициативу командиров секторов, мешало им оперативно реагировать на изменение обстановки и в определенной степени сказалось на отражении очередного наступления противника на Новороссийск.

К 1 сентября под Новороссийском и на Таманском полуострове складывалась напряженная обстановка. Противник вышел к внешнему обводу Новороссийского оборонительного района. 47-я армия получила распоряжение главные усилия сосредоточить на направлении Новороссийск — Неберджаевская и Новороссийск — Верхне-Баканский. Армия усиливалась резервами, а для обороны Новороссийска была сформирована 2-я сводная бригада морской пехоты.

В целях удобства управления и улучшения снабжения войск, действовавших на кавказском направлении, Ставка ВГК 1 сентября объединила Северо-Кавказский и Закавказский фронты в один — Закавказский под командованием И. В. Тюленева. Управление Северо-Кавказского фронта было преобразовано в Черноморскую группу войск, которую возглавил генерал Я. Т. Черевиченко[38] (с 17 октября — И. Е. Петров). В ее состав вошли 12, 18, 47 и 56-я армии, 4-й гвардейский кавалерийский корпус.

2 сентября немецкое командование, ободренное результатами наступления последних дней, приступило к проведению неоднократно откладывавшейся операции «Блюхер-II» по форсированию Керченского пролива[39].

В ночь на 3 сентября противник начал переправу из Крыма через Керченский пролив дивизий 42-го армейского корпуса. До 5 сентября три батальона морской пехоты вели ожесточенные бои с высаживавшимися войсками противника и отражали атаки его частей, наступавших на Таманский полуостров с востока. 5 сентября по приказу командования моряки организованно эвакуировались морем в Геленджик. Последним покинул Таманский полуостров 305-й батальон морской пехоты, прикрывавший эвакуацию.

Одновременно с высадкой войск на Таманский полуостров из Крыма противник упорно рвался в Новороссийск с севера из района Неберджаевской и Нижне-Баканского, а также с запада — из района Верхне-Баканского. Вскоре противник овладел перевалом Волчьи

Расчет противотанкового ружья и пулеметчик занимают позиции на берегу речки

Бронепоезд «За Родину» с 76-мм универсальными морскими пушками.
Северо-Кавказский фронт

Ворота, Абрау-Дюрсо и Южной Озерейкой. Усилив свою новороссийскую группировку за счет войск, переброшенных из Крыма, противник перешел в решительное наступление на Новороссийск. Три пехотные и две кавалерийские дивизии с тремя батальонами танков при мощной поддержке авиации рвались в город с севера и запада, там, где подступы к Новороссийску оказались наиболее неподготовленными к обороне. Начались бои в городе. 7 сентября противник захватил железнодорожный вокзал, потом элеватор и порт.

8 сентября НОР и 47-й армию возглавил генерал А. А. Гречко, командовавший до того 12-й армией[40].

Несмотря на упорное сопротивление, оказываемое врагу 47-й армией, моряками Черноморского флота и Азовской военной флотилией, к утру 10 сентября была оставлена большая часть Новороссийска. К 11 сентября в результате кровопролитных, ожесточенных боев Красная армия остановила противника в юго-восточной части города и не допустила прорыва к Туапсе. Некоторый спад накала борьбы в связи с этим дал возможность советским войскам произвести перегруппировку и пополнение частей.

До 15 сентября войска левого фланга 47-й армии отбивали атаки противника, безуспешно пытавшегося прорваться вдоль побережья Черного моря к Туапсе. К 15 сентября оборона 47-й армии стабилизировалась на рубеже Эриванский — Узун — Гостагаевская — восточная окраина Новороссийска.

Большую помощь защитникам Новороссийска оказали корабли Черноморского флота. Их огонь по войскам противника в районах Нижне-Баканского и Неберджаевской был весьма эффективен[41]. В период напряженных действий за Новороссийск корабли Черноморского флота осуществляли основной объем войсковых перевозок. Сражающимся защитникам города они доставляли боеприпасы, продовольствие и пополнение, а из Новороссийска вывозили гражданское население[42].

Не сумев прорваться через Новороссийск, противник попытался нанести удар в тыл войскам НОР, отрезать их от остальных сил и выйти к Черному морю в районе Геленджика. 19 сентября перешли в наступление три вражеские дивизии (9-я и 73-я немецкие пехотные и 3-я румынская горнострелковая) в общем направлении Шапсугская — Геленджик. При поддержке авиации и артиллерии им удалось прорвать оборону 216-й стрелковой дивизии и продвинуться к 22 сентября на 5–6 км. Для отражения наступления были выдвинуты: 77-я стрелковая дивизия полковника Е. Е. Кабанова — в район Эриванского, а 1-я и 2-я бригады морской пехоты под командованием полковника Д. В. Гордеева и подполковника М. П. Кравченко — в район Шапсугской. Сюда же была подтянута артиллерия. Кроме того, 24 сентября в район Эриванского была направлена часть сил 408-й армянской стрелковой дивизии[43]. В разгоревшихся 23–26 сентября боях вклинившийся противник был отброшен. Из-за понесенных крупных потерь 3-я румынская горнострелковая дивизия была выведена на переформирование. С 26 сентября немецкое командование перешло к обороне, так как наступательный потенциал оказался исчерпан.

Так завершилась Новороссийская оборонительная операция, длившаяся больше месяца. На новороссийском направлении с 27 сентября противник перешел к обороне, и все его дальнейшие попытки наступать здесь решительно отражались советскими войсками. И даже захватив Новороссийск, немцы не смогли использовать его в качестве своей военно-морской базы, так как восточная часть Цемесской бухты оставалась в руках советских войск, которые полностью контролировали бухту и подходы к ней. В боях за Новороссийск противник потерял около 14 тыс. солдат и офицеров, 47 танков, 95 орудий и минометов, 25 самолетов, 320 автомашин[44].

Одновременно с ожесточенными боями под Новороссийском противник 1 сентября начал наступление на моздокско-малгобекском направлении. Немецкое командование планировало ударами мощных танковых и механизированных группировок прорвать оборону войск Закавказского фронта и в короткий срок овладеть Грозненским и Бакинским нефтяными районами. Для выполнения этих задач против Северной группы войск была сосредоточена 1-я танковая армия. Большая часть ее соединений находилась на моздокском и нальчикском направлениях[45].

Северная группа войск к началу сентября занимала и совершенствовала оборону по южному берегу рек Терек и Баксан. Ее задача заключалась в прочном удержании занимаемого рубежа, истреблении противника активной обороной и накапливании сил и средств для перехода к активным наступательным действиям. В первом эшелоне группы находились 44, 9 и 37-я армии, во втором — 58-я армия. Прикрытие с воздуха боевых действий наземных войск и наиболее важных объектов обеспечивала 4-я воздушная армия.

К 1 сентября 1942 г. на правом крыле Закавказского фронта, от Каспийского моря по рубежу рек Терек и Баксан до Гунделена, на протяжении 400 км оборонялась Северная группа войск (44, 9 и 37-я армии). В центре, между Северной и Черноморской группами войск, на рубеже в 400 км находилась 46-я армия, которая была подчинена непосредственно фронту. На 260-километровом левом крыле защищалась Черноморская группа войск (12, 18, 47, 56-я армии, кавалерийский корпус).

Боевые действия на моздокско-малгобекском направлении с 1 по 28 сентября 1942 г. называют Моздок-Малгобекской оборонительной операцией. На первом этапе (1—18 сентября) 9-я и 37-я армии отражали наступление противника, а 10-й гвардейский стрелковый корпус осуществлял контрудар вдоль северного берега Терека из района Червленой на Ищерскую. На втором этапе (19—28 сентября) противнику удалось прорваться к Эльхотову и захватить плацдарм на западном берегу Терека в районе населенных пунктов Пришибская, Майский, Котляревская.

В ночь на 2 сентября 111-я и 370-я пехотные дивизии немцев, усиленные танками, начали форсирование Терека южнее Моздока. К 8 часам утра противник перебросил на южный берег реки до полка пехоты с танками и ворвался в Предмостный и Кизляр. Попытки отбросить немцев обратно успеха не имели. В течение 3 и 4 сентября они заняли станицу Терскую и вышли к предгорьям Терского хребта. К этому времени люфтваффе испытывало сильный недостаток в исправных боевых машинах. Один из немецких летчиков — участников тех событий вспоминал: «Во время боев на Тереке исправным было едва ли больше одного звена из четырех машин. Поэтому на задание мы обычно вылетали парой, то есть по два. Самолетов не было, бензина не было, боеприпасов не хватало. Приходилось выходить из положения за счет тактического превосходства, чтобы, действуя мелкими подразделениями, как можно лучше прикрывать линию фронта с воздуха»[46].

Преодолевая упорное сопротивление 8-й и 9-й гвардейских бригад, 370-я пехотная дивизия врага при поддержке танков к утру 4 сентября продвинулась на 10 км и вышла к Терскому хребту в 8 км к северу от Вознесенской, находившейся на перевале. Однако выход на перевал надежно закрыли моряки 62-й морской стрелковой бригады во взаимодействии со 47-м гвардейским истребительно-противотанковым дивизионом и 249-м отдельным танковым батальоном. Особенно упорные бои разгорелись на узком участке, где оборонялся батальон морской пехоты под командованием капитан-лейтенанта Б. Цаллагова. Батальон занимал господствующую высоту, которую моряки вскоре окрестили «Крейсером». Взятием этой высоты открывалась дорога на перевал. Именно поэтому противник бросил сюда около 100 танков. Вследствие неоднократных попыток захватить «Крейсер» враг нес все новые потери, но взять высоту ему не удалось. Когда восемь танков противника прорвались к командному пункту бригады, в единоборство с ними добровольно вступили командир отделения младший сержант Б. А. Дзарасов и автоматчики С. Б. Колотушкин, М. С. Быков, М. И. Адамов, Ф. С. Соловьев, А. Г. Жилкин. Шесть танков вскоре превратились в горящие факелы, а остальные повернули назад[47]. Большая нагрузка в эти дни выпала и на долю 4-й воздушной армии генерала К. А. Вершинина. Почти все ее силы были брошены в район Вознесенской. Благодаря хорошо налаженному взаимодействию авиации с наземными войсками мощная вражеская танковая атака была отбита.

В течение 5 и 6 сентября враг предпринимал яростные атаки, стремясь прорваться в долину Алхан-Чурт с целью захвата Грозного и развития наступления в сторону Баку. Командование Закавказского фронта начало спешно стягивать дополнительные силы к месту вражеского прорыва. 6 сентября контратаками советские войска оттеснили противника на север, но ему все же удалось удержать небольшой плацдарм южнее Моздока.

37-мм автоматическая зенитная пушка на позициях юго-восточнее Нальчика

Истребитель ЛаГГ-3 готов к вылету. Северный Кавказ

Потерпев неудачу на моздокско-вознесенском направлении, противник начал перегруппировку своих сил, сосредоточив в районе Моздока три танковые дивизии (по 250 танков), здесь же оставались две и дополнительно подтягивалась еще одна пехотная дивизия. Для срыва вражеского наступления командование фронта усилило Северную группу войск свежими резервами, части были пополнены людьми, боеприпасами и вооружением.

10-й гвардейский стрелковый корпус получил задачу во взаимодействии со сводным кавалерийским корпусом (30-я и 110-я кавалерийские дивизии) нанести контрудар по моздокской группировке врага и тем самым сорвать его наступление.

9 сентября 1942 г. в республиках Закавказья было объявлено военное положение. Местное население строило оборонительные рубежи, вступало в народное ополчение, истребительные батальоны. Был создан специальный батальон, который занял подготовленные жителями Южной Осетии оборонительные позиции на перевалах Джавского района. К осени 1942 г. на Кавказе было построено около 100 тыс. оборонительных сооружений, вырыто 660 км противотанковых рвов и почти 2 тыс. км ходов сообщений[48].

Между тем противник, потерпев неудачу на моздокско-вознесенском направлении, к утру 12 сентября переправил на южный берег р. Терек, между 9-й и 37-й армиями, в район осетинской станицы Черноярской и кабардинского селения Хамидия (25 км западнее Моздока) основные силы 13-й танковой дивизии и начал наступление на Малгобек. В этот же день он захватил Малгобек, преодолев Терский хребет, овладел Нижним Курпом, а через два дня и Верхним Курпом, продвинувшись в глубину обороны советских войск на 25 км.

Таким образом, первый этап Малгобекской операции не принес немецким войскам ощутимых результатов, они не сумели прорваться ни в долину Алхан-Чурт, ни к Эльхотову. Оправившись от контрудара 10-го гвардейского стрелкового корпуса, противник на втором этапе повел наступление в западном и юго-западном направлениях с целью овладеть Эльхотовскими воротами и, используя дороги в тылу 9-й армии, прорваться к Орджоникидзе и Грозному. 19 сентября противник вновь перешел в наступление. Главный удар силами 13-й танковой дивизии был направлен из района Хамидия на Майском, а вспомогательный удар 370-й пехотной дивизией, усиленной танками, — из района Нижний Курп на Плановское. 151-я стрелковая дивизия 37-й армии, испытывая недостаток противотанковых средств, вынуждена была отойти на левый (западный) берег р. Терек. Противник захватил плацдармы в районе Майского и Котляревской, что создало угрозу удара по флангу и тылу частей, сдерживавших наступление 370-й пехотной дивизии врага.

23 сентября А. М. Василевский по поручению Ставки ВГК указал командующему Закавказским фронтом и Северной группой войск: «Основной и немедленной задачей Северной группы войск Закфронта иметь уничтожение противника, прорвавшегося на южный берег р. Терек, и полное восстановление первоначальной линии обороны войск 9-й и 37-й армий»[49].

В конце сентября немецкие войска подошли к Эльхотову. В связи с этим командование Северной группы спешно перебросило в этот район 119-ю стрелковую бригаду, 419-й истребительный противотанковый артиллерийский полк и два бронепоезда. Общими усилиями наступление немцев было приостановлено.

В результате ожесточенных оборонительных сражений, продолжавшихся с 1 по 28 сентября, наступление врага в малгобекском направлении было остановлено. Противник, стремившийся всеми силами захватить Грозный и Орджоникидзе, был вынужден отказаться от дальнейших атак. Несмотря на то что враг бросил в наступление крупные силы пехоты и до 300 танков, ему не удалось добиться решающих результатов. Большую роль сыграла 4-я воздушная армия. Несмотря на свою малочисленность, она за 20 дней боев провела около 8 тыс. самолето-вылетов[50].

Имея количественное превосходство в танках и авиации, противник все же не сумел преодолеть созданную войсками Закавказского фронта оборону. Ему удалось лишь потеснить соединения 9-й армии и захватить на правом берегу Терека в районе Терская — Илларионовка — Уражайное плацдарм шириной до 40 км и глубиной до 20 км. Войска были истощены, для подготовки дальнейшего наступления командованию требовались время и резервы. Гитлеровский план прорыва в Закавказье с каждым днем становился все более невыполнимым.

За провал наступления в районе Новороссийска — Туапсе и на моздокско-малгобекском направлении, а также за большие потери командующий группой армий «А» фельдмаршал В. Лист был отстранен от занимаемой должности. Командование войсками на Кавказе принял лично фюрер, но осуществлял это через штаб группы армий «А». В беседе с Кейтелем 18 сентября Гитлер, анализируя обстановку на Кавказе, подчеркивал: «Решающим является прорыв на Туапсе, а затем блокирование Военно-Грузинской дороги и прорыв к Каспийскому морю с тем, чтобы выйти к Баку»[51].

Оборона Главного Кавказского хребта от перевала Прусо до перевала Хоку, отстоявших друг от друга на 300 км, была возложена на 46-ю армию. За ней сохранялась также прежняя задача по обороне побережья Черного моря и прикрытию границы Советского Союза с Турцией. Для обороны горных перевалов командующий армией вначале выделил один кавалерийский эскадрон и двенадцать стрелковых рот. Столь обширные задачи явно превышали возможности этих подразделений, требовался целый ряд мероприятий по подготовке войск, их инженерному и материальному обеспечению. Однако командование фронта продолжало уделять основное внимание противодесантному прикрытию Черноморского побережья.

Выход противника к предгорьям Главного Кавказского хребта заставил командование 46-й армии усилить оборону горных перевалов. Силы на перевалах были доведены до двадцати одной стрелковой роты и четырех кавалерийских эскадронов. По хребту создавалась главная полоса обороны, ее передний край проходил по вершинам гор, при этом ближайшие тактические резервы располагались в крайне невыгодных условиях и в случае необходимости должны были контратаковать не сверху вниз, а снизу вверх, что снижало темп контратак и ослабляло их.

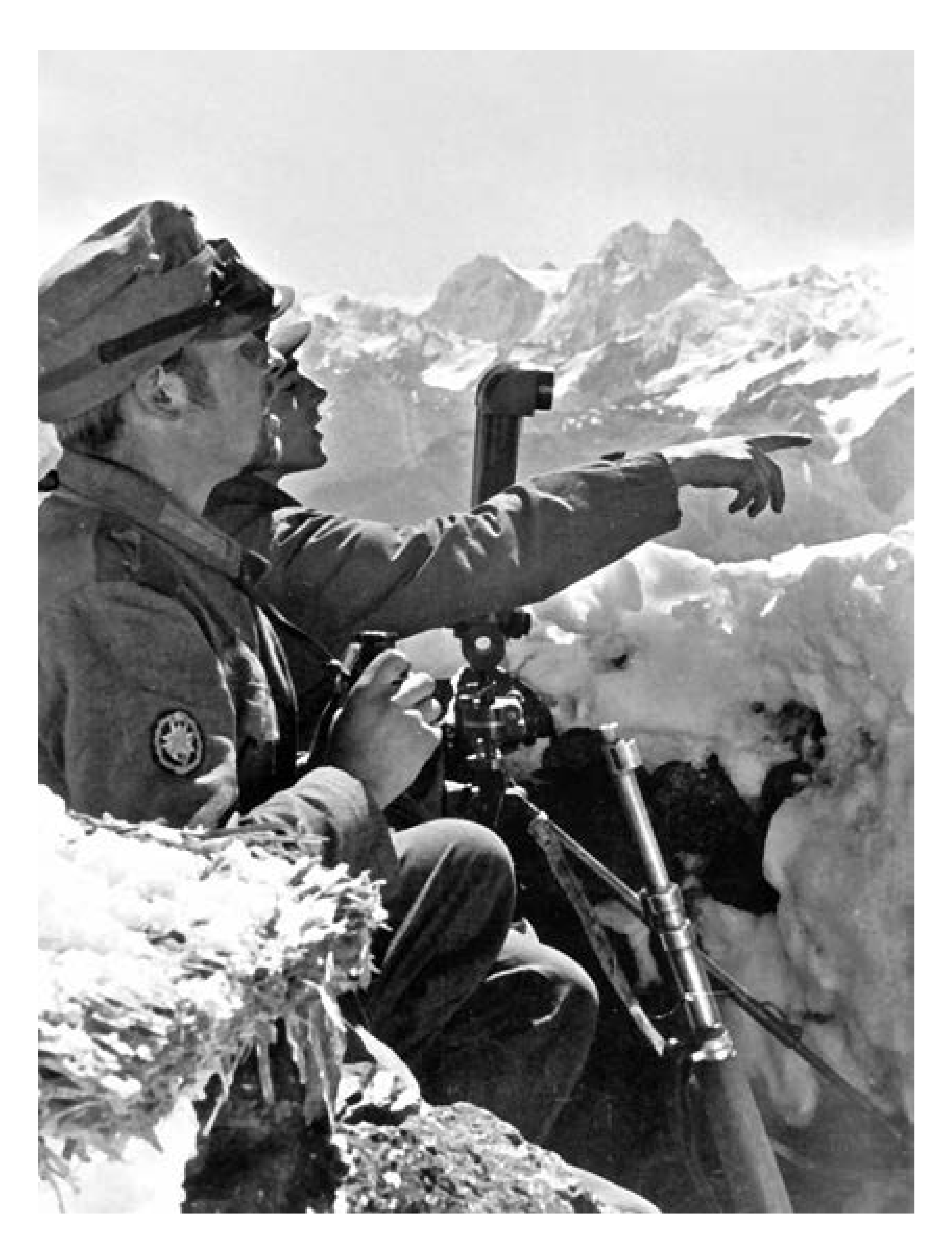
В соответствии с разработанным планом мероприятий в районе перевалов срочно создавались запасы боеприпасов, продовольствия, топлива на четыре месяца. Однако из-за недостатка материальных средств и сложных дорожных условий эта задача не была выполнена в срок.

Боевые действия войск 46-й армии велись отдельными отрядами и группами на важных направлениях. Против 46-й армии действовали части и соединения 49-го горнострелкового корпуса, высокогорная школа и 97-я легкопехотная дивизия из состава 17-й полевой армии. В составе 49-го горнострелкового корпуса были собраны наиболее опытные кадры немецких войск.

В конце августа 46-я армия, приостановив наступление противника, получила возможность нанести контрудар по 49-му горнострелковому корпусу и 97-й легкопехотной дивизии. В результате этого удара, нанесенного 1 сентября, и последующих наступательных боев частей армии враг к 24 сентября был отброшен на север на 20—25 км. Особенно больших успехов добились 20-я горнострелковая дивизия и полки НКВД, наступавшие на белореченском направлении. Однако важнейшие горные перевалы — Клухорский, Марухский и Санчарский — очистить от противника не удалось.

Оборонительные действия частей Северо-Кавказского и Закавказского фронтов в предгорьях Главного Кавказского хребта развернулись одновременного с героическим сопротивлением войск Красной армии на сталинградском направлении, куда враг перенес главный удар. Мужество, упорное сопротивление защитников Кавказа не дали противнику возможности перебросить отсюда силы и средства для усиления группы армий «А», наступавшей на Сталинград. Отвлечение основных сил противника на сталинградском направлении, в том числе и 4-го немецкого воздушного флота, оказало существенное влияние на ход событий на Кавказе. Назревал кризис в наступлении врага, который переоценил боеспособность своих войск, пытаясь в течение августа и сентября наносить удары одновременно на трех направлениях. Распылив силы, немецкое командование не смогло добиться существенных успехов ни на одном направлении.

Однако действия советских войск в предгорьях Главного Кавказского хребта могли быть более успешными, если бы не ошибки и просчеты, допущенные в организации обороны

Немецкий наблюдательный пункт в горах Кавказа

Кавалерийский дозор в горах Кавказа

Воины-альпинисты под командованием лейтенанта А. С. Ефремова
поднимаются по леднику для обороны горного перевала Северного Кавказа

Кавказа с севера: неправильное распределение сил и средств, отсутствие детально разработанного плана обороны, большое удаление (75—100 км) от районов боевых действий, неумелая организация обороны горных перевалов и т. д.

Все это позволило немецкому командованию после неудачной попытки прорваться к Туапсе со стороны Новороссийска собрать силы и средства для удара на Туапсе через горы западной части Главного Кавказского хребта. При этом немецкое командование планировало окружить и уничтожить главные силы 18-й армии, что дало бы возможность не только блокировать и ликвидировать всю Черноморскую группу войск, но и значительно сократить общий фронт наступления.

На третьем, заключительном этапе оборонительных действий Красной армии в битве за Кавказ (25 сентября — 31 декабря 1942) боевые действия развернулись на туапсинском и нальчикско-орджоникидзевском направлениях.

25 сентября после артиллерийских и авиационных ударов по коммуникациям и боевым порядкам соединений 18-й армии противник перешел в наступление вдоль Туапсинского шоссе и на фанагорийском направлении. Началась Туапсинская оборонительная операция Черноморской группы, которая продолжалась до 20 декабря.

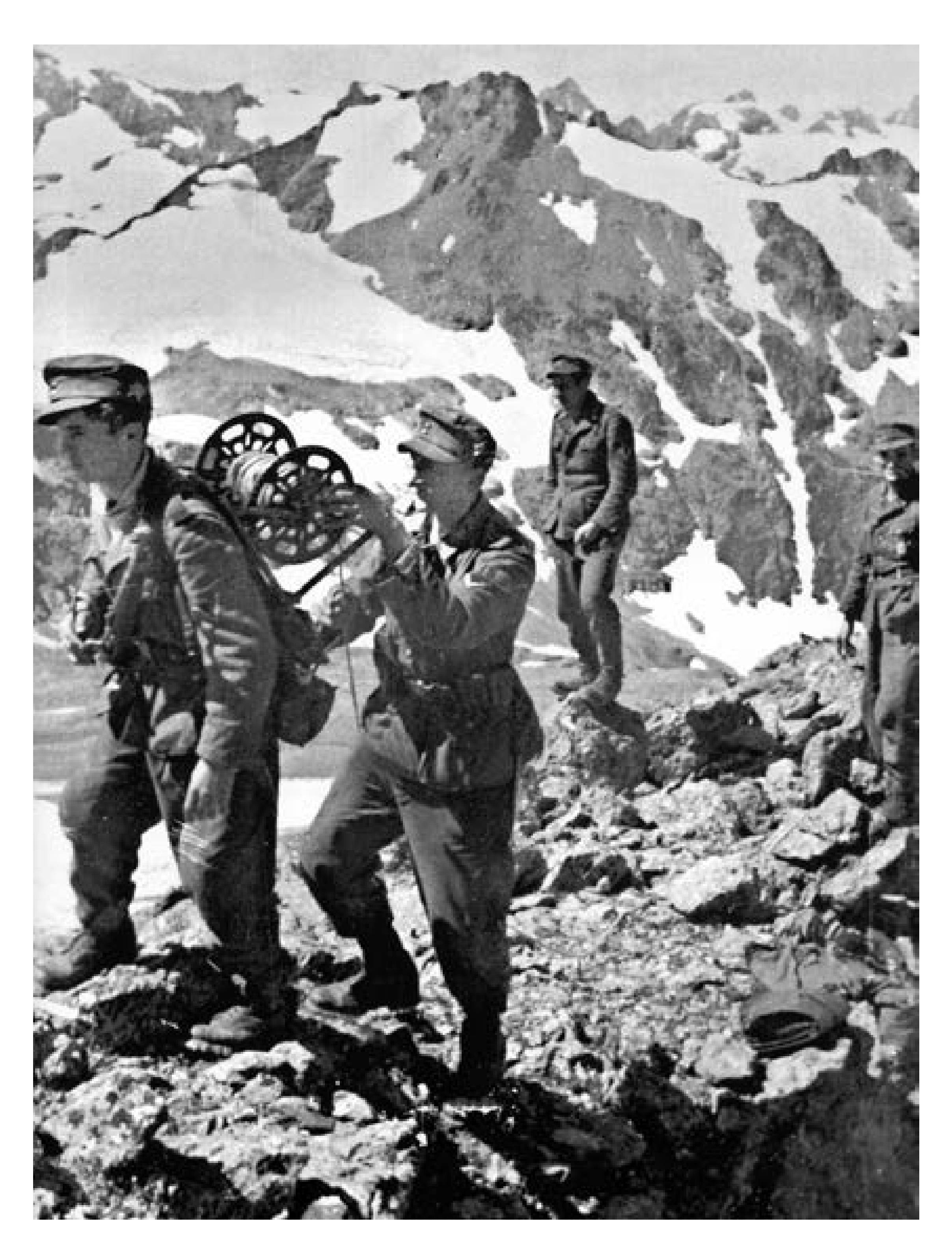
Черноморская группа войск, оборонявшаяся на фронте протяженностью 250 км, имела в своем составе три армии: 18, 56 и 47-ю. 12-я армия была расформирована, а ее личный состав направлен на пополнение других соединений. 18-я армия (пять стрелковых, одна кавалерийская дивизии, три стрелковых бригады — всего 32 тыс. человек), в подчинении которой находился Туапсинский оборонительный район (ТОР), основные усилия сосредоточила на прикрытии направлений Лазаревская — Самурская, Туапсе — Хадыженская (главное), Ново-Михайловское — Фанагорийское — Горячий Ключ.

Направления Джубга — Горячий Ключ (главное), Архипо-Осиповка — Ставропольская — Пшада — Северская, Пшада — Холмская прикрывали соединения 56-й армии (четыре стрелковые дивизии, всего — 21 тыс. человек). Она обороняла полосу шириной 90 км. Командующему армией подчинялся Пшадский оборонительный район. Соединения 47-й армии находились в 75-километровой полосе от Ахтырской до Геленджика, удерживали восточный берег Цемесской бухты. Действия войск Черноморской группы поддерживались 5-й воздушной армией и частично авиацией Черноморского флота.

Несмотря на проведенные большие оборонительные работы, особенно слабо была оборудована оборона 18-й армии. Против ее соединений были нацелены 44-й армейский и 57-й танковый корпуса (всего пять дивизий). На войска 56-й армии на участке Горячий Ключ — Ахтырская наступали три дивизии, а от Ахтырской до Новороссийска и далее вдоль берега Черного моря до Анапы — части 5-го немецкого и румынского кавалерийского корпусов (всего — семь дивизий, два отдельных полка и семь отдельных батальонов)[52].

На туапсинском направлении, на участке Самурская — Горячий Ключ (60 км), немецкое командование сосредоточило свыше одиннадцати дивизий (в том числе пять немецких, четыре румынские и одну словацкую). Главный удар противник наносил в направлении на Шаумян. В этом же направлении наносился и другой удар из района Горячий Ключ. Развернулись упорные бои, которые не прекращались даже во время подготовки к новым ударам. Первыми в бой вступили полки 32-й гвардейской стрелковой дивизии. Четыре дня гвардейцы мужественно отражали яростные атаки противника. Дивизия, упорно обороняясь, не раз переходила в контратаки и отбрасывала вклинившегося врага. Ожесточенные сражения шли весь август и первую половину сентября. И все же к концу сентября противник на отдельных участках вклинился в оборону 18-й армии на глубину от 5 до 10 км. Одновременно с действиями на центральном направлении немцы попытались нанести удар между 18-й и 56-й армиями, где оборонялась 395-я стрелковая дивизия. Враг сумел овладеть горой Фонарь и селом Фанагорийское, но прорвать оборону гвардейцев не смог.

Тем не менее противник продолжал рваться к Туапсе, его авиация ежедневно осуществляла по 500—600 боевых вылетов и подвергала части 18-й армии ударам с воздуха. В то же время фронтовая авиация не смогла успешно противостоять на данном направлении

Немецкие связисты за прокладкой линии связи

противнику. В дальнейшем немцам удалось перехватить коммуникации правофланговых соединений 18-й армии, и ее положение еще больше осложнилось. Противник находился в 20—25 км от Туапсе.

29 сентября начальник Генерального штаба А. М. Василевский, указав на слабые действия 18-й армии, потребовал от командующего Закавказским фронтом создать ударные группировки, перейти к активным действиям, полностью восстановить положение в районе к югу от станицы Хадыженская и не допустить прорыва противника в район Туапсе[53].

Вслед за этим Ставка ВГК 2 октября также указала перейти к активным действиям, восстановить положение и ни в коем случае не допустить противника на побережье Черного моря как на туапсинском, так и на других направлениях. Одновременно требовалось принять меры по дальнейшему усилению войск Черноморской группы дополнительными силами за счет фронта и маршевым пополнением[54].

По указанию командующего Закавказским фронтом в 18-й армии были созданы две ударные группы для ликвидации противника в Хадыженской: правая (две дивизии и одна бригада) должна была 6 октября нанести удар в направлении Червяков — Белая Глина, а вторая (кавалерийская дивизия, стрелковая бригада, полк морской пехоты) атаковала в направлении Кабардинской.

Для стабилизации положения на левом фланге 18-й армии в районе Фанагорийского к участию в Туапсинской оборонительной операции подключалась 56-я армия. Командующему этой армией переподчинялись левофланговые соединения 18-й армии, командование которой получило возможность все внимание сосредоточить на центральном направлении.

Тем временем противник усилил свои удары по 18-й армии. К исходу 2 октября ему удалось захватить горы Оплепен, Маратуки, Котловина. На правом фланге армии создалась тяжелая обстановка. В ее обороне образовался 10—12-километровый разрыв. Командование 18-й армии принимало меры, чтобы восстановить положение. 7 октября в центре армии был предпринят контрудар, однако вследствие неорганизованности и слабой подготовки он не имел успеха. Но и противник не смог продолжить наступление.

Таким образом, первая попытка немецких войск прорваться к Туапсе потерпела неудачу. Не добившись успеха в прорыве к морю, противник, производя некоторые перегруппировки, готовился к новым атакам. Несмотря на то что немецкое командование 14 октября отдало приказ войскам о переходе к обороне на советско-германском фронте, на сталинградском и кавказском направлениях, наоборот, указывалось активизировать боевые действия и усилить нажим на советские армии[55].

К этому времени 18-я армия была усилена 408-й стрелковой дивизией, двумя стрелковыми бригадами, полком морской пехоты и четырьмя артиллерийскими полками. Ставка ВГК потребовала от командующего Закавказским фронтом «основное внимание уделить помощи и непосредственному руководству войсками Черноморской группы»[56]. 11 октября ее командующим был назначен генерал И. Е. Петров, который вступил в должность 16 октября.

14 октября противник возобновил наступление. На этот раз он наносил удары с востока на Шаумян, Садовое и из района Фанагорийского тоже на Садовое, стремясь окружить основную группировку 18-й армии и открыть себе путь на Туапсе. 17 октября противник овладел важным населенным пунктом Шаумян, через два дня — перевалом Елисаветпольский. Приближались к Туапсинскому шоссе и фланговые группировки противника. Создалась угроза выхода вражеских войск к морю в районе Туапсе. В этой критической обстановке большую роль сыграли резервы, направленные Ставкой на туапсинский участок. Крейсеры Черноморского флота «Красный Кавказ» и «Красный Крым», лидер «Харьков», эскадренные миноносцы и торпедные катера в течение пяти дней перевезли из Поти в Туапсе 8-ю и 9-ю гвардейские, а также 10-ю стрелковую бригады и прибывшую из Ирана 83-ю горнострелковую дивизию[57]. В общей сложности в их составе было до 22 тыс. человек с соответствующим вооружением[58]. Кроме того, из 46-й армии прибыла под Туапсе кавалерийская дивизия.

Бой в селе Шаумян

23 октября лишь 30 км отделяли противника от Туапсе. Однако его наступательные возможности иссякли, а сломить сопротивление 18-й армии не удалось. 25 октября 18-я армия нанесла контрудар и остановила наступление семашской группировки врага. В ходе дальнейших боев она была разгромлена и отброшена за р. Пшиш. При этом была отражена последняя попытка врага прорваться к Туапсе. На этом 20 декабря Туапсинская оборонительная операция закончилась и началась подготовка к наступлению.

После Малгобекской оборонительной операции войска Северной группы имели задачу удерживать занимаемый ими рубеж обороны и не допустить прорыва врага в долину Алхан-Чурт и через Эльхотовские ворота к Орджоникидзе. Одновременно шло накапливание сил для последующего перехода в наступление.

В октябре командование 9-й армии вело подготовку к нанесению контрудара на правом берегу Терека с целью восстановления положения в этом районе. Действия армии увязывались с ударом 10-го гвардейского стрелкового корпуса на Ищерскую и Моздок и наступлением 4-го гвардейского Кубанского кавалерийского корпуса[59], который, выйдя на открытый фланг 1-й немецкой танковой армии в район Соломенское — Степное, готовился нанести удар на юг, в тыл основной группировки врага.

Немецкое командование также приступило к подготовке новой наступательной операции силами 1-й танковой армии с задачей прорваться к Грозненскому нефтяному району и развивать дальнейшее наступление на Махачкалу.

Боевые действия Северной группы войск Закавказского фронта в октябре заключались в отражении атак противника, пытавшегося улучшить тактическое положение своих войск.

В начале октября 1942 г. 4-й гвардейский кавалерийский корпус под командованием генерала Н. Я. Кириченко начал свой марш-маневр от Кизляра в общем направлении на Терекли-Мектеб (Дагестан) и далее на Ачикулак. Путь корпуса лежал по безводной и бездорожной полупустыне, почти не имеющей населенных пунктов. Марш казачьей конницы с воздуха прикрывала авиация.

10—12 октября 4-й гвардейский кавалерийский корпус был контратакован частями 1-й немецкой танковой армии, выделенными для наступления на Кизляр — Астраханскую железную дорогу. Выход наших кавалерийских соединений в район Ачикулака создавал благоприятные условия для дальнейшего наступления по тылам 1-й танковой армии врага и мог оказать существенное влияние на обстановку на фронте Северной группы. Но это преимущество не было использовано командованием корпуса: вместо стремительного проникновения в расположение противника между его опорными пунктами и действий по его тылам части корпуса вступили в бой, пытаясь уничтожить врага в Ачикулаке, Владимировке и Каясулу.

Немецкое командование, установив выдвижение 4-го гвардейского кавалерийского корпуса, для обеспечения тыла и левого фланга 1-й танковой армии спешно перебросило из Донбасса группу армий «А» и специально подготовленный к действиям в пустынных условиях корпус особого назначения «Ф». К 15 октября его части заняли оборону на рубеже Ачикулак — Биаш — Правокумское — Левокумское.

Вследствие нерешительных действий 4-й гвардейский кавалерийский корпус не выполнил поставленной задачи, сумев лишь войти в соприкосновение с противником и ввязаться в затяжные бои за населенные пункты. 7 ноября генерал Кириченко, не имея разрешения командования группы и фронта, начал отводить части и соединения в восточном направлении в район Черного Рынка с целью прикрыть Кизляр-Астраханскую железную дорогу. К этому времени части корпуса оторвались от противника, отошли на 100 км на восток и участия в боевых действиях фактически не принимали[60].

К 24 октября Северная группа войск (44, 9, 37 и 58-я армии, 4-й гвардейский кавалерийский корпус) занимала оборону на фронте шириной 350 км и готовилась к переходу в наступление согласно утвержденному Ставкой плану. Цель наступления — уничтожение вражеской группировки в районе Нижний и Верхний Курп — Эльхово — Арик.

Против войск Северной группы действовала 1-я немецкая танковая армия (три танковые, одна моторизованная, две пехотные, одна горнострелковая дивизии, до 11 отдельных

батальонов). После неудачных попыток прорваться к Грозненскому нефтяному району с Малгобекского плацдарма через долину Алхан-Чурт немецкое командование приняло решение перейти в наступление, нанося удар по 37-й армии Северной группы. Оно предполагало прорвать оборону и разгромить войска 37-й армии, стремительным наступлением в юго-восточном направлении захватить Владикавказ и продвинуться по р. Сунджа на Грозный и по Военно-Грузинской дороге на Тбилиси.

Противнику удалось скрытно произвести перегруппировку 1-й танковой армии и сосредоточить ее основные силы (две танковые и одну моторизованную дивизии) на нальчикском направлении, где утром 25 октября массированным авиационным ударом вражеские войска начали наступление.

За первый день наступления противник отбросил части 295-й стрелковой дивизии и к 17 часам вышел на северный берег р. Чегем, углубившись в ее оборону до 8 км. 26 октября в полдень, когда 2-я горнострелковая дивизия румын подошла к Нальчику, противник нанес свой главный удар с плацдарма на Тереке в районе станицы Майская. 13-я и 23-я немецкие танковые дивизии легко прорвали оборону 626-го стрелкового полка 151-й дивизии и устремились в юго-западном направлении, угрожая выходом на тылы 37-й армии.

В связи с тяжелой обстановкой, создавшейся на левом крыле Северной группы, командующий фронтом вынужден был приостановить подготовку наступления в районе Моздока и принять срочные меры по прикрытию орджоникидзевского направления, возложив эту задачу на 10-й стрелковый корпус 9-й армии. Этот корпус, усиленный тремя артиллерийскими дивизионами и двумя истребительно-противотанковыми полками, к утру 28 октября должен был занять оборону на внешней полосе Орджоникидзе, совершив 60-километровый марш из района Беслана. Кроме того, 3-й стрелковый корпус выводился из первой линии обороны 9-й армии и сосредоточивался в районе Заманкула (10 км восточнее Эльхотово). 319-я стрелковая дивизия из 58-й армии перебрасывалась в район Верхние Ачалуки. 11-му гвардейскому стрелковому корпусу приказывалось к исходу 28 октября занять оборону по внешнему обводу Орджоникидзевского оборонительного района на участке Беслан — Дзуарикау. Основные силы 4-й воздушной армии использовались в полосе 37-й армии. В район Орджоникидзе перебрасывались также большое количество артиллерии и 155-я стрелковая бригада из района Сухуми. Все эти меры несколько улучшили положение наших войск, но противник все еще продолжал рваться к своей цели.

27 октября 23-я немецкая танковая дивизия вышла левым флангом к населенным пунктам Урух и Лескен. 13-я танковая дивизия врага во взаимодействии с румынами сужала кольцо вокруг Нальчика. Нанеся поражение нашим частям, противник занял Нальчик и вышел на рубеж Лескен — Хазнидон — Жемтала. Командующий 1-й танковой армией генерал Э. Клейст объединил 13-ю и 23-ю танковые дивизии в танковый кулак и направил его против 10-го стрелкового корпуса, который не успел закрепиться и организовать устойчивую оборону.

Противник утром 29 октября форсировал р. Урух, оттеснил еще незакрепившиеся части 10-го стрелкового корпуса и захватил плацдарм на восточном берегу реки. Основные силы вражеских танковых дивизий начали переправу.

Командование Северной группы спешно перебрасывало в район прорыва имевшиеся резервы, в том числе 52-ю танковую бригаду. Во второй половине дня враг трижды пытался прорваться, но каждый раз терял танки и вынужден был отходить. 52-я танковая бригада под командованием подполковника Б. И. Филиппова на обороняемом участке противника не пропустила. Он вынужден был обходить боевые порядки бригады, что заставило советских танкистов отойти на следующий рубеж.

В ночь на 1 ноября разрозненные части 10-го стрелкового корпуса отступили на Алагир и Ардон. На следующий день удар приняла на себя 319-я стрелковая дивизия. Не успев выйти на рубеж Ардон — Алагир, дивизия была расчленена надвое. Между частями 319-й дивизии создался коридор, куда и устремились танки противника, прорываясь к Орджоникидзе. Командование Северной группы успело выдвинуть из резерва главные силы 11-го гвардейского

стрелкового корпуса, которые заняли оборону по внешнему обводу Орджоникидзевского оборонительного района на участке Беслан — Дзуарикау.

О событиях тех дней командир корпуса И. П. Рослый вспоминал: «Как и предполагалось, утром 2 ноября гитлеровцы бросили в бой все, что могли. После того как основательно поработали их авиация и артиллерия, в атаку на позиции бригады Ворожищева ринулось более 100 танков. Но герои по-прежнему стояли непоколебимо. Если вражеские танки и проламывали кое-где оборону, как это случилось на участке батальона старшего лейтенанта Сатаева, то шли по телам убитых, а живые оставались на своих местах, угрожая прорвавшимся гитлеровцам с флангов, отсекая их пехоту»[61]. Они прикрывали не только Орджоникидзе, но и Суарское ущелье, через которое немцы могли прорваться как к городу, так и к Военно-Грузинской дороге. И тем не менее противник узким клином пробился сквозь боевые порядки 34-й бригады и к исходу дня захватил Гизель.

3–4 ноября немецкие танковые колонны штурмовали столицу Северной Осетии. Но ни танки, ни вызванные на помощь самолеты судьбу Орджоникидзе решить не смогли. Ее определили защитники города, в рядах которых были не только советские воины, но и отряды народного ополчения, партизаны — каждый житель, свято выполнявший свой долг на порученном ему посту. Дальнейшие атаки противника оказались безуспешными.

Большие надежды противник возлагал на свою авиацию. Однако постепенно возрастала активность 4-й воздушной армии. С переносом же ее усилий в полосу 37-й армии враг стал терять свое господство в воздухе. Все чаще разгорались ожесточенные воздушные бои, из которых советские летчики выходили победителями. Например, только 1 ноября было проведено 16 воздушных боев, в результате которых противник потерял 18, а 4-я воздушная армия — 11 самолетов[62]. Тем не менее вражеская авиация продолжала наносить бомбовые удары. В результате одного из таких ударов по району Орджоникидзе погибли начальник штаба фронта генерал-лейтенант П. И. Бодин, член Военного совета фронта А. Н. Саджая, нарком внутренних дел Северо-Осетинской республики Заделава[63].

Противник перегруппировывал и приводил в порядок свои силы. Он тщательно готовился к штурму Орджоникидзе и 4 ноября сделал последнюю попытку атаковать советские войска, которая, как и предыдущие, оказалась безуспешной. 5 ноября наступление немцев было окончательно остановлено.

Узкий мешок, в котором оказались танковые дивизии противника, все плотнее окружали прибывавшие резервы Северной группы. Создались условия для полного окружения вражеской группировки в районе Гизели.

В результате подготовки советских войск к нанесению контрудара по гизельской группировке противника 11-й гвардейский стрелковый корпус силами 10-й гвардейской и 57-й стрелковых бригад во взаимодействии с 5-й гвардейской и 63-й танковыми бригадами должен был нанести удар в направлении на Фиагдон — Дзуарикау, отрезать немцам пути отхода на запад и во взаимодействии с 10-м гвардейским стрелковым корпусом уничтожить их гизельскую группировку.

10-й гвардейский стрелковый корпус силами 4-й гвардейской стрелковой бригады при поддержке 2-й и 52-й танковых бригад получил задачу наступать из района Ногира в направлении на Гизель, расколоть немецкую группировку и вместе с 11-м гвардейским стрелковым корпусом уничтожить ее. С юга должны были наступать 27-я и 351-я стрелковые дивизии.

Таким образом, контрудар намечалось нанести силами трех стрелковых и четырех танковых бригад, а основная масса войск, действовавших к этому времени на орджоникидзевском направлении, должна была выполнять оборонительные задачи.

К моменту контрудара советских войск противник сумел сохранить за собой коридор глубиной до 14 км и шириной до 4 км, по обе стороны которого были созданы сильные опорные пункты, имевшие от 3 до 10 танков, зарытых в землю, по 3–4 противотанковых орудия и до 15–20 автоматчиков. Промежутки между опорными пунктами простреливались пулеметным, минометным и артиллерийским огнем. Внутри, по коридору, курсировали группы танков, составлявшие подвижный резерв.

Контрудар советских войск начался утром 6 ноября. В результате первых двух дней наступления ударных групп 9-й армии противник, оборонявший Гизель, оказался почти окруженным. У врага оставался лишь узкий коридор в районе Майрамадаг — Дзуарикау шириной 3 км. Стремясь расширить его, немецкие части переходили в частые контратаки. В результате пятидневных ожесточенных боев соединения левого фланга 9-й армии, сломив сопротивление вражеских частей, овладели Гизелью и заняли Новую Санибу. 12 ноября соединения 9-й армии вышли к рекам Майрамадаг и Фиагдон. Дальнейшее их продвижение было остановлено противником.

Поражением гизельской группировки врага и освобождением Гизели завершилась Нальчикско-Орджоникидзевская оборонительная операция войск Северной группы Закавказского фронта.

Эта операция, проводимая в тесной взаимосвязи с Туапсинской оборонительной операцией, имела важное значение для обороны Кавказа. Именно в результате этой операции последняя попытка противника прорваться к Грозненскому и Бакинскому нефтяным районам потерпела полный крах. Немецкое командование вынуждено было отказаться от наступательных действий на грозненском направлении и перейти к обороне.

На подготовку и проведение Северо-Кавказской стратегической оборонительной операции в определенной степени повлияла внутренняя политическая обстановка на Кавказе. Еще до вторжения на Кавказ гитлеровцы вели в этом регионе националистическую пропаганду, пытались засылать в воинские части, в первую очередь в национальные формирования, шпионов и провокаторов с целью подрыва боеспособности и морального духа воинов. Эта работа активизировалась летом 1942 г., когда советские войска отходили в глубь Кавказа. В августе на Кавказ был переброшен специально сформированный еще в октябре 1941 г. разведывательно-диверсионный батальон «Бергман» («Горец»). Для его усиления на территории Кабардино-Балкарской АССР был сформирован «национальный» легион. Батальон «Бергман», впоследствии развернутый в полк, отличался особой жестокостью, бесчинствами, грабежами, насилием и массовым уничтожением советских людей[64].

Много надежд возлагалось на возможность создания казачьих частей. Но «как жестоко мы ошиблись, надеясь на казачество, — вынужден был признать впоследствии один из немецких офицеров. — Ведь все мы рассчитывали на то, что казаки выступят против большевиков. Но теперь я вижу, что мы не поняли душу русского казака и не учли тех двадцати пяти лет, которые сформировали характер у новых казаков»[65].

В результате оборонительных операций, проведенных советскими войсками на Кавказе, противнику было нанесено серьезное поражение, и инициатива на данном стратегическом направлении стала переходить в руки советского командования. Несмотря на то что на кавказском направлении врагу удалось оккупировать значительную часть территории Северного Кавказа, он не смог преодолеть упорное сопротивление советских войск, овладеть нефтяными и другими источниками ценного стратегического сырья. Кроме того, провалились замыслы германского руководства путем прорыва в Закавказье втянуть Турцию в войну против СССР, соединиться со своими войсками, действовавшими в Северной Африке, и продолжить агрессию в направлении Ближнего Востока. Советское командование в сложной обстановке сохранило некоторые военно-морские базы, обеспечившие действия Черноморского флота, а также создало условия для перехода войск в решительное наступление.

Оборонительные сражения на Северном Кавказе длились более пяти месяцев. В них участвовали Южный, Северо-Кавказский и Закавказский фронты. Большую помощь сухопутным войскам оказали Черноморский флот, Азовская и Каспийская военные флотилии. Флот содействовал войскам в обороне побережья, прикрывал их фланги, не допускал высадки вражеских десантов, обеспечивал перегруппировки войск и доставку им воинских грузов, эвакуацию раненых и материальных ценностей, срывал снабжение гитлеровских войск по морю. В ходе оборонительного периода корабли перевезли морским путем до 200 тыс. человек и 250 тыс. тонн различных грузов[66]. Значимый вклад в оборону Кавказа внесли партизаны. Только в Краснодарском и Орджоникидзевском краях в тылу группы армий «А» действовали

142 партизанских отряда и группы[67], которые постоянно наносили чувствительные удары по вражеским коммуникациям, штабам и тыловым объектам.

Несмотря на то что вермахту удалось добиться крупных территориальных успехов — выйти к перевалам Главного Кавказского хребта и Волге, все же достичь целей, поставленных на летне-осеннюю кампанию, немецкое командование не смогло. Войска Южного, Северо-Кавказского и Закавказского фронтов во взаимодействии с Черноморским флотом, Азовской и Каспийской военными флотилиями сорвали план «Эдельвейс». Путь немцам в Закавказье и к побережью Черного моря был закрыт, что вынудило их перейти к обороне. Кавказ с его нефтяными и другими богатствами, сухопутными и морскими границами с Турцией остался непокоренным.

Большую роль в ходе оборонительных операций сыграла авиация. Основные свои усилия она направляла на уничтожение живой силы и военной техники противника, прикрытие своих войск и ведение воздушной разведки в их интересах. При ведении боевых действий в труднодоступной местности авиация обеспечивала наземным войскам доставку различных грузов и эвакуацию раненых. В горно-лесистой местности большую сложность для авиации представляли вопросы обнаружения и поражения малоразмерных целей, что вызывало необходимость применения радиотехнических и пиротехнических средств для наведения авиации на объекты удара.

Особая роль принадлежала Черноморскому флоту, Азовской и Каспийской военным флотилиям. Эти силы, тесно взаимодействуя с войсками фронтов, прикрывали их приморские фланги, организовывали противодесантную оборону побережья, обеспечивали защиту морских коммуникаций, перегруппировку войск, доставку им пополнений и средств материально-технического снабжения.

Освобождение Северного Кавказа

Начатое 19 ноября 1942 г. контрнаступление войск Красной армии успешно развивалось. К концу года под Сталинградом были окружены соединения и части двух немецких армий, разгромлена котельниковская группировка противника, враг потерпел поражение на Среднем Дону. Советские войска развивали наступление в направлениях на Ростов и Сальск и создали реальную угрозу окружения северокавказской группировки врага. Всё это резко изменило обстановку на южном крыле советско-германского фронта и создало условия для проведения стратегической наступательной операции по освобождению Северного Кавказа.

Решение о подготовке крупного масштабного стратегического наступления на сталинградском и северокавказском направлениях Ставка ВГК приняла еще в сентябре 1942 г. Однако ограниченные ресурсы и сложности в создании мощной группировки на Северном Кавказе, поскольку переброска резервов могла осуществляться только через Каспийское море, привели к уточнению решения Ставки: разгром противника под Сталинградом и на Северном Кавказе должен происходить не одновременно, а поочередно.

Указания по разработке плана стратегической операции Ставка отдала командующему Закавказским фронтом в середине ноября 1942 г.[68] Однако к концу ноября немецкое командование сумело перебросить под Сталинград с Кавказа танковую и моторизированную дивизии. Закавказский фронт пытался помешать этому маневру и нанес удар 9-й армией. Постепенно в наступление включилась вся Северная группа войск. Однако за месяц боев советские войска сумели продвинуться на отдельных участках всего на 5–10 км[69]. Несмотря на то что с 25 декабря наступление Северной группы войск было остановлено, оно сыграло положительную роль: немецкая группа «А» была скована, а переброска крупных сил с Северного Кавказа под Сталинград затруднена.

Навстречу вражескому авангарду, пытающемуся захватить перевал

Разведчики перед выходом в тыл врага

К началу 1943 г. линия фронта на юге проходила от Тормосина до Котельников и Дивного, затем, после 200-километрового разрыва, продолжалась на Лукомское — Малгобек, по Главному Кавказскому хребту севернее Туапсе на Новороссийск. Протяженность фронта — 130 км. Сталинградскому (с 1 января — Южный) и Закавказскому фронтам противостояли основные силы группы армий «Дон» и группа армий «А».

Войска Сталинградского фронта в конце декабря продолжали развивать наступление на котельниковском направлении. Используя 100-километровую брешь, они устремились на юго-запад, в тыл группы армий «А». Войска этого фронта продвигались в направлении Шахты — Ростов — Сальск — Элиста. До Ростова оставалось 220–240 км[70]. Однако силы Сталинградского фронта были истощены. Подвижные соединения оказались разбросанными на большом пространстве. А вражеская группировка, наоборот, за счет сокращения фронта возрастала. Одновременно немецкое командование, чтобы не допустить прорыва советских войск в Донбассе и к Ростову, перебрасывало сюда дополнительные силы. Впоследствии на ростовском направлении были развернуты пять танковых, две моторизированные дивизии и другие части и соединения[71].

По Главному Кавказскому хребту оборонялись войска Закавказского фронта, действовавшие в двух оперативных группировках. Наиболее сильной из них была Северная группа, в которую входило до 75% общего состава войск фронта. В центре, на левом крыле Закавказского фронта, оборонялась Черноморская группа войск, которая была не полностью укомплектована. С моря фронт поддерживал Черноморский флот. Против Закавказского фронта продолжали действовать основные силы группы армий «А», причем Северной группе противостояла 1-я немецкая танковая армия (пять пехотных и две танковые дивизии), а Черноморской группе — 17-я немецкая полевая армия, наиболее сильная группировка вражеских войск на Северном Кавказе (по количеству танков она уступала 1-й танковой армии).

Командующий Закавказским фронтом генерал И. В. Тюленев предложил возобновить наступление на алагирском и моздокском направлениях, в январе 1943 г. разгромить майкопско-ходынскую группировку врага, а затем на левом крыле провести Новороссийскую операцию, разбить немецко-румынскую группировку войск и захватить Таманский полуостров. Однако Ставка ВГК не утвердила эти предложения. На южном крыле советско-германского фронта она намечала провести две крупные стратегические операции: «Дон» на новочеркасском направлении и операцию на Северном Кавказе. Общий замысел Ставки ВГК заключался в нанесении ударов войсками Южного фронта с северо-востока, востока и юго-запада по сходящимся направлениям на Тихорецкую, Краснодар и Ростов, затем планировалось отрезать пути отхода северокавказской группировки в Донбассе и на Таманский полуостров, прижать ее к Кавказскому хребту, рассечь и уничтожить[72].

В соответствии с замыслом Ставки Южный фронт, которым командовал генерал А. И. Ерёменко, наносил главный удар на Ростов, а частью сил — на Сальск — Тихорецк, навстречу войскам Закавказского фронта. В это время фронт генерала И. В. Тюленева основными силами Черноморской группы наступал с юга на Краснодар — Тихорецк, не давая противнику отвести войска с Северного Кавказа; впоследствии эта группа должна была наступать на Батайск — Ростов и во взаимодействии с армиями Южного фронта завершить окружение северокавказской группировки врага и обеспечить ее разгром. Северной группе надлежало ударами в районе Нальчик — Пятигорск — Армавир расчленить 1-ю немецкую танковую армию, прижать ее основные силы к Главному Кавказскому хребту и совместно с Черноморской группой ликвидировать. На войска Черноморской группы, кроме того, возлагались задачи по разгрому соединений и частей 17-й полевой армии в районе Новороссийска и овладению Таманским полуостровом. Черноморский флот прикрывал приморский фланг фронта и должен был высадить морской десант в районе Новороссийска[73].

Во второй половине декабря 1942 г. обстановка для вражеских войск постоянно ухудшалась. 20 декабря советские войска сорвали деблокирующий удар немцев под Сталинградом. Командующий группой армий «Дон» Э. Манштейн опасался, что советские войска нанесут удар на Ростов. Излагая свой прогноз развития дальнейших событий начальнику генераль-

Подкрепления прибыли на фронт

Автоматчики в засаде на одном из горных перевалов

ного штаба сухопутных войск К. Цейтцлеру, он настаивал на отводе группы армий «Дон». Но Цейтцлер без согласия Гитлера отдать такой приказ не решался. Разрешение было получено лишь 28 декабря[74].

В первую очередь задачу на отвод своих войск получила 1-я танковая армия. Одновременно усиливалась оборона Черноморского побережья и горных перевалов, а группа армий «Дон» должна была активно сдерживать наступление советских войск на Ростов. Отвод войск намечалось осуществлять в несколько этапов.

К сожалению, советская разведка не сумела добыть сведения о немецких планах. Наоборот, она доложила, что группа армий «А» будет продолжать держаться на Северном Кавказе.

Наступательные действия на Кавказе, объединенные в операцию «Дон», впоследствии стали называться Северо-Кавказской стратегической наступательной операцией. По характеру боевых действий и задачам ее можно разделить на несколько этапов. На первом этапе (1 января — 5 февраля) войска Закавказского фронта силами правого крыла Северной группы преследовали отходившего противника на ставропольском и армавирском направлениях, а Черноморская группа вела наступление на краснодарско-тихорецком и новороссийском направлениях. В это время главные силы Южного фронта наступали на Ростов, а часть сил — на Сальск. На втором этапе (5 февраля — 9 сентября) Северо-Кавказский фронт провел Новороссийскую наступательную операцию, а также шли наступательные бои в низовьях Кубани. В ходе третьего этапа (10 сентября — 9 декабря) шли наступательные действия на Кавказе, войска Северо-Кавказского фронта провели операцию по освобождению Таманского полуострова.

Одним из центральных событий в ходе освобождения Северного Кавказа являются действия войск Южного фронта во взаимодействии с армиями Закавказского фронта на северном (ростовском) направлении. В составе советской группировки насчитывалось свыше 1 млн человек личного состава, более 11,3 тыс. орудий и минометов, 1278 танков, 900 самолетов (в том числе самолеты Черноморского флота).

Войскам Южного и Закавказского фронтов противостояли основные силы группы армий «Дон» и группа армий «А». Силы и средства агрессора и сателлитов насчитывали 764 тыс. человек, около 5,3 тыс. орудий и минометов, 700 танков, 530 самолетов[75].

Главный удар наносился армиями правого крыла Южного фронта на Ростов-на-Дону, а левого крыла — на Сальск и Тихорецк, навстречу войскам Закавказского фронта, чтобы совместно окружить и уничтожить вражескую группировку в междуречье Кубани и Маныча.

Наступление советских войск началось 1 января. Правофланговая группировка фронта (5-я ударная и 2-я гвардейская армии, танковый, два механизированных корпуса), сломив сопротивление противника, продвинулась на 80–100 км и к 7 января вышла к р. Кагальник, а в некоторых местах форсировала р. Дон. Вражеская группировка спешно отходила за р. Северский Донец.

В это время левофланговая группировка Южного фронта (51-я и 28-я армии), наступавшая на тихорецком направлении, продвигалась медленно. Эти объединения были крайне слабыми. За первую неделю боевых действий соединения 51-й армии вышли к Зимовникам — важному узлу сопротивления противника, а войска 25-й армии готовились к форсированию р. Маныч.

Командование группы армий «Дон» спешно усиливало ростовское направление. Но соединения правофланговой группировки советских войск продолжали рваться вперед. Подвижные соединения 2-й гвардейской армии вышли на оперативный простор и начали продвигаться на запад. Несмотря на то что нехватка горючего замедляла темп наступления, они, преодолевая ожесточенное сопротивление противника и отражая его контратаки, за две недели боев продвинулись на 150–200 км и вышли в излучину Дона и Манычского канала. До Ростова оставалось 50–60 км. На этом рубеже бои приняли затяжной характер.

Армии правого крыла Южного фронта продолжали продвигаться к Ростову. Боевые действия протекали при общем превосходстве противника в воздухе. Наступавшие соединения оторвались от тыловых баз. В таких сложных условиях 5-й ударной армии удалось к 18 января

выйти к р. Северский Донец в районе от Белой Калитвы до Усть-Донецкого[76]. Бои на этом рубеже приняли затяжной характер. Успешно действовали и соединения 2-й гвардейской армии. К 14 января они форсировали р. Маныч и захватили плацдарм на противоположном берегу. Однако из-за упорного сопротивления противника развить наступление не удалось. Кроме того, у подвижных соединений закончилось горючее.

Ставка ВГК внимательно следила за событиями, разворачивающимися на Северном Кавказе, и потребовала активизировать боевые действия. По ее указанию во 2-й гвардейской армии была создана сильная механизированная группа (танковый, два механизированных корпуса и стрелковая дивизия) под командованием П. А. Ротмистрова. Перед ней стояла задача прорваться к Батайску.

Механизированная группа быстро вышла к Батайску, ее передовой отряд разгромил вражеский аэродром на окраине города[77]. Но сломить сопротивление врага, командование которого задействовало в этом районе части 7-й и 11-й танковых дивизий, не удалось.

В директиве Ставки командующему фронтом указывалось: «Захват Батайска... имеет большое историческое значение. Со взятием Батайска мы закупорим армии противника на Северном Кавказе, не дадим выхода в районы Ростова, Таганрога, Донбасса... Враг на Северном Кавказе должен быть окружен и уничтожен, так же как он окружен и уничтожен под Сталинградом»[78].

Неоднократные попытки прорвать оборону вражеской группировки в районе Ростова не давали результатов. Под прикрытием 4-й танковой армии немецкое командование через Ростов на север спешно выводило соединения и части 1-й танковой армии. В последних числах января соединения 5-й ударной и 2-й гвардейской армий вышли на подступы к Ростову с востока. В это же время 51-я и 28-я армии продвигались к Ростову с юго-востока.

Ростовская группировка противника упорно сопротивлялась. Только на участке между реками Дон и Белая Глина противник развернул четыре танковые и две моторизированные дивизии. Лишь 7 февраля войска Южного фронта сумели сломить сопротивление батайской группировки врага и освободить Батайск, а также города Шахты и Новочеркасск.

Противник оказался почти в полном окружении. Лишь один путь — на Таганрог — соединял его ростовскую группировку с остальными войсками. В ночь на 8 февраля конно-механизированная группа генерала Н. Я. Кириченко и войска 44-й армии, преодолев по льду реки Дон и Мертвый Донец, перерезали этот путь. 9 февраля 28-я армия форсировала Дон южнее Ростова, а 14 февраля соединения этой армии освободили город.

Немецкое командование отводило свои войска на заблаговременно подготовленный оборонительный рубеж по р. Миус. Попытка войск Южного фронта прорвать этот рубеж с ходу успеха не имела, и 18 февраля они перешли к обороне.

В то время когда северная группировка советских войск, действовавших на Северном Кавказе, развивала наступление на ростовском направлении в центре, на ставропольском направлении наступала Северная группа войск Закавказского фронта.

Фельдмаршал Э. Манштейн после получения разрешения от начальника генерального штаба сухопутных сил Цейтцлера отдал приказ на отвод соединений 1-й танковой армии. В ночь на 1 января армия, прикрываясь сильными арьергардами, начала отходить за р. Кума. К сожалению, советское командование не заметило этот маневр. Несмотря на то что разведка доложила о движении колонн противника на запад, штаб Северной группы не придал этому значения. Соединения 44-й и 58-й армий начали действовать ограниченными силами. Лишь через два дня, 3 января, когда противник отвел не только главные силы, но и некоторые части прикрытия, Северная группа перешла в наступление. Но оно велось тем же составом войск, который занимал оборону. Наступательная группировка не создавалась. В результате основные силы противника успевали отрываться от наступавших советских войск.

Недовольная действиями Закавказского фронта Ставка ВГК приказала генералу И. В. Тюленеву перенести «центр тяжести операции» в полосу Черноморской группы войск, а «Северная группа... превращается в резервную группу, имеющую задачу легкого преследования противника»[79].

Северная группа войск продолжала преследование противника на моздокском направлении, продвинувшись за 4 января на северо-запад на 15–20 км. Были освобождены Малгобек, Моздок, Нальчик. К этому времени противник начал отводить свои части с Главного Кавказского хребта. Соединения 46-й армии, растянутые на широком фронте, не смогли помешать этому.

Однако действия Северной группы были вялыми, ее соединения допускали отрыв отходивших частей противника. Командующий войсками группы отмечал, что отряды преследования действовали медленно и вместо выхода на пути отхода пытались наносить удары в лоб[80]. В целях устранения указанных недочетов в действиях войск он приказал для преследования и уничтожения отходившего противника в каждой дивизии иметь специально выделенные и посаженные на машины отряды преследования, состав которых устанавливался от взвода до роты. Они усиливались минометами и отдельными орудиями. При отсутствии в дивизиях (полках) автотранспорта отряды высылались на повозках или десантировались на проходящие танковые колонны.

Командующий Северной группой генерал И. И. Масленников, стремясь упредить противника в выходе к р. Кума, принял решение ввести в сражение второй эшелон — 58-ю армию и потребовал от войск преследовать противника в темпе 50–70 км в сутки. Но генеральный штаб не согласился с этим решением. Командованию фронта и группы предлагалось основные силы подвижных войск сосредоточить на правом фланге. Они должны были выйти на пути отхода неприятеля в районе станицы Невинномысская. На левом фланге предполагалось иметь минимальные силы, которые должны были сковывать, а не выталкивать противника из предгорий Главного Кавказского хребта[81].

Действия соединений в ходе преследования противника становились более целеустремленными. Фронтальное наступление стало чаще сочетаться с нанесением сковывающих ударов. Была создана конно-механизированная группа генерала Н. Я. Кириченко, из которой выделены отряды для рейдов на Ставрополь и Армавир. В армиях создавались подвижные мотогруппы.

Принятые меры и изменение в способах действий повысили темп преследования противника. Наибольший успех имели соединения 9-й армии, наступавшие вдоль железной дороги Прохладный — Армавир. 5 января был освобожден г. Прохладный. Однако упредить противника в выходе к р. Кума не удалось, и 8 января он занял рубеж по этой водной преграде. Через двое суток, 10 января, к реке вышли главные силы 44, 9 и 58-й армий. Отдельные передовые части прорвались в глубину. Так, 52-я танковая бригада вышла к Минеральным Водам. К исходу 11 января город был освобожден[82]. До 15 января были заняты Будённовск, Пятигорск, Кисловодск, Ессентуки.

Напряженные бои развернулись на рубеже р. Калаус — Черкесск, которые продолжались двое суток. 17 января был захвачен Черкесск, а 20 января — Невинномысск. К этому времени соединения и части 44-й армии вышли на подступы к Ставрополю. Передовой отряд 347-й стрелковой дивизии сумел ворваться в город. Завязались бои с его гарнизоном. 21 января Ставрополь был освобожден, а 22 января соединения и части 28-й армии Южного фронта овладели г. Сальск, соединившись с Северной группой Закавказского фронта. 24 января был освобожден Армавир.

За 22 дня войска Северной группы преодолели 400–450 км и вышли к третьему оборонительному рубежу противника. Однако окружить противника не удалось. Многие соединения понесли значительные потери.

Германское командование, окончательно отказавшись от планов организации нового наступления на Кавказ, 22 января приняло решение вывести через Ростов как можно больше сил, а оставшиеся использовать для обороны позиций восточнее Краснодара и Тимошевской, от Новороссийска на Крымскую и Славянскую, от Анапы до Темрюка. Однако ни одна из этих позиций удержана не была. На Ростов успела отойти лишь 1-я танковая армия, а остальные силы вражескому командованию пришлось выводить на Таманский полуостров[83].

Командир эскадрильи советских бомбардировщиков американского производства А-20 «Бостон» майор Орлов ставит боевую задачу летному составу. Северный Кавказ

Но и советскому командованию не удалось достичь поставленных целей. Еще оставалась надежда на окружение 17-й полевой армии. Но эта задача становилась все менее осуществимой: противник сомкнул фланги групп армий «Дон» и «А». Учитывая это, Ставка ВГК начала перегруппировку войск. Согласно директиве от 24 января Северная группа войск была выведена из состава Закавказского фронта и преобразована в Северо-Кавказский фронт. Командующим войсками фронта был назначен генерал И. И. Масленников. В состав фронта включались 9, 37, 44 и 58-я армии, Кубанский и Донской кавкорпуса, части и соединения, входившие в Северную группу. Новому фронту предстояло наступать по трем расходящимся направлениям: преследовать отходившие на Ростов соединения 1-й танковой армии, нанести удар из района севернее Армавира к Азовскому морю на Ейск, а остальные силы повернуть на Тимашевскую и Краснодар — навстречу Черноморской группе войск. В составе Закавказского фронта оставались Черноморская группа войск (46, 18, 56 и 47-я армии), 13-й и 16-й стрелковые корпуса, 5-я воздушная армия. Его задача заключалась в разгроме кранодарской и новороссийской группировок врага[84].

Перед войсками Северо-Кавказского фронта на Тихорецк и Кущевскую отходили соединения и части 1-й немецкой танковой армии. Против левого крыла Южного фронта действовали 57-й и 3-й танковые корпуса 4-й немецкой танковой армии. С целью обеспечения выхода своей северокавказской группировки на Ростов вражеское командование пыталось задержать продвижение Южного фронта. Войска 7-й полевой армии отходили на Таманский полуостров. Сильными арьергардами они сдерживали натиск Черноморской группы Закавказского фронта.

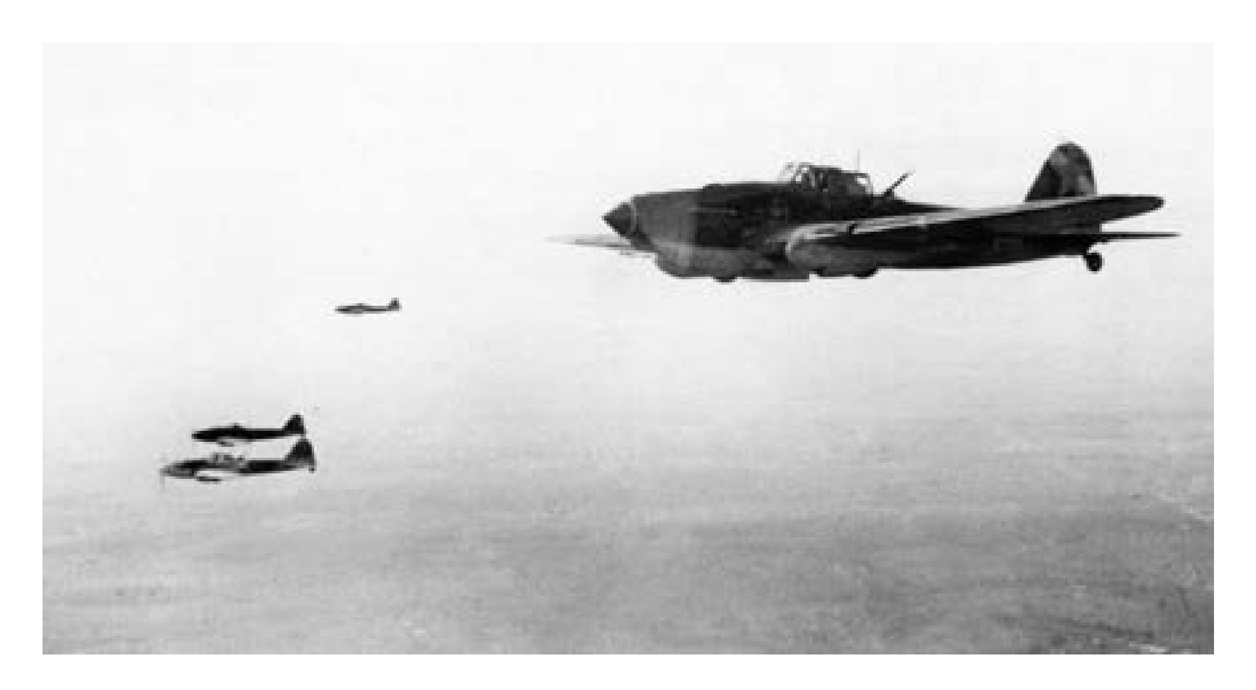
С выполнением задач, поставленных 24 января Ставкой ВГК войскам, действовавшим на Северном Кавказе, начинался следующий этап Северо-Кавказской стратегической наступательной операции. Сражения развернулись от устья Дона до Черного моря.

Войска Южного фронта продолжали вести тяжелые бои у рек Кагальник, Северский Донец и Маныч. Лишь в последних числах января соединения фронта вышли на подступы к Ростову с востока и юго-востока. Командующий Северо-Кавказским фронтом генерал И. И. Масленников, получив 24 января задачу, выработал план: рассечь группу армий «А», закрыть пути отхода ее главным силам на север и окружить 17-ю полевую армию на Кубани. С этой целью главные силы 44-й армии и конно-механизированной группы генерала Н. Я. Кириченко наносили удар на Батайск. Часть сил развивала наступление на Азов. Соединениям 58-й и 9-й армий предписывалось захватить Тихорецк и выйти к Таганрогскому заливу. 37-я армия наступала на Краснодар, навстречу Черноморской группе войск[85].

Выполняя поставленные задачи и преодолевая усилившееся сопротивление противника, войска Северо-Кавказского фронта до 4 февраля продолжали его преследование. Конно-механизированная группа совместно с соединениями 44-й армии к 4 февраля вышли к Батайску. На следующий день они были переданы в состав Южного фронта. 58-я армия освободила Тихорецк, а 5 февраля — Ейск. Продвинувшись за 10 дней на 160 км, она на широком фронте вышла к Азовскому морю. Соединения 37-й армии начали обход Краснодара с севера. 9-я армия совместно с 37-й охватила 17-ю немецкую армию с севера. С юга и юго-востока эту армию теснили возобновившие наступление войска Черноморской группы Закавказского фронта.

Преследование отходившего противника, начатое войсками Северной группы Закавказского фронта 3 января и продолженное армиями Северо-Кавказского фронта, завершилось. За это время советские войска прошли с боями 500–600 км и освободили территорию от Владикавказа и Моздока до Азовского моря и от Главного Кавказского хребта до Маныча[86].

Передав 44-ю армию и конно-механизированную группу генерала Н. Я. Кириченко в состав Южного фронта, основные силы Северо-Кавказского фронта (58, 9 и 37-я армии) получили задачу во взаимодействии с Черноморской группой войск уничтожить северокавказскую группировку противника. Причем 5 февраля Черноморская группа была передана из Закавказского в Северо-Кавказский фронт[87].

Штурмовики 7-го гвардейского штурмового авиаполка 230-й штурмовой авиадивизии на боевом задании. *На переднем плане* — штурмовик Ил-2 капитана В. Б. Емельяненко, будущего Героя Советского Союза. Северо-Кавказский фронт

В то время как Северная группа Закавказского фронта 3 января начала преследование 1-й немецкой танковой армии, войска Черноморской группы приступили к выполнению задач на краснодарско-тихорецком направлении.

Непосредственно перед фронтом Черноморской группы войск оборонялась 17-я немецкая армия (семнадцать дивизий, пять отдельных полков и двенадцать отдельных батальонов), которая прикрывала фланг и тыл северокавказской группировки противника. На левом фланге этой армии действовал 49-й горнострелковый корпус, в центре — части 44-го немецкого артиллерийского и румынского кавалерийского корпусов, на правом фланге — 5-й артиллерийский корпус.

План наступательной операции Черноморской группы войск состоял из двух частей: операций «Горы» и «Море». Замысел этих операций, их содержание, цели и этапы, привлекаемые силы и средства, порядок создания ударных группировок, задачи войскам и сроки их выполнения были подробно изложены командующим Закавказским фронтом в докладе Верховному главнокомандующему 10 января[88]. На следующий день планы операций были утверждены Ставкой ВГК.

В ходе операций «Горы» и «Море» войска Черноморской группы тесно взаимодействовали с Черноморским флотом. В период подготовки операции силы флота, выполняя задачи по охране морских коммуникаций, обеспечению оперативных перевозок и материальному снабжению войск, продолжали вести борьбу с вражескими надводными и подводными кораблями и производили нападения на его морские коммуникации и базы. Одновременно с боевыми действиями на море Черноморский флот провел подготовку к высадке морского десанта в районе Новороссийска[89].

Наступление Черноморской группы Закавказского фронта началось 11 января 1943 г. К этому времени войска правого крыла фронта, преследуя отходившие части 1-й танковой армии противника, овладели Будённовском и Кисловодском, вели борьбу за Минеральные

Воды. Армии Южного фронта, наступая на сальском и ростовском направлениях, вышли к Манычскому каналу.

Армии Черноморской группы переходили в наступление разновременно: 11 января — войска 46-й, 12 января — 47-й армии. 46-я армия наносила главный удар на Нефтегорск — Апшеронский, а частью сил — на Майкоп. Соединения 47-й армии наступали в направлении на Крымскую. Если 47-я армия практически успеха не имела, то соединения 46-й армии к 16 января вынудили врага к отходу в северном направлении. Продвижение армии на майкопском направлении создало угрозу вражеским соединениям и частям, оборонявшимся против 18-й армии. Немецкое командование вынуждено было начать их отвод из районов Гунайки и Шаумяна. Командование армии, обнаружив отход противника, отдало приказ немедленно начать его преследование в направлениях Хадыженского и Туапсинского шоссе на Шаумян и Кутаисскую. 16 января перешли в наступление соединения 56-й армии.

В последующие дни ожесточенные бои продолжались по всей полосе Черноморской группы. Несмотря на ожесточенное сопротивление противника, ее войска к 23 января прорвали вражескую оборону южнее Краснодара и продвинулись на 15–20 км. Однако поставленные задачи выполнить полностью не удалось. К этому времени обстановка на Северном Кавказе резко изменилась. В связи с успешным наступлением войск Южного фронта на ростовском и балтийском направлениях, взятием Сальска и выходом Северной группы Закавказского фронта к Армавиру и Лабинской путь основным силам вражеской группировки через Ростов был перекрыт. Главные силы 17-й немецкой армии вынуждены были повернуть в юго-западном и западном направлениях с целью отхода на Таманский полуостров. В связи с этим Ставка 23 января уточнила задачи Черноморской группе: выдвинуться в район Краснодара и прочно закрепиться на р. Кубань, главные силы направить на захват Новороссийска и Таманского полуострова, а в дальнейшем — овладеть Керченским полуостровом[90].

Таким образом, основные усилия Черноморской группы войск перемещались с центра на ее левый фланг, в полосу 47-й армии, которая усиливалась двумя стрелковыми дивизиями из резерва фронта и девятью артиллерийскими полками, перебрасываемыми с других участков. 47-й армии было приказано, взаимодействуя с морским десантом, разбить и уничтожить противостоявшего противника и к 5 февраля овладеть рубежом Варениковская — Анапа. В дальнейшем, наступая на Тамань — Темрюк, очистить от врага Таманский полуостров. Кроме того, предпринять еще один удар — на перевал Неберджайский. Соединения и части армии должны были во взаимодействии с морским десантом к 1 февраля окружить и уничтожить новороссийскую группировку противника, овладеть портом и городом Новороссийск.

Одновременно с этим Ставка уточнила задачи 56, 18 и 46-й армиям, а также Северной группе войск, военно-воздушным силам и Черноморскому флоту. Готовность к наступлению намечалась к исходу 26 января.

В связи с перенесением основных усилий на другое направление требовалась большая перегруппировка сил и средств. Несмотря на энергичные меры, принимавшиеся командованием Черноморской группы, эти мероприятия к началу наступления полностью закончить не удалось. Фактически к началу наступления заняли исходное положение и были в полной готовности только три стрелковые дивизии и три стрелковые бригады. Остальные же войска к наступлению готовы не были, а некоторые соединения еще находились на марше. Несмотря на это, командующий 47-й армией генерал Ф. В. Камков донес командующему Черноморской группой о готовности армии к наступлению[91].

К 26 января против ударной группировки 47-й армии действовали около пяти пехотных дивизий противника. 47-я армия имела незначительное превосходство, а двойное превосходство в танках из-за горного рельефа местности не давало особых преимуществ.

Наступление 47-й армии, как и планировалось, началось 26 января. Однако из-за упорного сопротивления противника ударная группировка вела безуспешные бои вплоть до 31 января. Удар в направлении перевала Неберджайского также не увенчался успехом: соединения не смогли сосредоточиться в назначенных районах. Десант в районе Новороссийска из-за сильнейшего шторма высадить не удалось.

В это время успех был достигнут в полосе армий, действовавших на правом крыле Черноморской группы. Соединения и части 46-й армии, пройдя с боями 70 км, 2 февраля вышли к р. Кубань, форсировали ее и овладели плацдармами в районе Старый Кубанский и Эдепскукай. К этому времени части 18-й армии вышли к рекам Кубань и Псекупс, а дивизии 56-й армии — в район Лакшкай — Тахтамукай. Овладеть Новороссийском и Таманским полуостровом оказалось им не по силам по многим причинам, в том числе из-за того, что большая часть артиллерии застряла в горах, а соединения 47-й армии предпринимали в основном фронтальные атаки.

Ставка ВГК вынуждена была вмешаться и принять меры для повышения активности действий Черноморской группы войск. В своей директиве от 2 февраля она потребовала от командования Закавказского фронта и Черноморской группы силами 56-й армии нанести фланговый удар по вражеской группировке из района южнее Краснодара на Львовскую — Крымскую с целью перехватить железную дорогу Краснодар — Новороссийск. Кроме того, им предписывалось захватить Краснодар[92].

Немецкое командование принимало меры по усилению своей группировки, действовавшей перед 47-й и 56-й армиями, которая обеспечивала планомерный отвод своих войск на Таманский полуостров. Ко 2 февраля противник довел состав своей группировки, противостоявшей войскам Черноморской группы, до 15 дивизий.

Армии Черноморской группы возобновили наступление 3–5 февраля. Оно проходило в тяжелых условиях. Ослабленные в предыдущих боях соединения и части встретили ожесточенное сопротивление. 3 февраля командующий Закавказским фронтом приказал высадить морской десант в районах Южной Озерейки и Станички, не дожидаясь выхода соединений 47-й армии на перевал Маркотх. Однако войска армии не смогли сломить сопротивление врага, не удалась и высадка морского десанта. На берегу в районе Станички закрепилась лишь десантная группа.

К исходу 5 февраля, за три дня наступательных боев, войска Черноморской группы сумели продвинуться лишь на 8–10 км. На этом закончилась наступательная операция Черноморской группы на краснодарско-тихорецком направлении. В тот же день Ставка ВГК переподчинила Черноморскую группу Северо-Кавказскому фронту.

44-я армия и конно-механизированная группа были переданы в состав Южного фронта, а также созданы две сильные группировки со строго определенными задачами. Закавказский фронт выключался из борьбы за Северный Кавказ. На него возлагались охрана Черноморского побережья на участке Лазаревская — Батуми, обеспечение советско-турецкой границы и руководство войсками, дислоцированными в Иране[93].

Северо-Кавказская стратегическая наступательная операция, длившаяся 35 суток, завершилась. За это время советские войска продвинулись на 300–600 км, вышли на подступы к Ростову, северо-восточнее Краснодара и к р. Кубань. Однако поставленная цель — окружить и разгромить вражеские группировки на Северном Кавказе — в полном объеме достигнута не была. Армии противника потерпели тяжелое поражение. 17-я полевая армия оказалась изолированной на Таманском полуострове, а 1-я танковая рассечена на две части, одна из которых отброшена в низовья р. Кубань, а другая — за р. Дон. Потери войск Южного, Закавказского, Северо-Кавказского фронтов и Черноморского флота с 1 января по 4 февраля составили свыше 154,5 тыс. человек, в том числе 69 627 человек — безвозвратно (6,1% общей численности фронтов)[94].

Дальнейшие действия по освобождению Северного Кавказа велись в форме фронтовых операций, каждый фронт решал задачи на самостоятельном направлении. Целью этих операций являлся не только разгром оборонявшихся на Северном Кавказе вражеских группировок, но и создание условий для последующих операций на Донбассе и в Крыму. Северо-Кавказский фронт в развитие ранее проводившихся операций «Море» и «Горы» планировал две фронтовые операции: главную (Краснодарскую) и частную (Новороссийскую).

В Северо-Кавказский фронт в то время входили семь общевойсковых армий (всего 30 стрелковых дивизий, 33 стрелковые и три танковые бригады), две воздушные армии.

В их составе насчитывалось 390 тыс. человек, до 1500 орудий и минометов, 275 танков и 462 боевых самолета. 58-я армия была развернута вдоль побережья Азовского моря, а 9, 37, 46, 18, 56 и 47-я армии полукольцом охватывали отошедшие на кубанско-новороссийский плацдарм немецко-румынские войска. Оборонявшаяся здесь 17-я полевая армия включала пять корпусов (19 пехотных, горнострелковых, легкопехотных, кавалерийских, авиационных, одна танковая и одна моторизованная дивизии), всего около 350 тыс. человек, в танковой дивизии — 20 легких танков. Армию поддерживали до 700 боевых самолетов[95].

Немецкое командование принимало меры по усилению своей группировки и укреплению обороны. Оно надеялось всеми силами удержать кубанский плацдарм. Была остановлена эвакуация немецких частей в Крым. В середине января появился запрет на отпуска для всех войск, воевавших на востоке. Было подготовлено несколько рубежей, включавших оборонительные позиции, опорные пункты и узлы сопротивления.

При планировании Новороссийской десантной операции основная роль отводилась морскому десанту, который должен был захватить плацдарм юго-западнее Новороссийска, а затем во взаимодействии с 47-й армией овладеть городом, после чего развить наступление на Анапу и в обход краснодарской группировки врага с запада.

Командование Северо-Кавказского фронта уточнило план десантной операции, замысел которой был выработан еще в конце 1942 г. Основные силы морского десанта составляли две морские и отдельная стрелковая бригады, отдельный полк НКВД, отдельные пулеметный и танковый батальоны и другие части. Десант намечалось высадить в 15 км юго-западнее Новороссийска в районе поселка Южная Озерейка. Он состоял из двух отрядов: один формировался в Геленджике, а другой — в Туапсе. Для содействия ему севернее Южной Озерейки, в 3–4 км от берега, предусматривалось высадить парашютный десант (80 человек), а на западный берег Цемесской бухты, в районе Станички — вспомогательный десант, штурмовой отряд (до 800 человек)[96].

Для высадки десанта предназначались боевые корабли Черноморского флота и транспортные суда различных классов. Основному десанту выделили пять отрядов кораблей: отряд транспортов, отряд охранения, отряд высадочных средств, отряд корабельной поддержки и отряд прикрытия и огневого обеспечения, а кроме того, две отдельные группы кораблей, которые должны были обстреливать береговые объекты противника и демонстрировать высадку десанта в районах Варваровки и мыса Железный Рог[97].

Общее руководство операцией по овладению Новороссийском осуществлял командующий Черноморской группой войск генерал И. Е. Петров, а высадкой десанта руководил главнокомандующий Черноморским флотом Ф. С. Октябрьский. Готовность к проведению десантной операции была назначена в ночь с 3 на 4 февраля, не ожидая выхода частей 47-й армии на перевал Маркотх, то есть до прорыва вражеской обороны на главном направлении удара армии[98].

Несмотря на принятые меры по маскировке подготовки к высадке десанта, немецкое командование сумело разгадать намерения советских войск. Так, 3 февраля командир 789-го дивизиона береговой артиллерии, расположенного у бухты в Озерейке, доложил в штаб 17-й армии о своих опасениях по поводу предстоящего десанта в районе бухты, поскольку русские вели усиленную морскую и воздушную разведку. Его опасения подтвердил и командир 73-й пехотной дивизии. В результате для охраны побережья были выделены дополнительные орудия.

1 февраля в 13 часов после продолжительной артиллерийской подготовки части левого фланга 47-й армии перешли в наступление. За день напряженного боя они смогли продвинуться только на 200–500 метров. В связи с тем что ударная группировка не добилась успеха в прорыве вражеской обороны в районе гор Долгая и Сахарная Голова, командующий Закавказским фронтом решил высадить морской десант, не ожидая выхода 47-й армии на перевал Маркотх, и приказал начать десантирование не позднее 24 часов 4 февраля, в соответствии с планом штаба Черноморского флота[99].

3 февраля в 18 часов началась посадка десантной группы на корабли в портах Геленджик и Туапсе. Однако расчетные данные оказались нарушены. Первый отряд из-за плохо орга-

низованной погрузки и ухудшения погоды опоздал с выходом в море. Негативно отразились на высадке десанта и несогласованные действия командира сил высадки контр-адмирала А. Б. Басистого и адмирала Ф. С. Октябрьского. В результате сторожевые катера с передовым отрядом десанта подошли к району высадки только через 30 минут после окончания артиллерийской подготовки, в ходе которой огневые точки 10-й румынской пехотной дивизии были подавлены слабо. За два часа до начала артиллерийской подготовки корабельных орудий, в 00 часов 45 минут авиация нанесла бомбоштурмовой удар по Южной Озерейке и выбросила севернее ее воздушный десант из 57 парашютистов[100].

Всего в районе Южной Озерейки удалось высадить 1427 человек и 16 танков, в районах Васильевки и Глебовки — 57 парашютистов. Проявляя высокое мужество, десантники захватили Южную Озерейку и начали продвигаться в глубину вражеской обороны[101].

Однако противник, перебросив в район высадки крупные силы, отрезал десант от берега и окружил его. Бойцы передового отряда и воздушного десанта дрались трое суток. Только небольшой группе десантников удалось пробиться в район Станички, а отдельные десантники были сняты с берега катерами флота[102].

Десант, высаженный в районе Южной Озерейки, не решил поставленной перед ним задачи, но отвлек на себя и сковал значительные силы противника, тем самым облегчив высадку десанта в районе Станички.

Иначе проходила высадка вспомогательного десанта. Она началась в точно назначенное время. Под прикрытием огня и дымовой завесы бойцы первого эшелона (272 человека) под командованием майора Ц. Л. Куникова захватили небольшой плацдарм. Вслед за этим в район Станички началась переброска второго и третьего эшелонов. Всего были высажены около 900 человек.

Надежное подавление огневых средств и уничтожение живой силы противника, внезапная высадка десанта позволили захватить плацдарм шириной до 4 км по фронту и глубиной до 2,5 км. С утра 4 февраля десантники в течение двух дней героически отражали неоднократные контратаки противника, пытавшегося сбросить их в море. Несмотря на тяжелейшее положение, большие потери и недостаток боеприпасов, моряки с помощью пополнения (200 человек), переправленного в ночь на 5 февраля, отстояли свои позиции[103].

Оценив сложившуюся обстановку, командующий флотом 5 февраля во изменение своего первоначального плана принял решение высадить основные силы десанта на захваченный плацдарм у Станички и попытаться развить успех в этом направлении. Командование фронта и флота постоянно усиливало соединения и части, сражавшиеся на плацдарме. На этот плацдарм, получивший название Малой земли, с 6 по 12 февраля были переброшены три, а затем еще четыре стрелковые бригады и другие части, а также управление 16-го стрелкового корпуса. Несмотря на то что в последующие дни противник бросил против десанта значительные силы, на захваченный плацдарм продолжали поступать подкрепления. К 15 февраля в район Станички были переброшены 17 208 солдат и офицеров, 21 орудие, 74 миномета, 86 пулеметов, 440 тонн боеприпасов и продовольствия[104]. Значительную помощь десанту оказала авиация, которая за это время произвела 1383 самолето-вылета, сбросив на боевые порядки и объекты противника 258 тонн авиабомб.

На плацдарме в районе Станички — Мысхако солдаты, матросы и офицеры проявили величайший героизм и отвагу в борьбе с немецкими захватчиками, которые принимали все меры, чтобы ликвидировать десант, сбросить его в море. До 2000 самолето-вылетов производила на плацдарм в отдельные дни вражеская авиация.

С 9 по 15 февраля десантникам удалось овладеть Мысхако и прорваться на юго-западную окраину Новороссийска. Плацдарм был расширен до 7 км по фронту и 4 км в глубину[105]. Но добиться большего успеха и освободить Новороссийск они не смогли. Впоследствии здесь были развернуты основные силы вновь созданной 18-й армии.

Несмотря на то что десантная операция Черноморского флота совместно с частями Черноморской группы войск в районах Южной Озерейки и Станички не достигла намеченной цели, она создала благоприятные условия для освобождения Новороссийска в сентябре 1943 г.

В период, когда под Новороссийском развертывалась борьба за захват и удержание плацдарма, главные силы Северо-Кавказского фронта продолжали подготовку к Краснодарской наступательной операции. Соединения и части пополнялись личным составом и техникой, велась разведка, создавались ударные группировки. Срок перехода в наступление был определен Ставкой ВГК на 9 февраля.

Противник (17-я полевая и часть сил 1-й танковой армии — всего 21 дивизия) опирался на подготовленные оборонительные рубежи по рекам Бейсуг, Бейсужек, Кубань, а также Краснодарскому обводу. Создавая оборону на этих рубежах, противник стремился удержать за собой важный в оперативном отношении плацдарм (Таманский полуостров, г. Краснодар и территорию западнее Краснодара).

Цель советских войск в Краснодарской операции — окружить и уничтожить краснодарскую группировку противника и ликвидировать немецкий плацдарм в низовьях Кубани. Главный удар наносился двумя правофланговыми армиями (58-й и 9-й) в общем направлении на Славянскую (ныне Славянск-на-Кубани) и Варениковскую, а второй удар — силами двух армий центра (37-я и 46-я) в общем направлении на Краснодар[106].

К началу операции в составе Северо-Кавказского фронта имелось семь общевойсковых (58, 9, 46, 37, 18, 56 и 47-я) и две воздушные (4-я и 5-я) армии — всего 30 стрелковых дивизий, 33 стрелковых и три танковые (275 танков разных систем) бригады; в воздушных армиях насчитывалось 462 самолета.

На рассвете 9 февраля, вслед за артиллерийской подготовкой, войска правого крыла и центра Северо-Кавказского фронта перешли в наступление. Наступавшие с северо-востока на Славянскую и Троицкую 58-я и 9-я армии в течение первых двух дней успеха не имели. Нарастив усилия, они сломили сопротивление 52-го армейского корпуса и вынудили его к отходу. К 13 февраля обе армии продвинулись на 30—40 км, но были остановлены. Наиболее успешно действовала 37-я армия. Прорвав оборону противника, она теснила 49-й немецкий горнострелковый корпус. Форсировав ряд водных преград, армия овладела железнодорожной станцией Тимашевская и к 13 февраля вышла в район в 20—25 км севернее Краснодара. Используя ее успех, 11 февраля в наступление перешла действовавшая в центре фронта 46-я армия. Ее соединения к исходу 12 февраля прорвались на северо-восточную окраину Краснодара. К этому времени 56-я армия, развернув направление удара на запад, медленно продвигалась на Крымскую. Краснодар оказался полуокруженным, вражеский гарнизон начал поспешный отход. К исходу 12 февраля город был занят силами 46-й и 18-й армий[107].

11 февраля 18-я армия была расформирована, а ее части и соединения переданы в состав 46-й и 56-й армий. Полевое управление было переброшено на плацдарм в районе Новороссийска, где оно объединило войска, действовавшие на новороссийском направлении. 18-я десантная армия получила задачу к исходу 15 февраля овладеть Новороссийском, а в дальнейшем нанести удар на Варениковскую — Гостагаевскую, где соединиться с 56-й армией. Однако 46-я и 56-я армии, возобновив наступление, сумели выйти к р. Афипс. Не привели к ожидаемым результатам и действия на северном фланге 58-й и 9-й армий, а на южном — 47-й и 18-й десантной армий. Фронт стабилизировался.

На втором этапе Краснодарской операции, начавшемся 23 февраля, основные усилия были перенесены в центр и на левое крыло фронта с целью развития наступления на Славянскую и Варениковскую. Главный удар был нацелен на Варениковскую с северо-востока, другой — на Крымскую и далее на Варениковскую. Таким образом, по замыслу Северо-Кавказского фронта, отрезались пути отхода войск 17-й армии на Таманский полуостров, а ударом с фронта на Славянскую вражеская группировка рассекалась.

Немецкое командование принимало спешные меры по усилению 17-й армии и укреплению обороны. Была восстановлена боеспособность соединений. Всего в составе 17-й армии действовали 19 дивизий[108].

Накануне наступления командующий фронтом усилил некоторые армии, однако времени на подготовку наступления практически не было — всего сутки. Поэтому войска возобновляли наступление в прежнем построении.

В атаку!

Задачи, стоявшие перед войсками Северо-Кавказского фронта на втором этапе Краснодарской наступательной операции, не были выполнены. Наиболее заметного успеха добилась лишь 37-я армия, соединения которой продвинулись на 10–12 км и к 6 марта вышли к р. Протока в районе Славянска. Однако захватить этот крупный узел обороны противника ей не удалось. С 6 по 8 марта на фронте установилось затишье.

Третий этап операции, начавшийся 9 марта, характеризовался стремлением немецкого командования сохранить линию фронта и укрепить свою оборону. С этой целью оно отводило части 17-й полевой армии на более выгодный рубеж, получивший наименование «Голубая линия». На флангах этот рубеж опирался на мощные оборонительные узлы, созданные в районе Новороссийска и Темрюка, а в центре — на р. Протока, которая имела ширину 80–120 м. На ее берегах были созданы насыпные валы высотой до двух метров.

Войска фронта, перейдя к преследованию противника, к 15–16 марта вышли к новому оборонительному рубежу 17-й полевой армии, однако с ходу преодолеть его не удалось. После подготовки соединения 9-й и 37-й армий форсировали р. Протока и овладели Славянской и Троицкой, а 56-я армия вышла к Крымской. Однако немцы сумели закрыть брешь и остановить советские войска. Стабилизировался фронт и в районе Новороссийска. На этом Краснодарская наступательная операция завершилась.

Несмотря на то что цели операции не были достигнуты, советские войска добились важных оперативных результатов. 17-я немецкая полевая армия была оттеснена на Таманский

полуостров, а часть ее блокирована в районе Новороссийска. Она оказалась отрезанной от главных сил, зажата на ограниченном пространстве и могла снабжаться только через Крым.

По указанию Ставки ВГК Северо-Кавказский фронт приступил к подготовке новой операции. Наступательные действия войск Северо-Кавказского фронта в низовьях Кубани растянулись на несколько месяцев. Однако операции готовились поспешно и недостаточно тщательно. К началу наступления войска зачастую были не готовы, не обеспечены материально и в большинстве случаев не сосредоточены в исходных районах. Дважды начинавшееся наступление в районе Крымской не привело к разгрому таманской группировки врага.

Крымская являлась важнейшим узлом обороны противника, через который проходили основные пути на Новороссийск, Анапу, Тамань и Темрюк. Операцию планировалось осуществить в относительно короткий срок, но, как и предшествовавшая ей Краснодарская операция, она растянулась более чем на полтора месяца. Главная роль в операции отводилась 56-й армии. Севернее этой армии наносили концентрические удары с северо-востока и востока на Варениковскую 58, 9 и 37-я армии. На всех направлениях войска натолкнулись на сильное сопротивление. Немецкое командование, сосредоточив на аэродромах Крыма и Таманского полуострова до тысячи самолетов, наносило по наступавшим мощные бомбо-штурмовые удары. В районе Крымской, несмотря на отвагу и героизм летчиков 4-й и 45-й воздушной армий, войска были буквально прижаты к земле вражеской авиацией.

Армии правового крыла и центра фронта так и не прорвали оборону врага. Только соединениям 56-й армии удалось сломить сопротивление противостоявших ей вражеских частей и овладеть Крымской, но развить наступление они не смогли. Командование фронта и армии в ходе наступления не проявляли должной оперативности в маневрировании силами за счет других (пассивных) участков фронта.

Усилившееся сопротивление противника вынудило Ставку ВГК отказаться от продолжения наступления. Прибывший на Северо-Кавказский фронт Г. К. Жуков с согласия Ставки распорядился приостановить операцию и начать подготовку к нанесению нового удара.

Если на большинстве сухопутных участков фронта активные боевые действия прекратились, то в воздухе разгорелись ожесточенные бои. По распоряжению Ставки на Кубань были перебазированы из ее резерва три авиационных корпуса и отдельная истребительная авиационная дивизия. Уже 20 апреля они вступили в схватку с немецкой авиацией. Ожесточенные воздушные сражения на Кубани продолжались до начала июня 1943 г.[109] Они стали для советских летчиков школой боевого мастерства, для командующих авиацией и командиров — школой совершенствования управления крупными силами авиации.

Одновременно с начавшимся воздушным сражением возобновились напряженные бои на земле. 17 апреля соединения 17-й полевой армии начали давно готовившуюся операцию по ликвидации советского плацдарма на полуострове Мысхако. Несмотря на массированный огонь с земли и удары с воздуха (только в первый день наступления немецкая авиация совершила более 1000 самолето-вылетов)[110], воины 18-й армии удержали занимаемые рубежи. В конце апреля — начале июня противник предпринял еще несколько попыток рассечь и ликвидировать плацдармы, но все они были отбиты.

Тем временем войска Северо-Кавказского фронта возобновили наступление сначала в районе Крымской, а затем, с 26 мая по 7 июня и в конце июня — начале июля, — в районе станиц Киевское, Молдаванское (10 км западнее Крымской) и на других участках. Однако все эти частные операции закончились безрезультатно. Потерпела неудачу и попытка высадки речного десанта на побережье Азовского моря. Еще одна неудачная попытка ликвидировать таманский плацдарм была предпринята 7 августа. Но из-за сильного сопротивления противника 12 августа наступление было прекращено. Северо-Кавказский фронт, командование которым 13 мая принял И. Е. Петров, приступил к подготовке Новороссийско-Таманской операции.

К 1 сентября общая обстановка на Таманском полуострове для противника была сложной. В это время Красная армия развивала стремительное наступление к Днепру, прорвала вражескую оборону на р. Миус, а затем и на р. Молочная. Поэтому немецкое командование, понимая, что в этих условиях удерживать таманский плацдарм как исходный район для

нового похода на Кавказ не имело смысла, решило отвести 17-ю полевую армию через Керченский пролив в Крым. В то же время оно приняло меры по совершенствованию обороны на «Голубой линии».

Несмотря на то что состав 17-й армии несколько сократился, она все же представляла значительную силу. В армии оставалось 16 дивизий, более 400 тыс. человек, 2860 орудий и минометов, свыше 100 танков и штурмовых орудий. Для поддержки войск с воздуха выделялось до 300 боевых самолетов, которые базировались на аэродромах Тамани и Керченского полуострова[111].

В первом эшелоне оборонялись семь пехотных, одна легкая пехотная и одна горнострелковая дивизии. На Черноморском побережье занимали оборону две дивизии, и еще две дивизии находились в резерве командующего армией.

В течение четырех с лишним месяцев противник создавал оборону на таманском плацдарме. Она включала в себя две оборонительные полосы общей глубиной 20—25 км и целый ряд эшелонированных на глубину до 60 км рубежей и позиций. Главная полоса обороны — основа «Голубой линии» — состояла из трех-четырех позиций глубиной до 5—7 км. На каждой позиции были подготовлены сильно укрепленные опорные пункты с большим количеством долговременных и деревоземляных огневых точек. Полоса прикрывалась сплошными минными полями, проволочными заграждениями в 3—6 рядов[112]. Вторая полоса обороны проходила в 10—15 км от первой. За ней были подготовлены три промежуточных рубежа. Города Новороссийск, Анапа, Темрюк, Тамань, все большие станицы были превращены в мощные оборонительные узлы. Наиболее сильно были укреплены станица Киевское и примыкавшая к Новороссийску прибрежная полоса между Цемесской бухтой и отрогами Кавказских гор. Фланги 17-й армии упирались в Азовское и Черное моря.

На северном участке протяженностью 56 км оборонялся 49-й горнострелковый корпус, против которого действовали соединения 9-й и две дивизии 58-й армии. В центре немецкой обороны (32 км) против 56-й армии оборонялся 44-й немецкий армейский корпус. Главными узлами обороны являлись станицы Киевское и Молдаванское. Южный участок «Голубой линии» протяженностью 25 км, проходивший по горно-лесистой местности, удерживали две дивизии 5-го немецкого армейского корпуса. Им противостояла Восточная группа 18-й армии. Район Новороссийска удерживали две дивизии того же немецкого корпуса. Против них действовала Западная группа 18-й армии. Черноморского побережье от Мысхако до Анапы обороняла 19-я румынская пехотная дивизия.

Подходы к Новороссийску с моря были защищены сильно укрепленной обороной побережья Цемесской бухты. На всех пристанях и молах, а также во всех портовых постройках были установлены пулеметы и орудия для прикрытия бухты сплошным многослойным огнем. Наиболее мощно прикрывался вход в порт между восточными и западными молами. Кроме того, вход в порт был закрыт боносетевым заграждением с минами. Сам город, расположенный в виде амфитеатра, спускающегося к морю, и состоящий почти исключительно из каменных строений, предоставлял большие возможности для создания прочной обороны. Большинство домов как на окраинах, так и в центре использовалось противником для устройства огневых точек и опорных пунктов.

Направив в июне на «Голубую линию» из Крыма 38 артиллерийских батарей и заняв ее основными силами 17-й армии, пополненной новыми соединениями, немецкое командование достигло весьма большой для того времени оперативной плотности — 5—6 км фронта на одну дивизию. Количество артиллерии на отдельных участках доходило до 60 орудий на 1 км. Узлы обороны и опорные пункты находились в тесном огневом и тактическом взаимодействии. В промежутках между ними располагались огневые средства в прочных оборонительных сооружениях.

Северо-Кавказский фронт к началу операции насчитывал 317 тыс. человек, 4,4 тыс. орудий и минометов, 314 танков и самоходных артиллерийских установок, 599 самолетов (без учета самолетов По-2)[113]. В своем составе фронт имел четыре общевойсковые (58, 9, 56 и 18-я) и одну воздушную армии. К наступлению решено было привлечь три армии — 9, 56

и 18-ю (20 стрелковых дивизий, четыре стрелковые бригады, несколько танковых бригад и отдельных танковых полков) и артиллерию усиления, а силами 58-й армии оборонять побережье Азовского моря. В оперативном подчинении фронта находились Черноморский флот и вновь созданная Азовская военная флотилия.

В августе 1943 г. фронт получил указания Ставки ВГК о подготовке операции по ликвидации противника на Тамани. 26 августа план фронтовой операции был представлен в Ставку. Ее замысел сводился к тому, чтобы одновременными ударами с суши и моря главных сил фронта и флота прорвать оборону врага, рассечь его группировку и, выйдя к переправам в низовьях р. Кубань, отрезать 17-й армии пути отхода на Керченский полуостров, а затем разгромить ее. Исходя из оценки обстановки, командующий фронтом генерал И. Е. Петров решил нанести главный удар своим левым крылом, включая район Новороссийска. Хотя условия местности препятствовали массированному применению танков и артиллерии, в случае успеха советские войска сразу выходили в глубокий тыл 17-й армии и могли использовать для маневра шоссе Туапсе — Новороссийск — Анапа. На этом направлении легче было достичь внезапности, так как немецкое командование считало созданную здесь оборону неприступной. Решающую роль играл морской десант, высаживаемый не только в Цемесскую бухту, но и непосредственно в Новороссийский порт. В дальнейшем планировалось наступлением Восточной и Западной групп 18-й армии совместно с силами Черноморского флота разгромить соединения 5-го немецкого армейского и румынского кавалерийского корпусов и, развивая успех вдоль побережья на Анапу, отсечь главные силы 17-й армии от Керченского полуострова. 9-я армия во взаимодействии с Азовской военной флотилией наносила удар на Темрюк, а 56-я — на Тамань, чем достигалось рассечение немецкой группировки в северной части полуострова и уничтожение ее по частям[114].

В соответствии с принятыми командующим фронтом решением и планом операции были созданы три ударные группировки: первая (основные силы 9-й армии) — на правом фланге для удара на Темрюк и Варениковскую; вторая (56-я армия) — в районе Крымской для наступления на Молдаванское и далее на Гостагаевскую; третья (18-я армия) — на левом крыле для удара в направлении Новороссийска и Анапы. 18-я армия также делилась на три группы: Восточную (318-я стрелковая дивизия, усиленная штурмовым отрядом из 55-й гвардейской стрелковой дивизии и сводной танковой группой 5-й гвардейской танковой бригады), Западную (действовала с плацдарма Мысхако и включала стрелковую и морскую стрелковую бригады, отдельный танковый батальон) и Морскую (255-я морская стрелковая бригада, 393-й батальон морской пехоты, 290-й стрелковый полк НКВД и 1339-й полк 318-й стрелковой дивизии).

Всего в Морской группе было 6480 человек, 41 орудие и 147 минометов[115]. Эта группа была разделена на три десантных отряда. Первый отряд должен был высадиться на восточной окраине Новороссийска и во взаимодействии с частями Западной группы овладеть центром города, второй — непосредственно в порту, овладеть им и железнодорожным вокзалом. Третий отряд десантировался на восточный берег бухты в районе цементного завода «Пролетарий» для наступления на северный район Новороссийска, чтобы соединиться с частями 318-й стрелковой дивизии.

Для высадки морского десанта и его обеспечения Черноморский флот сформировал три (по количеству десантных отрядов) десантно-высадочных отряда — всего 81 катер, 31 десантный бот, 28 моторных и гребных баркасов. Согласно плану высадку планировалось осуществить двумя последовательными эшелонами: первый — до рассвета, второй — на рассвете, на фронте от мыса Любви до электростанции. Кроме того, были созданы отряд обеспечения высадки, отряд кораблей артиллерийской поддержки в составе трех эскадренных миноносцев (они в операции участия не приняли) и отряд санитарных катеров, переоборудованных из катеров-тральщиков[116].

Отряд обеспечения высадки, состоявший из 40 катеров (в том числе 12 торпедных), в свою очередь подразделялся на четыре группы: прорыва, атаки берега, атаки порта и прикрытия высадки с моря.

Первая группа должна была уничтожить боносетевые заграждения во входных воротах порта, а торпедированием расширить имевшиеся проломы в восточном и западном молах и проделать в них проходы для катеров с десантом. Вторая и третья группы — прорвавшись сквозь образованные проломы в молах и входные ворота в порт, атаковать западный берег Цемесской бухты и портовые причалы. На четвертую группу возлагалось прикрытие десантной операции со стороны моря.

В связи с тем что десантно-высадочные средства не имели своих огневых средств для подавления мощной противодесантной обороны противника в гавани Новороссийска, командование операцией выделило достаточно крупные силы обеспечения в виде артиллерийской и авиационной групп, а также группы торпедных катеров. В состав артиллерийской группы входили восемь артиллерийских полков, одна артиллерийская бригада большой мощности (203-мм), один минометный полк, шесть гвардейских минометных полков, одна тяжелая гвардейская бригада реактивной артиллерии и артиллерия Новороссийской военно-морской базы (50 орудий). Артиллерийская группа состояла из 800 орудий и минометов и 225 установок реактивной артиллерии[117].

В состав авиационной группы входили 148 самолетов, из них 88 выделил флот и 60 машин — 4-я воздушная армия Северо-Кавказского фронта. Авиационная группа должна была обеспечивать ударами с воздуха высадку десантов и действия их на берегу. На истребительную авиацию (58 самолетов) возлагалось прикрытие кораблей десанта при переходе последних морем. Прикрытие осуществлялось непосредственным патрулированием и сопровождением кораблей, а также вылетом истребителей по вызову. Таким образом, в количественном отношении созданная советским командованием авиационная группировка имела перевес над противником на 25—30%. А вот в качественном не все было в порядке, поскольку до 35% парка бомбардировочной авиации (54 боевые машины) составляли ночные бомбардировщики По-2. Истребительные авиационные части были вооружены новой техникой: ЛаГГ-3, Як-1, Як-7б. До 11% авиационной группировки приходилось на долю самолетов иностранного производства, главным образом американские бомбардировщики Б-20 (в ВВС Красной армии проходил под маркой А-20 «Бостон» и истребители «Аэрокобра».

Командование фронта и флота внимательно следило за подготовкой операции. Собирались и ремонтировались десантные средства, создавались и тренировались отряды и группы. Особое внимание было уделено разведке и оперативной маскировке. Для дезориентации противника Черноморский флот в районе Южной Озерейки неоднократно высаживал разведывательные группы. Усиленно готовились к предстоявшим действиям части и соединения, действовавшие на сухопутных направлениях, и все остальные войска фронта. В специальных местах, оборудованных по принципу немецкой обороны, они обучались прорыву сильно укрепленной вражеской обороны.

Начать Новороссийско-Таманскую операцию предполагалось в ночь на 9 сентября, но из-за сильного шторма она была перенесена на 10-е число.

В течение 15 суток до начала операции группа артиллерии (пятьдесят 152-мм и 203-мм орудий) методическим огнем разрушала оборонительные сооружения противника. Соединения 9-й и 58-й армий с 5 сентября действиями небольших отрядов в своих полосах отвлекали внимание противника от готовившегося удара на новороссийском направлении.

Во время удара авиации и артиллерии две группы торпедных катеров, находившихся впереди десантных судов, нанесли удар торпедами по огневым точкам немецких войск, расположенным на молах, и к трем часам уничтожили боносетевые и минные заграждения противника во входных воротах Новороссийского порта. Вслед за этим группа торпедных катеров, имевшая задачу нанести торпедный удар по огневым точкам врага, расположенным на берегу и причалах в местах высадки, атаковала их, после чего в бухту вошли десантные корабли, которые высадили первые группы.

Высадка десантов началась в три часа 10 сентября. В то время когда десантные средства с первым эшелоном ворвались в порт, противник пришел в себя и открыл сильный, хотя и беспорядочный огонь. Из-за огневого противодействия из трех батальонов 255-й морской

стрелковой бригады, входившей в первый десантный отряд, в назначенном районе высадился лишь один. Остальным пришлось десантироваться в незапланированных местах. Второй батальон оказался не на западном, а на восточном берегу бухты, а третий высадился севернее западного мола. Когда большая часть подразделений находилась в воде, торпедные катера по ошибке выпустили в берег три торпеды — погибли 150—170 человек. Остались в живых только 50— 70 бойцов из числа тех, кто не успел выйти на берег и подняться на обрывистые склоны[118]. Подразделения 393-го батальона морской пехоты второго десантного отряда, высадившиеся на центральной пристани порта, оказались сильно разбросанными. 290-й полк НКВД из-за наступившего рассвета высажен не был.

Более успешно действовал третий десантный отряд. Входивший в его состав 1339-й стрелковый полк 318-й стрелковой дивизии к 5 часам высадился на восточном берегу Цемесской бухты от электростанции до пристани, овладел рядом корпусов цементного завода «Пролетарий» и захватил плацдарм в северных пригородах Новороссийска. На следующую ночь был высажен еще один полк 318-й стрелковой дивизии. Объединившись с ранее высадившимся полком, они начали развивать наступление в направлении цементного завода «Октябрь» и далее на город.

Немецкое командование, стремясь задержать наступление войск 18-й армии и не допустить прорыва обороны, спешно перебросило в район Новороссийска ближайшие резервы.

Успешная переброска подкреплений третьему десантному отряду и усиление Восточной группы 18-й армии тяжелыми танками имели решающее значение для развития дальнейшего наступления. 318-я стрелковая дивизия, действуя двумя полками, к полудню 11 сентября овладела районом цементного завода «Октябрь», поселком Турецкий Сад, электростанцией, цементным заводом «Пролетарий».

В северной части Новороссийского порта, где были высажены 393-й отдельный батальон морской пехоты и часть сил 290-го полка НКВД, продолжались ожесточенные бои в районе железнодорожного вокзала и элеватора. В донесении начальнику политуправления Северо-Кавказского фронта говорилось: «За время уличных боев на участке этого полка гитлеровцы не раз переходили в контратаки, стараясь сбросить десантников в море, но, кроме собственных потерь, ничего не имели. Враги использовали танки, штурмовые орудия «Фердинанд», но и это не помогло им. Из трехамбразурного дзота фашисты простреливали весь причал фланговым огнем. За толстой цементированной стеной они чувствовали себя в полной безопасности. Тогда бойцы залпом ударили по амбразурам из противотанковых ружей. Заговорили минометы... 12 сентября 290-й полк НКВД вел самый тяжелый бой. В этот день фашисты 8 раз ходили в контратаку»[119].

Противник, стремясь ликвидировать советские части, закрепившиеся в районе железнодорожного вокзала и элеватора, переходил в яростные контратаки. Одновременно он стремился не допустить развития успеха частей 318-й стрелковой дивизии. Для этой цели вражеское командование перебросило в ее полосу до двух полков пехоты, двадцать танков и один дивизион штурмовых орудий. На участке высадки 255-й морской стрелковой бригады противнику удалось своими контратаками разъединить силы бригады.

В 7 часов 11 сентября перешла в наступление 9-я армия, однако ее соединения в течение дня прорвать оборону противника не смогли. Тем не менее в связи с переходом в наступление 9-й армии немецкое командование было вынуждено ввести в бой резервы, находившиеся в районе Киевская — Варениковская — Гладковская, что лишало возможности использовать эти резервы против частей 18-й армии. В течение нескольких дней армия вела тяжелые безуспешные бои. Лишь 15 сентября западная группа 18-й армии сломила сопротивление противника и вклинилась в его оборону. Части Восточной группы 18-й армии возобновили наступление и к исходу дня вышли к перевалу Маркотх и горе Колдун.

Чтобы упредить противника в нанесении удара на цементный завод «Октябрь» и закрыть прорыв, командующий фронтом приказал повернуть основные силы 318-й стрелковой дивизии в направлении перевалов Маркотх и Неберджайский и, выйдя глубоко в тыл противнику, оборонявшему позиции на горе Сахарная Голова, отрезать ему пути отхода на запад.

Таким образом, к исходу 15 сентября вражеское сопротивление против частей 18-й армии было сломлено. В 17 часов разведка доложила, что противник начал отходить мелкими группами в западном и северо-западном направлениях. Соединения 18-й армии не прекращали наступление и ночью. Части, наступавшие со стороны Мысхако, к утру 16 сентября очистили от противника южную часть Новороссийска. К этому времени была захвачена и северная часть города. 16 сентября Новороссийск удалось полностью очистить от войск противника. В результате прорыва немецкой обороны войсками 18-й армии в районе Новороссийска и выхода ее частей, наступавших вдоль Сухумского шоссе, на перевалы Маркотх, Неберджайский и к горе Колдун были созданы условия для развития удара в направлении Верхне-Баканский — Натухаевская, то есть в тыл основной группировки противника, оборонявшейся на «Голубой линии».

Оказавшись перед непосредственной угрозой, немецкое командование вечером 15 сентября отдало приказ об отводе войск с правого крыла и центра рубежа «Голубой линии». Противник отводил свои соединения и части под прикрытием сильных арьергардов, широко используя инженерные заграждения.

Одновременно шли упорные сражения на севере и в центре Таманского полуострова. Соединения 9-й армии начали наступление 12 сентября. Наиболее успешно действовала 56-я армия, которая перешла к активным действиям через двое суток. Она наносила удар своим правым флангом в направлении Киевская — Молдаванское и левым флангом на Нижне-Баканский. Части армии, преодолевая сопротивление противника, вклинились в его оборону на 800–1000 метров. Со второй половины дня 15 сентября наступавшие части армии приступили к подготовке ночных боевых действий.

Возобновив наступление в ночь на 16 сентября и прорвав «Голубую линию» в центре обороны 44-го немецкого армейского корпуса, 56-я армия стала быстро продвигаться, рассекая главную группировку 17-й армии. Но на рубеже Мельничный — Прохладный — Аманат она была остановлена. Противник в течение трех суток сдерживал соединения 56-й армии. Немецкое командование приняло решение ввести в действие план эвакуации своих войск с Таманского полуострова, разработанный еще 7 сентября[120]. В это время 9-я армия, перешедшая в наступление в направлении Батарейный — Кеслерово, захватила небольшие плацдармы на левом берегу р. Адагум, но на направлении главного удара — рубеже р. Курка — она успеха не имела.

Преследуя отходившего противника, войска фронта с 17 по 20 сентября продвинулись на 16–25 км и овладели рядом сильно укрепленных узлов обороны, а затем после двухнедельных боев и г. Анапа. При отходе противник терял большое количество техники и оружия. Только при овладении Анапой советскими войсками были захвачены 49 орудий, 180 пулеметов, семь минометов, 40 складов с военным имуществом[121].

К исходу 21 сентября войска Северо-Кавказского фронта вышли к оборонительному рубежу противника, подготовленному по линии Курчанская (15 км юго-восточнее Темрюка) — Гостагаевская. После некоторой подготовки на ряде направлений они прорвали его. Соединения 9-й армии 27 сентября овладели г. Темрюк.

56-я и 18-я армии 26 сентября вышли к долине р. Старая Кубань на всем ее протяжении и соединились с морским десантом, высаженным в Благовещенском. Однако попытки преодолеть этот водный рубеж с ходу успеха не имели. Перешейки между лиманами с расположенными на них высотами облегчали врагу организацию обороны и позволяли ему сдерживать советские войска. Удерживая незначительными силами занимаемые рубежи, немецкое командование спешно эвакуировало остатки 17-й армии в Крым. Чтобы сорвать эвакуацию оставшихся немецких частей, генерал И. Е. Петров приказал Черноморскому флоту высадить десанты в 20–30 км северо-западнее Анапы с задачей овладеть г. Тамань. 24–26 сентября высадка десантов прошла успешно. Совместно с наступавшими с фронта частями 18-й армии они вышли на подступы к Тамани, но с ходу овладеть городом не смогли. Бои за этот узел продолжались до начала октября[122].

На других участках фронта также велись активные действия. Соединения 56-й армии медленно продвигались через дефиле между Ахтанизовским и Кизилташским лиманами, а

войска 9-й армии, преодолевая упорное сопротивление, наступали на Темрюк. Для содействия армии в захвате этого города Азовская военная флотилия севернее Темрюка высадила два тактических десанта. В результате ударов с севера, запада и юга Темрюк был освобожден. Продолжали наступление и другие армии. Соединения 56-й армии вышли к Керченскому проливу, а 18-я армия 3 октября захватила Тамань. В ночь на 9 октября последние немецкие части оставили Таманский полуостров.

С выходом войск к Керченскому проливу и освобождением Таманского полуострова была завершена Новороссийско-Таманская наступательная операция. В ходе операции войска фронта прорвали «Голубую линию» и нанесли поражение таманской группировке противника, остатки которой отошли в Крым. Был окончательно ликвидирован оперативный плацдарм врага на Кубани, обеспечивавший ему оборону Крыма с востока и сковывавший значительное количество советских войск. Были созданы выгодные условия для последующих ударов Красной армии по освобождению Крыма.

В ходе Новороссийско-Таманской операции войска фронта во взаимодействии с Черноморским флотом и Азовской военной флотилией разгромили 10 немецких и румынских дивизий и четырем нанесли тяжелый урон. За 30 суток ожесточенных боев вермахт потерял свыше 30 тыс. солдат и офицеров убитыми и около 4 тыс. пленными. Советские войска захватили 337 орудий, 229 минометов, 719 пулеметов, 83 паровоза, 2073 вагона, 184 склада с боеприпасами и другим военным имуществом[123]. За все время наступления на Северном Кавказе войска Красной армии продвинулись на 800 км, освободили территорию свыше 200 тыс. кв. км и нанесли большие потери немецкой группе «А». Однако задача по окружению и уничтожению северокавказской группировки противника не была выполнена полностью. Войска 17-й полевой и 1-й танковой армий противника были вытеснены с Северного Кавказа.

В ходе операций по освобождению Северного Кавказа активизировались боевые действия Черноморского флота. Он тесно взаимодействовал с войсками Закавказского, а затем Северо-Кавказского фронта, проводил десантные операции, наносил удары по морским коммуникациям врага, обеспечивал и прикрывал морские перевозки. И все же Черноморскому флоту не удалось прервать перевозки врага через Керченский пролив и блокировать с моря его изолированную на Таманском полуострове 17-ю армию.

Большой вклад в освобождение Северного Кавказа внесли партизаны. На оккупированной врагом части Северного Кавказа и в Крыму сражались 180 партизанских отрядов численностью свыше 9 тыс. человек[124]. Особенно активно действовали партизаны Ставрополья, Краснодарского края, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии. Многие партизанские отряды активно участвовали в освобождении городов и станиц.

Боевые действия велись в районах, где совместно проживали десятки разных народностей. Германское командование пыталось разжечь рознь между ними, противопоставить русскому народу, выставляя его в качестве поработителя. Во внутренних инструкциях оккупационных властей подчеркивалась необходимость сохранения и использования в борьбе против Советского Союза межнациональной розни среди кавказских народов. Считая, что на Кавказе проживает 48 народов, немецкие пропагандисты писали: «Это означает с самого начала 48 различных разногласий. Поэтому данный факт необходимо учитывать в нашей пропагандистской работе»[125].

С целью привлечения представителей горских народов в ряды вермахта в августе 1942 г. специальным «Положением о местных вспомогательных формированиях на Востоке» им был присвоен статус «равноправных союзников, сражающихся плечом к плечу с германскими солдатами против большевизма в составе особых боевых частей»[126]. Распропагандированные и обманутые, они были в немалой части насильно мобилизованы в состав «восточных частей», позднее названных «добровольческими легионами», каждый из которых включал в себя несколько батальонов.

Всего, по некоторым данным, на стороне Германии воевало 28 тыс. представителей народов Северного Кавказа, включая тех, кто служил в рабочих батальонах и специальных частях[127]. Некоторые из них осенью 1942 г. участвовали в боевых действиях на территории

Кубани. Вскоре среди них стали наблюдаться рост антивоенных и антинемецких настроений и массовый переход в ряды Красной армии. Причина кроется в том, что в батальоны шли, как правило, военнопленные, которые стремились сохранить свою жизнь. В результате германское командование было вынуждено расформировать некоторые из этих частей.

В октябре 1942 г. оборону под Нефтегорском занял 808-й батальон армянского легиона, но уже через четыре дня немцы раскрыли действующую в нем подпольную организацию во главе со старшим лейтенантом Григоряном. Подпольщики готовили восстание с намерением уничтожить немецкое командование и примкнуть к частям Красной армии. 40 человек к тому времени уже перешли линию фронта с полным вооружением, к побегу готовилось еще несколько групп. Немцы жестоко расправились с членами подпольной организации: 33 человека были расстреляны, батальон расформирован, а большинство солдат направлено на дорожно-строительные работы[128]. Также не принесла успеха ставка Берлина на грузинских «добровольцев». Из состава 795-го грузинского батальона 10 человек сбежали во время следования на фронт, 50 бойцов дезертировали уже на фронте, а 33 легионера перешли на сторону советских войск. В 796-м грузинском батальоне число перебежчиков составило 82 человека[129].

В советском тылу из преступных элементов и дезертиров из Красной армии под руководством немецких спецслужб были созданы подпольные профашистские организации, например «Особая партия кавказских братьев» (позднее — «Национал-социалистическая партия кавказских братьев» численностью до 5 тыс. человек) и «Общество спасения горцев» (до 1500 человек). Они занимались разбоем, ожидая скорого прихода немцев, но были быстро ликвидированы местными властями[130].

В целом попытки склонить народы Кавказа к коллаборационизму потерпели крах. Подавляющая часть населения не только не поддерживала оккупантов, но активно боролась с ними. В 1941–1942 гг. в союзных (Армянской, Азербайджанской, Грузинской) и автономных (Кабардино-Балкарской, Чечено-Ингушской, Калмыцкой) республиках было сформировано 14 национальных стрелковых дивизий, 15 национальных стрелковых бригад (в том числе Северо-Осетинская стрелковая бригада) и 20 национальных кавалерийских дивизий Красной армии (среди них 114-я Чечено-Ингушская и 115-я Кабардино-Балкарская кавалерийские дивизии, адыгейский кавалерийский полк)[131]. В Закавказье были сформированы 19 дивизий и 211 истребительных батальонов, а на Северном Кавказе — 230 истребительных батальонов общей численностью более 40 тыс. человек. Против захватчиков только на Северном Кавказе действовали 250 партизанских отрядов из людей различных национальностей, отвлекавших на себя около 25 дивизий вермахта[132].

Факт сотрудничества с врагом отдельных групп горского населения был использован советским руководством для последующей депортации с 23 февраля по 9 марта 1944 г. ряда народов — ингушей, кабардино-балкарцев, чеченцев и других. Лишь 14 ноября 1988 г. декларацией Верховного Совета СССР все депортированные народы были реабилитированы.

Боевые действия Красной армии по освобождению Северного Кавказа завершили битву за Кавказ (25.07.1942–09.10.1943), которая развертывалась и велась в тесном взаимодействии с битвой под Сталинградом, а затем и под Курском. Заключительные операции битвы за Кавказ являлись составной частью общего наступления Красной армии и оказали большое влияние на достижение коренного перелома в войне.

В результате завершения битвы за Кавказ высвободились крупные силы, необходимые для развертывания наступления на важнейших стратегических направлениях советско-германского фронта. Победа Красной армии на Северном Кавказе оказала большое влияние на позиции Турции, которая с этого момента стала отказываться от прогерманской ориентации и окончательно прекратила вынашивать планы объявления войны Советскому Союзу.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Сталинградская битва 1942–1943 гг. Материалы в помощь лекторам. М., 2008. С. 75.

[2] Солдаты XX века. М., 2005. Вып. IV. Т. 1. С. 300.

[3] *Золотарев В. А., Соколов А. М., Янович М. В.* Нефть и безопасность России. М., 2007. С. 204.

[4] *Трошин А.* Трудовой фронт нефтяников // Нефть России. 2000. № 5–6.

[5] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. М., 1998. Кн. 1. С. 371.

[6] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. М., 1996. Т. 16 (5-2). С. 19.

[7] Там же. С. 320, 322.

[8] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 371.

[9] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. М., 1975. Т. 5. С. 204.

[10] *Лиддел-Гарт Б. Г.* Стратегия непрямых действий / Пер. с англ. М., 2005. С. 152–153.

[11] *Саркисьян С. М.* 51-я армия (Боевой путь). М., 1983. С. 75.

[12] Битва за Кавказ. М., 2002. С. 43.

[13] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 327.

[14] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12475. Д. 2. Л. 194.

[15] *Гречко А. А.* Годы войны. С. 200–201.

[16] Там же. С. 190–191.

[17] ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1063. Д. 499. Л. 10.

[18] *Карелл П.* Дорога в никуда: вермахт и восточный фронт в 1942 г. / Пер. с нем. Смоленск, 2003. С. 341.

[19] ЦАМО. Ф. 371. Оп. 6367. Д. 53. Л. 87.

[20] Битва за Кавказ. С. 52.

[21] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 357.

[22] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. В 2-х кн. М., 1971. Кн. 2. С. 318.

[23] *Золотарев В. А., Соколов А. М., Янович М. В.* Нефть и безопасность России. С. 211–212.

[24] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 376.

[25] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 6. S. 934.

[26] Битва за Кавказ. С. 61.

[27] Там же. С. 64.

[28] *Сидоренко В. П.* Внутренние войска в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2006. С. 53.

[29] *Кривец В. Д., Холоден В. Ф., Штутман С. М.* История строительства внутренних войск (1917–1945). С. 240.

[30] ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 72. Л. 72–74.

[31] Битва за Кавказ. С. 69.

[32] Центральный архив внутренних войск (далее — ЦАВВ). Ф. 239. Оп. 1. Д. 158. Л. 244.

[33] РГВА. Ф. 28665. Оп. 1. Д. 8. С. 6.

[34] *Кривец В. Д., Холоден В. Ф., Штутман С. М.* История строительства внутренних войск (1917–1945). М., 1978. С. 241.

[35] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 357.

[36] Центральный военно-морской архив (далее — ЦВМА). Ф. 175. Д. 23409. Л. 87.

[37] *Горшков С. Г.* На южном приморском фланге. М., 1989. С. 149.

[38] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 386.

[39] *Горшков С. Г.* На южном приморском фланге. С. 154.

[40] *Гречко А. А.* Битва за Кавказ. М., 1967. С. 130.

[41] Там же. С. 142.

[42] Боевой путь советского Военно-Морского флота. М., 1974. С. 362.

[43] *Шиян И. О.* Новороссийск — город-герой. М., 1982. С. 55—56.

[44] ЦВМА. Ф. 190. Д. 24043. Л. 11.

[45] *Манштейн Э.* Утерянные победы. М., 2007. С. 233.

[46] *Тике В.* Марш на Кавказ. Битва за нефть 1942—1943 гг. М., 2005. С. 108.

[47] Краснознаменный Закавказский. Тбилиси, 1984. С. 152—153.

[48] *Гнеушев В., Попутько А.* Тайна Марухского ледника. Черкесск, 1963. С. 288.

[49] ЦАМО. Ф. 48-А. Оп. 1640. Д. 180. Л. 228.

[50] *Тюленев И. В.* Крах операции «Эдельвейс». Орджоникидзе, 1975. С. 94.

[51] Цит. по: История Второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 5. С. 219; Военно-исторический журнал. 1961. № 1. С. 40.

[52] Битва за Кавказ. С. 122.

[53] ЦАМО. Ф. 48-А. Оп. 1640. Д. 27. Л. 155—156.

[54] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 408—409.

[55] «Совершенно секретно. Только для командования!» С. 391.

[56] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 434.

[57] Боевой путь советского Военно-Морского флота. С. 362.

[58] ЦАМО. Ф. 276. Оп. 832. Д. 66. Л. 136—138.

[59] 4-й гвардейский кавалерийский корпус (9-я и 10-я гвардейские кавалерийские дивизии) был переброшен из Черноморской группы и 28 сентября сосредоточен в районе Старощедринской. Здесь в его состав была включена 30-я кавалерийская дивизия.

[60] *Завьялов А. С., Калядин Т. Е.* Битва за Кавказ. М., 1957. С. 103—104.

[61] *Рослый И. П.* Последний привал — в Берлине. М., 1983. С. 137.

[62] Краснознаменный Закавказский. С. 186.

[63] *Гречко А. А.* Битва за Кавказ. С. 205.

[64] *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация (1941—1944). О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории. М., 1974. С. 255.

[65] Цит. по: Народный подвиг в битве за Кавказ. Сборник статей. М., 1984. С. 33.

[66] Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. М., 1984. С. 162.

[67] Там же.

[68] *Гречко А. А.* Годы войны. С. 338.

[69] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 110.

[70] Там же.

[71] *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 374—378.

[72] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). М., 1999. С. 21—23.

[73] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 112, 113.

[74] *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 363.

[75] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 112.

[76] Краснознаменный Северо-Кавказский. М., 1990. С. 256.

[77] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 123.

[78] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 34.
[79] Там же. С. 22.
[80] Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 28. М., 1956. С. 67.
[81] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 117.
[82] Краснознаменный Закавказский. С. 214.
[83] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 121.
[84] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 35, 36.
[85] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 125.
[86] Битва за Кавказ. М., 2002. С. 247—249.
[87] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 62.
[88] ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1060. Д. 23. Л. 13—20.
[89] Битва за Кавказ. М., 2002. С. 239.
[90] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 34—35.
[91] Битва за Кавказ. М., 2002. С. 242.
[92] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 58.
[93] Там же. С. 62—63.
[94] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2010. С. 117.
[95] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 128.
[96] *Золотарев В. А., Козлов И. А.* Три столетия Российского флота. 1941—1945 гг. М., 2005. С. 478—479.
[97] Боевой путь советского Военно-Морского флота. 4-е изд., испр. и доп. М., 1988. С. 351.
[98] Военно-Морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Военно-исторический очерк (далее — ВМФ СССР в Великой Отечественной войне). М., 1960. Т. 2. С. 291.
[99] Битва за Кавказ. М., 2002. С. 254.
[100] ВМФ СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. С. 291.
[101] *Золотарев В. А., Козлов И. А.* Три столетия Российского флота. 1941—1945 гг. С. 480—481.
[102] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 130.
[103] Восемнадцатая в сражениях за Родину. М., 1982. С. 175—177.
[104] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Энциклопедия. М., 1985. С. 429.
[105] *Ачкасов В. И., Павлович Н. Б.* Советское военно-морское искусство в Великой Отечественной войне. М., 1973. С. 132.
[106] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 275—276.
[107] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 131.
[108] Там же. С. 132.
[109] Там же. С. 137.
[110] Восемнадцатая в сражениях за Родину. С. 194.
[111] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 139—140.
[112] Там же. С. 140.
[113] Там же.
[114] Там же. С. 141.
[115] Восемнадцатая в сражениях за Родину. С. 223.
[116] *Золотарев В. А., Козлов И. А.* Три столетия Российского флота. 1941—1945 гг. С. 484, 485.
[117] Там же. С. 485.
[118] ЦАМО. Ф. 2055. Оп. 1. Д. 9. Л. 109.
[119] Цит. по: Войска называются внутренними. С. 281.
[120] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 143.
[121] *Гречко А. А.* Битва за Кавказ. С. 433.

[122] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 144.

[123] ЦАМО. Ф. 51. Оп. 932. Д. 203. Л. 119.

[124] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 146.

[125] Цит. по: *Малышева Е. М.* Народы Кавказа в представлениях немцев: крах «восточной политики» на Северном Кавказе // Война. Народ. Победа. М., 2008. С. 309.

[126] *Дробязко С., Каращук А.* Восточные легионы и казачьи части в вермахте. М., 2000. С. 6.

[127] *Трахо Р. Г.* Черкесы. Мюнхен, 1956. С. 123.

[128] Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Кн. 1. Краснодар, 2000. С. 621–622.

[129] *Дробязко С., Каращук А.* Восточные части и казачьи легионы в вермахте. С. 13.

[130] См.: *Пыхалов И. В., Дюков А. Р.* Великая Оболганная война-2. М., 2008. С. 63–64.

[131] *Кирсанов Н. А.* В боевом строю народов-братьев. М., 1984. С. 72.

[132] *Малышева Е. М.* Указ. соч. С. 329, 330.

ИСХОД ВОЙНЫ ПРЕДОПРЕДЕЛЕН

ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗМЕНЕНИЯ ХОДА ВОЙНЫ

Обстановка к середине ноября 1942 г.

К середине 1942 г. военное, политическое и экономическое противоборство двух коалиций достигло своего апогея. Вооруженные силы Германии и ее союзников в Европе и Северной Африке, а Японии — в Азиатско-Тихоокеанском регионе овладели огромной территорией площадью в 12,8 млн кв. км с населением свыше 500 млн человек. Ими были оккупированы 22 европейские, азиатские и североафриканские страны[1]. Почти вся континентальная Западная Европа, Прибалтика, Балканы, Белоруссия, Украина, Молдавия, западные области РСФСР, а также север Африки — часть Египта и Ливии оказались под властью Германии. Значительная территория Китая и часть островов в Тихом океане были захвачены Японией.

Однако ни на одном из театров войны ни Германии, ни Японии не удалось достигнуть поставленных на 1942 г. целей. Вооруженные силы фашистского блока практически полностью использовали свои стратегические резервы. Вместе с тем Советский Союз, Великобритания и США не только выдержали натиск агрессора, но и сумели сохранить главные силы своих армий и удержать жизненно важные районы. Линия фронта повсеместно стабилизировалась. Развитие событий в дальнейшем было трудно прогнозируемым.

К осени 1942 г. все государства, участвовавшие в войне, понесли большие потери. СССР потерял убитыми, умершими, пропавшими без вести и ранеными 11 млн 162 тыс. человек, а Германия только на восточном фронте — 2 млн 200 тыс. человек[2]. Все возрастающие масштабы вооруженной борьбы требовали увеличения численности действующих армий, значительных материальных затрат и мобилизации всех сохранившихся возможностей государств.

СССР продолжал сражаться с основными силами Германии и ее европейских союзников. Угроза Архангельску, Мурманску, Ленинграду, Москве, промышленным центрам Закавказья и Поволжья сохранялась. Глубина вторжения вражеских войск в пределы Советского Союза достигла 1000–1800 км. Оставалась возможность нанесения ударов немецкими войсками через Кавказ на Ближний Восток и в обход группировок советских войск, защищавших Москву и другие важные центральные районы СССР. Однако ход военный событий мог измениться. Немецкие войска опасались возможных ударов Красной армии на северном и центральном участках советско-германского фронта. На юге основные ударные группировки немцев были остановлены и оказались в опасном положении.

Военно-политическое руководство СССР в такой обстановке имело возможность начать активные боевые действия и перехватить стратегическую инициативу. Командованию Третьего рейха необходимо было укрепить и удержать растянувшийся на 6 тыс. км фронт, обезопасить коммуникации, обеспечить отражение возможных контрударов советских войск, а также начать подготовку к новой наступательной кампании 1943 г. В то же время германское командование считало, что Красная армия находится в значительно худшем положении.

К осени 1942 г. советско-германский фронт оставался главным рубежом Второй мировой войны. Здесь были сосредоточены более 70% всех немецких дивизий, около 60% самолетов и большая часть войск союзников вермахта.

Мужество и стойкость воинов Красной армии, всего советского народа, проявленные в борьбе с захватчиками, и как следствие срыв немецких планов молниеносной войны привели к укреплению антифашистской коалиции и росту международного авторитета Советского Союза. Несмотря на то что в состав антигитлеровской коалиции входили 34 государства, только СССР в полном объеме использовал свою военную и экономическую мощь для борьбы с врагом. Это позволяло союзникам вести активные боевые действия небольшой частью своих вооруженных сил.

На Северо-Африканском театре военных действий немецко-итальянские войска (три немецкие и семь итальянских дивизий), объединенные в 6-ю танковую армию «Африка» под командованием генерала Э. Роммеля, в ходе операции «Тезей» разгромили британские войска и вторглись в северо-восточные районы Египта, южнее Эль-Аламейна[3].

В октябре 1942 г., создав превосходство в силах и средствах, британские войска нанесли мощный контрудар по армии Роммеля. К середине ноября они захватили порт Тобрук, а затем и Бенгази. С этого момента германское руководство потеряло интерес к Африканскому театру военных действий. В то же время с 8 по 11 ноября американо-английские войска под командованием Д. Эйзенхауэра провели операцию «Торч», высадив крупные десанты на побережье Северо-Западной Африки. В результате западные союзники овладели Алжиром, но развить дальнейшее наступление не сумели[4].

На Азиатско-Тихоокеанском театре военных действий в середине 1942 г. Япония нанесла ряд крупных поражений вооруженным силам США и Великобритании. Были захвачены Индонезия, Сингапур, Бирма, Гавайские и Филиппинские острова. Японские вооруженные силы вышли к границам Индии, угрожали Австралии и Новой Зеландии. В то же время военно-морские силы Японии потерпели поражение у Соломоновых островов и атолла Мидуэй. Перешли в затяжную фазу боевые действия в Китае. К концу 1942 г. японское командование значительно ослабило свои наступательные возможности, распылив вооруженные силы по различным направлениям. В результате вооруженные силы США и Великобритании, действовавшие на этом театре военных действий, начали подготовку к наступлению, получив мощные подкрепления.

Продолжалась ожесточенная борьба за Атлантику. Германии удавалось удерживать инициативу, действуя на англо-американских океанских и морских коммуникациях. В 1942 г. западные державы теряли ежемесячно по 100—120 транспортов. Только в августе — ноябре потери западных союзников от немецких подводных лодок составили 1060 торговых судов[5]. Все внимание немецких надводных и подводных сил в Северной Атлантике было нацелено на воспрепятствование ожидавшемуся вторжению англичан в Норвегию, а главное — на срыв проводки морских конвоев, перевозивших грузы по ленд-лизу из Англии и США в СССР.

Осенью 1942 г. в Западной Европе военные действия велись очень ограниченно. Немецкое командование считало маловероятной высадку англо-американских войск во Франции, хотя отвлечение главных сил Германии на восток создало исключительно благоприятные условия для открытия второго фронта в Европе. Однако союзники, несмотря на достаточное количество сил, сконцентрированных на английских островах, продолжали сосредоточивать усилия на Тихом океане и на захвате французских и итальянских колоний в Северной Африке.

Высадка американских солдат в Алжире во время операции «Торч»

Немецкие подводные лодки в походе

Невыполнение немецким командованием запланированных задач на лето и осень 1942 г. негативно сказалось на отношениях с союзниками. К ноябрю 1942 г. международное и внутриполитическое положение Германии ухудшилось. Антифашистское и антивоенное движение в Италии, Венгрии, Румынии и Финляндии стало принимать более массовый и решительный характер. Оживилась борьба народов порабощенных стран Европы против фашистского ига. Италия, Румыния и Венгрия противились требованиям Гитлера об усилении их войск на восточном фронте. Финляндия, сомневающаяся в победе Германии, не соглашалась на создание объединенного немецко-финского командования. Она стала искать сближения с западными державами. В связи с тем что германский вермахт был остановлен на р. Волга, Турция и Япония воздерживались от открытого вооруженного нападения на СССР. Однако правительства этих стран упорно продолжали готовиться к нападению на Советский Союз. Турция держала непосредственно у советских границ до 20 дивизий. Японское руководство, несмотря на то что свои главные усилия сосредоточило на удержании захваченных районов, продолжало разрабатывать варианты возможных действий против СССР. Нападение на Советский Союз предусматривалось, как и Турцией, сразу после захвата вермахтом Сталинграда.

Усиливая всестороннюю помощь и поддержку СССР, США и Великобритания, однако, затягивали открытие второго фронта. Союзники стремились уйти от ведения военных действий против Германии в Европе, переложив всю тяжесть борьбы на Советский Союз. Англо-американские войска сосредоточили свои усилия на отдаленных от Европы театрах военный действий. Так, к осени 1942 г. из 74 дивизий сухопутных войск США лишь четыре сражались в Северной Африке и девять — на Тихоокеанском театре. Вооруженные силы Великобритании включали около 50 расчетных дивизий, из них 12 действовали в Северной Африке и 26 — в Бирме[6]. В то же время необходимо отметить, что борьба в Северной Африке явилась важным звеном в достижении общей победы союзников. США и Великобритания рассчитывали на исход войны, который обеспечил бы им выгодное послевоенное устройство мира.

К осени 1942 г. явным стало экономическое преимущество антигитлеровской коалиции над фашистским блоком. Причем если фашистская Германия превосходила СССР по общим промышленным показателям, то по выпуску основных видов военной техники и вооружения она значительно отставала. Так, во втором полугодии 1942 г. промышленность Советского Союза выпустила 73,4 тыс. орудий, а Германии — 20,3 тыс., танков — 13,2 тыс. против 3 тыс., боевых самолетов — 13,4 тыс. против 5,7 тыс., соответственно. В целом в 1942 г. советские военные заводы смогли дать вооруженным силам больше техники, чем германские заводы: винтовок — на 2,6 млн, пистолетов-пулеметов — на 1,25 млн, пулеметов — на 240 тыс., орудий — на 87 тыс., минометов — на 220 тыс., танков — на 18 тыс., самолетов — на 10 тыс.[7]

Помощь Советскому Союзу в борьбе против общего врага оказывали союзники по антигитлеровской коалиции, которая окончательно сложилась к лету 1942 г. Экономика США и Великобритании все больше перестраивалась на военный лад. В 1942 г. по ленд-лизу в СССР было поставлено более 2,5 тыс. самолетов, 3 тыс. танков, около 79 тыс. автомобилей, радиотехнические средства, гидроакустические приборы, бензин, продовольствие, обувь и прочее[8]. Однако «к концу 1942 г. согласованные программы поставок в СССР были выполнены американцами и англичанами на 55%. В 1941–1942 гг. в СССР поступило всего 7% отправленных за годы войны из США грузов. Основное количество вооружения и других материалов было получено Советским Союзом в 1944–1945 годах»[9].

Перед противоборствующими коалициями стояла задача по выработке планов на зиму 1942–1943 гг. и весь предстоящий год. Государства антигитлеровского блока рассчитывали изменить ход войны в свою пользу. Англо-американское командование планировало продолжить наступление в Тунисе, захватить Сицилию и подготовить операцию по вторжению в Южную Италию или на Балканы. Наступательные действия на Азиатско-Тихоокеанском театре войны намечалось вести с ограниченными целями лишь в отдельных регионах. Реализация всех планов ставилась в зависимость от развития событий на советско-германском фронте.

Советское военно-политическое руководство рассчитывало вырвать из рук врага стратегическую инициативу, добиться перелома в военных действиях и начать массовое изгнание врага с советской земли. Оно планировало нанести мощные удары по врагу на решающих участках фронта. Руководство Третьего рейха и его союзников намечало в ходе зимней кампании удержать занимаемые рубежи и создать предпосылки для продолжения наступления в 1943 г. При этом Германия по-прежнему основные свои усилия предполагала сосредоточить на восточном фронте.

К концу летне-осенней кампании 1942 г. протяженность линии фронта достигла максимума за всю войну — более 6 тыс. км. В районе Волги и Кавказа образовалась огромная дуга, которая могла служить немецким войскам удобным трамплином для последующего наступления либо на юг, либо на северо-восток. На северном и центральном участках фронта сложилась напряженная обстановка. Сохранялось блокадное кольцо вокруг Ленинграда. Враг находился в 150—200 км от Москвы. К ноябрю 1942 г. группировка противника на советско-германском фронте включала в себя 6,2 млн человек — 266 расчетных дивизий, из них 193,5 немецкие, 18 финских, 26 румынских, 11,5 итальянских, 14 венгерских, две словацкие и одна испанская. На их вооружении находились около 51,7 тыс. орудий и минометов, 5080 танков и штурмовых орудий[10].

На советско-германском фронте действовала мощная вражеская группировка военно-воздушных сил в составе трех флотов (1, 4 и 5-й) и трех командований ВВС («Дон», «Восток» и «Север»), всего свыше 3,5 тыс. боевых самолетов. Военно-морские силы включали почти 200 кораблей основных классов[11].

Противник располагал незначительными резервами (три танковые, одна охранная дивизии и три пехотные бригады), находившимися в основном за флангами группы армий «Центр». В резерве групп армий имелись в общей сложности восемь дивизий и одна бригада. В Германии в составе армии резерва состояли 1,7 млн человек, которые могли быть использованы для пополнения соединений на восточном фронте[12].

На 1600-километровом северном участке фронта от Баренцева моря до Ладожского озера действовали 20-я горная немецкая армия и финские войска. Их с воздуха поддерживали авиационное командование «Север» и часть сил 5-го воздушного флота. От Ладожского озера до Холма действовали немецкая группа армий «Север» (18-я и 16-я немецкие армии) при поддержке сил 1-го воздушного флота. На западном участке, от Холма до Орла, оборонялась группа армий «Центр» (9-я полевая, 3, 4 и 2-я танковые немецкие армии), усиленная оперативной группой ВВС «Восток». На центральном и юго-западном участках фронта (1300 км), от Верховья (75 км юго-восточнее Орла) до района Яшкуль (200 км западнее Астрахани), действовала группа армий «Б» (2-я немецкая, 2-я венгерская, 8-я итальянская, 3-я и 4-я румынские, 6-я и 4-я немецкие танковые армии). Ее поддерживал 4-й воздушный флот, усиленный 8-м авиационным корпусом.

На Северном Кавказе на 1000-километровом фронте перешла к обороне и группа армий «А» (17-я полевая и 1-я танковая армии), которую поддерживала часть сил 4-го воздушного флота. Входившая в ее состав оперативная группа «Крым» (три дивизии) обороняла побережье Крымского полуострова.

Основные силы групп армий «Б» и «А» в ожесточенных сражениях на сталинградском и кавказском направлениях понесли большие потери и были разбросаны на значительно удаленных друг от друга направлениях.

К ноябрю 1942 г. войска фашистского блока утратили свое превосходство как на советско-германском, так и на других фронтах Второй мировой войны. Общая численность Вооруженных сил СССР насчитывала 10,6 млн человек, включала 75 общевойсковых, две танковые и 15 воздушных армий. Действующая армия (6,6 млн человек) включала 12 фронтов (62 общевойсковые, две танковые, 10 воздушных армий), отдельную армию и Московскую зону обороны, всего 390 стрелковых, мотострелковых и кавалерийских дивизий, 278 стрелковых, отдельных танковых и механизированных бригад, 10 из 20 танковых корпусов, пять из восьми механизированных корпусов, 574 артиллерийских минометных

полка, 62 авиационные дивизии, 30 укрепленных районов. На их оснащении находилось около 120 445 орудий и минометов, 7567 танков и самоходных артиллерийских установок (САУ), 8805 тыс. боевых самолетов. Вооруженные силы включали также авиацию дальнего действия и три действующих флота, пять речных флотилий. 47 дивизий, 57 бригад, воздушная армия и Тихоокеанский флот оставались на Дальнем Востоке и в Забайкалье на случай возможной войны с Японией[13].

В составе Северного, Балтийского и Черноморского флотов имелись два линкора, шесть крейсеров, 30 эсминцев и лидеров, 91 подводная лодка[14].

На правом крыле советско-германского фронта, от Баренцева моря до Ладожского озера, действовали войска Карельского фронта и 7-й отдельной армии. Основные их усилия были сосредоточены на обороне мурманского, кандалакшского, беломорского направлений и рубежа по р. Свирь. На северо-западном направлении были развернуты войска Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов. Совместно с Балтийским флотом они обороняли находившийся в блокаде Ленинград и изолированный район Ораниенбаума, удерживали рубеж западнее Волхова, восточнее Киришей, Чудова, Новгорода и с трех сторон охватывали демянскую группировку противника. На западном направлении была сосредоточена самая мощная группировка советских войск — войска Калининского и Западного фронтов, а также Московской зоны обороны. Она охватывала ржевско-вяземский выступ и прикрывала Москву.

На центральном направлении, на рубеже восточнее Мценска — Ливны — восточнее Воронежа — по р. Дон до Павловска, действовали войска Брянского и Воронежского фронтов. На воронежском и сталинградском направлениях, на рубеже южнее Ливн — Воронеж — по левому берегу Дона — южнее Серафимовича — центральная часть Сталинграда — восточный берег Сарпинских озер, занимали оборону Воронежский, Юго-Западный, Донской и Сталинградский фронты. На этом направлении Ставка ВГК продолжала сосредоточивать крупные стратегические резервы. В полосе Закавказского фронта советские войска, надежно закрыв пути к нефтяным источникам Грозного и Баку, а также к Черноморскому побережью Кавказа, готовились к активным действиям.

Главная группировка Красной армии, в отличие от сил противника, продолжала оставаться не на юго-западе и юге, а в центре: на западном и центральном направлениях, где на 26% общей протяженности фронта были сконцентрированы 42,1% личного состава войск и артиллерии, почти 58% танков и 46% боевых самолетов. Вторая по силам группировка советских войск — 32% личного состава, 31,5% артиллерии, 24,5% танков, около 40% боевых самолетов — действовала на сталинградском направлении и Северном Кавказе[15].

В резерве Ставки ВГК к середине ноября 1942 г. находились пять резервных общевойсковых и танковая армии, сосредоточенные в районе Вологды, Калинина, Калуги, Сталиногорска, юго-западнее Пензы и южнее Саратова, пять отдельных танковых корпусов, 20 стрелковых дивизий и ряд соединений и частей различных родов войск[16]. Большая часть этих резервов была сконцентрирована на северо-западном и западном направлениях для парирования возможного удара на Москву и последующего проведения здесь крупных наступательных операций.

Подготовка к решающим событиям

Летом и осенью 1942 г. враг захватил военно-промышленные и индустриальные районы — Донбасс и Северный Кавказ, а к ноябрю 1942 г. оккупировал значительную часть Советского Союза, где до войны проживало 45% населения, промышленность давала треть валовой продукции, находилось 47% всех посевных площадей, была наиболее разветвленная и технически оснащенная дорожная сеть страны. Выход противника на железнодорожные и

Выпущенные сверх плана авиационные бомбы в цехе сибирского завода

Ремонт танка на одном из заводов Москвы

водные коммуникации, связывающие центральные и южные районы страны, значительно осложнил работу промышленности и снабжение армии[17]. Деятельность военно-экономической системы государства, особенно на юге, осуществлялась в чрезвычайно сложной обстановке.

Проведенные Государственным Комитетом Обороны мероприятия, героизм тружеников тыла, а также в немалой степени энергичные меры государственных, партийных и хозяйственных органов, позволили в 1942 г. увеличить объем валовой продукции всех отраслей промышленности. Чтобы обеспечить возраставшие потребности фронта во всех средствах ведения вооруженной борьбы, необходимо было добиться перелома в военной экономике. Для этого требовалось максимально использовать резервы, усилить темпы промышленного строительства, резко увеличить выпуск электроэнергии, топлива и сырья. В 1942 г. в районах Сибири, Урала, Поволжья и Средней Азии развернулось строительство более 10,3 тыс. промышленных объектов. Все эти усилия принесли положительные результаты. Во втором полугодии показатели производства важнейших видов промышленной продукции были выше соответствующих показателей за первую половину того же года и составили: электроэнергии — 106,3%, угля — 110,1%, чугуна — 109,1%, стали — 104,3%, проката черных металлов — 106,8%, алюминия — 114,0%[18]. Снижение произошло лишь в производстве нефти на 11,6% и меди на 3,2%: из-за отхода войск Красной армии на Кавказе производственные мощности в ряде регионов оказались утеряны, кроме того, были нарушены транспортные связи с центром страны.

Всего в 1942 г. было: выработано электроэнергии — 29,1 млрд кВт/ч, добыто нефти — 22 млн тонн, угля — 75,5 млн тонн, выплавлено чугуна — 4,8 млн тонн, стали — 8,1 млн тонн, произведено проката — 5,4 млн тонн, выпущено 22,9 тыс. металлорежущих станков[19]. Несмотря на то что эти показатели были самыми низкими за все военные годы, они явились достаточной предпосылкой для производства вооружения. Почти по всем видам военной продукции во втором полугодии 1942 г. производство возросло. Всего в этом полугодии было произведено: танков — 13 268 (118% по сравнению с первым полугодием), боевых самолетов — 13 413 (162,2%), орудий — 73,4 тыс. (136,9%), минометов калибра 82 мм и выше — 70,2 тыс. (126,7%), пулеметов — 222 тыс. (165,5%), пистолетов-пулеметов — 971 тыс. (181,3%)[20].

К ноябрю 1942 г. наряду с ростом численности действующей армии повысилась ее ударная и огневая мощь. К этому времени Красная армия стала превосходить в силах и средствах войска противника. Был произведен ряд организационных мероприятий по качественному совершенствованию войск.

Некоторые изменения произошли и в центральном аппарате советских вооруженных сил. Главное разведывательное управление было выведено из состава Генерального штаба и подчиненно непосредственно наркому обороны, одновременно в составе Генерального штаба появилось Управление войсковой разведки. Еще в январе 1942 г. в составе Главуправформа было сформировано Центральное бюро по персональному учету потерь личного состава, а в августе — Управление по подготовке младшего командного состава. Главное управление гражданского воздушного флота и Главное управление военных трибуналов были включены в состав Наркомата обороны. Штатная численность центрального аппарата НКО (вместе с аппаратом военной приемки) в результате этих изменений составила на 1 ноября 1942 г. 14 986 военнослужащих и 25 342 вольнонаемных[21].

Сухопутные войска по-прежнему занимали главное место в системе вооруженных сил страны. На 1 ноября 1942 г. их удельный вес от общей численности вооруженных сил составил 86%.

В стрелковых соединениях увеличилось количество автоматического оружия, противотанковых орудий и минометов. В конце года был утвержден новый штат стрелковой дивизии. Численность личного состава в стрелковой дивизии уменьшилась с 12 807 до 9435 человек. Следует отметить, что в ноябре — декабре 1942 г. фактическая средняя численность стрелковой дивизии в действующей армии не превышала 8–8,5 тыс. человек, а у Сталинградского и Донского фронтов — еще меньше[22].

Цех по производству истребителей Як-7 на заводе №153 в Новосибирске

В бронетанковых и механизированных войсках росло число танковых и механизированных корпусов, отдельных танковых полков, сокращалось количество отдельных танковых бригад и батальонов. Началось формирование танковых армий. В результате бронетанковые и механизированные части стали главной ударной силой сухопутных войск.

Развитие получила и артиллерия РГК. К 1 ноября 1942 г. в Красной армии насчитывалось 938 пушечных, гаубичных, минометных, зенитных, артиллерийских, истребительных, противотанковых полков РГК, а гвардейских минометных полков — 81. В конце года началось формирование артиллерийских дивизий прорыва. В ноябре их было создано 11, а в декабре — 17. Началось формирование минометных бригад и зенитных артиллерийских дивизий.

В инженерных войсках было сформировано 37 инженерно-саперных и инженерно-минных бригад. Кроме того, в войсках насчитывалось 315 инженерных и саперных батальонов.

Резко возрос авиационный парк. Общая его численность достигала 7,7 тыс. исправных боевых машин[23]. К ноябрю 1942 г. авиация действующих фронтов имела на своем оснащении до 33% самолетов новых типов. Организационно авиация была объединена в воздушные армии и авиационные корпуса РГК. Удельный вес истребительной авиации составлял 44,9%, штурмовой — 20,4%, бомбардировочной — 32,2%, разведывательной — 2,5%[24].

Большое внимание уделялось вопросам усиления войск ПВО страны. Укрепление их шло по линии оснащения более совершенной материальной частью и приборами, а также формирования новых частей и соединений.

ГКО и Ставка ВГК немаловажным фактором считали укомплектование вооруженных сил подготовленными командными кадрами. Для этого увеличивалась штатная численность существовавших военно-учебных заведений и развертывались новые. К началу 1943 г. имелось 187 военных училищ и школ сухопутных войск. Количество различных краткосрочных курсов подготовки, переподготовки и усовершенствования командного состава увеличилось в три раза. Одновременно улучшалась подготовка рядового и сержантского состава для пополнения действующей армии. В учебных центрах, запасных частях и лагерях на 1 ноября 1942 г. обучались 2 млн человек.

Таким образом, несмотря на значительное сокращение людских и материальных ресурсов Советского Союза, государство сумело восполнить понесенные большие потери и обеспечить повышение количества и боеспособности своих вооруженных сил. В этом была большая заслуга Государственного Комитета Обороны и Ставки ВГК.

Усиленно в это время работало и верховное главнокомандование германского вермахта, хотя в его деятельности все более явственно начали проявляться нервозность, неуверенность, растерянность. Все чаще стали допускаться просчеты и ошибки. Тем не менее к ноябрю 1942 г. германскому руководству удалось поддержать в боеспособном состоянии основные группировки вооруженных сил.

Широко используя ресурсы оккупированных и зависимых стран, экономика Германии в 1942 г. значительно возросла по сравнению с предыдущими годами. Руководству Третьего рейха удалось нарастить объемы стратегических материалов, необходимых для военной промышленности, увеличить производство вооружения.

Выпуск важнейших видов вооружения в 1942 г. значительно превосходил объемы 1941 г. Количество производимых минометов увеличилось в 2,5 раза, орудий калибра 75 мм и выше — почти в 2 раза, средних танков — почти в 2 раза, боевых самолетов — почти в 1,5 раза[25].

Основные силы вермахта по-прежнему находились на восточном фронте. Здесь действовали четыре группы армий из шести, девять полевых армий из 13, четыре воздушных флота из шести. Помимо сил вермахта на советско-германском фронте воевали также значительные силы армий Финляндии, Румынии, Венгрии, Италии, а также отдельные испанские и словацкие дивизии. Соединения, действовавшие на восточном фронте, к началу ноября 1942 г. были укомплектованы людьми в среднем на 80–85%, а вооружением — на 90%.

Численность вооруженных сил Германии к осени 1942 г. была наибольшей по сравнению с предыдущими годами. Однако процесс качественного ухудшения состава немецкой

армии продолжался, так как значительная часть кадрового командного состава выбыла из строя. Все это сказалось на боеспособности немецкой армии, однако германская военная машина в конце 1942 г. продолжала оставаться хорошо вооруженной и боеспособной силой и по численности не уступала Красной армии.

В целом стратегическое положение советских Вооруженных сил, несмотря на остроту обстановки на фронтах, к осени 1942 г. улучшилось. Важнейшим фактором, способствовавшим благоприятным изменениям в обстановке, являлся нараставший размах партизанского движения. К концу ноября 1942 г. на оккупированной противником советской территории сражалось около 1770 партизанских отрядов и соединений (всего 125 тыс. человек)[26].

Военно-стратегические планы сторон

Несмотря на то что летом 1942 г. войска фашистского блока на восточном фронте добились крупных территориальных успехов, стратегические цели кампании достигнуты не были. Наступательные возможности немецких войск на советско-германском фронте оказались истощены. Германское командование еще в сентябре 1942 г. начало прорабатывать планы дальнейшего ведения войны. В первые сентябрьские недели 1942 г. Гитлеру пришлось признать: события ближайшего времени на русском театре военных действий свидетельствуют о том, что «поставленные задачи на 1942 год представляются недостижимыми»[27]. А события на восточном фронте свидетельствовали, что Красная армия не только может восполнять свои потери, но и постоянно повышает число вводимых в сражения сил и средств[28].

Уже в октябре, когда стало ясно, что борьба на сталинградском и кавказском направлениях принимает затяжной характер, верховное командование вермахта решилось на ограничение наступательных действий на восточном фронте. Оно вынуждено было в середине октября принять решение о переходе к обороне на всем советско-германском фронте, за исключением Сталинграда и небольших участков в районах Туапсе и Грозного.

14 октября Гитлер подписал оперативный приказ № 1, который определял основной замысел предстоящей зимней кампании: «В ней перед восточным фронтом ставилась задача во что бы то ни стало удерживать достигнутые рубежи от всякой попытки противника прорвать их. Этим будут созданы предпосылки для продолжения нашего наступления в 1943 г. в целях окончательного уничтожения нашего смертельного врага. Если общая задача восточного фронта во время зимы и имеет оборонительный характер (за некоторым исключением), то эта оборона должна быть крайне активной. Эта активная оборона должна проявляться в повторных наступлениях ударных групп, в использовании благоприятных возможностей для атак и в стремлении не оставлять в покое противника и беспрерывно причинять ему потери. Только путем такой активной обороны может быть снова оживлен наш наступательный порыв, сохранено чувство превосходства немецкого солдата над русским и поднята уверенность в своих войсках. Одновременно это помешает противнику захватить инициативу в свои руки даже в мелочах»[29].

Далее в приказе отмечалось: «В последних боях силы русских весомо ослаблены, и они не смогут зимой 1942–1943 гг. снова собрать силы, как это было в прошлую зиму. Во всяком случае, эта зима не будет суровее и тяжелее»[30]. Все группы армий получили приказ оставаться на достигнутых рубежах. На западном и северо-западном направлениях в полосах групп армий «Север» и «Центр» приказывалось создать прочную оборону. Группы армии «Б» и «А» должны были «выйти на зимние позиции» и закрепиться на них.

Конкретных задач группам армий оперативный приказ № 1 не определял, а лишь раскрывал общий стратегический замысел предстоящих действий: временная стратегическая оборона на всем фронте, сочетавшая жесткое, не допускавшее никакого отхода, удержание достигнутых рубежей и проведение отдельных наступательных операций.

Командование немецких войск проводило мероприятия, направленные на организацию и завершение оборонительных работ до наступления морозов, восполнение понесенных в ходе летнего наступления потерь, создание резервов. Особое внимание уделялось центральному и северо-западному участкам советско-германского фронта.

Противник предполагал, что вследствие потерь, понесенных летом и осенью 1942 г., Красная армия не сможет предпринять в ближайшее время на юге крупных наступательных операций. Наиболее вероятным направлением возможных наступательных действий советских вооруженных сил зимой 1942–1943 гг. немецкое командование считало западное. При оценке обстановки на восточном фронте по состоянию на 15 октября 1942 г. отмечалось: «Противник, очевидно, проводит подготовку крупной зимней операции против центральной группы армий, к которой он должен быть готовым примерно в начале ноября... Направлением главного удара в зимней операции при действиях в районе северо-восточнее Сычевки и южнее Торопца должны быть середина и левый фланг группы армий «Центр»[31].

Подобный вывод основывался на том, что немецкая разведка сумела в октябре — ноябре вскрыть переброску советским командованием крупных резервов в этот район. Действительно, в состав Калининского и Северо-Западного фронтов Ставка ВГК перебросила три механизированных корпуса, 16 стрелковых дивизий, две стрелковые и одну танковую бригады. Получив эти сведения, германское командование сделало вывод о том, что русские готовят большое наступление, а главный удар будет нанесен на центральном и северо-западном направлениях. Именно поэтому оно основную часть своих резервов направляло на эти рубежи. Сюда в октябре — ноябре противник перебросил 16 дивизий, что составляло 60% от их общего числа, прибывших за это время на восточный фронт из резерва ОКХ и других стран.

В октябре — начале ноября к Великим Лукам из-под Ленинграда были переброшены танковая, моторизованная и пехотная дивизии; в район Витебска и Смоленска из Германии и Франции прибыли семь дивизий; в район Ярцево и Рославля из-под Жиздры и Воронежа были передислоцированы две танковые дивизии. На западном направлении проводились интенсивные работы по строительству оборонительных рубежей, а на юг в основном направлялись штурмовые саперные батальоны резерва верховного главнокомандования. Частичная перегруппировка войск на сталинградском участке восточного фронта началась только в середине ноября. Однако проводилась она не по приказу верховного главнокомандования, а по личной инициативе командования группы армий «Б». Меры, принятые противником, оказались запоздалыми и недостаточными[32].

Советское Верховное главнокомандование детальной разработкой планов на зимнюю кампанию начало заниматься в ноябре — декабре 1942 г. В их основу были положены предложения Г. К. Жукова и А. М. Василевского, внесенные ими на совещании в Ставке 12 сентября 1942 г.

Общая военно-политическая цель предстоявших действий заключалась в том, чтобы вырвать из рук врага стратегическую инициативу, добиться решающего перелома в ходе войны и начать массовое изгнание врага из пределов Советского Союза. Для осуществления этой цели советское Верховное главнокомандование решило, не ослабляя внимания к западному стратегическому направлению, на котором противник продолжал держать одну из наиболее сильных группировок, перейти в решительное наступление на юге с задачей разгромить южное крыло немецко-фашистских войск.

Решение этой задачи должно было обеспечить переход стратегической инициативы в руки советского командования, освобождение важных железнодорожных магистралей, промышленных и сельскохозяйственных районов Сталинграда, Дона, Кубани, Северного Кавказа и Донбасса. Кроме того, при наступлении на юге Красная армия наносила удар по вооруженным силам ряда стран фашистского блока, что обостряло противоречия в лагере фашистской коалиции. Разгром противника на южном фланге советско-германского фронта оказал влияние и на позицию Турции, которая связывала свое вступление в войну против Советского Союза с успехами немецкой армии на юге.

Зимнюю кампанию планировалось начать переходом в контрнаступление под Сталинградом. Намечалось окружить и уничтожить действовавшую там крупную группировку противника, затем развернуть наступление на всем южном участке фронта и, развивая удар на Ростов, в тыл группировке врага, действовавшей на Северном Кавказе, нанести поражение неприятельским войскам в верхнем течении Дона.

Впоследствии в рамках этой кампании предусматривалось проведение целой серии крупных наступательных операций на огромном фронте — от Ладожского озера до предгорий Главного Кавказского хребта. Последовательно наращивая силу ударов и расширяя масштабы наступления, в борьбу должны были включаться все новые и новые фронты. Предполагалось нанести поражение трем группам армий противника — «Юг», «Центр» и «Север», снять угрозу Москве и деблокировать Ленинград, создать условия для освобождения Украины, Белоруссии, а возможно, и Прибалтики. Характерной чертой плана зимней кампании 1942—1943 гг., в отличие от предыдущей зимней кампании, являлось не одновременное развертывание наступления на всех направлениях, а последовательное наращивание усилий и развитие ударов по фронту и глубине, направленное на достижение перелома в вооруженной борьбе.

Основные усилия планировалось сосредоточить на южном крыле советско-германского фронта, на сталинградском и ростовском направлениях, где предполагалось нанести главный удар. Начиная зимнюю кампанию с контрнаступления под Сталинградом и нанося здесь главный удар, Ставка рассчитывала окружить и разгромить основную группировку войск группы армий «Б», после чего отрезать пути отхода войскам группы армий «А» с Северного Кавказа в Донбасс. В дальнейшем планировалось, расширяя фронт стратегического наступления на север, развить наступление на курском и харьковском направлениях, в Донбассе, а на севере прорвать блокаду Ленинграда. Намечалось также проведение частных, но не менее важных наступательных операций в районах Демянска, Великих Лук, Ржева и Вязьмы с целью сковать силы противника, ликвидировать угрозу Москве и нанести поражение войскам групп армий «Север» и «Центр»[33]. В целом к активным действиям в зимней кампании предполагалось привлечь 11 фронтов из 12. Их действия должны были развернуться в полосе шириной 1500—1600 км на глубину 200—600 км. В соответствии с этим определялись масштабы операций и задачи фронтов.

В зимней кампании активные боевые действия на северном направлении не планировались. Действовавшие здесь Карельский фронт и 7-я отдельная армия по-прежнему нацеливались на надежное прикрытие Мурманска, баз Северного флота и Кировской железной дороги. Войска Ленинградского и Волховского фронтов должны были подготовить и в начале ноября 1943 г. провести совместную операцию южнее Ладожского озера по прорыву блокады Ленинграда. Активную задачу получил и Северо-Западный фронт: окружить, рассечь и разгромить демянскую группировку противника[34].

Наступательные задачи были поставлены перед войсками, действовавшими на западном направлении (Калининский и Западный фронты). Они должны были провести наступательную операцию на великолукском и ржевско-сычевском направлениях с целью ликвидировать плацдармы и узлы сопротивления в районах Великих Лук, Ржева, Сычевки, Оленино, а также не допустить переброску сил противника на юго-западное направление. Брянскому и Воронежскому фронтам предписывалось совершенствовать в инженерном отношении занимаемые рубежи и подготовиться к переходу в наступление на своих направлениях. Командование Воронежского фронта нацеливалось частью сил наступать на Ростов по плану операции «Сатурн». Войскам Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов, действовавшим на юго-западном направлении, предстояло окружить и разгромить действовавшую под Сталинградом вражескую группировку; в дальнейшем войскам Юго-Западного и Сталинградского фронтов предписывалось наступать на ростовском направлении. На южном направлении Закавказский фронт получил задачу удерживать занимаемые рубежи, а войска Северной группы — подготовить наступательную операцию с целью разгрома моздокской группировки противника и не допустить переброски его сил с Кавказа на сталинградское

направление. Кроме того, фронту предписывалось быть готовым к проведению операции по освобождению Северного Кавказа[35]. Военным советам всех фронтов были даны указания об организации обороны с оборудованием в прифронтовой полосе не менее трех оборонительных рубежей.

Военно-воздушные силы основные усилия направили на борьбу за господство в воздухе и содействие наземным войскам в решении поставленных им задач. Свои усилия военно-морской флот должен был сосредоточить на поддержке войск фронтов при проведении ими наступательных операций на приморских направлениях и одновременно нарушать морские коммуникации противника, надежно защищать свои морские перевозки, обеспечивать проводку конвоев, участвовать в подготовке и проведении десантных операций. Войска ПВО страны по-прежнему основные усилия сосредоточивали на прикрытии крупных промышленных и политических центров страны. Одновременно им были поставлены новые задачи по обороне объектов на освобожденной территории и усилению прикрытия фронтовых путей сообщения.

Партизанам предстояло усилить удары на оккупированной советской территории. Конкретная программа борьбы в тылу врага, определявшая направления ее развития в ходе коренного перелома, была изложена в подписанном Верховным главнокомандующим приказе от 5 сентября 1942 г.: «Основные задачи партизанских действий: разрушение тыла противника, уничтожение его штабов и других военных учреждений, разрушение железных дорог и мостов, поджог и взрыв складов и казарм, уничтожение живой силы противника, захват в плен или уничтожение представителей немецкой власти... Решение этих основных задач требует от всех партизанских отрядов широкого развертывания боевых партизанских операций, а также диверсионной, террористической и разведывательной работы в тылу врага»[36].

После выработки плана Ставка ВГК в сентябре 1942 г. развернула работу по подготовке операций. Особое внимание уделялось созданию резервов, пополнению и доукомплектованию войск действующей армии, проведению межфронтовых перегруппировок. Резервы создавались главным образом за счет вывода из действующих фронтов общевойсковых, танковых, кавалерийских, артиллерийских объединений и соединений и лишь частично за счет новых формирований. В октябре 1942 г. были вновь сформированы две стрелковые дивизии, четыре стрелковые бригады, три механизированных корпуса, а выведены из действующих фронтов: 33 стрелковые дивизии, четыре стрелковые бригады, шесть танковых корпусов, три механизированных корпуса, 22 танковые бригады. Войска, выводимые в резерв, Ставка требовала укомплектовать и подготовить к отправке на фронт к 10—15 ноября 1942 г.

Одновременно фронты пополнялись личным составом, военной техникой и вооружением. За октябрь — ноябрь 1942 г. на пополнение войск действующей армии было направлено около 330 тыс. человек. Наибольшее количество пополнений поступило на юго-западное (около 150 тыс. человек, или 46%) и на западное (31%) направления.

Стратегический план советского командования на зимнюю кампанию 1942—1943 гг. основывался на объективном учете особенностей обстановки, состояния и возможностей сторон. Планом предусматривалось решительное сосредоточение усилий на важнейших участках фронта и исключалось неоправданное распыление сил, характерное для предыдущих кампаний. Главными действиями советских вооруженных сил впервые с начала войны должны были стать последовательное окружение и разгром крупных группировок врага. Операции на большинстве направлений планировалось проводить силами нескольких фронтов в тесном взаимодействии, при четком согласовании наступательных ударов. Это позволяло сковать силы противника и резко ограничить его возможности маневра резервами. Одновременно план имел ряд недостатков. При разработке зимней кампании не были должным образом предусмотрены условия разгрома окружаемых вражеских группировок, недооценивались действия противника по их деблокаде и организации сильных контрударов, занижались возможности немецких войск по удерживанию укрепленных оборонительных рубежей.

Ставка ВГК, учтя опыт весны 1942 г., тщательно и скрупулезно готовила новую военную кампанию. Особое внимание уделялось подготовке операций на юго-западном направлении,

которая велась под руководством представителей Ставки: Г. К. Жукова — на Юго-Западном и Донском фронтах, А. М. Василевского — на Сталинградском фронте. Операции начались лишь после их доклада И. В. Сталину о готовности войск к действиям[37].

Перед началом зимней кампании проводились крупные мероприятия по созданию оперативных группировок войск. В ноябре между Воронежским и Сталинградским фронтами был развернут новый — Юго-Западный. Проводились внутрифронтовые перегруппировки.

Для накопления сил и средств временно прекращались все частные наступательные операции. Вводилась жесткая экономия расходования материальных средств на фронтах. Осуществлялись крупномасштабные мероприятия по развертыванию оперативного тыла, созданию запасов материальных средств. Огромная нагрузка легла на транспорт, особенно железнодорожный. Только в район Сталинграда с июля до конца года было доставлено 3269 эшелонов, сюда с октября по декабрь прибыло 120 618 вагонов со снабженческими грузами[38]. Значительное количество материальных средств было доставлено на фронты других направлений. Во фронтах создавались большие запасы боеприпасов. Дополнительно к войсковым запасам они получили 1,5 боекомплекта боеприпасов для стрелкового оружия, до двух боекомплектов минометных выстрелов и три боекомплекта 76-мм и 152-мм снарядов[39].

К началу зимней кампании 1942—1943 гг. обстановка в мире и особенно на советско-германском фронте оставалась сложной и противоречивой. Противник был остановлен по всем направлениям и испытывал большие трудности и на фронте, и в тылу. Однако это не предопределяло его окончательное поражение. Реальные возможности для изменения хода вооруженной борьбы надо было очень умело использовать, так как военные события могли пойти как в одном, так и в другом направлении, в том числе и благоприятном для стран оси. В целом обстановка накануне второй военной зимы создавала реальные предпосылки для того, чтобы переломить ход войны и довести дело до неотвратимого поражения фашистского блока.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. М., 1998—1999. Кн. 2. М., 1998. С. 10.

[2] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2010. С. 71.

[3] *Фуллер Дж. Ф.* Вторая мировая война 1939—1945 гг. Стратегический и тактический обзор. СПб., 2005. С. 223—224.

[4] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 13—14.

[5] Там же. С. 14—15.

[6] Там же. С. 18.

[7] История Второй мировой войны 1939—1945 гг. В 12-ти т. М., 1976. Т. 6. С. 343, 428; *Андронников Н. Г.*, *Соколов А. М.* Великая Отечественная война. Хронограф 1942. М., 2009. С. 20.

[8] *Андронников Н. Г.*, *Соколов А. М.* Великая Отечественная война. Хронограф 1942. С. 20.

[9] *Мединский В. Р.* Война. Мифы СССР. 1939—1945 гг. М., 2011. С. 428.

[10] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 21.

[11] Там же.

[12] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии. 1933—1945 гг. / Пер. с нем. М., 1976. Т. 3. С. 268.

[13] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 21; Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 г. М., 1996. Т. 16 (5-2). С. 22; Стратегический очерк Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. М., 1969. С. 440.

[14] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 21.

[15] Там же. С. 29—30.

[16] Там же. С. 30.

[17] *Вознесенский Н. А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947. С. 157; Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 355.

[18] История Второй мировой войны 1939—1945 гг. В 12-ти т. Т. 6. С. 341.

[19] *Кравченко Ч.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). М., 1970. С. 168.

[20] История Второй мировой войны 1939—1945 гг. В 12-ти т. Т. 6. С. 343.

[21] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1961. С. 442.

[22] Там же.

[23] Без авиации ПВО страны и ВМФ.

[24] Стратегический очерк Великой отечественной войны 1941—1945 гг. С. 444.

[25] Промышленность Германии в период войны 1939—1945 / Пер. с нем. М., 1956. С. 93—100.

[26] *Князьков А., Юденков А.* Народная война за линией фронта. М., 1990. С. 26.

[27] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. 1990. Bd. 6. S. 957.

[28] Ibid. S. 957.

[29] Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. 1940—1945 (далее — KTB/OKW). Frankfurt a/M, 1963. Bd. 2. S. 826.

[30] Ibid. S. 826—827.

[31] Великая Отечественная война 1939—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 35.

[32] Там же.

[33] Там же. С. 37.

[34] ЦАМО. Ф. 48 ф. Оп. 1640. Д. 180. Л. 295, 302; Ф. 221. Оп. 1394. Д. 93. Л. 4—13.

[35] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. М., 1996. Т. 16 (5-2). С. 445.

[36] Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее — РЦХИДНИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 3. Л. 12—13.

[37] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1992. Т. 2. С. 347; *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1989. Кн. 1. С. 247—248.

[38] Советский тыл в период коренного перелома в Великой Отечественной войне, ноябрь 1942—1943 гг. М., 1989. С. 180.

[39] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 40.

РАЗГРОМ ВРАГА ПОД СТАЛИНГРАДОМ

Зимняя кампания 1942–1943 гг. должна была начаться контрнаступлением советских войск под Сталинградом в целях окружения и уничтожения находившихся в этом районе основных сил группы армий «Б» (операция «Уран»). Общий замысел Ставки ВГК предусматривал расширение фронта стратегического наступления после выполнения задач под Сталинградом. Развивая главный удар в общем направлении на Ростов (операция «Сатурн»), предполагалось разгромить войска вермахта на Среднем и Верхнем Дону и выйти в тыл вражеской группировки противника, находившейся на Северном Кавказе. Параллельно с этим на юге планировалось предпринять действия по прорыву блокады Ленинграда на севере. Для улучшения оперативного положения советских войск и оттягивания на себя неприятельских резервов готовились операции и на других направлениях советско-германского фронта, в частности операция «Марс» в районе вяземско-ржевского выступа.

Операция «Уран»: от обороны к наступлению

К ноябрю 1942 г. вермахт продолжал блокировать Ленинград, держал крупную группировку войск на западном направлении, угрожая Москве, прорвался к Волге у Сталинграда, захватил Северный Кавказ, Крым, однако, исчерпав наступательные возможности, вынужден был перейти к обороне. Правда, в самом Сталинграде и на Кавказе боевые действия продолжались, но при этом наиболее боеспособные в вермахте 6-я полевая и 4-я танковая армии увязли в изнурительных боях.

Готовясь к зиме, немецкое командование надеялось продержаться на занимаемых рубежах до весны 1943 г., а затем снова перейти в наступление. Оно исходило из уверенности в том, что Красная армия не скоро оправится от потерь, понесенных летом и осенью 1942 г., и, соответственно, не сможет зимой вести крупные наступательные операции на юге.

Контрнаступление под Сталинградом в Ставке ВГК начали планировать еще в сентябре 1942 г. Основными разработчиками замысла были заместитель Верховного главнокомандующего генерал армии Г. К. Жуков и начальник Генерального штаба генерал-полковник А. М. Василевский. Они предложили разделить операцию на два основных этапа: окружение сталинградской группировки противника, а затем ее уничтожение. После выработки замысла о контрнаступлении Г. К. Жуков и А. М. Василевский выехали под Сталинград, чтобы тщательно изучить направления будущих ударов и уточнить все необходимые детали. Г. К. Жуков отправился на Сталинградский, а А. М. Василевский — на Юго-Восточный фронт. Эта работа была завершена в конце сентября. Тогда же, в сентябре, основные положения плана

наступательной операции, получившей наименование «Уран», были одобрены Ставкой ВГК и Государственным Комитетом Обороны (ГКО)[1].

К контрнаступлению привлекались войска Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов. Против них на сталинградском направлении действовали главные силы группы армий «Б»: 6-я полевая и 4-я танковая немецкие, 3-я и 4-я румынские армии, а также основные силы 8-й итальянской армии — всего 49 дивизий (из них пять моторизованных и пять танковых) и две бригады. Сталинградская группировка вермахта и его союзников включала почти 20% пехотных, свыше 30% танковых и моторизованных дивизий, действовавших на советско-германском фронте. Ее поддержку осуществлял 8-й авиационный корпус — самое мощное авиасоединение люфтваффе. Он насчитывал свыше 600 самолетов — половину всех сил 4-го воздушного флота[2].

В ходе оборонительных боев советским командованием предпринимались меры по созданию необходимых условий для контрнаступления. Очень важно было отстоять Сталинград, удержать плацдармы на правом берегу Дона и в районе Сарпинских озер. Активные оборонительные действия 62-й и 64-й армий вынудили врага стянуть свои резервы к Сталинграду, к вершине клина, вдававшегося в оборону советских войск. Наиболее боеспособные силы противника оказались скованными у самого города, а фланги его группировки — растянутыми и слабо прикрытыми. На флангах располагались менее боеспособные румынские и итальянские войска. Они были оснащены слабее немецких, остро ощущался недостаток противотанкового оружия. Их артиллерия не имела тяжелых систем, а недостаточное количество средств связи и плохая подготовка не позволяли осуществлять массирование огня. Кроме того, «румыны, итальянцы и венгры нередко воевали самоотверженно, но ввиду недостатка в технике, небольшого боевого опыта и невысокой боевой выучки уступали в тактике русским, которые умели щадить собственные силы»[3].

Оборона противника строилась на удержании тактической зоны глубиной 5–8 км, которая состояла из одного рубежа, включавшего обычно две позиции. На каждом километре фронта оборудовались три-четыре деревоземляные огневые точки. Части и подразделения были растянуты на довольно широких участках, в результате чего оборона носила очаговый характер. В оперативной глубине оборонительные рубежи вообще не готовились.

При подготовке к контрнаступлению советское командование особое внимание уделяло созданию резервов, пополнению войск, проведению перегруппировки сил. Еще в сентябре 1942 г. началось формирование пяти новых резервных армий[4]. За октябрь — ноябрь 1942 г. действующие под Сталинградом фронты из резерва Ставки получили 41 стрелковую и девять кавалерийских дивизий, три танковых и шесть моторизованных корпусов. Кроме того, в район предстоящего контрнаступления прибыли почти 330 тыс. человек маршевого пополнения, около 10,5 тыс. орудий и минометов, почти 900 танков[5]. Проводились межфронтовые перегруппировки. Подвозились материальные средства.

Была реализована эффективная система мероприятий по маскировке своих войск и дезинформации неприятеля. Вследствие этого немецкое командование исключало возможность активных действий советских войск с решительными целями. «Русские уже не располагают сколько-нибудь значительными оперативными резервами и не способны провести наступление крупного масштаба», — отмечалось в дополнении к приказу германского главного командования в октябре 1942 г.[6]

Накануне операции «Уран» немецкий генеральный штаб обратил внимание на значительное увеличение советских войск перед левым флангом своей сталинградской группировки. Как вспоминал бывший начальник генерального штаба сухопутных сил Германии генерал К. Цейтцлер: «Мы все еще не знали, на каком участке растянутого левого фланга русские нанесут удар — на румынском, находившемся близ Сталинграда, на более западном итальянском или, наконец, на венгерском, который протянулся еще дальше на запад». Полагая, что, скорее всего, надо ждать удар Красной армии северо-западнее Сталинграда, на участке, занимаемом румынскими войсками, он признался: «На какой день намечено русскими начало наступления, мы еще не знали»[7].

Сосредоточение советских войск перед контрнаступлением

После войны бывший начальник штаба оперативного руководства немецкими вооруженными силами Йодль отметил: «Мы абсолютно не имели представления о силе русских войск в этом районе. Раньше здесь ничего не было, и внезапно был нанесен удар большой силы, имевший решающее значение»[8].

План стратегического контрнаступления с целью окружения и уничтожения группировки противника в районе Сталинграда под кодовым наименованием «Уран» был представлен в Ставку 13 октября 1942 г., и Сталин одобрил его. Однако в то время советские войска были связаны ожесточенными боями под Сталинградом. Через месяц, после уточнений, план вновь рассматривался на совещании в Ставке и без изменений был утвержден Верховным главнокомандующим. В соответствии с этим планом главные удары по сходящимся направлениям на Калач предстояло нанести по флангам вражеской группировки из районов северо-западнее и южнее Сталинграда силами Юго-Западного и Сталинградского фронтов. Войска Донского фронта своим ударом в районе малой излучины Дона должны были рассечь окружаемую группировку и ускорить ее уничтожение. Главные удары были направлены против уязвимых участков обороны противника, во фланг и тыл его наиболее боеспособным формированиям.

Определение сроков перехода в контрнаступление фронтов Верховный главнокомандующий возложил на представителей Ставки, предоставив им право разнести их по времени[9]. Начало операции было определено для Юго-Западного и Донского фронтов — 19 ноября, для Сталинградского фронта — 20 ноября. Разница в сроках перехода в наступление объяснялась различием глубины задач Юго-Западного и Сталинградского фронтов, ударные группировки которых должны были одновременно выйти в район Калача и Советского.

Наряду с операцией «Уран» намечались и общие контуры замысла последующего наступления на сталинградском направлении — операции «Сатурн»: перед войсками левого крыла Воронежского и правого крыла Юго-Западного фронтов выдвигалась задача отрезать кавказской группировке пути отхода на север. А чтобы сковать во время контрнаступления под Сталинградом силы вермахта на западном, северо-западном направлениях и на Северном Кавказе, от советских войск требовалось предпринять там активные действия[10].

Главная роль на первом этапе контрнаступления отводилась Юго-Западному фронту. Он должен был силами главной группировки (21-я общевойсковая, 5-я танковая армии, часть сил 1-й гвардейской армии и другие средства прорыва) с плацдармов юго-западнее Серафимовича и в районе Клетской прорвать оборону 3-й румынской армии и стремительно развивать удар подвижными соединениями на юго-восток с целью выхода на Дон на участке Большенабатовский — Калач. В результате этого удара войска фронта должны были выйти в тыл сталинградской группировке и отрезать ей пути отхода на запад. Обеспечение наступления ударной группировки фронта с юго-запада и запада и образование внешнего фронта окружения на этом направлении возлагались вначале на 1-ю гвардейскую, а в последующем и на основные силы 5-й танковой армии. Воздушная поддержка войск Юго-Западного фронта возлагалась на 2-ю и 17-ю воздушные армии.

Ударная группировка Сталинградского фронта (64, 57, 51-я общевойсковые и 8-я воздушная армии) должна была наступать из района Сарпинских озер. Ей необходимо было прорвать оборону противника и, развивая удар в северо-западном направлении, выйти в район Калач — Советский. 62-й армии, находившейся в Сталинграде, предстояло активной обороной сковать войска врага, действовавшие непосредственно в городе, и быть в готовности к переходу в наступление. Для обеспечения наступления войск Сталинградского фронта с юго-запада и создания внешнего фронта окружения на этом направлении предусматривалось использовать соединения 51-й армии.

Основные силы Юго-Западного и Сталинградского фронтов должны были соединиться в районе Калач — Советский и тем самым окружить основные силы противника под Сталинградом. Донской фронт наносил два удара: один — одновременно с Юго-Западным фронтом из района восточнее Клетской на юго-восток силами 65-й армии с целью свертывания обороны противника на правом берегу Дона; другой — силами 24-й армии из района Качалинской вдоль левого берега Дона на юг в общем направлении на Вертячий с целью

отсечения вражеских войск, действовавших в малой излучине Дона, от группировки в районе Сталинграда. 66-я армия активными действиями севернее Сталинграда должна была прочно сковать противника и лишить его возможности маневрировать резервами.

Кроме десяти общевойсковых, одной танковой и четырех воздушных армий в контрнаступлении советских войск под Сталинградом участвовали отдельные танковые, механизированные, кавалерийские корпуса, бригады и отдельные части — всего свыше 1,1 млн человек, около 15 тыс. орудий и минометов, 1560 танков и самоходных артиллерийских установок, 1916 боевых самолетов. В группе армий «Б», действовавшей в районе Среднего Дона, Сталинграда и южнее по Сарпинским озерам, насчитывалось свыше 1 млн человек, 675 танков и штурмовых орудий, около 10,3 тыс. орудий и минометов, свыше 1200 самолетов[11].

Таким образом, Ставка ВГК не смогла к началу контрнаступления обеспечить существенного перевеса в силах и средствах. Однако при практически равном общем соотношении сил и средств советскому командованию за счет ослабления второстепенных участков удалось сосредоточить на участках прорыва Юго-Западного и Сталинградского фронтов, составлявших 9% всей протяженности линии фронта, от 50 до 70% стрелковых дивизий, около 80% танков и до 85% артиллерии. Поэтому на направлениях главных ударов советские войска достигли превосходства над противником: в людях — 2–2,5 раза, в артиллерии и танках — в 3–5 раз[12].

Непосредственное руководство подготовкой контрнаступления под Сталинградом осуществлялось заместителем Верховного главнокомандующего Г. К. Жуковым и начальником Генерального штаба А. М. Василевским. Во время контрнаступления представителем Ставки оставался А. М. Василевский, а Г. К. Жукову была поручена организация наступательных операций на западном направлении. Большой вклад в подготовку и проведение контрнаступления внесли начальник артиллерии РККА генерал Н. Н. Воронов, командующий военно-воздушными силами генерал А. А. Новиков, начальник Главного автобронетанкового управления генерал Я. Н. Федоренко, начальник инженерных войск генерал М. П. Воробьев, начальник Главного управления связи генерал И. Т. Пересыпкин. К этой работе были привлечены также начальник тыла Красной армии генерал А. В. Хрулев, начальник Главного артиллерийского управления генерал Н. Д. Яковлев и другие военачальники.

Основными планирующими документами являлись замысел, отраженный на картах представителей Ставки ВГК, а также планы военных советов фронтов, участвовавших в операции. Они выполнялись от руки командующим войсками или начальником штаба фронта, чем достигалась высокая степень скрытности предстоящих операций. Сохранение в тайне планов военных действий обеспечивалось ограничением круга лиц, знакомых с замыслами, и кодированием наименований операций. Верховное главнокомандование немедленно реагировало на любое нарушение скрытности подготовки контрнаступления. В одной из директив командующему Сталинградским фронтом указывалось: «Ставка Верховного главнокомандования категорически запрещает вам впредь пересылать шифром какие бы то ни было соображения по плану операции, издавать и рассылать приказы по предстоящим действиям. Все планы операции по требованию Ставки направлять лишь только написанными от руки и с ответственным исполнителем. Приказы на предстоящую операцию командующим армиями давать только лично по карте»[13].

Большое значение мер по соблюдению скрытности при подготовке контрнаступления отмечал и главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов: «Меня в те дни мучил вопрос: знало ли гитлеровское командование что-либо о нашей подготовке к наступлению? По всем данным нашей наземной и воздушной разведки, противник ни о чем не догадывался. Мы следили за врагом во все глаза. Наблюдение велось круглосуточно. Непрерывно работала звукометрическая разведка, которая выявляла вражеские артиллерийские и минометные батареи. С воздуха шло систематическое фотографирование расположения противника, особенно тех районов, где намечался прорыв его обороны. Генералы-артиллеристы часами просиживали за стереотрубами на наблюдательных пунктах. Мы часто встречались с А. М. Василевским, который был здесь представителем Ставки. Обменивались впечатлениями, советовались, как лучше строить работу. А. М. Василевский систематически докладывал в Ставку о ходе под-

готовки операции, я же делал это по мере надобности, но Ставка часто сама вызывала меня и засыпала множеством вопросов. Верховное командование настойчиво требовало усилить меры скрытности и маскировки войск, и в частности артиллерии, чтобы наше наступление было полной неожиданностью для противника»[14].

Утром 19 ноября 1942 г. войска Юго-Западного и правого фланга Донского фронта перешли в наступление. Резко изменившаяся перед рассветом погода внесла существенные коррективы в использование артиллерии и авиации. Из-за густого тумана поднять в воздух авиацию было невозможно, так как видимость не превышала 200 метров. Но выручила мощная 80-минутная артиллерийская подготовка, в которой участвовало около 3500 орудий и минометов. Управление войсками 3-й румынской армии было полностью дезорганизовано.

Вслед за артиллерийской подготовкой пехота и танки атаковали передний край противника. Первую траншею румынских войск удалось захватить почти без сопротивления. Для наращивания усилий и завершения прорыва тактической зоны обороны противника командующий войсками Юго-Западного фронта генерал Н. Ф. Ватутин принял решение ввести в сражение танковые корпуса[15]. Несмотря на задержки на маршрутах выдвижения, танковые корпуса вышли на линию наступающей пехоты. 1-й и 26-й танковые корпуса, преодолев с ходу последние очаги сопротивления, начали быстро продвигаться на юг. Наиболее мощным и стремительным был удар 26-го танкового корпуса, который, разгромив в полосе движения вражеские части, к рассвету 20 ноября овладел населенными пунктами Новоцарицынское и Перелазовское, где разгромил штаб 5-го армейского корпуса румын и захватил большие трофеи.

Соединения 5-й танковой армии вместе со стрелковыми дивизиями сломили ожесточенное сопротивление противника, овладели рядом укрепленных узлов обороны и к исходу дня продвинулись на глубину 15—19 км[16].

Войска 65-й армии Донского фронта, действовавшей в юго-восточном направлении, встретили еще более ожесточенное сопротивление противника. В первый день наступления частям армии удалось лишь отбросить его на 3—5 км. Командующий 65-й армией генерал П. И. Батов впоследствии так описал тот памятный бой: «Мы наблюдали один из самых напряженных моментов боя. Пусть читатель представит себе эту местность: извилистые глубокие овраги упираются в меловой обрыв, крутые его стены поднимаются на 20—25 метров. Рукой почти не за что уцепиться. Ноги скользят по размокшему мелу. Чеботаевцы (К. П. Чеботаев — командир полка 304-й сд. — *Прим. ред.*) начали штурм. Было видно, как солдаты подбегали к обрыву и карабкались вверх. Вскоре вся стена была усыпана людьми. Срывались, падали, поддерживали друг друга и упорно ползли вверх»[17].

Весьма скромные результаты, достигнутые 19 ноября войсками Донского фронта, объясняются тем, что в первый день операции из его состава в наступление перешла лишь часть сил — 65-я армия, а 24-я армия того же фронта должна была включиться в операцию 22 ноября.

20 ноября в наступление перешли войска Сталинградского фронта, которые за первые сутки прорвали вражескую оборону южнее Сталинграда и продвинулись на 7—9 км. Ударные группы Юго-Западного и Донского фронтов в результате двухдневных боев, действуя южнее Серафимовича и Клетской, разгромили три пехотные дивизии противника и продвинулись на 20—22 км, а на отдельных направлениях до 30 км, при этом были захвачены свыше 2 тыс. пленных, 205 орудий и много другого военного имущества[18].

Успехи советских войск привели в явное замешательство германское командование. А. Гитлер, В. Кейтель и А. Йодль считали необходимым удерживать занимаемые позиции в районе Сталинграда, сделав небольшую перегруппировку сил. Йодль, в частности, предлагал оставить волжский участок фронта 6-й армии и усилить ее южный плацдарм. Цейтцлер и командование группы армий «Б» настаивали на принятии более радикального решения: отвести соединения 6-й армии из-под Сталинграда на запад, видя в этом единственную возможность избежать катастрофы. В результате обсуждения различных вариантов было принято решение срочно перебросить под Сталинград с Северного Кавказа две танковые дивизии. Не желая считаться с реальной обстановкой, руководители вермахта все еще надеялись отдельными

Наступление советских войск началось

контрударами танковых соединений остановить наступление советских войск. Гитлер заверил командующего 6-й армией Ф. Паулюса, что не допустит окружения армии, а если это все же произойдет — примет все меры к ее деблокаде. Он упрямо и категорически заявил: «Я не оставлю Волгу, я не уйду с Волги!»[19]

Командующий группой армий «Б», не дожидаясь санкции верховного командования, еще вечером 19 ноября приказал 6-й армии немедленно прекратить все наступательные действия в Сталинграде и принять срочные меры по обеспечению своего левого фланга и тыла[20]. Попытка нанести контрудар 48-м танковым корпусом после поворота его соединений во фланг 5-й советской танковой армии вылилась в ночные встречные бои. Советские войска превосходили противника в силах и средствах, и поэтому основным способом действий вражеских соединений стала оборона с частыми контратаками с целью сковать максимальное количество частей танковой армии, задержать их наступление и обеспечить подготовку нового контрудара под основание прорыва силами оперативной группы «Холлидт», создаваемой из немецких дивизий, снятых с фронта обороны 8-й итальянской армии.

Мощными ударами советские войска нанесли поражение противостоявшим группировкам румыно-немецких войск и подвижными соединениями устремились в оперативную глубину обороны противника. Немецкое командование пыталось ликвидировать прорывы на флангах своей главной группировки. С этой целью оно направило против ударных группировок советских войск свои резервы (три танковые, одну кавалерийскую и одну пехотную дивизии). Отразив все контратаки противника, подвижные соединения Юго-Западного и Сталинградского фронтов продолжали наступление к Калачу.

21 ноября 26-й и 4-й танковые корпуса Юго-Западного фронта вышли в район Манойлина и, резко повернув на восток, по кратчайшему пути устремились к Дону, в район Калача. Контратаки 24-й немецкой танковой дивизии не смогли задержать их продвижение. Передовые части 4-го танкового корпуса к исходу дня подходили к Голубинскому, где находился командный пункт 6-й армии[21], который спешно передислоцировался в Нижнечирскую.

Важное значение приобретала непрерывность преследования противника, в том числе ночью. Известен пример весьма результативных действий передового отряда 26-го танкового корпуса под командованием подполковника Г. Н. Филиппова, который с зажженными фарами танков и автомашин, используя беспечность противника, прошел через мост на р. Дон в районе Калача, уничтожил охрану и занял круговую оборону. Немцы беспрепятственно пропустили колонну машин и танков через боевые порядки, приняв ее за свою учебную часть, оснащенную советской трофейной техникой. Отбив многочисленные контратаки врага, отряд стойко оборонялся, пока к нему не прорвалась 19-я танковая бригада. Совместными усилиями они обеспечили переправу главных сил. За эти инициативные смелые действия многие воины передового отряда и танковой бригады были награждены орденами и медалями, а их командиры Г. Н. Филиппов и Н. М. Филиппенко были удостоены звания Героя Советского Союза.

За первые три дня операции войска Сталинградского фронта прорвали вражескую оборону южнее Сталинграда, разгромили 6-й армейский корпус румын, остатки которого бежали к р. Аксай, и, продвинувшись почти на 60 км в северо-западном направлении, глубоко охватили с юга-запада сталинградскую группировку противника. Первоначальное расстояние в 230 км, разделявшее войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов, к исходу 21 ноября сократилось на отдельных участках до 60—80 км[22].

Разгромленные румынские войска в панике отступали. «Бросая все на своем пути, — вспоминал участник тех событий, — бегущие без оглядки войска увеличивали и без того огромную армию отступавших, создавая в целом картину, напоминающую отступление Наполеона»[23].

Первый адъютант штаба армии В. Адам так описал это «перемещение»: «Подхлестываемые страхом перед советскими танками, мчались на запад грузовики, легковые и штабные машины, мотоциклы, всадники и гужевой транспорт; они наезжали друг на друга, застревали, опрокидывались, загромождали дорогу. Между ними пробирались, топтались, протискивались, карабкались пешеходы. Тот, кто спотыкался и падал наземь, уже не мог встать на ноги.

Артиллерия поддерживает наступающие войска

Новое боевое задание

Пленные румынские солдаты

Его затаптывали, переезжали, давили. В лихорадочном стремлении спасти собственную жизнь люди оставляли всё, что мешало поспешному бегству, бросали оружие и снаряжение, неподвижно стояли на дороге машины, полностью загруженные боеприпасами, полевые кухни и повозки из обоза... Дикий хаос царил в Верхнечирской. К беглецам из 4-й танковой армии присоединились двигавшиеся с севера солдаты и офицеры 3-й румынской армии и тыловых служб 11-го армейского корпуса. Все они, охваченные паникой и ошалевшие, были похожи друг на друга. Все бежали в Нижнечирскую»[24].

Сухопутные войска поддержала авиация 17, 16, 8 и 2-й воздушных армий, которая, несмотря на сохранявшиеся неблагоприятные метеоусловия, смогла наносить удары по противнику. Для улучшения взаимодействия с общевойсковыми объединениями командующие воздушных армий развертывали временные пункты управления (ВПУ) вблизи фронтовых командных пунктов. В восьми из одиннадцати армий, участвовавших в окружении противника под Сталинградом, авиационные представители, имея прямую связь с ВПУ воздушной армии, не только информировали об обстановке, но и представляли заявки на действия авиации. Более того, 5-й танковой армии оперативно был подчинен смешанный авиационный корпус, командир которого находился на КП армии. В механизированные (танковые) корпуса направлялись оперативные группы (два-три офицера во главе с начальниками штабов авиационных соединений), оснащенные радиостанциями. Им предоставлялось право вызывать

с аэродромов для действий на поле боя те авиационные части, которые были выделены в оперативное подчинение командиров корпусов.

1-й и 26-й танковые корпуса продолжали развивать наступление. Во второй половине дня 22 ноября они вышли к Дону и овладели Калачом, Мостовским, а часть сил — Лысовым, Погодинским (26 км юго-западнее Калача), продвинувшись на 40—60 км. 3-й гвардейский кавалерийский корпус к исходу дня прорвался в район Большенабатовского (22—28 км севернее Калача)[25]. Прорывавшиеся им навстречу части 4-го механизированного корпуса 51-й армии, продвинувшись на 30—35 км, вышли в район Мариновка — Советский, перерезав железнодорожную магистраль Калач — Сталинград. Оперативное окружение 4-й танковой и 6-й полевой армий было завершено.

23 ноября 4-й танковый (командир — генерал А. Г. Кравченко) и 4-й механизированный (командир — генерал В. Т. Вольский) корпуса Юго-Западного и Сталинградского фронтов соединились в районе Калача и Советского, полностью завершив окружение сталинградской группировки врага. В окружении оказались штаб 6-й полевой армии, пять немецких корпусов, 22 дивизии (из них две румынские), 160 отдельных частей (артиллерийские, зенитно-артиллерийские, инженерные, дивизионы штурмовых орудий, тыловые части и учреждения, военно-строительные отряды, части организации Тодта) общей численностью около 330 тыс. человек[26], а по немецким данным, 250—280 тыс. человек[27]. В этот же день, поняв бессмысленность дальнейшего сопротивления, капитулировала распопинская группировка противника. Были пленены 27 тыс. солдат и офицеров 5-го и 4-го румынских корпусов[28].

На внутреннем фронте окружения сталинградской группировки действовали войска Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов, а на внешнем — правого крыла Юго-Западного и левого крыла Сталинградского фронтов. В то же самое время войскам Донского фронта, несмотря на настойчивые требования Ставки, не удалось окружить вражескую группировку в малой излучине Дона. Соединения и части 24-й армии, перешедшие в наступление только 22 ноября, не смогли прорвать сильно укрепленную оборону противника и втянулись в затяжные бои. Ввод в сражение 16-го танкового корпуса также не принес ожидаемых результатов. 11-й и 8-й немецкие армейские корпуса, сдерживая натиск советских войск, медленно отходили в юго-восточном направлении. Ставка ВГК, обеспокоенная медленным продвижением войск Донского фронта, потребовала от генерала К. К. Рокоссовского усилить нажим на противника[29].

После получения известия об окружении 6-й армии в ставке германского верховного главнокомандования царило смятение. Все были ошеломлены. Начальник генерального штаба сухопутных сил Цейтцлер предлагал оставить Сталинград, однако руководство ОКВ возражало, предлагая закрепиться и деблокировать окруженную группировку. Утром 24 ноября командующему 6-й армией Паулюсу был отдан приказ занять круговую оборону и ждать деблокирующего наступления извне[30].

Общая протяженность внешнего фронта окружения между Рыбным и Уманцево к этому времени составляла свыше 450 км. Максимальное расстояние между внешним и внутренним фронтами окружения на Юго-Западном фронте колебалось в пределах 100 км, а на Сталинградском — 20—80 км. Особое беспокойство советского командования вызывало то обстоятельство, что наименьшее расстояние (до 20 км) между внешним и внутренним фронтами было как раз там, где не существовало сплошного фронта — на направлениях Советский — Нижнечирская и Советский — Аксай. В сложившихся условиях требовалось не только быстрее ликвидировать окруженную группировку, но и решить другую не менее ответственную задачу — создать устойчивый внешний фронт окружения и максимально отодвинуть его на запад, чтобы надежно изолировать окруженные вражеские войска от помощи извне.

Войска Юго-Западного и правого крыла Донского фронтов продолжали вести наступление на сталинградском направлении, сжимая с запада кольцо окружения вражеской группировки. Главные силы Сталинградского фронта, преодолевая упорное сопротивление, наступали в общем направлении на северо-запад, плотнее окружая немцев юго-западнее Сталинграда[31].

Представитель Ставки ВГК, начальник Генерального штаба А. М. Василевский, оценивая обстановку и определяя задачи войск, считал, что противник немедленно примет все меры, чтобы ударами извне прорвать кольцо окружения своих войск под Сталинградом. Поэтому важнейшей задачей, по его мнению, являлась быстрейшая ликвидация окруженной группировки врага и высвобождение своих сил, занятых в этой операции. Вместе с тем он полагал, что до решения этой основной задачи нужно как можно надежнее изолировать окруженную группировку от подходивших свежих неприятельских сил, а для этого необходимо было срочно создать прочный внешний фронт окружения и иметь за ним достаточные резервы из подвижных войск. Далее А. М. Василевский предлагал, чтобы войска всех трех фронтов, находившиеся на внутреннем кольце окружения, с утра 24 ноября без какой-либо существенной перегруппировки и дополнительной подготовки продолжили решительные действия по ликвидации окруженного противника[32]. Верховный главнокомандующий утвердил это предложение.

Общий замысел действий фронтов сводился к тому, чтобы ударами по сходящимся направлениям на Гумрак расчленить окруженную группировку и уничтожить ее по частям. К выполнению этой задачи привлекались: с запада — 21-я армия Юго-Западного фронта, усиленная 26-м и 4-м танковыми корпусами, с севера — 65, 24 и 66-я армии Донского фронта, с востока и юга — 62, 64 и 57-я армии Сталинградского фронта[33].

Получив задачи, войска Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов развернули активные действия на внутреннем фронте. Преодолевая упорное сопротивление противника, они продолжали наступление, стремясь его рассечь и сжать кольцо окружения немецких войск под Сталинградом. Одновременно продолжалось наступление на внешнем фронте, отодвигавшее его все дальше от окруженной группировки противника: войска Юго-Западного фронта вели наступление в направлениях Обливская и Суровикино, а войска Сталинградского фронта — в общем направлении на Котельниково. В районе Большая Донщинка 25 ноября были ликвидированы ранее окруженные части противника[34]. 24 ноября войска Донского фронта севернее Сталинграда, преодолев упорное сопротивление противника, соединились в районе поселка Рынок с частями 62-й армии Сталинградского фронта[35]. На следующий день соединения 66-й армии (генерал А. С. Жадов) Донского фронта продвинулись еще на 6 км и вышли к Орловке. Немецкое командование, срочно перебросив в этот район 14-й танковый корпус, остановило их продвижение.

К концу 25 ноября были созданы внутренний и внешний фронты окружения врага. На внутреннем, общая протяженность которого составляла около 200 км, находились войска из состава всех трех фронтов, принимавших участие в операции «Уран». Общая протяженность внешнего фронта составляла 270 км. Он был образован частью сил Юго-Западного и Сталинградского фронтов, вышедших в ходе наступления на рубеж рек Кривая и Чир и далее по линии Суровикино — Абганерово — Уманцево. Максимальное удаление внешнего фронта от внутреннего было 80—100 км, а минимальное 15—20 км[36]. И на внутреннем, и на внешнем фронтах противник оказывал ожесточенное сопротивление.

Погода постепенно улучшалась. Авиация всех фронтов активно поддерживала наземные войска. Соединения 17, 16 и 8-й воздушных армий осуществляли до 800—1000 самолето-вылетов в сутки. Нанося удары по врагу, авиация фронтов только с 24 по 30 ноября произвела около 6 тыс. боевых вылетов, из них более половины на поддержку войск, превысив в пять раз количество самолето-вылетов ВВС вермахта[37]. Ожесточенные бои на внутреннем фронте продолжались до 30 ноября. Соединения Донского фронта сумели продвинуться на 5—15 км, а войска Сталинградского фронта фактически остались на исходных рубежах. Таким образом, предпринятая советским командованием попытка с ходу ликвидировать окруженную в районе Сталинграда группировку не удалась. Операция «Уран» завершилась, а с ней и первый этап контрнаступления.

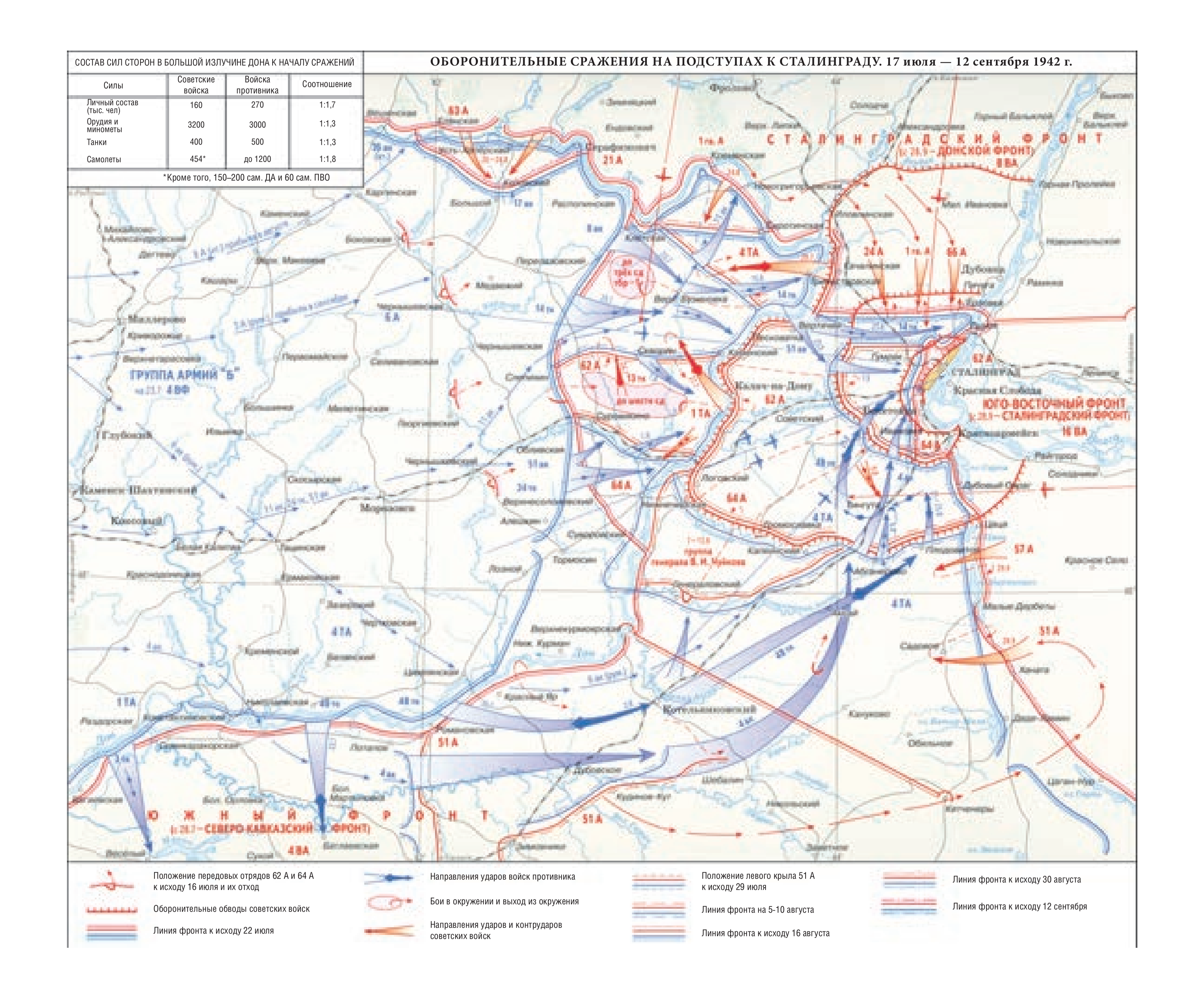
Площадь, занятая окруженными войсками, сократилась более чем вдвое, образовав на сталинградском направлении 300-километровую брешь в стратегическом фронте про-

Разведчики на боевом задании

Танки с десантом на броне в наступлении

СОСТАВ СИЛ СТОРОН В БОЛЬШОЙ ИЗЛУЧИНЕ ДОНА К НАЧАЛУ СРАЖЕНИЙ

Силы	Советские войска	Войска противника	Соотношение
Личный состав (тыс. чел)	160	270	1:1,7
Орудия и минометы	3200	3000	1:1,3
Танки	400	500	1:1,3
Самолеты	454*	до 1200	1:1,8

*Кроме того, 150–200 сам. ДА и 60 сам. ПВО

Положение передовых отрядов 62 А и 64 А к исходу 16 июля и их отход

Оборонительные обводы советских войск

Линия фронта к исходу 22 июля

Направления ударов войск противника

Бои в окружении и выход из окружения

Направления ударов и контрударов советских войск

Положение левого крыла 51 А к исходу 29 июля

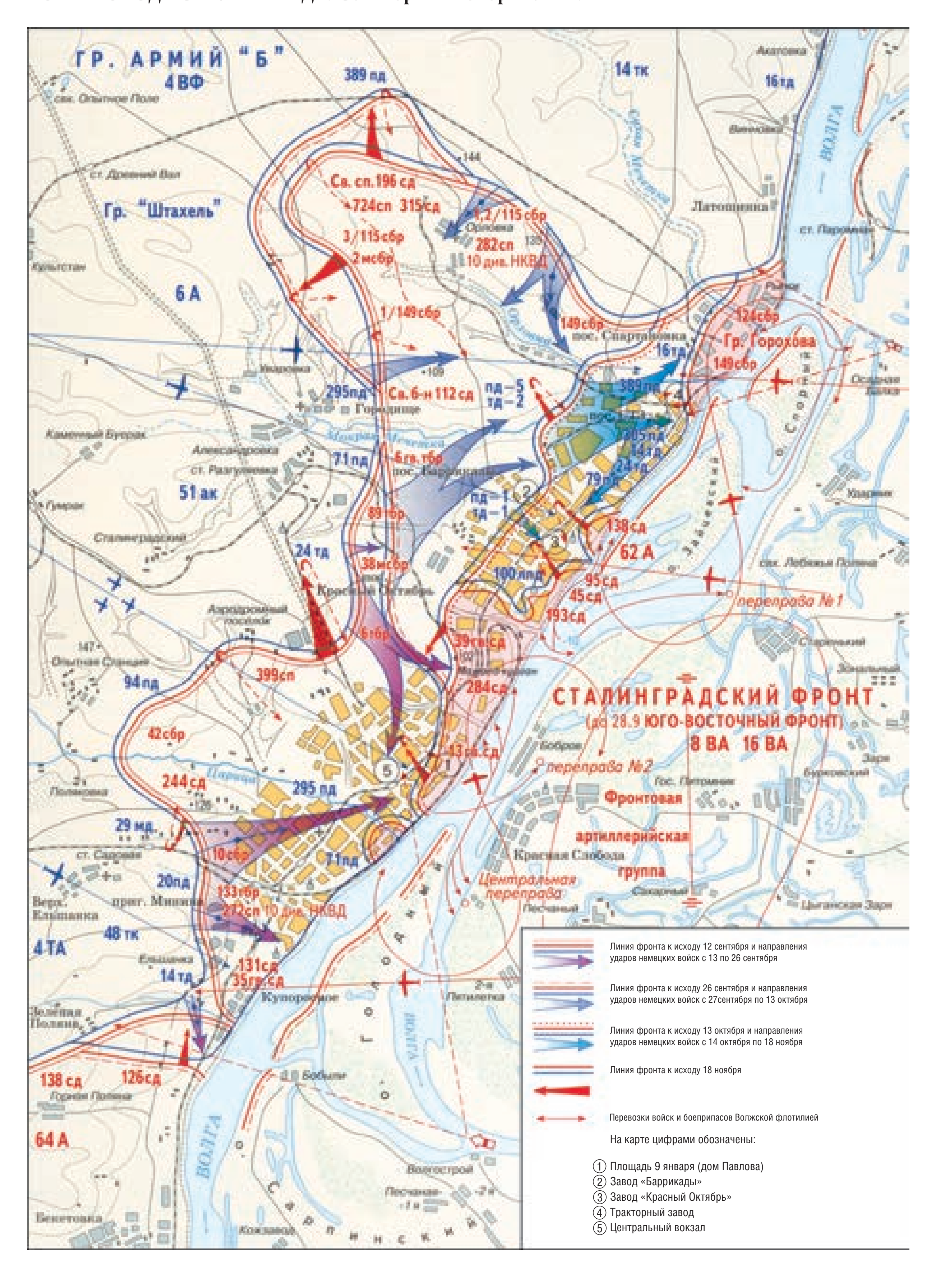
Линия фронта на 5-10 августа

Линия фронта к исходу 16 августа

Линия фронта к исходу 30 августа

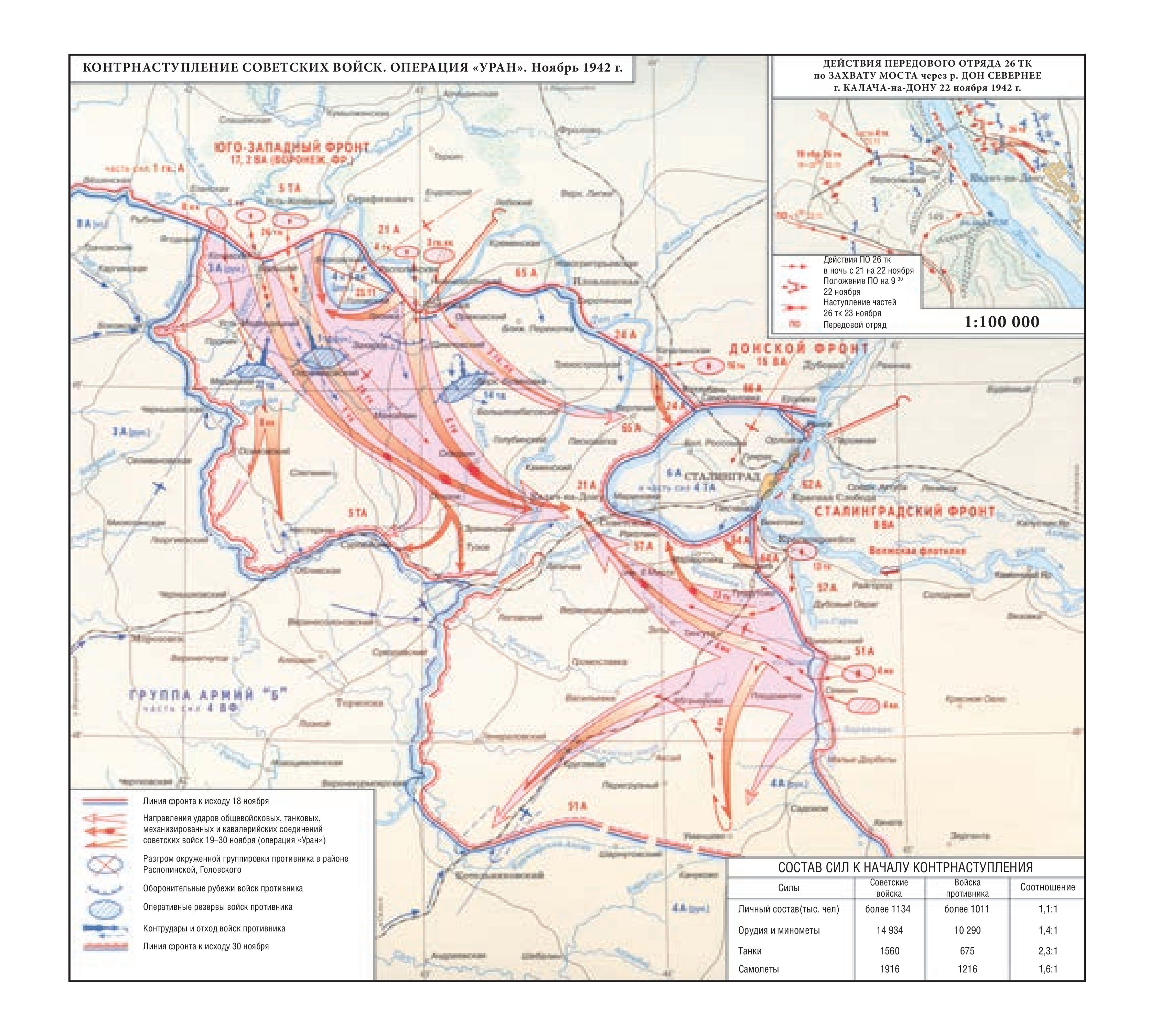
Линия фронта к исходу 12 сентября

БОИ В ГОРОДЕ СТАЛИНГРАДЕ. Сентябрь — ноябрь 1942 г.

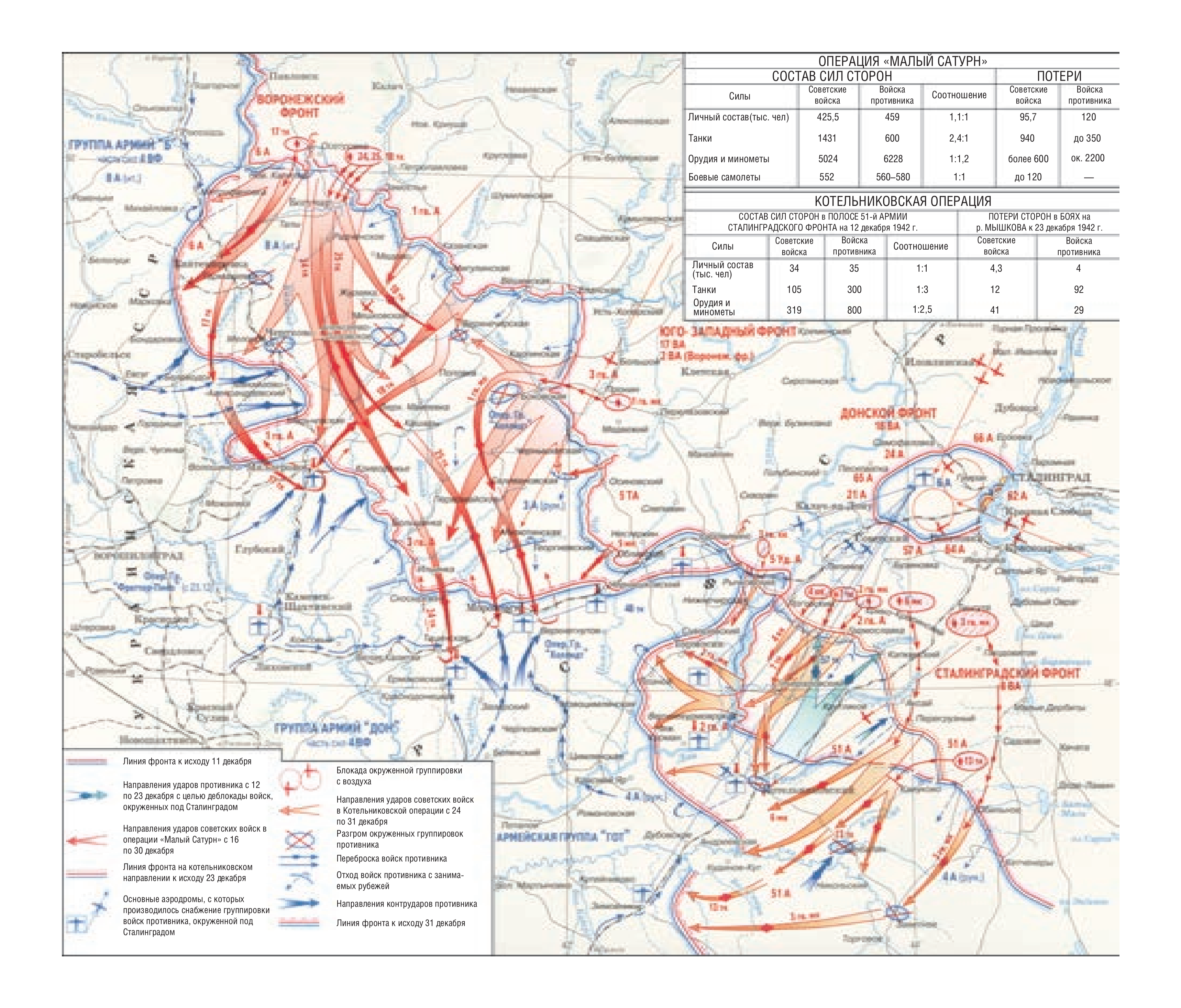
ОБЩИЙ ХОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ВО ВТОРОМ ПЕРИОДЕ ВОЙНЫ.
19 ноября — конец 1943 г.

СОСТАВ СИЛ К НАЧАЛУ КОНТРНАСТУПЛЕНИЯ

Силы	Советские войска	Войска противника	Соотношение
Личный состав(тыс. чел)	более 1134	более 1011	1,1:1
Орудия и минометы	14 934	10 290	1,4:1
Танки	1560	675	2,3:1
Самолеты	1916	1216	1,6:1

ОПЕРАЦИЯ «МАЛЫЙ САТУРН»

Силы	СОСТАВ СИЛ СТОРОН: Советские войска	Войска противника	Соотношение	ПОТЕРИ: Советские войска	Войска противника
Личный состав(тыс. чел)	425,5	459	1,1:1	95,7	120
Танки	1431	600	2,4:1	940	до 350
Орудия и минометы	5024	6228	1:1,2	более 600	ок. 2200
Боевые самолеты	552	560–580	1:1	до 120	—

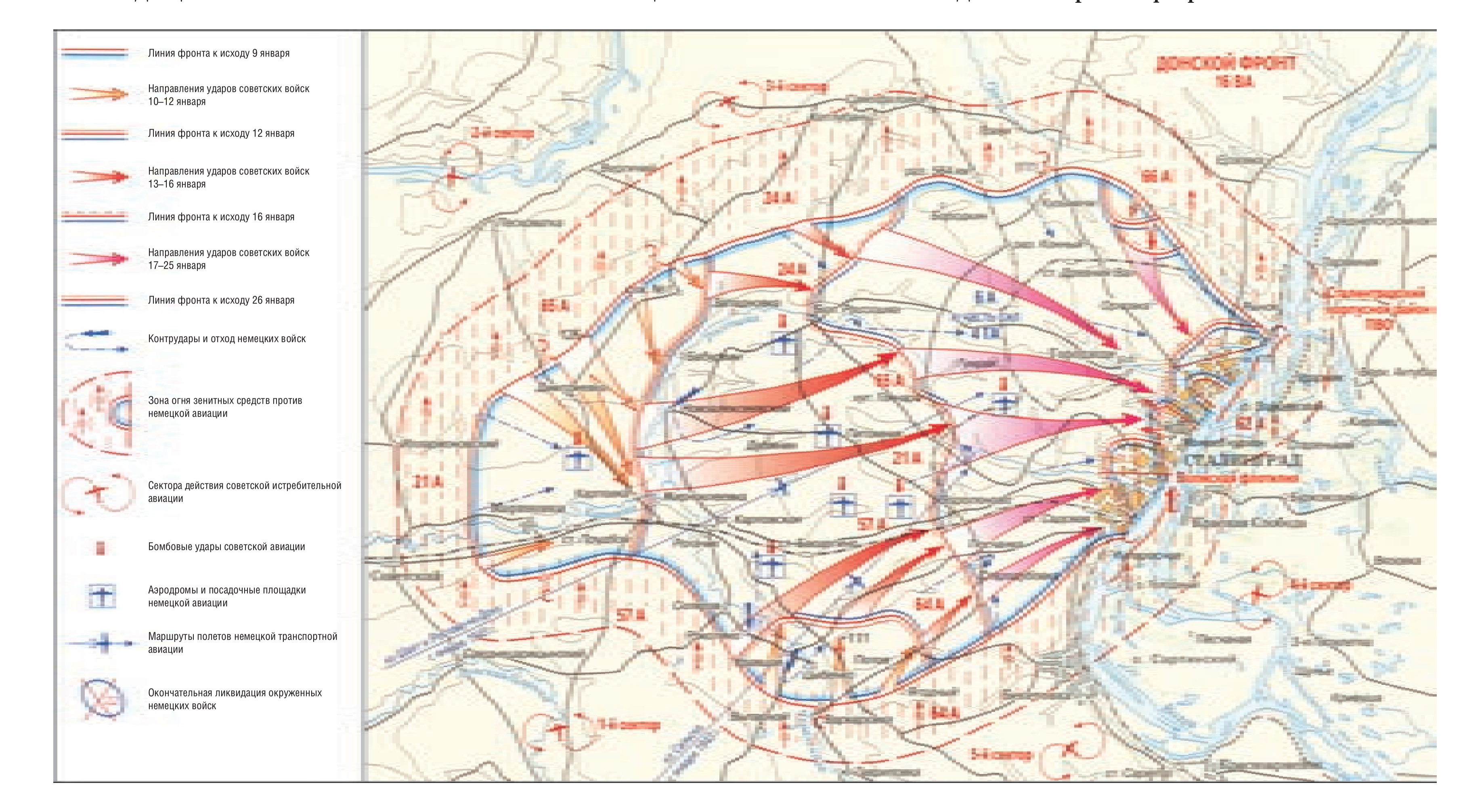
КОТЕЛЬНИКОВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Силы	СОСТАВ СИЛ СТОРОН в ПОЛОСЕ 51-й АРМИИ СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТА на 12 декабря 1942 г.: Советские войска	Войска противника	Соотношение	ПОТЕРИ СТОРОН в БОЯХ на р. МЫШКОВА к 23 декабря 1942 г.: Советские войска	Войска противника
Личный состав (тыс. чел)	34	35	1:1	4,3	4
Танки	105	300	1:3	12	92
Орудия и минометы	319	800	1:2,5	41	29

НАСТУПЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ ВОЙСК НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ. Январь — октябрь 1943 г.

ЛИКВИДАЦИЯ ОКРУЖЕННОЙ ГРУППИРОВКИ НЕМЕЦКИХ ВОЙСК В СТАЛИНГРАДЕ. 10 января — 2 февраля 1943 г.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ СОВЕТСКИХ ВОЙСК НА КУРСКОЙ ДУГЕ. Июль 1943 г.

Командующий Донским фронтом генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский наблюдает за ходом боя

Командующий 65-й армией генерал-лейтенант П. И. Батов на наблюдательном пункте

тивника. Его крупная группировка была зажата в плотное кольцо. Внешний фронт окружения проходил по рубежу рек Кривая и Чир до Нижнечирской, далее на юг по Дону, где на 50-километровом участке от устья р. Чир до Верхнекурмоярской сплошного фронта не было, затем резко поворачивая на восток, проходя по рубежу Верхнеяблочная — Чилеков — Обильная. Общая его протяженность достигала 500 км. Внутренний фронт, упираясь своими флангами в районе Сталинграда в Волгу, шел по линии Купоросное — Мариновка — Дмитриевка — Рынок. Удаленность внешнего фронта от внутреннего составляла от 40 до 110 км[38].

Однако рассечь попавшие в котел войска не удалось. Противник вывел свои соединения из малой излучины Дона и укрепил ими позиции западнее р. Россошка. Уплотнив боевые порядки войск, он активно маневрировал резервами внутри кольца окружения и умело использовал выгодные оборонительные рубежи, подготовленные в противотанковом отношении. Сказывались также усталость и потери советских войск в ходе непрерывного десятидневного наступления в условиях суровой зимы и бездорожья.

Одной из причин, замедливших ликвидацию окруженной группировки, была неправильно установленная численность ее личного состава. По первоначальным разведывательным данным фронтов, принимавших участие в контрнаступлении, а также Генерального штаба, общая численность окруженной группировки, которой командовал генерал-полковник Паулюс, определялась в 85–90 тыс. человек. Фактически же в ней насчитывалось, как об этом стало известно позднее, более 300 тыс. Преуменьшенными были сведения и о боевой технике, особенно артиллерии, танках, вооружении, которыми располагали окруженные войска. В этих условиях для разгрома противника требовались более крупные силы. Всё отчетливее вырисовывалась необходимость надежного обеспечения внешнего фронта окружения.

Решающую роль в осуществлении операции окружения сыграли искусно организованное и умело осуществленное артиллерийское наступление, согласованные действия пехоты и танков при взломе тактической обороны противника, смелое и решительное использование подвижных соединений фронтов, прежде всего танковых и механизированных, героизм и мужество советских воинов, их высокий наступательный порыв и боевое мастерство. Окружением немецко-фашистской группировки под Сталинградом закончился первый этап контрнаступления. Советские войска прочно овладели стратегической инициативой на юго-западном направлении и создали предпосылки не только для ликвидации окруженной группировки, но и для проведения новых наступательных операций.

Таким образом, в ходе операции «Уран» советские войска прорвали оборону на 300-километровом фронте. Глубина их продвижения за 12 дней операции составила от 40 до 120 км. За время операции немецкие и румынские войска потеряли 145 тыс. солдат и офицеров (в том числе 65 тыс. пленными), 2900 орудий, 700 минометов, более 300 танков, свыше 250 самолетов, 7,5 тыс. автомашин, до 1500 мотоциклов, большое количество другой военной техники и оружия. Кроме того, советские войска возвратили потерянные еще в летних боях до 700 собственных танков. За то же время потери советских войск составили 79,4 тыс. человек (в том числе 18,4 тыс. убитыми), 359 танков (из них 145 — безвозвратно) и 125 самолетов[39].

Успех операции «Уран» во многом был предопределен высоким искусством советского командования, правильно выбравшего направления главных ударов фронтов и время перехода войск в контрнаступление, когда наступательные возможности противника оказались истощены, а оборона занимаемых им рубежей еще не была подготовлена. Удары советских войск по сходящимся направлениям и быстрое развитие наступления не позволили противнику принять действенные меры по локализации прорыва.

В ходе операции «Уран» были заложены основы по перехвату стратегической инициативы, созданы условия не только для ликвидации окруженной под Сталинградом вражеской группировки, но и для проведения последующих наступательных операций.

На Среднем Дону

Несмотря на успешное окружение советскими войсками крупной группировки противника под Сталинградом, немецкому командованию к началу декабря 1942 г. удалось создать устойчивую круговую оборону внутри кольца и временно стабилизировать внешний фронт окружения. В начале декабря перед войсками Сталинградского фронта стояла задача овладеть Котельниково, а затем, закрепившись на достигнутом рубеже, надежно прикрыть с юго-запада главные силы фронта, действующие против окруженного противника.

В то же время командование вермахта готовило операцию с целью прорыва блокады вокруг окруженных под Сталинградом войск, получившую кодовое наименование «Зимняя гроза». Подготовка и проведение операции были возложены на группу армий «Дон», которую возглавил Э. Манштейн. В нее вошли: смешанная румыно-немецкая оперативная группа «Холлидт»; остатки 3-й румынской армии в составе сводных отрядов разбитых румынских и немецких соединений; сводная армейская группа «Гот», основу которой составляли избежавшие окружения соединения 4-й румынской и 4-й танковой армий, в состав 4-й танковой армии была включена свежая 6-я танковая дивизия; а также окруженная 6-я полевая армия. Поддерживать наземные войска должна была группа ВВС «Дон» (около 500 самолетов)[40].

Общее руководство операцией возлагалось на фельдмаршала Э. Манштейна, а непосредственное — на генерала Гота. Переход в наступление назначили на 3 декабря, но в связи с задержкой сосредоточения войск он был перенесен сначала на 8 декабря, а затем на 12 декабря[41]. Предполагалось, что с выходом 57-го танкового корпуса в район Ерико-Крепинского 6-я армия нанесет встречный удар (кодовое название «Удар грома») и 17 декабря обе эти группировки соединятся[42].

В это время внимание советского командования было сосредоточено на решении нескольких задач: ликвидации окруженной группировки врага, укреплении внешнего фронта окружения и подготовке операции по разгрому противника на Среднем Дону. 3 декабря Ставка утвердила план операции «Сатурн». К участию в этой операции предполагалось привлечь войска Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронтов. Замысел операции заключался в нанесении двух охватывающих ударов из района Баковской (на р. Чир) в общем направлении Каменск-Шахтинский с последующим развитием наступления на Ростов. Успешная реализация этого плана привела бы к отсечению от главных сил вермахта группировки войск на Северном Кавказе. Окончательный срок начала операции «Сатурн» был назначен на 16 декабря.

Советское командование активно готовилось к развитию наступления на запад. Войска Сталинградского и Донского фронтов продолжали перегруппировку сил и сосредоточение их для нанесения ударов. На внешнем фронте, который в то время проходил по линии р. Лиска — Верхнекурмоярская — Верхнеяблочный, должна была наступать 51-я армия генерала Н. И. Труфанова, левее, в калмыцких степях, — 28-я армия. Вновь сформированная 5-я ударная армия (командующий — генерал М. М. Попов), включенная в состав Сталинградского фронта, продолжала развертывание на правом фланге внешнего фронта окружения между 51-й армией Сталинградского фронта и 5-й танковой армией Юго-Западного фронта. К 12 декабря Сталинградский фронт имел в своем составе 38,5 расчетных дивизий — всего 274 тыс. человек, 578 танков, 5017 орудий и минометов (калибра 76 мм и выше). Его силы почти равномерно распределялись между внутренним и внешним фронтами окружения. Однако большая часть танков (369 единиц, то есть 64%) была сосредоточена на внешнем фронте. В резерве командующего фронтом находились значительные силы: 5,5 расчетных дивизий, 147 танков, 371 орудие и миномет. Главные силы 8-й воздушной армии — 320 самолетов — поддерживали войска на внутреннем фронте.

О том, что вермахт сосредоточивает в районе Котельниково крупные силы, командованию Сталинградского фронта стало известно еще в первых числах декабря. Однако неверно было определено направление деблокирующего удара. Предполагалось, что удар

будет нанесен по кратчайшему пути между внешним и внутренним фронтами окружения. В то время расстояние между линией обороны 6-й полевой армии и фронтом на р. Чир составляло около 40 км.

Главную ставку по деблокированию войск Ф. Паулюса немецкое командование делало на 57-й танковый корпус 4-й танковой армии. Его основу составляли 6-я танковая дивизия (160 танков и 40 самоходных установок) и прибывшая с Кавказа 23-й танковая дивизия (30 танков). 6-я танковая дивизия, основные силы которой образовали ударный клин наступления, должна была прорвать позиции советских войск вблизи станции Курмоярская и развивать удар непосредственно западнее железнодорожных путей в направлении р. Аксай.

Смешанной полковой группе из состава этой дивизии предписывалось захватить Верхнеяблочный и очистить от советских войск левый фланг и тыл наступающих войск. 23-я танковая дивизия наступала правее 6-й танковой, восточнее железнодорожных путей. Через Небыков она должна была также выйти к р. Аксай. Обоим соединениям было приказано использовать любую возможность для захвата плацдармов.

К вечеру 11 декабря 57-й танковый корпус сосредоточился в районе Котельниково. Поддержку с воздуха должна была осуществлять группа ВВС «Дон» — до 500 самолетов. Основные силы 4-й румынской армии были перегруппированы к востоку от Котельниково, чтобы обеспечивать фланги 57-й танкового корпуса. В группу «Гот» входили 23, 6, 17-я танковые, 16-я и СС «Викинг» моторизованные дивизии, 6-й и 7-й румынские армейские корпуса и 15-я авиаполевая немецкая дивизия[43].

На котельниковском направлении в 140-километровой полосе действовала 51-я армия. Оборона ее войск в инженерном отношении была подготовлена слабо, так как работы по укреплению занимаемых позиций на внешнем фронте окружения начались только 9 декабря. К исходу 11 декабря была подготовлена одна полоса обороны глубиной 2—3 км, в которой созданы лишь отдельные опорные пункты и на ряде направлений поставлены минные поля. Оборона носила очаговый характер, между опорными пунктами имелись промежутки шириной от 2 до 4 км, которые слабо прикрывались артиллерийским и минометным огнем. Оперативное построение армии было одноэшелонным. В резерве командующего армией находился слабо укомплектованный 13-й танковый корпус, который располагался в районе населенных пунктов Аксай и Перегрузное[44].

Наибольшее количество сил и средств немецкое командование нацелило против ослабленной в боях 51-й армии, оборонявшейся в 140-километровой полосе. Здесь действовали 300 вражеских танков (против 105, имевшихся в армии), 800 орудий и минометов (против 319), девять расчетных дивизий (против шести)[45]. Некомплект частей достигал 50%[46]. У противника средняя численность пехотной дивизии составляла 10—12 тыс. человек (против 4—9 тыс. в 51-й армии), а в некоторых румынских дивизиях она достигала 18 тыс. человек[47].

Ранним утром 12 декабря после короткой, но сильной артиллерийской подготовки и массированного налета авиации войска противника перешли в наступление из района Котельниково в северо-восточном направлении. Главный удар они наносили вдоль железной дороги Тихорецк — Сталинград силами 57-го танкового корпуса. Не выдержав мощного удара, части 51-й армии оставили Гремячий, разъезд Небыковский и Чилеков (34 км северо-восточнее Котельниково)[48].

Неверные предположения советского командования о планах противника обеспечили относительную внезапность и успех первого удара врага. В первый же день противнику удалось преодолеть тактическую глубину обороны советских войск. К концу дня 6-я танковая дивизия вышла на южный берег р. Аксай, а 23-я танковая дивизия — в район севернее Небыкова. В журнале боевых действий верховного командования вермахта результаты первого дня наступления оценивались следующим образом: «В группе армий «Дон» сегодня утром перешла в наступление танковая группировка Гота, которая к 9.00 утра добилась хороших результатов. Дальнейшее развитие ее наступления не вызывает особой озабоченности у командования группы армий «Дон», так как противостоящие Готу танковые части противника понесли большие потери в своей ударной силе»[49].

Представитель Ставки ВГК А. М. Василевский проинформировал командующего Донским фронтом К. К. Рокоссовского, а также оказавшегося в то время в его штабе командующего 2-й гвардейской армией Р. Я. Малиновского об обстановке на юге и о том, что намерен просить Ставку по мере прибытия соединений 2-й гвардейской армии немедленно направлять их к югу от Сталинграда, навстречу наступавшим войскам Манштейна.

А. М. Василевский предложил Малиновскому тотчас приступить к организации переброски уже готовых частей и соединений его армии форсированным маршем на р. Мышкова, чтобы упредить противника[50].

На следующий день противник продолжал наступление и теснил соединения и части 51-й армии. Под его давлением они оставили Верхнекурмоярскую, Верхнеяблочный, Заливский, разъезд Бирюковский, Небыков[51]. При массированной поддержке бомбардировочной и истребительной авиации противника фронт прорыва был значительно расширен. Контрудар 13-го танкового корпуса 51-й армии при поддержке 30 штурмовиков 8-й воздушной армии успеха не принес.

В это время 5-я ударная армия Сталинградского фронта частью сил вела наступление в направлении Верхнечирской. На левом крыле в районах северо-западнее и южнее Кругликова шли напряженные бои с наступавшей танковой группировкой врага[52]. Противник продолжал продвигаться вперед.

В первой половине 14 декабря передовой отряд 6-й немецкой танковой дивизии (до 40 танков с мотопехотой), переправившись через р. Аксай, внезапным броском овладел поселком Верхнекумский. Получив подкрепление, отряд попытался развить успех в северном направлении — к р. Мышкова. Но во второй половине дня в этот же район выдвинулись части 4-го механизированного корпуса генерала В. Т. Вольского вместе с оперативно подчиненными ему 235-й отдельной танковой бригадой, 20-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригадой, 1378-м стрелковым полком 87-й стрелковой дивизии и нанесли контрудар. Во встречном бою под Верхнекумским 14 декабря с каждой стороны участвовало примерно по 90 танков. По свидетельству А. И. Ерёменко, это был характерный пример встречного боя, возникшего после прорыва противником внешнего фронта окружения с целью освобождения своей окруженной группировки[53]. 4-й механизированный корпус, частью сил окружив два батальона мотопехоты и 50 танков противника в районе Верхнекумского, вел бой по их уничтожению[54]. Корпус В. Т. Вольского вывел из строя 40 танков противника, потеряв 32 боевые машины. Доложив в Ставку ВГК о результатах боя, командующий войсками Сталинградского фронта попросил усилить фронт. Было решено на помощь сталинградцам выдвинуть 2-ю гвардейскую армию (генерала Р. Я. Малиновского) в составе двух стрелковых и одного механизированного корпусов. Кроме того, на этом же направлении предполагалось сосредоточить еще один механизированный корпус.

Вечером 14 декабря было подписано распоряжение Верховного главнокомандующего об изменении порядка разгрома окруженной под Сталинградом группировки противника, в котором указывалось, что ввиду изменившейся обстановки на юге осуществление первого этапа операции «Кольцо» временно откладывается. К. К. Рокоссовскому и А. И. Ерёменко приказывалось продолжать систематическое истребление окруженных войск противника с воздуха и наземными силами, не давать противнику передышки ни днем ни ночью, все более сжимать кольцо окружения, в корне пресекать попытки окруженных вырваться из кольца. При этом отмечалось, что главная задача наших южных войск — разбить котельниковскую группировку противника, в течение ближайших дней занять Котельниково и прочно там закрепиться[55].

На следующий день войска Сталинградского фронта, развивая наступление на тормосинском направлении, овладели населенными пунктами Брицкий и Верхнечирская, на котельниковском направлении уничтожили окруженную группу танков противника в районе Верхнекумского и начали преследование его отходящей мотопехоты в юго-западном направлении[56]. На остальных участках фронта части 51-й армии отражали атаки, производили перегруппировку и улучшали положение своих позиций. Противник сосре-

доточивал свои силы в районах Небыкова (20–25 танков) и Круглякова (35–40 танков и до 100 автомашин).

На южных подступах к Сталинграду продолжались ожесточенные бои. К 16 декабря противнику удалось выйти на рубеж р. Аксай, приблизившись к окруженной группировке на 60 км. Опасность прорыва деблокирующих войск к 6-й армии Паулюса стала реальной[57]. В то же время войска Сталинградского фронта продолжали вести активные боевые действия на тормосинском направлении и спешно закреплялись на рубеже по р. Аксай, отразив атаку танков противника в районе Круглякова.

Ставка ВГК потребовала от Р. Я. Малиновского ускорить выдвижение 2-й гвардейской армии к р. Мышкова. В ночь на 17 декабря планировалось завершить сосредоточение 2-го гвардейского механизированного корпуса севернее р. Мышкова, а к утру 18 декабря вывести две стрелковые дивизии на рубежи Нижнекумский — Громославка и Ивановка — Капкинский. С 17 декабря армии были подчинены 4-й кавалерийский, 4-й механизированный корпуса и 87-я стрелковая дивизия. 51-я армия имела задачу удерживать занимаемый рубеж по р. Аксай, а войсками правого фланга содействовать выходу 2-й гвардейской армии к реке. 5-й ударной армии приказывалось подготовиться к наступлению в районе Нижнечирской с задачей разгромить противостоящего противника[58].

18 декабря напряженность боевых действий не спадала. Этот день Э. Манштейн назвал моментом самого серьезного кризиса. Восточнее р. Дон 57-й танковый корпус так и не добился решающего успеха, который создал бы предпосылки для быстрого прорыва в район сталинградского котла. По мнению Манштейна, «корпус будет принужден занять оборону, поскольку советское командование бросало против него новые силы, снимаемые с внутреннего фронта окружения под Сталинградом»[59].

Противник продолжал атаковать с неослабевающей яростью. В сражение включились соединения и части 2-й гвардейской армии. Они отбивали ожесточенные атаки мотопехоты и танков противника в районе Верхнекумского[60].

19 декабря усиление немецкой группировки 17-й танковой дивизией и угроза окружения заставили советские войска отойти. Соединения Сталинградского фронта, сдерживая натиск мотопехоты и танков противника, отошли к р. Мышкова на рубеж Черноморов — Нижнекумский[61]. Пятидневная задержка немцев у Верхнекумского позволила выиграть время для подтягивания соединений 2-й гвардейской армии.

Однако танки Гота прошли почти две трети пути до Сталинграда. Немецким войскам местами удалось выйти на северный берег р. Мышкова и даже занять там некоторые населенные пункты. От окруженной группировки их отделяло не более 35–40 км, но они были остановлены войсками 2-й гвардейской и 51-й армий[62].

Фельдмаршал Манштейн в полдень 19 декабря направил верховному командованию телеграмму, в которой требовал разрешить 6-й армии начать отход от Сталинграда, осуществив прорыв в юго-западном направлении на соединение с 4-й танковой армией. Не получив сразу ответа, Манштейн отдал 6-й полевой и 4-й танковой армиям приказ на прорыв в юго-западном направлении. Позже Гитлер согласился с таким решением. Но он по-прежнему настаивал на том, чтобы 6-я армия продолжала удерживать восточный, северный и западный фронты в районе Сталинграда, что было абсолютно не реально[63].

Для отвлечения сил Красной армии с направления, куда приходился деблокирующий удар, командование 6-й полевой армии предпринимало демонстративные попытки прорыва кольца. «За истекшие недели мы тщетно пытались ввести в заблуждение русских и приковать возможно больше их сил к нашему «котлу». С этой целью мы провели несколько ложных демонстраций и передали множество дезинформирующих радиограмм, стараясь создать у противника впечатление, что мы пойдем на прорыв, не дожидаясь подхода соединений Манштейна. Но все оказалось напрасным. Русские то и дело снимали с нашего участка танковые соединения и тяжелое вооружение и перебрасывали их на запад и на юг»[64].

20 декабря главные силы 2-й гвардейской армии завершили сосредоточение и развертывание по северному берегу р. Мышкова. В течение двух дней они вели ожесточенные бои.

Силами армии и войск Сталинградского фронта все атаки врага были отбиты с огромными для него потерями (до 60% мотопехоты и 230 танков)[65]. В результате наступательный потенциал группы Г. Гота оказался подорван, и она вынуждена была перейти к обороне. В 6-й танковой дивизии вермахта, несмотря на потери, еще оставалось 62 действующих танка из 141 боевой машины, числившейся на 14 декабря. 24 декабря она получила приказ на передислокацию в новый район сосредоточения. Обнаружив вывод частей 6-й танковой дивизии вермахта, советские войска перешли в наступление против растянутого фланга 57-го танкового корпуса немцев.

Наступление противника захлебнулось. Соединения Гота сами оказались под угрозой окружения и, в конце концов, вынуждены были начать отход. Фронт откатился на сотни километров. «В канун Рождества, — вспоминает один из участников тех событий, — все наши ожидания и надежды рухнули, словно карточный домик»[66].

Таким образом, боевые действия вермахта на котельниковском направлении с 12 по 23 декабря не достигли поставленной цели — 6-я полевая армия осталась в советском котле. Операция «Зимняя гроза» провалилась. Максимальная глубина продвижения немецких войск составила 65 км, но при этом ударная группировка понесла тяжелые потери — 230 танков и до 60% мотопехоты[67].

В боях в районе р. Мышкова обе стороны понесли значительные потери. Сосредоточение всех сил 2-й гвардейской армии на р. Мышкова завершилось 23 декабря. Она занимала 25-километровую полосу.

К 24 декабря сложились благоприятные условия для нанесения завершающего удара по армейской группе «Гот». Основная роль при выполнении этой задачи возлагалась на 2-ю гвардейскую армию. Одновременно левее готовилась к наступлению 51-я армия с 3-м гвардейским механизированным и 13-м танковым корпусами, а правее — 5-я ударная армия[68]. 2-я гвардейская армия насчитывала более 122 тыс. человек, 2325 орудий и минометов, включая и 50-мм минометы, 84 гвардейских миномета и 469 танков. В результате соотношение сил и средств на котельниковском направлении изменилось в пользу советских войск, которые достигли превосходства в 3—4 раза. Однако в авиации преимущество оставалось за врагом[69].

Главный удар наносился вдоль Дона на Котельниково силами четырех корпусов 2-й гвардейской армии во фланг основным силам противника, что обеспечивало быстрый выход на р. Аксай и разгром их в первый день операции[70]. Вспомогательный удар предпринимался силами двух корпусов 51-й армии в общем направлении на Киселевку, Заветное, Дубовское.

В ходе наступления (24—31 декабря) войска Сталинградского фронта продвинулись на глубину до 100—150 км и завершили разгром котельниковской группировки врага. 4-я румынская армия и 57-й немецкий танковый корпус были полностью уничтожены. От танкового корпуса осталось 30 танков и около 1 тыс. человек[71]. Армейская группа «Гот» прекратила свое существование. Были созданы все предпосылки для скорейшего уничтожения группировки Ф. Паулюса, окруженной под Сталинградом.

Операция «Марс». Ликвидация ржевско-вяземского выступа

В середине сентября 1942 г., когда тяжелейшие сражения битвы только начинали разворачиваться на улицах Сталинграда, Ставка ВГК приступила к планированию мероприятий, которые привели бы к перелому военных действий и захвату стратегической инициативы. Советскому Верховному главнокомандованию необходимо было определить не только направления главного и других ударов, способы перехода в контрнаступление и разгрома агрессора, но также меры по обману врага и многие другие вопросы.

Выводы из оценки обстановки, сделанные Ставкой, показывали, что на обоих стратегических направлениях (западном и юго-западном) противник имел общее превосходство над советскими войсками. А поскольку под Москвой немцы опирались на мощные оборонительные рубежи, готовившиеся на выгодной для обороны местности в течение почти 10 месяцев, то это обстоятельство еще более увеличивало их оперативные и боевые возможности. В это время в составе группы армий «Центр» насчитывалось 2 млн солдат, 20,4 тыс. орудий и минометов и 3 тыс. танков. Прорвать многополосную позиционную оборону и разгромить группировку, состоявшую исключительно из немецких войск, Красной армии в то время было не под силу. Этот вывод подтверждали и итоги Ржевско-Сычевской операции, завершенной только 23 августа.

Но и на южном крыле советско-германского фронта соотношение сил для нас оказалось еще более невыгодным, чем на западном направлении. Там вражеская группа армий «Б» имела общее превосходство над войсками Воронежского, Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов в 1,3–1,6 раза. В этой связи шансов на успех у советских войск было еще меньше, чем под Москвой.

Вместе с тем Ставка ВГК учитывала следующие факторы. В боевом составе группы армий «Б» действовали войска сателлитов Германии (2-я венгерская, 8-я итальянская, 3-я и 4-я румынские армии), которые в морально-боевом отношении были значительно менее устойчивыми, чем немецкие войска. Противник, продолжая наступление на сталинградском направлении, еще не перешел к обороне и не подготовил соответствующих оборонительных рубежей. Румынские же войска, прикрывавшие оба фланга 6-й немецкой армии (на Среднем Дону и южнее Сталинграда), оборону в инженерном отношении подготовили слабо. Она состояла из одной полосы, включавшей две позиции. В оперативной же глубине каких-либо заранее подготовленных рубежей и вовсе не было. Уязвимость обороны заключалась и в том, что румынские части были растянуты на довольно широких участках, а это при отсутствии достаточных резервов и небольшой глубине лишь усугубляло ее слабые стороны. Выгодное охватывающее положение советских фронтов по отношению к главной группировке врага создавало предпосылки для возможного ее окружения.

С учетом этих и других факторов Ставка ВГК свое основное внимание сосредоточила на подготовке контрнаступления под Сталинградом (операция «Уран»), ставшего главной операцией кампании. Поскольку предстояло наступать на противника, обладавшего общим превосходством в силах и средствах, то одним из важнейших условий успеха являлось введение его в заблуждение относительно планов кампании. Чрезвычайно важно было, чтобы враг не смог определить не только направление и мощь готовившихся ударов, но и время перехода в контрнаступление. Было ясно и то, что для парирования ударов Красной армии противник начнет перебрасывать на сталинградское направление часть своих дивизий с других направлений.

Кроме того, Верховное главнокомандование хорошо понимало: ввести в заблуждение немецкое командование, которое имело огромный опыт в вопросах обмана противника, — задача весьма не простая. Об этом говорила проведенная немцами в мае — июне 1942 г. операция «Кремль», причем она явилась лишь способом маскировки дезинформации советского руководства. Целью ее являлось создание ложного впечатления о подготовке крупного наступления на московском направлении, чтобы скрыть замысел главного удара летней кампании 1942 г.[72]

Генеральный штаб и Ставка ВГК, принимая решение на предстоящую кампанию, не учли полученные разведданные. Обусловлено это было уверенностью Сталина, что «вермахт исчерпал свои наступательные возможности»[73]. Все это привело к катастрофическим последствиям. Враг вновь овладел стратегической инициативой и, развернув наступление, вышел в районы Воронежа, Сталинграда и к предгорьям Главного Кавказского хребта. Советские фронты понесли огромные потери.

В этой связи было бы большой ошибкой использовать вражеские способы дезинформации. Их маскировочные мероприятия в операции «Кремль» имитировали подготовку

Немецкая пехота под Ржевом

ложных, а не запланированных операций. Советская разведка, как известно, сразу же вскрыла те районы, где немцы сосредоточили свои главные силы. И поэтому готовившиеся дезинформационные мероприятия необходимо было сделать столь убедительными, чтобы вражеское командование полностью поверило в достоверность сведений, полученных своей разведкой. Только введением противника в заблуждение можно было добиться внезапности удара. Ни о каких даже самых мельчайших промахах с нашей стороны не могло быть и речи. Цена просчета оказалась бы слишком дорогой для страны и дальнейшего хода войны. Тем более что германское командование уже в сентябре — начале октября 1942 г. разработало операцию Herbstzeitlose («Осеннее безвременье») — план удара 6-й армии генерала Ф. Паулюса на север между Доном и Волгой. Именно об этой операции фельдмаршал В. Кейтель в 1945 г. на допросе говорил, что после захвата стратегически важного центра — Сталинграда «предполагалось в случае успеха и изоляции Москвы от юга предпринять поворот крупными силами к северу»[74].

Естественно, советское Верховное главнокомандование осенью 1942 г. не знало этих планов врага. А чтобы обмануть неприятеля, оно приказало подготовить и провести специальную отвлекающую операцию, получившую название «Марс». При этом советское командование понимало чрезвычайную важность секретности замысла кампании. Вот почему круг лиц, посвященных в суть операции «Марс», был предельно ограничен. Истинный смысл ее знали только четыре человека: И. В. Сталин, Г. К. Жуков, А. М. Василевский и Л. П. Берия. О том, что операция «Марс» была отвлекающей, есть достаточно свидетельств. Так, бывший

начальник Генерального штаба маршал Василевский писал: «После обсуждения в Ставке вопросов, план и сроки операции (контрнаступления под Сталинградом. — *Прим. ред.)* были окончательно утверждены, Г. К. Жуков получил вслед за тем задание подготовить отвлекающую операцию на Калининском и Брянском фронтах»[75]. Об этой же операции говорится и в трудах, вышедших в 1960–1970-х годах[76].

Главная идея операции «Марс» состояла в том, чтобы одновременно с контрнаступлением под Сталинградом силами войск Северо-Западного, Калининского и Западного фронтов, наступая в районах Демянска, Великих Лук и Ржевско-Вяземского плацдарма, сковать противника и привлечь туда его дополнительные резервы. Задачи на подготовку операции «Марс» были поставлены во второй половине сентября, а 13 октября 1942 г. командующие войсками фронтов маршал С. К. Тимошенко, генералы М. А. Пуркаев и И. С. Конев получили распоряжение: «Готовность «Марса» 21.10. Начало 23.10. Жуков»[77]. Поскольку «Марс» привязывался к контрнаступлению под Сталинградом, то дата его начала затем была перенесена.

Одновременно А. М. Василевский сообщил, что Ставка ВГК приказала для предстоящей операции «Марс» дополнительно передать командующему Калининским фронтом шесть, а Северо-Западному фронту — три стрелковые дивизии[78].

Получив директивы на операцию «Марс», командующие фронтами начали проводить необходимый комплекс мероприятий по ее подготовке. Поскольку никаких других сведений не сообщалось, то они, естественно, не знали настоящей цели операции. Они принимали решения, ставили боевые задачи войскам, осуществляли необходимые перегруппировки и делали все, что требовалось при подготовке наступательной операции. Командующие фронтами не подозревали, что в это же время ряд мероприятий, проводимых войсками и штабами фронтов, становился известен немецкому командованию.

«Утечку» информации организовывали, видимо, по личному указанию Л. П. Берии, используя двойных агентов. Так, 4 ноября 1942 г. агент-двойник Гейне — Макс (Александр Демьянов) по заданию НКВД передал немцам сведения о готовящемся наступлении под Ржевом, его сроках и привлекаемых силах. Цель — приковать внимание командования вермахта к Западному фронту с тем, чтобы не допустить переброски немецких резервов на юг, где готовилось контрнаступление под Сталинградом.

Причем передаваемые врагу сведения стремились сделать такими, чтобы их могли проверить разведывательные органы германского вермахта. Так, агент-двойник 4 ноября сообщил, что Красная армия 15 ноября нанесет противнику удар не под Сталинградом, а на Северном Кавказе и под Ржевом. Немцы ждали удар под Ржевом и отразили его[79]. Это обстоятельство придавало донесениям особую достоверность. Сообщали агенты и о прибытии в войска Калининского и Западного фронтов заместителя Верховного главнокомандующего генерала Г. К. Жукова, что крайне настораживало противника. Ведь с его именем немцы связывали свои неудачи под Москвой. Таким образом, вся направленность подобной работы имела одну цель — убедить врага в том, что советское командование готовит удар именно под Москвой.

Одновременно по распоряжению А. М. Василевского в штабы фронтов под Сталинград посылались незашифрованные директивы Ставки, предписывавшие прекратить все частные наступательные операции и перейти к жесткой обороне. Расчет делался на то, что эти распоряжения станут достоянием германской разведки и создадут у них впечатление намечающегося зимнего наступления советских войск не на южном крыле восточного фронта, а непосредственно под Москвой.

Можно предположить, что к дезинформационной работе был подключен и сам И. В. Сталин (хотя документов, подтверждающих это предположение, обнаружить не удалось). В докладе о 25-й годовщине Октябрьской революции на торжественном заседании Моссовета 6 ноября 1942 г. он сказал, что «главная цель летнего наступления немцев состояла в обходе Москвы с востока и в ударе по Москве, тогда как продвижение на юг имело своей целью, помимо всего прочего, отвлечение наших резервов подальше от Москвы и ослабление Московского фронта, чтобы легче было провести удар по Москве. Короче говоря, главная цель летнего наступления немцев состояла в том, чтобы окружить Москву и кончить войну в этом

году. Обжегшись в прошлом году на лобовом ударе по Москве, немцы вознамерились взять Москву в этом году уже обходным движением и тем кончить войну на Востоке... Как известно, эти расчеты немцев не оправдались. В результате, погнавшись за двумя зайцами — за нефтью и за окружением Москвы, — немецкие стратеги оказались в затруднительном положении... Тактические успехи немцев оказались незавершенными ввиду явной нереальности их стратегических планов»[80].

Эти слова Верховного главнокомандующего ввели в заблуждение не только немецких генералов, но и некоторых советских историков. Последние спустя более полувека продолжали утверждать, что «Сталин, будучи убежденным в непогрешимости собственных суждений или желая оправдаться перед собственным народом за безграмотные решения, мол, даже в ноябре 1942 г. неверно оценивал обстановку на фронте»[81].

Тем не менее дезинформационные мероприятия советского командования достигли цели. В «Журнале военных действий верховного командования вермахта» (KTB/OKW) 23 октября записан вывод начальника генерального штаба сухопутных сил генерала К. Цейтцлера: «В первую очередь удар Красной армии последует на центральном участке советско-германского фронта, и лишь во вторую очередь — где-нибудь на Дону». По его же предложению было решено подготовить контрудар на правом крыле Калининского фронта, чтобы сорвать наступление русских. С этой целью по приказу Гитлера из-под Ленинграда на московское направление срочно перебрасывалась 11-я армия. Уже «к 30 октября ее командующий генерал-фельдмаршал Э. Манштейн разработал новый план, чтобы предотвратить возможный кризис в группе армий «Центр»[82]. Кроме того, группа армий «Центр» с октября по начала декабря была дополнительно усилена 21 дивизией[83].

7 ноября утром в журнале было зафиксировано: «Перед немецким восточным фронтом вырисовывается с возрастающей ясностью главный район предстоящих русских операций на участке группы армий «Центр». Но поскольку там уже приняты серьезные меры: армия Манштейна переброшена и укрепляет занимаемые позиции, Гитлер решил оставить свою главную квартиру (под Винницей) и в тот же день уехать в Баварию, чтобы затем отдохнуть в своем дворце в горах, в Бергхофе. Вместе с фюрером отправились отдыхать Кейтель и Йодль»[84]. И уже 12 ноября генерал Цейтцлер доложил Гитлеру, что «на Дону для развертывания широких операций противник не располагает достаточным количеством сил»[85].

Таким образом, оценка немецким командованием обстановки на восточном фронте накануне контрнаступления под Сталинградом свидетельствует о том, что цель дезинформационных мероприятий Ставки ВГК была полностью достигнута. А благодаря превосходной маскировке и за счет ослабления второстепенных участков фронта советскому командованию в операции «Уран» удалось достичь такой степени массирования сил и средств на направлениях главных ударов, которая не имела места ни в одной из предшествовавших операций.

19 ноября советские войска внезапным мощным огневым ударом артиллерии начали контрнаступление под Сталинградом, а 23 ноября они замкнули кольцо окружения вокруг 22 дивизий 6-й полевой, 4-й танковой немецких и 4-й румынской армий. К этому времени была разгромлена и 3-я румынская армия. Контрнаступление под Сталинградом оказалось для немецкого командования столь неожиданным, что оно было вынуждено срочно отдать приказ о переброске с московского направления в район Миллерово (узел железных и автомобильных дорог на севере Ростовской области) 11-ю армию и на ее базе создать новую группу армий «Дон» с целью объединения всех войск в угрожаемой зоне. Однако отправить на юг удалось лишь штаб 11-й армии во главе с Манштейном. Дело в том, что 24 ноября войска Красной армии, согласно плану «Марс», начали наступление на великолукском направлении. На другой день они нанесли удары в районе городов Ржев, Белый, Сычевка, а 28 ноября — под Демянском.

Наступление в операции «Марс» организовывалось и велось так, чтобы возможно дольше отвлекать силы врага. Генерал Г. К. Жуков, прибывший 19 ноября на командный пункт 3-й ударной армии генерала К. Н. Галицкого, так объяснил характер предстоявшей операции в районе Великих Лук: «Боевые действия армии органически связаны с операциями войск

Подготовка к наступлению

Позиции советской дальнобойной артиллерии

Минометчики ведут огонь по врагу

Противотанковая батарея меняет позицию

фронта и в целом наших вооруженных сил. Один план, даже глубоко продуманный, не в состоянии внезапно, коренным образом изменить обстановку. Поэтому главное в операции армии — ее роль и значение в оперативном и стратегическом масштабах. Все эти удары, взаимодействуя между собой, обеспечивают начавшееся контрнаступление под Сталинградом, сковывают резервы врага. Такова основная роль и 3-й ударной армии в предстоящих боевых действиях на великолукском направлении». Далее он продолжал: «Притянуть на себя силы противника — главная задача 3-й ударной армии. Возьмете вы Новосокольники или нет — все равно задачу будем считать выполненной, если притяните на себя силы врага и он не сможет их снять с вашего участка для переброски на юг. В этом и состоит главная задача 3-й ударной армии»[86].

В операции «Марс» советским войскам не удалось сокрушить подготовленную оборону противника и ликвидировать ржевский выступ. В ходе ожесточенных боев армии левого крыла Калининского фронта (3-я ударная, 41, 22 и 39-я) и правого крыла Западного фронта (30, 31 и 20-я) лишь на отдельных направлениях смогли достигнуть небольших территориальных успехов. Однако своими активными наступательными действиями войска Калининского и Западного фронтов сковали крупные силы противника.

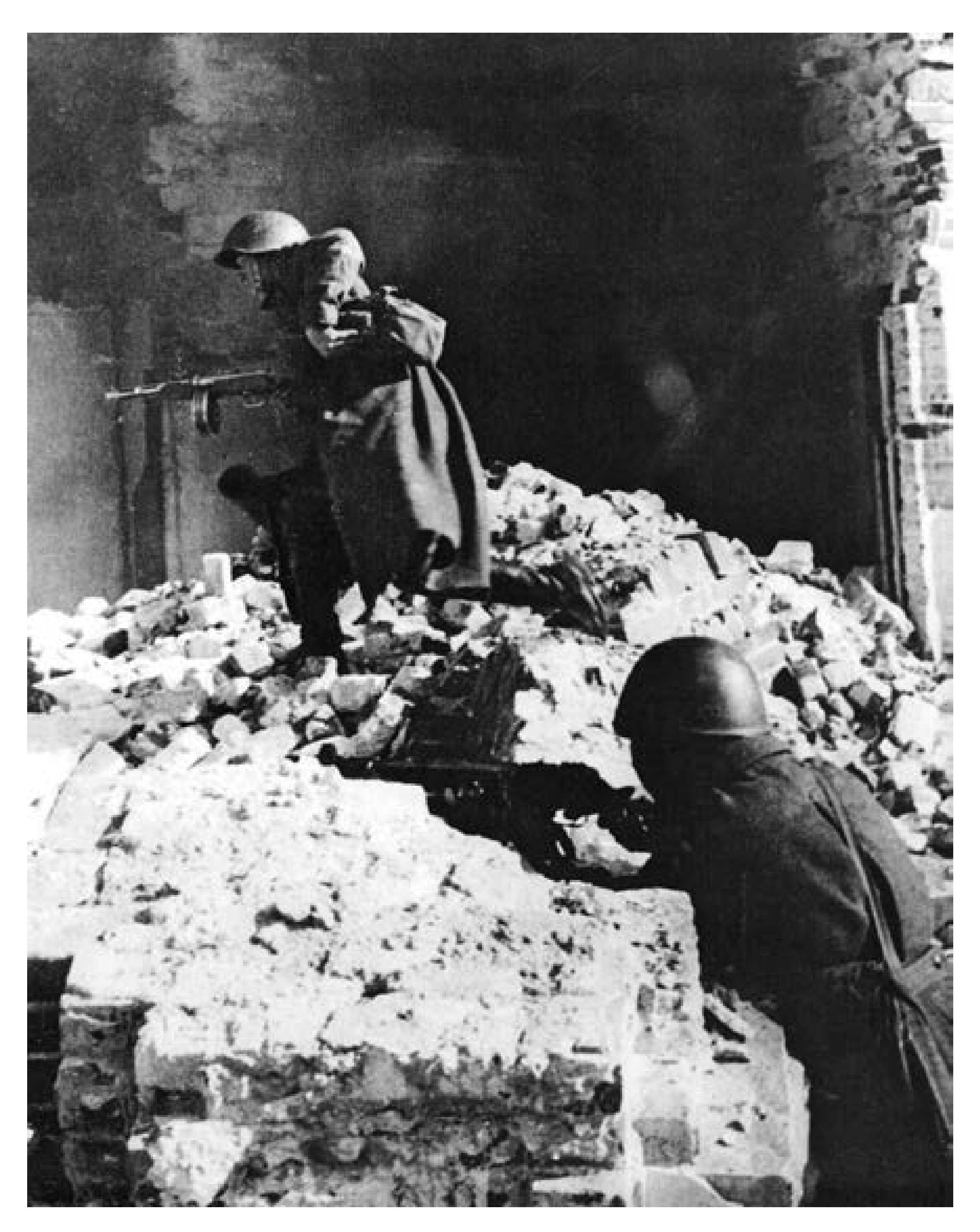
Тем самым они не только не позволили немецкому командованию перебрасывать войска с западного направления под Сталинград, но и заставили его к уже переброшенной до начала операции «Марс» 21-й дивизии дополнительно направить на московское направление из резерва ОКХ и стран Западной Европы еще пять дивизий и две бригады. Кроме того, за счет группы армий «Центр» в состав ее 9-й полевой армии, оборонявшей ржевский выступ, было переброшено десять дивизий. Иначе говоря, с началом операции «Марс» немцы дополнительно вовлекли в сражение еще 15 дивизий и две бригады[87].

В результате германскому командованию не удалось направить их под Сталинград ни в период наступления советских войск по плану «Уран», ни тогда, когда немцы готовили и осуществляли контрудар с целью деблокировать окруженную группировку. Более того, операция «Марс» способствовала успешному наступлению советских войск на Среднем Дону в направлении Миллерово — Тацинская — Морозовск. Таким образом, немецкое командование было окончательно лишено возможности оказать помощь окруженной под Сталинградом группировке, а для Красной армии, наоборот, были созданы выгодные условия для развертывания стратегического наступления на ворошиловградском и воронежском направлениях.

Следовательно, цель операции «Марс» — сковать одну из самых сильных группировок противника в интересах войск, решавших главную стратегическую задачу кампании, — была полностью достигнута. Других же целей для операции «Марс» Ставка ВГК не только не планировала, но и при всем своем желании не могла поставить. Экономика страны в то время была не способна обеспечить потребности войск для одновременного наступления на двух стратегических направлениях. Так, командование Калининского фронта 19 сентября 1942 г., обращаясь к И. В. Сталину, доложило, что по плану операции «Марс» для ликвидации противника и выхода на р. Волга (силами 39-й армии) «нужна длительная артиллерийская подготовка на разрушение оборонительных сооружений на главном направлении и непрерывное сопровождение», для этого необходимо 1—3,5 боекомплекта боеприпасов в зависимости от вида артиллерии. В этой связи командование фронта просило Верховного главнокомандующего выделить 284,6 тыс. снарядов и мин[88].

При этом кроме 39-й армии в операции Калининского фронта участвовали еще 22, 41 и 3-я ударная армии. Однако ни Калининский, ни Западный фронт боеприпасов для проведения операции «Марс» так и не получили. А это привело к тому, что ресурс имевшихся в войсках боеприпасов был меньше требуемого числа в 3—13 раз[89]. В этой связи превосходство фронтов западного направления над противником в количестве орудий и минометов практически мало значило. Снаряды и мины в те дни совершенно обоснованно выделялись фронтам сталинградского направления.

К началу операции «Уран» войскам было «дополнительно отгружено 1,5 боекомплекта боеприпасов для стрелкового оружия, 2,4—2,7 боекомплекта мин всех калибров, 3,3 боеком-

Уличные бои в Ржеве

плекта снарядов (всё сверх норм неснижаемых запасов в войсках, находившихся в пределах от 0,5 до 1 боевого комплекта)[90]. В ходе контрнаступления под Сталинградом боеприпасы в войска, участвовавшие в нем, продолжали поступать. А на Калининском и Западном фронтах к началу операции «Марс» на каждое 76-мм орудие приходилось от 70 до 100 снарядов, 122-мм — до 40 снарядов и 152-мм — около 30 снарядов. При этом ни к началу операции, ни в ее ходе войска последних двух фронтов не получили ни одного снаряда.

Командование же и личный состав фронтов западного направления, зная о малом количестве снарядов и мин, делали все, чтобы разгромить противника. Однако сокрушить мощную оборону врага на ржевском выступе таким количеством боеприпасов было просто невозможно. Несмотря на это, бойцы и командиры шли в бой, проявляя огромное мужество и самоотверженность. Они жертвовали собой во имя разгрома агрессора. Советские войска при незначительных территориальных успехах в операции «Марс» безвозвратно потеряли почти 70,4 тыс. человек (14% от их численности к началу операции) и 1366 танков[91].

Потери были очень большими. Однако операция «Марс» не стала той «кровавой бойней», о которой пишут некоторые отечественные и зарубежные авторы[92]. В общих стратегических итогах зимней кампании 1942–1943 гг. операция «Марс» достигла цели, поставленной Ставкой ВГК. Эта операция ввела германское командование в заблуждение, вынудила его сосредоточить свою основную группировку на том стратегическом направлении, где Красная армия не собиралась наносить свой главный удар. Операция «Марс» создала условия, которые способствовали захвату советским командованием стратегической инициативы и крупнейшей победе советских войск над противником. Эта операция не только способствовала успешному контрнаступлению под Сталинградом, что само по себе уже огромное достижение, но и объективно устранила угрозу неожиданного вражеского удара в направлении Москвы. В этом отношении наступление войск Калининского и Западного фронтов на ржевский выступ осенью 1942 г. было не просто оправданно, но и необходимо. Оно способствовало выполнению стратегических задач на южном крыле советско-германского фронта, крупному поражению немецких войск и их сателлитов в Сталинградской битве.

К общему стратегическому наступлению Красной армии, начатому на юго-западном и северо-западном участках советско-германского фронта, подключились войска западного и центрального направлений. Обстановка на советско-германском фронте в начале февраля 1943 г. складывалась благоприятно для Красной армии. К этому времени была прорвана блокада Ленинграда, освобождена большая часть Северного Кавказа и Центрально-Черноземных областей России. Лишь на западном стратегическом направлении существенных изменений в обстановке не произошло. Здесь по-прежнему действовала самая крупная группировка противника. Ее главные силы были развернуты на территории ржевско-вяземского плацдарма всего в 150 км от Москвы. За предшествующие двенадцать месяцев войны неприятель создал здесь столь мощную позиционную оборону, что все предыдущие попытки советских войск ликвидировать плацдарм успеха так и не принесли.

Ставка ВГК решила использовать выгодную стратегическую обстановку на юге для расширения фронта наступления. По замыслу Ставки, планировалось провести крупную операцию против группы армий «Центр». Достижение стратегической цели на западном направлении предполагалось осуществить проведением ряда последовательных операций: вначале встречными ударами войск Брянского и левого крыла Западного фронтов разгромить орловскую группировку врага (2-я немецкая танковая армия), а затем, с прибытием армий Центрального фронта[93], развить наступление в общем направлении на Смоленск, выйти в тыл ржевско-вяземской группировке противника и во взаимодействии с Калининским и Западным фронтами окружить и уничтожить основные силы группы армий «Центр»[94].

Таким образом, в отличие от прежних попыток ликвидировать ржевский выступ нанесением концентрических ударов силами двух фронтов, новый замысел Ставки ВГК предусматривал окружение и разгром всей группы армий «Центр» ударами по ее флангам. С этой целью операцию планировалось осуществить последовательно силами уже четырех фронтов.

На подступах к Вязьме

В освобожденной Вязьме

На первом этапе войска левого крыла Западного фронта во взаимодействии с Брянским фронтом должны были разгромить орловскую группировку противника. На втором — совместно с Центральным фронтом развивать наступление в направлении на Брянск и перерезать там железную дорогу в сторону Гомеля. На третьем — Центральный фронт должен был нанести главный удар на Смоленск с задачей овладеть городом и совместно с войсками правого крыла Калининского фронта, наступающими на Смоленск с севера, отрезать пути отхода ржевско-вяземской группировке противника. Одновременно войскам левого крыла Западного фронта предстояло нанести удар в направлении на Рославль — Смоленск с целью рассечь окружаемую группу армий «Центр» на две части.

В ходе планируемых операций большая роль отводилась партизанам Смоленской, Брянской, Калининской и Орловской областей. Им предписывалось нанести удары по коммуникациям противника и сорвать его оперативные перевозки.

Поскольку положение 9-й и 4-й немецких армий на ржевском выступе день ото дня становилось все более опасным из-за обозначившейся угрозы фланговых ударов со стороны войск Калининского, Западного, Брянского и Центрального фронтов начальник генштаба ОКХ генерал Цейтцлер предложил Гитлеру «не только очистить «котел» под Демянском, но и отвести войска с ржевского выступа». 6 февраля Гитлер согласился с предложением Цейтцлера и разрешил отвести 9-ю и часть 4-й армии на линию южнее Милятино — восточнее Дорогобужа — Сафоново — Рябшево (285—360 км западнее Москвы) на подготовленный там рубеж обороны. Операция по оставлению ржевско-вяземского плацдарма готовилась немецким командованием в течение четырех недель[95].

На центральном направлении главная роль отводилась Брянскому фронту. Он должен был к 15—17 февраля завершить разгром орловской группировки противника, а 23—25 февраля освободить Брянск[96].

12 февраля войска Брянского фронта возобновили наступление против правого фланга 2-й немецкой танковой армии. Однако к этому времени германское командование перебросило в район к югу от Орла пять дивизий. Советские войска встретили сильное сопротивление противника и к 26 февраля продвинулись лишь на 10—12 км.

Вслед за Брянским фронтом в наступление перешли войска Западного фронта. 22 февраля из района Сухиничей на Брянск удар нанесла 16-я армия (командарм — генерал И. Х. Баграмян). Однако за два дня до этого противник успел усилить оборону на этом направлении, перебросив из глубины две пехотные дивизии. В результате соединения армии к исходу дня продвинулись в глубину всего на 1—3 км. К 26—27 февраля, преодолев тыловой рубеж обороны врага, они прошли 5—6 км. Но командующий 2-й немецкой танковой армией усилил оборонявшиеся соединения своими резервами и остановил продвижение войск армии И. Х. Баграмяна.

В сложившейся обстановке все надежды на успех операции Ставка связывала с предстоящим вводом в сражение войск Центрального фронта, перебрасываемых из-под Сталинграда. Но из-за отсутствия достаточного количества железнодорожных магистралей (имелась лишь одноколейная железнодорожная ветка Касторное — Курск) сосредоточение войск в новом районе запаздывало. Было много и других трудностей. Марш войск походным порядком проходил в условиях бездорожья и сильных морозов, на дорогах то и дело возникали снежные заносы[97].

Запаздывали с перегруппировкой 2-я танковая и 70-я армии, передаваемые в состав Центрального фронта из резерва Ставки ВГК. После 250—300-километрового марша боеспособность танковой армии резко снизилась. Из-за отсутствия горючего 130 танков были оставлены на маршрутах выдвижения. В новый район сосредоточения из 408 танков прибыло только 96 боевых машин[98]. В результате наступление Центрального фронта началось не 15 февраля, как намечалось, а только 25 февраля и то лишь передовыми частями.

Этим воспользовалось немецкое командование, снимая отдельные дивизии из-под Ржева и Гжатска и перебрасывая их в полосу Брянского и Центрального фронтов. Эти передвижения обнаружила разведка Западного и Калининского фронтов. Но было уже поздно, и к

тому времени немцы сняли и перебросили в район Брянска и Орла шесть дивизий (из них две танковые) и корпусное управление[99].

Претворяя в жизнь ранее принятое решение, германское командование 28 февраля отдало приказ: «Отход основной части войск (с ржевско-вяземского плацдарма. — *Прим. ред.*) начать 1 марта в 19 часов. Арьергардным частям оставаться на позициях до вечера 2 марта»[100]. Отход немцев начался в ночь на 2 марта и проводился организованно от рубежа к рубежу под прикрытием сильных арьергардов. Этот маневр осуществлялся столь скрытно, что только на следующий день после разведки боем советские войска перешли к преследованию. Однако велось оно нерешительно. Сложные условия лесисто-болотистой местности, начавшаяся весенняя распутица, широкое использование противником заграждений и заранее оборудованных рубежей резко снизили темпы продвижения советских войск и лишили их маневренных возможностей. К 21 марта немцы заняли рубеж Велиж — Киров. На другой день главные силы советских войск вышли к нему по всему фронту. В течение десяти суток они безуспешно пытались его прорвать и 31 марта по указанию Ставки ВГК перешли к обороне.

Так был ликвидирован вражеский плацдарм, откуда немцы целый год угрожали столице. В результате Ржевско-Вяземской операции линия фронта была отодвинута от Москвы к западу еще на 160 км. Ставка ВГК получила возможность вывести отсюда в свой резерв две общевойсковые армии и один механизированный корпус. В свою очередь, германское командование перебросило с западного направления в район южнее Брянска и Орла 12 дивизий из тех 15 пехотных, двух моторизованных, трех танковых и одной кавалерийской, что к концу марта были выведены с ржевского выступа[101]. К сожалению, в этой операции потери советских войск были немалыми — свыше 38,8 тыс. человек безвозвратно (4,4% численности войск к ее началу)[102].

Операция «Малый Сатурн»

В связи с переходом вражеских войск в контрнаступление на котельниковском направлении советское Верховное главнокомандование вынуждено было 13 декабря внести существенные изменения в замысел операции «Сатурн». Вместо глубокого удара на Ростов главные усилия Юго-Западного фронта направлялись на разгром армий «Дон». То есть главный удар перемещался с южного на юго-восточное направление — на Тацинскую — Морозовск. Причем прорыв должен был осуществляться в тех же районах, в которых он намечался в плане операции «Сатурн», и лишь после прорыва удар развертывался на юго-восток. Этот вариант операции получил название «Малый Сатурн»[103].

Замысел операции заключался в нанесении двух охватывающих ударов по сходящимся направлениям с целью окружения и уничтожения основных сил 8-й итальянской армии и оперативной группы «Холлидт» в районе северо-восточнее Миллерово с одновременным развитием наступления в общем направлении на Тацинскую — Морозовск, во фланг и тыл группы армий «Дон». Одновременно планировалось расчленить окруженную группировку противника[104]. 5-й танковой армии приказывалось во взаимодействии с 5-й ударной армией Сталинградского фронта разгромить нижнечирскую группировку врага, а затем нанести удары на Морозовск и Тормосин. Тем самым она должна была надежно обеспечить действия ударных группировок фронта с юго-востока.

Командующий войсками Юго-Западного фронта генерал Н. Ф. Ватутин решил главный удар нанести силами 1-й и 3-й гвардейской армий на тех же участках, которые были определены по плану операции «Сатурн», но не на Миллерово — Лихая, а по направлениям, сходящимся на Тацинскую — Морозовск. 6-й армии Воронежского фронта после прорыва обороны противника предстояло обеспечить ударную группировку Юго-Западного фронта с запада.

К проведению операции «Малый Сатурн» привлекались Юго-Западный фронт (1-я и 3-я гвардейские общевойсковые, 5-я танковая армии) и 6-я армия Воронежского фронта. Общая протяженность фронта действий советских войск от Новой Калитвы до Нижнечирской составляла 420 км. Войска Юго-Западного фронта поддерживала 17-я воздушная, а 6-ю армию — 2-я воздушная армия. В период подготовки операции из резерва Ставки на усиление Юго-Западного фронта прибыли пять стрелковых дивизий, три танковых и один механизированный корпус, шесть отдельных танковых полков, 16 артиллерийских и минометных полков. 6-я армия была усилена тремя стрелковыми дивизиями, танковым корпусом, стрелковой бригадой и семью артиллерийскими и минометными полками. Всего к началу операции войска Юго-Западного фронта и 6-й армии начитывали 425,5 тыс. человек (против 459 тыс. во вражеской группировке), 1431 танк (против 600), свыше пяти тысяч орудий и минометов (против 6228), 552 боевых самолета (против 560–580 у противника). Таким образом, советские войска не только не имели необходимого для наступления превосходства, но даже уступали противнику в людях и артиллерии[105].

Советским войскам, действовавшим на Среднем Дону, противостояли основные силы 8-й итальянской армии, немецко-румынская оперативная группа «Холлидт», остатки 3-й румынской армии и 43-й немецкий танковый корпус, входивший в армейскую группу «Гот».

Все мероприятия по подготовке к операции проводились с соблюдением строжайшей тайны. Как и в операции «Уран», к разработке оперативных документов допускался ограниченный круг лиц. Все документы составлялись от руки и лишь в одном экземпляре. Боевые распоряжения по планированию, перегруппировкам и сосредоточению войск передавались устно. Войска выходили в районы сосредоточения и занимали исходное положение только ночью. Районы сосредоточения ударных группировок войск надежно прикрывались авиацией и средствами ПВО. В результате проведенных мероприятий, а также искусной оперативной маскировки была обеспечена внезапность нанесения удара по врагу. Во время подготовки операции большое внимание было уделено разведке. Основной ее задачей являлось тщательное определение переднего края обороны противника на участках прорыва и определение группировок его артиллерии и резервов. Однако с переходом советских войск в наступление обнаружилось, что на отдельных участках система огня противника, а также характер и глубина его минных заграждений были выявлены недостаточно полно. К тому же на ряде направлений оборона врага оказалась значительно глубже, чем предполагало наше командование[106].

В подготовительный период для отработки вопросов взаимодействия представители Ставки ВГК провели ряд совещаний, на которых были уточнены задачи фронтов и армий, согласованы мероприятия по обеспечению стыков, решены вопросы ПВО и маскировки войск в исходных районах, отработан порядок ввода в сражение подвижных групп. Особое внимание было уделено вопросам организации и поддержания непрерывного взаимодействия между общевойсковыми армиями[107].

В войсках проводилась большая агитационно-пропагандистская работа, отличавшаяся большим разнообразием форм и методов. Ее основное содержание было направлено на обеспечение готовности войск к выполнению поставленных задач и создание высокого наступательного порыва. Вся работа с личным составом в основном проводилась в расчетах, экипажах и взводах. Именно здесь решалось большинство конкретных вопросов, связанных с подготовкой к предстоящим наступательным боям.

Тыловое и техническое обеспечение войск при подготовке операции «Малый Сатурн» было связано со значительными трудностями. Основная из них заключалась в том, что Юго-Западный и Воронежский фронты базировались только на две железные дороги (Балашов — Поворино и Балашов — Качалино), удаленные от линии фронта до 200 км. Только одна железнодорожная ветка Таловая — Калач, находившаяся в расположении Воронежского фронта, подходила к войскам на 70 км. Но на эту же железную дорогу базировался и Донской фронт. Слабо развитая сеть железных дорог и их сильная перегруженность затрудняли своевременный подвоз материальных средств в войска. Чтобы найти выход из положения,

командование фронтов и армий стремилось максимально использовать грунтовые дороги. Однако из-за недостатка автотранспорта и это не дало должного эффекта. Поэтому запланированных запасов материальных средств к 10 декабря во фронтах создать не удалось. Для этого потребовалась еще целая неделя. К началу наступления Юго-Западный фронт располагал 1,3–2 боекомплектами боеприпасов, тремя заправками горючего и 12 сутодачами продовольствия[108].

Наступление советских войск на Среднем Дону началось в 8 часов утра 16 декабря 1942 г. мощной полуторачасовой артиллерийской подготовкой. Густой утренний туман не позволил артиллеристам корректировать огонь по намеченным целям. Поэтому стрельба велась по площадям, что существенно снизило эффективность артиллерийской подготовки. В результате значительная часть огневых средств противника осталась неподавленной. Ввиду неблагоприятной погоды авиационная подготовка также не проводилась. Авиация смогла начать боевые действия только с 11 часов.

Первыми начали наступать соединения 1-й гвардейской и 6-й армий. Они форсировали Дон по льду и наведенным переправам и одновременно с соединениями, перешедшими в наступление с осетровского плацдарма, на широком фронте ворвались на передний край противника. После трехчасового тяжелого боя стрелковые соединения 6-й армии генерала Ф. М. Харитонова вклинились в оборону врага на 2–3 км. Однако развить наметившийся успех командующему армией было нечем. Обстановка на участке прорыва 1-й гвардейской армии сложилась крайне напряженная. Упорное сопротивление, сильный и организованный огонь и частые контратаки противника замедлили темп наступления соединений. К середине дня лишь на флангах ударной группировки армии части сумели продвинуться на глубину 1,5–2 км. Командующий фронтом генерал Н. Ф. Ватутин принял решение для завершения прорыва тактической зоны обороны противника ввести в сражение 18, 25 и 17-й танковые корпуса[109]. В связи с плохим обеспечением ввода в сражения подвижных войск продвижение танковых корпусов было медленным. Причем они сразу же наскочили на минные поля противника, проходы через которые саперами заблаговременно проделаны не были. При попытке преодолеть их и атаковать неприятеля с ходу передовые части танковых корпусов понесли большие потери. Только на следующий день танковые соединения возобновили наступление[110].

Тем временем стрелковые соединения продолжали упорно прогрызать вражескую оборону. К вечеру 16 декабря, чтобы восстановить положение на участке 2-го армейского корпуса, командующий 3-й итальянской армией ввел в сражение свои резервы, но сдержать натиск советских войск ему не удалось. За день глубина продвижения войск 6-й армии составила 4–5 км, а 1-й гвардейской армии — 2–3 км. Наступление 3-й гвардейской армии в этот день успеха не имело[111].

Танковые корпуса возобновили наступление лишь 17 декабря. Ни массированный огонь артиллерии, ни бомбоштурмовые удары вражеской авиации, ни частые контратаки противника не смогли остановить мощного удара танкистов. Наибольший успех сопутствовал частям 25-го танкового и 4-го гвардейского стрелкового корпусов, которые завершили прорыв тактической зоны обороны противника. Противник был вынужден начать отход на вторую полосу обороны. После двухдневных ожесточенных боев соединения 6-й и 1-й гвардейской армий к исходу 17 декабря продвинулись на глубину 20–25 км и вышли к тыловому оборонительному рубежу врага[112].

Несмотря на сильное сопротивление противника, войска Юго-Западного фронта сломили сопротивление немецко-итальянских соединений на этом рубеже и продолжали развивать наступление. В результате трехдневных боев они разгромили две немецкие и две итальянские пехотные дивизии. Прорыв был расширен до 60 км по фронту и до 40 км в глубину. В полосе наступления 3-й гвардейской армии оборона противника была прорвана на фронте в 20 км.

Активную поддержку наземным войскам в этих тяжелых боях оказала авиация. За три дня боевых действий она произвела более 1 тыс. самолето-вылетов и уничтожила в воздушных боях 42 вражеских самолета[113].

Советские войска занимают рубеж на пути контрударной группировки врага

Бойцы выбивают врага из Тормосина

В этих боях высокое воинское мастерство и героизм проявили воины многих соединений и частей. Стремительно действовал 20-й гвардейский танковый полк под командованием подполковника Н. А. Сергеева, входивший в состав 1-го гвардейского механизированного корпуса, который вместе с соединениями 14-го стрелкового корпуса вел наступление на Боковскую. В решающую минуту боя командир полка лично повел своих гвардейцев в атаку. На большой скорости танкисты ворвались в сильно укрепленный опорный пункт врага. Командирский танк огнем и гусеницами уничтожил немецкую батарею и, не задерживаясь, устремился вперед, но вскоре подорвался на мине. Гитлеровцы сосредоточили огонь на неподвижном танке и подожгли его. Отважный офицер продолжал до последнего вздоха вести бой в горящей машине и погиб смертью героя. Воодушевленные подвигом своего командира гвардейцы-танкисты, уничтожив вражеский гарнизон, расчистили стрелковым частям путь на Боковскую. Посмертно Н. А. Сергееву было присвоено звание Героя Советского Союза.

Успешно действовали и соединения 5-й танковой армии, развивавшие наступление на левом крыле Юго-Западного фронта. Они с боем форсировали р. Чир северо-восточнее Обливской и захватили плацдарм на ее правом берегу протяженностью 15 км по фронту и до 5 км в глубину[114].

Первый этап операции «Малый Сатурн» был успешно завершен. Были созданы благоприятные условия для окружения и разгрома главных сил 8-й итальянской армии и оперативной группы «Холлидт». Для объединения сил, действовавших на Среднем Дону, Ставка ВГК передала 6-ю армию Воронежского фронта в состав Юго-Западного. Одновременно она расширила полосу наступления фронта от р. Калитва до рубежа Ново-Марковка — Миллерово[115]. Для того чтобы в короткие сроки завершить разгром противника, требовалось увеличить темпы наступления. Важная роль при этом отводилась танковым и механизированным корпусам. 25-й танковый и 1-й гвардейский механизированный корпуса получили задачу к 22 декабря овладеть районом Морозовска, 24-й танковый корпус к 23 декабря — Тацинской, а 17-й и 18-й танковые корпуса к 24 декабря — Миллерово[116].

Успешное наступление советских войск на Среднем Дону вынудило немецко-фашистское командование принять срочные меры для усиления обороны в этом районе, прежде всего за счет создавшейся тормосинской группировки. Кроме того, против ударной группировки Юго-Западного фронта была выдвинута 6-я танковая дивизия, которая до этого участвовала в контрударе на котельниковском направлении.

Не ввязываясь в бои за опорные пункты противника, подвижные войска Юго-Западного фронта 19 декабря развернули стремительное наступление. Фронт врага на Среднем Дону рухнул. Советские войска перешли к его преследованию. Охваченные высоким наступательным порывом, советские воины успешно преодолевали все трудности. Смело и решительно действовали передовые отряды. Они захватывали узлы коммуникаций, командные пункты, разрушали линии связи, дезорганизовывали управление войсками противника. Подвергаясь ударам со всех сторон, неприятель все чаще попадал в окружение и сдавался в плен. Все дороги были забиты брошенными противником техникой, вооружением, огромными обозами.

Успешно наступали и стрелковые соединения. Войска 6-й армии, тесно взаимодействуя с 17-м танковым корпусом, действовавшим впереди, овладели Кантемировкой и перерезали важную для противника железнодорожную магистраль Воронеж — Ростов-на-Дону. Одновременно соединениям 6-й армии пришлось отражать сильные контратаки подошедших резервов противника. 20 декабря части 6-й армии Юго-Западного фронта первыми вступили на территорию Украины, положив начало ее освобождению.

В это время стрелковые соединения 3-й и 1-й гвардейской армий в тесном взаимодействии с 18-м танковым и 1-м гвардейским механизированным корпусами рассекли в районе Алексеево — Лозовское основные силы 8-й итальянской армии, большую часть взяли в плен. Подобная участь постигла и группировку врага, окруженную в районе Арбузовки и Кантемировки. Успешно развивали наступление 1-я и 3-я гвардейские армии. 24-й и 25-й танковые корпуса, действуя на заходящем фланге 1-й гвардейской армии, осуществили широкий охват с запада всей вражеской группировки в полосе Юго-Западного фронта. На

внутреннем фронте окружения наступали 18-й танковый, 1-й гвардейский механизированный, 6-й гвардейский и 14-й стрелковые корпуса. Наиболее высокие темпы наступления показали соединения 24-го и 25-го танковых корпусов. Их смелые маневренные действия в отрыве от главных сил армии при сильном противодействии вражеской авиации свидетельствуют о высоком боевом мастерстве советских танкистов. Именно стремительность и высокая активность подвижных соединений Юго-Западного фронта лишили противника возможности организовать сопротивление на промежуточных рубежах.

Особенно успешно действовал 24-й танковый корпус генерала В. М. Баданова, введенный в сражение 18 декабря. Умело применяя обходы и охваты, корпус за пять суток с боями преодолел 240 км. Утром 24 декабря неожиданно для противника его части прорвались к Тацинской и заняли ее. На аэродроме в районе Тацинской части корпуса захватили 50 вражеских самолетов. Всего в этом районе противник потерял более 3,5 тыс. солдат и офицеров, 15 танков, 50 орудий, 73 автомашины, много другого вооружения и боевой техники. В качестве трофеев части корпуса захватили свыше 300 самолетов, восемь складов боеприпасов, продовольствия и другого военного имущества, 300 тонн бензина[117]. Потеряв Тацинскую, противник лишился крупнейшей тыловой базы и аэродромов, питавших окруженную под Сталинградом группировку. В последующие дни корпус, имея в составе 54 танка и будучи отрезанным от главных сил фронта, отразил все атаки превосходящих сил противника и прорвал кольцо окружения[118].

В это время соединения 25-го танкового корпуса генерала П. П. Павлова, преодолевая сильное сопротивление противника, вели наступление на Морозовск. Особенно тяжелые бои 23—24 декабря танкистам пришлось вести в районе Урюпина с частями, выдвинутыми противником из района Тормосина. Хотя к исходу 24 декабря корпус и овладел Урюпином, но пробиться к Морозовску не смог.

В результате двухнедельных напряженных боев войска Юго-Западного фронта продвинулись на 150—240 км и к концу декабря вышли на рубеж Новая Калитва — Миллерово — Ильинка — Чернышковский. Подвижные соединения фронта находились в 140 км от Ростова, путь к которому, по сути, оказался открытым. Оборона противника на реках Дон и Чир протяженностью до 340 км была сокрушена. В ходе наступления советских войск на Среднем Дону было разгромлено 12 вражеских дивизий. Создавались выгодные условия для охвата правого фланга группировки немецко-венгерских войск, действовавшей на воронежском направлении. Последующий же удар главных сил Юго-Западного фронта в юго-восточном направлении выводил их в тыл ударной группировке группы армий «Дон», наступавшей на Сталинград. Выход войск фронта в тыл группы армий «Дон» решительно изменил обстановку на сталинградско-ростовском направлении. Армейская группа «Гот», не достигнув цели и понеся в ходе контрудара значительные потери, перешла к обороне. Это фактически и предрешило окончательную судьбу армии Паулюса.

Немецкое командование вынуждено было спешно принимать меры для восстановления обороны на Среднем Дону. Остановив наступление армейской группы «Гот», оно начало переброску в район Миллерово — Тацинская — Морозовск соединений и частей, входивших в состав тормосинской группировки, предназначавшейся для деблокады 6-й армии, а также дивизий, прибывающих с других участков советско-германского фронта и из Западной Европы. Всего в этом районе было сосредоточено восемь дивизий, в том числе три танковые, а также управления 30-го армейского, 24-го и 48-го танковых корпусов. 23 декабря на базе 30-го армейского корпуса была создана оперативная группа «Фреттер-Пико», в состав которой вошли три дивизии и одна бригада[119], которая заняла участок фронта в районе Миллерово, 48-й танковый корпус — в районе Тацинской, а 24-й танковый корпус объединил войска, действовавшие против правого крыла Юго-Западного фронта. 27 декабря был воссоздан 17-й армейский корпус, в состав которого вошли войска, действовавшие в районе Морозовска[120]. 26 декабря управление разгромленной 3-й румынской армии было выведено в резерв ОКХ. Через два дня за ним последовали и штабы всех четырех румынских корпусов, а остатки их войск были включены в состав оперативной группы «Холлидт». Прекратил свое

существование и 35-й итальянский армейский корпус, штаб которого также был выведен в резерв ОКХ[121]. Таким образом, вместо рухнувшего на Среднем Дону фронта немецко-фашистскому командованию в довольно короткий срок удалось на подступах к р. Северский Донец создать новый фронт обороны[122].

С 24 декабря ожесточенные сражения разгорелись с новой силой, особенно на правом крыле фронта. Немецкое командование, сознавая всю опасность дальнейшего продвижения советских войск в юго-восточном направлении, сосредоточило свои усилия прежде всего на разгроме подвижных соединений Юго-Западного фронта, составляющих его главную ударную силу.

Командующий войсками Юго-Западного фронта Н. Ф. Ватутин уточнил задачи войскам. Усилия 6-й и 1-й гвардейской армий были направлены на овладение Миллерово. 3-й гвардейской армии предписывалось ускорить продвижение к Тацинской и соединиться с 24-м танковым корпусом. В последующем, подчинив себе 24-й и 25-й танковые корпуса, она во взаимодействии с 5-й танковой армией должна была разгромить противника в районе Морозовска и Тормосина[123]. 5-я ударная армия, которая 26 декабря была передана в состав Юго-Западного фронта, имела задачу уничтожить нижнечирскую группировку врага.

Вражеское командование, принимая меры по ликвидации прорыва войск Юго-Западного фронта, в первую очередь направило свои усилия на разгром 24-го танкового корпуса, который оторвался далеко вперед от основных сил фронта. Нанеся 26 декабря по частям корпуса удар, немцы окружили их. Завязались упорные бои. Действуя в исключительно сложных условиях, танкисты отразили все атаки врага. Попытка помочь окруженным танкистам наступлением других подвижных соединений не увенчалась успехом. Корпус находился в сложных условиях. Его снабжение осуществлялось только по воздуху. Части 25-го танкового и 1-го гвардейского механизированного корпусов не смогли прорваться в район Тацинской.

До 28 декабря корпус сдерживал яростные атаки врага. Получив приказ на выход их окружения, 24-й танковый корпус в ночь на 28 декабря внезапным ударом разорвал кольцо, вышел из окружения и к 11 часам сосредоточился в районе Ильинки. Потери корпуса при прорыве из окружения были минимальными: четыре танка, 13 человек убитыми и 22 ранеными[124]. За время 10-дневного рейда по тылам противника 24-й танковый корпус с боями прошел 240 км, уничтожил более 11 тыс. вражеских солдат и офицеров, около 5 тыс. человек взял в плен, подбил и сжег 84 танка, уничтожил 106 орудий, 431 самолет, много другого вооружения, боевой техники и военного имущества[125]. Корпус был преобразован во 2-й гвардейский танковый и удостоен почетного наименования Тацинский[126]. Боевые награды получили все отличившиеся в боях солдаты и офицеры. Командир корпуса В. М. Баданов первым в стране был награжден только учрежденным на тот момент орденом Суворова II степени[127].

До конца месяца войска Юго-Западного фронта продолжали отражать контрудары вражеских резервов. 31 декабря операция «Малый Сатурн», которая явилась расширением и развитием контрнаступления советских войск под Сталинградом, завершилась. В итоге этой операции была сокрушена оборона противника по рекам Дон, Чир и Кривая на фронте около 340 км. Важный вклад в достижение успеха внесла авиация. За 13 дней 2-я и 17-я воздушные армии совершили свыше 3,6 тыс. самолето-вылетов, провели около 150 воздушных боев, в которых сбили 154 вражеских самолета; 136 самолетов противника было уничтожено ими на аэродромах[128]. Более 80% всех самолето-вылетов производилось в интересах непосредственной поддержки сухопутных войск.

За 16 дней наступления войска Юго-Западного фронта продвинулись на глубину 150–200 км, освободили 31 тыс. кв. км советской территории с 1246 населенными пунктами и нанесли врагу огромные потери. Были полностью разгромлены основные силы 8-й итальянской армии, оперативная группа «Холлидт» и остатки 3-й румынской армии. Враг потерял 120 тыс. солдат и офицеров, в том числе 60,5 тыс. человек пленными (48 тыс. итальянцев, свыше 7 тыс. румын и около 5 тыс. немцев), до 350 танков, более 700 самолетов, около 2200 орудий и минометов, 8,5 тыс. автомашин, большое количество другой боевой техники, вооружения и военного имущества[129].

Потери советских войск в операции «Малый Сатурн» составили 95,7 тыс. человек (в том числе 20,3 тыс. человек убитыми), около 940 танков, до 120 самолетов, более 600 орудий и минометов[130].

Успешно проведенная операция советских войск на Среднем Дону окончательно лишила германское командование возможности оказать помощь окруженной под Сталинградом группировке. Были созданы выгодные условия для развертывания общего стратегического наступления на ворошиловградском и воронежском направлениях.

«Канны XX века»

К началу января 1943 г. шансов вырваться из окружения у группировки противника, зажатой в Сталинграде и его окрестностях в кольцо, уже не оставалось. Как вспоминал Г. К. Жуков: «Успешные удары войск Юго-Западного и Сталинградского фронтов на котельниковском и морозовском направлениях окончательно решили судьбу окруженных войск Паулюса в районе Сталинграда. Это уже понимали и командование, и солдаты окруженных войск. Отчаяние и стремление как-то спастись от неминуемой гибели приняли массовый характер. Когда же их надежды на спасение рухнули, наступило горькое разочарование»[131]. Внешний фронт окружения под Сталинградом был отодвинут далеко на запад и проходил в 200–250 км от города.

Наступление советских войск на сталинградском направлении превратилось в общее стратегическое наступление Красной армии. Сталинградский фронт и Северная группа войск Закавказского фронта действовали против немецкой группы армий «А», отходившей с Северного Кавказа. Войска Юго-Западного фронта наступали в Донбассе. Воронежский фронт развертывал активные действия на Верхнем Дону. Общая обстановка на фронте благоприятствовала нанесению завершающего удара по группировке противника, находившейся в «котле».

Положение окруженной армии Ф. Паулюса к январю 1943 г. резко ухудшилось. Занимаемая ею территория простреливалась советской артиллерией, материальные запасы, боеприпасы, горючее и продовольствие практически истощились. Попытки противника организовать снабжение 6-й армии по воздуху были сорваны советской авиацией и войсками ПВО.

Опыт свидетельствует, что в комплексе мероприятий по разгрому окруженных группировок противника важная роль принадлежала воздушной блокаде окруженных. Под Сталинградом для воздушной блокады были привлечены три воздушные армии, истребители ПВО, артиллерия сухопутных войск и авиация дальнего действия. Были созданы четыре зоны: первая — в интересах уничтожения транспортной авиации противника на аэродромах и в воздухе за внешним фронтом окружения; вторая предназначалась для уничтожения транспортных самолетов в воздухе между внутренним и внешним фронтами окружения (она делилась на пять секторов); в третьей уничтожалась авиация противника огнем зенитной артиллерии в 8–10-километровой полосе, прилегавшей к кольцу окружения; четвертая создавалась для ликвидации авиации в районе окружения. Всего за время воздушной блокады было уничтожено свыше 1000 самолетов противника. В итоге попытка немецкого командования обеспечить снабжение окруженных войск по воздуху была фактически сорвана.

Обстановка, сложившаяся к январю 1943 г. на южном крыле советско-германского фронта, не только создала выгодные предпосылки для окончательной ликвидации войск противника, окруженных под Сталинградом, но и требовала решения этой задачи в кратчайший срок. Необходимо было высвободить значительные силы для действий на других направлениях в развернувшемся общем наступлении Красной армии, а также освободить Сталинградский железнодорожный узел и восстановить железнодорожное сообщение с войсками, наступавшими на Ростов и Донбасс.

Позиция немецкого пулеметного расчета в одном из разрушенных домов Сталинграда

Сталинградская битва вступила в заключительную фазу. Охваченный плотным кольцом окружения протяженностью 170 км противник создал внутри него сильную и глубокую оборону. Для этой цели использовались и бывшие оборонительные укрепления советских войск. Армия обороняла район протяженностью почти 60 км с востока на запад и 30—35 км с севера на юг, общей площадью около 1400 кв. км. Район был разделен на пять оборонительных секторов. В Сталинграде находился восточный сектор. Его защищали 11-й и 51-й армейские корпуса. Южный сектор удерживал 4-й армейский корпус, юго-западный — 14-й танковый. Ответственность за северо-западный сектор нес 8-й армейский корпус. Всего в окружении оборонялись пятнадцать пехотных, три моторизованные, три танковые, одна кавалерийская дивизии и большое количество отдельных частей и подразделений[132].

Местность с ее небольшими высотами и многочисленными балками с обрывистыми, крутыми берегами, а также большое число населенных пунктов способствовали организации прочной обороны и затрудняли наступательные действия. Оборона противника опиралась на развитую систему укрепленных рубежей: две круговые полосы, ряд промежуточных и отсечных позиций. В главной полосе обороны и на промежуточных рубежах была создана сеть опорных пунктов и узлов сопротивления, широко использовались населенные пункты, высоты и овраги. Все позиции прикрывали сплошные противотанковые и противопехотные минные поля.

19 декабря в штаб Донского фронта в качестве представителя Ставки ВГК прибыл генерал Н. Н. Воронов, который имел задачу оказать помощь фронту в подготовке операции по разгрому окруженной группировки противника. План операции «Кольцо» требовал существенной корректировки. Задача по ликвидации окруженной группировки врага была возложена на Донской фронт (командующий — генерал К. К. Рокоссовский). Помимо имеющихся в его составе 21, 24, 65 и 66-й общевойсковых армий ему 30 декабря из Сталинградского (с 1 декабря 1943 г. — Южный) фронта были переданы 57, 62 и 64-я армии.

Саперы расчищают путь советским частям в районе Сталинграда

Артиллеристы ведут огонь по немецким позициям в Сталинграде

В переработанном плане, оставляя в силе общую идею расчленения окруженной группировки ударом с запада на восток, предусматривалось ее разгром осуществить в три этапа. На первом этапе планировалось нанесение силами 65-й армии рассекающего удара с запада на восток в общем направлении на Новый Рогачик. Находясь в центре ударной группировки фронта, армия имела задачу наступать в юго-восточном направлении на Новый Рогачик, во взаимодействии с 21-й армией и ударными группировками 64-й и 57-й армий уничтожить вражеские войска, расположенные к западу от р. Россошка. 65-й армии придавалось более четверти всех сил Донского фронта. Для поддержки войск на направлении главного удара привлекались основные силы 16-й воздушной армии. На втором этапе главный удар намечалось перенести в полосу 21-й армии, во взаимодействии с другими армиями она должна была наступать вдоль железной дороги Сальск — Сталинград на Воропаново. 24-я армия, действуя левее 65-й армии и имея основную группировку на своем правом фланге, должна была «сматывать» оборону в северном направлении и обеспечить левый фланг 65-й армии от возможных контрударов противника. На остальные армии фронта (66, 62, 64 и 57-ю) возлагалась общая задача активными действиями на своих участках сковать противника, содействуя этим развитию успеха на главном направлении. По мере продвижения ударной группировки фронта соседние армии (57-я и 66-я) должны были своими фланговыми ударными группировками переходить в наступление в целях расширения фронта прорыва. Третий этап предусматривал в ходе общего наступления завершить уничтожения противника[133]. Начало операции «Кольцо» было назначено на 10 января.

К началу операции Донской фронт имел 212 тыс. человек, 257 танков, более 6860 орудий и минометов, 300 самолетов. Окруженная группировка противника насчитывала 250 тыс. человек, до 300 танков, 4130 орудий и минометов, 100 самолетов. Как видим, советские войска уступали противнику в количестве людей, но превосходили его в артиллерии и авиации. Однако за счет умелого распределения сил и средств на направлении главного удара удалось создать трехкратный перевес в живой силе и десятикратный — в артиллерии. По танкам силы были примерно равны[134]. В связи с этим следует отметить: утверждение некоторых немецких историков, что наступление войск Донского фронта проходило «при огромном превосходстве их в людях и технике», не отвечает действительности.

Главная ударная группировка, развернувшаяся на 16-километровом фронте, состояла из 13 стрелковых дивизий, восьми танковых полков, одной танковой бригады, 44 артиллерийских, пяти минометных, восьми гвардейских минометных полков и четырех тяжелых гвардейских минометных бригад. Всего на направлении главного удара было сосредоточено 33% всех стрелковых дивизий, 50% артиллерийских, 57% гвардейских минометных и 75% танковых полков. Это позволило на направлении главного удара создать значительную плотность сил и средств. В полосе 65-й армии на одну дивизию приходилось 1,5 км фронта. На 1 км фронта наступления — 135 орудий и минометов и 10 танков. На 9-километровом участке прорыва армии артиллерийская плотность была доведена до 167 орудий и минометов на 1 км фронта. В целях дезориентации немецкого командования о направлении главного удара командованием Донского фронта была осуществлена имитация сосредоточения крупной группировки за левым флангом 24-й армии в районе Самофаловки. Для этой цели были использованы макеты танков и орудий[135].

Советское командование, желая избежать напрасного кровопролития, 8 января 1943 г. предложило войскам Паулюса капитулировать. После напоминания, что 6-я армия отрезана и не может уже быть деблокирована, а ее снабжение с помощью транспортной авиации невозможно, в ультиматуме подчеркивалось: «Положение ваших окруженных войск отчаянное. Они страдают от голода, болезней и холода. Суровая русская зима только начинается: сильные морозы, холодные ветры и метели — еще впереди, а ваши солдаты не обеспечены зимним обмундированием и находятся в тяжелых антисанитарных условиях... Ваше положение безнадежное, и дальнейшее сопротивление не имеет никакого смысла. В условиях сложившейся для вас безвыходной обстановки, во избежание напрасного кровопролития, предлагаем вам принять следующие условия капитуляции...»[136] Условия были почетные и довольно гуманные:

Бой в одном из цехов завода «Красный Октябрь».
Метр за метром отвоевывают советские воины заводскую территорию

Огонь из 45-мм противотанковой пушки по врагу

Советские бойцы ведут огонь по противнику с крыши дома в Сталинграде

всем прекратившим сопротивление офицерам, унтер-офицерам и солдатам гарантировались жизнь и безопасность, а после окончания войны — возвращение в Германию или любую страну, куда изъявят желание военнопленные, всем пленным гарантировалось нормальное питание, а раненым, больным и обмороженным — оказание медицинской помощи. Сохранялись знаки отличия, награды, ценности, личные вещи, а высшему офицерскому составу и холодное оружие. Для принятия решения Паулюсу предоставлялось 24 часа. Он немедленно передал по радио Гитлеру о содержании ультиматума и просил предоставить ему свободу действий. Однако фюрер ультиматум отклонил[137].

Утром 10 января, после истечения 24-часового срока, войска Донского фронта открыли ураганный огонь из пяти тысяч орудий. После мощной артиллерийской и авиационной подготовки в наступление пошли танки и пехота. Началась операция «Кольцо».

Представитель Ставки ВГК генерал Н. Н. Воронов, который вместе с командующим Донским фронтом генералом К. К. Рокоссовским находился на командном пункте 65-й армии, так вспоминал это утро: «Точно в установленное время плотность нашего артиллерийского и минометного огня заметно увеличилась. Это служило сигналом полной изготовки нашей пехоты и танков к атаке. Снова взвились в воздух сигнальные ракеты. Артиллерия, дождавшись начала движения вперед пехоты и танков, дружно перенесла огонь на первый рубеж огневого вала, сопровождая наступающие войска на глубину 1,5–2 километра. На командный пункт фронта вскоре стали поступать первые данные об успешном начале наступления. Продвижение войск медленно, но верно нарастало. То и дело над головами пролетали наши самолеты. Прошло еще некоторое время, и мы стали свидетелями начавшегося передвижения наших артиллерийских батарей на новые огневые позиции с целью обеспечить непрерывность артиллерийской поддержки наступающей пехоты и танков. Для нас это было надежным признаком начавшегося успешного прорыва обороны противника»[138].

Как и следовало ожидать, наибольших успехов добилась 65-я армия, вклинившись к 16-ти часам в оборону противника на глубину 2—4 км. На участках остальных армий продвижение было небольшим. Развивая наступление, войска Донского фронта к исходу дня 12 января вышли к р. Россошке, ликвидировав так называемый мариновский выступ. Здесь было уничтожено до трех дивизий противника. За этот день боя войсками фронта были уничтожены 7450 солдат и офицеров противника, захвачены 1313 пленных, три танка, 12 бронемашин, 66 орудий, 54 миномета, 231 пулемет, 39 автоматов, 1587 винтовок, 22 автомашины, три рации, восемь танкеток, 32 транспортера и 70 тыс. патронов[139]. Успехов добились и другие армии. Им удалось прорвать оборону врага на р. Червленная.

Как отмечал К. К. Рокоссовский: «С выходом наших войск к реке Россошка наши возможности значительно возросли. Но необходимо было провести некоторую перегруппировку сил. В новой обстановке центр направления главного удара перемещался в полосу наступления 21-й армии. В связи с этим ей передавалась большая часть средств усиления, которые в начале операции находились в распоряжении Батова»[140].

Для окруженных войск обстановка значительно обострилась. Ввиду нехватки боеприпасов и горючего немецкая армия не в состоянии была восстановить положение. Потеряв свои позиции, в частности населенные пункты в долине р. Карповка, войска на западном участке фронта лишились помещений, в которых они хоть в какой-то степени могли укрыться от мороза. Паулюс доносил Манштейну: «Резервов нет, создавать их не из чего. Боеприпасов остается на 3 дня, горючее кончилось. Тяжелое оружие окончательно лишено подвижности. Большие потери и плохое снабжение, а также морозы в значительной мере снизили боеспособность войск. Если атаки противника будут продолжаться с той же силой еще несколько дней, удержать укрепленную линию окажется невозможным. Останутся только отдельные очаги сопротивления»[141].

Войска Донского фронта, ломая сопротивление отдельных боеспособных частей противника, продолжали вести наступательные действия по разгрому группировки противника, окруженной под Сталинградом, и, сжимая кольцо окружения, 14 января заняли несколько населенных пунктов, в том числе Синеоковский и железнодорожную станцию Карповская[142]. В этот день 214-я стрелковая дивизия 65-й армии продвинулась на юг, к аэродрому Питомник. Дивизия двигалась без тылов, спеша выполнить задачу. Аэродром был захвачен в ночь на 15 января. Утром здесь произошла встреча частей 65-й и 24-й армий. Соединения 64-й и 62-й армий активными действиями в северо-восточной части района окружения и непосредственно в Сталинграде сковывали силы противника и не позволяли перебросить их в западную часть «котла», где развертывалась борьба главных сил[143]. После потери аэродрома в районе Питомника, через который в основном осуществлялось снабжение окруженных войск, у врага оставался единственный аэродром Гумрак. Советское командование сделало повторное предложение сложить оружие, но и оно было отвергнуто. Ожесточенные сражения продолжались.

Попытка немецкого командования задержать дальнейшее продвижение советских войск на своем втором оборонительном рубеже, который в основном проходил по среднему сталинградскому оборонительному обводу, успеха не имела. Войска Донского фронта, проведя в течение 13 и 14 января перегруппировку сил, с утра 15-го возобновили наступательные действия по разгрому группировки противника, окруженной под Сталинградом, и, продолжая сжимать кольцо окружения, за день боя продвинулись на 6—10 км. Противник, неся большие потери в живой силе и военной технике, отходил с западного участка в направлении Сталинграда[144].

Преследуя отступавшего врага в условиях 20-градусного мороза и сильных метелей, бойцы и командиры Красной армии проявили мужество, отвагу и высокий наступательный порыв. В течение шести дней протяженность линии фронта окружения сократилась со 170 до 110 км, а территория, захваченная вражескими войсками, уменьшилась с 1400 до 600 кв. км[145].

К 17 января 1943 г. войска фронта достигли района Воропоново — Большая Россошка, где вновь встретили ожесточенное сопротивление противника. В связи тем что боевые порядки противника за счет сокращения фронта окружения уплотнились, основную роль в прорыве

вражеской обороны стала играть артиллерия. Командующий фронтом К. К. Рокоссовский впоследствии писал: «Пехоту мы в основном стали использовать лишь для закрепления захваченного рубежа»[146].

Усилившее сопротивление окруженной группировки заставило командование Донского фронта снова перегруппировать войска и организовать очередной удар. 18 января представитель Ставки ВГК генерал Н. Н. Воронов представил Верховному главнокомандующему уточненный план разгрома окруженного в районе Сталинграда противника. В нем предлагалось: «На фронте... Песчанка, хут. Гончара подготовить сокрушительный, мощный удар для разгрома противостоящего противника, нанести ему большие потери и морально подавить, расчленить обороняющегося противника на части, уничтожить по частям объединенными усилиями всех армий. Для этого удара будет сосредоточено на фронте 22 км 4000 орудий и минометов, кроме того, две дивизии РС, все танки, сюда же будут направлены усилия всей авиации. Для организации такого удара, сосредоточения, развертывания, подвоза боеприпасов, а также и необходимой передышки для пехоты нужно двое-трое суток. Намечен срок начала — 20 января... По докладываемому Вам решению, командиры, штабы и войска 17 января приступили к выполнению поставленных перед ними задач»[147].

В период подготовки к новому удару на всех участках фронта продолжались ожесточенные бои. Войска Донского фронта в районе западного и северного участков кольца окружения смогли продвинуться от 1 до 3 км[148]. 22 января советские войска возобновили наступление по всему фронту окружения. За четыре дня ожесточенных боев они продвинулись еще на 10—15 км. 21-я армия перерезала железную дорогу восточнее Гумрака, 64-я и 57-я — заняли южную часть Сталинграда, а 65-я армия овладела Александровкой и Городищем. Противник лишился последних аэродромов, прием самолетов прекратился. Командующий окруженной 6-й армией Ф. Паулюс постоянно просил у верховного командования помощи. После того как был потерян последний аэродром, он в своей телеграмме начальнику генерального штаба сухопутных сил (ОКХ) сообщал: «Героизм командиров и солдат не сломлен, несмотря ни на что. Чтобы использовать эту возможность для нанесения последнего удара, я намерен, не дожидаясь окончательного крушения обороны, отдать всем частям приказ организованно пробиваться на юго-запад. Отдельным группам удастся пробиться и дезорганизовать тыл противника. Если же мы останемся на месте, то, несомненно, все погибнут, пленные также умрут от голода и холода»[149]. ОКХ ответил, что решение о прорыве из окружения принимает Гитлер, он отдал приказ «продолжать бой до последней возможности». Чтобы поддержать дух окруженных, Гитлер направлял им по радио поощрения в виде повышения в званиях, а на самолетах — мешки с наградными железными крестами.

К исходу 25 января окруженные войска были зажаты на территории, протяженность которой с севера на юг составляла 20 км, а с запада на восток — не более 3—4 км. С начала операции «Кольцо» по 25 января гитлеровцы потеряли убитыми, погибшими от голода, сильных морозов, а также ранеными и обмороженными свыше 100 тыс. человек[150].

26 января 1943 г. противник начал сдаваться в плен группами и целыми частями. Прекратили сопротивление и целиком сдались 297-я немецкая пехотная дивизия во главе с командиром дивизии генералом фон Дреппером, 20-я румынская пехотная дивизия с командиром дивизии генералом Димитриеску, полк связи 6-й немецкой армии с командиром полка.

Войска Донского фронта продолжали усиливать свои удары по окруженному противнику. Нанеся встречный удар с запада и востока, 21-я и 62-я армии встретились в районе поселка Красный Октябрь и на Мамаевом кургане. В результате вражеская группировка была рассечена на две части. Южная группа (остатки девяти дивизий) оказалась блокирована в центральной части города. Возглавлял ее сам Ф. Паулюс, находившийся вместе со своим штабом в ее расположении. Командование северной группировкой (остатки 12 дивизий), блокированной в районе заводов «Баррикады» и Тракторного, Паулюс возложил на генерала К. Штреккера.

С 27 января войска Донского фронта приступили к ликвидации обеих группировок. Ожесточенные сражения продолжались еще в течение пяти суток. На следующий день

Генерал-фельдмаршал Ф. фон Паулюс и немецкие офицеры, взятые в плен в Сталинграде

Пленные немецкие солдаты

Руины Сталинграда после боев

Советские бойцы приветствуют победу под Сталинградом

удалось рассечь южную группировку. 31 января была ликвидирована южная группа немецко-фашистских войск. Ее остатки во главе с командующим 6-й армией Ф. Паулюсом, произведенным Гитлером в генерал-фельдмаршалы, сдались в плен. В северную группу Гитлер передал приказ сражаться до последнего патрона, но в плен не сдаваться, и она продолжала оказывать сопротивление. Плененный фельдмаршал Паулюс отказался отдать ей приказ о капитуляции. Тогда 1 февраля по сопротивлявшемуся врагу был нанесен мощный огневой удар. На 6-километровом участке было сосредоточено до 1000 орудий и минометов, на участке 27-й армии плотность артиллерии достигала 338 орудий и минометов на 1 км фронта[151]. Лавина огня обрушилась на противника.

Как вспоминал К. К. Рокоссовский: «Утром 1 февраля огненная буря обрушилась на позиции врага. Нам с наблюдательного пункта было видно, как весь передний край его обороны потонул в разрывах снарядов и мин. По артиллерийским позициям в глубине обороны бомбовые удары наносила авиация. Канонада грохотала долго. Наконец она стихла. И тотчас во многих местах над еще дымившейся черной землей затрепетали белые флаги. Появлялись они стихийно, помимо воли немецкого командования, и потому получалось, что на одном участке немцы сдавались, бросая оружие, а на другом еще продолжали драться. В отдельных местах бой шел еще сутки. Только утром 2 февраля остатки окруженной северной группы стали сдаваться в массовом порядке, и опять это происходило помимо воли фашистского командования»[152].

Операция «Кольцо» завершилась. С 10 января по 2 февраля были разгромлены 22 вражеские дивизии и 149 отдельных частей, взяты в плен 91 тыс. человек, в том числе свыше 2,5 тыс. офицеров и 24 генерала во главе с Паулюсом. На поле боя после ликвидации окруженной группировки были подобраны и захоронены около 140 тыс. солдат и офицеров противника[153].

Немецкие источники дают различные сведения о числе военнопленных. Общее их количество за весь период Сталинградской битвы, по различным источникам, составляет от 201 тыс. до 239 775 солдат и офицеров[154]. После разгрома окруженной группировки противника в Сталинграде в плену оказались 130 тыс. человек, в том числе 110 тыс. немцев[155].

Операция «Кольцо», а вместе с ней и вся стратегическая контрнаступательная операция на сталинградском направлении, завершилась блестящей победой. В ходе контрнаступления под Сталинградом враг был отброшен от Волги и Дона на сотни километров. За это время, кроме двух уничтоженных немецких, были разгромлены две румынские и одна итальянская армии. Противник потерял полностью 32 дивизии и три бригады; 16 дивизий понесли потери в личном составе от 50 до 75% и утратили боеспособность. Общие потери противника составили свыше 800 тыс. человек, около 2 тыс. танков и штурмовых орудий, свыше 10 тыс. орудий и минометов, до 3 тыс. боевых и транспортных самолетов и свыше 70 тыс. автомашин. Всего за время Сталинградской битвы, с 17 июля 1942 г. по 2 февраля 1943 г., армии фашистского блока потеряли около 25% сил, действовавших на советско-германском фронте. До 1,5 млн солдат и офицеров противника (с учетом потерь в ВВС) были убиты, ранены или взяты в плен[156]. Огромные потери сил и средств катастрофически отразились на общей стратегической обстановке и потрясли всю военную машину фашистской Германии. Это было такое поражение, какого враг не испытывал с начала Второй мировой войны.

Потери советских войск в Сталинградской битве составили около 1 млн 130 тыс. человек (из них около 480 тыс. — безвозвратно), а за период контрнаступления — 485,8 тыс. солдат и офицеров, в том числе безвозвратно около 155 тыс. человек[157].

Разгром германского вермахта и его союзников под Сталинградом подорвал военный и политический престиж нацистской Германии. В фашистском блоке начался разлад: Япония и Турция отказались от намерения вступить в войну против СССР, а Италия (после разгрома ее 8-й армии на Среднем Дону) приняла решение вывести остатки своих войск с советско-германского фронта: на 1 апреля 1943 г. на советско-германском фронте оставались лишь две итальянские дивизии. Победа советских войск под Сталинградом положила начало коренному перелому в ходе войны, изменив стратегическую обстановку не только на советско-германском фронте, но и на других фронтах Второй мировой. Используя успех

контрнаступления под Сталинградом, Красная армия развернула общее стратегическое наступление на фронте от 1200 до 2000 километров. В результате Сталинградской битвы советские вооруженные силы захватили стратегическую инициативу и не упускали ее до полного разгрома фашистской Германии.

Разгром врага под Сталинградом продемонстрировал мощь советского оружия, моральное превосходство Красной армии над армиями фашистского блока. Советское военное искусство обогатилось опытом окружения и разгрома крупных сил противника, осуществления оперативно-тактической внезапности, правильного выбора направлений главных ударов, точного определения слабых мест в обороне врага, расчета сил и средств для быстрого прорыва тактической обороны, непрерывного развития наступления на большую глубину. В Сталинградской битве проявилась решающая роль советской артиллерии как главной огневой ударной силы. В ознаменование ее заслуг ежегодно в России отмечается начало контрнаступления под Сталинградом — 19 ноября — как День Ракетных войск в артиллерии. В стремительности действий по завершению окружения врага и его разгрома огромное значение имели танковые, механизированные войска и авиация. Активное участие в Сталинградской битве приняла Волжская военная флотилия, которая поддерживала войска огнем и в тяжелых условиях осуществляла перевозки подкреплений, раненых и различных грузов.

В Сталинградской битве сотни тысяч советских воинов проявили беспримерный героизм и высокое воинское мастерство. 55 соединений и частей, отличившихся в битве, были награждены орденами, 179 — преобразованы в гвардейские, 26 — получили почетные наименования. Около 100 воинов были удостоены звания Героя Советского Союза. 22 декабря 1942 г. была учреждена медаль «За оборону Сталинграда» (ею наградили свыше 707 тыс. участников Сталинградской битвы), а впоследствии Сталинграду присвоили почетное звание Города-героя.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. Изд. 3-е. М., 1978. С. 223.

[2] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. М., 1998. Кн. 2. С. 47.

[3] *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны / Пер. с нем. СПб., М., 1999. С. 349—350.

[4] Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 4. Схватка на юго-западном направлении. 1 июля — 31 декабря 1942 г. М., 2008. С. 19.

[5] *Куманев Г. А.* Сталинградская битва. Краткий военно-исторический очерк, документы и материалы. М., 2007. С. 91.

[6] Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (KTB/OKW). Frankfurt a/M, 1963. Bd. 2. S. 71.

[7] *Цейтцлер К.* Сталинградская битва / Сталинград: К 60-летию сражения на Волге. М., 2002. С. 161—162.

[8] Цит. по: *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 2-х т. М., 2002. Т. 2. С. 96.

[9] ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 126. Л. 195.

[10] *Куманев Г. А.* Сталинградская битва. С. 91.

[11] Великая Отечественна война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 49.

[12] Там же. С. 51.

[13] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. М., 1996. Т. 16 (5-2). С. 438—439.

[14] *Воронов Н. Н.* На службе военной. М., 1963. С. 271—272.

[15] *Иванов С. П.* Штаб армейский, штаб фронтовой. М., 1990. С. 461.

[16] Сталинградская битва. Хроника, факты, люди. В 2-х кн. М., 2002. Кн. 2. М., 2002. С. 44.

[17] *Батов П. И. В* походах и боях. М., 1974. С. 199—200.

[18] ЦАМО. Ф. 28. Оп. 1072. Д. 481к. Л. 132—133.

[19] История Второй мировой войны 1939—1945 гг. В 12-ти т. М., 1976. Т. 6. С. 56—57.

[20] *Адам В.* Трудное решение / Пер. с нем. Изд. 2-е. М., 1972. С. 167.

[21] *Дёрр Г.* Поход на Сталинград / Пер. с нем. М., 1957. С. 70.

[22] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 51.

[23] *Рюле О.* Исцеление в Елабуге / Пер. с нем. М., 1969. С. 6.

[24] *Адам В.* Трудное решение. С. 176.

[25] ЦАМО. Ф. 28. Оп. 1072. Д. 481к. Л. 146, 147.

[26] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 51.

[27] *Дёрр Г.* Указ. соч. С. 144; *Меллентин Ф.* Танковые сражения 1939—1945 гг. / Пер. с нем., М., 1957. С. 166; *Адам В.* Трудное решение. С. 207; *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. М., 1956. С. 264; *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1941—1945 гг. М., 1976. Т. 3. С. 128; *Paulus F.* Ich stehe hier auf Befehle. Frankfurt a/M, 1960. S. 222.

[28] История Второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 6. С. 59.

[29] ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 126. Л. 196.

[30] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1990. Bd. 6. S. 1026.

[31] ЦАМО. Ф. 28. Оп. 1072. Д. 481к. Л. 151.

[32] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. С. 231.

[33] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 68.
[34] ЦАМО. Ф. 28. Оп. 1072. Д. 481к. Л. 169.
[35] Там же. Л. 159.
[36] *Куманев Г. А.* Сталинградская битва. С. 101—102.
[37] История Второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 6. С. 60.
[38] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 71.
[39] Там же.
[40] Там же. С. 72; История Второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 6. С. 62.
[41] *Манштейн Э.* Утерянные победы / Пер. с нем. М., 1999. С. 363.
[42] KTB/OKW. Bd. 2. S. 1104.
[43] *Ерёменко А. И.* Сталинград. М., 1961. С. 400.
[44] Великая победа на Волге. М., 1965. С. 371.
[45] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 74.
[46] *Ерёменко А. И.* Сталинград. С. 399.
[47] *Самсонов А. М.* Сталинградская битва. 3-е изд., испр. М., 1982. С. 437, 359.
[48] ЦАМО. Ф. 28. Оп. 1072. Д. 481л. Л. 102.
[49] *Исаев А. В.* Сталинград. За Волгой для нас земли нет. М., 2008. С. 364—365.
[50] *Василевкий А. М.* Дело всей жизни. С. 239—247.
[51] ЦАМО. Ф. 28. Оп. 1072. Д. 481л. Л. 109.
[52] Там же. Л. 112.
[53] *Ерёменко А. И.* Сталинград. С. 403.
[54] ЦАМО. Ф. 28. Оп. 1072. Д. 481л. Л. 116.
[55] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 467.
[56] ЦАМО. Ф. 28. Оп. 1072. Д. 481л. Л. 120.
[57] *Куманев Г. А.* Сталинградская битва. С. 105.
[58] Великая победа на Волге. С. 381.
[59] *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 370—371.
[60] ЦАМО. Ф. 28. Оп. 1072. Д. 481л. Л. 142.
[61] Там же. Л. 147.
[62] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. С. 253.
[63] *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 375—377.
[64] *Видер И.* Катастрофа на Волге. Воспоминания офицера-разведчика 6-й армии Паулюса / Пер. с нем. М., 1965. С. 72.
[65] Великая победа на Волге. С. 393.
[66] *Видер И.* Катастрофа на Волге. Воспоминания офицера-разведчика 6-й армии Паулюса. С. 74—75.
[67] ЦАМО. Ф. 220. Оп. 455. Д. 36. Л. 265; Ф. 303. Оп. 5404. Д. 13. Л. 266—267.
[68] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. С. 254.
[69] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 82.
[70] Великая победа на Волге. С. 394—395.
[71] *Дёрр Г.* Указ. соч. С. 144.
[72] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 323.
[73] Там же. С. 327.
[74] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 11610. Д. 136. Л. 236.
[75] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1973. С. 225.
[76] См.: Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1961. С. 453, 454, 456, 470; История Второй мировой войны 1939—1945 гг. В 12-ти т. М., 1976. Т. 6. С. 29—30.
[77] ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 1640. Д. 180. Л. 273—275.
[78] Там же. Л. 261—262.
[79] *Судоплатов П.* Разведка и Кремль. М., 1966. С. 187—188.
[80] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е. М., 1946. С. 59—60.

[81] Сталинградская битва: материалы научных конференций в Москве и Волгограде, прошедших к 50-летию сражения. С. 52–53.

[82] KTB/OKW. Bd. 11. S. 71, 72, 76. Это был план наступления 11-й армии на торопецком направлении (ноябрь 1942 г.).

[83] Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск ее бывших сателлитов на советско-германском фронте. М., 1956. Вып. 2. С. 116–118, 130–132, 142–144, 156–158.

[84] KTB/OKW. Bd. 11. S. 916–918.

[85] Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. В 6-ти т. М., 1963. Т. 2. С. 491.

[86] *Галицкий К. Н.* Годы суровых испытаний. 1941–1944 гг. Записки командарма. М., 1973. 178–179.

[87] Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск ее бывших сателлитов на советско-германском фронте. Вып. 2. С. 142–144, 156–158.

[88] ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 126. Л. 179–180.

[89] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 6. С. 40.

[90] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 464.

[91] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2000. С. 180; Военная энциклопедия. В 8-ми т. М., 2003. Т. 7. С. 235.

[92] *Гланц Д.* Крупнейшее поражение Жукова. Катастрофа Красной армии в операции «Марс». 1942 г. М., 2005. С. 29–30; *Герасимова С.* Ржевская бойня. Потерянная победа Жукова. М., 2010. С. 146–180; и др.

[93] Создан 05.02.1943 г. на базе упраздненного Донского фронта и резервов Ставки.

[94] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. М., 1999. Т. 16 (5-3). С. 72–74.

[95] *Гроссман Х.* Ржев — краеугольный камень восточного фронта / Пер. с нем. Ржев, 1996. С. 124, 125; «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967. С. 736.

[96] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 231.

[97] *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М., 1988. С. 186–187.

[98] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 236.

[99] ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 13. Л. 171–172.

[100] Там же. Л. 171.

[101] *Гроссман Х.* Ржев — краеугольный камень восточного фронта. С. 135.

[102] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2010. С. 181.

[103] Русский архив: Великая Отечественная война. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 г. М., 1996. Т. 16 (5-2). С. 466–467.

[104] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 85.

[105] Там же. С. 84; Великая победа на Волге. С. 340.

[106] *Воронов Н. Н.* На службе военной. С. 294.

[107] ЦАМО. Ф. 232. Оп. 590. Д. 2. Л. 91–92.

[108] Великая победа на Волге. С. 338.

[109] ЦАМО. Ф. 220. Оп. 590. Д. 38. А. 113–117.

[110] Там же. Д. 14. Л. 8.

[111] Там же. Д. 15. Л. 15–16.

[112] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 87.

[113] ЦАМО. Ф. 229. Оп. 590. Д. 148. Л. 157–160.

[114] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 88.

[115] Русский архив: Великая Отечественная война. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 467–468; ЦАМО. Ф. 229. Оп. 643. Д. 2. Л. 93–101.

[116] ЦАМО. Ф. 229. Оп. 643. Д. 26. Л. 17; Ф. 684. Оп. 6850. Д. 58. Л. 2.

[117] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 91.

[118] *Баданов В. М.* Глубокий танковый рейд // Сталинградская эпопея. М., 1969. С. 633; Военно-исторический журнал. 1987. № 11. С. 70.

[119] Название группы дано по имени командира 30-го немецкого армейского корпуса генерала М. Фреттер-Пико (Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и бывших ее сателлитов на советско-германском фронте за период 1941–1945 гг. М., 1956. Вып. 2. С. 160–161).

[120] *Дёрр Г.* Указ. соч. С. 104, 105; *Меллентин Ф.* Танковые сражения 1939–1945 гг. С. 178.

[121] Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке войск фашистской Германии... Вып. 2. С. 160–161.

[122] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 91.

[123] ЦАМО. Ф. 229. Оп. 590. Д. 2. Л. 116–118.

[124] Там же. Оп. 604. Д. 3. Л. 31.

[125] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 92.

[126] Военно-исторический журнал. 1987. № 11. С. 63.

[127] ЦАМО. Ф. 229. Оп. 590. Д. 12. Л. 24.

[128] Военно-исторический журнал. 1972. № 11. С. 51.

[129] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 93; Разгром итало-немецких войск на Дону (декабрь 1942 г.). М., 1945. С. 103–104; *Филатов Г.* Восточный поход Муссолини. М., 1968. С. 135.

[130] Там же. С. 94.

[131] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 2-х т. Т. 2. М., 2002. С. 118.

[132] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 94.

[133] Там же. С. 95.

[134] Великая победа на Волге. С. 444.

[135] *Исаев А. В.* Когда внезапности уже не было. История Великой Отечественной войны, которую мы не знали. М., 2006. С. 305–306.

[136] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 4–29.

[137] *Куманев Г. А.* Сталинградская битва. С. 111.

[138] *Воронов Н. Н.* На службе военной. С. 319.

[139] ЦАМО. Ф. 28. Оп. 1072. Д. 811. Л. 93–94.

[140] *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. С. 176–177.

[141] *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 395–396.

[142] ЦАМО. Ф. 28. Оп. 1072. Д. 811. Л. 129.

[143] *Самсонов А. М.* Сталинградская битва. С. 498.

[144] ЦАМО. Ф. 28. Оп. 1072. Д. 811. Л. 139.

[145] *Куманев Г. А.* Сталинградская битва. С. 112.

[146] *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. С. 178.

[147] Русский архив: Великая Отечественная война. Документы и материалы. 1943 год. Ставка ВГК. М., 1999. Т. 16 (5-3). С. 32, 270–271.

[148] ЦАМО. Ф. 28. Оп. 1072. Д. 811. Л. 208.

[149] *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 399.

[150] *Куманев Г. А.* Сталинградская битва. С. 114.

[151] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 99.

[152] *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. С. 182.

[153] Сталинградская битва. Июль 1942 — февраль 1943 г. Энциклопедия. Волгоград, 2009. С. 295.

[154] Der Zweite Weltkrieg. Ein Lexikon. Herausgg von Christian Zentner Wilhelm Heyne Verlag Munhen, 1995. S. 511; *Епифанов А. Е.* Сталинградский плен: 1942–1956 годы (немецкие военнопленные в СССР). Мемориальный музей немецких антифашистов. М., 1999. С. 40, 48, 75.

[155] «Damals». Das Magazin fur Geschichte und Kultur. Heft 6, 2001. S. 31, 35.

[156] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 99–100.

[157] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2010. С. 109, 114.

ПРОРЫВ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

Попытки деблокировать город в 1942 г.

5 января 1942 г. на заседании Ставки ВГК с участием членов Политбюро ЦК ВКП(б) были рассмотрены планы на дальнейшее ведение военных действий. С основным докладом выступил И. В. Сталин, который изложил замысел общего наступления девяти советских фронтов. Большинство присутствующих не возразили против такого плана, хотя он был не до конца просчитан и не обеспечен в материально-техническом отношении. Действительно, за время летне-осенней кампании 1941 г. Красная армия понесла большие потери, равные 3987,7 тыс. человек, из них 2841,9 тыс. безвозвратно[1]. Это означало, что наша довоенная кадровая армия почти полностью сменилась мобилизационно-ополченской.

В войсках отмечалась нехватка вооружения, имущества связи, инженерных средств, не хватало обученных механиков-водителей танков и т. д. Особенно болезненной в конце 1941 г. и в течение всего 1942 г. стала острая нехватка боеприпасов, в первую очередь снарядов и мин, в связи с чем был введен лимит на их расходование: 4—6 снарядов на орудие в день. Причина дефицита была довольно простой — довоенное производство боеприпасов базировалось главным образом на химической промышленности Ленинграда и Донбасса. С осени 1941 г. Донбасс был оккупирован немецкими войсками группы армий «Юг», Ленинград находился в блокаде. Положение с материальным обеспечением войск в период битвы за Москву было настолько тяжелым, что Верховный главнокомандующий И. В. Сталин лично распределял между фронтами противотанковые ружья, автоматы, противотанковые 76-мм полковые и дивизионные орудия[2].

Зная истинное положение дел, члены Ставки ВГК тем не менее 5 января 1942 г. приняли решение «гнать немецкие войска на запад без остановки, заставить их израсходовать резервы еще до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев их не будет, и обеспечить таким образом полный разгром гитлеровских войск в 1942 году»[3].

Тяжелейшие последствия принятого решения на северо-западном направлении советско-германского фронта вылились в трагедию 2-й ударной армии — лишь малую часть общей трагедии Красной армии в 1942 г. В результате этого решения Ставки в общее наступление 7—18 января перешли войска девяти фронтов — от Ладожского озера до Крыма и Таманского полуострова. Первыми начали наступление войска Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов.

Ставка определила соответствующие задачи войскам Ленинградского, Волховского и правого крыла Северо-Западного фронта. Войскам Волховского фронта во взаимодействии с Ленинградским предстояло разгромить главные силы 18-й немецкой армии и деблокировать

Ленинград, а во взаимодействии с Северо-Западным крылом нанести удар по 16-й армии противника. Было решено провести Любанскую и Демянскую наступательные операции.

Основная идея Любанской операции заключалась в том, чтобы одновременными ударами войск Волховского фронта с рубежа р. Волхов и 54-й армии Ленинградского фронта от Погостья (25—36 км южнее Шлиссельбургской губы Ладожского озера) по сходящимся на Любань направлениям окружить и уничтожить противостоящую вражескую группировку и в дальнейшем выйти в тыл войскам, блокировавшим Ленинград с юга. Войска Ленинградского фронта, сосредоточенные на блокированной территории, должны были наступать в юго-восточном и южном направлениях с целью сковать находившиеся там соединения и части противника.

В начале января Волховский фронт под командованием генерала К. А. Мерецкова вел борьбу за расширение плацдармов на левом берегу р. Волхов, которые удалось захватить еще в ходе контрнаступления под Тихвином. Войска фронта имели превосходство над противником в личном составе в 2,2 раза, в танках — в 3,2 раза, в артиллерии — в 1,5 раза. У 54-й армии под командованием генерала И. И. Федюнинского было преимущество в личном составе всего в 1,2 раза и в артиллерии — в 1,6 раза[4]. Противник же обладал абсолютным господством в воздухе и создал хорошо организованную оборону как на левом берегу р. Волхов и у Погостья, так и под Ленинградом.

7 января войска Волховского фронта, еще не закончив перегруппировку, сосредоточение авиации и артиллерии, а также не имея необходимых запасов боеприпасов и горючего, попытались прорвать оборону противника на р. Волхов. Вечером 7 января 1942 г. командующий фронтом К. А. Мерецков доложил Верховному главнокомандующему, что прибывающие части 59-й и 2-й ударной армий не вооружены или требуют пополнения запасов вооружения, не подошли армейские, артиллерийские полки, не сосредоточилась авиация, не подвезено горючее, недостаточно снарядов и т. п.[5]

Вследствие этих и других причин наступление войск фронтов северо-западного направления началось разновременно и успеха не принесло. Безрезультатной оказалась и попытка перейти в наступление 54-й армии. Первую атаку армий Волховского фронта, начатую утром 7 января 1942 г., противник отбил с большими для советских частей потерями. На некоторых участках он даже контратаковал и потеснил наши части. Так, 7 января генерал К. А. Мерецков докладывал в Ставку ВГК, что на фронте 4-й армии противник отбросил части 65-й и 4-й гвардейской дивизий на 2—3 км назад.

10 января Ставка ВГК дала указание приостановить наступление и возобновить его через три дня. 13 января войска Волховского фронта вновь начали наступать. Главный удар в направлении Любани наносила 2-я ударная армия, которую с флангов поддерживали 59-я и 52-я армии под командованием генералов И. В. Галанина и В. Ф. Яковлева. Бездорожье и глубокий снег затрудняли маневры и снабжение войск. Лишь к 25 января удалось прорвать оборону противника на 12-километровом участке. В тот же день в прорыв была введена подвижная группа армии — 13-й кавалерийский корпус под командованием генерал-майора Н. И. Гусева.

Развивая наступление, соединения 2-й ударной армии к концу января продвинулись на 70—75 км. До Ленинграда оставалось около 50 км, до 54-й армии еще меньше — 44 км[6]. Но все дальнейшие попытки 2-й ударной армии под командованием генерала Н. К. Клыкова продолжить наступление оказались тщетными. Уже в это время в войсках ощущался недостаток продовольствия, боеприпасов, фуража. Из-за отсутствия последнего кавалеристы 13-го кавалерийского корпуса были вынуждены спешиться и вести бои в качестве пехотинцев. В донесениях указывалось на плохую работу связи, разведки, случаи завшивленности личного состава и даже появления сыпного тифа в частях 52-й армии[7].

Войска Ленинградского фронта из-за недостатка сил продвижения и вовсе не имели. Директивой № 170 121 от 26 февраля Ставка ВГК приказала возобновить наступление на Любань, навстречу Волховскому фронту: «...усилив в течение 26—27 февраля ударную группировку 54-й армии, не позднее 1 марта перейти в решительное наступление в общем направлении на Любань с тем, чтобы сочетав удар 54-й армии с ударом войск Волховского

фронта, общими усилиями ликвидировать любань-чудовскую группировку противника и освободить ж.-д. линию Любань — Чудово»[8].

Соединения 54-й армии под командованием генерала И. И. Федюнинского прорвали вражескую оборону и к концу марта продвинулись на 22 км. Однако этим все и закончилось. Противник, воспользовавшись тем, что 4-я армия Волховского фронта особой активности не проявляла, снял часть сил в ее полосе и перебросил их на рубеж наступавшей 54-й армии.

В начале апреля 1942 г. соединения и части 54-й армии вышли к изгибу р. Тигода, заняв населенные пункты Смердыня и Ородыня[9]. Здесь они были остановлены немецкими войсками. До Любани 54-й армии необходимо было пройти еще около 15 км, до соединения со 2-й ударной армией — 30 км.

На Ладожском озере с началом прочного ледостава развернулась напряженная работа по восстановлению прерванного с концом навигации подвоза. Еще 19 ноября 1941 г. Военный совет Ленинградского фронта принял решение организовать переброску грузов для города и фронта по льду на автотранспорте и проложить с этой целью через губу Петрокрепость ледовую дорогу[10].

Движение на трассе началось 20 ноября 1941 г. Были случаи, когда при сильных штормах на Ладожском озере лед ломало, а дорогу разрушало или заливало водой, как это произошло в период с 28 ноября по 5 декабря 1941 г.

Аварии на трассе происходили в основном из-за «усталости льда», то есть при толщине льда 25—30 см по трассе можно было перевезти за сутки 1,5—2 тыс. тонн грузов, а на следующий день она уже не могла выдержать нагрузки, и приходилось переносить дорогу на другое место[11].

Совместно с войсками Ленинградского фронта приняла участие в охране Дороги жизни и Ладожская военная флотилия, организовав для этого подвижные дозоры на буерах. Отряды на буерах также привлекались для сопровождения грузов.

Ладожской военной флотилии на зиму 1941—1942 гг. были поставлены задачи по организации сухопутной и противовоздушной обороны баз и мест стоянок кораблей, проведению судоремонта в максимально сжатые сроки силами и средствами личного состава кораблей, чтобы с началом летней кампании быть в готовности к выполнению главной задачи — перевозок по озеру, а также повышения уровня оперативно-тактической подготовки командного состава путем изучения опыта боевых действий флотилии за истекшую кампанию.

Флотилия получила возможность выполнять эти задачи с гораздо меньшим напряжением, так как непосредственная угроза с тыла и со стороны озера по льду после разгрома немецко-фашистских войск под Тихвином и Волховом миновала. Активность противника в воздухе с наступлением зимы также резко снизилась. В основном деятельность авиации противника была направлена на создание затруднений в использовании ледовой трассы Коккорево — Кобона.

В результате нарушения единой системы базирования некоторые соединения, например 2-й дивизион канонерских лодок, отряд транспортов и 6-й дивизион тральщиков, имели свои корабли в Морье и Новой Ладоге. Это крайне отрицательно сказывалось на руководстве боевой подготовкой, судоремонте и т. д.

Решением Военного совета Ленинградского фронта № 00510 от 29 декабря 1941 г. для руководства обороной района нового базирования и судоремонта была создана военно-морская база 2-го разряда Осиновец — Морье[12].

Условия базирования флотилии зимой 1941—1942 гг., судоремонта и снабжения были крайне тяжелыми. Значительная часть личного состава мелких кораблей и весь личный состав береговых частей и учреждений размещались в землянках.

Особенно сложным был судоремонт. В Морье не было никаких производственных средств. В связи с этим некоторые ремонтные работы проводились на ленинградских предприятиях, частично их выполняла небольшая мастерская, созданная зимой в Осиновце. В основном же судоремонт осуществлялся корабельными силами и средствами.

Материально-техническое снабжение базировавшихся на Морье кораблей шло частично через тыл Балтийского флота, а частично из Новой Ладоги по зимней ледовой дороге.

Задача снабжения кораблей топливом оказалась также очень сложной. Запасы угля в Морье были ограниченными, и все корабли перешли на дровяное отопление. Заготовка дров и доставка их к кораблям на рейд требовали большого количества личного состава и занимали много времени.

Особое внимание с приближением весны было обращено на подготовку транспортных средств к перевозкам. С этой целью ГКО в марте 1942 г. принял решение развернуть строительство озерного несамоходного флота на базе комбината «Сясьстрой», где была сооружена Сясьская судоверфь, металлических озерных барж на ленинградских судостроительных заводах и малотоннажного самоходного флота — тендеров и мотоботов — на ленинградских заводах. Для выполнения этого постановления и указаний Военного совета Ленинградского фронта на ленинградских заводах был построен и отправлен по железной дороге на озеро 101 самоходный тендер общей грузоподъемностью 1500 тонн. Строительство тендеров было предпринято для усиления грузоперевозок по озеру и обеспечения высадки десантов. Балтийский судостроительный завод организовал постройку металлических барж, сборка которых производилась в бухте Гольсмана.

Достигнутое к весне 1942 г. улучшение общего положения в Ленинграде, войск фронта и флота благодаря созданным запасам, переброшенным по ледовой трассе зимой 1941—1942 гг., необходимо было прочно закрепить и тем самым окончательно сорвать план немецко-фашистского командования задушить город блокадой.

Постановлением Государственного Комитета Обороны СССР от 9 апреля 1942 г. перевозка грузов для Ленинграда и фронта через озеро, а также эвакуация гражданского населения и вывоз грузов из Ленинграда были возложены на Ладожскую военную флотилию. Для успешного выполнения этой задачи ГКО постановил:

«1. Подчинить Ладожской военной флотилии на период навигации 1942 г. самоходный и несамоходный флот Наркомречфлота, обслуживающий перевозки по Ладожскому озеру, по приладожским каналам и по реке Волхов со всеми портами, пристанями и производственными предприятиями.

2. Обязать НКВМФ, НКРФ и Военный совет Ленинградского фронта подготовить к началу навигации 1942 г. флот и перевалочные базы на Ладожском озере из расчета завоза в Ленинград не менее 4000 т груза в сутки и вывоза населения не менее 3000 человек и 1000 т груза в сутки.

3. Погрузочно-разгрузочные работы на Ладожском озере возложить на управление тыла Ленинградского фронта.

4. Обязать командующего войсками Ленинградского фронта обеспечить прикрытие авиацией транспортов и перевалочных баз в период навигации, а также прикрытие зенитными средствами перевалочных баз и пристаней Ладожского озера.

5. Обязать командующего КБФ обеспечить зенитными установками суда Наркомречфлота, предназначенные для перевозки грузов в навигацию 1942 г., а также установить постоянную охрану водных путей средствами Ладожской военной флотилии»[13].

Приказ народного комиссара ВМФ от 11 апреля 1942 г. и решение Военного совета Балтийского флота от 23 апреля 1942 г. конкретизировали поставленную перед флотилией задачу[14]. Ее решение требовало большого напряжения сил и мобилизации всех ресурсов флотилии. Необходимо было организовать и подготовить перевалочные базы для приема грузов, расширить сеть подъездных путей. Согласно приказу народного комиссара ВМФ от 26 февраля 1942 г. к началу навигации в бухтах Осиновец, Гольсмана, Морье необходимо было закончить портовое строительство и произвести дноуглубительные работы.

Помимо перевозок, Военным советом Балтийского флота флотилии были поставлены следующие дополнительные задачи: содействие огнем корабельной артиллерии флангам 7, 8 и 23-й армий, траление мин и борьба с минной опасностью, проведение разведки на театре, противодействие попыткам высадки десанта и действия против баз и сообщений противника.

Структура командования флотилии в летнюю кампанию 1942 г. имела особенности: была введена должность помощника командующего флотилией по перевозкам, а при штабе флотилии организовано специальное отделение по перевозкам. Созданы военно-морская база Осиновец — Морье и военно-морской порт 1-го разряда в Кобоне; включен в систему

перевозок речной порт Гостинополье на р. Волхов; создана охрана водного района главной базы с включением в ее состав дивизиона катеров МО и бронекатеров, 6-го дивизиона тральщиков, группы катеров-тральщиков и других мелких судов.

К началу перевозок и частично в их ходе были проведены большие подготовительные и организационно-технические работы. Прежде всего подготовили к открытию навигации и специализировали по видам грузооборота порты.

В качестве основного первоначального пункта на восточном побережье озера был создан Кобона-Кореджский порт, соединенный железной дорогой со станцией Жихарево. Строительство порта было выполнено по проектам инженерного отдела Балтийского флота Управлением работ № 2, земляные работы — Балттехфлотом. В течение весны на Кореджской косе соорудили пять пирсов, рассчитанных на одновременную погрузку 10 барж. Основным перевалочным пунктом на западном побережье по-прежнему оставался Осиновец, где удалось отремонтировать старый причал и достроить новый пирс.

Новая Ладога по плану перевозок являлась пунктом формирования конвоев, прибывавших с грузами из Гостинополья и Сясьстроя. Отсюда должны были идти на Ленинград продовольственные грузы и военно-техническое имущество, а сюда поступать эвакуируемое из Ленинграда гражданское население. Причальный фронт в Новой Ладоге развития не получил, были лишь отремонтированы имевшиеся причалы.

Эвакуация раненых в ладожском порту

Порожний обоз направляется за продуктами для блокадного Ленинграда по льду Ладожского озера

Грузовые автомобили вывозят людей из Ленинграда. Дорога жизни

Разгрузка баржи с мукой в ладожском порту Осиновец

Выгрузка продовольствия для блокадного Ленинграда из транспортного самолета Ли-2

К открытию навигации строительство и оборудование портов было закончено. Однако чтобы обеспечить возраставший объем перевозок, требовалось в ходе навигации продолжать строительство и оборудование портов, расширять причальный фронт, механизировать погрузочно-разгрузочные работы. 2 июня Военный совет Ленинградского фронта принял специальное постановление о мероприятиях по увеличению перевозок через Ладожское озеро. Выполнение работ по расширению причального фронта в портах восточного и западного побережья было возложено на инженерный отдел Балтийского флота и строительный батальон тыла Ленинградского фронта. В результате всех работ емкость портов Ладожского озера по грузообороту к концу навигации увеличилась более чем в три раза[15].

К 1 октября Балтийский завод построил и сдал в эксплуатацию 14 барж общим водоизмещением 8400 тонн. Кроме того, Балтийский завод совместно с заводом «Судомех» оборудовал три парома для перевозок через озеро железнодорожных составов. В Ленинграде были мобилизованы 47 несамоходных малотоннажных судов грузоподъемностью по 3–6 тонн и 16 мотоботов.

Сясьская судостроительная верфь построила за период навигации 51 баржу общим водоизмещением 11 935 тонн. Кроме того, к началу навигации флотилия приняла от Северо-Западного речного пароходства пять озерных и девять речных буксиров, 38 буксиров, предназначенных для работ на р. Волхов и каналах, семь пассажирских и пять служебно-вспомогательных пароходов, 11 озерных, 18 речных барж и 20 барж, пригодных для плавания по каналам и р. Волхов.

Важное значение для обеспечения перевозок имело постановление СНК СССР от 24 мая, в соответствии с которым было отмобилизовано и отправлено на озеро по Тихвинской водной системе 38 моторных катеров[16] и свыше 100 барж и мотоботов Северо-Двинского и Камского бассейнов Наркомлеса, Верхне- и Средневолжского пароходств, Наркомречфлота.

Из тендеров и мотоботов был сформирован отряд, полностью укомплектованный военнослужащими. Он состоял из 11 групп тендеров, по 9—10 единиц в каждой, и трех групп мотоботов — по 5–6 единиц. Формирование такого отдельного соединения сыграло положительную роль в подготовке флотилии к решению задач, поставленных ГКО. Тендеры за навигацию перевезли более 10% всех грузов и около 3% от общего числа перевезенных людей[17].

Транспортировка совершалась по двум трассам: между портами Осиновец и Кобона (Малая трасса) и портами Осиновец и Новая Ладога (Большая трасса). На обеих имелось необходимое гидрографическое и навигационное оборудование.

В дальнейшем организация перевозок была несколько изменена. Решением Военного совета Ленинградского фронта от 27 июня 1942 г. управление подвоза было переформировано в управление перевозок Ленинградского фронта, которому подчинили все порты и перевалочные пункты с их оборудованием. За флотилией осталась лишь задача осуществления и обеспечения самих перевозок, ремонта транспортных средств, оборудования и охраны трасс.

В июне 1942 г. Военный совет Ленинградского фронта получил правительственную директиву, которая предписывала: к 15 августа 1942 г. закончить эвакуацию гражданского населения из Ленинграда; форсировать вывоз заводского оборудования и другого народно-хозяйственного имущества из Ленинграда; создать в Ленинграде необходимые запасы продовольствия, обеспечивающие бесперебойное снабжение войск, Балтийского флота и гражданского населения[18].

За время навигации на судах в Ленинград было перевезено 705,3 тыс. тонн грузов, а из Ленинграда — 304,8 тыс. тонн. Кроме того, с восточного берега на западный буксировкой в плотах и вплавь было доставлено 41,6 тыс. тонн леса и 968 железнодорожных платформ и цистерн общей массой 8,7 тыс. тонн, что в итоге с грузами, перевезенными на судах с восточного берега на западный, составило 755,6 тыс. тонн.

Основную массу грузов, перевезенных с западного на восточное побережье, составляло промышленное оборудование. Эвакуация оборудования была одной из ответственных задач, возложенных Военным советом Ленинградского фронта на Ладожскую военную флотилию. За навигацию на судах флотилии было эвакуировано 113 тыс. тонн промышленного оборудования и 28,9 тыс. тонн заводских материалов.

Постановлением Военного совета Ленинградского фронта на флотилию также была возложена дополнительная задача — перевозка железнодорожного подвижного состава Ленинградского узла. До окончания навигации из Осиновца в Кобону было транспортировано на построенных баржах (паромах) 139 паровозов, 74 тендера и 1952 вагона и платформы. Одновременно с перевозками подвижного состава на паромах применялась буксировка железнодорожных нефтяных цистерн по воде. За сентябрь — октябрь из Осиновца в Кобону было отбуксировано 75 цистерн. Общая масса переброшенного подвижного состава составила 34,4 тыс. тонн.

Основной задачей при перевозках людей была эвакуация гражданского населения из Ленинграда и обеспечение перебросок войск через озеро на Ленинградский фронт. За период навигации из Ленинграда были эвакуированы 448 010 человек гражданского населения и перевезен 49 721 человек командированных военнослужащих и граждан. Кроме того, на транспортах в период с мая по ноябрь были эвакуированы 41 866 раненых и больных. Таким образом, всего удалось перевезти 539 597 человек[19].

С восточного берега на западный в основном перебрасывались пополнения для войск Ленинградского фронта и Балтийского флота. С мая по декабрь транспортными средствами флотилии были перевезены 300 тыс. человек воинских пополнений и 10 тыс. легкораненых. Кроме того, уже после закрытия навигации, с 13 декабря 1942 г. по 8 января 1943 г., в тяжелых ледовых условиях дополнительно были перевезены 38 803 человека воинских пополнений.

Максимум перевозок был осуществлен в июле, когда проводилась массовая эвакуация гражданского населения из Ленинграда: суточная норма доходила в этот период до 13 тыс. человек.

Перевозки через Ладожское озеро в 1942 г. имели исключительно важное значение для войск Ленинградского фронта, Балтийского флота и населения города. Первые трудности в снабжении блокированного города были в известной степени преодолены зимой 1941–1942 гг., когда транспортировка осуществлялась по ледовым трассам. Но окончательно проблема снабжения блокированного города, фронта и Балтийского флота была решена в летнюю кампанию 1942 г. за счет создания необходимых запасов продовольствия, боеприпасов, горючего и других материальных средств. Подвоз топлива обеспечил бесперебойную работу для нужд фронта промышленности и введение в строй целого ряда временно законсервированных предприятий.

За время навигации авиация противника совершила по трассам и портовым объектам 4990 самолето-вылетов, в том числе бомбардировочная — 2717, истребительная и разведывательная — 2273. Противник произвел 137 бомбардировок, в том числе 122 дневные и 15 ночных. Всего было сброшено 6370 бомб[20].

Несмотря на усиление воздушной угрозы, работы на трассах продолжались бесперебойно. Причиненные кораблям и транспортным средствам повреждения были полностью устранены в ходе навигации.

Прикрытие трасс и портов с воздуха было недостаточным из-за сравнительно небольшого состава выделенной истребительной авиации — в среднем от 30 до 40 самолетов, в то время как для надежного прикрытия требовалось около 80 истребителей. Поэтому прикрытие конвоев и портов осуществлялось в основном путем дежурства самолетов на аэродромах в Новой Ладоге и Выставе в готовности к вылету по вызову и периодического патрулирования. В Кобоне, Новой Ладоге, Выставе и на островах Зеленцы были созданы посты наведения истребительной авиации.

С 1 мая по 1 декабря истребители оперативной группы произвели 1916 самолето-вылетов. В воздушных боях было сбито 23 и повреждено восемь немецких самолетов. Всего же за период навигации совместными действиями авиации и зенитной артиллерии было сбито 160 самолетов противника, два из которых уничтожил экипаж одной из барж, имевшей зенитные пулеметы[21].

В целом Ладожская военная флотилия успешно решила поставленную Государственным Комитетом Обороны задачу обеспечения перевозок. Личный состав настойчиво боролся за ее выполнение, несмотря на налеты авиации противника и сложность плавания в штормовых условиях. В результате объем перевозок в Ленинград через озеро в кампанию 1942 г. более чем в два раза превысил объем перевозок по ледовым трассам зимой 1941–1942 гг. Как уже

отмечалось, это дало возможность создать необходимые запасы продовольствия, обеспечить бесперебойную работу промышленности Ленинграда и ввести в строй ряд временно законсервированных производственных предприятий.

В апреле и начале мая 1942 г. соединения и части 54-й и 8-й армий Ленинградского фронта еще вели наступательные бои с целью раздвинуть «погостьевский мешок» (так генерал Гальдер называл территорию, освобожденную 54-й армией в феврале — марте 1942 г.). Соединения 54-й армии атаковали противника в районе поселков Дубовик (примерно на полпути от Посадникова Острова до поворота р. Тигода) и Липовик, форсировали р. Тигода южнее Дубовика и наступали в направлении Малиновки. Соединения 8-й армии снова штурмовали Веняголово и пытались овладеть правым, высоким берегом р. Мга. Но негибкость в управлении войсками и плохое использование радиосвязи не позволяли им добиться успеха.

С марта противник стал наносить удары по флангам 2-й ударной армии. К концу месяца ему удалось перехватить ее коммуникации. Командующий войсками Волховского фронта организовал встречные удары окруженных войск с запада и востока. У поселка Мясной Бор (35 км северо-восточнее Новгорода) был пробит коридор шириной 3—5 км, соединивший 2-ю армию с главными силами фронта. Несмотря на это, положение армии оставалось очень трудным. Нарушились снабжение, связь и управление войсками. На всем 200-километровом фронте армии противник создал прочный оборонительный рубеж, не допуская ее дальнейшего продвижения. Соединения и части 2-й ударной армии продолжали вести бои, но успеха не имели.

2 марта 1942 г. в германской ставке Гитлер провел совещание с новым командующим группой армий «Север» генерал-полковником Кюхлером, командующими 18-й и 16-й немецкими армиями, командирами их корпусов. Они рассмотрели планы контрнаступления 18-й и 16-й армий и приняли решение, о котором немецкий генерал Ф. Гальдер писал: «Переходим в наступление на Волхове — 7 марта (до 12 марта). Авиацию сосредоточить в период 7—14 марта. Фюрер требует за несколько дней до наступления провести авиационную подготовку (бомбардировка складов и войск в лесах бомбами сверхтяжелого калибра). Завершив прорыв на Волхове, не следует тратить силы на то, чтобы уничтожить противника. Если мы сбросим его в болота, это обречет его на голодную смерть... Наступление в районе Холм — 5 марта. Необходимо подтянуть пехоту... Наступление в районе Старая Русса осуществить в период 13—16 марта»[22].

Противник, стремясь отразить атаки 2-й ударной армии на любанском направлении, в первой половине марта в спешном порядке снял из-под Ленинграда до четырех пехотных дивизий и перебросил их в полосу наступления Волховского фронта. Это усилило оборону противника, и все попытки советских войск развить успех на Любань оказались безрезультатными.

Одновременно противник 15 марта перешел в наступление в целях перехвата коммуникаций 2-й ударной армии. 19 марта немецкие войска в первый раз отрезали соединения и части 2-й ударной армии от войск Волховского фронта, образовав волховский котел.

За два дня до этого, 17 марта, Ставка ВГК издала директиву, в которой, обращая внимание командования Волховского фронта на попытку противника «отрезать 2-ю ударную армию от ее коммуникаций», приказывала «одновременными усилиями левофланговых соединений 59-й армии совместно с 52-й армией не только не допустить перехвата противником коммуникаций 2-й ударной армии, но и полностью разгромить и уничтожить контратакующие части противника»[23]. Ставка ВГК разрешила перебросить для этих целей в район Мясного Бора из 4-й армии 376-ю стрелковую дивизию под командованием полковника Д. И. Угорича.

На фронте 2-й ударной армии в течение апреля боевые действия на любанском направлении и на флангах прорыва не прекращались ни на один день. В лесу, при бездорожье, по колено в воде наши войска, ведя наступательные бои, стремились овладеть неприятельскими позициями. Противник, оказывая упорное сопротивление, неоднократно пытался соединиться с южной группой своих войск и закрыть прорыв.

20 апреля Ставка ВГК утвердила назначение заместителя командующего войсками Волховского фронта генерал-лейтенанта А. А. Власова командующим 2-й ударной армией по совместительству. В то же время командующий войсками Ленинградского фронта гене-

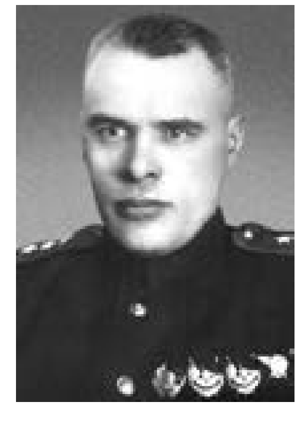
Командующие общевойсковыми армиями в 1941–1943 гг.

А. С. Ксенофонтов

А. М. Кузнецов

В. И. Кузнецов

Ф. И. Кузнецов

Г. И. Кулик

В. В. Курасов

А. В. Куркин

П. А. Курочкин

И. Г. Лазарев

Д. Д. Лелюшенко

К. Н. Леселидзе

А. И. Лопатин

М. Ф. Лукин

В. Н. Львов

И. М. Любовцев

Р. Я. Малиновский

И. М. Манагаров

В. Н. Марцинкевич

И. И. Масленников

К. С. Мельник

К. А. Мерецков

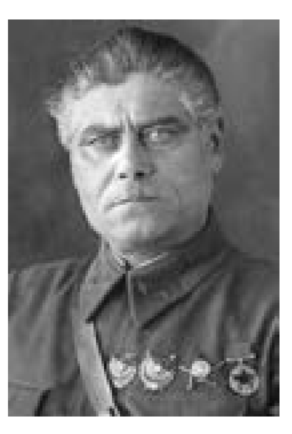

В. И. Морозов

К. С. Москаленко

И. Ф. Николаев

Р. И. Панин

М. А. Парсегов

Ф. А. Пархоменко

А. Н. Первушин

И. Е. Петров

М. П. Петров

К. П. Подлас

В. С. Поленов

В. С. Попов

М. М. Попов

М. А. Пуркаев

Н. П. Пухов

П. С. Пшенников

К. И. Ракутин

М. А. Рейтер

Ф. Н. Ремезов

С. Е. Рождественский

К. К. Рокоссовский

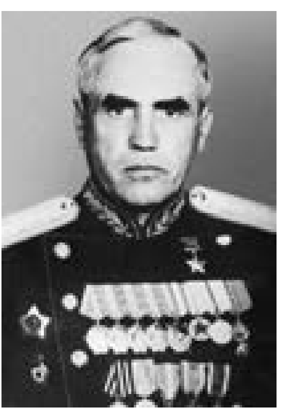
П. Л. Романенко

В. З. Романовский

И. П. Рослый

А. И. Рыжов

Д. И. Рябышев

В. П. Свиридов

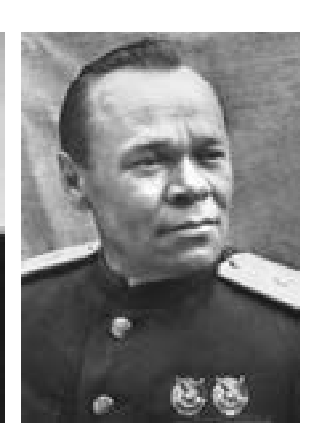
Д. М. Селезнёв

В. Ф. Сергацков

П. П. Собенников

И. Г. Советников

Г. Г. Соколов

Ф. Н. Стариков

А. В. Сухомлин

Ф. И. Толбухин

С. Г. Трофименко

К. П. Трубников

Н. И. Труфанов

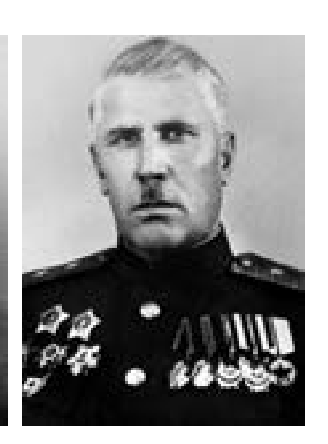

А. А. Тюрин

И. И. Федюнинский

А. А. Хадеев

Г. А. Халюзин

Ф. М. Харитонов

Г. И. Хетагуров

М. С. Хозин

В. А. Хоменко

В. Д. Цветаев

В. В. Цыганов

А. И. Черепанов

рал-лейтенант М. С. Хозин представил в Генеральный штаб доклад «О причинах неудач в разгроме противника в районах Любани и Чудово», в котором одной из главных причин назвал отсутствие настоящего взаимодействия между Ленинградским и Волховским фронтами[24].

В результате 21 апреля 1942 г. Ставка приказала:

«1. С 24 часов 23 апреля 1942 г. объединить Ленинградский и Волховский фронты в единый Ленинградский фронт в составе двух групп: а) группы войск ленинградского направления (23, 42 и 55-я армии, Приморская и Невская группы); б) группы войск волховского направления (8, 54, 4, 2-я ударная, 59-я и 52-я армии, 4-й и 6-й гвардейские стрелковые корпуса, 13-й кк). Балтийский Краснознаменный флот подчинить командующему Ленинградским фронтом через командующего группой войск Ленинградского направления.

2. Командующим войсками Ленинградского фронта назначить генерал-лейтенанта Хозина, возложив на него и командование группой войск волховского направления.

3. Командующим группой войск Ленинградского направления назначить генерал-лейтенанта Говорова, освободив его от командования 5-й армией.

4. Генерала армии Мерецкова освободить от командования Волховским фронтом и назначить заместителем главнокомандующего Западным направлением»[25].

Подоплеку такого решения описал генерал К. А. Мерецков. По его словам, генерал М. С. Хозин утверждал: «Если Волховский фронт присоединить к Ленинградскому, то он имеющимися в Волховском фронте силами решит задачу по деблокированию Ленинграда. И Ставка пошла на объединение фронтов». Будучи 24 апреля в Ставке ВГК, Мерецков заявил: «2-я ударная совершенно выдохлась, в имеющемся составе она не может ни воевать, ни обороняться. Ее коммуникации находятся под угрозой немецких войск, если ничего не предпринять, то катастрофа неминуема»[26].

С 23 апреля войска Волховского фронта были подчинены Военному совету Ленинградского фронта и до 9 июня действовали в его составе, образуя Волховскую оперативную группу войск Ленинградского фронта, куда входили также 8, 54, 4, 59, 2-я ударная и 52-я армии.

30 апреля командующий Ленинградским фронтом вследствие безуспешных боев на любанском направлении приказал 2-й ударной армии перейти к обороне.

Таким образом, упорная борьба войск Ленинградского и Волховского фронтов, продолжавшаяся в течение января — апреля 1942 г., не привела к каким-либо существенным оперативным результатам. Группировка войск противника в районе Кириши — Любань — Чудово не была окружена и разгромлена. Советские войска, потеряв 308 367 человек, из них 95 064 человека безвозвратно, оказались, по существу, в окружении[27]. В дальнейшем понадобилось проводить специальную операцию по выводу из окружения 2-й ударной армии.

Но был у Любанской операции и положительный аспект. Волховский фронт, оттянув на себя около 15 вражеских дивизий, создал благоприятные условия для наступления других фронтов, прежде всего правого крыла Северо-Западного фронта под Демянском.

В начале января 1942 г. Северо-Западный фронт в составе четырех общевойсковых армий готовился к наступлению. Его войскам противостояли пять пехотных, две моторизованные и одна охранная дивизии 16-й армии группы армий «Север». В этих соединениях противника насчитывалось около 93 тыс. человек, 1600 орудий и минометов, в том числе около 750 орудий и минометов калибра 75 мм и более[28].

Оборона противника в полосе действий войск Северо-Западного фронта состояла из отдельных узлов сопротивления и опорных пунктов, оборудованных в населенных пунктах и занятых небольшими гарнизонами. Наиболее сильные укрепления были расположены на переднем крае обороны. Кроме основного оборонительного рубежа противник подготовил промежуточные позиции.

В соответствии с замыслом Ставки ВГК войска Северо-Западного фронта, включаясь в общее наступление Красной армии, должны были нанести два удара: первый — на правом крыле фронта в общем направлении Старая Русса — Сольцы с задачей во взаимодействии с войсками Ленинградского и Волховского фронтов разгромить группу армий «Север»; второй — на левом крыле фронта из района Осташково в направлении Торопец — Велиж —

Рудня в целях содействия войскам Калининского и Западного фронтов в разгроме главных сил группы армий «Центр».

Для решения указанной задачи создавались две ударные группировки. На правом крыле фронта 11-я армия должна была нанести удар в общем направлении Старая Русса — Сольцы — Дно и совместно с войсками левого крыла Волховского фронта разгромить новгородскую группировку противника. Кроме того, частью сил 11-й армии намечалось нанести удар в направлении Пола для содействия с севера соединениям и частям 34-й армии в окружении противника в районе Демянска. В дальнейшем 11-я армия должна была наступать в направлении Луга в тыл немецкой группы армий «Север» в целях содействия войскам Ленинградского и Волховского фронтов в прорыве блокады Ленинграда.

Войска левого крыла Северо-Западного фронта — 3-я и 4-я ударные армии — получили задачу нанести удар в общем направлении на Торопец — Рудня и во взаимодействии с войсками правого крыла Калининского фронта совершить глубокий охват с запада главных сил группы армий «Центр».

На соединения и части 34-й армии, действовавшей в центре Северо-Западного фронта, возлагалась задача сковать главные силы демянской группировки противника на фронте Кипино — Долматиха, а своими фланговыми дивизиями одновременно с частью сил 11-й и 3-й ударной армий нанести удары по флангам вражеской группировки, расположенной в районе Демянска, окружить и уничтожить ее. После уничтожения демянской группировки соединения и части 34-й армии должны были овладеть Холмом, выйти на западный берег р. Порусья и обеспечить с северо-запада действия 3-й ударной армии[29].

3-я ударная армия, имея оперативное построение в три эшелона, должна была нанести удар в направлении Тереховщина — Сысоево, уничтожить противостоящего противника и к исходу четвертого дня операции выйти на фронт Новая Русса — Залесье. В дальнейшем, прочно защищая себя справа, развивать наступление в направлении Одоево — Перелог.

Войска Северо-Западного фронта превосходили противостоящего противника по личному составу в 1,8 раза, по орудиям и минометам — в 1,3 раза, по пулеметам и автоматам — в 2,5 раза. На направлениях главных ударов их превосходство было трех-четырехкратное.

Для непосредственного окружения и уничтожения демянской группировки противника предназначались только соединения и части 34-й армии, которые не имели для этого необходимого превосходства в силах и средствах. Пяти дивизиям 34-й армии только в первой линии противостояло до четырех полнокровных немецких дивизий. Кроме того, 34-я армия одновременно должна была являться связующим звеном между фланговыми ударными группировками фронта и прикрывать на широком 110-километровом рубеже весьма ответственное направление на Бологое, что лишало ее возможности какого-либо маневра. Следовательно, задача, поставленная перед соединениями и частями 34-й армии, являлась попросту нереальной, как показали дальнейшие события, выполнена ими не была.

Наступление войск Северо-Западного фронта началось 7 января. 11-я армия прорвала оборону противника и в первый день операции продвинулась на глубину 6—7 км.

9 января войска 3-й и 4-й ударных армий после двухчасовой артиллерийской подготовки атаковали противника. Преодолевая упорное сопротивление врага, 3-я ударная армия в течение первых четырех дней операции прорвала вражескую оборону на всю ее тактическую глубину и к исходу 15 января продвинулась на отдельных направлениях на 25 км[30].

Вместе с соединениями и частями 3-й ударной армии начала наступление 34-я армия. В течение первых дней операции она прорвала первый оборонительный рубеж по западному берегу озера Селигер. Бои на этом участке фронта приняли затяжной характер. В течение всей второй половины января соединения и части левого фланга 34-й армии совместно с соединениями 3-й ударной армии продолжали вести безуспешные бои за овладение опорными пунктами противника. Начав наступление на участке в 27 км, 3-я ударная армия к 21 января растянула свой фронт наступления до 200 км. Ударная группировка армии потеряла компактность, а следовательно, и ударную силу. Оперативное положение соединений и частей 3-й ударной армии оказалось невыгодным.

Одной из причин малоуспешных действий 3-й ударной и 34-й армий являлось слабое их оснащение артиллерийскими средствами. С расширением полосы наступления в ходе операции плотность артиллерии составила всего два-три орудия и миномета на 1 км фронта. Следует также отметить слабую подготовленность и слаженность штабов, что в последующем повлияло и на эффективное управление войсками.

Таким образом, к концу января 1942 г. задачи, поставленные перед войсками Северо-Западного фронта, не были выполнены. В результате Ставка приняла решение передать Северо-Западному фронту свои резервы — 1-ю ударную армию, 1-й и 2-й гвардейские стрелковые корпуса.

29 января левое крыло Северо-Западного фронта возобновило наступление. Части и подразделения 1-го гвардейского стрелкового корпуса, преодолевая ожесточенное сопротивление немцев, 20 февраля по бездорожью достигли поселка Залучье (41 км западнее Демянска), где, соединившись с частями 34-й армии, создали внутренний фронт окружения. К концу февраля силами 11-й и 1-й ударной армий, а также 2-го гвардейского стрелкового корпуса был образован внешний фронт окружения. От внутреннего фронта он был удален в самом узком месте примерно на 40 км. В демянском котле оказалось шесть немецких дивизий общей численностью 96 тыс. человек. В районе Демянска войскам Северо-Западного фронта впервые в ходе Великой Отечественной войны удалось окружить крупную группировку противника.

К 20 марта обстановка на северо-западном направлении резко обострилась. Воспользовавшись тем, что бои приняли затяжной характер, немцы, сосредоточив южнее Старой Руссы корпусную группу «Зейдлиц» в составе пяти дивизий, нанесли удар в направлении на Рамушево. 21 апреля встречными ударами группы «Зейдлиц» с запада, а окруженных войск с востока удалось прорвать фронт, образовав так называемый рамушевский коридор. К концу апреля противник расширил его до 6—8 км.

Вся последующая борьба, продолжавшаяся свыше девяти месяцев, проходила главным образом в зоне этого коридора. В операции под Демянском потери советских войск составили 245 511 человек, из которых 88 908 человек безвозвратно[31].

Таким образом, наступательные операции наших войск на северо-западном направлении зимой 1941—1942 гг. оказались незавершенными. Задачи по разгрому войск группы армий «Север» и деблокаде Ленинграда войсками Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов решены не были.

Основные причины невыполнения задач по разгрому группы армий «Север» заключались прежде всего в неумении командования фронтов и армий правильно использовать силы и средства для достижения решительных целей в операциях фронтов, а также в недочетах оперативного и тактического характера, допущенных командованием Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов как при подготовке наступательных операций, так и при их проведении. При этом на действия наших войск в значительной мере оказало влияние отсутствие у командования и штабов всех степеней достаточного боевого опыта в организации и проведении крупных фронтовых и армейских наступательных операций.

Советские войска после длительного периода оборонительных боев, связанных с отходом, не накопили достаточного опыта в ведении наступления. Командный состав фронтов и армий не обладал должным умением правильно и целеустремленно организовывать оперативное и тактическое взаимодействие, особенно в таких сложных операциях, как окружение и уничтожение крупных вражеских группировок. Не хватало также умения правильно и эффективно использовать новую боевую технику, которая к этому времени уже начала поступать в войска.

Одним из крупнейших недостатков при подготовке операций было равномерное распределение сил и средств по фронту и отсутствие ярко выраженных сильных ударных группировок на направлениях главных ударов.

При общем превосходстве в силах Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов над противником командование этих фронтов, особенно Волховского и Северо-Западного, не осуществляло маневров по сосредоточению основных сил и средств на участках прорыва, образованию сильных вторых эшелонов в армиях и резервов и не обеспечило успешное выполнение задач, поставленных перед войсками.

Отсутствие резервов во фронтах, медленное поступление пополнений для действующих соединений, слабый маневр имеющимися силами — все это привело к ослаблению ударных группировок в период завершения прорыва тактической глубины обороны противника.

В силу изложенных выше причин выполнение задач по окружению и уничтожению вражеских войск в районе Любани и Демянска с самого начала наступательных операций было поставлено под угрозу срыва.

Другим крупным недостатком при планировании и в ходе боевых действий Волховского и Северо-Западного фронтов являлась недооценка сил и возможностей противника. Плохая организация разведки противника штабами этих фронтов не смогла дать командованию ясного представления о силах и расположении немецких войск. Оборона противника на участках предполагаемых ударов, особенно система огня и противотанковая оборона, не была вскрыта до конца. Неполные, а временами и неправильные сведения о противнике, поступавшие от разведорганов, создавали у командования Волховского и Северо-Западного фронтов ложное представление о его группировке, приводившее в итоге к неправильным решениям.

Имелись значительные недостатки и в действиях родов войск. Артиллерия вследствие недостаточной разведки и плохого управления не могла оказать эффективной поддержки пехоте и танкам. К началу наступления большая часть огневых точек противника оказывалась неподавленной. Танки использовались в наступлении рассредоточено, мелкими группами, что лишало их всех преимуществ и приводило лишь к излишним потерям от противотанковой артиллерии врага.

Штабы фронтов, как правило, располагались на удалении от войск на 150—200 км, а штабы армий — на 15—20 км. При плохой организации проводной связи и неумелом использовании средств радиосвязи такое удаление не обеспечивало непрерывного управления, которое фактически могло осуществляться только через офицеров связи.

Наконец, следует отметить постоянный недостаток в войсках боеприпасов, из-за чего их расход был крайне ограниченным, а боевая деятельность артиллерии малоэффективной.

Вместе с тем боевые действия войск Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов имели важное значение в ходе общего наступления Красной армии зимой 1941—1942 гг. Войска фронтов своими наступательными действиями сковали силы группы армий «Север» и в период общего наступления советских войск на западном направлении не позволили немецко-фашистскому командованию за ее счет усилить группу армий «Центр». Кроме того, противник вынужден был в январе — марте 1942 г. усилить группу армий «Север» шестью дивизиями и одной бригадой, перебросив в ее состав из Германии — 329-ю пехотную дивизию и моторизованную бригаду «Нидерланды», из Франции — 225-ю пехотную, 5-ю и 8-ю легкопехотные дивизии, из Дании — 218-ю пехотную дивизию, а из Югославии — 5-ю горнострелковую дивизию[32].

Войска Ленинградского и Волховского фронтов в ходе зимнего наступления нанесли значительный урон группе армии «Север» и лишили противника возможности организовать новое наступление на Ленинград.

Однако в связи с незавершенностью операции войск Волховского и Ленинградского фронтов Ленинград продолжал находиться в блокаде, его защитники и население испытывали невероятные трудности.

Исключительную стойкость проявили трудящиеся Ленинграда, которые, преодолевая трудности блокады, голод и холод, проявили высокую сознательность, упорство и дисциплину. Самоотверженная работа ленинградцев позволила командованию фронта организовать прочную оборону города, создать надежную противовоздушную оборону и сделать Ленинград неприступной крепостью. Трудящиеся города оказали большую помощь войскам Ленинградского фронта в создании на подступах к городу и в самом городе сильных оборонительных рубежей и мощных укрепленных районов.

Политорганами войск Ленинградского фронта и Балтийского флота в условиях оборонительных и наступательных боевых действий против немецкой группы армий «Север», финских войск на Карельском перешейке, а также национальных контингентов, входивших в состав войск вермахта, осуществлялась специальная пропаганда. В труднейших блокадных

условиях командиры, политорганы, офицеры специальной пропаганды фронта и флота вели работу среди противостоящих войск противника, убеждая его личный состав в неприступности Ленинграда и неизбежности поражения врага у его стен.

Сложность проведения специальной пропаганды на Ленинградском фронте усугублялась многонациональным составом вражеской группировки. 7-й отдел (спецпропаганды) политуправления фронта был вынужден организовывать ее не только на немецком и финском, но и на испанском, норвежском, голландском, шведском и французском языках.

При 7-м отделе политуправления фронта функционировали три редакции газет на иностранных языках: финская «Сын народа», немецкая «Солдатская газета» и шведская «Новая жизнь». На их базе выпускались газеты небольшого формата и массово издавались листовки на всех иностранных языках многонациональных контингентов фашистских войск. В конце 1942 г. редакции были объединены в редакционно-издательское отделение. В подготовке листовок принимали участие видные журналисты, писатели, литераторы Ленинграда. В их числе и Всеволод Вишневский, написавший такие листовки, как «Новый план Гитлера», «Два потерянных года», «К 250-й испанской дивизии», «Не думайте, что Ленинград уступит Сталинграду».

Сложной задачей было доведение подготовленных листовок до солдат противника. Основную нагрузку в распространении листовок пришлось нести авиации. Только в конце 1941 г. ВВС фронта и Балтийского флота сбросили над позициями врага и занятой им территорией свыше 10 млн листовок. Более точную доставку адресатам листовок осуществляли артиллерийские и минометные батареи частей фронта, используя для этого 122-мм агитационные снаряды и агитационные мины.

Наряду с печатной продукцией специальная пропаганда использовала устное вещание через громкоговорящие станции, рупоры, а также радиосредства фронта и Ленинградского радиокомитета. Громкоговорящие установки монтировались на автомобилях, танках и даже на самолетах. В двух армиях фронта — 67-й и 55-й — на самолетах По-2 были установлены громкоговорящие станции, сконструированные с помощью Ленинградского радиоинститута. Материалы для радиопередач писали Вс. Вишневский, О. Берггольц, Н. Тихонов, а также австрийские антифашисты — братья Фриц и Эрнст Фукс.

Во время оборонительных боев применялась и такая форма специальной пропаганды, как наглядная агитация. Основным ее направлением было разоблачение Гитлера и его клики как врагов немецкого народа. Широко использовались различные карикатурные изображения Гитлера с надписью: «Вот твой враг — стреляй в него!». Щиты с такими карикатурами выставлялись, например, в крепости Орешек на стенах, обращенных к Шлиссельбургу. Немецкие войска расходовали сотни снарядов и мин, стремясь сбить эти щиты.

Главные усилия фронта в области спецпропаганды были направлены против главного врага — немецко-фашистских войск. Вместе с тем она велась и среди солдат испанской «Голубой дивизии», норвежского Добровольческого легиона, голландского легиона СС «Нидерланды», 24-й пехотной дивизии, в которой было много австрийцев, 28-й легкопехотной дивизии, на 30% укомплектованной французами. Об эффективности спецпропаганды свидетельствует тот факт, что из состава этих формирований свыше 50% сдавшихся в плен сделали это в результате воздействия на них печатной и устной агитации[33].

Под Любанью и Демянском

В мае — июне 1942 г. на советско-германском фронте развернулась напряженная борьба за стратегическую инициативу. Советское Верховное главнокомандование, используя успехи зимнего наступления, стремилось закрепить захваченную инициативу. Немецкое же командование пыталось любой ценой изменить обстановку на фронте в свою пользу и вновь захватить стратегическую инициативу.

В этот период неблагоприятная для Красной армии обстановка складывалась на северо-западном направлении. Наступательная операция Северо-Западного фронта против демянской группировки зашла в тупик, не достигнув намеченной цели. Крайне неудачно протекала и оборонительная операция 2-й ударной армии Ленинградского фронта.

3 мая 1942 г. началось новое наступление войск Северо-Западного фронта в целях ликвидации демянской группировки противника. Войска фронта, охватившие демянскую группировку (основные силы 16-й немецкой армии) с севера и юга, должны были встречными ударами 11-й и 1-й ударной армий перерезать так называемый рамушевский коридор, замкнуть снова кольцо окружения вокруг этой группировки и последующими ударами расчленить и уничтожить ее. 34-я армия должна была сковывать вражеские войска на демянском выступе.

К началу операции в составе Северо-Западного фронта было 23 стрелковые дивизии, 25 стрелковых и три танковые бригады. В составе действовавшей против него 16-й немецкой армии имелось 10 пехотных, две моторизованные и одна танковая дивизии[34].

Наступление войск фронта продолжалось до 20 мая. Однако вследствие плохой организации операции, шаблонных действий войск и слабого управления со стороны командования фронта напряженные бои существенных результатов не дали. Ударные группировки 11-й и 1-й ударной армий не сумели прорвать оборону противника и перерезать рамушевский коридор.

Немецкое командование для удержания своих позиций в этом коридоре перебросило туда соединения и части 16-й немецкой армии с других участков фронта, ослабив последние. Так, например, на 150-километровом фронте внутри самого демянского плацдарма было оставлено всего 4,5 дивизии. Однако командование Северо-Западного фронта не воспользовалось этим обстоятельством и 20 мая прекратило наступление.

Во второй половине мая вновь возобновились напряженные боевые действия войск Ленинградского фронта на западном берегу р. Волхов. Попытки командования фронта расширить 6-километровую горловину плацдарма, занимаемую войсками 2-й ударной армии, успеха не имели. Снабжение войск этой армии осуществлялось по единственной дороге, которая находилась под систематическим огнем противника. Продолжительные бои значительно ослабили наши войска. Многие соединения 2-й ударной армии насчитывали в своем составе по 800—1000 человек, а численность стрелковых полков не превышала 100—150 человек.

Маневр же силами и средствами с одного участка на другой затруднялся сложностью оперативного положения Ленинградского фронта. Одна группа его армий находилась в районе Ленинграда и не имела сухопутных сообщений со страной, а Волховская группа армий действовала в бездорожном лесисто-болотистом районе. Немецкие войска в этом отношении находились в более благоприятных условиях. Развитая сеть шоссейных дорог южнее Ленинграда и северо-западнее Новгорода позволяла немецкому командованию широко маневрировать своими войсками. Используя это преимущество, оно в начале мая увеличило группировку своих войск, действовавшую против нашей 2-й ударной армии, до 10 дивизий.

Ставка ВГК, вскрыв сосредоточение крупных группировок противника у основания плацдарма и учитывая крайне неблагоприятное положение 2-й ударной армии, 12 мая приказала командующему Ленинградским фронтом отвести войска этой армии на правый берег р. Волхов, разгромив встречными ударами 2-й ударной и 59-й армий группировку противника, действовавшую на северном фасе коридора в районе Спасской Полисти (25 км южнее Чудово)[35].

Однако командующий фронтом генерал М. С. Хозин промедлил с отводом войск и начал его только 25 мая, при этом не предприняв решительных мер по разгрому противника в районе Спасской Полисти. Между тем немецкие войска уже 15 мая нанесли удар южнее Любани и несколько оттеснили войска 2-й ударной армии. 23 мая противник, создав двойное превосходство в силах и средствах над 2-й ударной армией, перешел в наступление на широком фронте, одновременно нанося три удара: первый — из района юго-западнее

Любани на юг; второй — из района северо-восточнее Оредеж на север; третий — из района Спасской Полисти на юг. Только после этого командующий фронтом начал отвод войск 2-й ударной армии. В ночь на 25 мая соединения и части армии были отведены на первый, а к 28 мая на второй промежуточные рубежи. Однако отход войск не был надлежащим образом организован и обеспечен. В результате этого противнику 30 мая удалось перерезать коридор и завершить окружение большей части 2-й ударной армии.

В сложившейся обстановке командующий Ленинградским фронтом принял решение о нанесении встречных ударов силами 2-й ударной и 59-й армий (командующий — генерал И. Т. Коровников), в целях прорыва кольца окружения в районе Спасской Полисти. Однако организация и подготовка этой операции также затянулись. Удары были нанесены только 5 июня и успеха не имели. Прорвать кольцо окружения и вывести остальные соединения и части 2-й ударной армии не удалось.

В целях оперативного руководства войсками, действовавшими на участке между Ладожским и Ильменским озерами, и обеспечения вывода соединений и частей 2-й ударной армии из окружения Волховская оперативная группа Ленинградского фронта с 9 июля была выделена в самостоятельный Волховский фронт. Командующим фронтом был назначен генерал армии К. А. Мерецков, членом Военного совета — армейский комиссар 1 ранга А. И. Запорожец, начальником штаба — генерал Г. Д. Стельмах.

В начале мая командование Ленинградского фронта представило в Ставку ВГК соображения о плане операций на волховском направлении. Основной задачей было определено завершение разгрома чудово-любанской группировки противника путем проведения ряда частных операций. Главные из них: наступление ударной группировки 54-й армии из района Смердыни на Любань и ударной группировки 2-й ударной армии (с включением в нее 6-го гвардейского корпуса) в направлении станции Бабино; разгром силами 4-й и 54-й армий противника в районе Кириши — Посадников Остров — Липовик — устье р. Тигода с последующим наступлением на Чудово; разгром противника в районе Трегубово — Спасская Полисть — Приютино, без чего невозможно было обеспечить устойчивые коммуникации для 2-й ударной армии. Для реализации предложений в докладе запрашивались пополнение численностью 50 тыс. рядовых, 5 тыс. младшего командного состава, а также выделение танков для восстановления пяти танковых бригад и время для подготовки операции[36].

11 мая командование Ленинградского фронта представило в Ставку ВГК доклад о положении соединений и частей 2-й ударной армии и мерах по его улучшению. В нем констатировалось, что соединения и части 2-й ударной, 59-й и 52-й армий, действующие западнее р. Глушица и насчитывающие 63,4 тыс. человек, испытывают большие трудности в продовольственном и материально-техническом обеспечении, поскольку решить проблему коридора связи с ними не удалось. Противник, наоборот, усиливал кольцо окружения, в частности подтянул 121-ю и 61-ю пехотные дивизии. Авиация противника делала до 200 самолето-вылетов, поэтому продолжать далее наступательные операции было крайне рискованно. Авторы доклада предлагали отвести соединения и части 2-й ударной, 52-й и 59-й армий с занятой территории и, сократив линию фронта, с дополнительными силами ударить с рубежа р. Глушица на восток в направлении Спасской Полисти, чтобы расширить коридор связи, а для надежного прикрытия существующих коммуникаций немедленно пополнить 372-ю стрелковую дивизию и вывести 13-й кавалерийский корпус в район Любино Поле — Мясной Бор.

12 мая командующий войсками фронта генерал М. С. Хозин направил директиву командующему 2-й ударной армией на отвод соединений и частей армии на указанные рубежи. В качестве нового основного рубежа обороны были указаны Ольховская — р. Рогавка — озеро Тигода.

14 мая Ставка ВГК и Генеральный штаб внесли существенные коррективы в планы отвода частей 2-й ударной армии. Отвод на рубеж Ольховская — озеро Тигода посчитали невыгодным, так как для его обороны потребовалось бы не менее 4–5 дивизий и при этом не устранялась угроза коммуникациям армии. Поэтому Ставка ВГК приказала:

Немецкий танк с десантом на борту

Колонна пленных из 2-й ударной армии

«1. Отвести 2-ю ударную армию из занимаемого ею района и организовать уничтожение противника в выступе Приютино, Спасская Полисть одновременным ударом 2-й ударной армии с запада на восток и ударом 59-й армии с востока на запад.

2. По выполнении этой операции 2-ю ударную сосредоточить в районе Спасская Полисть, Мясной Бор с тем, чтобы прочно закрепить за собой совместно с 59-й и 52-й армиями Ленинградскую железную дорогу и шоссе на западном берегу р. Волхов»[37].

К концу мая 1942 г. начался отвод частей 2-й ударной армии. В различных соединениях он проходил по-разному. Как свидетельствовал командир 327-й стрелковой дивизии И. М. Антюфеев, «отход проходил довольно организованно, хотя бойцы, измученные долгим недоеданием, отсутствием нормального отдыха и даже хорошей питьевой воды, едва передвигали ноги. За отсутствием горючего взрывали орудия, сжигали или топили в болотах автомашины. Взрывали или разбирали построенные бревенчатые и жердевые дороги»[38].

До конца мая удалось вывести к Волхову остатки 13-го кавалерийского корпуса, ряд специальных подразделений, части 4-й гвардейской стрелковой дивизии генерала А. И. Андреева. Но 30 мая противник вновь, почти на целый месяц, закрыл коридор связи. Отныне снабжение войск 2-й ударной армии в окружении осуществлялось только самолетами и почти всегда ночью, так как в небе полностью господствовал 1-й воздушный флот противника. Немецкие самолеты не только бомбили по квадратам, но и гонялись за всем, что движется. Вражеские летчики знали, что у советских войск нет ни зенитных орудий, ни снарядов к ним. Установив точно отход соединений и частей 2-й ударной армии, противник усиливал нажим на нее с севера, юга и запада. В окружении остались семь стрелковых дивизий и шесть стрелковых бригад, а также три партизанских отряда[39].

По оценке немецкого командования, численность окруженных войск составляла 40 тыс. человек. Неоднократные попытки частей 2-й ударной армии с запада, а соединений 52-й и 59-й армий с востока прорвать кольцо немецких войск успеха не имели. К этому времени в полках дивизий и бригад 2-й ударной армии остались лишь сотни, а в батальонах — десятки активных штыков.

Последний акт трагедии 2-й ударной армии разыгрался в июне 1942 г. Сжимая ее окруженные войска, противник силой одиннадцати немецких дивизий разорвал ее на три части. Командующий армией генерал-лейтенант А. А. Власов вынужден был соответственно разделить управление войсками. Во главе так называемой восточной группы, которая должна была прорвать с запада немецкое окружение, встал сам генерал А. А. Власов. Западная группа во главе с генералом П. Ф. Алферьевым должна была надежно оборонять западную стенку котла. Ядром третьей группы стала 305-я дивизия полковника Д. И. Барабанщикова[40].

К уничтожающему огню из всех видов оружия и беспрерывному воздействию авиации противника добавился острый голод. Как докладывал по радио командованию фронта член Военного совета 2-й ударной армии дивизионный комиссар И. В. Зуев, три недели в июне 1942 г. бойцы получали только по 50 г сухарей (точнее, сухарных крошек). Боеприпасов не было. По свидетельству очевидцев, бойцы ели крапиву, осиновую и липовую кору[41].

В сложившихся условиях 8 июня Ставка ВГК вновь восстановила Волховский фронт. В его состав были включены силы, входившие в Волховскую группу: 8, 54, 4, 59, 2-я ударная и 52-я армии, а также 4-й и 6-й гвардейские стрелковые и 13-й кавалерийский корпуса. Командующим Волховским фронтом был назначен генерал К. А. Мерецков, а Ленинградским — генерал Л. А. Говоров[42].

С 10 по 21 июня предпринималось несколько попыток прорвать сомкнувшийся немецкий фронт силами соединений 59-й армии с востока и 2-й ударной армии с запада для восстановления коридора связи. Но они успеха не имели, хотя к атакам были привлечены значительные силы. Так, 15 июня начальник штаба фронта генерал Г. Д. Стельмах сообщил Военному совету 2-й ударной армии, что 16 июня «войска 52-й и 59-й армий наносят удар силами 374 сд, 25 кд, 4 гв. сд, 165 сд и 7 гв. тбр... Вам надлежит нанести удар в 11.00 в направлении по вашему усмотрению. О принятии решения донести»[43].

В донесении в Генеральный штаб от того же числа штаб Волховского фронта докладывал, что основная группировка сил и средств 2-й ударной, 52-й и 59-й армий находится под непрерывным воздействием авиации противника и несет огромные потери. На 15 июня было зарегистрировано одних только раненых 8 тыс. человек[44].

22 июня 1942 г. штаб Волховского фронта отправил в Генеральный штаб следующее донесение: «Соединение частей 59-й и 2-й ударной армий произошло. Пробит коридор шириной 700—800 метров. 24 сбр получила задачу разворота на северо-запад, 374 сд — на юго-запад. Для частей Власова направлен караван в 200 человек с сухарями»[45]. В донесении штаба Волховского фронта от 23 июня сообщалось, что через образовавшийся 21 июня и закрепленный 22 июня коридор вышли около 3500 раненых и 800 бойцов и командиров 2-й ударной армии, а 52-я и 59-я армии продолжают наступление с целью расширить коридор до 3 км. Но 23 июня в дневнике генерала Гальдера появилась запись: «На Волхове выход из мешка снова прочно закрыт. Под натиском с севера, запада и юга мешок все более сжимается»[46]. Еще два раза, в ночь на 24 и 25 июня, части и подразделения 2-й ударной армии прорывались к войскам на волховском плацдарме.

В 9 часов 30 минут 25 июня 1942 г. противник окончательно перекрыл коридор западнее Мясного Бора. В течение 25—28 июня были подавлены последние очаги сопротивления западнее Мясного Бора и на реках Полисть и Глушица, где оборонялась западная группа 2-й ударной армии под командованием генерала П. Ф. Алферьева. Судьба воинов, входивших в группу 267, 259, 92, 305, 19-й гвардейской стрелковых дивизий, осталась неизвестной. По донесениям штаба фронта в Генеральный штаб, 25 июня никакой связи с командованием 2-й ударной армии не было. В ночь на 26 июня вышли из окружения (в дополнение примерно к 6 тыс. бойцов, вышедшим 25 июня) еще 552 человека. 1 июля через немецкие позиции просочились только 13 человек.

Стало известно, что в момент закрытия противником коридора связи утром 25 июня командующий армией генерал-лейтенант А. А. Власов, члены Военного совета и начальник штаба 2-й ударной армии полковник П. С. Виноградов (ранее командовал 191-й стрелковой дивизией) находились у р. Полисть. После закрытия коридора они двинулись в направлении Ольховка — Бабино, чтобы там попытаться выйти к своим частям. Как известно, в деревне Пятница Власов и его попутчики были захвачены в плен. Когда и где от группы отделились начальник связи армии генерал А. В. Афанасьев, ушедший на запад, в партизанский отряд Сазонова, и член Военного совета армии дивизионный комиссар И. В. Зуев, вышедший в районе Бабинка Октябрьской магистрали и здесь погибший с оружием в руках, — неизвестно. Тысячи воинов 2-й ударной попали в плен или были расстреляны немецкими автоматчиками[47].

Таким образом, в Любанской наступательной операции войска Волховского фронта и 54-й армии Ленинградского фронта понесли общие потери в 308 367 человек, из них безвозвратно 95 064 человека. В ходе второго этапа Любанской операции — операции по выводу из окружения войск 2-й ударной армии, проходившей с 13 мая по 10 июля 1942 г., — общие потери составили 94 751 человек, в том числе безвозвратно 54 774 человека. Суммарные общие потери в этой операции таким образом составили 403 118 человек, из них безвозвратно 149 838 человек[48].

Войска Северо-Западного фронта в течение лета и осени 1942 г. трижды предпринимали наступление против демянской группировки немцев в целях ее уничтожения и ликвидации демянского плацдарма противника. Однако вследствие шаблонного планирования и плохой подготовки операции, слабой организации взаимодействия, а также пассивности войск фронта на участках южнее и севернее демянского плацдарма поставленные задачи решены не были. Противник усилил свою демянскую группировку за счет переброски сил и средств с пассивных участков фронта и парировал все удары наших войск. Но, несмотря на неудачный исход этих операций, они сыграли существенную роль в успешном ведении Красной армией стратегической обороны летом и осенью 1942 г. Фронт своими ударами прочно сковал силы 16-й немецкой армии и вынудил немецкое командование перебросить на усиление демянской группировки несколько соединений 18-й армии.

В начале августа, когда на южном крыле советско-германского фронта противнику удалось на сталинградском направлении прорваться за р. Дон и в район Ростова, германское главное командование, переоценив результаты летнего наступления, пришло к заключению, что у него на юге образовался излишек войск. Поэтому оно решило перебросить 11-ю армию (за исключением одного армейского корпуса) из Крыма в группу армий «Север», чтобы начать операцию по овладению Ленинградом. Со штабом 11-й армии прибыл генерал-фельдмаршал Манштейн. Был разработан и утвержден план захвата Ленинграда[49].

Основные положения плана сводились к следующему: двенадцать дивизий 11-й и 18-й армий, сведенные в три корпуса, после мощной артиллерийской и авиационной подготовки прорывают фронт южнее Ленинграда и продвигаются до его южных окраин; войска в город не входят и в уличные бои не ввязываются. Как считал Манштейн, «в таком случае захвата города можно было бы добиться быстро и без тяжелых уличных боев»[50].

По плану немецкого командования, 11-я армия должна была развернуться на фронте от Ладожского озера до ораниенбаумского плацдарма советских войск. На 18-ю армию возлагалась задача обороны западного берега р. Волхов от озера Ильмень до Киришей и участка Кириши — Шлиссельбург.

Штурм Ленинграда гитлеровское командование предполагало начать с юга ударом трех армейских корпусов 11-й армии под прикрытием огневого вала и при поддержке мощных групп авиации. После выполнения задачи по прорыву обороны войск Ленинградского фронта и выходу к южной окраине города немецкое командование намеревалось повернуть два корпуса на восток, форсировать р. Нева и прервать все связи Ленинграда с внешним миром.

В этих условиях Ставка ВГК решала три основные задачи. Во-первых, необходимо было прорвать блокаду Ленинграда. Несмотря на то что после освобождения Тихвина и снятия угрозы потери Волхова доставка грузов к берегу Ладожского озера существенно облегчилась, положение основной массы населения Ленинграда продолжало оставаться крайне тяжелым. За первую половину 1942 г. в Ленинграде умерли 600 тыс. обессилевших людей — примерно половина жертв блокадного голода[51].

Во-вторых, требовалось сорвать планы немецкого командования по захвату Ленинграда. Как было установлено военной разведкой и по донесениям партизан, во второй половине лета 1942 г., особенно в августе, значительно увеличилось число эшелонов с войсками и военной техникой, направляющихся в район Ленинграда. Возросло количество полетов немецких разведывательных самолетов над позициями наших войск. Логично было предположить, что немецкое командование готовится к новому штурму Ленинграда.

Как следует из дневника генерала Гальдера, в ставке Гитлера под Винницей 23 августа действительно рассматривался вопрос о планировании наступления на Ленинград с использованием сил и опыта штурма Севастополя войсками 11-й армии под командованием генерал-фельдмаршала Манштейна.

В-третьих, надо было сковать силы группы армий «Север» и не позволить перебрасывать их на южные фронты. В конце августа 1942 г. немецкое командование мобилизовало все свои ресурсы, чтобы быстрее овладеть Сталинградом, прорваться к Баку и в Закавказье. Наступление войск Волховского и Ленинградского фронтов должно было воспрепятствовать переброске.

Советское командование, оценивая складывавшуюся обстановку в районе Ленинграда, предложило командующим Ленинградским и Волховским фронтами организовать и провести наступательную операцию на мгинско-синявинском направлении в целях разгрома вражеской группировки и снятия блокады Ленинграда. Выполняя эти задачи, войска двух фронтов провели в течение лета и осени несколько наступательных операций. Наиболее крупной из них была операция войск правого крыла Волховского фронта и Невской оперативной группы Ленинградского фронта, проведенная в период с 27 августа по 6 октября 1942 г. Войскам Волховского фронта в этой операции ставилась задача ударом в направлении Синявино прорвать оборону противника и выйти к левому берегу Невы, где соединиться с Ленинградским фронтом и тем самым прорвать блокаду Ленинграда с суши. Невская оперативная группа

Ленинградского фронта должна была форсировать Неву и встречным ударом в общем направлении на Синявино содействовать войскам Волховского фронта в выполнении поставленных им задач. Численность наших войск в начале операции составляла 190 тыс. человек.

Замысел и план операции были изложены командованием Волховского фронта 3 августа 1942 г. в документе «План Военного совета Волховского фронта на наступательную операцию на мгинско-синявинском направлении»[52]. В нем главной задачей операции был указан «разгром мгинской группировки противника и выход на рубеж Дубровка, р. Нева, Красный Бор с целью соединения с войсками Ленинградского фронта».

Планом операции предусматривалось применение в наступлении 16 стрелковых дивизий, 10 стрелковых, шести танковых бригад и четырех танковых батальонов из состава Волховского фронта. В плане отмечалось, что непосредственно перед фронтом прорыва 8-й армии противник имеет три дивизии — 227, 223 и 207-ю, но он может быстро подтянуть еще пять-семь пехотных и одну танковую дивизии. Поэтому «успех операции будет зависеть прежде всего от темпа прорыва и успеха его развития»[53]. По мнению командующего войсками Волховского фронта генерала К. А. Мерецкова, войска могли прорвать оборону противника и продвинуться до р. Нева за два-три дня. В своей книге Мерецков писал: «В указанном виде план операции... был одобрен в начале августа Ставкой ВГК. Для пополнения ослабленных соединений фронту выделялось достаточное количество маршевых рот, танков, гвардейских минометных частей, снарядов и материально-технических средств»[54].

27 августа с востока в направлении на Синявино (севернее Мги) начали наступление вновь сформированная 2-я ударная и 8-я армии правого крыла Волховского фронта, а с верхнего течения Невы — Невская оперативная группа Ленинградского фронта.

Соединения и части 8-й армии Волховского фронта после 130-минутной артподготовки перешли в наступление на 15-километровом фронте. В первый день прорвать немецкую оборону удалось на участке Гонтовая Липка — Тортолово. Здесь частям 24-й гвардейской и 265-й дивизий удалось преодолеть р. Черная, вклиниться в оборону противника на глубину от 1,5 до 2,5 км. На второй день наступления наибольшего успеха добилась 19-я гвардейская дивизия, которая продвинулась на запад до 5,5 км и вышла на подступы к Синявино.

На третий день наступления на поле боя появились немецкие части 12-й танковой дивизии, переброшенные с ленинградского участка фронта, и 170-й гренадерской дивизии из состава 11-й армии (дивизия отличилась в боях под Одессой, Керчью, Севастополем). Сопротивление противника резко возросло. Существенно активизировалась немецкая авиация. 30 августа генерал Гальдер записал в дневнике: «Группа армий «Север». Противник продолжает атаки южнее Ладожского озера, но без существенного успеха. Однако и наши контратаки не обеспечили продвижения вперед. Силы, подготовленные для штурма Ленинграда, все больше и больше используются для сдерживания этого наступления»[55]. В сложившихся условиях командующий фронтом К. А. Мерецков вынужден был 31 августа отдать приказ о досрочном вводе в бой второго эшелона — 4-го гвардейского корпуса под командованием генерала Н. А. Гагена.

Частям 4-го корпуса удалось продвинуться еще на 2—3 км на запад. В течение десяти дней его части вели ожесточенные бои с противником, наступавшим со стороны Мги и с запада. До Невы частям 4-го корпуса оставалось пройти еще около 6 км[56]. Именно об этих днях генерал-фельдмаршал Манштейн писал: «4 сентября вечером мне позвонил Гитлер. Он заявил, что необходимо мое немедленное вмешательство в обстановку на Волховском фронте, чтобы избежать катастрофы. Я должен немедленно взять на себя командование на этом участке фронта и энергичными мерами восстановить положение»[57].

Ударная группировка Волховского фронта прорвала оборону противника и вышла к Синявино, где разгорелись длительные ожесточенные бои. Удар войск Ленинградского фронта привел к захвату двух небольших плацдармов на левом берегу Невы, но дальнейшего развития не получил.

В первой декаде сентября командование Волховского и Ленинградского фронтов предприняло усилия, чтобы спасти операцию. Штабами фронтов было согласовано решение о

Немецкий танк с трудом двигается по размокшей и вязкой земле в районе Волхова

150-мм немецкая гаубица ведет огонь по позициям советских войск в районе Волхова

проведении 9 сентября 1942 г. одновременного наступления частей Невской оперативной группы с восстановленного Невского пятачка в сторону Синявино и соединений Волховского фронта из района Келколово им навстречу.

В ночь на 9 сентября Неву стали форсировать части 86-й и 46-й стрелковых дивизий Ленинградского фронта, чтобы снова захватить плацдарм на левом берегу в районе бывшей Московской Дубровки. В результате двухдневных ожесточенных боев наши десантники были сброшены в реку. Спешно подготовленная операция провалилась. Войска понесли большие потери. В донесении Ленинградского фронта от 12 сентября указывалось, что «в результате проведенной операции наши потери выражаются: в личном составе — убитых 738, раненых 2245 человек»[58]. Не привел к успеху и ввод в наступление с 9 сентября третьего эшелона войск Волховского фронта — вновь сформированной 2-й ударной армии.

В директиве Ставки ВГК от 12 сентября 1942 г. командованию Ленинградского фронта указывалось: «Так как Ленинградский фронт оказался неспособен толково организовать форсирование р. Нева и своими неумелыми действиями глупо загубил большое количество командиров и бойцов, Ставка Верховного главнокомандования приказывает операции по форсированию р. Нева временно прекратить»[59].

Для отражения наступления войск Волховского и Ленинградского фронтов немецкое командование вынуждено было израсходовать все свои резервы, предназначавшиеся для операции по овладению Ленинградом. Против ударной группировки Волховского фронта были введены в сражение по мере подхода все четыре пехотные дивизии 11-й армии, а также горная дивизия, прибывшая из Норвегии, и одна пехотная дивизия 18-й армии, снятая с новгородского участка фронта.

Инициатива все больше стала переходить к противнику, обеспечившему себе перевес в силах и средствах, особенно в артиллерии и авиации. Нашим войскам все чаще приходилось защищаться, а не наступать. Немецкие войска перешли в контрнаступление. В своих воспоминаниях Манштейн писал: «После сосредоточения остальных прибывших дивизий штаб армии мог начать решающее контрнаступление. Контрнаступление было организовано с севера и юга, из опорных пунктов уцелевшего фронта, чтобы отрезать вклинившиеся войска противника прямо у основания клина... К 21 сентября в результате тяжелых боев удалось окружить противника. В последующие дни были отражены сильные атаки противника с востока, имевшие целью деблокировать окруженную вражескую армию прорыва. Та же судьба постигла Ленинградскую армию, предпринявшую силами 8 дивизий отвлекающее наступление через Неву, и на фронте южнее Ленинграда противник делал непрерывные попытки вырваться из котла... Попытка с немецкой стороны покончить с противником атаками пехоты повела бы к огромным жертвам. В связи с этим штаб армии подтянул с Ленинградского участка фронта мощную артиллерию, которая начала вести по котлу непрерывный огонь, дополнявшийся все новыми воздушными атаками.

Таким образом, к 2 октября удалось закончить бои в котле. Со стороны противника в этом сражении участвовала 2-я ударная армия, состоявшая не менее чем из 16 стрелковых дивизий, 9 стрелковых и 5 танковых бригад. Из них в котле были уничтожены 7 стрелковых дивизий, 6 стрелковых бригад и 4 танковые бригады. Другие соединения понесли огромные потери во время безуспешных атак с целью деблокирования окруженных сил. Нами было захвачено 12 000 пленных, противник потерял свыше 300 орудий, 500 минометов и 244 танка. Потери противника убитыми во много раз превышали число захваченных пленных»[60].

И еще одно очень важное заявление Манштейна: «Дивизии нашей армии понесли значительные потери... Была израсходована значительная часть боеприпасов, предназначавшихся для наступления на Ленинград»[61].

В октябре 1942 г. Гитлер в своей ставке под Винницей вручил Манштейну маршальский жезл, но отказался выделить людские и материальные ресурсы, необходимые для восполнения потерь, понесенных в сражении с соединениями и частями советских 8-й и 2-й ударной армий. А без этого реализовать план решающего наступления на Ленинград было невозможно.

Таким образом, в Синявинской операции войска Волховского и Ленинградского фронтов не смогли довести до конца, казалось бы, близкий прорыв блокады Ленинграда. Но кровью и ценой жизней десятков тысяч воинов от города была отведена угроза нового штурма. Войска Волховского и Ленинградского фронтов в результате своего наступления не только прочно сковали все силы 18-й немецкой армии, но и вынудили немецкое командование полностью израсходовать свои резервы и отказаться от плана захвата Ленинграда.

В операции войска Волховского и Ленинградского фронтов, Балтийского флота и Ладожской военной флотилии потеряли 113 674 человека, в том числе безвозвратно 40 085 человек. Сравнительные данные о потерях противника приведены в докладе командующего Волховским фронтом в Ставку ВГК от 1 октября 1942 г.: «Общие потери противника за всю операцию составляют: убитыми и ранеными 51 700 человек, уничтожено 260 самолетов, 140 орудий, 300 минометов, 400 пулеметов и 197 танков»[62].

Задача прорыва блокады Ленинграда осталась все же невыполненной. Это объясняется прежде всего наличием крупных недостатков в работе командующих фронтами и армиями, а также их штабов. В частности, не было достигнуто единства в действиях ударных группировок фронтов, что позволило вражескому командованию сосредоточивать резервы против разновременно наступавших ударных группировок наших войск и по очереди останавливать их наступление.

Следует отметить как крупный недостаток и то, что вторые эшелоны и резервы 8-й армии, а также других армий Волховского фронта вводились в бой по частям и с большим запозданием. Это приводило к истощению войск первых эшелонов армий и давало противнику время на подтягивание резервов.

Командование всех уровней проявляло излишнюю боязнь за фланги своих войск и действовало недостаточно решительно. Следствием стало то, что успех, обозначившийся в полосе 8-й армии Волховского фронта в первый день операции, не был немедленно развит в глубину, хотя в то время противник еще не мог принять контрмеры.

Командующие фронтами, стремясь нанести удары одновременно на нескольких направлениях, допустили распыление сил и ни на одном из них не сумели достигнуть решающего превосходства над противником.

Кроме того, действия войск Ленинградского и Волховского фронтов в значительной мере были осложнены и тем, что к началу операции у противника под Ленинградом уже имелись сильные резервы, которые позволили ему быстро принять меры к отражению наступления Красной армии.

Операция под кодовым названием «Искра»: блокада прорвана

Широко развернувшееся в начале января 1943 г. наступление советских войск на юге приковало к себе все основные силы и резервы противника, лишило немецкое командование возможности усиливать свои войска на других участках фронта, в частности под Ленинградом. Это значительно облегчало проведение наступательной операции в целях прорыва вражеской блокады Ленинграда. Необходимость скорейшего прорыва блокады была вызвана в том числе и тяжелыми условиями жизни в городе. Снабжение Ленинграда в январе 1943 г. по сравнению с зимой 1941–1942 гг. значительно улучшилось, однако население и войска продолжали работать и оборонять город в сложнейшей обстановке.

Положение и группировка войск Ленинградского и Волховского фронтов к январю 1943 г. были следующими.

Ленинградский фронт (командующий — генерал-лейтенант Л. А. Говоров), имевший в своем составе 22 стрелковые дивизии, 10 стрелковых, две лыжные, пять танковых бригад и

четыре укрепленных района, защищал подступы к Ленинграду с севера и юга. Его 23-я армия оборонялась на Карельском перешейке против финских войск.

Ораниенбаумский плацдарм на южном берегу Финского залива обороняла Приморская оперативная группа. Участок фронта южнее Ленинграда от Урицка до Порогов защищали 42-я и 55-я армии. На правом берегу Невы от Порогов до Ладожского озера сражалась созданная на базе Невской оперативной группы 67-я армия. Частью сил армия удерживала небольшой плацдарм на левом берегу реки против Невской Дубровки и прикрывала с юга автомобильную дорогу по льду Ладожского озера. В резерве фронта в районе Ленинграда находились одна стрелковая дивизия, одна стрелковая и одна танковая бригады. Войска фронта прикрывали с воздуха зенитная артиллерия и части 13-й воздушной армии, а автомобильную дорогу через Ладожское озеро — Ладожский дивизионный район ПВО.

Балтийский флот защищал подступы к Ленинграду с моря, обеспечивал фланги наших войск, оборонявшихся севернее и южнее Финского залива; частью сил флот удерживал острова Лавенсари и Сескар. Прикрытие Ленинграда и Кронштадтской военно-морской базы с воздуха осуществлялось Ленинградской армией противовоздушной обороны.

Войска Волховского фронта оборонялись между озерами Ладожским и Ильмень. Участок фронта Маяк Бугровский — Гайтолово прикрывали четыре дивизии 2-й ударной армии. Левее, на рубеже Гайтолово — Лодва — Кириши (40 км юго-восточнее Лодвы), занимали позиции 8-я и 54-я армии, а далее от Киришей до озера Ильмень по р. Волхов — 4, 59 и 52-я армии. В резерве фронта находились две стрелковые дивизии и две лыжные бригады. Всего в составе фронта было 34 стрелковые дивизии, 12 стрелковых, две лыжные и семь танковых бригад. Прикрытие войск с воздуха обеспечивали две зенитные артиллерийские дивизии и истребительная авиация, входившая в состав 14-й воздушной армии Волховского фронта.

На северо-западном направлении, от Ладожского озера до Великих Лук, против войск Ленинградского, Волховского, Северо-Западного и части сил Калининского фронта были развернуты финская оперативная группа «Карельский перешеек» и немецкая группа армий «Север» (18-я и 16-я армии). Эта группировка при поддержке сил 1-го воздушного флота охватывала Ленинград с севера, юга и востока, удерживала Карельский перешеек и территорию севернее Мги — так называемое «бутылочное горло», которое разъединяло Ленинградский и Волховский фронты. Основная часть группы армий «Север» использовалась для блокады Ленинграда и обороны выдвинутого на восток демянского плацдарма, где была создана глубокоэшелонированная, развитая в инженерном отношении система оборонительных полос и рубежей.

В составе 18-й немецкой армии, занимавшей южные подступы к Ленинграду и оборонявшейся против войск Волховского фронта, имелось 19 пехотных, три авиаполевые дивизии и одна пехотная бригада СС. Из этих 23 соединений противника только две дивизии были выделены в армейский резерв (96-я пехотная — в районе Мги и 13-я авиаполевая — в районе Чудово), а все остальные соединения находились в первом эшелоне. На каждую дивизию приходилось в среднем по 20 км фронта. Находясь под Ленинградом в течение 16 месяцев, гитлеровские войска создали против Ленинградского и Волховского фронтов сильно укрепленную оборону, развитую в инженерном отношении и насыщенную большим количеством огневых средств[63].

Наиболее плотными боевые порядки противника были на шлиссельбургско-синявинском выступе, представлявшем собой один из важнейших участков кольца вражеской блокады Ленинграда. Стоявшие здесь дивизии занимали участки 8–12 км по фронту.

Местность в районе мгинско-синявинского выступа создавала выгодные условия для организации обороны противника. Заболоченный район синявинских торфоразработок, изрезанный глубокими канавами, затруднял движение танков и артиллерии. Расположенные вдоль дорог Рабочие поселки с каменными постройками были приспособлены противником к обороне и являлись основой для опорных пунктов. Лесные массивы на флангах этого участка с командными высотами в районе Синявино способствовали маскировке, создавали условия для хорошего наблюдения за окружающей местностью и облегчали противнику организацию

огня и контратак во фланги наступающим. Сплошной лес к югу от Синявино позволял врагу скрытно подтягивать резервы и части с соседних участков фронта.

Оборона противника была насыщена огневыми средствами. В среднем на каждый километр фронта приходилось по 20–25 огневых точек, каждая из которых имела один-два пулемета или малокалиберную пушку. Вдоль берега Невы, где каждое строение было приспособлено к ведению огня, количество огневых точек доходило до 30–40 на 1 км фронта. Все огневые точки противника были связаны между собой ходами сообщения и обеспечены большим количеством боеприпасов.

Перед передним краем и позициями в глубине обороны противник создал минные поля, проволочные заграждения, надолбы и рвы. Высокие и крутые скаты левого берега Невы были заминированы и местами покрыты льдом. Все препятствия находились под прикрытием огня стрелкового оружия и минометов. Для прорыва этой сильно укрепленной и плотно насыщенной огневыми средствами и живой силой обороны противника требовались значительное превосходство в силах и средствах и тщательная подготовка войск.

Ставка ВГК 8 декабря 1942 г. издала директиву о подготовке Ленинградским и Волховским фронтами в целях прорыва блокады Ленинграда операции, получившей название «Искра». В этой директиве ставились следующие задачи: совместными усилиями Волховского и Ленинградского фронтов разгромить группировку противника в районе Липка — Гайтолово — Московская Дубровка — Шлиссельбург и таким образом прорвать блокаду Ленинграда; к концу января 1943 г. выдвинуться на линию р. Мойка — Михайловский — Тортолово и, закрепившись здесь, обеспечить коммуникации Ленинградского фронта. Срок готовности войск обоих фронтов к операции был установлен 11 января 1943 г. Координацию действий Ленинградского и Волховского фронтов осуществляли представители Ставки ВГК Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов и генерал армии Г. К. Жуков[64].

Задача ударной группировки Волховского фронта состояла в том, чтобы прорвать оборону на участке Липка — Гайтолово, уничтожить оборонявшиеся войска противника, овладеть Рабочими поселками № 1, 5 и Синявино и, соединившись с войсками Ленинградского фронта, повернуть фронт наступления на юг и выдвинуться на линию р. Мойка — Михайловский — Тортолово.

Ударная группировка Ленинградского фронта имела задачу форсировать Неву, прорвать оборону врага на участке Московская Дубровка — Шлиссельбург, уничтожить оборонявшегося противника и, соединившись с войсками Волховского фронта, выдвинуться на р. Мойка между Анненским и Келколово.

Таким образом, Ленинградскому и Волховскому фронтам была поставлена ограниченная задача — прорвать вражескую оборону непосредственно южнее Ладожского озера, ликвидировать шлиссельбургско-синявинский выступ противника и обеспечить сообщение с Ленинградом по суше.

Выбор данного направления для прорыва кольца блокады Ленинграда объяснялся тем, что полоса местности, занятая здесь противником, разделяла войска Ленинградского и Волховского фронтов не больше чем на 12–15 км. Кроме того, местность на этом направлении была более открытой и в зимнее время позволяла применять все рода войск.

Командующий Ленинградским фронтом для прорыва обороны противника создал ударную группировку в составе 67-й армии, которой была поставлена задача ударом в направлении Марьино — Синявино прорвать оборону противника на участке Московская Дубровка — Шлиссельбург и соединиться с войсками ударной группировки Волховского фронта на линии Рабочих поселков № 2 и № 6. В последующем, развивая наступление в южном направлении, выйти на рубеж р. Мойка.

Состав 67-й армии за счет резервов фронта и перегруппировки некоторых соединений и частей с других участков фронта был значительно усилен. К началу операции она имела в своем составе семь стрелковых дивизий, шесть стрелковых, одну лыжную и две танковые бригады, два отдельных танковых батальона, минометную бригаду, 22 артиллерийских и минометных полка, шесть дивизионов тяжелой артиллерии Балтийского флота и 15 инженерных батальонов.

Средняя укомплектованность стрелковых дивизий 67-й армии составляла около 9 тыс. человек, стрелковых бригад — 5 тыс. человек, лыжных бригад — 2,5 тыс. человек. В армии насчитывалось 1700 орудий и минометов калибра 76 мм и выше, 190 танков, из них 47 тяжелых (КВ), 83 средних (Т-34) и легких (БТ, Т-26, Т-70). При ширине участка прорыва в 12 км в армии была создана средняя плотность 140 орудий и минометов и 16 танков на 1 км фронта[65].

Командующий 67-й армией решил блокировать мощные узлы обороны врага на флангах полосы прорыва — в районах 1-го и 2-го городков и Шлиссельбурга, а главный удар нанести по менее укрепленному участку обороны противника между 2-м городком и Шлиссельбургом. После осуществления прорыва соединения и части армии должны были развивать наступление на Синявино и Рабочий поселок № 5.

Для выполнения поставленной задачи оперативное построение армии включало два эшелона. Первый эшелон составляли 45-я гвардейская, 268, 136 и 86-я стрелковые дивизии. Каждая дивизия первого эшелона армии была усилена танковым батальоном, четырьмя-пятью артиллерийскими и минометными полками, истребительно-противотанковым артиллерийским полком и одним-двумя инженерными батальонами. Во втором эшелоне в районе Большое Манушкино — Березовка — Вирки находились 13-я и 123-я стрелковые дивизии, 142-я и 123-я стрелковые бригады. В армейском резерве в районах Красная Горка — поселок № 1 — поселок № 2 — Большие Манушки оставались 102-я и 138-я стрелковые, 34-я лыжная, 152-я и 220-я танковые бригады.

Командующий войсками Волховского фронта для прорыва блокады Ленинграда создал ударную группировку в составе 2-й ударной армии. Ей была поставлена задача прорвать оборону противника на участке Липка — Гайтолово и, нанося главный удар на Синявино, овладеть рубежом Рабочий поселок № 1 — Рабочий поселок № 5 — Синявино. В дальнейшем соединения и части армии должны были продолжать наступление в западном направлении до соединения с войсками Ленинградского фронта.

Обеспечение левого фланга 2-й ударной армии возлагалось на 8-ю армию, которая своими правофланговыми соединениями должна была наступать в направлении Тортолово — Михайловский[66].

В составе 2-й ударной армии к началу операции было 11 стрелковых дивизий, две лыжные и четыре танковые бригады, танковый полк, четыре отдельных танковых батальона, 38 артиллерийских и минометных полков, две инженерные бригады и шесть отдельных саперных батальонов.

Укомплектованность стрелковых дивизий 2-й ударной армии составляла 7—9 тыс. человек. В армии имелось 2100 орудий и минометов калибра 76-мм и выше, 68 тяжелых танков (КВ), 115 средних танков (Т-34) и до 100 легких танков (Т-26, Т-60, Т-70), что при ширине участка прорыва армии в 13 км позволяло иметь среднюю плотность 160 орудий и минометов и 22 танка на 1 км фронта.

Командующий 2-й ударной армией создал первый эшелон в составе 128, 372, 256, 327, 376 и 314-й стрелковых дивизий, усилив каждую из них тремя — пятью полками артиллерии и саперами. 327-я дивизия, кроме того, была усилена тяжелым танковым полком, а 376-я дивизия — танковой бригадой. Второй эшелон армии составляли 18, 191, 71 и 11-я стрелковые дивизии, 122, 98 и 16-я танковые бригады, располагавшиеся к началу операции в районах Верхняя Назия, Крутой Ручей и Килози. В резерве армии в районе Путилово находились 147-я стрелковая дивизия, 12-я и 13-я лыжные бригады.

Прорыв обороны противника и соединение войск Волховского и Ленинградского фронтов южнее Ладожского озера намечалось осуществить в течение семи дней. Учитывая сложность прорыва сильно укрепленной обороны противника и трудные условия местности, а также недостаточный опыт наших войск в наступательных боях, средний темп наступления соединений и частей 67-й и 2-й ударной армий планировался от 2 до 4 км в сутки.

Прорыв вражеской обороны в полосе наступления ударных группировок обеспечивался тщательно согласованным планом огня артиллерии обоих фронтов. Для взаимного информирования и поддержания четкого взаимодействия в ходе операции между командующими

Саперы противника оборудуют противопехотные заграждения из колючей проволоки

Переброска немецких танков на новый рубеж

фронтами и армиями, их штабами, а также командующими артиллерией фронтов и воздушными армиями была организована проводная (через Ладожское озеро) и радиосвязь. Между штабами армий был установлен взаимный обмен оперативными и разведывательными сводками через каждые четыре часа.

Наличие в составе ударных группировок Ленинградского и Волховского фронтов значительного количества артиллерийских средств позволяло создать в армиях группы разрушения в составе 3—4 тяжелых дивизионов, контрбатарейные группы в составе 4—6 пушечных артиллерийских полков, а также значительно усилить артиллерией дивизии первых эшелонов. Так, группы поддержки пехоты дивизий в 67-й армии состояли из 4—5 дивизионов, во 2-й ударной армии — из 3—6 дивизионов, а полковые группы в обеих армиях имели по 3—5 дивизионов артиллерии и минометов.

Артиллерийская подготовка атаки в 67-й армии была запланирована продолжительностью в 2 часа 20 минут, а во 2-й ударной армии, где плотность артиллерии была выше, — 1 час 45 минут. Сопровождение пехоты на глубину одного километра в обеих армиях обеспечивалось огневым валом, а далее — последовательным сосредоточением огня.

Все боевые машины танковых частей 67-й и 2-й ударной армий предусматривалось использовать в качестве танков непосредственной поддержки стрелковых соединений первого и второго эшелонов.

Во 2-й ударной армии почти все танковые части, входящие в первый эшелон, должны были действовать с левофланговыми дивизиями, наступавшими на Синявино. Здесь плотность танков достигала 20 единиц на 1 км фронта, а с вводом в бой второго эшелона она увеличивалась до 30—32 танков на 1 км фронта.

В 67-й армии с первым эшелоном по льду Невы, толщина которого не превышала 40—50 см, должны были наступать только легкие танки, которых в среднем на 1 км фронта приходилось не более 6—8. После переправы через Неву средних и тяжелых танков по специально устроенным поверх льда колейным дорогам плотность по танкам в армии повышалась до 16—20 танков на 1 км фронта.

К операции были привлечены 13-я воздушная армия Ленинградского фронта и 14-я воздушная армия Волховского фронта, которой командовал генерал И. П. Журавлев, а также группа авиации флота. Всего насчитывалось 900 самолетов, в том числе 430 истребителей, 270 штурмовиков и 200 бомбардировщиков. Истребительная и штурмовая авиация были вооружены самолетами новых типов, а половину бомбардировщиков составляли устаревшие По-2.

Противник имел под Ленинградом до 250 самолетов, а всего в составе группы армий «Север» находилось около 450 самолетов, из них 200 бомбардировщиков и 250 истребителей. Таким образом, наша авиация по количеству самолетов превосходила авиацию врага вдвое[67].

Для инженерного обеспечения операции обоими фронтами было привлечено свыше 30 инженерных батальонов. Основными задачами инженерных войск при подготовке и в ходе операции являлись: инженерная разведка обороны противника, дорожное строительство и подготовка исходных районов, инженерное обеспечение прорыва и боя в глубине. Перед инженерными частями 67-й армии стояла особая задача — обеспечить преодоление войсками Невы, особенно переправу по льду танков и артиллерии.

Всего против оборонявших шлиссельбургско-синявинский выступ войск противника, равных по силам примерно шести пехотным дивизиям и имевших в своем составе до 700 орудий и минометов и 50 танков, командование Ленинградского и Волховского фронтов сосредоточило 20 стрелковых дивизий, семь стрелковых бригад, три лыжные и пять танковых бригад, 4600 орудий и минометов и около 500 танков. Численное превосходство над противником было создано: по пехоте — в 4,5 раза, по артиллерии — в 6 раз, по танкам — в 10 раз, по самолетам — в 2 раза[68].

В течение декабря и первой декады января в войсках Ленинградского и Волховского фронтов развернулась всесторонняя подготовка к боевым действиям.

Ввиду того что ранее войска обоих фронтов вели главным образом оборонительные действия, а им предстояло осуществить прорыв укрепленной обороны противника и наступать в

Истребители танков

Операция «Искра». Группа бойцов достает воду из реки

трудных условиях лесисто-болотистой местности, особое внимание было обращено на подготовку к наступательным действиям. В тылу на учебных полях и специально оборудованных по типу опорных пунктов противника городках шла подготовка подразделений к штурму укрепленных позиций и ведению наступательного боя в лесу. На учениях отрабатывались вопросы взаимодействия и управления войсками в ходе наступления.

Пехота проходила обучение с теми танковыми и артиллерийскими частями, с которыми она должна была взаимодействовать в бою. Соединения и части 67-й армии тщательно готовились к форсированию Невы по льду; на озерах войска обучались преодолевать участки битого льда с помощью досок, лестниц, багров и других средств. На участке 55-й армии, где Нева проходила в тылу наших войск, было проведено несколько учений по преодолению реки пехотой, танками и артиллерией.

В течение всего периода подготовки операции наши войска вели систематическую разведку обороны противника всеми средствами, вскрывали расположение его живой силы и огневых средств, уточняли систему огня и различных заграждений.

Большое внимание было уделено скрытности подготовки операции. Разработка всех планирующих документов велась строго ограниченным кругом лиц. Перегруппировка и сосредоточение войск производились только в ночное время или в нелетную погоду. Все эти мероприятия позволяли достигнуть внезапности удара по врагу. Однако скрытность подготовки операции была нарушена за несколько дней до ее начала при подготовке войсками исходных районов.

По показаниям захваченных в ходе операции пленных, за три-четыре дня до начала наступления противнику удалось установить подготовку наших войск и предпринять некоторые меры по усилению своей боеготовности. Но определить заранее силу удара и время перехода наших войск в наступление немецко-фашистское командование все же не смогло.

В материальном отношении ударные группировки фронтов были полностью обеспечены всем необходимым. Так, например, в 67-й и 2-й ударной армиях к началу операции имелось по 1,5—2 боевых комплекта боеприпасов для стрелкового оружия, по 3—4 боевых комплекта снарядов и мин для дивизионной и зенитной артиллерии и до 5—6 боекомплектов для армейской артиллерии. Обе армии имели по две заправки горючего.

В результате значительной организаторской работы командования фронтов и армий к началу операции были созданы сильные ударные группировки, имевшие пяти-шестикратное превосходство над противником в силах и средствах. Войска ударных группировок, хорошо натренированные к бою, обеспеченные в материальном отношении, были полностью готовы к проведению операции.

В ночь на 10 и 11 января войска ударных группировок фронтов заняли исходное положение для наступления. Соединения первого эшелона 67-й армии расположились в траншеях на левом берегу Невы на удалении 600—700 м от переднего края обороны противника, а первый эшелон 2-й ударной армии занял подготовленные исходные позиции в 300—500 м от первой траншеи немцев, проходившей по рубежу восточная окраина Липка — Рабочий поселок № 8 — роща Круглая — Гайтолово.

12 января ударные группировки Ленинградского и Волховского фронтов перешли в наступление против немецких войск, занимавших оборону на шлиссельбургско-синявинском выступе фронта.

В ночь перед наступлением сводная группа бомбардировщиков Волховского фронта подвергла массированным ударам огневые позиции артиллерии и пункты управления противника в полосе прорыва. Одновременно группа авиации Балтийского флота нанесла удар по аэродромам и железнодорожным узлам в тылу 18-й немецкой армии.

В 9 часов 30 минут на участках наступления фронтов началась артиллерийская подготовка атаки, в которой принимали участие более 4,5 тыс. орудий и минометов калибра 76 мм и выше. За 40 минут до начала атаки пехоты и танков штурмовая авиация обоих фронтов нанесла огневые удары по узлам связи, опорным пунктам, артиллерийским и минометным

батареям в полосе обороны противника, по окончании которой ударные группировки фронтов при огневой поддержке артиллерии и авиации начали атаку укрепленных позиций врага.

Соединения первого эшелона 67-й армии Ленинградского фронта, форсировав Неву по льду, сломили сопротивление гитлеровцев между 2-м городком и Шлиссельбургом, и к концу дня 268-я и 136-я стрелковые дивизии прорвали первую полосу обороны противника и продвинулись на глубину до 3 км. 45-я гвардейская стрелковая дивизия, наступавшая с плацдарма в районе Московская Дубровка, вперед не прошла. Не удалось форсировать Неву 82-й стрелковой дивизии. В целом, в первый день наступления частям 136-й и 268-й дивизий удалось захватить на левом берегу Невы плацдарм шириной до 6 км и глубиной 3 км, были заняты Марьино и Пыльная Мельница[69].

Соединения и части 2-й ударной армии Волховского фронта 12 января перешли в наступление на фронте от Липки до Гайтолово. К исходу дня только 327-я стрелковая дивизия, прорвав оборону противника, продвинулась на 2—3 км. На ее участке были развернуты основные танковые силы армии. Плотность артиллерии на участке прорыва составляла 350 орудий на 1 км фронта. В стрелковых ротах дивизии имелись штурмовые группы в составе взвода автоматчиков, одного-двух танков КВ, огнеметного танка, орудий сопровождения и отделения саперов. На остальных участках наступления овладеть опорными пунктами противника не удалось[70]. Соединения 8-й армии прорвать оборону противника также не смогли.

Таким образом, план первого дня операции «Искра» выполнен не был. Система укреплений, созданная противником за 15 месяцев пребывания между Мгой и Ладожским озером, оказалась более прочной, чем предполагалось, а боевая выучка и стойкость в бою немецких солдат и офицеров оставались высокими.

С утра 13 января ударные группировки фронтов продолжили наступление. Соединения и части 67-й армии, развивая наступление на Рабочий поселок № 5, стремились окружить противника и расширить участок прорыва в южном направлении. Однако наступление 45-й гвардейской и 268-й стрелковых дивизий встретило ожесточенное сопротивление противника. Не смогла продвинуться дальше и 136-я стрелковая дивизия. Наши части, как и войска противника, понесли тяжелые потери.

Соединения и части 2-й ударной армии 13 января возобновили наступление по всему фронту, но, встретив повсюду исключительно упорное сопротивление, имели незначительное продвижение.

Командующий 67-й армией генерал М. П. Духанов 14 января, введя в сражение из состава второго эшелона 102-ю стрелковую бригаду и 123-ю стрелковую дивизию, усиленную 122-й танковой бригадой, стремился сломить сопротивление противника на участке прорыва. Однако развить наступление армии не удалось.

2-я ударная армия, блокировав опорный пункт в Рабочем поселке № 8, силами 372, 18 и 256-й стрелковых дивизий к вечеру 14 января вышла на линию Рабочих поселков № 4 и № 5, а южнее прорвала вторую позицию противника и овладела станцией Подгорная. 191-я стрелковая дивизия заняла Рабочий поселок № 7 и вела бой за станцию Синявино. Таким образом, к исходу 14 января между войсками Ленинградского и Волховского фронтов оставалось расстояние не более 2 км[71].

В течение последующих трех дней, 15—17 января, части 67-й и 2-й ударной армий продолжали наступление, стремясь завершить прорыв обороны противника и соединиться в районе Рабочих поселков № 1 и № 5. Противник, ожесточенно сопротивляясь, прилагал все усилия к недопущению соединения наших войск севернее Синявино. Немецкое командование, стараясь сдержать дальнейшее наступление советских войск, было вынуждено 14—15 января перебросить в район Синявино 61-ю пехотную дивизию и 159-й полк 69-й пехотной дивизии с другого участка фронта.

Утром 18 января произошли решающие события в ходе прорыва блокады Ленинграда. 136-я стрелковая дивизия с 61-й танковой бригадой 67-й армии ворвались в Рабочий поселок № 5 и в 12 часов дня соединились с частями 18-й стрелковой дивизии. В районе Рабочего

поселка № 1 произошла встреча 123-й стрелковой бригады 67-й армии и 372-й стрелковой дивизии 2-й ударной армии.

Во второй половине того же дня части 86-й дивизии под командованием полковника Трубачева очистили от противника Шлиссельбург, а в 18 часов 40 минут подразделения 284-го стрелкового полка 86-й дивизии, продвигаясь вдоль ладожских каналов на восток, соединились с бойцами 128-й дивизии Волховского фронта. Таким образом, 18 января 1943 г. блокада Ленинграда была прорвана. Образовался приладожский коридор прорыва шириной от 8 до 13 км[72]. Конечно, достигнутые на 18 января (конец первой фазы операции «Искра») результаты были далеки от задач, поставленных директивой Ставки от 8 декабря, но они позволили по-новому организовать жизнь полублокированного города.

Уже вечером 18 января Государственный Комитет Обороны постановил прекратить сооружение свайной ледовой железнодорожной линии через Ладожское озеро, которое осуществлялось с конца ноября 1942 г., и направить все силы и средства на строительство новой железнодорожной линии Поляны — Шлиссельбург и моста через Неву у Шлиссельбурга. Строительство этой новой линии длиной 33 км и железнодорожного моста в 1300 м через Неву было осуществлено в рекордно короткие сроки — за 15 и 11 суток соответственно, причем под артиллерийским и авиационным огнем противника[73].

Утром 7 февраля 1943 г. на Финляндский вокзал пришел первый поезд с грузами. Создание приладожского коридора прорыва, открытие железнодорожного и автомобильного сообщения со страной сыграли огромную роль в дальнейшей жизни Ленинграда, восстановлении его промышленности и городского хозяйства[74].

20 января 1943 г. Народный комиссариат обороны СССР, учитывая героизм, проявленный в боях с противником, преобразовал отличившиеся в операции «Искра» 136-ю и 327-ю стрелковые дивизии соответственно в 63-ю и 64-ю гвардейские стрелковые дивизии. 9 февраля такой же чести удостоилась 61-я танковая бригада из состава Ленинградского фронта, преобразованная в 30-ю гвардейскую танковую бригаду[75].

Ряд военачальников, руководивших операцией по прорыву блокады, — Г. К. Жуков, К. А. Мерецков, Л. А. Говоров, И. И. Федюнинский, В. З. Романовский, М. П. Духанов — был награжден недавно учрежденными орденами Суворова 1-й степени и Кутузова 1-й степени. 15 января 1943 г. командующему Ленинградским фронтом Л. А. Говорову было присвоено звание генерал-полковника, а 18 января генералу армии Г. К. Жукову — звание Маршала Советского Союза.

После соединения 18 января 1943 г. войск Ленинградского и Волховского фронтов на линии Рабочих поселков № 1 и № 5 основные боевые действия наших войск по прорыву блокады Ленинграда закончились. В результате семидневных ожесточенных боев советские войска, прорвав сильно укрепленную оборону противника, нанесли тяжелое поражение группировке немецких войск в составе 170, 227, 96, 61-й пехотных дивизий, а также вынудили немецкое командование привлечь дополнительно четыре дивизии с других участков фронта под Ленинградом.

В ходе проведенной первой части операции «Искра» противник потерял убитыми свыше 13 тыс. солдат и офицеров и 1500 пленными. Было уничтожено более 250 орудий, 300 минометов, сбито не менее 100 самолетов. Нашими войсками было захвачено до 400 орудий и минометов, 500 пулеметов и много других видов вооружения и снаряжения[76].

Поскольку требования директивы Ставки ВГК от 8 декабря 1942 г. об обеспечении безопасности коммуникаций Ленинграда и Ленинградского фронта выполнить в первой фазе операции «Искра» фронтам не удалось, 20 января 1943 г. после перегруппировки соединения 2-й ударной и 67-й армий продолжили наступление в южном направлении, на Синявинские высоты.

Наступать пришлось с открытых торфоразработок, где стрелковым подразделениям было невозможно окопаться, а танкам и тяжелой артиллерии — пройти. Чтобы удержать орудия на поверхности, артиллеристам приходилось делать настилы из бревен. Противник же занимал командные Синявинские высоты, откуда мог наблюдать не только за нашим передним

Стрелковое подразделение ведет бой

Командир 136-й стрелковой дивизии
генерал Н. П. Симоняк на наблюдательном пункте

Разведчики Ленинградского фронта у проволочных заграждений

краем, но и за тылами — вплоть до Ладоги. Продолжая наращивать свои силы и средства в районе Синявино, он оказывал упорное сопротивление нашим войскам. С 19 по 30 января в этот район с других участков фронта были переброшены пять дивизий 24-го армейского корпуса[77]. Значительно возросла активность авиации. Все это не исключало возможности перехода немецких войск в наступление с целью восстановления блокады Ленинграда.

По свидетельству генерала В. З. Романовского, на высотах противник имел по три ряда траншей с прочными деревоземляными сооружениями. Кроме того, немцы вкопали и использовали в качестве неподвижных огневых точек десятки наших танков, захваченных ранее. Все эти укрепления приходилось штурмовать в лоб, не имея возможности для маневра. Бои соединений 2-й ударной армии за Синявинские высоты были тяжелыми, кровопролитными и малорезультативными.

Весь дальнейший ход боевых действий в ходе операции «Искра» с 20 января по конец февраля 1943 г. можно условно разделить на две фазы: вторую, закончившуюся 30 января, и третью — до конца февраля 1943 г. (первая фаза операции «Искра» — бои до 20 января 1943 г.).

Основными объектами атаки соединений 2-й ударной армии в последней декаде января были Синявино и Рабочий поселок № 6, хотя последний в сводке Совинформбюро, опубликованной 19 января, числился уже занятым нашими войсками[78].

Как следует из воспоминаний Н. Г. Лященко, который во время операции «Искра» был заместителем командира 18-й стрелковой дивизии, эта дивизия после 20 января наступала на юго-западную окраину Синявино и Рабочий поселок № 6, вела за него бой трое суток. Наступала на Рабочий поселок № 6 и 147-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Н. А. Москвина. Штурмуя Синявинские высоты у Рабочего поселка № 6, эта дивизия потеряла 4 тыс. человек[79]. Рабочий поселок № 6 был захвачен танкистами 16-й танковой бригады (командир — полковник К. И. Иванов), которая удерживала его северную окраину до подхода частей 239-й дивизии генерала П. Н. Чернышева. Полностью указанные соединения овладели Рабочим поселком № 6 в результате двухдневных боев и затем удерживали эти позиции с 25 января по 5 февраля 1943 г.[80] Частями 80-й стрелковой дивизии под командованием генерал-майора Д. Л. Абакумова 29 января была занята роща южнее Рабочего поселка № 6; 31 января они ворвались в Синявино, но были отброшены противником[81].

К исходу 30 января 1943 г. соединения и части 2-й ударной армии вышли на линию южнее Рабочего поселка № 6 до дороги Синявино — Мустолово, южнее станции Подгорная и Рабочего поселка № 7. В наших руках находилась и Гонтовая Липка. За десять дней боев за Синявинские высоты войска армии потеряли 43 тыс. человек[82].

О действиях 67-й армии во второй фазе операции «Искра» известно, что силами 102-й стрелковой бригады и 123-й дивизии при поддержке мощной артиллерийской группы, созданной начальником артиллерии Ленинградского фронта генерал-майором Г. Ф. Одинцовым, были блокированы с востока 2-й городок и 8-я ГЭС. Противник накапливал здесь силы, часто контратаковал.

В докладе в Ставку ВГК К. Е. Ворошилов 27 января констатировал, что «без захвата синявинских позиций нельзя приступать к освобождению от противника р. Нева и Кировской железной дороги»[83]. Поэтому в феврале 1943 г. соединения и части 2-й ударной армии и 67-й армии Ленинградского фронта продолжали вести ожесточенные бои в целях захвата синявинских позиций, выхода к р. Мойка, а также овладения городокским узлом сопротивления. Так, в первых числах февраля части 364-й стрелковой дивизии наступали на одну из командных высот — 43,3 и захватили ее. 80-я дивизия, наступая на высоту с отметкой 50,1, пробилась до третьей траншеи противника, но овладеть высотой не смогла. Противник, подтянув свежие 11-ю и 215-ю пехотные дивизии, ожесточенными контратаками пытался вернуть утраченные позиции и снова сбросить наши части в синявинские болота[84].

Соединения 2-й ударной армии, наступая из районов Рабочего поселка № 7 и Гонтовой Липки, имели значительное продвижение в юго-западном направлении, но контратаками немецких соединений 26-го армейского корпуса были отброшены назад.

В третьей фазе операции «Искра» соединения 67-й армии вели боевые действия за городокский узел сопротивления. После неудачной попытки захватить этот мощный узел на невском участке немецкой обороны силами 268-й стрелковой дивизии бои за него с 13 по 21 января вели 102-я стрелковая бригада, части 13-й стрелковой дивизии при поддержке ряда артиллерийских, минометных полков и 220-й отдельной танковой бригады. В городокском узле оборонялись подразделения 391-го пехотного полка 170-й пехотной дивизии, усиленные 161-м инженерным батальоном и 240-м велоотрядом. 17 января 102-я стрелковая бригада овладела северо-восточной частью 2-го городка. Затем 19 и 20 января наши части завершили блокирование 2-го городка и 8-й ГЭС с востока. Из-за сильных контратак противника и накапливания им сил (предположительно для нового установления блокады) командующий 67-й армией 21 января приказал надежно закрепиться на достигнутых позициях и ограничиться ведением огневого боя с противником.

С утра 15 февраля подразделения трех стрелковых бригад — 102, 142 и 138-й — после сильной артподготовки начали новый штурм городокского узла сопротивления. Артиллерия большой мощности, включая корабельные орудия Балтийского флота, вела разрушение зданий 8-й ГЭС. Части 102-й бригады штурмом овладели 2-м городком и продолжили наступление на 8-ю ГЭС. 138-я бригада наступала на городокский узел с юга, с территории так называемого Невского пятачка. 142-я бригада наступала на 2-й городок с востока — со стороны торфяного склада.

После занятия городокского узла Невский пятачок соединился с территорией, освобожденной 67-й армией. Продолжая наступление в южном направлении, соединения и части 67-й армии к 20 февраля вышли к северным окраинам поселка Арбузово[85].

Одновременно с наступательными действиями соединений и частей 2-й ударной и 67-й армий на синявинско-мгинском направлении с 10 февраля 1943 г. наступательную операцию на тосненском и мгинском направлениях проводили соединения и части 54-й армии Волховского фронта и 55-й армии Ленинградского фронта. Перед ними стояла задача — выйти в тыл мгинской группировки противника с юга и затем уничтожить ее.

В последней декаде февраля стало ясно, что проведенные соединениями и частями 2-й ударной и 67-й армий операции по обеспечению безопасности коммуникаций Ленинградского фронта и Ленинграда не дали ожидаемых результатов. Поэтому Ставка ВГК 27 февраля 1943 г. остановила наступление армий Ленинградского и Волховского фронтов и приказала командующим фронтами разработать и представить планы дальнейших действий[86].

Прорыв блокады позволил проложить отрезок железной дороги южнее Ладожского озера, по которому было восстановлено железнодорожное сообщение с Ленинградом. Благодаря этому значительно улучшилось обеспечение войск боевой техникой и боеприпасами, населения — продовольствием, а промышленности — сырьем. В городе резко увеличилась выработка электроэнергии, возобновилось движение трамваев, на ленинградских заводах в несколько раз возросло производство вооружения и военной техники.

Стало лучше также стратегическое положение Ленинграда. Сухопутные коммуникации позволили непрерывно усиливать фронты пополнением и боевой техникой. Возможности для окончательного разгрома врага под Ленинградом увеличивались с каждым месяцем. Улучшились условия для тесного взаимодействия войск Ленинградского и Волховского фронтов.

Боевые действия войск Ленинградского и Волховского фронтов по прорыву блокады сковали под Ленинградом силы противника, не позволили ему снимать оттуда войска для переброски их на другие направления, что способствовало успеху наших войск на других важных участках советско-германского фронта.

Операция по прорыву блокады Ленинграда имела ряд характерных особенностей. Впервые был осуществлен прорыв сильно укрепленной обороны противника. Войска Ленинградского фронта преодолевали по льду водную преграду под сильным огнем противника. Прорыв обороны противника осуществлялся ударами с двух сторон путем наступления войск двух фронтов навстречу друг другу.

В ходе операции наряду с положительными моментами были вскрыты серьезные недостатки в подготовке войск и штабов. Взаимодействие пехоты, танков и артиллерии, а также управление войсками в ходе боя часто нарушалось, разведка противника велась с недостаточной эффективностью.

Операция по прорыву блокады Ленинграда характерна ожесточенностью боев. Немецкие войска, опираясь на созданные укрепления, оборонялись исключительно упорно. Советским войскам приходилось ежедневно отражать десятки контратак противника.

Достижение успешного прорыва блокады Ленинграда досталось дорогой ценой. Общие безвозвратные потери Ленинградского и Волховского фронтов с 11 по 30 января (операция проходила с 12 по 18 января) составили 30 940 человек, санитарные потери — 81 142 человека. Общие потери 2-й ударной и 67-й армий в феврале 1943 г. составили 55–57 тыс. человек, суммарные общие потери войск Волховского и Ленинградского фронтов в операции «Искра» — 170–172 тыс. человек[87].

Приказом Верховного главнокомандующего от 25 января 1943 г. за успешные боевые действия по прорыву блокады Ленинграда была объявлена благодарность войскам Ленинградского и Волховского фронтов. За мужество и отвагу, проявленные в боях, более 19 тыс. воинов двух фронтов и Балтийского флота были награждены орденами и медалями. Звания Героя Советского Союза были удостоены 25 человек[88].

Вместе с тем операция «Искра» осталась незавершенной. Хотя в ходе ожесточенных боев советские войска отбросили противника от южного побережья Ладожского озера на 10–12 км, Ленинград по-прежнему оставался прифронтовым городом.

С 15 по 28 февраля 1943 г. была проведена очередная Демянская наступательная операция Северо-Западного фронта против 16-й немецкой армии. В середине февраля на демянском плацдарме оборонялось 15 пехотных дивизий этой армии. Остальные три пехотные и одна моторизованная дивизии занимали оборону на широком фронте севернее и южнее плацдарма от озера Ильмень до Самущенки (40 км севернее Великих Лук). Оперативных резервов в армии не было.

Войска Северо-Западного фронта под командованием Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко в составе пяти общевойсковых армий в это время имели 28 стрелковых дивизий, 17 стрелковых и три танковые бригады.

По плану командующего фронтом, 27-я и 1-я ударная армии должны были сходящимися ударами перерезать так называемый рамушевский коридор, а затем во взаимодействии с 11, 34 и 53-й армиями уничтожить войска противника, находившиеся внутри демянского мешка. Одновременно в районе северо-западнее Осташково — Соблаго с конца января начала сосредоточиваться группа войск под командованием генерала М. С. Хозина в составе 1-й танковой и 68-й армий, которую предполагалось ввести в прорыв на участке 1-й ударной армии в целях развития наступления на Сольцы и далее на Лугу — во фланг и тыл 18-й немецкой армии, действовавшей на ленинградском и новгородском направлениях.

В сложившейся обстановке удержание демянского плацдарма для немецкого командования являлось бесперспективным. А его оставление позволяло противнику использовать часть находившихся здесь сил для действий на других направлениях. Поэтому немецкое командование уже в феврале приняло меры по выводу своих войск из района Демянска.

Наступление войск Северо-Западного фронта, которое началось 15 февраля, вынудило немецкое командование ускорить вывод войск 16-й армии с демянского плацдарма и усилить оборону рамушевского коридора. Однако главная ударная группировка Северо-Западного фронта из-за недостаточной организованности перешла в наступление с опозданием: 27-я армия — 23 февраля вместо 19-го, а 1-я ударная армия — только 26 февраля.

К исходу 28 февраля войска Северо-Западного фронта вышли на рубеж р. Ловать и заняли демянский плацдарм, который противник удерживал в течение 17 месяцев. Но к этому времени немецкому командованию удалось вывести свои войска из демянского мешка, избежав окружения и разгрома. В условиях изменившейся обстановки советское командование вынуждено было отказаться от замысла глубокого удара с целью выхода в тыл группы армий

«Север» и ограничило задачи Северо-Западного фронта захватом Старой Руссы и выходом на р. Полисть. Войска фронта, возобновив 4 марта наступление, за 14 дней продвинулись на 10—15 км и к исходу 17 марта вышли на р. Редья, где положение войск окончательно стабилизировалось до зимы 1943—1944 гг.

Январское наступление, завершившееся прорывом блокады Ленинграда, не решило полностью задачи по восстановлению связи этого города со страной. Все железные дороги, идущие в Ленинград, еще находились в руках противника. Кроме того, наличие в районе Мги крупной немецкой группировки угрожало возможностью нового прорыва противника к Ладоге и восстановления блокады.

Поскольку задание Ставки ВГК о восстановлении сухопутных связей Ленинграда и Ленинградского фронта со страной, обеспечения их безопасности в ходе проведения операции «Искра» было выполнено лишь частично, с 10 по 23 февраля 1943 г. 55-я армия Ленинградского фронта и 54-я армия Волховского фронта провели новую операцию, направленную на разгром мгинско-синявинской группировки противника.

1 февраля Ставка ВГК поставила фронтам задачу: «Волховскому фронту 8 февраля 1943 г. силами шести стрелковых дивизий со средствами усиления... прорвать оборону противника в районе Макарьевская Пустынь, Смердыня, Користынь и нанести удар в направлении Васькины Нивы, Шапки с целью выхода в тыл синявинской группировки. Частью сил перерезать шоссе и железную дорогу в районе Любани»[89].

Сроки для подготовки новой операции были весьма ограниченными. Особенно трудно оказалось уложиться в них 54-й армии Волховского фронта, которая, находясь на территории погостьевского мешка, действовала в условиях бездорожья, в труднопроходимой лесисто-болотистой местности.

Ленинградскому фронту необходимо было провести перегруппировку войск между 67-й и 55-й армиями. Поэтому по просьбе командования обоих фронтов начало Тосненско-Мгинской наступательной операции было перенесено на 10 февраля.

В составе 54-й армии имелось шесть дивизий (115, 177, 198, 281, 294, 311-я) и стрелковая бригада. Наряду с наступлением они должны были обеспечить оборону флангов погостьевского мешка. Соединения армии были ослаблены в ходе предыдущих частных операций, потому командующий фронтом выделил на усиление ударной группировки 54-й армии 372-ю стрелковую дивизию, выведя ее из состава 2-й ударной армии.

Утром 10 февраля соединения 54-й армии перешли в наступление на 9-километровом участке фронта Макарьевская Пустынь — Смердыня — Кородыня. Оборонялись на этом рубеже части 132-й пехотной дивизии и часть подразделений 96-й пехотной дивизии противника. В первый день наступления соединениям 54-й армии прорвать фронт не удалось. Основные причины неудач заключались в том, что разведка армии и соединений не обнаружила построенный немецкими частями на переднем крае двухметровый деревоземляной забор со множеством огневых позиций, а на нашей стороне плотность огневой поддержки не превышала 80 орудий и минометов на 1 км фронта. Позже 54-й армии все-таки удалось прорвать оборону противника в полосе наступления на протяжении около 5 км — от Макарьевской Пустыни до Смердыни[90].

В последующие дни командование 54-й армии и Волховского фронта ввело в сражение соединения второго эшелона, чтобы расширить прорыв в глубину обороны немецких войск и на флангах. Но противник, оказывая сильное огневое противодействие, подтянул к месту прорыва другие соединения. К концу операции против наступающих войск действовали четыре немецкие пехотные дивизии — 132, 96, 121 и 217-я.

14 февраля командование Волховского фронта ввело в сражение свой резерв: 7-ю гвардейскую танковую и 58-ю стрелковую бригады. Наступая юго-западнее Макарьевской Пустыни, подвижной группе удалось выйти к шоссе Вериговщина — Шапки и три дня удерживать его. Противник контратаковал подвижную группу, обошел ее слева и справа[91]. Это был последний успех в наступлении 54-й армии. Участник этих боев генерал П. Я. Егоров писал: «Наступление 54-й армии захлебнулось на рубеже ручья Лезно, по западному берегу

которого проходил сильный отсечный рубеж немецкой обороны... После 16 февраля армия уже не могла организовать ни одной успешной атаки... И наоборот, атаки накапливающихся резервов гитлеровцев становились все назойливее»[92].

17 февраля перешло в наступление левое крыло 55-й армии. К исходу дня удалось выйти на берег р. Тосна. 19 февраля соединения армии сделали еще одну попытку развить наступление в направлении Мги. Но немецкое командование подтянуло против соединений и частей 55-й армии шесть дивизий, замедливших продвижение войск. К концу операции войскам 55-й армии удалось расширить прорыв до 14 км по фронту и до 5 км в глубину. 22 февраля обеим армиям был отдан приказ прекратить наступательные действия.

В результате задачи, поставленные войскам Волховского и Ленинградского фронтов в директиве Ставки от 1 февраля, в целом оказались невыполненными. Но, оттянув на себя часть сил противника с мгинско-синявинского направления, соединения и части 54-й и 55-й армий способствовали выполнению задания Ставки по ликвидации городокского узла сопротивления противника.

Наступление, проведенное с 10 по 18 февраля 1943 г., результатов не дало. 54-я и 55-я армии за восемь дней продвинулись лишь на 10—15 км. Безрезультатным оказалось и наступление 67-й и 2-й ударной армий.

На зиму и весну 1943 г. в Генеральном штабе был разработан план нового общего наступления одиннадцати советских фронтов — от Ладожского озера до предгорий Кавказа. Планировалось силами нескольких фронтов окружить и затем уничтожить основные силы германских вооруженных сил, действующих на советско-германском фронте. Так, например, предполагалось войсками Северо-Западного, Волховского и Ленинградского фронтов окружить основные силы 16-й и 18-й армий в районе Демянска и районе Чудово — Любань — Луга.

План окружения и разгрома войск группы армий «Север» получил название «Полярная звезда». В его реализации должны были принять участие войска Северо-Западного, а также Волховского и Ленинградского фронтов. Реализация плана «Полярная звезда» в значительной степени зависела от решительности действий войск Северо-Западного фронта (с октября 1942 г. фронтом командовал маршал С. К. Тимошенко), который должен был окружить и разгромить демянскую группировку войск 16-й армии, а также от последующих действий Особой группы войск под командованием генерала М. С. Хозина. Его заместителем был назначен генерал В. И. Морозов[93]. В состав Особой группы войск вошли: 1-я танковая армия, вновь сформированная 68-я армия (37-я гвардейская стрелковая дивизия, 1, 5, 7, 8 и 10-я гвардейские воздушно-десантные дивизии, 32, 33 и 137-я стрелковые бригады, другие части), ряд других соединений и частей[94].

Ввод Особой группы в сражение предполагался 19 февраля с целью разгрома ленинградско-волховской группировки противника. После чего группа должна была продвигаться в северо-западном направлении на Псков и Струги Красные — Кингисепп. При этом главной задачей группы было «отрезать основные коммуникации ленинградско-волховской группировки противника выходом в район Луга, Струги Красные, Порхов, Дно и не допустить подхода частей противника на помощь его демянской и ленинградско-волховской группировкам»[95].

Предусматривалось также, что после занятия Старой Руссы 27-я армия Северо-Западного фронта перейдет в подчинение командующего Особой группой войск и будет развивать наступление в направлении г. Луга. При этом частью сил 27-я армия совместно с 52-й армией Волховского фронта должна была освободить Новгород. На следующем этапе операции (после пресечения путей отхода 18-й армии в Эстонию) планировался разгром ленинградско-волховской группировки противника силами части Особой группы и войск Ленинградского и Волховского фронтов.

15 февраля войска Северо-Западного фронта перешли в наступление, намереваясь перерезать горловину рамушевского коридора, окружить и разгромить соединения 16-й армии, удерживающие демянский мешок. Со стороны Северо-Западного фронта в операции были

задействованы 327,6 тыс. человек. Но противник не дал себя окружить и организованно ушел из демянского мешка на западный берег Ловати, где организовал устойчивую оборону. 25 февраля Демянская наступательная операция закончилась выравниванием линии фронта, прорыва не получилось.

В ходе операции «Искра» и Тосненско-Мгинской операции войскам Ленинградского и Волховского фронтов не удалось разгромить мгинско-синявинскую группировку противника и выйти на линию Ульяновка — Тосно — Любань (как это предусматривалось директивой Ставки от 1 февраля 1943 г.). В этот период центр событий на советско-германском фронте снова сместился на юг. Здесь группа армий «Юг» под командованием генерал-фельдмаршала Э. Манштейна нанесла сильный контрудар во фланг Юго-Западного фронта пятью танковыми дивизиями. Перешедшие в наступление в конце второй декады февраля войска группы армий «Юг» отсекли ряд почти прорвавшихся к Днепру советских танковых и кавалерийских соединений, затем развили наступление на Харьков и Белгород[96]. В результате Харьков был занят войсками Манштейна 15 марта, а Белгород — три дня спустя.

Ставке ВГК пришлось принять меры по срочной отправке 1-й танковой армии генерала М. Е. Катукова в район Курска. В связи с этим была расформирована и Особая группа войск. 68-я армия генерала Ф. И. Толбухина передавалась в состав Северо-Западного фронта[97].

В начале марта Ставка ВГК потребовала от командующих войсками Ленинградского и Волховского фронтов провести новую операцию по разгрому той же мгинско-синявинской группировки противника. В своей директиве от 7 марта она определила задачи фронтам. Волховский фронт, в состав которого возвратили 2-ю ударную армию, должен был «силами 10 стрелковых дивизий и 4 стрелковых бригад с соответствующими средствами усиления прорвать оборону противника на фронте Вороново, Лодва и овладеть районом Сологубовка, Муя, перерезать в этом районе коммуникации противника, с последующим развитием удара в тыл мгинско-синявинской группировке противника. В районе Войтолово соединиться с войсками Ленинградского фронта, с тем чтобы выдвинуться на север, в район Мги, окружить мгинско-синявинскую группировку противника, уничтожить или пленить ее. На фронте 2-й ударной армии временно перейти к обороне».

Ленинградскому фронту предписывалось «силами 8 стрелковых дивизий и 3 стрелковых бригад с соответствующими средствами усиления прорвать оборону противника на фронте Красный Бор, поселок Песчанка, нанести удар в направлении Ульяновка и овладеть железнодорожной станцией Саблино, перерезать железную дорогу и шоссейную дорогу на участке Ульяновка — Мга с последующим развитием удара на Войтолово, в тыл мгинско-синявинской группировке противника. В районе Войтолово соединиться с войсками Волховского фронта и совместно с ним окружить мгинско-синявинскую группировку противника, уничтожить или пленить ее. На фронте 67-й армии временно перейти к обороне». Начало операции обоих фронтов было назначено на 14 марта, а завершение — не позднее 23 марта 1943 г.[98]

Однако 14 марта маршал К. Е. Ворошилов, координировавший действия Ленинградского и Волховского фронтов, доложил Ставке о неготовности войск к операции. Ее начало было перенесено на 19 марта[99].

Ударная группировка 55-й армии Ленинградского фронта, перешедшая в наступление 19 марта, прорвала оборонительную полосу врага на фронте 6,5 км и продвинулась на 2,5–4 км[100]. Вражеская авиация, используя аэродромы псковского, дновского и лужского аэроузлов, наносила бомбовые удары по частям и соединениям 55-й армии. Одновременно она бомбила железнодорожные станции в Шлиссельбурге, Жихареве, Волхове, Тихвине и объекты в Ленинграде. Средств для нанесения ответных ударов по вражеским аэродромам у фронта не было.

Прорвав оборону противника, соединения 55-й армии медленно продвигались вперед, тесня вражеские части. Однако немецкое командование спешно перебрасывало в этот район свои резервы. К 30 марта против частей 55-й армии уже действовали 16 пехотных полков, различные части, отдельные батальоны, легион «Фландрия»[101]. Наступление соединений армии практически прекратилось, перейдя в затяжные бои.

Танк Т-34 преодолевает водную преграду по мосту

Минометный расчет гвардии сержанта Н. Шагабутдинова на огневой позиции

19 марта соединения 8-й армии после 135-минутной артподготовки перешли в наступление. Дивизиям первого эшелона удалось прорвать немецкую оборону на участке Вороново — Лодва шириной 8 км и продвинуться вперед на 2—5 км. Введенной в бой подвижной группе в составе полка 64-й гвардейской стрелковой дивизии (ранее 327-й стрелковой дивизии) и танкового батальона 122-й танковой бригады удалось обойти с севера мощный узел обороны Карбусель и продвинуться до железнодорожной платформы Турышкино[102].

Воспользовавшись тем, что соединения и части 55-й армии к этому времени активные наступательные действия в основном прекратили, а 67-я и 2-я ударная армии находились в обороне, командование 18-й немецкой армии перебросило против наступающих соединений и частей 8-й армии две пехотные дивизии и два пехотных полка. Движение соединений армии застопорилось, и 2 апреля они вынуждены были перейти к обороне.

Цель операции — разгром мгинско-синявинской группировки врага, — определенная директивой Ставки от 7 марта 1943 г., выполнена не была. А 11 апреля противник сам перешел в наступление.

В период с 22 июля по 22 августа войска Ленинградского и Волховского фронтов провели еще одну наступательную операцию против мгинско-синявинской группировки противника. Специальной директивы Ставки ВГК на проведение этой операции не было. Задачи операции вытекали из указанных ранее директив Ставки ВГК от 8 декабря 1942 г., 1 февраля и 7 марта 1943 г. Инициатива проведения Мгинской операции исходила от командования Ленинградского фронта. Действительно, неприятель, владея синявинскими позициями на фронте Арбузово — Синявино — Гонтовая Липка, превратив их в укрепленный район обороны с развитием в глубину на 8 км, до Кировской железной дороги, не только подвергал артиллерийскому обстрелу каждый поезд, шедший по железнодорожной ветке от Полян, но и угрожал попыткой нового установления полной блокады Ленинграда.

Большого мужества требовало обслуживание железнодорожной линии Поляны — Шлиссельбург. Только за 1943 г. «снаряды и бомбы врага вызвали 1200 серьезных разрушений железнодорожного пути, вывели из строя почти 3 тысячи шпал, повредили около 4 тысяч вагонов... Около 200 военных строителей, машинистов паровозов, их помощников и кочегаров, путевых рабочих и связистов было убито и ранено за один год эксплуатации линии Поляны — Шлиссельбург»[103].

Цели и замысел операции на мгинско-синявинском направлении были изложены в директиве Ленинградского фронта от 13 июля. Командующему 67-й армией предписывалось «прорвать оборону противника на фронте Арбузово, Синявино, совместно с войсками Волховского фронта окружить и уничтожить синявинско-мгинскую группировку противника, полностью очистить восточный берег р. Нева на участке Арбузово, Ивановское и установить общий фронт на восточном берегу р. Нева с 55 А и с Волховским фронтом на линии Кировской железной дороги. Ближайшая задача — прорвать первую полосу обороны противника, овладеть синявинскими высотами и выйти на рубеж р. Мойка. Дальнейшая — закрепить синявинский узел, прорвать вторую полосу обороны противника по р. Мойка, овладеть Келколовскими высотами и выйти на р. Мга. Последующая: а) при успешном наступлении войск Волховского фронта и выходе их в район Мга главный удар развивать на юго-запад вдоль р. Нева, форсировать р. Мга на участке Горы, срезать клин у р. Нева, р. Мга, очистить восточный берег р. Нева и выйти на Кировскую железную дорогу, установив на восточном берегу р. Нева общий фронт с 55 А и с Волховским фронтом на линии Кировской железной дороги. Вспомогательный удар нанести на Мга навстречу войскам Волховского фронта с целью уничтожения оставшейся северо-восточнее Мга группировки противника; б) при задержке наступления войск Волховского фронта, закрепившись на р. Мга, главный удар нанести в юго-восточном направлении на Мга, навстречу войскам Волховского фронта с задачей соединения с последними в районе Мга»[104].

К этому времени в составе 67-й армии Ленинградского фронта имелись 10 стрелковых дивизий и 16 укрепленных районов, значительные силы и средства поддержки[105]. На фронте от Арбузово до Синявино шириной 10 км наступали 45-я и 63-я гвардейские, а также 43-я

стрелковая дивизии[106]. Противник стойко оборонялся, успешно контратаковал и своих позиций не уступал. Немецкое командование постоянно вводило в бой свежие резервы.

От Волховского фронта в операции принимали участие 10 соединений 8-й армии, имевшие оперативное построение в два эшелона. Главный удар наносился из района Вороново на Славянку — поселок Михайловский, затем — на Мгу; вспомогательный удар (чтобы обезопасить левый фланг) — в направлении Карбусель — Турышкино. Хотя наши войска превосходили немецкие в живой силе и средствах поддержки, а наступлению предшествовало предварительное разрушение укреплений противника силами артиллерии и авиации, на этот раз все развивалось не по плану.

Соединениям 8-й армии (18, 256, 364 и 378-я стрелковые дивизии), наступавшим в первом эшелоне, удавалось врываться в первые траншеи обороны противника, но ожесточенными контратаками враг снова и снова восстанавливал свои позиции. Обессиленные части заменялись свежими, и все повторялось. Так продолжалось в течение целого месяца кровопролитных боев. В результате удалось овладеть мощным узлом сопротивления Поречье и двумя высотами, находившимися в 1 км к востоку от Славянки и примерно в 10 км от Мги.

Общие потери войск Ленинградского и Волховского фронтов в Мгинской операции составили 79 937 человек, из них безвозвратно 20 890 человек[107].

Несмотря на то что в ходе операций на мгинско-синявинском направлении ни Ленинградский, ни Волховский фронт не добились успеха, не сумели разгромить вражескую группировку, они сыграли важную роль в сковывании противника на северо-западном направлении. Эти операции проводились в самый разгар Курской битвы. Поэтому задачей объединений Ленинградского и Волховского фронтов в тот момент было недопущение переброски соединений 18-й армии на южные фронты, нанесение противнику максимального ущерба. Генерал Мерецков привел следующую фразу Сталина, сказанную им после обсуждения деталей Мгинской операции: «Главное для вас — не захват территории, а уничтожение немецких дивизий»[108]. И эту задачу фронты выполнили.

Изменение общей обстановки в войне после разгрома вермахта под Курском повлияло и на ситуацию под Ленинградом. 22 августа 1943 г., когда в ходе контрнаступления Красной армии войска Брянского фронта приблизились к Брянску с востока, а соединения Степного фронта вели бои за Харьков, Ставка ВГК приказала командующим войсками Ленинградского и Волховского фронтов прекратить наступление и перейти к жесткой обороне[109].

Последствия коренного изменения в ходе Великой Отечественной войны стали ощущаться в районе Ленинграда осенью 1943 г. Появились сообщения о начавшейся эвакуации немецких тылов из ряда занятых районов Ленинградской области. 2 и 6 сентября штабом Ленинградского фронта были выпущены директивы войскам фронта на случаи отвода войск противника на заранее подготовленные рубежи и его отхода с чудовского направления. 9 сентября от Военного совета Ленинградского фронта и 14 сентября от Военного совета Волховского фронта в Ставку ВГК поступили предложения о наступательных действиях войск фронтов в целях разгрома соединений немецкой 18-й армии и полного снятия блокады Ленинграда[110].

Во втором, самом длительном периоде обороны Ленинграда (октябрь 1941 — декабрь 1943), продолжавшемся два с половиной года, войска Ленинградского, Волховского и Северо-Западного (с 20 октября 1943 г. — Прибалтийского) фронтов при содействии сил Балтийского флота и Ладожской военной флотилии провели ряд наступательных операций. Их целью являлось снятие блокады Ленинграда (Любанская операция) или хотя бы частичное разблокирование (Синявинская операция 1942 г., операция «Искра»), расширение приладожского коридора прорыва. В основном они из-за ограниченности выделенных Ставкой ВГК ресурсов не были результативными. По существу, это была помощь другим нашим фронтам: проведенные операции препятствовали переброске соединений группы армий «Север» на те участки советско-германского фронта, где решалась судьба всей войны.

В тот же период немецкие войска сделали еще одну попытку замкнуть второе кольцо окружения вокруг Ленинграда и соединиться с финскими войсками в районе Лодейного

Поля. Потерпев неудачу, они перешли к жесткой обороне, постоянно совершенствуя свои позиции, которые удерживали до января 1944 г. Сравнительно недолгая потеря Тихвина в ноябре — декабре 1941 г. явилась одной из причин голода в Ленинграде и гибели сотен тысяч его жителей.

Задачи, которые решали войска Красной армии и силы Балтийского флота во время второго периода, распадаются на три взаимосвязанные составляющие. Во-первых, это была оборона внутреннего кольца фронта вокруг Ленинграда, образовавшегося в результате оборонительных боев, решение вопросов снабжения войск Ленинградского фронта и населения города в условиях блокады, эвакуации населения и ценного оборудования из Ленинграда и т. п.

Во-вторых, воспрепятствование дальнейшему продвижению противника к востоку от р. Волхов и в направлении г. Волхов, соединению немецких войск с финскими и полной изоляции Ленинграда от страны.

В-третьих, восстановление сухопутной связи Ленинграда и Ленинградского фронта со страной. Поскольку Ленинградский фронт был сильно ослаблен за время боев 1941 г. и не мог восстановить связь Ленинграда со страной, эта задача была возложена в основном на Волховский фронт, который в 1942 г. провел три крупные наступательные операции. В первой из них, Любанской, в соответствии с директивой Ставки ВГК была сделана попытка не только полностью снять блокаду Ленинграда, но и уничтожить войска группы армий «Север» в районе города. В то время такая задача была не по силам объединениям всего северо-западного направления.

Войска Ленинградского фронта, ослабленные голодной зимой 1941—1942 гг., в Любанской операции содействовали выполнению задачи Волховского фронта силами своих 54-й и 8-й (вновь сформированной) армий, которые находились вне кольца блокированного города. Войска Северо-Западного фронта в данной операции пытались уничтожить основные силы 16-й армии противника, окружив часть их в районе Демянска.

В 1942 г. войска Волховского фронта при содействии объединений Ленинградского фронта сделали еще одну попытку прорвать блокаду Ленинграда в районе Синявино, а затем и Мги. Эта попытка оказалась неудачной, но одновременно была сорвана уже спланированная немецким командованием операция по овладению Ленинградом силами 11-й и 18-й армии под командованием генерал-фельдмаршала Э. Манштейна.

Немецкое командование по планам лучших немецких фортификаторов превратило район Синявино — Мга в неприступную крепость. Почти за 2,5 года была создана долговременная, многополосная система обороны — одна из наиболее совершенных, по признанию военных специалистов, на всем советско-германском фронте. Советские войска смогли занять Мгу только в конце января 1944 г., когда соединения 18-й немецкой армии уходили из этого района.

Начиная с первой половины 1942 г. и до конца 1943 г. Ставка ВГК постоянно давала указания командующим фронтами на северо-западном направлении уделять больше внимания вопросам создания прочной обороны. Так, в соответствии с директивой Ставки от 5 октября 1942 г., командующий войсками Волховского фронта был обязан организовать на наиболее опасных направлениях Мга — Волхов и Мга — Кириши не менее трех-четырех оборонительных рубежей, иметь здесь оперативный резерв для контрудара по противнику. Такие же указания были даны и по другим ответственным участкам фронта в районе Ленинграда, в частности по укреплению западного берега Невы.

В результате операции, известной под кодовым названием «Искра», в январе 1943 г. согласованным ударом армий Ленинградского и Волховского фронтов при содействии Балтийского флота и объединений Северо-Западного фронта блокада Ленинграда была прорвана. Образовался узкий приладожский коридор прорыва. По нему в рекордно короткий срок была проложена железнодорожная ветка Поляны — Шлиссельбург, построен мост через Неву. Ленинград снова был связан железнодорожным путем со страной. Но при этом не было выполнено задание Государственного Комитета Обороны и Ставки ВГК по обес-

печению безопасности коммуникаций Ленинградского фронта. Поэтому в течение 1943 г. войска Ленинградского и Волховского фронтов провели еще ряд наступательных операций, в ходе которых вновь попытались окружить и уничтожить мгинско-синявинскую группировку противника, расширить приладожский коридор прорыва.

На советско-германском фронте район Ленинграда для немецкого командования действительно стал второстепенным театром военных действий. Судьба всей войны решалась на других фронтах. В этих условиях главной стратегической задачей для командования группы армий «Север» стало неуклонное следование указаниям верховного командования: удерживать занимаемые позиции до последнего солдата, жестко противодействовать наступательным действиям советских войск.

Обстановка на других фронтах войны во многом определяла действия войск Ленинградского и Волховского фронтов, результативность проводимых ими операций. Одновременно тяжелейшие условия существования ленинградцев в условиях блокады заставили и Ставку ВГК, и командующих фронтами использовать любую возможность, чтобы облегчить положение блокированного города, сковать силы противника и нанести им значительный урон.

Блокадный Ленинград. Жизнь города

Оборона Ленинграда — одна из самых ярких и трагических страниц истории Великой Отечественной войны. В бесчеловечных условиях блокады жители города проявили величайшую стойкость и массовый героизм, который стал примером для современников и потомков.

С сентября 1941 г. началась почти 900-дневная блокада Ленинграда. В осажденном городе остались 2 млн 544 тыс. гражданского населения, в том числе свыше 100 тыс. беженцев из Прибалтики, Карелии и Ленинградской области. Вместе с жителями пригородных районов в кольце блокады оказались 2 млн 887 тыс. человек, из них не менее 1 млн 200 тыс. нетрудоспособного населения, в том числе около 400 тыс. детей[111]. Судьба города и его жителей была определена в директиве германского командования:

«1. Фюрер принял решение стереть город Петербург с лица земли. После разгрома Советской России существование этого огромного города не будет иметь никакого смысла. Финляндия также сообщила нам, что она не заинтересована в дальнейшем существовании города рядом с ее новыми границами...

3. Предлагается абсолютно плотно блокировать город и сровнять его с землей с помощью артиллерии всех калибров и непрерывных бомбардировок с воздуха.

Если в результате создавшейся в городе обстановки последуют заявления о сдаче города, они должны быть отклонены...»[112]

С 4 сентября по 30 ноября 1941 г. город обстреливался 272 раза общей продолжительностью 430 часов. Порой горожанам приходилось проводить в бомбоубежищах почти сутки. Всего за период блокады по Ленинграду было выпущено около 150 тыс. снарядов[113]. Осенью 1941 г. в результате артиллерийских обстрелов в городе был убит 681 и получили ранения 2269 человек. Одновременно с артиллерийскими обстрелами начались вражеские бомбардировки Ленинграда, противник временно захватил господство в воздухе. 6 сентября немецкие самолеты подвергли массированной бомбардировке промышленные предприятия и жилые кварталы города. 8 сентября на город было сброшено 6327 зажигательных и 48 фугасных бомб, в результате чего возникло 183 пожара[114]. Против люфтваффе мужественно боролись части ПВО. В сентябре 1941 г. совместными действиями зенитной артиллерии и авиации были отражены налеты 2712 вражеских самолетов, из которых только 480 прорвались к Ленинграду, причем 272 были сбиты[115]. В октябре 1941 г. немецкая авиация стала совершать налеты на высоте 5–7 км, что превышало потолок аэростатов заграждения и досягаемость лучей прожекторов. Зенитчики вынуждены были вести огонь только по звуку.

Набережная реки Фонтанки в Ленинграде после немецкого артобстрела

Воронка от авиабомбы на набережной Фонтанки

Героически защищали Ленинград от немецко-фашистских захватчиков советские летчики. Так, в ночь на 5 ноября 1941 г. младший лейтенант А. Т. Севастьянов, участвуя в отражении налета, совершил ночной воздушный таран, в результате которого сбил вражеский бомбардировщик.

С первых дней июля 1941 г. началась массовая отправка ленинградцев на строительство укреплений на дальних и ближних подступах к городу. Организацией их труда и снабжением инструментами занимались руководство предприятий и районные комиссии по трудовой повинности. Непрерывно новые отряды трудящихся вливались в многотысячную армию строителей укреплений. Среднесуточное количество трудармейцев на оборонном строительстве составило в 1941 г. свыше 133 тыс. человек[116].

Особенно большую роль сыграли коллективы предприятий легкой промышленности, которые не принимали непосредственного участия в выполнении заданий фронта по выпуску оборонной продукции. На строительстве укреплений под Лугой работали свыше 5 тыс. человек с Прядильно-ниточного комбината им. С. М. Кирова. Они соорудили 11-километровую линию обороны с противотанковым рвом. Обувная фабрика «Скороход» за полгода со времени начала войны направила на оборонные работы более 12 тыс. человек[117].

Всего с июля по декабрь 1941 г. на строительстве оборонительных рубежей под Ленинградом работали свыше 475 тыс. человек[118]. Необходимо иметь в виду, что значительная часть трудящихся была занята на оборонном производстве, к тому же каждый день тысячи ленинградцев выбывали из города (уход на фронт, эвакуация и т. д.). В числе женщин, подлежащих трудовой повинности, почти 270 тыс. имели детей дошкольного возраста.

Люди, работавшие на трассах оборонной стройки, опровергали привычные представления о человеческих возможностях, экономически обоснованных нормах и сроках строительства. По собственному почину десятки тысяч трудармейцев отказывались от обычного восьмичасового рабочего дня и трудились столько, сколько требовала обстановка на том или ином участке оборонных работ.

Успешное строительство оборонительных сооружений вокруг Ленинграда и в самом городе во многом зависело от патриотизма, хорошей организации труда, развития социалистического соревнования среди трудармейцев. «Город стал похож на крепость, — вспоминали современники. — Большие магазины и здания учреждений на Невском, Литейном, заводы на Петроградской стороне, промышленные предприятия за Нарвской заставой — всё превратилось в огневые рубежи, укрытые мешками с песком... Все парки в городе были изрыты щелями для укрытия от воздушных налетов. Крест-накрест пересекали они Летний сад и Марсово поле»[119].

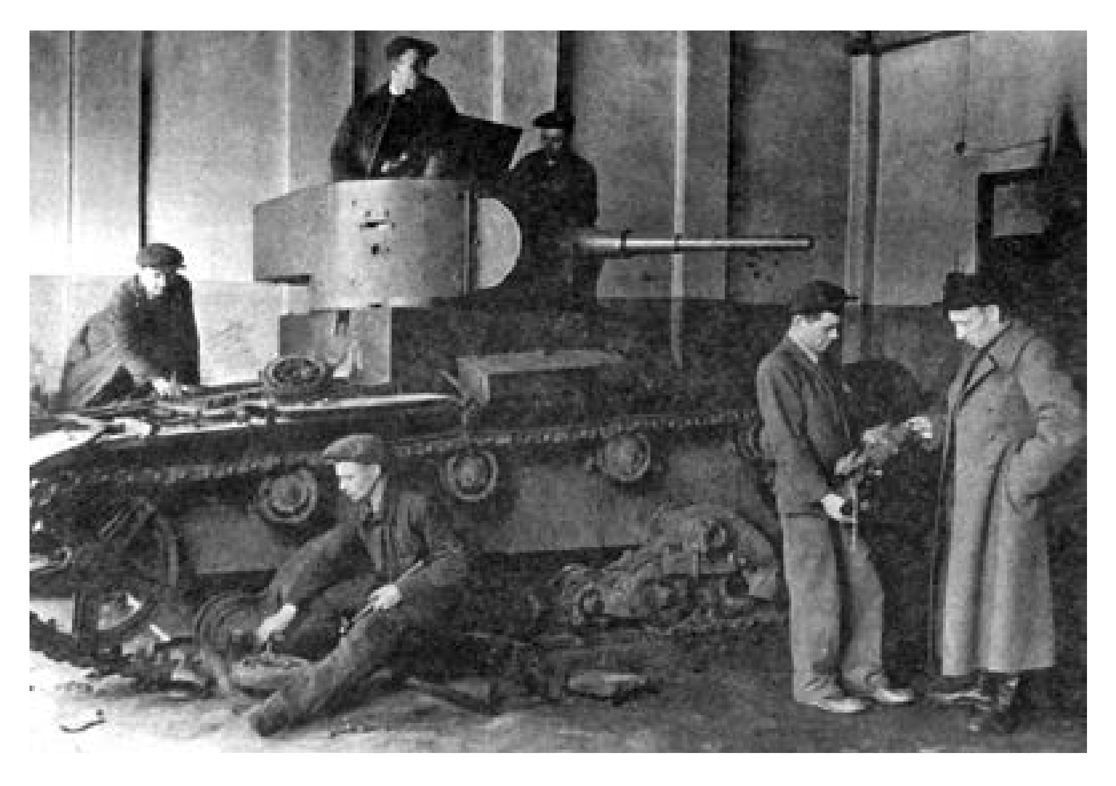
На всех трассах оборонной стройки были созданы сотни, бригады, звенья, получавшие конкретные задания. Повсеместно руководители штабов устанавливали ежедневные нормы выработки, проверяли и учитывали количество работы. Продуманно и организованно велись работы на участках Красногвардейского, Выборгского, Володарского районов. Здесь во главе бригад и сотен ставились умелые организаторы, были хорошо налажены питание и размещение людей, поддерживалась постоянная связь с районами, был установлен четкий порядок выхода на работу и ухода с нее, введены меры поощрения особо отличившихся строителей. Между отдельными бригадами и отрядами было организовано соревнование, которое вскоре переросло в соревнование районов и охватило все участки оборонных трасс. Всего же к 20 августа в Ленинграде были созданы следующие укрепления: 720 км противотанковых рвов, 2800 км щелей-убежищ, 15 000 бронированных огневых рубежей, 35 км баррикад, 4600 бомбоубежищ[120].

В трудной обстановке осени 1941 г. главной задачей трудящихся осажденного города было снабжение фронта вооружением, боеприпасами, снаряжением и обмундированием. Несмотря на эвакуацию ряда предприятий, мощность ленинградской промышленности оставалась значительной. В сентябре 1941 г. предприятия города выпустили более 1 тыс. 76-мм пушек, свыше 2 тыс. минометов, сотни противотанковых орудий и пулеметов[121].

Трудовой героизм ленинградцев и четкая организация работы оборонной промышленности позволили выпустить во втором полугодии 1941 г. 713 танков, 480 бронемашин, 58 броне-

Ремонт крыла советского самолета-истребителя в авиамастерских Ленинграда

Советский танк Т-26 в ремонтном цеху ленинградского завода

поездов, свыше 3 тыс. полковых и противотанковых пушек, около 10 тыс. минометов, свыше 3 млн снарядов и мин, более 80 тыс. реактивных снарядов и авиабомб. Выпуск боеприпасов во втором полугодии 1941 г. увеличился по сравнению с первым в 10 раз. За этот же период было достроено 84 и переоборудовано 186 кораблей разных классов[122]. Часть произведенной в блокированном Ленинграде военной продукции была переправлена воздушным путем советским войскам, оборонявшим Москву. Только в последнем квартале 1941 г. было отправлено более тысячи полковых пушек и минометов[123]. «Спасибо ленинградцам за помощь москвичам в борьбе с кровожадными гитлеровцами», — телеграфировал в осажденный город командующий Западным фронтом генерал армии Г. К. Жуков[124].

Из лиц, не подлежавших первоочередному призыву по мобилизации, формировалось народное ополчение Ленинграда. 27 июня 1941 г. ленинградские областная и городская партийные организации, Военный совет Северного фронта обратились к командованию Красной армии с просьбой разрешить сформировать из трудящихся города добровольческие дивизии. Такое разрешение было получено, и с 30 июня во всех районах Ленинграда развернулось формирование соединений и частей армии народного ополчения. Всего в Ленинграде было подано свыше 288 тыс. заявлений о вступлении в народное ополчение[125]. Основой будущих формирований являлись рабочие промышленных предприятий Ленинграда. Во многих дивизиях они составляли свыше 60% бойцов. Среди добровольцев были и тысячи представителей ленинградской интеллигенции. Комплектование и снаряжение первых ополченческих дивизий было завершено за несколько дней. Уже 10 июля на фронт отправились 1-я Кировская, 13 июля — 2-я Московская, 14 июля — 3-я Фрунзенская и 19 июля — 4-я легкая дивизии народного ополчения. Они заняли позиции на Лужском рубеже обороны и в Красногвардейском укрепленном районе. С 18 июля по 17 августа были сформированы четыре гвардейские дивизии (1, 2, 3 и 4-я) из 34 тыс. ленинградцев-добровольцев, в первой половине сентября — 6-я и 7-я дивизии народного ополчения[126].

За три месяца была создана Ленинградская армия народного ополчения численностью свыше 135 тыс. человек. Всего к концу сентября 1941 г. в Ленинграде было сформировано 10 дивизий народного ополчения, 14 пулеметно-артиллерийских батальонов, семь истребительно-партизанских полков, несколько истребительных батальонов и других формирований, в общей сложности насчитывавших около 160 тыс. человек[127].

С мая 1942 г. на предприятиях Ленинграда стали создаваться вооруженные рабочие отряды внутренней обороны, предназначавшиеся для поддержки войск в случае прорыва врага в город. К октябрю 1942 г. было создано 232 таких отряда численностью 19 тыс. человек.

В соответствии с решением бюро горкома партии от 9 октября 1942 г. рабочие отряды были переформированы в 52 отдельных стрелковых батальона общей численностью около 27 тыс. человек. Каждому батальону ставилась задача закрепиться на определенном рубеже и удерживать позиции внутригородской обороны. Большинство ополченцев участвовали в оборонительных сражениях на подступах к Ленинграду. Слабо обученные, без опыта применения оружия, плохо вооруженные, не прошедшие боевого слаживания подразделений, они несли огромные потери, но вместе с кадровыми частями и соединениями сыграли важную роль в срыве планов немецко-фашистского командования по захвату Ленинграда.

Всего же в народном ополчении за время войны (в том числе и за период существования Ленинградской армии народного ополчения), включая рабочие отряды и батальоны численностью около 128 тыс. и около 300 тыс. задействованных в военизированных частях местной ПВО, состояло около 590 тыс. человек[128].

Предприятия легкой промышленности снабжали войска Ленинградского фронта теплым обмундированием и бельем. Швейные, меховые, обувные фабрики и ряд других ленинградских предприятий изготовляли шинели, полушубки, валенки, шапки-ушанки, маскировочные халаты и т. д. По призыву рабочих фабрики «Пролетарская победа» в Ленинграде для бойцов-фронтовиков начался сбор теплых вещей, коих до наступления зимних холодов трудящиеся Ленинграда изготовили и собрали свыше 400 тыс.[129] Потребность фронта в зимнем обмундировании и других теплых вещах была удовлетворена.

Ремонт корабельных орудий в цехе завода «Большевик»

Большую помощь ленинградской промышленности оказали ученые. Вся научная работа проводилась в тесной связи с производством, ее результаты немедленно находили применение в создании новых видов вооружения, боеприпасов, медикаментов и т. д. Для многих ученых научно-исследовательскими лабораториями стали передний край фронта, боевые корабли, фабрики и заводы.

Крупнейшие ученые Ленинграда продолжали работать в блокированном городе. В октябре 1941 г. в Ленинграде трудились 12 академиков и 15 членов-корреспондентов Академии наук СССР. Академики С. А. Жебелев и А. А. Ухтомский, несмотря на неоднократные предложения, отказались покинуть осажденный город. Только после правительственного распоряжения эвакуировались академики И. И. Мещанинов и Л. А. Орбели, лишь в декабре 1941 г. после седьмого по счету предложения согласился выехать из Ленинграда академик А. А. Банков. В постановлении Совета по эвакуации от 28 октября 1941 г. предусматривался немедленный вывоз из Ленинграда самолетами 200 наиболее видных представителей науки[130].

Вместе со всем народом ученые поднялись на защиту Отечества. Подавляющее большинство сотрудников ленинградских учреждений Академии наук СССР в возрасте от 18 до 50 лет вступили в народное ополчение. Проводилась массовая эвакуация научных учреждений и вузов в тыл. С первых дней войны во всех институтах, музеях, библиотеках и архивах принимались срочные меры по охране научных ценностей. Книги, рукописи, музейные экспонаты, приборы упаковывали в ящики и мешки, а затем переносили в нижние этажи и подвалы зданий. Осуществлялись и противопожарные мероприятия. В июле 1941 г. в Новосибирск из Пушкинского дома были эвакуированы рукописи А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина и других писателей.

8 сентября 1941 г. вокруг города замкнулось кольцо блокады. На долю оставшихся в городе ученых выпали тяжелейшие испытания: налеты вражеской авиации и артиллерийские обстрелы, голод, холод. Но работа академических учреждений продолжалась.

Зимой 1941–1942 гг. ученые Ботанического института сумели спасти около 4000 редких растений, многие из которых размещались в их квартирах. Ботаники не жалели ни сил, ни здоровья, чтобы улучшить продовольственное снабжение ленинградцев. Весной 1942 г. сотрудники Ботанического института вырастили 5,5 млн штук рассады овощей. В институте успешно проводили опыты по извлечению витамина С из хвои, давали консультации жителям города о выращивании сельскохозяйственных культур. Это была действенная помощь ленинградцам в борьбе с голодом, дистрофией, цингой[131].

Не прекращались исследования и по гуманитарным наукам. Представители художественной и научной интеллигенции вместе со всеми ленинградцами сражались за свой город, сохраняли научные и культурные ценности музеев, библиотек, институтов — национальное богатство страны, вели творческую, преподавательскую, научную работу. Труды Е. В. Тарле, А. В. Предтеченского, В. В. Мавродина, имена академиков И. Ю. Крачковского, И. А. Орбели, С. А. Жебелева, Б. В. Асафьева и других ученых-ленинградцев вошли в историю науки и культуры. Это были люди огромной личной ответственности, гражданского долга, работавшие с небывалым творческим подъемом и необыкновенной целеустремленностью. Всемирно известный востоковед И. Ю. Крачковский с июля 1941 г. по июль 1942 г. подготовил 14 глав монографии «Обзор арабской географической литературы», одновременно вел занятия в Институте востоковедения и университете и, как все ленинградцы, рубил и носил дрова, доставал из проруби воду. Крачковский покинул Ленинград только в июле 1942 г. тяжелобольным. «Научная работа, — писал Б. Б. Пиотровский, — очень облегчала нам тяжелую жизнь. Те, у кого день был занят работой, легче переносили голод, чувство голода со временем переходило в физическое недомогание, мало похожее на желание есть в обычных условиях, и так же, как всякое недомогание, оно легче переносилось в работе. Мои научные статьи, написанные в Ленинграде зимой 1941–1942 гг., удовлетворяют меня более, чем некоторые из выполненных мной в мирной обстановке. И это понятно: в ту зиму можно было или не писать, или писать с большим подъемом, среднее исключив»[132].

Погрузка сколотого льда и снега в грузовой трамвай на проспекте 25-го октября

Толкучка у Кузнечного рынка в блокадном Ленинграде

Рассказывая о блокадной зиме 1941—1942 гг., О. Берггольц говорила о том, как спасали работники Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина частные библиотеки: «Казалось бы, не до книг в городе, терпящем такое бедствие, но работники Публичной библиотеки не дали погибнуть осиротевшим, оставшимся без защиты книгам: совершая огромные переходы пешком, качаясь от слабости и тяжелого груза, возили тома из библиотеки в свой фонд и спасали для будущих поколений сотни, тысячи книг, рукописей, архивов»[133]. Так были спасены библиотеки и архивы пушкиниста Н. О. Лернера, литературоведа Д. И. Выгодского, рукописи В. Я. Брюсова, материалы по истории русского театра А. Й. Брянского, архив журнала «Русское богатство» и другие ценные собрания.

Мужественная, беспримерная защита и охрана ленинградских памятников архитектуры и искусства — одна из наиболее ярких страниц в истории отечественной культуры. Спасение ценностей Эрмитажа, этого уникального музея, стало священным долгом всего советского народа и государства. Успешная и своевременная эвакуация его богатств была обеспечена всесторонней помощью коллективу музея со стороны всех организаций города.

Подвиг сотрудников Эрмитажа неотделим от подвига всех тружеников Ленинграда, которые самоотверженно оставались на своем посту — у станка, в научной лаборатории, у мольберта. С Эрмитажем неразрывно связана жизнь академика И. А. Орбели, руководившего музеем с 1934 г. Он не только вел огромную научную работу, казалось бы, непосильную для пожилого и больного человека, но и более 200 раз выступал среди моряков-балтийцев, жителей города, научной элиты. Он часто говорил: «Мы, ленинградцы, во имя высокой цели перенесем и холод, и голод...»

Опасность прорыва гитлеровцев в город вынудила руководство Ленгорисполкома обязать дирекцию и сотрудников Эрмитажа пойти на эвакуацию фондов, чтобы сохранить мировые шедевры искусства и культуры для будущих поколений. В начале июля в глубь страны отправился первый эшелон специального назначения из Эрмитажа. Впереди, проверяя путь, двигался контрольный паровоз. Станцию назначения, куда направлялись 22 бронированных вагона, не знали даже работники музея, сопровождающие эрмитажные сокровища. Утром 6 июля товарный состав с ценнейшим грузом прибыл в Свердловск.

В середине июля над Ленинградом нависла прямая угроза вторжения врага из-за захвата Пскова немецко-фашистскими войсками. Поэтому 20 июля из Ленинграда отбыл второй эшелон из 23 вагонов, который увез 1422 ящика, более 700 тыс. экспонатов музея. Небольшое количество картин Эрмитажа было отправлено на хранение в Ереванскую картинную галерею, основная же часть бесценных собраний была перевезена в Свердловск четырьмя составами.

Еще шла война, но была уже снята блокада Ленинграда, и 24 августа 1944 г. Совнарком СССР принял постановление об отпуске средств на восстановление Эрмитажа. Необходима была громадная строительно-реставрационная работа по восстановлению крупнейшего культурного центра страны. Сотрудники музея стали малярами, плотниками, стекольщиками, штукатурами. Академик И. А. Орбели с присущей ему энергией взялся за дело. Решение о реэвакуации художественных собраний Государственного Эрмитажа было принято Совнаркомом СССР 29 августа 1945 г., и 4 ноября главный музей страны распахнул свои двери.

Но были и тяжелые потери. Война и блокада нанесли городу колоссальный ущерб. В руины была превращена Пулковская обсерватория. Многие академические здания пострадали от бомб и артиллерийских снарядов. Всего из числа сотрудников ленинградских учреждений Академии наук на фронтах погибли 57 человек. Во время блокады в Ленинграде умерли 470 академических сотрудников, в том числе четыре академика (С. А. Жебелев, П. К. Коковцов, А. А. Ухтомский и Ф. И. Щербатской), 23 доктора и 66 кандидатов наук[134].

Суровые условия блокады не смогли полностью нарушить нормальный ритм жизни в городе-фронте. В сентябре — октябре 1941 г. 40 ленинградских вузов открыли свои двери для студентов. Их деятельность также была направлена на решение задач обороны города. Особое внимание в новых, переработанных и сокращенных учебных планах обращалось на обучение всех студентов и профессорско-преподавательского состава военному делу, противохимической и противопожарной защите. Первостепенная роль отводилась тем кур-

Части Красной армии направляются на передовую по ленинградским улицам

Бойцы восстановительной команды после бомбежки разбирают развалины ленинградского дома

сам и дисциплинам, которые в условиях военного времени имели практическое значение. Оборонная тематика нашла свое выражение в дипломных работах студентов. Большинство студентов учебные занятия совмещали с работой на заводах и фабриках, в производственных мастерских, на строительстве оборонительных укреплений, в рабочих отрядах, госпиталях, командах местной противовоздушной обороны (МПВО) и т. д. Во всех институтах учебные занятия были построены так, что позволяли чередовать оборонную и академическую работу.

Несмотря на суровую обстановку фронтового города, Ленинградский городской комитет партии и городской Совет депутатов трудящихся приняли решение продолжать обучение детей. В конце октября 1941 г. 60 тыс. школьников 1–4-х классов приступили к учебным занятиям в бомбоубежищах школ и домохозяйств, а с 3 ноября в 103 школах Ленинграда за парты сели еще более 30 тыс. учащихся 7–10-х классов[135].

Каждая фабрика, завод, учреждение, институт, школа Ленинграда шефствовали над какой-либо частью. Осенью 1941 г. ленинградский комсомол послал на фронт более 200 комсомольско-молодежных делегаций, которые вручили бойцам свыше 30 тыс. индивидуальных подарков[136]. Назад они везли письма и посылки родным бойцов, навещали их родственников, выполняли поручения. Большая заслуга комсомольцев была в создании фронтовых библиотек.

По первому зову на фронт выезжали работники искусств осажденного города. Под артиллерийским огнем, дождем и снегом они, неся на себе реквизит, пробирались к передовой, патриотической песней, иронией над противником и шуткой над тяготами военного быта поднимали настроение личного состава, вдохновляли на подвиги.

Осенью 1941 г. в Ленинграде, как и во всей стране, началось движение за создание Фонда обороны страны. Ленинградцы отдавали в него свои сбережения, отчисляли средства из заработной платы, жертвовали драгоценности, золотые и серебряные вещи и т. д. Всего на 20 сентября 1941 г. ленинградцы внесли свыше 22 млн рублей наличными и отчислениями от зарплаты[137]. Весомым был вклад Русской православной церкви.

Исключительно важным средством мобилизации политической и трудовой активности населения блокированного города стало радио. Оно связывало ленинградцев со всей страной, держало их в курсе основных событий, происходивших за кольцом блокады, служило одним из источников их выдержки, стойкости и энергии. Организованные из осажденного Ленинграда еженедельные радиопередачи Москва принимала и транслировала по всей стране.

В начале ноября 1941 г. над осажденным Ленинградом нависла смертельная опасность. С потерей Тихвина возникла реальная угроза создания второго кольца блокады, а следовательно, полного прекращения подвоза продовольствия и горючего. 9 ноября 1941 г. в самом Ленинграде муки имелось на семь дней, крупы — на восемь, жиров — на четырнадцать, большая же часть запасов находилась за Ладожским озером, которое к этому времени еще не замерзло[138]. Это обстоятельство вынудило руководство города в четвертый раз снизить нормы выдачи продовольствия населению. С 13 ноября рабочие получали 300 г, а остальное население — 150 г хлеба[139]. Через неделю, чтобы не прекратить выдачу хлеба совсем, Военный совет Ленинградского фронта был вынужден принять решение о сокращении и без того голодных норм. С 20 ноября ленинградцы стали получать самую низкую норму хлеба за все время блокады — 250 г по рабочей карточке и 125 г по служащей, детской и иждивенческой[140]. Если учесть, что рабочие карточки в ноябре — декабре 1941 г. получала только третья часть населения, то мизерность этих норм станет очевидной. Для снабжения ленинградцев тогда ежедневно расходовалось всего 510 тонн муки[141].

Зимой 1941–1942 гг. руководство Ленинграда установило план по подледному лову: до 12 тонн рыбы в сутки. Этот объем вполне приемлем и легко добываем в мирных условиях, но не в военное время. Рыбаки, по сути, оказывались на передовой — ведь ловить рыбу им приходилось в Финском заливе, на виду у врага. В первый же день лова рыбаки Ораниенбаума были обстреляны, двое погибли. В дальнейшем рыбаки надевали белые маскировочные халаты.

Жестокий голод усугублялся наступившими сильными холодами, почти полным отсутствием топлива и электроэнергии. В декабре 1941 г. топлива не хватало даже для обеспечения

Ленинградцы на Загородном проспекте во время мороза

Часовой на набережной 9-го января

работы важнейших оборонных предприятий, электростанций, госпиталей. Суточная выработка электроэнергии с сентября по декабрь 1941 г. сократилась почти в семь раз. Чтобы уменьшить расходы электроэнергии, в декабре был остановлен общественный транспорт. Ленинградцы стали передвигаться только пешком, изнурительные переходы отнимали последние силы. Придя с работы домой, люди не имели возможности даже согреться, так как система центрального отопления замерзла.

В январе 1942 г. в большинстве домов вышли из строя водопровод и канализация. 25 января 1942 г. главная водопроводная станция не получила электроэнергии, что грозило оставить предприятия без воды. На помощь пришли военные моряки, которые в труднейших условиях смонтировали четыре дизеля аварийной станции.

Неблагоприятные обстоятельства резко увеличили смертность. Главной ее причиной была так называемая алиментарная дистрофия, то есть голодное истощение. Первые больные истощением появились в больницах в начале ноября 1941 г., а уже к концу месяца от голода погибли свыше 11 тыс. человек. В декабре 1941 г. умерли почти 53 тыс. мирных жителей[142], что превысило годовую смертность в городе за 1940 г. В январе — феврале 1942 г. в Ленинграде, по разным данным, умерли от 120 тыс. до 200 тыс. человек[143]. В июне 1942 г. в городе скончались 33 716, в июле — 17 629, а в августе — 8967 человек. Снижение смертности, как отмечают современные исследователи, объяснялось успешной работой ледовой Дороги жизни, а затем — Ладожской военной флотилии. Появилась возможность создать запасы продовольствия в городе и эвакуировать более 1 млн больных стариков, детдомовцев, женщин с детьми, что также улучшило снабжение продовольствием оставшихся в городе жителей[144].

Как следует из объяснительной записки городского статистического управления от 25 июля 1944 г. в Центральное статистическое управление РСФСР, высокие показатели смертности в Ленинграде были вызваны не артиллерийскими обстрелами и авиационными налетами, но самим режимом блокады. В результате же артобстрелов и бомбежек погибло свыше 10 тыс. мирного населения (преимущественно женщин, детей и стариков), что составило в 1941 г. — 5,3% умерших, в 1942 г. — 0,4% и в 1943 г. — 10,1%. Высокие показатели смертности от заболеваний сердца и сердечно-сосудистой системы объясняются дистрофичными нарушениями. По этой же причине интенсивно росла смертность от гипертонической болезни. Наиболее высокой была смертность от туберкулеза, чистой дистрофии и авитаминозов — как следствие нарушенного питания[145].

Горе пришло в каждую семью. На глазах у матерей и отцов умирали их сыновья и дочери, дети оставались без родителей, многие семьи вымирали полностью.

Гибель многих сотен тысяч ленинградцев от голода и обстрелов навсегда останется одним из самых тяжких преступлений фашизма. Быт блокадного Ленинграда зимой 1941–1942 гг. не поддается описанию. Не работали почти все бани и прачечные, в магазинах не было ни обуви, ни одежды, ни хозяйственных товаров. Помещения освещались с помощью коптилок и лучин, а обогревались печками-времянками, от которых были закопчены не только стены и потолки, но и лица людей. У водоразборных колонок и прорубей стояли длинные очереди за водой. Ленинградцы жили в постоянном нервном напряжении, обстрелы следовали один за другим. Испытания изменили облик жителей осажденного города, даже молодые выглядели стариками.

В зимние дни истощенные ленинградцы, опираясь на палочки, экономя каждое движение, передвигались по заваленным сугробами улицам. Поскользнувшись, человек часто уже был не в силах подняться. На помощь приходила «пешая скорая помощь» — бойцы МПВО, дружинницы Красного Креста, комсомольцы, которые доставляли подобранных на улицах в питательно-обогревательные пункты. Улучшению бытового положения ленинградцев во многом способствовали санитарно-бытовые комиссии, созданные по решению горкома партии при каждом домоуправлении в феврале 1942 г. В марте 1942 г. в Ленинграде работало 2559 санитарно-бытовых комиссий, действовали 624 кипятильника, 123 домашние бани и 610 домашних прачечных[146].

Родственники везут на кладбище умершего блокадника

Полное истощение людей не сломило их

В Ленинграде день ото дня стало увеличиваться число детей, оставшихся без родителей. Имевшиеся в городе детские дома не могли вместить всех. За пять месяцев 1942 г. было открыто 85 детских домов, приютивших 30 тыс. сирот. Партийные и комсомольские организации широко развернули работу по выявлению безнадзорных детей и определению их в детские дома. Сироты-подростки распределялись в ремесленные училища, спецшколы и другие учебные заведения. Среди населения собирали одежду, обувь, кроватки, посуду и другие вещи, необходимые детским домам. Из комсомольцев были созданы бригады, помогавшие обслуживающему персоналу детских домов налаживать работу. Ленинградские девушки доставляли воду, мыли помещения, обшивали ребят, вели среди них воспитательную работу.

Во второй половине января 1942 г. в связи с наладившимся подвозом по Ладожской ледовой дороге произошло заметное увеличение продовольственных запасов. С 24 января 1942 г. ленинградцы стали получать 400 г хлеба по рабочей карточке, 300 г — по карточке для служащих и 250 г — по детской и иждивенческой карточкам. 11 февраля 1942 г. была объявлена третья прибавка продовольствия для населения: рабочим и инженерно-техническому составу — 500 г хлеба (рабочим горячих цехов — 700 г), служащим — 400 г, по детским и иждивенческим карточкам — 300 г.[147]

Были увеличены нормы снабжения и другими продуктами питания. Норма выдачи крупы и макарон достигла того уровня, который был в начале введения карточной системы. По карточкам стали выдавать мясо, сливочное масло, клюкву, сухой лук, и хотя голодная смерть все еще продолжала бушевать, население облегченно вздохнуло. Каждому стало ясно, что самые страшные дни позади.

Сломить стойкость и волю защитников города к сопротивлению, победить их голодной смертью немецко-фашистским захватчикам так и не удалось. Верные своему долгу ленинградцы отдавали последние силы делу обороны родного города. С непоколебимой верой они заверяли всю страну: «Живы. Выдержим. Победим!». И страна делала всё, чтобы облегчить положение осажденного Ленинграда, приблизить победу над жестоким врагом.

Одной из главных задач весны 1942 г. стало наведение санитарного порядка в городе, не убиравшемся в течение всей зимы. Дворы, улицы, площади и набережные были покрыты толстым слоем снега и льда, завалены мусором и нечистотами. В антисанитарном состоянии находились и жилые помещения. Все это с приближением весны грозило массовыми эпидемиями. В марте состоялись первые воскресники по уборке города, а с 25 марта решением исполкома Ленгорсовета на очистку города было мобилизовано все трудоспособное население. Несмотря на истощение и слабость, десятки и сотни тысяч ленинградцев вышли на уборку города[148]. К середине апреля работа по наведению чистоты, в которой в отдельные дни участвовали свыше 300 тыс. человек, была закончена, и с 15 апреля в Ленинграде снова пустили пассажирские трамваи.

Предпринятые меры по ликвидации последствий голодной зимы стали важнейшей предпосылкой для возобновления работы ленинградской промышленности в объеме, необходимом для выполнения заказов Ленинградского фронта, который из-за бездействия большинства предприятий города стал испытывать острый недостаток в боеприпасах. Фронт нуждался также в ремонте военной техники.

Необходимым условием налаживания нормальной жизни города было восстановление водопровода и канализации, почти полностью выведенных из строя зимой 1941–1942 гг. Если в январе 1942 г. вода с водонапорных станций поступала только в 85 жилых домов, то в мае водопровод действовал уже в 3300 домах, то есть более чем в трети всех каменных жилых домов Ленинграда. Очереди за водой постепенно исчезали. Канализационная сеть была восстановлена в большинстве домов. Ленинградцы приступили также к ремонту своих жилищ, школ, больниц, коммунальных учреждений. Снова открылись бани, прачечные, парикмахерские.

Из опыта страшной зимы 1941–1942 гг. были извлечены уроки, и подготовка к новой блокадной зиме началась уже летом 1942 г. Помимо централизованных усилий руководство города проводило широкую информационную работу среди населения относительно подго-

Расчет зенитного орудия на набережной Ленинграда

Ленинградские ополченцы получают оружие

Молодые ленинградские рабочие во время учебных занятий

Картина И. И. Осенева «Комсомольцы на строительстве оборонительных рубежей под Москвой». 1948 г.

Картина Т. Г. Гапоненко «После изгнания фашистских оккупантов». 1943–1946 гг.

Картина Г. П. Татарникова «Ленинград в блокадную зиму». 1942 г.

Картина неизвестного художника «Ладожская ледовая трасса». 1945 г.

Картина И. А. Серебряного «Портрет партизана В. Е. Тимачева». 1943 г.

Картина Г. И. Марченко «Зенитная артиллерия в обороне Сталинграда». 1947 г.

Картина В. К. Дмитриевского «Сталинградская переправа в 1942 году». 1950 г.

Картина В. Г. Одинцова «За Сталинград. Нашли товарища». 1945 г.

Картина В. Е. Памфилова «Освобожденная земля Смоленщины». 1943 г.

Картина В. Е. Памфилова «Артиллерия под Демянском. 1943 г.». 1944 г.

Картина В. Е. Памфилова «Бой на оборонительном рубеже». 1943 г.

Картина И. И. Кудрявцева «Клятва гвардейцев перед знаменем». 1947 г.

Картина А. И. Харшака «За что?». 1943 г.

товки жилого фонда к зиме для предотвращения замерзания водопроводных и канализационных сетей, а также необходимых противопожарных мер в связи с широким использованием домашних печей.

Все квартиросъемщики, проживавшие на верхних этажах жилых домов, должны были перейти в пустые квартиры на трех нижних этажах для предотвращения замерзания на этих этажах водопроводных и канализационных труб. Установка временных печей в квартирах проводилась с санкции пожарной службы. К октябрю 1942 г. было отремонтировано 872 тыс. кв. метров кровли и 48 064 печи, очищено 220 000 труб. Почти 6 млн кв. метров окон были застеклены или покрыты фанерой, трубы изолированы[149].

Крупнейшим событием культурной жизни Ленинграда 1942 г. явилось исполнение симфоническим оркестром под управлением К. И. Элиасберга «Седьмой симфонии» Д. Д. Шостаковича, законченной композитором в условиях блокады и получившей название «Ленинградской». Мысль исполнить эту симфонию возникла у музыкантов симфонического оркестра Радиокомитета еще в марте 1942 г. На Новый год музыканты, несмотря на крайнюю степень изможделия, дали концерт в прямом эфире, а ленинградская премьера «Седьмой симфонии» состоялась 9 августа. Она прозвучала в осажденном городе не только как вызов врагу, но и как провозвестник победы.

С начала мая 1942 г. возобновились прерванные зимой занятия в школах. В Ленинграде и Кронштадте было открыто 148 школ, где обучались более 60 тыс. человек.

Принятые меры по ликвидации последствий голодной зимы позволили восстановить нормальную жизнь в городе, наладить выпуск боеприпасов и вооружения, укрепить оборону города, подготовить защитников Ленинграда к дальнейшей борьбе с врагом, окопавшимся под стенами города. Прежде всего необходимо было закончить сооружение оборонительных рубежей, которое как в самом Ленинграде, так и на его подступах в феврале — марте 1942 г. почти полностью прекратилось. Из более чем 90 тыс. ленинградцев, трудившихся в ноябре 1941 г. на оборонном строительстве, к апрелю 1942 г. остались всего около 2 тыс. человек. Решением горисполкома от 31 мая 1942 г. население Ленинграда мобилизовывалось в порядке трудовой повинности на быстрейшее завершение оборонительных работ. Ленинградцы вновь взяли в руки лопаты, топоры, кирки, носилки и ломы. В июле на строительстве оборонительных рубежей работали почти 45 тыс. человек[150].

Зимой 1942—1943 гг. немецкие войска ожесточенно обстреливали Ленинград, вражеская авиация беспрерывно совершала налеты на город, что причиняло сильные разрушения и приводило к большим жертвам среди населения. С ноября 1942 г. по март 1943 г. фашисты обрушили на Ленинград 7454 снаряда, 381 фугасную и около 1600 зажигательных бомб. За это время при обстрелах и бомбардировках были убиты 383 человека и 1518 ранены[151].

Подвергая город частым обстрелам и бомбежкам, фашистское командование надеялось нарушить повседневную жизнь ленинградцев, вывести из строя работавшие промышленные предприятия, парализовать работу городского транспорта. Однако эти попытки были обречены на неудачу. Даже когда вражеским артиллеристам и летчикам удавалось причинить ущерб какому-либо предприятию, на нем в кратчайшие сроки ликвидировали последствия и возобновляли выпуск продукции, которая в подавляющем большинстве шла на фронт.

Ликвидация последствий вражеских обстрелов и бомбардировок проводилась прежде всего подразделениями МПВО. Начавшая выходить в марте 1943 г. газета «Боец МПВО» рассказывала о наиболее отличившихся бойцах и командирах. На страницах часто фигурировали имена командира саперной роты А. П. Матохина, подрывников А. Ф. Литвинова и А. А. Зайцева-Лидина, отважных девушек А. И. Смирновой и З. Ивановой, которые спасли жизни многих ленинградцев.

В зимний период 1942—1943 гг. боеготовность частей МПВО по сравнению с предыдущей зимой значительно повысилась, чему способствовало общее улучшение обстановки в городе. Положительно сказалась на деятельности МПВО в сложных зимних условиях и проведенная в августе 1942 г. реорганизация, в ходе которой отряды местной самозащиты пополнились медико-санитарными службами. К 1 января 1943 г. в батальонах МПВО насчитывалось более

21 тыс. человек[152]. Ликвидировать последствия вражеских налетов подразделениям МПВО помогали группы самозащиты при домохозяйствах, а также все население Ленинграда.

Регулярное снабжение Ленинграда продовольствием зимой 1942–1943 гг. позволило обеспечить население осажденного города продуктами по нормам, установленным для Ленинграда в 1942 г., а по некоторым продуктам — даже по нормам других городов страны. Ленинградцы получали меньше хлеба, чем москвичи и жители других городов, но в то же время норма выдачи сахара, крупы, жиров превышала московскую. Вместе с тем проблема обеспечения продуктами населения Ленинграда была значительно сложнее, чем в других районах страны. Большую часть ленинградцев составляли люди, перенесшие дистрофию, зачастую чудом сумевшие избежать голодной смерти. Однако им приходилось нести физическую и нервную нагрузку, во много раз более тяжелую, чем до войны. Наличие в Ленинграде овощей, выращенных на индивидуальных и коллективных огородах, позволило дополнить блокадный рацион. Вместе с тем питание, которым обеспечивались ленинградцы, давало возможность лишь поддерживать силы истощенных людей. Как только наступили холода, сразу заметно ухудшилось здоровье наиболее истощенных ленинградцев.

Важным вопросом для города-крепости было военное производство, обеспечение промышленности кадрами. В ряды рабочих в 1942 г. влилось много домохозяек, подростков из самых различных семей, часто ранее непосредственно не связанных с промышленностью. На производство пришло и значительное число бывших служащих и работников торговли. В конце 1942 г. в ленинградской промышленности были заняты примерно 250 тыс. человек, то есть столько, сколько предполагалось оставить в городе после эвакуации. Значительную часть работавших составляла молодежь. По данным городского комитета ВЛКСМ, в Ленинграде зимой 1942–1943 гг. число молодежи на заводах и фабриках достигало 53 967 человек, из которых 15 567 были комсомольцами. В рядах Ленинградской комсомольской организации зимой 1942–1943 гг. состояли 32 897 человек.

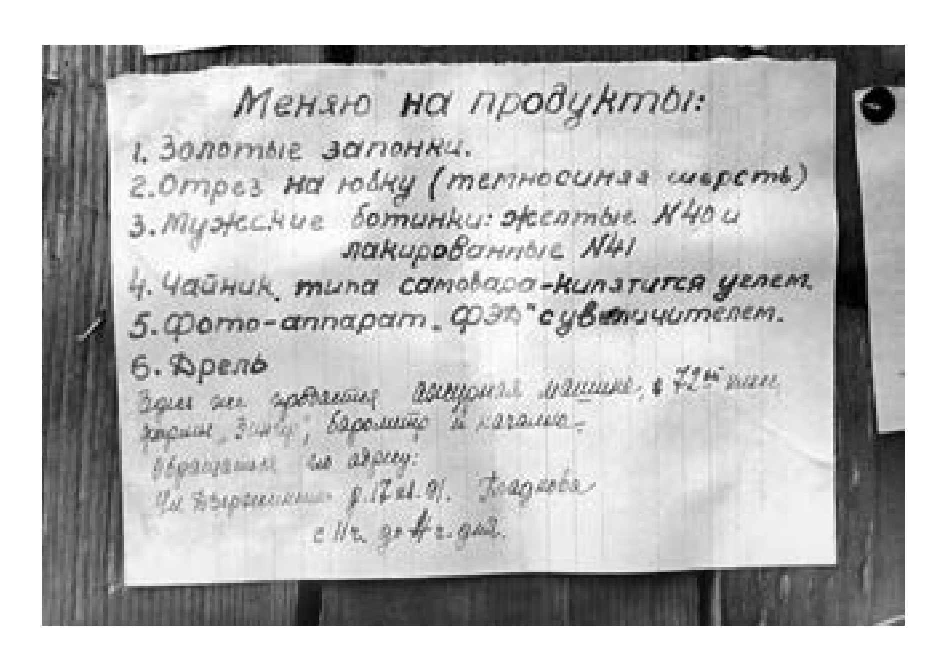
К концу 1942 г. 77,4% всех работавших в ленинградской промышленности составляли женщины, в том числе 82% женщин-работниц были в возрасте от 18 до 49 лет[153]. Кадровые рабочие, которые остались на предприятиях в дни второй военной зимы и на чью долю выпала ответственная задача обучения и воспитания молодого поколения, составляли незначительную часть. На 15 декабря 1942 г. в ленинградской промышленности было 9587 высококвалифицированных специалистов[154].

В блокированном Ленинграде действовали шесть кредитных учреждений с многочисленной сетью филиалов и агентств: Ленинградская контора Госбанка, Ленпромстройбанк, Леноблконтора сельхозбанка, Леноблконтора банка финансирования капстроительства, торговли и кооперации, Ленкомбанк и система сберегательных касс[155]. Когда войска противника заняли Петергоф и Пушкин, местные сберкассы успели переместиться в Ленинград, где они были объединены с городскими сберкассами[156]. В начале октября 1941 г. в Ленинграде действовало 116 сберкасс[157]. К концу 1942 г. в результате объединения этих учреждений их число снизилось до 53[158], а к концу 1943 г. в Ленинграде работала только 51 сберкасса.

Банкам и сберкассам блокадного города была присуща своя специфика. Она касалась как профессиональной, так и общественной деятельности этих учреждений. Их сотрудникам вменялся в обязанность постоянный контроль над затратами предприятий. Появлявшиеся у фабрик и заводов свободные средства мгновенно изымались и поступали в доходную часть бюджета города, чтобы вскоре быть перечисленными на военные нужды государства[159].

Во втором полугодии 1941 г. финансовые органы получили задание сократить бюджетные расходы Ленинграда на 157 млн рублей. В результате сокращения расходов по финансовым планам предприятий и коммунальных хозяйств финансовым органам удалось сверх плана мобилизовать в бюджет 45 млн рублей[160].

За 11 месяцев 1943 г. доходы городского бюджета в Ленинграде составили 148,2%: при плане 410,8 млн рублей было собрано 609,3 млн рублей. Это дало возможность Ленинграду не только отказаться от государственных дотаций, но и перечислить в госбюджет 200 млн рублей на нужды фронта[161].

Объявление о продаже и обмене вещей на продукты в блокадном Ленинграде

Паровоз, передвигающийся по трамвайным рельсам,
на Загородном проспекте в блокадном Ленинграде

Невский проспект зимой в блокадном Ленинграде

Бойцы инженерных частей в Ленинграде

Жизнь и борьба ленинградцев в течение 900 дней блокады и защиты осажденного города вызвали удивление и восхищение современников, навсегда вошли в историю как пример героизма, выдержки, стойкости, мужества. В дни ожесточенных боев, во время ежедневных артиллерийских обстрелов и бомбардировок, ослабевшие от холода и голода, преодолевая нечеловеческие трудности, продолжали свою творческую работу ленинградские ученые, поэты, художники, композиторы, сотрудники музеев, библиотек. На фашистское варварство ленинградцы отвечали творчеством, созиданием. В трагические дни блокады проявились их лучшие душевные качества, человеческое достоинство, необыкновенное чувство товарищества и взаимопомощи[162].

Оборона Ленинграда — свидетельство морально-политического единства советского народа, выдержавшего труднейший экзамен в огне грандиозных битв 1941–1945 гг. Как писали восточногерманские историки: «Шестьсот тридцать две тысячи человек погибли от голода в городе Ленинграде... Они погибли от мук, но они не сдались. Перед лицом неминуемой смерти они не только не стали обузой для защитников, но и сражались с ними плечом к плечу. Ни одна армия мира... не смогла бы удержать город, если бы его жителей охватило отчаяние. Шестьсот тридцать две тысячи мужчин, женщин и детей умирали как солдаты, глядя в лицо врагу. Ленинград пал бы без их молчаливого самопожертвования»[163].

Что же помогало людям выжить в бесчеловечных условиях блокады? В самые тяжелые дни, отрезанные от Большой земли, ленинградцы продолжали чувствовать себя неотъемлемой частью всего советского народа, они знали, что их поддерживает вся страна, помощь придет, наступит долгожданный день победы над врагом. Это помогало переносить обстрелы и бомбардировки, голод, холод и другие страшные испытания блокады.

В городе, в котором в 1941 г. без артобстрела обошлось лишь 12 дней, а в 1942 г. — 20 дней[164], фиксировались не только трагические события. На фоне ужасающего количества смертей появлялась и новая жизнь. Рождаемость в Ленинграде достигла минимума в октябре 1942 г., когда в среднем за сутки появлялись на свет меньше двух детей. За весь 1942 г. в среднем за сутки рождалось только 34 ребенка против 182 в 1941 г. Начиная с ноября 1942 г. среднесуточное число появившихся на свет малышей начало медленно увеличиваться до мая 1943 г. (18,7 детей) и потом, после небольшого снижения в июне до 15,5 детишек в среднем за сутки (начало массовой эвакуации по летнему пути с первоочередностью для беременных женщин), уже без колебания нарастало до декабря 1943 г., давшего 43,1 рождений за сутки в среднем. В 1941 г. в Ленинграде родились всего 67 899 младенцев, в 1942 г. — 12 659, в 1943 г. — 7775. По данным за 1942 г., по 15 районам Ленинграда было зафиксировано 3108 свадеб и 617 разводов[165].

Оборона Ленинграда, прорыв блокады и разгром немецко-фашистских захватчиков у стен города принадлежат к числу исключительных операций Великой Отечественной войны, служат свидетельством мастерства советских военачальников, которым Родина доверила судьбу Ленинграда. Участниками обороны Ленинграда были выдающиеся военные деятели: Л. А. Говоров, Г. К. Жуков, М. В. Захаров, К. А. Мерецков, И. И. Федюнинский, В. Ф. Трибуц и другие. В битве за Ленинград исключительное мужество проявили бойцы и офицеры сухопутных войск, моряки Балтийского флота, летчики. За боевые заслуги и отвагу только в частях Ленинградского фронта орденами и медалями были награждены свыше 350 тыс. человек. 226 самых отважных удостоены высшей награды Родины — звания Героя Советского Союза. Среди награжденных — уроженцы самых различных районов страны, представители многих национальностей. В числе Героев Советского Союза казах С. Б. Баймагабетов, грузин С. П. Кетиладзе, узбек Т. Эрджигитов, балкарец А. Ю. Байсултанов. Пятеро защитников ленинградского неба — летчики А. Е. Мазуренко, П. А. Покрышев, В. И. Раков, Н. Г. Степанян и Н. В. Челноков — стали дважды Героями Советского Союза.

Плечом к плечу с воинами Ленинградского фронта сражались трудящиеся города. Рабочие ленинградских предприятий, несмотря на тяжелейшие условия, продолжали работу для фронта. Особенно трудно приходилось доблестным ленинградкам, заменившим мужчин у станков, отдававшим все силы для победы. Дело обороны города было долгом каждого. Чем

могли, помогали защитникам города ленинградские дети, тушившие «зажигалки» на крышах домов, подносившие боеприпасы на передовой. Отдавали родному Ленинграду последние силы старики.

«Ленинград — фронт, каждый ленинградец — боец» — эти слова отражали весь уклад жизни в осажденном городе. «Что сразу обращает на себя внимание в Советской России — чувство локтя, — писал в декабре 1942 г. американский журналист Р. Паркер. — Я спросил одного иностранного дипломата, который внимательно следит за русскими делами и который вернулся сюда после двадцатилетнего отсутствия, что поразило его больше всего сейчас. То, как Россия научилась коллективной организации, слитность с обществом порождают на заводах и полях сражений спокойствие и уверенность»[166].

Указом Президиума Верховного Союза СССР от 22 декабря 1942 г. была учреждена медаль «За оборону Ленинграда», которой к 1985 г. были награждены 1 470 000 защитников города Ленина.

1 мая 1945 г. в приказе Верховного главнокомандующего Ленинград был назван в числе первых городов-героев. 900-дневная защита осажденного города — легендарная повесть мужества, вызвавшая удивление и восхищение современников, навсегда останется в памяти грядущих поколений.

8 мая 1965 г. городу Ленинграду было присвоено звание «Город-герой».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2010. С. 71.

[2] Тыл Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1977. С. 160.

[3] ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11 556. Д. 6. Л. 11.

[4] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. М., 1998. Кн. 1. С. 304.

[5] ЦАМО. Ф. 204. Оп. 89. Д. 8. Л. 10; Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. СПб., 2004. С. 414–415.

[6] Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 426–427.

[7] ЦАМО. Ф. 204. Оп. 125. Д. 4. Л. 84–87; Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 420–423.

[8] ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 32. Л. 46.

[9] На Волховском фронте. 1941–1944 гг. М., 1982. С. 31.

[10] Вся трасса, включая ледовый участок, называлась военно-автомобильной дорогой (ВАД).

[11] ЦВМА. Ф. 710. Оп. 08304. Д. 3. С. 55.

[12] Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 249–254.

[13] Русский архив: Великая Отечественная. Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны. Т. 21 (10). М., 1996. С. 119–121.

[14] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1258. Д. 94. Л. 27–33.

[15] Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 280–281.

[16] Моторные катера, как и 47 несамоходных судов, отправленных из Ленинграда, оказались непригодными для плавания по Ладожскому озеру и в перевозках участия не принимали.

[17] ЦВМА. Ф. 79. Д. 39 798. Л. 260–261.

[18] Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 692–696.

[19] *Комаров Н. Я.* Феномен блокадного Ленинграда. М., 2008. С. 126.

[20] ЦВМА. Ф. 79. Д. 39806. Л. 165–169.

[21] Там же. Л. 172–173.

[22] *Гальдер Ф.* Военный дневник. М., 1968–1971. Т. 3. Кн. 2. С. 32.

[23] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. М., 1996. Т. 16 (5-2). С. 133.

[24] ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 71. Л. 195.

[25] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. М., 1996. Т. 16 (5-2). С. 174.

[26] *Мерецков К. А.* На службе народу. М., 1986. С. 277–278.

[27] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 306.

[28] Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 1. С. 487.

[29] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 307.

[30] *Шигин Г. А.* Битва за Ленинград: крупные операции, «белые пятна», потери. СПб., 2004. С. 96.

[31] Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. М., 2010. С. 242.

[32] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 6. S. 1092.

[33] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1217. Д. 136. Л. 148.

[34] Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 1. С. 486–487.

[35] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 306.

[36] ЦАМО. Ф. 204. Оп. 97. Д. 89. Л. 20–25.

[37] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. М., 1996. Т. 16 (5-2). С. 202.

[38] На Волховском фронте. 1941–1944 гг. М., 1982. С. 81–85.

[39] Там же. С. 362.

[40] *Шигин Г. А.* Указ. соч. С. 139.

[41] На Волховском фронте. 1941–1944 гг. М., 1982. С. 85, 134.

[42] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. М., 1996. Т. 16 (5-2). С. 244.

[43] ЦАМО. Ф. 204. Оп. 89. Д. 99. Л. 54–55; Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 497.

[44] ЦАМО. Ф. 204. Оп. 89. Д. 99. Л. 54, 55.

[45] *Мерецков К. А.* Указ. соч. С. 288.

[46] *Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 273.

[47] Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 505–506.

[48] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 178–179.

[49] См.: *Манштейн Э.* Утраченные победы / Пер. с нем. М., 1999. С. 264–266.

[50] Там же.

[51] Всероссийская книга памяти. 1941–1945 гг. Обзорный том. М., 2005. С. 420.

[52] ЦАМО. Ф. 204. Оп. 89. Д. 196. Л. 1–7.

[53] Там же.

[54] *Мерецков К. А.* Указ. соч. С. 290.

[55] *Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 332.

[56] На Волховском фронте. С. 158.

[57] *Манштейн Э.* Указ. соч. С. 37.

[58] ЦАМО. Ф. 249. Оп. 1544. Д. 112. Л. 117.

[59] Там же. Ф. 217. Оп. 1258. Д. 128. Л. 160–162.

[60] *Манштейн Э.* Указ. соч. С. 58.

[61] Там же. С. 276.

[62] Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 545.

[63] *Хаупт В.* Группа армий «Север». Бои за Ленинград. 1941–1944 гг. / Пер. с нем. М., 2005. С. 25.

[64] ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 126. Л. 207.

[65] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 200.

[66] Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 549–551.

[67] *Гланц Д.* Блокада Ленинграда 1941–1944 гг. М., 2010. С. 117.

[68] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 6. S. 1090.

[69] Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 335–336.

[70] Там же.

[71] Там же. С. 591–592.

[72] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. С. 209.

[73] Ленинград в осаде: Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1995. С. 256.

[74] Операция «Искра». Л., 1973. С. 72–73.

[75] Там же. С. 624, 626.

[76] *Гланц Д.* Указ. соч. С. 145.

[77] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 6. S. 1090.

[78] Операция «Искра». С. 50.

[79] Книга памяти Ленинградской области. СПб., 1996. Т. 1. С. 59.

[80] На Волховском фронте. 1941–1944 гг. С. 185.

[81] Там же. С. 222–223.
[82] Книга памяти Ленинградской области. Т. 1. С. 70.
[83] ЦАМО. Ф. 204. Оп. 97. Д. 189. Л. 288–289.
[84] Операция «Искра». С. 245–247, 429–430.
[85] *Свиридов В. П., Якутович В. П., Василенко В. Е.* Битва за Ленинград. 1941–1944 гг. Л., 1962. С. 343.
[86] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. М., 1999. Т. 16 (5-3). С. 82–83.
[87] Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. С. 206, 211, 212.
[88] ЦАМО. Ф. 285. Оп. 530693. Д. 1. Л. 73.
[89] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 56.
[90] ЦАМО. Ф. 204. Оп. 89. Д. 1198. Л. 224–227.
[91] На Волховском фронте. С. 236–237.
[92] Цит. по: *Шигин Г. А.* Указ. соч. С. 201.
[93] ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 35.
[94] Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 136–137.
[95] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 72–73.
[96] *Манштейн Э.* Указ. соч. С. 416.
[97] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 91.
[98] Там же. С. 89–90.
[99] ЦАМО. Ф. 204. Оп. 97. Д. 171. Л. 12.
[100] Там же. Ф. 1221. Д. 3071. Л. 352–353.
[101] Там же. Ф. 217. Д. 64. Л. 91–93.
[102] На Волховском фронте. С. 213.
[103] Ленинград в осаде: Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. С. 399.
[104] Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 361–368.
[105] ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 2186. Л. 28–32.
[106] История Ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1974. С. 329–332.
[107] Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. С. 211.
[108] *Мерецков К. А.* Указ. соч. С. 340.
[109] ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 202.
[110] *Барбашин И. П., Кузнецова А. Н., Морозов В. П. и др.* Битва за Ленинград. 1941–1944 гг. М., 1964. С. 299–300.
[111] *Дзенискевич А. Р., Ковальчук В. М., Соболев Г. и др.* Непокоренный Ленинград. Л., 1970. С. 126.
[112] Цит. по: *Солсбери Г.* 900 дней. Блокада Ленинграда. М., 1996. С. 359.
[113] 900 героических дней: Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. М. — Л., 1966. С. 143.
[114] *Карасев А. В.* Ленинградцы в годы блокады. 1941–1943 гг. М., 1959. С. 145–146, 139.
[115] *Барбашин И. П. и др.* Указ. соч. С. 188–189.
[116] Очерки истории Ленинграда. Т. 5. Период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945 гг. Л., 1967. С. 79.
[117] *Швецов Л. А.* Смольнинский район. Л., 1964. С. 141.
[118] 900 героических дней. С. 82.
[119] *Солсбери Г.* Указ. соч. С. 221–222.
[120] Там же. С. 221.
[121] *Карасев А. В.* Указ. соч. С. 94–158.
[122] *Князев С. П. и др.* На защите Невской твердыни. Л., 1965. С. 302.
[123] *Карасев А. В.* Указ. соч. С. 133–134.
[124] Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза. Л., 1944. Т. 1. С. 109.

[125] *Колесник А. Д.* Ополченские формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. М., 1988. С. 20.

[126] Там же. С. 19, 20.

[127] См.: *Беляев С. К., Кузнецов П. И.* Народное ополчение Ленинграда. Л., 1959. С. 77.

[128] Санкт-Петербург — Петроград — Ленинград: Энциклопедический справочник. М., 1992.

[129] Ленинградская правда. 1942. 5 февраля.

[130] *Карасев А. В.* Указ. соч. С. 133.

[131] Санкт-Петербургский филиал архива РАН (далее — СПФА РАН). Ф. 2. Оп. 19. Д. 2; *Кольцов А. В.* Ленинградские учреждения Академии наук СССР в 1934—1945 гг. СПб., 1997.

[132] *Пиотровский Б. Б.* В годы войны (статьи и очерки). М., 1985. С. 5—6.

[133] См.: *Берггольц О. Ф.* Говорит Ленинград. Л., 1946.

[134] СПФА РАН. Ф. 2. Оп. 19. Д. 10. Л. 17—18.

[135] *Днепровский М., Ногинский С.* Народное образование в Ленинграде Л., 1947. С. 28.

[136] *Дзенискевич А. Р. и др.* Указ. соч. С. 143—144.

[137] На защиту Ленинграда. 1941. 23 сентября.

[138] *Павлов Д. В.* Ленинград в блокаде. М., 1961. С. 130.

[139] Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза. Т. 1. С. 119.

[140] Там же. С. 120.

[141] *Павлов Д. В.* Указ. соч. С. 90, 132.

[142] *Павлов Д. В.* Указ. соч. С. 137—138.

[143] *Карасев А. В.* Указ. соч. С. 184; *Худякова Н. Д.* Вся страна — с Ленинградом. Л., 1961. С. 57; *Павлов Д. В.* Указ. соч. С. 138.

[144] Ленинград в осаде: Сборник документов о героической обороне Ленинграда. СПб., 1995. С. 591.

[145] Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 729—731.

[146] Очерки истории Ленинграда. Т. 5. С. 204—206.

[147] Ленинград в Великой Отечественной войне... Т. 1. С. 119.

[148] Salsbury H. E. The 900 days. The Seige of Leningrad. Second Edition. Da Capo Press, 2003. P. 508.

[149] *Goure L.* The Siege of Leningrad. California, 1962. P. 273—274.

[150] *Манаков Н. А. В* кольце блокады. Л., 1981. С. 42.

[151] Очерки истории Ленинграда. Т. 5. С. 320. Данные о потерях при обстрелах и бомбардировках приводятся по сводкам МПВО, в которых сообщалось об убитых и раненых, подобранных в очагах поражения. Следует иметь в виду, что часть тяжелораненых умирала вскоре по прибытии в госпиталь и даже еще по пути туда. Таким образом, фактическое количество погибших несколько больше указанного.

[152] Очерки истории Ленинграда. В 6-ти т. М., Л., 1965—1970. Т. 5. С. 323.

[153] Там же. С. 332.

[154] Непокоренный Ленинград. С. 252.

[155] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб.). Ф. 1126, 1136, 1289, 9494, 2033, 7279, 9823.

[156] Там же. Ф. 9823. Оп. 1. Д. 141. Л. 36.

[157] Там же. Д. 151. Л. 23.

[158] Там же. Л. 24.

[159] Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГА ИПД СПб.). Ф. 3856. Оп. 1. Д. 9. Л. 17.

[160] Там же. Ф. 1636. Оп. 1. Д. 8. Л. 1 об.

[161] Там же. Ф. 1668. Оп. 1. Д. 16. Л. 8.

[162] *Кольцов А. В.* Ученые Ленинграда в годы блокады (1941—1943). М. — Л., 1965. С. 61—62.

[163] Bergschicker H. Leningrad. Stadt, die den Tod bezwang. Berlin (Ost), 1966. S. 157.

[164] Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 681.

[165] Там же. С. 707—708, 727—728.

[166] Цит. по: Великая Отечественная война. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 109—110.

НАКАНУНЕ КУРСКОЙ БИТВЫ

Отход за Северский Донец

Достигнутый в ходе контрнаступления советских войск под Сталинградом успех, а также возросшие боевые возможности объединений позволили Верховному главнокомандованию Красной армии, Генеральному штабу и командованию фронтов юго-западного направления перейти к планированию и осуществлению наступательных операций на значительную глубину с целью разгрома крупных группировок немецких войск и их союзников.

Уже в конце января 1943 г. войска Юго-Западного и Южного фронтов, преследуя отходившие части врага, подошли к промышленному центру Украины — Донбассу. При этом соединения Юго-Западного фронта вышли на нижнее течение р. Северский Донец, восточнее Ворошиловграда, и захватили плацдарм на его правом берегу, а войска Южного фронта достигли нижнего течения Дона. В результате главные силы немецкой группы армий «Дон» были охвачены с севера и юга. Командование этой группы 23 января 1943 г. докладывало в генеральный штаб главного командования вермахта (ОКВ): «Ростов уже закрыт русскими. Создается серьезная ситуация... Опасность заключается не только лишь в районе южнее Ростова, но и в том, что противник может прорваться через Ворошиловград к Азовскому морю. В подобном случае кажется, что вырваться из рук противника и отбиться от него невозможно»[1].

Примерно так же оценивало обстановку и советское командование. 26 января Ставка ВГК в директиве войскам указывала: «Сопротивление противника в результате успешных действий наших войск на Воронежском, правом крыле Юго-Западного, Донском, Северо-Кавказском фронтах сломлено. Оборона противника прорвана на широком фронте. Отсутствие глубоких резервов вынуждает противника вводить подходящие соединения разрозненно и с ходу. Образовалось много пустых мест и участков, которые прикрываются небольшими отрядами. Правое крыло Юго-Западного фронта нависло над Донбассом, а захват Батайска приведет к изоляции кавказской группировки противника. Наступила благоприятная обстановка для окружения и уничтожения по частям донбасской, кавказской и черноморской группировки противника»[2].

Командующий войсками Юго-Западного фронта генерал Н. Ф. Ватутин стремился в короткие сроки осуществить разгром донбасской группировки. Он «был захвачен идеей бросить сильную подвижную группировку в направлении Мариуполя, отсекая врагу все пути отхода из Донбасса»[3].

В своем докладе в Ставку ВГК от 20 января 1943 г. он предлагал нанести удар «в общем направлении на Краматорск, Артемовск и далее на Сталино, Волноваху, Мариуполь с зада-

чей отрезать всю территорию Донбасса, окружить и уничтожить войска противника на этой территории»[4]. Выход подвижных войск фронта к Мариуполю предусматривался на седьмой день наступления. К тому же сроку танковые корпуса, выдвинутые из резерва фронта, должны были захватить переправы через Днепр в районах Запорожья и Днепропетровска. В тот же день этот план был утвержден Ставкой ВГК, а операция получила кодовое наименование «Скачок». Главный удар в операции наносился на правом крыле фронта силами 6-й и 1-й гвардейской армий в общем направлении на Красноармейское — Мариуполь, в тыл группы армий «Дон».

Одновременно Южному фронту предстояло освободить Ростов и Новочеркасск, а затем, развивая наступление на запад вдоль побережья Азовского моря, во взаимодействии с соединениями Юго-Западного фронта очистить от фашистских войск юго-восточные районы Донбасса.

Операция «Скачок» началась 29 января действиями 6-й армии, а на следующий день — остальными силами фронта. Уже в первый день операции оборона противника была взломана, что дало возможность генералу Ватутину ввести в сражение подвижную группу фронта. Немцы, пытаясь сдержать советские войска на промежуточных рубежах, отводили часть своих сил в западном и юго-западном направлениях.

Войска Юго-Западного фронта стремительно развивали наступление. 6 февраля соединения 6-й армии генерала Ф. М. Харитонова овладели Балаклеей и Изюмом, а 8-го числа — железной дорогой Харьков — Лозовая. Успешно наступали соединения и части 1-й гвардейской армии генерала В. И. Кузнецова, которые захватили 11 февраля Лозовую. Подвижная группа фронта (генерал М. М. Попов) совместно с частью сил 1-й гвардейской армии вышли к Славянску и Красноармейскому. Стремительно продвигалась и 3-я гвардейская армия. Ее соединения вышли к Ворошиловграду.

Ставка ВГК 11 февраля уточнила задачу Юго-Западного фронту. Ему предписывалось «не допускать отхода противника в сторону Днепропетровска и Запорожья и принять все меры к тому, чтобы зажать его донецкую группировку в Крыму, закупорить проходы через Перекоп и Сиваш и изолировать таким образом ее от остальных войск противника на Украине»[5].

Командующий фронтом приказал 6-й армии продолжать наступление в общем направлении на Красноград и Перещепино, а 1-й гвардейской армии нанести удар главными силами в общем направлении на Синельниково и к 18 февраля выйти на рубеж Ново-Московск — Павлоград в готовности развивать успех на Запорожье. Одновременно с этим армии предписывалось частью сил овладеть Славянском и далее вести наступление на Артемовск. Подвижной группе фронта предстояло действовать в двух направлениях — на Сталино и станцию Волноваха, а в последующем — на Мариуполь.

При этом командующий войсками Юго-Западного фронта полагал, что перед ним открыта перспектива стремительного преследования отходившего, по его мнению, врага на запад вплоть до Днепра. Данные фронтовой разведки о крупных передвижениях немецких войск были оценены Н. Ф. Ватутиным как начало отхода противника из Донбасса, что и послужило основой для принятия им решения на продолжение наступления. Так, в итоговой разведывательной сводке за период с 10 по 20 февраля, подписанной начальником штаба фронта генералом С. П. Ивановым и начальником разведотдела генералом А. С. Роговым, отмечалось, что сосредоточение с 17 февраля танковых соединений в районах Краснограда и Красноармейского противник производит «с целью удара для ликвидации прорыва (советских войск. — *Прим. ред.*) и освобождения коммуникаций для вывода войск с территории Донбасса за Днепр». В конце сводки делался вывод: «Имеются все данные, указывающие на то, что противник оставит территорию Донецкого бассейна и отведет войска за реку Днепр»[6]. В переговорах с подчиненными войсками и Ставкой ВГК генерал Ватутин неоднократно подчеркивал, что «противник всемерно спешит отвести свои войска из Донбасса за Днепр».

Поэтому, не принимая во внимание сильную усталость войск, низкую материальную обеспеченность, а также возросшее сопротивление врага, генерал Ватутин спешил

выполнить задачу по окружению и разгрому всей его донбасской группировки до начала весенней распутицы.

Положение вермахта на южном крыле восточного фронта действительно было в то время весьма тяжелым. «Тень смертельной опасности продолжала висеть над южным флангом восточного фронта, так как противник до или сразу же после распутицы мог пробиться до побережья Азовского моря или еще глубже — до Черного моря»[7]. Но при этом немецкое командование не планировало отхода за Днепр. В течение первой половины февраля оно принимало все меры, чтобы задержать наступление Красной армии, не допустить окружения и полного разгрома своих войск в Донбассе, сохранить за собой этот важный экономический район. В телеграмме на имя начальника генерального штаба сухопутных войск генерала К. Цейтцлера Э. Манштейн настоятельно предлагал создать две новые армии и сосредоточить их: одну — в районе севернее Днепропетровска, другую — в районе западнее Курска для нанесения в последующем удара на юг. Несмотря на то что обстановка не позволила командованию вермахта создать новые армии, замысел Манштейна был принят за основу ОКХ при планировании предстоявших действий на южном крыле восточного фронта, и 13 февраля командующий группой армий «Юг» (воссоздана в этот день на базе групп армий «Б» и «Дон») получил указания о подготовке контрнаступления против Юго-Западного и Воронежского фронтов.

Окончательное решение на проведение этой операции было принято на совещании в штабе этой группы армий в Запорожье 19 февраля. В нем участвовали А. Гитлер, Э. Клейст, А. Йодль, Э. Манштейн и другие генералы немецкой армии. Гитлер настоятельно требовал «как можно быстрее и во что бы то ни стало возвратить Харьков» (был освобожден войсками Воронежского фронта 16 февраля). Поэтому он предлагал сначала нанести удар на харьковском направлении силами танкового корпуса СС. Однако быстрое изменение обстановки в полосе наступления войск правого крыла Юго-Западного фронта, приведшее к реальной угрозе потери важных для противника переправ через Днепр у Днепропетровска и Запорожья, вынудило его согласиться на вариант плана, предложенного Манштейном.

Согласно замыслу на первом этапе предусматривалось ударом двух танковых корпусов 4-й танковой армии по сходящимся на Павлоград направлениям и фронтальным ударом одного танкового корпуса 1-й танковой армии на барвенковском направлении разгромить войска правого крыла Юго-Западного фронта и отбросить их за Северский Донец. После перегруппировки главных сил в район юго-западнее Харькова планировалось нанести удар по войскам Воронежского фронта и овладеть Харьковом и Белгородом. И, наконец, на втором этапе войскам группы армий «Юг» предстояло развить наступление на Курск с юга. С севера в том же направлении должна была нанести удар 2-я танковая армия группы армий «Центр». В результате намечалось окружить и разгромить войска не только Воронежского, но и Центрального фронтов.

Для проведения контрнаступления противник создал две ударные группировки: одну составляла 4-я немецкая танковая армия (2-й и 48-й танковые корпуса), а другую — 40-й танковый корпус 1-й танковой армии. Всего в составе ударных группировок было сосредоточено девять дивизий, в том числе шесть танковых и одна моторизованная. С воздуха их поддерживали 750 самолетов.

Планируя дальнейшее наступление, командующий войсками Юго-Западного фронта решил главный удар нанести подвижной группой 6-й армии (1-й гвардейский и 25-й танковые корпуса, сводная кавалерийская дивизия 1-го гвардейского кавалерийского корпуса, 4-й гвардейский стрелковый корпус) в направлении Запорожья, а в последующем развить его на Мелитополь и отрезать пути отхода немецких войск за Днепр. Остальными силами фронта (подвижная группа, 1-я и 3-я гвардейские армии, 5-я танковая армия) развивать наступление в центре Донбасса и, взаимодействуя с Южным фронтом, окружить и разгромить всю донбасскую группировку врага.

К 19 февраля войска правого крыла Юго-Западного фронта продолжали развивать наступление одновременно по трем расходящимся направлениям — на Красноград, Запорожье

и Красноармейское и, имея одноэшелонное оперативное построение, действовали в полосе шириной 330 км[8]. При этом командующий войсками фронта, введя в сражение подвижную группу и передав в состав 6-й армии два танковых корпуса, совершенно не располагал резервами для наращивания усилий в наступлении либо для парирования внезапных ударов противника. Обстановка усугублялась тем, что подвижная группа фронта была вынуждена, начиная с 11 февраля, отражать контратаки немецких танковых частей в районе Красноармейского, в результате чего понесла большие потери и, имея в своем составе лишь 88 танков, не могла внести решительного перелома в общий ход сражения[9]. Фактически наступление подвижной группы было остановлено.

Подобным образом складывалась обстановка и в полосах наступления армий правого крыла фронта. Его 6-я армия, действуя в полосе шириной 152 км, вынуждена была одновременно вести наступление в западном и юго-западном направлениях. Она имела одноэшелонное оперативное построение и не располагала ни общим, ни специальными резервами. Стрелковые дивизии первого эшелона, преодолевая упорное сопротивление противника, действовали в полосах шириной от 13 до 44 км[10]. При этом разрывы в оперативном построении армии достигали 20—30 км. Ее подвижная группа, не завершив полного сосредоточения, вводилась в сражение по частям и действовала отдельными группами, которые не имели взаимодействия между собой. Однако командование фронта и армий без учета создавшегося положения продолжало отдавать приказы на наступление[11].

Не менее сложная обстановка складывалась и в полосе 1-й гвардейской армии, действовавшей в 178-километровой полосе. Особенность армии заключалась в том, что, перейдя к обороне двумя стрелковыми дивизиями с целью обеспечения фланга подвижной группы фронта, главными силами она осуществляла перегруппировку для изменения направления главного удара. Переход врага в контрнаступление застал ее на марше.

С учетом подвижной группы фронта в 6-й и 1-й гвардейской армиях на его правом крыле были сосредоточены 17 стрелковых и кавалерийских дивизий, 2003 орудия и миномета (в том числе 518 противотанковых) и 356 танков. Эффективность применения этой группировки находилась в прямой зависимости от возможностей их тылового обеспечения. А оно к тому времени было крайне затруднено: армейские базы снабжения располагались в 170—250 км; в тылу войск находилась крупная водная преграда — Северский Донец; все армейские базы оставались на противоположном берегу этой реки. Это ставило обеспечение войск в зависимость от работы паромных и мостовых переправ. Значительное удаление баз снабжения и ограниченное количество автотранспорта не позволили осуществить своевременный подвоз и накопление запасов материальных средств, что впоследствии негативно сказалось на общем ходе боевых действий.

Немецкое командование к 19—20 февраля 1943 г. в основном завершило подготовку контрнаступления. Первой из района Краснограда 19 февраля нанесла удар дивизия СС «Райх». Ее задача заключалась в развитии успеха в направлении Ново-Московска, а затем Павлограда. На следующий день танковая дивизия, тесно взаимодействуя с пехотными частями, вышла в район северо-западнее Ново-Московска и нанесла сильный удар по частям 4-го гвардейского стрелкового корпуса 6-й армии. В это время танковая дивизия СС «Мертвая голова» развивала наступление на Павлоград.

Второй удар враг нанес в полосе подвижной группы фронта. 20 февраля из района Красноармейского перешел в наступление 40-й немецкий танковый корпус. Против занимавших оборону непосредственно в Красноармейском 4-го гвардейского и 10-го танковых корпусов (всего 17 боевых машин) вражеское командование бросило почти 200 танков 7-й и 11-й танковых дивизий и моторизованной дивизии СС «Викинг». Оказывая упорное сопротивление, соединения и части подвижной группы фронта вынуждены были начать отход[12].

Танковые удары врага не насторожили генерала Н. Ф. Ватутина. Он по-прежнему считал, что противник отводит свои войска из Донбасса. Так, командующему подвижной группой генералу М. М. Попову он указывал: «Вы делаете грубую, непростительную ошибку, отводя вопреки моему категорическому приказу свои главные силы из района Красноармейского

и даже из района Доброполья на север, открывая тем самым дорогу для отхода противника на Днепропетровск и оголяя фланги и тылы ударной группы Харитонова. Неужели одного не понимаете, что это резко противоречит возложенной на вас задаче и создавшейся сейчас обстановке, когда противник всемерно спешит отвести свои войска из Донбасса за Днепр...

Категорически вам запрещаю отводить войска на север и приказываю из района Доброполья нанести стремительный удар кратчайшим путем на Гришино и юго-западнее с задачей снова стать на пути отхода противника и к утру 21 февраля 1943 г. овладеть районом Гришино, а при благоприятных условиях — и Красноармейского. Арьергардные части противника в районе Ново-Александровки окружить и уничтожить. Ни в коем случае не допустить отход противника на Днепропетровск и частью сил перехватить путь отхода на Запорожье»[13].

Несмотря на то что 6-я армия находилась в невыгодном положении — в ее оперативном построении образовались разрывы, все ее соединения вели тяжелые бои, — она продолжала наступать. В то же время главные силы танкового корпуса СС, введенного в сражение немецким командованием в направлении на Павлоград с севера, начали теснить части 6-й армии на юго-восток. Однако командование фронта, считая, что враг этим ударом стремится прикрыть отход своих основных сил к Днепру, мер для его отражения не приняло. Задача армии оставалась прежней: продолжать развивать наступление на Запорожье.

Усилил свою активность и 40-й немецкий танковый корпус, наносивший удар в районе Красноармейского, стремясь прорваться к Барвенково. Соединения подвижной группы генерала М. М. Попова, противодействуя вражескому удару, несли большие потери. Командир 18-го танкового корпуса, входившего в состав подвижной группы, 21 февраля докладывал: «170-я танковая бригада: танков не имеет, активных штыков — 288, 82-мм минометов — 2. 171-я танковая бригада: Т-34 — 14 (неисправных — 10), 76-мм пушек — 1. 110-я танковая бригада: Т-70 — 7. 32-я мотострелковая бригада, ведя бой в районе Новогришинский, Водяной, потеряла полностью артиллерийский дивизион»[14].

Части подвижной группы в тяжелых условиях были вынуждены отражать усиливавшиеся удары немецких танковых дивизий. Однако командование фронта все еще недооценивало характер развернувшихся событий. В ходе переговоров по прямому проводу с начальником штаба Южного фронта генералом И. С. Варениковым заместитель начальника оперативного управления Генерального штаба генерал А. Н. Боголюбов сообщил, что «войска Юго-Западного фронта действуют чрезвычайно успешно. Его правый фланг находится за Павлоградом, и задержка левого фланга происходит от недостаточно активных действий вашего фронта»[15].

Обстановка на правом крыле Юго-Западного фронта с каждым днем осложнялась. 22 февраля в контрнаступление включился 48-й немецкий танковый корпус, наносивший удар из района в 50 км западнее Красноармейского на Павлоград, навстречу танковому корпусу СС. Авиация 4-го воздушного флота продолжала наносить сильные удары по войскам фронта. 21 февраля она совершила 1000, а 22 февраля — уже 1500 самолето-вылетов[16].

Пытаясь добиться выполнения нереальных в сложившейся обстановке задач, соединения 6-й армии еще больше ухудшали свое положение. На правом фланге они вынуждены были начать отход. Часть сил вела тяжелые бои в окружении. Дивизии, действовавшие в центре армии, отражали удары немецких танковых частей на северо-восточной окраине Павлограда и на подступах к Синельниково. Лишь на левом фланге армии 25-й танковый корпус продолжал продвигаться на юг, в тыл наступавшему врагу. К исходу дня корпус главными силами достиг Славгорода, а его передовые подразделения находились в 20 км от Запорожья. Оторвавшись почти на 100 км от основных сил армии и тыловых баз, он был лишен возможности получать горючее, боеприпасы, продовольствие. В результате 48-й немецкий танковый корпус, продвигавшийся на Павлоград с востока, отрезал частям 25-го танкового корпуса пути отхода. В тот день обстановка обострилась и в полосе 1-й гвардейской армии.

В результате трехдневных боев с контрударной группировкой противника наступление войск Юго-Западного фронта было остановлено, значительная часть его соединений была отсечена от главных сил либо окружена и понесла тяжелые потери. Несмотря на то что войска правого крыла фронта не получили приказа на переход к обороне, по существу они вели уже

не наступательные, а оборонительные действия. Их переход к обороне носил вынужденный характер и осуществлялся под воздействием сильных ударов наземной и воздушной группировок противника. Оперативное построение фронта и армий не отвечало требованиям реально складывавшейся обстановки. Главный его недостаток заключался в размещении подавляющего количества сил и средств в первом эшелоне и отсутствии сильных резервов. Их создание и восстановление должно было осуществляться в сложной обстановке начавшегося оборонительного сражения.

2-й танковый корпус СС и 48-й танковый корпус, наступавшие в направлении Павлограда навстречу друг другу, 23 февраля соединились. В результате в районе Синельниково были окружены 35-я и 41-я гвардейские стрелковые дивизии 4-го гвардейского стрелкового корпуса и сводная кавалерийская дивизия 1-го гвардейского кавалерийского корпуса, а также отсечен 25-й танковый корпус, который по-прежнему вел наступление на Запорожье[17].

Не менее напряженная обстановка сложилась в течение 22—23 февраля и в полосе действий подвижной группы Юго-Западного фронта, соединения которой отходили в северном направлении. К исходу 23 февраля они с трудом сдерживали удары 40-го немецкого танкового корпуса, рвавшегося к Барвенково.

Осознав всю опасность сложившейся обстановки на правом крыле фронта, генерал Н. Ф. Ватутин начал предпринимать меры по перелому ситуации. На левом фланге 6-й армии он из своего резерва ввел в сражение 244-ю стрелковую дивизию, которая вынуждена была вступить в бой с марша. В ходе встречных боев два ее стрелковых полка, пулеметный и учебный батальоны, а также штаб дивизии были окружены и разгромлены[18].

В сложном положении оказались и соединения 6-го гвардейского стрелкового корпуса 1-й гвардейской армии, которые были брошены наперерез противнику, преследовавшему отходившую подвижную группу фронта. Фактически они переходили к обороне непосредственно с марша, без поддержки артиллерии, которая отстала. Однако оказать должного сопротивления врагу они не смогли и вынуждены были отступить на рубеж железной дороги Лозовая — Славянск.

Таким образом, на правом крыле Юго-Западного фронта обстановка после четырех дней наступления резко изменилась. Продвижение ударной группировки было не только остановлено, но часть соединений оказалась отсеченной от главных сил, попала в окружение. Противник ворвался на южную окраину Барвенково. Все это позволило немецким танковым корпусам, начиная с 24 февраля, стремительно развивать наступление. Чтобы повысить темпы наступления, а главное — обеспечить самостоятельность в действиях подвижных соединений, в колоннах противника следовали противотанковые орудия на прицепе у танков и бронетранспортеров, машины с горючим. «Группы по 3—5 танков и 1—2 самоходных орудия выходили на дороги в тылу наших войск и удерживали их под обстрелом, препятствуя снабжению и маневру наших частей»[19].

В создавшейся к 25 февраля тяжелой обстановке командующий войсками Юго-Западного фронта решил, наконец, отказаться от дальнейших попыток вести наступательные действия и обратился в Ставку за разрешением на переход войск правого крыла фронта к обороне. В соответствии с его замыслом, в полосе 6-й армии, где на флангах занимали оборону лишь 15-й стрелковый корпус и выдвинувшаяся в Лозовую 58-я гвардейская стрелковая дивизия, 50-километровый разрыв, образовавшийся между ними, должны были прикрыть выходившие из окружения сводная кавалерийская дивизия, 4-й гвардейский стрелковый и 1-й гвардейский танковый корпуса. 1-й гвардейской армии и соединениям подвижной группы фронта было приказано удерживать рубеж Старые Близнецы — Барвенково — Черкасская — Славянск[20]. Но создать сплошных рубежей обороны в полосе 6-й армии так и не удалось. Тяжелые бои развернулись в районе Лозовой и Барвенково. Уже 25 февраля были рассечены и окружены сводные отряды танковых корпусов, 195-я и 44-я гвардейская стрелковые дивизии, гарнизон Барвенково оказался отрезанным от главных сил, более того, возникла угроза его полного окружения. Фактически к 25 февраля 6-я и 1-я гвардейская армии действовали в трех изолированных друг от друга группировках: одна — на рубеже Рябухино — Лиговка (15-й

стрелковый корпус 6-й армии); другая — в Лозовой (58-я гвардейская стрелковая дивизия и части 1-го гвардейского танкового корпуса); третья — в районах Барвенково и Славянска (соединения и части 1-й гвардейской армии). Сдержать противника было нечем: командование фронта и армий резервов не имело. Чтобы как-то задержать рвущегося вперед противника, создавались сводные отряды и группы, которые немедленно вводились в бой. В их состав входили разведывательные и инженерно-саперные батальоны корпусов и армий, а также другие подразделения и части.

В 1-й гвардейской армии были созданы сводные отряды самого различного состава: из отдельных частей и подразделений стрелковых дивизий, танковой и лыжной стрелковой бригад, танковой бригады и стрелкового полка и т. п. Формирование таких отрядов было обусловлено не только необходимостью восстановить нарушенное управление и взаимодействие, но и закрыть бреши в оперативном построении армии, не допустить паники, исключить беспорядочный отход. Для подготовки обороны по левому берегу Северского Донца были привлечены армейские запасные стрелковые полки, курсы младших лейтенантов, полк НКВД, мотоциклетный полк, строительные батальоны, тыловые учреждения и части[21].

Особое внимание уделялось борьбе с вражескими танками. Для этого использовалась не только пушечная, но и гаубичная, зенитная и даже реактивная артиллерия. Например, 265-й дивизион 45-го гвардейского минометного полка в районе Барвенково одним залпом уничтожил пять танков противника. А в районе Доброполья залпом 412-го дивизиона (четыре установки) была отражена атака немецких танковых подразделений.

Противник продолжал наращивать свои удары. Войскам фронта не удавалось задержать его стремительное продвижение. В создавшейся обстановке командующий Юго-Западным фронтом вынужден был отдать распоряжение о подготовке рубежей на подступах к Северскому Донцу и остановить наступление 3-й гвардейской и 5-й танковой армий.

Обстановка в полосе фронта с каждым днем обострялась. 27 февраля соединения 6-й армии оставили Лозовую. 28 февраля немецкие танки ворвались в Барвенково, и в тот же день противник захватил Славянск. К исходу дня дивизии 40-го немецкого танкового корпуса вышли к Северскому Донцу западнее Изюма.

Стремясь изменить тяжелую обстановку на смежных крыльях Воронежского и Юго-Западного фронтов, Ставка ВГК 28 февраля переподчинила 3-ю танковую армию Юго-Западному фронту[22]. Танковая армия генерала П. С. Рыбалко получила задачу нанести контрудар по флангу наступавшего в полосе 6-й армии Юго-Западного фронта танкового корпуса СС и разгромить его соединения, вышедшие к Северскому Донцу. К тому времени в составе армии насчитывалось всего 69 танков (КВ — 1, Т-34 — 50, Т-70 — 9, Т-60 — 9). Ее части и соединения испытывали острый недостаток в горючем и боеприпасах.

Сосредоточение частей и соединений 3-й танковой армии для нанесения удара происходило с большим трудом. Те соединения, которые все же смогли выйти в район сосредоточения, практически не имели горючего и боеприпасов. Для нанесения контрудара в армии была создана специальная группа, которую возглавил командир 12-го танкового корпуса генерал М. И. Зинькович. Пока контрударная группа выдвигалась к переходу в наступление, противник предпринял упреждающий удар и окружил ее[23]. К 5 марта соединениям и частям группы Зиньковича удалось вырваться из окружения, но практически вся техника и тяжелое оружие были утеряны. Вышедшие из боя соединения и части оказались небоеспособны и нуждались в доукомплектовании. Из 51 исправного танка из окружения вышло 13 машин. 3-я танковая армия фактически утратила способность вести активные наступательные действия и была вновь передана в состав Воронежского фронта[24].

Под ударами противника, неся тяжелые потери, войска правого крыла Юго-Западного фронта к 3 марта отошли за Северский Донец, заняв оборону по его левому берегу на рубеже Змиев — Изюм — Красный Лиман. Многие части и соединения фактически потеряли боеспособность и выходили на новые оборонительные рубежи отдельными группами. Так, 172-я стрелковая дивизия 6-й армии насчитывала менее 1500 человек и всего восемь орудий[25]. В таком же положении находилось большинство соединений 6-й и 1-й гвардейской армий[26].

В результате сражений, развернувшихся в Донбассе во второй половине 1943 г., противник вновь овладел территорией северной части этого региона. Войска Юго-Западного фронта вынуждены были отойти на 100–120 км. Как отмечал генерал армии С. М. Штеменко: «До сих пор остается загадкой, как это Ватутин — человек, безусловно, осмотрительный и всегда уделявший должное внимание разведке противника, на сей раз так долго не мог оценить размеры опасности, возникшей перед фронтом. Объяснить такое можно лишь чрезвычайной его убежденностью в том, что враг уже не в состоянии собрать силы для решительных действий. В действительности же до этого было еще очень далеко. Гитлеровские генералы не собирались уступать нам победы. Они делали всё, чтобы вернуть себе стратегическую инициативу, утраченную под Сталинградом»[27].

Операция «Звезда»: борьба за Харьков

Отбросив соединения правого крыла Юго-Западного фронта за Северский Донец, немецкое командование перенесло основные усилия войск группы армий «Юг» на харьковское направление. Оно планировало нанести мощный удар по войскам Воронежского фронта и овладеть Харьковом и Белгородом. В последующем предполагалось развивать наступление в направлении Курска[28].

Всего против левого крыла Воронежского фронта (40, 69 и 3-я танковая армии) немецкое командование развернуло до десяти пехотных, одну моторизованную и пять танковых дивизий. Эта группировка в своем составе насчитывала, по оценкам советской стороны, 560–580 танков. Поддержку наземных войск должна была осуществлять авиационная группировка, насчитывавшая 500–550 самолетов.

Непосредственно на левом крыле фронта, в полосе 219 км, действовали 16 стрелковых и кавалерийских дивизий, один танковый корпус, восемь танковых бригад, два танковых полка, 27 артиллерийских полков различного назначения. Эта группировка насчитывала 2157 орудий и минометов, в том числе 542 орудия противотанковой артиллерии, 115 танков. Авиационное обеспечение боевых действий возлагалось на 2-ю воздушную армию, в которой имелся 151 самолет[29].

Наступление войсками фронта в течение продолжительного времени привело к отрыву объединений от оперативного тыла: удаление армейских баз снабжения составляло до 300 км. Фронт, имея в своем составе только 1062 машины различного назначения, не мог обеспечить ими своевременный подвоз и накопление необходимых материальных средств[30]. В результате его соединения испытывали острый недостаток в боеприпасах и горючем.

В конце февраля — начале марта перспективы дальнейших действий Воронежского фронта во многом обусловливались обстановкой, которая складывалась в полосе соседнего с ним Юго-Западного фронта, войска которого отошли за Северский Донец. В связи с этим командующий фронтом генерал Ф. И. Голиков принял решение до ликвидации наступления противника на Харьков в стыке Юго-Западного и Воронежского фронтов временно перейти к обороне, лишь на правом крыле фронта предполагалось овладеть городами Суджа и Сумы. В соответствии с этим решением, утвержденным Ставкой ВГК[31], были определены и задачи войскам фронта.

Тем самым генерал Ф. И. Голиков считал переход к обороне явлением временным, необходимым для того, чтобы пополнить войска личным составом, вооружением, запасами материальных средств и благодаря этому создать условия для продолжения наступления. Но ставя одновременно частные наступательные задачи армиям, действовавшим на правом крыле фронта, он тем самым распылял усилия на двух далеко стоящих друг от друга направлениях. Принимая решение на переход к обороне на левом крыле, командование фронта основные усилия сосредоточило на харьковском направлении. Обороны Харькова

К отражению атаки противника готовы

Танки дивизии СС «Адольф Гитлер» в пригороде Харькова

возглавил заместитель командующего фронтом генерал Д. Т. Козлов. В состав оперативной группы обороны Харькова вошли 62-я гвардейская стрелковая дивизия, 86-я отдельная танковая бригада, 17-я бригада войск НКВД и отдельные подразделения 3-й танковой армии[32]. Восточные и юго-восточные окраины города прикрывала 17-я бригада внутренних войск, усиленная 204-м и 225-м отдельными стрелковыми батальонами 16-й и 25-й бригад внутренних войск[33]. Кроме того, с правого на левое крыло фронта перегруппировывались одна стрелковая дивизия и две стрелковые бригады из состава 60-й и 38-й армий. Одновременно в резерв фронта выводились три стрелковые дивизии из 40-й армии, которые должны были занять районы сосредоточения в глубине обороны, на смежных флангах 69-й и 3-й танковой армий[34].

Из-за отсутствия средств артиллерийский резерв составлял только один гаубичный артиллерийский полк, а артиллерийский противотанковый резерв и зенитная артиллерийская группа вообще не создавались.

Переход к обороне армий фронта осуществлялся в короткие сроки, под непосредственным воздействием противника, в динамике боевых действий, а также при отсутствии подготовленных в инженерном отношении рубежей.

Исходя из оперативного построения армий фронта, подавляющая часть их сил и средств была развернута в тактической зоне обороны, которая состояла только из одной, главной полосы и занималась дивизиями первого эшелона. Глубина тактической зоны обороны составляла от 2—3 до 5—7 км. При действиях стрелковых соединений в широких полосах оборона носила очаговый характер. Невозможность создания сплошных рубежей обороны заставляла командиров дивизий и полков сосредоточивать основные усилия на удержании отдельных районов местности, узлов дорог и населенных пунктов.

1 марта, когда командующий Воронежским фронтом принял решение на переход к обороне, передовые части 2-го немецкого танкового корпуса СС вышли к переднему краю обороны стрелковых соединений 3-й танковой армии. На следующий день они нанесли удар по 350-й стрелковой дивизии. Потеснив ее в северном направлении, немецкие части вышли в тыл 3-й танковой армии. В период 2—5 марта ударная группировка этой армии была разгромлена. Вражеский танковый корпус СС создал условия для развертывания главных сил 4-й немецкой танковой армии и оперативной группы «Кемпф»[35].

Наступление противника на харьковском направлении началось 4 марта. Главный удар 2-й танковый корпус СС нанес на правом фланге 3-й танковой армии Воронежского фронта, в полосах 48-й гвардейской и 350-й стрелковых дивизий; другой удар — по 6-му гвардейскому кавалерийскому корпусу нанесли соединения и части 48-го танкового корпуса. Однако достичь значительных результатов в течение 4—5 марта немецким войскам не удалось. «Наступающие части танкового корпуса СС вследствие плохой погоды смогли только незначительно продвинуться вперед. Дивизия СС «Адольф Гитлер» только перерезала шоссейную дорогу Харьков — Красноград»[36].

Не добившись решающего успеха в полосе 3-й танковой армии, командование группы армий «Юг» изменило направление главного удара: утром 6 марта основные силы 4-й танковой армии и оперативной группы «Кемпф» были брошены в стык 69-й и 3-й танковой армий. До двух танковых дивизий, поддержанных авиацией, направили свой удар против 160-й и 305-й стрелковых дивизий 69-й армии.

На части 160-й стрелковой дивизии наступала лавина танков, разделенных на три эшелона: в первом эшелоне действовало до 40 тяжелых танков и штурмовых орудий, во втором — до 60 средних танков с десантом автоматчиков, а в третьем — легкие танки, бронетранспортеры и бронемашины с пехотой. Вражеская авиация группами по 25—30 бомбардировщиков непрерывно наносила удары по боевым порядкам частей и огневым позициям артиллерии. Сломив в короткие сроки сопротивление дивизии, враг вышел на фланги и в тыл противотанковых опорных пунктов, а также на позиции дивизионной артиллерии в глубине. Одновременно удары были нанесены в центре полосы обороны 69-й армии — на смежных флангах 37-й стрелковой бригады и 180-й стрелковой дивизии.

В результате первого дня боев противнику удалось вклиниться в оборону советских войск на глубину от 3 до 15 км. Передовые части 2-го танкового корпуса СС к исходу дня вышли в район населенного пункта Валки, где занимала оборону 305-я стрелковая дивизия. Здесь же находился и танковый резерв армии (четыре танка). Развивая наступление, передовые части танковой дивизии СС «Адольф Гитлер» вышли в район Люботин и отрезали пути отхода дивизии в направлении Харькова. Соединения 69-й армии начали отступать в северо-западном направлении, теряя полевую связь с 3-й танковой армией.

В тот же день на подступах к Харькову в районе Мерефы вступил в бой 208-й батальон 17-й бригады НКВД. Вот как описал эти события командир 1-го отдельного чехословацкого батальона Л. Свобода: «Кажется, вот-вот Мерефа будет взята противником. Но... появляются бойцы батальона НКВД. Их меткий огонь и гранаты останавливают пехоту врага, бутылки с горючей жидкостью точно попадают в моторы танков, умело брошенные связки гранат рвут гусеницы железных чудовищ, хорошо замаскированные пулеметы кинжальным огнем бьют во фланг наступающей пехоты. Советские воины смело идут в рукопашный бой. Немецкая пехота, не выдержав их удара, обращается в бегство. Фашистские автоматчики вынуждены залечь, они открывают беспорядочный огонь. Часть танков остановилась, другие мечутся по полю. И в этот момент на них обрушивается огонь советских орудий и гвардейских минометов с позиций, расположенных под Мерефой. Несколько танков вспыхивают. Враг поспешно отступает, преследуемый огнем артиллерии, залпами катюш, пулеметными очередями советских самолетов... Мерефа осталась в наших руках»[37].

В целом отразить наступление мощной группировки немецких войск в пределах тактической зоны обороны в полосах 69-й армии и соединений правого фланга 3-й танковой армии не удалось. Враг не только прорвал их оборону, но и, вклинившись на смежных флангах армий на глубину до 40 км, рассек войска левого крыла Воронежского фронта. Расширяя прорыв в сторону флангов, он добился того, что 69-я и 3-я танковая армии начали отходить по расходящимся направлениям. Это привело к образованию значительного разрыва в оперативном построении фронта и создало угрозу выхода дивизий танкового корпуса СС к Харькову с севера. Кроме того, с отходом 69-й армии оголился левый фланг соседней с ней 40-й армии. Это заставило командующего войсками фронта генерала Ф. И. Голикова отвести армию с занимаемого рубежа обороны для совмещения флангов этих объединений. Несмотря на незначительное воздействие вражеских войск с фронта (до полутора пехотных полков при поддержке 20 танков), 40-я армия вынуждена была отходить и занимать оборону на неподготовленном рубеже.

Сложившаяся в результате ударов противника обстановка, после того как не удалось отразить их в тактической зоне обороны, вызывала объективную необходимость перенести основные усилия в глубину и изменить имеющуюся группировку сил и средств. При этом главная задача, стоявшая перед командующим Воронежским фронтом, заключалась в срочном наращивании усилий на смежных флангах 69-й и 3-й танковой армий. Для прикрытия образовавшегося между ними разрыва он решил построить оборону по рубежу Крысино — Ольшаны — Люботин — Буды и далее по рекам Мерефа и Мжа за счет отвода на него соединений 3-й танковой армии, а также выдвижения на угрожаемое направление трех стрелковых дивизий 40-й армии, соединений и частей оперативной группы обороны Харькова и прибывавшей с правого крыла фронта (из 38-й армии) 303-й стрелковой дивизии. Одновременно из полосы обороны 3-й танковой армии выводился и перегруппировывался в Дергачи (20 км севернее Харькова) 6-й гвардейский кавалерийский корпус в составе двух кавалерийских дивизий и одной танковой бригады.

Но, невзирая на тяжелую обстановку, когда советские войска с трудом отражали удары танковых соединений противника, командование фронта не оставляло мысли о возобновлении наступления с целью выхода к Днепру. Так, 8 марта представитель Ставки ВГК на Воронежском фронте А. М. Василевский и Ф. И. Голиков докладывали Верховному главнокомандующему: «По сосредоточении армий Катукова и Шумилова (1-я танковая и 64-я армии. — *Прим. ред.*) ориентировочно 25—28.3 перейти в наступление с главным ударом

силами армий Катукова, Шумилова и Рыбалко на Красноград, Днепропетровск с задачей... овладеть Полтавой, Нехворощей и Днепропетровском. Одновременно силами Юго-Западного фронта из района Балаклея, Изюм нанести удар через Павлоград на Запорожье и далее на Мелитополь с целью ликвидации донбасской группировки противника»[38].

Между тем обстановка в районе Харькова обострялась. Немецкие танковые части продолжали прорываться к нему по Полтавскому шоссе. Несмотря на то что удалось значительно усилить оборону города с запада и юга, разрыв между 69-й и 3-й танковой армиями так и не был прикрыт. Выдвигавшиеся на этот рубеж три стрелковые дивизии 40-й армии в ходе встречных боев с танковыми дивизиями СС «Адольф Гитлер» и «Мертвая голова» (последняя была введена в сражение утром 8 марта) понесли тяжелые потери и, частично потеряв управление, отошли в полосу обороны 69-й армии. В итоге направление к городу с севера было прикрыто только 6-м гвардейским кавалерийским корпусом. Других сил, способных реально повлиять на изменение обстановки на направлении главного удара 2-го танкового корпуса СС, ни фронт, ни армии не имели[39].

Общая обстановка в полосе Воронежского фронта продолжала оставаться очень тяжелой. Создать сплошной рубеж обороны в глубине не удалось. Вражеские войска упредили предназначенные для этого соединения в выходе на запланированные рубежи и, нарастив силу удара, сорвали их переход к обороне. Впоследствии совместно с пехотой отдельные группы танков и бронетранспортеров противника рассекли противостоявшие им стрелковые дивизии, нарушили взаимодействие между ними и заставили их отходить в нужном для себя направлении.

Преследуя стрелковые части и подразделения, передовые отряды танковой дивизии СС «Мертвая голова» вышли к рубежу, на котором после отхода закреплялись левофланговые соединения 69-й армии, в короткие сроки сломили их сопротивление и расширили прорыв в северном направлении. На правом фланге и в центре полосы этой армии соединения и части вели сдерживающие бои с разведкой и авангардами начавшей выдвижение танковой дивизии «Великая Германия», которая входила в оперативную группу «Кемпф». Наносившая удар на правом фланге танкового корпуса СС дивизия «Райх» потеснила на запад, к Харькову соединения 3-й танковой армии. В результате таких действий немецких войск разрыв в оперативном построении Воронежского фронта увеличился до 40 км.

Была прорвана оборона и 6-го гвардейского кавалерийского корпуса, а его части отброшены в леса северо-восточнее Черкасской и Русской Лозовой. К 17 часам 10 марта враг перерезал шоссе на Белгород и повел наступление непосредственно на Харьков с севера. К исходу дня отдельные пехотные группы проникли на северо-восточную окраину города. На следующий день танковые подразделения дивизии СС «Адольф Гитлер» прорвались в Харьков, а передовые отряды пехоты дошли до его центра. Части танковой дивизии СС «Райх» в ночь на 12 марта, ворвавшись на западную окраину Харькова, достигли железнодорожного вокзала. Но здесь немецкие части встретили ожесточенное сопротивление подразделений 17-й бригады НКВД, ее батальоны героически сражались в окружении. Экипажи немецких танков расстреливали оборонявшихся прямой наводкой. Воины 17-й бригады НКВД в тяжелых условиях уничтожили 12 боевых машин врага[40].

К исходу дня защитники города вынуждены были отойти за р. Лопань, оставив его северную и северо-восточную части. В своем донесении командующему фронтом генерал П. С. Рыбалко сообщал: «Приказом Козлова мне подчинены все войска, обороняющие Харьков... Положение создается критическое, город силами 19-й стрелковой дивизии и 17-й бригады НКВД, к тому же небоеспособных, я не удержу. Резервов нет. Противник может перерезать все пути отхода. Боеприпасы на исходе, горючего нет. В городе имею более 3000 раненых. Вывезти не имею возможности. Часть автоматчиков и самоходных орудий по Белгородскому шоссе прорвались в город, заняли Госпром, полотно Сумской ж. д., и противник подтягивает силы для захвата города»[41].

Созданные в городе укрепления, по сути, не сыграли роли, так как при недостатке сил и средств они не были прикрыты огнем артиллерии и стрелкового оружия. Кроме того, как

следует из доклада штаба 3-й танковой армии, «частям, обороняющим город... схемы оборонительных сооружений штаб обороны не дал, в силу чего не все укрепления были частями использованы»[42].

В то время, когда соединения 2-го танкового корпуса СС вели бои по овладению Харьковом, 48-й немецкий танковый корпус завяз в боях южнее и юго-восточнее города. В связи с этим командующий 4-й танковой армией принял решение обойти город с востока частью сил для соединения с 48-м корпусом. Таким образом, немецкое командование собиралось полностью окружить не только Харьков, но и всю 3-ю танковую армию. Выполнить эту задачу должна была дивизия СС «Мертвая голова», которой надлежало нанести удар в направлении Рогань — Чугуев.

13 марта, развивая наступление, части дивизии «Мертвая голова» заняли Сороковку и Рогань и атаковали Каменную Яругу, выйдя на основные коммуникации армии. В этот день командующий 3-й танковой армией докладывал в штаб фронта: «Противник пытался выйти в район ХТЗ (Харьковского тракторного завода. — *Прим. ред.*) но, встретив упорное сопротивление со стороны совхоз, хутор Бражники, начал обтекать восточнее и к 16.00 овладел хутором Рогань, а в 19.00 группой в 27 танков и мотопехотой — Роганью. В боях за хутор Рогань противник потерял 12 танков. Часть противника повернула по Чугуевскому шоссе на Харьков, часть заняла станцию Рогань и начала накапливаться»[43].

В этой ситуации генерал Ф. И. Голиков принял решение создать ударную группу с тем, чтобы она нанесла удар во фланг врагу, наступавшему восточнее Харькова. Для этого он планировал привлечь 18-й танковый корпус с подчиненной ему 173-й танковой бригадой. Одновременно, с целью задержать продвижение дивизии СС «Мертвая голова», на направление ее наступления выдвигался сводный отряд, созданный из личного состава гвардейских минометных частей, которые к тому времени потеряли свои боевые установки. Выехавший для постановки задачи корпусу генерал Козлов доложил, что «корпус имел 4 исправных танка, а всего с 173-й танковой бригадой — 11—12 танков»[44].

Предпринятая 14 марта частями 18-го танкового корпуса (шесть танков) атака не увенчалась успехом. Они были отброшены назад и заняли совместно со 113-й стрелковой дивизией оборону в Каменной Яруге.

3-я танковая армия находилась в критическом положении. Однако ни командующий армией генерал П. С. Рыбалко, ни командующий фронтом Ф. И. Голиков не решались взять на себя ответственность оставить город. Только в ночь на 15 марта поступила наконец директива Ставки ВГК, в которой требовалось выйти из окружения и сосредоточиться на левом берегу Северского Донца. Ввиду того что в большинстве соединений и частей радиостанции оказались выведены из строя, приказ был доведен до сведения только 179-й танковой бригады и 62-й гвардейской стрелковой дивизии, а также вспомогательного пункта управления, возглавляемого заместителем командующего армией генералом Е. Е. Беловым. На состоявшемся во второй половине дня совещании командиров частей и соединений Белов приказал создать две группы прорыва и группу прикрытия. В первую группу вошли 303-я стрелковая дивизия полковника К. С. Федоровского (он же командир группы) и 17-я стрелковая бригада войск НКВД (без 210-го батальона); во вторую — 19-я стрелковая дивизия полковника Г. А. Гоголицына (он же командир группы) и 86-я отдельная танковая бригада. Группу прикрытия составила 62-я гвардейская стрелковая дивизия генерала Г. М. Зайцева. 179-я отдельная танковая бригада полковника Ф. Н. Рудкина, а также 210-й батальон 17-й бригады войск НКВД, которые были окружены в районе Харьковского тракторного завода, должны были осуществлять прорыв самостоятельно.

Эта группа в ночь на 16 марта прорвалась в северо-восточном направлении и впоследствии вышла к своим войскам на восточный берег Северского Донца южнее Волчанска. Остальные соединения и части прорвались в общем направлении на Скрипаи.

Как отмечалось в отчете штаба 3-й танковой армии, к исходу 17 марта, «преодолевая сопротивление противника, части армии вышли в южном направлении до 5000 человек и в северо-восточном направлении до 3500 человек. 62-я гвардейская стрелковая дивизия

вышла, имея без тылов около 2500 человек... 350-я стрелковая дивизия, кроме тылов, ранее выведенных из боя, вышла единицами. 17-я бригада войск НКВД вышла в составе свыше 1000 активных штыков и направлена на оборону по восточному берегу р. Северский Донец на участке Старый Салтов, Хотомля. 303-я и 19-я стрелковые дивизии имеют свыше 1000 активных штыков»[45]. После отхода за Северский Донец в армии оставалось: 45-мм противотанковых орудий — 6; 76-мм полковых пушек — 4; 76-мм дивизионных пушек — 19; 122-мм гаубиц — 12; 122-мм пушек — 12; 152-мм пушек-гаубиц — 17; 50-мм минометов — 15; 82-мм минометов — 40; 120-мм минометов — 10[46].

Что касается потерь танков, в соответствии с докладом генерала П. С. Рыбалко в штаб фронта, «при выходе из окружения в районе Харькова в армии осталось 9 танков». Общие же безвозвратные потери танков за период с 14 января по 12 марта 1943 г. составили 293 боевые машины, из них: КВ — 14, Т-34 — 214, Т-70 — 37, Т-60 — 28[47].

Неблагоприятная обстановка сложилась и в полосе 40-й армии. Ее соединения были отброшены в северном направлении. Между 40-й и 69-й армиями образовался разрыв. Противник получил возможность вести наступление не только на Белгород, но и на Курск. Ставка начала срочно перебрасывать в район Белгорода свои резервы — 21-ю, 64-ю общевойсковую и 1-ю танковую армии[48].

Стабилизация положения южнее Курска

После рассечения противником войск левого крыла Воронежского фронта белгородское направление оказалось почти неприкрытым. В таких условиях генерал Ф. И. Голиков приказал перегруппировать часть сил 69-й армии на это направление, придав ей 2-й гвардейский танковый корпус генерала В. М. Баданова.

Перенеся основные усилия фронта на прикрытие белгородского направления, командующий Воронежским фронтом в то же время определил промежуточные и конечные рубежи отхода 40-й и 69-й армий, а также изменил их состав за счет переподчинения им тех соединений, которые в результате ударов врага действовали вне полос своих армий. До этого управление войсками в этих объединениях было крайне затруднено, так как произошло взаимное перекрестное перемешивание боевых порядков пяти стрелковых дивизий и одной стрелковой бригады.

Перегруппировка 69-й армии осуществлялась в сложных условиях. Немецкие войска к тому времени угрожали ее флангу. При этом наступающим частям и соединениям необходимо было совершить отход на глубину 70—90 км.

К утру 12 марта 69-я армия заняла рубеж Золочев — Дементьевка — Малые Проходы. Непосредственно на Белгородском шоссе к обороне переходила наиболее боеспособная 183-я стрелковая дивизия, имевшая до 5 тыс. человек, 47 орудий и 51 миномет. Остальные дивизии в большинстве своем являлись таковыми лишь по названию. Так, в 160-й стрелковой дивизии насчитывалось 882 человека, два орудия и 18 минометов; в 270-й стрелковой дивизии — до тысячи человек, шесть орудий и четыре миномета; в 340-й стрелковой дивизии оставалось 275 человек, одно орудие и семь минометов[49]. Днем в полосу обороны армии начали подходить передовые части передаваемых в ее состав 167-й стрелковой дивизии, 2-го гвардейского танкового корпуса и 96-й танковой бригады. Но танковое усиление пробыло в армии недолго. В ближайшие дни и корпус, и бригада были перегруппированы в полосу 40-й армии.

Соединения 40-й армии продолжали тяжелые бои с перешедшим в наступление в ее полосе противником. Вражеское командование сосредоточило здесь 11-й армейский корпус. Основу его ударной группировки составляла дивизия «Великая Германия», появление которой стало неожиданным для командующего 40-й армией генерала К. С. Москаленко. А между тем в танковом полку этой дивизии находились два танковых батальона и рота тяжелых танков

«тигр». Имея подавляющее преимущество в танках, дивизия должна была нанести удар на смежных флангах 40-й и 69-й армий в направлении Грайворон — Борисовка. Это позволяло противнику рассечь войска левого крыла Воронежского фронта на три изолированные друг от друга группировки и завершить их разгром по частям.

11 марта, в то время когда соединения 40-й армии приступили к осуществлению отхода на новый рубеж обороны, 11-й армейский корпус нанес удар в направлении Богодухов. Организовать устойчивую оборону города в такой обстановке не удалось, и, как отметил командир немецкого корпуса генерал Э. Раус, «русские войска, обороняющие Богодухов, не могли противостоять стремительной атаке наших войск, которую поддерживало люфтваффе. Богодухов пал после короткого уличного боя»[50]. Это не позволило левофланговым соединениям армии закрепиться на указанных рубежах, и они начали отход на север, оголяя правый фланг 69-й армии и теряя взаимодействие с ней.

Вражеская авиация, содействуя наземным войскам, постоянно наносила удары по соединениям и коммуникациям фронта. Так, 13 марта немецкие самолеты совершили налет на Грайворон, командный пункт и узел связи армии. Оборонявшиеся на южной окраине Грайворона 100-я и 309-я стрелковые дивизии, а также остатки 5-го гвардейского танкового корпуса начали отход в направлении Борисовки. Однако уже вечером передовые части дивизии «Великая Германия» ворвались в этот населенный пункт. Между флангами 40-й и 69-й армий вновь образовался значительный разрыв. К этому времени войска левого крыла Воронежского фронта вели боевые действия в основном в разобщенных группировках, взаимодействие между армиями было нарушено.

Соединения 40-й армии практически не имели возможности сдерживать натиск превосходящих сил противника. Генералу К. С. Москаленко оставалось только надеяться на прибытие танковых корпусов. Первой в полосе армии начала сосредоточиваться 19-я гвардейская танковая бригада 3-го гвардейского танкового корпуса. Она с ходу вступила во встречный бой с немецкими танковыми частями в районе Борисовки и сумела задержать их продвижение.

Начальник Генерального штаба А. М. Василевский, находясь на Воронежском фронте, предложил Ставке выдвигаемые на это направление армии использовать для решения следующих задач: 21-ю армию генерала И. М. Чистякова — для наступления «в общем направлении через Борисовку, Золочев в обход Харькова, харьковской группировки противника с запада... Одновременно армией Казакова (69-я), усиленной корпусом Баданова (2-й гвардейский танковый корпус), нанести удар по Харькову с севера и северо-востока. Общая цель операции — вырвать инициативу у противника севернее и северо-западнее Харькова, разбить харьковскую группировку противника и тем самым, еще до подхода армии Катукова (1-я танковая), ликвидировать угрозу наступления противника на север, в тыл армиям Воронежского фронта, или на восток»[51].

Однако события последующих дней заставили А. М. Василевского взглянуть на обстановку иначе. 16 марта бои частей 3-го гвардейского танкового корпуса с дивизией «Великая Германия» на борисовском направлении возобновились с неослабевающим упорством сторон. За несколько дней 3-й гвардейский танковый корпус в районе Борисовки, на подступах к Томаровке и Белгороду потерял 110 танков Т-34, 46 танков Т-70 и 903 человека. Большое количество боевых машин было выведено из строя не только огнем артиллерии и танков врага, но и его авиацией. Как отмечалось в отчете штаба корпуса: «В течение боев корпус впервые столкнулся с применением пикирующей авиации противника, вооруженной пушкой с реактивным снарядом»[52].

Главные силы дивизии «Великая Германия» и 168-й пехотной дивизии, развивая наступление, продолжали теснить соединения 40-й армии в северном направлении и одновременно готовились для нанесения удара на Томаровку — Белгород. Соседняя с ней 69-я армия, учитывая угрозу флангу и тылу, была вынуждена 15 марта отвести свои правофланговые дивизии на один из промежуточных рубежей.

Для того чтобы не допустить захвата противником Белгорода и обеспечить развертывание прибывавших резервов Ставки ВГК, генерал Ф. И. Голиков решил нанести контрудар на

борисовском направлении и тем самым стабилизировать положение в полосе обороны 40-й армии. Руководство подготовкой и осуществлением контрудара возлагалось на командующего 40-й армией генерала К. С. Москаленко. В состав контрударной группировки включались 3-й и 5-й гвардейские танковые корпуса (47 и 18 танков соответственно), две танковые, две стрелковые дивизии и одна истребительная бригада. Контрудар планировался в условиях, когда немецкие войска вклинились в оборону фронта на глубину до 100 км. Фронт понес большие потери в живой силе и технике. Кроме того, враг не был остановлен. Не исчерпав своих наступательных возможностей, он продолжал наступление.

Замысел генерала Москаленко заключался в окружении и разгроме борисовской группировки противника. После его завершения войска ударной группировки должны были овладеть рубежом Головченко — Уды и перейти к обороне. Слабый состав ударных группировок, поспешность подготовки в условиях активного воздействия немецких войск, недостаточная обеспеченность силами и средствами, низкая эффективность мероприятий по организации огневого поражения врага предопределили то, что планировавшийся контрудар фактически не был осуществлен: в нем участвовал только 5-й гвардейский танковый корпус (18 танков), который практически не повлиял на изменение обстановки. Неудачный исход контрудара был также обусловлен и активизацией действий танкового корпуса СС. Его главные силы, завершив перегруппировку из района Харькова, с утра 18 марта нанесли мощный удар по соединениям 69-й армии и повели наступление на трех направлениях, одновременно обходя армию с правого фланга. Всего в сражение было введено до 125 танков. В результате к 14 часам враг овладел Белгородом. 69-я армия вынуждена была отойти на восточный берег Северского Донца, где 24 марта ее соединения сменила прибывшая 64-я армия[53].

В то время, когда танковый корпус СС овладел Белгородом, а 69-я армия отходила за Северский Донец, части дивизии «Великая Германия» продолжали теснить соединения 40-й армии в северном и северо-восточном направлениях, нацеливаясь на Курск. Сплошного рубежа обороны в полосе армии создать так и не удалось, управление войсками было нарушено[54]. К этому времени в разрыв в оперативном построении между 40-й и 69-й армиями стали прибывать соединения 21-й армии. Ее передовая 52-я гвардейская стрелковая дивизия в ходе тяжелых боев на обоянском направлении остановила части дивизии СС «Мертвая голова» и обеспечила сосредоточение и развертывание главных сил армии на указанном рубеже. Прорвать оборону 21-й армии 2-й танковый корпус СС оказался не в силах. Но и армия, в отличие от первоначальных планов — нанести совместно с 1-й танковой армией удар и разгромить противника, осталась после отражения его затухающих ударов на занимаемых рубежах.

На этом боевые действия Воронежского фронта по отражению контрнаступления немецкой группы армий «Юг» завершились. Положение в его полосе стабилизировалось до июля 1943 г., то есть до начала Курской битвы. Отражая контрнаступление врага, советские войска понесли большие потери. В соединениях 3-й танковой, 40-й и 69-й армий Воронежского фронта и 6-й армии Юго-Западного фронта за период операции (4—24 марта) они составили 86 469 человек, в том числе 45 219 безвозвратно, 322 танка, 3185 орудий и минометов, 110 самолетов[55]. Войска Воронежского и правого крыла Юго-Западного фронта были вынуждены оставить Харьков и отойти на рубеж Березов — Белгород и р. Северский Донец. Однако план по окружению советских войск в районе Харькова немецкому командованию выполнить не удалось. Противник не смог продолжить свой удар на Курск, в сторону которого с севера, из района Орла, готовилась нанести встречный удар 2-я немецкая танковая армия, чтобы окружить и разгромить войска Красной армии на курском выступе.

Сражениями в Донбассе и в районе Харькова завершилась зимняя кампания 1942—1943 гг., главным направлением которой являлось юго-западное. Несмотря на то что Красная армия достигла значительных успехов, полностью добиться поставленной цели советские войска не смогли. Невыполнение обеими сторонами задач, планировавшихся на завершающем этапе зимней кампании, в значительной степени предопределило планы сторон на последующую, летне-осеннюю кампанию 1943 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. М., 1998. Кн. 2. С. 171.

[2] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВКГ. Документы и материалы 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 41.

[3] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. В 2-х кн. М., 1985. Кн. 1. С. 149—150.

[4] ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 1135. Д. 9. Л. 325—329.

[5] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВКГ. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 74.

[6] ЦАМО. Ф. 232. Оп. 590. Д. 294. Л. 382.

[7] *Манштейн Э.* Утерянные победы / Пер. с нем. М., 1999. С. 476.

[8] ЦАМО. Ф. 232. Оп. 590. Д. 294. Л. 233—234.

[9] Там же. Л. 32; Оп. 643. Д. 21. Л. 248; Д. 72. Л. 405.

[10] Там же. Оп. 590. Д. 168. Л. 82—83.

[11] Там же. Ф. 334. Оп. 5252. Д. 173. Л. 87—90.

[12] Там же. Ф. 232. Оп. 590. Д. 294. Л. 245—259.

[13] Русский архив: Великая Отечественная. Прелюдия Курской битвы. Документы и материалы. 6 декабря 1942 г. — 25 апреля 1943 г. М., 1997. Т. 4 (3). С. 225.

[14] ЦАМО. Ф. 232. Оп. 590. Д. 445. Л. 69—70.

[15] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы материалы. 1943 год Т. 16 (5-3). С. 79.

[16] *Морозов В.* Почему не завершилось наступление в Донбассе весной 1943 года // Военно-исторический журнал. 1963. № 3. С. 27.

[17] *Демин В. А., Португальский Р. М.* Танки входят в прорыв. Боевой путь 25-го танкового корпуса. М., 1988. С. 50—51.

[18] ЦАМО. Ф. 334. Оп. 5252. Д. 168. Л. 80—88.

[19] Там же. Ф. 232. Оп. 598. Д. 119. Л. 1—18.

[20] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 181.

[21] Там же. С. 182.

[22] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 83.

[23] *Шеин Д. В.* Танки ведет Рыбалко. Боевой путь 3-й гвардейской танковой армии. М., 2007. С. 83—84.

[24] Там же. С. 86—87.

[25] ЦАМО. Ф. 232. Оп. 590. Д. 302. Л. 38—51.

[26] Курская битва. 1943 г. Материалы в помощь лекторам. М., 2008. С. 86.

[27] *Штеменко С. М.* Указ. соч. С. 153.

[28] *Манштейн Э.* Указ. соч. С. 492.

[29] ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 511. Л. 24—28.

[30] Там же. Оп. 2893. Д. 4. Л. 30.

[31] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 86.

[32] ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 301. Л. 88.

[33] Внутренние войска в Великой Отечественной войне (1941–1945). С. 496.

[34] ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 509. Л. 5–8.

[35] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 184.

[36] Там же. С. 185.

[37] *Свобода Л.* От Бузулука до Праги. М., 1969. С. 120.

[38] Русский архив: Великая Отечественная. Прелюдия Курской битвы. Документы и материалы. 6 декабря 1942 — 25 апреля 1943 г. Т. 4 (3). С. 112–113.

[39] Курская битва. 1943 г. Материалы в помощь лекторам. С. 101.

[40] Внутренние войска в Великой Отечественной войне (1941–1945). Документы и материалы. М., 1975. С. 506; Войска, называющиеся внутренними. С. 287.

[41] ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2777. Д. 117. Л. 129–131.

[42] *Шеин Д. В.* Указ. соч. С. 92.

[43] Русский архив: Великая Отечественная. Прелюдия Курской битвы. Документы и материалы. 6 декабря 1942 — 25 апреля 1943 г. Т. 4 (3). С. 116.

[44] ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 412а. Л. 97–129.

[45] *Шеин Д. В.* Указ. соч. С. 92.

[46] ЦАМО. Ф. 232. Оп. 598. Д. 23. Л. 2–30.

[47] *Шеин Д. В.* Указ. соч. С. 93.

[48] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1992. Т. 3. С. 10–11.

[49] Курская битва. 1943 г. Материалы в помощь лекторам. С. 111.

[50] Там же. С. 112.

[51] Русский архив: Великая Отечественная. Прелюдия Курской битвы. Документы и материалы. Т. 4 (3). С. 122.

[52] ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 413. Л. 101.

[53] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 189.

[54] Русский архив: Великая Отечественная. Прелюдия Курской битвы. Документы и материалы. Т. 4 (3). С. 126.

[55] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2010. С. 122, 346.

ОГНЕННАЯ ДУГА

Неприступная оборона

После завершения зимней кампании 1942–1943 гг. на советско-германском фронте наступила пауза, которую обе стороны использовали для выработки стратегических решений и подготовки к дальнейшему ведению войны.

Пройдя с боями на запад в ходе зимнего наступления почти 700 км, советские фронты оказались сильно ослабленными, а войска испытывали серьезные трудности в снабжении боеприпасами и горючим. Потеря Харькова и Белгорода в феврале — марте в результате немецкого контрнаступления остановила продвижение Красной армии на запад. В конце марта 1943 г. линия фронта проходила от Баренцева моря к Ладожскому озеру, по р. Свирь к Ленинграду и далее на юг; у Великих Лук она поворачивала на юго-восток и в районе Курска образовывала огромный выступ, глубоко вдававшийся в расположение вражеских войск; затем от района Белгорода пролегала восточнее Харькова и по рекам Северский Донец и Миус тянулась к восточному побережью Азовского моря; на Таманском полуострове она проходила восточнее Темрюка и Новороссийска.

На всем пространстве от Баренцева до Черного моря действовали 12 советских фронтов, которым противостояли четыре группы армий, включавшие силы вермахта и союзников Германии, отдельную немецкую армию и финские войска. В протянувшейся через весь континент с севера на юг почти спрямленной линии противостояния двух мощных армий резко выделялся курский выступ, вдававшийся в расположение противника на 200 км. Этот выступ образовался в результате упорных сражений зимой и ранней весной 1943 г. Здесь правое крыло немецкой группы армий «Центр» нависло над войсками Центрального фронта с севера, а левый фланг группы армий «Юг» охватывал войска Воронежского фронта с юга. В ходе трехмесячной стратегической паузы, наступившей в конце марта, воюющие стороны закреплялись на достигнутых рубежах, извлекали уроки, пополняли свои войска людьми и разрабатывали планы дальнейших действий.

К разработке планов на лето 1943 г. обе стороны приступили еще до завершения зимней кампании. Германское руководство считало, что война с Россией еще не проиграна и тяжелое положение можно выправить. Оно настойчиво искало возможность взять реванш за поражение в битвах под Москвой и Сталинградом, поддержать пошатнувшийся моральный дух своей армии и населения Германии, поднять престиж Третьего рейха в глазах его союзников и предотвратить распад фашистского блока.

Германское руководство, увеличивая военное производство, укрепляя боевую мощь своих армий, тщательно и всесторонне разрабатывало план решающей летней кампании.

Однако после катастрофы под Сталинградом замыслы командования вермахта не были столь грандиозными как раньше. Оно уже не могло вести наступательные действия на всех стратегических направлениях. К тому же достаточных сил и средств для организации наступления на широком фронте у него просто не было. Поэтому упор был сделан на нанесение мощного удара по советской обороне на узком участке с целью ее прорыва и развития наступления в глубь страны для овладения жизненно важными центрами и коммуникациями. Гитлер требовал любой ценой захватить инициативу, навязать Советскому Союзу свою волю. Наиболее общее представление о замысле германского командования дает содержание оперативного приказа № 5 от 13 марта 1943 г., в котором для войск на советско-германском фронте определялись общие цели военных действий на лето 1943 г.: «Следует ожидать, что русские после окончания зимы и весенней распутицы, создав запасы материальных средств и пополнив частично свои соединения людьми, возобновят наступление. Поэтому наша задача состоит в том, чтобы по возможности упредить их в наступлении в отдельных местах с целью навязать им хотя бы на одном из участков фронта свою волю. На остальных участках фронта задача сводится к обескровливанию наступающего противника, здесь мы должны заблаговременно создать прочную оборону»[1]. Наиболее выгодным для осуществления этого замысла, по мнению немецкого командования, являлся курский выступ.

Конфигурация выступа, характер местности, а также сложившееся в результате зимней кампании расположение сил германских войск позволяли подготовить и провести здесь крупную операцию. Командование противника имело возможность нанести мощные удары по сходящимся направлениям, окружить и разгромить значительную группировку советских войск и пробить огромную брешь в их обороне. Ликвидация выступа должна была привести к сокращению протяженности линии фронта и высвободить группировку германских войск для ведения в дальнейшем широкомасштабных наступательных действий.

К принятию решения о наступлении в районе Курска гитлеровское руководство толкали и политические соображения. Достижением крупной победы оно надеялось поднять авторитет и престиж Германии и ее вооруженных сил среди своих союзников и, возможно, отсрочить открытие второго фронта в Европе.

Германское командование предполагало нанести два встречных удара под основание курского выступа с северо-запада, из района Орла, силами группы армий «Центр», и с юго-запада, из района севернее Харькова, силами группы армий «Юг», по сходящимся направлениям на Курск с целью окружения и разгрома советских войск. По существу, на первом этапе немецкое командование попыталось возродить план февральско-мартовского контрнаступления, сорванного Красной армией. Утвердив этот план, Гитлер 15 апреля подписал разработанный немецким командованием план боевых действий, получивший условное наименование «Цитадель».

В дальнейшем враг намеревался, завершив окружение советских войск в районе Курска, нанести стремительный удар в тыл Юго-Западного фронта (план «Пантера»). Для этого предполагалось использовать все освободившиеся подвижные немецкие соединения. В то же время германское командование не исключало возможности после осуществления плана «Цитадель» развить успех в другом направлении — на северо-восток, в обход Москвы, чтобы выйти в тыл всей центральной группировки советских войск. Эта операция должна была стать генеральным сражением на восточном фронте и продемонстрировать превосходство немецкой военной стратегии, возросшую мощь, боеспособность и неудержимость нацистской Германии.

Подчеркивая важность операции «Цитадель», верховное главнокомандование германских вооруженных сил в своем приказе от 15 апреля отмечало: «Этому наступлению придается первостепенное значение. Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом... должно дать нам в руки инициативу на весну и лето этого года. На направлении главных ударов должны использоваться лучшие соединения, наилучшее оружие, лучшие командиры и большее количество. Победа под Курском должна стать сигналом для всего мира»[2]. В соответствии с планом германского верховного командования все немецкие войска, действовавшие на

Строительство оборонительных сооружений на Курской дуге

Новые немецкие танки «пантера» перед боями на Курской дуге

советско-германском фронте, усиленно готовились к наступлению. Соединения и части доукомплектовывались, их огневая мощь увеличивалась.

Для достижения целей операции в короткие сроки задачи групп армий были определены на незначительную глубину: для группы армий «Центр» — 75 км, для группы армий «Юг» — 125 км. И срок соединения войск был определен всего через четыре дня.

К созданию группировок войск немецкое командование приступило еще в марте 1943 г. Предпринимались энергичные меры по восполнению понесенных ранее потерь. В результате к началу июля численность пехотных дивизий достигла 9,6—12,5 тыс. человек, танковых дивизий — 15—16 тыс. человек и 150—170 танков, моторизованных дивизий — до 14 тыс. человек[3]. Наиболее полно были укомплектованы дивизии СС, действовавшие против войск Воронежского фронта. В состав северной группировки — группа армий «Центр» — вошли 9-я армия и часть сил 2-й полевой армии: всего 26 дивизий, в том числе шесть танковых и одна моторизованная, до 1200 танков и штурмовых орудий. В состав южной группировки — группа армий «Юг» — вошли 4-я танковая армия, армейская группа «Кемпф» и часть сил 2-й полевой армии: всего 24 дивизии, в том числе восемь танковых и одна моторизованная, до 1500 танков и штурмовых орудий[4].

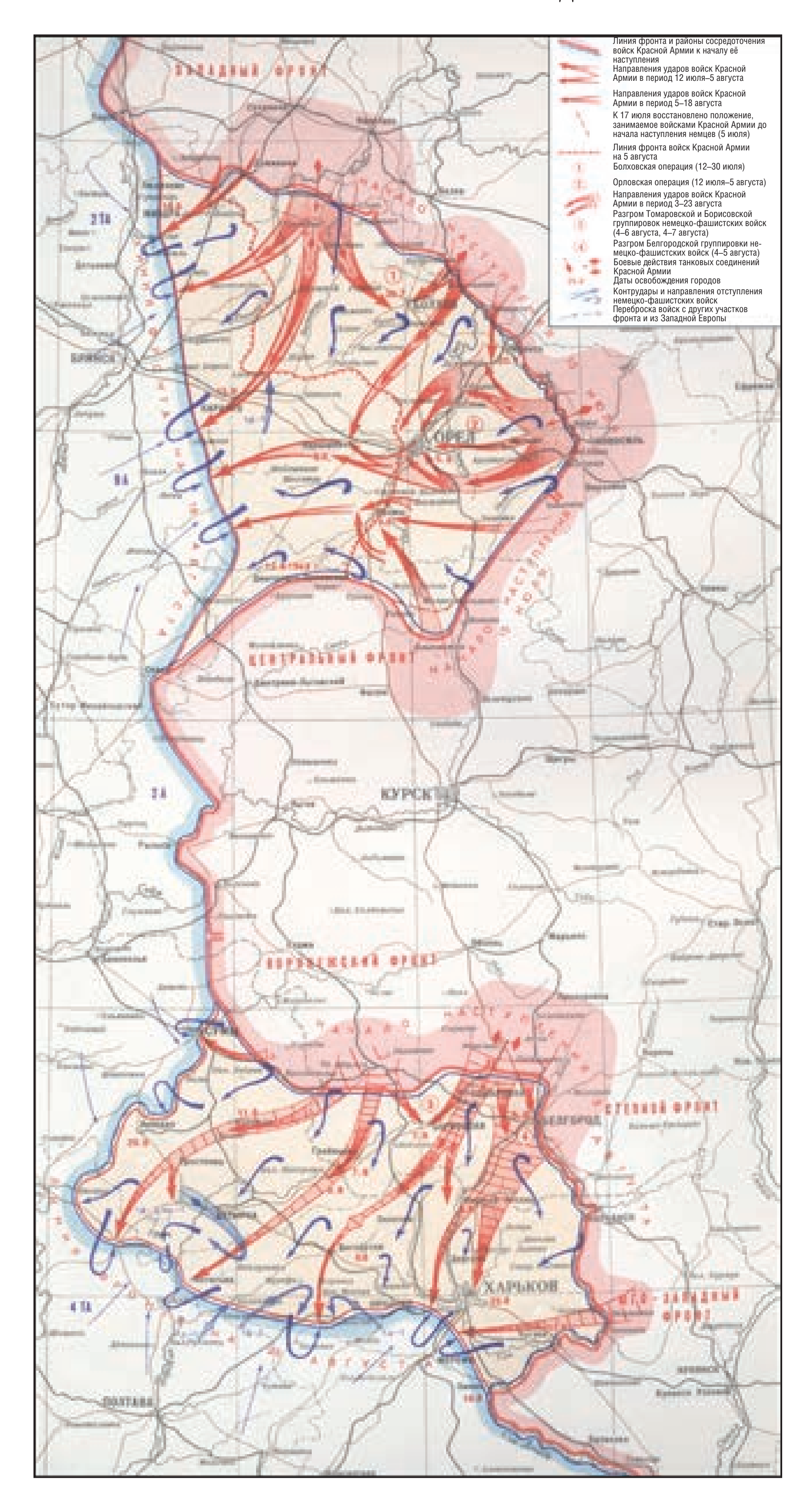
Таким образом, к операции привлекалось 50 наиболее боеспособных дивизий, в том числе 14 танковых (70% танковых дивизий вермахта) и две моторизованные. Всего в составе групп армий «Центр» и «Юг» насчитывалось свыше 900 тыс. человек, около 10 тысяч орудий и минометов, более 2,7 тыс. танков и штурмовых орудий. Их поддерживали свыше 2 тыс. самолетов (65% боевых самолетов, действовавших на советско-германском фронте). Кроме того, на флангах ударных группировок располагалось до 20 дивизий, готовых к взаимодействию с основными силами в ходе развития операции «Цитадель»[5].

В целях достижения быстрого успеха своего наступления германское командование сделало ставку на массированное применение бронетехники (танков, штурмовых орудий, бронетранспортеров) в первом оперативном эшелоне. Поступившие на вооружение германской армии средние и тяжелые танки T-IV, T-V («пантера»), T-VI («тигр»), штурмовые орудия «фердинанд» обладали хорошей броневой защитой и сильным артиллерийским вооружением. Их 75-мм и 88-мм пушки с дальностью прямого выстрела 1,5—2,5 км в 2,5 раза превышали дальность 76,2-мм пушки основного советского танка Т-34. За счет высокой начальной скорости снарядов была достигнута повышенная бронепробиваемость. Входившие в состав артиллерийских полков танковых дивизий бронированные самоходные гаубицы «хуммель» и «веспе» также могли с успехом применяться для стрельбы прямой наводкой по танкам. Кроме того, на них была установлена отличная цейссовская оптика. Это позволило противнику добиться определенного превосходства в танковом оснащении. Кроме того, на вооружение германской авиации поступили новые самолеты: истребитель «Фокке-Вульф-190А», штурмовик «Хенкель-190А» и штурмовик «Хенкель-129», которые должны были обеспечить удержание господства в воздухе и надежную поддержку танковых дивизий.

Особое значение немецкое командование придавало внезапности операции «Цитадель». С этой целью предусматривалось в широком масштабе провести дезинформацию советских войск. Для этого продолжалась усиленная подготовка операции «Пантера» в полосе армий «Юг». Проводились демонстративные рекогносцировки, выдвигались танки, сосредоточивались переправочные средства, осуществлялись радиопереговоры, активировались действия агентуры, распространялись слухи и т. п. В полосе группы армии «Центр», наоборот, все старательно маскировалось[6]. Но хотя все мероприятия проводились с большой тщательностью и методичностью, они не дали эффективных результатов.

Чтобы обезопасить тыловые районы своих ударных группировок, немецкое командование в мае — июне 1943 г. предприняло крупные карательные экспедиции против брянских и украинских партизан. Так, против 20 тыс. брянских партизан действовало более 10 дивизий, а в Житомирской области немцы задействовали 40 тыс. солдат и офицеров. Но врагу не удалось разгромить партизан[7].

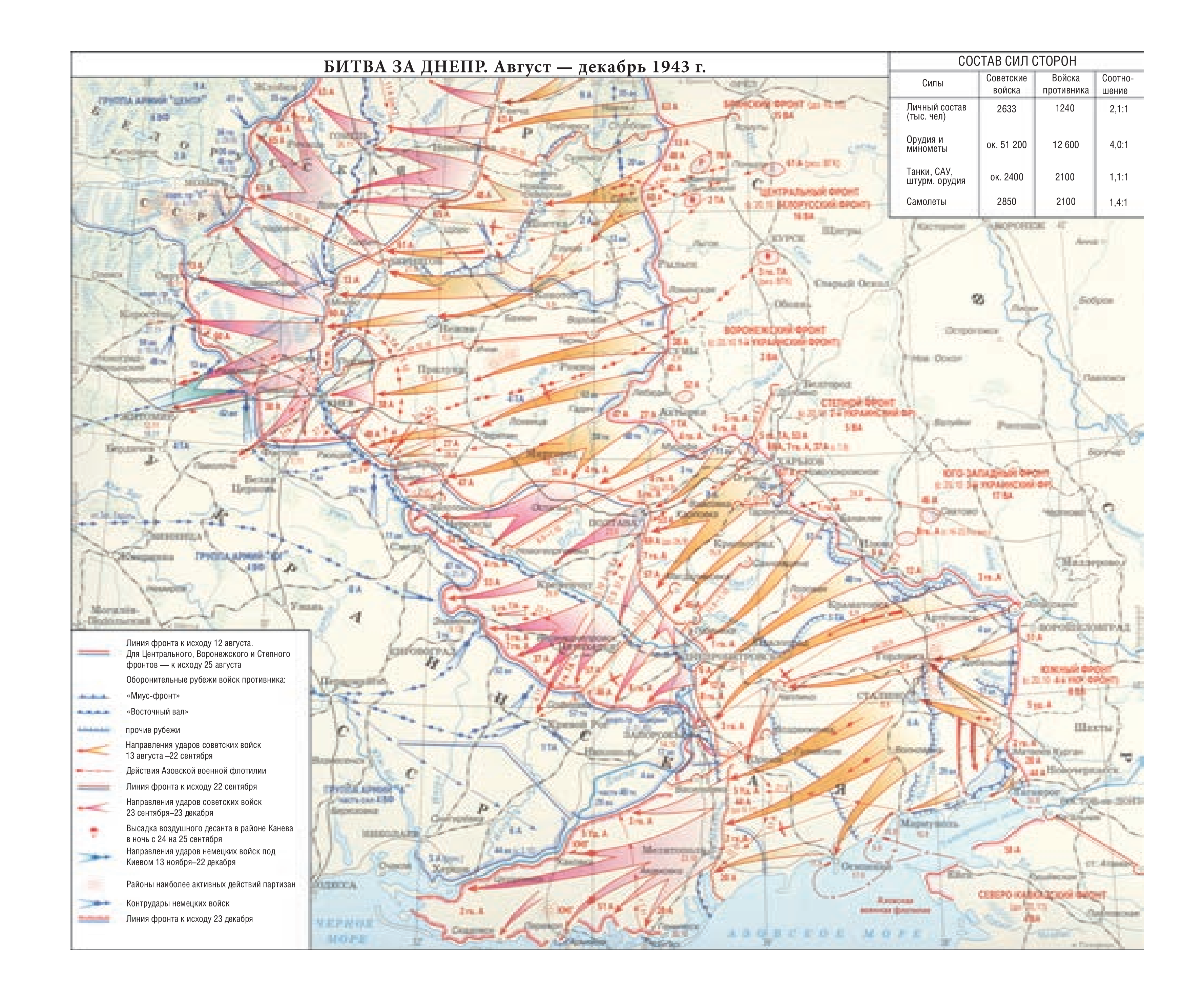
КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ ВОЙСК НА КУРСКОЙ ДУГЕ. 12 июля — 23 августа 1943 г.

ЧЕРНИГОВСКО-ПОЛТАВСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ. 26 августа — 30 сентября 1943 г.

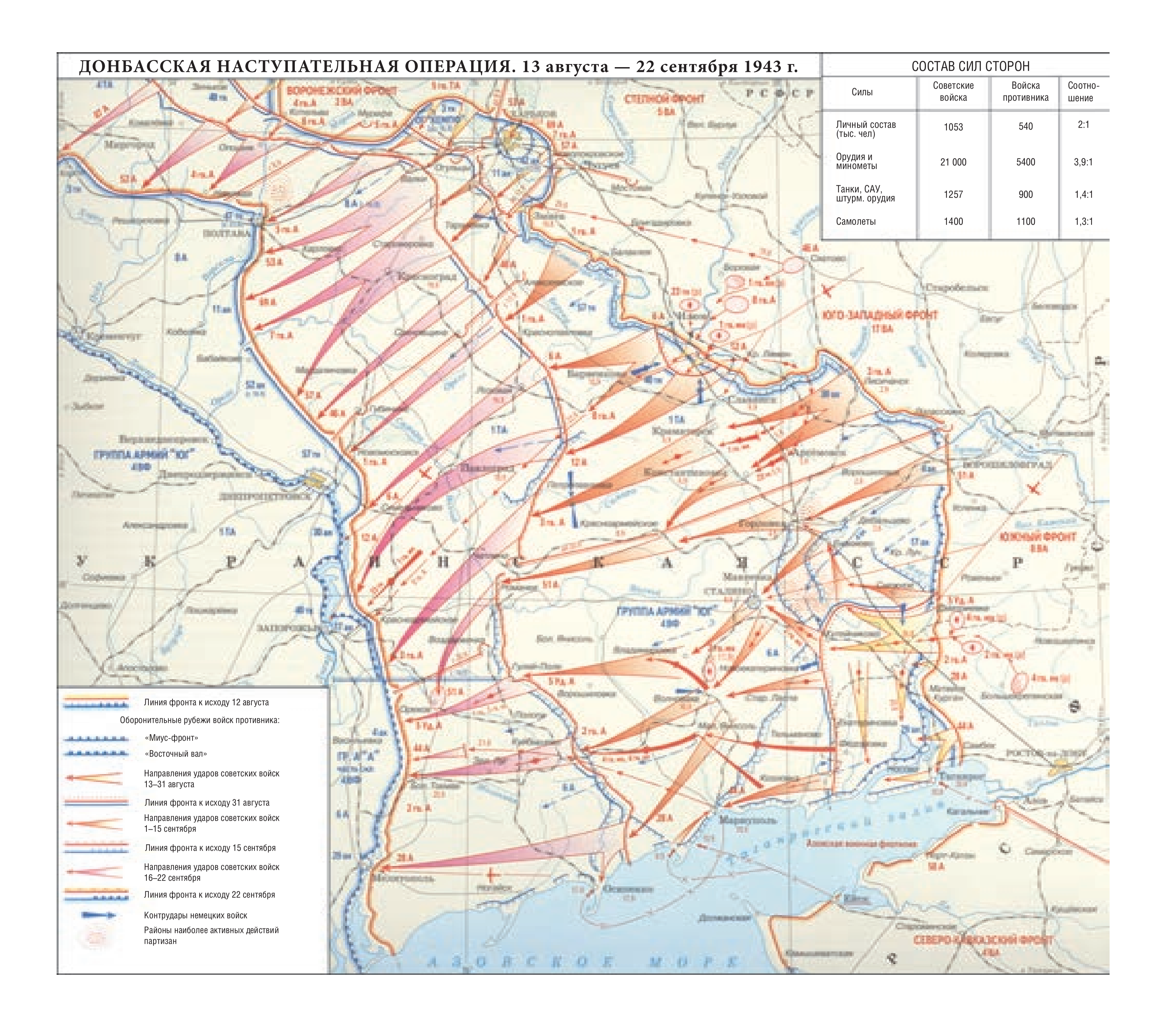
БИТВА ЗА ДНЕПР. Август — декабрь 1943 г.

ДОНБАССКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ. 13 августа — 22 сентября 1943 г.

СОСТАВ СИЛ СТОРОН

Силы	Советские войска	Войска противника	Соотно-шение
Личный состав (тыс. чел)	1053	540	2:1
Орудия и минометы	21 000	5400	3,9:1
Танки, САУ, штурм. орудия	1257	900	1,4:1
Самолеты	1400	1100	1,3:1

Выдвижение пехотного подразделения на передовую

Колонна немецких танков выдвигается на рубежи атаки

Бойцы изучают противотанковое ружье ПТРД-41

Советское командование к выработке плана предстоявших действий на лето 1943 г. приступило сразу же после завершения зимней кампании в конце марта 1943 г. В разработке операции принимали участие Ставка ВГК, Генеральный штаб, все командующие фронтами, оборонявшие курский выступ. План предусматривал нанесение главного удара на юго-западном направлении. Советской военной разведке удалось своевременно вскрыть подготовку гитлеровской армии к крупному наступлению на Курской дуге и даже установить дату начала операции.

Перед советским командованием встала сложная задача — выбрать способ действий: наступать или обороняться. В своем докладе 8 апреля 1943 г. Верховному главнокомандующему с оценкой общей обстановки и о своих соображениях по поводу действий Красной армии на лето 1943 г. в районе Курской дуги маршал Г. К. Жуков сообщал: «Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выбьем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника»[8]. Таких же взглядов придерживался и начальник генерального штаба А. М. Василевский: «Тщательный анализ обстановки и предвидение развития событий позволили сделать правильный вывод: главные усилия надо сосредоточить к северу и югу от Курска, обескровить здесь противника в оборонительном сражении, а затем перейти в контрнаступление и осуществить его разгром»[9].

В результате было принято беспрецедентное решение о переходе к обороне в районе курского выступа. Основные усилия сосредоточивались в районах севернее и южнее Курска. Произошел редчайший в истории войны случай, когда сильнейшая сторона, имевшая всё необходимое для наступления, выбрала из нескольких возможных наиболее оптимальный вариант действий — оборону. Не все были согласны с таким решением. Командующие Воронежским и Южным фронтами генералы Н. Ф. Ватутин и Р. Я. Малиновский продолжали настаивать на нанесении упреждающего удара в Донбассе. Их поддерживали С. К. Тимошенко, К. Е. Ворошилов и некоторые другие. Окончательное решение было принято в конце мая — начале июня, когда стало точно известно о плане «Цитадель». Последующий анализ и реальный ход событий показали, что решение о преднамеренной обороне в условиях значительного превосходства в силах в данном случае было наиболее рациональным видом стратегических действий.

Окончательное решение на лето и осень 1943 г. Ставка выработала в середине апреля: предстояло изгнать немецко-фашистских оккупантов за линию Смоленск — р. Сож — среднее и нижнее течение Днепра, сокрушить так называемый «восточный вал» гитлеровцев, а также ликвидировать вражеский плацдарм на Кубани. Главный удар летом 1943 г. предполагалось нанести на юго-западном, а второй — на западном направлении. На курском выступе было принято решение преднамеренной обороной истощить и обескровить ударные группировки немецких войск, а затем переходом в контрнаступление завершить их разгром. Основные усилия сосредоточивались в районах севернее и южнее Курска. События первых двух лет войны показали: оборона советских войск не всегда выдерживала массированные удары противника, что приводило к трагическим последствиям.

К оборонительной операции под Курском привлекались в основном войска Центрального и Воронежского фронтов. Ставка ВГК понимала, что переход к преднамеренной обороне связан с определенным риском. Поэтому к 30 апреля был образован Резервный фронт (в дальнейшем переименованный в Степной военный округ, а с 9 июля — в Степной фронт). В его состав были включены 2-я резервная, 24, 53, 66, 47, 46, 5-я гвардейская танковая армии, 1, 3 и 4-й гвардейские, 3, 10 и 18-й танковые, 1-й и 5-й механизированные корпуса. Все они дислоцировались в районах Касторного, Воронежа, Боброво, Миллерово, Россоши и Острогожска. Полевое управление фронта разместилось неподалеку от Воронежа. В резерве Ставки, а также во вторых эшелонах фронтов по указанию Верховного главнокомандования были сосредоточены пять танковых армий, ряд отдельных танковых и механизированных корпусов, большое количество стрелковых корпусов и дивизий. В состав Центрального и

Воронежского фронтов с 10 апреля по июль поступили 10 стрелковых дивизий, 10 истребительно-противотанковых артиллерийских бригад, 13 отдельных истребительно-противотанковых артиллерийских полков, 14 артиллерийских полков, восемь полков гвардейских минометов, семь отдельных танковых и самоходных артиллерийских полков. Всего двум фронтам было передано 5635 орудий, 3522 миномета, 1284 самолета[10].

Командованию Западного и Брянского фронтов предписывалось подготовить наступательную операцию против орловской группировки врага, которую планировалось начать после того, как будет сорвано наступление противника. Наступательные операции готовили и остальные фронты — Центральный, Воронежский и Степной[11].

По левому берегу Дона был оборудован государственный рубеж обороны. Глубина полос обороны составляла на Центральном фронте 190 км, на Воронежском — 130 км. У каждого фронта были созданы по три армейских и три фронтовых оборонительных рубежа, оборудованных в инженерном отношении.

Оба фронта имели в своем составе по шесть армий: Центральный фронт — 48, 13, 70, 65, 60-ю общевойсковые и 2-ю танковую; Воронежский — 6, 7-ю гвардейскую, 38, 40, 69-ю общевойсковые и 1-ю танковую. Ширина полос обороны Центрального фронта составляла 306 км, а Воронежского — 244 км. На Центральном фронте в первом эшелоне были расположены все общевойсковые армии, на Воронежском — четыре общевойсковые армии.

Командующий Центральным фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский, оценив обстановку, пришел к выводу, что противник нанесет главный удар в направлении на Ольховатку в полосе обороны 13-й общевойсковой армии. Поэтому было принято решение уменьшить ширину полосы обороны 13-й армии с 56 до 32 км и довести ее состав до четырех стрелковых корпусов. Таким образом, состав армий увеличился до 12 стрелковых дивизий, а ее оперативное построение стало двухэшелонным.

Командующему Воронежским фронтом генералу Н. Ф. Ватутину было сложнее определить направление главного удара противника. Поэтому полоса обороны 6-й гвардейской общевойсковой армии (именно она оборонялась на направлении главного удара 4-й танковой армии противника) составляла 64 км. При наличии в ее составе двух стрелковых корпусов и одной стрелковой дивизии командующий армией был вынужден построить войска армии в один эшелон, выделив всего одну стрелковую дивизию в резерв. Таким образом, глубина обороны 6-й гвардейской армии изначально оказалась меньше, чем глубина полосы 13-й армии. Такое оперативное построение привело к тому, что командиры стрелковых корпусов, стремясь создать оборону как можно более глубокой, строили боевой порядок в два эшелона.

Большое значение придавалось созданию артиллерийских группировок. Особое внимание обращалось на массирование артиллерии на вероятных направлениях вражеских ударов. Народный комиссар обороны 10 апреля 1943 г. издал специальный приказ об использовании в бою артиллерии резерва Главного командования, закреплении артиллерийских полков усиления за армиями и формировании для фронтов истребительно-противотанковых и минометных бригад.

В полосах обороны 48, 13 и 70-й армий Центрального фронта на предполагаемом направлении главного удара группы армий «Центр» было сосредоточено (с учетом второго эшелона и резервов фронта) 70% всех орудий и минометов фронта и 85% всей артиллерии РВГК. Причем в полосе 13-й армии, куда было нацелено острие удара главных сил противника, сосредоточивались 44% артиллерийских полков РВГК. Этой армии, имевшей в своем составе 752 орудия и миномета калибром от 76 мм и выше, на усиление был придан 4-й артиллерийский корпус прорыва, имевший 700 орудий и минометов и 432 установки реактивной артиллерии. Такое насыщение армии артиллерией позволило создать плотность до 91,6 орудия и миномета на 1 км фронта (в том числе 23,7 противотанковых орудий). Такой плотности артиллерии не было ни в одной из предшествовавших оборонительных операций. Таким образом, четко вырисовывалось стремление командования Центрального фронта решить проблемы непреодолимости создаваемой обороны уже в тактической зоне, не давая противнику возможности вырваться за ее пределы, что существенно осложняло дальнейшую борьбу.

Танковая рота, оснащенная американскими танками М3с, поставленными в СССР по ленд-лизу, выдвигается к переднему краю обороны 6-й гвардейской армии

Проблема использования артиллерии в полосе обороны Воронежского фронта решалась несколько по-другому. Так как войска фронта были построены в два эшелона, то и артиллерия распределялась между эшелонами. Но и на этом фронте на главном направлении, составлявшем 47% всей полосы обороны фронта, где стояли 6-я и 7-я гвардейская армии, удалось создать достаточную высокую плотность — 50,7 орудий и минометов на 1 км фронта. На этом направлении было сосредоточено 67% орудий и минометов фронта и до 66% артиллерии РВГК (87 из 130 артиллерийских полков).

Командование Центрального и Воронежского фронтов большое внимание уделяло использованию противотанковой артиллерии. В их составе имелось 10 истребительно-противотанковых бригад и 40 отдельных полков, из которых семь бригад и 30 полков, то есть подавляющая часть противотанковых средств, находилась на Воронежском фронте. На Центральном фронте более одной трети всех артиллерийских противотанковых средств вошло в состав артиллерийского противотанкового резерва фронта, в результате командующий Центральным фронтом К. К. Рокоссовский получил возможность оперативно использовать свои резервы для борьбы с танковыми группировками противника на наиболее угрожаемых направлениях. На Воронежском фронте основная масса противотанковой артиллерии была передана армиям первого эшелона.

Затягивание германским руководством начала операции «Цитадель» предоставило советскому командованию возможность доукомплектовать войсковую артиллерию материальной частью на Центральном и Воронежском фронтах до 94–96%, артиллерию РВГК

в этих районах до 99–100%. Хуже обстояло дело с укомплектованностью средствами тяги и транспорта, которая в среднем не превышала 50%. Это негативно влияло на маневренность артиллерии. В ходе подготовки операции, в том числе и артиллерийской подготовки, особое внимание уделялось всем видам разведки, общевойсковая и артиллерийская разведки к тому времени еще не имели достаточно сил и средств.

В «Обзоре о состоянии и деятельности войсковой разведки Центрального фронта с 15 апреля по 15 июня» отмечалось: «Разведподразделения недостаточно активно вели разведку... Односторонность ведения разведки (изучение только переднего края) может привести к неожиданным, внезапным для нас действиям противника. Особенно теперь, как никогда, важны данные о противнике в тактической глубине, так как противник на отдельных участках производит перегруппировку, подвозит боеприпасы... Разведгруппы лазутчиков засылаются в тыл противника на глубину до 15 км, однако реально они проникли на глубину в основном 2,5–3 км, реже 5–6 км»[12].

Для добывания данных войсковая разведка использовала разведку боем и поиски. Не хватало опытных экипажей для ведения тотальной авиаразведки, в разведотделах Центрального и Юго-Западного фронтов был некомплект опытных кадров, а также специально оборудованных самолетов для заброски диверсионных групп, недоставало средств агентурной техники[13]. Незадолго до начала Курской битвы начальник разведотдела Центрального фронта полковник Каминский требовал от своих подчиненных: «Разведку тактической глубины обороны противника проводить не в порядке экспериментов, а систематически и планомерно. В проведении разведки не придерживаться шаблона»[14].

Тем не менее разведка смогла обеспечить командующих, командиров и штабы необходимыми данными для принятия решений и постановки задач. Войсковая разведка предоставила данные о противнике на глубину до 5 км вражеской обороны. Данные о более дальних целях получали с помощью специальной и агентурной разведки. Проведенная работа позволила вскрыть огневые средства противника (прежде всего его артиллерию) и систему инженерных сооружений на глубину 2–3 км, а местами до 5 км, что обеспечивало необходимыми исходными данными для подготовки системы артиллерийского огня. Однако полностью вскрыть группировку пехотных и, главное, танковых соединений, особенно в районах, удаленных на 10–25 км и более, где находились основные силы ударной группировки немцев, не удалось. Командование противника принимало достаточно эффективные меры для скрытности действий своих войск. Выход танковых соединений в районы сосредоточения, находившиеся на значительном удалении от линии фронта, осуществлялся последовательно, в основном в ночное время. Эти районы были прикрыты частями ПВО. При выдвижении части и соединения соблюдали строжайшие меры маскировки и режим радиомолчания. Танковые дивизии 4-й танковой армии расположились в исходных районах, находившихся вне досягаемости действительного огня основной массы артиллерии фронтов. Но советской разведке все же удалось тщательно изучить ударную группировку врага, действовавшую против 48-й и 13-й армий[15].

Ставка ВГК 24 июня 1943 г. издала специальную директиву, в которой от командующих фронтами требовалось усилить противовоздушную оборону танковых и механизированных соединений. В директиве сообщалось о том, что немцы для истребления танков используют самолеты, на которых установлены 30-мм пушки. Ставка требовала прекратить практику изымания штатных зенитных средств из состава танковых и механизированных корпусов, при необходимости обеспечивать прикрытие этих соединений зенитными средствами армии или фронта как при расположении на месте, так на всю глубину выполнения ими боевых задач. Запрещалось вводить танковые и механизированные корпуса в сражение без зенитного и авиационного прикрытия[16].

Большое внимание уделялось мероприятиям по организации артиллерийской контрподготовки, начавшимся еще в марте. Командующие артиллерией фронтов издали специальные директивы по вопросам организации подготовки артиллерии к оборонительной операции, в том числе и по организации артиллерийской контрподготовки. В директивах требовалось

составить планы артиллерийской контрподготовки в каждой армии. Обращалось особое внимание на необходимость прикрытия стыков и флангов, указывалось, по каким целям прежде всего планировать огонь дальнобойной артиллерии. В директивах также указывались время и формы проведения контрподготовки. Артиллерийская контрподготовка планировалась во всех армиях фронтов.

В армиях Центрального фронта объектами поражения в период контрподготовки намечались скопления пехоты и танков, артиллерия на огневых позициях и наблюдательные пункты противника. В зависимости от условий предусматривалось несколько вариантов проведения контрподготовки. На Воронежском фронте в 6-й и 7-й гвардейских армиях основной задачей считалось поражение скоплений пехоты и танков противника, изготовившихся для атаки (77% всех объектов подавления). Так, в полосе 13-й армии Центрального фронта проведение контрподготовки планировалось по четырем вариантам, а 7-й гвардейской армии Воронежского фронта — по восьми вариантам, каждый из которых соответствовал одному из предполагаемых направлений ударов противника.

Привлечение к контрподготовке такого большого количества артиллерии (только в 13, 6 и 7-й гвардейских армиях задействовался 61 артиллерийский и минометный полк общей численностью 2218 орудий и минометов, 243 установки реактивной артиллерии) было осуществлено впервые за годы войны. Для того чтобы сохранить в тайне систему противотанкового огня, к контрподготовке не привлекались противотанковая артиллерия, часть орудий полковой и дивизионной артиллерии, находившиеся в составе противотанковых районов и противотанковых опорных пунктов. Для проведения контрподготовки выделялось достаточно большое количество боеприпасов — 0,5 боекомплекта.

Продолжительность контрподготовки в 13-й и 6-й гвардейской армиях должна была составить 30 минут, в 7-й гвардейской армии — 40 минут. Во всех армиях планировался в начале контрподготовки пятиминутный огневой налет, в конце в 13-й и 7-й гвардейской армиях — пятиминутный, в 6-й гвардейской армии — десятиминутный. В промежутках между огневыми налетами намечалось ведение методического огня в 6-й гвардейской армии — 15 минут, в 13-й армии — 20 минут, в 7-й гвардейской армии — 30 минут.

Для более надежного поражения противника одновременно с артиллерийской контрподготовкой планировалось провести и авиационную. При этом авиация должна была нанести свой удар по аэродромам противника, стремясь ослабить его авиационную группировку.

Все вопросы по организации и проведению контрподготовки были отражены в специальных директивах Центрального и Воронежского фронтов, изданных в марте 1943 г., которые постоянно уточнялись и совершенствовались.

Важным моментом в проведении контрподготовки было определение времени ее начала. 2 июля 1943 г. Ставка ВГК предупредила командование Западного, Брянского, Центрального, Воронежского, Юго-Западного и Южного фронтов о том, что, «по имеющимся сведениям, немцы могут перейти в наступление на нашем фронте в период 3–6 июля», и приказала привести войска в полную боевую готовность[17].

В полосе 13-й армии Центрального фронта в ночь на 5 июля был взят пленный, который показал, что немцы изготовились к наступлению на Курск[18]. Было принято решение начать проведение намеченной артиллерийской контрподготовки. В полосе 13-й армии 5 июля в 2.20 был проведен первый пятиминутный огневой налет. Затем последовала пауза до начала действий противника, который в 4.30 осуществил артиллерийскую подготовку. И тогда вместо методического огня, как намечалось по плану, в 4.35 был начат и проведен второй огневой налет в полном объеме всей назначенной по плану артиллерией. Это позволило значительно ослабить артиллерийскую подготовку противника.

В полосе 6-й гвардейской армии 4 июля в 16.10 при поддержке огня артиллерии пехота и танки противника атаковали позицию боевого охранения. Бои носили ожесточенный характер, но к 21.00 противник все же смог выйти к переднему краю главной полосы обороны. Начавшиеся боевые действия подтвердили выводы командования Воронежского фронта о направлении главного удара противника. Было принято решение о проведении намеченной

артиллерийской контрподготовки. В 22.30 5 июля в полосе 6-й гвардейской армии был осуществлен пятиминутный огневой налет. Но затем контрподготовка была прервана. После перерыва с 3.00 контрподготовка продолжилась в полном объеме по разработанному ранее плану. Противник понес потери в живой силе и технике, была нарушена система проводной связи.

В 7-й гвардейской армии командующий принял решение провести контрподготовку с некоторой корректировкой порядка ее проведения. Продолжительность с 40 минут была сокращена до 30, из которых пять минут отводилось на первый огневой налет, 15 минут — на методический огонь и 10 минут — на завершающий налет. Удар артиллерии по целям на вражеском плацдарме на Северском Донце вынудил командование армейской группы «Кемпф» отменить наводку 60-тонного моста для «тигров».

Опыт Центрального и Воронежского фронтов подтвердил, что артиллерийская контрподготовка является одним из важнейших оборонительных мероприятий. Впервые за годы Великой Отечественной войны артиллерийская контрподготовка, проведенная накануне наступления противника, принесла реальный результат: ударная сила противника была ослаблена, на некоторое время дезорганизовано управление его войсками. Результативность контрподготовки в армиях была снижена тем, что противник, готовясь к атаке, переместил свою артиллерию ближе к переднему краю.

Потери противника в живой силе и, главное, в танках были незначительны, так как «огонь в ряде случаев велся по площадям». Маршал Г. К. Жуков позднее прямо признал недостатки проведенной артиллерийской контрподготовки. Он писал: «...мы все ждали от нее больших результатов. Наблюдая ход сражения и опрашивая пленных, я пришел к выводу, что как Центральный, так и Воронежский фронты начали ее слишком рано: немецкие солдаты еще спали в окопах, блиндажах, оврагах, а танковые части были укрыты в выжидательных районах»[19].

В целом, при существовавших в то время средствах разведки и поражения сорвать подготовленное наступление мощных группировок противника было нереально. Но нанести противнику гораздо бóльшие потери возможности имелись. К сожалению, использовать их летом 1943 г. советское командование не смогло.

Противник в соответствии с намеченными планами, после артиллерийской подготовки и ударов авиации, 5 июля перешел в наступление. Немецкие войска атаковали всю полосу обороны 13-й армии и примыкавшие к ней фланги 48-й и 70-й армий в полосе шириной 45 км. Главный удар северная группировка врага наносила силами трех пехотных и четырех танковых дивизий на Ольховатку по войскам левого фланга 13-й армии генерала Н. П. Пухова. Четыре пехотные дивизии наступали против правого фланга 13-й и левого фланга 48-й армии (командующий — генерал П. Л. Романенко) на Малоархангельск. Три пехотные дивизии наносили удар по правому флангу 70-й армии генерала И. В. Галанина в направлении на Гнилец. Наступление наземных войск поддерживалось ударами авиации. Завязались тяжелые и упорные бои. Командование 9-й немецкой армии, не ожидавшее встретить такого мощного отпора, вынуждено было повторно провести часовую артиллерийскую подготовку. Во все более ожесточенных боях героически сражались воины всех родов войск.

Но танки противника, невзирая на потери, продолжали упорно продвигаться вперед. Командование фронта своевременно усилило обороняющиеся на ольховатском направлении войска танками, самоходными артиллерийскими установками, стрелковыми соединениями, полевой и противотанковой артиллерией. Противник, активизируя действия своей авиации, ввел в бой также тяжелые танки. В первый день наступления ему удалось прорвать первую полосу обороны советских войск, продвинуться на 6—8 км и выйти ко второй полосе обороны в районе севернее Ольховатки. В направлении на Гнилец и Малоархангельск противник смог продвинулся всего на 5 км.

Один из бывших генералов вермахта впоследствии писал: «Обе группы армий уже теперь почувствовали всю трудность операции. Мощная система советских оборонительных рубежей со множеством траншей, минных полей и противотанковых препятствий, сосредоточенный огонь артиллерии и многоствольных реактивных установок, многочисленные врытые в землю

танки — всё это задерживало продвижение немецких ударных частей. На позициях перед 9-й армией огонь русской артиллерии, казалось, был наиболее сильным. Выяснилось, что количество пехотных дивизий, особенно у группы армий «Юг», недостаточно. Поэтому мы были вынуждены использовать танковые дивизии для прорыва русских оборонительных рубежей, которые были укреплены всеми возможными средствами против танкового наступления. Скованные минными полями и естественными препятствиями, наступающие танки были хорошей мишенью для русских. Поэтому сверхтяжелые танки не смогли проявить на деле свою ударную мощь»[20].

Командующий Центральным фронтом генерал К. К. Рокоссовский, определив направление главного удара противника, принял решение с утра 6 июля нанести контрудар по вклинившейся вражеской группировке. В контрударе должны были участвовать 17-й гвардейский стрелковый корпус 13-й армии, 16-й танковый корпус 2-й танковой армии и 19-й танковый корпус. Утром нанесли удар по противнику выдвинувшиеся части 17-го стрелкового и 16-го танкового корпусов. Из-за недостаточной организованности при проведении контрудара поставленные задачи не были выполнены. Лишь 17-му гвардейскому стрелковому корпусу удалось отбросить противника на 1,5—2 км. В этом ему способствовали подразделения 15-й и 81-й стрелковых дивизий, воины которых вторые сутки сражались в окружении. Занимая выгодные позиции, они не дрогнули, когда их обошли вражеские танки. Теперь они тоже присоединились к контратакующим частям и совместно теснили противника.

Однако танковые бригады, действовавшие совместно с 17-м гвардейским стрелковым корпусом, развить успех не смогли. 107-я танковая бригада попала под внезапный огонь «тигров» и потеряла 46 танков из 50. Командир 16-го танкового корпуса, наблюдавший за ходом атаки, во избежание потерь приказал 164-й танковой бригаде отойти на исходные рубежи.

Части 19-го танкового корпуса начали действовать только в 20 часов и также не сумели добиться какого-либо результата. Поэтому проведенный 6 июля контрудар не достиг поставленной цели, но заставил противника приостановить наступление на этом направлении.

Не добившись успеха на ольховатском направлении, немецкое командование перенесло основные усилия в район Понырей. Но оборонявшаяся здесь 307-я стрелковая дивизия генерала М. А. Еншина имела сильный узел сопротивления. К тому же в этот район дополнительно была выдвинута полевая и противотанковая артиллерия, здесь находились два подвижных отряда заграждений. Подступы были прикрыты многочисленными противотанковыми и противопехотными минными полями. «До этого (после Сталинграда) немцы ввели новшество в виде так называемой противотанковой позиции. В этом случае группа противотанковых орудий отдавалась под единое командование и использовалась для сосредоточения противотанкового огня на одной цели по команде. Такие участки сосредоточенного огня были организованы на большую глубину, были сделаны приготовления для ведения многослойного огня. Русские переняли этот метод и добавили к нему минные поля. Они были мастерами маскировки и установления минных полей, и для немцев не было чем-то необычным, когда они обнаруживали до 40 тыс. мин в день на участке корпуса»[21].

С рассветом 7 июля за Поныри завязались ожесточенные бои. Атаку вражеской пехоты и танков поддерживали сотни орудий. Авиация наносила удары по переднему краю и в глубине обороны советских войск. Совместно со стрелковыми частями сражались воины 16-го танкового корпуса, которые, закопавшись в землю, вели огонь из орудий и пулеметов, а в удобный момент и контратаковали врага. Кровопролитный бой шел весь день и прекратился только поздно вечером. В полосе оборонявшегося здесь 17-го гвардейского стрелкового корпуса противник смог продвинуться лишь на 1,5—2 км. На других участках обороны 13-й армии враг успеха не имел.

В течение 7 и 8 июля не затихали бои и на ольховатском направлении, где героически отстаивали свои рубежи воины 3-й истребительной бригады полковника В. Н. Рукосуева. Объединенными усилиями советские воины отразили натиск врага. Противник попытался 8 июля прорваться на стыке 13-й и 70-й армий, но и на этом рубеже добиться какого-либо значительного успеха ему не удалось.

Крестьянка рассказывает советским разведчикам о расположении немцев

Встретив упорное сопротивление обороняющихся советских войск, фашистское командование ввело в сражение почти все соединения ударной группировки группы армий «Центр», но прорвать оборону они так и не смогли. За семь дней им удалось продвинуться только на 10–12 км, так и не прорвав тактической зоны обороны. К 12 июля наступательные возможности противника на северном фасе Курской дуги иссякли, он прекратил атаки и перешел к обороне. Следует отметить тот факт, что на других направлениях в полосе обороны войск Центрального фронта враг активных наступательных действий не проводил.

Отразив атаки противника, войска Центрального фронта стали готовиться к наступательным действиям.

На южном фасе курского выступа, в полосе Воронежского фронта, борьба также носила исключительно напряженный характер. Еще 4 июля передовые отряды 4-й немецкой танковой армии пытались сбить боевое охранение 6-й гвардейской армии генерала И. М. Чистякова. К исходу дня им удалось в нескольких пунктах выйти к переднему краю обороны армии. 5 июля начали действовать главные силы на двух направлениях — на Обоянь и Корочу. Основной удар пришелся по 6-й гвардейской армии, а вспомогательный — по 7-й гвардейской армии из района Белгорода на Корочу.

Командиры подразделений 3-й дивизии СС «Мертвая голова» обсуждают план боевых действий

Командир «тигра» показывает след от советского снаряда на броне своего танка

Старшина В. Соколова, санинструктор

Уже в первый день командующий группой армий «Центр» Э. Манштейн ввел в сражение большую часть имевшихся в его распоряжении сил. Только на Обоянь наступало одновременно несколько сотен танков. Здесь действовали дивизии СС «Райх», «Адольф Гитлер», «Мертвая голова», «Великая Германия», две танковые, две пехотные дивизии, два отдельных батальона тяжелых танков и дивизион штурмовых орудий 4-й танковой армии генерала Г. Гота. В результате, несмотря на тяжелые потери, немецким войскам за два дня боев удалось прорвать главную полосу обороны.

Развернутые на второй полосе соединения вторых эшелонов сумели на этом направлении на некоторое время сдержать врага. Но наступление продолжалось. 7 июля противник на узком участке прорвал вторую полосу обороны и вклинился на обоянском направлении на 10–18 км. Создалась серьезная опасность его прорыва к Курску. В этой обстановке по решению Н. Ф. Ватутина 8 июля по обоим флангам главной группировки противника, наступавшей на обоянском направлении, были нанесены мощные контрудары силами фронтовых резервов — два танковых корпуса и две стрелковые дивизии 69-й армии, поддержанные всей авиацией фронта.

Контрудары советских войск ослабили вражескую ударную группировку, вынудив немецкое командование израсходовать значительную часть сил на обеспечение флангов, и хотя к исходу 9 июля противник несколько продвинулся на обоянском направлении, но вынужден был отказаться от продолжения атак. Одновременно войска оперативной группы «Кемпф», двигаясь от Белгорода в направлении на Корочу, поставили под угрозу фланги 6-й и 7-й гвардейских армий. Огромную роль в отражении наступления противника на обоянском направлении сыграли действия 1-й танковой армии генерала М. Е. Катукова, части которой использовались в обороне, главным образом для отражения вражеских атак огнем с места, из окопов.

Серьезное танковое сражение развернулось в районе деревни Яковлево (15 км от переднего края обороны). Здесь, вдоль шоссе Белгород — Обоянь, наступала моторизованная дивизия СС «Адольф Гитлер». Части 6-й гвардейской и 1-й танковой армий отразили до восьми танковых атак противника. В этих боях отличились 1-я гвардейская танковая бригада полковника В. М. Горелова и 51-я гвардейская стрелковая дивизия генерала Н. Т. Таварткиладзе. Советские гвардейцы стояли насмерть и не отступили ни на шаг.

Ожесточенные бои шли и в воздухе. Части 2-й воздушной армии (генерал С. А. Красовский) совершили 6 июля около 1 тыс. самолето-вылетов и в 64 воздушных боях сбили до 100 немецких самолетов. В небе под Курском советская авиация завоевала господство в воздухе. Многие летчики проявили при этом беспримерную доблесть и мужество, в их числе младший лейтенант И. Н. Кожедуб, открывший свой боевой счет сбитым бомбардировщиком Ю-87. На следующий день он уничтожил еще один, а 8 июля — два истребителя Ме-109. Старший лейтенант А. П. Маресьев, несмотря на ампутацию ступней обеих ног, добился от командования разрешения летать и сбил три вражеских самолета.

Немецкое командование стремилось любой ценой прорваться к Курску. Несмотря на упорное сопротивление войск Воронежского фронта, стабилизировать обстановку не удалось. Ударная группировка 4-й немецкой танковой армии ценой больших потерь продвинулась на главном (обоянском) направлении на 10–18 км, завершив прорыв главной полосы обороны 6-й гвардейской армии, а в районе Яковлево — второй оборонительной полосы. На корочанском направлении 3-й немецкий танковый корпус захватил плацдарм на восточном берегу р. Северский Донец, прорвал главную полосу обороны и на трехкилометровом фронте вышел ко второй полосе обороны 7-й гвардейской армии. Быстрому продвижению войск противника в первые два дня наступления способствовали, с одной стороны, просчеты советского командования в определении силы и направления главного удара противника, а с другой — наступление в северном направлении армейской группы «Кемпф», которое сматывало оборону советских войск, затрудняло возможность переброски дополнительных сил на угрожаемые направления.

Германское командование стремилось развить достигнутый успех, продолжая наращивать свои усилия вдоль шоссе Белгород — Обоянь. 2-й танковый корпус СС к исходу 9 июля не только прорвался к армейской (третьей) полосе обороны 6-й гвардейской армии, но и сумел вклиниться в нее примерно в 9 км юго-западнее Прохоровки. Однако вырваться на оперативный простор ему не удалось.

10 июля Гитлер приказал командующему группой армий «Юг» добиться решительного перелома в ходе битвы. Убедившись в полной невозможности сломить сопротивление войск Воронежского фронта на обоянском направлении, фельдмаршал Э. Манштейн решил изменить направление главного удара и теперь наступать на Курск кружным путем — через Прохоровку. Одновременно вспомогательная ударная группировка наносила удар по Прохоровке с юга. На прохоровское направление были подтянуты 2-й танковый корпус СС, в состав которого входили отборные дивизии «Райх», «Мертвая голова», «Адольф Гитлер», а также части 3-го танкового корпуса.

Обнаружив маневр противника, командующий фронтом генерал Н. Ф. Ватутин выдвинул на это направление 69-ю армию, а затем и 35-й гвардейский стрелковый корпус. Чтобы исключить любые случайности, Ставка ВГК приняла решение об усилении Воронежского фронта за счет стратегических резервов. Еще 9 июля она приказала командующему войсками Степного фронта генералу И. С. Коневу выдвинуть на курско-белгородское направление 4-ю гвардейскую, 27-ю и 53-ю армии и передать в подчинение генерала Н. Ф. Ватутина 5-ю гвардейскую и 5-ю гвардейскую танковую армии. Войска Воронежского фронта должны были сорвать наступление врага, нанеся мощный контрудар (пять армий) по его группировке, вклинившейся на обоянском направлении. Однако 11 июля нанести контрудар не удалось. В этот день противник захватил рубеж, намеченный для развертывания танковых соединений. Лишь вводом в сражение четырех стрелковых дивизий и двух танковых бригад 5-й гвардейской танковой армии генерала П. А. Ротмистрова удалось остановить противника в двух километрах от Прохоровки. Таким образом, встречные бои передовых отрядов и частей в районе Прохоровки начались уже 11 июля.

12 июля обе противоборствующие группировки перешли в наступление, нанося удар на прохоровском направлении по обе стороны железной дороги Белгород — Курск. Развернулось ожесточенное встречное сражение. Основные события произошли юго-западнее Прохоровки. С северо-запада на Яковлево наносили удар соединения 6-й гвардейской и 1-й танковой армий. А с северо-востока, из района Прохоровки, в том же направлении наносили удар 5-я гвардейская танковая армия с приданными двумя танковыми корпусами и 33-й гвардейский стрелковый корпус 5-й гвардейской общевойсковой армии. Восточнее Белгорода удар предпринимался тремя стрелковыми дивизиями 7-й гвардейской армии. После 15-минутного артиллерийского налета 18-й и 29-й танковые корпуса 5-й гвардейской танковой армии и приданные ей 2-й и 2-й гвардейский танковые корпуса утром 12 июля перешли в наступление в общем направлении на Яковлево.

Еще раньше, с рассветом, на р. Псёл в полосе обороны 5-й гвардейской армии начала наступление танковая дивизия «Мертвая голова». Однако дивизии танкового корпуса СС «Адольф Гитлер» и «Райх», непосредственно противостоявшие 5-й гвардейской танковой армии, остались на занятых рубежах, подготовив их за ночь для обороны. На довольно узком участке от Березовки (30 км северо-западнее Белгорода) до Ольховатки произошло столкновение двух танковых ударных группировок. Сражение продолжалось целый день. Обе стороны несли большие потери. Борьба была на редкость ожесточенной. 13 июля начальник Генерального штаба маршал А. М. Василевский докладывал И. В. Сталину: «Вчера лично наблюдал к юго-западу от Прохоровки танковый бой наших 18-го и 29-го танковых корпусов с более чем двумястами танками противника... В результате все поле боя в течение часа было усеяно горящими немецкими и нашими танками. В течение двух дней боев 29-й танковый корпус потерял до 60% и 18-й танковый корпус до 30% танков»[22]. На самом деле потери корпусов составили соответственно 73% и 46%.

Немецкая САУ «фердинанд» на Курской дуге

СУ-152 майора Санковского — командира одной из батарей САУ 13-й армии.
Его экипаж уничтожил в первом бою во время Курской битвы 10 танков противника

В результате встречного сражения в районе Прохоровки ни одна из сторон не смогла решить поставленные перед ней задачи: немцы — прорваться в район Курска, а 5-я гвардейская танковая армия — выйти в район Яковлево, разгромив противостоявшего противника. Но путь врагу на Курск был закрыт. Моторизованные дивизии СС «Адольф Гитлер», «Райх» и «Мертвая голова» прекратили атаки и закрепились на достигнутых рубежах. Наступавший на Прохоровку с юга 3-й немецкий танковый корпус в этот день смог потеснить соединения 69-й армии на 10–15 км. Большие потери понесли обе стороны.

Несмотря на то что контрудар Воронежского фронта замедлил продвижение врага, поставленных Ставкой ВГК целей он не достиг. 15 и 16 июля все армии, участвовавшие в контрударе 12 июля, прекратили наступление и перешли к обороне.

Одной из причин неуспеха явилось то, что самая мощная группировка советских войск наносила удар по наиболее сильной группировке врага, но не во фланг, а в лоб. Советское командование не использовало выгодную конфигурацию фронта, позволявшую нанести удары под основание вражеского вклинения с целью окружения и последующего уничтожения всей группировки немецких войск, действовавшей севернее Яковлево. Кроме того, советские командиры и штабы, войска в целом еще не владели должным образом боевым мастерством, а военачальники — искусством наступления. Сказывались и упущения во взаимодействии пехоты с танками, наземных войск с авиацией, между соединениями и частями.

На Прохоровском поле количество танков сражалось против их качества. В составе 5-й гвардейской танковой армии имелись 501 танк Т-34 с 76-мм пушкой, 264 легких танка Т-70 с 45-мм пушкой и 35 тяжелых танков «Черчилль III» с 57-мм пушкой, полученных СССР из Англии. У этого танка были очень маленькая скорость и слабая маневренность. Каждый корпус имел полк самоходных артиллерийских установок СУ-76, но ни одной СУ-152[23]. Советский средний танк обладал возможностью бронебойным снарядом пробить броню толщиной 61 мм на дальности 1000 метров и 69 мм — на 500 метров. Броня танка: лобовая — 45 мм, борт — 45 мм, башня — 52 мм. Немецкий средний танк T-IVH имел броню толщиной: лобовая — 80 мм, борт — 30 мм, башня — 50 мм. Бронебойный снаряд его 75-мм пушки на дальности до 1500 метров пробивал броню более 63 мм. Немецкий тяжелый танк T-VIH «тигр» с 88-мм пушкой имел броню: лобовую — 100 мм, бортовую — 80 мм, башни — 100 мм. Его бронебойный снаряд пробивал броню толщиной 115 мм. Броню тридцатьчетверки он пробивал на дальности до 2000 метров.

Противостоявший армии 2-й танковый корпус СС имел 400 современных танков: около 50 тяжелых танков «тигр» (пушка 88-мм), десятки скоростных (34 км/час) средних танков «пантера», модернизированные T-III и T-IV (пушка 75-мм) и тяжелые штурмовые орудия «фердинанд» (пушка 88-мм). Чтобы поразить тяжелый танк, Т-34 должен был приблизиться к нему на 500 метров, что далеко не всегда удавалось; остальным же советским танкам надо было подходить еще ближе. Кроме того, немцы часть своих танков поместили в капониры, чем обеспечили их неуязвимость с борта. Сражаться с надеждой на успех в таких условиях можно было только в ближнем бою. В результате росли потери. Под Прохоровкой советские войска потеряли 60% танков (500 из 800), а немецкие — 75% (300 из 400, по немецким данным — 80–100)[24]. Для них это была катастрофа. Для вермахта такие потери оказались трудно восполнимыми.

В боях под Прохоровкой участвовали не только танкисты и не одной только 5-й гвардейской танковой армии, но и воины других родов войск — пехотинцы и артиллеристы, зенитчики и саперы, разведчики и связисты, воины многих других специальностей. В этой многодневной схватке с врагом были все. В контрударе принимало участие большое количество стрелковых соединений. Кроме того, три зенитные дивизии (6, 26 и 29-я) в первой половине дня 12 июля прикрывали войска от ударов авиации противника, а со второй половины дня, когда в воздухе значительно возросло количество своих самолетов, зенитчики, чтобы не поразить их, перенесли огонь на вражеские танки.

В ожесточенных боях 12 и 13 июля ударная группировка противника была остановлена. Однако немецко-фашистское командование не отказалось от намерения прорваться к Курску

Передовые подразделения 285-го стрелкового полка 183-й стрелковой дивизии ведут бой с противником

Расчет советского противотанкового 45-мм орудия

Участник боев на Курской дуге — разведчик 325-й стрелковой дивизии, гвардии старший сержант А. Г. Фролченко

в обход Обояни с востока. В свою очередь, войска, участвовавшие в контрударе Воронежского фронта, делали все, чтобы выполнить поставленные им задачи. Противоборство двух группировок — наступавшей немецкой и наносившей контрудар советской — продолжалось вплоть до 16 июля, в основном на тех рубежах, которые они занимали. В эти 5–6 дней (после 12 июля) шли непрерывные бои с вражескими танками и пехотой. Атаки и контратаки сменяли друг друга днем и ночью.

16 июля 5-я гвардейская армия и ее соседи получили приказ командующего Воронежским фронтом о переходе к жесткой обороне. На следующий день немецкое командование начало отвод своих войск на исходные позиции.

Отражение мощнейшего удара войск группы армий «Юг» было достигнуто в результате общих усилий соединений и войск Воронежского фронта с участием стратегических резервов. Благодаря мужеству, стойкости и героизму солдат и офицеров всех родов войск удалось выстоять, а выстояв — победить.

В то время как на обоянском и прохоровском направлениях шли ожесточенные сражения танковых группировок, армейская группа «Кемпф» нанесла удар на Корочу. В ее составе имелось 419 танков и штурмовых орудий, преимущественно это были средние танки T-III с 50-мм длинноствольной пушкой, и T-IV с 75-мм пушкой. Легкие танки T-II составляли 17%. В танковых дивизиях был некомплект как личного состава, так и боевых машин. Так, в 3-м танковом корпусе 6-я и 7-я танковые дивизии были укомплектованы в среднем на 86% (117 и 112 танков соответственно), 19-я танковая дивизия — на 61% (70 танков) от штата. Поэтому для усиления качества танковой группировки в состав корпуса был включен отдельный батальон тяжелых танков «тигр» (45 единиц).

Оборону советских войск на корочанском направлении занимали войска 7-й гвардейской армии (командующий — генерал М. С. Шумилов). К 5 июля в ее составе имелось семь стрелковых дивизий: 77 тыс. человек, 856 орудий, более 1100 минометов, 222 танка.

Наступательные действия противника начались во второй половине дня 4 июля боем за позиции боевого охранения. Ранним утром 5 июля советские войска провели артиллерийскую контрподготовку. В полосе 7-й гвардейской армии, где противник наносил вспомогательный удар, особенно эффективным оказался огонь артиллерии по живой силе и огневым средствам на ранее захваченном плацдарме в районе Михайловки, у Белгорода. Сосредоточенным огнем артиллерии была сорвана попытка противника навести наполовину готовый 60-тонный мост для переправы по нему тяжелых танков «тигр» на плацдарм через Северский Донец. Противник был вынужден отказаться от наступления с плацдарма и перенести удар южнее.

Оправившись после контрподготовки, армейская группа «Кемпф» нанесла удар по войскам 7-й гвардейской армии на корочанском направлении. Для наступления на 25-километровом участке фронта от Белгорода до Графовки противник развернул в первом эшелоне пять дивизий — три и две танковые, а во втором эшелоне — одну танковую. Наступление началось форсированием р. Северский Донец на участке Белгород — Маслова Пристань сразу в восьми пунктах. Одновременно был использован плацдарм в районе Михайловки, южнее Белгорода, для удара в тыл оборонявшимся советским войскам.

С более высокого западного берега реки оборона 7-й гвардейской армии просматривалась на глубину до 10 км и более. Это в значительной мере повышало эффективность огня вражеской артиллерии и позволяло точнее оценивать обстановку. 3-й танковый корпус наносил главный удар силами 7-й танковой дивизии в северо-восточном направлении Соломино — станция Разумное — Мясоедово. Используя заранее разведанный брод, пехота врага быстро преодолела водную преграду в районе Соломино. Вслед за пехотой переправилась и танковая рота, захватив рубеж железной дороги Белгород — Волчанск в 2,5–3 км от берега реки. Наведя два понтонных моста, противник к 9 часам утра переправил у Соломино до 120 танков и полк пехоты, которые сумели прорвать оборону 78-й гвардейской стрелковой дивизии и начали расширять прорыв в северном направлении. К концу дня немцам удалось расширить захваченный плацдарм до 10–12 км по фронту и до 3–6 км в глубину и вклиниться в главную полосу обороны 7-й гвардейской армии.

Для усиления группировки 7-й гвардейской армии командующий фронтом передал ей две стрелковые дивизии из 69-й армии, которые заняли тыловой оборонительный рубеж. Из 35-го гвардейского стрелкового корпуса в ее полосу были направлены еще две стрелковые дивизии, занявшие оборону в районе Корочи и юго-западнее города. Получив подкрепление, командарм начал готовить контрудар, который предполагалось нанести рано утром 6 июля по вклинившемуся противнику.

6 июля развернулись ожесточенные бои с частями 19-й танковой и 106-й пехотной дивизий группы «Кемпф» за Разумное, Генераловку и Крутой Лог, которыми противник сумел овладеть. В бои за эти населенные пункты постепенно, по частям оказались втянуты войска, предназначавшиеся для нанесения контрудара. Поэтому намеченный контрудар провести не удалось. К концу дня противник смог прорвать главную полосу обороны 7-й гвардейской армии и на трехкилометровом участке выйти ко второй ее полосе.

После этого командование противника повернуло основные силы армейской группы «Кемпф» — 3-й танковый корпус, усиленный 503-м отдельным батальоном «тигров» (45 танков) и 228-м отдельным батальоном штурмовых орудий (31 орудие), — на север. Основная задача — с ходу захватить Ястребово и Севрюково, развить наступление в северо-восточном направлении и таким образом выйти в тыл 6-й гвардейской армии. Правый фланг 3-го танкового корпуса прикрывали пехотные дивизии армейского корпуса «Раус».

Войска 7-й гвардейской армии оказывали упорное сопротивление соединениям 3-го танкового корпуса противника. Основной удар приняли части 25-го гвардейского стрелкового корпуса. Первые атаки были отбиты огнем артиллерии и стрелковых войск. Большие потери понес противник на минных полях. В ходе боев при прорыве первых двух полос обороны были выведены из строя почти все «тигры», приданные 19-й танковой дивизии. Даже верховное командование вермахта было вынуждено отметить значительные потери в танках из-за мин, особенно в армейской группе «Кемпф». Соединения 3-го танкового корпуса вынуждены были буквально «прогрызать» оборону гвардейцев, безуспешно пытаясь прорваться в направлении на Мелехово.

К исходу дня в ожесточенных боях врагу удалось овладеть районом Беловская — Ястребово — Севрюково. Однако попытки прорваться к Мелехово были отражены войсками 7-й гвардейской армии и выходившими в этот район передовыми частями стрелковых дивизий 35-го гвардейского стрелкового корпуса, переданного в состав армии.

Советский легкий танк Т-70 на марше. Слева подбитый немецкий средний танк

Не прекращался натиск противника и с михайловского плацдарма в направлении на Старый Город. Здесь упорное сопротивление противнику оказывала 81-я гвардейская стрелковая дивизия. Оказавшись отрезанными от основных сил армии в результате обхода с востока, воины дивизии мужественно сражались в окружении, пока не получили приказа на отход. В результате боев 7 июля гитлеровские войска смогли продвинуться на 3—5 км. Командующий группой армий «Юг» торопил генерала В. Кемпфа с ускорением продвижения в северо-восточном направлении, чтобы воспретить подход крупных резервов советских войск и надежно обеспечить правый фланг 4-й танковой армии. Это также позволило бы окружить главные силы 69-й армии в междуречье Липовый Донец и Северский Донец.

8 июля части 19-й и 6-й танковых дивизий, усиленных «тиграми» и штурмовыми орудиями, нанесли удар на узком участке по 92-й и 94-й гвардейским стрелковым дивизиям. Прорвавшись через их боевые порядки, вражеские танки нанесли удар на Мелехово, однако встреченные огнем артиллерии повернули на запад и попытались овладеть Дальней Игуменкой. Но и на этом направлении их атака была отбита. В 17 часов последовал новый удар более мощный группировки. После 2,5-часового боя ценой больших потерь гитлеровцы овладели Мелехово. Однако дальнейшее продвижение врага на этом участке опять было остановлено, так как и 19-я, и 7-я танковые дивизии на флангах 3-го танкового корпуса оказались связаны боем.

Таким образом, и 8 июля противнику не удалось выйти в район Корочи. Максимум, что могли сделать войска противника, — вбить клин на мелеховском направлении. При этом важные опорные пункты у основания клина прочно удерживались соединениями 7-й гвардейской армии, не давая противнику возможности соединить войска 4-й танковой армии и армейской группы «Кемпф» в группировку.

В то время как немецкое командование 9 июля предприняло последнюю попытку прорваться своей главной группировкой к Обояни с юга, на корочанском направлении в полосе 7-й гвардейской армии противник решил расширить прорыв в районе Мелехово. Части 19-й танковой дивизии обошли с востока полосу обороны 81-й гвардейской стрелковой дивизии и к вечеру овладели Ближней Игуменкой. Продолжая наступление, им удалось овладеть Старым Городом, а затем ценой больших потерь захватить Дальнюю Игуменку. Однако противник не смог решить поставленных задач и выйти в район Обояни с востока.

Понеся значительные потери, войска группы «Кемпф» уже не могли вести наступление в северо-восточном направлении. Тогда генерал В. Кемпф поставил 3-му танковому корпусу задачу нанести удар в северном направлении на Прохоровку через Ржавец и Выползовку, сматывая оборону 7-й гвардейской армии по восточному берегу Северского Донца, для соединения с войсками 2-го танкового корпуса СС, наносившими удар на Прохоровку в северо-восточном направлении. Для повышения боевых возможностей корпуса высвобождались части 7-й танковой дивизии, которая была передана в полосу 198-й пехотной дивизии.

Попытка немецкого командования пробиться к Курску через Обоянь сорвалась. Однако оно еще не теряло надежды добиться выполнения плана «Цитадель», перенеся главный удар с обоянского на прохоровское направление. Чтобы овладеть районом Прохоровки, противник планировал нанесение двух ударов: один из них — в направлении Мелехово — Прохоровка наносил 3-й танковый корпус из состава группы «Кемпф». Германские генералы рассчитывали сходящимися ударами окружить соединения 69-й армии, уничтожить их и тем самым создать возможности для развития дальнейшего наступления на курском направлении. Таким образом, четко просматривалась угроза Прохоровке не только с запада, со стороны 4-й танковой армии, но и с юга, со стороны армейской группы «Кемпф».

Так как в ходе оборонительного сражения положение многих соединений изменилось, командующий Воронежским фронтом ответственность за оборону на прохоровском и корочанском направлениях возложил на командующего 69-й армией генерала В. Д. Крючёнкина, объединив в ее составе все войска в этом районе (два стрелковых корпуса), всего девять стрелковых дивизий. Армии были подчинены 2-й гвардейский танковый корпус, 148-й танковый

Советские воины осматривают подбитый немецкий тяжелый танк «тигр»

Буксировка подбитого танка Т-34 с поля боя

полк, 96-я танковая бригада, 30-я истребительно-противотанковая бригада, 27-я артиллерийская бригада, два истребительно-противотанковых полка и полк гвардейских минометов.

Внимание командующего 7-й гвардейской армией было направлено на усиление правого фланга, чтобы не допустить прорыва противника в северном направлении на стыке с 69-й армией.

Перед командующим 69-й армией встала трудная задача — необходимость решения одновременно трех проблем: прикрытия прохоровского направления, обеспечения левого фланга армии и разгрома 3-го танкового корпуса (три танковые дивизии) противника в районе Мелехово. Командующий армией, справедливо посчитав, что наступательные действия армия вести не может, главное внимание уделил организации обороны. К этому времени дивизии, входившие в состав армии, были хорошо укомплектованы личным составом и вооружением. Крупным недостатком была нехватка транспортных средств, что ограничивало возможности по подвозу, прежде всего боеприпасов.

С утра 10 июля противник начал поворот сил с обоянского на прохоровское направление, стремясь при этом овладеть Прохоровкой только частью сил 2-го танкового корпуса СС. Но на этом направлении советские войска отразили атаки врага, не позволили ему прорвать свой оборонительный рубеж и с ходу овладеть станцией. Не удалось противнику развить свое наступление и из района Мелехово на Верхний Ольшанец в полосе 7-й гвардейской армии.

Утром 11 июля противник возобновил наступление на Прохоровку с запада силами 2-го танкового корпуса СС, поддерживаемого ударами авиации. Одновременно начались бои на юге от станции. События на направлении вспомогательного удара противника, где действовали основные силы его 3-го танкового корпуса, развивались стремительно. На рассвете противник из района Мелехово — Дальняя Игуменка начал наступление одновременно в двух направлениях: Хохлово — Киселево и Ольховатка — Верхний Ольшанец. Сильный удар нанесла 6-я танковая дивизия с 503-м тяжелым танковым батальоном «тигров», прорвав оборону 305-й стрелковой дивизии в 1 км севернее Шляховое. В ходе начавшегося боя части 305-й стрелковой, 92-й и 94-й гвардейских стрелковых дивизий, не выдержав танковых атак противника, начали отход в северном и северо-восточном направлениях. Противнику удалось захватить Шляховое и Ольховатку. Настойчиво атакуя советские войска, 19-я танковая дивизия, продвигаясь вдоль левого берега Северского Донца, захватила Хохлово и Киселево. К наступлению темноты немецкие танки начали выходить в район Верхнего Ольшанца, продвигаться на Ново-Оскочное и Казачье.

Командующий 69-й армией был вынужден принять решение об отводе соединений на новые рубежи, надеясь за ночь усилить оборону. Но противник, в отличие от предыдущих боев, продолжал наступление: в 2 часа ночи ему удалось захватить Гостищево. Угроза выхода 3-го танкового корпуса в тыл советских войск, готовившихся к контрудару, стала вполне реальной.

12 июля сражения продолжались с новой силой. 3-й танковый корпус врага потеснил части и соединения 7-й гвардейской армии и захватил Выползовку. По приказу командующего войсками Воронежского фронта Н. Ф. Ватутина на это направление из состава 5-й гвардейской танковой армии начал перегруппировку отряд генерала Н. И. Труфанова в составе трех стрелковых дивизий, двух механизированных бригад, самоходного артиллерийского, мотоциклетного, истребительно-противотанкового и гаубичного артиллерийского полков. Вступив в бой, они остановили продвижение противника на этом направлении.

В состав 69-й армии была передана 10-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада, которая первоначально предназначалась для усиления 5-й гвардейской танковой армии. Таким образом, еще до начала контрудара для парирования угрозы выхода противника в тыл 5-й гвардейской танковой армии из ее состава пришлось выделить значительные силы, хотя над ее левым флангом нависала угроза.

Во фронтовом контрударе приняли участие соединения 7-й гвардейской армии. Ее 49-й стрелковый корпус получил задачу с утра 12 июля нанести удар на Крутой Лог — Разумное — Дальние Пески и выйти на тылы группировки врага, действующей северо-восточнее Белго-

Командующие общевойсковыми армиями в 1941–1943 гг.

С. И. Черняк

И. Д. Черняховский

Н. Е. Чибисов

И. М. Чистяков

В. И. Чуйков

В. И. Швецов

Т. И. Шевалдин

И. Т. Шлёмин

М. С. Шумилов

В. А. Юшкевич

В. Ф. Яковлев

Командующие танковыми армиями в 1941–1943 гг.

В. М. Баданов

И. А. Богданов

М. Е. Катуков

А. И. Лизюков

А. Г. Родин

П. А. Ротмистров

П. С. Рыбалко

Командующие воздушными армиями в 1941–1943 гг.

Е. М. Белецкий

К. А. Вершинин

С. К. Горюнов

М. М. Громов

И. П. Журавлёв

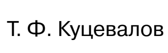

Д. Ф. Кондратюк

С. А. Красовский

Т. Ф. Куцевалов

Н. Ф. Науменко

Н. Ф. Папивин

Ф. П. Полынин

И. Г. Пятыхин

С. И. Руденко

С. Д. Рыбальченко

К. Н. Смирнов

И. М. Соколов

П. С. Степанов

В. А. Судец

Т. Т. Хрюкин

С. А. Худяков

Командующие группами армий, армиями и воздушными флотами Германии в 1941–1943 гг.

Ф. фон Бок

М. фон Вейхс

Э. Гёпнер

Г. Гот

Г. Гудериан

А. Кессельринг

Э. фон Клейст

Г. фон Клюге

Г. фон Кюхлер

В. фон Лееб

Э. фон Манштейн

В. Модель

Ф. Паулюс

В. фон Рихтгофен

Г. фон Рундштедт

рода. Однако командир корпуса не сумел скрыть подготовку к наступлению в темное время. В результате противник успел предпринять контрмеры. Поэтому соединения корпуса, начав атаку, смогли продвинуться на отдельных участках лишь на 2—3 км, понесли значительные потери и были вынуждены закрепиться на достигнутом рубеже.

Обстановка начала изменяться, когда войска Западного и Брянского фронтов 12 июля перешли в контрнаступление. Перед германским командованием стала проблема целесообразности дальнейшего проведения операции «Цитадель». На проведенном 13 июля совещании в ставке Гитлера было принято решение перед всем Воронежским фронтом, кроме полосы обороны 69-й армии, германским войскам перейти к обороне. В полосе 69-й армии провести частную операцию, в ходе которой окружить и разгромить соединения, действовавшие в междуречье Липовый Донец и Северский Донец. Цель операции — нанесение максимально возможных потерь советским войскам.

В течение всего дня 13 июля в полосе 5-й гвардейской танковой армии советскими войсками предпринимались попытки продолжить контрудар, начатый 12 июля. Но атаки ослабленных соединений, предпринимавшиеся на отдельных направлениях ограниченными силами, каких-либо ощутимых результатов не принесли. Начиная с 14 июля на юго-западных подступах к Прохоровке положение сторон оставалось в основном без изменений.

Наиболее ожесточенные бои разгорелись в полосе 69-й армии на южном направлении. Здесь противник решил разгромить соединения 48-го стрелкового корпуса, который разделял две вражеские группировки, не давал им возможности соединиться и заставлял держать значительные силы для обеспечения флангов. Не сумев развить успех с плацдарма у Ржавца в полосе действий своей 6-й танковой дивизии, командование группы «Кемпф» перенесло основные усилия в полосу действий 19-й танковой дивизии. В ночь на 13 июля пехота противника юго-западнее Шахова преодолела Северский Донец и захватила плацдарм. С рассветом ожесточенные бои разгорелись в районе Щелоково. Противник стремился прорваться к Шахово. Угроза окружения основных сил 48-го стрелкового корпуса в междуречье Липового Донца и Северского Донца и выхода частей 3-го танкового корпуса противника в тыл 5-й гвардейской танковой армии продолжала оставаться реальной.

С утра 14 июля соединения танкового корпуса СС и 3-го танкового корпуса одновременно начали наступление навстречу друг другу. Бои носили ожесточенный характер. На рубеже Щелоково — Выползовка — Авдеевка было отбито пять танковых атак. Юго-западнее Прохоровки противнику удалось ворваться в Беленихино. Положение соединений 48-го стрелкового корпуса ухудшалось. Командир корпуса генерал З. З. Рогозный, не имея связи со штабом 69-й армии, самостоятельно принял решение на вывод частей корпуса из создававшегося кольца окружения. Выход корпуса из выступа позволил сократить протяженность линии фронта 69-й армии на этом участке более чем в два раза, представилась возможность вывести в тыл на отдых и пополнение некоторые соединения. Правда, и противник сумел соединить усилия 4-й танковой армии и армейской группы «Кемпф», чего раньше ему сделать не удавалось.

Попытки противника 15 июля продолжить наступление были отражены в основном артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем. И положение окончательно стабилизировалось. На следующий день, 16 июля, неприятель проводил разведку, но наступательных действий не предпринимал. Именно этот день стал завершающим в боях за Прохоровку.

В последующем командование Воронежского фронта принимало самые активные меры к усилению обороны. При этом решение оборонительных задач возлагалось на войска 5-й гвардейской и 69-й армий. Соединения 5-й гвардейской танковой армии, 2-го и 2-го гвардейского танковых корпусов выводились в тыл. Лишь 17 июля было принято решение о проведении разведки боем силами одного стрелкового батальона от каждой дивизии первого эшелона.

Переход в наступление войск Юго-Западного и Южного фронтов заставил командование немецкой группы армий «Юг» вывести главные силы из боя и в ночь на 17 июля начать их отвод на подготовленные оборонительные рубежи. Операция «Цитадель» провалилась.

После войны маршал К. К. Рокоссовский, подводя итог оборонительного сражения, писал: «Нам не понадобилось воспользоваться резервами Ставки, справились без них. Неко-

Минометчики ведут огонь по врагу

Колонна немецких военнопленных, захваченных в боях

торые мемуаристы и историки пытаются объяснить это тем, что северная группировка врага, с которой мы имели дело, была намного слабее южной, наступавшей против войск Ватутина. Попробуем сравнить силы обеих группировок. Окажется, что южная превосходила северную на две танковые дивизии, но уступала ей в трех пехотных дивизиях. Как видим, разница совсем незначительная. И конечно, дело не в ней. Ответ надо искать в другом: Центральный фронт правильнее расставил силы. Мы сосредоточили их на том участке, который для войск фронта представлял наибольшую угрозу. И враг не смог одолеть такую концентрацию сил и средств. Воронежский фронт решал задачу обороны иначе: он рассредоточил свои силы почти равномерно по всей полосе обороны. Именно этим я объясняю причину, почему враг, наносивший удар (как и у нас) на узком участке, смог здесь продвинуться на сравнительно большую глубину, и, чтобы остановить его, пришлось втянуть в оборонительное сражение значительные силы из резерва Ставки»[25].

Большое влияние на дальнейший ход событий на белгородско-курском направлении оказали действия на южном крыле советско-германского фронта. Войска Южного и Юго-Западного фронтов 17 июля перешли в наступление. Уже в первый день Южный фронт прорвал немецкую оборону и захватил плацдарм на западном берегу р. Миус. Вечером того же дня Э. Манштейн приказал генералу Готу вывести из боя 2-й танковый корпус СС и подготовить его к отправке в полосу 6-й армии, оборонявшейся на этой водной преграде. На другой день командование группы армий «Юг» приняло решение о выводе из боя и 3-го танкового корпуса. В ночь на 19 июля начался общий отход немецких войск на южном фасе курского выступа.

Таким образом, в период с 12 по 17 июля в Курской битве произошел решающий перелом. Ввод в сражение 12 июля шести советских армий (четыре на орловском и две, в том числе одна танковая, на белгородско-харьковском направлениях), до этого не участвовавших в битве, резко изменил характер борьбы на Курской дуге. Теперь уже наступали советские войска. К 23 июля противник был отброшен на рубеж, с которого он начинал свои удары. Для его срыва войскам Красной армии потребовалось немногим более недели. Замысел операции «Цитадель» был окончательно похоронен.

Некоторые зарубежные историки, авторы военных мемуаров (бывшие генералы и офицеры вермахта) утверждают, что отказ немецкого командования от продолжения операции «Цитадель» был вызван высадкой союзников СССР на Сицилии 10 июля 1943 г. Именно этими причинами мотивировал Гитлер свое решение отказаться от дальнейшего наступления под Курском, объявляя его 13 июля фельдмаршалам Х. Клюге и Э. Манштейну. Но это произошло спустя два дня после того, как армейское командование и ОКВ сошлись во мнении, что дальнейшее продолжение наступления под Курском стало невозможным[26]. Причина остановки наступления хорошо объяснена в докладе о действиях 2-й танковой и 9-й полевой армий на орловском выступе с 5 июля по 18 августа, составленном офицером штаба 9-й армии еще во время войны.

Из доклада следует, что контрудар советских войск в полосе 2-й танковой армии начался 11 июля (командование 2-й танковой армии и штаб группы армий «Центр» приняли разведку боем советских войск за переход в наступление их главных сил). По этому поводу в докладе говорится, что «за пределами полосы 9-й армии произошло событие, вынудившее остановить наступательную операцию. Противник на широком фронте перешел в наступление против 2-й танковой армии»[27]. Далее в докладе отмечается, что 13 июля намерения командования группы армий «Центр» восстановить положение за счет перегруппировки сил и продолжить наступление были окончательно похоронены. «Уже в этот день, — писал автор доклада, — масштабы вражеского наступления против 2-й танковой армии доказали, что его оперативной целью является ликвидация всего орловского выступа»[28]. Штаб 9-й армии также считал, что именно советское контрнаступление в тылу армии и получение известий о наступлении войск Южного фронта против немецкой 1-й танковой армии стали главной причиной провала «Цитадели». Наступление войск Южного фронта создавало угрозу южному флангу группы армий «Юг», в результате чего фельдмаршал Э. Манштейн

вынужден был перебрасывать туда свои резервы, а затем и танковые соединения, действовавшие на южном фасе курского выступа.

После войны германский журнал «Военно-научное обозрение» писал: «12 июля противник перешел в контрнаступление... В результате продолжение операции «Цитадель» в полосе группы армий «Центр» стало невозможным. А. Гитлер не мог ничего поделать. Ему оставалось только подчиниться обстоятельствам. Кроме того, поведение противника перед фронтом 1-й танковой армии свидетельствовало о его подготовке к наступлению. В этих обстоятельствах А. Гитлер вынужден был 13 июля объявить командующим обеих групп армий, участвовавших в операции «Цитадель», что операция должна быть остановлена»[29].

Из журнала боевых действий главного командования (ОКВ) следует, что военное руководство Германии рассматривало вопрос об усилении группировки на юге за счет немецких войск, расположенных в Западной Европе, и не планировало переброску каких-либо сил в Италию с восточного фронта. И накануне совещания А. Гитлера с Э. Манштейном и Х. Клюге, 12 июля, немецкое верховное командование не помышляло об усилении своих войск в Италии за счет восточного фронта. Следовательно, не высадка союзников на Сицилии, а обстановка на советско-германском фронте явилась главным фактором, определившим крах «Цитадели». Враг исчерпал свои возможности.

Таким образом, план операции «Цитадель» по окружению и разгрому более чем миллионной группировки советских войск на курском выступе был сорван. Попытка врага взять реванш за Сталинград и вырвать у Красной армии стратегическую инициативу полностью провалилась. Оборона под Курском оказалась непреодолимой благодаря беспримерному мужеству и героизму солдат, офицеров, генералов. В оборонительных боях на Курской дуге Центральный, Воронежский и Степной фронты потеряли около 178 тыс. человек, в том числе безвозвратно 70 330 человек, 1614 танков и САУ, около 3929 орудий и минометов[30]. Но и противник понес значительный урон: почти половина немецких танковых дивизий утратила свою боеспособность. В опубликованных в Германии работах, в том числе в мемуарах Э. Манштейна, говорится о том, что немецкие войска за всю Курскую битву потеряли около 200 тыс. человек. Немецкие источники утверждают, что на 13 июля во 2-м корпусе СС остались 131 танк и штурмовое орудие из 422, а в 48-м танковом корпусе — 199 из 520. За период с 5 по 13 июля группа армий «Юг» потеряла 162 танка «пантера» из 200, а в 3-м танковом корпусе на 15 июля насчитывалось всего 69 танков и штурмовых орудий из 310 имевшихся[31].

Операция «Кутузов»

Второй этап Курской битвы — наступательные действия советских войск. Одновременно с созданием прочной обороны курского выступа Ставка ВГК готовила войска Западного и Брянского фронтов к наступательным, а Центрального, Воронежского и Степного фронтов к контрнаступательным операциям по планам, получившим кодовое наименование «Кутузов» и «Полководец Румянцев». Эти операции должны были привести к разгрому группировок противника в районах Орла и Белгорода.

В ходе оборонительных сражений войск Центрального и Воронежского фронтов Ставка ВГК уточняла задачи войск Западному и Брянскому фронтам, планы перехода в контрнаступление войск Центрального, Воронежского и Степного фронтов.

Переход в наступление предполагалось осуществить на всех направлениях по возможности одновременно. Однако практически получилось так, что фронты начали операции в различные сроки. Наиболее благоприятная обстановка для нанесения ударов создалась против орловской группировки противника, где необходимые условия к переходу в наступление войск Западного и Брянского фронтов сложились уже к 10 июля. Армии правого

крыла Центрального фронта могли начать наступательные действия не ранее середины июля. Войска Воронежского фронта, усиленные стратегическими резервами, совместно с войсками Степного фронта смогли подготовиться к наступлению к началу августа 1943 г.

Кроме того, к началу наступления ряд объединений и соединений, предназначенных для участия в наступательных операциях, завершил свою подготовку. Так, 11-я армия находилась в районе Калуги и передавалась в состав Западного фронта лишь с 12 июля; 4-я танковая армия заканчивала формирование в районе Загорск — Солнечногорск — Кубинка и поступала в состав фронта 18 июля; 2-й гвардейский кавалерийский корпус заканчивал доукомплектование в районе Медыни и также поступал в состав фронта 18 июля. В районе Плавска завершила формирование 3-я гвардейская танковая армия, которая с 14 июля поступала в состав Брянского фронта.

В основу плана операции по разгрому противника на орловском выступе (операция «Кутузов») была положена идея нанесения концентрических ударов трех фронтов (Западного, Брянского и Центрального) в общем направлении на Орел с целью окружения орловской группировки противника (2-я танковая и 9-я полевая армии группы армий «Центр», всего около 600 тыс. человек, более 7 тыс. орудий и минометов, около 1,2 тыс. танков и штурмовых орудий и свыше 1,1 тыс. самолетов), рассечения ее на части и уничтожения. В составе группировок советских войск насчитывалось почти 1,3 млн человек, более 21 тыс. орудий и минометов, 2400 танков и САУ, свыше 3 тыс. боевых самолетов. Для реализации замысла были созданы четыре ударные группировки: на левом крыле Западного фронта — 50-я и 11-я гвардейская армии; в центре — 61-я армия; на левом крыле Брянского фронта — 3-я и 63-я армии; четвертой ударной группировкой являлись войска правого крыла Центрального фронта — 40, 13 и 70-я армии.

Все подготовительные мероприятия фронтами были осуществлены заблаговременно. Особое внимание уделялось массированию сил и средств на направлениях главных ударов, так как немецкое командование еще задолго до своего наступления на Курск создало на орловском плацдарме прочную глубокоэшелонированную оборону с широко развитой системой полевых укреплений. Прорыв сильной обороны и разгром мощной вражеской группировки требовал от советского командования глубокого построения боевых порядков соединений и создания высокой оперативной и тактической плотности.

Так, командующий 11-й гвардейской армией генерал И. Х. Баграмян основные силы сосредоточил на 14-километровом участке прорыва, оставив на остальных 22 километрах правого фланга одну стрелковую дивизию. Оперативное построение армии на участке прорыва было в один эшелон — все три стрелковых корпуса в линию, два из которых построили боевой порядок в два, а один корпус — в три эшелона. Стрелковые полки выстроили свой боевой порядок в три эшелона. В армии были созданы армейская артиллерийская группа, группа частей гвардейских минометов, подвижная группа и резерв[32].

Создавались армейские артиллерийские группы, в стрелковых корпусах — артиллерийские группы дальнего действия, группы разрушения, группы реактивной артиллерии. Почти два месяца войска Западного и Брянского фронтов готовились к наступлению, но, несмотря на столь длительный срок, немецкое командование так и не обнаружило их намерений. «После четырех дней битвы (операции «Цитадель». — *Прим. ред.*), — писал после войны один из генералов вермахта, — на соседних участках фронта на Орловской дуге и под Харьковом не было никаких признаков подготовки русского наступления... Планы противника о действиях на этих участках все еще не были ясны»[33].

Орловская наступательная операция началась 12 июля, когда оборонительные сражения на Курской дуге достигли своего наивысшего напряжения. Но еще 11 июля с ведома Ставки ВГК в полосах Западного и Брянского фронтов была проведена разведка боем, которую осуществили усиленные передовые батальоны от стрелковых дивизий первого эшелона. Внезапная атака этих батальонов после короткого и мощного артиллерийского налета позволила не только вскрыть систему огня противника, но и на некоторых участках захватить его первую траншею.

Советские бойцы поднимаются в атаку

Пехота атакует под прикрытием тяжелого танка КВ-1

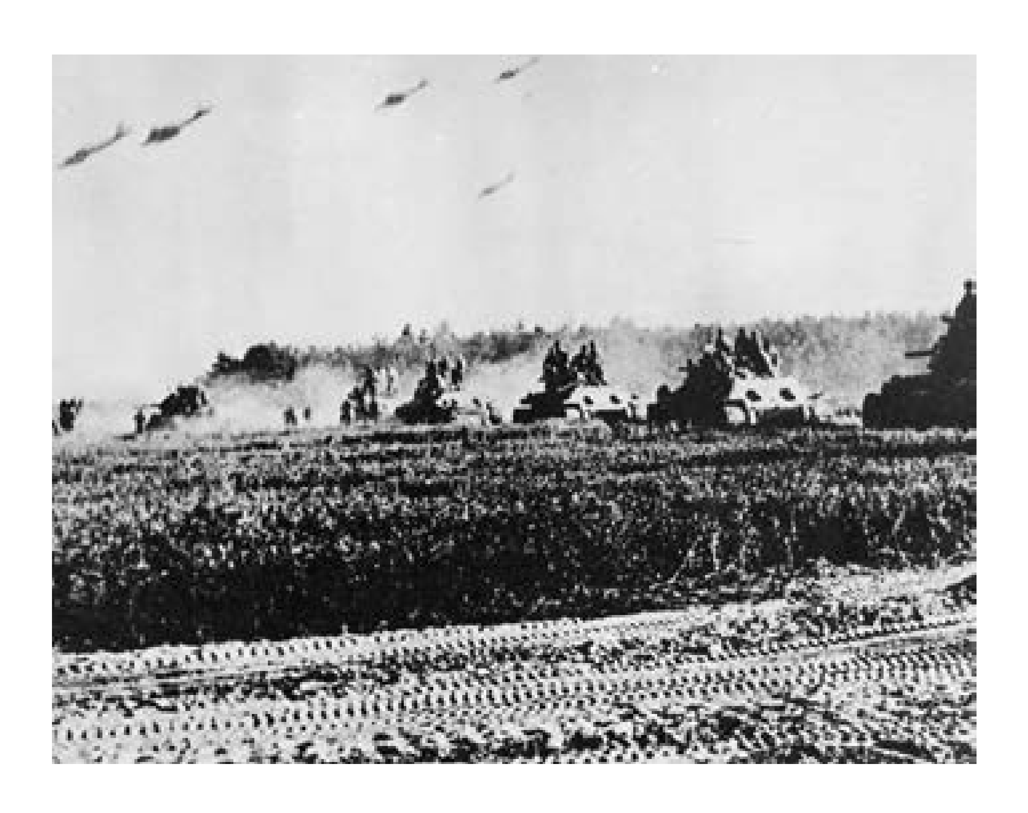
Немецкое командование, полагая, что началось ожидаемое общее наступление, предприняло яростные контратаки и в основном восстановило положение. Некоторые источники, в том числе и зарубежные, утверждают, что командование противника расценило эти действия как стремление сковать находящиеся в этом районе германские резервы и тем самым не допустить их к участию в операции «Цитадель», другие — что 11 июля было началом наступления советских войск[34].

Наступление войск Западного и Брянского фронтов началось 12 июля 1943 г. После мощной артиллерийской и авиационной подготовки по всему фронту развернулись ожесточенные бои. Первыми атаковали противника соединения 11-й гвардейской армии Западного, 3, 61 и 63-й армий Брянского фронта. В течение первых двух дней они прорвали тактическую зону обороны врага. Встревоженное неблагоприятным развитием событий немецкое командование приказало своим войскам во что бы то ни стало отразить наступление советских войск на занимаемых рубежах. 2-я немецкая танковая армия была оперативно подчинена командующему 9-й полевой армией генералу В. Моделю. Он предпринял срочные меры для усиления обороны на северном и восточном фасах орловского плацдарма, перебросив туда четыре танковые и одну моторизованную дивизии из ударной группировки 9-й армии, прекратившей наступление по плану операции «Цитадель». Кроме того, в район Орла было переброшено семь дивизий с других участков советско-германского фронта, в том числе три танковые.

Ослаблением ударной группировки 9-й армии воспользовалось командование Центрального фронта. 15 июля его войска перешли в контрнаступление, нанеся удар по орловской группировке противника с юга, в направлении на Кромы. Главный удар осуществлялся войсками 2-й танковой и 13-й армий по центру группировки немецких войск, наступавшей до этого на Курск с севера. Одновременно соединения 48-й и 70-й армий нанесли удары с флангов. Сломив сопротивление серьезно ослабленной, но еще довольно мощной группировки 9-й полевой армии, Центральный фронт через три дня полностью восстановил положение, занимаемое до начала оборонительного сражения.

Маршал К. К. Рокоссовский, вспоминая о тех событиях, писал: «Перейдя в наступление своим правым флангом — все теми же 48, 13 и 70-й армиями, значительно ослабленными в тяжелых оборонительных боях, войска Центрального фронта продвигались медленно, преодолевая упорное сопротивление гитлеровцев, умело использовавших свои хорошо оборудованные рубежи. Нам в буквальном смысле приходилось «прогрызать» одну позицию за другой. Противник применял подвижную оборону: пока одни части оборонялись, другие занимали новый рубеж в 5–8 километрах. Враг то и дело бросал в контратаки танковые войска, а их у него оставалось достаточно. Широко использовал противник маневр силами и средствами по внутренним линиям своей обороны»[35].

Обе стороны стремились как можно быстрее нарастить усилия. Немецкое командование вынуждено было перебрасывать в полосу 2-й танковой армии силы с других направлений, в том числе и из тех войск, которые участвовали в операции «Цитадель». Советское командование наращивало силы за счет созданных в период подготовки к контрнаступлению стратегических резервов. С 19 по 26 июля в полосе Брянского и Западного фронтов в сражение были введены 3-я гвардейская и 4-я танковые, 11-я общевойсковая армии, а также 2-й гвардейский кавалерийский корпус. За девять дней наступления советские войска вклинились в оборону врага на 20–25 км. 29 июля был освобожден Болхов, но окружить немецкие войска, как это намечалось планом, не удалось. Стремительное наступление сменилось изнурительным кровопролитным «прогрызанием» вражеской обороны, которое продолжалось 18 дней. В ходе боев на болховском направлении только 4-я танковая армия потеряла 84% имевшихся у нее танков Т-34 и 46% легких танков Т-70. Трудно шло наступление и армий правого крыла Центрального фронта. К 30 июля советские войска, правда, продвинулись на глубину до 40 км, но при этом понесли большие потери, особенно в танках. Во 2-й танковой армии было выведено из строя почти 60% танков. Не добилась успеха и 3-я гвардейская танковая армия. За первые две недели боевых действий она потеряла половину из имевшихся у нее 800 танков[36].

В прорыв ринулись танки с десантом

Жители Орла приветствуют освободителей

Германское командование не ожидало столь массированного удара советских войск. На совещании в ставке 26 июля Гитлер объявил о своем решении оставить орловский выступ и отойти на создаваемый восточнее Брянска рубеж «Хаген». Подготовка этого рубежа началась еще в середине июля. Несмотря на отступление главных сил противника, на всех участках растянувшегося на 400 км фронта продолжались тяжелые бои, так как немецкое командование умело организовало прикрытие отхода своих войск[37].

Начало августа ознаменовалось ожесточенной борьбой на подступах к Орлу, превращенному немцами в мощный узел сопротивления. Преодолевая упорное сопротивление противника, советские войска настойчиво продвигались вперед. Брянский фронт теснил врага восточнее и севернее Орла. Соединения правого крыла Центрального фронта продвигались к городу с юга. Ожесточенные бои развернулись и в воздухе. Тесно взаимодействуя с наземными войсками, 1, 15 и 16-я воздушные армии в напряженной борьбе нанесли большие потери вражеской авиации и, захватив прочное господство в воздухе, сыграли большую роль в успешном исходе наступательной операции. В небе Орловщины сражались летчики французской эскадрильи «Нормандия», сбившие в боях над орловским плацдармом 33 немецких самолета.

Все больший размах получала борьба советских людей в тылу врага. В июле 1943 г. партизаны развернули активные действия на его коммуникациях. Согласно разработанному Центральным штабом партизанского движения плану, они начали операцию по массовому выводу из строя железных дорог, вошедшую в историю под названием «Рельсовая война». Всего за два месяца «Рельсовой войны» было взорвано 280 388 рельсов, что составило 1803,3 км железнодорожного пути в одну колею[38].

3 августа соединения 3-й армии продвинулись на 14 км и охватили Орел с северо-запада. Вражеская оборона дала трещину. Передовые части 3-й и 63-й армий Брянского фронта в ночь на 4 августа также подошли к городу. Но враг не думал сдавать город без боя. Завязались упорные уличные бои за каждый квартал, каждый дом. На рассвете 5 августа Орел был полностью освобожден. В тот же день, 5 августа, войсками Степного фронта был освобожден Белгород. В честь одержанных побед вечером 5 августа 1943 г. в Москве впервые с начала Великой Отечественной войны был произведен артиллерийский салют — 12 залпов из 124 орудий.

После освобождения Орла Брянский и Центральный фронты продолжали развивать наступление. Генеральный штаб потребовал от командующих Брянским и Центральным фронтами усилить авиационные удары по отходящему противнику. Было приказано организовать непрерывное и интенсивное воздействие нашей авиации по колоннам автомашин и танков противника, двигавшимся от Орла на запад: в течение ночи бомбить «ночниками» основные пути отхода, узлы дорог, переправы[39].

Противник, сократив линию фронта, уплотнил свои боевые порядки и оказывал сильное сопротивление на промежуточных рубежах. Развернулась упорная борьба в районах городов Хотынец и Кромы, являвшихся важными узлами коммуникаций немецких войск. Соединениям 4-й танковой и 11-й гвардейской армий пришлось вести напряженные бои, последовательно преодолевая фашистские оборонительные рубежи.

Однако положение орловской группировки противника постоянно осложнялось. Советское командование нанесло по захватчикам еще один удар. 7 августа развернулась Смоленская стратегическая наступательная операция под кодовым названием «Суворов». Войска Западного, а затем и Калининского фронтов глубоко вклинились в оборону противника между Вязьмой и Смоленском. Это вынудило неприятеля перебросить с брянского направления на смоленское 13 дивизий, что заметно ослабило сопротивление отходивших частей. Войсками 4-й танковой и 11-й гвардейской армий 10 августа был взят Хотынец, а еще раньше, на исходе 6 августа, соединения Центрального фронта освободили Кромы.

На завершающем этапе операции «Кутузов» советские войска развернули сражение за Карачев. Бои на подступах к городу начались 12 августа. С северо-востока и севера город штурмовали соединения 11-й армии, с востока и юго-востока к нему прорвались соединения

11-й гвардейской армии. Опасаясь полного окружения, немецкие войска поспешно ушли на запад. Утром 15 августа Карачев был полностью очищен от захватчиков.

С освобождением Карачева ликвидация орловского плацдарма противника была завершена. Войска Брянского и правого крыла Центрального фронта 17–18 августа подошли к оборонительному рубежу «Хаген», подготовленному гитлеровцами восточнее Брянска. Здесь они были остановлены. Большие потери и сильная оборона врага помешали дальнейшему развитию наступления. Началась подготовка к новой наступательной операции по освобождению Брянска.

За 38 дней контрнаступления советские войска продвинулись в западном направлении на 150 км. С ликвидацией орловского плацдарма врага, находившегося в опасной близости от Москвы, открылись возможности для выхода Красной армии в пределы Белоруссии. Противник потерял 88,9 тыс. человек[40]. Нелегко досталась победа и советским войскам. Безвозвратные людские потери трех советских фронтов составили более 112 529 человек, санитарные — более 317 тыс. человек. Фронты потеряли 2586 танков и САУ, 892 орудия и миномета и 1014 боевых самолетов[41]. По данным штаба 9-й немецкой армии, были угнаны 180 тыс. мирных жителей, более 30 тыс. голов крупного рогатого скота, разрушены при отходе 100 мостов, 420 км железнодорожных путей, 40 вокзалов[42].

Удар с юга: операция «Полководец Румянцев»

В самый разгар сражения под Орлом, 3 августа, советские войска нанесли по захватчикам второй удар, теперь на южном фасе курского выступа. Началась Белгородско-Харьковская наступательная операция, получившее кодовое наименование «Полководец Румянцев». К ее проведению привлекались войска Воронежского и Степного фронтов во взаимодействии с Юго-Западным фронтом. Немецкое командование расценивало район Белгорода — Харькова как важнейшие подступы к Украине и ключ к Донбассу. Оно называло его сильнейшим «бастионом немецкой обороны на востоке». Враг возвел здесь семь оборонительных рубежей общей глубиной до 90 км. Тактическая зона обороны из двух полос достигала глубины 15–18 км. В мощные узлы сопротивления были превращены Белгород, Томаровка, Борисовка, а также Харьков, опоясанный двумя кольцевыми оборонительными обводами. В состав немецкой группировки, оборонявшей белгородско-харьковский плацдарм, входили 4-я танковая армия и оперативная группа «Кемпф» (с 18 августа — 8-я полевая армия). Они насчитывали до 300 тыс. человек, свыше 3 тыс. орудий и минометов, до 600 танков и штурмовых орудий. С воздуха эту группировку поддерживал 4-й воздушный флот, имевший в своем составе более 1000 самолетов[43].

В соответствии с планом операции Воронежский и Степной фронты наносили рассекающий удар смежными крыльями из района северо-западнее Белгорода в общем направлении на Богодухов — Валки — Новая Водолага. Войскам предстояло рассечь вражескую группировку на части и перерезать пути ее отхода из района Харькова на запад и юго-запад. Еще один удар наносился силами двух армий и танкового корпуса в направлении на Ахтырку. 57-я армия Юго-Западного фронта, переданная в ходе операции в состав Степного фронта, наступала юго-восточнее Харькова с задачей отрезать противнику пути отхода на юг. Всего к наступлению были привлечены свыше 980 тыс. солдат и офицеров, более 12 тыс. орудий и минометов, 2,4 тыс. танков и САУ, около 1300 самолетов[44].

Рано утром 3 августа после 170-минутной артиллерийской подготовки и ударов авиации войска Воронежского и Степного фронтов перешли в контрнаступление. Введенные в сражение в середине первого дня передовые отряды 1-й и 5-й гвардейской танковых армий завершили прорыв тактической зоны обороны противника и уже к исходу этого дня продвинулись на глубину до 26 км.

Пехота и танки атакуют врага на Курской дуге

Наступление продолжается

Наиболее упорные бои 4 августа развернулись во второй оборонительной полосе противника в районе томаровского узла сопротивления. Он располагался на правом берегу р. Ворскла, на местности, изрезанной оврагами. Через Томаровку проходила железная дорога на Белгород, здесь же пересекалось несколько шоссейных дорог. Естественные препятствия были усилены инженерными сооружениями, танкоопасные направления прикрыты минными полями и противотанковыми рвами, каменные постройки превращены в огневые точки. Все подступы к узлу сопротивления были перекрыты проволочными заграждениями и простреливались многослойным пулеметным и артиллерийским огнем. Гарнизон Томаровки был усилен частями двух танковых и двух пехотных дивизий и рядом других подразделений[45].

Вышедшие на подступы к узлу сопротивления соединения 5-й и 6-й гвардейских общевойсковых и 1-й танковой армий охватили Томаровку полукольцом с севера, востока и юго-востока. Противник оказывал упорное сопротивление и неоднократно переходил в контратаки, в которых одновременно участвовало до 40 танков. По наступавшим советским частям наносила удары немецкая авиация.

На рассвете 4 августа в наступление перешли 6-й и 5-й гвардейские танковые корпуса. Однако главные силы 19-й немецкой танковой дивизии оказали им упорное сопротивление. Командующий 1-й танковой армией М. Е. Катуков, видя, что бой за Томаровку принял затяжной характер, в 14 часов приказал командиру 6-го танкового корпуса оставить на месте мотострелковую бригаду, а главными силами нанести удар на юг. Выполняя эту задачу, корпус продвинулся к исходу дня на 13—22 км. Тем временем 31-й танковый корпус начал выдвижение с задачей обеспечить правый фланг армии, отрезая противнику пути отхода на Борисовку. На это же направление перегруппировался и 5-й гвардейский танковый корпус.

В создавшейся обстановке решением командующего войсками фронта задача овладения Томаровкой была возложена на 23-й гвардейский стрелковый корпус 6-й гвардейской армии. Командир корпуса генерал П. П. Вахрамеев решил атаковать опорный пункт с севера 52-й, с запада 51-й гвардейскими стрелковыми дивизиями и во взаимодействии с 6-й мотострелковой бригадой 1-й танковой армии уничтожить противника. С востока им оказывали содействие части 97-й гвардейской стрелковой дивизии 5-й гвардейской армии и 31-го танкового корпуса 1-й танковой армии. Второму эшелону 23-го гвардейского стрелкового корпуса ставилась задача обойти Томаровку с запада и развивать наступление на левом фланге 6-й гвардейской армии в юго-западном направлении.

Бой превратился в штурмы зданий в населенном пункте и опорных пунктов на прилегавших высотах. Основная задача решалась штурмовыми группами в составе усиленных артиллерией и саперами стрелковых рот (взводов). К 19 часам части корпуса овладели центром Томаровки. Группировка противника была разгромлена. Ее остатки в ночь на 6 августа, бросив большое количество военной техники, пробились по единственной оставшейся неперехваченной, но простреливаемой советскими войсками дороге на Борисовку. К утру 6 августа томаровский узел сопротивления был полностью очищен от врага. При отходе 19-я немецкая танковая дивизия потеряла более 50 танков, командир дивизии генерал Шмидт погиб, большая группа солдат и офицеров сдалась в плен. В числе захваченных в Томаровке трофеев оказалось 45 исправных «тигров».

Стрелковые дивизии, наступавшие на смежных флангах 6-й и 5-й гвардейских армий, 5 августа перешли к преследованию противника, отходившего к Борисовке. Вражеская группировка насчитывала до 20 тыс. солдат и офицеров, более 100 танков. К вечеру 5 августа 1-я танковая армия, значительно опередив общевойсковые соединения, углубилась в оборону противника в направлении на Богодухов. В создавшихся условиях фронтальное преследование неприятеля вытеснило его на тылы танковой армии. Учитывая это, командующий фронтом приказал силами смежных стрелковых корпусов 5-й и 6-й гвардейских армий окружить и уничтожить отходившую вражескую группировку.

К исходу 5 августа соединения 40-й и 27-й армий, прорвав оборону противника в полосе более 25 км, продвинулись на 8—20 км в общем направлении на Грайворон.

Переправа войск через Северский Донец

Разбитые немецкие танки

В это же время 53-я и 69-я армии Степного фронта вели ожесточенные бои на северной окраине Белгорода. Подвижная группа 53-й армии — 1-й механизированный корпус генерала М. Д. Соломатина — пробивалась к городу с запада. Соединения и части 7-й гвардейской армии ликвидировали михайловский плацдарм противника на р. Северский Донец, на нескольких участках форсировали реку и упорно пробивались к Белгороду с востока. Ворвавшиеся в город советские войска встретили упорное сопротивление противника. Только к 18 часам 5 августа город был полностью очищен от фашистов.

К исходу 6 августа дивизии 32-го гвардейского стрелкового корпуса завязали бои на восточной и юго-восточной окраинах Борисовки. Одна стрелковая дивизия отрезала противнику пути отхода на юг. С запада вражескую группировку охватили соединения 6-й гвардейской и 27-й армий. В это время 53-я и 69-я армии продолжали продвигаться вдоль западного берега Северского Донца на Харьков.

В течение 6 и 7 августа 6-я гвардейская армия нанесла поражение частям противника, оборонявшимся в районе Борисовки. 1-я танковая армия, значительно оторвавшись от пехоты (до 40 км), 7 августа освободила Богодухов, а 11-го числа — Высокополье и перерезала в этом районе железную дорогу Харьков — Полтава, основную коммуникацию харьковской группировки противника. Одновременно 7-я гвардейская, 53-я и 69-я армии Степного фронта, выйдя 11 августа к внешнему обводу Харькова, приступили к его прорыву. Юго-восточнее Харькова 57-я армия, форсировав Северский Донец, постепенно продвигалась к городу с запада. Таким образом, 11 августа харьковская группировка немцев оказалась охваченной с трех сторон, а дальнейшее продвижение 1-й танковой армии создало для нее угрозу полного окружения. Передовые отряды 40-й и 27-й армий завязали бои за Ахтырку.

Немецкое командование прилагало отчаянные усилия, чтобы остановить дальнейшее продвижение советских войск и удержать в своих руках Харьков. Командование группы армий «Юг», чтобы не допустить окружения своей харьковской группировки, начало срочную переброску войск на этот участок из Донбасса и из-под Орла. Обнаружив вражескую перегруппировку войск, советская авиация активизировала свои действия. В результате непрерывного воздействия авиации неприятельские резервы понесли значительные потери, а главное — не смогли своевременно прибыть в назначенные районы. В период самых интенсивных перебросок резервов противника по его железнодорожным коммуникациям нанесли удары партизаны. Их активные действия существенно замедлили темпы сосредоточения контрударных группировок гитлеровцев. Однако сорвать перегруппировку крупных сил врага в район Харькова нашему командованию не удалось.

6 августа Ставка ВГК утвердила план разгрома харьковской группировки противника. По Харьковскому промышленному району предполагалось нанести концентрический удар с нескольких направлений. Воронежский фронт силами трех армий должен был наступать на Ахтырку, частью сил — на Богодухов и далее на Мерефу в обход Харькова с северо-запада. Юго-Западный фронт наносил главный удар на Сталино (Донецк), а частью сил на Мерефу с целью содействия Степному фронту в изоляции Харькова. Ставка подключила к операции и Южный фронт, перед которым ставилась задача наступать из района южнее Ворошиловграда (Луганск) на Сталино навстречу Юго-Западному фронту. Позднее, 12 августа, участвовавшим в операции фронтам были уточнены задачи. После освобождения Харькова им приказывалось продолжить наступление и к 23—25 августа выйти на рубеж Полтава — Красноград — Барвенково[46].

Особенно опасным для противника было наступление советских войск на юг от Богодухова, угрожавшее охватить с запада и юга главные силы его группировки в районе Харькова. Поэтому основные силы, переброшенные на харьковское направление из Донбасса, немецко-фашистское командование решило использовать для удара по войскам Воронежского фронта, прорвавшимся в район южнее Богодухова.

В создавшейся обстановке немецкое командование подтянуло на харьковское направление крупные танковые резервы — дивизии СС «Райх», «Мертвая голова», «Викинг» — и с 11 по 17 августа (в районе Богодухова и Высокополья) нанесло сильный контрудар по

Брошенные под Харьковым подбитые танки «пантера»

флангам 1-й танковой армии, пытаясь обойти ее и отрезать от основных сил фронта. Однако контрудар удалось отбить. Тем не менее противник повторил попытку сорвать наступление войск, обходивших Харьков.

С 15 августа командование группы армий «Юг» приступило к формированию новой, еще более мощной контрударной группировки. Она состояла из трех частей: одна — три танковые и одна моторизованная дивизии в районе Ахтырки для удара на Богодухов; вторая — танковая дивизия СС «Мертвая голова» для удара с юга в тыл советским войскам, вышедшим в район Калитвы; и третья — две дивизии в районе Полтавы для действий с запада. С 18 августа в этих районах развернулись тяжелые бои. Противнику на ряде направлений удалось потеснить советские части, но уже 19 августа он был остановлен. С 20 августа советское командование, подтянув резервы, нанесло ответные удары. Охваченная с трех сторон войсками Воронежского фронта ахтырская группировка оказалась под угрозой глубокого обхода и 20–23 августа была разгромлена. Ее остатки откатились в юго-западном направлении.

Заметную роль в разгроме ахтырской группировки противника сыграла 1-я танковая армия. Составляя основу советских войск, отражавших контрудар врага в этом районе, она, совершив скрытно стремительное перемещение на новое направление, усилила силу ударов общевойсковых армий. Во встречном сражении 19 августа ее соединения и части не только остановили продвижение войск противника, но нанесли ему урон и отбросили на 8–10 км.

Таким образом, в результате ожесточенных встречных сражений, разыгравшихся с 11 по 23 августа в обширном районе западнее Харькова, были сорваны попытки противника остановить наступление советских войск, а его контрударные группировки разбиты. В руках врага осталась единственная дорога из Харькова на Мерефу. 22 августа немецкое командование было вынуждено начать отвод своих войск из района Харькова.

Чтобы не дать возможности противнику вывести из-под ударов свои войска, вечером 22 августа командующий Степным фронтом генерал И. С. Конев отдал приказ о ночном штурме города, и 23 августа Харьков был освобожден. Остатки группировки противника, преследуемые советскими войсками, были отброшены за реки Мерефа и Мжа.

На этом закончилось контрнаступление советских войск на белгород-харьковском направлении, а вместе с ним и Курская битва.

По своим масштабам, концентрации войск, напряженности боевых действий, а главное — значению результатов и последствий битва под Курском стоит в ряду крупнейших сражений Второй мировой войны. В течение 50 суток на сравнительно небольшой территории (семи

областей России и Украины, в полосе 600 км по фронту и до 150 км в глубину) столкнулись две мощнейшие группировки вооруженных сил. В ней участвовали с обеих сторон громадные силы — до 300 дивизий, более 4 млн человек, свыше 69 тыс. орудий и минометов, более 13 тыс. танков и самоходных орудий, до 12 тыс. боевых самолетов[47]. Со стороны вермахта — свыше 100 дивизий, что составляло более 43% дивизий, находившихся на советско-германском фронте. Около 30% от общего числа дивизий сражалось с советской стороны[48].

В ходе Курской битвы было разгромлено 30 немецких дивизий. Особый урон понесли танковые части, вооруженные новой тяжелой боевой техникой, на которую немецкое командование возлагало большие надежды. Бронетанковые войска вермахта из-за больших потерь в людях и технике на долгое время вышли из строя. По советским источникам, вермахт в ходе Курской битвы потерял 1,5 тыс. танков, свыше 3,7 тыс. самолетов и 3 тыс. орудий. Согласно немецким источникам, потери сухопутных войск вермахта на всем советско-германском фронте в июле и августе 1943 г. составили 474,7 тыс. человек[49].

Немалый урон был нанесен советским фронтам. Сразу после Курской битвы пришлось вывести в тыл на переформирование все пять советских танковых армий, 13 танковых корпусов и 28 стрелковых дивизий. Советские войска потеряли более 863 тыс. человек, в том числе более 254 тыс. безвозвратно, свыше 6 тыс. танков и САУ, почти 5300 орудий и минометов, 1626 боевых самолетов[50].

Красная армия под Курском не только выдержала мощный удар немецких войск, но и, перейдя в контрнаступление, отбросила врага в южном и юго-западном направлениях на 140–150 км, создала предпосылки для развертывания общего наступления советских фронтов, освобождения Левобережной Украины и выхода к Днепру. С этого времени и до конца войны советские вооруженные силы удерживали стратегическую инициативу в своих руках. В битве под Курском окончательно потерпела крах наступательная стратегия вермахта. Разгром войск вермахта на Курской дуге имел далеко идущие военные, политические и дипломатические последствия, оказал решающее влияние на весь дальнейший ход не только Великой Отечественной, но и всей Второй мировой войны. Вооруженные силы Германии и ее союзников были вынуждены перейти к обороне на всех театрах военных действий.

Битва под Курском определила поворот в военной экономике Германии. Если в 1942 г. на переднем плане все еще стояло производство наступательного оружия, то с 1943 г. становилось все яснее, что Германия должна перейти от ведения наступательной войны к обороне. Программы обеспечения обороны, составленные с учетом этого обстоятельства, предусматривали соответствующую переориентацию производства. Этот поворот можно было видеть во многих отраслях промышленного производства. В 1943 г. за счет падения производства танков увеличился выпуск самоходных установок и противотанковых орудий, стало намного меньше выпускаться бомбардировщиков и транспортных самолетов, возросло также производство самолетов-истребителей и зенитных орудий и т. п.

В битве под Курском была ликвидирована последняя попытка врага осуществить большое летнее наступление с целью захвата стратегической инициативы, поднятия своего пошатнувшегося престижа в Европе. Красная армия опрокинула расчеты противника. В битве под Курском германской военной машине был нанесен сокрушительный удар, в результате которого противник вынужден был окончательно отказаться от наступательной стратегии. В ходе этой битвы удалось развеять созданный гитлеровской пропагандой миф о «сезонности» советской стратегии. Красная армия показала, что она может бить врага в любое время года. Контрнаступление, предпринятое на одном направлении, переросло в общее стратегическое наступление Красной армии на гигантском фронте от Великих Лук до Таманского полуострова.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Der Zweite Weltkrieg. Dokumente Militarverlag der Deutschen Demokratischen Republik. Berlin, 1972. S. 20.

[2] Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (далее — KTB/OKW). Frankfurt a/M, 1963. Bd. 3. S. 1425.

[3] Курская битва. 1943 г. Материалы в помощь лекторам. М., 2006. С. 123.

[4] *Лопуховский Л.* Прохоровка без грифа секретности. М., 2005. С. 26–28.

[5] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. М., 2011. Т. 1. С. 298.

[6] Курская битва. 1943 г. Материалы в помощь лекторам. С. 123–124.

[7] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. М., 1998–1999. Кн. 2. С. 346; Курская битва. 1943 г. Материалы в помощь лекторам. С. 126–127.

[8] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 3-х т. М., 1990. Т. 3. С. 15.

[9] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. В 2-х кн. М., 1988. Кн. 2. С. 17.

[10] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. С. 299.

[11] Там же.

[12] ЦАМО. Ф. 62. Оп. 323. Д. 5. Л. 204–207, 213, 217.

[13] Там же. Л. 162–166.

[14] Там же. Л. 250.

[15] Там же. Л. 262.

[16] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. М., 1999. Т. 16 (5-3). С. 169.

[17] Русский архив: Великая Отечественная. Курская битва. Документы и материалы. 27 марта — 23 августа 1943 г. М., 1997. Т. 15 (4-4). С. 41.

[18] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 261; *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М., 1968. С. 215.

[19] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 3. С. 46.

[20] Wehrwissenschaftliche Rundschau, 1965. № 10. S. 589.

[21] *Айкс Р.* Великие танковые сражения. Стратегия и тактика. 1939–1945 / Пер. с англ. М., 2008. С. 190.

[22] *Василевский А. М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 28; *Лопуховский Л.* Указ. соч. С. 332.

[23] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. С. 308.

[24] История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 2010. Т. 1. С. 403–404.

[25] *Рокоссовский К. К.* Указ. соч. С. 224–225.

[26] KTB/OKW. Bd. 3. S. 769.

[27] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 646. Л. 3.

[28] Там же.

[29] Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 270.

[30] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2010. С. 125, 346.

[31] Eengelmann Y. «Zitadelle». Die grosse Panzerschlacht im Osten, 1943. Friedberg, 1980. S. 71, 146, 148, 151.

[32] ЦАМО. Ф. 358. Оп. 12878 сс. Д. 33. Л. 65–67.

[33] *Heinrici G., Hauck W.* «Zitadelle». Wehrwissenschaftliche Rundschau. H. 8–10, 1965. S. 587.

[34] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 275.

[35] *Рокоссовский К. К.* Указ. соч. С. 227—228.

[36] *Ананьев И. М.* Танковые армии в наступлении: По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1988. С. 270.

[37] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 276.

[38] ЦАМО. Ф. 39. Оп. 11495. Д. 13. Л. 109; РЦХИДНИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 4. Л. 59.

[39] ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3409. Д. 16. Л. 467.

[40] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 278.

[41] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 126—346.

[42] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 278.

[43] *Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г.* Курская битва. М., 1983. С. 93.

[44] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 279.

[45] ЦАМО. Ф. 335. Оп. 5113. Д. 236. Л. 8—9.

[46] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 187, 189—190.

[47] *Золотарев В. А.* Курская битва: взгляд через полвека // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 279—280.

[48] *Ржешевский О. А.* Война и история. М., 1984. С. 203.

[49] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 284.

[50] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 124, 126, 128, 346.

БИТВА ЗА ДНЕПР

На черниговско-припятском направлении

Благоприятный исход битвы под Курском позволил советскому Верховному главнокомандованию поставить перед вооруженными силами задачу развернуть общее наступление на широком фронте. Наибольшую важность в отношении возвращения захваченных территорий представляли промышленные районы Украины.

Единого мнения о способах разгрома противника у советского командования не было. Г. К. Жуков предлагал провести операции по отсечению и окружению значительных вражеских группировок, в частности отсечь южную группировку противника в Донбассе мощным ударом из района Харьков — Изюм в общем направлении на Днепропетровск и Запорожье. В этом его поддерживал первый заместитель начальника Генерального штаба генерал А. И. Антонов. Однако И. В. Сталин не разделял эту точку зрения. Он считал, что для реализации такого замысла понадобится значительное время и противник успеет организовать оборону на подступах к Днепру. Поэтому Верховный главнокомандующий требовал скорее отбросить немецкие соединения с занимаемых ими рубежей фронтальными ударами[1].

В свою очередь, немецкое командование стремилось любой ценой остановить наступление советских войск и сохранить за собой важнейшие экономические районы. Гитлер настаивал, чтобы немецкие солдаты прочно удерживали занимаемые позиции. Он надеялся выиграть время за счет строительства многочисленных укреплений для сдерживания советских войск, при этом особое значение придавалось Днепру. Немецкое командование разработало план обороны, предусматривавший создание от Балтийского до Черного моря хорошо укрепленного рубежа — «Восточного вала», который проходил севернее Чудского озера, по р. Нарва, восточнее Пскова, Невеля, Витебска, Орши, далее через Гомель, по рекам Сож и Днепр в его среднем течении и по р. Молочная. Южная часть этого рубежа получила название «Вотан», северная — «Пантера». «Восточный вал» должен был, по замыслу германского руководства, стать непреодолимым барьером для Красной армии и остановить ее продвижение на запад. «Скорее Днепр потечет обратно, нежели русские преодолеют его...» — заявил А. Гитлер на одном из совещаний в Берлине[2].

Приказ о форсировании строительства стратегического оборонительного рубежа был отдан Гитлером 11 августа 1943 г. Особое внимание немецкое командование уделяло организации обороны по Днепру. Широкая, глубокая, многоводная река представляла серьезную естественную преграду для наступавших войск. Удобство Днепра для обороны заключалось еще и в господстве правого высокого берега над левым. Здесь была создана развитая в инженерном отношении, насыщенная противотанковыми и противопехотными средствами

оборона. В местах, где, по мнению немецкого командования, советские войска могли наметить переправу, была подготовлена наиболее прочная многополосная оборона[3]. В ряде районов на левом берегу Днепра противник построил сильные предмостные укрепления. Особо мощные укрепления были в районах Кременчуга, Запорожья и Никополя.

На юго-западном направлении группировка противника включала 2-ю полевую армию (командующий — генерал В. Вайс) и часть сил 2-го воздушного флота (генерал-фельдмаршал В. Рихтгофен) из группы армий «Центр» (генерал-фельдмаршал Г. Клюге), 1-ю танковую (генерал Э. Макензен), 4-ю танковую (генерал Г. Хейнрици), 6-ю полевую (генерал К.-А. Холлидт), 8-ю полевую (генерал О. Велер) армии и 4-й воздушный флот (генерал О. Десслох) из группы армий «Юг» (генерал-фельдмаршал Э. Манштейн).

Против них действовали войска Центрального (командующий — генерал К. К. Рокоссовский), Воронежского (генерал Н. Ф. Ватутин), Степного (генерал И. С. Конев), Юго-Западного (генерал Р. Я. Малиновский) и Южного (генерал Ф. И. Толбухин) фронтов. Группировка советских войск к началу битвы за Днепр насчитывала 2633 тыс. человек, 51 200 орудий и минометов, 2400 танков и 2850 самолетов[4]. Советские войска превосходили противника в людях — в 2,1 раза, по танкам — в 1,1 раза, по самолетам — в 1,4 раза, по орудиям и минометам — в 4 раза.

По директивам Ставки ВГК, полученным еще в ходе Курской битвы, советским войскам предстояло развернуть наступление от Великих Лук до Азовского моря на фронте свыше 1 тыс. км. Центральный, Воронежский, Степной, Юго-Западный и Южный фронты имели задачу освободить Левобережную Украину и Донбасс, выйти к Днепру, форсировать его и захватить плацдармы на правом берегу реки, создав условия для освобождения Правобережной Украины. Юго-Западный и Южный фронты приступили к выполнению поставленных перед ними задач 13 августа 1943 г., начав Донбасскую операцию. Далее в рамках битвы за Днепр были проведены Черниговско-Полтавская, Нижнеднепровская и Киевская стратегические наступательные операции.

Армии Центрального, Воронежского и Степного фронтов наступали на фронте от Черкасс до Полтавы. Целью их действий были освобождение Левобережной Украины, выход к Днепру, форсирование его и захват плацдармов на правом берегу реки в интересах создания условий для освобождения Правобережной Украины. План операции предусматривал нанесение нескольких мощных ударов одновременно силами трех фронтов в целях рассечения немецкой обороны и недопущения закрепления противника по рубежам рек Десна и Днепр.

Еще 16 августа Ставка ВГК уточнила задачу Центральному фронту. Ему предстояло наступать в общем направлении на Севск — Михайловский и не позднее 1–3 сентября выйти на рубеж р. Десна — южнее Трубчевска — Новгород-Северский — Шостка — Глухов — Рыльск. В дальнейшем развивать наступление в общем направлении на Конотоп — Нежин — Киев, при благоприятных условиях частью сил форсировать Десну и наступать по правому берегу в направлении Чернигова[5]. Операцию намечалось начать 19–20 августа 1943 г., но из-за нехватки боеприпасов она была отложена на неделю.

Подготовка к предстоящему освобождению Левобережной Украины проводилась в короткие сроки в период завершавшегося контрнаступления под Курском. После полуторамесячных непрерывных боев под Курском войска оторвались от своих баз снабжения, израсходовали большую часть накопленных к летней кампании материальных средств. Поскольку железнодорожная сеть не была полностью восстановлена, всё необходимое приходилось подвозить автотранспортом, а его недоставало. К. К. Рокоссовский вспоминал: «На подготовку нам дали десять дней. Срок, конечно, явно недостаточный. Но откладывать наступление нельзя: всякое промедление враг использует для усиления своих войск и создания прочной обороны»[6]. Однако, несмотря на значительные трудности, командование сумело организовать и провести перегруппировку войск, подтянуть тылы, пополнить соединения и части личным составом, вооружением и боеприпасами.

Черниговско-Полтавская операция (с 26 августа по 30 сентября 1943) стала одной из крупнейших в ходе Великой Отечественной войны. Она явилась первым этапом битвы за Днепр и включила в себя ряд фронтовых наступательных операций, объединенных общим стратегическим замыслом: Черниговско-Припятскую операцию войск Центрального фронта, Сумско-Прилукскую операцию войск Воронежского фронта, Полтавско-Кременчугскую операцию Степного фронта.

Перед началом наступления на Левобережной Украине трем советским фронтам в 500-километровой полосе от Дмитровск-Орловского до Змиева противостояли 2-я полевая армия группы армий «Центр», 4-я танковая и 8-я полевая армии группы армий «Юг», а также соединения 6-го и 4-го воздушных флотов. В их составе насчитывалось 38 дивизий, из них восемь танковых и две моторизованные: всего 700 тыс. солдат и офицеров, 7200 орудий и минометов, около 1200 танков и штурмовых орудий, 900 боевых самолетов[7]. Какими-либо значительными резервами на этом направлении противник не располагал. Между тем ему удалось увеличить свою группировку на 27 дивизий (в том числе пять танковых и одну механизированную) за счет переброски с менее ответственных направлений советско-германского фронта и прибывших соединений с других театров военных действий.

К проведению Черниговско-Полтавской операции привлекались войска Центрального фронта (13, 48, 65, 60 и 70-я общевойсковые, 2-я танковая и 16-я воздушная армии), Воронежского фронта (38, 40, 47, 27, 52, 4-я гвардейская, 6-я гвардейская и 5-я гвардейская общевойсковые, 1-я танковая и 2-я воздушная армии) и Степного фронта (69, 57, 53, 7-я гвардейская общевойсковые, 5-я гвардейская танковая и 5-я воздушная армии) — всего 16 общевойсковых, три танковые и три воздушные армии. Они имели 114 дивизий и 15 танковых корпусов, общей численностью 1580 тыс. человек, 30 250 орудий и минометов, 1180 танков и самоходных артиллерийских установок, 1450 самолетов[8]. Советские войска превосходили противника по личному составу в 2,3 раза, по орудиям и минометам — в 4,2 раза, по самолетам — в 1,6 раза. Соотношение по танкам и САУ было примерно равным.

В ходе операции силы фронтов изменялись. Они пополнились из резерва Ставки ВГК тремя общевойсковыми (61, 37 и 46-я) и одной танковой (3-я гвардейская) армиями, а также двумя кавалерийскими корпусами (1-й и 7-й гвардейские). Вместе с тем одна общевойсковая (70-я, которая в операции не участвовала) и три танковые армии (5-я гвардейская, 1-я и 2-я) убыли в резерв Ставки ВГК.

Задачи войскам были поставлены директивой Ставки ВГК от 22 августа 1943 г. В соответствии с ними Центральный фронт должен был нанести главный удар силами 2-й танковой, 65-й и частью сил 48-й и 60-й армий на новгород-северском направлении, вспомогательный удар — остальными силами 60-й армии на конотопском направлении и выйти к среднему течению Днепра. Воронежский фронт, продвигаясь на Полтаву — Кременчуг (главное направление), а частью сил — на Зеньков — Миргород, имел основной задачей выход к Днепру и захват переправы через него. Войскам Степного фронта совместно с левофланговыми армиями Воронежского фронта предстояло после освобождения Харькова теснить противника в общем направлении на Красноград — Верхнеднепровск, выйти к Днепру в районе Новый Орлик — Днепропетровск с захватом переправ через него. Большое значение при этом придавалось овладению мостами, по которым могли переправиться крупные силы для последующих операций[9].

Утром 26 августа 1943 г. войска Центрального фронта после мощной артиллерийской подготовки и при поддержке авиации перешли в наступление. Первоначально наступление на новгород-северском направлении развивалось медленно. Противник дал мощный отпор, предприняв в первый день наступления 12 контрударов. Наступавшие советские части, преодолевая сильное огневое сопротивление и отражая контратаки противника, в этот день продвинулись вперед на 2–8 км[10]. 27 августа в бой была введена 2-я танковая армия генерала С. И. Богданова, которая совместно с 65-й армией генерала П. И. Батова смогла освободить г. Севск. Направление главного удара было избрано в обход города с севера. П. И. Батов вспоминал: «Пехота с началом артподготовки, используя доски, маты из хвороста, бегом

Немецкое орудие на правом берегу Днепра

преодолевала заболоченную пойму. Саперы местами настилали бревенчатые гати для артиллерии. Наступательный порыв воинов был настолько высок, что они оказались перед рекой Сев раньше окончания артиллерийской подготовки. Вслед за пехотой, вплотную примыкая к ее боевым порядкам, шел саперный батальон. Он подтягивал к реке детали легкого разборного моста. В воздух взвилась красная ракета. Кузовков (И. А. Кузовков — командир 69-й стрелковой дивизии. — *Прим. ред.*) отдал приказ перенести артиллерийский огонь в глубину вражеской обороны. И в ту же минуту пехота бросилась через реку. По всему фронту еще гремела артиллерийская канонада, а воины славной 69-й были уже в немецких окопах на западном берегу Сева»[11].

Однако попытки развить здесь успех не дали ожидаемого результата. Глубина продвижения советских войск на этом направлении за пять суток составила всего 20–25 км. Зато на направлении вспомогательного удара Центрального фронта, где противник не ожидал наступления советских войск и не мог оказать серьезного сопротивления, войска 60-й армии (командующий — генерал И. Д. Черняховский) быстро прорвали оборону противника.

Командующий фронтом генерал К. К. Рокоссовский своевременно отреагировал на данный успех и, перегруппировав силы, направил в прорыв основные ударные части фронта. На конотопское направление были срочно переброшены 2-я танковая и 13-я армии, 4-й артиллерийский корпус прорыва, другие части, которые поддерживала основная масса самолетов 16-й воздушной армии. Это решение обернулось крупным стратегическим выигрышем.

Стремясь ликвидировать опасную брешь на стыке групп армий «Центр» и «Юг», немецкое командование дополнительно ввело в сражение против Центрального фронта две танковые, три пехотные дивизии, несколько специальных подразделений и крупные силы авиации. Однако разновременный и неподготовленный ввод этих сил в сражение не дал ожидаемого эффекта — советские войска громили их по частям, применяя глубокие обходы и фланговые удары. Фронт немецких войск оказался рассеченным, и 60-я армия вышла на оперативный простор.

30 августа 1943 г. войска Центрального фронта продолжали успешно развивать наступление на глуховском направлении и, продвинувшись за день боя вперед до 20 км, заняли 115 населенных пунктов, в том числе город и железнодорожный узел Глухов[12], а на следующий день, углубившись на отдельных участках до 10 км, овладели г. Рыльск и 80 населенными пунктами[13]. К концу августа 60-я армия продвинулась на киевском направлении на 70 км, расширив прорыв до 100 км[14].

Наступление Воронежского и Степного фронтов, наносивших удары смежными флангами (действия фронтов координировал представитель Ставки Г. К. Жуков), в первые дни операции развивалось медленно. Противник, стремясь обезопасить от флангового удара свою донбасскую группировку, упорно оборонялся. Особенно ожесточенное сопротивление он оказывал в районе Валки — Зеньков — Люботин. До конца августа 1943 г. соединения левого фланга Воронежского фронта, наступая на Сумы и далее на Прилуки, и Степного фронта, действуя в направлении Полтавы и Краснограда, преодолели всего около 30 км.

Более успешно наступали армии правого фланга Воронежского фронта. Левый флаг противостоящих ему немецких войск оказался глубоко охвачен силами Центрального фронта, и, опасаясь выхода советских частей в свой тыл, немецкое командование начало отвод войск. 29 августа 1943 г. войска 5-й гвардейской танковой армии генерала П. А. Ротмистрова и 53-й армии генерала И. М. Манагарова, преследуя отходившего противника, овладели г. Люботин и, продвинувшись за день на 10–15 км, заняли 58 населенных пунктов[15].

В начале сентября 1943 г. наступление советских войск развернулось по всей Левобережной Украине, что полностью лишило германское командование возможности маневрировать резервами. В этих условиях оно начало отвод своих войск за Днепр. Армии Центрального фронта наступали в высоком темпе — по 20 км в сутки и более. Так, 2 сентября войска этого фронта на левом фланге, успешно развивая наступление в общем направлении на Конотоп, продвинулись за день до 25 км, заняли города Шостка, Кролевец, Путивль[16].

3 сентября войска Центрального фронта заняли города Короп, Белополье и железнодорожный узел Ворожба. Затем, продолжая наступление, они с ходу форсировали р. Сейм и 6 сентября освободили Конотоп. На следующий день войска левого фланга фронта, продвинувшись в общей сложности на 180 км, вышли на широком 150-километровом фронте к р. Десна и успешно форсировали ее[17].

На правом фланге Воронежского фронта 38-я армия под командованием генерал-лейтенанта Н. Е. Чибисова и 40-я армия под командованием генерал-полковника К. С. Москаленко, наступая в западном направлении, 2 сентября продвинулись на 8–20 км и освободили г. Сумы, а затем продолжали развивать наступление в направлении на Ромны — Прилуки. Вспоминая эти дни, К. С. Москаленко писал: «Противник непрерывно подбрасывал подкрепления, контратаковал, цеплялся за каждый населенный пункт. Но под натиском наших войск с каждым днем отступал все дальше на запад»[18].

Степной фронт 3 сентября 1943 г. на правом фланге и в центре сломил сопротивление противника и, ведя наступательные бои, овладел городом и железнодорожной станцией Мерефа, в дальнейшем прорвав оборону противника на фронте Шлях (4 км южнее Старого Мерчика) — Красные Горбачи — западнее Мерефы, продолжал развивать наступление в общем направлении на Валки. Впоследствии командующий фронтом генерал И. С. Конев так оценил эти события: «Открывался путь для более быстрого наступления 57-й и 7-й гвардейской армий к Днепру. Но предстояла еще упорная борьба с сильной полтавской группировкой 8-й немецкой армии. В направлении Полтавы и Кременчуга под ударами Степного фронта

Советские солдаты атакуют в бою под Полтавой

Полковая артиллерия на марше

отступала самая крупная группировка 8-й армии немцев, состоящая из 3-го, 47-го танковых и 11-го армейского корпусов. Разгром противника под Харьковом и Мерефой, открывший войскам фронта путь на Полтаву и далее к Днепру, а также успешное наступление соседних фронтов вынудили противника к отступлению на всей Левобережной Украине»[19].

6 сентября 1943 г. Ставка ВГК внесла существенные коррективы в план операции и оперативное взаимодействие трех фронтов, определив им новые разграничительные линии и несколько изменив направление их наступления. Центральному фронту (получившему в усиление 61-ю армию и 7-й гвардейский кавалерийский корпус из резерва Ставки ВГК) предписывалось правым флангом наступать на Гомель, левым — на Чернигов, а не на Киев. Это решение вызвало разочарование К. К. Рокоссовского, впоследствии он писал: «Я счел своим долгом позвонить Сталину. Сказал, что не понимаю причины такого изменения разграничительной линии. Ответил он коротко: это сделано по настоянию товарищей Жукова и Хрущева, они находятся там, им виднее. Такой ответ никакой ясности не внес. Но уточнять не было ни времени, ни особой необходимости»[20].

Воронежский фронт, усиленный 3-й гвардейской танковой армией (из резерва Ставки ВГК) и 1-м гвардейским кавалерийским корпусом (из Юго-Западного фронта), должен был нанести удар на Ромны — Прилуки — Киев. Степному фронту предстояло наступать на Полтаву и Кременчуг[21]. Так как на полтавском направлении противник оказывал наиболее упорное сопротивление, Ставка ВГК за счет своего резерва усилила войска Степного фронта 37-й армией под командованием генерала М. Н. Шарохина, передала в его состав 5-ю гвардейскую армию Воронежского фронта генерала А. С. Жадова и 46-ю армию В. В. Глаголева из Юго-Западного фронта. 10 сентября 1943 г. войска Воронежского фронта прорвали оборону противника юго-восточнее Ромны, создав угрозу окружения его группировки восточнее Прилуки.

Успешно развивались и события в Донбассе — там противник был вынужден 1 сентября 1943 г. начать отвод части сил на запад. В первых числах сентября новых успехов добился Южный фронт. Его 51-я, 5-я ударная и 2-я гвардейская армии вышли к Харцизску и Иловайску. Не получило развития лишь наступление центральной группировки Юго-Западного фронта. Но его левофланговая 3-я гвардейская армия под командованием генерала Д. Д. Лелюшенко значительно продвинулась вперед и освободила Лисичанск, Ирмино, Пролетарск, Камышеваху, Попасную, Первомайск, Славянск. Наращивая мощь ударов, Ставка ВГК еще 2 сентября усилила успешно наступавшие войска Южного фронта 20-м и 11-м танковыми корпусами.

Советские войска один за другим занимали донецкие города. Войска центра Юго-Западного фронта в ночь на 8 сентября перешли в наступление на барвенковском направлении, а на левом фланге, овладев г. Красноармейское, продолжали развивать наступление вдоль железной дороги Красноармейское — Павлоград. Войска Южного фронта к утру 8 сентября полностью овладели центром Донбасса — г. Сталино и, развивая наступление в направлениях Селидовка — Красногоровка — Волноваха, продвинулись за день на 8—20 км[22].

10 сентября 1943 г. войска Юго-Западного фронта освободили железнодорожный узел Барвенково, а Южного фронта — Волноваху и во взаимодействии с десантом Азовской военной флотилии — важный центр металлургической промышленности Мариуполь. Действия Юго-Западного и Южного фронтов координировал представитель Ставки А. М. Василевский. В последующем он вспоминал: «Гитлеровцы не хотели примириться с утратой Донбасса. 11 и 12 сентября они не раз переходили в сильные контратаки и на некоторое время вновь захватывали отдельные населенные пункты. Для отражения контратак Р. Я. Малиновский вынужден был передать в 3-ю гвардейскую армию свой последний фронтовой резерв — 33-й стрелковый корпус. Полностью израсходовал фронтовые резервы и Ф. И. Толбухин. Теперь поневоле пришлось вернуться к мысли о временном резервировании 8-й гвардейской армии Чуйкова, а также 44-й армии Хоменко. И все же к 15 сентября мы вышли на линию Лозовая — Чаплино — Гуляйполе — Урзуф»[23].

Младший сержант минометчик Николай Поликарпов на огневой позиции

Продолжали расширяться активные действия советских войск и в восточных районах Украины. Наибольшего успеха добился Центральный фронт. 9 сентября 1943 г. был освобожден крупный железнодорожный узел и город Бахмач. Войска левого фланга фронта, наступая на нежинском направлении, только 13 сентября продвинулись за день до 22 км и заняли 68 населенных пунктов[24]. 15 сентября решительным ударом войска 60-й армии освободили важный опорный узел обороны противника г. Нежин. Дорога на Киев, как отмечал К. К. Рокоссовский, была открыта[25].

Войска Воронежского фронта 10 сентября 1943 г. на правом фланге овладели районным центром Липовая Долина, на левом — узлом сопротивления противника Колонтаев, а в центре 11 сентября заняли г. Гадяч. 13 сентября передовые отряды 38-й армии форсировали р. Сула и вели бой в северо-восточной части Ромны, овладев населенным пунктом Сурмачевка. 40-я армия, отразив контрудар 10-й механизированной дивизии противника, возобновила наступательные действия на широком фронте, она также форсировала р. Сула и освободила г. Лохвица. При этом отличились части 309-й стрелковой дивизии генерала Д. Ф. Дремина, в особенности 957-й стрелковый полк подполковника Г. М. Шевченко. Он первым с ходу форсировал Сулу в районе деревни Лука и перерезал дороги, ведущие из Лохвицы на север и северо-запад. Удачно маневрируя, подразделения 957-го стрелкового полка начали заходить в тыл немецкому гарнизону и отвлекли на себя его внимание. Этим умело воспользовался командир батальона 955-го стрелкового полка капитан Д. П. Потылицын. Ринувшись в атаку, его роты одновременно захватили все три моста через Сулу в районе города. Противник, не успевший их взорвать, попытался отбросить советских воинов за реку. Но батальон стойко отбивал атаки врага и удержал мосты до подхода главных сил дивизии. Вскоре бой шел уже на западной и юго-западной окраинах города. К исходу дня гарнизон противника был разгромлен. Его остатки отступили в юго-западном направлении[26].

Для развития успеха Воронежский фронт стал сосредоточивать на своем правом крыле ударную группировку в составе танковой и двух общевойсковых армий, трех танковых и кавалерийского корпусов. Однако эта передислокация снизила и так не слишком высокие темпы наступления фронта. 12 сентября 1943 г. Ставка ВГК издала специальную директиву № 30189, в которой командованию Воронежского фронта предписывалось срочно увеличить темпы продвижения вперед правого крыла Воронежского фронта, особенно 38-й армии, и ликвидировать значительное отставание ее от соседа справа[27]. Центральным фронтом 15 сентября был освобожден г. Нежин, после этого между ним и Воронежским фронтом, 38-я армия которого еще больше замедлила продвижение, образовался большой разрыв.

В непростой ситуации оказался левый фланг 60-й армии: правофланговые армии соседа слева — Воронежского фронта вели бои на рубеже Ромны — Лохвица, отстав от 60-й армии — левого фланга Центрального фронта на 100—120 км. Командующий армией И. Д. Черняховский был вынужден часть сил выделить для обеспечения растянувшегося фланга, ослабив тем самым свою ударную группировку. Вероятно, И. Д. Черняховский мог, повернув на юг, отрезать значительную часть отступающих немецких войск (до 13 дивизий), но Г. К. Жуков не разрешил такой поворот: возможно, он опасался, что времени, потраченного на разгром окруженной группировки, противнику будет достаточно, чтобы создать по Днепру прочную оборону за счет соединений, подходивших из глубины.

Между тем в полосе наступления войск Степного фронта по мере их продвижения к Полтаве сопротивление противника возрастало с каждым днем. Если 11 сентября 1943 г. войска Степного фронта на правом крыле и в центре прорвали оборону противника и, развивая успех, с боями продвинулись за день на 8—15 км, овладев 66 населенными пунктами, в том числе железнодорожной станцией Ковяги[28], то за следующий день они продвинулись только на 1—7 км, овладев северной частью г. Валки и центральной частью Старой Водолаги[29]. И без того мощный гарнизон Полтавы был значительно усилен, на подступах к городу имелись хорошо оборудованные в инженерном отношении оборонительные позиции. Не считаясь с потерями, немецкое командование стремилось во что бы то ни стало удержать Полтаву, воспрепятствовав таким образом выходу в тыл своей отступающей донбасской группировки

В атаке — стрелковое подразделение. Левобережная Украина

Войска переправляются через Десну в районе Чернигова

войск Степного фронта. Однако севернее и южнее Полтавы армии фронта далеко обошли фланги полтавской группировки и стремились к Днепру.

Советское командование прилагало все усилия, чтобы упредить немецкие войска в выходе на Днепр. Ставка ВГК приказала всем командующим фронтами формировать в каждой армии подвижные отряды, собирать для них все имеющиеся танки и автотранспорт и стремительно выходить к Днепру, обходя укрепленные районы и населенные пункты.

Уже через несколько недель после начала наступления стало ясно, что вермахт не может сдерживать советские войска на ровном, открытом пространстве степей, где численное превосходство обеспечивало им победу. Еще 8 сентября 1943 г. Э. Манштейн отдал приказ 6-й и 1-й танковой армиям «перейти к подвижной обороне, которую армии должны организовать так, чтобы обеспечить стойкость войск и выиграть как можно больше времени для осуществления отхода», что, по сути, означало разрешение на отход. На встрече с Гитлером в этот день Э. Манштейн заявил: «Мы не можем больше восстановить положение на правом фланге группы перед Днепром. Противнику удалось пробить брешь на северном фланге 6-й армии шириной 45 км, где сражались только остатки двух наших дивизий. Контратаки небольшими имеющимися у нас танковыми силами не могли закрыть эту брешь. Хотим мы или не хотим, но мы будем вынуждены отойти за Днепр, особенно принимая во внимание возможные последствия чрезвычайно напряженной обстановки на северном фланге нашей группы»[30].

После очередной беседы с Гитлером 15 сентября вечером Манштейн отдал группе армий приказ об отводе всех армий на линию Мелитополь — Днепр (до района выше Киева) — Десна[31]. Немецкое командование приказало своим войскам срочно выходить из боя, под прикрытием сильных арьергардов стремительно двигаться к постоянным переправам у Киева, Канева, Кременчуга, Черкасс, Днепропетровска и занимать укрепления «Восточного вала» для недопущения форсирования Днепра советскими войсками. Там же спешно занимали оборону 12 дивизий, переброшенных из резерва — из Европы и группы армий «Центр». Конечной целью намеченного отступления считалось удержание оборонительного рубежа на Днепре, который перехватывал пути наступления советских войск на основных стратегических направлениях. По мнению немецкого командования, «Линия Днепр — Сож должна была быть превращена в «Восточный вал», о который русские сломали бы себе шею, после чего Гитлер хотел снова предпринять новое наступление против врага, ослабленного безрезультатными атаками»[32].

Командование вермахта, приняв решение об отводе войск за Днепр, всеми силами старалось выиграть время и поэтому оказывало упорное сопротивление советским войскам на промежуточных рубежах. При отступлении фашисты варварски, по заранее разработанному плану, разрушали города и села, промышленные предприятия, мосты, сжигали посевы, уводили скот, насильно угоняли в рабство советских людей. Э. Манштейн признался в своих мемуарах: «В зоне 20–30 км перед Днепром было разрушено, уничтожено или вывезено в тыл все, что могло помочь противнику немедленно продолжать свое наступление на широком фронте по ту сторону реки, то есть все, что могло явиться для него при сосредоточении сил перед нашими днепровскими позициями укрытием или местом расквартирования, и все, что могло облегчить ему снабжение, в особенности продовольственное снабжение его войск... Главное командование германской армии приказало переправить через Днепр и местное население»[33].

Кроме того, в дополнение к приказам и директивам о «выжженной земле» 7 сентября 1943 г. Г. Гиммлер также издал специальный приказ, адресованный руководителю войск СС и полиции на Украине Г. Прюцману, в котором требовал: «Необходимо добиться того, чтобы при отходе из районов Украины не оставалось ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одного рельса, чтобы не остались в сохранности ни один дом, ни одна шахта, которая бы не была выведена на долгие годы из строя; чтобы не осталось ни одного колодца, который бы не был отравлен. Противник должен найти действительно сожженную и разрушенную страну»[34].

В свое оправдание генералы вермахта говорили: «Сама по себе мысль об уничтожении всех запасов продовольствия и создания «зоны пустыни» между нами и наступающими русскими войсками не вызывала у нас восторга. Но на карту была поставлена судьба целой группы армий, и если бы мы не приняли таких мер, многим тысячам солдат никогда не удалось бы достичь Днепра»[35]. Советские полководцы свидетельствуют: «Мы же своими глазами видели эту зону «выжженной земли», чудовищные сплошные разрушения и зверски замученных людей. Все это вызывало у наших воинов жгучую ненависть к фашистским оккупантам. Над пепелищами сожженных деревень, разрушенных городов, над трупами замученных людей наши солдаты и офицеры клялись крепче бить врага и скорее изгнать его за пределы Родины»[36].

В интересах советских войск крайне важной являлась дезорганизация отступления немецких частей и соединений с нанесением им наибольшего урона и с лишением их возможности планомерно сдерживать наш наступательный порыв. На решение этой первоочередной задачи и были перенацелены усилия фронтов. Вопрос о времени и темпах наступления в этих условиях приобретал исключительное значение. Преследуя отступающего противника, советские войска набирали темп, стараясь быстрее выйти к Днепру и помешать переправе немцев на правый берег. Передовые отряды выходили в тылы противника, не позволяя ему занимать оборону на промежуточных рубежах. Авиация наносила удары по живой силе, узлам сообщений и переправам.

Большую роль в ослаблении немецкой обороны сыграли советские партизаны, начавшие в сентябре 1943 г. масштабную операцию «Концерт», целью которой было нарушение коммуникаций противника. 15 сентября 1943 г. Военным советом Воронежского фронта был утвержден разработанный оперативной группой Украинского штаба партизанского движения (начальник — генерал-майор Т. А. Строкач) план захвата партизанами переправ через Десну, Днепр и Припять. Для этого привлекалось 20 партизанских соединений и отрядов — всего 17 тыс. партизан[37].

16 сентября 1943 г. войска Степного фронта полностью очистили от противника г. Валки. Войска Воронежского фронта овладели г. Ромны, а войска правого фланга Центрального фронта, используя успех на конотопском направлении, освободили г. Новгород-Северский[38]. Падение этого мощного узла обороны открыло и здесь выход на оперативный простор, темпы наступления также резко возросли. Противостоящая организованная оборона противника фактически перестала существовать. Войска Воронежского фронта по всей полосе наступления стремительно продвигались к Днепру. Темп на некоторых направлениях возрос до 40 км в сутки[39].

18 сентября 1943 г. Войска Центрального фронта освободили свыше 300 населенных пунктов, в том числе районные центры Сосница и Мена и г. Прилуки. Войска Воронежского фронта, преследуя отходившего противника, заняли свыше 350 населенных пунктов, в том числе Миргород, город и железнодорожный узел Ромодан и вели бой за города Пирятин и Лубны. Войска Степного фронта, преодолевая упорное сопротивление противника, освободили свыше 60 населенных пунктов, в том числе Красноград[40]. И в последующем события разворачивались в том же ключе. Войска фронтов освободили города Пирятин, Лубны, Хорол и крупный железнодорожный узел Гребенки.

На левом фланге Воронежского и на Степном фронтах немецкое командование ценой больших потерь сдерживало натиск советских войск, но и там все оборонительные возможности противника оказались исчерпаны. Утром 21 сентября 1943 г. 13-я армия Центрального фронта под командованием генерал-лейтенанта Н. П. Пухова после трехдневных упорных боев освободила Чернигов — важнейший опорный пункт немецких войск в 40 км от Днепра. Войска Воронежского фронта заняли Переяслав. Войска Степного фронта 21 сентября освободили 178 населенных пунктов, в том числе районные центры Нехвороща и Перещепино[41]. Всего же войска трех фронтов заняли в этот день почти 500 населенных пунктов и уверенно продвигались к Днепру.

Наступление на киевском направлении

Доставка пищи на передовую

Гвардейцы старшего лейтенанта Божинского беседуют с жителями освобожденного хутора

Следует отметить, что наступление осуществлялось в очень сложных условиях. В первой половине сентября 1943 г. танковые армии (3-я танковая армия — с 13 августа) были выведены в резерв Ставки ВГК на доукомплектование. Ослабленными оказались отдельные танковые и механизированные корпуса. Из-за бездорожья, вызванного непрерывными дождями, а также в результате нехватки горючего часть артиллерии отстала на 50–150 км. По мере приближения к Днепру из-за трудности развертывания аэродромной сети и недостатка горючего резко снизилась активность авиации. Так, 2-я воздушная армия, поддерживающая наступление Воронежского фронта, при наличии 678 самолетов произвела с 9 по 27 сентября всего 1722 самолето-вылета, то есть в среднем около 115 самолето-вылетов в сутки[42]. В связи с этим, несмотря на все усилия, советские войска не смогли полностью упредить противника в выходе на Днепр. Однако и немецкие войска не успели занять надежную оборону по западному берегу Днепра.

К вечеру 21 сентября вышли на Днепр и на следующий день с ходу его форсировали около устья Припяти передовые подразделения 13-й армии Центрального фронта. На следующий день успеха добились и войска Воронежского фронта. В ночь на 22 сентября 1943 г. 3-я танковая армия передовыми отрядами 6-го гвардейского танкового корпуса,

форсировав Днепр, овладела населенными пунктами Зарубенцы и Григоровка (8–14 км юго-западнее Переяслава)[43]. При этом они использовали рыбачьи лодки, бревна и другие подручные средства, подготовленные партизанами отряда имени В. И. Чапаева (командир — И. К. Примак).

Следует отметить, что выведенная из резерва Ставки ВГК и введенная в сражение 20 сентября 1943 г. 3-я танковая армия поначалу действовала без соприкосновения с противником. Для того чтобы не допустить организованного отвода немецких войск за Днепр и занятия ими там обороны, соединениям армии потребовалось ускорить движение. Заправить горючим технику полностью не представлялось возможным, поэтому основная надежда возлагалась на передовые отряды. Для иллюстрации масштаба проблемы подвоза топлива достаточно указать на то, что за трое суток марша главных сил 3-й гвардейской танковой армии к Днепру (с 19 по 22 сентября) боевые машины армии израсходовали 455 тонн дизельного топлива из имевшегося запаса в 730 тонн[44].

Преодоление мощной водной преграды представляло большие трудности. Днепр — третья по величине река в Европе после Волги и Дуная, в низовьях ширина ее достигает 3 км, и тот факт, что река была запружена в некоторых местах, только увеличивал возможность разлива. Правый берег гораздо выше и круче, чем левый, что делало переправу и тем более форсирование еще сложнее. В дополнение ко всему противоположный берег был превращен немецкими войсками в огромный комплекс преград и фортификационных сооружений.

Передовые советские части выходили к Днепру без табельных переправочных средств, тылы сильно отстали. Войскам приходилось действовать в условиях лесисто-болотистой местности, начавшиеся дожди сделали дороги труднопроходимыми для транспорта. Несмотря на большие сложности, останавливать наступающие соединения перед Днепром, начинать подтягивание тылов, переправочных средств, перегруппировку войск и заниматься планомерной подготовкой форсирования реки было нецелесообразно. Время, которое потребовалось бы на проведение этих мероприятий, могло быть использовано командованием вермахта для усиления обороны на Днепре, на что оно и надеялось. Поэтому необходимо было организовать форсирование Днепра с ходу.

9 сентября Ставка отправила в войска директиву, в которой потребовала представлять к званию Героя Советского Союза весь личный состав, форсировавший реку в числе первых и проявивший при этом героизм. Кроме того, указывалось «за форсирование такой реки, как Десна в районе Богданово (Смоленской области) и ниже, и равных Десне рек по трудности форсирования, представлять» к награждению орденом Суворова 1, 2 и 3-й степеней командиров объединений, соединений и частей соответственно[45].

Ставка ВГК 25 сентября 1943 г. потребовала от командующих фронтами с выходом их армий к Днепру «немедленно форсировать его на широком фронте с целью рассредоточить внимание и силы противника. Зенитные средства выдвинуть к переправам для надежного обеспечения их от ударов авиации противника»[46].

В стремлении скорее выйти к Днепру и форсировать его с ходу наступавшие части быстро обгоняли подразделения обеспечения, в результате саперы, понтонеры, строители мостов отставали от тех, кто пробивался к берегу реки. Танкисты ощущали острую нехватку горючего, солдаты и офицеры по много суток не имели более или менее нормального питания. И все же советские войска неукротимо рвались на запад. Партизаны поднимали с днепровского дна затопленные немцами баржи, ремонтировали их и переправляли танки на высокий правый берег[47].

Форсирование осуществлялось с помощью подручных средств под сильными ударами авиации противника. Успех зависел от стремительности и решительности. Понимая это, передовые части действовали смело и быстро, не давая противнику опомниться и собраться с силами. Помогали в форсировании и жители окрестных сел. Только на участке Казаровичи — Староселье советские люди спрятали от немцев, а затем передали нашим войскам более 330 отремонтированных рыбачьих лодок. Жители не только собирали лодки, но и помогали войскам форсировать Днепр.

Начинало форсирования Днепра передовыми подразделениями

К исходу 22 сентября 13-я армия овладела плацдармом 25 км по фронту и от 2 до 10 км в глубину и вышла на рубеж Карловка (23 км северо-восточнее Чернобыля) — Пасека — Верхние Жары — Нижние Жары — Кочубеевка — 3 км северо-западнее Теремцы — Рыбпром (4 км южнее Ладыжичи) — устье р. Припять. На следующий день она переправилась через Днепр главными силами 15-го стрелкового корпуса и расширила плацдарм до 35 км в глубину и до 30–35 км в ширину, выдвинув передовые отряды на рубеж Колыбань — Чикаловичи (17 км северо-восточнее Чернобыля)[48].

С 24 по 30 сентября в междуречье Днепра и Припяти соединения 13-й армии вели ожесточенные бои. Немецкое командование подтянуло сюда части четырех танковых дивизий, которые беспрестанно контратаковали советские войска, пытаясь отбросить их на восточный берег. Преодолевая сопротивление противника, соединения 13-й армии продолжали расширять плацдарм и к концу сентября не только очистили междуречье Днепра и Припяти в районе Машева, но и захватили плацдармы на Припяти: один — северо-западнее Чернобыля (протяженностью до 19 км, глубиной до 10 км), другой — юго-восточнее этого города (10 км по фронту, до 8 км глубиной).

Саперы наводят мостки через Днепр

Артиллерия переправляется на правый берег Днепра

Южнее 13-й армии на участке устье р. Тетерев — Дымер успешно форсировали Днепр войска 60-й армии и 7-й гвардейский механизированный корпус. К 30 сентября они овладели плацдармом 20 км по фронту и 12—15 км глубиной. Севернее 13-й армии на черниговском направлении развивала наступление 61-я армия. Она преодолела р. Снов и частью сил форсировала Днепр. Войска правого фланга Центрального фронта (48-я и 65-я армии) переправились через Десну и вели бои на гомельском направлении. К концу сентября они очистили от противника восточный берег р. Сож[49].

На Воронежском фронте 27-я и 40-я армии совместно с частями 3-й гвардейской танковой армии к концу сентября, отражая беспрерывные контратаки противника, расширили плацдарм в районе букринской излучины до 11 км по фронту и до 6 км в глубину[50]. Так, 29 сентября 1943 г. в результате напряженных боев части 40, 27 и 3-й гвардейской танковой армий под давлением противника, усилившего свою группировку частями 20-й механизированной и 72-й пехотной дивизий, оставили северные окраины Великого Букрина (19 км восточнее Ржищева) и Григоровку[51]. Однако на следующий день, отразив контратаки противника, к исходу дня сами перешли в наступление и несколько улучшили положение своих войск, вернув потерянные накануне позиции. Форсирование Днепра осложнялось и тем, что передовые отряды танковой армии не располагали табельными переправочными средствами, и им приходилось преодолевать широкую реку с помощью подручных средств. К исходу 30 сентября на западный берег Днепра было переправлено всего 40 танков, 380 орудий и 90 установок реактивных систем[52].

Попытка оказать содействие войскам Воронежского фронта в борьбе по захвату и расширению плацдарма воздушным десантом 24 сентября 1943 г. в ходе Днепровской воздушно-десантной операции окончилась неудачей и большими потерями десантников. Целью советских десантников был срыв подхода немецких подкреплений противника к букринской излучине, что могло оказать положительное влияние на дальнейший ход борьбы на правом берегу. Однако в результате отсутствия у штаба фронта ясного представления о противнике и плохого знания пилотами местности районы высадки десанта были определены неправильно[53]. Первую волну десанта сбросили на советские же позиции и частично в Днепр. Вторую же волну из пяти тысяч десантников разбросало на площади в несколько десятков квадратных километров. Более того, из-за плохо проведенной разведки местности, не позволившей засечь механизированные части немцев, большая часть десанта за неимением противотанкового оружия была уничтожена вскоре после высадки. Отдельные группы, потеряв радиосвязь с центром, пытались атаковать немецкие части снабжения или присоединялись к партизанам. В директиве Ставки ВГК № 30213 отмечалось: «Выброска массового десанта в ночное время свидетельствует о неграмотности организаторов этого дела, ибо, как показывает опыт, выброска массового ночного десанта даже на своей территории сопряжена с большими опасностями»[54]. Однако, несмотря на большие потери, Днепровская воздушно-десантная операция отвлекла значительное количество немецких механизированных соединений, что позволило осуществить переправу войск с меньшими потерями.

В то время как шли бои за расширение букринского плацдарма, соединения 38-й армии приступили к форсированию Днепра в районе Лютежа. К исходу 29 сентября они захватили плацдарм до 8 км по фронту и до 1 км в глубину, переправив на правый берег Днепра в районе Лютежа пять стрелковых батальонов[55]. Одной из первых переправилась на противоположный берег группа бойцов 240-й стрелковой дивизии под командованием старшего сержанта П. П. Нефедова. Двадцать часов отважные воины вели неравный бой с превосходящими силами противника и удержали плацдарм. За форсирование Днепра 36 солдат, сержантов и офицеров дивизии были удостоены звания Героя Советского Союза, в том числе Т. Ф. Уманский, Ф. В. Ванин, П. Л. Лещенко, П. П. Нефедов, В. А. Савва, И. И. Стратейчук и другие. Советское командование продолжало наращивать усилия, и к 10 октября плацдарм был расширен до 15 км по фронту и до 5—10 км в глубину.

К концу сентября армии Воронежского фронта захватили девять небольших плацдармов севернее и южнее Киева, в их числе букринский и лютежский. Это в значительной мере нарушило оборону противника на правом берегу Днепра.

В полосе наступления Степного фронта развернулось кровопролитное сражение за Полтаву. На полтавском направлении противник широко применял заграждения, взрывал железные дороги и шоссейные мосты, создавал минные поля и другие препятствия и часто переходил в контратаки. Немецкий гарнизон Полтавы был увеличен вдвое. По правому берегу р. Ворскла противник подготовил оборонительные позиции. Вокруг города и в нем самом были сооружены инженерные укрепления. Каменные здания приспособили к круговой обороне, противник создал систему артиллерийского и минометного огня, прикрывавшую подступы к реке. Все мосты и переправы на реке были взорваны врагом еще при отступлении. Таким образом, Полтава была подготовлена как мощный узел обороны, являвшийся связующим звеном оборонительных рубежей и опорных пунктов на Левобережной Украине[56].

После целого ряда неудачных штурмов Полтавы, которые существенно замедлили наступление Степного фронта, его командующий генерал И. С. Конев решил обойти город и выйти прямо к Днепру. Через два дня ожесточенных уличных боев войска Степного фронта сломили сопротивление противника и в ночь на 23 сентября освободили Полтаву[57]. Соединения его левого фланга вышли к Днепру юго-восточнее Кременчуга, а 29 сентября они штурмом овладели Кременчугом[58] — важным узлом коммуникаций на его левом берегу.

Начало форсированию Днепра войсками Степного фронта положила 7-я гвардейская армия под командованием генерала М. С. Шумилова. В ночь на 25 сентября ее передовые подразделения, широко используя подручные переправочные средства, преодолели реку юго-восточнее Кременчуга и захватили небольшие плацдармы. 7-я гвардейская армия овладела районом восточная часть Бородаевки (западная) — Бородаевка (восточная) — Домоткань и вела бои за расширение захваченного плацдарма, отразив четыре контратаки противника[59]. Правофланговые части армии овладели островами на Днепре юго-восточнее Переволочной. С одним из полков первого эшелона 15-й гвардейской дивизии 7-й гвардейской армии переправился командир дивизии генерал-майор Е. И. Василенко[60]. Уже к концу сентября 1943 г. армия удерживала на правом берегу плацдарм оперативного значения до 25 км по фронту и до 15 км в глубину[61].

В целом с 25 по 30 сентября войска Степного фронта во всей полосе наступления вышли к Днепру, очистили от немецких войск левый берег и захватили на правом берегу пять плацдармов. Успешному его форсированию способствовал ввод в сражение 37-й армии, переданной фронту из резерва Ставки ВГК.

Развивалось наступление и в Донбассе. Преследуя противника, войска Юго-Западного фронта продолжали развивать наступление на запорожском направлении. 22 сентября они вышли к Днепру на днепропетровском направлении[62] и, форсировав его, захватили па правом берегу небольшие плацдармы. Войска Южного фронта, завершив освобождение донбасской земли в своей полосе наступления, вышли к р. Молочная.

Таким образом, в результате наступления советских войск на Левобережной Украине были достигнуты значительные успехи. Надеждам немецкого командования на длительную оборону Левобережья не суждено было сбыться. К концу сентября 1943 г. советские войска, продвинувшись на запад от 250 до 300 км всего за месяц боев, вышли к Днепру более чем на 700-километровом фронте, захватили с ходу на его правом берегу в разных местах 23 плацдарма, которые упорно удерживали и расширяли. Они нарушили оборону противника на этом мощном водном рубеже, преодолев часть «Восточного вала» и создав условия для дальнейшего наступления. Были освобождены важные экономические районы с десятками миллионов человек населения. Однако планы Ставки ВГК до зимы освободить Правобережную Украину не удалось реализовать.

Наступление советских войск было характерно тем, что проходило на широком фронте и имело большой пространственный размах. Темп наступления местами составлял до 30 км в сутки и более. Оно не сводилось только к вытеснению немецких войск и освобождению

Советский наблюдательный пункт на берегу Днепра

территорий. В ходе наступления проводилось искусное маневрирование крупными войсковыми формированиями, позволявшее успешно переносить усилия на наиболее выгодные направления. Эти задачи советское командование решало в сложных условиях, при большой растянутости коммуникаций и общей усталости войск.

Успеху наступления и форсирования во многом содействовали соединения авиации. Фронтовая авиация наносила удары по отходящим частям противника, его переправам. Проявляла активность и авиация дальнего действия. Она бомбила аэродромы, железнодорожные узлы и резервы противника. Большую помощь наступавшим войскам оказали партизаны и местное население. Однако подчас ощущалась недостаточная авиационная поддержка — советская авиация не успевала своевременно перебазироваться на новые аэродромы. Немецкое командование при отходе своих войск неуклонно осуществляло варварскую тактику «выжженной земли», что также отрицательно сказывалось на темпах наступления советских войск. Повсеместно распространенным явлением были угон в Германию и истребление гражданского населения.

Советские войска заняли противоположный берег Днепра на протяжении 300 км. Они использовали не только табельные средства (которых катастрофически не хватало), но и подручные приспособления (лодки, плоты, доски, бочки и т. п.). Большой проблемой была переброска тяжелой техники: войска не могли быстро переправлять ее в достаточном количестве на плацдармы, что вело к затяжным боям по их обороне и расширению, а также увеличивало потери советских войск.

Немецкие части активно противодействовали форсированию советскими войсками водных преград, незамедлительно контратакуя формирования, переправившиеся на правый берег, с целью сбросить их в реку. Авиация и артиллерия противника наносили непрерывные удары по переправам, делая иной раз невозможным форсирование реки, доставку боеприпасов и вывоз раненых в дневное время суток. Советские войска, действовавшие на небольших плацдармах, не имея в своем распоряжении тяжелого вооружения, несли большие потери, испытывали острый недостаток боеприпасов, продуктов питания и других материальных средств. Однако большое количество плацдармов не позволило немецкому командованию сконцентрировать свои силы на их уничтожении. В то же время их малая площадь и форсирование Днепра без средств усиления и танков вынуждали советские войска ввязываться в длительные кровопролитные бои по удержанию и расширению плацдармов.

Форсирование Днепра советскими войсками, захват плацдармов на правом берегу реки и борьба за их удержание сопровождались тяжелейшими потерями. Победа была достигнута дорогой ценой: в Черниговско-Полтавской наступательной операции безвозвратные потери советских войск составили 102 957 человек, санитарные — 324 995 человек (общие — 427 952 человека)[63]. К началу октября многие советские дивизии имели лишь 20–30% от штатной численности личного состава. Тем не менее усилия советских войск увенчались успехом — в ходе ожесточенных боев, продолжавшихся весь октябрь, плацдармы на Днепре были удержаны, большинство из них расширены. На плацдармах накапливались мощные силы для возобновления наступления и освобождения Правобережной Украины.

Определяющее влияние событий на советско-германском фронте на ход Второй мировой войны было столь очевидным, что открыто признавалось руководящими деятелями США и Англии. У. Черчилль, выступая по радио в Квебеке в августе 1943 г., заявил: «Русские сражаются столь блестяще и нанесли военной машине Германии такой громадный урон, что никакие частные критические высказывания с их стороны по поводу нашей стратегии или нашего участия в войне не будут пропущены нами без внимания и не уменьшат нашего восхищения их военной доблестью и победами... Я с готовностью признаю, что большинство их (военных операций англо-американских сил в 1943 г. — *Прим. ред.*) невозможно было бы осуществить в той форме и в то время, как они осуществлены, если бы не героические, великолепные подвиги и победы русской армии, которая защищает свою родную землю, подвергшуюся подлому неспровоцированному нападению, с беспрецедентной энергией, искусством и преданностью, защищает страшной ценой — ценой русской крови»[64].

Отдавая должное военному искусству советских войск, английский историк Б. Лиддел Гарт отмечал: «В сентябре истощение сил немцев на фронте и сокращение их резервов позволили русским увеличить темпы продвижения. Такие талантливые военачальники, как Ватутин, Конев, Рокоссовский, сумели быстро использовать слабые места противника на широком фронте. Еще до конца месяца русские вышли к Днепру не только у Днепропетровска, но и на всем протяжении этой реки до Припяти за Киевом. Русские быстро форсировали Днепр в нескольких местах и захватили плацдармы на западном берегу. Таким образом, рухнули надежды немцев на отдых и перегруппировку сил под защитой крупной водной преграды, которую военные обозреватели неосторожно назвали «немецким зимним рубежом». Легкость, с которой русские форсировали Днепр, объясняется также мастерством и решительностью их военачальников в использовании возможностей для маневра. Захват важного плацдарма у Кременчуга, юго-западнее Полтавы, стал возможен благодаря решению Конева не сосредоточивать усилия на одном направлении, а форсировать реку в нескольких местах»[65].

Смоленская операция: плацдарм для наступления

Успех Красной армии в битве под Курском кардинально изменил стратегическую обстановку на всех направлениях советско-германского фронта. Инициатива в военных действиях полностью перешла в руки Советского Союза. Советские войска успешно развивали наступление в районах Орла и Харькова, что создало выгодные условия для нанесения ударов по войскам вермахта на смоленском и рославльском направлениях.

Важность нанесения ударов на западном направлении обусловливалась необходимостью разбить или хотя бы сковать как можно больше сил противника, чтобы не позволить использовать их на направлении главного удара советских войск — на юго-западе. В то же время наступление на этом направлении преследовало и далеко идущие цели по созданию благоприятных условий для освобождения всей Белоруссии[66].

«Смоленским воротам» (так называли междуречье Днепра и Западной Двины) немецкое командование придавало большое значение, поэтому держало здесь крупную группировку своих войск. В одном из документов генерального штаба сухопутных сил Германии указывалось: «Овладение районами Рославль и Смоленск откроет советскому командованию, кроме большого успеха в смысле престижа, новые оперативные возможности... Советские войска будут стремиться прорваться как можно дальше на запад и обеспечить тем самым выгодные исходные районы для последующих операций против района Минска»[67]. Здесь, на рубеже протяженностью около 600 км, противник имел более 40 дивизий, полностью укомплектованных, большая часть которых находилась на фронте с первого дня войны. Эти соединения имели значительный боевой опыт, особенно в организации глубокой, хорошо оборудованной в инженерном отношении обороны и в ведении оборонительных действий на советско-германском фронте[68]. Группировка противника находилась в 250–300 км от Москвы, продолжая угрожать Центральному промышленному району Советского Союза и прикрывать кратчайшие пути в Белоруссию и Прибалтику. Поэтому Ставка ВГК поставила задачу командующим войсками Западного и Калининского фронтов начать подготовку Смоленской стратегической наступательной операции под кодовым названием «Суворов».

В Смоленской наступательной операции (7 августа — 2 октября 1943) войска левого фланга Калининского (командующий — генерал А. И. Ерёменко) и Западного (командующий — генерал В. Д. Соколовский) фронтов получили задачу развивать наступление на западном направлении в целях разгрома левого фланга группы армий «Центр», овладения рубежом Смоленск — Рославль и развития наступления на Витебск, Оршу и Могилев. Она началась в ходе контрнаступления советских войск под Курском и завершилась в период

битвы за Днепр. Эта операция проводилась в тесном стратегическом взаимодействии с наступлением на брянском и белгородско-харьковском направлениях и являлась составной частью общего наступления советских войск в летне-осенней кампании 1943 г.

Стремясь удержать занятые рубежи восточнее Смоленска и Рославля, противник на направлении наступления войск Калининского и Западного фронтов создал сильную оборону из пяти-шести полос (рубежей) общей глубиной 100–130 км. Фортификационное оборудование оборонительных рубежей было осуществлено в полном объеме, поскольку противник занимал здесь оборону в основном до пяти месяцев, а на отдельных участках — до полутора лет.

Тактическая зона обороны включала главную и вторую полосы обороны общей глубиной 12–15 км. Главная полоса обороны глубиной 4,5–5 км имела две-три позиции с развитой системой траншей, опорных пунктов и узлов сопротивления, связанных между собой ходами сообщения. Передний край главной полосы проходил преимущественно по господствующим над окружающей местностью высотам. Он прикрывался двумя-тремя рядами проволочных заграждений и минными полями. Опорные пункты и узлы сопротивления имели большое количество бронированных пулеметных точек и дзотов (деревоземляных огневых точек) — до шести сооружений на 1 км фронта. На важнейших направлениях третья позиция главной полосы состояла из сплошного противотанкового рва, связанного ходами сообщения со второй позицией и ближайшими укрытиями в тылу. Этот ров имел односторонний бруствер, который был оборудован врезанными ячейками для стрельбы и пулеметными гнездами. Главную полосу занимали пехотные дивизии первой линии, которые строили свой боевой порядок, как правило, в один эшелон. Дивизия обороняла полосу шириной 10–15 км. Основная масса артиллерии находилась между второй и третьей позициями, а иногда и за третьей позицией[69].

На удалении 8–10 км от переднего края главной полосы проходила вторая полоса обороны, которая состояла из системы опорных пунктов, соединенных траншеями и прикрывавших наиболее важные направления. Перед передним краем второй полосы также были установлены проволочные заграждения, а на танкоопасных направлениях — еще и минные поля. Между главной и второй полосами обороны находились опорные пункты с гарнизонами в составе не менее роты.

Оборонительные рубежи в оперативной глубине создавались преимущественно по берегам Днепра, Западной Двины, Сожа, Десны, Угры, Снопоти и других рек, протекающих в большинстве своем с севера на юг. В промежутках между оборонительными рубежами были созданы опорные пункты на высотах и в населенных пунктах[70]. Все танкоопасные направления были прикрыты противотанковыми рвами, надолбами, завалами, минными полями и другими заграждениями. Природные условия района боевых действий благоприятствовали обороне немецких войск, поскольку местность на западном направлении в значительной части лесистая, с большими заболоченными участками. Города Витебск, Сураж, Велиж, Рудня, Демидов, Духовщина, Ярцево, Дорогобуж, Смоленск, Ельня, Спас-Деменск, Рославль были подготовлены противником как мощные узлы сопротивления, а подступы к ним прикрывались проволочными заграждениями и минными полями. Дороги на важнейших направлениях, мосты и дефиле минировались.

Немецкое командование сосредоточило на западном стратегическом направлении крупные силы группы армий «Центр», которой командовал генерал-фельдмаршал Г. Клюге, в составе 3-й танковой, 4-й полевой армий и части сил 2-й танковой (с 17 августа — 9-й полевой) армии. Перед войсками Калининского фронта к началу Смоленской операции оборонялись 3-я танковая армия и часть сил 27-го армейского корпуса 4-й армии противника, всего 19 пехотных и часть сил моторизованной дивизии, из которых тактическую зону обороняло 16 пехотных дивизий и часть сил моторизованной дивизии. Оперативные резервы (пехотная и две охранные дивизии) были сосредоточены в районах Идрицы, Полоцка и Орши. Перед войсками Западного фронта были развернуты 4-я армия и часть сил 2-й танковой армии, имевшие в своем составе 23 дивизии (в том числе танковую). Из них 18 пехотных и часть сил моторизованной дивизий находились в первом эшелоне, остальные — в оперативном резерве, в том числе две охранные дивизии группы «Центр» — в районах Бобруйска

и Гомеля[71]. Кроме того, на стыке Калининского и Западного фронтов в районе Духовщины располагалась 18-я моторизованная дивизия, находившаяся в резерве командующего 4-й немецкой армией. Следует учитывать, что немецкие дивизии по численному составу в два раза превышали советские. Всего группировка противника включала 850 тыс. человек, до 8800 орудий и минометов, около 500 танков и штурмовых орудий и до 700 боевых самолетов.

В целом перед войсками Калининского и Западного фронтов стояла трудная задача по прорыву основательно укрепленной и глубоко эшелонированной обороны противника в условиях сильно пересеченной реками лесисто-болотистой местности, что осложняло применение бронетанковых войск.

В начале августа войска левого крыла Калининского фронта включали 39-ю армию (командующий — генерал-лейтенант А. И. Зыгин, с 9 сентября — генерал-лейтенант Н. Э. Берзарин) и часть сил 43-й армии (командующий — генерал-лейтенант К. Д. Голубев). В резерв командующего фронтом входили 5-й гвардейский стрелковый корпус, 8-й эстонский стрелковый корпус и 3-й гвардейский кавалерийский корпус. Вместе с тем последние два соединения по распоряжению Ставки ВГК впоследствии были переданы в подчинение другого фронта[72]. Действия войск должна была поддерживать 3-я воздушная армия (командующий — генерал-лейтенант авиации Н. Ф. Папивин).

В состав Западного фронта входили 31-я армия (командующий — генерал-лейтенант В. А. Глуздовский), 5-я армия (генерал-лейтенант В. С. Поленов), 10-я гвардейская армия (генерал-лейтенант К. П. Трубников), 33-я армия (генерал-полковник В. Н. Гордов), 49-я армия (генерал-лейтенант И. Т. Гришин), 50-я армия (генерал-лейтенант И. В. Болдин), 10-я армия (генерал-лейтенант В. С. Попов), 68-я армия (генерал-лейтенант Е. П. Журавлев), 21-я армия (генерал-лейтенант Н. И. Крылов), 5-й механизированный корпус (генерал М. В. Волков), 3-й гвардейский кавалерийский корпус (генерал Н. С. Осликовский), 2-й гвардейский танковый корпус (генерал А. С. Бурдейный), 6-й гвардейский кавалерийский корпус (генерал С. В. Соколов), 1-я воздушная армия (генерал-лейтенант авиации М. М. Громов). Войска обоих фронтов к началу Смоленской операции насчитывали свыше 1250 тыс. человек, 20 600 орудий и минометов, 1430 танков и САУ, 1100 самолетов[73]. Советские войска превосходили противника в людях — в 1,5 раза, по орудиям и минометам — в 2,3 раза, по танкам — в 2,9 раза, по самолетам — в 1,6 раза.

В ходе Смоленской операции Калининский и Западный фронты дополнительно усиливались общевойсковыми, танковыми, зенитными и самоходно-артиллерийскими формированиями. Но следует учитывать, что с началом наступления советских войск и противник значительно усилил свою группировку за счет переброски соединений с других направлений.

Главная роль в Смоленской наступательной операции отводилась Западному фронту, которому предстояло разгромить врага в районах Ельни и Спас-Деменска, а в дальнейшем наступать на Рославль, нанося удар во фланг группировки противника, действовавшей против Брянского фронта. Войска правого фланга фронта во взаимодействии с Калининским фронтом получили задачу разгромить противника в районах Дорогобуж, Ярцево, Духовщина и в дальнейшем развивать наступление на Смоленск (план «Суворов I»). В случае успешного наступления Брянского фронта предусматривался поворот главных сил Западного фронта на Смоленск (план «Суворов II»).

Фактический ход событий со второй половины операции обусловил развитие Смоленской операции по второму варианту. Войскам Калининского фронта ставилась задача нанести удар своим левым флангом на Духовщину и во взаимодействии с правофланговыми армиями Западного фронта наступать на Смоленск. Координацию действий фронтов в период подготовки и проведения Смоленской операции осуществлял маршал артиллерии Н. Н. Воронов. В ходе боевых действий в качестве представителя Ставки ВГК прибыл маршал авиации А. А. Новиков. В целом Калининскому и Западному фронтам в Смоленской операции предстояло сокрушить центральную часть «Восточного вала», отбросить противника подальше от Москвы и овладеть «смоленскими воротами». После разгрома войск вермахта в районах Смоленска и Рославля предполагалось развивать наступление в глубь Белоруссии.

Прямой наводкой по вражеским танкам. Западный фронт

Исходя из полученной задачи и оценки обстановки, командующий Западным фронтом решил нанести главный удар силами четырех армий (10-й гвардейской, 33, 68 и 21-й), 5-го механизированного и 6-го гвардейского кавалерийского корпусов на участке Шимени (2 км южнее Чащи) — Куприно протяженностью 16 км в общем направлении на Рославль с задачей прорвать оборону противника, разгромить главные силы 4-й немецкой армии и овладеть важным узлом железных и шоссейных дорог — Рославлем. Для содействия главной группировке фронта в уничтожении войск противника в районе Спас-Деменска намечался переход в наступление части сил 10-й армии из района Кирова на Оболовку и Воронцово. Кроме того, силами правого фланга фронта (31-й и 5-й армий) намечалось нанести еще два удара для разгрома группировок противника в районах Ярцева и Дорогобужа. Часть сил фронта должна была оборонять ранее занимаемые рубежи в готовности с началом отхода противника перейти к преследованию. После разгрома главных сил 4-й армии противника войскам Западного фронта ставилась задача выйти на рубеж Ярцево — Починок — Рославль — Дубровка. Оперативное построение фронта состояло из двух эшелонов. Планируемая глубина фронтовой операции на направлении главного удара достигала 180–200 км. Наступление было приказано начать 7 августа 1943 г.

Командующий войсками Калининского фронта решил нанести главный удар соединениями 39-й армии в стык 3-й танковой и 4-й немецких армий, преследуя цель разгромить 27-й армейский корпус, овладеть городами Духовщина, Ярцево, Смоленск, рассечь войска группы армий «Центр» и выйти в ее тылы[74]. После прорыва тактической обороны предусматривался ввод подвижной группы фронта в составе 46-й и 47-й механизированных и 143-й танковой бригад для развития успеха. С севера силами двух стрелковых дивизий 43-й армии планировался вспомогательный удар из района северо-восточнее Вердино в общем направлении на Скугрево.

В ходе подготовки операции за счет крупных перегруппировок войск на направлениях главных ударов обоих фронтов было осуществлено массирование сил и средств. Так, из 58 стрелковых дивизий Западного фронта для создания ударных группировок выделялись 42 дивизии (73%). Это позволяло на направлении главного удара развернуть одну стрелковую дивизию на 2–2,5 км участка прорыва. Основная масса артиллерии фронтов также сосредоточивалась на участках прорыва: на Западном фронте — 118–165 орудий и минометов на 1 км, а на Калининском — 100–130. Для организации более четкого управления войсками командные и наблюдательные пункты во всех звеньях были приближены к войскам. Авиационное обеспечение возлагалось на 1-ю и 3-ю воздушные армии. В состав 1-й воздушной армии входил полк «Нормандия», укомплектованный французскими летчиками.

Особого внимания при подготовке операции требовало инженерное обеспечение, поскольку предстояло прорвать глубоко эшелонированную оборону противника на труднопроходимой местности в условиях дождливой погоды. Инженерные войска должны были не только оборудовать исходные районы для наступления и проделать проходы в минных полях и других заграждениях, но и обеспечить наступающие войска необходимым количеством дорог и колонных путей, поддерживая их в нормальном состоянии. Большое внимание следовало уделить и оборудованию командных и наблюдательных пунктов, а также подготовке переправочных средств ввиду значительного количества водных рубежей в полосах наступления обоих фронтов.

Проводилась работа по материальному и техническому обеспечению войск. К началу наступления войска Западного фронта и левого крыла Калининского фронта имели 2–2,5 боекомплекта основных видов боеприпасов. Однако этого было явно недостаточно для прорыва хорошо подготовленной обороны противника. Ограниченными были и запасы горючего. Так, на Западном фронте к началу операции имелось всего 1,3 заправки автобензина.

Несмотря на предпринятые попытки ввести противника в заблуждение и скрыть подготовку к Смоленской операции, его разведке удалось установить планируемые направления главных ударов и усилить оборону. К началу наступления командование группы армий «Центр» дополнительно сосредоточило против ударной группировки Калининского фронта две дивизии, а против ударной группировки Западного фронта — три дивизии.

По ходу боевых действий и характеру выполняемых задач Смоленскую стратегическую наступательную операцию можно разделить на три этапа. Первый этап продолжался с 7 по 20 августа 1943 г. В ходе этого этапа войска Западного фронта провели Спас-Деменскую операцию. Войска левого крыла Калининского фронта приступили к Духовщинской наступательной операции. На втором этапе (21 августа — 6 сентября) войска Западного фронта осуществили Ельнинско-Дорогобужскую операцию (28 августа — 6 сентября), а войска левого крыла Калининского фронта прикладывали усилия к продолжению Духовщинской наступательной операции. На третьем этапе (7 сентября — 2 октября) войска Западного фронта осуществили Смоленско-Рославльскую операцию (15 сентября — 2 октября), а войска левого крыла Калининского фронта — Духовщинско-Демидовскую (14 сентября — 2 октября).

Наступлению главных сил Западного фронта предшествовала разведка боем. Она проводилась 6 августа, то есть за сутки до начала наступления, с целью установить, не отвел ли противник свои войска с первой позиции, и уточнить систему его огня. Армии первого эшелона разведку вели передовыми батальонами, которые были выделены от каждой стрелковой дивизии первого эшелона. Действия каждого батальона поддерживались одним-двумя

артиллерийскими дивизионами. В результате разведки боем было установлено, что противник не отвел свои войска с первой позиции, а прочно занимает ее.

Утром 7 августа войска Западного фронта начали Спас-Деменскую операцию. Из района северо-восточнее Спас-Деменска после артиллерийской подготовки, продолжавшейся 1 час 50 минут, перешла в наступление группировка в составе 5-й, 10-й гвардейской и 33-й армий[75]. Как и следовало ожидать, бои сразу приняли затяжной характер. В целях ускорения прорыва позиций противника командующий фронтом во второй половине дня ввел в сражение второй эшелон — 68-ю армию, однако и это не принесло желаемого результата. К исходу дня в результате ожесточенного боя советские войска продвинулись лишь на несколько километров.

8 августа в наступление на ярцевском направлении перешли соединения 31-й армии. Однако продвижение было незначительным, войска вели напряженные бои в главной полосе обороны противника, отражая контратаки 18-й моторизованной дивизии, перегруппированной из района Смоленска. На следующий день наиболее упорные бои развернулись севернее Спас-Деменска. Противник ввел в бой на этом направлении 2-ю танковую, 36-ю и 56-ю пехотные дивизии, переброшенные им к началу операции с орловского направления.

Не только хорошо подготовленная оборона противника и умелое наращивание им силы сопротивления на угрожаемых направлениях за счет маневра сил и средств были причиной столь низких темпов наступления. Маршал артиллерии Н. Н. Воронов 9 августа 1943 г. был вынужден доложить в Ставку ВГК: «Ряд наших стрелковых дивизий оказался далеко не подготовленным к наступательным действиям на глубоко эшелонированную оборону противника. Это касается в первую очередь дивизий, находившихся в резерве Ставки. Видимо, не было конкретного, твердого руководства и контроля сверху за боевой подготовкой этих дивизий... В первый и второй день наступления в некоторых дивизиях выявились неумелое взаимодействие родов войск, неумение организовать и использовать мощный огонь с движением вперед. Несмотря на принятые меры, имели место «паузы» с атаками, стремление отлежаться, пересидеть противника, свалить или надеяться на соседа и так далее. Плохо еще управляются войска в дивизии, полку и ниже. Простая постановка задачи в ходе боя занимает много времени, наблюдаются медлительность в решениях и действиях. Ряд командиров очень впечатлителен к немецким контратакам... очень слабо применяет в наступлении свои пулеметы, винтовки, ротные и батальонные минометы»[76].

Лишь на четвертые сутки удалось прорвать главную полосу обороны противника, и то не на направлении основного удара, а южнее, в районе Кирова, в полосе 10-й армии. Она успешно преодолела оборону противника на фронте до 8 км, форсировала с ходу р. Болва и продвинулась на глубину до 5—6 км. За два дня боев части армии продвинулись вперед до 15 км и овладели рубежом Дуброво — Слободка — Новый Городок — Никольский — участок леса севернее Никольского — Синьгово — Ясная Поляна — Пупово — Тягаево — Глиньково. Однако попытка развить этот успех вводом в сражение 5-го механизированного корпуса не привела к ожидаемому результату в основном из-за слабости противовоздушной обороны. Вероятно, в связи с низкими темпами начала наступления Западного фронта в оперативных сводках Генерального штаба вплоть до 13 августа 1943 г. ничего не сообщалось о начавшемся наступлении на смоленском направлении, и только в сводке на 8 часов утра 13 августа было отмечено, что войска Западного фронта с 7 августа вели наступательные бои на ярцевском, ельнинском, спас-деменском направлениях и, вклинившись в оборону противника на 4—15 км, заняли ряд населенных пунктов[77].

Преодолевая упорное сопротивление противника, войска Западного фронта продвинулись вперед и создали угрозу окружения соединениям в районе Спас-Деменска. Угрожающим стало положение группы армий «Центр» и на ее южном фланге, поскольку войска Центрального фронта 12 августа освободили Дмитровск-Орловский, а войска Брянского фронта вышли на подступы к Карачеву[78]. В сложившейся обстановке командование вермахта приняло решение на отвод войск со спас-деменского выступа, одновременно усиливая эту группировку.

На Старой Смоленской дороге. На марше 3-я гвардейская артиллерийская дивизия прорыва

Медсанбат догоняет свою дивизию

С утра 13 августа 1943 г., как и предусматривалось планом Смоленской операции, в наступление перешли войска 39-й и 43-й армий левого фланга Калининского фронта на духовщинском направлении. Здесь так же, как и на Западном фронте, борьба за главную полосу обороны приняла затяжной характер. За пять дней боев наступавшим войскам удалось вклиниться в оборону противника лишь на глубину 6–7 км. Дальнейшие попытки возобновить наступление успеха не имели. Тем не менее наступательные действия войск левого фланга фронта сковали противостоявшие силы противника и вынудили его дополнительно перебросить на это направление две дивизии.

Драматичность событий тех дней хорошо показал в своих мемуарах бывший командующий войсками Калининского фронта Маршал Советского Союза А. И. Ерёменко: «В 7 час. 30 мин. 13 августа танки, а вслед за ними и пехота пошли в атаку... За два часа наступления наши войска прорвали первую и вторую позиции противника на фронте 22 км и продвинулись в глубину на 4–5 км. Противник, прикрываясь мощными оборонительными сооружениями, оказывал упорное сопротивление с заранее подготовленных рубежей и опорных пунктов. <...> Противник с самого начала оказывал упорное сопротивление, а во второй половине дня начал переходить в контратаки крупными силами... 15 августа противник, подтянув к месту прорыва крупные силы пехоты, предпринял яростные атаки против передовых подразделений 39-й армии. 246-я пехотная дивизия, направлявшаяся на Брянский фронт, была повернута на Калининский фронт... 16 августа войска 39-й армии и левое крыло 43-й армии продолжали наступление. Отбивая многочисленные атаки противника и преодолевая упорное сопротивление, части 39-й армии очистили северный берег р. Царевич и форсировали ее в районе Павлово... В условиях, когда оборона противника имела большую глубину и ощущался недостаток в боеприпасах, пришлось осуществлять наступательные действия в течение 5–6 часов и вести их с предельным напряжением сил, чтобы добиться успеха, а остальное время суток использовать на подготовку, подвоз боеприпасов и прочее. Это была вынужденная мера, вообще наступление прерывать нельзя, чтобы не дать противнику возможность маневрировать силами, но у нас другого выхода не было... В течение 17 и 18 августа немцы контратаковали наши войска непрерывно в разных местах. Каждая из атак предпринималась противником от батальона до полка и поддерживалась танками, самоходно-артиллерийскими установками и авиацией... Обстановка складывалась неблагоприятно для наших войск, действовавших на смоленском направлении. В период с 1 по 18 августа противник перегруппировал на это направление 13 дивизий из района Орла. Ставка разрешила временно приостановить активные наступательные действия Западного и Калининского фронтов с тем, чтобы произвести перегруппировку войск, подтянуть тылы, пополниться боеприпасами. Наступление первоначально решено было возобновить 21 августа, но в дальнейшем этот срок был несколько оттянут»[79].

Войска Западного фронта 13 августа 1943 г. начали преследование противника, отходившего вдоль Варшавского шоссе. На следующий день в сводке Генерального штаба было отмечено: «Войска Западного фронта в течение 13 августа успешно развивали наступление на ельнинском и спас-деменском направлениях и, продвинувшись от 6 до 17 км, заняли свыше 150 населенных пунктов, в том числе город и железнодорожную станцию Спас-Деменск, узловую железнодорожную станцию Занозная»[80]. Однако прорыв обороны противника на ярцевском и дорогобужском направлениях войскам Западного фронта осуществить не удалось. Наступавшие войска на отдельных участках только вклинились в оборону противника на глубину 3–5 км.

Поскольку главная ударная группировка фронта привлекла на себя основные силы противника, связав их боем, создались благоприятные условия для перехода в наступление левого фланга Западного фронта. Эти войска возобновили наступление и, преследуя отходившего противника, 16 августа освободили г. Жиздра[81]. Под впечатлением успеха Ставка ВГК приказала Западному фронту, продолжая наступление, не позднее 25–26 августа выйти на р. Десна на фронте Ельня — Екимовичи — устье р. Ветьма, подвижными частями захватить переправы через Десну и прочно удерживать их до подхода главных сил. В дальнейшем развивать наступление в общем направлении Рославль — Могилев, правым флангом фронта не позднее

25–26 августа выйти на линию Ярцево — Ельня. Затем во взаимодействии с левым флангом Калининского фронта следовало развивать наступление в направлении Смоленск — Орша, при этом 50-я армия с 24 часов 17 августа передавалась в состав войск Брянского фронта[82].

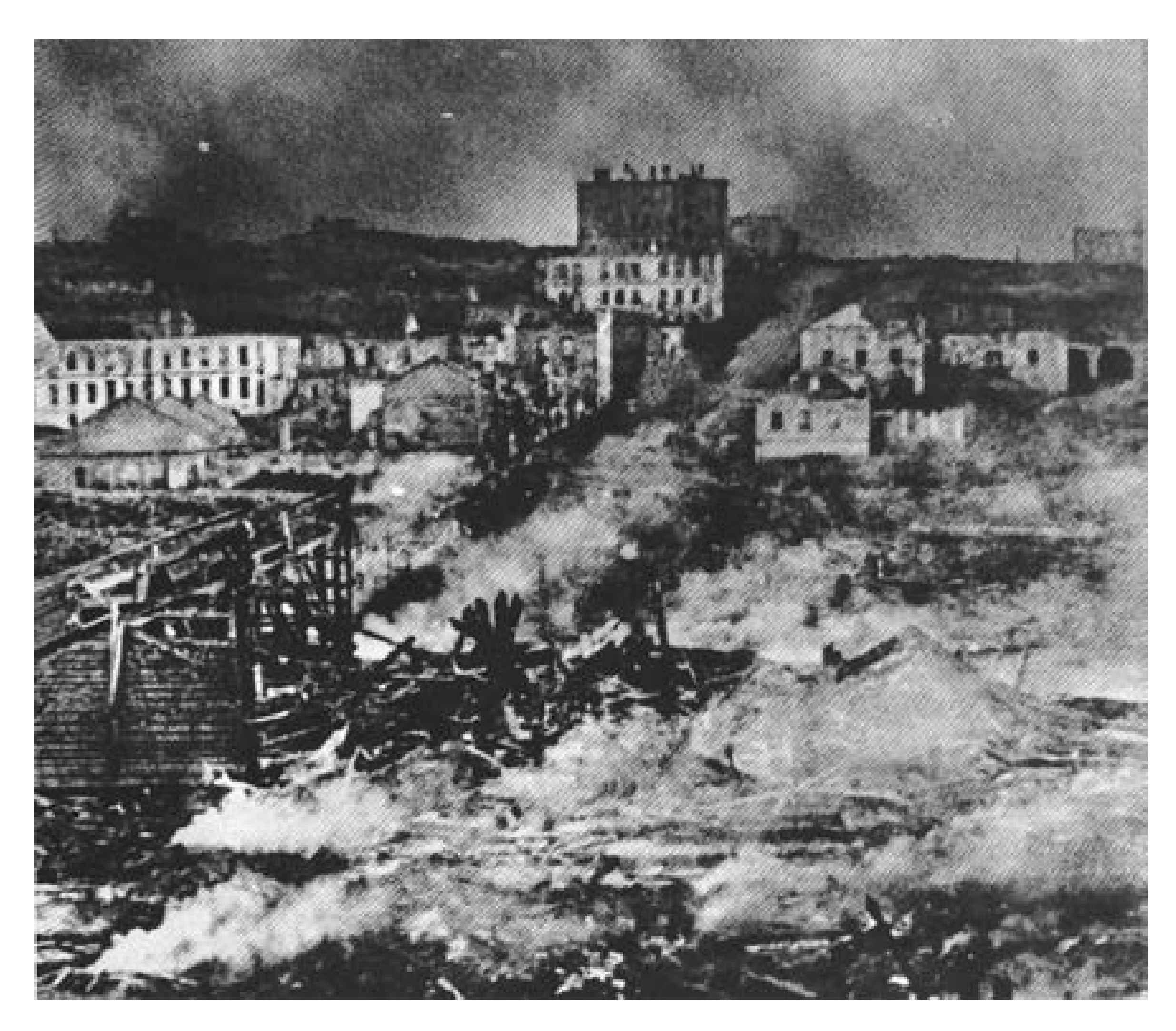
Однако сопротивление противника возрастало. Командование вермахта с 1 по 18 августа усилило группировку, действовавшую против Западного фронта, 11 дивизиями. 17 августа войска Западного фронта, отбивая контратаки пехоты и танков противника, лишь на некоторых участках улучшили свои позиции. С утра 19 августа они возобновили наступление на прежнем направлении и, продвинувшись на отдельных участках от 1,5 до 4 км, овладели рядом опорных пунктов противника, но на следующий день опять продвижения не имели[83]. В этих условиях было решено приостановить наступление, чтобы произвести частичную перегруппировку, подтянуть тылы, обеспечить части и соединения боеприпасами и горючим.

В целом за 14 дней наступления войска Западного фронта прорвали тактическую зону обороны противника на спас-деменском направлении и продвинулись на глубину 35–40 км, освободили более 500 населенных пунктов и вышли на рубеж Теренино — Цирковщина — Малые Савки. Низкие темпы наступления давали противнику возможность своевременно занимать подготовленные рубежи в глубине обороны отходившими войсками и соединениями, прибывающими с других участков фронта. В то же время следует отметить, что основная задача первого этапа операции по сковыванию в полосе фронта крупных сил противника, чтобы не дать ему возможность перебрасывать их на юго-западное, основное направление кампании, была выполнена. Более того, командование вермахта было вынуждено истощать свой резерв, снимать силы и средства с других направлений и вводить их в сражение против Западного фронта.

В плане развития Смоленской операции, представленном на утверждение в Ставку ВГК 21 августа 1943 г., предполагалось перегруппировать силы, создать новые ударные группировки и после короткой паузы перейти в наступление. Поскольку армии Брянского и Центрального фронтов, преследуя отходившего противника, вышли к 20 августа 1943 г. к Брянску, а войска Воронежского и Степного фронтов вели бои за Харьков, необходимость в нанесении главного удара на рославльском направлении (вариант «Суворов I») отпала. Основные усилия теперь сосредоточивались в направлении Ельня — Смоленск[84]. Главный удар должен был быть нанесен на фронте в 10 км на участке Ново-Никольское — Алферово — Починок (24 км западнее Спас-Деменска) в направлении Ельни. В качестве ближайшей задачи был определен выход на рубеж р. Десна от Ельни до устья р. Ветьма[85]. Кроме того, создавались ударные группировки на ярцевском, дорогобужском и рославльском направлениях. Начало операции намечалось на 27–28 августа. Разработанный Западным фронтом план развития наступления Ставка ВГК утвердила 22 августа 1943 г.[86]

До исхода 27 августа войска Западного фронта, готовясь к возобновлению наступления, производили частичную перегруппировку, осуществляли подвоз боеприпасов, восстанавливали боевую технику и боеспособность 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса. Следует отметить, что Западный и Калининский фронты не могли рассчитывать на сколько-нибудь значительное усиление, поскольку основным направлением оставалось юго-западное, где советские войска развивали успешное наступление. По-прежнему требовалось сковывать значительные силы противника, чтобы не допустить их переброски с западного направления на Донбасс и Правобережную Украину. Поэтому Ставка ВГК решила продолжать наступление имевшимися силами и средствами Западного и Калининского фронтов.

В ходе подготовки Западного фронта к новой операции войска левого крыла Калининского фронта, получив усиление из фронтовых резервов, силами трех корпусов 39-й армии с утра 23 августа возобновили наступление в направлении Духовщины. Однако, встретив упорное сопротивление противника, они за сутки боя продвинулись вперед лишь до 1 км[87]. Дальнейшие боевые действия, продолжавшиеся до 6 сентября, успеха практически не имели. Лишь 28 августа удалось на отдельных участках вклиниться в глубину обороны противника на 2 км[88], а 4 сентября — до 1 км[89]. Войскам фронта катастрофически не хватало горючего и боеприпасов[90]. В связи с этим с разрешения Ставки ВГК наступление было временно прекра-

Дорогобуж после освобождения

щено. Вместе с тем войска левого фланга Калининского фронта, во многом содействовавшие успешному наступлению войск Западного фронта, отвлекли на себя часть перебрасываемых резервов противника.

28 августа 1943 г. после артиллерийской подготовки и ударов авиации войска центральной ударной группировки Западного фронта перешли в наступление на ельнинском направлении. В первый день сражения была прорвана главная полоса обороны противника на фронте до 25 км, и советские войска, продвинувшись вперед на 8–9 км, овладели несколькими населенными пунктами[91]. Для развития успеха во второй половине дня были введены в бой 2-й гвардейский танковый и 5-й механизированный корпуса, которые приняли участие в завершении прорыва вражеской обороны[92]. 29 августа войска Западного фронта развили успех в направлениях Ельня и Новая Березовка и, продвинувшись за день на 6–8 км, заняли ряд населенных пунктов[93]. За два дня сражения прорыв обороны противника удалось расширить до 30 км по фронту и на 12–15 км в глубину. В образовавшуюся брешь был введен 6-й гвардейский кавалерийский корпус.

Противник пытался остановить наступление советских войск частыми контратаками и развертыванием на танкоопасных направлениях противотанковой артиллерии. Однако предпринимаемые им меры не смогли остановить продвижение центральной ударной группировки Западного фронта, которая 30 августа, сломив организованное сопротивление противника на заранее подготовленном рубеже по рекам Угра и Угричка, продолжала развивать наступление. На ельнинском направлении наши войска с боями продвинулись вперед еще на 20 км и к 17 часам 30 минутам овладели городом и железнодорожной станцией Ельня[94].

Успешное наступление советских войск а районе Ельни вынудило противника в ночь на 31 августа начать отход на дорогобужском направлении. Чтобы не допустить их беспрепятственный отвод на промежуточный рубеж на р. Ужа, утром войска правого фланга Западного фронта возобновили наступление на ярцевском и дорогобужском направлениях. Преследуя отходящего неприятеля, они за день сражения продвинулись на 5–18 км, заняв свыше 230 населенных пунктов[95]. В боях за деревню Борисовка рядовой 6-й роты 1083-го стрелкового полка 312-й стрелковой дивизии узбек Т. Рустемов закрыл своим телом немецкий пулемет и тем самым обеспечил возможность быстрее освободить населенный пункт. За этот подвиг ему было присвоено звание Героя Советского Союза[96].

1 сентября 1943 г. войска Западного фронта продолжали развивать наступление и, продвинувшись вперед на 8–15 км, овладели рядом населенных пунктов, включая Дорогобуж. 2 сентября, развивая наступление на смоленском и рославльском направлениях, они углубились в оборону противника еще на 10–16 км[97]. Однако немецкое командование, стремясь приостановить продвижение советских частей и организованно занять заранее подготовленные позиции, стало спешно наращивать силу сопротивления наступавшим войскам за счет переброски из резерва 3-й танковой армии 330-й пехотной дивизии и 1-й бригады СС. Наступление советских войск замедлилось, а с 6 сентября, выйдя на рубеж Манчина — Большая Нежода — Горбачевка — Малые Савки, где была заранее подготовлена оборона с хорошо организованной системой огня и инженерных заграждений, войска правого фланга и центра Западного фронта стали закрепляться на достигнутых рубежах и готовиться к новой операции.

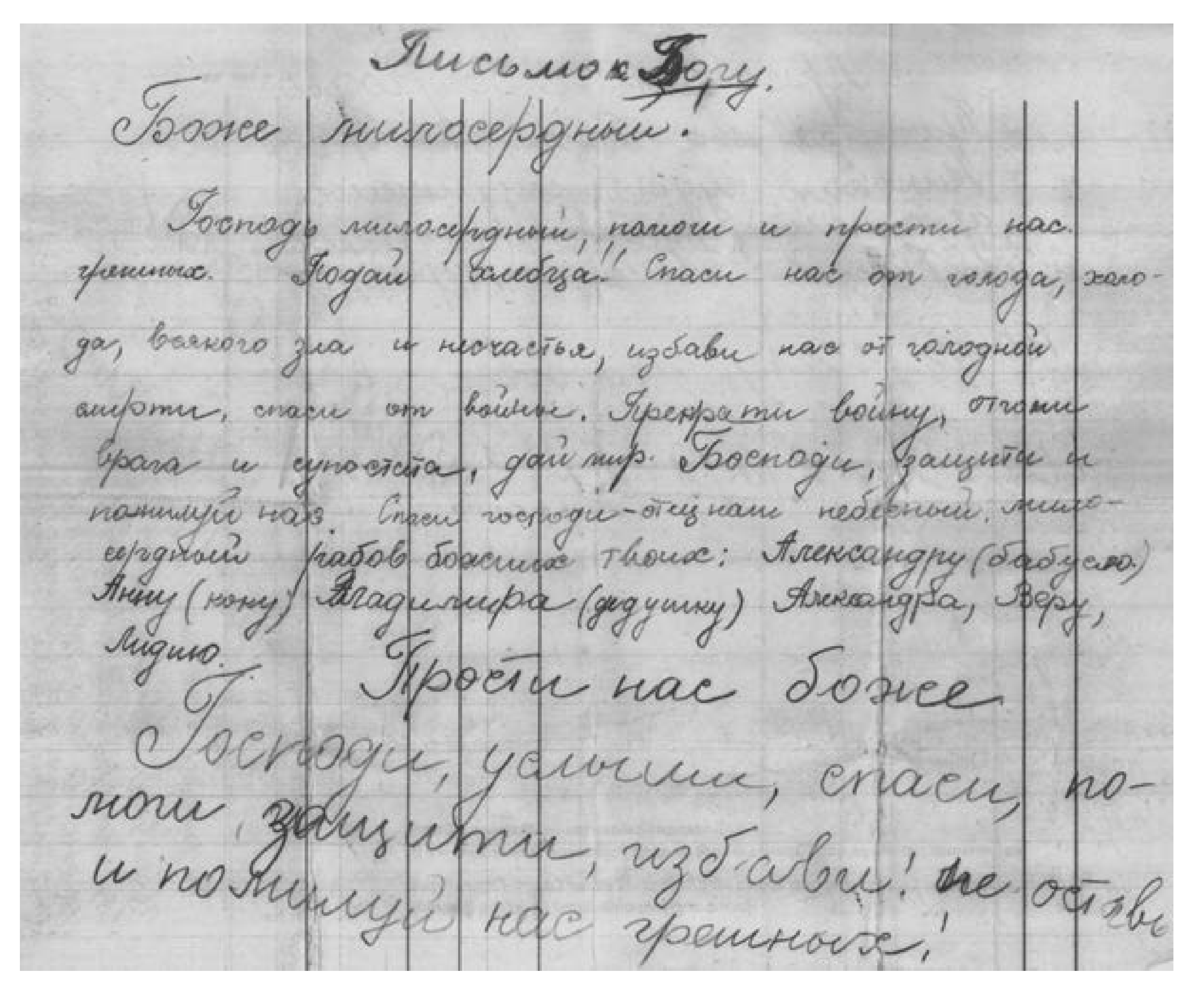
В целом в ходе Ельненско-Дорогобужской операции, составлявшей основу второго этапа Смоленской стратегической наступательной операции, войска Западного фронта во взаимодействии с войсками левого крыла Калининского фронта нанесли серьезное поражение вражеской группировке в районах Ельни и Дорогобужа. Продвинувшись в глубину обороны противника на 30–40 км, они овладели этими городами и освободили свыше 1000 других населенных пунктов. Западный фронт по-прежнему занимал охватывающее положение по отношению к группировке противника, находившейся в районе Рославль — Брянск, угрожая его флангу и тылу.

На третьем этапе Смоленской операции войскам левого крыла Калининского и Западного фронтов предстояло решить задачу по разгрому группировки противника, оборонявшейся на смоленском и рославльском направлениях, овладению Смоленском и Рославлем и развитию наступления на Витебск и Оршу. В целях выполнения поставленных задач войска Западного фронта осуществили Смоленско-Рославльскую операцию (15 сентября — 2 октября), а войска левого фланга Калининского фронта — Духовщинско-Демидовскую (14 сентября — 2 октября).

Командующий Западным фронтом решил, сосредоточивая основные усилия на направлении Смоленск — Орша, нанести главный удар силами 10-й гвардейской, 21-й и 33-й армий, 2-го гвардейского танкового, 5-го механизированного, 6-го и 3-го гвардейских кавалерийских корпусов (10 сентября 3-й гвардейский кавалерийский корпус был передан Западному фронту). Эта группировка должна была прорвать оборону противника на участке Ивонино — Кукуево (12 км) и, перерезав железную дорогу и шоссе Смоленск — Рославль, овладеть районом Починок, в дальнейшем ударом частью сил во взаимодействии с войсками правого фланга овладеть Смоленском, а главными силами развивать наступление на Оршу. Войскам правого фланга фронта (31, 5 и 68-я армии) ставилась задача во взаимодействии с соединениями левого крыла Калининского фронта уничтожить противника в районе Ярцево

Жители Ленинграда в дни блокады. 1942 г.

Письмо к Богу.

Боже милосердный.

Господь милосердный, помоги и прости нас грешных. Подай хлеба!!! Спаси нас от голода, холода, всякого зла и несчастья, избави нас от голодной смерти, спаси от войны. Прекрати войну, отгони врага и супостата, дай мир. Господи, защити и помилуй нас. Спаси господи — отец наш небесный, милосердный рабов божиих твоих: Александру (бабушку) Анну (маму) Владимира (дедушку) Александра, Веру, Лидию.

Прости нас боже

Господи, услыши, спаси, помоги, защити, избави! не оставь и помилуй нас грешных!

Блокадная молитва — «Письмо к Богу», написанная ленинградской школьницей Лидией Рыбаевой зимой 1941–1942 гг.

Пресвятая богородица

Пречистая дева божая матерь,
Николай чудотворец, ангилы
архангилы, мученики и великомученики
и господи помилуй
нам силу, здоровье
и хлебца!!

о нас грешных молитё бога

И упокой господи во
царствии твоем раду
божию Марию (...)
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Жительница Ленинграда у разрушенного дома. 1943 г.

Подбитое немецкое штурмовое орудие. Степной фронт, 1943 г.

Минометчик. Степной фронт, 1943 г.

Части советской артиллерии входят в город Сталино (ныне Донецк).
8 сентября 1943 г.

Германская пехота двигается к линии фронта.
Группа армий «Юг», сентябрь 1943 г.

Строительство моста через реку Днепр
под непрерывным огнем противника

Бои в предместьях Киева. 3 ноября 1943 г.

Крещатик в день освобождения Киева. 6 ноября 1943 г.

Вид на Киево-Печорскую лавру после освобождения Киева

и выйти на реки Вопь и Днепр, а в дальнейшем совместно с войсками центральной группировки овладеть Смоленском. Объединениям левого фланга фронта (49-я и 10-я армии) предстояло, продолжая наступление, форсировать Десну и во взаимодействии с центральной группировкой занять Рославль.

Замысел командующего Калининским фронтом на возобновление наступления состоял в том, чтобы, создавая впечатление, что наступление будет продолжаться в прежнем направлении в обход Духовщины слева, в действительности нанести главный удар в обход города справа. Освободив Духовщину, планировалось, выйдя во фланг группировки противника, оказывавшей особенно сильное сопротивление наступлению левого крыла Калининского фронта на первоначальном направлении, разгромить ее и развивать наступление в общем направлении Рудня — Витебск[98].

С 7 по 14 сентября 1943 г. войска левого крыла Калининского фронта и правого фланга и центра Западного фронта закреплялись на достигнутых рубежах, осуществляли перегруппировку сил, вели разведку обороны противника, уточняли его систему огня, пополняли запасы боеприпасов, горючего и готовились к дальнейшему наступлению. Войска левого фланга Западного фронта (49-я и 10-я армии) продолжали наступление и к 14 сентября вышли к Десне.

Успех левого фланга Западного фронта подтолкнул командующего Брянским фронтом генерала М. М. Попова с разрешения Ставки ВГК произвести перегруппировку 50-й армии в полосу Западного фронта. В связи с этим командующему Западным фронтом предписывалось оставить на месте две левофланговые дивизии 10-й армии, передав их временно в подчинение командующего Брянским фронтом. После прорыва обороны противника эти две дивизии возвращались в распоряжение командующего Западным фронтом.

Была произведена перегруппировка значительных сил Брянского фронта в полосу наступления 10-й армии Западного фронта и нанесен удар в юго-западном направлении во фланг и тыл группировки противника, оборонявшейся на сильно укрепленном рубеже по западному берегу р. Болва. Наступление 50-й армии, начавшееся 7 сентября, проходило успешно. К 15 сентября ее соединения продвинулись на 70 км, захватили плацдарм на правом берегу Десны, вышли на фланг брянской группировки противника и нарушили тем самым устойчивость его обороны к северу от Брянска.

Войска левого крыла Калининского фронта с утра 14 сентября перешли в наступление в направлении Духовщины и, продвинувшись за день на 7—11 км, прорвали оборонительную полосу противника на фронте 12 км[99]. Этому успеху способствовало перенесение главного удара на новое направление и введение противника в заблуждение относительно истинного положения войск армии. Был разработан конкретный план дезинформации противника перед фронтом 39-й армии, который предусматривал ложные оборонительные работы, имитацию группировки войск на прежнем направлении, а также ложные перегруппировки и проведение поисков разведчиками. В полосе 2-го гвардейского корпуса демонстрировалось закрепление на занимаемом рубеже по восточному берегу р. Веленя и создание второго оборонительного рубежа. Осуществлялось ложное строительство мостов через р. Царевич в районе Сущево. На отдельных участках были поставлены ложные дымовые завесы для создания впечатления прикрытия подходящих войск в полосе 5-го гвардейского, 83-го стрелкового корпусов и отходящих с переднего края войск в полосе 2-го гвардейского и 84-го корпусов. Кроме того, для отвлечения внимания врага от нового направления главного удара на сутки раньше Духовщинско-Демидовской операции в 11 часов 13 сентября перешел в наступление 91-й стрелковый корпус 43-й армии и, преодолевая сильное огневое сопротивление и неоднократные контратаки противника, прорвал его оборону на фронте 4 км и вклинился в глубину до 2 км. К исходу дня бой шел на рубеже Петроково — Боровая — северная окраина Тарасово (34 км северо-западнее Духовщины), где корпус продолжал упорные бои с противником[100].

15 сентября войска 43-й и 39-й армий Калининского фронта продолжали наступление в направлении Духовщины, уничтожая окруженные подразделения противника, и продвинулись вперед до 13 км, расширив фронт прорыва до 30 км. В течение следующего дня продвижение составило до 18 км, было освобождено до 100 населенных пунктов[101]. В ночь на 19 сентября

после ожесточенных боев войска Калининского фронта сломили неприятельское сопротивление и комбинированным ударом с севера и юга штурмом овладели важнейшим и сильно укрепленным узлом сопротивления немцев на смоленском направлении — г. Духовщина.

Войска Западного фронта 15 сентября 1943 г. начали Смоленско-Рославльскую операцию. После артиллерийской подготовки советские войска на смоленском направлении под прикрытием огневого вала и при поддержке танков и авиации, преодолевая упорное сопротивление противника, вклинились в его оборону на 2—5 км. Одновременно они продолжали наступление на рославльском направлении, продвинувшись на отдельных участках за день до 10 км. Развивая наступление на смоленском направлении, 16 сентября наши войска прошли за день 4—14 км и овладели важным опорным пунктом на подступах к Смоленску — городом и железнодорожной станцией Ярцево. 18 сентября войска Западного фронта, продолжая наступление на смоленском и рославльском направлениях, продвинулись вперед от 12 до 19 км и заняли 294 населенных пункта[102].

Таким образом, заблаговременно подготовленные, сильно укрепленные оборонительные рубежи на подступах к «смоленским воротам» оказались взломаны. Командование вермахта предпринимало отчаянные меры, чтобы остановить наступление советских войск, используя для этого заранее подготовленные узлы сопротивления и водные преграды, однако ничего не могло сделать. «По мере того как положение 2-й армии все больше обострялось, возрастала угроза правому крылу группы армий «Центр», в то же время критическая обстановка на фронте группы армий «Юг» требовала передачи туда нескольких дивизий. Тем временем войска русского Западного фронта нанесли с рубежа Дорогобуж, Ельня удар и по левому крылу группы армий «Центр» с целью осуществить прорыв на Смоленск. Теперь стало ясно, что выступающий далеко на восток участок фронта, на котором оборонялась 9-я армия, удерживать больше невозможно»[103].

Развивая достигнутый успех, Калининский и Западный фронты уже 19 сентября 1943 г. наступали в полосе около 250 км, при этом наиболее успешно действовали объединения на направлении главного удара Западного фронта, где за пять дней наступления удалось продвинуться на глубину около 40 км. 20 сентября Ставка ВГК приказала Западному фронту, продолжая наступление, разбить смоленскую группировку противника и 26—27 сентября освободить Смоленск. К этому же времени левому флангу фронта предписывалось занять Починок, Рославль и выйти на рубеж р. Сож — Хиславичи — Шумячи. В дальнейшем от главной группировки фронта требовалось наступать в общем направлении на Оршу и 10—12 октября овладеть районом Орша — Могилев[104]. Калининскому фронту было приказано, продолжая наступление левым флангом, главные усилия направить на захват Витебска, выйти 26—27 сентября на рубеж Понизовье — Пуницы — Каспля — Тишино и овладеть Витебском не позже 9—10 октября[105].

Продолжая выполнять поставленную задачу, 43-я армия Калининского фронта в 22 часа 21 сентября овладела мощным узлом немецкой обороны — г. Демидов, охватив тем самым с севера смоленскую группировку противника. После потери Демидова перед левым флангом фронта противник начал отход. Осуществляя преследование, советские войска к 24 сентября вышли на рубеж 15 км юго-западнее Велижа — р. Каспля — Демидов — 10 км севернее Смоленска.

В полосе действий войск Западного фронта к 22 сентября 1943 г. вражеская оборона была прорвана на всю оперативную глубину[106]. Теперь на пути к Смоленску и Рославлю заранее подготовленных оборонительных рубежей противник не имел. Ударная группировка Западного фронта, продолжая наступление, 23 сентября перерезала шоссе Смоленск — Рославль в районе Пищалово и овладела г. Починок, а на следующий день вышла к р. Сож, охватив смоленскую группировку противника с юга. К этому времени войска 10-й армии овладели северо-восточной и восточной частью Рославля[107].

Утром 25 сентября войска правого крыла Западного фронта (31, 5 и 68-я армии) после ожесточенных ночных боев ударом с севера, востока и юго-востока освободили Смоленск — важнейший стратегический узел обороны войск вермахта на западном направлении. В то

же утро на левом фланге Западного фронта 10-я армия после двухдневных ожесточенных боев полностью овладела Рославлем — важным узлом коммуникаций и мощным опорным пунктом обороны противника. В последующем она продолжила развивать наступление, продвинувшись за день от 7 до 20 км[108].

За период 20–25 сентября 1943 г. войска Западного и Калининского фронтов с боями продвинулись на 40–50 км в глубину вражеской обороны. Потеряв такие важные узлы обороны, как Смоленск и Рославль, противник пытался задержать наши войска на реках Сож и Вихра, но эти попытки были сорваны. 29 сентября войска Калининского фронта, преодолевая упорное сопротивление немцев, освободили сильный опорный пункт и узел коммуникаций на витебском направлении — г. Рудня[109]. К 30 сентября войска фронта вышли на рубеж Усвяты — Рудня, однако попытки развить дальнейшее наступление на витебском направлении успеха не имели.

Умело используя подвижные соединения во взаимодействии с общевойсковыми объединениями, войска Западного фронта с ходу форсировали р. Сож, освободили города Красный, Мстиславль, Кричев и ко 2 октября вышли на рубеж Елисеевка — Ляды — Ленино — Дрибин и далее на юг по р. Проня до Петуховки. На рославльском направлении объединения левого фланга Западного фронта, наступая в тесном взаимодействии с войсками Брянского фронта, ко 2 октября вышли к р. Проня на участке Петуховка — Пропойск и далее по восточному берегу р. Сож. На этих рубежах войска Западного фронта встретили организованное сопротивление противника и завершили Смоленскую наступательную операцию. Требования Ставки ВГК о продолжении наступления на оршанском и могилевском направлениях в полном объеме реализовать не удалось. Однако проведение ряда частных операций на этих

Советские зенитчики в освобожденном Смоленске

участках не позволило противнику перебросить силы на южное направление, где решалась главная задача кампании.

Итогом третьего этапа Смоленской наступательной операции войск Западного фронта и левого крыла Калининского фронта стало нанесение серьезного поражения группе армий «Центр». Были освобождены более пяти тысяч населенных пунктов. За 17 дней наступления после прорыва обороны противника севернее Духовщины и западнее Ельни войска фронтов продвинулись на 100–180 км. Наибольшее продвижение было на рославльском направлении, где армии левого фланга Западного фронта прошли с боями около 180 км.

Смоленская стратегическая наступательная операция войск Западного фронта и левого крыла Калининского фронта стала важной вехой в общем наступлении советских войск в августе — сентябре 1943 г. Успехи советских войск в этой операции обеспечили крушение «Восточного вала» в верхнем течении Днепра. Развернув наступление в полосе протяженностью до 400 км, войска двух фронтов продвинулись на запад на 200–225 км[110]. Советские войска в ходе наступления прорвали четыре, а местами пять подготовленных оборонительных рубежей противника. Западный и Калининский фронты вышли на рубеж Рудня — восточнее Горки — Дрибин, далее по р. Проня и вступили в пределы Восточной Белоруссии. Была освобождена огромная территория с более чем 7500 населенными пунктами, в том числе города Смоленск, Рославль, Ярцево, Ельня, Спас-Деменск, Дорогобуж, Велиж, Духовщина, Демидов и другие.

В ходе этой операции Калининский и Западный фронты разгромили пять пехотных, одну танковую, одну моторизованную дивизии и нанесли поражение одиннадцати пехотным, трем танковым и моторизованным соединениям противника, сковали в общей сложности около 55 его дивизий[111]. Это способствовало успешному завершению битвы под Курском и развертыванию битвы за Днепр, проведению операций по освобождению Донбасса.

Большую помощь войскам Калининского и Западного фронтов в ходе Смоленской стратегической наступательной операции оказали партизаны, действовавшие в тылу противника на территории Смоленской и Калининской областей. Только на освобожденной партизанами территории Смоленской области было создано три партизанских края. С 14 июля по 25 сентября 1943 г. патриоты Смоленщины пустили под откос 189 вражеских эшелонов, уничтожили 45 танков, восемь самолетов, подорвали около 10 тыс. рельсов, разгромили 14 гарнизонов и уничтожили до 6 тыс. солдат и офицеров противника[112]. Для борьбы с партизанами немецкое командование было вынуждено выделить четыре охранные дивизии.

За два месяца упорных и напряженных сражений советские солдаты, сержанты и офицеры проявили массовый героизм и мужество, не щадили себя в бою. Безвозвратные потери советских войск составили 107 645 человек (общие — 451 466 человек)[113]. Командующие и командиры формирований всех уровней не раз демонстрировали образцы высокого военного искусства. Особо отличившиеся 104 соединения и части получили почетные наименования Смоленские, Ельнинские, Духовщинские, Ярцевские, Демидовские, Рославльские и другие. Многие тысячи советских воинов были награждены орденами и медалями за мужество и героизм, особо отличившиеся воины, партизаны и подпольщики удостоились звания Героя Советского Союза.

Освобождение Киева

После выхода советских армий на Днепр ближайшими задачами советских войск на юге стали освобождение Киева, расширение захваченных плацдармов и создание тем самым условий для изгнания противника со всей Правобережной Украины. 28 сентября 1943 г. Ставка ВГК поставила задачи Воронежскому фронту, которому приказывалось, прочно закрепив за собой плацдармы на правом берегу Днепра, нанести удар в общем направлении на Кагарлык —

Фастов — Брусилов, во взаимодействии с левым флангом Центрального фронта разгромить киевскую группировку противника и овладеть Киевом. Выйти на рубеж Ставище — Брусилов — Фастов — Белая Церковь войска должны были не позднее 7 октября. С 10 октября в состав Воронежского фронта передавались 13-я и 60-я армии Центрального фронта[114].

На следующий день Ставка ВГК расширила задачи фронта на правобережье Днепра. Ему предстояло после выхода на рубеж Ставище — Фастов — Белая Церковь совершить поворот на юго-запад и продолжать наступление главными силами в общем направлении Бердичев — Жмеринка — Могилев-Подольский, прочно прикрыв себя со стороны Ровно[115].

Выполняя указания Ставки ВГК, штаб Воронежского фронта разработал план предстоящей операции, которая планировалась на глубину 320 км продолжительностью 30–35 суток. Она делилась на три этапа. Первый этап намечался на период с 3 по 9–12 октября 1943 г. Главный удар должен был наноситься с букринского плацдарма силами 40, 27, 47 и 3-й гвардейской танковой армий в обход Киева с юго-запада и запада. Овладение Киевом предполагалось 38-й армией. Она должна была нанести главный удар с севера силами восьми стрелковых дивизий, одного танкового и одного кавалерийского корпусов. Три стрелковые дивизии, переправившись через Днепр южнее Киева, наносили вспомогательный удар. 7 октября армия должна была овладеть Киевом и выйти на рубеж Радомышль — Брусилов. Второй этап планировалось осуществить с 12 до 20 октября 1943 г. За это время войска должны были выполнить ближайшую задачу фронта, указанную в директиве Ставки от 28 сентября, и занять Житомир и Бердичев. Третий этап, в ходе которого войскам фронта надлежало выполнить дальнейшую задачу, был запланирован на 21 октября — 1–5 ноября 1943 г. и предусматривал наступление на Могилев-Подольский[116]. План операции был утвержден Ставкой ВГК 3 октября. Одновременно Ставка предложила начать операцию левой ударной группировки на два-три дня позднее намеченного срока, если это требовалось для материального обеспечения операции[117].

Немецкое командование не прекращало наращивать усилия, направленные на ликвидацию советских плацдармов. Особое значение придавалось усилению обороны Киева, потеря которого создавала угрозу их южной группировке и открывала Красной армии путь в западные и юго-западные районы Украины, а затем в Карпаты и Польшу. В целях ликвидации днепровских плацдармов на киевское направление к концу сентября 1943 г. из Западной Европы прибыл ряд соединений вермахта, а также многочисленные маршевые пополнения. К началу октября командование вермахта сконцентрировало против Воронежского фронта 30 дивизий (из них семь танковых), то есть почти половину дивизий группы армий «Юг»[118].

В начале октября 1943 г. войска Воронежского фронта на правом фланге продолжали вести бои за расширение плацдармов на западном берегу Днепра севернее Киева, а в центре, на букринском плацдарме, отбивая контратаки противника, улучшали свои позиции, переправляли боевую технику, боеприпасы и продовольствие[119]. Вскоре стало ясно, что начать наступление в требуемые сроки не получится. Наращивание войск на плацдармах шло медленно, сказывалось отсутствие мостов. 2 и 3 октября войска 50-го стрелкового корпуса безуспешно пытались форсировать Днепр южнее Киева в районе Пирогова. Севернее, на лютежском плацдарме, все это время шли бои за его расширение, имевшие небольшой успех. Создать условия для перехода в наступление по намеченному плану так и не удалось.

2 октября 1943 г. противник силами 34-й пехотной дивизии и танковой дивизии СС «Райх» после мощной артиллерийской подготовки перешел в наступление на плацдарм северо-западнее Ржищева в направлении Юшки — Гребени и, потеснив части 237-й и 42-й гвардейской стрелковых дивизий 40-й армии, занял эти пункты[120]. В течение двух суток днем и ночью шли непрекращающиеся кровопролитные бои. К 5 октября этот значительный по размерам (10 км по фронту и 4 км в глубину) и важный по своему значению плацдарм был фактически оставлен советскими войсками. Только два полка — по одному из 237-й и 42-й гвардейской стрелковых дивизий — удержались в прибрежной полосе севернее и южнее населенного пункта Гребенки. Остальные силы дивизий были переведены на восточный берег Днепра.

Одновременно немецкие войска непрерывно атаковали соединения 40, 27 и 3-й гвардейской танковой армий в букринской излучине. Не считаясь с огромными потерями, командование противника на фронте 4–6 км ежедневно бросало в контратаки по два-три полка пехоты при поддержке до 150 танков и 100 самолетов, но цели не добилось. На этом участке 5 октября враг в основном прекратил контратаки и перешел к обороне. В боях на плацдармах советские воины проявили массовый героизм.

В то же время продолжалась переправа частей Воронежского фронта на правый берег Днепра в районе Лютежа. Так, 38-я армия 2 октября 1943 г. переправила три стрелковых полка 51-го стрелкового корпуса и два стрелковых полка 50-го стрелкового корпуса[121]. 4 октября 38-я армия правофланговыми частями продвинулась за день на 2–3 км, овладела узлом сопротивления противника Борки (30 км севернее Киева) и вышла на рубеж западная окраина Борок — северная окраина Лютежа — восточная окраина Старых Петровцев[122].

Учитывая сложившуюся обстановку, командующий Воронежским фронтом разработал новый план наступления армий правого фланга. В течение 6–7 октября 1943 г. 38-й армии надлежало расширить плацдарм до 8 км в глубину и до 16 км по фронту[123] и перейти в наступление, которое было назначено на 9 октября. Охватывая Киев с двух сторон, армия имела задачу к исходу третьего дня операции своими стрелковыми соединениями выйти на рубеж Святошино — Сырец — Приорка. Овладеть Киевом планировалось к исходу четвертого дня операции (12 октября). В ходе подготовки операции в связи с неготовностью войск начало наступления было перенесено. В целях усиления Воронежского фронта Ставка ВГК приказала передать 13-ю и 60-ю армии Центрального фронта в состав войск Воронежского фронта не к 10 октября, как было решено ранее, а к 24 часам 5 октября 1943 г.[124]

В районе Букрина все это время шли ожесточенные бои за расширение плацдарма. Они имели небольшой успех — к 10 октября плацдарм удалось расширить лишь до 11 км по фронту и до 6 км в глубину. На этом пространстве предстояло расположить четыре армии — три общевойсковые (40, 27 и 47-я) и одну танковую (3-я гвардейская). Построение войск было очень плотным, на каждую стрелковую дивизию приходилось по фронту в среднем 1,8 км. Развернуть войска на таком пятачке было очень трудно. В силу этого основная часть артиллерии находилась на левом берегу, непосредственную поддержку наступающих войск должна была оказывать полковая и дивизионная артиллерия. Планировалось, что 7-й артиллерийский корпус прорыва откроет огонь с левого берега, а когда войска продвинутся вперед, начнет переправу на правый берег, что обусловливало возникновение паузы в сопровождении пехоты огнем.

Противник успел перебросить на угрожаемый участок крупные силы. К 11 октября 1943 г. на участке от Халепья до Ржищева занимала оборону 34-я пехотная дивизия, далее до Ходорова — 10-я моторизованная и танковая дивизия СС «Райх». В букринской излучине находились 72, 112, 167, 225-я пехотные, 7-я, 19-я танковые и 20-я моторизованная дивизии. Против войск 47-й армии в районе Студенец — Бобрица и южнее действовали 3-я танковая и 57-я пехотная дивизии[125]. Кроме того, противник усиленно укреплял свои позиции на всем фронте от Гребени до Бучака, чему способствовал и благоприятный для обороны рельеф.

Наступление с букринского плацдарма в целях прорыва обороны противника и обхода Киева с юго-запада было назначено на 12 октября 1943 г. В нанесении удара должны были участвовать 40, 27, 47 и 3-я гвардейская танковая армии. 12 октября главные силы Воронежского фронта перешли в наступление с букринского плацдарма, но встретили упорное сопротивление. Контратаки противника при поддержке танков следовали одна за другой. Опасаясь прорыва обороны, неприятель ввел в бой все свои силы. В течение всего дня шли ожесточенные бои, в которых обе стороны несли большие потери. 3-я гвардейская танковая армия, не дожидаясь подхода соединений общевойсковых армий, была введена в сражение.

Успех советскими войсками, в конце концов, был достигнут, но весьма незначительный. 47-й стрелковый корпус 40-й армии под командованием генерал-майора С. П. Меркулова

совместно с частями 27-й и 3-й гвардейской танковой армий продвинулся за день на 5–8 км и вел бой на западной окраине Ходорова (14 км юго-восточнее Ржищева)[126]. Еще меньших результатов добился 52-й стрелковый корпус под командованием генерала Ф. И. Перхоровича на щучинском плацдарме. Он продвинулся в южном и юго-восточном направлениях не более чем на километр. Дальнейшее его наступление было остановлено сильным огнем и контратаками противника. В результате войска армии не смогли соединить букринский и щучинский плацдармы. 47-я армия, наносившая удар со студенецкого плацдарма, также не сумела сломить сопротивление неприятеля и соединиться с частями 27-й армии.

Прорвать вражескую оборону не удалось и 3-й гвардейской танковой армии, которая была встречена сильным артиллерийским огнем и контратаками тяжелых танков. Танковые корпуса должны были преодолевать неподавленную артиллерийскую и противотанковую оборону противника, а также отбивать сильные контратаки его танков. Вследствие тяжелых условий местности движение и развертывание танковых частей проходило медленно. Сопротивление немецких войск по мере продвижения вперед нарастало. Огневые точки противника в глубине обороны оказались неподавленными. К вечеру немцы стали проявлять все большую активность, контратакуя на разных направлениях. Авиация противника сосредоточила свои усилия на нанесении ударов по переправам через Днепр, совершив за день боя на плацдарме 650 самолето-вылетов[127].

На второй день операции 40-я армия, встретив сильное огневое сопротивление и контратаки противника на плацдарме в районе Щучинки, вела позиционные бои; 27-я армия также оставалась на прежних рубежах, отражая контратаки пехоты и танков противника. 47-я армия смогла овладеть населенным пунктом Ромашки, но серьезного успеха не имела; части 3-й гвардейской танковой армии вели упорные бои за Малый Букрин и под воздействием контратак противника оставили Ромашки, а попытки овладеть населенным пунктом Иваньков оказались безрезультатными[128]. К тому же начавшаяся переправа 7-го артиллерийского корпуса прорыва с левого берега Днепра на правый существенно ослабила артиллерийскую поддержку войск левого фланга фронта.

Попытки продолжить наступление 14 и 15 октября 1943 г. успеха не имели, и хотя 47-й стрелковый корпус 40-й армии 15 октября овладел населенным пунктом Канада (6 км западнее Малого Букрина), продвинувшись за день на 1,5–2 км[129], остальные соединения армии, отражая контратаки противника, продолжали вести бой на прежних рубежах. В связи с этим Ставка ВГК отменила наступление войск левого фланга фронта, запланированное на 16 октября, и потребовала более качественной подготовки операции.

На лютежском плацдарме в 12 часов 11 октября 1943 г. в соответствии с намеченным планом 38-я и 60-я армии перешли в наступление. 60-я армия, преодолевая сильное огневое сопротивление и контратаки противника, к исходу дня перерезала шоссейную дорогу Чернобыль — Горностайполь, овладела рядом хуторов и высот. 38-я армия после напряженных боев овладела населенным пунктом Гута Межигорская, частью сил форсировала р. Ирпень и заняла населенный пункт Синяк.

Немецкие войска нанесли сильный удар по плацдарму, занятому 13-й армией. Ее части были вынуждены оставить Карпиловку и Чистогаловский, хотя усиленный отряд 211-й стрелковой дивизии овладел населенным пунктом Хоромное[130].

12 и 13 октября 1943 г. войска 38-й и 60-й армий предпринимали попытки продолжить наступление, отражая постоянные контратаки противника. Однако удалось достигнуть лишь незначительного продвижения на западном берегу р. Ирпень. Части 13-й армии 12 октября оставили Копачи, а 13 октября — Карпиловку. 14 октября 60-я армия, ведя бои по расширению плацдарма на правом берегу Днепра, частями правого фланга вышла к р. Уж в районе юго-западнее Яновки, а частями центра продвинулась на 3–4 км. 38-я армия, отражая частые контратаки противника силой от батальона до полка пехоты, поддерживаемых танками и 15–20 бомбардировщиками, частями правого фланга выбила противника из Лютежа[131]. В последующем атаки советских войск продолжались без особого успеха. К исходу 17 октября бои шли на рубеже северная часть Мощун — Яблонка — 3 км западнее Старых Петровцев —

южная окраина Новых Петровцев, на котором командующий фронтом приказал закрепиться и начать подготовку к новой операции.

Таким образом, первое октябрьское наступление Воронежского фронта не привело к желаемому результату. Его войска с 12 по 15 октября на букринском плацдарме и с 11 по 17 октября севернее Киева поставленные перед ними задачи не выполнили. Они добились лишь незначительного расширения плацдармов на правом берегу Днепра севернее Дымера на фронте 60-й армии, в районе Лютежа на фронте 38-й армии и в районе букринского плацдарма на левом фланге фронта.

Общая идея и замысел действий нового наступления оставались прежними. Войска Воронежского фронта должны были возобновить наступление на прежних направлениях, была лишь несколько сокращена глубина задач. Основная надежда, как и прежде, возлагалась на использование букринского плацдарма.

Войска правого фланга фронта должны были перейти в наступление 20 октября 1943 г. Однако вечером 18 октября командующий фронтом отдал новое распоряжение, согласно которому 1-й гвардейский кавалерийский корпус из 60-й армии передавался в 38-ю, для чего он должен был переправиться на левый берег Днепра и южнее вновь переправиться через Днепр[132]. Эта перегруппировка войск потребовала перенести начало наступления с 20 на 23 октября.

В период 18—23 октября 1943 г. 60-я армия вела напряженные бои с контратакующим противником. В результате боев немецкие войска потеснили 248-ю стрелковую бригаду и 226-ю стрелковую дивизию 24-го стрелкового корпуса из района Дмитриевки. 38-я армия 18 октября силами правого фланга продолжала наступать между реками Ирпень и Днепр и, продвинувшись за день до 4 км, овладела рядом населенных пунктов[133]. На следующий день ей удалось продвинуться лишь на 1—1,5 км[134], в дальнейшем войска армии вынуждены были отбивать сильные контратаки противника. В обеих армиях ощущалась сильная нехватка боеприпасов. Все это привело к тому, что наступление 60-й и 38-й армий целей не достигло.

Войска левого крыла фронта должны были прорвать оборону противника на участке Ходоров — Ромашки. Для проведения артиллерийской подготовки на участке прорыва плотность была доведена до 250 артиллерийских орудий и минометов на 1 км фронта. Утром 21 октября 1943 г. войска левого крыла 1-го Украинского фронта (так с 20 октября стал называться Воронежский фронт)[135] перешли в наступление с букринского плацдарма в общем направлении на Мироновку и к исходу дня на направлении главного удара продвинулись вперед на 6—8 км[136]. К исходу этого дня 40-й армии удалось после упорных боев соединить щучинский плацдарм с букринским и подойти к восточным окраинам населенных пунктов Ульяники и Липовый Рог. В 9 часов утра 21 октября в полосе наступления 40-й армии были введены в бой соединения 3-й гвардейской танковой армии, которые фактически выполняли функции непосредственной поддержки пехоты. Поскольку танковая армия использовалась децентрализованно, мощного, массированного удара для прорыва обороны противника не получилось. В 27-й армии незначительно продвинулись лишь правофланговые соединения, овладев населенным пунктом Ромашки[137]. 47-я армия существенных результатов не добилась. 27-я и 47-я армии испытывали явный недостаток боеприпасов к орудиям и минометам. В их полосе противник, опираясь на подготовленный оборонительный рубеж с хорошо развитой сетью окопов и ходов сообщений, оказывал упорное сопротивление.

К. С. Москаленко вспоминал: «Мы продолжали попытки наступать. Но не смогли сломить ожесточенное сопротивление крупных сил противника, поддерживаемых авиацией, которая непрерывно действовала над полем боя группами по 30—40 самолетов. Стало очевидно, что перед нами была прочная, глубоко эшелонированная оборона. Создав ее почти за месяц боев, противник, по существу, закрыл нашим войскам выход из букринской излучины на запад. В то же время незначительные размеры плацдарма и недостаток переправочных средств не позволяли нам использовать здесь основную массу артиллерии. А ее огонь с левого берега вследствие плохих условий наблюдения оказался малоэффективным, не обеспечивал достаточной поддержки стрелковых соединений. Противник же против

букринского плацдарма сосредоточил десять дивизий, половину которых составляли танковые и моторизованные. Наконец, сильно пересеченная местность крайне ограничивала использование крупных танковых соединений. Тем не менее командование нашего фронта, переименованного 20 октября 1943 г. в 1-й Украинский, приняло решение начать в конце октября 1943 г. третье наступление с букринского плацдарма. Однако Ставка Верховного главнокомандования, находясь в Москве, сумела правильнее оценить все то, что было у нас перед глазами, и отменила наступление»[138].

24 октября 1943 г. Г. К. Жуков и Н. Ф. Ватутин направили в Ставку ВГК доклад о причинах неудач наступлений с букринского плацдарма и предложения о дальнейших действиях. Главными причинами неудач были названы пересеченный характер местности, который затруднял использование танков и облегчал оборудование оборонительных рубежей, а также недостаток боеприпасов, что заставляло сокращать артиллерийскую подготовку. Новое наступление было предложено опять начать с букринского плацдарма, так как перегруппировка войск на другой плацдарм требовала много времени. Относительно плацдармов севернее Киева Г. К. Жуков и Н. Ф. Ватутин отметили их перспективность в случае усиления фронта одной общевойсковой и одной танковой армиями. Они попросили предоставить фронту 10 дней на подготовку прорыва на плацдарме южнее Переяслав-Хмельницкого[139].

Ставка ВГК в ответ на доклад в директиве № 30232, подписанной в 23 часа 24 октября 1943 г., указав на недостаточный учет условий местности букринского плацдарма, затрудняющих здесь наступательные действия войск, особенно танковых формирований, определила новое направление для главной ударной группировки фронта. Учитывая сложившуюся обстановку, Ставка ВГК решила перенести главный удар на лютежский плацдарм, который к этому времени был расширен до 20 км по фронту и до 14 км в глубину. С этой целью было приказано произвести перегруппировку войск 1-го Украинского фронта для усиления его правого фланга. Ближайшей задачей являлись разгром киевской группировки противника и овладение Киевом. 3-й гвардейской танковой армии генерала П. С. Рыбалко требовалось передислоцироваться на участок фронта севернее Киева, где предполагалось использовать ее совместно с 1-м гвардейским кавалерийским корпусом. Туда же Ставка ВГК требовала направить три-четыре стрелковые дивизии с левого фланга фронта и две стрелковые дивизии, выделяемые из ее резерва[140]. Перегруппировку следовало произвести скрытно, используя макеты танков для введения противника в заблуждение.

В ходе подготовки наступления войска 1-го Украинского фронта должны были закрепиться на занятых ими рубежах и немедленно приступить к всестороннему изучению обороны противника, используя все виды разведки. Разрешалось проводить частные атаки в целях улучшения исходного положения для наступления. Во всех соединениях, предназначаемых для наступления в первом эшелоне, было приказано провести ряд занятий по действиям войск в наступлении на пересеченной местности и организации взаимодействия родов войск. Войска, предназначавшиеся для наступления в первом эшелоне, было приказано вывести на отдых и для доукомплектования. Численность стрелковых рот предписывалось довести до 70–80 человек. На огневых позициях артиллерии было приказано накопить запас боеприпасов не менее двух боекомплектов. Следовало заблаговременно оборудовать командные и наблюдательные пункты. Все мероприятия по подготовке к наступлению должны были тщательно маскироваться. Работа радиостанций категорически запрещалась. Готовность войск к наступлению была назначена на 1 ноября 1943 г.[141]

Особенность подготовки операции заключалась в том, что весь комплекс мероприятий по организации боевых действий был проведен в кратчайшие сроки, в том числе скрытная перегруппировка 3-й гвардейской танковой армии и 7-го артиллерийского корпуса прорыва, ряда других соединений и частей с букринского на лютежский плацдарм. Сжатые сроки и сложность маневра с троекратной переправой через крупные реки, а также недостаток средств тяги в 7-м артиллерийском корпусе прорыва требовали исключительной четкости в планировании и руководстве передислокацией войск. Предстояло сначала в короткий срок скрытно переправить с букринского плацдарма сотни танков и самоходных артиллерийских

установок, орудий, бронетранспортеров и автомобилей, потом совершить почти 200-километровый марш вдоль фронта, преодолеть Десну и снова переправиться через Днепр на лютежский плацдарм[142].

Одновременно с севера на юг из 13-й армии передислоцировались две стрелковые дивизии, танковая бригада и артиллерийские части. На букринском плацдарме советские войска отражали многократные атаки пехоты и танков врага. Переправы круглосуточно находились под активным воздействием авиации, а в некоторых случаях и артиллерии противника. С 20 по 25 октября немцы совершили двадцать воздушных налетов на переправы букринского плацдарма. Помимо прямых попаданий, повреждения и уничтожения отдельных пролетов мостов, на их устойчивость также влияли взрывы тяжелых фугасных авиабомб на берегах реки[143].

25 октября 1943 г. были отданы распоряжения по перегруппировке войск на правый фланг фронта, уточнены маршруты и места переправ. Перегруппировка началась в ночь на 26 октября. Войска 3-й гвардейской танковой армии полностью завершили переправу на левый берег Днепра к утру 28 октября, практически за двое суток. Было переправлено 345 танков, свыше 3500 автомашин с грузами и личным составом, до 500 тракторов и тягачей, 250 орудий разных калибров[144].

Передвижение войск осуществлялось в основном ночью, а также при утренних и вечерних туманах по четырем дорогам, параллельным линии фронта. Скрытности переброски войск способствовал проливной дождь, который сокращал видимость и заглушал шум. С 27 по 30 октября войска 3-й гвардейской танковой армии по двум маршрутам ночными маршами, достигавшими 100–120 км, двигались в предписанный район сосредоточения. Запрещалось открывать огонь без разрешения старших командиров, разводить костры на привалах. Все танки и машины передвигались только с затемненными фарами. При совершении перегруппировки в целях маскировки широко использовались дымовые завесы. Переправа войск армии на лютежский плацдарм началась в ночь на 31 октября и закончилась утром 2 ноября 1943 г.[145]

В районе прежнего расположения войск были оставлены макеты танков, продолжали работать радиостанции 3-й гвардейской танковой армии. Макеты танков и машин выглядели настолько правдоподобно, что в конце октября 1943 г. немецкая авиация дважды их бомбила. Одновременно имитировалась подготовка наступления в полосе 13-й армии. Кроме того, были наведены через Днепр ложные мосты, чтобы создать картину подтягивания свежих сил и укрепить противника во мнении, что главный удар будет наноситься в районе Букрина. Эти меры, а также отвлекающие атаки с букринского плацдарма заставили немецкое командование предположить, что именно здесь готовится наступление. Вместе с тем создание ложного района сосредоточения войск в полосе 13-й армии не дало должного эффекта в связи с недостаточным размахом проводимых работ[146].

В ходе подготовки к наступлению войска 1-го Украинского фронта совершили беспримерную перегруппировку, которая была успешно осуществлена за счет четкой работы всех командно-штабных инстанций, проведения мероприятий в точном соответствии с разработанным календарным планом. При перегруппировке, которая была осуществлена вблизи линии фронта с переправой через широкую водную преграду, проявились высокое воинское мастерство командиров всех степеней и оперативность работы штабов. На высоком уровне проводилась разведка, качественно выполнили свои задачи инженерные войска.

Противник так и не обнаружил перегруппировки советских войск. Разведка врага лишь в конце октября обнаружила передвижение войск по левому берегу Днепра. В связи с этим Э. Манштейн возвратил на киевское направление 7-ю танковую дивизию и выдвинул к Киеву 20-ю моторизованную дивизию. Но цель действий фронта, время перехода в наступление, а также сосредоточение 3-й танковой армии на лютежском плацдарме противником не были установлены[147]. Отдел по изучению армий Востока генерального штаба вермахта пришел к однозначному выводу: «После неудачных боев на букринском плацдарме основные события в ноябре развернутся в районе Мелитополя и Кривого Рога. Там советские войска попыта-

Советские танки рвутся к Киеву

ются замкнуть кольцо 6-й и 1-й танковой армий. Второй удар будет наноситься на Псков или Двинск — Рига, с целью сокрушить немецкий северный фланг»[148].

План советского командования предусматривал разгром 4-й танковой армии немцев в районе Киева уже на начальной стадии операции. Удар основной группировки фронта планировался с плацдармов севернее Киева, вспомогательный удар на этот раз должна была наносить группировка левого фланга фронта с букринского плацдарма.

Наступление непосредственно на Киев с лютежского плацдарма должны были осуществить 38-я и 3-я гвардейская танковая армии. 38-я армия, в командование которой в конце октября 1943 г. вступил генерал К. С. Москаленко, в составе 21, 23, 50 и 51-го стрелковых корпусов и 1-й чехословацкой пехотной бригады под командованием полковника Л. Свободы с приданными армии 5-м гвардейским танковым корпусом и 7-м артиллерийским корпусом прорыва должны были нанести главный удар с рубежа Мощун — Вышгород в направлении Пуща-Водица — Святошино — станция Жуляны — Васильков[149]. Подвижные соединения фронта (3-я гвардейская танковая армия под командованием генерала П. С. Рыбалко и 1-й гвардейский кавалерийский корпус под командованием генерала В. К. Баранова) должны были войти в прорыв в полосе 38-й армии и развивать наступление в юго-западном направлении с задачей выйти в район Фастов — Белая Церковь — Гребенки.

60-я армия (командующий — генерал И. Д. Черняховский) получила приказ наступать в направлении Ровы — Дымер и далее на юг между реками Здвиж и Ирпень, обеспечивая действия ударной группировки фронта с запада. 40-й и 27-й армиям (командующие — генералы Ф. Ф. Жмаченко и С. Г. Трофименко) предстояло перейти в наступление с букринского плацдарма раньше ударной группировки фронта и активными действиями в направлении Кагарлык — Белая Церковь сковать возможно больше сил противника, прежде всего его танковые дивизии, облегчив тем самым выполнение главной задачи, поставленной армиям правого фланга фронта.

К началу ноября 1943 г. перед войсками 1-го Украинского фронта противник имел 24 пехотные, семь танковых и две моторизованные дивизии, около 500 тыс. человек, более 3600 орудий и минометов, до 400 танков и штурмовых орудий, 665 самолетов. Оборона противника, особенно в полосе предстоящих действий 38-й и 3-й гвардейской танковой армий, была довольно прочной. Здесь она имела глубину до 14—15 км и состояла из трех полос. Кроме того, непосредственно к северу от Киева немцы использовали противотанковый ров. Позиции врага состояли из траншей, ходов сообщений и хорошо оборудованных огневых точек. Наибольшая плотность инженерных сооружений была в полосе шоссе Лютеж — Киев. В глубине на особо важных направлениях имелись оборонительные рубежи. Все дороги были заминированы, села превращены в опорные пункты[150].

Войска 1-го Украинского фронта к началу ноябрьского наступления, известного как Киевская наступательная операция 1943 г., имели 47 стрелковых дивизий, две стрелковые бригады, три кавалерийские дивизии: всего 663 тыс. человек, 6437 орудий и минометов, 675 танков и самоходных орудий и 684 самолета. Таким образом, войска фронта имели превосходство над противником в людях — в 1,3 раза, в орудиях и минометах — в 1,8 раза, в танках и САУ — в 1,7 раза; силы авиации по численности были примерно равными[151]. Кроме того, действия войск должны были поддерживаться украинскими партизанами.

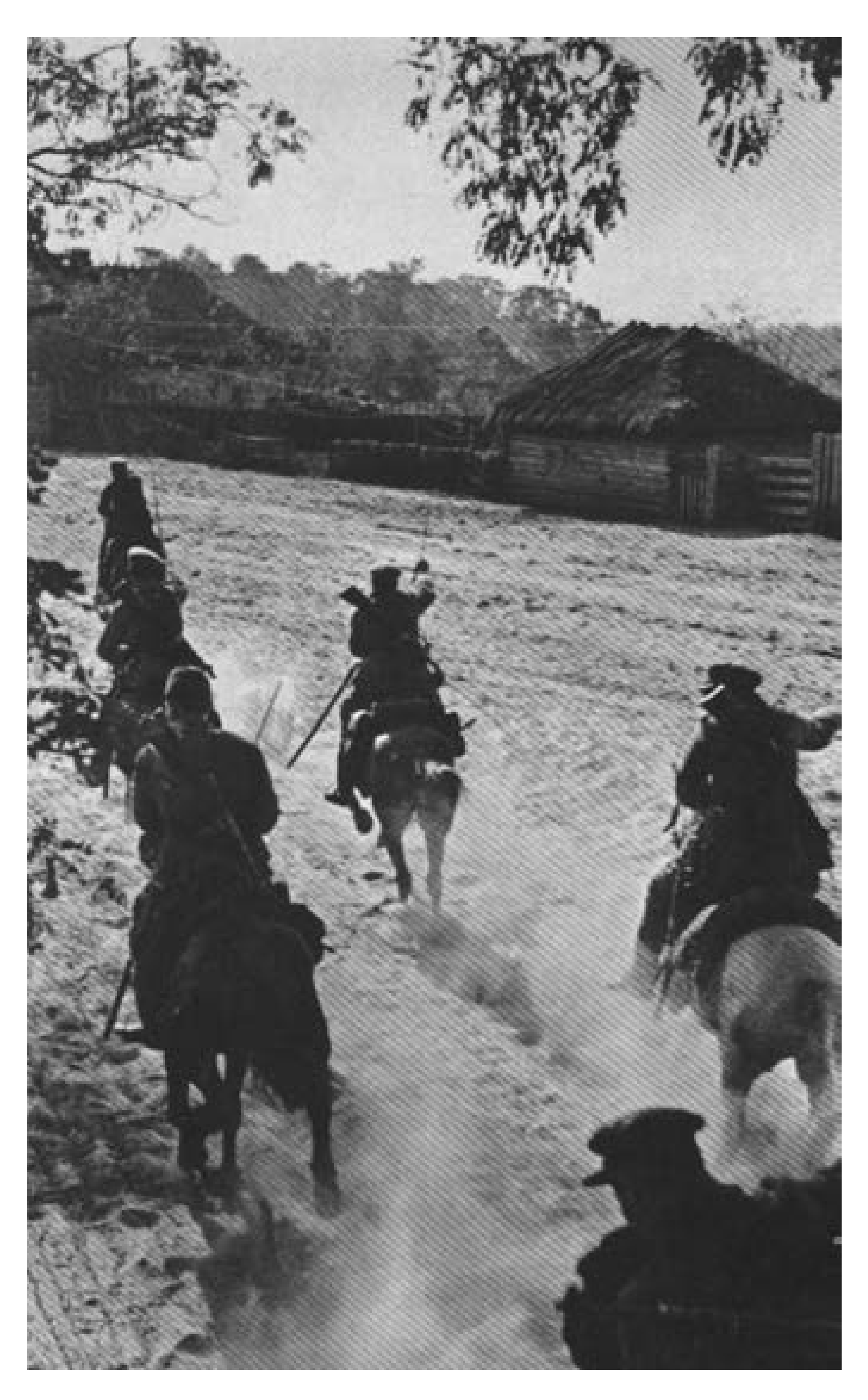
В целом войска фронта не имели значительного превосходства. Но на направлении главного удара, то есть на лютежском плацдарме, благодаря перегруппировке войск было создано решающее превосходство в силах. Так, например, в 38-й армии на участке прорыва шириной 14 км советские войска имели превосходство по стрелковым соединениям — в 3 раза, по танкам — в 9 раз, по артиллерии — в 4,5 раза. На участке главного удара 60-й армии шириной 20 км превосходство по стрелковым соединениям было почти тройным.

В интересах огневого обеспечения наступления на направлении главного удара командование фронта сконцентрировало свыше 2 тыс. орудий и минометов (калибра 76 мм и более) и 500 установок реактивной артиллерии. На 1 км участка прорыва приходилось более 300 орудий и минометов. Такая высокая плотность артиллерии была достигнута впервые за время войны. Поддержку сухопутных войск осуществляли силы авиации 2-й воздушной армии под командованием генерала С. А. Красовского.

Фактором внезапности должна была выступить быстрота перегруппировки войск, поскольку за время октябрьских боев противник привык, что советские войска на этом участке не имеют существенного превосходства. Не случайно Ставка ВГК сократила запрашиваемый Г. К. Жуковым и Н. Ф. Ватутиным десятидневный срок подготовки операции до семи дней.

Наступление с букринского плацдарма решено было начать 1 ноября 1943 г. Начало наступления севернее Киева планировалось на 2 ноября. Позднее, в связи с неготовностью войск и прежде всего из-за медленного подвоза и накопления боеприпасов, начало наступления было перенесено на 3 ноября[152]. Темпы наступления ударной группировки предусматривались: для стрелковых — 10—11 км, для подвижных соединений — 10—40 км в сутки.

Освободить Киев планировалось к исходу 5 ноября 1943 г. Сроки наступления и его темпы не были привязаны к конкретной дате, они определялись общей стратегической обстановкой, сложившейся к тому времени на южном участке советско-германского фронта. Степной фронт (с 20 октября — 2-й Украинский), захватив плацдарм на правом берегу Днепра в районе Кременчуга, с середины октября 1943 г. перешел в наступление на криворожском и кировоградском направлениях на стыке между 1-й танковой и 8-й немецкой армиями.

Атака кавалеристов на ближних подступах к Киеву

Успешное развитие наступления привело к тому, что между армиями образовался широкий проход, возникла угроза изоляции 1-й танковой армии в восточной части днепровской излучины. Как отмечал Э. Манштейн, «эта опасность для командования группы армий была наиболее угрожающей»[153].

Прибывшие из Германии резервы (две танковые и одна пехотная дивизии) 24 октября 1943 г. нанесли контрудар в направлении р. Ингулец севернее Кривого Рога. Ожесточенные бои продолжались до 28 октября, немцам удалось временно стабилизировать обстановку и восстановить сплошной фронт между 1-й танковой и 8-й армиями. Но в конце октября перешел в наступление 4-й Украинский фронт (командующий — генерал армии Ф. И. Толбухин), который прорвал фронт немецкой 6-й армии. Только за 28 октября войска фронта, развивая наступление в направлении Каховки, углубились в оборону противника до 45 км[154]. В итоге 4-й Украинский фронт глубоко продвинулся по Северной Таврии, блокировал Крым и вынудил немцев оставить весь левый берег Днепра, за исключением никопольского плацдарма. 1-я танковая армия опять могла оказаться в ловушке. Все это обусловливало благоприятную ситуацию для наступления на киевском направлении.

В интересах мобилизации личного состава 1-го Украинского фронта на выполнение поставленной задачи политорганы развернули бурную деятельность. К. С. Москаленко вспоминал: «В подразделениях и частях накануне наступления состоялись короткие митинги. Такая форма обращения к бойцам перед боем стала у нас традицией и являлась одним из звеньев, обеспечивавших успех операции. Особое значение ей придавало то, что она совпала с подготовкой к празднованию 26-летия Великой Октябрьской социалистической революции. «Освободим Киев к 26-й годовщине Великого Октября» — этот лозунг стал основой всей политической работы в войсках армии»[155]. Разумеется, все причастные к этому люди понимали, что совпадение дат в данном случае — чистая случайность. Но этот момент необходимо было использовать в интересах воодушевления войск, поскольку для большинства солдат и офицеров коммунистическая идеология не была пустым звуком, они искренне верили в социализм и были готовы сражаться за его идеалы.

Личный состав войск 1-го Украинского фронта испытывал сильный душевный подъем, вызванный успехами советских войск, и желание не отстать от общего наступления. Кроме того, с позиций на лютежском плацдарме и с левого берега Днепра наблюдались пожары и взрывы в Киеве. Немцы начали уничтожение стратегических объектов в городе, вывозили оборудование предприятий и материальные ценности. Это способствовало тому, что солдаты и офицеры стремились как можно скорее освободить Киев, спасти его от разрушения. Накануне наступления личному составу был объявлен приказ Военного совета фронта о решительном штурме Киева. В нем говорилось о великой чести, выпавшей на долю войск фронта в освобождении столицы Украины.

Много внимания было уделено подготовке войск и штабов к предстоящим действиям. Работа по организации взаимодействия войск проводилась, как правило, на местности. Широко практиковался проигрыш хода боевых действий по намеченным планам. Так, например, 30 октября 1943 г. такая игра была проведена с командным составом 3-й гвардейской танковой армии до командира бригады включительно[156].

С утра 1 ноября 1943 г. войска 40-й и 27-й армий левого фланга 1-го Украинского фронта перешли в наступление с букринского плацдарма и, преодолевая упорное сопротивление противника, на отдельных участках углубились в его оборону на 200–1500 м[157]. На следующий день 40-я и 27-я армии продолжили наступление на букринском плацдарме, но встретив сильное сопротивление, вперед практически не продвинулись[158]. Хотя они и не прорвали оборону противника, но смогли сковать его значительные силы и не дали возможности своевременно перебросить их на направление главного удара советских войск. Более того, немецкое командование дополнительно ввело здесь в сражение танковую дивизию СС «Райх» и выдвинуло к букринскому плацдарму еще до двух пехотных дивизий. С 3 по 6 ноября советские войска на букринском плацдарме продолжали атаки и этим в значительной мере содействовали успеху удара главной группировки севернее Киева.

Наступлению ударной группировки фронта предшествовала разведка боем, проведенная утром 31 октября и во второй половине дня 1 ноября разведывательными отрядами и усиленными стрелковыми батальонами от дивизий первого эшелона, поддерживаемыми двумя-тремя дивизионами артиллерии. В ходе разведки боем были захвачены 11 пленных, уточнены передний край обороны, характер заграждений, система огня и группировка врага. В отдельных местах было улучшено тактическое положение войск[159].

Утром 3 ноября 1943 г. началось наступление главной группировки фронта (60-я армия под командованием И. Д. Черняховского, 38-я армия под командованием К. С. Москаленко и часть сил 5-го гвардейского танкового корпуса) на лютежском плацдарме. Благодаря хорошо организованной и грамотно проведенной системе подготовительных мероприятий советское командование добилось внезапности наступления с лютежского плацдарма. Впоследствии Э. Манштейн отмечал: «В начале ноября 1943 г. противник крупными силами снова перешел в наступление на северный фланг группы армий — участок фронта 4-й танковой армии на Днепре. Было неясно, имеет это наступление далеко идущие цели или противник пока пытается занять западнее Днепра необходимый ему плацдарм. Вскоре оказалось, что 4-я танковая армия не сможет удержать своей полосы на Днепре перед натиском обладающего значительным превосходством сил противника»[160].

Надежное огневое поражение в ходе 40-минутной артиллерийской и авиационной подготовки позволило соединениям армий прорвать оборону противника и продвинуться на глубину 4–8 км[161]. Большую помощь наступавшим войскам оказывала 2-я воздушная армия. В первый день операции она произвела 1150 самолето-вылетов, в 36 воздушных боях был сбит 31 самолет противника[162].

Несмотря на сильную огневую поддержку, задача первого дня все же была выполнена не в полном объеме. Из-за постоянных контратак противника войска 60-й и 38-й армий продвигались медленнее, чем было запланировано. Вечером 3 ноября Ставка ВГК потребовала от командующего фронтом генерала Н. Ф. Ватутина ускорить наступление: «Операцию, начатую на правом крыле фронта, не затягивать, так как каждый лишний день дает только преимущество противнику, позволяя ему сосредоточить сюда свои силы, пользуясь хорошими дорогами, тогда как у нас разрушенные противником дороги затрудняют и ограничивают маневр». Ставка потребовала не позже 5 ноября перерезать железную дорогу Киев — Коростень и 5–6 ноября овладеть Киевом[163]. Командующий фронтом, в свою очередь, уточнил задачи наступающим армиям. С утра должна была начать выдвижение 3-я гвардейская танковая армии. Из ее состава изымался 6-й гвардейский танковый корпус и направлялся для поддержки 38-й армии. В этой ситуации Н. Ф. Ватутин, обратившись напрямую к командирам корпусов, приказал овладеть Киевом уже к утру 5 ноября[164].

В ночь на 4 ноября оставленный на левом берегу Днепра сводный отряд в составе 126-го и 367-го стрелковых полков 71-й стрелковой дивизии, 127-го и 128-го армейских заградительных отрядов и учебного батальона 38-й армии с помощью подручных средств переправился через реку в районе острова Казачий и захватил плацдарм. Перерезав дорогу, идущую на Киев вдоль Днепра, и овладев населенным пунктом Вита Литовская, сводный отряд способствовал действиям ударной группировки 38-й армии по освобождению Киева[165].

4 ноября 1943 г. войска 1-го Украинского фронта частью сил продолжали наступление в районах севернее и северо-западнее Киева, продвинулись за день на 2–6 км и овладели несколькими населенными пунктами, в том числе районным центром Киевской области г. Дымер[166]. Продвижение 60-й и 38-й армий замедляли частые контратаки врага. Наращивая силу удара, командующие армиями ввели в сражение вторые эшелоны и резервы, в том числе 1-ю чехословацкую отдельную бригаду под командованием полковника Л. Свободы[167].

В интересах завершения прорыва тактической зоны обороны противника были введены в сражение 6-й и 7-й гвардейские танковые корпуса 3-й гвардейской танковой армии, которые стали действовать совместно со стрелковыми соединениями. Чтобы не дать немцам закрепиться на промежуточных рубежах и беспрепятственно отойти из Киева, танковые соединения продолжали наступать и ночью. В целях деморализации противника танки шли

Уличные бои в Киеве

в атаку с зажженными фарами и включенными сиренами, ведя интенсивный огонь из пушек и пулеметов. Этот новый прием ночной атаки танковыми частями в сочетании со смелым маневром по лесным дорогам ошеломляюще воздействовал на врага, который, не оказывая серьезного сопротивления, начал отходить к городу[168].

5 ноября немецкому командованию стало ясно, что Киев будет сдан[169]. Немцы начали отвод из Киева тылов и вспомогательных частей. 3-я гвардейская танковая армия силами 6-го и 7-го гвардейских танковых корпусов, введенными в прорыв с утра 5 ноября, к 10 часам овладела населенным пунктом Святошино и развила наступление в направлении Васильков — Фастов, обходя Киев с запада. 60-я армия, развивая наступление между реками Здвиж и Ирпень, продвинулась за день на 10–20 км и надежно обеспечила правый фланг 38-й армии. 38-я армия во взаимодействии с частями 3-й гвардейской танковой армии прорвалась в центральные кварталы Киева и вела там уличные бои, продвинувшись за день на 8–12 км[170].

Всю ночь с 5 на 6 ноября 1943 г. в Киеве продолжались бои. К 4 часам утра 38-я армия полностью освободила столицу Украины и, перейдя к преследованию противника, продвинулась к исходу 6 ноября до 25 км. 60-я армия, развивая наступление между реками Здвиж и Ирпень, углубилась в оборону противника до 12 км. 3-я гвардейская танковая армия после участия в боях за Киев частью сил продолжала наступать в направлении Фастова и, преодолев за день свыше 30 км, достигла восточной окраины этого города[171].

Еще до завершения боев в Киеве на улицах города стали собираться его жители, приветствовавшие входящие советские войска. Вспоминая об этом, К. С. Москаленко писал: «Двигаясь вслед за танками, мы добрались, наконец, по бульвару Шевченко до Крещатика. Там нас неожиданно встретили большие группы восхищенных, сияющих киевлян. Вокруг рвались снаряды, свистели пули, а жители города плотным кольцом окружили наши машины и бурно выражали свою радость»[172].

Оставляя Киев, немецкие войска производили поджоги и взрывы важных объектов коммунального хозяйства, культурных и административных зданий, жилых домов. Они превратили в развалины многие улицы, в том числе центральную магистраль города — Крещатик, взорвали Успенский собор Киево-Печерской лавры, уничтожили многие исторические памятники, сожгли Театр юного зрителя, консерваторию, разрушили здание Академии наук УССР, большинство медицинских учреждений города, 140 школ, 900 зданий государственных и общественных организаций, свыше 800 предприятий, лучшие кинотеатры и клубы[173].

Дальнейшее развитие Киевской наступательной операции было стремительным. 7 ноября 1943 г. войска 1-го Украинского фронта продолжали наступление в направлениях Иванков, Радомышль, Белая Церковь и, продвинувшись за день на 5–30 км, овладели крупным железнодорожным узлом и городом Фастов, отбросив противника от Киева на 25–60 км[174]. При овладении городом отличилась 91-я отдельная танковая бригада 3-й гвардейской танковой армии. Командир бригады полковник И. И. Якубовский, встретив сильное сопротивление врага у восточной окраины Фастова, решил силами одного танкового батальона при поддержке противотанковой батареи имитировать атаку Фастова с востока, а основными силами бригады (танковый и мотострелковый батальоны) атаковать город с севера через Малую Снетинку и Снегуровку, где, как показала проведенная разведка, противником были оставлены незначительные гарнизоны. Обходной маневр и внезапная атака с неожиданного направления увенчались полным успехом — к 2 часам утра 7 ноября основные силы бригады ворвались в Фастов с севера, а уже к 7 часам утра город и железнодорожная станция были полностью очищены от фашистов. Менее чем за сутки бригада прошла с боями 79 км[175].

В результате решительных и умелых действий войск 1-го Украинского фронта оборона противника во многих местах была разорвана. Следующие пять дней войска 1-го Украинского фронта успешно развивали операцию на житомирском и белоцерковском направлениях с темпом до 20–25 км в сутки[176].

К 12 ноября на правом берегу Днепра был создан мощный киевский стратегический плацдарм до 230 км по фронту (считая по линии Днепра) и 145 км в глубину (на житомирском направлении)[177], который сыграл важную роль при проведении дальнейших операций

по освобождению Правобережной Украины. Однако поскольку фронт действий постоянно увеличивался, наступление велось уже по отдельным направлениям. В результате этого промежутки между флангами соединений быстро расширялись. Кроме того, тыл растянулся, в войсках ощущалась сильная нехватка горючего и боеприпасов.

Между тем к середине ноября завершалось доукомплектование немецкого 48-го танкового корпуса[178], который составлял основу контрударной группировки противника южнее Фастова. В связи с этим Ставка ВГК, учитывая, что «быстрое продвижение правого фланга и центра 1-го Украинского фронта на запад и в то же время упорство противника и его контратаки на фронте Фастов, Триполье и сосредоточение здесь основной танковой группировки немцев говорит о том, что противник, давая возможность продвигаться нам на запад, собирает силы для удара под корень, в направлении на Фастов, Киев», 12 ноября приказала 1-му Украинскому фронту своим центром временно приостановить наступление на запад[179]. Началась Киевская оборонительная операция советских войск. В то же время частью сил войска фронта продолжали развивать наступление. Так, 13 ноября 1943 г. они овладели областным центром Украинской ССР — Житомиром и, продвинувшись за сутки на 6–14 км[180], вышли на рубеж Чернобыль — Малин — Черняхов — Житомир — южнее Фастова и Обухова.

Первые попытки противника контратаковать советские войска не нанесли большого ущерба действиям 1-го Украинского фронта. По этому поводу Манштейн писал: «Снова оказалось, что вновь сформированные дивизии, не имеющие опыта использования на восточном фронте, вынуждены в первое время расплачиваться за полученные уроки. К тому же командир дивизии (25-й танковой дивизии, находившейся до введения в сражение в резерве группы. — *Прим. ред.*), выдвинувшийся вперед для разведки местности со своим разведывательным батальоном, при первом же соприкосновении с противником был ранен и вышел из строя. Таким образом, наступление дивизии не принесло ожидаемого успеха — захвата железнодорожного узла Фастов. Наоборот, это первое соприкосновение с противником на востоке, не говоря уже о больших потерях, означало для личного состава дивизии психический шок, которого главное командование должно было избежать»[181].

15 ноября 1943 г. немецкие войска, нанеся рассекающие удары с рубежа Корнин — Ходорков на Брусилов и из района Ивница в направлении Житомира, прорвали оборону советских войск[182]. 17 ноября противник вышел в районе Коростышева на шоссе Житомир — Киев и развернул вдоль него наступление на Киев. Следует отметить, что в этот же день частью сил правого фланга войска 1-го Украинского фронта, наступая в западном направлении, овладели г. Коростень[183]. На следующий день немцам удалось окружить часть сил 60-й армии в районе Житомира, которая затем была вынуждена с боями прорываться к своим войскам.

19 ноября 1943 г. противник овладел Житомиром[184] и потеснил боевые порядки 60-й и 38-й армий на линию Черняхов — Брусилов — Фастов. Продвигаясь вдоль шоссе Житомир — Киев, он повел наступление в направлении Киева. Развернулось сражение за районный центр Житомирской области Брусилов, который нашим войскам пришлось оставить 23 ноября[185].

В интересах восстановления утраченного положения в район севернее и восточнее Брусилова из-под Фастова были перегруппированы соединения 3-й гвардейской танковой армии, а в район Триполье — 40-я армия и часть сил 27-й армии. Решением Ставки ВГК в состав фронта были переданы 18-я, 1-я танковая армии, 4-й гвардейский и 25-й танковые корпуса. 26 ноября Н. Ф. Ватутин нанес контрудар тремя стрелковыми корпусами во фланг немецкой группировке, наступавшей вдоль шоссе на Киев. В результате уже через трое суток фронт был стабилизирован на рубеже Черняхов — Радомышль — Ставище — Юровка. Командующий группой армий «Юг» Э. Манштейн утверждал, что «последний намечавшийся удар на восток вдоль большого шоссе Житомир — Киев в тыл противнику, находившемуся южнее Киева, был сорван в результате распутицы»[186]. Однако следует иметь в виду, что распутица оказывала одинаковое влияние на действия как немецких, так и советских войск.

28 ноября Ставка отдала приказ командующему войсками 1-го Украинского фронта на переход к временной обороне и подготовку нового наступления. В своей директиве

Подразделения атакуют врага в районе предместья Киева

Советские танки на Крещатике

она указала: «Наличных сил... недостаточно для осуществления серьезного контрудара и разгрома сил противника. Необходимо поэтому немедля перейти... на жесткую оборону с задачей измотать силы противника силами нашей артиллерии и авиации при попытках его наступления или отдельных атак... С подходом Леселидзе, Катукова и других сил обязательно нужно заняться организацией нашего контрнаступления с задачей разгрома сил противника и выхода на Южный Буг. Это контрнаступление нужно организовать так же основательно и тщательно, как это было сделано под Белгородом»[187]. В декабре 1943 г. войска противника дважды пытались прорваться к Киеву, но упорной обороной советских войск были остановлены. 22 декабря оборонительная операция была завершена. Советские войска в ходе оборонительных действий разгромили пять пехотных, две танковые и одну моторизованную дивизии, потеряв безвозвратно свыше 26 тыс. человек[188].

За мужество и отвагу, проявленные в боях за Киев, 65 частей и соединений получили почетное наименование Киевских. Около 17,5 тыс. солдат и офицеров 1-го Украинского фронта были награждены орденами и медалями[189].

Освобождение Киева получило широкий международный отклик. В странах антигитлеровской коалиции это событие расценивалось как новый мощный удар по армии фашистской Германии. Лондонское радио сообщило: «Занятие Киева советскими войсками является победой, имеющей огромное не только военное, но и моральное значение... Когда гитлеровцы заняли Киев в 1941 г., они хвастливо заявляли, что это повлечет за собой полнейшее поражение советских войск на всем юго-востоке. Теперь времена изменились. Германия слышит звон похоронного колокола. На нее надвигается лавина»[190].

В итоге наступления с 3 по 6 ноября 1943 г. войска ударной группировки фронта разгромили девять пехотных, две танковые и одну моторизованную дивизии противника[191]. Потери советских войск с 3 по 13 ноября составили 30 569 человек, из них безвозвратно — 6491 человек (или около 1% от численности на 3 ноября)[192].

Сокрушение «Восточного вала»

В ходе первого этапа битвы за Днепр — Черниговско-Полтавской и Донбасской наступательных операций — советские войска не только освободили основную часть Левобережной Украины и Донбасса, но и заняли на правом берегу Днепра ряд оперативных плацдармов. На восточном берегу Днепра немецкие войска удерживали лишь три крупных плацдарма — кременчугский, никопольский и запорожский. Южнее войска Юго-Западного и Южного фронтов после освобождения Донбасса вышли на продолжение «Восточного вала» по р. Молочная.

Система немецких оборонительных рубежей по рекам Днепр и Молочная была нарушена в ряде мест, но «Восточный вал» еще не удалось сокрушить, шли кровопролитные бои за удержание и расширение захваченных плацдармов. Затягивание этих боев могло привести к изматыванию ударных группировок, подрыву их наступательных возможностей, что являлось особенно опасным в условиях приближавшейся зимы. В этих условиях было важно изыскать возможности для завершения прорыва «Восточного вала». В связи с этим Ставка ВГК поставила задачу ликвидировать предмостные укрепления противника, оставшиеся на левом берегу Днепра, расширить плацдармы до стратегического уровня, создав тем самым условия для освобождения всей Правобережной Украины и Крыма.

Вермахт, со своей стороны, стремился любой ценой удержать «Восточный вал», перевести боевые действия в позиционное русло в интересах выигрыша времени, аккумулирования сил и средств для перелома неблагоприятного для себя развития событий. Ближайшими задачами групп армий «Центр» и «Юг» являлись ликвидация плацдармов советских войск, организация на рубеже рек Днепр и Молочная прочной обороны и удержание Правобережной Украины.

Командование немецких войск рассчитывало, что советским войскам, понесшим серьезные потери в ходе трехмесячных непрерывных сражений, уставшим физически и морально, потребуется длительное время для восстановления сил. Надежды также возлагались на возможную паузу в наступлении Красной армии, ожидавшуюся в связи с приближавшейся осенней распутицей. Так, в итоговой оценке положения на советско-германском фронте отдел по изучению армий Востока генерального штаба сухопутных войск Германии еще 5 сентября 1943 г. утверждал: «Противник, по-видимому, уже сейчас будет стремиться к созданию оперативной паузы на время распутицы с тем, чтобы пополнить свои силы. Возможно, что он попытается также до наступления этой паузы занять по возможности благоприятные исходные районы для предполагаемого зимнего наступления»[193]. Такая оценка планов советского командования сохранялась почти до конца октября.

Командование группы армий «Юг» предпринимало активные меры по восстановлению боеспособности своих соединений. Кроме того, проводилась перегруппировка соединений с других участков фронта и переброска соединений из Западной Европы. Наращивая здесь группировку сил и средств, немецкое командование в сентябре 1943 г. направило на восточный фронт управления двух армейских корпусов, два управления резервных корпусов, девять пехотных и четыре резервные дивизии[194]. Достаточно разветвленная дорожная инфраструктура Правобережной Украины позволяла противнику обеспечивать снабжение своих войск и осуществлять их переброску. Одновременно вермахт на угрожаемых направлениях увеличивал глубину подготовленной обороны, готовя новые рубежи.

К концу сентября 1943 г. юго-западное стратегическое направление продолжало играть важнейшую роль, прежде всего в полосах действий Центрального, Воронежского и Степного фронтов, которым предстояло разгромить противостоящую группировку противника, освободить важнейшие экономические районы страны и блокировать немецкие войска в Крыму. К началу октября 1943 г. силы, собранные советским командованием в районе нижних переправ через Днепр, были уже способны начать крупномасштабные наступательные действия на противоположном берегу на отдельных направлениях. Так, на участке Кременчуг — Днепропетровск было спланировано мощное наступление. Одновременно на других участках фронта были начаты демонстративные действия и перемещения войск для отвлечения внимания немецкого командования от южных переправ и района Киева.

С 26 сентября до 23 декабря 1943 г. шла завершающая битва за Днепр — Нижнеднепровская стратегическая наступательная операция. В ее ходе был проведен целый ряд фронтовых наступательных операций: Мелитопольская (26 сентября — 5 ноября), Запорожская (10–14 октября), Пятихатская (15 октября — 23 ноября), Знаменская (20 ноября — 23 декабря), Днепропетровская (23 октября — 23 декабря).

Главной особенностью Нижнеднепровской операции было практически полное отсутствие подготовительного периода. Постановка задач войскам, планирование, перегруппировка сил производились в ходе не прекращавшихся наступательных боев по всей полосе фронта. Достижение успеха осложняли многие факторы, среди них были большой некомплект и усталость соединений, значительная отдаленность аэродромов и баз снабжения, сохранявшаяся нехватка переправочных средств, проблемы с поставками горючего, боеприпасов и других материальных средств. Кроме того, неблагоприятные погодные условия затрудняли действия авиации и подвижных сил.

В операции принимали участие войска трех фронтов: Степного (командующий — генерал армии И. С. Конев), Юго-Западного (командующий — генерал армии Р. Я. Малиновский) и Южного (командующий — генерал армии Ф. И. Толбухин). С 20 октября 1943 г. эти фронты соответственно были переименованы во 2, 3 и 4-й Украинские. Они в своем составе имели 18 общевойсковых, одну танковую и три воздушные армии. К началу октября в войсках этих фронтов насчитывалось более 1550 тыс. человек, 24 437 орудий и минометов, 1160 танков и самоходных артиллерийских установок, 2 тыс. боевых самолетов.

Трем советским фронтам противостояли 1-я танковая армия и часть сил 8-й полевой армии группы армий «Юг» (командующий — генерал-фельдмаршал Э. Манштейн), а так-

же 6-я полевая армия группы армий «А» (командующий группой — генерал-фельдмаршал Э. Клейст). В составе этой группировки вермахта насчитывалось 770 тыс. человек, 8 тыс. орудий и минометов, 800 танков и штурмовых орудий. Действия войск поддерживала авиация — около 1 тыс. боевых самолетов 4-го воздушного флота.

В ходе Нижнеднепровской стратегической наступательной операции главные удары планировалось нанести на кременчугском, днепропетровском и мелитопольском направлениях. При этом Степному фронту ставилась задача разгромить кременчугско-криворожскую группировку противника и выйти в его тыл в районе Днепропетровска. Юго-Западный фронт должен был ликвидировать запорожский плацдарм противника, расширить захваченные плацдармы на Днепре и во взаимодействии со Степным фронтом осуществить разгром немецкой группировки в районе Днепропетровска и Кривого Рога. Южному фронту предстояло, прорвав оборону противника на р. Молочная, развернуть наступление на Каховку и Херсон для блокирования, а по возможности разгрома его крымской группировки. Координацию действий Степного фронта с Воронежским осуществлял представитель Ставки ВГК Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, Юго-Западного и Южного фронтов — представитель Ставки ВГК Маршал Советского Союза А. М. Василевский.

Нижнеднепровская стратегическая операция началась 26 сентября 1943 г. переходом в наступление по р. Молочная войск Южного фронта, которые этими действиями открыли Мелитопольскую операцию. Фронт имел в своем составе 5-ю ударную, 2-ю гвардейскую, 44, 28 и 51-ю, 8-ю воздушную армии, 11, 19, 20-й танковые, 2-й и 4-й гвардейские механизированные, 4-й и 5-й гвардейские кавалерийские корпуса (всего 555 тыс. человек, до 780 танков и САУ, свыше 5300 орудий и минометов, более 1100 самолетов). Им противостояла 6-я армия группы армий «А» — около 210 тыс. человек, 300 танков, 1500 орудий и минометов, 700 самолетов.

Одновременно войска Степного фронта успешно проводили операцию по ликвидации плацдарма, удерживаемого противником у Кременчуга. Уже к исходу 29 сентября объединения правого фланга фронта ликвидировали кременчугский плацдарм противника и овладели Кременчугом. В центре и на левом фланге войска Степного фронта продолжали упорные бои на правом берегу Днепра, расширив захваченные плацдармы на участке Куцеволовка — Мишурин Рог — Бородаевка[195].

Мелитопольская операция проводилась после завершения Донбасской. Оборонительный рубеж противника на р. Молочная представлял собой две-три полосы обороны с развитой системой траншей, долговременных огневых сооружений, многочисленных противотанковых и противопехотных заграждений. Передний край немецкой обороны проходил по ряду командных высот, надежно прикрытых р. Молочная с очень обрывистым западным берегом. Каждое село было превращено в крепость. Дом с домом соединялись траншеями. На всех более или менее танкодоступных направлениях пролегли противотанковые рвы. Глубина рвов достигала нескольких метров, а многие из них затоплялись водой. Все это дополнялось почти сплошными минными полями и проволочными заграждениями[196]. Для усиления обороны в течение первых двадцати дней сентября 1943 г. противник перебросил на рубеж р. Молочная пять дивизий из Крыма, с Таманского полуострова и из группы армий «Север»[197].

Ставка ВГК требовала прорвать оборону противника на р. Молочная, нанося главный удар на правом фланге Южного фронта севернее Мелитополя. Здесь должны были действовать 5-я ударная армия (командующий — генерал В. Д. Цветаев), 44-я армия (командующий — генерал В. А. Хоменко) и 2-й гвардейская армия (командующий — генерал Г. Ф. Захаров). Для развития успеха на этом направлении в резерве фронта находилась 51-я армия под командованием генерала Я. Г. Крейзера. Ее предполагалось ввести в сражение, когда оборона неприятеля будет прорвана на всю глубину[198]. Танковые, механизированные и кавалерийские корпуса собирались использовать в качестве подвижных групп для развития наступления в оперативной глубине[199]. Вспомогательный удар планировался южнее Мелитополя силами 28-й армии под командованием генерала В. Ф. Герасименко. Ее основная задача заключалась в том, чтобы сковать здесь противника. Для авиационного обеспечения действий войск Южного фронта выделялась 8-я воздушная армия (командующий — генерал Т. Т. Хрюкин)[200].

Утром 26 сентября 1943 г. практически без оперативной паузы после часовой артиллерийской и авиационной подготовки соединения правого фланга и центра Южного фронта перешли в наступление в направлении Михайловки и, преодолевая упорное сопротивление противника, на отдельных участках продвинулись за день на глубину до 4 км[201]. Наиболее успешно в первый день операции действовали 44-я и 2-я гвардейская армии.

На следующий день перешла в наступление 28-я армия Южного фронта, однако соединения армии, сразу встретив сильное противодействие врага, отражая частые контратаки его пехоты и танков, смогли незначительно продвинуться вперед лишь на отдельных участках. Не намного лучше обстояли дела и на направлении главного удара. Там за два дня напряженных боев войска фронта, преодолев противотанковый ров шириной 3,5 м и глубиной 2,5 м, вклинились в оборону противника по фронту до 22 км и в глубину на отдельных участках от 2 до 6 км[202]. Последующие три дня не принесли войскам Южного фронта существенного результата. За пять дней боев ценой больших потерь им удалось вклиниться в немецкую оборону лишь на 2—10 км.

С 1 октября 1943 г. войска Южного фронта закреплялись на достигнутых рубежах, на отдельных участках вели бои за улучшение своих позиций и подтягивали тылы[203]. Разведка фронта смогла установить, что противник перебрасывает значительные силы с его южного фланга на северный. Оценив обстановку, Ф. И. Толбухин перегруппировал в полосу 28-й армии войска 51-й армии, танковый и кавалерийский корпуса, и в 13 часов 9 октября после 45-минутной огневой подготовки нанес удар, делая основную ставку уже на южном фланге. Наступая в направлениях Михайловки и Мелитополя, советские войска овладели рядом опорных пунктов, продвинувшись на отдельных участках вперед от 1 до 4 км[204].

Командование Южного фронта рассчитывало, что его войскам помогут черноморские моряки. Но 6 октября 1943 г. их операция, призванная оттянуть на себя часть немецких и румынских резервов, закончилась неудачей с потерей трех крупных боевых кораблей. Произошло это вследствие того, что Черноморский флот не согласовал свои действия с войсками Северо-Кавказского фронта, в результате чего оторвался от сухопутных войск[205].

Противник для ликвидации угрозы прорыва стал спешно перебрасывать из Крыма и Тамани свои соединения (до девяти дивизий), но их разрозненный ввод в бой не принес особого успеха. Войска Южного фронта, отбивая контратаки противника, продолжали вести наступательные бои в целях улучшения своего положения в направлениях Михайловки и Мелитополя. К исходу 13 октября введенная из резерва в сражение 51-я армия, сломив упорное сопротивление противника, овладела населенным пунктом Константиновка и южной частью Мелитополя[206]. 16 октября наметился успех на правом фланге Южного фронта, где 5-я ударная армия, наступая в направлении Васильевки, продвинулась за день боя на глубину от 6 до 9 км[207], но в последующем наступление опять затормозилось.

В первой половине дня 21 октября войска 4-го Украинского (бывшего Южного) фронта всеми силами перешли в наступление на прежних направлениях, вновь нанося главный удар на своем правом фланге, усиленном 3-й гвардейской армией под командованием генерала Д. Д. Лелюшенко, переданной из 3-го Украинского фронта. Наступавшие части, прорвав передний край обороны противника по фронту до 20 км на участке севернее Васильевки — Эристовка — Гендельберг, на отдельных участках продвинулись вперед на 1—6 км[208]. На следующий день войска 4-го Украинского фронта выбили врага с основного оборонительного рубежа и, продвинувшись за день на 1—8 км, овладели 15 населенными пунктами. 51-я армия к 16 часам 23 октября полностью овладела Мелитополем и, сломив сопротивление противника на южном участке оборонительного рубежа по р. Молочная, продолжила наступление в западном направлении[209].

24 октября войска левого фланга 4-го Украинского фронта прорвали южнее Мелитополя второй оборонительный рубеж противника и продвинулись за день на 2—8 км[210]. В этот прорыв была введена подвижная конно-механизированная группа в составе 4-го кавалерийского и 19-го танкового корпусов, то есть снова главный удар переместился на левый фланг фрон-

та, что свидетельствует о высоком уровне полководческого искусства. 6-я армия вермахта начала отходить на рубеж Днепра.

В дальнейшем войска 4-го Украинского фронта, продолжая преследовать отходившие части противника в западном направлении, 30 октября овладели г. Геническ. 31 октября они вышли в район Перекопа, закрыв тем самым выход неприятелю из Крыма, а 1 ноября, частью сил форсировав Сиваш, вели бои на Перекопском перешейке южнее Турецкого вала[211]. Форсирование Сиваша стало одним из ярких примеров массового героизма и самопожертвования советских воинов. Соединения 51-й армии для овладения плацдармом на его южном берегу преодолели расстояние до 3 км по вязкому дну залива в ледяной соленой воде.

К исходу 5 ноября войска 4-го Украинского фронта вышли к низовьям Днепра и захватили плацдарм на южном берегу Сиваша[212]. Темпы наступления в некоторые дни достигали 50 км в сутки. Правда, к исходу Мелитопольской операции им не удалось полностью выбить противника с занимаемого им плацдарма на левом берегу Днепра южнее Никополя, как это планировалось.

Ставка ВГК в директиве от 5 ноября 1943 г. потребовала от командующего 4-м Украинским фронтом, продолжая операцию по освобождению Крыма, главные усилия направить на ликвидацию никопольского плацдарма врага и форсирование Днепра на участке Никополь — Большая Лепетиха[213]. Но начавшееся наступление немцев под Никополем, группировка которых была усилена войсками, переброшенными из-под Кривого Рога и Кировограда, заставило перенести эти планы на более поздний срок.

В ходе Мелитопольской операции войска фронта продвинулись на запад и юго-запад на 50–320 км, освободили почти всю Северную Таврию и блокировали с суши крымскую группировку вермахта, создав тем самым условия для освобождения Крыма и юга Правобережной Украины. В результате операции были полностью разгромлены десять дивизий противника, а остальным тринадцати нанесен значительный урон[214].

Во время проведения Мелитопольской операции Юго-Западный (с 20 октября — 3-й Украинский) фронт в середине октября 1943 г. в ходе Запорожской операции уничтожил хорошо подготовленный к длительной обороне запорожский плацдарм фашистов протяженностью до 40 км и глубиной до 20 км. Плацдарм в начале октября обороняли 17-й армейский и 40-й танковый корпуса 1-й танковой армии вермахта.

Важность удержания созданного перед украинским г. Запорожье плацдарма и самого города для вермахта обусловливалась тем, что здесь находился крупный узел железных, шоссейных и водных путей. Именно через этот район шло снабжение немецких войск, находившихся на Левобережье, у Запорожья, в Никополе и в Крыму. Кроме того, плацдарм прикрывал важные экономические районы Криворожья, Никополя и Марганца, которые по личному требованию Гитлера должны были удерживаться немецкими войсками любой ценой[215].

В фортификационном плане запорожский плацдарм противника представлял собой систему хорошо подготовленных в инженерном отношении оборонительных рубежей, районов и позиций. Немцы оборудовали внешний и внутренний оборонительные обводы, промежуточный рубеж и укрепления внутри города.

Внешний обвод общей протяженностью до 40 км проходил восточнее города на удалении 12–20 км. Он состоял из ряда опорных пунктов с развитой сетью окопов, траншей и ходов сообщений, прикрытой противотанковыми и противопехотными заграждениями. Весь передний край обвода был защищен противотанковым рвом. За передним краем также имелись противотанковые рвы глубиной от 3,5 до 6 м. При глубине 5–6 м некоторые участки рва были примерно на 1 м заполнены водой. Система фортификационного оборудования внешнего обвода строилась с расчетом на длительное сопротивление. Укрытия для личного состава были возведены из прочных материалов, прикрыты настилами, защищающими от огня орудий средних калибров и прямого попадания мелких авиабомб. Огневые средства размещались таким образом, что можно было вести фланговый огонь вдоль фасов рва. Усиленные огневые точки, дзоты, бронеколпаки требовали применения мощных средств разрушения[216].

Внутренний обвод проходил непосредственно по окраинам города. Оба рубежа были насыщены долговременными огневыми точками. В межрубежном пространстве, особенно на танкоопасных направлениях, были подготовлены отдельные районы обороны и опорные пункты. Кроме того, оборонительный потенциал плацдарма усиливали многочисленные глубокие балки на восточных подступах к городу и днепровские плавни, глубоко врезавшиеся в залив с крутыми берегами, прикрывающие город с юга.

Еще в конце сентября 1943 г. Ставка ВГК в директиве № 30199 приказала не позднее 3 октября 1943 г. полностью очистить от противника занимаемый им запорожский плацдарм и выйти на этом участке к Днепру[217]. Выполняя это указание, войска Юго-Западного фронта с утра 1 октября 1943 г. возобновили наступление в общем направлении на Запорожье, но, встретив сильное огневое сопротивление, контратаки пехоты и танков противника, продвижения практически не имели[218].

Попытка возобновить наступление на следующий день к успеху не привела. В. И. Чуйков, в то время командующий 8-й гвардейской армией, вспоминал: «Дальнейшее наступление для нас становилось бессмыслицей... командующий фронтом отдал приказ о прекращении наступления, о переходе к жесткой обороне»[219]. Продолжение наступательных действий предполагалось ориентировочно через 5–6 дней. Началась серьезная подготовка к новому наступлению.

Перед возобновлением наступательной операции на Запорожье командующий Юго-Западным фронтом провел совещание в штабе 8-й гвардейской армии, на которое были приглашены: командующий 12-й армией генерал А. И. Данилов, командующий 3-й гвардейской армией генерал Д. Д. Лелюшенко, командующий 17-й воздушной армией генерал В. А. Судец. На этом совещании было отработано взаимодействие между армиями и родами войск, участвовавшими в наступлении[220]. 12-й армии предстояло прорвать оборону противника с северо-востока, 8-й гвардейской армии — с востока, 3-й гвардейской армии — с юго-востока по сходящимся направлениям на Запорожье.

Главный удар должна была наносить 8-я гвардейская армия. Для развития успеха предназначались 23-й танковый корпус генерала Е. Г. Пушкина и 1-й гвардейский механизированный корпус генерала И. Н. Руссиянова. Авиационное обеспечение предстоящей операции возлагалось на 17-ю воздушную армию. Для борьбы непосредственно в городе создавались штурмовые группы в составе стрелковый взвод — рота, 1–2 танка, 1–2 орудия, отделение саперов. Начало операции намечалось на 10 октября 1943 г.[221]

Как и планировалось, утром 10 октября войска левого фланга Юго-Западного фронта перешли в наступление в направлении Запорожья и на отдельных участках продвинулись вперед на 1–3 км[222].

На следующий день продвижение на ряде направлений составило уже 3–5 км, но 12 октября упорное сопротивление противника снизило продвижение до 2 км. 8-я гвардейская армия, продолжая наступление ночью, прорвала сильно укрепленный рубеж обороны противника и, продвинувшись к вечеру 13 октября вперед на 2–8 км, вела бой на рубеже Люцерновский — западная окраина Матвеевского — восточная окраина Крюкова — восточная окраина Степной (8 км восточнее Запорожья)[223]. Обозначился успех и на других направлениях. Войска фронта после четырехдневных упорных боев прорвали внешний обвод и промежуточный рубеж обороны противника и вышли на ближние подступы к Запорожью.

Учитывая предыдущий ночной успех 8-й армии, командующий войсками фронта решил овладеть городом ночным штурмом. Впервые за годы войны ночное наступление предпринималось войсками трех армий. Кроме того, было решено ввести в прорыв 1-й гвардейский механизированный и 23-й танковый корпуса.

В. И. Чуйков вспоминал: «В 21 час 50 минут небо разверзлось. Артиллерия фронта открыла огонь. Всё слилось в один сплошной и бесконечный гул и грохот. Огненными струями пронеслись снаряды реактивных минометов. Через десять минут артналет прекратился. В глухой тишине после артналета было слышно, как урчат танковые моторы, скрежещут гусеницы. Танки на полной скорости, с зажженными фарами, неся на себе десантников, устремились на ослепленного врага»[224].

К середине ночи второй оборонительный обвод был прорван. В прорыв были введены 1-й гвардейский механизированный и 23-й танковый корпуса. Войска левого фланга Юго-Западного фронта ночными действиями сломили сопротивление противника на подступах к Запорожью. К рассвету советские войска вышли к черте города, а местами их подразделения уже ворвались на городские улицы и вели там бой. Во второй половине дня 14 октября они штурмом овладели железнодорожным узлом и городом Запорожье, продвинувшись вперед на 5–10 км[225]. 12-я и 8-я гвардейская армии к исходу 14 октября закрепились по левому берегу Днепра[226]. В последующем войска Юго-Западного фронта на левом фланге успешно продолжали развивать наступление в общем направлении на Васильевку.

Освобождением Запорожья был завершен один из важных этапов Нижнеднепровской стратегической наступательной операции. Юго-Западный фронт получил возможность перенести основные усилия на криворожское направление и для расширения плацдарма в районе Днепропетровска. Удалось не допустить полного уничтожения Днепрогэса. 31 соединению и части было присвоено почетное наименование Запорожских, а командующий 12-й армией генерал А. И. Данилов был награжден орденом Богдана Хмельницкого I степени за № 1, учрежденным 10 октября 1943 г.[227]

К завершению Запорожской операции закончил подготовку к наступлению Степной фронт. Войска этого фронта под командованием генерала армии И. С. Конева еще в ходе Черниговско-Полтавской стратегической операции (Полтавско-Кременчугская операция) форсировали Днепр в районе Кременчуга и 26 сентября захватили плацдармы в районах Бородаевка, Домоткань и Сошиновка[228]. 28 сентября 37-я армия, произведя смену частей 69-й армии, частью сил форсировала Днепр в районах Дериевка, южнее Переволочной и Мишурин Рог[229]. Боевые действия за удержание и расширение плацдармов наиболее успешно вели войска 37-й и 7-й гвардейской армий, которые смогли создать на правом берегу Днепра плацдарм оперативного значения, разгромив четыре пехотные дивизии противника и нанеся еще одной пехотной и четырем танковым дивизиям серьезный урон[230].

3 октября 1943 г. Ставка ВГК утвердила план наступательной операции Степного фронта по разгрому кировоградско-криворожской группировки врага. При этом с 7 октября в состав войск Степного фронта передавалась 5-я гвардейская танковая армия[231]. Первый этап операции — форсирование, захват и обеспечение плацдарма на правом берегу Днепра для последующего наступления — был выполнен с некоторым опозданием из-за ожесточенных боев за удержание и расширение плацдармов, которые продолжались до 10–11 октября. Задачи второго этапа предусматривали наступление ударной группировки фронта с захваченного оперативного плацдарма в общем направлении на Пятихатку и Кривой Рог, чтобы после овладения Пятихаткой продолжать развитие успеха в сторону Апостолово с целью отрезать пути отхода на запад днепропетровской группировке противника, сдерживавшей наступление Юго-Западного фронта[232].

В интересах массирования сил командующий фронтом И. С. Конев произвел их сосредоточение на неглубоком, но широком плацдарме между Дериевкой и Верхнеднепровском южнее Кременчуга. В дополнение к действовавшим там 37-й (командующий — генерал М. Н. Шарохин), 7-й гвардейской (командующий — генерал М. С. Шумилов) и 57-й армиям (командующий — генерал Н. А. Гаген) на этот плацдарм из района Кременчуга была переброшена 5-я гвардейская армия (командующий — генерал А. С. Жадов). 9 октября 1943 г. 5-я гвардейская армия, передав боевой участок частям 4-й гвардейской армии, начала 100-километровый марш вдоль фронта на юго-восток[233], чтобы затем снова переправиться на правый берег Днепра на новый плацдарм. Этот решительный и скрытный маневр по уровню организации и таланту проведения аналогичен широко известной перегруппировке 3-й гвардейской танковой армии с букринского на лютежский плацдарм. На плацдарме в тылу 5-й гвардейской армии сосредоточилась и прибывшая из резерва Ставки ВГК 5-я гвардейская танковая армия (командующий — генерал-полковник танковых войск П. А. Ротмистров).

Нанесение главного удара возлагалось на 5-ю гвардейскую и 37-ю армии в стык немецких армий. Для развития прорыва в направлении на Пятихатку должны были вводиться в

сражение 5-я гвардейская танковая армия и 7-й гвардейский механизированный корпус. 52-я (командующий — генерал К. А. Коротеев), 4-я гвардейская (командующий — генерал И. В. Галанин) и 53-я (командующий — генерал И. М. Манагаров) армии получили приказ активизировать свои действия на широком фронте (свыше 50% протяженности полосы всего фронта) с целью расширить занимаемые ими плацдармы, отвлекая на себя противостоящего противника. Кроме того, 52-й армии ставилась задача освободить Черкассы[234].

Перед началом Пятихатской операции Степного фронта на рубеже Черкассы — Верхнеднепровск действовали войска немецких 1-й танковой (командующий — генерал кавалерии Э. Макензен) и 8-й (командующий — генерал пехоты О. Велер) армий группы армий «Юг» — всего 24 дивизии, основная часть которых находилась на участке Дериевка — Верхнеднепровск. Авиационную поддержку наземных войск осуществляли два авиационных корпуса 4-го воздушного флота (командующий — генерал-полковник О. Десслох), которые насчитывали более 700 самолетов[235].

Ранним утром 15 октября 1943 г. после артиллерийской подготовки основная группировка Степного фронта начала Пятихатскую операцию, нанося главный удар от Днепра в направлении Пятихатка — Кривой Рог. Ее поддерживала 5-я воздушная армия (командующий — генерал-лейтенант авиации С. К. Горюнов). Советские войска сразу встретили упорное сопротивление противника, который неоднократно переходил в контратаки при поддержке танков и авиации. За первый день сражения войска Степного фронта на правом берегу Днепра вели наступательные бои в районах Успенское — Бородаевка — Домоткань и на ряде участков вклинились в оборону врага на глубину от 2 до 3 км[236].

Для завершения прорыва И. С. Конев принял решение ввести в сражение 5-ю гвардейскую танковую армию. Однако недостаточное количество дорог не позволяло одновременно развернуть крупную бронетанковую группировку. Все корпуса выдвигались, по существу, по одному маршруту и вступали в сражение последовательно одной-двумя бригадами. В 17 часов 30 минут после 15-минутного артиллерийского налета 181-я танковая бригада 18-го танкового корпуса, обогнав пехоту 95-й и 13-й гвардейских стрелковых дивизий 5-й гвардейской армии, была введена в бой. За час до этого в полосе 57-го стрелкового корпуса 37-й армии в прорыв вошел 7-й механизированный корпус[237].

В результате ожесточенных боев 16 октября войска Степного фронта завершили прорыв тактической обороны противника, продвинувшись вперед на 6—10 км. Активно действовала над полем боя авиация (16 октября авиация немецкого 4-го воздушного флота совершила 330 самолето-вылетов, а авиация Степного фронта — 327, сбив 26 немецких самолетов)[238]. В дальнейшем, развивая наступление с темпом до 25 км в сутки, войска Степного (с 20 октября — 2-го Украинского) фронта 18 октября овладели сильно укрепленным опорным пунктом противника Дериевка, угрожавшим флангу наступавших войск, 19 октября освободили город и крупный железнодорожный узел Пятихатки, перерезав таким образом важнейшую коммуникацию неприятеля Днепропетровск — Знаменка, а с 20 октября устремились к Кривому Рогу[239]. Авиационную поддержку осуществляли бомбардировочный и штурмовой авиационные корпуса под командованием генералов И. С. Полбина и В. Г. Рязанова.

Немецкому командованию вводом в бой свежих сил удалось замедлить темп наступления войск Степного фронта, а на отдельных направлениях даже потеснить их. Так, 5-я гвардейская армия частями левого фланга с 14 часов 22 октября вела бои с танковой группой противника численностью до 50 боевых машин, наносившей контрудар в направлении Зеленого. К исходу дня части армии вынуждены были отойти с занимаемых позиций на 12 км[240]. В то же время, преодолевая упорное сопротивление противника, 57-я армия ночной атакой 22 октября овладела Верхнеднепровском[241].

23 октября возобновила наступление 5-я гвардейская танковая армия, которая к исходу дня основными силами вышла на подступы к Кривому Рогу в районе южнее Лозоватки — Покровское[242], а частью сил — в район Митрофановки, 30 км восточнее Кировограда. Более того, по свидетельству И. С. Конева, части 18-го танкового корпуса с десантом пехоты с ходу ворвались в Кривой Рог, но, будучи контратакованы сильной танковой группировкой про-

тивника, закрепиться в городе не смогли[243]. Таким образом, начав наступление от Днепра, за полторы недели 5-я гвардейская танковая армия с тяжелыми боями прошла около 100 км. В то же время боевые возможности армии после тяжелых и продолжительных боев резко снизились. К исходу 23 октября в 18-м корпусе оставалось 49 танков, в 29-м — 26 исправных танков[244].

Следующие трое суток войска левого крыла 2-го Украинского фронта вели напряженные уличные бои за овладение Кривым Рогом и, расширяя прорыв в сторону флангов, овладели рядом населенных пунктов, перерезав железную дорогу Долинская — Знаменка в районе Новой Праги. 27 октября 5-я гвардейская танковая армия силами 29-го, 18-го танковых и 7-го механизированного корпусов, после перегруппировки, в 18 часов перешла в наступление с задачей обойти Кривой Рог с запада и юга, но встретив сильное неприятельское противодействие севернее железной дороги, успеха не добилась[245]. Не способствовало скорейшему взятию города и решение Ставки ВГК о переносе направления главного удара. Ставка ВГК 26 октября потребовала от 2-го Украинского фронта, продолжая операцию по овладению Кривым Рогом, главные усилия направить на разгром кировоградской группировки противника, для чего основными силами наступать в направлении Кировограда[246].

Командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Э. Манштейн предпринимал активные меры, чтобы остановить советское наступление. К тому же настойчивые просьбы Манштейна об усилении свежими войсками группы армий «Юг» были частично удовлетворены: командование сухопутных сил вермахта выделило две доукомплектованные танковые дивизии (14-я и 24-я), а также одну пехотную. Кроме того, были обещаны еще три танковые дивизии[247]. Однако учитывая, что 1-я танковая армия могла быть в ближайшее время отрезана в восточной части Днепровской дуги, Э. Манштейн принял решение, не дожидаясь подхода этих дивизий, нанести контрудар имевшимися в его распоряжении двумя танковыми и одной пехотной дивизиями.

Созданная Манштейном танковая группировка при массированной поддержке авиации с утра 28 октября перешла в контрнаступление северо-западнее Кривого Рога в долине р. Ингулец. 29 октября под ударами немцев части правого фланга 7-й гвардейской армии в результате ожесточенного боя отошли на р. Ингулец, а части 92-й гвардейской стрелковой дивизии 37-й армии вели бой с прорвавшимися танками и были потеснены на рубеж Котовка — Братолюбовка[248]. На следующий день отход 7-й гвардейской армии и соединений правого фланга 37-й армии составил 15–20 км, противнику удалось остановить советское наступление на Кировоград и восстановить сплошной фронт между 1-й танковой и 8-й немецкими армиями, однако большего он добиться не смог.

В связи с усилением никопольской группировки противника Ставка ВГК 5 ноября 1943 г. приказала 2-му Украинскому фронту временно отложить наступление главными силами в направлении Кировограда и прочно закрепиться на занимаемом рубеже. Не позже 12–14 ноября предписывалось нанести удар силами 37, 57 и 5-й гвардейской танковой армий в общем направлении Лозоватка — Широкое, обходя Кривой Рог с запада, во взаимодействии с 3-м Украинским фронтом разбить криворожскую группировку противника и овладеть Кривым Рогом[249].

В соответствии с указаниями Ставки ВГК 14 ноября 1943 г. в 8 часов 30 минут после 50-минутной огневой подготовки войска левого фланга 2-го Украинского фронта перешли в наступление на криворожском направлении. Наступавшие части прорвали оборону противника на фронте 30 км и углубились в нее на 6–10 км[250]. Однако уже на следующий день, встретив упорное сопротивление, их продвижение остановилось. В последующем войска 2-го Украинского фронта закреплялись на достигнутых рубежах и на отдельных участках вели бои за улучшение тактического положения.

Попытка возобновить наступление на криворожском направлении 20 ноября положительных результатов не принесла. 7-я гвардейская и 57-я армии во взаимодействии с 5-й гвардейской танковой армией в течение дня вклинились в оборону противника на глубину до 2 км и вели ожесточенные бои с вражескими танками. 37-я армия, встретив упорное со-

противление противника, успеха не добилась[251]. Бои на криворожском направлении приняли затяжной характер при незначительном продвижении и больших потерях советских войск.

23 ноября 1943 г. И. С. Конев, докладывая по правительственной связи Верховному главнокомандующему о сражениях за Днепром, попросил разрешения временно перейти к обороне на занимаемом рубеже. Когда И. В. Сталин поинтересовался ближайшими планами, командующий 2-м Украинским фронтом доложил ему, что войска фронта еще проведут операции по захвату Чигирина, Александрии, железнодорожного узла Знаменки, завершат освобождение Черкасс и отбросят противника от Днепра по всей полосе фронта. Верховный главнокомандующий одобрил этот план[252].

В целом, несмотря на неудачу под Кривым Рогом, Пятихатскую операцию следует признать успешной. Войска фронта, пройдя с боями почти 100 км, вышли на подступы к Кривому Рогу и глубоко вклинились во фронт группы армий «Юг». Днепропетровская группировка противника оказалась охвачена с севера, что обусловило ее поражение в Днепропетровской операции.

Если переход в наступление войск 2-го Украинского фронта 20 ноября 1943 г. на криворожском направлении не принес ощутимого результата, то на Знаменском направлении обозначился явный успех. Здесь находились основные силы 53-й армии и 5-я гвардейская армия. Северо-западнее действовала 52-я армия, захватившая 13 ноября небольшой плацдарм в районе Черкасс. От Кременчуга до Черкасс по восточному берегу Днепра занимала оборону 4-я гвардейская армия. Против войск фронта на Знаменском направлении действовали 3-й, 47-й танковые и 11-й армейский корпуса 8-й немецкой армии (восемь пехотных и одна танковая дивизии).

Еще 10 ноября командующему 5-й гвардейской армией А. С. Жадову была поставлена задача по подготовке наступательной операции с целью прорвать немецкую оборону на участке Зыбкое — Петрозагорье и, нанеся главный удар в общем направлении на Павлыш — Знаменка, во взаимодействии с левофланговыми соединениями 53-й армии разгромить павлышско-александрийско-знаменскую группировку противника. В случае успешных действий на знаменском направлении предполагалось использование 8-го механизированного корпуса. Готовность к наступлению была намечена на 20 ноября 1943 г.[253]

С утра 20 ноября после продолжительной огневой подготовки войска центра 2-го Украинского фронта атаковали передний край обороны противника. Уже в первый день наступления, несмотря на неблагоприятные погодные условия, 5-я гвардейская армия после упорных боев прорвала неприятельскую оборону на фронте до 15 км, продвинувшись в глубину до 11 км. На следующий день обозначился успех и на направлении действий 53-й армии, которая, наступая в направлении Онуфриевки, овладела населенным пунктом Успенское и продвинулась вперед на 5—10 км[254].

Для развития обозначившегося успеха И. С. Конев решил перегруппировать основные силы 5-й гвардейской танковой армии на знаменское направление. В этих целях соединения танковой армии последовательно, с соблюдением мер по обману противника, менее чем за двое суток в условиях распутицы совершили почти 100-километровый марш[255].

Во второй половине дня 23 ноября на знаменском направлении был введен в сражение 29-й танковый корпус 5-й гвардейской танковой армии. 53-я армия, развивая наступление, продвинулась за день на 10—12 км, овладев районным центром Кировоградской области Онуфриевка. 5-я гвардейская армия совместно с частями 8-го механизированного корпуса с боями продвинулась за день на 2—5 км[256]. На следующий день войска центра 2-го Украинского фронта, преодолевая упорное сопротивление, хотя и медленно, но продолжали продвигаться вперед.

25 ноября 1943 г. наметился некоторый успех в действиях 5-й гвардейской танковой армии. 29-й танковый корпус овладел Косовкой, форсировал р. Березовка. Под ударами танковых бригад противник начал отходить. 31-я танковая бригада была направлена в глубокий рейд по немецким тылам с целью, установив связь с партизанскими отрядами, перерезать коммуникации врага и дезорганизовать его управление. К исходу дня эта бригада вышла на

восточную окраину Диковки (10 км северо-восточнее Знаменки). Для развития успеха 18-го и 29-го танковых корпусов на направление их действий был перегруппирован 5-й гвардейский механизированный корпус. Кроме того, в подчинение командующего 5-й гвардейской танковой армией поступил и 8-й механизированный корпус[257].

53-я армия, продвинувшись за 25 ноября на некоторых направлениях в глубину обороны противника до 18 км, овладела районным центром Крюков. Успехи 5-й гвардейской армии в этот день были скромнее. На следующий день войска 2-го Украинского фронта в центре в общем направлении на Знаменку продвинулись вперед на 3—10 км[258]. В последующем, встречая сильное огневое сопротивление и контратаки противника на знаменском направлении, советские войска вели упорные наступательные бои на прежних рубежах и на отдельных участках улучшили свои позиции.

В то же время рейд 31-й танковой бригады проходил успешно. После захвата Диковки бригада продолжила движение на Дмитровку. Гарнизон противника, не ожидавший появления советских танков в 40 км от переднего края, не успел оказать серьезного противодействия и был выбит из деревни. Бригада, не задерживаясь в Дмитровке, продолжила рейд. К утру 26 ноября была установлена связь с партизанским отрядом, которым командовал М. М. Скирда. К моменту соединения с отрядом в 31-й танковой бригаде оставалось семь исправных танков, горючее было на исходе. Однако в ночь на 29 ноября танковая бригада совместно с партизанами совершила налет на Знаменку. Утром 1 декабря бригада выбила немцев из Богдановки, а к полудню во взаимодействии с передовыми подразделениями 18-го танкового корпуса вновь овладела Дмитровкой. Вечером этого дня 31-я танковая бригада соединилась с войсками своего корпуса[259].

2 декабря 5-я гвардейская армия, преодолевая упорное сопротивление врага, овладела рядом населенных пунктов и к исходу дня вела бой в восточной и центральной частях Александрии[260]. Начались тяжелые бои за освобождение этого города. Противник предпринимал отчаянные попытки остановить наступление советских войск. 3 декабря немцы силами 4-й и 11-й танковых и 10-й моторизованной дивизий нанесли контрудар в направлении разъезда Диковка[261]. Осложняли действия наступавших войск и неблагоприятные погодные условия. Непрерывный дождь и мокрый снег снижали маневренные и ремонтные возможности танковых частей. Резкое похолодание потребовало принятия мер по недопущению обморожения личного состава.

С утра 5 декабря 1943 г. на кировоградском направлении обозначился новый успех. Прорвав оборону противника, войска 2-го Украинского фронта на этом направлении продвинулись в ее глубину на 6—18 км, перерезав железную дорогу Знаменка — Смела[262]. К вечеру 5 декабря передовые части 29-го и 18-го танковых корпусов ворвались на северную и восточную окраины Знаменки[263]. 6 декабря штурмом была освобождена Александрия, а на следующий день войска 2-го Украинского фронта овладели районными центрами Кировоградской области — Новая Прага и Елизаветградка.

Темпы наступления 2-го Украинского фронта с 6 по 9 декабря 1943 г. на отдельных направлениях составляли 12—15 км в сутки[264]. Однако противник ожесточенно сопротивлялся. Он бросал в контратаки крупные силы пехоты и танков, прорывался на фланги и в тыл. Так, в ночь на 7 декабря 25 фашистских танков прорвались к разъезду Диковка, где были размещены тяжелораненые военнослужащие 8-го механизированного корпуса. Над ними была учинена дикая расправа: беспомощных людей подвергли зверским пыткам, потом облили керосином и подожгли[265].

Четыре дня шли упорные бои за Знаменку. Этот промышленный город с крупным железнодорожным узлом был превращен в мощный опорный пункт на кировоградском направлении. Его взятию советское командование придавало большое значение. Сражение за него носило исключительно ожесточенный характер. Немецкое командование постоянно усиливало свой гарнизон в Знаменке подкреплениями. Каждый день противник проводил десятки контратак. Кварталы и промышленные объекты по нескольку раз переходили из рук в руки. Бои велись и днем и ночью.

С 8 декабря 1943 г. в сражение за Знаменку включилась 5-я гвардейская армия. Партизанским соединением под командованием И. Д. Дибровы (пять отрядов общей численностью до 3000 человек) был нанесен удар по Знаменке с тыла. Авиационную поддержку осуществляла 5-я воздушная армия. Общими усилиями к 20 часам 9 декабря этот важнейший узел коммуникаций на Правобережной Украине был полностью очищен от противника. Таким образом, директива Ставки ВГК, предписывающая овладеть районом Знаменки не позднее 10 декабря 1943 г., была выполнена досрочно[266].

Овладев Знаменкой, войска 2-го Украинского фронта продолжали развивать наступление на Кировоградском направлении, но темпы начали падать. На подступах к Кировограду был подготовлен мощный оборонительный рубеж, прорвать который без дополнительной подготовки не представлялось возможным. К тому же 5-я гвардейская танковая армия была перенацелена на другое направление. Ей предстояло нанести удар в тыл криворожской группировке врага — из района Знаменки на юг в направлении Новгородка — Ингуло-Каменка с задачей содействовать 53-й и 37-й армиям в овладении Кривым Рогом[267].

Введя в бой до трех танковых дивизий, немецкое командование смогло остановить наступление войск 2-го Украинского фронта на кировоградском направлении. Более того, противнику на некоторых направлениях удалось потеснить советские войска. Так, 21 декабря 1943 г. 53-я армия в результате контратак противника оставила рощу юго-восточнее Ясиновского, а 5-я гвардейская армия — населенный пункт Новгородка[268]. Развернулись ожесточенные бои, в которых обе стороны понесли большие потери. В этих условиях было решено перейти к обороне и укрепить занимаемые рубежи.

Не принесла успеха и попытка овладеть Кривым Рогом с применением дальнего обходного маневра. На правом крыле 2-го Украинского фронта действия советских войск были более успешными. 4-я гвардейская армия, сломив сопротивление противника, к исходу дня 12 декабря 1943 г. овладела г. Чигирин, а в последующие дни полностью очистила от фашистов западный берег Днепра в полосе фронта. На крайнем правом крыле фронта 52-я армия после многодневных ожесточенных боев 14 декабря освободила г. Черкассы. 15 декабря части 52-й армии, наступавшие из района Черкасс, соединились с частями 4-й гвардейской армии, наступавшими с востока[269].

Войска 2-го Украинского фронта в ходе Знаменской операции продвинулись на северо-запад более чем на 100 км. Операция, начинавшаяся, по существу, как армейская, переросла во фронтовую за счет быстрого наращивания усилий с других участков на направление выявившегося успеха фронта. При этом необходимо обратить внимание на искусное и стремительное осуществление 100-километрового флангового марша в условиях распутицы и бездорожья основных сил 5-й гвардейской танковой армии в полосу наступления 5-й гвардейской армии.

Ожесточенное сопротивление немецких войск не позволило в полной мере реализовать замыслы Знаменской и предшествующей ей Пятихатской операций. Войска фронта не смогли в то время овладеть Кировоградом и Кривым Рогом. Однако очень важно то, что советский плацдарм южнее Кременчуга был превращен во второй стратегический плацдарм на Днепре (после Киевского), а также удалось создать благоприятные условия для быстрого освобождения Правобережной Украины.

После выхода советских войск на Днепр в его нижнем течении войска 46-й (командующий — генерал В. В. Глаголев) и 8-й гвардейской (командующий — генерал И. И. Масленников[270], с 10 ноября 1943 г. — генерал В. И. Чуйков) армий 3-го Украинского фронта захватили на его правом берегу два небольших плацдарма: северо-западнее (46-я армия) и южнее (8-я гвардейская армия) Днепропетровска.

Обнаружив, что противник начал отводить свои войска с днепропетровского выступа для усиления криворожской группировки, Ставка ВГК 22 октября 1943 г. приказала 3-му Украинскому фронту незамедлительно перейти в наступление[271]. 46-я армия должна была действовать с плацдарма в районе Аулы в направлении Кринички — Ново-Николаевка. 8-й гвардейской армии предписывалось наступать с плацдарма в районе Войсковое — Вовничи в направлении на Соленое — Чумаки — Чкалово[272].

Замысел Днепропетровской операции состоял в нанесении двух ударов, охватывающих город по сходящимся направлениям, объединении обоих плацдармов в один, разгроме днепропетровской группировки вермахта ударом с тыла, а в последующем — в содействии войскам 2-го Украинского фронта в уничтожении криворожской группировки противника. Численность советских войск, участвующих в этой операции, составляла почти 100 тыс. человек, около 2000 орудий и минометов при почти полном отсутствии танков. Против них действовали части 1-й немецкой танковой армии (командующие — генерал кавалерии Э. Макензен, с 29 октября 1943 г. — генерал танковых войск Х. Хубе) группы армий «Юг», насчитывающие 25 тыс. человек, 700 орудий и минометов, около 50 танков.

Подготовив операцию в кратчайшие сроки, в 12 часов 23 октября 1943 г. 8-я гвардейская армия перешла в наступление и, преодолевая сильное огневое сопротивление противника, овладела населенными пунктами Войсковое, Свистунов, Калиновка, Гроза, Вовничи. Активизировала свои действия и 46-я армия. На следующий день продвижение советских армий составило всего 1—4 км, однако вражеское сопротивление было сломлено. К 12 часам 25 октября войска 3-го Украинского фронта овладели областным центром Украины г. Днепропетровск и г. Днепродзержинск. 8-я гвардейская и 46-я армии, встретившись в районе Днепропетровска, объединили свои плацдармы. За три дня боев безвозвратные потери противника составили более 8 тыс. человек[273].

26 октября 1943 г. Ставка ВГК, отмечая, что днепропетровская группировка противника отходит на юго-запад, приказала 3-му Украинскому фронту разгромить ее, для чего, не ввязываясь в затяжные бои и обходя крупные населенные пункты, требовалось энергично преследовать неприятеля в общем направлении на Апостолово. Ближайшей задачей был определен выход на рубеж Кривой Рог — Апостолово — Никополь к 3—5 ноября, в дальнейшем предписывалось развивать наступление в общем направлении на Николаев[274].

Выполняя указания Ставки ВГК, войска правого крыла 3-го Украинского фронта продолжали развивать наступление вдоль железной дороги Днепропетровск — Апостолово с темпом 8—25 км в сутки, свертывая боевые порядки противника. 29 октября Ставка ВГК уточнила разграничительную линию между 2-м и 3-м Украинскими фронтами и потребовала от командующего 3-м Украинским фронтом продолжать решительное наступление, имея основную группировку 46-й армии ближе к ее правому флангу[275]. Временно исполняющий обязанности командующего 8-й гвардейской армией И. И. Масленников также нацелил армию ее правым флангом вдоль железной дороги на Апостолово. Советские войска начали наступление против криворожской и никопольской группировок врага соответственно на юго-запад и на юг. Однако после относительно успешных боев за расширение плацдармов наступательные возможности армий практически иссякли. Кроме того, понимая возникшую угрозу, командование вермахта перебросило на данное направление свои резервы. Темпы наступления советских войск значительно упали. Тем не менее 4 ноября 1943 г., частью сил преследуя отходившего противника, войска правого крыла 3-го Украинского фронта смогли продвинуться за день до 30 км и овладеть районным центром Николаевской области Цюрупинском[276].

В ночь на 5 ноября 1943 г. Ставка ВГК направила директиву на разгром криворожско-никопольской группировки противника[277]. Но попытка с утра возобновить наступление вдоль железной дороги к успеху не привела. Немецким войскам удалось навязать встречные бои и остановить советское наступление в упорных, кровопролитных боях. Более того, противник потеснил части 33-го стрелкового корпуса 8-й гвардейской армии и к 6 ноября овладел несколькими населенными пунктами[278]. Советские части перешли к жесткой обороне.

Осуществив частичную перегруппировку, войска правого крыла 3-го Украинского фронта утром 14 ноября 1943 г. перешли в наступление в общем направлении на Апостолово, но, встретив упорное сопротивление врага, существенных результатов не добились. Продвижение в глубину обороны противника составляло в лучшем случае несколько километров в сутки. С 14 по 30 ноября войска 3-го Украинского фронта смогли продвинуться лишь на 20 км. На достигнутых рубежах развернулись ожесточенные бои, до конца года не принесшие ощутимого успеха ни одной из сторон.

Войска 3-го Украинского фронта не смогли в полном объеме реализовать замысел Днепропетровской операции. В то же время советские войска в ходе этой операции глубоко охватили криворожскую и никопольскую группировки противника с юга. Были освобождены города Днепропетровск и Днепродзержинск. Во взаимодействии с войсками 2-го Украинского фронта южнее Кременчуга был создан большой плацдарм стратегического значения — около 450 км по фронту и до 100 км в глубину[279]. К исходу декабря фронт стабилизировался на рубеже севернее Смелы — западнее Чигирина — западнее Знаменки — севернее Кривого Рога — Софиевка — Запорожье — Верхний Рогачик — Каховка — Голая Пристань, где решено было осуществить подготовку к решительному наступлению на Правобережной Украине.

Таким образом, в ходе Нижнеднепровской наступательной операции войска 2, 3 и 4-го Украинских фронтов хотя и не выполнили полностью всех поставленных перед ними задач, завершили освобождение Левобережной Украины в нижнем течении Днепра, блокировали с суши крымскую группировку войск противника и захватили стратегический плацдарм на западном берегу Днепра. Ширина фронта боевых действий составляла 750–800 км. Советские войска продвинулись в глубину обороны противника на 100–300 км с темпом наступления стрелковых соединений — 2–4 км, танковых и механизированных — 5–10 км. Хотя и не удалось окружить 1-ю немецкую танковую армию в днепропетровской излучине Днепра, немецкой группе армий «Юг» было нанесено крупное поражение. Были разгромлены свыше 20 дивизий групп армий «Юг» и «А», в том числе четыре танковые и моторизованные. Потери советских войск в Нижнеднепровской стратегической операции составили: безвозвратные — 173 201 человек, санитарные — 581 191 человек (общие — 754 392 человека). Потери в технике составили: около 2,6 тыс. танков и САУ, более 3 тыс. орудий и минометов, 430 самолетов[280].

В целом в результате битвы за Днепр советские войска добились крупных военно-политических результатов. Попытка немецкого командования остановить их на «Восточном валу» была сорвана. Красная армия взломала этот «вал» и создала на правом берегу Днепра два важных стратегических плацдарма: один в районе Речицы, Коростеня и Киева, другой — на кировоградском и криворожском направлениях. Эти плацдармы создавали благоприятные условия для проведения операций по освобождению от противника Белоруссии и всей Правобережной Украины. Его расчеты на ведение затяжной войны на советской территории оказались несостоятельными. С конца августа по декабрь 1943 г. советские войска на данном направлении разгромили свыше 60 дивизий противника, в том числе 11 танковых и моторизованных.

Одновременное наступление пяти фронтов с привлечением полумиллиона партизан явилось большим достижением советского военного искусства. Создание сильных ударных группировок на избранных направлениях позволило советским войскам успешно прорвать укрепленные оборонительные рубежи врага. Ведя наступление на широком фронте, они резко ограничивали возможности противника по осуществлению маневра силами и средствами с одного направления на другое.

Успех преодоления водной преграды зависел прежде всего от умелых действий передовых отрядов, выдвигавшихся к реке вслед за разведывательными подразделениями. Передовые отряды переправлялись чаще всего в один рейс, преимущественно с помощью подручных средств. Вслед за ними форсировали реку первые эшелоны дивизий с легкой артиллерией, минометами, противотанковыми ружьями. Вторые эшелоны дивизий с дивизионной артиллерией заканчивали форсирование в большинстве случаев во вторую ночь. Они имели задачу закрепить плацдарм и усилить его оборону. Дальнейшее расширение плацдарма производилось вторыми эшелонами корпусов, переправа которых обычно заканчивалась на третьи сутки. В ходе форсирования применялись ложные и демонстративные переправы, создававшиеся на второстепенных участках с помощью действий мелких подразделений и постановки дымовых завес. Для достижения внезапности командиры в ряде случаев принимали решение о форсировании реки на труднопреодолимых участках, где противник меньше всего этого ожидал, а следовательно, его оборона была слабее.

В ходе битвы за Днепр широко применялась перегруппировка войск с одного операционного направления на другое. В ходе борьбы за расширение плацдармов на правом берегу Днепра проявилось большое искусство в проведении скрытных перегруппировок, подготовке операций в короткие сроки, сосредоточении крупных ударных группировок на небольших плацдармах. Весьма эффективны были мероприятия по оперативной маскировке. Вместе с тем выявилось отрицательное влияние на темпы форсирования отставания от войск десантно-переправочных средств, несвоевременного перебазирования авиации, ограниченных возможностей средств противовоздушной обороны, слабой подвижности частей тыла, в результате чего возникали перебои в снабжении войск горючим и боеприпасами.

Битва за Днепр характеризуется примерами массового героизма бойцов и командиров. Форсирование с ходу на огромном фронте такой широкой и глубоководной преграды и захват плацдармов стали возможны прежде всего благодаря высоким моральным качествам советских воинов, их беспримерному массовому героизму и большому воинскому мастерству. За самоотверженность и героизм, проявленные при форсировании Днепра и в боях на плацдармах, 2438 воинам было присвоено звание Героя Советского Союза, в их числе 47 генералов, 1123 офицера и 1268 сержантов и солдат[281]. Так, на Днепре стал Героем Советского Союза командир истребительно-противотанкового полка майор В. С. Петров. Потеряв обе руки, он не покинул поле боя и продолжал командовать полком. Этот удивительный человек не только провоевал без рук до конца войны, стал дважды Героем Советского Союза, но и после войны остался в рядах вооруженных сил, дослужился до звания генерал-полковника артиллерии. В боях за Левобережную Украину стали дважды Героями Советского Союза и прославленные летчики А. И. Покрышкин и Д. Б. Глинка. Десятки тысяч воинов были награждены орденами и медалями.

8 ноября 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР был учрежден орден «Победа» для награждения особо отличившихся полководцев. Первыми орденом «Победа» были награждены Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков и А. М. Василевский, являвшиеся в ходе битвы за Днепр представителями Ставки ВГК на фронтах[282].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. 14-е изд. В 2-х т. М., 2005. Т. 2. С. 211.

[2] Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг.: Краткая история. М., 1984. С. 231.

[3] *Конев И. С.* Записки командующего фронтом. М., 1972. С. 47.

[4] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. М., 1998. Т. 2. С. 292.

[5] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). М., 1996. С. 192.

[6] *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. 5-е изд. М., 1988. С. 221.

[7] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1961. С. 555—556.

[8] Там же.

[9] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. М., 1999. Т. 16 (5-3). С 193, 305—308.

[10] Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 6. Коренной перелом. 1 июля — 31 декабря 1943 г. М., 2010. Сводка № 239 (912) на 08 ч. 00 мин. 27 августа 1943 г.

[11] *Батов П. И. В* походах и боях. М., 1974. С. 308.

[12] Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 6. Коренной перелом. 1 июля — 31 декабря 1943 г. Сводка № 239 на 08 ч. 00 мин. 27 августа 1943 г.

[13] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 6. Л. 1.

[14] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 292.

[15] Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 6. Сводка № 242 (915) на 08 ч. 00 мин. 30 августа 1943 г.

[16] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 6. Л. 26.

[17] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 292.

[18] *Москаленко К. С.* На Юго-Западном направлении. 1943—1945. Воспоминания командарма. В 2-х кн. Кн. 2. М., 1973. С. 103.

[19] *Конев И. С.* Указ. соч. С. 53.

[20] *Рокоссовский К. К.* Указ. соч. С. 225.

[21] См.: *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 224.

[22] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 6. Л. 97.

[23] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. 3-е изд. М., 1978. С. 334—335.

[24] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 6. Л. 108, 155.

[25] *Рокоссовский К. К.* Указ. соч. С. 225.

[26] *Москаленко К. С.* Указ. соч. С. 111—112.

[27] ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 216.

[28] Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 6. Сводка № 255 (928) на 08 ч. 00 мин. 12 сентября 1943 г.

[29] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 6. Л. 144.

[30] *Манштейн Э.* Утерянные победы / Пер. с нем. М., 1999. С. 537.

[31] Там же. С. 542.

[32] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. М., 1976. Т. 7. С. 203–204.
[33] *Манштейн Э.* Указ. соч. С. 552.
[34] О злодеяниях гитлеровцев на советской земле: Документы и материалы // Военно-исторический журнал. 1965. № 1. С. 83.
[35] *Меллентин Ф. В.* Танковые сражения 1939–1945 гг.: Боевое применение танков во Второй мировой войне / Пер. с англ. М., 1957. С. 206.
[36] *Конев И. С.* Указ. соч. С. 50.
[37] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 296.
[38] Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 6. Сводка № 260 (933) на 08 ч. 00 мин. 17 сентября 1943 г.
[39] ЦАМО. Д. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 6. Л. 206.
[40] Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 6. Сводка № 262 (935) на 08 ч. 00 мин. 19 сентября 1943 г.
[41] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 6. Л. 259–261.
[42] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 296.
[43] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 6. Л. 273–274.
[44] *Шеин Д. В.* Танки ведет Рыбалко. Боевой путь 3-й гвардейской танковой армии. М., 2007. С. 137.
[45] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 201.
[46] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 7. С. 210.
[47] *Уткин А. И.* Вторая мировая война. М., 2002. С. 663.
[48] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 6. Л. 273, 282.
[49] *Рокоссовский К. К.* Указ. соч. С. 228.
[50] *Москаленко К. С.* Указ. соч. С. 138.
[51] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 6. Л. 351.
[52] Там же. Ч. 7. Л. 6.
[53] *Москаленко К. С.* Указ. соч. С. 135.
[54] ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 142. Л. 194.
[55] Там же. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 6. Л. 350.
[56] *Конев И. С.* Указ. соч. С. 54.
[57] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 6. Л. 279.
[58] Там же. Л. 345.
[59] Там же. Л. 318.
[60] *Конев И. С.* Указ. соч. С. 67.
[61] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 301.
[62] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 6. Л. 268.
[63] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2010. С. 132.
[64] Цит по.: История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 7. С. 204.
[65] *Лиддел Гарт Б. Г.* Вторая мировая война. М., 1999. С. 529.
[66] *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 319.
[67] Цит. по: *Ерёменко А. И.* Годы возмездия. 1943–1945. М., 1985. С. 28.
[68] *Истомин В. П.* Смоленская наступательная операция (1943). М., 1975. С. 11.
[69] *Истомин В. П.* Указ. соч. С. 13.
[70] *Ерёменко А. И.* Указ. соч. С. 28.
[71] *Истомин В. П.* Указ. соч. С. 9.
[72] *Ерёменко А. И.* Указ. соч. С. 32.
[73] Великая Отечественная война. Хронограф 1943. М., 2010. С. 367.
[74] *Ерёменко А. И.* Указ. соч. С. 37.
[75] Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг.: Краткая история. С. 243.
[76] *Воронов Н. Н.* На службе военной. М., 1963. С. 387–388.
[77] Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 6. Сводка № 225 (898) на 08 ч. 00 мин. 13 августа 1943 г.

[78] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 5. Л. 113.
[79] *Ерёменко А. И.* Указ. соч. С. 36–39.
[80] Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 6. Сводка № 226 (899) на 08 ч. 00 мин. 14 августа 1943 г.
[81] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 5. Л. 159.
[82] Там же. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 191, 192.
[83] Там же. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 5. Л. 172, 195, 206.
[84] *Воронов Н. Н.* Указ. соч. С. 391.
[85] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 325. Л. 485.
[86] Там же. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 200.
[87] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 5. Л. 237.
[88] Там же. Л. 288.
[89] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 6. Л. 51.
[90] *Воронов Н. Н.* Указ. соч. С. 392.
[91] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 5. Л. 289.
[92] Там же. Л. 293.
[93] Там же. Л. 301.
[94] Там же. Л. 313.
[95] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 6. Л. 1.
[96] *Истомин В. П.* Указ. соч. С. 114.
[97] ЦАМО Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 6. Л. 13, 25.
[98] *Ерёменко А. И.* Указ. соч. С. 46.
[99] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 6. Л. 166.
[100] Там же. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 6. Л. 158.
[101] Там же. Л. 179, 193.
[102] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 6. Л. 179, 193, 222, 231.
[103] *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны / Пер. с нем. СПб., М., 1999. С. 434.
[104] ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 219.
[105] Там же. Л. 218.
[106] *Воронов Н. Н.* Указ. соч. С. 398.
[107] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 6. Л. 281, 284.
[108] Там же. Л. 301–302.
[109] Там же. Л. 345.
[110] *Воронов Н. Н.* Указ. соч. С. 399.
[111] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк. М., 1958. Т. 2. С. 339.
[112] *Истомин В. П.* Указ. соч. С. 150.
[113] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 128–130.
[114] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 207.
[115] Там же. С. 210.
[116] Битва за Днепр. М., 2006. С. 62–64.
[117] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 216–217.
[118] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 302.
[119] Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 6. Сводки № 275 (948) — 277 (950).
[120] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 7. Л. 28.
[121] Там же.
[122] Там же. Л. 46.
[123] Битва за Днепр. С. 78.
[124] ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 142. Л. 248.

[125] *Москаленко К. С.* Указ. соч. С. 147.
[126] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 7. Л. 120.
[127] Битва за Днепр. С. 89.
[128] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 7. Л. 128.
[129] Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 6. Сводка № 289 (962) на 08 ч. 00 мин. 16 октября 1943 г.
[130] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 7. Л. 110—111.
[131] Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 6. Сводка № 288 (961) на 08 ч. 00 мин. 15 октября 1943 г.
[132] Битва за Днепр. С. 95.
[133] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 7. Л. 168.
[134] Там же. Л. 176.
[135] С 20 октября 1943 г. Ставка ВГК переименовала Центральный фронт в Белорусский, а Воронежский, Степной, Юго-Западный, Южный фронты — соответственно в 1, 2, 3, 4-й Украинские.
[136] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 7. Л. 185.
[137] Там же. Л. 189.
[138] *Москаленко К. С.* Указ. соч. С. 150.
[139] ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 1. Л. 24—29.
[140] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 227.
[141] Битва за Днепр. С. 124.
[142] История Второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 7. С. 255.
[143] Битва за Днепр. С. 116.
[144] *Шеин Д. В.* Указ. соч. С. 152.
[145] Там же. С. 153—154.
[146] Битва за Днепр. С. 154.
[147] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 307—308.
[148] Цит. по: История Второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 7. С. 256.
[149] *Москаленко К. С.* Указ. соч. С. 160.
[150] Там же. С. 157.
[151] Битва за Днепр. С. 139—140.
[152] Там же. С. 163.
[153] *Манштейн Э.* Указ. соч. С. 562.
[154] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 7. Л. 241.
[155] *Москаленко К. С.* Указ. соч. С. 165.
[156] Битва за Днепр. С. 140.
[157] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 8. Л. 7.
[158] Там же. Л. 15.
[159] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 310.
[160] *Манштейн Э.* Указ. соч. С. 567.
[161] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 8. Л. 20.
[162] Там же. Л. 23.
[163] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 230.
[164] Битва за Днепр. С. 161.
[165] *Москаленко К. С.* Указ. соч. С. 172—173.
[166] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 8. Л. 26.
[167] Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг.: Краткая история. С. 239.
[168] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 312.
[169] *Манштейн Э.* Указ. соч. С. 567.
[170] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 8. Л. 36—37.
[171] Там же. Л. 44.

[172] *Москаленко К. С.* Указ. соч. С. 176.
[173] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 313.
[174] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 8. Л. 48.
[175] *Шеин Д. В.* Указ. соч. С. 156.
[176] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 8. Л. 54, 61, 67, 75, 83.
[177] Битва за Днепр. С. 209.
[178] *Манштейн Э.* Указ. соч. С. 569.
[179] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 136.
[180] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 8. Л. 92.
[181] *Манштейн Э.* Указ. соч. С. 569—570.
[182] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 8. Л. 110.
[183] Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 6. Сводка № 322 (995).
[184] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 8. Л. 156.
[185] Там же. Л. 181.
[186] *Манштейн Э.* Указ. соч. С. 570.
[187] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 241—242.
[188] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 182.
[189] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 313.
[190] Красная звезда. 1943. 7 ноября.
[191] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 314.
[192] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 136.
[193] История Второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 7. С. 252.
[194] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 294.
[195] Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 6. Сводка № 273 (946) на 08 ч. 00 мин. 30 сентября 1943 г.
[196] *Бирюзов С. С.* Когда гремели пушки. М., 1961. С. 207—208.
[197] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 294.
[198] *Бирюзов С. С.* Указ. соч. С. 208—209.
[199] История Второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 7. С. 268.
[200] Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг.: Краткая история. С. 242.
[201] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 6. Л. 311.
[202] Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Сводка № 271 (944) на 08 ч. 00 мин. 28 сентября 1943 г.
[203] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 7. Л. 20.
[204] Там же. Л. 88.
[205] *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 343.
[206] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 7. Л. 130.
[207] Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 6. Сводка № 290 (963) на 08 ч. 00 мин. 17 октября 1943 г.
[208] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 7. Л. 186.
[209] Там же. Л. 202.
[210] Там же. Л. 210.
[211] ЦАМО. Л. 256; Д. 811. Ч. 8. Л. 1, 8.
[212] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 7. Л. 210, 214, 256; Д. 811. Ч. 8. Л. 1, 7, 33.
[213] Там же. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 276.
[214] *Бирюзов С. С.* Указ. соч. С. 229.
[215] *Лелюшенко Д. Д.* Москва — Сталинград — Берлин — Прага. Записки командарма. М., 1987. С. 199.
[216] *Чуйков В. И.* От Сталинграда до Берлина. М., 1985. С. 374.
[217] ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 226.

[218] Там же. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 7. Л. 13.
[219] *Чуйков В. И.* Указ. соч. С. 377.
[220] Там же.
[221] *Лелюшенко Д. Д.* Указ. соч. С. 200.
[222] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 7. Л. 96.
[223] Там же. Л. 106, 115, 124, 129.
[224] *Чуйков В. И.* Указ. соч. С. 391.
[225] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 7. Л. 132.
[226] Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 6. Сводка № 288 (961) на 08 ч. 00 мин. 15 октября 1943 г.
[227] Великая Отечественная война 1941—1945 годов. В 12-ти т. М., 2011. Т. 1. С. 523, 524.
[228] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 6. Л. 311.
[229] Там же. Л. 342.
[230] *Конев И. С.* Указ. соч. С. 72.
[231] ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 244.
[232] *Конев И. С.* Указ. соч. С. 73.
[233] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 7. Л. 92.
[234] *Конев И. С.* Указ. соч. С. 73.
[235] Там же. С. 75.
[236] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 7. Л. 140.
[237] Дорогами побед: Боевой путь 5-й гвардейской танковой армии. М., 1969. С. 94.
[238] Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 6. Сводка № 290 (963) на 08 ч. 00 мин. 17 октября 1943 г.
[239] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 7. Л. 157, 164, 171, 179.
[240] Там же. Л. 198.
[241] Там же. Л. 199.
[242] Там же. Л. 207.
[243] *Конев И. С.* Указ. соч. С. 77.
[244] Дорогами побед: Боевой путь 5-й гвардейской танковой армии. С. 106.
[245] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 7. Л. 210, 216, 225, 236.
[246] Там же. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 270.
[247] *Манштейн Э.* Указ. соч. С. 562.
[248] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 7. Л. 253.
[249] Там же. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 275.
[250] Там же. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 8. Л. 99.
[251] Там же. Л. 159.
[252] *Конев И. С.* Указ. соч. С. 79.
[253] *Жадов А. С.* Четыре года войны. М., 1978. С. 139.
[254] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 8. Л. 159, 167.
[255] Дорогами побед: Боевой путь 5-й гвардейской танковой армии. С. 119—120.
[256] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 8. Л. 186.
[257] Дорогами побед: Боевой путь 5-й гвардейской танковой армии. С. 122—123.
[258] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 8. Л. 201, 204.
[259] Дорогами побед: Боевой путь 5-й гвардейской танковой армии. С. 123—125.
[260] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 410. Л. 23.
[261] *Жадов А. С.* Указ. соч. С. 143—144.
[262] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 410. Л. 39.
[263] Дорогами побед: Боевой путь 5-й гвардейской танковой армии. С. 127.
[264] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 410. Л. 46, 54, 60, 68.
[265] Дорогами побед: Боевой путь 5-й гвардейской танковой армии. С. 129.
[266] ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 302.
[267] Дорогами побед: Боевой путь 5-й гвардейской танковой армии. С. 131.

[268] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 410. Л. 156.
[269] Там же. Л. 90, 102, 106.
[270] 15 октября В. И. Чуйков выехал в Москву на лечение в госпиталь, во временное командование 8-й гвардейской армией вступил генерал-полковник И. И. Масленников.
[271] ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 265.
[272] *Чуйков В. И.* Указ. соч. С. 393.
[273] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 7. Л. 207, 213, 216–223.
[274] Там же. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 270, 271.
[275] Там же. Л. 272.
[276] ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 8. Л. 26.
[277] Там же. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 276.
[278] Там же. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811. Ч. 8. Л. 37.
[279] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 322.
[280] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 135.
[281] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 323.
[282] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. С. 524.

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО СОВЕТСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Стратегия и оперативное искусство

В ходе первого и второго периодов Великой Отечественной войны советские Вооруженные силы трижды переходили к стратегической обороне как основному способу ведения военных действий. Так было в летне-осенней кампании 1941 г., летних кампаниях 1942 и 1943 гг. В первом периоде войны это являлось вынужденной мерой. Всего было проведено 16 стратегических оборонительных операций: из них 14 — в оборонительных кампаниях 1941 и 1942 гг. и две — в летней кампании 1943 г.[1]

Крайне неблагоприятны были условия, в которых возникали и велись стратегические оборонительные операции советских вооруженных сил в первом периоде войны, что в значительной мере отразилось на их подготовке, ведении и конечных результатах. Трудности усугублялись отсутствием опыта организации и ведения подобной обороны. К тому же по ряду причин в предвоенные годы теория этого вопроса была отработана недостаточно полно. Накануне войны считалось, что оборона является таким же закономерным видом военных действий, как и наступление, но рассматривалась она как вынужденная, кратковременная, и ее масштаб не должен перерастать рамок армейской оборонительной операции. В соответствии с этими положениями отрабатывались вопросы подготовки командования, штабов и войск.

Начавшаяся война внесла свои коррективы в существовавшую теорию. И прежде всего это отразилось на масштабах операций. Оборона с первого дня войны имела стратегический масштаб. К оборонительным действиям перешли все приграничные военные округа, ставшие фронтовыми объединениями, но не только фронты и армии проводили оборонительные операции. Красная армия вынуждена была разработать две оборонительных кампании.

Стратегические оборонительные операции в начале летней кампании 1941 г. проводились силами одного фронта на каждом из трех стратегических направлений, что в условиях большого размаха операций, динамичности действий не способствовало успешному решению задач создания непреодолимой обороны. Не хватало времени на подготовку, ощущался недостаток в силах и средствах, оставляло желать лучшего материально-техническое обеспечение. В конечном итоге это привело к потере значительной территории Советского Союза — Прибалтики, Белоруссии, Украины, выходу противника на подступы к Ленинграду, Москве, в Крым, а также к большим потерям в людях и военной технике.

В 1942 г. масштаб стратегических оборонительных действий несколько уменьшился, оборону приходилось вести уже на одном стратегическом направлении, но результаты этих операций были также далеко не блестящими. Летом 1942 г. Ставка ВГК, согласившись с мнением Генерального штаба о переходе к стратегической обороне, одновременно распорядилась провести ряд наступательных операций, по сути на всех стратегических направлениях: под Ленинградом, в районе Демянска, на смоленском, курском, харьковском и в Крыму. Однако проведенные наступательные операции не дали ожидаемого положительного результата и к тому же отрицательно сказались на подготовке стратегической обороны, что имело тяжелые последствия: противник овладел Крымом, вышел на перевалы Главного Кавказского хребта, на подступы к бакинской нефти, к Сталинграду и перекрыл водный путь по Волге, тем самым отрезав центр страны от той же бакинской нефти.

Во втором периоде Великой Отечественной войны, в 1943 г., оборона стала более устойчивой. Стратегические оборонительные операции приобрели новые черты. Под Курском советские войска переходили к обороне не вынужденно, а преднамеренно. Оборона стала носить ярко выраженный позиционный характер, при этом сохранялся активный способ ее ведения. Готовя оборону в районе курского выступа, советское командование, чтобы обезопасить себя от каких-либо случайностей, в тылу двух фронтов (Центрального и Воронежского) развернуло еще один фронт (Степной), а восточнее, по левому берегу р. Дон, подготовило государственный рубеж обороны. То есть в отличие от лета 1942 г. первоначально все внимание было уделено подготовке оборонительных операций. И лишь затем, оценивая результаты оборонительных действий, окончательно решался вопрос о переходе к стратегическому наступлению.

Следует отметить, что оборонительным операциям второго периода войны предшествовал довольно продолжительный подготовительный этап, в ходе которого заранее, причем преднамеренно, создавалась прочная глубокоэшелонированная оборона, носившая ярко выраженный противотанковый характер.

Сравнивая условия перехода к стратегической обороне по периодам войны, необходимо отметить, что они оказывали огромное влияние на характер оборонительных действий, на цели и эффективность ее ведения.

Вынужденная стратегическая оборона первого периода Великой Отечественной войны характеризовалась огромным пространственным размахом, недостаточной степенью массирования сил и средств, а отсюда их невысокой плотностью на решающих направлениях. В стратегических построениях имелись разрывы между группировками войск. Для того чтобы истощить и остановить мощные наступательные группировки немецко-фашистских войск, летом и осенью 1941 и 1942 гг. на каждом стратегическом направлении советские войска были вынуждены проводить от двух до четырех последовательных по глубине стратегических оборонительных операций. Так, на западном, московском направлении были проведены оборонительные операции: в Белоруссии, Смоленская и на дальних и ближних подступах к Москве.

Стратегические оборонительные операции второго периода войны, носившие преднамеренный характер, отличались более высокой эффективностью, что нашло свое выражение в их результатах. В полосе обороны Центрального фронта наступательная группировка врага смогла продвинуться в глубину на 10—12 км, не прорвав даже тактической зоны обороны советских войск. В полосе Воронежского фронта противник смог продвинуться на глубину до 35 км, увязнув в оперативной зоне обороны. Последовательных оборонительных операций советским войскам проводить не потребовалось.

Подготовка и ведение стратегических оборонительных операций в первом и втором периодах Великой Отечественной войны были трудными задачами. Теория стратегических оборонительных операций до начала войны не разрабатывалась. Формы и способы подготовки и ведения стратегических оборонительных действий пришлось определять уже в ходе начавшейся войны. Была выработана и практически воплощена в жизнь новая форма ведения оборонительных действий — стратегическая оборонительная операция группы

фронтов. Такая операция позволяла увязывать действия различных видов вооруженных сил и родов войск. В ходе ведения военных действий стратегическая оборона становилась более устойчивой. Ей был присущ активный характер. В ходе войны усилилась взаимосвязь обороны и наступления. Часто стратегические оборонительные действия стали проводиться в интересах решения наступательных задач.

В межвоенный период основное внимание в разработке теории оперативной обороны советское военное командование уделяло подготовке и ведению армейских оборонительных операций. Теория фронтовых оборонительных операций к началу Великой Отечественной войны не была достаточно разработана[2].

В предвоенный период предполагалось, что общевойсковая армия может осуществлять два вида обороны: позиционную — в целях прочного удержания подготовленных оборонительных рубежей (иногда употребляли термин «упорная») или маневренную (по терминологии того времени «подвижная»), основанную на широком использовании засад, внезапных ударов и перемещения войск для последовательного удержания рубежей, выигрыша времени, накапливания резервов и решительного разгрома противника в случае его вклинения в оборону. Маневренную оборону предполагалось применять в тех случаях, когда подавляющее превосходство противника исключало возможность ведения позиционной обороны на нормальном или широком фронте и когда обстановка позволяла уступить часть пространства, чтобы сохранить свои силы и выиграть время.

Начавшаяся война в корне перечеркнула взгляды на превалирующую роль армейской оборонительной операции. С первых дней Великой Отечественной войны оборону пришлось вести в значительно больших масштабах, чем это предполагалось в предвоенные годы. Стало очевидным, что проблемы оперативной обороны наиболее полно и всесторонне могут решаться не в армейской, а во фронтовой оборонительной операции, а армейская операция является лишь частью фронтовой.

В первом периоде войны целями оперативной обороны являлись недопущение прорыва противника к крупным промышленным и административно-политическим центрам страны, объектам и рубежам стратегического значения, а также выигрыш времени, необходимого для сосредоточения и развертывания резервов, предназначенных для нанесения контрударов или перехода в контрнаступление. Так было в оборонительных действиях Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов в начале войны, Западного, Резервного, Брянского и Калининского фронтов в битве под Москвой, Сталинградского фронта в Сталинградской битве.

Важнейшей задачей командования при организации любой оборонительной операции было установление с наиболее высокой степенью вероятности направления главного удара противника, что в первом периоде войны не всегда удавалось. Из 11 армейских операций только в двух это было сделано верно. В сентябре 1941 г. при отражении первого наступления немецких войск на Москву не удалось достаточно верно определить направление главного удара противника. В результате командование Брянского фронта сосредоточило резервы в районе Брянска, а враг нанес главный удар из района Глухов — Шостка, то есть южнее на 120–150 км. В последующих операциях, особенно в Курской битве, удавалось достаточно точно определять основные направления действий войск противника и усиливать оборону на этих участках путем решительного массирования сил и средств.

Принимая решение о ведении оборонительной операций, командующие фронтами и армиями стремились создать в оперативном построении сильный первый эшелон и по возможности иметь глубокое построение войск. Оперативное построение фронтов в оборонительных операциях первого периода войны при ширине полос обороны 300–500 км состояло, как правило, из одного эшелона и резерва. При этом командующие были вынуждены сосредоточивать основные усилия в этом первом оперативном эшелоне, который развертывался в тактической зоне обороны.

Начиная со второго периода войны оперативное построение фронтов стало в основном двухэшелонным. В первом оперативном эшелоне оборону занимали общевойсковые армии,

усиленные артиллерийскими, танковыми и инженерными соединениями; во втором — общевойсковые и танковые армии. Так, в Курской битве Центральный фронт имел во втором эшелоне 2-ю танковую армию, а Воронежский — 69-ю общевойсковую и 1-ю танковую армии.

Во втором периоде войны во фронтах стали создаваться сильные резервы. В Курской битве на Центральном фронте в резерве находились два танковых корпуса, на Воронежском — два танковых и стрелковый корпуса. Создавались артиллерийские, артиллерийско-противотанковые резервы, подвижные отряды заграждений[3].

В течение первого этапа войны произошли значительные изменения в составе и оперативном построении общевойсковых армий. Ширина полосы обороны общевойсковых армий в операциях была различной и составляла от 70 до 200 км в летне-осенней кампании 1941 г. и от 70 до 100 км к концу периода. Как правило, армии формировали свое оперативное построение в один эшелон с выделением резервов. В отдельных случаях армии, находившиеся на направлении главного удара противника, осуществляли оперативное построение в два эшелона. Так, командующий 16-й армией в оборонительной операции на ближних подступах к Москве в ноябре 1941 г. для прикрытия открытого правого фланга армии создал второй эшелон в составе 126-й стрелковой дивизии и 27-й танковой бригады. Как правило, в первом периоде войны второй эшелон и общевойсковой резерв армии выполняли сходные задачи: использовались для нанесения контрударов по вклинившемуся в оборону армии противнику или для усиления войск, оборонявших главную полосу на важнейших направлениях. В армии могли также создаваться различные резервы: артиллерийско-противотанковый, танковый (при наличии в армии танков), артиллерийские группы дальнего действия (ДД) и поддержки пехоты (ПП). Глубина армейской полосы была незначительна и могла достигать 12–20 км (предвоенная теория определяла глубину обороны армии в 40–60 км).

Во втором периоде ширина полос обороны армии сократилась до 50–80 км при увеличении глубины обороны до 20–30 км. Оперативное построение армий, как правило, продолжало оставаться одноэшелонным. Глубина обороны создавалась за счет двухэшелонного построения боевых порядков стрелковых корпусов. В ряде случаев, когда удавалось точно установить направления главных ударов группировки немецко-фашистских войск, оперативное построение общевойсковых армий могло быть двухэшелонным. Так, в 13-й армии Центрального фронта, имевшей в своем составе четыре стрелковых корпуса, оперативное построение было в два эшелона: два стрелковых корпуса в первом эшелоне и два корпуса во втором.

В оперативном построении армии во втором периоде войны также могли создаваться: общевойсковой резерв в составе 1–3 стрелковых дивизий, танковый резерв (при выделении армии танковых войск), армейская артиллерийская группа (ААГ) вместо группы ДД, артиллерийский противотанковый резерв (АПТР), подвижные отряды заграждений (ПОЗ).

В соответствии с требованиями предвоенных уставов и инструкций для повышения устойчивости обороны — как при заблаговременной подготовке обороны, так и при поспешном ее занятии — большое внимание уделялось инженерному оборудованию местности. Степень и характер инженерного оборудования зависели от времени, которым располагали войска для организации обороны, наличия сил и средств инженерных войск, ширины и глубины оперативного построения и ряда других факторов, среди которых одним из основных был выбор и умелое использование местности. В оборонительных операциях начального периода войны этот фактор не всегда удавалось использовать. В последующих оборонительных операциях командующие армиями стремились занять для обороны наиболее выгодную местность. Чаще всего это было сопряжено с выбором переднего края за водными преградами. В Смоленской оборонительной операции армии Западного фронта (22, 19, 20, 13, 21-я) занимали оборону за реками Северная Двина и Днепр. Армии других фронтов делали то же самое. В летне-осенней кампании 1942 г. советские войска оборонялись за реками Северский Донец, Оскол, Дон.

Но так было не всегда. В летней кампании 1942 г. 40-я армия Брянского фронта не использовала выгодную для обороны р. Тим, а 62-я армия Сталинградского фронта — р. Дон.

Выбор переднего края, особенно в операциях первого периода войны, часто подменялся простым требованием «ни шагу назад!», что являлось не самым лучшим вариантом. Иногда командующие располагали на неудобном месте позиции боевого охранения, относя передний край на более пригодную для обороны местность.

Организуя инженерное оборудование местности, командующие войсками фронтов и армий старались придерживаться некоторых принципов. Одним из них был выработанный еще в годы Первой мировой войны метод создания многополосной обороны, развитие которого шло в направлении увеличения глубины, количества полос и позиций и перехода к траншейной системе.

Оборона в масштабе армии состояла из тактической и оперативной зон. Во фронте мог создаваться фронтовой рубеж, состоявший из нескольких полос обороны. При благоприятной обстановке летом 1941 и 1942 гг. могла строиться передовая оперативная зона заграждений.

Оперативная зона обороны армии создавалась на удалении 25—30 км от переднего края. Там располагались тыловой армейский оборонительный рубеж и 1—2 отсечные позиции. В оперативной глубине обороны фронта были 2—3 фронтовых рубежа.

Однако в первом периоде войны наличие широких полос обороны и недостаток сил и средств приводили к тому, что создавалась только тактическая зона обороны, включавшая лишь одну первую (она же главная) полосу, и имелись незначительные резервы в глубине.

Потребовались определенные усилия со стороны Верховного главнокомандования и Генерального штаба, чтобы изменить сложившуюся систему. Были изданы «Инструкция по рекогносцировке и строительству полевых оборонительных рубежей» и «Проект полевого устава» (ПУ-43), которые определяли порядок инженерного оборудования местности.

Летом 1942 г., особенно во втором периоде войны, тыловая армейская полоса стала создаваться на удалении 20—40 км от переднего края главной полосы обороны[4]. В оперативной глубине между полосами обороны строились отсечные и промежуточные позиции, чтобы противодействовать распространению противника в глубину и в сторону флангов. Отсечные и промежуточные позиции в случае необходимости использовались как рубежи развертывания для вторых эшелонов и резервов при нанесении контрударов. Такое удаление армейской полосы обеспечивало тактическое и оперативное взаимодействие между соединениями.

Одним из важнейших направлений в развитии инженерного оборудования обороны стал переход к траншейной системе. Опыт первого периода показал, что оборудование позиций одиночными окопами, окопами на стрелковое отделение или огневое средство не обеспечивало эффективности применения оружия, скрытности расположения войск, сохранения их от поражения огнем артиллерии и ударов авиации противника и затрудняло проведение маневра.

В битве под Москвой войска стали соединять отдельные окопы, расположенные по фронту траншеями, — сначала во взводных, а затем в ротных и батальонных районах обороны. В результате передний край обороны был оборудован сплошной траншеей. Во втором периоде войны изданные документы потребовали во всех случаях оборудовать оборонительные позиции сплошными траншеями и ходами сообщений. Во фронтах, которые имели достаточно времени на подготовку оборонительной операции, создавались 4—6 оборонительных полос (рубежей). Две первые полосы устраивались в тактической зоне обороны, третья — в армейской зоне, а также 2—3 фронтовых рубежа. При подготовке обороны под Курском в Воронежском и Центральном фронтах общая глубина подготовленной обороны (две полосы в тактической зоне, одна армейская, 1—3 фронтовых рубежа) достигала 80—100 км[5].

На других направлениях, особенно при поспешном переходе к обороне, количество полос, их глубина и расстояние между полосами могли быть меньшими.

Все предвоенные уставы и наставления требовали, чтобы оборона советских войск готовилась прежде всего как противотанковая (ПТО). Однако в оборонительных операциях лета 1941 г. создать сильную противотанковую оборону удавалось не всегда. Это объясняется недостатком противотанковых средств и отсутствием опыта их применения. Противотанковая оборона, как правило, была лишь в пределах главной полосы обороны, при этом имевшиеся

противотанковые средства распределялись равномерно по всей полосе без учета характера действий противника, который стремился прорывать оборону ударами крупных группировок на узких участках. Плотность противотанковых орудий при такой организации составляла два-три, иногда до пяти орудий на 1 км фронта[6]. Глубина расположения орудий была в пределах 2–5 км. Для борьбы с танками противника мало привлекались орудия полевой и зенитной артиллерии, авиация.

Важной тенденцией в развитии противотанковой обороны стало превращение ее из вида боевого обеспечения в основной элемент обороны. Уже осенью 1941 г., в соответствии с требованиями Ставки ВГК по организации системы артиллерийского огня, начали переходить от линейного расположения средств борьбы с танками к устройству на важнейших танкоопасных направлениях противотанковых опорных пунктов (ПТОП) и противотанковых районов (ПТР), стали создаваться артиллерийско-противотанковые резервы (АПТР). ПТР находились на важнейших танкоопасных направлениях в глубине обороны армий. Так, в ноябре 1941 г. в период битвы за Москву в полосе обороны 16-й армии было четыре крупных противотанковых района[7]. Создавались ПТР и в других армиях. В состав ПТР включались противотанковые артиллерийские полки резерва ВГК и приданные танковые бригады.

Превращение ПТО в основное содержание обороны проявилось также в привлечении к борьбе с танками всех сил и средств, способных им противостоять: противотанковая, зенитная и полевая артиллерия, противотанковые ружья, авиация, огнеметные средства. Стали создаваться подразделения истребителей танков, вооруженных ручными гранатами и бутылками с горючей смесью. Значительную роль приобрела система противотанковых инженерных заграждений и минно-взрывных средств. В июле 1942 г. для развития ПТО Генеральный штаб издал специальную инструкцию, которая предлагала ряд мер по ее совершенствованию. В результате удалось повысить плотность противотанковой артиллерии до 6–8 орудий на 1 км фронта.

Наиболее полное развитие ПТО получила под Курском. Она создавалась на всю глубину построения армии. В 13-й армии Центрального фронта глубина ПТО составила 30–35 км. Главным принципом ее организации являлись массированное использование противотанковых средств на направлении главного удара противника и умелый маневр ими в ходе операции. Система ПТО включала противотанковые опорные пункты, батальонные противотанковые узлы, противотанковые районы, артиллерию всех систем и калибров (войсковую и РВГК) на открытых и закрытых огневых позициях, АПТР и танковые резервы, подвижные отряды заграждений (ПОЗ), минно-взрывные заграждения. Это позволило создать в Курской битве оперативную плотность противотанковой артиллерии в 16–30 орудий на 1 км фронта[8]. Маневр этими средствами на угрожаемые направления позволял повысить плотность противотанковых средств в 2–3 раза.

Во втором периоде войны для борьбы с танками противника стала шире привлекаться авиация. Весьма эффективными оказались действия штурмовиков Ил-2, применявших специальные противотанковые бомбы кумулятивного действия (ПТАБ-1,5–2,5).

В первые месяцы войны широкие полосы обороны, недостаток огневых средств не позволяли создавать систему огня всех видов в армейском масштабе. Только к концу летне-осенней кампании 1941 г. и в летне-осенней кампании 1942 г. на тех участках фронта, где стабилизировалась обстановка, удавалось организовывать систему огня в оперативном масштабе. В армиях Южного, Сталинградского и Западного фронтов готовились участки, районы и рубежи сосредоточенного заградительного огня и данные для маневра огнем на угрожаемые направления. Опыт оборонительных операций показал, что в ряде случаев артиллерийские группы поддержки пехоты (ПП) и дальнего действия (ДД) сосредоточенным и заградительным огнем могли отразить атаку пехоты и танков противника. Но в ряде случаев атаки, особенно танковые, с закрытых огневых позиций отбить не удавалось. Имевшихся в соединениях пушек было недостаточно для отражения атак противника огнем прямой наводкой.

Огневые позиции групп ПП и ДД были в стороне от направлений атак танков противника и к стрельбе прямой наводкой не привлекались. Как следствие, танки противника,

не встречая должного отпора, прорывались в глубину обороны стрелковых соединений. Поэтому для отражения танковых атак пришлось привлекать пехоту, создавая группы и команды истребителей танков, вооруженных противотанковыми гранатами и бутылками с горючей жидкостью.

На протяжении всего 1941 г. огневое поражение противника организовывалось в основном в тактическом масштабе. Положение начало меняться летом 1942 г., когда почти вся артиллерия оборонявших Сталинград общевойсковых армий оказалась на левом берегу Волги и задача ее боевого использования легла на командующих армиями и фронтом. Практически этими вопросами вплотную занялись командующие и штабы артиллерии фронта и армий.

Тенденции, проявившиеся в организации системы огня в оборонительных операциях первого периода Великой Отечественной войны, нашли свое дальнейшее развитие во втором ее периоде. Самое большое влияние на организацию огневого поражения противника оказал оборонительный период Курской битвы. Система огня в обороне стала более совершенной. Безусловно, в этом вопросе сыграли свое значение количественный рост, качественное совершенствование огневых средств и полученный боевой опыт. Естественно, в оперативном масштабе в первую очередь решались вопросы использования артиллерии.

В штабах Центрального и Воронежского фронтов артиллерия распределялась по армиям первого эшелона. В Центральном фронте на направлении ожидаемого главного удара противника в полосах 48, 13 и 70-й армий было сосредоточено 70% орудий и минометов фронта и 85% артиллерии РВГК. В Воронежском фронте в полосах 40-й, 6-й гвардейской и 7-й гвардейской армий было сосредоточено 67% орудий и минометов фронта и 66% артиллерии РВГК. Такое распределение артиллерии позволило создать ее высокую плотность. В полосе 13-й армии Центрального фронта она достигала 105 орудий и минометов, в полосе 6-й гвардейской армии Воронежского фронта — чуть более 25 орудий и минометов[9].

В Курской битве проявились и другие направления совершенствования огневого поражения противника: стремление к комплексному использованию всех видов оружия, а также к наращиванию плотности огня по мере продвижения противника в глубину обороны советских войск.

При этом наращивалась не только мощь артиллерийского огня, но также увеличивалось количество ударов авиации и возрастала плотность минно-взрывных заграждений. Повысилось качество использования огнеметных частей.

Танковые войска к началу Великой Отечественной войны организационно состояли из механизированных корпусов. В оборонительных операциях начального периода войны эти корпуса использовались для нанесения контрударов по прорвавшимся группировкам немецко-фашистских войск. Отсутствие боевого опыта, сложные условия обстановки, длительные и недостаточно обеспеченные перегруппировки, слабо организованная разведка не позволили нанести противнику значительного ущерба, особенно в танках, и достичь намеченных целей.

Более того, в оборонительных сражениях летнего периода 1941 г. советские танковые войска понесли значительные потери. К осени основными танковыми соединениями стали танковые бригады, которые сыграли важную роль в армейских оборонительных операциях Московской битвы.

С весны 1942 г. стали восстанавливаться танковые корпуса, в мае — июне были созданы танковые армии. С появлением танковых корпусов и армий подготовка и проведение контрударов улучшились. Подготовка стала проводиться в более короткие сроки, шире начали использовать маневры. При неудачном исходе контрудара в ряде случаев танкисты применяли последовательную оборону рубежей (приближение к маневренной обороне). Стало более тесным взаимодействие с общевойсковыми силами, артиллерией и авиацией.

Так, в период оборонительной операции Брянского фронта 5-я танковая армия 5 июля 1942 г. нанесла контрудар по танковой группировке немецко-фашистских войск юго-восточнее Ельца. Результатом стало замедление темпов наступления противника, сковывание его войск на отдельных участках. Но до конца замысел реализовать не удалось.

Не полностью были использованы ударные возможности 1-й и 4-й танковых армий при нанесении контрударов в ходе оборонительных действий Сталинградского фронта в большой излучине Дона.

Во втором периоде Великой Отечественной войны применение танковых корпусов и армий в обороне улучшилось. Этому способствовала и реорганизация танковых армий, из которых исключили стрелковые войска и кавалерию, сделав их таким образом более однородными, а поэтому более маневренными и управляемыми. Танковые корпуса в оборонительных операциях стали составлять резерв фронта, а танковые армии — второй эшелон. Танковые бригады, входившие в состав общевойсковых армий, являлись их подвижным резервом.

Наиболее ярким примером совершенствования использования танковых войск в оборонительных операциях второго периода Великой Отечественной войны является Курская битва. В Центральном и Воронежском фронтах танковые армии и отдельные танковые корпуса предназначались для проведения контрударов. Действия танковых армий и корпусов были заранее спланированы.

Начавшиеся боевые действия показали, что планировавшиеся контрудары не приносят ожидаемых результатов, и поэтому в планы ведения операций фронтов были внесены коррективы. Суть их сводилась к тому, чтобы поражение наступавшим группировкам немецких танковых войск нанести не путем контрударов, а последовательным уничтожением вражеских танков огнем из засад и укрытий.

Возросшее мастерство командующих и штабов фронтов и армий позволяло в короткие сроки вносить коррективы в намеченные планы, уточнять их непосредственно уже в ходе начавших действий.

Опыт оборонительных операций первого и особенно второго периода Великой Отечественной войны показал, что оперативная оборона стала строиться как глубокоэшелонированная, многополосная, с широко развитой системой траншей и ходов сообщений, инженерных заграждений. Повышение ее устойчивости было также связано с надежным огневым поражением противника. К концу рассматриваемого периода она давала возможность отразить массированные удары танковых группировок противника, налеты его авиации и значительно ослабить силу артиллерийского воздействия. Эти факторы определили устойчивость обороны советских войск, невозможность ее преодоления для самых мощных группировок противника.

В тактике, как и в оперативном искусстве, эффективность решения оборонительных задач в значительной степени определялась искусством построения обороны. Построение тактической обороны включало создание целесообразного боевого порядка и системы огня, подготовку обороны в противотанковом отношении и инженерное оборудование местности.

По предвоенным понятиям боевой порядок стрелковых соединений включал боевые эшелоны, группировку артиллерии, резервы: общий, танковый, артиллерийско-противотанковый. Стрелковый корпус строил боевой порядок в один эшелон, стрелковая дивизия — в два. Ширина полосы обороны корпуса — 20–25 км, глубина — 15–20 км. В дивизии боевые эшелоны (первый и второй) создавались стрелковыми полками, а артиллерийские группы — по характеру решаемых задач: поддержки пехоты (по числу полков первого эшелона), дальнего действия, зенитно-артиллерийская. При двухэшелонном боевом порядке стрелковая дивизия имела полосу шириной 8 км, глубиной 8–10 км, 18 орудий и минометов и 6–9 противотанковых орудий на 1 км фронта, которые были эшелонированы по глубине обороны на 2–3 км.

Война, особенно ее неудачное начало, внесла коррективы в построение боевых порядков корпуса и дивизии. Значительные потери начального периода привели к изменению организационно-штатной структуры стрелковых войск. Стрелковые корпуса были расформированы. Из штата дивизии был исключен гаубичный артиллерийский полк, сокращено количество орудий в артиллерийском полку, уменьшилось количество артиллерии в стрелковых полках. Дивизии имели некомплект личного состава.

В оборонительных боях летнего периода 1941 г. большая ширина полос обороны (14–20 км и более) и недостаток огневых средств вынуждали командиров стрелковых дивизий строить боевой порядок в один эшелон, создавая резерв в 1–2 стрелковых батальона. Уменьшился состав групп артиллерийской поддержки пехоты, не всегда создавались группы дальнего действия. При наличии танков они включались в танковый резерв. Боевые порядки стрелковых полков строились в один эшелон, это позволяло использовать 80–85% огневых средств в борьбе за передний край и первую позицию. Но в то же время оборона стрелковой дивизии имела всего одну позицию, реже две. Одноэшелонное построение боевых порядков соответствовало реальным боевым возможностям соединений и частей, оборонявших широкие полосы и участки, и позволяло хоть в какой-то мере повысить устойчивость обороны.

При неглубоком построении боевого порядка, очаговом характере обороны дивизий (промежутки между батальонными районами обороны достигали 1 км и более), низких плотностях и равномерном распределении сил по фронту (командиры еще не научились вскрывать направления главных ударов противника и массировать на этих направлениях силы и средства) создать устойчивую оборону не представлялось возможным. Этим пользовался противник и легко прорывал такую оборону.

В указаниях Генерального штаба от 31 мая 1942 г. говорилось, что в оборонительных действиях советских войск отмечен ряд недостатков. Среди них: слабая маневренность элементов обороны, в том числе огневых средств пехоты, недостаточная активность ведения оборонительных действий, слабая защита флангов и стыков. И что наиболее важно — несовершенство противотанковой обороны и недостаточная ее глубина на танкоопасных направлениях[10].

Требования высшего военного руководства, возрастание боевых возможностей стрелковых дивизий, учет опыта оборонительных действий в летне-осенней кампании 1941 г. привели к тому, что на оборонительном этапе Сталинградской битвы, в оборонительных боях на Южном фронте тактическая зона обороны стала оборудоваться двумя позициями и отдельными батальонными районами между ними. Ширина оборонительных полос стрелковых дивизий составила 8–10 км, что позволило в летне-осенней кампании 1942 г. иметь двухэшелонное построение боевого порядка. В результате тактические плотности возросли до 0,8 стрелкового батальона, 10–15 и даже до 20 орудий и минометов, 3–4 противотанковых орудий и 1–2 танков на 1 км фронта. Аналогичные процессы происходили и на других участках советско-германского фронта.

Тенденции, проявившиеся в первом периоде войны, получили дальнейшее развитие во втором. Командование немецко-фашистских войск, почувствовавшее возраставшее сопротивление советских войск, при подготовке и проведении новых наступательных операций перешло к еще большему массированию сил и средств, особенно танков, на направлении главного удара. Это обусловило необходимость повышения глубины тактической зоны обороны и увеличения количества противотанковых средств.

По сравнению с обороной в первом и в начале второго периода войны произошел качественный скачок в построении тактической обороны. С восстановлением корпусного звена управления и увеличением боевого состава войск появилась возможность создания в тактической зоне обороны двух полос, а на основных направлениях — отсечных позиций, противотанковых районов, промежуточных позиций. Общая глубина тактической зоны обороны стала достигать 15–30 км. Первая полоса оборудовалась как главная и составляла основу тактической зоны обороны, где сосредоточивалось наибольшее количество сил и средств[11].

В каждой оборонительной полосе создавалось несколько позиций. В первой, главной полосе: первая позиция — как правило, основная; вторая — промежуточная; третья — запасная. Они эшелонировались в глубину на 6–8 км и полностью занимались войсками. Вторая полоса оборудовалась на удалении в 10–15 км от переднего края главной полосы, и в ней создавались 1–2 позиции. Войсками эти позиции могли заниматься не полностью.

В первом периоде войны в соответствии с предвоенными взглядами наиболее полно система огня должна была создаваться в стрелковых дивизиях. Основу ее составлял в основ-

ном огонь стрелкового оружия и минометов. Низкой была плотность артиллерийского огня. Возможности артиллерии дивизии по ведению сосредоточенного и постановки неподвижного заградительного огня были ниже предусматривавшихся предвоенными определениями. Основные усилия огневых средств направлялись на организацию поражения противника перед передним краем и на первой позиции. Слабо были прикрыты огнем стыки и фланги.

К концу первого периода войны организация системы огня в стрелковых дивизиях значительно улучшилась. Огонь стал планироваться на всю глубину их боевого порядка. С закрытых позиций огонь мог вестись по возможным районам сосредоточения войск противника перед наступлением на дальностях до 3–4 км от переднего края. Перед фронтом обороны, в глубине и для обеспечения стыков с соседями стали готовиться сосредоточенный огонь по нескольким участкам и неподвижный заградительный огонь на нескольких рубежах. Уменьшилось время на открытие огня артиллерии. Так, в 42-й армии Ленинградского фронта при проверке системы огня в августе 1942 г. плановый огонь открывался через 30–40 секунд после вызова, а внеплановый — через полторы минуты. Командиры стремились создавать зону сплошного огня стрелкового оружия перед передним краем.

Тенденции, проявившиеся в организации системы огня в оборонительных боях первого периода войны, нашли свое отражение и развитие во втором периоде, когда основную систему огня составили артиллерия и минометы в сочетании с ружейно-пулеметным огнем и заграждениями.

В битве под Курском во всех армиях была разработана система неподвижного заградительного огня (НЗО) против пехоты, подвижного заградительного огня (ПЗО) против танков, сосредоточенного огня (СО) по районам скопления войск противника в ближайшей глубине. Артиллерия дивизий первого эшелона готовила огонь перед передним краем обороны, а второго эшелона — внутри полосы обороны и перед передним краем второй полосы обороны. Все участки планового огня были пристреляны, готовился огонь орудий прямой наводкой.

В связи с постоянно повышавшейся ролью танков в наступлении при подготовке обороны, по предвоенным взглядам, требовалось организовывать противотанковую оборону. Считалось, что в полосе обороны стрелковой дивизии должны быть созданы три противотанковых рубежа и несколько противотанковых районов. Рубежи представляли сочетание инженерных заграждений с огнем всех средств, они создавались в 300–400 м перед передним краем главной полосы, перед позициями вторых эшелонов полков и дивизии. Противотанковые районы должны были оборудоваться в глубине обороны, за естественными и искусственными препятствиями и за взрывными и невзрывными заграждениями в стороне от танкоопасных направлений. Для борьбы с прорвавшимися танками противника в полках и в дивизии предполагалось использовать подвижные противотанковые резервы.

Основным средством борьбы с танками считалась противотанковая артиллерия. Противотанковая оборона стрелковой дивизии строилась на небольшую глубину и с невысокими плотностями противотанковых орудий. В связи с этим в «Боевом уставе пехоты» было предусмотрено выделение так называемых истребителей танков — небольших групп пехотинцев с гранатами или бутылками с горючей смесью.

С такими уставными положениями советские войска встретили начало Великой Отечественной войны. Создавая значительное превосходство, противник мог в короткие сроки прорывать оборону и стремительно развивать успех в глубину. Такие условия ведения военных действий заставили советское командование принять меры к усилению противотанковой обороны. Уже в августе 1941 г. Ставка ВГК направила в войска «Указания по организации системы артиллерийского огня в обороне», упразднявшие противотанковые рубежи и требовавшие создания в главной полосе обороны противотанковых опорных пунктов и противотанковых районов, которые должны были эшелонироваться по глубине и быть во взаимной огневой связи. Они представляли собой участок местности, оборудованный в инженерном отношении, на котором эшелонировано в глубину и по фронту размещались противотанковые орудия и противотанковые ружья. В их состав требовалось включать и полевую артиллерию. Начальниками пунктов и районов назначались артиллерийские офицеры.

В систему противотанковой обороны в битве под Москвой включались танковые части и соединения. Танкисты организовывали оборону последовательно на нескольких рубежах, действовали из засад, проводили короткие контратаки.

Широкое применение нашли группы истребителей танков. В боевом порядке стрелковой дивизии могли быть 2—3 такие группы, вооруженные противотанковыми ружьями, гранатами и бутылками с горючей жидкостью.

Принимаемые меры повысили устойчивость противотанковой обороны, но полностью решить проблему создания непреодолимой для танков обороны в летне-осенней кампании 1941 г. не удалось.

В летней кампании 1942 г. качество противотанковой обороны повысилось. Увеличилось количество и качество противотанковых средств в частях и соединениях, развертывались истребительно-противотанковые части и соединения РВГК. Противотанковые опорные пункты стали совмещаться с ротными и объединяться в батальонные противотанковые узлы. Подчинены все противотанковые средства были командирам стрелковых рот и батальонов. В частях и соединениях создавались специальные противотанковые резервы, используя для этого противотанковые дивизионы, роты противотанковых ружей, саперные подразделения.

Уже в оборонительный период Сталинградской битвы противотанковая оборона стала более эффективной. Противнику приходилось преодолевать более глубокую, эшелонированную противотанковую оборону. Но все же противотанковая оборона советских войск еще не могла полностью решить свои задачи. Здесь сказывались и недостаток противотанковой артиллерии, и ее слабый маневр в ходе боя, и просчеты в организации и руководстве силами противотанковой обороны.

Во втором периоде войны противотанковая оборона получила свое дальнейшее развитие. Наиболее значимым в этом отношении стал оборонительный период Курской битвы.

При организации противотанковой обороны на Центральном и Воронежском фронтах были созданы противотанковые опорные пункты и районы, усиленные противотанковыми препятствиями. В состав таких пунктов включалось 3—12 противотанковых орудия, до пяти противотанковых ружей, по 2—3 ротных миномета и по отделению саперов и автоматчиков. Для борьбы с новой бронетехникой врага привлекались 85-мм зенитные пушки и даже 152-мм гаубицы-пушки.

На Центральном фронте противотанковые опорные пункты объединялись в полковые противотанковые районы, где комендантом являлся командир стрелкового полка. На Воронежском фронте такие районы создавались только в местах расположения вторых эшелонов дивизий за счет истребительно-противотанковых артиллерийских полков и бригад, комендантом там был артиллерийский начальник. В полках, дивизиях и корпусах создавались артиллерийско-противотанковые резервы. В состав корпусного резерва включалось от дивизиона до полка; в состав дивизионного резерва — от батареи до дивизиона 45-мм и 76-мм орудий, рота противотанковых ружей, рота автоматчиков и взвод саперов с минами; в резерв командира стрелкового полка — взвод противотанковых орудий, взвод противотанковых ружей, взвод автоматчиков и отделение саперов с противотанковыми минами.

Борьбу с танками должна была вести артиллерия всех калибров с закрытых огневых позиций, применяя сосредоточенный огонь по районам скопления танков противника и подвижный заградительный огонь по атакующим танкам. При прорыве танков противника вся артиллерия должна была отражать их атаку огнем прямой наводкой. Даже позиции зенитной артиллерии приспосабливались для ведения огня по танкам.

В полках, дивизиях и корпусах были созданы противотанковые отряды заграждения, которым в ходе боя надлежало минировать местность на пути движения вражеских танков и разрушать дорожные сооружения. Полковой отряд включал в себя от отделения до взвода саперов, дивизионный — от саперного взвода до роты, корпусной — от саперной роты до батальона[12].

Артиллерийский противотанковый резерв и отряды заграждения находились в глубине обороны на основных танкоопасных направлениях. Для них готовились рубежи развертыва-

ния. Предусматривался маневр противотанковыми средствами в ходе оборонительного боя. Средства борьбы с танками эшелонировались на всю глубину тактической зоны обороны (15–20 км).

Существенную роль в повышении устойчивости обороны играли выбор местности и ее инженерное оборудование, что было тесно связано с эшелонированием войск. Оборонительные бои первых месяцев войны показали, что оборудование позиций только одиночными окопами без соединения их траншеями негативно сказывалось на эффективном применении оружия, совершении маневров, повышении скрытности расположения подразделений. Поэтому уже в битве под Москвой окопы на стрелковое отделение стали соединять траншеями сначала во взводных опорных пунктах, а затем в ротных и батальонных районах обороны. На переднем крае начала формироваться сплошная траншея.

Во втором периоде войны в соответствии с «Указаниями по устройству полевых оборонительных рубежей» начальника инженерных войск и инструкции Генерального штаба все оборонительные позиции стали оборудоваться сплошными траншеями. В стрелковом батальоне отрывались три траншеи. Первая траншея служила передним краем главной полосы. Первая и вторая траншеи занимались ротами первого эшелона, третья — ротой второго эшелона. Они соединялись ходами сообщения. В траншеях оборудовались ячейки для стрелков, площадки для огневых средств. При наличии времени и возможностей создавались и другие инженерные сооружения: для огневых средств, укрытия, командные и наблюдательные пункты, различного рода заграждения.

В первом и втором периодах Великой Отечественной войны искусство подготовки и ведения стратегической, оперативной и тактической обороны прошло суровую проверку. Опыт оборонительных операций и боев свидетельствует, что в эти периоды войны оттачивалось мастерство командиров и командующих. Чем дольше шла война, тем больше крепла оборона, повышались ее устойчивость и активность. Развивалось искусство оперативного построения войск и их боевых порядков. Для наращивания сопротивления в глубине обороны создавались более мощные вторые эшелоны и резервы. Появлялись новые элементы оперативного построения и боевого порядка. Совершенствовалась система огневого поражения противника, особенно его танков. Улучшалось инженерное оборудование местности. Возросла роль маневра в ходе ведения оборонительных действий. Наступательная стратегия фашистской Германии провалилась окончательно и бесповоротно.

В ходе первого и второго периодов войны советские Вооруженные силы провели три наступательные кампании: Московскую (1941–1942), Сталинградскую (1942–1943) и операции Курской битвы (1943).

При выборе направления главного удара учитывался ряд политических, экономических и военных факторов, также оказывало влияние и наличие стратегической инициативы. В первом и втором периодах Великой Отечественной войны советское командование не было свободно в выборе направлений главных ударов. Усилия, как правило, сосредоточивались на разгроме наиболее опасных группировок немецко-фашистских войск: так было в битве за Москву, в Сталинградской и Курской битвах.

Разгром группировки вражеских войск под Москвой в первую очередь обезопасил столицу Советского Союза, а в последующем позволил развернуть промышленные возможности московского региона для увеличения выпуска военной продукции. Разгром сталинградской группировки противника не только нанес значительные потери войскам вермахта, но в корне изменил всю стратегическую обстановку на южном крыле советско-германского фронта. Одержанная победа под Курском позволила возвратить важные в экономическом отношении районы на юге страны и кардинально изменить всю стратегическую обстановку на советско-германском фронте. После поражения в районе Харькова — Орла германское командование уже не планировало стратегические наступательные операции на советско-германском фронте.

Стратегическое наступление в зимней кампании 1941–1942 гг. проводилось одновременно на всех стратегических направлениях. Такой способ оказался не лучшим, и поэтому,

начиная с зимней кампании 1942–1943 гг., формой проведения стратегических наступательных операций стало их последовательное проведение.

Вместе со способом ведения стратегического наступления изменялся и состав соответствующих группировок. Привлечение к участию в операциях значительных по составу войск позволяло советскому командованию проводить операции с большими пространственными и временными показателями. Однако глубина проводившихся стратегических наступательных операций в первом и втором периодах Великой Отечественной войны из-за отсутствия опыта и малой подвижности наступавших войск не превышала 100–250 км.

Формы проведения наступательных операций выбирались различные. Наиболее эффективным был способ нанесения нескольких ударов по сходящимся направлениям, позволявший полностью или частично окружать и уничтожать крупные группировки противника. Однако за первые два периода войны такой способ был использован только один раз в контрнаступлении под Сталинградом. Основной же формой проведения наступательных операций в 1941–1943 гг. было нанесение рассекающих ударов.

Опыт проведения стратегических наступательных операций доказал, что достижение успеха в них определяется способностью советских войск прорвать тактическую зону обороны (ТЗО) противника, так как именно на глубине 15–20 км германское командование сосредоточивало 70–80% своих войск. При этом четко просматривается стремление к прорыву обороны врага как можно в более короткие сроки.

Вторым важным условием достижения целей операции являлось развитие успеха в глубине обороны противника. Поэтому, в соответствии с предвоенной теорией, необходимо было создавать определенный эшелон развития успеха или, как называли тогда, подвижную группу. Было ясно, что такие элементы (прорыва обороны и развития успеха) не могли создаваться в стратегическом масштабе, а были функцией оперативных инстанций (фронтов и армий). Состав этих элементов определялся задачей, решавшейся оперативными объединениями в стратегической наступательной операции.

Развитие подготовки и ведения стратегических наступательных операций происходило уже в ходе последующих военных действий в третьем периоде Великой Отечественной войны.

Во время войны практика подготовки и ведения фронтовых и армейских наступательных операций базировалась на теории глубокой наступательной операции, разработанной в начале 1930-х годов. Одни положения этой теории получили подтверждение, другие потребовали уточнения, третьи показали свою непригодность. Особенно изменились взгляды на фронт как на основную инстанцию, способную решать стратегические задачи. Общевойсковая армия, являясь основным оперативным объединением, действовала в составе фронтовой группировки и решала свои задачи во взаимодействии с другими оперативными объединениями. В решении наступательных задач большая роль отводилась танковым армиям, которые начали создаваться весной 1942 г. Эти армии являлись средством Ставки ВГК и придавались фронтам, действовавшим на главных направлениях. Безусловно, эти армии создавались прежде всего для участия в наступательных операциях.

Боевой и численный состав фронтов и армий зависел от важности решаемых задач, и на протяжении всей войны количество личного состава и боевой техники в них постоянно возрастало. Цели планируемых операций определяли и их размах.

В наступательных операциях фронтов и армий и в первый, и во второй период войны первейшей задачей был прорыв тактической зоны обороны противника. Придерживаясь положений предвоенной теории, командующие фронтами и армиями считали, что прорыв обороны противника во многом обеспечивается рациональным подходом к выбору направления главного удара. В первом периоде войны предпочтительным считалось то, на котором противник имел слабую оборону, можно было скрытно сосредоточить и развернуть силы ударной группировки и в последующем обеспечить выход главных сил во фланг и тыл оборонявшихся войск.

Даже в контрнаступлении под Москвой в декабре 1941 г., где войска начинали атаку в своих оборонительных полосах и времени на перегруппировку часто не было, командующие

стремились выбрать именно такое направление главного удара. В контрнаступлении под Сталинградом главные удары Юго-Западного и Сталинградского фронтов были нанесены по наиболее слабым группировкам румынских войск, находившимся на флангах 6-й полевой армии — главной ударной силы немецко-фашистских войск.

Во втором периоде войны командующий войсками Воронежского фронта при выборе направления главного удара руководствовался необходимостью прорвать тактическую зону обороны противника в первый день наступательной операции и обеспечить вывод подвижной группы фронта в кратчайший срок во фланг и тыл противника. Такое решение было принято в условиях значительного превосходства над обороняющимися в силах и средствах.

Стремление создать количественное превосходство над противником было характерно для всех наступательных операций первого и второго периодов войны. Но в контрнаступлении под Москвой этого сделать не удалось. Ставка ВГК обобщила опыт этого контрнаступления и в директивном письме от 10 января 1942 г. наметила ряд мер по улучшению подготовки и ведения наступательных операций. В письме требовалось, чтобы на направлении главного удара общевойсковой армии ширина полосы наступления была уменьшена и на этом направлении сосредоточена ее ударная группировка в составе 3—4 дивизий. Там же указывалось, чтобы пехота наступала при непрерывной поддержке артиллерии, которая также должна сосредоточиваться в районе действия ударных групп. Ставка, в свою очередь, усиливала своими средствами фронтовую наступательную группировку[13].

В последующих операциях первого и особенно второго периода войны концентрация сил и средств на участках прорыва достигала высокого уровня. На фронтовых участках прорыва (5—16% от общей ширины полосы наступления) она составляла 45—70% стрелковых войск, до 70% артиллерии и до 100% танков и авиации. В армиях, наступавших в полосах шириной от 20 до 50 км, участок прорыва был в пределах 6—14 км.

В ходе и первого, и второго периода войны происходили изменения во взглядах на оперативное построение фронтов и армий. По предвоенной теории оно предусматривалось глубоким. Но в операциях первого периода войны большая ширина полос наступления, ограниченный боевой и численный состав фронтов и армий не позволяли этого сделать. Фронты строились в один эшелон и имели слабые резервы. Глубина их была незначительная и достигала всего 20—30 км. В один эшелон строились и общевойсковые армии, в которых кроме первого эшелона могли быть армейская артиллерийская группа ДД, подвижная группа, состоявшая из отдельных танковых или кавалерийских частей (иногда соединений), лыжных бригад, и общевойсковой резерв. С весны 1942 г. в качестве подвижных групп стали применяться танковые корпуса. В некоторых армиях создавался незначительный по составу артиллерийско-противотанковый резерв.

В процессе ведения наступательных операций оперативное построение фронтов и особенно армий изменялось, совершенствовалось по ряду направлений. Первое их них — появление таких новых элементов оперативного построения армии, как вторые эшелоны, подвижные отряды заграждений, армейские группы реактивной артиллерии, зенитные артиллерийские группы. Второе направление — совершенствование существовавших и вновь создаваемых элементов: вторые эшелоны армий становились более сильными. Во втором периоде войны второй эшелон мог состоять из 2—3 стрелковых дивизий, а с восстановлением корпусного звена управления — из одного стрелкового корпуса. Подвижные группы армий стали составлять танковые и механизированные корпуса. Однако в общевойсковых армиях, в полосах наступления которых намечался ввод подвижных групп фронта, свои подвижные группы не создавались. Армейские артиллерийские противотанковые резервы усиливались как по количеству, так и по качеству входивших в их состав противотанковых орудий (1—2 истребительно-противотанковых артполка). Подвижные отряды заграждений создавались силой до инженерно-саперного батальона. Третье направление — повышение огневых, ударных и маневренных возможностей элементов оперативного построения фронтов и армий, происходившее благодаря вышеперечисленным изменениям.

В соответствии с теорией глубокой наступательной операции важнейшим условием ее удачного проведения была необходимость надежного огневого поражения противника. Основываясь на довоенных представлениях, в зимней кампании 1941—1942 гг. наступление начиналось артиллерийской подготовкой, которая проводилась главным образом по опорным пунктам на переднем крае противника при плотности артиллерии в среднем 40—60 орудий и минометов на 1 км фронта. После этого пехота и танки переходили в атаку. Низкая плотность артиллерии не обеспечивала надежного подавления вражеской обороны, атакующие несли значительные потери. Становилось понятным, что необходимо вносить коррективы в использование артиллерии. В своем директивном письме от 10 января 1942 г. Ставка ВГК потребовала, чтобы артиллерия применялась массировано на направлении главных ударов, перемещалась (меняла огневые позиции) совместно с пехотой и танками и поддерживала их в ходе всего наступления. «Боевой устав пехоты» 1942 г. определял следующие периоды в действиях артиллерии: подготовка атаки, поддержка атаки, обеспечение действий пехоты и танков в глубине обороны противника. Такой порядок боевого применения артиллерии стал называться артиллерийским наступлением[14].

Дальнейшее развитие артиллерийское наступление получило во втором периоде войны. В войсках появилось больше артиллерии, она массировалась на направлениях главных ударов, увеличились продолжительность и глубина артиллерийской подготовки, шло совершенствование методов артиллерийской поддержки, пехота и танки сопровождались огнем, как правило, на всю глубину наступательной операции. Если в контрнаступлении под Москвой продолжительность артиллерийской подготовки была 5—20 минут, то под Сталинградом — 70—90 минут, а под Курском она возросла до 140—175 минут.

Увеличение количества артиллерии, боеприпасов, поступление на вооружение новых артиллерийских систем, приближение огневых позиций к переднему краю позволили увеличить глубину поражения обороны противника в период артиллерийской подготовки до 3—4 км, то есть до района основных позиций его артиллерии. Эти же факторы дали возможность, начиная с 1942 г., проводить артиллерийскую поддержку не только методом последовательного сосредоточения огня, но и огневым валом на глубину от 500 до 1000 м.

В конце первого периода войны боевое применение авиации стало осуществляться в форме авиационного наступления, которое включало периоды авиационной подготовки и авиационной поддержки. Авиационная подготовка проводилась, как правило, до начала артиллерийской атаки. Авиация стала поддерживать не только войска первого эшелона армии, но и ее подвижную группу. Взаимодействие наземных войск и авиации становилось более эффективным. Удары штурмовой авиации приблизились к боевым порядкам войск (до 400 м).

В наступательных операциях зимы 1941 г. проблема прорыва решалась ограниченными средствами, без достаточного массирования сил и средств, без эшелонирования их в глубину. Артиллерийская подготовка в основном была малоэффективной, а авиационная проводилась не всегда. В результате прорыв осуществлялся низкими темпами, хотя тактическая зона обороны противника состояла из одной полосы. Примером могут служить действия 10-й армии Западного фронта в контрнаступлении под Москвой.

Гораздо лучше организовывались и проводились наступательные операции в зимней кампании 1942—1943 гг. и летней кампании 1943 г. В контрнаступлении под Сталинградом оперативное построение армий часто было двухэшелонным, у них имелось достаточно артиллерии и танков. В армиях создавались эшелоны прорыва и развития успеха. Артиллерия массировалась в армейских артиллерийских группах. Оборона врага прорывалась на избранных направлениях, где назначались определенные участки. В прорыв вводились армейские подвижные группы, состав которых был весьма значителен. Так, в 5-й танковой армии в подвижную группу входили два танковых и кавалерийский корпуса. Однако подвижные группы в чистый прорыв вводить не удавалось, и они, как правило, привлекались для завершения прорыва тактической зоны обороны противника, а иногда и его главной полосы. Такое же положение было и с фронтовыми подвижными группами, которые в наступательных операциях летней кампании 1943 г. вводились в сражение в целях завершения прорыва

вражеской обороны. Примером может служить Белгородско-Харьковская наступательная операция Воронежского фронта, когда для завершения прорыва тактической зоны обороны была введена подвижная группа фронта (1-я и 5-я гвардейская танковые армии).

В наступательных операциях лета 1943 г. был получен богатый опыт оперативного преследования противника с форсированием крупных водных преград. Причем темп его преследования, осуществлявшегося, как правило, фронтально, был недостаточно высоким (8—12 км в сутки) и не всегда позволял добиться поставленных целей. В ходе развития наступательных операций советским войскам приходилось форсировать большое количество крупных водных преград. Переправы осуществлялись как с ходу, так и с планомерной подготовкой.

Первый значительный опыт форсирования крупной водной преграды был получен в сентябре 1943 г. в ходе битвы за Днепр. В этой операции участвовали четыре фронта (12 армий). Форсирование Днепра проводилось на широком фронте (армии в полосе 40—50 км) с использованием табельных и подручных средств. В каждой армии выбирались два-три участка переправ, на которых назначалось по 3—5 пунктов форсирования. Большая роль отводилась передовым отрядам, которые захватывали мосты, плацдармы и обеспечивали переправу главных сил.

В наступательных операциях первого и второго периодов войны заслуживает внимания полученный опыт преодоления промежуточных оборонительных рубежей противника и отражения его контрударов. Отражение контрударов осуществлялось двумя способами: с места и с ходу. В Сталинградской операции противник для нанесения контрудара создал крупную группировку в составе трех танковых, четырех пехотных, двух кавалерийских и одной авиаполевой дивизий, для разгрома которой советским войскам пришлось перейти к обороне. В Белгородско-Харьковской операции войска Воронежского фронта с ходу отразили контрудар крупной танковой группировки противника.

Наступательные операции фронтов и армий в первом и втором периодах Великой Отечественной войны подтвердили правильность многих положений предвоенной теории. Вместе с тем в это время шел непрерывный процесс совершенствования форм и способов подготовки и ведения операций.

На подготовку и ведение наступательного боя оказывали влияние многие факторы. Среди них определяющее положение занимали боевой состав наступавших соединений и характер обороны противника. На первый план вышла проблема наступательного боя, заключавшаяся в недостатке у наступающей стороны сил и средств для надежного одновременного поражения противника на всю глубину и во всей полосе его обороны. Основные пути прорыва обороны противника были выработаны еще в предвоенные годы и заложены в теорию глубокого наступательного боя, но в ходе войны в них были внесены коррективы в соответствии с практикой боевых действий.

Умелое построение боевого порядка позволяло создать необходимое превосходство в силах и средствах. В первом периоде войны, когда общевойсковые армии состояли из отдельных стрелковых дивизий, определяющим было построение боевого порядка стрелковой дивизии. В период контрнаступления под Москвой, где оборона противника была неглубокой и носила очаговый характер, не требовалось глубокого построения войск. Однако стрелковые дивизии в соответствии с требованиями предвоенных уставов строили свой боевой порядок в два эшелона. Глубокое построение не обеспечивало нанесения мощного первоначального удара, вторые эшелоны и резервы несли потери еще до вступления в бой. Все это в условиях недостатка средств поражения отрицательно влияло на успешное ведение наступления.

Народный комиссар обороны в своем приказе № 306 от 8 октября 1942 г. требовал в условиях недостатка артиллерии и танков обеспечить активное участие в бою пехоты и всех ее огневых средств. А для этого боевой порядок дивизии должен был строиться в один эшелон и представлять из себя стрелковую цепь. В результате в атаке вместо восьми стрелковых рот стали принимать участие 18—19 рот из 27, имевшихся в дивизии. Такой боевой порядок применялся в контрнаступлении под Сталинградом и в других наступательных операциях зимой 1941—1942 гг.

Совершенствование боевого порядка стрелковых войск шло и по другим направлениям. В дивизиях создавались артиллерийские группы непосредственной поддержки пехоты на каждый стрелковый полк первого эшелона и группы дальнего действия. В первом периоде войны состав этих групп был небольшой, и подчинялись они командиру дивизии.

Во втором периоде войны в боевом применении артиллерии был сделан шаг вперед, чему способствовало директивное письмо Ставки ВГК № 03 от 10 января 1942 г. Главное, что требовала Ставка, — это непрерывное артиллерийское обеспечение на все время прорыва вражеской обороны. В соответствии с указаниями артиллерия должна была проводить подготовку атаки пехоты и танков, поддерживать их при прорыве обороны противника и непрерывно сопровождать до выполнения поставленной задачи. Впервые это было достигнуто в контрнаступлении под Сталинградом. Там же в группировке артиллерии появились минометные группы, включавшие в свой состав подразделения и части реактивной артиллерии.

В летне-осенней кампании 1943 г., прежде всего в наступательный период Курской битвы, боевой порядок дивизий и восстановленных стрелковых корпусов стал строиться, как правило, в два эшелона. Но это был уже качественно другой боевой порядок: стрелковый батальон наступал в одноэшелонном построении, стрелковая рота — в линию взводов или уступами, стрелковые взводы и отделения — цепью. В боевом порядке появились полковые, дивизионные и корпусные артиллерийские группы. Обязательными элементами боевого порядка стали артиллерийские противотанковые резервы и подвижные отряды заграждения, артиллерийские группы прямой наводки и минометные группы.

В первом и втором периодах Великой Отечественной войны шел непрерывный процесс совершенствования огневого поражения противника. В стрелковых дивизиях (корпусах) к решению этих задач привлекались артиллерия (ствольная, реактивная и противотанковая), танки, авиация (бомбардировочная и штурмовая) и стрелковое оружие. Главным средством поражения противника являлась артиллерия.

В первом периоде войны немногочисленная дивизионная артиллерия ограничивалась в основном проведением непродолжительной артиллерийской подготовки, иногда в виде короткого огневого налета.

Опыт наступательных действий в зимней кампании 1941–1942 гг. внес серьезные коррективы в порядок огневого поражения противника. В соответствии с требованиями директивного письма Ставки ВГК и «Боевого устава пехоты» 1942 г. уже в контрнаступлении под Сталинградом при проведении артиллерийской подготовки плотность орудий и минометов возросла до 70–80 на 1 км, а продолжительность составила 80 минут. Это сказалось на ее эффективности: у противника были разрушены все основные оборонительные сооружения, нарушена огневая связь подразделений.

В наступательных операциях 1942–1943 гг. наряду с увеличением количества привлекаемой артиллерии и продолжительности артиллерийской подготовки совершенствовались способы ее проведения. Для поражения целей на переднем крае противника постоянно возрастало количество орудий, выделенных для стрельбы прямой наводкой. Для обеспечения внезапности начала артподготовки время первого огневого налета в разных операциях и боях было различным. Так, 19 ноября 1942 г. в одной из дивизий артподготовка началась почти в 9 часов утра. В ряде случаев это происходило и среди дня.

Во втором периоде войны большое внимание уделялось совершенствованию огневой поддержки наступающих пехоты и танков. Встал вопрос о сокращении разрыва между артиллерийской подготовкой и поддержкой атаки. В контрнаступлении под Сталинградом в некоторых дивизиях он составлял всего 2–3 минуты. В контрнаступлении под Курском пехота поднималась в атаку не в момент переноса огня в глубину обороны противника, а в конце последнего огневого налета.

В глубине обороны противника продвижение пехоты и танков сопровождалось отдельными орудиями, взводами и батареями, которые находились в боевых порядках подразделений и частей. В стрелковых дивизиях в период контрнаступления под Курском каждый стрелко-

вый батальон первого эшелона был усилен 1–2 артиллерийскими батареями. Передвигаясь вместе с пехотой, орудия этих батарей уничтожали противника, мешавшего продвижению стрелковых войск.

Эффективным средством повышения удара атакующих войск были танки непосредственной поддержки пехоты (НПП). В наступательных боях первого периода войны для этого выделялось незначительное количество главным образом легких танков. Эти танки, как правило, равномерно распределялись по фронту, дробились на мелкие группы, недостаточно обеспечивались в огневом и инженерном отношении.

Взгляды на применение танков непосредственной поддержки пехоты изменились после выхода приказа НКО № 325 от 16 октября 1942 г. Приказ потребовал централизованного использования танков НПП в интересах войск, действовавших на направлении главного удара. В соответствии с требованиями приказа и возрастанием количества танков плотность их в операциях 1942 г. увеличилась. В наступательных операциях лета 1943 г. боевые возможности эшелона танков НПП еще более возросли с включением в его состав самоходно-артиллерийских установок (САУ).

В ходе наступления войскам приходилось отражать контратаки противника. Как правило, это делалось с места, всеми силами и средствами, с привлечением вторых эшелонов (резервов). Иногда приходилось отводить подразделения и части на более выгодные рубежи. Все это приводило к тому, что прорыв неглубокой обороны завершался на второй день наступления. В первом периоде войны отражение контратак осложнялось ограниченностью сил и средств, низкой подвижностью стрелковых подразделений, затруднявшей маневр силами и средствами на угрожаемое направление, недостатком противотанковых средств, а также отсутствием необходимой поддержки огнем артиллерии и ударами авиации.

Впоследствии при отражении контратак боевые действия стали вести более решительно. Срыв контратак в пределах первой позиции в значительной мере обеспечивался огнем артиллерии, проводившей поддержку наступавших соединений. Активно использовались удары во фланг и даже в тыл контратакующего противника.

Таким образом, развитие стратегии и оперативного искусства в первых двух периодах было обусловлено последовательным наращиванием мощи Красной армии, изменением соотношения сил на фронте вооруженной борьбы в пользу советской стороны.

По мере изменения соотношения сил повышалась эффективность операций Красной армии, росли масштабы поражений вермахта и его союзников, совершенствовалось военное мастерство командиров всех уровней.

Искусство подготовки и ведения фронтовых и армейских оборонительных и наступательных операций развивалось на протяжении первых двух периодов Великой Отечественной войны. Со Сталинградской битвы началось проведение в полном объеме наступательных операций групп фронтов. Однако во втором периоде войны в ряде наступательных операций не удавалось полностью достичь поставленных целей.

Совершенствование стратегии, оперативного искусства продолжалось и в заключительном, третьем периоде Великой Отечественной войны.

Борьба на морских коммуникациях

К октябрю 1941 г. определяющее влияние на характер боевой деятельности Красной армии и Военно-морского флота оказывала общая стратегическая обстановка, которая складывалась для нас неблагоприятно. Необходимо было во что бы то ни стало задержать наступление вермахта, ослабить его в оборонительных операциях. И флот, как это имело место в прошлом России, пришел на помощь армии.

Все операции и действия флотов и флотилий в первом и втором периодах Великой Отечественной войны в той или иной степени были связаны с поддержкой сухопутных войск независимо от того, как они проводились — самостоятельно или совместно с ними.

Учитывая географические особенности театра и характер морских коммуникаций противника на Балтике, командование флота с началом войны установило для подводных лодок 18 позиций. Их нарезка производилась с таким расчетом, чтобы контролировать движение вражеских судов на всем протяжении коммуникаций. Исключение составлял Ботнический залив, в котором наши подводные лодки начали боевые действия лишь осенью 1942 г. Подлодки использовались двояко: позиционно и посредством одиночного крейсерства в ограниченном районе моря, ведя поиск противника самостоятельно. Авиация в этот период почти целиком применялась для поддержки сухопутных войск и не могла проводить разведку коммуникаций, равно как вести систематические боевые действия по их нарушению.

Принципиальное значение для Балтийского флота имела оборона Ханко. В середине октября перед командованием Ленинградского фронта и Балтийского флота встала задача эвакуации гарнизона базы. Основная причина заключалась в критическом положении Ленинграда. 23 октября Ставка ВГК приняла решение об эвакуации гарнизонов Ханко и Осмуссара в Кронштадт и Ленинград, возложив его осуществление на Балтийский флот. В тяжелейших условиях 1941 г. моряки Балтийского флота и Ладожской военной флотилии вывезли с изолированных плацдармов и островов около 160 тыс. солдат и офицеров армии и флота[15], дав им возможность с оружием в руках встать на защиту Ленинграда.

Планирование морской части операции осуществлялось в штабе флота, который разработал мероприятия, связанные с поддержанием устойчивой обороны, организацией отхода, прикрытия и посадки войск, уничтожением тяжелого вооружения и оборонительных объектов, заграждением территории и порта. Исходя из обстановки и возможностей флота, особенно в транспортных средствах, эвакуацию решено было провести скрытно, несколькими эшелонами на небольших отрядах быстроходных кораблей и транспортов, сохраняя на полуострове до последнего дня эвакуации заслон из 10—12 тыс. бойцов. Эвакуацию последнего эшелона предполагалось провести одним отрядом кораблей одновременно. Значительное количество войск последнего эшелона обусловливалось необходимостью обеспечить устойчивую круговую оборону. В нем оставались наиболее подготовленные и стойкие части, оснащенные автоматическим оружием[16].

Из-за недостатка транспортов для эвакуации пришлось задействовать и боевые корабли. Остров Гогланд использовался как промежуточная маневренная база. В течение ноября четырьмя отрядами боевых кораблей и тремя отрядами вспомогательных судов и тихоходных кораблей с Ханко были вывезены около 15 тыс. человек с личным оружием, боеприпасами и часть боевой техники.

Корабли, транспорты и катера совершили всего 128 боевых походов (некоторые по 2—3 раза), при этом погибли 11 боевых кораблей и транспортов (три эсминца, два транспорта, сторожевой корабль, сетевой заградитель, два БТЩ, два тральщика), 12 боевых и вспомогательных катеров (восемь катеров МО, два торпедных катера, катер и буксир)[17]. По неполным данным, погибли и оказались в плену около 650 членов экипажей этих кораблей. Кроме того, была потоплена одна из подводных лодок, прикрывавших эвакуацию. При эвакуации погибли четыре малых катера, были затоплены шесть малых катеров, плавкран, два мотобота, буксир и пять барж. Потери, особенно эсминцев и тральщиков, были тяжелыми для флота. Они могут быть оправданы лишь спасением основной части гарнизона.

Нехватка быстроходных тральщиков и тралов была далеко не единственной причиной слабой противоминной обороны переходов. Тральщики типа «Фугас» имели низкую скорость и фактически могли выполнять лишь функции базовых. Применявшиеся в ходе операции конструкции параван-тралов также не отвечали необходимым требованиям. Подсекаемые ими мины всплывали, представляя опасность, особенно ночью. При затраливании немецкие якорные мины и минные защитники взрывались, выводя из строя тралящую часть. Нередко на 4—6 тральщиках (8—12 тралящих частей) после подрывов действовало 1,5—2 части, не

обеспечивая достаточную полосу траления. Замена трала занимала не менее полутора часов. Неудачной была организация командования, недостаточной — информация, связанная с требованиями соблюдения скрытности перехода, между ответственным начальником, командованием базы и отрядом спасательных судов.

Общие потери Балтийского флота в 1941 г. оказались наибольшими в сравнении с другими советскими флотами. Наиболее тяжелыми для флота стали потери 17 эсминцев, 27 подводных лодок, 39 тральщиков, восполнить которые в условиях войны промышленность не смогла.

Быстрое продвижение противника к Ленинграду с особой остротой ставило вопрос о его морской обороне. Пришлось прибегнуть к испытанным и надежным средствам — минам и береговой артиллерии.

В эти тревожные для Ленинграда дни германское морское командование, по-своему оценивая возможные варианты, опасалось прорыва советского флота в Швецию. Чтобы не допустить этого, противник усилил минные заграждения в районе Таллин — Хельсинки. В финских шхерах были приведены в готовность соединения неприятельского флота. В районе Або-Аландских островов появилась немецкая эскадра в составе новейшего линкора «Тирпиц», тяжелого крейсера «Адмирал Шеер», двух легких крейсеров, шести эсминцев и других кораблей. В Либаве находился еще один отряд вражеских кораблей[18].

Важной задачей этого периода явилась перегруппировка войск 8-й армии с ораниенбаумского плацдарма в Ленинград с целью занять позиции на одном из угрожаемых направлений — правом берегу Невы. На транспортах, буксирах, самоходных и несамоходных баржах предстояло перевезти шесть стрелковых дивизий, тыл и управление армии. Суда совершали переход небольшими конвоями по северному фарватеру под прикрытием катеров-дымзавесчиков, артиллерии и авиации флота. В октябре вывезли стрелковые части, в ноябре — тылы армии. Со 2 октября по 12 ноября в Ленинград были доставлены 38 057 бойцов, около 1700 машин и тракторов, 309 орудий, около 6600 лошадей и 3 тыс. повозок. На конец месяца планировалась эвакуация гарнизона островов. Тяжелую материальную часть, которую невозможно было вывезти, пришлось взорвать. В ночь на 31 октября к островам подошли пять отрядов кораблей под командованием капитана 2 ранга Ю. В. Ладинского. Для прикрытия отхода и посадки частей использовались один из отрядов кораблей и подвижная 45-мм батарея, которая, меняя позиции, обстреливала берег, занятый противником. Эвакуация 6547 бойцов и еще 500 советских граждан, 74 орудий, 308 пулеметов, 110 лошадей, 630 тонн боезапаса прошла без потерь. С 30 октября по 7 ноября также без потерь были вывезены наиболее удаленные от Кронштадта гарнизоны с островов Гогланд и Тютерс (3270 человек, 49 орудий, четыре танка, 98 лошадей, 1500 тонн боезапаса, 450 тонн продовольствия).

Опасаясь активных действий Балтийского флота с началом летней навигации и пытаясь создать наиболее благоприятные условия для нового штурма Ленинграда, германское руководство утвердило план уничтожения кораблей посредством мощных ударов артиллерии и авиации, а также блокады Невской губы неконтактными минами. 13 февраля 1942 г. Гитлер еще раз потребовал от своих генералов и адмиралов уничтожить советские корабли на Балтике[19]. Немецкое морское командование предлагало для этого вести «беспрерывные атаки по русским военно-морским силам в Ленинграде и Кронштадте армейской артиллерией и военно-воздушными силами Германии»[20]. Разработанная противником операция имела кодовое название «Айсштосс» («Ледовый удар»). В ней принимали участие осадная артиллерия 18-й армии и соединения 1-го воздушного флота (1-й авиакорпус)[21].

Перед началом операции неприятель провел тщательную подготовку: летчики тренировались атаковать корабли, для чего на льду одного из озер был создан учебный полигон с макетами. К ударам по кораблям готовились пикирующие и ночные бомбардировщики, которые несли бомбы массой 1000, 1400 и 1800 кг.

В марте осадная артиллерия врага усилила обстрел кораблей на Неве, судоремонтных и судостроительных заводов Ленинграда и Кронштадта, складов, береговых батарей. Спасение кораблей затруднялось тем, что в течение зимы они оставались на постоянных огневых позициях и не могли их сменить, поскольку вмерзли в толстый слой льда. 23 марта немцы

Советская подводная лодка Щ-403 на базе

Члены экипажа торпедного катера

произвели огневой налет на Балтийский судостроительный завод и линкор «Октябрьская революция». В корабль попало два 152-мм снаряда, правда, не причинив серьезных повреждений.

В течение апреля противник предпринял несколько воздушных и артиллерийских налетов на корабли. 23 апреля в налете участвовало 159 «юнкерсов» и «мессершмиттов». Атаки продолжались три часа, но к кораблям прорвались лишь 18 пикировщиков, 24 самолета были сбиты. Большие потери истощили силы вражеской авиации. 25 апреля в налете участвовали только 55 самолетов, а 27 апреля — 24. Снизились и результаты налетов. Только некоторые корабли получили повреждения, но остались в строю, продолжая использовать свою огневую мощь. Усиленно готовилось германское командование к выполнению второй части плана «Айсштосс» — блокаде Балтийского флота. В финских базах и портах шла подготовка специальных отрядов кораблей для оборудования противолодочного рубежа в Финском заливе. Были выделены запасы новых неконтактных мин для минирования фарватеров Невской губы и кронштадтских рейдов.

С началом неприятельских минных постановок все средства ПВО флота были приведены в действие. Зенитчики кораблей и береговых батарей, прожектористы бдительно несли вахту, ночные истребители совершали по 3–4 вылета за ночь. Совместными усилиями зенитчиков и истребителей были сбиты 44 самолета, что составило более 15% от общего их количества, участвовавшего в минных постановках[22]. Тщательно организованное траление фарватеров позволило выявить и подорвать множество неприятельских мин, потери флота на них в этот период оказались минимальными: буксир и катерный тральщик.

Несмотря на сложность оперативной обстановки и напряженную борьбу на приморских флангах, Балтийский флот активно действовал на морских коммуникациях противника.

В декабре 1941 г., когда восточная часть Финского залива покрылась льдом, командование флота предприняло попытку использовать подводные лодки в зимних условиях. Для этого была подготовлена одна из лодок К-51 с автономностью до 120 суток. Перед лодкой ставилась задача с помощью ледокола прорваться в Балтийское море, в течение четырех месяцев вести боевые действия, а после очищения Финского залива ото льдов вернуться в Кронштадт. 21 декабря К-51 вышла из Кронштадта в сопровождении ледокола «Ермак», однако на следующий день при форсировании тяжелого торосистого льда в районе острова Пенисари оказалась зажата льдами, получила серьезные повреждения и вынуждена была вернуться.

Всего за кампанию 1941 г. подводные лодки совершили 79 боевых походов, потопив 20 транспортов и кораблей немцев. Половина их была уничтожена торпедным оружием, остальные подорвались на минах. Значительные потери понес и наш флот, большинство лодок которого погибло на минах.

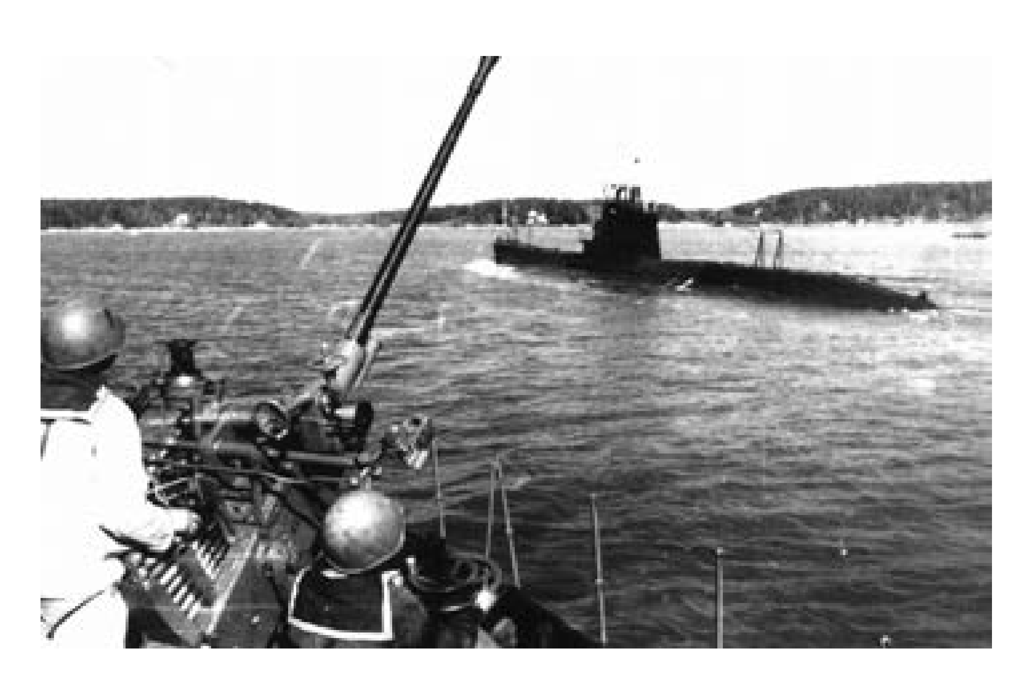
По воспоминаниям командующего флотом адмирала В. Ф. Трибуца, уже в декабре 1941 г. Военный совет флота, обсудив варианты боевых действий летом наступающего года, пришел к выводу, что наиболее эффективным средством нарушения морских коммуникаций противника на Балтике остаются подводные лодки. Предложения Военного совета флота получили одобрение Военного совета фронта[23] и народного комиссара ВМФ адмирала Н. Г. Кузнецова.

Чтобы блокировать советские корабли в Кронштадте — Ленинграде и не допустить их прорыва в Балтийское море, противник с помощью авиации производил постановки неконтактных мин в Невской губе и на кронштадтских рейдах. Трудности в использовании подводных лодок возникали на каждом шагу уже в период их подготовки и ремонта, не хватало топлива, продовольствия. Из-за сравнительной мелководности залива ограничивался их маневр. Лодкам предстояло действовать в период белых ночей, что затрудняло скрытность их перехода в надводном положении для зарядки аккумуляторных батарей.

С очисткой Невской губы ото льда на флоте особое внимание уделялось уничтожению мин противника. Дело усугублялось тем, что против тралящих кораблей неприятель постоянно использовал артиллерию и авиацию. Опасный труд тральщиков поддерживала артиллерия флота, в том числе зенитная, прикрывали самолеты-истребители и катера. К началу

Артиллерийский расчет 120-мм орудия линкора Балтийского флота «Октябрьская революция» готовится открыть огонь

Расчет 37-мм зенитного орудия прикрывает выход подводной лодки Щ-303 на боевое задание

развертывания подводных лодок дивизионы траления прошли фарватеры от Ленинграда до Кронштадта и далее к о. Лавенсари.

Охрана водного района Кронштадта развернула у островов Лавенсари и Сескар несколько корабельных дозоров, в основном из морских охотников (МО-4). Днем и ночью, сменяя друг друга, они несли службу, создавая благоприятные условия для кораблей и судов в восточной части Финского залива. Дозоры в районе Лавенсари вскоре после их развертывания начали вступать в столкновения с дозорными и противолодочными силами противника.

Развертывание подводных лодок происходило в три этапа. На первом — лодки переходили из Ленинграда в Кронштадт. Основную опасность здесь представляли магнитные мины и артиллерия противника, расположенная в районе Петергоф — Стрельна. Из-за малых глубин лодки шли только в надводном положении. В начале навигации и осенью переход осуществлялся исключительно ночью, а в период белых ночей в максимальной степени использовались дымовые завесы, позволяющие скрыть лодки от наблюдателей противника, исключив прицельный артиллерийский огонь. Артиллерия флота приводилась в готовность для ведения огня по вражеским батареям. Основным способом противоминной обороны лодок являлось предварительное траление фарватеров.

Второй этап — переход из Кронштадта до Лавенсари — также осуществлялся в контролируемой флотом зоне. До Шепелевского маяка лодки охранялись катерами, далее следовали самостоятельно в подводном или надводном (ночью) положении. Здесь сохранялась минная опасность, возможны были атаки авиации и торпедных катеров противника. От о. Лавенсари начинался третий этап, самый трудный участок пути — лодкам приходилось форсировать Финский залив, на всем протяжении контролируемый гитлеровцами.

В первую группу развертываемых подводных кораблей (первый эшелон) вошли девять лодок: Щ-304, Щ-317, М-95, Щ-405, Щ-320, С-4, Щ-406, С-7, Щ-303. Они вышли в поход с 9 июня по 4 июля (на переходе к о. Лавенсари Щ-405 погибла). Используя элемент внезапности и благодаря грамотным и решительным действиям, Щ-317 за один поход потопила пять транспортов, но и сама, к сожалению, не вернулась.

Во втором эшелоне вышли в море 10 лодок: Л-3, М-96, Щ-407, «Лембит», Щ-309, М-97, Щ-323, С-13, Щ-310, М-102. Успешно завершился поход подводного минного заградителя Л-3. На переходе в район действия он обнаружил у о. Ландсорта конвой противника и, атаковав, потопил танкер. Затем лодка проникла в Померанскую бухту, считавшуюся, по мнению противника, недоступной для советских подводников, и потопила несколько транспортов. Подведя итоги похода, командование наградило весь экипаж подводного корабля орденами и медалями, удостоив звания гвардейского.

К осени 1942 г. обстановка для действий подводных лодок значительно усложнилась. Противник сделал выводы из неудач, усилив противолодочный рубеж в Финском заливе, для конвойной службы выделялось больше кораблей, активизировались действия авиации. Для борьбы с советскими лодками германское командование стало привлекать свои подлодки. Нередко большую часть перехода конвои совершали в территориальных водах формально нейтральной Швеции в охранении шведских военных кораблей, которые нельзя было атаковать.

Развертывание лодок третьей группы началось в середине сентября и закончилось в начале ноября. Это была наиболее мощная группа, насчитывавшая 16 кораблей: Щ-307, С-9, Щ-308, С-12, Д-2, Щ-320, Щ-309, Щ-302, Щ-311, Щ-305, С-7, Щ-306, Щ-406, Л-3, Щ-304, М-96. Почти половина из них в ходе одной и той же кампании выходила в боевой поход повторно. Неоднократно атакованная в Финском заливе Д-2 натолкнулась на противолодочную сеть, часть которой зацепилась за корпус. Чтобы освободиться из плена, добровольцы в легководолазных костюмах несколько часов работали в холодной воде при штормовом ветре и волне. Выйдя в район западнее острова Борнхольм, Д-2 атаковала конвой и тяжело повредила вражеский паром. Германское командование приказало своим судам срочно укрыться в ближайших портах. Появление всего одной советской субмарины на несколько дней прервало судоходство в районе.

Для действий на коммуникациях противника в трех эшелонах в общей сложности выходили 36 подводных кораблей (включая восемь повторных выходов), потопив 56 судов и кораблей противника и заставив военно-морское командование Германии вновь ввести военное положение для судоходства и развернуть огромные силы для обороны своих коммуникаций. В ряде немецких, шведских и датских источников отмечались успехи советских подводных лодок, значительный урон, который они причинили противнику, а также нарушение ими судоходства в Балтийском море. Немецкая газета «Дейче альгемейне цейтунг» писала: «В 1942 году, несмотря на наличие обширных минных заграждений и бдительность наших кораблей, нескольким советским подводным лодкам удалось прорваться из Финского залива в Балтийское море и в результате этого в какой-то мере нарушить наше судоходство»[24]. 20 октября 1942 г. шведская «Дагенс нюхетер» отмечала, что «советские подводные лодки, управляемые отважными и отчаянными командирами, прорываются через узкие, заминированные и чрезвычайно тщательно охраняемые воды Финского залива... не дают возможности немцам наладить твердые коммуникации»[25].

Некоторые зарубежные исследователи пытаются умалить подвиг балтийских подводников, занижая его результаты. Но даже эти источники свидетельствуют об истинном положении дел: «В стратегическом отношении Германия уже в 1942 году в морской войне на Балтийском море была вынуждена перейти к обороне»[26].

В связи с использованием противником авиации для постановки мин была создана система противоминного наблюдения, включавшая большое количество специальных постов на берегу и на плавсредствах.

Широкое использование немцами различных мин — якорных и донных, контактных и неконтактных, с приборами срочности и кратности — вызвало резкое увеличение объема и усложнение тральных работ. Если в Первой мировой войне достаточно было одноразового прохождения фарватера парой тральщиков с контактным тралом, то теперь фарватер требовалось обследовать несколько раз и контактными, и неконтактными тралами. Из-за отсутствия на флоте неконтактных тралов в начале войны погибли и получили повреждения многие корабли. По мере создания неконтактных тралов и применения размагничивающих устройств обстановка стала улучшаться.

Противоминная оборона — это тяжелый повседневный труд личного состава тральщиков, постов противоминного наблюдения, гидрографов, лоцманов, большое напряжение экипажей всех судов, выходящих в море. Мина — скрытное средство войны — подстерегала моряков в любое время дня и ночи, в любом районе мелководного Балтийского моря и его заливов.

При форсировании больших минных заграждений в Рижском и Финском заливах применялся самый сложный вид противоминной обороны — проводка боевых кораблей и конвоев за тралами. Для этого привлекались в основном быстроходные тральщики (БТЩ), имевшие на вооружении параван-тралы. Несли их, как правило, и эскадренные миноносцы. Из-за нехватки тральщиков не всегда удавалось создать безопасную полосу необходимой ширины, что обусловило значительные потери при переходе из Таллина и эвакуации гарнизона Ханко.

Основу обороны советских морских коммуникаций составляла система конвоев. Охранение транспортных судов на переходе морем боевыми кораблями имело целью защитить их в момент нападения подводных лодок, авиации и катеров противника, а при прохождении минных заграждений — предотвратить подрывы на минах. В состав конвоев на Балтийском море в основном включались катера — малые охотники и торпедные, сторожевые корабли и эсминцы. Ответственность за безопасность конвоев возлагалась на командиров военно-морских баз, на Ладожском озере — на командующего флотилией.

В 1941 г. на Балтийском море было проведено 273 конвоя в составе 804 судов и 1144 кораблей охранения, перевезены 88 947 человек и 193 082 тонны грузов; на Ладожском озере — около 500 судов (78 500 человек и 50 тыс. тонн грузов). В 1942 г. в Невской губе и на о. Лавенсари прошли 151 конвой, 363 судна, 1231 корабль охранения, были перевезены 94 926 человек и 112 142 тонны грузов[27].

Самолеты-истребители ВВС Балтийского флота

Немецкий корабль в Балтийском море на постановке мин

В целом в 1941–1942 гг. Балтийский флот решил задачу обороны своих коммуникаций. Обеспечил, хотя и с потерями, эвакуацию гарнизонов баз Прибалтики, Ханко, Моонзунда, островов Выборгского залива и Ладожского озера. Была создана устойчивая система обороны коммуникаций в восточной части Финского залива для снабжения Кронштадта, Приморской оперативной группы войск и островов Лавенсари и Сескар, а также для перегруппировок войск.

Наряду с поддержкой сухопутных войск, борьбой с артиллерией противника, защитой морских сообщений на Ладоге и между Ленинградом и Ораниенбаумом Балтийский флот продолжал активные боевые действия по нарушению морских перевозок противника в Финском заливе и Балтийском море. Эти действия, в конечном счете, также были направлены на укрепление обороны Ленинграда, ослабление блокировавшей город 18-й немецкой армии.

Значительные потери транспортного флота, понесенные немцами на Балтике в 1942 г., особенно от подводных лодок, весьма обеспокоили германское командование. На совещании в ставке Гитлера 22 декабря 1942 г. отмечалось, что «каждая советская подводная лодка, которая прорывается через блокаду, является грозой судоходству на всем Балтийском море и подвергает опасности немецкий транспортный флот, которого и так едва хватает»[28]. Весной 1943 г. сосредоточенный в Таллине германский флот приступил к оборудованию нарген-порккалауддской позиции. Сетевые заградители установили на этой позиции два полотнища стальных противолодочных сетей, которые полностью перекрыли Финский залив на всю его глубину. Для усиления нарген-порккалауддской и гогландской позиций противник выставил дополнительные заграждения, состоявшие из различных систем мин, в том числе и специальных противолодочных. Общее число мин, поставленных им в Финском заливе, в 1943 г. превысило 30 тыс. В ряде мест, и прежде всего на гогландской и нарген-порккалауддской позициях, были развернуты дополнительные корабельные навигационные дозоры. По всему заливу велась систематическая воздушная разведка. Усиливая блокаду, немцы увеличили число кораблей в заливе до 249.

Готовясь к боевым действиям на коммуникациях противника, весной 1943 г. штаб Балтийского флота разработал план развертывания подводных лодок из Ленинграда и мероприятия по их прорыву через Финский залив в Балтийское море. Построенный на опыте предыдущей кампании, этот план не учитывал, однако, установленных противником противолодочных сетей. Воздушная разведка флота своевременно донесла командованию о постановке сетей, но из-за неправильной оценки ее данных Военный совет не принял необходимых мер по противодействию работе сетевых заградителей неприятеля[29].

Для выяснения возможности форсировать Финский залив командование флота в мае выслало подводные лодки Щ-303 (командир — капитан 3 ранга И. В. Травкин) и Щ-408 (командир — капитан-лейтенант П. С. Кузьмин). Первой вышла в море Щ-303, которая успешно форсировала гогландскую минную позицию, но преодолеть нарген-порккалауддскую не смогла, была обнаружена кораблями противолодочной обороны противника, которые в течение 20 суток преследовали ее, сбросив сотни глубинных бомб. Лишь благодаря мужеству экипажа и искусству командира лодка смогла вернуться на базу[30].

Несмотря на то что подводные лодки не вели боевых действий в Балтийском море, враг продолжал нести потери на минах, поставленных советскими подводниками в предшествующий период войны: подорвались на минах и погибли немецкие транспорты «Грундзее» и «Мори Фердинанд», подводная лодка U-416.

В июне 1943 г. боевые действия по нарушению морских коммуникаций противника начала торпедоносная авиация флота. К этому времени его военно-воздушные силы пополнились новейшими самолетами ДБ-3, личный состав достаточно хорошо освоил новую технику и приобрел необходимый боевой опыт[31].

По мере того как, согласно приказу начальника Генерального штаба Красной армии, ударная авиация флота снималась с сухопутного направления, переключаясь на морское, масштабы ее действий по нарушению вражеских коммуникаций непрерывно возрастали[32].

Командир подводной лодки К-3 капитан-лейтенант К.И. Малафеев у перископа

Эсминцы Балтийского флота в боевом походе

В 1943 г. минно-торпедная авиация совершила 228 боевых вылетов в Балтийское море, было потоплено 19 транспортов и шесть повреждено. Успешность атак торпедоносной авиации составила 21%, что ниже показателя успешности действий подводных лодок за тот же период войны. Потери ее составили 2,1% от общего количества вылетов[33].

За успехи, достигнутые в борьбе на морских коммуникациях противника, минно-торпедная авиационная дивизия КБФ была преобразована в гвардейскую[34].

В августе 1943 г. в составе ВВС флота была сформирована 9-я штурмовая авиационная дивизия (два штурмовых и два истребительных полка)[35]. Это позволило перейти от действий небольшими группами самолетов к нанесению массированных ударов по конвоям и кораблям противника с участием большого количества штурмовиков и истребителей.

Изменилась и тактика штурмовой авиации. С получением данных воздушной разведки штурмовая дивизия нередко в полном составе поднималась в воздух для уничтожения крупного конвоя противника. Первыми в атаку шли группы штурмовиков, предназначенные для подавления зенитной артиллерии, за ними на цель выходили ударные группы — с одного или двух бортов в зависимости от обстановки. Действия штурмовиков обеспечивались надежным прикрытием истребителей.

Переход к новому методу значительно повысил результативность действий штурмовой авиации. Только в августе — сентябре 1943 г. самолеты Ил-2 уничтожили и повредили семь сторожевых кораблей, три тральщика, канонерскую лодку, минный заградитель и ряд других кораблей[36].

В кампанию 1943 г. минно-торпедная авиация флота поставила в водах противника 455 неконтактных и контактных мин, на которых подорвались и погибли три транспорта и два вспомогательных судна.

Из надводных кораблей для нарушения неприятельских коммуникаций в Финском заливе использовались в основном торпедные катера. К началу кампании 1943 г. в составе бригады торпедных катеров, которой командовал капитан 1 ранга Е. В. Гуськов, насчитывалось 23 катера. В течение года бригаду пополнили еще 37, полученные от промышленности и после капитального ремонта[37].

В 1943 г. силы Балтийского флота, главным образом его авиация, по данным, подтвержденным противником, уничтожили 87 транспортов и кораблей[38]. Чтобы представить значение борьбы на коммуникациях, достаточно привести следующие данные. Расчеты показывают, что для уничтожения военных грузов, доставленных на фронт двумя транспортами водоизмещением по 6 тыс. тонн каждый и танкером в 3 тыс. тонн, в среднем требуется не менее 3 тыс. вылетов бомбардировочной авиации при условии успешного выполнения ею поставленных задач[39].

Важной задачей Северного флота осенью 1941 г. являлось нарушение морских коммуникаций противника. В условиях отсутствия в Северной Норвегии и Северной Финляндии железных дорог и слабого развития шоссейных морские пути приобретали для Германии особое значение: «Ведение войны в этой пустынной местности, — писал немецкий адмирал Ф. Руге, — полностью зависело от возможности продолжать морские перевозки»[40]. Транспортировка немецких войск, боевой техники и стратегического сырья осуществлялась круглый год через порты Петсамо и Киркенес по прибрежной коммуникации вдоль побережья Северной Норвегии и Финляндии протяженностью около 400 миль. В 1941 г. средний месячный грузооборот составлял 350–400 тыс. тонн. Впоследствии с каждым годом он увеличивался и в 1943 г. достиг 500–600 тыс. тонн в месяц.

Придавая большое значение нарушению морских коммуникаций противника, командование Северного флота использовало подводные лодки, авиацию, надводные корабли и береговую артиллерию.

В октябре 1941 г. штаб флота на основании уточненных данных о движении немецких судов у побережья Северной Норвегии произвел новую нарезку позиций для подводных лодок, которые полностью перекрыли весь путь движения вражеских конвоев между портами Киркенес и Тромсе. Были упразднены ранее существовавшие разграничительные полосы

между позициями у берега, позволив подводникам активнее вести поиск вражеских конвоев. Расширение районов боевых действий и отказ от разграничительных полос в прибрежной части позиций означали переход к более эффективному использованию лодок на коммуникациях противника — крейсерству одиночных подводных кораблей в ограниченном районе. Одновременно североморцы начали осваивать стрельбу несколькими торпедами с временными интервалами. Такой способ стрельбы, естественно, увеличивал расход торпед, зато значительно повышал вероятность попадания в цель, особенно при стрельбе с больших дистанций. Зародившись на Северном флоте, он вскоре распространился на другие флоты, прочно утвердившись среди подводников.

С осени 1942 г. потери Германии, несмотря на усиление ее противолодочной обороны, стали возрастать. Если до этого североморцы потопили два транспорта и тральщик, то в следующие четыре месяца — 29 транспортов и четыре боевых корабля[41].

В сентябре подводники стали применять минное оружие. Вначале для этого использовались крейсерские лодки типа «К», имевшие на вооружении 20 мин, а затем и подводные минные заградители типа «Л». Первая минная постановка была произведена 10 октября лодкой К-2 капитана 3 ранга В. П. Уткина на подходах к порту Варде. Лодка выставила четыре минные банки, общей численностью 13 мин[42]. 29 октября подводная лодка К-23 под командованием капитана 3 ранга Л. С. Потапова проникла в глубь фьордов, выставив на подходах к Киркенесу 20 мин, на которых 9 ноября подорвался транспорт «Флотбек»[43]. Всего в 1941 г. подводные лодки осуществили восемь минных постановок, выставив на коммуникациях противника 147 мин[44].

В 1942 г. Германия увеличила масштабы перевозок на Севере, одновременно усилив оборону морских коммуникаций. В январе — марте для обороны прибрежных коммуникаций с моря немцы выставили до 2200 мин[45]. Число кораблей охранения в составе конвоя увеличилось до трех на один транспорт. Это требовало от североморских подводников дальнейшего совершенствования мастерства, более смелых и решительных действий.

Подводные лодки наиболее эффективно использовали торпедное оружие. Самые опытные командиры освоили залповую стрельбу одновременно по двум целям. Первую успешную атаку провела лодка С-102 под командованием капитан-лейтенанта Л. И. Городничего. 14 января, производя поиск в районе Перс-фьорда, она обнаружила конвой в составе трех транспортов и пяти кораблей охранения. С дистанции 6—8 кабельтовых четырехторпедным залпом С-102 потопила транспорты «Тюрк-хайм» и «Фегервик»[46].

Североморцы широко применяли гидроакустику, посредством которой обнаруживали цели раньше, чем в перископ.

В 1942 г. в состав флота были включены подводные минные заградители. В навигацию этого года подводные лодки произвели 14 минных постановок, выставив на прибрежных коммуникациях противника 292 мины[47], совершили 117 боевых походов, потопив 45 транспортов и 12 кораблей. Советские потери составили девять подводных лодок, семь из которых подорвались на минах[48].

За достигнутые успехи подводные лодки Д-3, К-21, Щ-402, Щ-421 и М-172 были награждены орденом Красного Знамени, а Д-3, К-22, М-171 и М-174 преобразованы в гвардейские. Капитанам 2 ранга И. А. Колышкину, М. И. Гаджиеву, Н. А. Лунину, капитану 3 ранга В. Г. Старикову и капитан-лейтенанту И. И. Фисановичу были присвоены звания Героя Советского Союза.

К началу 1943 г. в составе бригады находилось 17 подводных кораблей. В течение года она пополнилась еще 16, из которых 11 поступили от промышленности, а пять были переведены с Тихоокеанского флота, совершив беспримерный в истории нашего подводного плавания переход через Тихий и Атлантический океаны общей протяженностью 17 тыс. миль. Эти лодки полностью восполнили потери, понесенные бригадой в 1942 и 1943 гг.[49]

В марте 1943 г. командиром бригады подводных лодок Северного флота был назначен один из наиболее опытных североморских подводников Герой Советского Союза капитан 1 ранга И. А. Колышкин[50]. Подчиненные ему подводные корабли по-прежнему использовались методом крейсерства в ограниченном районе.

Конвой немецких судов

Немецкий линкор «Тирпиц»

Во время полярной ночи, когда авиация не могла выполнять разведку коммуникаций, лодки самостоятельно вели поиск противника — в надводном положении с применением гидроакустики. Более совершенная ее система («Дракон-129») обеспечивала обнаружение цели на расстоянии до 60 кабельтовых, позволяя выходить в бесперископные атаки, производя стрельбу по данным гидроакустических пеленгов.

В марте была предпринята попытка использовать подводные корабли во взаимодействии с авиацией. Для этой цели использовались лодки М-122, С-55 и С-101, на аэродромах подготовили несколько групп самолетов-бомбардировщиков и торпедоносцев[51]. Подводные лодки были заблаговременно развернуты между Варангер-фьордом и Тана-фьордом. Однако из-за недостаточно надежной связи и плохого взаимодействия личного состава осуществить запланированное не удалось. Вместо совместного удара по одному и тому же конвою авиация и подводные лодки атаковали три разных конвоя, обнаруженных воздушной разведкой на участке между Варангер-фьордом и Тана-фьордом.

Одну из первых бесперископных атак на Северном флоте совершила подводная лодка Щ-404 под командованием капитан-лейтенанта Г. Ф. Макаренкова. Находясь в районе мыса Кибергнес, 14 сентября с помощью гидролокатора «Дракон-129» она обнаружила вражеский конвой, направлявшийся в Киркенес. Конвой состоял из двух транспортов, шедших в охранении миноносца, двух тральщиков и нескольких сторожевых катеров. Командир лодки, маневрируя на глубине 15 метров и используя гидроакустику, рассчитал боевой курс и с дистанции 10 кабельтовых произвел четырехторпедный залп по транспорту водоизмещением 8 тыс. тонн, потопив его[52]. Корабли охранения длительное время преследовали Щ-404, сбросив более 100 глубинных бомб. Но, уклонившись от прямых попаданий, лодка оторвалась от противника и благополучно вернулась на базу.

В кампанию 1943 г. подводные лодки продолжали использовать минное оружие. К постановке заграждений привлекались заградители Л-15, Л-20 и Л-22 и крейсерская лодка К-21[53]. Мины ставились главным образом на западном участке коммуникации между мысом Нордкап и портом Тромсе в глубине фьордов. Новым было применение плавающих мин ПЛТ-2. Установленные обычно на шхерных фарватерах, они течением разносились по акватории, делая опасным плавание судов на всем протяжении коммуникаций. В течение года было произведено 14 минных постановок (276 мин)[54], подводные лодки флота совершили 103 боевых похода, потопив 49 транспортов и 19 кораблей.

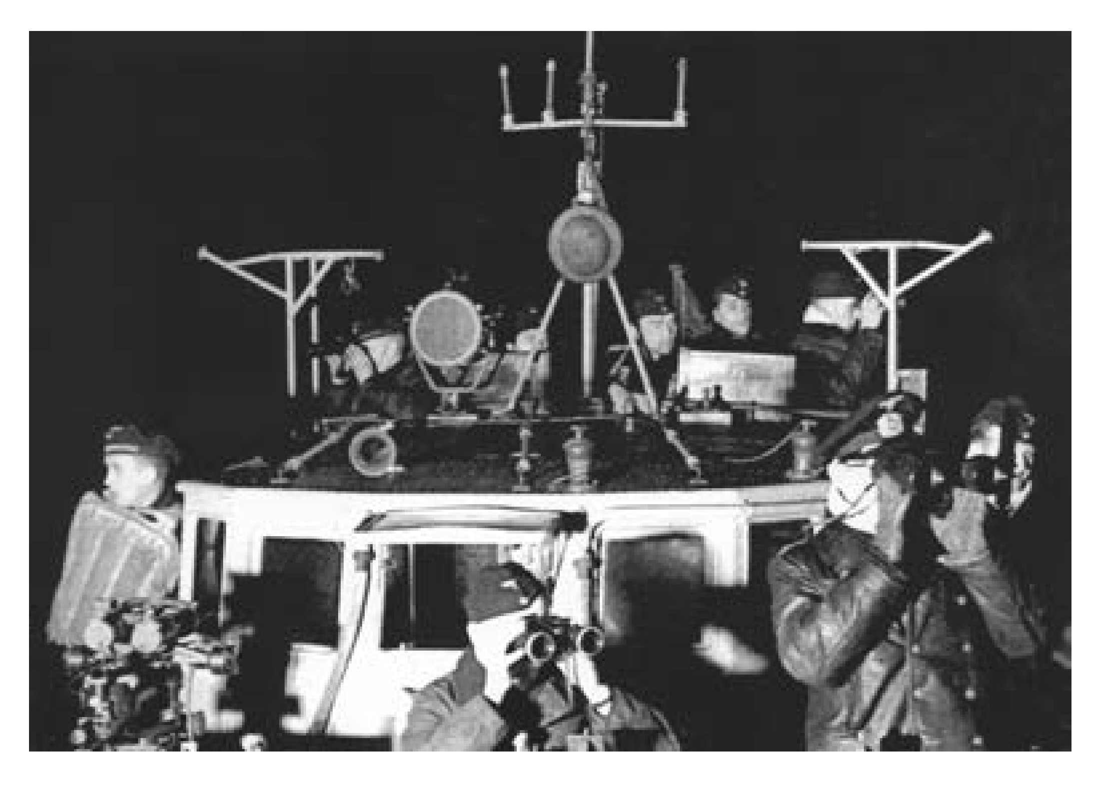
Наряду с подводными лодками боевые действия по нарушению коммуникаций противника с первых дней войны начала и авиация флота, ведя их в крайне неблагоприятных условиях. Немецкая авиация значительно превосходила ее не только количественно, но и качественно, господствуя в небе. Основным районом боевых действий авиации был залив Варангер-фьорд, где располагались порты Киркенес, Линахамари и Петсамо, через которые немцы осуществляли северные перевозки. Налеты бомбардировщиков группами по 2—5 машин носили эпизодический характер, бомбометание производилось с горизонтального полета и с высоты 4—7 тыс. метров. В целях скрытности самолеты действовали главным образом в ночное время. В 1941 г. авиация флота, совершив 533 вылета, потопила два транспорта и повредила несколько судов противника, потеряв при этом шесть самолетов[55].

В конце 1941 — начале 1942 гг. военно-воздушные силы флота получили 230 новых машин, что позволило расширить боевые действия на вражеских коммуникациях, применяя наряду с бомбами минно-торпедное оружие. В качестве торпедоносцев использовались самолеты Ил-4 (ДБ-3ф) с дальностью полета до 2,5 тыс. км и бомбовой нагрузкой в 1500 кг. Вначале они применяли торпедометание с высоты от 1300 до 4800 метров. Однако из 15 выпущенных торпед только одна попала в транспорт, стоявший на якоре[56]. Низкие результаты высотного торпедометания объяснялись главным образом недостаточной подготовкой экипажей.

С лета 1942 г. при действиях на коммуникациях противника методом «свободной охоты» (крейсерство) авиация начала применять низкое торпедометание. При атаке конвоев самолеты в целях скрытности старались использовать низкую облачность и малую видимость. Производя поиск на высотах 30—50 метров, торпеды сбрасывали с дистанции в 300 метров

Советские торпедные катера в походе

На мостике немецкого торпедного катера

Пикирующий бомбардировщик Пе-2 ВВС Северного флота на аэродроме

Эсминец Северного флота во льдах Карского моря

и более от цели. 29 июля воздушная разведка обнаружила конвой в составе двух транспортов и восьми кораблей охранения, вышедших из портов Варангер-фьорда на запад. Для удара по конвою вылетели два торпедоносца ДБ-3ф. Зайдя со стороны солнца, они начали сближаться с противником, рассчитывая атаковать наиболее крупный транспорт. Сбросив торпеды с дистанции 400 метров и открыв по кораблям охранения пулеметно-пушечный огонь, торпедоносцы благополучно вышли из атаки. Их удар оказался для врага настолько неожиданным, что зенитный огонь он начал с большим опозданием, не причинив нашим самолетам никакого вреда. В результате атаки был потоплен крупный немецкий транспорт водоизмещением 15 тыс. тонн[57].

В 1943 г. обстановка для советской авиации на Севере складывалась более благоприятно, чем в предшествующие периоды войны. Возросла ее численность, улучшилось качество самолетов. В начале кампании ВВС флота насчитывали 298 самолетов, к концу ее — 352 (количество немецкой авиации уменьшилось с 500 до 350)[58]. Флот получил новейшие истребители, в том числе дальнего действия (Пе-3), торпедоносцы (А-20) и штурмовики (Ил-2).

Усиление авиации значительно расширило масштабы ее деятельности на коммуникациях противника. Для этого использовались все виды авиации: разведывательная, бомбардировочная, торпедоносная, штурмовая, истребительная. Действия ее, как и подводных лодок, распределялись по зонам. На ближних участках коммуникаций в заливе Варангер-фьорд действовали истребители и штурмовики; на среднем — между Варангер-фьордом и Тана-фьордом — пикирующие бомбардировщики, на дальних коммуникациях вплоть до порта Тромсе — торпедоносцы. Такое распределение способствовало нанесению ударов по вражеским конвоям на всем пути их следования от портов Варангер-фьорда до Тромсе. В 1943 г. авиация североморцев потопила 61 транспорт, семь боевых и вспомогательных кораблей, выйдя на первое место среди других сил флота.

К началу войны в составе Северного флота имелись всего два торпедных катера типа Д-3[59]. Это объяснялось тем, что, согласно бытовавшим взглядам, считалось маловероятным успешное использование катеров в суровых условиях Заполярья. Опыт уже первых месяцев войны опроверг эти предположения. В августе 1941 г. по просьбе Военного совета Северному флоту передали четыре катера, перевезя их из Ленинграда по железной дороге. С их прибытием был сформирован отряд торпедных катеров из трех звеньев, который вошел в состав Охраны водного района (ОВР) главной базы флота[60]. Учитывая сравнительно небольшую дальность плавания катеров Д-3 (до 230 миль), они использовались на ближних коммуникациях противника в Варангер-фьорде. Катера сражались небольшими группами методом самостоятельного поиска в заданном районе, держались ближе к берегу на подходах к портам Киркенес и Петсамо, где легче было обнаруживать вражеские суда. Первая встреча торпедных катеров с противником произошла в ночь на 12 сентября, когда ТКА-11 (командир — капитан-лейтенант Г. К. Светлов) и ТКА-12 (командир — лейтенант А. О. Шабалин) в соответствии с данными разведки вышли на перехват конвоя, шедшего из порта Киркенес в Петсамо. Следуя малым ходом вдоль берега, они скрытно сблизились с ним и с дистанции четыре кабельтовых выпустили четыре торпеды по транспорту и кораблю охранения, уничтожив их[61].

С конца 1941 г. для нарушения коммуникаций противника в районе Варангер-фьорда стали применяться сторожевые катера типа МО-4, приспособленные к постановке мин заграждения (по две мины КБ-3 каждый). В 1941–1942 гг. они произвели шесть минных постановок, выставив у баз и портов противника 68 мин. С конца 1943 г. условия для действий торпедных катеров значительно улучшились. К этому времени авиация флота добилась господства в воздухе и могла не только обеспечивать катера разведкой и прикрывать с воздуха, но и вместе с ними наносить удары по конвоям противника в Варангер-фьорде. Флот получил пополнение в количестве 12 катеров[62], что позволяло производить поиск двумя тактическими группами, расширить полосу поиска, а следовательно, результативность атак.

Увеличив группировку морских и воздушных сил на Севере, противник в 1942 г. значительно активизировал действия на советских коммуникациях, распространив их до побере-

жья Новой Земли и в Карское море, пытаясь установить контроль над нашим судоходством в Арктике. Если в марте 1942 г. его авиация совершила 700 вылетов для бомбардировки Мурманска, то в апреле — 1641, а в июле — 2895. В мае в налете на мурманский порт участвовало 300 самолетов. Летчики Северного флота в этот день провели 17 воздушных боев, сбив большое количество вражеских бомбардировщиков. И хотя немецкая авиация причинила Мурманску большие разрушения, особенно в районе жилых кварталов, ей не удалось вывести из строя порт[63].

Одновременно с действиями авиации немцы значительно расширили применение минного оружия. В 1942 г. они выставили на наших внутренних коммуникациях 1000 мин и минных защитников, создав серьезную опасность для плавания судов почти на всем морском театре[64]. 11 октября в проливе Маточкин Шар подорвался СКР-23 («Муссон»), 14-го числа на подходе к проливу Югорский Шар с запада — транспорт «Щорс», 26 ноября в районе мыса Мадаха получил повреждения ледокол «Микоян»[65].

В борьбе с подводными лодками, надводными кораблями и минной опасностью, особенно в районе военно-морских баз и опорных пунктов, важную роль играли корабельные дозоры. В 1942 г. по мере распространения подводной угрозы на юго-восточную часть Баренцева моря, а затем на Карское море корабельные дозоры были установлены в районе губы Белушья, на подходах к проливам Карские ворота и Югорский Шар, а в 1943 г. — в ряде районов Карского моря. В качестве дозорных кораблей использовались главным образом рыболовецкие суда, переоборудованные под сторожевые корабли и катера.

Для борьбы с подводными лодками противника командование флота использовало надводные корабли, подводные лодки и авиацию. В 1942 г. к решению этой задачи были привлечены около 100 кораблей и 124 самолета[66]. Наиболее эффективными являлись патрулирование самолетов и кораблей в районах активных действий лодок врага и конвоирование транспортов военными кораблями. К охранению судов в составе конвоев привлекались миноносцы, эскадренные миноносцы, сторожевые корабли и сторожевые катера, большие и малые охотники, тральщики и самолеты МБР-2. Корабли вели систематический поиск подводных лодок на подходах к военно-морским базам и портам, как правило, перед выходом конвоев или при их проходе. В поиске участвовали одновременно 3–6 катеров, 2–3 сторожевых корабля или эскадренных миноносца[67].

По мере усиления Северного флота и Беломорской военной флотилии возросло число кораблей охранения в составе конвоев, совершенствовалась их противовоздушная оборона. При проводке транспортов с наиболее ценными грузами стала использоваться противолодочная авиация, производившая поиск лодок и плавающих мин по курсу конвоя[68]. Проводку ледоколов осуществляли лидер «Баку», эскадренные миноносцы «Гремящий», «Грозный», «Урицкий», «В. Куйбышев» и сторожевые корабли СКР-28, СКР-30, минный заградитель «Юшар» и английский тральщик «Бритомарт»[69].

В целях обеспечения проводки ледоколов у побережья Северной Норвегии были развернуты подводные лодки К-1, Л-22 и С-56, которые предназначались для атаки крупных кораблей противника при выходе в море. С воздуха ледоколы прикрывались истребителями, которые сопровождали их до о. Колгуев. Весь путь, которым следовали ледоколы от Архангельска до пролива Карские Ворота, предварительно был протрален. Тральщики на участке от мыса Канин Нос и до Карских Ворот уничтожили более 20 плавающих мин[70]. Операция была проведена без потерь.

Обеспечение морских перевозок включало в себя не только охрану транспортов на переходе, но и защиту их с воздуха во время погрузо-разгрузочных работ. Эту задачу решали силы противовоздушной обороны баз и портов. Согласно договоренности, достигнутой на Московской конференции 29 сентября — 1 октября 1941 г., союзники СССР — Англия и США — поставляли в Советский Союз некоторые виды вооружения и боеприпасов, продовольствие, промышленное оборудование, в счет чего из Советского Союза в эти страны поставлялось сырье. В качестве основного способа защиты судов, направлявшихся по северным коммуникациям в Мурманск и Архангельск, союзники избрали систему конвоев, которые

Народный комиссар ВМФ СССР адмирал Н. Г. Кузнецов *(второй справа)* беседует с командиром подводной лодки

формировались в Англии (порты Лох-Ю и Скапа-Флоу) и Исландии (порты Рейкьявик, Аккурейри и залив Хваль-фьорд). В состав конвоев вначале включалось 6—10 транспортов, в дальнейшем число их было увеличено до 30—40. До 1943 г. в союзные конвои входили иногда и советские транспорты[71]. Транспорты шли в нескольких кильватерных колоннах по 4—5 в каждой. К конвоированию их привлекались эскадренные и конвойные миноносцы, фрегаты, корветы, тральщики и охотники за подводными лодками, а с 1943 г. — и эскортные авианосцы.

Первый конвой в составе шести транспортов прибыл из Англии 31 августа 1941 г., еще до того как в Москве было подписано соглашение между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против Германии. В течение 1941 г. с промежутками в 1—3 недели пришли еще шесть конвоев (PQ-1 — PQ-6), из Архангельска в Англию — четыре[72]. Для обеспечения проводки этих конвоев корабли Северного флота совершили 92 выхода, авиация произвела 325 вылетов[73]. Все конвои 1941 г. прошли без потерь, доставив в Советский Союз 160,4 тыс. тонн грузов (из СССР было вывезено 145,8 тыс. тонн сырья)[74].

Рассчитывая на молниеносный разгром советских войск на суше, существенных мер против союзных конвоев германское командование в 1941 г. не предпринимало, но после провала блицкрига решило развернуть против них активные действия с использованием надводных кораблей, подводных лодок и авиации.

Сосредоточенная в Северной Норвегии группировка немецких военно-морских и военно-воздушных сил занимала на театре выгодное фланкирующее положение и могла серьезно угрожать конвоям на всем пути их следования[75]. В 1942 г. союзное командование было вынуждено усилить охрану транспортов. Учитывая наличие у противника крупных надводных кораблей, союзники кроме непосредственного охранения транспортов форми-

ровали специальные отряды и эскадры оперативного прикрытия, включавшие линейные корабли, авианосцы, крейсеры и эскадренные миноносцы. Они выходили из Англии вместе с конвоями и развертывались в сторону северного побережья Норвегии в целях прикрытия их от ударов крупных надводных кораблей, базировавшихся в районе Альтен-фьорда (Северная Норвегия). Принципиальная схема обеспечения проводки союзных конвоев Северным флотом сводилась к следующему. С получением сведений о выходе конвоя из Англии или Исландии штаб флота приступал к развертыванию соответствующих сил. Первой вылетала разведывательная авиация с задачей обеспечить конвой разведданными и гидрометеорологическими сведениями по маршруту его движения. Воздушная разведка велась по двум направлениям: вдоль северного побережья Норвегии и в сторону моря до о. Медвежий включительно. Через военную миссию союзников в Полярном полученные данные передавались английскому адмиралтейству, которое на их основании определяло маршрут движения конвоев. Одновременно бомбардировщики и штурмовики Северного флота совместно с армейской фронтовой авиацией наносили удары по вражеским аэродромам в Северной Норвегии и Финляндии. На подходах к базам противника развертывалось несколько подводных лодок, которые должны были своевременно сообщать о выходе немецких надводных кораблей из фьордов и наносить по ним удары. По мере продвижения конвоев на восток в пределах операционной зоны Северного флота подводные лодки переразвертывались из одного района в другой, чтобы быть ближе к конвою и прикрывать его в случае нападения крупных неприятельских кораблей.

На подходах к Кольскому заливу и Горлу Белого моря усиливалась дозорная служба, противолодочные корабли и самолеты вели поиск немецких подводных лодок. В местах высокой минной опасности производились контрольное траление фарватеров и поиск плавающих мин. Организовывалось и соответствующее навигационное обеспечение перехода конвоев, а в зимних условиях — проводка транспортов за ледоколами, направлявшимися для разгрузки в архангельский порт.

В период стоянки транспортов и кораблей союзников в советских портах противовоздушная оборона их целиком обеспечивалась силами архангельского и мурманского секторов ПВО.

Стремясь нарушить межсоюзнические перевозки на Севере, германское командование в начале 1942 г. активизировало действия своего флота, в течение первой половины года осуществив пять крупных операций, нанесших конвоям существенный урон. Конвой PQ-13 потерял пять транспортов, PQ-14 — один, PQ-15 — три[76].

Необходимо было усилить оборону конвоев, против которых немцы могли использовать крупные разнородные силы своего флота, сосредоточенные в Северной Норвегии. Это подтвердил следующий конвой (PQ-16), вышедший из Исландии 21 мая. В состав его входили 35 транспортов и 14 кораблей охранения. Советское командование приняло ряд дополнительных мер по усилению воздушного прикрытия конвоя на наиболее опасном участке трассы — к востоку от о. Медвежий. По мере его продвижения производились систематический поиск подводных лодок противника с использованием на подступах к Кольскому заливу сторожевых катеров, а также контрольное траление фарватера в Горле Белого моря. Для прикрытия со стороны норвежских фьордов была развернута группа советских подводных лодок.

23 мая конвой PQ-16 был обнаружен немецкой воздушной разведкой, и с 25 мая немецкая авиация и подводные лодки начали наносить по нему непрерывные удары. 27 мая в атаках участвовало 108 самолетов, потопивших шесть транспортов. В пределах советской операционной зоны в обеспечении конвоя участвовали 67 боевых кораблей и свыше 250 самолетов, совершивших 1198 вылетов. В отдельные дни над конвоем находилось до 70 советских истребителей, не позволявших немецким самолетам производить прицельные атаки. 30 мая конвой PQ-16 прибыл в Мурманск, а шесть транспортов из его состава под охраной кораблей и авиации Северного флота проследовали в Архангельск, куда благополучно прибыли 1 июня. Всего из состава конвоя было потеряно семь транспортов, причем все они погибли за пределами операционной зоны Северного флота, в районах, где охрану конвоя осуществляли союзники.

Трагически сложилась судьба следующего конвоя — PQ-17, вышедшего из Исландии 27 июня 1942 г. В состав его входили 37 транспортов и 23 корабля охранения. Одновременно с ним из советских портов в Англию направился конвой PQ-13, насчитывавший 35 транспортов и 21 корабль охранения. Для прикрытия этих конвоев английское командование выделило отряд ближнего прикрытия конвоя PQ-17 в составе двух английских и двух американских крейсеров и отряд оперативного прикрытия, в который входили два новых линкора — английский и американский, авианосец и десять эскадренных миноносцев. Вдоль побережья Северной Норвегии были развернуты две завесы из четырех советских подводных лодок, которые заняли позиции ближе к берегу, и десяти английских, державшихся подальше. Все подводные лодки должны были оставаться на своих позициях до прохода конвоя PQ-17.

Помимо четырех подводных лодок, развернутых непосредственно на подступах к базам противника, на аэродромах Кольского полуострова было сосредоточено 287 самолетов (191 истребитель, 69 бомбардировщиков и 27 разведчиков). В боевую готовность были приведены соединение надводных кораблей, береговая и зенитная артиллерия флота.

Зная о подготовке к выходу в Советский Союз крупного конвоя с ценным военным грузом, германское командование организовало специальную операцию. Была выделена эскадра, состоящая из линейного корабля «Тирпиц», тяжелых крейсеров «Хиппер», «Лютцов», «Адмирал Шеер» и 12 эскадренных миноносцев. На аэродромах Северной Норвегии ожидали приказа 264 самолета (из них 190 бомбардировщиков и торпедоносцев), в районе между островами Ян-Майен и Медвежий — 23 подводные лодки. 1 июля воздушная разведка немцев обнаружила конвой PQ-17 в 60 милях восточнее о. Ян-Майен. Продолжая наблюдение, противник стал стягивать к нему подводные лодки и 2 июля приступил к атакам, используя одиночные подводные лодки и небольшие группы самолетов. В течение двух дней корабли охранения успешно отражали эти атаки, союзники потеряли лишь один транспорт, и несколько судов были повреждены.

4 июля английское адмиралтейство получило сообщение о выходе из норвежских фьордов немецкой эскадры во главе с линкором «Тирпиц» с целью атаки союзного конвоя. Сил союзного флота, сопровождавших конвой PQ-17, было вполне достаточно для защиты конвоя от немецкой эскадры. Но английское командование рассудило иначе. Узнав о выходе в море немецкой эскадры, оно отозвало свои корабли прикрытия и охранения, приказав капитанам транспортов следовать в советские порты самостоятельно. Таким образом, суда с ценными военными грузами на борту были брошены на произвол судьбы. Многие из них стали жертвами немецких подводных лодок и авиации.

Воспользовавшись ошибкой английского командования, враг обрушился на незащищенные транспорты. В течение нескольких дней он преследовал их, нанося бомбовые и торпедные удары. Жертвами этих непрерывных атак стали 24 транспорта из 37, входивших в состав конвоя. Из числа погибших судов десять были потоплены авиацией, четыре — подводными лодками и десять — совместными действиями подводных лодок и авиации[77]. На погибших транспортах находились 3350 автомашин, 430 танков, 210 бомбардировщиков и 99 386 тонн ценного груза, предназначавшегося для Красной армии. На судах, благополучно прибывших в порт назначения, были доставлены 896 автомашин, 164 танка, 87 самолетов и 57 176 тонн воинских грузов[78]. 13 транспортов, уцелевших от разгрома конвоя и благополучно добравшихся до Архангельска, во многом обязаны своим спасением морякам Северного флота, которые с 4 по 24 июля вели непрерывный поиск и оказывали помощь одиночным судам союзников, самостоятельно следовавшим в советские порты.

В течение 20 дней для поиска судов конвоя, рассредоточенных на огромной площади восточной части Баренцева моря, авиация Северного флота совершила 304 вылета, а надводные корабли — 193 выхода в море[79].

Английское правительство использовало трагедию конвоя PQ-17 как причину для прекращения союзнических поставок в СССР по наиболее короткому и удобному для нас северному пути в летний период 1942 г. Причем это было сделано в самое трудное для Советского Союза время, когда немецкие войска предприняли наступление на Сталинград и Кавказ. В письме

от 23 июля 1942 г., адресованном главе английского кабинета У. Черчиллю, И. В. Сталин отметил, что доводы английских морских специалистов о необходимости прекращения подвоза военных материалов в северные порты СССР несостоятельны. При доброй воле и готовности выполнить взятые на себя обязательства подвоз мог бы осуществляться регулярно[80].

Спустя полтора месяца союзники возобновили посылку конвоев в Мурманск и Архангельск по северной трассе. Очередной конвой PQ-18 в составе 40 транспортов (из них шесть советских) и 31 корабля охранения вышел из Исландии 7 сентября. В состав этого конвоя англичане впервые включили эскортный авианосец, имевший на борту 15 самолетов[81]. На второй день после выхода из Исландии конвой был обнаружен немецкой воздушной разведкой. На пути следования PQ-18 они развернули 18 подводных лодок в районе о. Медвежий.

21 сентября конвой PQ-18 прибыл в советские порты. Его потери от действий немецких подводных лодок и авиации составили 13 транспортов, из них только один был потоплен в советской операционной зоне.

Опыт Северного флота по обеспечению проводки конвоя PQ-18 показал, что при достаточно надежном воздушном прикрытии и умело организованной противолодочной обороне транспортов на переходе движение конвоев по северной морской трассе возможно. Однако английское адмиралтейство придерживалось иной точки зрения и, ссылаясь на большие потери, понесенные PQ-18, вновь прекратило посылку конвоев[82].

Чтобы не прерывать перевозки из Англии и США в СССР наиболее коротким северным путем, советское командование организовало переходы по этой трассе одиночных транспортов без охранения.

В 1941—1942 гг. в северные порты Советского Союза было проведено 20 союзных конвоев (234 транспорта), перевезено 975,1 тыс. тонн грузов. Из СССР в Англию вышло 16 конвоев (511,8 тыс. тонн, главным образом сырье). С октября 1942 г. по февраль 1943 г. из Исландии в СССР прошло 13 транспортов, а в обратном направлении — 27. Таким образом, в обоих направлениях за четыре месяца прошло 40 транспортов, из них на переходе погибло десять: шесть союзных и четыре советских[83].

В 1943 г. обстановка на внешних коммуникациях Советского Союза несколько улучшилась. Под влиянием побед Красной армии под Сталинградом и Курском немецкое командование вынуждено было перебросить из Северной Норвегии часть своей бомбардировочной авиации, представлявшей наибольшую угрозу для союзных конвоев.

Всего в Мурманск и Архангельск в 1943 г. союзниками было отправлено семь конвоев — в два раза меньше чем в 1942 г., в Англию из СССР ушло шесть конвоев. Потери в обоих направлениях составили четыре транспорта, тогда как в 1942 г. они достигали 69.

Одной из важнейших задач Черноморского флота в первый и второй периоды войны являлась защита морских коммуникаций, связанная прежде всего с содействием обороне Одессы, Севастополя, Керченского полуострова, а затем и Кавказа. Основным ее средством должны были стать подводные лодки. Однако на их использовании неблагоприятно сказывался общий ход боевых действий на суше, заставивший советские лодки и корабли оставить свои базы и передислоцироваться на Кавказское побережье, значительно удаленное от основных коммуникаций противника, проходивших вдоль побережья Румынии и Болгарии. Резко ухудшились условия тылового обеспечения лодок, их ремонта и снабжения.

В конце октября добилась успеха подводная лодка М-35, которой командовал старший лейтенант М. В. Грешилов. Действуя в районе между портом Сулина и мысом Олинька, 26 октября он обнаружил три вражеских буксира с двумя паромами. Сблизившись с противником, М-35 всплыла в позиционное положение и с дистанции трех кабельтовых открыла огонь из 45-мм пушки и пулемета. Один паром был потоплен, а второй выбросился на берег.

На следующий день лодка подошла к берегу и в районе мыса Олинька легла на грунт на глубине 8,5 метра, что позволяло ей вести наблюдение в перископ. В 17 часов 10 минут командир лодки по пеленгу 18° заметил дым. Начав движение в сторону дыма, М. В. Грешилов в 8 часов 44 минуты всплыл в надводное положение и вскоре обнаружил у входа в порт Сулина

стоявший на якоре транспорт. Командир решил сблизиться с противником и уничтожить его. Малые глубины, не превышавшие 3—4 метров, делали атаку рискованной, тем не менее Грешилов сблизился с транспортом и в 20 часов 15 минут выпустил по нему две торпеды, которые поразили цель. Позднее стало известно, что М-35 повредила немецкий транспорт «Лола» водоизмещением 4500 тонн[84].

В ноябре 1941 г. отличилась лодка Щ-214, которой командовал капитан-лейтенант В. Я. Власов. Производя ночной поиск между портом Бургас и проливом Босфор, 3 ноября командир заметил противника, открыл огонь из 45-мм пушки и после нескольких прямых попаданий уничтожил его. Продолжая крейсерство в том же районе, через день Щ-214 обнаружила вражеское судно, шедшее из Босфора в Констанцу, и уничтожила его одной торпедой. Впоследствии было установлено, что Щ-214 потопила итальянский танкер «Торчелло» водоизмещением 3336 тонн. С потоплением еще одного танкера из пяти имевшихся у противника на Черном море движение нефтеналивных судов между Констанцей и Босфором прекратилось до мая 1942 г., итальянский флот на длительное время лишился поставляемого из Румынии топлива[85].

В 1941 г. подводные лодки совершили 103 боевых похода и уничтожили девять транспортов и кораблей противника. Из них четыре были потоплены торпедным оружием, три погибли на минах и два уничтожила артиллерия. Сравнительно небольшие успехи черноморских подводников объясняются, с одной стороны, тем, что противник для своих перевозок на Черном море использовал главным образом небольшие суда.

В 1942 г. обстановка значительно усложнилась. Противник занял Одессу, вторгся в Крым, осадил с суши главную базу Черноморского флота Севастополь и, продвигаясь в сторону Кавказа, захватил Таманский полуостров, Анапу и Новороссийск. Советские корабли и авиация флота вынуждены были оставить свои базы и аэродромы в северо-западной части театра и в Крыму и перебазироваться на Кавказское побережье. Большинство подводных лодок перешло на постоянное базирование в Туапсе, Поти, Очемчире, Батуми.

К началу 1942 г. Черноморский флот насчитывал 43 подводные лодки (36 в строю, остальные в ремонте). Исходя из сложившейся на театре обстановки, командование требовало от Черноморского флота усилить удары по противнику, чтобы сорвать его воинские перевозки. За полтора месяца подводные лодки совершили девять боевых походов, но не добились успеха. Считая, что главной причиной этого является неудачная нарезка позиций, командование флота в феврале увеличило их число, позволив тем самым полностью перекрыть прибрежную коммуникацию неприятеля от Босфора до Одессы. Однако это не дало положительных результатов: противник на время прекратил всякие перевозки вдоль западного побережья Черного моря.

В мае 1942 г. в связи с активизацией боевых действий немецко-румынских войск в Крыму движение неприятельского транспортного флота на Черном море усилилось. Для перевозки войск и воинских грузов враг по-прежнему широко использовал небольшие суда, преимущественно шхуны, из-за «малой ценности» которых многие наши подводники не пытались их атаковать. Лишь отдельным лодкам удавалось обнаружить более или менее крупные суда. Так, лодка Щ-205 капитана 3 ранга П. Д. Сухомлинова, производя поиск южнее Бургаса, 18 мая заметила транспорт «Дуатене» водоизмещением около 1500 тонн. Из-за невозможности выйти в торпедную атаку командир решил уничтожить ее артиллерийским огнем. С наступлением сумерек лодка всплыла и начала сближаться с транспортом. Заметив ее, вражеский транспорт выбросился на песчаный берег. Подойдя к берегу, Щ-205 с дистанции 12 кабельтовых артиллерийским огнем нанесла повреждение транспорту и уничтожила стоявшую недалеко от него на якоре шхуну.

Продолжив крейсерство в том же районе, 23 мая Сухомлинов обнаружил шедший в сторону Босфора транспорт «Сафак» водоизмещением 4 тыс. тонн. Сблизившись с транспортом, Щ-205 выпустила по нему две торпеды, но противник заметил их и уклонился. Сухомлинов решил повторить атаку. Ему удалось скрытно сблизиться со стоявшим на якоре противником и торпедой поразить цель. Однако транспорт продолжал оставаться на плаву. Лишь после

Корабли Черноморского флота в походе

Бронекатера Черноморского флота осуществляют высадку десанта
на крымский берег Керченского пролива

второй торпеды он был уничтожен. В мае же добилась успеха лодка А-3 старшего лейтенанта С. А. Цурикова, уничтожив на подходах к Одессе транспорт водоизмещением 8 тыс. тонн.

Осенью 1942 г. в связи с удлинением вражеских коммуникаций на Черном море зона действий советских лодок была расширена. У западного и южного побережий Крыма для них было установлено несколько новых позиций, что позволило контролировать перевозки противника на всем пути следования его судов от Босфора до керченского порта в Крыму.

Главным оружием подводных лодок было торпедное. В 1942 г. черноморцы провели 40 торпедных атак (большинство против охраняемых объектов) и в 19 случаях (47,5%) добились успеха. Во второй половине года подводные лодки совершили 102 боевых похода, произведя 41 атаку и потопив танкер, три транспорта, буксир и два малых судна, при этом было потеряно восемь советских лодок[86].

Для нарушения морских коммуникаций противника подводники использовали минное оружие. За четыре месяца три подводных минных заградителя (Л-4, Л-5 и Л-6) осуществили 14 минных постановок (262 мины). Мины ставили главным образом на прибрежных фарватерах (в районах Варны, Мангалии и мыса Олинька) с тем, чтобы оттеснить вражеские суда дальше в море, позволив подводным лодкам атаковать их.

Для охранения транспортов в начале 1942 г. Черноморский флот мог использовать все эсминцы, до 12 тральщиков и 60 сторожевых катеров. Но часть этих кораблей постоянно отвлекалась на решение других задач или находилась в ремонте. В результате для проводки конвоев флот от силы мог выделить 1–2 эсминца, 2–3 тральщика и до 20 катеров, что было явно недостаточно. Ограниченными были и возможности истребительной авиации.

Для переходов был использован метод «перетекания» из одного порта в другой. При появлении опасности суда укрывались в ближайшем порту: специально были оборудованы промежуточные пункты — Ялта, Феодосия, Ак-Мечеть, Балаклава. В районах военно-морских баз и этих пунктов были развернуты дозоры, служба наблюдения, посты воздушного и противоминного наблюдения. Служба противоминного наблюдения была создана в районах главной базы, Очакова, в Керченском проливе и Цемесской бухте.

В первой половине 1942 г. основные усилия по защите морских коммуникаций были связаны с обороной Одессы, Севастополя и Керченского полуострова. Не утратили они значения и в битве за Кавказ, побережье которого не имело прямого железнодорожного сообщения на участках Туапсе — Новороссийск и Сочи — Сухуми. В оборонительный период битвы происходили крупные оперативные и повседневные воинские перевозки, эвакуация подразделений с Керченского и Таманского полуостровов, доставка нефти и нефтепродуктов. В основном перевозки осуществляли транспорты и танкеры, а на участке от Геленджика к линии фронта — мелкие суда (рыболовецкие, парусные, мотоботы). Для срочной доставки войск и боеприпасов использовались и боевые корабли: крейсеры, эсминцы, лидер, канонерские лодки, тральщики. С 1 июля по 15 октября 1942 г. ими были перевезены 33 319 человек, около 600 тонн боеприпасов, много оружия. 21 и 22 октября крейсеры «Красный Кавказ» и «Красный Крым», лидер «Харьков» и эсминцы «Беспощадный» и «Сообразительный» доставили из Поти в Туапсе около 10 тыс. бойцов с вооружением. За время обороны Кавказа на остававшемся свободным ограниченном участке морских коммуникаций транспорты (буксиры, баржи, мелкие суда, боевые корабли) выполнили 1831 рейс. Для их охранения корабли совершили 2960 выходов, авиация вылетала 2057 раз. Морем были перевезены 213 232 человека (в том числе 17 тыс. раненых и 36 тыс. эвакуированных), 231 613 тонн груза: боеприпасов, нефтепродуктов, продовольствия, а также орудий, танков, самолетов и лошадей[87].

Для противовоздушной обороны портов и судов в море наряду с зенитной артиллерией использовалась авиация. Истребители дежурили на аэродромах, готовые немедленно вылететь. Такое дежурство — экономичный способ, но он требовал своевременного обнаружения самолетов противника. Возможности для этого улучшились. На высотах Кавказского побережья было установлено несколько радиолокационных станций, данные которых немедленно поступали на главный пост ВНОС. Флот и войска ПВО получили новые скоростные

истребители-перехватчики: МиГ-3, ЛаГГ-3, Як-1. Улучшилось управление силами ПВО, взаимодействие войск ПВО и ПВО флота, истребительной авиации и зенитной артиллерии.

Обороняя Кавказ, советская авиация совершила около 5 тыс. вылетов на прикрытие баз и судов в море, сбив 160 самолетов врага (2,6% от общего количества участвовавших в налетах)[88].

26 сентября 1942 г. нарком ВМФ вновь поставил авиации флота задачу по нарушению морских коммуникаций противника[89]. Однако возможности ее решения были ограничены. На 22 июля 1942 г. ВВС флота насчитывали всего 230 самолетов, половина которых находилась в ремонте. Базирование на кавказских аэродромах не обеспечивало действия авиации в западных районах Черного моря, куда могли летать лишь некоторые разведывательные машины.

Для ударов по портам использовались бомбардировщики, по конвоям и судам в море — торпедоносцы и штурмовики. Торпедоносцы действовали способом «свободной охоты» — крейсерством одиночных и парных самолетов. Их усилия не были эффективными, поскольку в районах их доступности противник использовал в основном малые суда. Штурмовики обычно летали днем группами по 3–6 самолетов под прикрытием истребителей, стараясь в период борьбы за Таманский полуостров прежде всего нарушить немецкие переправы в Керченском проливе. Во второй половине 1942 г. авиация флота произвела 1450 самолето-вылетов и 12 вылетов на постановку мин. Масштабы скромные, что сказалось и на результатах: летчики-черноморцы потопили 19 судов и катеров, повредили 12 судов.

Однако ни Главный морской штаб, ни командование флота, ставя задачи на такие действия, не учли опыт удара по Констанце в начале войны. Черноморский флот продолжал осуществлять набеги против прибрежных коммуникаций и портов противника. При планировании таких действий не учитывалось, что базирование кораблей на кавказских базах исключало возможность ночного перехода в западную часть моря, а также их прикрытия с воздуха даже у крымских берегов. Флот не имел дальних истребителей. Оставалась большая минная опасность в мелководных прибрежных районах западного и северо-западного районов. На 19 июля из четырех крейсеров в ремонте находились три, из восьми эсминцев — пять.

Тем не менее по настоянию наркома ВМФ и начальника Главного морского штаба, опасавшихся десантов противника, командование Черноморского флота наметило ряд набегов кораблей на порты Крыма. Первый набег на Феодосию состоялся в ночь на 31 июня 1942 г. двумя тральщиками. Следующей ночью в набеге участвовали два торпедных катера. Слабое противодействие неприятеля дало основание для организации более сильного удара. Вечером 2 августа к Феодосии из Туапсе вышли крейсер «Молотов» и лидер «Харьков». Скрытность выхода была нарушена — на переходе корабли обнаружила немецкая воздушная разведка. На подходах к порту они неожиданно подверглись атакам торпедных катеров, а начав обстрел порта, встретили противодействие береговых батарей. Командир отряда предпринял отход, во время которого подвергся атакам торпедных катеров и торпедоносцев. Одна из авиационных торпед, попав в крейсер, оторвала ему 20 метров кормы. Корабли отразили 23 атаки катеров и самолетов. После этой неудачи командование флота временно отказалось от использования в набегах на прибрежные коммуникации противника крупных кораблей[90].

На участке Анапа — Феодосия действовали торпедные катера, базировавшиеся в Геленджике. Они выходили небольшими группами (чаще парами), совершая ночной поиск. В целом их использование также было ограничено решением других задач. Во второй половине 1942 г. торпедные катера совершили 1100 выходов в море, из них лишь 130 (12%) — для действий на коммуникациях.

Удары по противнику, оборонявшемуся на побережье Крыма, предпринимали эсминцы, сторожевые корабли и тральщики, нанося удары по портам совместно с авиацией, которая бомбила объекты и освещала кораблям цели. Всего с 1 по 18 октября 1942 г. было совершено пять ночных выходов к побережью Крыма. В ночь на 20 декабря лидер «Харьков» и эсминец «Бойкий» обстреляли Ялту, а другая пара, эсминец «Незаможник» и сторожевой корабль «Шквал», — Феодосию.

На одном из тральщиков Черноморского флота. Подготовка носового 100-мм орудия к бою

Несмотря на неудачные действия в ходе ночных походов к вражескому побережью, нарком ВМФ постоянно требовал усилить удары надводных кораблей по врагу, оборонявшемуся на западном берегу Черного моря. В первом набеге (29 ноября — 2 декабря 1942) участвовали две группы кораблей: одна, в составе крейсера «Ворошилов», лидера «Харьков» и эсминца «Сообразительный», была направлена в район Сулина — Бугаз — о. Фидониси (Змеиный); другая, в составе эсминцев «Беспощадный» и «Бойкий», — в район мыса Калиакра — Констанца. Первая группа вышла вечером 29 ноября из Батуми, вторая — утром следующего дня из Туапсе. Переход кораблей через все Черное море не был обнаружен разведкой противника.

Утром 1 декабря первая группа обстреляла остров Фидониси, но после прекращения огня попала на минное заграждение. В результате взрывов двух мин в параване крейсер получил повреждения. Корабли прекратили набег и вернулись на базу. Проходившие в условиях тумана действия второй группы были безрезультатны. Корабли впустую израсходовали 12 торпед и 189 снарядов по мнимым транспортам (фактически по берегу). В двух других набегах (11–15 и 28–29 декабря) участвовали базовые тральщики под прикрытием эсминца «Сообразительный». В первом случае тральщики атаковали конвой, повредив транспорт, и обстреляли береговые пункты. Второй и последний в том году набег не принес успеха из-за тумана.

В тяжелых условиях первого периода войны Черноморский флот понес большие потери. Как и на Балтике, наиболее тяжелыми были гибель крейсера, двух лидеров, девяти эсминцев, 20 подводных лодок, 13 тральщиков, восполнить которые не представлялось возможным из-за потери судостроительных заводов юга страны. Наибольшие потери надводных кораблей были связаны с обороной Севастополя и Крыма, подводных лодок — с действиями на коммуникациях. Все это резко ослабило оперативные возможности флота.

Важную роль в действиях Черноморского флота играло препятствование морским перевозкам противника, которые осуществлялись по следующим основным направлениям: Одесса — Севастополь, Севастополь — Феодосия — Керчь, Феодосия — Анапа, Керчь — Анапа, Керчь — Тамань, Керчь — Темрюк, Керчь — Геническ, Геническ — Темрюк. По этим трассам в 1943 г. прошло 2030 судов[91]. Наиболее интенсивное движение транспортного флота наблюдалось летом и осенью между портами Таманского и Керченского полуостровов. По данным разведки Черноморского флота, среднемесячное движение судов в Керченском проливе колебалось в пределах от 310 до 1372 единиц (сентябрь 1943)[92]. Стремясь надежно защитить свои коммуникации от ударов советского флота, немецкое командование минировало подходы к Севастополю, Евпатории, Феодосии и Керченскому проливу. На побережье, вдоль которого проходили морские пути сообщения, дополнительно устанавливалась береговая и зенитная артиллерия, развертывались посты наблюдения. Суда совершали плавание в составе конвоев. В качестве кораблей охранения использовались эскадренные миноносцы, быстроходные десантные баржи, тральщики и катера. С воздуха конвои в дневное время прикрывались истребителями[93].

В это время советские войска вели борьбу по ликвидации вражеской северокавказской группировки. Командующий Закавказским фронтом, которому оперативно был подчинен Черноморский флот, поставил перед ним в качестве наиболее важной задачи — действиями подводных лодок, надводных кораблей и авиации прервать морские сообщения изолированных на Таманском полуострове немецко-фашистских войск[94].

Народный комиссар ВМФ конкретизировал эту задачу. Он потребовал от командования Черноморского флота более широко применять кораблями и авиацией торпедное и минное оружие, обратив особое внимание на усиление деятельности сил флота в Керченском проливе. В телеграмме от 4 февраля 1943 г. народный комиссар ВМФ еще раз указал, что необходимо «действиями флота и авиации прервать коммуникацию противника между Таманским полуостровом и Крымом. Для этого все усилия авиации направить для действий в Керченском проливе, а при благоприятной обстановке использовать также катера»[95].

После разгрома северокавказской группировки противника и отхода ее на Таманский полуостров она была прижата советскими войсками к морю и изолирована с суши. Чтобы нарушить снабжение таманской группировки врага морским путем, командование флота

Советский катер сбрасывает глубинные бомбы на подводную лодку противника

установило блокаду занятого им побережья от Анапы до Феодосии. Главная цель блокады — препятствовать эвакуации морем в Крым войск с таманского плацдарма. Было установлено три линии блокады, которые обеспечивались торпедными катерами, эскадренными миноносцами, подводными лодками и авиацией[96].

К блокаде были привлечены 1-я и 2-я бригады торпедных катеров, которыми руководил командир Новороссийской военно-морской базы контр-адмирал Г. Н. Холостяков. Катера базировались в Фальшивом Геленджике (ныне Дивноморское). По ночам они выходили в море группами (по 2—3 катера) и производили поиск вражеских судов в районе Анапа — Соленое озеро — мыс Такиль — Феодосийский залив. С января по 9 октября 1943 г. торпедные катера совершили 84 выхода, в которых участвовало 283 катера[97].

В мае торпедным катерам была определена новая задача: поставить мины в районе Анапа — южный вход в Керченский пролив. Первая такая постановка мин была осуществлена в ночь на 25 мая. К ней привлекались восемь торпедных катеров-постановщиков и четыре катера-дымзавесчика. Было выставлено 24 мины у южного входа в Керченский пролив и восемь у входа в Анапу[98]. Чтобы поставить 447 мин и 160 минных защитников, торпедные катера предприняли 164 выхода в море[99]. Минные заграждения вынудили неприятеля осуществлять траление и проводить свои суда за тралами. Однако существенного ущерба перевозкам противника они не нанесли.

Для борьбы на вражеских коммуникациях командование Черноморского флота использовало и крупные корабли. Первый такой выход состоялся 1 мая 1943 г., последний, в котором участвовали эскадренные миноносцы, — 5—6 октября к южному берегу Крыма. В походе участвовали лидер «Харьков» и эскадренные миноносцы «Беспощадный» и «Способный».

Утром 6 октября направлявшиеся к Феодосии эскадренные миноносцы были атакованы торпедными катерами и обстреляны береговой батареей немцев, располагавшейся у Коктебеля. Отражая атаки катеров, эсминцы повредили два из них. Встретив организованное сопротивление врага, командир отряда, находившийся на «Беспощадном», отказался от обстрела Феодосии и в 6 часов 10 минут направился в точку встречи с лидером, который, подойдя к Ялте на дистанцию семь кабельтовых, обстрелял порт, выпустив по нему 104 снаряда 130-мм. При отходе лидер обстрелял также вражескую береговую батарею на мысе Айтодор (32 снаряда). В 7 часов 15 минут «Харьков» соединился со своими эскадренными миноносцами, и отряд лег на обратный курс. В 8 часов 10 минут советские истребители дальнего действия, высланные прикрывать корабли, сбили вражеский самолет-разведчик. Командир отряда приказал «Способному» поднять из воды немецких летчиков, а остальным кораблям обеспечивать оборону «Способного» в случае появления подводных лодок противника. На спасение летчиков было затрачено 20 минут, и в это время над кораблями появились бомбардировщики Ю-87, прикрываемые истребителями Ме-109. Их бомбовые удары повредили «Харьков». Лидер потерял ход, и его пришлось взять на буксир. Огнем зенитной артиллерии экипажи советских кораблей пытались отражать непрерывно усиливавшиеся атаки авиации врага, однако силы оказались неравными: все три корабля были потоплены. Высланные для спасения их личного состава торпедные, сторожевые катера и гидросамолеты подняли из воды 123 человека, в том числе и командира отряда, остальные 780 черноморцев погибли[100].

Черноморский флот продолжал выполнять задачу по нарушению морских коммуникаций в районе Таманского полуострова — для ВВС флота это была одна из главных задач[101]. Авиация флота вела разведку на коммуникациях, наносила удары по судам противника в море и портах, разрушала портовые сооружения, ставила мины. Боевые действия она вела совместно с авиацией 4-й и 5-й воздушных армий Северо-Кавказского фронта. С 1 января по 9 октября 1943 г. бомбардировочная авиация совершила 2454 вылета, штурмовая — 631. В Керченском проливе и Таманском заливе самолетами было выставлено 73 мины[102]. В целом активные боевые действия авиации Черноморского флота на коммуникациях таманской группировки немецких войск нанесли значительный ущерб неприятельскому транспортному флоту и военно-морским силам противника, вызвав большое напряжение в использовании транспортных средств и ограничив возможности воинских перевозок морем.

Черноморский флот. Торпедный катер «Московский ремесленник», построенный на средства учащихся ФЗУ

В борьбе на коммуникациях в районе таманской группировки противника авиация Черноморского флота добилась значительных результатов, особенно на последнем этапе — эвакуации немецких войск в Крым. Однако, как и надводные корабли, она не решила главной задачи: полностью сорвать эвакуацию вражеских войск с таманского плацдарма не удалось. По данным противника, с 7 сентября по 9 октября 1943 г. немцы перевезли с Таманского полуострова в Крым 202 447 человек, 54 664 лошади, 6 тыс. голов скота, 15 тыс. машин, 1200 орудий и 9,5 тыс. тонн военного снаряжения[103].

Победа Красной армии под Сталинградом позволила Черноморскому флоту перейти от оборонительных к наступательным операциям. Основные усилия его направлялись на содействие войскам Красной армии в освобождении Северного Кавказа. Наиболее эффективной и вместе с тем сложной формой содействия флота войскам Красной армии явились морские десанты. Помогая войскам Закавказского, а затем Северо-Кавказского фронтов, Черноморский флот в течение девяти месяцев 1943 г. высадил два оперативных и два тактических десанта. Оперативные десанты были высажены в феврале в районе Южной Озерейки и Станички, а в сентябре — непосредственно в новороссийский порт. Десанты оперативного характера являлись составными частями наступления сухопутных войск на приморском направлении. Они должны были содействовать прорыву мощной обороны противника и освобождению Новороссийска, открыв путь советским войскам в тыл таманской группировки гитлеровцев, способствовать полному освобождению Северного Кавказа от захватчиков.

Ведя боевые действия на ближних и дальних морских коммуникациях противника, силы Черноморского флота затрудняли и в значительной мере ограничивали вражеские морские перевозки, отвлекая немалые средства врага на их защиту и нанося ему существенные потери

в боевых кораблях, судах и плавучих средствах. Однако недостаток собственных сил, ошибки, допущенные командованием в их использовании, не позволили флоту хотя бы на непродолжительное время сорвать или существенно ограничить вражеские морские перевозки ни в одном районе театра, в том числе и столь важном для судьбы Северо-Кавказского фронта, каким являлся Керченский пролив. Задача срыва в нем морских перевозок противника флотом решена не была[104].

ВВС в борьбе за господство в воздухе

Тяжелые потери, понесенные ВВС Красной армии летом 1941 г., привели к значительному сокращению самолетного парка в авиационных объединениях. К осени противник владел стратегическим превосходством в воздухе.

Главным средством борьбы за господство в воздухе была истребительная авиация, которая, несмотря на понесенные потери, являлась наиболее многочисленным родом ВВС. В конце лета 1941 г. авиационные полки были переведены на штаты трехэскадрильного состава по десять самолетов в каждой. При этом предусматривалось в полки ближнебомбардировочной и штурмовой авиации вводить по одной истребительной авиационной эскадрилье. Но уже 20 августа были приняты во внимание сложившиеся реалии — отсутствие возможностей скорого восполнения потерь, — и штатную численность авиационных полков сократили до 20 самолетов (две эскадрильи).

Основными объектами действий истребительной авиации, прикрывавшей войска и объекты тыла, являлись самолеты противника, находившиеся в воздухе. Высокая активность немецко-фашистской авиации, наличие у нее инициативы вынудили истребительную авиацию фронтов перейти к оборонительным действиям, наращивая усилия ПВО. Истребители прикрывали заданные объекты вылетами из положения «дежурство на аэродроме», «из засад» или «патрулированием», по современной терминологии — «дежурство в воздухе».

Прикрытие наземных объектов вылетами из положения «дежурство на аэродроме» могло успешно применяться лишь при наличии оперативного управления авиацией, надежно и четко работавшей связи во всех его звеньях, тесного взаимодействия со службой ВНОС. Однако прохождение сигналов оповещения о воздушном нападении запаздывало, поэтому использование данного способа не обеспечивало безопасности прикрываемых объектов. В лучшем случае бомбардировщики противника атаковались истребителями после выполнения задания при следовании на свои аэродромы. Из-за отсутствия опыта организации боевых действий, оперативной и устойчивой связи истребители нередко безуспешно взлетали на перехват противника. Иногда поднимался весь полк, а после его посадки появлялись вражеские бомбардировщики и безнаказанно наносили удар по намеченным целям.

Более надежное прикрытие наземных объектов обеспечивалось действиями истребителей «из засад». Дежурные силы, выделенные для действий этим способом, перелетали на площадки засад, расположенные на подступах к прикрываемым объектам и, как правило, находившиеся на удалении 12–15 км от линии фронта. Истребители взлетали на перехват воздушного противника «по зрячему», то есть увидев его непосредственно со стоянки, и успевали атаковать на подходе к прикрываемому объекту. Сложность организации боевых действий этим способом обусловливалась ограниченным количеством площадок, пригодных для взлета и посадки самолетов, и отсутствием средств обеспечения полетов для оборудования этих площадок.

Наиболее эффективным являлось «патрулирование» истребителей в воздухе, которые назначались из числа частей, ответственных за прикрытие наземных объектов в выделенном им секторе. Из-за недостатка сил истребительной авиации и наличия большого количества прикрываемых объектов в выделяемых секторах патрулирование приходилось осуществлять

Группа техников выкатывает истребитель МиГ-3 со взлетной полосы

Пилоты истребителей МиГ-3 в ожидании приказа на взлет

в один ярус, что понижало его эффективность, вопреки требованиям боевого устава истребительной авиации, предписывавшего организовывать многоярусное прикрытие. В периоды повышения интенсивности полетов вражеской авиации и на наиболее важных направлениях в зоны патрулирования могло выделяться до двух звеньев и более.

Целеустремленно вести борьбу за господство в воздухе не позволяла складывавшаяся обстановка: летом и осенью 1941 г. около половины совершенных самолето-вылетов ВВС Красной армии было затрачено на поддержку оборонявшихся наземных войск в условиях господства в воздухе вражеской авиации. Тем не менее в крайне неблагоприятных условиях, сложившихся с началом войны, советская авиация сохранила свою боеспособность и, оправившись от первых потерь, наносила все возраставшие по силе удары по противнику. «Несмотря на достигнутую внезапность, — признавали после войны гитлеровские генералы, — русские сумели найти время и силы для оказания решительного сопротивления»[105].

Управление авиационными частями, подвергшимися тяжелому удару с началом войны, было затруднено из-за частого и продолжительного нарушения проводной связи с вышестоящими штабами. Это приводило к тому, что задачи к моменту их получения становились неактуальными и не учитывали реальных возможностей объединений, соединений и частей.

Системы наведения и целеуказания авиации, которая в соответствии с предвоенными взглядами должна была создаваться на переднем крае в расположении сухопутных войск, в начале войны не было. Однако уже осенью 1941 г. на Ленинградском фронте в условиях

Немецкий самолет-истребитель Ме-109Е-3 в полете

стабилизированной линии боевого соприкосновения с противником находившиеся в боевых порядках наземных частей делегаты связи от авиации стали осуществлять целеуказание экипажам самолетов как при помощи средств зрительной связи, так и по радио.

В дальнейшем, при обороне Москвы и в оборонительный период Сталинградской битвы, в качестве подобных авианаводчиков использовались командиры авиационных эскадрилий и звеньев. Они создавали пункты наведения и управления воздушным боем, наведения истребительной авиации, явившиеся прообразом передовых пунктов управления авиацией, появившихся с лета 1943 г.

Сложность организации эффективной борьбы за господство в воздухе в то время была обусловлена еще и слабым взаимодействием авиации с частями ПВО. Отсутствие связи между штабами ВВС и ПВО, незнание зенитчиками силуэтов самолетов Пе-2, Су-2, ДБ-3ф, Як-2, нередко приводили к открытию огня по своим самолетам или, наоборот, к запаздыванию с действиями по авиации противника. Организовать взаимодействие истребителей и зенитчиков в одной зоне не удавалось.

Так, в основу организации ПВО Москвы был положен принцип круговой, эшелонированной в глубину обороны с усилением ее на особо угрожаемых направлениях. Исходя из этого, силы и средства ПВО в соответствии с их боевыми возможностями использовались по зонам. Для истребительной авиации как наиболее маневренного средства выделялась круговая зона боевых действий радиусом 100–120 км от города. После первых налетов вражеской авиации этот радиус был увеличен до 200 км. Глубина расположения боевых позиций зенитной артиллерии среднего калибра и общей зоны ее огня достигала 23 км от центра столицы. Батареи малого калибра и зенитно-пулеметные подразделения прикрывали малоразмерные объекты внутри города и аэродромы.

В ходе развернувшейся битвы под Москвой за 67 суток оборонительных действий авиация произвела свыше 51 тыс. самолето-вылетов, из них 86% — в интересах оборонявшихся фронтов и 14% — на прикрытие Москвы от ударов с воздуха. Боевые действия велись днем и ночью всеми родами авиации.

На исход оборонительной операции большое влияние оказало перехваченное у немцев впервые за годы Второй мировой войны в подобном противостоянии оперативное господство в воздухе. Это было достигнуто главным образом за счет своевременного и довольно смелого сосредоточения здесь превосходящих сил авиации с других направлений, а также ввода в бой 6-го истребительного авиационного корпуса ПВО, насчитывавшего 600 самолетов. В результате принятых мер к декабрю советская авиация на московском стратегическом направлении превосходила противника по числу самолетов в 1,7 раза, а по истребителям — в 2 раза.

До конца ноября гитлеровцы предпринимали неоднократные попытки нанесения массированных ударов по Москве, привлекая для этого свои лучшие бомбардировочные эскадры. Однако они были разбиты собранными здесь силами советской авиации. Так, 53-я бомбардировочная эскадра «Легион Кондор» уже в конце августа потеряла до 70%, а 50-я эскадра — до 50% своего состава. За первые шесть месяцев войны противник произвел 7146 самолето-вылетов на бомбардировку Москвы, но к городу прорвались лишь 229 самолетов (3,2%). При этом обороняемые объекты не пострадали, в то время как потери вражеской авиации составили 952 самолета (13%).

Помимо повседневной борьбы ВВС Красной армии провели две воздушные операции в целях ослабления авиационной группировки противника на московском направлении, в результате которых было уничтожено на аэродромах и в воздухе свыше 600 самолетов. Одна из них, проведенная в период с 5 по 8 ноября 1941 г., обеспечила успех параду войск на Красной площади. В ходе воздушных операций на земле было уничтожено и повреждено более 200 самолетов, а в развернувшихся воздушных боях сбито 63 самолета противника[106]. Впоследствии, 12 и 15 ноября 19 вражеских аэродромов вновь подверглись ударам советской авиации, в результате которых враг потерял 47 самолетов[107]. Общие потери неприятеля в оборонительный период Московской битвы достигли 1400 самолетов, из которых 85% было уничтожено силами авиации. Одновременные и последовательные удары ВВС Западного,

Калининского, Брянского фронтов, ВВС МВО, а также соединений дальнебомбардировочной авиации Главного командования более чем по тридцати аэродромам противника сочетались с воздушными боями и сражениями[108].

В ходе контрнаступления под Москвой и общего наступления Красной армии зимой и весной 1942 г. Военно-воздушные силы произвели 59,5 тыс. самолето-вылетов, из них 35% — на борьбу за господство в воздухе. Удержание оперативного господства в воздухе создавало благоприятные условия для выполнения других задач, но во многом этому мешало несовершенство существовавшей организационной структуры фронтовой авиации.

Сосредоточение сил фронтовой авиации ВВС Красной армии в общевойсковых армиях уже осенью 1941 г. привело к распылению и без того ограниченных сил, исключило централизованное управление и массированное их применение в масштабе фронта. А подчинение авиационных объединений командующим войсками фронтов затрудняло их массированное применение на стратегических направлениях. ВВС оказались заключенными в рамки, не позволявшие реализовывать в полном объеме маневренные и ударные возможности.

Продолжалось совершенствование организационной структуры объединений, соединений и частей ВВС. Уже к весне 1942 г. были созданы материальные условия для новой структуры фронтовой авиации. Если в декабре 1941 г. число самолетов в действующей армии было 2495, то в мае 1942 г. — уже 3164. Наращивала темпы роста производства и авиационная промышленность. Если в 1941 г. было выпущено 15 375 самолетов, в том числе 12 377 боевых, то в 1942 г. выпуск составил 21 681 боевой самолет. По решению ГКО в мае — ноябре 1942 г. вместо ВВС фронтов и армий на советско-германском фронте были созданы 13 воздушных армий и четыре воздушные армии на Дальнем Востоке[109].

С этого времени все силы авиации во фронте были объединены в единый кулак, будучи изъятыми из состава общевойсковых армий и присоединенными к фронтовой группе авиации.

Претерпела большие изменения организационная структура авиационных соединений и частей. Понесенные в начале войны потери и значительные трудности в их восполнении обусловили переход авиационных дивизий на двухполковой состав[110]. Однако продолжавший усугубляться дефицит самолетного парка привел к тому, что в январе 1942 г. все авиационные дивизии фронтового и армейского подчинения были расформированы. Только в мае 1942 г. одновременно с созданием воздушных армий было восстановлено дивизионное звено; стали создаваться однородные авиационные дивизии трехполкового состава — истребительные, бомбардировочные и штурмовые. Полки всех родов авиации с осени 1942 г. стали включать по три десятисамолетных эскадрильи и с двумя боевыми машинами, относящимися к управлению полка, насчитывать 32 самолета. В это же время авиационные звенья истребительных и штурмовых эскадрилий были преобразованы в четырехсамолетные, состоящие из двух пар.

В развернувшейся Сталинградской битве летом и осенью 1942 г. был получен новый опыт оперативного применения ВВС в оборонительных операциях, в том числе для решения задач, связанных с организацией и ведением борьбы за господство в воздухе. В сложных условиях обстановки была доказана жизненность новой организации авиационного оперативного объединения — воздушной армии.

Произошла реорганизация службы тыла ВВС. В состав тыла вошли управления: устройства тыла, аэродромного строительства, технического снабжения, отделы эксплуатации спецавтотранспорта и средств механизации, снабжения горючим, общевойскового снабжения, а также центральные авиационные склады.

В связи с большими потребностями в обеспечении широкого аэродромного маневра параллельно с обеспечением боевой деятельности авиационных частей во внутренних военных округах стали формироваться аэродромно-строительные батальоны. В связи с их ограниченными возможностями в качестве взлетно-посадочных полос широко использовались площадки с травяным покровом, требовавшие меньших усилий при подготовке. Сложная обстановка в районах аэродромного базирования требовала принятия действенных мер по маскировке, охране и обороне аэродромов. Беспечность первых дней войны сменилась в общем удовлетворительной для всей авиации маскировочной дисциплиной. Совершен-

ствовался порядок применения дежурных истребительных авиационных звеньев в целях сокращения времени, проходившего с момента получения информации о противнике до отдачи команды на взлет и атаки.

Опыт Великой Отечественной войны подтвердил правильность предвоенных взглядов советского военного искусства о том, что господство в воздухе — это не самоцель, а лишь одно из важнейших условий для достижения победы над врагом, которую можно одержать только объединенными усилиями всех видов вооруженных сил и родов войск. От исхода борьбы за господство в воздухе в значительной степени зависел успех всей вооруженной борьбы на советско-германском фронте.

Завоевать господство в воздухе означало активными действиями авиации и других сил и средств разгромить или серьезно ослабить вражескую авиацию и прочно, устойчиво овладеть инициативой в воздушном пространстве. Иными словами завоевание господства в воздухе предполагало создание такой воздушной обстановки, при которой Сухопутные войска, Военно-воздушные силы, Военно-морской флот и тыл страны могли бы успешно, без существенных помех со стороны вражеской авиации выполнять поставленные задачи, в то время как противник под массированным воздействием ВВС Красной армии был бы лишен такой возможности.

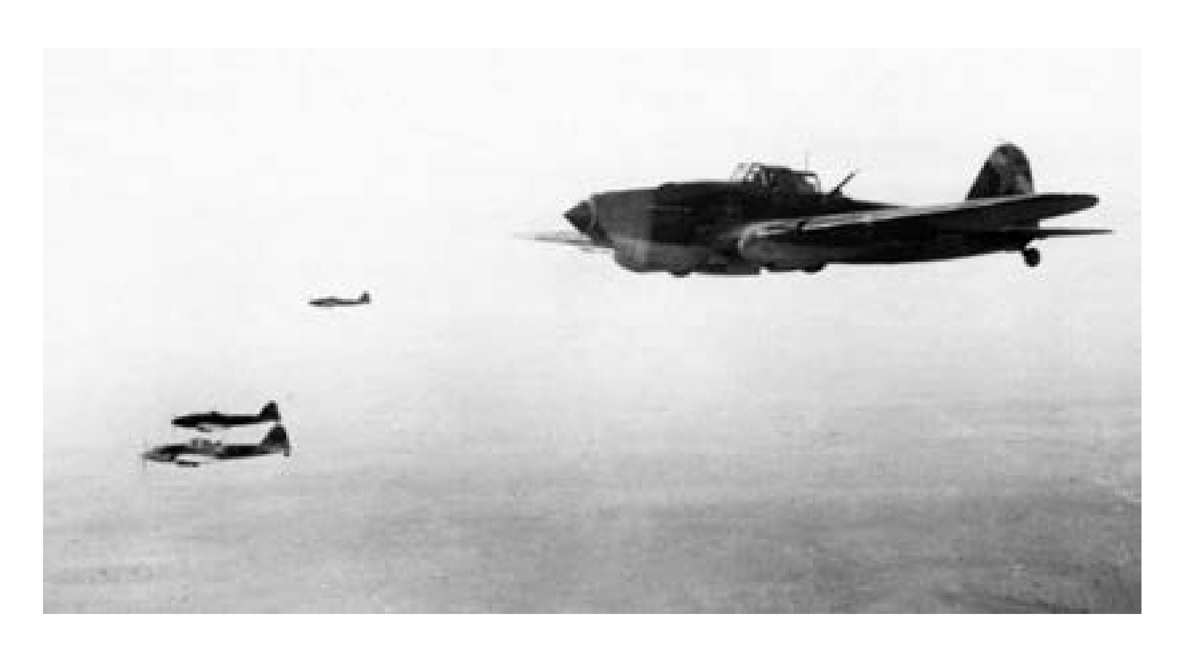
Боевая практика показала, что господствовавшая в воздухе авиация не могла полностью исключить деятельности военно-воздушных сил противника. Оборонявшиеся, как и сторона, владевшая господством в воздухе, могли концентрировать свои превосходящие силы в определенном районе на непродолжительное время и временно захватывать инициативу в воздушном пространстве. Поэтому вполне справедливым было деление господства в воздухе на тактическое, оперативное и стратегическое, принятое в советском оперативном искусстве ВВС накануне войны. Масштабы эти определялись поставленными целями, размахом боевых действий и количеством привлекаемых к решению данной задачи сил и средств.

Наиболее важной и сложной по этим признакам являлась борьба за стратегическое господство в воздухе, которая велась под общим руководством Ставки ВГК в интересах войны в целом. Она преследовала цель разгромить военно-воздушные силы противника, не допустить их существенного влияния на ход стратегических операций, проводимых на советско-германском фронте Вооруженными силами СССР, или нанести чувствительные удары по важнейшим объектам оперативного и стратегического тыла. В борьбе за стратегическое господство в воздухе участвовали силы и средства всех видов вооруженных сил, однако главная роль принадлежала авиации.

Второй период Великой Отечественной войны был характерен тем, что Красная армия провела ряд крупнейших наступательных операций, чередуя их с жесткой обороной против мощных ударов противника. Успех этих действий в значительной мере зависел от наличия господства в воздухе. В операциях зимней кампании 1942–1943 гг. и летне-осенней кампании 1943 г. ВВС Красной армии нанесли ряд мощных ударов по вражеской авиации, в ходе которых были разгромлены ее основные группировки. На советско-германском фронте произошел коренной перелом в ходе борьбы в воздушной стихии, который был обозначен в контрнаступлении под Сталинградом, усилен в воздушных сражениях на Кубани и окончательно завершен летом 1943 г. в период подготовки и в ходе битвы под Курском. Сталинград, Кубань и Курск, таким образом, вошли в историю Великой Отечественной войны как важнейшие вехи на пути завоевания советской авиацией господства в воздухе на всем советско-германском фронте.

В период контрнаступления под Сталинградом борьбу с воздушным противником вели 2, 17, 16 и 8-я воздушные армии, а также часть сил авиации дальнего действия. Вместе они насчитывали в своем составе 1414 боевых машин против 1216 вражеских самолетов[111]. Их усилия координировал представитель Ставки ВГК по авиации командующий ВВС Красной армии генерал А. А. Новиков.

С началом контрнаступления неблагоприятная погода ограничила боевые действия авиации. Поэтому реальная борьба за господство в воздухе развернулась с улучшением

Самолеты-штурмовики Ил-2 в полете

Советские летчики в кабине пикирующего бомбардировщика Пе-2

погоды, после 25 ноября 1942 г., когда активность авиации с обеих сторон резко возросла и в воздухе разгорелись ожесточенные бои. Они явились продолжением тех, что велись в оборонительный период Сталинградской битвы: было налажено взаимодействие, отработана система управления. В период с 25 по 30 ноября группировка советской авиации уничтожила в воздушных боях и на аэродромах около 200 самолетов противника и захватила господство в воздухе[112].

Однако борьба не утихала. Гитлеровское командование пыталось, с одной стороны, наладить снабжение своих окруженных в районе Сталинграда войск по воздуху, а с другой — мощными контрударами подвижных наземных соединений деблокировать ее. Для обеспечения этого замысла на сталинградское направление были стянуты лучшие истребительные и бомбардировочные эскадры и транспортные авиагруппы. В конце ноября для переброски грузов в их составе использовалось до 600 транспортных самолетов. В связи с большими потерями в транспортной авиации и усложнением воздушной обстановки немецкое командование вынуждено было использовать бомбардировщики для доставки грузов.

В этих условиях советским командованием было принято решение о воздушной блокаде окруженной группировки немецко-фашистских войск. В директиве командующего ВВС Красной армии от командующих 8-й и 16-й воздушных армий требовалось: «Уничтожение транспортных самолетов считать основной задачей»[113]. Воздушная блокада в основном достигла своей цели: транспортная авиация врага, неся большие потери, не смогла обеспечить потребностей окруженных войск. С 24 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г. транспортная авиация врага доставляла по воздуху в среднем 94,16 тонн в день, в то время как суточная потребность блокированных войск составляла 946 тонн[114].

Всего за период контрнаступления советская авиация произвела около 36 тыс. самолето-вылетов, в ходе которых было сброшено на врага 8 тыс. тонн бомб и уничтожено 1416 вражеских самолетов. Потери авиационных соединений при этом составили 512 самолетов (почти на 1000 меньше, чем за оборонительный период битвы)[115].

Весной 1943 г. активные боевые действия велись на южном крыле советско-германского фронта — на Таманском полуострове. Большое значение при этом имели развернувшиеся на Кубани воздушные сражения.

Противник стремился удержаться на Таманском полуострове, чтобы использовать его как плацдарм для последующих наступательных действий на Кавказе, а также сравнительно малыми силами сковать здесь войска Северо-Кавказского фронта и не допустить их переброску в район Курска, где готовилась операция «Цитадель». Не имея достаточных сил сухопутных войск, немецкое командование предполагало широко использовать авиацию. В связи с тем что значительная часть аэродромов к северу от Азовского моря из-за весенней распутицы вышла из строя, на аэродромах Таманского полуострова и в Крыму было сосредоточено до 1000 немецких самолетов. Кроме того, для усиления этой группировки противник привлек 200 бомбардировщиков, базировавшихся в Донбассе и на юге Украины, радиус действия которых позволял решать задачи на Тамани без смены мест базирования.

Получив сведения об усилении группировки вражеской авиации на Тамани, советское командование в ходе подготовки к майскому наступлению приняло соответствующие меры: было создано единое авиационное командование — ВВС Северо-Кавказского фронта во главе с генералом К. А. Вершининым. В начале апреля в его распоряжении находились 250 самолетов 4-й воздушной армии, 200 самолетов 5-й воздушной армии, 70 самолетов ВВС Черноморского флота и 60 — авиации дальнего действия[116]. Во второй декаде апреля эти силы были значительно увеличены за счет резервов Ставки ВГК: 2-го бомбардировочного, 3-го истребительного, 2-го смешанного авиационных корпусов и 282-й истребительной авиационной дивизии[117].

Таким образом, в количественном отношении созданная советским командованием авиационная группировка имела перевес над противником на 25–30%. Однако до 35% парка бомбардировочной авиации составляли ночные бомбардировщики По-2 (бывшие до этого учебными У-2). Хотя истребительные авиационные части были вооружены новой техникой —

Немецкие летчики осматривают поврежденный самолет

Немецкий бомбардировщик Ю-88

ЛаГГ-3, Як-1, Як-7б, около 10% группировки приходилось на долю самолетов иностранного производства, главным образом это были американские истребители «Аэрокобра».

Развернувшиеся воздушные бои носили упорный характер. В ряде случаев они перерастали в воздушные сражения, представлявшие совокупность взаимосвязанных по целям и замыслу групповых воздушных боев. Так, например, 29 апреля было проведено 42 боя, в которых сбито 25 самолетов противника. Сражение с небольшими перерывами длилось несколько суток.

В первые дни наступления, используя численное превосходство и преимущество в базировании (аэродромы немецких истребителей располагались в 15–25 км от линии фронта), противник овладел инициативой. Пикирующие бомбардировщики непрерывно бомбили плацдарм. Но истребители 4-й воздушной армии сорвали организованные удары по боевым порядкам «малоземельцев», оборонявшихся в районе Мысхако. Только 20 апреля в 17 воздушных боях было сбито 50 пикирующих бомбардировщиков.

Не только истребители формировали воздушную обстановку в небе Кубани. В борьбу за господство в воздухе активно включились и советские бомбардировщики. В конце апреля 1943 г. по указанию Ставки ВГК была проведена воздушная операция в целях ослабления противостоящей авиационной группировки противника. Согласно плану, который был утвержден представителями Ставки Г. К. Жуковым и А. А. Новиковым, намечалось нанести удары по 18 вражеским аэродромам, где удалось вскрыть большое скопление самолетов. В результате проведенной операции противник потерял 260 боевых машин.

Потери восстанавливались, прибывали новые части — и борьба разгоралась с новой силой. В периоды с 29 апреля по 10 мая и с 26 мая по 7 июня 1943 г. ежедневно происходило до сорока воздушных боев над сравнительно небольшими участками (30 х 30 км) в районе станиц Крымская, Киевская и села Молдаванское. В каждом из таких боев с обеих сторон принимало участие по 50–80 самолетов. Всего с 17 апреля по 7 июня советская авиация произвела около 35 тыс. самолето-вылетов, из них 77,6% приходится на долю воздушных армий и 13,7% — на ВВС флота. За этот же период отмечено около 39 тыс. самолето-пролетов авиации противника, из них 82% — бомбардировочной авиации.

Более 1700 самолето-вылетов, что составляет около 5% от общего количества полетов, совершенных ВВС Северо-Кавказского фронта за время участия в наступательной операции на Таманском полуострове, или 10% вылетов, израсходованных на борьбу за господство в воздухе, было произведено в ходе уничтожения вражеской авиации на аэродромах. Причем усилия бомбардировщиков и штурмовиков наращивались ударами артиллерии боевых кораблей Черноморского флота. Так, в двух ударах в ночь на 1 и 14 мая по аэродрому Анапа было выпущено 500 снарядов.

Удары по аэродромам врага наносились как в рамках повседневной борьбы за господство в воздухе, так и в форме воздушной операции. В частности, в период с 20 по 28 апреля такая операция на южном крыле советско-германского фронта была проведена силами 8, 17, 4 и 5-й воздушных армий, группы авиации дальнего действия при участии части сил авиации флота, в ходе которой было уничтожено более 260 вражеских самолетов[118].

Всего за время воздушных сражений на Кубани авиация противника потеряла более 1100 самолетов и вступила в летнюю кампанию 1943 г. ослабленной. Только истребительная авиация ВВС Красной армии в воздушных боях уничтожила 800 немецких самолетов, потеряв своих вдвое меньше. 52 летчика за участие в кубанских сражениях получили высокое звание Героя Советского Союза; среди них А. Ф. Клубов, Н. Ф. Смирнов, Б. Б. Глинка и Д. Б. Глинка. Здесь продолжили свое самоутверждение будущие дважды Герои Советского Союза Н. М. Скоморохов и В. А. Попков. Военный совет Северо-Кавказского фронта в июне 1943 г. отмечал: «В результате воздушных сражений победа, бесспорно, осталась на нашей стороне... Наша авиация не только успешно противодействовала врагу, но одновременно вынудила немцев прекратить воздушные бои и убрать свою авиацию»[119].

Активно велась борьба за господство в воздухе и в подготовительный период битвы на Курской дуге. Для решения этой задачи было произведено около 44% всех вылетов советской авиации.

Немецкий бомбардировщик Ю-88, сбитый на территории СССР

Подбитый немецкий истребитель Ме-109 в центре Сталинграда

В ходе подготовки наступления под Курском гитлеровское командование принимало все меры к тому, чтобы повысить боеспособность своей авиации и вернуть инициативу в воздухе. На советско-германский фронт только с 15 марта по 30 июня было переброшено 35 авиационных групп из Германии, Франции, Норвегии и Польши. В учебных центрах ускоренно готовились кадры. В 1943 г. промышленностью Германии в 1,7 раза был увеличен выпуск самолетов по сравнению с 1942 г. Части перевооружались на новые самолеты, располагавшие повышенными тактико-техническими характеристиками. Был создан новый — 6-й воздушный флот Германии. Летом 1943 г. на аэродромы, расположенные вблизи орловского и белгородско-харьковского выступов, откуда готовились удары танковых и моторизованных дивизий, начала сосредоточиваться вражеская авиация. Здесь было сконцентрировано три четверти группировки люфтваффе, действовавшей в первой линии на советско-германском фронте; в составе 17 эскадр 4-го и 6-го воздушных флотов Германии насчитывалось более 2 тыс. самолетов[120]. Чтобы максимально ослабить ее, Ставка ВГК организовала две воздушные операции, в ходе которых на аэродромах и в воздухе было выведено из строя около 750 немецких самолетов; еще 235 самолетов было сбито силами ПВО совместно с истребителями 2-й и 16-й воздушных армий при отражении воздушных налетов на Курск.

Наиболее крупной и поучительной была воздушная операция, проведенная с 6 по 8 мая 1943 г. В ней участвовало шесть воздушных армий, которые в течение трех суток вели борьбу с авиацией противника на аэродромах и в воздухе на 1200-километровом фронте — от Смоленска до Азовского моря. Цель воздушной операции заключалась в нанесении максимального поражения авиационной группировке, чтобы облегчить советской авиации завоевание оперативного господства в воздухе на курском направлении[121].

Подготовка воздушной операции проводилась в строгой тайне. К разработке необходимых документов привлекался ограниченный круг лиц. Планировалось нанести по врагу четыре массированных удара, для чего был выделен необходимый ресурс, созданы соответствующие запасы горюче-смазочных материалов, боеприпасов, других материальных средств. Выписки из плана операции были доведены до исполнителей лишь непосредственно перед ее началом. Командующие воздушными армиями получили задачи только за сутки до начала боевых действий. Командиры авиационных соединений и частей были ознакомлены с задачами за 6–8 часов до начала массированного удара по аэродромам противника, а экипажи самолетов — незадолго до вылета. Все это обеспечило внезапность начала операции, а особенно — нанесения первого массированного удара, что и повлекло за собой его высокую эффективность.

Всего в течение трех суток операции воздушные армии подвергли неоднократным ударам 22 вражеских аэродрома. Произведя 1392 самолето-вылета, они уничтожили 501 самолет противника, что составило 25% всей авиационной группировки, сосредоточенной в то время на курском направлении. Потери советской авиации составили 122 самолета[122].

Эта воздушная операция имела ряд характерных особенностей. Она проводилась на широком фронте значительными силами авиации и носила целеустремленный характер. В результате из 429 немецких самолетов, уничтоженных на аэродромах во время операции, 311 являлись бомбардировщиками. Уничтожение вражеской авиации на аэродромах сопровождалось сильными воздушными боями. В ходе операции было проведено 127 воздушных боев и сбито 77 немецких самолетов, что составило 15,2% от общего числа потерь вражеской авиации. Благодаря достигнутой внезапности действий наиболее эффективным оказался первый массированный удар, нанесенный одновременно силами всех воздушных армий, участвовавших в операции утром 6 мая. В ходе него было ликвидировано 42,5% от всех уничтоженных самолетов противника, в ходе второго — 31,2%, в ходе третьего — 23,1%, в ходе четвертого — 3,2%. В целом же результаты воздушной операции благотворно сказались на дальнейших событиях.

С 8 по 10 июня 1943 г. на центральном участке советско-германского фронта была проведена еще одна воздушная операция в целях разгрома группировки бомбардировочной авиации противника, снижения активности ее ночных действий по военно-промышленным объектам

и городам Поволжья. Для того чтобы избежать шаблона в действиях, первый массированный удар наносился не утром, как это было в майской операции, а вечером 8 июня. Удар начали соединения воздушных армий, а продолжался он ночью силами бомбардировщиков авиации дальнего действия. Фронтовая авиация на каждый вражеский аэродром выделяла крупный наряд сил (до 160 самолетов). Часть этих сил подавляла средства ПВО на аэродроме, блокировала близлежащие аэродромы истребительной авиации противника и связывала боем успевшие подняться подразделения истребителей.

Общими усилиями фронтовой и дальней авиации за трое суток воздушной операции было подвергнуто воздействию 28 аэродромов противника, уничтожено на земле и в воздухе 249 вражеских самолетов. Одной из особенностей этой операции являлось то, что она характеризовалась ожесточенными воздушными боями истребительной авиации. Потери авиации неприятеля в воздухе составили более 32% от общих потерь, понесенных за время операции[123].

Таким образом, все воздушные сражения и операции, проведенные ВВС Красной армии во втором периоде Великой Отечественной войны, отличались большим размахом, решительностью и высокой эффективностью. В ходе них было уничтожено более 1000 самолетов врага. Главным достоинством воздушных операций было то, что при использовании относительно небольших сил авиации они приводили в короткие сроки к существенному ослаблению авиационных группировок противника, сыграв тем самым важную роль в завоевании оперативного и стратегического господства в воздухе.

Немецко-фашистское командование предпринимало ответные действия. В мае — июне 1943 г. на аэродромы базирования ВВС Красной армии было совершено около 380 налетов, в которых участвовало более 1200 самолетов. Однако благодаря рассредоточению и тщательной маскировке самолетов на стоянках, созданию ложных аэродромов и хорошо организованной ПВО, их эффективность была низкой. Командующий ВВС Красной армии 22 июля докладывал Верховному главнокомандующему: «В качестве одной из мер противовоздушной обороны аэродромов нами с большим успехом применяются ложные аэродромы. Например, на ложные аэродромы 8-й воздушной армии Южного фронта за последние полтора месяца авиация противника сбросила 2214 бомб весом 46 755 кг, а на действительные аэродромы за это время была сброшена 61 бомба весом 2750 кг»[124].

Результаты, достигнутые в ходе воздушных сражений и операций, существенно облегчили решение задач, стоявших перед Военно-воздушными силами Красной армии в период Курской битвы. Тем не менее в ее оборонительный период развернулась ожесточенная борьба за господство в воздухе.

Наступление войск противника на главных направлениях поддерживалось крупными силами бомбардировочной авиации; она наносила удары группами по 50—100, а в некоторых случаях и до 300 самолетов под прикрытием своих истребителей. Поэтому над полем боя, над ограниченными по площади районами развертывались ожесточенные воздушные бои, в которых нередко участвовало по 100—150 самолетов. Так, только 5 июля истребители 16-й и 2-й воздушных армий провели 175 групповых воздушных боев, в которых сбили 279 вражеских самолетов. Групповые воздушные бои перерастали в воздушные сражения.

Однако, несмотря на численное превосходство над противником в самолетах и героизм летчиков, ни 2-я, ни 16-я воздушные армии в первые дни Курской битвы не смогли завоевать господство в воздухе. Это объясняется рядом причин, связанных прежде всего с отсутствием четкого управления с земли по радио группами истребителей, прикрывавшими войска на поле боя, так как командиры соединений находились не на передовом командном пункте, а в районах базирования. Это вело к повторению распространенной ошибки прошлых лет: советские летчики ввязывались в бои с истребителями противника, пропуская бомбардировщики. Так, в 16-й воздушной армии из 106 сбитых в первый день боев вражеских самолетов 72 были истребителями и только 34 бомбардировщиками. Помимо этого, силы истребителей в воздушном бою наращивались неорганизованно. В результате в большинстве случаев подразделения истребительной авиации фронтов вели бои с превосходящими силами противника и при этом сами несли большие потери.

Группа советских и французских летчиков эскадрильи «Нормандия-Неман»

Командир эскадрильи штурмовиков дает указания воздушному стрелку

В директиве начальника штаба ВВС Красной армии от 29 июля 1943 г. отмечалось: «В период своего наступления с 5 июля противник ввел в бой крупные силы бомбардировочной и истребительной авиации. В ходе ожесточенной борьбы за господство в воздухе наряду с хорошими сторонами в использовании нашей истребительной авиации был выявлен ряд серьезных недочетов»[125]. После вскрытия командованием воздушных армий недостатков в организации боевых действий и их устранения зоны патрулирования истребителей начали выносить на территорию, контролируемую противником, что позволяло перехватывать врага до его подхода к линии фронта. Группы различного тактического назначения в зонах эшелонировались по высоте, по фронту и в глубину. Были улучшены их взаимодействие и система управления истребительной авиацией. Через 3–5 дней боев оперативное господство в воздухе над всей Курской дугой перешло на сторону ВВС Красной армии.

В ходе обороны вражеские самолеты уничтожались не только в воздухе, но и на аэродромах. Так, на рассвете 5 июля 1943 г. 132 штурмовика в сопровождении 285 истребителей из состава 2-й и 17-й воздушных армий по указанию представителя Ставки ВГК по авиации генерала С. А. Худякова нанесли удар по аэродромам 4-го воздушного флота. Однако замысел — упредить действия противника, уничтожив крупные силы вражеской авиации на земле перед их разлетом на задания, — в полном объеме реализован не был. В связи с тем, что доразведка не организовывалась, на аэродромах удалось застать и уничтожить лишь 60 самолетов противника; остальные уже находились в воздухе.

С переходом советских войск в контрнаступление борьба за господство в воздухе вступила в новую фазу. Привлечение дополнительных сил советской авиации (1, 5 и 15-я воздушные армии) расширило размах этой борьбы. Одновременно с пятью воздушными армиями, усиленными восемнадцатью авиационными корпусами РВГК, над Курской дугой действовали почти все силы авиации дальнего действия и часть сил истребительной авиации ПВО (всего 5 тыс. самолетов — 60% всей авиации, находившейся на советско-германском фронте). Группировка люфтваффе на этом направлении к периоду наступления насчитывала не более 2,2 тыс. самолетов. Впервые в Великой Отечественной войне Красная армия начинала стратегическое наступление при столь выгодном соотношении сил авиации.

Из выполненных группировкой ВВС Красной армии за период контрнаступления 90 тыс. самолето-вылетов 32 тыс., или 35% всех вылетов, было затрачено на борьбу за господство в воздухе. В состоявшихся 1700 воздушных боях вражеская авиация потеряла свыше 2100 самолетов, кроме того, еще 145 боевых машин было уничтожено на аэродромах. Таким образом, общие потери авиации противника за время Курской битвы составили более 3700 самолетов; из них 3400 были уничтожены в воздухе, а это значит, что погибло примерно такое же количество летного состава высокой квалификации[126]. Чтобы представить подлинное значение этих цифр, следует отметить, что мощная и многочисленная авиация США за весь 1942 г. вывела из строя лишь 327 немецких самолетов. Это в 11 раз меньше, чем было уничтожено за 50 дней битвы под Курском[127].

Тяжелые потери понесла вражеская авиация и на других участках советско-германского фронта: в Донбассе, Белоруссии, под Ленинградом. В итоге летне-осенней кампании 1943 г. вражеская авиация потеряла около 10 тыс. боевых машин, а за весь 1943 г. — более 20 тыс., что составило 80% всех самолетов, выпущенных промышленностью Германии за этот год. Еще бóльшую проблему, чем восстановление численности самолетного парка, представляла необходимость восполнения потерь в летном составе. Общая квалификация вражеских летчиков упала; резко снизились и их морально-боевые качества. Это подтверждает и генерал вермахта К. Типпельскирх: «С 1943 г. уже никакими способами невозможно было ликвидировать безраздельное господство авиации противника в воздушном пространстве над районами боевых действий»[128]. Таким образом, после Курской битвы стратегическое господство в воздухе на советско-германском фронте бесповоротно перешло на сторону советской авиации.

С завоеванием стратегического господства в воздухе советским войскам были созданы благоприятные условия для подготовки и ведения боевых действий. Снизились потери ВВС Красной армии, в то время как урон, наносимый авиации противника, продолжал возрастать.

Значительных усилий потребовали прикрытие и поддержка танковых армий, действовавших в оперативной глубине. Так, в интересах 3-й гвардейской танковой армии использовалось до 600 самолетов, или 60% первоначального состава 15-й воздушной армии, то есть значительно больше того, что предусматривалось планом. Кроме того, по решению представителя Ставки ВГК по авиации, в полосе действий 3-й танковой армии действовали части авиации дальнего действия и 2-й бомбардировочный авиационный корпус соседней 1-й воздушной армии. Летчики, проявляя стойкость, самоотверженность и героизм, в самых трудных условиях одерживали победы.

Действия войск ПВО страны

С первых дней и месяцев войны соединения и части первой полосы противовоздушной обороны (Северной, Северо-Западной, Западной, Киевской и Южной зон ПВО) понесли существенные потери. Многие зенитные артиллерийские части и подразделения ПВО использовались для борьбы с танками и пехотой противника. К сентябрю 1941 г. в результате понесенных потерь подлежали расформированию Кобринский бригадный район ПВО, 4-я и 13-я отдельные бригады ПВО, ряд частей Барановичского, Гомельского, Витебского бригадных районов.

Войскам Московской зоны ПВО (командующий — генерал М. С. Громадин) пришлось вступить в борьбу с эскадрами 2-го немецкого воздушного флота уже в июле 1941 г. В ночь на 22 июля германское командование приступило к проведению воздушной операции против Москвы. Был совершен массированный налет бомбардировщиков на столицу с трех направлений: северо-западного, западного и юго-западного. К началу воздушного наступления противника комплексная противовоздушная оборона Москвы, в которой использовались все рода сил ПВО (истребительная авиация, зенитная артиллерия, зенитные пулеметы, аэростаты заграждения, зенитные прожекторы и ВНОС), осуществлялась 1-м корпусом ПВО (командир — генерал Д. А. Журавлев), 6-м авиационным корпусом ПВО (командир — полковник И. Д. Климов) во взаимодействии с соединениями и частями ВВС и ПВО Западного, Калининского фронтов и Московского военного округа. В отражении налетов на Москву участвовали также Калининский и Тульский бригадные районы ПВО. В первом массированном налете в ночь с 21 на 22 июля 1941 г. участвовало свыше 200 бомбардировщиков.

До середины сентября почти ежедневные ночные массированные налеты 100—120 самолетов на Москву чередовались с группами в 50—80 бомбардировщиков. Противовоздушная оборона столицы успешно отражала воздушные атаки врага и сохраняла город от разрушения. А крупные формирования местной ПВО не допустили возникновения массовых пожаров.

Новый этап воздушной операции люфтваффе начался с развертыванием операции «Тайфун». Условия боевых действий сил и средств ПВО столицы значительно осложнились с приближением линии фронта. Срыв последних попыток противника прорваться к Москве в конце ноября — начале декабря и переход с 5 декабря советских фронтов в контрнаступление вынудили немецкое командование отказаться от продолжения воздушной операции против столицы.

В связи с тем что воздушные налеты противник осуществлял с различных направлений, группировка всех сил и средств ПВО Москвы была построена по принципу круговой обороны с усилением западного и юго-западного направлений. Зона боя истребительной авиации начиналась на дальних подступах к Москве и приближалась до зоны зенитного огня. Город и ближайшие к нему подступы прикрывались зенитной артиллерией среднего калибра, зенитная артиллерия малого калибра и зенитные пулеметы обороняли от ударов с малых высот важнейшие объекты как внутри Москвы, так и за ее пределами. Ночные действия истребительной авиации и зенитной артиллерии обеспечивались зенитными прожек-

торами. Аэростаты заграждения использовались для усиления противовоздушной обороны центральной части города в темное время суток от налетов на малой высоте и прицельного бомбометания. Кроме того, аэростатами прикрывались снабжающие столицу водонасосные станции. Разведку воздушного противника и оповещение о нем войск вели части воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС). Эти задачи выполняли наблюдательные, ротные и батальонные посты ВНОС, объединенные их главным постом. В сентябре 1941 г. в состав 1-го корпуса ПВО поступили девять отечественных радиолокаторов РУС-2[129]. Для обмана противника в период его массированных налетов на Москву некоторые объекты были замаскированы, а на пустырях, болотах созданы ложные.

В ходе контрнаступления под Москвой и общего наступления Красной армии части Московского корпусного района ПВО (с 5 апреля — Московского фронта ПВО) и 6-го авиационного корпуса ПВО совместно с войсками ПВО и ВВС Западного, Калининского, Юго-Западного и Брянского фронтов прикрывали от ударов с воздуха основные группировки войск, а также объекты фронтового и армейского тыла. Всего на объекты Москвы и Подмосковья было совершено 125 налетов немецкой авиации, в которых участвовало свыше 7 тыс. самолетов. Из них 1086 было сбито средствами ПВО на подступах к столице, а 338 самолетов прорвалось к городу. Авиабомбы (1610 фугасных и около 110 тыс. зажигательных), сброшенные на жилые и промышленные кварталы города, катастрофического ущерба и разрушений не нанесли.

С блокадой Ленинграда его противовоздушная оборона осуществлялась соединениями и частями Северной зоны ПВО (2-й корпус ПВО и находившийся в его оперативном подчинении 7-й авиационный корпус ПВО) во взаимодействии с ВВС и ПВО Северного и Ленинградского фронтов и Балтийского флота. К сентябрю 1941 г. части и соединения Северной зоны ПВО понесли большие потери, особенно 7-й авиакорпус. Кроме того, часть зенитных батарей была снята для противотанковой обороны. Восполнять потери было трудно. Большинство оборонных заводов, в том числе и ленинградских, эвакуировалось на восток страны. Поэтому значительно увеличить, как это предусматривало постановление ГКО, количество зенитных орудий, прожекторов и почти удвоить число артиллерийских выстрелов практически не представлялось возможным[130].

Ход летне-осенней кампании 1941 г. убедительно подтвердил возрастание роли противовоздушной обороны, необходимость защиты от ударов с воздуха крупных центров и важнейших объектов. В условиях завоеванного противником господства в воздухе войска противовоздушной обороны в первые месяцы войны, при отражении массированных налетов на Москву, при обороне от ударов с воздуха Ленинграда, Киева, Одессы и других важных пунктов, нанесли вражеской авиации существенный ущерб и приобрели боевой опыт. Вместе с тем невосполнимые потери соединений и частей ПВО, выявленные недостатки в организации и управлении противовоздушной обороной привели к необходимости совершенствования организации и наращивания состава сил и средств ПВО.

Государственный Комитет Обороны 9 ноября 1941 г. принял постановление «Об усилении и укреплении противовоздушной обороны территории Союза», определившее коренную реорганизацию системы ПВО страны. Из подчинения командующих войсками фронтов и военных округов были изъяты все формирования наземных сил и средств ПВО территории страны. Из ВВС корпуса, дивизии и полки истребительной авиации, выполнявшие задачи противовоздушной обороны пунктов и объектов, передавались в оперативное подчинение руководителям ПВО. Зоны ПВО на европейской части территории Советского Союза расформировывались, вместо них создавались дивизионные районы противовоздушной обороны. При командующем Войсками ПВО территории страны был создан орган руководства, который включал в себя: Военный совет ПВО, штаб противовоздушной обороны, управление истребительной авиации ПВО, Главное управление ПВО, другие управления, отделы и службы. Командующим Войсками ПВО территории страны, заместителем народного комиссара обороны по противовоздушной обороне был назначен генерал-лейтенант М. С. Громадин.

Истребители МиГ-3 120-го истребительного авиаполка ПВО на аэродроме Внуково

Батарея зенитных пушек перед театром Красной армии в Москве

Войска противовоздушной обороны были преобразованы в самостоятельный вид (по терминологии того периода — род войск) Вооруженных сил СССР. Решая строго определенный круг задач стратегического характера, они имели свойственную им структуру и самостоятельное командование, непосредственно подчинявшееся высшему военному руководству. В состав войск ПВО входили зенитная артиллерия и истребительная авиация. На вооружении войск ПВО имелись так же зенитные прожекторы, аэростаты заграждения, системы оповещения ВНОС, на вооружение подразделений стали поступать первые станции радиообнаружения самолетов в воздухе.

Заботой командующего и штаба со дня принятия постановления ГКО явилось формирование дивизионных районов ПВО, центральных органов управления. Новый штат был введен 19 ноября 1941 г.[131] Штаб ПВО территории страны объединял отделы: оперативный, разведывательный, формирования и комплектования, связи, 8-й, общий и административно-хозяйственный. Главное управление ПВО территории страны объединяло четыре управления: боевой подготовки, вооружения, ВНОС и связи, кадров; а также отделы: инженерный и материально-технического обеспечения. Через полгода (31 мая) Главное управление ПВО было упразднено, его функции распределены между другими структурами управления командующего Войсками ПВО территории страны.

Государственный Комитет Обороны на своих заседаниях неоднократно рассматривал вопросы противовоздушной обороны. Так, 22 января 1942 г. он обсудил вопросы, касающиеся Военно-воздушных сил. Оценивая возросшее поступление авиационной техники от Наркомата авиационной промышленности, было принято решение создать резерв ВГРК в составе 24 авиационных полков. Корпуса, дивизии и отдельные полки истребительной авиации, выделенные для противовоздушной обороны территории страны, были переданы в полное подчинение командующему Войсками ПВО территории страны[132]: 6-й и 8-й авиационные корпуса (29 авиаполков), 13 истребительных авиационных дивизий (36 авиаполков) и девять отдельных авиаполков — всего 74 авиаполка. Вместе с ними передавались и обеспечивавшие их батальоны аэродромного обслуживания (всего 56). 7-й авиакорпус ПВО (четыре авиаполка), выполнявший задачи в составе Ленинградского корпусного района ПВО, оставался в оперативном подчинении Ленинградского фронта[133].

В марте возобновились активные действия авиации люфтваффе на московском направлении. Немецкие самолеты в конце марта несколько раз вторгались в воздушное пространство столицы. 29 и 30 марта они бомбили Шошинский железнодорожный мост вблизи Завидово и объекты Подмосковья. 31 марта вражеский самолет, прорвавшийся к Москве, сбросил фугасные бомбы на город. В результате ГКО 5 апреля вновь вынужден был на своем заседании рассматривать вопросы ПВО. Было указано, что система ПВО Москвы и Московского корпусного района ухудшила свою работу и требует немедленной реорганизации; отмечено низкое состояние дисциплины начсостава частей ПВО и отдельных должностных лиц Главного управления и корпусного района ПВО[134]. В итоге было принято решение о создании Московского фронта ПВО, Ленинградской и Бакинской армий ПВО. Таких органов руководства оперативно-стратегического (фронт) и оперативного (армии) уровней противовоздушная оборона нашей страны, да и других государств, прежде не имела.

В состав Ленинградской армии ПВО были включены все части бывшего Ленинградского корпусного района ПВО: всего шесть зенитных артиллерийских полков, два полка зенитных прожекторов, полк зенитных пулеметов, три полка аэростатов заграждения, один полк ВНОС.

Бакинская армия ПВО была оставлена в подчинении командующего Закавказской зоной ПВО. В состав армии вошли все части бывшего корпуса ПВО, а также 8-й авиационный корпус. Всего в армии имелось: семь зенитных артиллерийских полков, полки зенитных прожекторов, зенитных пулеметов, аэростатов заграждения, ВНОС, отдельных батальонов ВНОС и связи.

В этот же период были развернуты Мурманский, Бологоевский, Горьковский, Саратово-Балашовский, Северо-Кавказский и Грозненский дивизионные районы ПВО. 20 апреля 1942 г. Горьковский и Сталинградский дивизионные районы были переформированы в корпусные районы ПВО[135].

Однако единой системы ПВО, способной объединить все силы и средства страны, еще не было. Так, Главное управление ПВО территории страны не имело даже связи с фронтовыми управлениями ПВО[136]. Отсутствовало централизованное управление войсковой системой ПВО и со стороны Главного управления начальника артиллерии Красной армии, где имелся только отдел боевой подготовки зенитной артиллерии, занимавшийся разработкой уставов и наставлений зенитной артиллерии. Только 2 июня 1942 г. все наземные части и подразделения противовоздушной обороны (зенитной артиллерии, зенитных пулеметов, зенитных прожекторов, воздушного наблюдения, оповещения и связи), действовавшие в составе фронтов, были подчинены начальнику артиллерии Красной армии. В его штабе был создан отдел ПВО войск, а в Управлении боевой подготовки сохранен отдел зенитной артиллерии. В составе управлений начальников артиллерии фронтов и армий вводилась должность заместителя начальника артиллерии фронта (армии) по ПВО, в его подчинении имелся отдел (отделение) ПВО.

В летне-осеннюю кампанию 1942 г. в период стратегической обороны Войска ПВО страны во взаимодействии с ПВО фронтов вели напряженные боевые действия по отражению массированных налетов и эшелонированных действий авиации противника на города, объекты, коммуникации. За июль — ноябрь было отражено свыше 133 тыс. самолето-налетов вражеских бомбардировщиков[137]. В это время основная борьба на советско-германском фронте развернулась на южном направлении, где под ударами врага войска Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов оставили Донбасс и правый берег Дона. Начались упорные сражения на сталинградском и кавказском направлениях. С 28 июня по 10 июля немецкая авиация нанесла ряд бомбардировочных ударов на воронежском направлении по армейским и фронтовым тылам, железнодорожным узлам, через которые шло снабжение войск Юго-Западного фронта. Противовоздушную оборону Воронежа, крупных железнодорожных узлов, прифронтовых коммуникаций и места дислокации штаба фронта осуществлял Воронежско-Борисоглебский дивизионный район ПВО, в состав которого вошли 3-я и 4-я дивизии ПВО, отдельные части зенитной артиллерии, пулеметов, ВНОС, три зенитных бронепоезда, а также оперативно подчиненная 101-я истребительная авиадивизия ПВО. Наряду с отражением налетов авиации противника зенитные части района ПВО участвовали и в противотанковой обороне. Огневые позиции батарей зенитной артиллерии находились в расположении пехотных подразделений вблизи переднего края обороны. 9 и 10 июля созданная из частей 3-й дивизии ПВО зенитная артиллерийская группа вместе со стрелковыми частями фронта выбили противника из северной части Воронежа (из района сельскохозяйственного института)[138].

Со второй половины июля 1942 г. начались оборонительные бои на дальних подступах к Сталинграду. Противовоздушную оборону на дальних и ближних подступах к городу осуществляли Сталинградский корпусной район ПВО и 102-я истребительная авиационная дивизия ПВО. Кроме Сталинграда эта дивизия прикрывала Астрахань, железнодорожные и водные пути сообщения в границах района ПВО, а также войска Сталинградского фронта. Первые налеты на Сталинград вражеская авиация предприняла в конце июля. Они успешно были отражены огнем зенитной артиллерии. По мере приближения противника к городу его авиация активизировала деятельность и в дневное время. Авиаполки 102-й истребительной авиационной дивизии, имевшие на вооружении самолеты устаревших типов (И-15, И-16, И-153), вели напряженные бои в сложной обстановке. 23 августа, когда немецкие соединения прорвались к Волге севернее Сталинграда, неприятельская авиация нанесла по городу и боевым порядкам войск массированный удар, совершив около 2 тыс. самолето-вылетов. Части Сталинградского корпусного района ПВО, 102-й авиадивизии во взаимодействии с истребительной авиацией 8-й воздушной армии и силами ПВО фронта защитить город от разрушений и массовых потерь населения не смогли из-за превосходства противника в силах. Массированные налеты противника продолжались и в дальнейшем.

Ставка ВГК принимала меры по наращиванию сил и средств ПВО на сталинградском и кавказском направлениях. 28 августа для обороны Астрахани и железной дороги на Верхний

Расчеты 12,7-мм зенитного пулемета во время боев в Сталинграде

Расчеты 37-мм зенитных пушек Ладожской военной флотилии прикрывают Дорогу жизни

Баскунчак был создан Астраханский дивизионный район ПВО[139]. Для защиты волжского речного пути на участке Камышин — Астрахань командованием Сталинградского корпусного района была выделена Волжская оперативная группа ПВО, осуществлявшая руководство действиями зенитных частей и подразделений, оборонявших волжские пристани и караваны судов. 14 октября Сталинградский корпусной, Астраханский дивизионный районы ПВО и 101-я истребительная авиационная дивизия были оперативно подчинены командующему войсками Сталинградского фронта[140].

С октября для усиления прикрытия войск началось формирование зенитных артиллерийских дивизий РГК. Основной их задачей являлось прикрытие главной группировки фронта (армии) в исходном положении и в ходе операции от авиации противника. Планировалось, что зенитные артиллерийские дивизии РГК как мощное огневое средство усиления фронта (армии) будут применяться массированно на главных направлениях. Первые две дивизии РГК уже 2 ноября 1942 г. были отправлены из Московского учебного центра под Сталинград[141]. Появление на фронтах таких дивизий значительно усилило противовоздушную оборону войск в операциях второго периода войны.

Количественный и качественный рост сил и средств ПВО, героизм личного состава, совершенствование организации родов войск обеспечили в основном успешное решение боевых задач Войсками ПВО в Сталинградской битве. С июля по декабрь 1942 г. частями района и 102-й истребительной авиационной дивизии ПВО было уничтожено 650 самолетов противника[142].

В период подготовки контрнаступления советских войск под Сталинградом с проведением затем крупных последовательных наступательных операций перед Войсками ПВО страны встала задача надежно прикрыть прифронтовые коммуникации и районы сосредоточения стратегических резервов, а также ударные группировки войск фронтов в исходных районах. Части и соединения ПВО Сталинградского корпусного, Воронежско-Борисоглебского, Саратово-Балашовского, Астраханского дивизионных районов и оперативно подчиненных им истребительных авиационных дивизий успешно выполнили эту задачу. Пресекалась всякая попытка проникновения в эти районы вражеских самолетов-разведчиков.

С переходом 19 ноября 1942 г. войск Красной армии в контрнаступление части районов ПВО приступили к выполнению задач прикрытия боевых порядков войск фронтов, а также их коммуникаций и важнейших объектов тыла. В это время Сталинградский корпусной район ПВО находился в оперативном подчинении Сталинградского фронта. С 23 ноября, когда была окружена крупная группировка врага в районе Сталинграда, корпусной район ПВО совместно с истребительной авиацией и зенитной артиллерией фронтов осуществляли блокаду окруженной группировки. В ходе воздушной блокады силами и средствами ПВО и авиацией воздушных армий было уничтожено до 1200 самолетов противника, из них 80% транспортных самолетов и бомбардировщиков.

Сталинградский корпусной район ПВО и 102-я авиадивизия ПВО были награждены орденами Красного Знамени[143], а 102-я истребительная авиационная дивизия 31 марта 1943 г. преобразована во 2-ю гвардейскую истребительную авиационную дивизию. Ей было присвоено почетное наименование Сталинградская.

Продолжалось совершенствование организационной структуры войск ПВО и наращивание сил и средств. Значительно возросло количество зенитных артиллерийских дивизий РГК, в июле 1943 г. их было уже 40, а армейских полков ПВО — 156.

Большое внимание уделялось обеспечению операции по прорыву блокады Ленинграда. Задачу по противовоздушной обороне войск Ленинградского и Волховского фронтов осуществляли Ленинградская армия ПВО и Ладожский дивизионный район ПВО. Они обеспечили прикрытие бесперебойной работы Дороги жизни. Авиационное прикрытие перевозок по ледовой трассе осуществляли части 7-го авиакорпуса ПВО, ВВС Ленинградского фронта и Балтийского флота. В районе Ладожской трассы в общей сложности было уничтожено 239 вражеских самолетов[144]. Кроме того, зенитные артиллерийские полки Ленинградской армии ПВО участвовали в артиллерийской подготовке прорыва.

Катер ПВО Волжской военной флотилии

В мае 1943 г. была проведена реорганизация Московского фронта ПВО, прикрывавшего Центральный промышленный район. Зенитные артиллерийские, прожекторные, пулеметные полки, полки аэростатов воздушного заграждения и ВНОС были переформированы соответственно в зенитные артиллерийские, зенитно-прожекторные, зенитно-пулеметные дивизии, дивизии аэростатов воздушного заграждения и дивизии ВНОС; линейные дивизионы полков, батальоны прожекторные, пулеметные, ВНОС — в зенитные артиллерийские, зенитно-прожекторные, зенитно-пулеметные полки, полки аэростатов воздушного заграждения и полки ВНОС[145]. В результате проведенной реорганизации в составе Московского фронта ПВО имелось дивизий: зенитных артиллерийских среднего калибра — 15, малого калибра — 2, зенитно-прожекторных — 4, зенитно-пулеметных — 3, аэростатов воздушного заграждения — 3, ВНОС — 2. Кроме того, на базе отдельного батальона связи был создан 139-й полк связи, на базе отдельного радиобатальона ВНОС — 18-й радиополк ВНОС. 5 июня 1943 г. был создан Закавказский фронт ПВО, а к 9 июня на базе 6-го авиационного корпуса ПВО — 1-я воздушная истребительная армия ПВО. В ее состав вошли четыре истребительные авиационные дивизии ПВО[146].

В начале летне-осенней кампании 1943 г. германская авиация провела массированные налеты на важные военно-промышленные объекты Среднего Поволжья. В период с 4 по 27 июня она предприняла 17 массированных ночных налетов (на Горький — 7, на Саратов — 8, на Ярославль — 2), в которых участвовало в общей сложности около 1200 бомбардировщиков. Противовоздушную оборону этих важных промышленных центров осуществляли Горьковский корпусной, Саратово-Балашовский и Рыбинско-Ярославский дивизионные районы ПВО с оперативно подчиненными им соответственно 142, 144 и 147-й истребительными авиационными дивизиями. В ходе отражения налетов войсками ПВО было уничтожено около

Зенитчики А. Фролов и М. Петров читают газету «Красный флот»

60 вражеских самолетов. Однако полностью защитить прикрываемые объекты от ударов с воздуха частям районов ПВО и истребительных авиадивизий не удалось.

Часть вражеских бомбардировщиков проникла к объектам и нанесла им серьезный ущерб[147]. Это явилось следствием того, что части ПВО, развернутые на обороне объектов Горького и Саратова, имели слабую подготовку для действий в ночных условиях. На пути следования воздушного противника к объектам в глубоком тылу (500–600 км) войсковая ПВО и ВВС фронтов практически не воздействовали на авиацию противника. Отсутствовало взаимодействие между Войсками ПВО страны и силами ПВО фронтов и истребительной авиацией воздушных армий. Действия частей и соединений ПВО расследовала специальная комиссия во главе с А. С. Щербаковым, выводы которой обсуждались на заседании ГКО.

Учтя опыт действий Войск ПВО страны при отражении налетов на города Среднего Поволжья, ГКО принял решение о реорганизации и укреплении противовоздушной обороны страны. Вместо существовавшей ПВО территории страны было создано два фронта ПВО — Западный и Восточный. Граница между ними проходила с севера на юг по линии: Каменка, Тотьма, Солигалич, Нея, Юрьевец, Шуя, Сасово, Кирсанов, Поворино, Морозовский, Пролетарское, Армавир, Кисловодск, Сочи. Московский фронт ПВО был переименован в Московскую Особую армию ПВО, которая вошла в состав Западного фронта ПВО. Дальневосточная, Забайкальская, Среднеазиатская зоны ПВО были переданы в подчинение Военным советам соответственно Дальневосточного, Забайкальского фронтов и Среднеазиатского военного округа[148].

На командующего артиллерией Красной армии маршала артиллерии Н. Н. Воронова были возложены: координация действий между фронтами и зонами ПВО; планирование вооружения; комплектование рядовым и начальствующим составом; руководство военно-учебными заведениями ПВО, подготовка кадров; издание уставов и наставлений; контроль действий фронтов и зон ПВО. Для этого к 10 июля 1943 г. были сформированы Центральный штаб войск ПВО, Центральный штаб истребительной авиации ПВО, Главная инспекция ПВО, Управление боевой подготовки войск ПВО и Центральный пост ВНОС.

Командующим войсками Западного фронта ПВО стал генерал М. С. Громадин (штаб дислоцировался в Москве), а Восточного фронта ПВО — генерал Г. С. Зашихин (штаб в Куйбышеве). Создание двух фронтов ПВО улучшало организацию взаимодействия объединений и соединений ПВО страны с противовоздушной обороной общевойсковых фронтов и армий. В то же время передача войск ПВО страны в подчинение командующему артиллерией и упразднение должности командующего Войсками ПВО территории страны усложняло централизованное руководство силами и средствами, выполнявшими задачи противовоздушной обороны объектов и коммуникаций тыла страны. Роль, отводимая фронтам ПВО, была неоднозначной: Восточный фронт ПВО прикрывал объекты в глубоком тылу, а Западный — выполнял задачи обороны объектов на громадной территории за действующими фронтами, наращивая систему ПВО на театрах военных действий.

В летне-осеннюю кампанию 1943 г. в предвидении крупного наступления врага на курском выступе Ставка ВГК создавала мощную группировку своих войск, в том числе и войск ПВО. Главной задачей для войск ПВО в период подготовки и проведения стратегической оборонительной операции было прикрытие железнодорожных магистралей, по которым шло снабжение действующих фронтов людскими и материальными ресурсами. Эту задачу решали Ряжско-Тамбовский, Воронежско-Борисоглебский, Харьковский и Тульский дивизионные районы ПВО с оперативно подчиненными им истребительными авиационными дивизиями. В оперативном подчинении районов ПВО находились 36, 101, 125 и 310-я истребительные авиационные дивизии ПВО с общей численностью свыше 200 боевых самолетов. Наиболее ответственные задачи выполняли части и подразделения Воронежско-Борисоглебского дивизионного района ПВО и 101-й истребительной авиационной дивизии ПВО[149]. В мае — июне в составе группировки противовоздушной обороны железнодорожных магистралей было 547 зенитных орудий среднего калибра, 214 зенитных орудий малого калибра, 558 крупнокалиберных зенитных пулеметов, 115 прожекторных станций; истребительная авиация ПВО имела 208 боевых самолетов[150].

Противовоздушная оборона железнодорожных коммуникаций проводилась при тесном взаимодействии районов, истребительных авиадивизий Войск ПВО страны с силами и средствами ПВО Воронежского и Центрального фронтов и воздушных армий. Здесь впервые наиболее полно были разработаны и практически проверены формы организации и осуществления прикрытия от ударов воздушного противника соединениями (дивизионными районами) ПВО железнодорожных объектов в прифронтовой полосе. Районам ПВО устанавливались границы ответственности, в которых развертывались части и подразделения для обороны важных объектов коммуникаций. Зенитная артиллерия среднего калибра применялась для прикрытия наиболее важных железнодорожных узлов и станций. Сильные группировки зенитной артиллерии были созданы для противовоздушной обороны таких важных железнодорожных узлов, как Тула, Ряжск, Елец, Грязи, Курск, Касторное, Воронеж, Лиски, Валуйки. Группировка зенитной артиллерии на таких пунктах строилась по принципу круговой обороны. Наибольшая плотность зенитного артиллерийского огня создавалась на подходе к вероятному рубежу бомбардирования.

Командные пункты полков и дивизионов располагались обычно вне населенных пунктов, вблизи от линии передовых батарей, что обеспечивало большую гибкость управления и упрощало организацию связи. Связь осуществлялась по проводным телефонным линиям и по радио.

Зенитная артиллерия малого калибра и зенитные пулеметы большей своей частью применялись для обороны небольших объектов (промежуточных станций и разъездов, мостов, складов, депо, водонапорных башен и т. п.).

Службу наблюдения за воздушным противником и оповещения о нем войск вели в основном наблюдательные посты ВНОС ПВО. Оповещение осуществлялось по радио с главного поста ВНОС и по телефонным линиям связи на основные аэродромы истребительной авиации ПВО и воздушных армий фронтов.

Истребительная авиация ПВО была максимально приближена к обороняемым железнодорожным узлам и магистралям. Каждому полку назначалось несколько аэродромов или посадочных площадок, что обеспечивало широкий маневр истребителями. Новым в применении истребительной авиации явилось назначение каждому истребительному авиаполку определенного участка железной дороги. Протяженность их была различной и зависела от боевого состава полков, важности участка и удаления аэродрома от объекта прикрытия. В 101-й истребительной авиации ПВО имелись три радиолокационные станции, которые использовались для наведения истребителей и разведки воздушного противника.

6 мая вражеская авиация (40 бомбардировщиков и 20 истребителей прикрытия) совершила массированный налет на железнодорожный узел Валуйки. Несмотря на потери 10 самолетов от огня зенитчиков и истребителей, немецкая авиация нанесла значительный материальный ущерб узлу. 8 мая противник пытался нанести воздушный удар по железнодорожной станции Щигры; в налете участвовало 11 бомбардировщиков, прикрываемых 10 истребителями. 22 мая авиация противника (до 170 самолетов) совершила первый массированный налет на железнодорожный узел Курск; в налете участвовало до 170 самолетов. В воздушных боях и огнем зенитной артиллерии было уничтожено 65 самолетов противника.

Характерным примером осуществления взаимодействия средств ПВО на курском выступе явилось отражение второго массированного налета воздушного противника на Курск днем 2 июня. Налет был эшелонированным и одним из наиболее крупных за период Великой Отечественной войны. Он начался в 4 часа 39 минут и завершился в 14 часов 50 минут. В составе пяти эшелонов вражеской авиации действовали 424 бомбардировщика и 119 истребителей для их прикрытия. В ночном налете со 2 на 3 июня принимало участие до 300 бомбардировщиков противника. В отражении дневного налета были задействованы 101-я истребительная авиационная дивизия ПВО, фронтовая истребительная авиация 16-й и 2-й воздушных армий, зенитная артиллерия Воронежско-Борисоглебского дивизионного района ПВО, Центрального и Воронежского фронтов. Общее руководство отражением налета осуществлялось Курской оперативной группой дивизионного района ПВО во главе

с начальником штаба района ПВО полковником В. С. Гавриловым. Всего 2 июня против 543 самолетов врага на перехват было поднято 357 истребителей, сбито 116 самолетов противника. Наши потери составили 27 боевых машин[151].

Прорвавшиеся к городу самолеты уничтожались огнем группировки зенитной артиллерии, которая включала 64 орудия среднего калибра, 24 малого калибра и 45 крупнокалиберных пулеметов. Зенитчики не допустили прицельного бомбометания и уничтожили 27 самолетов врага. В ночном налете на Курск со 2 на 3 июня самолеты шли непрерывным потоком, заходя на объект с разных сторон группами в 3–5 самолетов и по одному. В этом налете участвовало до 300 бомбардировщиков. Батареи 254-го зенитного артиллерийского полка за сутки уничтожили 22 самолета врага.

В это время были проведены укрупнения соединений ПВО. Воронежско-Борисоглебский дивизионный район ПВО был реорганизован в Воронежский корпусной район ПВО, а 101-я истребительная авиационная дивизия ПВО — в 9-й истребительный авиационный корпус ПВО. В сентябре 1943 г. Воронежский корпусной район ПВО был переименован в Курский[152].

В ходе Курской битвы районы ПВО с оперативно подчиненными им истребительными авиационными дивизиями кроме основной задачи — прикрытия от ударов с воздуха прифронтовых коммуникаций, особенно железных дорог, — привлекались и к прикрытию группировок войск фронтов. Для обороны объектов и участков железных дорог в составе районов ПВО имелось 35 зенитных бронепоездов. Широко применялись также маневренные зенитные артиллерийские группы в составе подразделений зенитной артиллерии малого калибра и зенитных пулеметов. Благодаря хорошо организованному управлению боевыми действиями частей ПВО в районе Курска и четкому взаимодействию соединений ПВО страны с войсковой ПВО успешно отражались как эшелонированные действия, так и массированные налеты воздушного противника.

В битве за Днепр Войска ПВО наряду с прикрытием военных объектов обороняли от ударов с воздуха освобожденные от оккупантов Левобережную и часть Правобережной Украины, Донбасского промышленного района. В первую очередь на освобождаемой территории развертывались посты и пункты управления ВНОС. Главную роль в деятельности войск ВНОС Западного фронта ПВО стали играть поступающие в войска отечественные и поставляемые по ленд-лизу радиолокационные станции. Они применялись как для разведки воздушного противника, так и для наведения истребителей на воздушные цели. Зенитные артиллерийские части районов ПВО развертывались на прикрытии промышленных районов и важных объектов, как правило, из глубины страны с использованием свободных резервов.

Для управления силами и средствами ПВО в новых районах штабы высылали оперативные группы, а затем перемещались основным составом, не допуская потери управления подчиненными частями. При перемещении районов ПВО на оборону других объектов они, как правило, переименовывались. Так, Воронежский корпусной район ПВО, передислоцированный из Курска сначала в Нежин, а затем в Киев был переименован в Киевский корпусной район ПВО[153].

В октябре 1943 г. для обороны Донбасса на базе 17-й отдельной бригады ПВО Северо-Кавказского корпусного района был сформирован Донбасский корпусной район ПВО[154]. Району предписывалось оборонять от ударов с воздуха восстанавливаемые объекты Донбасса, Днепропетровска, Запорожья, Мариуполя, Мелитополя, железнодорожные станции, мосты и переправы через Днепр у Днепропетровска, а также коммуникации и тылы 3-го, 4-го и частично 2-го Украинских фронтов в границах района[155].

В целом в первом и втором периодах Великой Отечественной войны Войска ПВО сыграли большую роль в операциях Красной армии. Они сумели успешно отразить большинство налетов вражеской авиации на крупные центры страны, обеспечили сохранность Москвы, Ленинграда и других городов, не допустили дезорганизации работы железнодорожных коммуникаций в условиях господства в воздухе авиации противника.

Боевой опыт подтвердил необходимость комплексного использования всех сил и средств ПВО и массированного их применения для надежного прикрытия от ударов с воздуха наи-

более важных объектов государства. Это обеспечивалось централизованным руководством Войсками ПВО со стороны Ставки Верховного главнокомандования и осуществлением непрерывного взаимодействия с силами и средствами ПВО фронтов и флотов.

Одним из важнейших выводов по итогам первых кампаний Великой Отечественной войны следует считать подтверждение тезиса о возрастании роли противовоздушной обороны среди условий обеспечения безопасности государства. Свои задачи по отражению воздушного противника могут выполнить только заблаговременно развернутые, находящиеся в постоянной боевой готовности, сильные Войска противовоздушной обороны.

За линией фронта

С началом Великой Отечественной войны на оккупированной врагом советской территории возникло народное сопротивление захватчикам. Оно было вызвано справедливыми, освободительными целями войны против агрессоров, являлось глубоким проявлением народного патриотизма, воплощением общенациональной идеи защиты Отечества.

Широкомасштабная народная борьба развернулась не сразу. Советской стороне пришлось решать организационные вопросы развертывания партизанского движения уже в условиях начавшейся войны и отступления Красной армии. «Если бы кто заикнулся еще 20 июня 1941 г. о возможности подпольной борьбы наших людей на Украине, в Белоруссии, под Смоленском, в Литве в случае нападения фашистских войск, — вспоминал один из руководителей партизанского движения Т. А. Строкач, — то такого зачислили бы в паникеры»[156].

К началу войны в СССР отсутствовала заблаговременно разработанная концепция партизанской борьбы, да и подготовленных кадров для этого не было. Лишь 29 июня 1941 г. в директиве Совнаркома и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей содержалось указание о развертывании партизанского движения и подпольной борьбы. Большую роль в организации борьбы военнослужащих Красной армии, прорывавшихся из окружения летом 1941 г., сыграла листовка-обращение Главного политического управления РККА от 15 июля 1941 г. «К военнослужащим, сражающимся в тылу противника». В данной листовке, разбросанной с самолетов над всей оккупированной территорией, деятельность советских воинов за линией фронта рассматривалась как продолжение выполнения ими боевой задачи. Командирам и бойцам предлагалось переходить к методам партизанских действий и всеми доступными средствами уничтожать противника.

В 1941 г., следуя этому призыву, к партизанской борьбе перешли тысячи окруженцев, в том числе командиры ряда кавалерийских и стрелковых дивизий. Среди партизан Ленинградской области в 1941 г. военнослужащих было 18%, в Орловской области — 10%, в Литовской ССР — 22%, в Белорусской ССР — более 11% на протяжении всей оккупации[157]. Они внесли в ряды партизан дисциплину, порядок, организованность, знание оружия и военной техники. Отдельные отряды целиком состояли из военнослужащих. Но были и смешанные формирования, объединявшие местных жителей и военнослужащих.

Особый импульс развертыванию всенародной борьбы был придан выступлением по радио И. В. Сталина 3 июля 1941 г., а также после выхода 18 июля специального постановления ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск». Однако документов по вопросам практической организации партизанского движения выработано еще не было. Партизаны в это время действовали чаще всего самостоятельно. Большую роль в поддержке, вооружении и обучении первых партизанских отрядов и диверсионных групп сыграли войска НКВД. За линию фронта засылались специально подготовленные отряды и группы для организации партизанской борьбы. Они пополнялись местными жителями, солдатами и офицерами, выходившими из окружения или бежавшими из плена. На 18 апреля 1942 г. на учете НКВД находились 1798 партизанских отрядов и 11 253 разведывательно-диверсионных группы (всего 78 тыс. человек)[158].

Партизаны с каждым днем наносили все более ощутимые удары по врагу. Уже 16 сентября 1941 г. начальник штаба верховного главнокомандования вермахта В. Кейтель в приказе по войскам отмечал, что с «самого начала военной кампании против Советской России во всех оккупированных Германией областях возникло коммунистическое повстанческое движение. Это движение носит различный характер, начиная с пропагандистских выступлений и покушений на отдельных военнослужащих немецкой армии и кончая открытыми мятежами и организованной партизанской войной... Таким образом, во всё возрастающей степени создается опасность для немецкого военного руководства, которая проявляется прежде всего в обстановке всеобщего беспокойства для оккупационных войск, а также ведет к отвлечению сил, необходимых для подавления главных очагов мятежа»[159].

«Если и существовали селения, где крестьяне предлагали цветы и свежую воду, — вспоминали после войны солдаты вермахта, — то было гораздо больше безлюдных и враждебных деревень, неизвестно куда идущих дорог, где на немцев неожиданно обрушивался огонь советского оружия». Так, в деревне под Севском (ныне Брянская область) в начале 1942 г. они обнаружили дорожный указатель с надписью: «Берлин — 1052 километра»[160].

Партизанские формирования, как правило, создавались по административным районам, хотя часто они возникали по инициативе на местах. Первоначально противодействие врагу выражалось преимущественно в виде саботажа и диверсионных актов, которые лишали противника покоя в собственном тылу.

На территории Крыма, особенно в горах, партизаны действовали в тяжелых условиях. Специально подготовленных кадров практически не было. Весной 1942 г. они практически не имели связи с Большой землей и несли значительные потери. Тем не менее партизаны постоянно вели разведку, наносили удары по противнику. За семь месяцев неравной борьбы отряды выдержали 70 боев с оккупантами и местными «добровольцами», пытавшимися разгромить базовые лагеря, уничтожить госпитали и санитарные землянки. В то же время боевые отряды и диверсионные группы произвели более 30 нападений на гарнизоны противника и около 200 выходов на диверсии, в ходе которых на коммуникациях, ведущих к Севастополю, взорвали 20 мостов, уничтожили до 5 км линий телефонно-телеграфной связи, 300 автомашин и тягачей, четыре прожекторные установки, разгромили 19 обозов. В ходе боев были уничтожены более 4 тыс. немецких и румынских солдат и офицеров и их пособников из местного населения[161].

Крымские партизаны использовали для своих баз многочисленные пещеры (на территории Крыма имелось около 800 пещер). Наиболее сильные отряды базировались в районе села Перевального в Красных пещерах. Оккупанты в борьбе с ними использовали весь арсенал оружия, в том числе и отравляющие вещества. Однако даже применение этого варварского оружия не принесло успеха врагу. В отличие от других пещер Крыма, на некотором удалении от входа в Красные пещеры подземный ход пересекала река. Уходя от преследователей, партизаны под водой преодолевали часть подземного хода, куда не проникали газы. Широкая и многоярусная система ходов, общая протяженность которых достигала 20 км, наличие в Красных пещерах подземных озер создавали благоприятные условиях для размещения и функционирования партизанского отряда[162].

30 мая 1942 г. при Ставке ВГК был создан Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД); его руководителем был назначен П. К. Пономаренко. При военных советах фронтов были созданы региональные штабы: Карело-Финский, Ленинградский, Калининский, Западный, Брянский, Украинский (при Военном совете Юго-Западного фронта). Штабы занимались организацией борьбы в тылу врага, обеспечением партизанских отрядов. С этого момента эффективность противодействия врагу возросла. Впоследствии были созданы республиканские, краевые, областные штабы партизанского движения, что позволило управлять действиями партизанских отрядов на всей оккупированной врагом территории, организовать снабжение партизан.

6 сентября 1942 г. был учрежден пост главнокомандующего партизанским движением, который занял маршал К. Е. Ворошилов. Ему подчинялся и ЦШПД. Создание Централь-

Пропагандистский лозунг в одной из оккупированных деревень

В полной готовности к отправке в длительный рейд по тылам врага

ного штаба партизанского движения и должности главкома (хотя 19 ноября 1942 г. она была ликвидирована) позволили централизовать руководство партизанским движением, теснее увязать их действия с задачами Красной армии, организовать централизованное снабжение партизанских отрядов.

Из советского тыла партизаны получали почти 100% средств радиосвязи, 70% взрывчатых веществ, свыше 90% противотанковых ружей, около 80% автоматов[163]. Так, Главное военно-инженерное управление РККА поставило ЦШПД 40 тыс. мин замедленного действия, 30 тыс. противопоездных, 12 тыс. автотранспортных, 40 тыс. ампульных, 15 тыс. рычажных, 15 тыс. малых магнитных и 45 тыс. противопехотных мин, 25 тыс. колесных замыкателей[164]. Только на брянские партизанские аэродромы из советского тыла было завезено 808 тонн военных грузов.

Из-за межведомственных разногласий ЦШПД неоднократно реорганизовывался, а в марте 1943 г. был вообще упразднен. Через месяц его восстановили, но из его состава был выведен Украинский штаб партизанского движения, который переподчинили непосредственно Ставке ВГК[165].

Оккупационный режим, созданный врагом на захваченной территории СССР, утверждался в основном способами и методами кровавого террора. Основной тезис в достижении целей, намеченных руководством фашистской Германии по отношению к населению Советского Союза, — «беспощадное насилие сделает его послушным и сговорчивым»[166]. Захваченные области, по мнению Гитлера, должны были быть «тотально германизированы». Предполагалось выселить, а точнее ликвидировать более 22 млн коренных жителей[167]. В конце марта 1942 г. оккупанты устроили расправу над жителями белорусских деревень Суражского и Витебского районов. В деревне Низкие за убийство одного немца были заживо сожжены 256 человек; в деревне Хвосты в землянках были сожжены 59 человек, в том числе 25 детей[168].

Во время оккупации городское и сельское население временно захваченных районов СССР было взято на строгий учет. Новые лица, появляющиеся в городах и деревнях, подлежали немедленной регистрации в полиции. Передвижение между населенными пунктами без разрешения властей запрещалось. В принудительном порядке рабочие в городах направлялись на восстановление промышленных предприятий, а сельские жители привлекались к материально-бытовому обслуживанию воинских частей и полицейских формирований[169].

Несмотря на весь ужас и гнет оккупации, советский народ не покорился врагу. Представители различных национальностей Советского Союза поднялись на защиту свободы и независимости своей Родины. Страна превратилась в единый боевой лагерь. Для руководства всеми формами борьбы в тылу врага была организована широкая сеть подполья. Организаторская деятельность в тылу германских войск умело сочеталась с большой политической работой, сыгравшей исключительно важную роль в мобилизации народных масс на борьбу с врагом. Особенно огромное воздействие на ее развитие оказали победы Красной армии под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге, Днепре, многих других участках советско-германского фронта, которые создавали благоприятные военные и морально-политические условия для расширения всенародной борьбы в тылу врага. В свою очередь, успехи партизан и подпольщиков способствовали Красной армии в усилении натиска на оккупантов.

В истории развития партизанского движения на оккупированной советской территории условно можно выделить три этапа, которые в основном соответствуют периодам Великой Отечественной войны: становление и развертывание партизанской борьбы (1941–1942), укрепление и рост партизанского движения (1943) и боевая деятельность в период завершения освобождения советской территории (1943–1944).

В первый, наиболее трудный этап, охватывающий временные рамки от начала войны до создания центрального и фронтовых штабов партизанского движения, оно прошло путь от зарождения до развертывания массовой вооруженной борьбы. В это время определилась организационно-боевая структура партизанских сил, сложились и приобрели боевой опыт их командно-политические кадры, была осуществлена централизация оперативного руководства партизанским и подпольным движением. Борьба советских патриотов, носившая в

Продвижение немецкого эшелона в зоне действия партизанских отрядов

начале оккупации характер разрозненных действий, выросла, расширилась и превратилась в планомерные, целенаправленные и организованные выступления, в ходе которых вырабатывались и складывались основные принципы и черты тактики партизан и подпольщиков. Боевые действия окрепших и умноживших свои ряды партизанских формирований и подпольных организаций становились все более эффективными, разнообразными по форме, отчетливо приобретая наступательный характер.

Уже первые месяцы войны показали, что борьба в тылу немецко-фашистских войск — это реальность, продиктованная необходимостью оказания помощи фронту. К концу 1941 г. в тылу врага сражались более 2 тыс. партизанских отрядов общей численностью свыше 90 тыс. человек и значительное количество мелких групп. Партизанская война развернулась на оккупированной территории Белоруссии (свыше 230 партизанских отрядов), Украины (свыше 880), РСФСР (свыше 500), Молдавии (147), Литвы, Эстонии, Карелии. Помимо партизанских отрядов на оккупированной территории действовало огромное количество диверсионных групп[170].

В тылу советских войск были созданы учебные центры, базы, спецшколы по подготовке кадров для подпольной и партизанской борьбы. Так, на Западном фронте в середине июля 1941 г. был образован оперативно-учебный центр[171]. Срок подготовки партизанских кадров здесь составлял 3–5 дней, позднее — 10 дней. В Полесской области, в районе г. Мозыря, летом 1941 г. находилась база по подготовке подпольщиков. С апреля 1942 г. возле г. Мурома Горьковской области начали работу специальные курсы по подготовке кадров для партизанских формирований и организаторских групп по созданию партизанских отрядов[172]. Функционировали спецшколы по подготовке радистов, подрывников, разведчиков (за 1942 г. в тыл врага было направлено 175 диверсионных групп общей численностью 2077 человек). В тыл противника засылались как отдельные патриоты и группы для ведения разведывательной, диверсионной, организаторской и агитационной работы, так и целые партизанские отряды. Например, в мае 1942 г. в тыл врага (на территорию оккупированной Белорусской ССР) было направлено 12 партизанских отрядов общей численностью около 600 человек.

На первом этапе партизанское движение в значительной степени страдало от неподготовленности к ведению борьбы в зимних условиях. В результате многие партизанские отряды были вынуждены прекратить боевую деятельность и временно расформироваться, чтобы перезимовать в населенных пунктах. Также на этом этапе четко прослеживается стремление многих отрядов и групп уйти на соединение с регулярной армией, что нередко и случалось, ослабляя партизанское движение. Характерной для всех этапов является недостаточная военно-специальная подготовка партизан, большинство которых до вступления в ряды сопротивления были мирными гражданами.

Структура партизанских формирований имела две достаточно четко прослеживающиеся тенденции. Во-первых, она тяготела к структуре регулярных воинских формирований. Это во многом обусловливалось участием в партизанской борьбе военнослужащих Красной армии и войск НКВД. Во-вторых, не было какой-то строго определенной структуры, единой для всех. В каждом конкретном случае она устанавливалась с учетом сложившейся обстановки. Тем не менее можно выделить общее, что было характерным для большинства партизанских формирований.

Уже на первом этапе борьбы партизанские отряды подразделялись на роты, взводы, отделения. Существовали штаб, санитарные, хозяйственные и разведывательные подразделения. Увеличение численности отрядов (весной и летом 1942 г. во многих отрядах насчитывалось по 150–200 и более человек), разнообразие решаемых задач и качественное улучшение вооружения неминуемо потребовало совершенствования структуры отрядов. Поэтому весной 1942 г. были созданы партизанские бригады. Обычно они включали от 3–4 до 5–7 отрядов общей численностью от 300 до 800 человек.

На втором этапе, продолжавшемся с мая 1942 г. по осень 1943 г., партизанское движение по масштабам переросло во всенародную войну, которая характеризовалась наиболее полным и ярко выраженным развитием всех форм и видов борьбы против захватчиков, установлением

Штаб партизанского отряда за разработкой боевой операции

Вручение оружия молодым партизанам

прочных связей партизан с Красной армией. В это время намного увеличился численный и боевой состав партизанских сил, значительно улучшилось управление ими, прежде всего с использованием радио- и авиасвязи.

Для второго этапа партизанской борьбы было характерно преобразование ряда бригад в партизанские полки. Это было связано с тем, что разросшиеся количественно бригады теряли мобильность, становились плохо управляемыми. Наибольшего успеха достигали небольшие партизанские формирования, способные гибко реагировать на быстро меняющуюся обстановку. В ряде районов эту проблему решили путем разукрупнения бригад (создания на базе одной бригады двух, а то и трех).

Более высокой формой объединения партизанских сил явились соединения. В отличие от бригад, также представлявших собой соединения, эти формирования объединяли в своем составе не только отдельные отряды, но и бригады, полки и иные партизанские формирования меньшего масштаба. Они, в частности, выполняли задачи по обороне партизанских зон. Примером может служить созданное в 1942 г. в Белоруссии Минско-Полесское партизанское соединение, включавшее в себя 25 отрядов общей численностью примерно 4 тыс. человек. Соединение предусматривало наличие единого руководящего органа, которому строго подчинялись формирования, входящие в него. Вместе с тем эти формирования обладали высокой степенью самостоятельности и, как правило, действовали отдельно. В случае же необходимости концентрации сил для отпора карателям или нанесения массированного

Немецкий карательный отряд поджигает дома в белорусской деревне

удара по коммуникациям противника они объединялись под командой штаба соединения. Если же обстановка складывалась неблагоприятно для партизан, то соединение имело возможность быстро покинуть занимаемый район и рассредоточиться на безопасной территории. Причем на любой срок, так как каждая бригада или отряд являлись самостоятельными боевыми единицами.

В Калининской области в 1942 г. некоторое время действовал даже партизанский корпус. В целом наиболее распространенным соединением партизанских отрядов являлась бригада, насчитывавшая от нескольких сотен до нескольких тысяч человек и включавшая от трех до пяти и более отрядов.

С 1942 г. в районах плотного скопления партизанских формирований они чаще всего сплачивались в территориальные соединения с общим оперативным руководством: оперативные группы (Брянские и Клетнянские леса, горы Крыма), областные штабы (Белоруссия, Украина) и другие. Боевая деятельность таких группировок выходила за рамки тактических задач[173].

Большую роль в развитии партизанского движения сыграл приказ народного комиссара обороны СССР от 5 сентября 1942 г. «О задачах партизанского движения». В нем была поставлена крайне важная политическая задача — вовлечь в партизанское движение широкие массы населения на временно оккупированной территории, чтобы партизанское движение стало всенародным.

В приказе определялись конкретные задачи партизанских отрядов и соединений: устраивать железнодорожные катастрофы, взрывать железнодорожные мосты, уничтожать вражеские гарнизоны, штабы и другие военные учреждения противника, охрану транспортов и складов, базы и склады вооружения, боеприпасов, продовольствия, линии связи, нападать на вражеские аэродромы, захватывать в плен или истреблять представителей фашистских оккупационных властей. Ставилась задача всемерного усиления разведывательной деятельности партизан в интересах Красной армии. Кроме того, приказ предусматривал усиление работы по патриотическому воспитанию населения, призывал воодушевлять и поднимать людей на борьбу с оккупантами[174].

14 ноября 1942 г. задачи партизанского движения были изложены в газете «Правда». Они стали программой дальнейшей активизации всенародной борьбы в тылу врага.

С осени 1942 г. основным источником пополнения боевых партизанских частей и соединений стали партизанские резервы. Это были жители населенных пунктов, которые изъявили желание принять участие в вооруженной борьбе, но продолжавшие жить в своих домах. Их сводили в специальные отряды, где они проходили обучение. Весной 1943 г. только на Украине, в Белоруссии, Ленинградской, Смоленской, Калининской и Орловской областях формирования партизанского резерва насчитывали более 1 млн 500 тыс. человек[175].

В 1943 г. в западных и северо-западных областях России, в Белоруссии и на северо-западе Украины было проведено районирование партизанских формирований, то есть их закрепление за определенными территориями. Здесь они базировались, добывали себе пропитание и одежду (главным образом за счет местного населения), вели боевые действия с врагом. Это давало возможность защищать население от произвола оккупантов.

В ходе Курской битвы и общего наступления Красной армии было впервые достигнуто согласованное по времени и цели взаимодействие регулярных войск с крупными силами партизан. Рельсовые удары означали не только новый этап борьбы на коммуникациях врага, но и удачное использование партизанских сил в интересах наступающих фронтов.

Со вступлением Красной армии в западные регионы осенью — зимой 1943 г. начался третий, завершающий этап партизанского движения. Он закончился в 1944 г., когда Красная армия полностью освободила от оккупантов территорию СССР. Отличительной особенностью этого этапа являлось не только тесное взаимодействие партизан, подпольщиков с наступавшими войсками Красной армии, но и совместные с ними боевые действия по разгрому вражеских группировок, освобождению городов и районов. На данном этапе ряд партизанских отрядов и бригад в целях обеспечения более тесного взаимодействия и проведения совместных операций сводился в военно-оперативные группы.

В тылу войск фашистской группы армий «Север». Партизанская атака

Прощание с матерью перед уходом в партизанский отряд

Опыт Великой Отечественной войны показал, что именно диверсия была наиболее эффективным способом партизанских действий. Диверсии позволяли, не входя в соприкосновение с врагом, наносить ему ощутимый урон в личном составе и технике. Особое значение придавалось ударам по коммуникациям, в первую очередь по железнодорожным, с целью срыва перевозок войск и техники противника, недопущения увоза в Германию награбленных врагом ценностей, имущества. Наряду с партизанскими силами на коммуникациях захватчиков бесстрашно действовали сотни небольших диверсионно-подрывных групп. Они пускали под откос воинские эшелоны, взрывали автомашины, мосты, уничтожали телефонно-телеграфные линии и узлы связи. 55% всех потерь в личном составе и свыше 75% в материальных средствах, которые оккупанты понесли от партизан[176], — это результат их воздействия на вражеские коммуникации. А всего с июня 1942 г. по февраль 1943 г., по неполным данным, партизаны истребили 25 генералов и других высших чинов оккупантов, 2616 офицеров, 274 627 солдат противника, произвели 2358 крушений воинских эшелонов, взорвали и сожгли 2072 железнодорожных и шоссейных моста, 425 складов и баз, уничтожили 504 танка и бронемашины, 183 самолета, 409 орудий и минометов, 5529 автомашин[177].

Партизаны нарушали снабженческие и оперативные перевозки врага, затрудняли ему маневр вдоль фронта и в глубину, срывали эвакуацию. Особенно результативной диверсионная деятельность партизан стала со второй половины 1942 г., то есть с момента создания централизованного руководства их движением, когда они начали получать из советского тыла специальную подрывную технику (мины мгновенного и замедленного действия с электрочасовыми или химическими взрывателями, портативные магнитные мины, различные колесные замыкатели, термитные боеприпасы и прочее). Этому способствовала и широкомасштабная подготовка бойцов диверсионных групп и отрядов как в советском тылу, так и непосредственно в партизанских формированиях. Согласно разработанному ЦШПД оперативному плану, утвержденному руководством страны, партизаны получили следующие задачи: «закрыть подвоз войск, вооружения и техники из пределов Германии и ее вассальных стран и вывоз в Германию награбленного советского имущества; систематически разрушать основные коммуникации противника; организация крушений, порча железнодорожных путей, подрыв мостов, уничтожение железнодорожных сооружений, разрушение автогужевых магистралей и мостов, нападения на автогужевой транспорт, уничтожение автотранспортных средств»[178].

1943 г. стал переломным не только в вооруженной борьбе на фронте, но и в тылу врага. Окрепшие партизанские формирования действовали непрерывно на всей оккупированной территории, они участвовали во всех крупных операциях Красной армии. Эти действия партизан, заранее спланированные и всесторонне обеспеченные по своему размаху, приобретали оперативно-стратегическое значение. Их проведение утверждалось Ставкой ВГК и тесно увязывалось с действиями советских фронтов и армий. Это такие операции, как «Рельсовая война», «Концерт», «Пустыня» и другие, которые были проведены в ходе Курской битвы и общего наступления Красной армии летом и осенью 1943 г.

Наиболее крупной являлась «Рельсовая война». В ней участвовало 167 партизанских отрядов и соединений (около 100 тыс. человек) Белоруссии, Ленинградской, Калининской, Смоленской, Орловской областей РСФСР и частично Украины. Ее проведение было тесно увязано с планами Ставки ВГК по завершению разгрома вражеских войск в районе Курской дуги и развертывания общего наступления на советско-германском фронте. Руководство операцией «Рельсовая война» на основе указаний Верховного главнокомандующего обеспечивал ЦШПД. Операция началась 3 августа 1943 г., когда войска Воронежского и Степного фронтов в Курской битве перешли в контрнаступление, и продолжалась вплоть до середины сентября 1943 г. Одновременно на фронте 1000 км и в глубину 750 км партизаны на закрепленных за каждым отрядом отдельных участках железнодорожных магистралей взрывали рельсы, мосты, пускали под откос эшелоны, уничтожали путевое хозяйство. В результате было разрушено 215 тыс. рельсов, что составляло 342 км одноколейного железнодорожного пути, темп движения эшелонов снизился на 40%, многие транспортные артерии врага оказались парализованными. На перегонах и узловых станциях скопилось множество эшелонов,

которые не могли двигаться, так как ремонтные службы гитлеровцев не успевали устранять последствия партизанских диверсий. Все это вынудило противника переделывать двухпутные участки дорог на однопутные, ввозить рельсы из Польши и Германии[179].

В ходе наступления советских войск к Днепру был проведен второй этап операции, получившей кодовое название «Концерт». К операции подключились партизаны Западной Белоруссии, Прибалтики, Карелии и Крыма. В итоге двух партизанских операций с 3 августа по декабрь 1943 г. было подорвано 363 262 рельса (или 2270 км одноколейного железнодорожного пути)[180].

Командование корпуса охранных войск группы армий «Центр» в донесении от 31 августа 1943 г. сообщало: «Впервые проведена операция небывалых размеров по срыву немецкого подвоза путем планомерного и внезапного нарушения железнодорожного сообщения... Выступление сразу всех партизан еще раз свидетельствует о наличии твердого военного командования, которое ставит все более крупные задачи... Только за один месяц число взрывов увеличилось в 30 раз. Число столкновений, боев и нападений на войска возросло с 507 в июне и 830 в июле до 1102 в августе, т. е. почти вдвое за два месяца... все это... показывает, насколько обострилась обстановка»[181].

Важнейшим видом борьбы партизан с оккупантами являлись операции по разгрому гарнизонов, полицейских участков и других опорных пунктов противника. По мере роста партизанского движения эта борьба приобретала все более широкие масштабы, ярко выраженный наступательный характер. Тысячи населенных пунктов, в том числе ряд районных центров, были очищены партизанами от оккупантов и их пособников. На освобожденной от врага территории создавались партизанские зоны, где восстанавливалась советская власть, находили защиту и спасение от нацистского террора сотни тысяч мирных граждан. К этим районам и краям примыкала обширная территория, которая находилась под постоянным боевым контролем партизанских формирований.

С развертыванием общего наступления Красной армии партизанские соединения начали применять такие формы действий, как рейды. В 1943 г. их глубина возросла: партизаны уходили за сотни и тысячи километров от мест своего прежнего базирования. Начало глубоким рейдам положили соединения под командованием С. А. Ковпака (пять отрядов, 1084 человека) и А. Н. Сабурова (шесть отрядов, 1628 человек). 26 октября 1942 г. они вышли из брянских лесов на запад, за Днепр. Партизаны с боями прошли более 700 км по территории Сумской, Черниговской, Гомельской, Житомирской и части Киевской области и к 20 ноября вышли в запланированные районы. За время рейда партизаны подорвали 55 железнодорожных и шоссейных мостов, три электростанции, большое количество различных складов. За счет добровольного вступления местных жителей численность отрядов возросла с 2712 до 4228 человек[182].

В 1943 г. количество партизанских рейдов увеличилось. К ним привлекались самые подготовленные формирования, имевшие значительный боевой опыт.

В ходе действий партизанских отрядов и соединений нередко образовывались партизанские края — полностью отвоеванные у оккупантов обширные территории или партизанские зоны, в которых оккупанты удерживали лишь часть населенных пунктов. Самые крупные партизанские края и зоны располагались на территории Ленинградской, Калининской, Орловской, Курской областей РСФСР, а также в Белоруссии, северных районах Украины и горной части Крыма. Первый партизанский край возник в октябре 1942 г. в Ленинградской области (11 тыс. кв. км, 400 деревень)[183]. Осенью 1941 г. в Белоруссии были созданы три партизанские зоны[184]. К концу 1943 г. 60% оккупированной территории Белоруссии находилось в руках партизан[185].

1943 г. стал переломным в вооруженной борьбе в тылу врага. Обогащенные боевым опытом, организационно и материально окрепшие партизанские формирования действовали уже непрерывно на всей оккупированной советской территории. Так, весной и в начале лета 1943 г. на Правобережной Украине было более 100 тыс., в Брянском партизанском крае — свыше 10 тыс. партизан. Партизаны участвовали во всех крупных операциях, проводимых

В партизанской разведке

Партизаны беседуют с жителями освобожденного от оккупантов села

Красной армией. Перед ними, как и перед войсками, ставились конкретные боевые задачи. Партизаны вносили существенный вклад в успех той или иной операции. Например, партизаны Калининской области в октябре 1943 г., продолжая выполнять операцию «Концерт», непосредственно взаимодействовали с наступавшими войсками Калининского фронта, уничтожали мосты, блокировали дороги, громили колонны в ближайшем тылу немцев[186].

Фактически в тылу противника действовал еще один фронт — партизанский, наносивший огромный материальный и моральный урон врагу. Партизанская война, в конечном итоге, стала одним из решающих факторов победы.

В едином строю с партизанами в борьбе против оккупантов выступали подпольщики, действовавшие в городах и населенных пунктах на оккупированной врагом советской территории. Они в невероятно трудных условиях выполняли роль связных и разведчиков, проводили агитационно-политические мероприятия, направляли в партизанские отряды и бригады пополнение, а также оружие, боеприпасы, медикаменты, совершали смелые диверсионно-боевые действия на объектах врага, уничтожали германских солдат и офицеров.

С беспримерным мужеством и самоотверженностью боролись против немецких захватчиков, в частности, подпольщики и жители белорусской столицы — Минска. В сентябре 1943 г. подпольщики казнили наместника Гитлера в Белоруссии В. Кубе, виновного в уничтожении многих тысяч советских граждан.

Партизанская и подпольная борьба патриотов пользовалась всенародной поддержкой, и в этом заключалось одно из главных условий ее успеха. Местные жители повсеместно оказывали партизанам и подпольщикам большую материальную поддержку, в первую очередь продуктами питания, собирали и передавали им разведданные о противнике, были проводниками, связными, добывали оружие и боеприпасы, медикаменты, предоставляли свои квартиры для явок, участвовали в выполнении многочисленных работ для партизанских формирований, принимали непосредственное участие в боевых действиях против оккупантов. Сопротивление населения проявлялось также в отказе выполнять работу на врага, в саботаже и срыве мер, предпринимаемых оккупационными властями.

Таким образом, вооруженная борьба партизан и подпольщиков органически переплеталась с героическим сопротивлением десятков и сотен тысяч мирных жителей, проявивших высокое сознание долга перед Родиной, готовых жертвовать ради нее всем, даже собственной жизнью.

Мужественная борьба советских партизан, а также подпольщиков основательно подрывала и дезорганизовывала тылы германских войск, тяжело сказывалась на моральном состоянии оккупантов. Враг, стремясь парализовать боевую деятельность советских патриотов, разгромить их основные силы, систематически посылал против партизан и населения карательные экспедиции (более ста крупных операций до декабря 1943 г.), часто снимая для этой цели крупные силы регулярных войск с фронта. За время войны партизаны отвлекли на себя до 10% действовавших на советско-германском фронте немецких войск[187]. Было создано несколько специальных команд «егерей» — «охотников на партизан» численностью около 100 человек каждая. Как вспоминал один из них: «Измученные, грязные, неопрятные, в одежде наполовину гражданской и наполовину военной, они больше напоминали группу бандитов, чем отборное подразделение»[188]. Для борьбы с партизанами (и поддерживавшими их местными жителями) в белорусских деревнях немцы активно использовали полицейские батальоны из Прибалтийских республик, которые были хорошо вооружены. Кроме винтовок и пулеметов они имели «автоматы, минометные батареи, артиллерию, во время боевых действий им придаются танкетки или бронемашины, разведывательная авиация, а иногда и бомбардировщики»[189]. С 16 по 20 февраля 1943 г. в районе приграничных белорусских и латвийских деревень была проведена контрпартизанская операция «Зимнее волшебство». В ней участвовали восемь полицейских батальонов (большинство из них позднее составили Латышский легион СС), авиагруппа особого назначения и ряд других частей. На своем пути к партизанским базам каратели жгли деревни, убивали (нередко сжигали заживо) стариков, женщин и детей[190].

Несмотря на боевой опыт и превосходство в средствах вооруженной борьбы, враг оказался неспособным успешно противодействовать разнообразным формам борьбы советских патриотов. Творческая мысль партизан и подпольщиков, поддерживаемых населением, постоянно ставила врага перед новыми трудностями, преодоление которых не могли обеспечить ни военные уставы, ни приказы, ни инструкции германского командования. Немецкие захватчики, будучи не в силах справиться с растущим партизанским движением, направляли свои удары против населения — опоры и резерва партизан. Под видом борьбы с партизанами они жестоко расправлялись с мирными жителями, убивали и грабили их, угоняли на работы в Германию.

Гитлеровцы так и не смогли подавить партизанское движение на оккупированной советской территории. В 1943 г., по сравнению с 1942 г., партизаны подорвали в пять раз больше поездов, разгромили в пять раз больше гарнизонов, штабов и других военных объектов противника, уничтожили почти в четыре раза больше его живой силы. Партизаны и подпольщики были верными и надежными помощниками Красной армии. Это особенно ярко проявлялось во время наступления советских войск, когда народные мстители вступали в непосредственное боевое взаимодействие с фронтовыми частями и соединениями и вместе с ними громили отступавшего врага. Партизаны помогали советским войскам форсировать водные рубежи, участвовали в штурме городов и укрепленных районов, срывали переброску вражеских резервов к линии фронта, не давали врагу организованно отступать, участвовали в ликвидации окруженных войск противника. Нередко партизанские отряды и бригады освобождали и удерживали до подхода частей Красной армии крупные населенные пункты и узлы дорог.

Широкомасштабная партизанская война, развернувшаяся на захваченной врагом советской земле, явилась серьезным вкладом в общее дело разгрома противника. Наивысшего подъема народная борьба в тылу врага достигла в конце 1943 — начале 1944 г. Несмотря на то что к концу второго периода войны Красная армия освободила значительную часть оккупированной территории, партизанское движение ширилось. Если в январе 1943 г. в партизанских отрядах, имевших связь с ЦШПД, сражались 120 тыс. человек, то к началу 1944 г. — уже около 250 тыс.[191] В партизанских формированиях и подпольных организациях боролись против германских захватчиков представители различных национальностей СССР, а также антифашисты из стран Европы. Кроме того, советские граждане активно участвовали в движении Сопротивления народов Франции, Италии, Греции и других европейских стран.

В 1941—1943 гг. всенародная борьба в тылу врага превратилась в важный фактор разгрома агрессора. Противник нес тяжелые потери не только на фронте, но и в своем тылу. В 1943 г. взаимодействие партизан с Красной армией стало планомерным и систематическим. Ослабляя немецкую военную машину, борьба в тылу врага способствовала изгнанию оккупантов с советской земли. Тысячи партизан были отмечены правительственными наградами.

Вклад специальной пропаганды в разгром вражеских группировок

В первом и втором периодах Великой Отечественной войны командование и политорганы советских вооруженных сил стремились максимально ослабить моральный дух войск противника, склонить их к сдаче в плен, организованной капитуляции. К решению этих задач привлекались силы и средства специальной пропаганды — информационно-психологического воздействия на противника.

Непосредственная организация политической работы по разложению неприятельских войск возлагалась на созданный в 1940 г. в составе Главного управления политической пропаганды РККА 7-й отдел по работе среди войск и населения противника. Первый опыт сотрудники отдела получили в ходе советско-финляндской войны 1939—1940 гг. Часть сотруд-

ников вела работу по разложению противника еще в период советско-японского военного конфликта в районе р. Халхин-Гол[192].

С первых дней Московской битвы для воздействия на противника органы специальной пропаганды применяли листовки, агитационные передачи устного вещания. Темы передач и листовок были различные: «Известия с фронта», «Что происходит в Германии», «Позор для честного немца», «Судьба Наполеона и замерзших французских солдат 1812 года», «Как и Наполеон, Гитлер погубит здесь цвет немецкой нации». По свидетельству военнопленных, листовки и агитационные передачи угнетающе действовали на военнослужащих группы армий «Центр». Однако малоэффективным оказался обращенный к наступавшим немецким войскам призыв: «Стой. Здесь государство рабочих и крестьян!».

С началом контрнаступления под Москвой специальная пропаганда стала более решительной. В агитационных материалах, распространявшихся среди частей противника, говорилось о крушении гитлеровского блицкрига и развенчании мифа о «непобедимости германской армии». Одна из листовок называлась: «Под Москвой начался разгром гитлеровской армии». В ней приводились факты разгрома немецких частей под Тулой, Наро-Фоминском, Калинином, Клином и Сталиногорском и содержались призывы бросать оружие и сдаваться в плен[193].

В ходе битвы под Москвой родилась новая форма — листовка-приказ, обязанная своим происхождением командующему Западным фронтом Г. К. Жукову. Он лично написал приказ войскам фронта: «Немедленно принимать на свою сторону добровольно сложивших оружие и отказавшихся драться против частей Красной армии немецких солдат и офицеров, хорошо их накормить, одеть и, не задерживая, отправлять в глубь страны». Вторым пунктом объявлялось: считать «настоящий приказ пропуском через линию фронта для неограниченного количества пленных». Листовка-приказ была напечатана на немецком и русском языках тиражом 800 тыс. экземпляров и распространена среди вражеских войск.

Агитация о сдаче в плен среди частей немецкой армии «Центр» оказывала сильное воздействие на солдат противника. Об успехах специальной пропаганды свидетельствует появление приказа верховного командования вооруженных сил Германии, подписанного генералом А. Йодлем 10 декабря 1941 г. «О борьбе с вражеской пропагандой». В нем, в частности, требовалось «борьбу с вражеской пропагандой вести также решительно, как и борьбу с иными видами оружия». «Беспрекословное выполнение приказов о борьбе с вражеской пропагандой является такой же предпосылкой к победе, как и выполнение любого приказа командования»[194] — такими словами заканчивается этот документ. В дополнение к этому германское командование издало для солдат специальную памятку «10 заповедей против вражеской пропаганды»[195].

Московская битва отрезвила многих солдат и офицеров немецкой армии. Об этом свидетельствовали и солдатские письма, попавшие в аппарат специальной пропаганды в качестве трофеев. В них недовольство войной к январю 1942 г. выражали 77% респондентов (в августе 1941 г. — 18,5%)[196]. Иным становилось и отношение немцев к советской специальной пропаганде. К примеру, пленный фельдфебель 55-го пехотного полка 17-й пехотной дивизии на допросе рассказал: «В начале войны солдаты смеялись над вашими листовками. Теперь они их ищут и жадно читают, так как только из них узнают правду о событиях на фронте, о положении в Германии, о международных новостях. Солдаты не раз убеждались, что все написанное в них правильно»[197].

В марте 1942 г. Главное политическое управление РККА обобщило опыт оперативной спецпропаганды, проводимой политорганами Западного фронта, и издало директиву, в которой потребовало активизировать политическую работу среди войск и населения противника как на передовой, так и за линией фронта.

В Сталинградской битве непосредственными организаторами и исполнителями спецпропагандистских мероприятий являлись 7-е отделы фронтовых политуправлений, а также 7-е отделения политотделов армий, корпусов, старшие инструкторы политотделов дивизий по специальной пропаганде.

Аппарат специальной пропаганды был к тому времени укомплектован опытными политическими работниками, профессиональными журналистами, писателями, художниками, учеными и переводчиками, владеющими немецким, румынским, итальянским и венгерским языками. Так, начальником 7-го отдела Сталинградского фронта являлся полковник С. И. Тюльпанов, ученый-германист, свободно владевший немецким языком, возглавлявший до этого 7-й отдел Ленинградского фронта.

Основная работа на передовой проводилась 7-ми отделениями армий, в штате которых состояли 28 человек: начальник отделения, старший инструктор, инструктор по выпуску листовок, 2—3 переводчика, начальник мощной громкоговорящей установки, походная типография (наборщики, художники-оформители), группа дикторов окопных громкоговорящих установок (МГУ), группа распространителей листовок.

В политотделах дивизий специальную пропаганду организовывал старший инструктор с помощью дикторов-рупористов и распространителей листовок. Техническая база спецпропаганды к началу Сталинградской битвы заметно укрепилась. Появились подвижные типографии, размещенные на двух автомобилях (на одном — печатная машина, на другом — типографские шрифты), новые мощные громкоговорящие установки с дальностью звуковещания до 2—3 километров, специальные рупоры с изогнутой конфигурацией для вещания из окопов, агитационные мины и агитационные снаряды, первые прототипы самолетных громкоговорящих установок.

Конкретные формы и методы информационно-пропагандистского и психологического воздействия на вражеские войска под Сталинградом анализировались и обобщались отделом специальной пропаганды Главного политического управления (ГлавПУ) РККА. Предложения по активизации этой работы, в том числе тезисы и аргументы нашей пропаганды, тексты общеполитических листовок, направленные на войска и население противника, утверждались Советом военно-политической пропаганды при Главном политическом управлении. Председателем Совета являлся секретарь ЦК ВКП(б) начальник ГлавПУ РККА А. С. Щербаков, членами — А. А. Жданов, Д. З. Мануильский, Е. М. Ярославский, И. В. Рогов, Г. Ф. Александров, Ф. Ф. Кузнецов. Д. З. Мануильский фактически возглавлял работу по специальной пропаганде. В период Сталинградской битвы он дважды выезжал на фронт для организации этой работы. Накопленный войсками опыт ведения специальной пропаганды публиковался в закрытых сборниках ГлавПУ РККА «Опыт работы», доводился до соединений и объединений в виде директив, указаний, информационных бюллетеней.

Среди форм агитационно-пропагандистского воздействия на войска противника первостепенными были разработка, издание и распространение листовок. Особым вниманием у вражеских войск пользовались официальные документы. В их числе было «Обращение командующих Сталинградским и Донским фронтами генералов А. И. Ерёменко и К. К. Рокоссовского от 30 ноября 1942 г. к войскам противника». В нем приводились точные данные о потерях немецких и румынских войск за первые восемь дней наступления Красной армии под Сталинградом, в результате которого 4-я танковая и 6-я полевая армии оказались в плотном кольце окружения. «Тот, кто сдается, — говорилось в обращении, — перестает быть врагом». «У Вас есть выбор: жизнь или бессмысленная смерть!» После этого были отмечены случаи организованной сдачи в плен в составе взвода, роты, батальона.

Наиболее читаемыми в немецких, румынских, итальянских и венгерских частях были листовки: «Мертвые говорят живым», «Куда вы бежите, итальянцы?», «Немцы снова предали вас!», «Что произошло под Сталинградом?», «Уроки Сталинграда», «Плен — ваше спасение». Листовки распространялись с самолетов, артиллерийскими снарядами с листовками, фронтовыми разведчиками, партизанами, местными жителями, с помощью различных подручных средств (катапультами, воздушными шарами, на плотах по течению рек и т. п.). Силами Донского фронта было распространено 18,7 млн листовок среди окруженной вражеской группировки. Сталинградским фронтом в начале ноября было издано 1,68 млн листовок на немецком, 462 тыс. на итальянском и 840 тыс. на румынском языках.

Большим успехом в окруженных частях пользовались листовки-пропуска для сдачи в плен. Так, органами специальной пропаганды Юго-Западного фронта среди окруженных частей противника с 5 по 15 декабря 1942 г. было распространено 458 тыс. пропусков на итальянском и 232 тыс. на немецком языке. Вследствие этого с 16 по 23 декабря сдались в плен 54 тыс. итальянских и немецких солдат и офицеров, в том числе половина из них имела при себе пропуска[198].

Именно под Сталинградом возникла новая форма специальной пропаганды, связанная с предъявлением окруженным, блокированным войскам ультиматума советского командования через парламентеров. Ультиматумы производили сильный морально-психологический эффект на солдат противника и делали бессмысленным их дальнейшее сопротивление. Тексты обращений, ультиматумов, листовок и призывов также передавались через громкоговорящие установки и рупоры с переднего края. Заметное место среди средств информационно-психологического воздействия на врага занимала наглядная агитация, которая включала различные стенды с фронтовыми сводками, лозунгами-призывами, карикатурами на германское командование и отдельных командиров частей.

Практиковалось также выставление на переднем крае агитационных щитов с указанием маршрутов к «питательным и обогревательным пунктам» для пленных. Еще одной формой воздействия на войска противника явилось привлечение на Сталинградский фронт группы немецких антифашистов в составе видного деятеля германской компартии В. Ульбрихта, поэта Э. Вайнерта и писателя В. Бределя. Устные обращения через громкоговорящие установки патриотов-антифашистов придавали этой работе национальный колорит и эмоциональный характер. Они также активно участвовали в подготовке демократического актива из числа военнопленных и помогали устанавливать живую связь с немецкими солдатами, находящимися в котле. Чрезвычайно эффективной была организация обратного отпуска военнопленных в свои части с агитационными задачами. Несмотря на большую опасность для своей жизни, многие пленные соглашались вернуться в свои части, довести до сослуживцев правду о советском плене и побудить их поступить таким же образом: прекратить сопротивление и сдаться в плен. Так, в полосе Донского фронта после распространения в конце декабря 1942 г. ультиматума к немецкому командованию 330 немецких антифашистов были отпущены в свои подразделения в котел. И они не только успешно вернулись обратно, но и привели с собой свыше 3 тыс. солдат и офицеров[199].

Капитуляция немецких войск под Сталинградом активизировала политическую работу среди военнопленных с целью перевоспитания их в антивоенном и антифашистском духе, привития им дружеского отношения к советскому народу и Красной армии. Ставилась также задача вовлечения демократически настроенных солдат и офицеров в антифашистскую пропаганду среди войск противника и в лагерях военнопленных.

Советское командование в работе с военнопленными строго соблюдало международные соглашения. Еще 1 июля 1941 г. Совет народных комиссаров утвердил «Положение о военнопленных», в котором установил гарантию жизни пленных, порядок и правила содержания их в нашей стране. Верховный главнокомандующий в своем приказе № 55 от 23 февраля 1942 г. подтвердил: «Красная армия берет в плен немецких солдат и офицеров, если они сдаются в плен, и сохраняет им жизнь». Задачи по работе с военнопленными были определены в директиве Бюро военно-политической пропаганды в ноябре 1941 г. Они заключались в пробуждении у солдат противника классового сознания и воспитании их в антифашистском духе, создании среди них кадров, готовых и способных к борьбе против Гитлера и его «нового порядка» в Европе, к борьбе за уничтожение фашистской диктатуры в Германии и освобождение оккупированных фашистской Германией стран.

На Сталинградском, Донском и Юго-Западном фронтах были развернуты приемные пункты военнопленных и фронтовые пересыльные лагеря (позднее появились фронтовые школы демократического актива военнопленных). В них велась политическая работа среди военнопленных офицерами спецпропаганды, владевшими немецким, румынским и итальянским языками. В работе с пленными широко использовались такие формы работы, как печать

(книги, газеты, брошюры, листовки), радио- и кинопропаганда, занятия в кружках, лекции, школы и курсы. Большое значение для информационно-психологического воздействия на военнопленных имели их политические допросы. В ходе собеседования у многих пленных пробуждалось правильное понимание своих интересов в происходящей войне, многие из них изъявляли согласие публично выступить в печати, по радио и в листовках с осуждением войны и фашистского руководства Германии, призывами к своим сослуживцам прекращать войну, покидать фронт.

За время подготовки и проведения контрнаступательной операции под Сталинградом свыше 900 солдат и офицеров противника добровольно выступили через громкоговорящие установки с обращениями к своим сослуживцам, около 3 тыс. пленных написали письменные обращения, свыше 1,5 тыс. человек возвратились в свои части с агитационными задачами.

Индивидуальные допросы пленных дополнялись другой весьма результативной формой работы — групповыми беседами, собраниями и митингами с только что взятыми военнопленными. Так, офицеры спецпропаганды Донского фронта в ходе бесед рассказывали пленным румынским солдатам и офицерам о целях Советского Союза, ведущего справедливую, освободительную войну, раскрывали преступные цели фашизма, нацистского руководства Германии, показывали на конкретных примерах, как Гитлер грабит Румынию и истребляет ее народ. В результате уже из первых партий военнопленных сотни солдат и офицеров поставили свои подписи под обращениями к сослуживцам на фронте с призывами сложить оружие и переходить в плен к русским.

В декабре 1942 г. в лагере военнопленных Юго-Западного фронта собралось на митинг более 4 тыс. солдат и офицеров 8-й итальянской армии, которые единодушно скандировали «Долой войну!». Политорганы фронтов и армий в период боевых действий под Сталинградом проводили большую работу с военнопленными на сборных пунктах и во фронтовых пересыльных лагерях. Цель этой работы — вовлечение в пропагандистскую работу антифашистски настроенных солдат и офицеров для скорейшей капитуляции всей окруженной вражеской группировки[200].

В ходе обороны Кавказа и последующих операций по его освобождению от немецких захватчиков специальная пропаганда обращалась к немецким и румынским солдатам и офицерам с учетом их национальных и социальных потребностей, интересов и идеалов. И результаты не замедлили сказаться. Широко использовались листовки, звуковое вещание, радиопередачи. Все это заставляло их задуматься и нередко сложить оружие и сдаться в плен.

Тематика листовок была различной: «Умный человек думает прежде всего о самом себе», «В русском плену им живется хорошо», «Письмо обер-ефрейтора Вебера», «Товарищам из 128-го пехотного полка 23-й танковой дивизии», «Вас хотят заставить воевать зимой!» и т. д. В этих листовках давались советы, как уклониться от участия в боевых действиях, рассказывалось, как в Красной армии относятся к военнопленным, как живут немецкие военнопленные в СССР, содержалась оперативная информация о положении на восточном фронте в целом и на том или ином направлении Северного Кавказа в частности.

В листовке «Письмо обер-ефрейтора 39-й роты связи 3-й танковой армии Б. Вернера» сообщалось: «Дорогие родители! 22 августа 1942 г. я попал в плен и чувствую себя здоровым и бодрым. Обращаются с военнопленными хорошо, солдаты и офицеры ко мне и моим товарищам относятся по-дружески. Не беспокойтесь обо мне, вашем сыне. После окончания войны мы сможем отпраздновать радостный день встречи. До встречи после войны. Желаю Вам всего наилучшего. Ваш сын Бернгард»[201].

На оборотной стороне листовки были помещены фотографии Вернера в столовой, медпункте, при чтении книг с другими военнопленными, а также содержались призывы к немецким солдатам «кончать с войной, сдаваться в плен русским».

Листовку «Товарищам из 128-го пехотного полка 23-й танковой дивизии» написал пленный обер-лейтенант Ксавер Пелльманн, командир 7-й роты этого полка, который опроверг неправильные представления о советском плене и рекомендовал своим соотечественникам «не верить фашистской пропаганде и следовать его примеру».

Установка на передовой громкоговорящей аппаратуры для трансляции пропагандистских программ, предназначенных для немецких солдат

Загрузка самолета пропагандистскими материалами

Удачными являлись листовки, подготовленные Закавказским фронтом к солдатам 3-й горноегерской румынской пехотной дивизии, потерявшей в боях под Новороссийском восемь тысяч солдат и офицеров убитыми и ранеными. С этими листовками в руках сдались в плен свыше 300 военнослужащих-румын[202].

Не менее убедительной оказалась листовка к румынским солдатам 2-й горнострелковой дивизии. В ней содержались известные всему личному составу дивизии факты отсутствия зимнего обмундирования у румынских солдат, а также приказ начальника штаба подполковника Бэдеску от 1 сентября 1942 г. «О сбережении вещевого имущества», так как «государство не может больше ничего выслать на восточный фронт». Поэтому в листовке были призывы прекратить боевые действия, переходить на сторону Красной армии, а в противном случае, им грозит «замерзнуть в предгорьях Кавказа и найти могилу на советской земле». В качестве рекомендаций предлагалось «сдаться в плен, где будет хорошее питание, теплое обмундирование и гарантия сохранения жизни и возвращения домой по окончании войны».

Листовки распространялись в полосе Закавказского фронта с самолетов 8-й воздушной армии, артиллерийскими снарядами, агитмортирницами и ракетницами, разбрасывались с гор и возвышенностей, по воде (на плотах, в банках и бутылках), с использованием рогаток, пращей, арбалетов. Самым надежным способом считалась доставка листовок с помощью разведчиков, которые носили их в тыл врага. Использовались для распространения листовок и танки, которые прорывались через полосу обороны врага. Так, в одном из боев под Майкопом через люки прорвавшихся танков в глубине обороны противника было выброшено 45 тыс. листовок[203]. Широко использовалась в этих целях также разведывательная техника танковых частей: легкие танки, бронемашины, мотоциклы.

Особое место в содержании программ звуковещания отводилось оперативной информации о положении на восточном фронте, успехах Красной армии и поражениях фашистских войск, ситуации в Германии. В центре внимания находилась пропаганда героической обороны Сталинграда. «Красная армия перемалывает последние гитлеровские резервы» — таково название одной из звукопередач Северной группы войск Закавказского фронта. В ней говорилось о том, что только за период с 15 мая по 17 августа 1942 г. германская армия потеряла 1 млн 250 тыс. солдат и офицеров, из них более 480 тыс. убитыми[204].

Наибольшей оперативностью отличались не фронтовые, а армейские программы звуковещания, основанные на фактах солдатской жизни, буднях отдельных частей и соединений. А учитывая дальность вещания через мощные громкоговорящие установки (МГУ) и звуковещательные станции до 2–3 км от переднего края и ширину охвата в 500–2000 метров в зависимости от погодных условий, основными объектами воздействия становились подразделения и части первого эшелона противника.

В одной из передач для немецких солдат и офицеров 23-й танковой дивизии, например, говорилось, что «командир их дивизии генерал-майор Бойнебург Ленгефельд, жадный до орденов, и его офицеры, также как и ваш командир полка, толстый полковник Бахман, бросили вас в безнадежную атаку, в которой погибло большинство однополчан»[205]. В другой передаче у микрофона выступал перебежчик обер-ефрейтор Карл Шинко из 5-й роты одного из полков той же дивизии, который опроверг жестокое обращение русских с немецкими военнопленными.

Активно использовались в звукопередачах через окопные громкоговорящие установки (ОГУ) и рупоры лозунги-призывы и лозунги-действия. В их числе наиболее часто употреблялись, например, такие: «Что вам нужно здесь, на Кавказе? Возвращайтесь к себе домой!»; «Не мы на вас напали, а вы — на нас. Не мы вторглись в вашу страну, а вы — в нашу!»; «Если вы хотите прекратить войну — откажитесь воевать дальше!»; «Румыны! Вас погнали на фронт, чтобы заменить убитых немцев. Не воюйте за бандита Гитлера. Переходите к русским! Будете жить по-человечески!»; «Румыны! Под ударами русских перестали существовать сотни немецких дивизий. Миллионы немцев похоронены в русской земле. Не воюйте за интересы своих врагов. Сдавайтесь в плен. Спасайте свою жизнь!»[206].

Предпринимались также попытки применения звуковещательных станций типа ОГУ на самолетах У-2. Эти станции использовались одновременно с боевым бомбометанием и распространением листовок на врага. Это были первые попытки комплексного применения авиации в интересах пропагандистского и психологического воздействия. Самолеты применялись на малой скорости, вещание через ОГУ велось с высоты полета самолета 350—400 метров продолжительностью, как правило, 5—6 минут.

Еще одной эффективной формой психологического воздействия на противника на Кавказе являлась оперативная радиопропаганда. Учитывая, что в каждой немецкой дивизии имелось 20—25 радиостанций, то есть в эфире постоянно дежурило посменно до 70 радистов-слухачей, а перед фронтом армии их уже было несколько сотен, — передачи по радио представляли для них большой интерес.

Пропагандистские радиопередачи велись по станциям КВ-диапазона ежедневно на немецком и румынском языках по 10—14 раз в сутки и продолжительностью 20—25 минут каждая. С октября 1942 г. по март 1943 г. 7-м отделением политуправления Закавказского фронта было проведено 3196 передач, из которых 1444 — на немецком и 1752 — на румынском языке[207].

Обычно такие радиопередачи включали: информацию о положении на советско-германском фронте (о прошедших боях, потерях противника, партизанском движении в его тылу, конкретных материалах о жизни и быте солдат частей, действующих на фронте, и т. п.); тексты о внутреннем положении в Германии и Румынии (содержание журнальных и газетных статей из этих стран, писем солдатам из дома); выдержки из писем военнопленных и выступления самих военнопленных; материалы дезинформационного и маскировочного характера.

В ходе оборонительных боев на Северном Кавказе успешно применялась и такая форма пропагандистского и психологического воздействия на противника, как наглядная агитация. Изготовление плакатов на немецком и румынском языках осуществлялось разборчивым шрифтом. Рисунки раскрашивались яркими цветами. Надписи под ними были краткие и крупные. Плакаты выставлялись на переднем крае на расстоянии 100—200 метров.

Плакаты, карикатуры, лозунги и призывы, как правило, охранялись разведчиками или минировались. Особо впечатляющими были карикатуры на Гитлера, Геббельса, Геринга, сделанные профессиональными художниками. Самыми действенными были карикатуры знаменитого художника Б. Ефимова.

Оригинальной формой наглядной агитации стали на Закавказском фронте выставляемые на передовой деревянные кресты с фамилиями убитых в боях солдат и офицеров вермахта. Такие наглядные символы действовали очень эффективно на психику сидящих в окопах немецких и румынских солдат.

Офицеры спецпропаганды соединений и объединений Закавказского фронта в своей работе значительное место отводили целенаправленному военно-политическому изучению противника, его морально-психологического потенциала, сильных и слабых сторон. В этих целях осуществлялось тесное взаимодействие с войсковой разведкой. В каждой дивизии, корпусе, армии и во фронтовом звене спецпропагандисты вели анкеты на командный состав и формуляры на все отдельные части немецкой группы армий «А». Бланки формуляров и анкет отпечатывались типографским способом и имели формализованный вид.

Кроме того, на Закавказском фронте были составлены схемы организации каждой танковой и пехотной дивизии противника с указанием званий и фамилий всех командиров частей и подразделений, источника сведений и даты записи. Такая схема давала возможность более квалифицированно разрабатывать материалы пропагандистского и психологического воздействия на неприятеля. Слово, которое адресовывалось конкретным солдатам и офицерам, должно было быть правдивым и понятным. Поэтому все данные проверялись на достоверность и оперативность.

Нельзя не упомянуть и еще одну специфическую форму пропагандистского и психологического воздействия на противника, применявшуюся войсками Закавказского фронта. Это была посылка парламентеров и предъявление ультиматумов окруженным частям германских войск. Офицеры специальной пропаганды готовили тексты обращений и ультиматумов к

этим частям, печатали их типографским способом для заброски в окруженные части. Кроме того, эти тексты передавались через громкоговорящие установки или с помощью рупоров.

Так, обращаясь к окруженным войскам противника в районе Миллерово, офицеры специальной пропаганды зачитывали тексты обращения советского командования и называли время выхода парламентеров для проведения переговоров с их командирами и вручения им ультиматума. 21 ноября 1942 г. парламентер старший лейтенант Балашов добился встречи с командиром 6-й румынской дивизии генералом Ласкером, убедил его принять наш ультиматум о капитуляции и сложить оружие[208].

Особое значение имела специальная пропаганда на Ленинградском фронте. Политическая работа по разложению войск противника велась в труднейших блокадных условиях. Она осуществлялась политорганами войск Ленинградского фронта и Балтийского флота против немецкой группы армий «Север», финских войск на Карельском перешейке, а также национальных контингентов государств — союзников Германии, входивших в состав войск вермахта.

После прорыва блокады Ленинграда аппарат специальной пропаганды сосредоточил свое внимание на разъяснении солдатам и офицерам противника новой обстановки, сложившейся на восточном фронте в целом, в том числе и под Ленинградом, все активнее привлекал военнопленных к этой работе.

Политическая работа среди войск немецких групп армий «Центр» и «Юг», действовавших в районе Курской дуги, осуществлялась оперативной группой отдела специальной пропаганды Главного политического управления РККА. Было установлено тесное взаимодействие между 7-ми отделами политуправлений Центрального, Степного, Воронежского и Брянского фронтов, 7-ми отделениями политотделов входивших в них армий. Они получали последние данные о соединениях и частях противника, дополнительные технические средства пропаганды и агитации, агитационные материалы. В составе этой группы, руководимой заместителем начальника Главного политического управления РККА генералом И. В. Шикиным, были пленные генералы-антифашисты Зейдлиц, Даниельс, Корфес, которые постоянно выезжали на все фронты в районе Курской дуги.

В пропагандистских материалах говорилось об успехах Красной армии и крушении летнего наступления немцев. 7-е отделы политуправлений фронтов с первых дней германского наступления на орловско-курском и белгородско-курском направлениях широко информировали вражеских солдат о действительном положении на фронте: больших потерях немцев, стойком сопротивлении частей и соединений Красной армии, их успешном переходе в контрнаступление и одерживаемых ими победах. Эта информация доводилась путем издания сообщений Совинформбюро, приказов Ставки ВГК, листовок, подготовленных в ГлавПУ РККА, на фронтах и в армиях.

В числе изданных отделом специальной пропаганды Главного политического управления РККА 15–27 июля 1943 г. и распространявшихся в районе Курской дуги наиболее характерными были листовки «Под Курском похоронены иллюзии немецких солдат» и «Нет больше лета у немецкой армии!», в которых впервые обращалось внимание на наступившее военно-техническое превосходство Красной армии. Вот выдержка из одной листовки: «Вы надеялись на лето. Сейчас ваши надежды на лето рухнули... Вы надеялись на новое оружие. Но «тигры» и «фердинанды» оказались неспособными пробить русскую оборону, а наше русское оружие уничтожает их»[209]. Листовка политуправления Центрального фронта «Рекламный «тигр» доктора Геббельса», проиллюстрированная эффектным снимком, рассеивала иллюзии, связанные с «новым оружием»[210].

Пользовались успехом у солдат противника листовки, в которых содержались примеры сдачи в плен немецких военнослужащих, особенно групп, отдельных подразделений и частей. Так, многие пленные имели при себе листовки «Сдавшиеся под Белгородом», изданные Воронежским фронтом еще в разгар боев, с именным списком немецких солдат и офицеров, находившихся в советском плену. Эта простая и доходчивая, лишенная навязчивости форма агитации сдачи в плен действовала очень эффективно[211].

Используя опыт Сталинградской битвы, в армиях первого эшелона (13, 6, 40, 7-й гвардейской) были сформированы специальные пропагандистские группы, уделявшие главное внимание разъяснениям неприятелю его растущих потерь и неизбежности гибели. В состав таких групп входили офицеры спецпропаганды, пленные и перебежчики, соответствующие технические средства. Так, специальная группа политотдела 13-й армии по нескольку раз в день через громкоговорящие установки, в листовках, в наглядной агитации информировала вражеских солдат о положении на советско-германском фронте, о «кровавой цене» их наступления. В листовке «Первые итоги» приводились потери противника в полосе только одного, Центрального фронта: 42 тыс. убитых, 800 разбитых и сгоревших танков.

Из фронтовых отделов специальной пропаганды выделялся 7-й отдел политуправления Западного фронта, который возглавлял полковник И. И. Никифоров. Севернее Орла он направил оперативную группу в составе заместителя начальника отдела, инструктора отдела, инструктора-литератора, художника и военнопленного-антифашиста. В ее распоряжении находились автомобильная типография с печатником-наборщиком и водителем, мощная громкоговорящая установка, звукозаписывающая станция и самолет У-2 с экипажами. Оперативная группа в период с 13 июля по 3 августа 1943 г. занималась сбором и обобщением информации о враге, выявлением особо важных объектов для информационно-пропагандистского воздействия, подготовкой материалов печатной и устной пропаганды, организацией издания и распространения листовок, проведением сеансов звукопередач на переднем крае противника.

Для воздействия на немецкие войска, действовавшие в районе северо-западнее Болхова, офицерами группы была подготовлена оперативная листовка «Вы в мешке» с картой-схемой окруженных частей врага. Листовка распространялась самолетами агитационной эскадрильи фронта. Всего в июле 1943 г. эскадрилья забросила в тыл противника 2 млн 144 тыс. листовок, которые были посвящены положению на фронте, окруженным частям, потерям противника, вопросам плена, провала наступления немцев на Курск, положению в Германии и Италии. Сотрудники оперативной группы активно работали с военнопленными и перебежчиками: проводили их опросы на пересыльных пунктах, писали вместе с ними письма на родину, привлекали к разработке листовок и передач устного вещания. По данным опросов было разработано 12 листовок, написано свыше 150 писем, заполнено 200 анкет о влиянии нашей пропаганды на политико-моральное состояние солдат и офицеров неприятеля[212].

Другая оперативная группа работала в районе 11-й гвардейской армии. За несколько дней непрерывной агитации группе удалось склонить к сдаче в плен 627 немецких солдат и офицеров. А всего на сборном пункте армии скопилось почти 2000 пленных, в том числе 30 офицеров, 409 унтер-офицеров. Их анкетирование показало, что 98% из них читали советские листовки и слушали агитационные передачи.

Изучение реакции солдат и офицеров противника на наши пропагандистские материалы осуществлялось на поле боя с помощью средств наблюдения (стереотрубы, бинокли), разведчиками, а также при опросе перебежчиков и допросах военнопленных. Собранные наблюдения помогали корректировать разработку агитационных материалов.

Еще одной особенностью ведения специальной пропаганды на Курской дуге явилось широкое привлечение к этой работе немецких антифашистов из числа военнопленных. Ко времени начала Курской битвы в лагерях военнопленных среди немецких солдат и офицеров созревало антивоенное и антигитлеровское движение. Возникли и активно действовали группы, комитеты, советы антифашистов, которые стремились объединиться в одну организацию. В результате было создано патриотическое движение Национальный комитет «Свободная Германия» (НКСГ) и Союз немецких офицеров (СНО). Президентом НКСГ стал поэт-антифашист Эрих Вайнерт, а президентом СНО — генерал артиллерии Вальтер фон Зейдлиц, который был командиром 51-го армейского корпуса и предлагал фельдмаршалу Ф. Паулюсу капитулировать. В своей программе они ставили задачу свержения самими немцами гитлеровского режима, чтобы прекратить затеянную Гитлером захватническую войну. Кстати, сам Паулюс вступил в НКСГ в августе 1944 г. В своем обращении к германскому народу он писал:

«Германия должна устранить А. Гитлера и установить новое государственное руководство, которое закончит войну и создаст условия, обеспечивающие нашему народу дальнейшее существование и восстановление мирных и дружественных отношений с нашими нынешними противниками»[213].

Таким образом, специальная пропаганда в сражениях первого и второго периодов Великой Отечественной войны дополняла мощные удары войск Красной армии, способствовала разгрому вражеских группировок, их деморализации, активно влияла на солдат и офицеров противника, пробуждала у них желание порвать с преступным фашистским режимом, выйти из состояния войны и перейти как можно скорее к мирной жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Военное искусство во Второй мировой войне и в послевоенный период (Стратегия и оперативное искусство). М., 1986. С. 183.

[2] Советская военная энциклопедия. В 8-ми т. Т. 8. М., 1980. С. 340.

[3] *Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г.* Курская битва. М., 1970. С. 49, 52.

[4] Там же. С. 63.

[5] Развитие советского военного искусства в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). М., 1978. С. 149.

[6] Военно-исторический журнал. 1971. № 3. С. 33.

[7] Инженерные войска Советской армии в важнейших операциях Великой Отечественной войны. М., 1958. С. 57.

[8] *Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г.* Указ. соч. С. 72.

[9] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Военно-исторический очерк (далее — Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.). В 4-х т. М., 1958. Т. 2. С. 220, 225.

[10] Документы высших органов военного руководства по совершенствованию управления войсками в годы Великой Отечественной войны. М., 1989. С. 18—19.

[11] Советская военная энциклопедия. Т. 7. М., 1979. С. 638.

[12] Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне. Т. 2. С. 231—233.

[13] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. М., 1996. Т. 16 (5-2). С. 33—35.

[14] Боевой устав пехоты Красной армии. В 2-х ч. Ч. 2. М., 1942. С. 423.

[15] Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Военно-исторический очерк (далее — ВМФ Советского Союза в Великой Отечественной войне). М., 1962. Т. 3. С. 114, 575.

[16] Боевая летопись Военно-морского флота. 1941—1942 гг. М., 1983. С. 116; ЦВМА. Ф. 9. Д. 6331. Л. 2—3; Ф. 9. Д. 1237. Л. 313.

[17] Потери боевых кораблей и судов ВМФ в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1959. С. 327—338.

[18] *Кузнецов Н. Г.* На флотах боевая тревога. М., 1971. С. 78—79.

[19] Военно-исторический журнал. 1964. № 1. С. 43.

[20] *Пантелеев Ю. А.* Морской фронт. М., 1965. С. 306.

[21] ВМФ Советского Союза в Великой Отечественной войне. Т. 3. С. 230—231.

[22] *Кузнецов Н. Г.* Указ соч. С. 138.

[23] *Трибуц В. Ф.* Подводники Балтики атакуют. Л., 1963. С. 32—33, 48—49.

[24] Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. Band 2. Erster Halbband (далее — KTB/OKW). Frankfurt a/M., 1963. S. 77.

[25] Цит. по:. *Дмитриев В. И.* Атакуют подводники. М., 1973. С. 235—236.

[26] Цит. по: *Трусов Г. М.* Подводные лодки в русском и советском флоте. Л., 1957. С. 343.

[27] Морской сборник. 1968. № 12. С. 52; Военно-исторический журнал. 1973. № 1. С. 82.

[28] *Козлов И. А., Шломин В. С.* Краснознаменный Балтийский флот в героической обороне Ленинграда. Л., 1976. С. 236.

[29] ВМФ Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Т. 3. С. 241.
[30] Там же.
[31] Там же. С. 264.
[32] ВМФ Советского Союза в Великой Отечественной войне. Т. 3. С. 278.
[33] ЦВМА. Ф. 9. Д. 19047. Л. 345—355.
[34] ВМФ Советского Союза в Великой Отечественной войне. Т. 3. С. 287.
[35] Там же.
[36] *Ачкасов В., Вайнер Б.* Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне. М., 1957. С. 191.
[37] Meister J. Der SeeKrieg in den osteuropaische Gewassern 1941—1945. München, 1958. S. 147.
[38] *Ачкасов В., Вайнер* Б. Указ. соч. С. 193.
[39] Морской атлас. М., 1966. Т. 3. Ч. 2. Описания к картам. С. 401.
[40] ЦВМА. Ф. 767. Оп. 2. Д. Л. 54.
[41] Боевая летопись Военно-морского флота 1941—1945 гг. М., 1983. С. 32.
[42] Военная история. М., 2009. С. 329.
[43] ЦВАМА. Ф. 11. Д. 117. Л. 34—36; Ф. 74. Д. 34934. Л. 433—437.
[44] Военная история. С. 329.
[45] Там же.
[46] Боевая летопись Военно-морского флота 1941—1945 гг. С. 32.
[47] Там же. С. 61.
[48] Там же.
[49] Боевая деятельность подводных лодок Военно-морского флота СССР в Великую Отечественную войну 1941—1945 гг. В 3-х т. М., 1969—1970. Т. 1. М., 1969. С. 127.
[50] Боевая летопись Военно-морского флота 1941—1945 гг. С. 61.
[51] *Козлов И. А.* Боевые действия подводных лодок Военно-Морского флота СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 41.
[52] ЦВМА. Ф. 3. Д. 6456. Л. 18; Ф. 112. Д. 6426. Л. 3—9.
[53] *Козлов И. А.* Боевые действия подводных лодок Военно-морского флота СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 41.
[54] Там же.
[55] Там же.
[56] Боевой путь советского Военно-морского флота. 2-е изд. М., 1967. С. 139.
[57] *Козлов И. А.* Боевые действия подводных лодок Военно-Морского флота СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 84.
[58] Боевая деятельность авиации ВМФ в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. Ч. 1. М., 1963. С. 190.
[59] *Козлов И. А.* Действия Северного флота на морских коммуникациях в Великую Отечественную войну 1941—1945 гг. С. 89.
[60] Там же.
[61] ЦВМА. Ф. 11. Д. 17814/6. Л. 72а.
[62] Там же.
[63] Там же. Д. 6487. Л. 105 об.
[64] Там же. Д. 69. Л. 16; Д. 265. Л. 4.
[65] ЦВМА. Ф. 12. Д. 20363. Л. 107—109.
[66] Военно-исторический журнал. 1972. № 4. С. 20.
[67] ЦВМА. Ф. 12. 95. Л. 29—30.
[68] Военно-исторический журнал. 1972. № 4. С. 20.
[69] Там же.
[70] ЦВМА. Ф. 12. Д. 35957. Л. 347, 372.
[71] *Пузырев В. П.* Беломорская флотилия в Великой Отечественной войне. М., 1981. С. 142.
[72] Там же.
[73] ЦВМА. Ф. 12. Д. 35957. Л. 347, 372.

[74] *Пузырев В. П.* Указ. соч. С. 146–147.
[75] *Роскилл С.* Флот и война. М., 1970. Т. 2. С. 122.
[76] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. В 6-ти т. М., 1961. Т. 2. С. 468.
[77] ВМФ Советского Союза в Великой Отечественной войне. Т. 1. С. 251.
[78] Военная история. С. 334.
[79] *Ирвинг Д.* Разгром конвоя PQ-17. М., 1971. С. 5.
[80] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1976. Т. 1. С. 109–110.
[81] *Роскилл С.* Указ. соч. Т. 2. С. 132.
[82] Там же. С. 133.
[83] ВМФ Советского Союза в Великой Отечественной войне. Т. 3. С. 295.
[84] *Золотарев В. А., Козлов И. А.* Три столетия Российского флота. 1941–1945 гг. М., 2005. С. 503–504.
[85] *Золотарев В. А., Козлов И. А.* Указ соч. С. 504.
[86] ЦВМА. Ф. 10. Д. 33579. Л. 71.
[87] Там же. Д. 738. Л. 46.
[88] Там же. Д. 33579. Л. 71.
[89] ВМФ Советского Союза в Великой Отечественной войне. Т. 2. М., 2005. С. 272.
[90] *Золотарев В. А., Козлов И. А.* Указ соч. С. 509–510.
[91] *Конради Д.* Военно-морской флот Германии на Черном море / Пер. с нем. Л., 1956. С. 9.
[92] ЦВМА. Ф. 10. Д. 32853. Л. 22.
[93] Там же.
[94] ВМФ Советского Союза в Великой Отечественной войне. Т. 2. С. 313.
[95] ЦВМА. Ф. 10. Д. 3262. Л. 82. Д. 3256. Л. 231.
[96] *Золотарев В. А., Козлов И. А.* Указ соч. С. 516.
[97] ВМФ Советского Союза в Великой Отечественной войне. Т. 2. С. 317–318.
[98] Там же. С. 327.
[99] *Денисов Б. А.* Использование мин Военно-морским флотом СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1955. С. 206.
[100] ЦВМА. Ф. 10. Д. 17997. Л. 376.
[101] ВМФ Советского Союза в Великой Отечественной войне. Т. 2. С. 331.
[102] *Денисов Б. А.* Указ. соч. С. 239–245.
[103] *Конради Д.* Указ. соч. С. 11.
[104] ВМФ Советского Союза в Великой Отечественной войне. Т. 2. С. 351.
[105] Мировая война 1939–1945 гг. М., 1957. С. 472.
[106] ЦАМО. Ф. 35. Оп. 30802. Д. 8. Л. 1–2, 26–27.
[107] Там же. Ф. 346. Оп. 52133. Д. 1. Л. 212–219.
[108] Там же. Ф. 35. Оп. 11290. Д. 146. Л. 63.
[109] *Кожевников М. Н.* Командование и штаб ВВС Советской армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1977. С. 83, 84, 86.
[110] ЦАМО. Ф. 290. Оп. 3284. Д. 1. Л. 15.
[111] Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (далее — Советские ВВС в Великой Отечественной войне). М., 1968. С. 136.
[112] *Тимохович И. В.* Оперативное искусство советских ВВС в Великой Отечественной войне. М., 1976. С. 38.
[113] *Корец Л. Б.* Советские Военно-воздушные силы в битве под Сталинградом. М., 1959. С. 202.
[114] *Дёрр Г.* Поход на Сталинград / Пер. с нем. М., 1957. С. 117.
[115] *Корец Л. Б.* Указ. соч. С. 262.
[116] Советские ВВС в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1968. С. 122–123.
[117] ЦАМО. Ф. 319. Оп. 4798. Д. 70. Л. 9.
[118] *Тимохович И. В.* Указ. соч. С. 75.
[119] ЦАМО. Ф. 319. Оп. 4798. Д. 70. Л. 79.

[120] *Тимохович И. В.* Указ. соч. С. 45.

[121] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. М., 1996. Т. 16 (5-3). С. 137.

[122] *Кожевников М. Н.* Указ. соч. С. 129.

[123] Великая Отечественная война 1941—1945 годов. В 12-ти т. М., 2011. Т. 1. С. 649.

[124] ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11285. Д. 807. Л. 89—90.

[125] Там же. Ф. 346. Оп. 138741. Д. 2. Д. 128.

[126] *Тимохович И. В.* Указ. соч. С. 51.

[127] *Брофи А.* Военно-воздушные силы США / Пер. с англ. М., 1957. С. 76—79.

[128] *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны / Пер. с нем. М., 1956. С. 484.

[129] ЦАМО. Ф. 72. Оп. 34961. Д. 54. Л. 7.

[130] *Комаров Н. Я.* Государственный Комитет Обороны постановляет. М., 1990. С. 59—63.

[131] ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11285. Д. 47. Л. 14—16.

[132] Там же. Ф. 2. Оп. 5437. Д. 6. Л. 94.

[133] Там же. Д. 1. Л. 373.

[134] Там же. Д. 16. Л. 107—108.

[135] ЦАМО. Ф. 2. Оп. 5437. Д. 16. Л. 115.

[136] Противовоздушная оборона войск в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1973. Кн. 1. С. 99.

[137] *Светлишин Н. А.* Войска ПВО страны в Великой Отечественной войне. М., 1979. С. 86.

[138] Противовоздушная оборона страны (1914—1995). М., 1998. С. 127.

[139] ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 1. Л. 359.

[140] Вестник противовоздушной обороны. 1977. № 10. С. 88.

[141] ЦАМО. Ф. 13664. Оп. 20034. Д. 11. Л. 50; Ф. 13670. Оп. 20036. Д. 3. Л. 9.

[142] Там же. Ф. 13614. Оп. 20317. Д. 3. Л. 1.

[143] Там же. Ф. 1361. Оп. 20315. Д. 14. Л. 54.

[144] Противовоздушная оборона страны (1914—1995). С. 147.

[145] ЦАМО. Ф. 72. Оп. 12310. Д. 1359. Л. 96—101.

[146] Там же. Оп. 12278. Д. 1. Л. 25.

[147] Противовоздушная оборона страны (1914—1995). С. 158—169.

[148] РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 129. Л. 58—62.

[149] ЦАМО. Ф. 13612. Оп. 20307. Д. 9. Л. 43—45.

[150] Противовоздушная оборона страны (1914—1995). С. 149.

[151] Там же. С. 150—152.

[152] ЦАМО. Ф. 13612. Оп. 20307. Д. 9. Л. 46, 69—70.

[153] Там же. Л. 45—46.

[154] Там же. Ф. 13616. Оп. 20325. Д. 12. Л. 61.

[155] Там же. Оп. 20327. Д. 3. Л. 1—3.

[156] *Строкач Т. А.* Наш позивний — свобода. Киев, 1978. С. 152.

[157] Великая Отечественная война 1941—1945 годов. В 12-ти т. М., 2011. Т. 1. С. 420.

[158] Там же.

[159] Цит. по: Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1944). 2-е изд., доп. М., 1968. С. 89.

[160] *Хартфельд В.* Одинокие воины. М., 2012. С. 10.

[161] *Мельничук Е. Б., Стогний Д. Ю., Ефимов А. В.* Германское «сверхоружие» под Севастополем. Хроника 1942 г. Москва — Крым: Историко-публицистический альманах. М., 2000. С. 278, 279.

[162] *Виниченко М. В.* Коварный удар из-под земли. М., 2010. С. 242.

[163] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. М., 1999. Кн. 4. С. 137.

[164] Российский государственный архив социально-политических источников (далее — РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 795. Л. 4.

[165] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 138.

[166] «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967. С. 103–107.

[167] *Безыменский Л.* Разгаданные тайны Третьего рейха. Книга не только о прошлом. М., 1981. С. 272, 273.

[168] Трагедия белорусских деревень. Минск — Москва, 2011. С. 137.

[169] Мировые войны XX века. В 4-х кн. М., 2005. Кн. 3. С. 424.

[170] *Пономаренко П. К.* Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1944 гг. М., 1986. С. 36 –67; Партизанское движение. По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2001. С. 33–34.

[171] Беларусь в годы Великой Отечественной войны: уроки истории и современность. Материалы Международной научной конференции, посвященной 60-й годовщине освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков (Минск, 29–30 июня 2004 г.). Минск, 2004. С. 154.

[172] Партизанское движение. По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 75.

[173] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 135.

[174] Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны. 22 июня 1941–1942 г. М., 1997. Т. 13 (2-2). С. 291–294.

[175] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 136.

[176] Война в тылу врага: О некоторых проблемах истории советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. М., 1974. Вып. 1. С. 222.

[177] Партизанское движение. По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 155.

[178] Цит.: *Дюков А. Р.* Кто командовал советскими партизанами. М., 2012. С. 134.

[179] Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 432.

[180] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. М., 1998. Кн. 2. С. 343.

[181] Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ). Ф. переводов. Д. 46. Л. 101.

[182] Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. В 3-х т. Киев, 1975. Т. 1. С. 512.

[183] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 145.

[184] Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков. Минск, 1984. Т. 2. С. 419–420.

[185] *Пономаренко П. К.* Указ соч. С. 127.

[186] НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 845х. Л. 1.

[187] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. М., 2010. С. 447.

[188] *Хартфельд В.* Указ. соч. С. 15.

[189] «Уничтожить как можно больше...» М., 2009. С. 117.

[190] Там же. С. 124–125, 128, 269–270.

[191] *Пономаренко П. К.* Указ. соч. С. 132.

[192] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. М., 2012. Т. 2. С. 708–712.

[193] Оружием правды. Листовки к войскам и населению противника, изданные политорганами Советской армии и Военно-морского флота во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1971. С. 50.

[194] ЦХИДК. Ф. 545. Оп. 2. Д. 34. Л. 1.

[195] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 515185. Д. 47. Л. 80.

[196] Там же. Оп. 542139. Д. 1. Л. 29–30.

[197] Там же. Оп. 11306. Д. 110. Л. 84.

[198] Великая Отечественная война. Энциклопедия. М., 2010. С. 571.

[199] Сталинградская битва. Энциклопедия. Волгоград, 2009. С. 358.

[200] Опыт работы. Бюллетень № 4. М.: ГлавПУ Вооруженных сил СССР. 1946. С. 34–36.

[201] Опыт работы Главного политуправления Вооруженных сил СССР. 7-е управление. М.: ГлавПУ Вооруженных сил СССР. 1950. № 2. С. 21.

[202] Там же. С. 37.

[203] Там же. № 3. С. 73.

[204] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 9. Л. 98.
[205] Опыт работы Главного политуправления Вооруженных сил СССР. 7-е управление. № 3. С. 34.
[206] Там же. № 2. С. 22.
[207] Там же. С. 23.
[208] Там же.
[209] Оружием правды. Листовки к войскам и населению противника, изданные политорганами Советской армии и Военно-морского флота во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 180–182.
[210] *Бурцев М. И.* Прозрение. М., 1981. С. 176.
[211] Опыт работы среди войск противника. Бюллетень № 7. С. 26–27, 36.
[212] Там же. С. 5–9.
[213] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 88. Л. 201.

РОСТ МОГУЩЕСТВА И МЕЖДУНАРОДНОГО АВТОРИТЕТА СССР

Укрепление единства фронта и тыла

В героико-драматической борьбе советский народ пережил два периода Великой Отечественной войны, тесно связанные между собой, но существенно отличавшиеся друг от друга. Это были периоды потрясений и утрат, больших человеческих и материальных потерь. Вместе с тем это время трудного, но неодолимого восхождения к победе над фашизмом.

В первом периоде, начавшемся в июне 1941 г. и закончившемся 18 ноября 1942 г., с первых часов фашистской агрессии советские люди определили свои место и роль в борьбе с врагом. Уже днем 22 июня стали всенародным призывом слова из стихотворения поэта В. Лебедева-Кумача «Священная война»: встать «на смертный бой с фашистской силой темною, с проклятою ордой»[1]. Перед общей бедой сплотились все народы многонациональной советской страны. Произошел колоссальный подъем патриотизма советских людей, который стал решающей и духовно-нравственной, и материальной силой.

Народ, конечно, не сразу осознал всю опасность навалившейся на него беды. Еще неясны были возможные масштабы человеческих жертв и разрушений, которые несла с собой эта война. Трудно было подумать, что огромная территория Родины окажется оккупированной фашистскими варварами XX века.

Уже в первых сводках с фронтов, которые тогда не были полными и открытыми, говорилось о драматизме событий, об огромной человеческой трагедии, которая разыгрывалась в жесточайших по своему накалу и последствиям сражениях и боях. Народ переживал страшное горе, а многим казалось, что из усиливающегося ада войны нет выхода. Однако в тяжелейших условиях в тылу и в сражениях на фронте в сознании абсолютного большинства советского народа зрели чувства, отодвигавшие страх, уныние и апатию, укреплялась вера в правоту борьбы против фашизма, неизбежность торжества справедливости.

Но временами эти чувства ослабевали, как бы отходили на второй план. Перед народом вставали все новые, более сложные задачи борьбы. Во время поражений Красной армии, ее отступлений велики были страдания народа, но и при этом советские люди надеялись, что в войне наступит перелом, а затем придет и победа.

Эти надежды основывались прежде всего на исторической памяти. В тысячелетней истории народов России развивались качества, необходимые для защиты своего Отечества.

Россия, Советский Союз — многонациональная страна, сформировавшаяся как евразийское государство в постоянной борьбе с врагами на западе, востоке и юге. Евразийская цивилизация предопределила и тип общества, тип человека, морально-психологические черты, необходимые для существования в тяжелых природно-климатических условиях и в обстановке постоянной военной опасности.

С началом войны народы Советского Союза, в большинстве своем приверженцы социалистического строя, не только поняли, что агрессор посягнул на их право строить общество на принципах социальной справедливости, но и осознали, что речь шла об их судьбе, о том, жить ли их Отечеству вообще. Отсюда главным в общественном сознании был лозунг: «Всё для фронта, всё для победы!».

Ради этой великой цели страна должна была стать единым военным лагерем, перестроить всю жизнь на военный лад. Накануне войны, в тридцатые годы, отечественные и зарубежные военные теоретики писали о том, что в войнах «принимает участие весь народ, и сила армии основана на воле и борьбе гражданского населения»[2]. Начавшись не по воле советского народа, война изменила общество по всем направлениям. А главные изменения произошли в 1941—1943 гг. в процессе противостояния агрессии. Во время коренного перелома отчетливо проявилось отражение войны как особого состояния общества. Основным его признаком стало подчинение всей жизни народов, деятельности государственных и общественных организаций, экономики, науки, духовной жизни общества интересам защиты Отечества. Фронт и тыл стали единым целым, военная деятельность, вооруженная борьба на фронте, действия партизан и подпольщиков приобрели определяющее значение, экономика работала преимущественно на нужды войны; произошли перемены в политической надстройке, существенно возросло значение организаторской деятельности государства, усилились миграционные и демографические изменения в стране; снизился жизненный уровень населения, которое испытывало нужду и лишения военного времени. В то же время существенным признаком советского общества в состоянии войны стал небывалый подъем духовных сил народа, патриотизма, в котором слились исторические традиции защиты Отечества, гражданственности, идеи народовластия, справедливости, дружбы народов, любовь к Родине и ненависть к врагу. В массовом сознании советских людей преобладал цельный духовный и моральный настрой, который стал одним из решающих факторов достижения победы в борьбе с фашизмом. И он же обеспечил высокую действенность других составляющих победы[3].

В первые два периода Великой Отечественной войны, несмотря на ее трудности и тяготы, недостатки и просчеты, проявилась высокая жизненность Советского государства, которое позволяло в борьбе с врагом все подчинить интересам войны. Единство фронта и тыла постоянно подкреплялось дружбой народов, которые в своем подавляющем большинстве быстро обрели «общую душу», ставшую ведущим и решающим фактором борьбы с агрессором. Исполнительные органы, трудовые коллективы, общественные организации всю свою деятельность подчинили интересам решительного отпора, а затем и разгрома врага.

Особенность общества периода войны состояла и в том, что существовавшая тогда централизация усилий народа на разгром врага, несмотря на жесточайшую дисциплину, сочеталась с творческой активностью масс на фронте и в тылу. Обстановка борьбы с врагом позволяла людям в какой-то мере действовать самостоятельно, но она же обязывала их, не боясь, брать на себя ответственность. Целенаправленно и результативно формировалось осознание ответственности за судьбу общего дела, росло понимание личной самоотверженности вплоть до самопожертвования.

Советский народ в первые годы войны значительно усилил свой потенциал в интересах борьбы и победы над фашизмом. Первые два с половиной года Великой Отечественной усиливалось и крепло Советское государство, мужала и наращивала удары по врагу Красная армия. В жестоких боях и сражениях, перебазировании промышленности с запада на восток, партизанском движении, трудовых подвигах все более мощной становилась решимость народа отстоять свою Родину, разгромить агрессора. И она неуклонно зрела, укрепляла душу

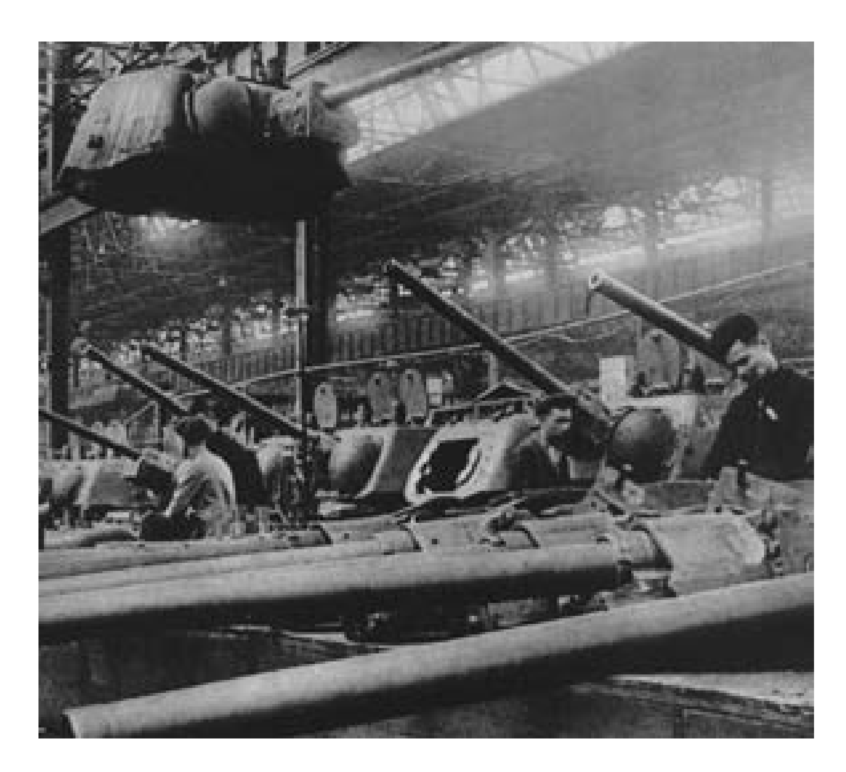
народа, которая являлась неосязаемой физически, но вполне реальной силой, в конечном счете решающей судьбу исторических событий.

Важную мобилизующую и действенную роль в преодолении трудностей, неудач, а главное — в срыве блицкрига и осуществлении коренного перелома в ходе войны сыграл ее справедливый и всенародный характер, который обеспечил небывалую мобилизацию экономических и моральных сил страны в интересах борьбы с врагом и победы над ним. Это была мобилизация особого рода — и духовная, и ратная, и трудовая. Высшая справедливость войны с фашизмом усиливала советское общество не только за счет укрепления Красной армии, роста ее боевой мощи и обретения необходимого уровня военного искусства, но и получила яркое проявление в массовом народном ополчении, широком размахе партизанского движения, активной деятельности партизанских отрядов и диверсионных групп. Всего по стране вступили в ополчение свыше 4 млн человек — рабочих, служащих, ученых, студентов, деятелей культуры. Было создано около 60 дивизий, 200 отдельных полков, 1755 истребительных батальонов и значительное количество других ополченских формирований, в том числе более 40 дивизий — в России. Непосредственное участие в боевых действиях принимали 33 стрелковые и три кавалерийские дивизии, три танковые, одна мотострелковая и две стрелковые бригады. До конца войны в боях участвовала 21 дивизия[4].

Показательно, что эти и подобные им формирования создавались на добровольной основе. Помощь, которую они оказывали Красной армии, была значительной. Партизанские отряды, подпольщики и диверсионные группы, действовавшие против оккупантов, уничтожили десятки тысяч солдат и офицеров противника, большое число самолетов, танков и бронемашин, орудий, минометов и пулеметов, а также автомашин, пустили под откос десятки эшелонов, взрывали мосты и склады с горючим и боеприпасами, освобождали населенные пункты. Так, соединения и части народного ополчения сыграли важную роль в ходе Московской битвы, особенно на ее оборонительном этапе. На оккупированной территории Московской области активно действовали более 40 партизанских отрядов и около 400 разведывательно-диверсионных групп общей численностью 15 тыс. человек. Кроме того, для борьбы с парашютными десантами и диверсантами противника во фронтовой полосе к концу лета 1941 г. в Москве и области было создано 87 истребительных батальонов, из них два — непосредственно в столице. Общая численность истребительных батальонов составила 28 тыс. человек[5]. Для борьбы с партизанами в оккупированных районах Московской области и охраны своего тыла немецкое командование вынуждено было задействовать 60 тыс. солдат и офицеров, что равнялось пяти немецким дивизиям, которых им так не хватало на передовой линии сражения.

Важнейшим признаком усиления всенародности Великой Отечественной войны стала и вынужденная эвакуация определенной части промышленности и сельского хозяйства с запада на восток, ставшая подлинным массовым подвигом в истории Второй мировой войны. За перебазированием промышленных предприятий последовало наращивание мощностей военного производства на востоке в невероятно трудных условиях зимы 1941–1942 гг. Фактически это было чудом физической выносливости и самоотверженности. Люди строили новые военные заводы в страшные морозы, работали по 12–15 часов в сутки, жили впроголодь, часто были вынуждены ходить пешком на работу и с работы за много километров. Почти в каждой отрасли промышленности, в сельском хозяйстве и на транспорте всю войну героически трудились женщины. В некоторых отраслях индустрии они составляли более половины рабочих, сельское хозяйство держалось почти исключительно на женском труде.

Благодаря этому гигантскому народному подвигу, который многим людям стоил здоровья и даже жизни, советская военная промышленность уже к осени 1942 г. начала в огромном количестве давать оружие и боеприпасы. Но в период битвы за Москву, когда сотни военных предприятий еще были в пути на восток, выпуск военной продукции находился на самом низком уровне, и советское общее наступление в январе — апреле 1942 г. не оправдало возлагавшихся на него надежд. Серьезные поражения, которые Красная армия понесла в страшное лето 1942 г., в значительной мере объяснялись нехваткой танков и самолетов. Тем не менее к сентябрю положение в промышленности улучшилось, что создало предпосылки

Скоро эти танки уйдут из цеха на фронт

Сборка самолетов-штурмовиков Ил-2

для решающего сталинградского наступления в ноябре 1942 г., которое закончилось капитуляцией немецких войск, оказавшихся в сталинградском котле.

Оставшиеся в угрожаемых районах промышленные предприятия переходили на выпуск военной продукции. Перестраивалась вся промышленность и на востоке страны, поэтому определенное время фронт не мог получать необходимое количество военной техники, оружия, боеприпасов, вещевого имущества и т. п. Советское командование вынуждено было ввести лимит на расход боеприпасов и горючего. Но достаточно быстро, даже по меркам военного времени, эти трудности преодолевались. Так, возникший осенью 1941 г. под Москвой «снарядный голод» был ликвидирован уже в конце оборонительного периода Московской битвы. Нарастание транспортных потоков с боеприпасами шло по мере того, как военная промышленность набирала мощность. Если в октябре фронт получил 3863 вагона с боеприпасами, то в ноябре — уже 5187, в декабре — 11 611, а в январе 1942 г. — 19 941 вагон. Темпы развития военной промышленности были весьма высокими, и к концу второго года войны производительность труда в этой отрасли возросла более чем на 40%[6].

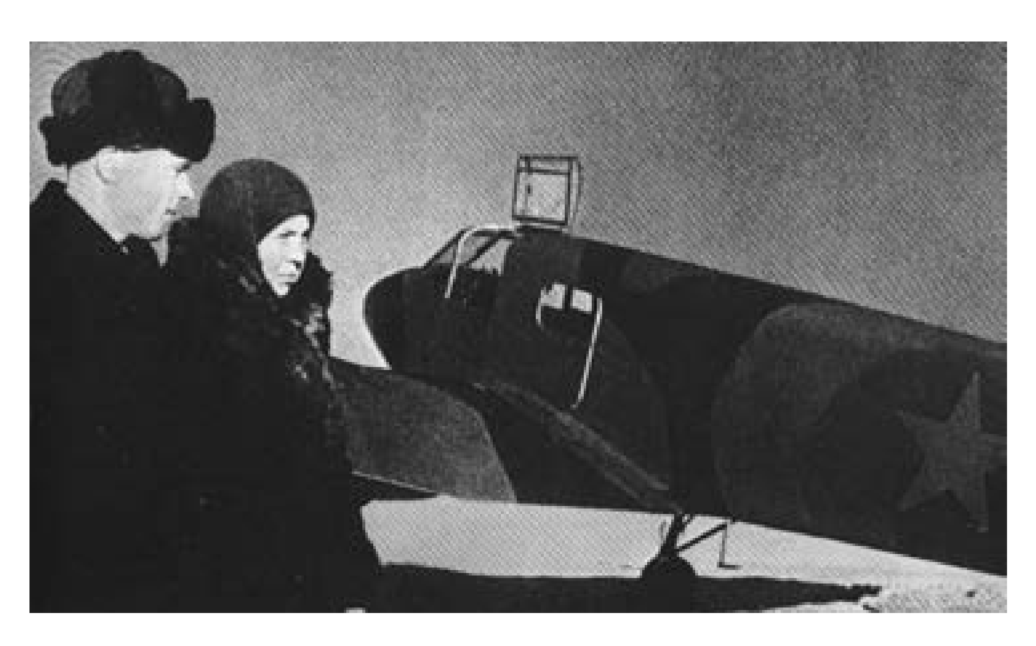
Кроме промышленных предприятий, работавших в тылу страны, военную продукцию выдавали и оставшиеся предприятия столицы и столичной области. Московские заводы давали фронту танки, артиллерийские тягачи, реактивные установки, снаряды и другие военные изделия, включая обмундирование и обувь. О темпах перестройки московских предприятий на военный лад говорит такой факт: осенью 1941 г. московские предприятия местной и кооперативной промышленности обеспечили массовое производство ручных гранат, автоматов, авиабомб, пулеметных лент и другой военной продукции[7]. Промышленные предприятия области выпускали шинельное сукно и шинели, плащ-палатки, шапки-ушанки, теплые подшлемники и многое другое.

Большой вклад в организацию экономического обеспечения Московской битвы внесли железнодорожные войска и гражданские железнодорожные службы. В условиях невысоких транспортных возможностей довоенных железных дорог, почти постоянных бомбежек Московского узла они сумели наладить его бесперебойную работу, своевременно принимая и разгружая воинские эшелоны с личным составом, техникой, боеприпасами, медикаментами, продовольствием, без задержек пропуская санитарные поезда — тяжелораненых отправляли в тыл.

Важным показателем общества является поворот всей деятельности тружеников тыла — материальной и духовной — на борьбу с оккупантами. Наиболее значительно это проявилось на угрожаемых территориях, в блокадном Ленинграде и в прифронтовых городах, поселках и населенных в конце 1941 – начале 1942 г. Здесь не только промышленность, энергетические предприятия и транспорт работали на нужды фронта, но и быт населения приобрел фронтовую направленность[8]. Так, на московских вокзалах во время бомбежек москвичи могли не только укрыться, но и прослушать политинформации, лекции, концерты, даже увидеть кино и выставки, а дети — позаниматься в кружках рисования, лепки, вышивки. Для самых маленьких жителей столицы было организовано молочное питание. А на станции Московского метрополитена «Проспект Маркса» (ныне «Охотный ряд») была устроена выставка «Героизм и патриотизм русского народа по произведениям Л. Н. Толстого», которую дополнила картина художника Василия Верещагина, посвященная бегству из Москвы французов в 1812 г.[9]

Представители творческих профессий — артисты, художники, кинематографисты, писатели, журналисты — становились «стихийными» психологами, словом и образом укрепляющими моральный дух людей. Врачевали они души не только высоким искусством, но и на самом простом, бытовом уровне.

Открывались всякого рода починочные мастерские, магазины по покупке и продаже тары и т. п., что помогало жить нормальной жизнью. А любые проявления повседневной жизни в ту пору ценились высоко. Нарушение обычного хода вещей воспринималось болезненно. Это хорошо понимала власть, которая старалась оперативно реагировать на ЧП даже самых незначительных масштабов. После бомбежек принимались меры, чтобы быстро устранить повреждения. В самый разгар войны, 7 ноября 1943 г., в тыловом г. Горький был открыт памятник заступнику земли Русской Кузьме Минину. Как только советские войска

Н. П. Ваулин и его жена внесли 120 тысяч рублей на постройку самолета

Танковая колонна «За Советскую Эстонию», построенная на деньги жителей Эстонии, эвакуированных в тыл страны

освободили Великий Новгород, в городе появились реставраторы — первым их делом стало воссоздание разрушенного фашистами памятника «Тысячелетие России». Его вновь открыли уже 4 ноября 1944 г.

В течение всего военного времени Комиссия по истории Отечественной войны, организованная при АН СССР, собирала документы, свидетельства очевидцев, готовила экспонаты для будущих музейных экспозиций, оценивала ущерб, нанесенный фашистами культурным и историческим памятникам СССР. Воюющая страна находила средства и возможности срочно восстанавливать и реставрировать свои культурные реликвии, а что-то консервировать до лучших времен.

Такого масштабного социокультурного созидания в период тяжелейшей войны не знала мировая история. Но оно имело важное, по своей сути стратегическое значение. А истоки такого созидания — в историческом прошлом России, материальной и духовной деятельности советского народа в предвоенные мирные годы.

В условиях, когда фронт все дальше уходил на запад и началось освобождение временно оккупированной немцами советской территории, остро встал вопрос о повышении уровня массово-политической и культурно-просветительной работы среди населения. Необходимо было мобилизовать людей на восстановительные работы на освобожденной от противника земле. Одновременно нужно было вести работу и среди населения, перенесшего жесточайший террор врага, тяжелейшие моральные испытания и материальные лишения. Первые два периода Великой Отечественной войны явились для советских людей, всего советского общества временем тяжелых испытаний, человеческих утрат, материальных потерь, разрушений экономики, городов и сел, временем глубокой перестройки всего общества, государства в интересах фронта, для ведения справедливой войны против фашистских агрессоров. В своем подавляющем большинстве советские люди не согнулись, не впали в отчаяние, как это произошло в ряде стран Западной Европы. Напротив, они поняли и осознали нависшую над страной смертельную опасность и поднялись на «смертный бой» с фашизмом и на фронте, и в тылу.

В советском обществе, вставшем на войну с фашизмом, каждый человек ощутил себя гражданином, почувствовал, что судьба страны в его собственных руках. И страна устояла под натиском агрессора. Гитлеровский план блицкрига был сорван, а в последовавшей затяжной, изнурительной и кровопролитной войне наша страна одержала победу. Решающим фактором этого исторического события стал ратный подвиг Красной армии, советских воинов — от рядового до Верховного главнокомандующего — при поддержке всего народа.

Политическое и военное руководство страны сумело извлечь уроки из неудач и поражений начального периода войны, обобщить опыт ее ведения и сделать необходимые выводы. Основываясь на драматическом опыте проб и ошибок, оно сумело выработать правильную политику и военную стратегию войны против фашистской Германии и ее союзников, найти эффективные формы и способы ведения на разных ее этапах, вплоть до полной победы. И теперь, спустя многие десятилетия после победоносного завершения, можно поражаться тому, как много было сделано в первые два с половиной года войны, причем в тяжелейших условиях. И сделано таким образом, что агрессор был остановлен, проиграл молниеносную войну, утратил стратегическую инициативу, его наступательная стратегия потерпела крах.

Усиление духовного превосходства

Выдающиеся мыслители всех времен неизменно подчеркивали особую роль духа, мысли, сознания в решении жизненно важных задач как в мирное, так и в военное время. Например, в I веке н. э. политический и военный деятель Римской империи Гай Саллюстий Крисп писал: люди издавна спорят о том, что важнее на войне — ум или физическая сила? И отвечал:

и то, и другое. Ибо, прежде чем действовать, надо хорошо подумать. А хорошо подумав, энергично действовать. Через много столетий, уже в новой истории, Наполеон, зачинатель многих, главным образом завоевательных войн, утверждал: «Война — это противоборство не столько оружия, сколько духа». Наверное, он думал так и потому, что испытал силу духа российского народа в 1812 г., когда французские войска, под его руководством вторгшиеся в Россию, были разгромлены российской армией, русским народом, чей дух оказался намного выше порыва завоевателей.

Немногим более столетия спустя, уже в новейшей истории XX века, духовная сила Советского Союза, законного продолжателя исторической России, оказалась намного выше духа агрессора и вошла в число решающих факторов срыва планов фашистской Германии по уничтожению Советского государства и завоеванию мирового господства.

Вся история человеческой цивилизации свидетельствует, что значение духа, морально-нравственных сил, или, как принято говорить, духовного фактора, его проявления в ходе и исходе войн постоянно возрастали. О необходимости высокого уровня духовного фактора в случае возможной войны думали и в СССР. Поскольку понимали, что неизбежное усиление роли духовного фактора обусловлено ростом потребности и необходимостью сознательного и умелого, целенаправленного и эффективного использования огромной военной мощи, которой располагают вооруженные силы и государство. Также осознавали, что в случае войны нужно быть готовыми не только выстоять под напором врага, но и изменить ход вооруженной борьбы, а в конечном итоге одержать победу.

Нападая на СССР, гитлеровское руководство было уверено в быстром и полном разгроме Советского Союза. Гитлер надеялся на то, что советский народ окажется безразличным к судьбе страны, что жесточайшие методы коллективизации, репрессии 30-х годов XX века привели к духовному, морально-психологическому ослаблению общества. Но в годы войны перед лицом вероломного врага, стремившегося к мировому господству, когда встал вопрос о самом существовании государства, о жизни и смерти миллионов советских людей, народ действительно сплотился на основе патриотизма, любви к своей Родине. Эти святые чувства заложили духовную основу победы советского народа в Великой Отечественной войне, на них смогло опереться государственное и партийное руководство, что позволило мобилизовать все силы страны на отпор врагу. На фронте и в глубоком тылу, на территории, временно попавшей под власть оккупантов, советские люди проявили несгибаемую волю и высокий дух.

Советское политическое и военное руководство с началом войны принимало все меры не только для сохранения сформированного за предвоенные годы духовного фактора в обществе, но и для того, чтобы целенаправленно и эффективно решать военные вопросы на фронте, а в тылу — в интересах фронта. Героико-патриотическая тема стала основной в идеологической пропаганде.

Огромная работа, проводившаяся в стране в предвоенные годы в сфере культуры, дала свои плоды в первые же часы начавшейся войны. Справедливо утверждал выдающийся композитор Д. Шостакович, что «искусство впрямую участвовало в борьбе народа с врагом. Оно не избегало страшной правды войны, однако даже в самые тяжкие дни в нем звучали героика, призыв, вера в грядущую победу»[10]. Культура стала сражающейся.

Повышению духовной стойкости и активности советского народа, мобилизации его воли на борьбу с врагом способствовали героико-патриотическая пропаганда, воспитание на славных революционных, трудовых и боевых традициях. Особое внимание обращалось на привитие советским людям высокой ответственности, дисциплины и организованности, широко пропагандировалась необходимость строгого соблюдения законов военного времени, недопущения фактов расхлябанности.

Огромную роль во время войны играла информация. Печать и радио были действенным идеологическим оружием. Уже к концу 1941 г. действовали 19 фронтовых и 93 армейские газеты, а к середине следующего года их количество достигло 800. Позже их стало еще больше. В газетах и журналах велась широкая идейно-пропагандистская работа. В них неустанно

звучали призывы к самоотверженной борьбе на фронте и в тылу, разъяснялись очередные задачи военного, политического и хозяйственного строительства[11].

Самым доступным и мощным по степени воздействия на миллионы людей средством массовой информации в годы войны было радио. Днем и ночью ежечасно всесоюзное радио выдавало в эфир для всей страны и за рубеж сообщения о положении на фронтах и в тылу, вело подробную хронику народного бедствия, хронику национальной стойкости, жертвенности, геройства.

Большую роль в освещении международных событий, внутренней жизни Советского Союза, организации пропаганды против фашистов, составлении и опубликовании военных сводок по материалам командования продолжало играть Совинформбюро, которое было создано 24 июня 1941 г. С декабря 1942 г. вся работа Совинформбюро оказалась сконцентрирована на составлении и опубликовании военных сводок по материалам Верховного главнокомандования, организации контрпропаганды, а также популяризации за рубежом героической борьбы армии и военных усилий народов СССР. Сводки Совинформбюро через средства массовой информации быстро распространялись среди тружеников тыла и фронтовиков.

Во время войны истинно сражающейся стала литература. Она дышала ненавистью к врагу и любовью к своему народу, стараясь вселить в него героический дух, чтобы устоять перед военной машиной агрессора, а затем победить. Боевой, мобилизующей была публицистика. Репортажи М. Шолохова, А. Толстого, Н. Тихонова, К. Симонова и многих других писателей поднимали дух бойцов и командиров, зажигали ненавистью их сердца. Именно такими были «Наука ненависти» М. Шолохова и «Русский характер» А. Толстого. Вместе с ростом ненависти к фашизму и сопротивлением ему росла и литература. Летом 1942 г., в один из самых тяжелых периодов, было опубликовано одно из первых крупных произведений о военных днях — повесть В. Гроссмана «Народ бессмертен». Также вышли сборники рассказов Л. Соболева «Морская душа», В. Кожевникова «Март – апрель», повесть В. Василевской «Радуга»[12].

Важнейшую роль в поднятии духа солдат и командиров Красной армии и ВМФ, тружеников тыла играл театр. С первых дней войны театр служил фронту, были созданы мобильные фронтовые актерские бригады, которые выезжали с концертами и спектаклями в воинские части, часто на передовую. Вслед за фронтовыми бригадами стали организовываться и фронтовые театры, фронтовые филиалы ведущих театров страны. К концу 1943 г. существовало 25 фронтовых театров и филиалов[13]. Актеры выступали порой в самых невероятных условиях. Сценой становились грузовик или поляна в лесу. Продолжалась деятельность стационарных театров. В конце 1941 г. многие театры Москвы и Ленинграда были эвакуированы на восток. Они работали для раненых воинов, частей, формировавшихся в тылу, тружеников тыла.

Появлялись пьесы о войне: в 1942 г. были опубликованы «Фронт» А. Корнейчука, «Русские люди» К. Симонова и «Нашествие» Л. Леонова. В годы войны было создано немало пьес, посвященных непосредственно тем или иным героическим эпизодам войны: например, пьеса Ю. Чепурина «Сталинградцы» и другие. Широко обращались театры к героическому прошлому страны.

Большую роль в укреплении боевого духа воинов Красной армии и населения в тылу сыграли советские кинофильмы, в том числе и документальные. Наиболее заметными в то трудное время стали фильмы «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой» и «Ленинград в борьбе». Значительное место занимала и кинохроника боев за Севастополь, Сталинград, на Курской дуге и т. д.

С первого дня войны сражалась и песня. Музыка помогала пережить трудности, укрепляла веру в победу и звала в атаку. Появились такие широко известные и всенародно любимые песни, как «Синий платочек», «Землянка», а в осажденном Ленинграде 9 августа 1942 г. звучала седьмая симфония Д. Шостаковича, посвященная городу-герою. Ее создание композитор завершил в тяжелые сентябрьские дни 1941 г. в Ленинграде. Сам Шестакович так писал о своей симфонии: «Мне хотелось создать произведение о наших днях, о нашей жизни, о

наших людях, которые становятся героями, которые борются во имя торжества нашего над врагом. Работая над симфонией, я думал о величии нашего народа, о его героизме, о лучших идеалах человечества, о прекрасных качествах человека, о нашей прекрасной природе, о гуманизме, о красоте... Нашей борьбе с фашизмом, гуманизму, нашей грядущей борьбе над врагом, моему родному городу — Ленинграду я посвящаю свою 7-ю симфонию»[14]. К концу 1942 г. героическая симфония более 60 раз исполнялась в зарубежных странах. Величественная музыка сплачивала миролюбивые силы, вдохновляла людей на борьбу со злейшим врагом человечества — фашизмом.

Безусловно, одной пропагандой, какой бы она ни была интересной и привлекательной, невозможно было вдохновить народ на борьбу с врагом. Была выработана и проводилась целая система мероприятий, которые эффективно воздействовали на психику, на душу людей. Удалось найти правильный тон обращения, способствовавший органичному единению народа, политического и военного руководства в ратной и трудовой борьбе против фашизма.

В этом заключается одна из причин провала плана гитлеровского руководства по привлечению на свою сторону той части населения Советского Союза, которая пострадала в годы революции и Гражданской войны, раскулачивания и неоправданных репрессий и в какой-то мере была недовольна советской властью. И это вынуждены были признать руководители фашистской Германии.

Росту и укреплению духовных сил советского народа, Красной армии способствовали политика и практика ведения войны гитлеровскими войсками — антигуманная, бесчеловечная, зверская. С каждым днем и часом она все больше вызывала ненависть советских воинов, советского народа к фашистским войскам. Они разрушали города, промышленные предприятия, жгли деревни, расстреливали и вешали мирное население, подвергали жестоким пыткам, голоду советских военнопленных, сжигали их. Об этом рассказывали очевидцы, оставшиеся в живых после освобождения от немецкой оккупации. Например, в январе 1942 г. после разгрома немцев под Москвой И. Эренбург писал: «Страшны рассказы крестьян о черных неделях немецкого ига. Страшны не только зверства — страшен облик немцев». «Опоганили они нас... Всё украли паразиты», — говорили крестьяне[15].

Уже в первые годы войны Красная армия и советский народ прошли жестокую школу воспитания ненависти к врагу, освоили науку ненависти, о чем образно и убедительно написал М. Шолохов в своей «Науке ненависти», вышедшей в свет в то суровое военное время 1942 г. Он писал: «И воевать научились по-настоящему, и ненавидеть, и любить. На таком оселке, как война, все чувства отлично оттачиваются. Казалось бы, любовь и ненависть никак нельзя поставить рядышком; знаете, как это говорится: «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань», — а вот у нас они впряжены и здорово тянут! Тяжко я ненавижу фашистов за все, что они причинили моей Родине и мне лично, и в то же время всем сердцем люблю свой народ и не хочу, чтобы ему пришлось страдать под фашистским игом. Вот это-то и заставляет меня, да и всех нас, драться с таким ожесточением, именно эти два чувства, воплощенные в действие, и приведут к нам победу. И если любовь к Родине хранится у нас в сердцах и будет храниться до тех пор, пока эти сердца бьются, то ненависть всегда мы носим на кончиках штыков. Извините, если это замысловато сказано, но я так думаю, — закончил лейтенант Герасимов и впервые за время нашего знакомства улыбнулся простой и милой ребяческой улыбкой.

А я впервые заметил, что у этого тридцатидвухлетнего лейтенанта, надломленного пережитыми лишениями, но все еще сильного и крепкого, как дуб, ослепительно белые от седины виски. И так чиста была эта добытая большими страданиями седина, что белая нитка паутины, прилипшая к пилотке лейтенанта, исчезала, коснувшись виска, и рассмотреть ее было невозможно, как я ни старался»[16].

Ненавидеть врага призывали и такие писатели, как А. Толстой, С. Маршак, К. Симонов. И чем дальше шла война, тем больше наряду с беззаветной любовью к Родине советских воинов вела на героические дела и поступки жгучая ненависть к немецко-фашистским захватчикам. Они понимали, что нельзя победить врага, не научившись ненавидеть его всеми

Д. Д. Шостакович

А. Н. Толстой

силами души. Лозунг «Смерть немецким захватчикам!», выдвинутый в первые дни войны, стал призывом к действию. Ненависть к гитлеровцам удесятеряла силы советских воинов.

Любовь к Родине и ненависть к врагу в годы войны были органически слиты с мужеством, отвагой воинов, знанием ими военного дела, боевой техники и оружия, тактики ведения боя, боевым опытом и мастерством. Ратное мастерство позволяло им побеждать превосходящего противника умением, а не числом — и в обороне, и в наступлении.

Святое и осмысленное чувство любви к Родине, высокая гражданственность, так мощно проявившиеся в годы войны, стали источником морально-боевых качеств советских воинов: верности воинскому долгу, воинской присяге, мужества, смелости и т. д. По нравственной силе и значимости к героизму можно приравнять, пожалуй, верность воинскому долгу. В ней воедино слиты социально-нравственное и военно-профессиональное начало. В истории русской армии этому качеству всегда уделялось пристальное внимание. В обиходе широко применялись крылатые выражения: «Деятельность — первое достоинство воина», «Долг — душа военной службы», «Храбрая армия состоит из людей, преисполненных чувством долга», «Долг есть знание плюс действие» и другие.

Исполнение воинского долга немыслимо без воинского мастерства, высокого профессионализма. Последний не сразу стал достоянием всей Красной армии, он приобретался в ходе тяжелейших боев и сражений, в обороне и наступлении, в различной боевой обстановке. Сделать это было чрезвычайно трудно: фашистская армия имела хорошее оснащение в техническом отношении и хорошую подготовку. К тому же она обладала почти двухлетним опытом войны на Западе, а также преимуществом внезапности нападения. В этих тяжелейших условиях советские воины проявили себя как патриоты и на деле показали качества, необходимые в неравных оборонительных боях и сражениях. «Стоять насмерть!», «Ни шагу назад!» — так формулировались задачи в приказах народного комиссара обороны. Эти лозунги на разных фронтах часто трансформировались, облачались в форму, отражавшую задачи частей и соединений. Например, во время защиты Москвы по всей стране пронеслось: «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва!». В период обороны Сталинграда звучал лозунг «За Волгой для нас земли нет!».

Чтобы устоять перед натиском превосходившего противника, выполнить свой воинский долг, пограничникам, воинам Красной армии в первую очередь требовались стойкость и мужество, присутствие духа в опасности. Без наличия у воинов Красной армии этих морально-боевых качеств невозможно было выполнить воинский долг, защитить Отечество. И они у них нашлись. Более того, эти качества совершенствовались, наполнялись новым, более глубоким содержанием по мере обретения Красной армией опыта войны, с одной стороны, и под влиянием политической работы, которая тогда в ней проводилась, — с другой.

В судьбоносные дни войны, в ее поворотные моменты героические подвиги воинов Красной армии и ВМФ стали символичны: они свидетельствовали, что занимается заря победы. Сначала это было в битве за Москву, а потом — за Сталинград.

Благодаря мужеству и самоотверженности защитников Москвы воины Красной армии выстояли, а потом сами перешли в контрнаступление. Стратегическая инициатива в противоборстве с фашистской Германией перешла к Красной армии, Советскому Союзу. Однако весенние напряженные военные действия 1942 г. для советских войск оказались неудачными. Ударной группировке фашистских войск удалось прорваться в большую излучину Дона. Создалась непосредственная угроза Сталинграду и Северному Кавказу. В такой обстановке призыв «Ни шагу назад!» стал боевым девизом каждой части, каждого командира, каждого бойца.

В ходе боев за Сталинград борьба велась за квартал, улицу, дом, а в доме — за этаж, комнату. Законом защитников города был девиз: «Каждый дом — крепость, защищающее его подразделение — непобедимый гарнизон».

Символами защиты Сталинграда стали знаменитый дом Павлова и Мамаев курган. 58 дней сражались защитники неприступного дома-крепости под руководством И. Ф. Афанасьева и Я. Ф. Павлова. Позже историки подсчитали: в боях за Париж немцы потеряли

Героический дом Павлова после Сталинградской битвы

меньше людей, чем за один этот дом. Мамаев курган — место самых кровопролитных боев. Курган не раз переходил из рук в руки. Здесь не осталось места, где бы ни разорвались снаряд, мина, авиабомба, каждый квадратный метр был полит свинцовым дождем. После окончания Сталинградской битвы В. И. Чуйков писал в редакцию «Комсомольской правды»: «Комсомольцы со своим... бесстрашием и мужеством во имя победы Родины шли на легендарные, неслыханные в истории войн подвиги... Потомки наши никогда не забудут величия духа и сказочной крепости комсомольских сердец у стен Сталинграда»[17].

Выражением этой силы Красной армии, всего советского народа были не только стойкость и мужество, столь необходимые, чтобы выдержать огромное давление сильного и опытного противника, но и такие качества, как отвага, храбрость и порыв — обязательные качества, без которых невозможно наступать на врага. Без этого немыслимо представить Сталинградскую и Курскую битвы, в которых воины Красной армии показали весь спектр морально-боевых качеств, необходимых для победы. В неразрывном единстве с вновь обретенной и закрепленной стратегической инициативой Красная армия обрела огромную наступательную мощь, которая и была реализована в последующих боях и сражениях.

Необходимо особо подчеркнуть: в наступательных боях и сражениях советские воины проявили такое качество, как порыв, без которого невозможен успех. Оно не появилось вдруг, а уже выказывалось воинами в контрударах 1941 г., контрнаступлении под Москвой. Высокий наступательный порыв показали воины Ленинградского и Волховского фронтов, когда в январе 1943 г. разрывали кольцо блокады. Геройски дрались советские танкисты в

ходе Курской битвы в июле 1943 г. Беспримерным в истории войн ратным порывом явилось массовое форсирование Днепра в сентябре 1943 г. «Сражение за Днепр приняло поистине эпические размеры. Никогда еще не выделялось из множества храбрых советских воинов столько сверххрабрых. Красная армия, давшая уже миру столько примеров воинской отваги, словно превосходит самое себя»[18].

В форсировании Днепра принимали участие сотни тысяч воинов. Успех операции стал возможен благодаря массовому героизму советских воинов, их высокому наступательному порыву, боевому мастерству. Как Волга в свое время явилась местом, где величайшему испытанию подверглась стойкость советских бойцов и командиров в обороне, так на берегах Днепра с невиданной силой проявился их наступательный порыв, решимость изгнать оккупантов со священной земли Отечества.

В переломных для хода войны боях, сражениях все больше и полнее раскрывалась «тайна» подвигов, героизма воинов Красной армии, когда они сознательно делали шаг, выходящий за привычные нормы поведения, возлагали на себя высшую степень моральной ответственности. Особое значение при этом имели глубина, содержание побудительной идеи поступка. Не его исключительность и необычность, а прежде всего соответствие духовным идеалам времени и требованиям обстановки. Причем подвиг — это не только миг его свершения, а закономерный результат пути, который человек прошел до того момента, когда все его духовные и физические силы, знания и умения, мужество и талант вылились в героический порыв.

Воины Красной армии не просто ощутили, а поняли, что победить врага, особенно такого, каким была фашистская армия, невозможно без владения инициативой. Потому борьба за обладание инициативой была постоянной и нарастающей от тактического уровня вооруженной борьбы до стратегического.

Решающий вклад СССР в победы антигитлеровской коалиции

Военные события на советско-германском фронте, главном и решающем фронте Второй мировой войны явились убедительным подтверждением и яркой иллюстрацией издавна известной истины о том, что успех соизмеряется не столько положением, которого человек достиг, сколько теми препятствиями, которые ему пришлось преодолеть на пути к успеху. В 1941—1943 гг. Советский Союз в борьбе с фашистской агрессией преодолел такие препятствия, которые оказались не по силам самым мощным государствам Европы — Великобритании и Франции. Да, по сути, бессильными перед фашизмом оказались все европейские государства.

И прежде, и теперь нередко говорят и пишут, что коренной перелом во Второй мировой войне связан не с победой Красной армии в Сталинградской и Курской битвах на советско-германском фронте, а с победой англо-американских войск в сражении под Эль-Аламейном в Северной Африке в 1943 г. Это, конечно, не просто преувеличение, а явная фальсификация военных событий, происходивших на советско-германском фронте, призванная принизить роль Советского Союза в победе над фашистской Германией.

Однако реальная история опровергает подобные фальсификации. Ибо победа союзников над войсками вермахта в сражении под Эль-Аламейном и разгром врага Красной армией в Сталинградской и Курской битвах неравнозначны по своему значению, хотя они и обозначили завершение одного периода войны и начало другого, изменение ее характера и хода. Но они еще больше обнажили устремления и цели, политику и стратегию воевавших сторон, их несовместимость, в первую очередь в геополитической и исторической сферах, в полной мере вскрыли сильные и слабые стороны ведения войны, тенденции и перспективы мирового противоборства.

Эти победы имеют существенные различия по своему воздействию на ход войны. Когда под Сталинградом на главном фронте Красной армией была разгромлена крупнейшая стратегическая группировка агрессора, на которую военно-политическое руководство Германии возлагало большие надежды по осуществлению своих геополитических планов, стало ясно, что война пошла вспять — туда, откуда она пришла. В войне произошел коренной перелом, подготовленный усилиями советского народа, победами Красной армии. Последовали ее новые удары на огромном фронте от Ладожского озера до предгорий Кавказа: зимой и весной 1943 г. агрессор потерпел поражение на Северном Кавказе, Верхнем Дону и под Ленинградом, на курском и харьковском направлениях, а в Донбассе он не смог, как предполагал, перейти планомерно к обороне и привести свои войска в порядок. Стратегическая инициатива оказалась в руках советского командования, и оно стало определять развитие вооруженной борьбы и диктовать свою волю противнику.

Коренной перелом на советско-германском фронте стал необратимым для всей Второй мировой войны, во всех ее сферах. Увеличивался размах борьбы, росли вооруженные силы, развивалось производство военной техники и вооружения. Было ликвидировано существовавшее в 1941–1942 гг. превосходство фашистской Германии в военно-технической области. Окрепли морально-боевой дух Красной армии, советского народа и решимость разгромить захватчиков. Укрепилась антигитлеровская коалиция, а в фашистском блоке усиливался кризис.

Именно ход вооруженного противоборства показал, что государства фашистского блока развязали и вели несправедливую, захватническую войну. Их теория и практика свидетельствовали, что они рвались к мировому господству, захвату и подчинению стран Европы, Азии, Африки, Америки. Главную роль играла нацистская Германия. Но и фашистская Италия, мечтая о захвате новых территорий, рассчитывала с помощью войны обеспечить себе наравне с Германией ведущее место в решении послевоенных вопросов. Милитаристская Япония стремилась к установлению гегемонии в Азии, включая Китай и значительную часть советского Дальнего Востока. Она хотела вместе с Германией сокрушить США — своего главного соперника в бассейне Тихого океана.

События на советско-германском и других фронтах в 1941–1943 гг. наглядно показали, что военные действия Германии являлись прямым и непосредственным продолжением мощного устремления ее к первенству в Европе и в мире вообще, «которое на протяжении многих веков определяло путь германской нации»[19]. Поэтому не удивительно, что замысел войны против СССР имел название «План Барбаросса» — по прозвищу императора Священной Римской империи (1155–1190) Фридриха I Барбароссы. Именно Советский Союз в XX веке являлся главной преградой на пути гегемонистских захватнических и истребительных планов Германии. Его и хотел агрессор разгромить и покорить в первую очередь, стремясь к мировому господству.

Одновременно Германия и ее ближайшие союзники преследовали и ярко выраженные антидемократические цели, направленные против коренных интересов других народов. Ход войны показал, что агрессорами уничтожались демократические свободы, подавлялись любые выступления народов в защиту своих прав, распускались и запрещались политические партии, ликвидировались профсоюзы и другие общественные организации. С особой жестокостью нацисты расправлялись с русскими и другими народами Советского Союза, а также с коммунистическим и рабочим движением в других странах.

Для достижения захватнических гегемонистско-геополитических и антидемократических, антигуманных целей Германия (да и ее союзники) в ходе войны применяла самые бесчеловечные методы, попирающие элементарные нормы морали и противоречащие международному праву. Агрессоры всюду сеяли смерть, разрушение. Дикое варварство и бесчеловечность, ненависть к другим народам, науке, культуре, традициям — характерные черты несправедливой, реакционной войны, которую вели Германия и другие государства фашистского блока.

Реализация военных целей зависела от политического «климата» в противоборствующих коалициях. В антигитлеровском блоке этот «климат» способствовал достижению военных

целей, а в фашистской — препятствовал. В ходе войны материальная и духовная база для победы над врагом у Советского Союза и других стран антигитлеровской коалиции расширялась. В то же время у фашистской Германии основа для реализации военных целей сужалась.

Особо показательно это выразилось в ключевых явлениях и процессах, определяющих ход вооруженной борьбы, а также войны в целом; прежде всего, как уже отмечалось ранее, в обладании воюющими сторонами стратегической инициативой, которая является важнейшим фактором, предопределяющим перспективы ведения войны и достижение ее целей. Сторона, владеющая инициативой, располагает свободой выбора времени и места нанесения ударов по противнику, имеет возможность по своему усмотрению использовать вооруженные силы и применять наиболее выгодные формы и способы ведения военных действий, а также навязывать волю врагу и воздействовать на изменение военно-политической обстановки в свою пользу.

В ходе Великой Отечественной войны советскому командованию пришлось дважды захватывать инициативу в свои руки. Сначала в битве под Москвой зимой 1941 г., а затем вторично в битве под Сталинградом. Разгром крупной группировки германского вермахта и его союзников под Сталинградом привел к изменению соотношения сил на всем советско-германском фронте в пользу СССР. Это означало, что военная мощь Германии серьезно ослабла, а гитлеровские планы завоевания мирового господства провалились. Моральный дух агрессора — населения и армии — был подорван. Фашистская Германия вступила в полосу кризиса.

Под воздействием побед Красной армии на советско-германском фронте произошло изменение характера борьбы и на других театрах и фронтах в пользу антигитлеровской коалиции. Союзники добились серьезных успехов. Они нанесли поражение немецким и итальянским войскам в Северной Африке, прежде всего под Эль-Аламейном, завоевали господство на Средиземном море и этим создали благоприятные предпосылки для вторжения в Италию. Весной 1943 г. произошел перелом в действиях союзников в Атлантике. Успешными были военные действия вооруженных сил США на Тихом океане против Японии. Союзники получили возможность использовать средиземноморские коммуникации для связи с Ближним Востоком, Индией, а также со своими войсками в районе Индийского и Тихого океанов.

В результате наступательных действий англо-американские войска заняли Сицилию и южную часть Апеннинского полуострова. Италия капитулировала, что привело к заметному ослаблению фашистского блока и началу его распада. Однако эти обстоятельства не были использованы союзниками для открытия второго фронта в Северной Франции.

Значительные изменения в военной обстановке произошли на атлантических коммуникациях во второй половине 1943 г. Германский подводный флот уже не мог создать серьезную угрозу морским флотам США и Англии. Их коммуникации в Атлантике с середины 1943 г. были надежно обеспечены.

К концу 1943 г. под влиянием событий на советско-германском фронте произошли существенные перемены и на Тихоокеанском театре военных действий. Превосходство союзных сил над вооруженными силами Японии нарастало, и, несмотря на отсутствие крупных военных действий, существенно менялась стратегическая обстановка и на этом театре в пользу союзников. Стала очевидной несостоятельность расчетов японского политического и военного руководства на затяжную войну.

Вооруженная борьба, развернувшаяся в 1943 г. на Тихоокеанском, Атлантическом, Средиземноморском театрах военных действий, оказала сравнительно небольшое влияние на общий ход Второй мировой войны: война на море имела вспомогательное значение. Главные, определяющие ход войны военные события, как известно, происходили на сухопутных театрах, прежде всего на советско-германском фронте.

Решающая роль Советского Союза в достижении коренного перелома в ходе Второй мировой войны подтверждается и тем, что наибольшая численность личного состава и боевой техники вермахта и его союзников сосредоточивалась на советско-германском фронте. Здесь находились лучшие, наиболее укомплектованные дивизии.

Танки М-4 «Шерман» в пустыне под Эль-Аламейном

Немецкие военнопленные под охраной английских солдат

В полосе от Белого до Черного морей летом 1941 г. вели бои 190 дивизий Германии и ее союзников (95,5% общего количества сухопутных сил), в апреле 1942 г. — 219 дивизий (92,5%), в ноябре 1942 г. — 266 дивизий (95,5%), в апреле 1943 г. — 233 дивизии (94,1%), в январе 1944 г. — 245 дивизий (92,1%). В вооруженной борьбе на советско-германском фронте было сосредоточено до 81% орудий и минометов, до 67% бронетанковой техники, до 60% боевых самолетов противника. Советско-германский фронт отвлекал основные силы союзников Германии. Так, в июне 1941 г. в боях с Красной армией участвовали 29 дивизий и 16 отдельных бригад, в ноябре 1942 г. — 66 дивизий и 13 отдельных бригад, в июле следующего года — 32 дивизии и восемь отдельных бригад[20]. Кроме того, на оккупированной территории с германскими властями сотрудничали почти 750 тыс. человек (они служили в полувоенных формированиях, полиции и антипартизанских командах). «Добровольных помощников» (хиви) было около 700 тыс. В боевых частях вермахта проходили службу 400–450 тыс. человек. Большинство из них были распределены по отдельным батальонам и ротам, приданным германским дивизиям[21].

Иное положение складывалось на тех театрах, где находились американо-английские вооруженные силы. В Северной Африке с ноября 1942 г. по май 1943 г. против войск союзников боевые действия вели 12–15 немецких и итальянских дивизий, их общая численность в ноябре 1942 г. составляла 80 тыс. человек. В Сицилии против американских и английских войск действовали две немецкие и девять итальянских дивизий, 150 танков, 270 итальянских и до 300 немецких самолетов. На Апеннинском полуострове войскам союзников противостояли лишь 17–21 немецкие дивизии — в десять с лишним раз меньше, чем на советско-германском фронте.

На Тихоокеанском театре военных действий союзникам противостояли довольно значительные силы военно-морского флота и авиации Японии. К осени 1943 г. Япония имела 209 кораблей основных классов и 2283 самолета. Численность личного состава японских вооруженных сил на островах Тихого океана и в Бирме достигала 450 тыс. человек. Союзники на Тихоокеанском театре к этому времени имели до 500 тыс. солдат и офицеров, 333 боевых корабля основных классов и 2040 самолетов. Однако в 1943 г. на этом театре не проводилось широких военных действий, а в локальные операции вовлекались ограниченные силы сторон[22].

Представляют большой интерес данные, приведенные У. Черчиллем: с 1 января 1943 г. по 1 января 1944 г. на всех театрах Второй мировой войны сражалось от 19 до 24 дивизий Британской империи и от 15 до 22 дивизий США. Они были разбросаны на огромных пространствах в разных частях света, и их усилия распылялись. Советский Союз в это время вел напряженную борьбу против основной группировки вермахта и его европейских союзников силами от 425 до 489 дивизий[23].

Советско-германский фронт не только сковывал основные силы немецко-фашистской армии и ее союзников, но и резко отличался от других фронтов пространственным размахом и высокой активностью борьбы. В течение почти всего второго периода войны на основных направлениях советско-германского фронта велись широкие военные действия, превосходящие по интенсивности вооруженной борьбы все другие фронты.

Огромные масштабы и напряженность вооруженной борьбы на советско-германском фронте обусловили большие потери фашистской Германии и ее союзников на востоке. С ноября 1942 г. до конца 1943 г. в сухопутных войсках вермахта они составили около 2 млн 600 тыс. человек, было уничтожено до 7 тыс. танков (без учета штурмовых орудий), 14 300 боевых самолетов, около 50 тыс. орудий. Для укрепления восточного фронта гитлеровское командование перебросило с запада свыше 70 дивизий. Даже во время развертывания боевых действий англо-американских войск в Италии, с июля по декабрь 1943 г., оно было вынуждено направить из стран Западной Европы на советско-германский фронт 29 дивизий и пять бригад, в том числе три дивизии из Италии[24].

Потери, понесенные армиями фашистского блока на остальных театрах Второй мировой войны, были значительно меньше, чем на советско-германском фронте. Наибольший урон

Рабочие американского завода устанавливают двигатель в танк М3

вооруженным силам фашистского блока англо-американские войска нанесли в Северной Африке, где в мае 1943 г. капитулировала 240-тысячная группировка итало-немецких войск.

Приведенные выше данные и факты убедительно показывают, что главные участники антигитлеровской коалиции внесли неодинаковый вклад в осуществление коренного перелома в ходе Второй мировой войны. Решающей была роль Советского Союза, его Красной армии, партизан и тружеников тыла. Их вклад был осуществлен еще до вступления в борьбу основных сил союзников и до открытия ими второго фронта в Европе.

На перелом в ходе Второй мировой войны большое влияние оказал экономический фактор. Экономическое противоборство коалиций проявлялось в полной мобилизации материальных, сырьевых ресурсов, резервов рабочей силы для укрепления военно-экономического потенциала и увеличения военного производства. При этом увеличение численности вооруженных сил воюющих коалиций и возрастание размаха вооруженной борьбы оказывало влияние на уклад жизни многих государств. Десятки миллионов людей находились на полях сражений, а сотни миллионов обеспечивали их борьбу вооружением, снаряжением, продовольствием, военной техникой и боеприпасами.

Экономика основных государств антигитлеровской коалиции с лета 1941 г. до конца 1942 г. была переведена на военные рельсы. В исключительно сложном положении оказался СССР, вынужденный осуществлять перестройку экономики и создавать слаженное военное хозяйство в условиях тяжелейших сражений на огромном фронте, при значительной потере важных экономических районов и перемещении производительных сил с запада на восток страны. Развернулось острое экономическое противоборство антифашистской коалиции и фашистского блока.

Условия мобилизации экономических ресурсов для обеих противоборствующих сторон были сложными вследствие географической разобщенности основных воюющих государств. В более выгодном положении находился фашистский блок. Однако общее экономическое превосходство оказалось на стороне антигитлеровской коалиции. Это обеспечило ей наращивание военного потенциала и увеличение выпуска военной продукции. К концу 1942 г. антигитлеровская коалиция превзошла в производстве основных видов вооружения, военной техники фашистский блок по боевым самолетам более чем в три раза, по танкам почти в десять раз, по артиллерии в пять раз. Она имела также подавляющее превосходство по вводу в строй крупных надводных кораблей. Качественное превосходство фашистского блока по отдельным видам вооружения было в основном ликвидировано. Характер вооруженной борьбы на советско-германском фронте все больше складывался не в пользу Германии и под влиянием того, что ее военная экономика испытывала все возрастающее перенапряжение. Несмотря на значительный рост производства, потери на фронте не могли уже в полной мере восполняться текущими поставками военной промышленности Германии и ее союзников.

Расчеты руководства Третьего рейха удержать за собой богатейшие области Северного Кавказа, Украины, Донбасса оказались нереальными. Освобождение этих важнейших районов Красной армией и восстановление высокими темпами их экономики способствовали укреплению военной мощи Советского Союза. Экономические и людские ресурсы, на которые опирались агрессоры в ведении войны, значительно сократились. Противнику не удалось захватить нефть Кавказа и этим решить одну из острейших военно-экономических проблем фашистской коалиции. Попытки гитлеровского руководства выправить положение на фронте при помощи чрезвычайных мер по тотальной мобилизации ресурсов Германии, ее союзников и оккупированных стран не увенчались успехом.

Советская экономика, несмотря на временную потерю важных экономических районов, обеспечила производство военной техники в больших размерах, чем нацистская Германия, использовавшая ресурсы значительной части Европы.

В 1943 г. страны антигитлеровской коалиции и фашистского блока добились значительного подъема военной экономики. Однако количественные и качественные показатели этих результатов свидетельствовали о том, что Германия, Япония и их союзники не выдержали

экономического противоборства. Военная экономика стран антигитлеровской коалиции развивалась более быстрыми темпами, и ее превосходство вскоре стало подавляющим.

Военные и экономические успехи Советского Союза стали важным фактором его ведущей роли в антигитлеровской коалиции. Союзники вынуждены были все больше с этим считаться: возможность поражения фашистской Германии на советско-германском фронте усиливалась. Укрепление политических позиций Советского Союза на международной арене заметно проявилось и на Тегеранской конференции 1943 г. Здесь был решен вопрос о сроках открытия второго фронта в Европе.

Коренной перелом в ходе Великой Отечественной и Второй мировой войн стимулировал значительный рост антифашистской борьбы во всех оккупационных странах, а в движении Сопротивления усиливалось влияние левых сил, руководимых политическими партиями. Для нацистских захватчиков становились все более сложными проблемы обеспечения безопасности тыла и эксплуатации экономических ресурсов оккупированных территорий. Они безуспешно пытались разрешить их усилением террора, подавлением народной борьбы.

Проявило себя и национально-освободительное движение в Индии, странах Среднего Востока и ряде стран Африки. В сложных условиях боролся против оккупантов и китайский народ. Пробуждались национально-демократические силы Латинской Америки. Большинство государств и народов мира поддерживали справедливую, освободительную борьбу антигитлеровской коалиции, сочувствовали жертвам агрессии.

Разгром вермахта на советско-германском фронте, а также поражение немецких и итальянских войск в Северной Африке и Италии углубили кризис внутри фашистского блока. Началось крушение оси Берлин — Рим — Токио. Осложнилась обстановка в Румынии, Венгрии, Финляндии. Все более широкий размах принимала борьба югославских патриотов против немецких оккупантов и их приспешников. Росло сопротивление в Греции, Албании, Франции, Польше, Болгарии, Чехословакии и других странах Европы. Ухудшилось международное положение фашистского блока. Осложнилась внутриполитическая обстановка и в государствах-агрессорах. Рос кризис доверия к политическому и военному руководству Третьего рейха.

Однако путь к окончательной победе был еще долог, предстояла тяжелая борьба, требовавшая новых усилий. Хотя решающий рубеж уже удалось преодолеть. Советский Союз был уверен, что его дело правое, победа будет за ним и наступит новая историческая эпоха.

Советский военный фактор в войне в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Место СССР в антигитлеровской коалиции, его вклад в борьбу союзников в Азиатско-Тихоокеанском регионе с самого начала определялись той ролью, которую он играл в войне с нацистской Германией — основной ударной силой фашистско-милитаристского блока. Решающее значение в изменении характера вооруженной борьбы и достижении союзниками по антигитлеровской коалиции общей победы сыграл фактор советско-германского фронта. Причем значимость этого фактора начала сказываться на судьбах Второй мировой войны уже с первых месяцев Великой Отечественной. Британский комитет начальников штабов отмечал в конце 1941 г., что одним из наиболее крупных изменений в международной обстановке явилась неспособность Германии разгромить Красную армию[25]. Упорным сопротивлением фашистской агрессии СССР оказывал позитивное влияние на ход Второй мировой войны в целом. Это определенным образом влияло на принятие военно-политическим руководством Японии решения о выборе направления расширения своей агрессии.

С нападением фашистской Германии на Советский Союз руководство Японии не оставляло намерений нанести удар по СССР. Генеральный штаб и военное министерство Японии

одновременно развернули широкомасштабную подготовку к проведению наступательных операций против советских войск на Дальнем Востоке и в Сибири, предприняв меры к резкому наращиванию Квантунской группировки войск. К сентябрю 1941 г. численность солдат и офицеров этой группировки была увеличена почти в 2,5 раза, составив 850 тыс. человек. Всего же выделенная для вторжения группировка, включая армии марионеточных государств и войска, дислоцировавшиеся в Маньчжурии, Корее, на Курильских островах и Южном Сахалине, насчитывала свыше 1 млн человек[26].

С самого начала Второй мировой войны план ведения военных действий Японией предусматривал тесную координацию в рамках фашистско-милитаристского блока. Очередным шагом в этом направлении являлось военное соглашение между Германией, Италией и Японией, заключенное в январе 1942 г., через шесть недель после нападения последней на Пёрл-Харбор. Первая часть этого соглашения — «Разделение зон операций» — не только устанавливала разграничительную линию между японскими и германскими интересами по 70 градусу восточной долготы на всем Азиатском субконтиненте, но и предусматривала непосредственное взаимодействие договаривающихся сторон. В частности, в целях взаимопомощи соглашение предполагало передислокацию флотов с одного театра войны на другой.

Провал германского плана молниеносной войны, сохранение на восточных рубежах СССР крупной группировки советских войск не позволили осуществиться замыслам японского и германского правительств. Тем не менее сосредоточение у границ СССР миллионной группировки японских войск вынуждало советское командование держать на Дальнем Востоке и в Сибири большие силы и средства (от 15 до 30% общего боевого состава Красной армии). Нет смысла говорить, насколько необходимы были эти войска на советско-германском фронте — тем самым Япония оказывала серьезную помощь германской армии.

В 110-томном труде «Официальная история войны в Великой Восточной Азии» признается: «В основе отношений между Японией и Германией лежала общая цель — сокрушить Советский Союз... В военном министерстве считали, что Япония должна способствовать успехам германской армии... Под верностью Тройственному пакту понималось стремление не уступать Англии и США, обуздать их силы в Восточной Азии, сковать армию Советского Союза на Дальнем Востоке и, воспользовавшись удобным моментом, разгромить ее»[27].

Гитлеровское руководство высоко оценивало такую форму участия Японии в войне против СССР. Министр иностранных дел Германии И. Риббентроп в телеграмме японскому правительству от 15 мая 1942 г., подчеркивая эффективность японской политики сковывания советских войск на Дальнем Востоке, с удовлетворением отмечал тот факт, что «Россия должна держать войска в Восточной Сибири в ожидании русско-японского столкновения»[28].

Окончательное решение о начале войны на Тихом океане японским военно-политическим руководством принималось в условиях, когда, с одной стороны, усилиями советского народа и Красной армии был сорван план гитлеровского блицкрига против СССР, а в результате затянувшейся войны Японии в Китае японское руководство увидело бесперспективность развертывания агрессии на северном континентальном направлении. С другой стороны, Токио терпел неудачу в попытках достичь своих экспансионистских целей за счет уступок США на переговорах в Вашингтоне (а без сырьевых ресурсов стран Южных морей, особенно нефти, добиться крупных успехов в войне на континенте было невозможно), и это тоже сказалось на выборе южного направления агрессии.

Даже командующий объединенным флотом ВМС Японии адмирал И. Ямамото, который был долгое время противником войны против США, уже не видел иного варианта. Однако он считал, что, если война случится, то она должна быть краткосрочной. Единственным способом для Японии добиться поставленных целей являлось нанесение внезапного сокрушительного удара по главным силам противника с последующим быстрым заключением мирного соглашения на выгодных для Японии условиях и переносом основных усилий на континент[29].

Выбор времени развязывания войны на юге определялся тем, что Япония осознала свою неготовность вступить в войну против СССР в летне-осенний период и считала крайне важ-

ным форсировать начало военных действий на юге. При этом она исходила из необходимости закончить всю кампанию в зимние месяцы, чтобы иметь возможность подготовиться к войне на севере против СССР к следующему лету. Вместе с тем вторая половина зимы, особенно февраль, по метеорологическим условиям (сильные ветры, штормы) неблагоприятна для действий в юго-западном районе Тихого океана. Таким образом был выбран декабрь 1941 г.

Тщательно осуществлялся и выбор дня и часа начала операций: учитывалось время, когда луна находится в стадии и фазе, которые позволяли облегчить действия авиации и развертывание десантных операций еще до рассвета. Кроме того, было решено начинать войну в воскресенье или в ночные и ранние утренние часы понедельника, то есть тогда, когда часть военнослужащих противника еще находится в увольнении, отдыхает или только собирается приступить к выполнению своих служебных обязанностей, и боевая готовность сил и средств снижена.

В результате всех этих расчетов временем начала войны и большинства первых крупных операций было выбрано раннее утро понедельника 8 декабря 1941 г. по японскому и восточноазиатскому датоисчислению (воскресенье, 7 декабря по Гринвичу).

В условиях ограниченного военно-экономического потенциала Японии внезапность была практически единственно возможным способом военных действий, призванным обеспечить победу в краткосрочной войне. Принципы блицкрига, особенно внезапность нападения и стремление достичь решающих результатов в первых ударах, явились характерными чертами и основными предпосылками успеха всех стратегических и большинства оперативно-тактических планов Японии начального этапа войны.

Скрытно развернув стратегические группировки войск и сил флота на избранных направлениях накануне войны, японское командование начало агрессию шестью одновременными внезапными ударами-операциями, которые застали противника врасплох и деморализовали его.

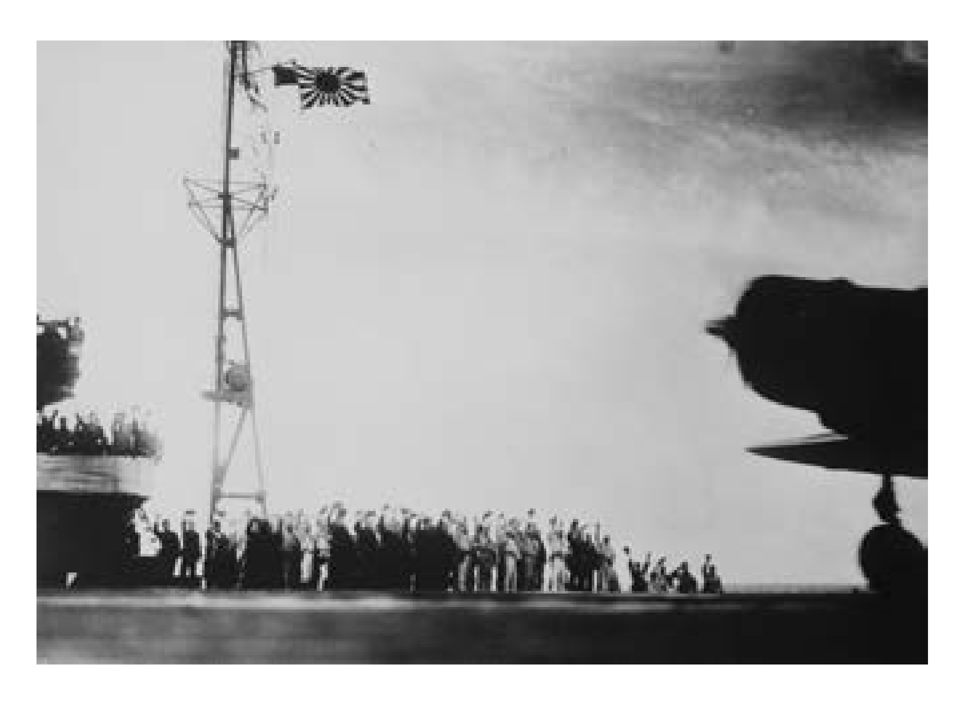
Наряду со стратегически важной по достигнутому результату Гавайской операцией японского флота, основным содержанием которой был мощный удар палубной авиации по главной базе Тихоокеанского флота США Пёрл-Харбору, в начальном периоде войны на Тихом океане Япония провела еще две стратегические (Малайскую и Филиппинскую) операции своих вооруженных сил[30].

Японские вооруженные силы, не встретив серьезного сопротивления, в первые пять месяцев войны овладели территорией в 4 млн 242 тыс. кв. км (на которой проживали более 200 млн человек), а вместе с занятыми ранее районами Китая — 9 млн 801 тыс. кв. км. Под гнетом японской военщины оказались около 400 млн человек[31].

В результате стремительного наступления японских военно-морских сил и сухопутных войск в Азиатско-Тихоокеанском регионе вооруженные силы США и западных союзников к маю 1942 г. оставили Гонконг, Малайю, Филиппины, Голландскую Индию, Бирму. Японские войска вошли без боев в Таиланд и вышли на подступы к Индии и Австралии.

Стратегическая внезапность была достигнута Японией благодаря многолетней одновременной и практически равнозначной разработке и осуществлению на подготовительном этапе двух альтернативных планов развертывания военных действий — на северном (против СССР) и южном (против США, Англии и Голландии с их колониальными владениями) направлениях. Антисоветизм в политике и стратегии японских правящих кругов рассматривался ими не только как средство мобилизации людских ресурсов на войну, но и как одно из наиболее действенных средств маскировки планов войны со своими империалистическими конкурентами в Азии. Особенно действенным этот прием оказался после нападения на Советский Союз фашистской Германии. Расчет строился на том, что, уверовав в исключительно антисоветскую направленность политики и стратегии Японии, западные державы вряд ли будут, забыв о собственной безопасности, и дальше проводить курс на ее «умиротворение» в целях поощрения к войне против СССР. Этот расчет оправдался полностью.

Ход Второй мировой войны как на Европейско-Атлантическом, так и на Азиатско-Тихоокеанском театрах войны в 1941—1943 гг., в самый драматичный ее период, в полной

Первый самолет вылетает с авианосца на Пёрл-Харбор для начала японской атаки на базу военно-морского флота США

Вид на гавань Пёрл-Харбора с горящими американскими боевыми кораблями

мере зависел от стойкости Советского Союза и его вооруженных сил. В то время как никогда отчетливо проявились единство и взаимозависимость вооруженной борьбы во всем ее глобальном масштабе.

В годы Второй мировой войны многие крупные военные деятели США и других союзников по антигитлеровской коалиции не раз говорили о том громадном и решающем вкладе, который Советский Союз вносил, громя немецко-фашистских захватчиков, в уничтожение фашистско-милитаристского блока, спасение их народов от угрозы военного нашествия.

В этой связи уместно напомнить о многочисленных высказываниях по этому поводу таких политических деятелей, как президент США Ф. Рузвельт, премьер-министр Великобритании У. Черчилль, а также видных военачальников, например генерала Д. Эйзенхауэра, Дж. Маршалла, сделанных в то суровое военное время. Всем им была присуща широта мышления, способность увидеть в минувшей войне не простую сумму изолированных друг от друга операций и сражений, а целостное явление, имя которому — коалиционная мировая война.

Президент США Ф. Рузвельт в июне 1942 г. в беседе с министром финансов Г. Моргентау заявил, что ответ на вопрос — выиграют они войну или проиграют? — зависит от русских: если они смогут продержаться все лето и будут сковывать в боях три с половиной миллиона немцев (фактически 5,5 млн, а с учетом войск союзников 6,5 млн человек), то США определенно смогут одержать победу[32]. Тем самым признавалось очевидное: если бы не фактор советско-германского фронта, мировая война могла бы завершиться в пользу фашистско-милитаристской коалиции уже в 1942 г.

То, что военные действия на всех театрах и фронтах Второй мировой войны были единым целым, взаимосвязанным и взаимодополняющим, отмечают и китайские историки: «Советско-германский фронт был главным как на Европейском театре войны, так и главным фронтом военных действий Второй мировой войны. Героическая борьба советского народа и советских вооруженных сил сковала и уничтожила основную часть немецких войск. В стратегическом отношении она оказывала большую помощь Англии и США»[33].

Развитие военно-политической обстановки на советско-германском фронте обусловило выработку военной стратегии союзников, исходившей из принципа первоочередности разгрома фашистской Германии, а затем уже и милитаристской Японии, о чем было заявлено на Вашингтонской конференции в декабре 1941 – январе 1942 гг. В памятной записке, подготовленной созданным на конференции смешанным американо-британским комитетом начальников штабов, указывалось: «Мы по-прежнему считаем Германию главным противником: ее разгром является ключом к победе. Поражение Германии должно повлечь за собой капитуляцию Италии и разгром Японии»[34]. Победа над Японией, таким образом, уже тогда ставилась в прямую зависимость от исхода вооруженной борьбы на советско-германском фронте.

В октябре 1942 г. эта же мысль была высказана Ф. Рузвельтом в послании к И. В. Сталину: «Поражение Германии — наилучший и наиболее верный путь обеспечения поражения Японии, так как без помощи более сильного в военном отношении союзника Япония не в состоянии добиться своих военно-стратегических целей»[35].

1942 г. вошел в историю как начало коренных изменений не только в ходе Великой Отечественной, но и Второй мировой войны в целом. Это был фактически первый год серьезных испытаний для фашистской Германии. Ее планы блицкрига рушились под все возраставшим противодействием Красной армии. Это был период, когда мир впервые почувствовал после битвы под Москвой, что фашизм может быть разбит. Не менее сложным стал 1942 г. для Японии, которая постепенно теряла стратегическую инициативу на Азиатско-Тихоокеанском театре войны. Это вместе с тем был нелегкий период для антигитлеровской коалиции, и не только для Советского Союза, где враг, стремясь взять реванш за Москву, остервенело бросился на Сталинград, но едва ли не в большей степени для США, Англии и других союзников по войне на Тихом океане. Они оказались в чрезвычайно трудной ситуации. «Это был год, в котором мы имели крайне узкие возможности избежать гибели, значительно более узкие, чем это представляют себе многие американцы»[36].

Весной 1942 г. военно-политическая обстановка в зоне Тихого океана и на Азиатско-Тихоокеанском театре войны в целом из-за больших потерь США и Великобритании в военно-морских силах и утраты ими важных стратегических позиций и опорных пунктов складывалась для этих стран неблагоприятно. Япония продолжала вести приготовления к развертыванию войны против Советского Союза, на чем настаивала фашистская Германия. Из Москвы в Токио был вызван японский военный атташе полковник М. Ямаока. В своем обширном докладе, датированном 1 мая 1942 г., он сделал следующий вывод: «Вопрос стоит так: либо заключить мир между Германией и Советским Союзом и привлечь СССР на сторону стран оси, либо полностью разгромить Советский Союз в японо-германо-советской войне. Если какое-либо из этих условий не будет осуществлено, СССР окажется для Японии в нынешней войне последней самой большой злокачественной опухолью»[37].

К лету 1942 г. наступление японских вооруженных сил на основных направлениях затормозилось, возникла необходимость закрепления их на захваченных позициях, проведения мероприятий по «освоению» оккупированных территорий. Расчеты на японский блицкриг не оправдались, все острее стало ощущаться несоответствие экономического потенциала Японии стратегическим установкам даже на быстротечную войну.

Используя успехи Красной армии под Москвой, в результате чего Япония не смогла для укрепления своих позиций на Тихоокеанском театре военных действий снять части и соединения противостоявшей СССР миллионной группировки войск, США предприняли усилия, чтобы мобилизовать военную экономику и восстановить утраченные позиции на Тихом океане. В результате поток американских войск и боевой техники направлялся прежде всего на Тихий океан, а не в Европу — главный театр войны. Более того, часть кораблей американского Атлантического флота также перебрасывалась на Тихий океан. Так был нарушен официально признанный руководителями Соединенных Штатов и Великобритании главный стратегический принцип — «сначала Германия»[38].

К началу декабря 1942 г. американцы за пределами своей страны имели 17 дивизий сухопутных войск и морской пехоты и 66 боевых авиационных групп. Против Японии действовали девять пехотных дивизий, две дивизии морской пехоты и одна треть армейской авиации. Численность личного состава наземных войск и авиации здесь достигла 461 тыс. человек, что примерно на 50 тыс. превышало число личного состава наземных войск и авиации, действовавших против Германии. На Тихом океане находилось свыше 200 американских кораблей основных классов[39].

При этом многие представители высшего американского командования настаивали на дальнейшем более решительном наращивании сил на Тихом океане за счет европейских театров. Особую настойчивость проявлял генерал Д. Макартур. Когда ему напомнили об обязательствах союзников перед СССР открыть второй фронт, он заявил, что «второй фронт должен быть на Тихом океане» и что здесь необходимо «дальнейшее усиление наземных, воздушных и военно-морских сил для всеобщего наступления на Японию»[40]. Ф. Рузвельт в своем письме от 6 мая 1942 г. пытался разъяснить Макартуру, что «с точки зрения большой стратегии... трудно уйти от того факта, что русские войска убивают больше личного состава противника и уничтожают больше его военной техники и снаряжения, чем все остальные 25 Объединенных Наций вместе взятые», а также убеждал его в необходимости «поддерживать русских во всех возможных для нас отношениях»[41].

Тем не менее главное внимание США сосредоточили на усилении своих позиций в Тихом океане. 7 мая 1942 г. в сражении в Коралловом море американцам удалось предотвратить проведение японцами морской десантной операции в Порт-Морсби (Новая Гвинея), а 3–6 июня того же года в морском сражении у атолла Мидуэй они сорвали высадку японцами десанта. Однако военно-морские силы Японии сумели в ходе Мидуэйско-Алеутской (по американской классификации Мидуэйской) операции захватить часть американской территории — острова Атту и Кыска в западной части Алеутской гряды.

Наиболее крупным успехом вооруженных сил США стало изгнание японцев с острова Гуадалканал в группе Соломоновых островов, бои за который продолжались шесть месяцев

Авиатехники американского авианосца готовят бомбардировщик к взлету

Японский крейсер после налета американской авиации у атолла Мидуэй

(7 августа 1942 – 8 февраля 1943). Боевые действия в Коралловом море, в районе атолла Мидуэй и за остров Гуадалканал носили, тем не менее, ограниченный характер.

Подводя итоги Мидуэйской операции, американский командующий Тихоокеанским флотом США адмирал Ч. Нимиц 6 июня 1942 г. говорил: «Реванш за Пёрл-Харбор достигнут в первой своей части. Однако окончательно реванш не будет взят до тех пор, пока японский флот не будет ослаблен. В этом направлении нам предстоят большие трудности»[42].

В целом сражения в Коралловом море, у Мидуэя и несколько мелких боев не подорвали военно-морскую мощь Японии. Она еще обладала внушительными силами на море, уступая лишь в подводных лодках, роль которых в военных действиях сторон вплоть до весны 1944 г. была незначительной. Необходимо отметить, что во второй половине 1942 г. и в течение всего 1943 г. американский флот, имея превосходство по всем классам кораблей, проявлял явную пассивность.

В годы войны, а особенно после окончания Второй мировой, некоторые представители американского командования и историки пытались представить действия против острова Гуадалканал в череде побед, определивших поворот в войне на Тихом океане.

На самом деле это была обычная высадка двух тактических десантов на слабо охраняемое побережье голодающего и изнуренного болезнями противника. Обладая 6–7-кратным превосходством в легком оружии и боеприпасах и абсолютным превосходством в воздухе, американская сторона быстро овладела островами[43]. Однако в ходе морских боев у Гуадалканала к 1 декабря 1942 г. американский флот, по мнению английского историка Дж. Фуллера, «оказался на грани катастрофы»[44], и, по свидетельству У. Черчилля, запросил срочной помощи у англичан[45]. Неслучайно после захвата японцами в ходе Мидуэйско-Алеутской операции островов Кыска и Атту (Алеуты) Ф. Рузвельт вынужден был поднять в послании И. В. Сталину от 17 июня 1942 г. (правда, в осторожной форме) вопрос о подключении Советского Союза к войне против Японии и позже назвал эту, а также Гуадалканалскую операции «по существу оборонительными»[46].

Адмирал У. Хэлси, активный участник войны против Японии, заявлял, что «это была решающая американская победа с любой точки зрения, что это был также третий поворотный пункт в войне на Тихом океане». Военный историк и участник войны на Тихом океане П. Далл утверждал, что «после эвакуации Японией своих войск с Гуадалканала в феврале 1943 г. война для нее с точки зрения каких бы то ни было практических целей была окончательно проиграна»[47].

Подлинное и несомненно важное значение десантов на Гуадалканал и прилегающие острова состоит в том, что они впервые были проведены по инициативе командования вооруженных сил США и явились первой победой их в наземном бою (хотя полностью чувства победы, добытой в бою, ощутить не удалось: японцы незаметно для американских войск эвакуировались с острова, и американцы около недели «воевали с ветром»), предвестником будущего наступления американцев на южном направлении.

В целом же поражение японцев явилось в первую очередь следствием того, что Советский Союз, принимая на себя главные усилия в борьбе с фашистской коалицией, давал возможность союзникам, в частности США, развертывать свой военно-экономический потенциал. В итоге, «к этому времени уже дало себя знать осуществление огромной программы подготовки людей и развертывания военного производства в США»[48]. По сравнению с 1940 г. удельный вес военных расходов в быстро нараставшем валовом национальном продукте США в 1942 г. возрос с 2,6% до 30,5%, а в 1943 г. — до 42,1%. Если в 1941 г. объем американских военных расходов превышал японские в 6,2 раза, то в 1942 г. — уже в 15,7 раза. Общий объем военного производства в США, достигший в 1942 г. 20,5 млрд долларов, поднялся в 1943 г. до 39,5 млрд, а в 1944 г. — до 43,5 млрд[49], быстро наращивался выпуск военной техники.

Прямая взаимосвязь событий на советско-германском фронте с положением на Азиатско-Тихоокеанском театре войны, замалчиваемая ныне многими западными, особенно американскими историками, была в свое время признана ведущими военно-политическими деятелями США.

Американские танки на острове Гуадалканал

Японские солдаты, взятые в плен во время сражения за остров Гуадалканал

Начальник штаба армии США в 1939—1945 гг. генерал Дж. Маршалл отмечал: «В критические дни, когда Германия и Япония были так близки к мировому господству, решающую роль в предотвращении катастрофы сыграли не Соединенные Штаты... Британская империя и Советский Союз дали нам время для мобилизации нашей производственной машины и людских ресурсов... Решающим фактором для страны с начала войны было время — время, необходимое для переброски их (войск. — *Прим. ред.*) через океан на фронт мировой войны. Время это мы получили благодаря героическому сопротивлению советского народа. Советский народ купил... это время для нас ценой своей крови и отваги»[50].

Значение борьбы Вооруженных сил СССР состояло, однако, не только в том, что «они удерживали свой фронт» против фашистской Германии и ее европейских союзников, не давая им возможности оказать помощь своему азиатскому партнеру, что само по себе важно, но и в том, что советско-германский фронт играл определяющую роль в судьбе всей Второй мировой войны.

Используя слабую активность американо-английских войск, японская ставка во второй половине 1942 г. и в 1943 г. продолжала вести подготовку к нападению на Советский Союз, выжидая благоприятного момента. Летом 1942 г. Квантунская группировка войск получила значительное усиление: в июле, уже после сражения у Мидуэя, в ее составе была сформирована 1-я танковая армия, созданы 1-й и 2-й фронты (группы армий)[51]. В середине июля 1942 г. генштаб сухопутных войск подготовил план «операции № 51», предусматривавший в течение одного месяца сосредоточить японские войска в приграничных районах, путем нанесения внезапного авиационного удара по аэродромам уничтожить советскую авиацию и, добившись господства в воздухе, перейти в наступление силами 24 пехотных и трех танковых дивизий на трех направлениях[52].

Высшее японское командование ожидало лишь захвата немецко-фашистскими войсками Сталинграда для объединения своих военных усилий с Германией и достижения конечных целей войны. В штаб армии Ф. Паулюса даже прибыл представитель японского военного атташе, чтобы с места событий сообщать в Токио о победе немцев. Однако после Сталинграда Япония уже не могла больше рассчитывать на победу фашистской Германии на советско-германском фронте. Разрушались ее стратегические планы, основывавшиеся на предположении, что после крушения Советского Союза гитлеровская Германия предпримет решительное наступление на Британские острова и в направлении Индии и отвлечет основные силы США и Англии с Тихого океана в Западную Европу.

Характерно, что как раз в декабре 1942 г., то есть после начала контрнаступления советских войск под Сталинградом, японцы, несмотря на свой общий перевес в силах над американскими войсками, неожиданно прекратили борьбу за остров Гуадалканал. Причина такого решения японской ставки — образование гигантского котла под Сталинградом. Разгром вермахта и его союзников в ходе Сталинградской битвы до основания потряс фашистско-милитаристский блок и не мог не повлиять на действия дальневосточного союзника Германии.

В июне 1943 г., в канун Курской битвы, японское командование вновь обсуждало вопрос о нападении на СССР[53]. Однако победа Красной армии под Курском и удары по вермахту на Левобережной Украине заставили японское политическое и военное руководство в очередной раз отложить вопрос о войне против Советского Союза, но оно продолжало держать на Дальнем Востоке свыше 16 дивизий. Перелом в войне, крах наступательной стратегии германского вермахта, трения в фашистском блоке, оказавшемся на грани распада, заставили Японию пересмотреть свои военные планы.

В Токио реально оценили военно-политические последствия этого поражения немцев. Япония была вынуждена отказаться от нападения на дальневосточные границы Советского Союза, от проектов присоединения к «великой восточноазиатской сфере сопроцветания» советских территорий Дальнего Востока, Восточной Сибири и Забайкалья. Императорская ставка, кроме того, не могла не считаться с фактом возможного перехода в наступление на Тихом океане англо-американских союзных войск, получивших возможность в изменившихся условиях на советско-германском фронте быстро наращивать резервы. Вооруженным силам

ставилась задача: удержать стратегически важную для Японии зону, включающую Курильские острова, острова Бонин, Огасавара, Южные моря, западную часть Новой Гвинеи, Зондские острова и Бирму.

Из-за пассивности действий (кроме ВВС в Бирме) американских сил и их союзников Азиатско-Тихоокеанский театр войны в основном не влиял на положение дел на Европейском театре, особенно на советско-германском фронте. Наоборот, победоносное завершение советскими войсками Сталинградской, Курской битвы и битвы за Днепр оказало определяющее воздействие не только на ход войны на Западе, но и на Тихом океане. Приняв на свои плечи основную тяжесть войны с фашизмом, Советский Союз тем самым облегчил положение других борющихся стран, создал им благоприятные условия ведения успешных операций на других театрах войны. Ход военных действий на советско-германском фронте непосредственно влиял на борьбу народа Китая против японских агрессоров.

Победы Вооруженных сил СССР, их стремительное наступление, начавшийся развал фашистского блока способствовали существенному изменению обстановки и на Азиатско-Тихоокеанском театре войны.

Крупные успехи Красной армии оказались неожиданными и для союзников по антигитлеровской коалиции, «стратегия» которых вынуждена была претерпевать изменения. Им пришлось пересмотреть старую стратегию ведения войны в замедленном темпе, придать действиям своих вооруженных сил большую динамику. С осени 1943 г. американо-британские войска развернули наступление на Новую Гвинею, постепенно продвигаясь к архипелагу Бисмарка. В ноябре американская морская пехота высадилась на ряде островов Гилберта, начав продвижение в центральной части Тихого океана в сторону Японии. Однако решительный перелом в ходе военных действий на Тихом океане наступил лишь в 1944 г.

Таким образом, победы Красной армии в первом и втором периодах Великой Отечественной войны оказывали самое непосредственное влияние на изменение обстановки во всех регионах мира, на общий ход Второй мировой войны. Несмотря на свою географическую отдаленность от Азиатско-Тихоокеанского театра войны, советско-германский фронт был не только связан с ним общими целями, но и оказывал на него большое военное, военно-политическое и моральное воздействие.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Венок славы. Т. 1. Вставай, страна огромная. М., 1983. С. 41.

[2] *Фуллер Дж.* Реформация войны. Пер. с англ. М., 1931. С. 31.

[3] См.: *Тюшкевич С. А.* Законы войны: сущность, механизм действия, факторы использования. М., 2002. С. 24.

[4] *Колесник А. Д.* Ополченские формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. М., 1988. С. 10, 243.

[5] 60 лет битвы под Москвой в Великой Отечественной войне. Материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. М., 2001. С. 163, 166.

[6] Там же. С. 54.

[7] Там же. С. 185.

[8] *Жукова О.* Социокультурная политика СССР в годы Великой Отечественной войны // Власть. 2011. № 8. С. 141–142.

[9] Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 497.

[10] Цит. по: *Тюшкевич С. А.* Борьба за огонь. М., 2010. С. 212.

[11] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. С. 503.

[12] Там же.

[13] Сражающаяся культура // Всероссийская Книга Памяти: 1941–1945. Обзорный том. 2-е изд., доп. и испр. М., 2005. С. 284.

[14] Цит. по: Всероссийская Книга Памяти: 1941–1945. Обзорный том. С. 293.

[15] Венок славы. Т. 2. М., 1984. С. 514.

[16] Венок славы. Т. 1. М., 1983. С. 31.

[17] *Чуйков В. И.* От Сталинграда до Берлина. М., 1980. С. 177.

[18] Правда. 1944. 18 октября.

[19] *Кожинов В. В.* Россия. Век XX. М., 2008. С. 623–624.

[20] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 1. С. 721.

[21] Независимое военное обозрение. 1997. № 36. С. 5.

[22] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. М., 1977. Т. 7. С. 508.

[23] Там же. С. 509.

[24] Там же.

[25] *Батлер Дж., Гуайер Дж.* Большая стратегия. Июнь 1941 – август 1942 г. / Пер. с англ. М., 1967. С. 241.

[26] Токио сайбан-о тоу (Вопросы к Токийскому трибуналу). Токио, 1984. С. 352.

[27] Дайтоа сэнсо кокан сэн си (Официальная история войны в Великой Восточной Азии). В 110-ти т. Т. 73. Кантогун (Квантунская группировка войск). Ч. 2. Токио, 1974. С. 74.

[28] Цит. по: *Рагинский М. Ю., Розенблит С. Я.* Международный процесс главных японских военных преступников. М., Л., 1950. С. 256.

[29] *Dull P.* A Battle History of the Imperial Japanese Navy (1941–1945). Annapolis, 1979. P. 6–7; *Spector R.* Eagle Against the Sun: The American War with Japan. N. Y., 1985. P. 76.

[30] См.: *Зимонин В. П.* Регион в огне: Узловые проблемы войны на Тихом океане. М., 1993. С. 98–114.

[31] История СССР. 1985. № 5. С. 54.

[32] *Blum G.* From Morgenthau Diaries. Years of War 1941–1945. Boston, 1967. P. 84–85.

[33] *Хуан Юйчжан и др.* Диэрцы шицзе дачжань 1939–1945 (Вторая мировая война 1939–1945). Пекин, 1984. С. 232.

[34] Цит. по: Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. М., 1986. С. 155.

[35] Там же.

[36] *Tugwell R.* The Demokratic Roosevelt: A Biography of Franklin D. Roosevelt. N. Y., 1957. P. 598.

[37] *Хаттори Т.* Дайтоа сэнсо дзэн си (Полная история войны в Великой Восточной Азии). Токио, 1970. С. 530.

[38] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. Т. 5. М., 1975. С. 381.

[39] *Greenfield K.* American Strategy in World War II: A Reconsideration. Baltimor (Md.), 1970. P. 7, 123.

[40] *Bateson C.* The War with Japan: A Concise History. L., 1968. P. 151.

[41] *Dull P.* A Battle History... P. 145–146.

[42] *Кодзима Н.* Тайхэйе сэнсо (Война на Тихом океане). Токио, 1966. Т. 1. С. 248.

[43] *Хаяси С.* Японская армия в военных действиях на Тихом океане / Пер. с англ. М., 1964. С. 73.

[44] *Фуллер Дж.* Вторая мировая война 1939–1945 гг.: Стратегический и тактический обзор / Пер. с англ. М., 1956. С. 256.

[45] *Churchill W.* The Second World War. L., 1952. Vol. 6. P. 18.

[46] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 2-е изд. М., 1989. Т. 2. С. 19; The President War Addresses to People and the Congress of the U. S. A. Wash., 1945. P. 61.

[47] *Dull P.* A Battle History... P. 340.

[48] *Нимиц Ч., Поттер Э.* Война на море (1939–1945) / Сокр. пер. с англ. М., 1965. С. 327.

[49] *Моримото Т.* Масе-но рэкиси (Зловещая история). Токио, 1985. С. 300–310.

[50] Ibid.

[51] *Катогава К.* Тэйкоку рикугун кико бутай (Танковые войска сухопутных сил империи). Токио, 1974. С. 186–187; Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 73. Ч. 2. С. 110–111.

[52] Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 59. Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 4. С. 380–381.

[53] Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 73. Ч. 2. С. 221.

Заключение

Великая Отечественная война Советского Союза против фашистской Германии и ее союзников 1941–1945 гг. — необычная война. Состоялась она в необычный XX век — век противоборства общественно-политических систем, идеологий и двух мировых войн. Необычна она и по социальному и военно-стратегическому характеру, напряженности вооруженной борьбы, испытаниям, разрушениям и потерям — человеческим, культурным, материальным. Начало войны также оказалось необычным для народов Советского Союза. А тем более ее ход — драматический и героический.

В настоящем, третьем томе рассказывается о том, какой была эта война в первые два ее периода, когда на полях сражений решалась историческая судьба народов многонационального Советского Союза; о том, как Советскому Союзу, народу и вооруженным силам, удалось решить задачу исторической важности: оказавшись вначале на грани национальной катастрофы, они сумели повернуть ход противоборства с фашистской Германией и ее союзниками вспять — овладели стратегической инициативой, а затем осуществили коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны.

Главным итогом первых месяцев войны к моменту начала операции вермахта «Тайфун» по захвату Москвы (30 сентября 1941) было сохранение Советского Союза как суверенного государства, несмотря на невиданной силы удар, обрушенный на него странами фашистской коалиции. Смоленское сражение, предотвращение захвата немцами Ленинграда, героическая оборона Киева и Одессы, успешная наступательная операция под Ельней, в ходе которой родилась советская гвардия, показали, что потенциал сопротивления советских вооруженных сил не только не снижался, но и нарастал. Фашистский план «Барбаросса», предусматривавший молниеносный разгром Красной армии и выход вермахта на линию Волга — Астрахань, забуксовал.

Тем не менее враг настойчиво рвался к самому сердцу Советской страны. Германское командование сосредоточило на московском направлении более половины тех сил, которыми располагало на восточном фронте. Оно намеревалось еще до конца года овладеть Москвой и победить в молниеносной войне.

Однако даже в такой тяжелейшей обстановке личный состав Красной армии сохранял высокий боевой дух и волю к сопротивлению. Московская битва стала одной из самых масштабных за годы Великой Отечественной войны. В «белоснежных полях под Москвой» была окончательно похоронена идея блицкрига: здесь заложили основы грядущего коренного перелома в ходе всей войны. Стратегическая инициатива перешла в руки Красной армии и удерживалась ею в течение пяти последующих месяцев. Генерал вермахта К. Типпельскирх вынужден был после войны признать: «Наступление на Москву остановилось, войска не достигли своей цели... Быстротечная операция, в ходе которой Советская Россия должна была быть побеждена, провалилась; вызвавший поначалу столь большие споры оперативный план оказался несостоятельным после первого столкновения с главными силами противника»[1].

Крах стратегии блицкрига поставил Третий рейх перед перспективой длительной, затяжной войны, которая потребовала от его правителей пересмотра операции «Барбаросса», нового стратегического планирования и изыскания дополнительных материальных ресурсов. Генерал Г. Гудериан так охарактеризовал сложившуюся тогда обстановку на фронте: «В те дни наше командование превзошло в безрассудном упрямстве и Карла XII и Наполеона I. Весь опыт прошлого был отброшен. Надеялись, что одной лишь силы воли командования было достаточно, чтобы исправить положение: но оно уже не могло повысить ни материальные, ни моральные силы войск»[2].

Одним из факторов успеха в борьбе с фашистской агрессией стала антигитлеровская коалиция. Создание Большого союза в составе СССР, США, Великобритании и других стран было юридически оформлено 1 января 1942 г. в Вашингтоне подписанием 26 государствами декларации, в соответствии с которой они обязались использовать все свои ресурсы для борьбы против Германии и ее союзников.

Победа под Москвой укрепила веру порабощенных нацистами народов в неизбежный крах гитлеровского режима. На борьбу с ним поднимались новые десятки тысяч антифашистов в Польше и Франции, Югославии и Греции, Чехословакии и Норвегии.

Попытки Красной армии весной 1942 г. провести наступление в районе Любани, под Харьковом и в Крыму обернулись тяжелыми поражениями и крупными потерями, позволившими противнику вновь захватить стратегическую инициативу.

Особенно тяжелые последствия имел провал наступления войск Юго-Западного фронта под Харьковом, резко ослабивший группировку Красной армии на юго-западном направлении, именно там, где верховное командование вермахта готовило собственное наступление: оно смогло приступить к осуществлению операции, запланированной на лето 1942 г., — уничтожению советских войск западнее Дона с целью захвата нефтеносных районов Кавказа.

К середине июля стратегический фронт Красной армии оказался прорван на глубину 150–400 км, что позволило вермахту развернуть наступление в большой излучине Дона на Сталинград. Непосредственная угроза нависла и над Северным Кавказом. «В 1942 году немецкое командование, учитывая общую стратегическую обстановку, еще раз попыталось добиться окончательной победы на Востоке... но, несмотря на тяжелые потери русских, немецким войскам нигде не удалось окружить значительные силы русских, как это было в предыдущем году. Русское командование научилось искусно уклоняться от окружения»[3].

В тяжелых, кровопролитных сражениях и в преддверии больших побед завершился первый период Великой Отечественной войны. Полуторагодичная вооруженная борьба с объединенными силами почти всей Европы стоила Советскому Союзу огромных людских и материальных потерь. Вражеской оккупации подверглась советская территория, на которой до войны проживали 42% населения, производилось 35% валовой продукции промышленности. Но поскольку в течение первого года войны удалось завершить перевод экономики на военные рельсы, уже в 1942 г. промышленность сполна обеспечила потребности Красной армии в боевой технике и вооружении. В войска поступало вооружения больше, чем утрачивалось в боях. Так укреплялась материальная база перелома в войне.

К началу масштабного контрнаступления под Сталинградом, обозначившего начало второго периода Великой Отечественной войны, советское командование смогло накопить необходимые стратегические резервы. Характерно, что германское командование даже не допускало мысли об имевшихся у советской стороны ресурсах.

Задача по окружению и последующему уничтожению вражеской группировки в районе Сталинграда была успешно решена войсками Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов. Не вытеснение войск противника, а отсечение и изоляция его главной группировки с последующей ликвидацией были новым словом советского военного искусства, позволившим обеспечить решительный поворот в ходе военных действий.

Победа Красной армии на Волге оказала определяющее воздействие и на ход всей Второй мировой войны. Укрепилась антигитлеровская коалиция, более тесной стала координация

военно-политических и стратегических планов Советского Союза, США и Великобритании. С другой стороны, заметно ухудшились отношения Германии с ее союзниками. Война необратимо повернула на запад.

В процессе достижения победы в Сталинградской, а затем в Курской битвах и битве за Днепр советские вооруженные силы овладели стратегической инициативой, которую уже не выпустили из рук до окончания войны. В отличие от летне-осенних кампаний 1941 и 1942 гг. Ставка ВГК своими действиями навязывала врагу свою волю.

Интересам вооруженной борьбы была подчинена вся экономическая и общественно-политическая жизнь советской страны. Фронт и тыл стали единым целым. Экономика, преодолев диспропорции, возникшие в 1941–1942 гг. между потребностями промышленности в сырье и топливе и их производством, в полную силу заработала на нужды войны. Существенно улучшил свою работу транспорт, в первую очередь железнодорожный. Рост военного производства в 1943 г. составил 20% по сравнению с 1942 г. Все это позволило обеспечить перевооружение армии и флота новейшей военной техникой и добиться опережающего, по сравнению с Третьим рейхом, выпуска качественной военной продукции.

Коренной перелом стал возможным также вследствие того, что население СССР, каждый сознательный гражданин воспринимали войну как особое состояние общества. Вооруженная борьба на фронте, действия партизан и подпольщиков приобрели определяющее значение. Интересам справедливой войны в защиту Отечества были подчинены вся жизнь на фронте и в тылу, экономика, наука, культура, духовная жизнь общества, деятельность государственных и общественных организаций. Централизация усилий народа на разгром врага со стороны власти сочеталась с творческой активностью масс. Люди сознательно шли на ратный и трудовой подвиг, мирились с резким снижением жизненного уровня, хорошо осознавая это как цену за грядущую победу. В победах на фронте нашли свое воплощение подъем духовных сил народа, патриотизм, гражданственность, его неизбывная любовь к Родине и жгучая ненависть к врагу.

После успешного завершения контрнаступления в районе Сталинграда началось общее наступление Красной армии от Ладоги до Черного моря. На северо-западном направлении Ленинградский и Волховский фронты в январе 1943 г. в ходе операции «Искра» прорвали блокаду Ленинграда. Это было историческое событие: ведь в предшествующие 16 месяцев голодающий город сообщался с Большой землей лишь по Ладожскому озеру. Однако полного снятия вражеской блокады ленинградцам пришлось ждать еще год.

На западном направлении силами Калининского, Западного, Центрального и Брянского фронтов удалось отбросить врага на 130–160 км. К концу марта советские войска заняли выгодное положение для последующих операций на белорусском направлении. К весне враг был вытеснен с предгорий Северного Кавказа, но отсечь и окружить там группу армий «А», как задумывалось, советские войска не смогли.

Наиболее значительных успехов Красная армия добилась на юго-западном направлении. Однако намеченное к весне 1943 г. освобождение Левобережной Украины не удалось из-за крупных просчетов советского командования. Противник вопреки ожиданиям не стал отводить свои войска из Донбасса за Днепр, вновь напомнив о том, что его недооценка чревата большими издержками. Предпринятое группой армий «Юг» контрнаступление в Донбассе и на харьковском направлении не только остановило продвижение трех советских фронтов, но и заставило советские войска оставить ранее занятую территорию. «Реванш за Сталинград» Э. Манштейну все же не удался. Контрнаступление группы армий «Юг» было остановлено. Стратегической инициативой, захваченной в ходе Сталинградской битвы, по-прежнему владела Красная армия, что сыграло ключевую роль в ходе летних операций 1943 г. Прежде всего в ходе подготовки и ведения Курской битвы.

В оборонительном сражении на Курской дуге обе стороны понесли огромные потери, но потенциал для наступления у Красной армии сохранился. Вермахт же перешел к обороне на всем протяжении советско-германского фронта. Со второй половины июля и вплоть до конца 1943 г. на фронте шириной 1200 км — от Великих Лук до Азовского моря — Красная

армия осуществила шесть стратегических наступательных операций, продвинувшись на западном направлении на 200—250 км и на южном — на 600—800 км.

Курская битва по своему размаху, напряженности и результатам относится к числу крупнейших сражений Второй мировой войны. Победа, одержанная здесь советскими вооруженными силами, создала благоприятные условия для развертывания общего наступления на широком фронте. Фашистская Германия и ее союзники были вынуждены перейти к обороне на всех театрах военных действий.

Оценивая значение победы Красной армии в Курской битве, маршал Г. К. Жуков писал: «Призрак неминуемой катастрофы встал перед фашистской Германией. Поражение немецких войск вынудило гитлеровцев перебросить летом 1943 года на советско-германский фронт с других фронтов 14 дивизий и значительные части усиления, ослабив тем самым свои фронты в Италии и Франции. Попытка Гитлера вырвать стратегическую инициативу из рук советского командования кончилась полным провалом, и с тех пор до конца войны немецкие войска вынуждены были вести только оборонительные сражения. Это свидетельствовало об истощении Германии. Никакие силы теперь уже не могли ее спасти. Вопрос был лишь во времени»[4].

В ходе стремительного наступления Красная армия вышла к Днепру. Войска пяти фронтов на 700-километровом участке от Лоева до Запорожья с ходу форсировали крупнейшую после Волги водную преграду в европейской части страны и захватили 23 плацдарма на правом берегу. «Восточный вал» был сокрушен. В течение ноября — декабря советские войска очистили от противника правый берег Днепра от Черкасс до Запорожья и создали огромный плацдарм стратегического значения, с которого было удобно начинать наступление по освобождению Правобережной Украины.

В ходе летне-осенней кампании 1943 г. советские вооруженные силы нанесли тяжелое поражение вермахту, продвинувшись на 500 км на центральном и до 1300 км на южном направлении. Были созданы благоприятные возможности для проведения стратегических операций по изгнанию врага из Белоруссии и Правобережной Украины.

В первый и второй периоды войны развитие советского военного искусства шло по восходящей. С самого начала осваивать современные приемы и способы организации и ведения операций и боев пришлось в тяжелых условиях, когда враг, владея стратегической инициативой, навязывал советскому военному командованию свою волю. Однако по ходу событий советские командиры и военачальники приобретали ценнейший боевой опыт, извлекали уроки из проведенных сражений и боев, учились увереннее управлять войсками.

За два с половиной года войны, которые освещены в настоящем томе, Красная армия применяла все основные виды стратегических действий — стратегическую оборону и стратегическое наступление, включая его разновидность — контрнаступление. На долю Красной армии выпали две оборонительные кампании. В целом же стратегическая оборона в течение первых двух периодов войны применялась трижды: в летне-осеннюю кампанию 1941 г., летне-осеннюю кампанию 1942 г. и летом 1943 г. В 1943 г., когда Ставка ВГК уже владела стратегической инициативой и располагала преимуществом в силах и средствах, она приняла решение на преднамеренный переход к стратегической обороне. После Курской битвы Ставка ВГК прибегала к стратегической обороне лишь на отдельных направлениях. И с более высокой эффективностью, чем ранее.

В ходе первых полутора лет войны отставание отечественного военного искусства от сильной немецкой школы стремительно сокращалось. Советское военное командование уверенно овладевало новыми формами ведения боевых действий. Начиная с осени 1942 г. все крупные наступательные и контрнаступательные операции советского командования отличались оригинальностью, решительностью, стремительностью и полной завершенностью.

Со Сталинградской битвы стратегическое наступление стало преобладающим видом военных действий: в ходе первого и второго периодов войны советские вооруженные силы провели три наступательные кампании, обстоятельно рассмотренные в данном томе.

Впервые в истории войн фактором, способствующим стратегическому успеху, стало широкое использование партизанского движения на оккупированной территории. От эпизо-

дических и разрозненных действий в отдельных районах и областях, что было характерно для первого периода войны, партизанские формирования в дальнейшем переходили к крупным, хорошо спланированным и подготовленным операциям в интересах и в тесной координации с действиями фронтов Красной армии.

Одновременное наступление группы фронтов с привлечением партизанских отрядов и соединений стало большим достижением советского военного искусства. Создание сильных ударных группировок на избранных направлениях позволило Ставке ВГК обеспечить успешный прорыв укрепленных оборонительных рубежей врага. Ведя наступление на широком фронте, советские войска резко ограничивали возможности противника в осуществлении маневра силами и средствами с одного направления на другое. Большим достижением военного искусства было решение проблемы форсирования таких водных преград, как Десна и Днепр.

Необычайный и сложный характер войны со всей остротой поставил перед Верховным главнокомандованием Вооруженных сил Советского Союза вопрос о стратегических резервах, поскольку восстановить сплошной стратегический фронт можно было не иначе как путем переброски сил из второго стратегического эшелона, с других направлений и из тыла страны. События войны показали, что Верховный главнокомандующий и Ставка ВГК постоянно заботились о создании стратегических резервов, стремились беречь их, не допуская растрачивания на решение локальных задач и достижение частных целей. Изменился и порядок их формирования. Так, сочетание опытных, обстрелянных бойцов и командиров с недавно ставшими в армейский строй, возможность взаимного обмена ими боевым опытом существенно укрепляли боеспособность и боевой дух личного состава соединений, делали такие стратегические резервы полноценными. Заблаговременно созданные резервы стали важнейшим фактором успеха Красной армии и в обороне, и в наступлении.

Советское военное искусство в первый и второй периоды Великой Отечественной войны обогащалось не только в области стратегии, но и оперативного искусства, тактики.

Успехам Красной армии способствовали и проведенные в ходе войны организационные изменения. Совершенствование организационных форм Красной армии в сочетании с богатым боевым опытом, приобретенным высшим командным составом советских вооруженных сил, позволили увеличить размах стратегических операций, облегчали управление большими массами войск, сделали возможным проведение стратегических и оперативных перегруппировок, способствовали массированию сил на решающих направлениях и их маневрированию в ходе операций.

Изменению хода войны, осуществлению коренного перелома в войне, обращению ее вспять, туда, откуда она пришла, развитию военного искусства в первом и втором периодах войны способствовали формирование и успешная деятельность советской школы полководцев, которая превзошла школу полководцев противника. Ее выдающаяся роль в победе над сильным и коварным врагом признана не только друзьями и союзниками, но и противником.

Результаты ожесточенного противоборства советских вооруженных сил и вермахта во втором периоде войны утвердили приоритетность советско-германского фронта как основного фронта Второй мировой войны. По количеству развернутых здесь сил, масштабам и результатам проводившихся операций, потерям, нанесенным вооруженным силам фашистского блока, он намного превосходил все другие вместе взятые. Против Красной армии действовали почти три четверти всех войск фашистского блока, основная масса боевой техники и вооружения. Именно здесь противник потерял почти 80% своей живой силы и техники.

Опираясь в борьбе с ненавистным врагом в первую очередь на собственные силы и возможности, советский народ вместе с тем с благодарностью воспринимал союзническую помощь со стороны других стран антигитлеровской коалиции. В 1943 г. значительно улучшилась координация действий союзных армий. Успехи советских вооруженных сил в противоборстве с вермахтом не могли не укрепить положение и авторитет Советского Союза на международной арене, стимулировали действия участников антигитлеровской коалиции на других театрах войны. Они обострили кризис в стане государств фашистского блока. В Ита-

лии рухнул режим Муссолини. Япония и Турция с еще большим упорством уклонялись от попыток вовлечь их в войну против СССР.

С другой стороны, укреплялось взаимодействие между СССР, США и Великобританией в политической и военной областях. Правда, нерешенным оставался один из ключевых вопросов — открытие второго фронта, в первой половине 1943 г. даже вызвавший кризис доверия между союзниками. Преодолеть его и придать новый импульс отношениям трех стран удалось на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (октябрь 1943) и в еще большей степени — на Тегеранской конференции Большой тройки (ноябрь — декабрь 1943). На последней из них союзники пришли к окончательной договоренности об открытии второго фронта в Европе в мае 1944 г.

Подводя итог сражениям 1943 г., маршал А. М. Василевский писал: «Успешное завершение советскими войсками летне-осенней кампании 1943 года, закончившейся освобождением Левобережной Украины и Донбасса, изоляцией вражеских войск в Крыму, взломом их обороны на Днепре и захватом крупных стратегических плацдармов на его правом берегу, а также широко развернувшееся партизанское движение в тылу оккупантов и наличие в распоряжении Ставки мощных стратегических резервов создали благоприятные условия для проведения новых крупных наступательных операций»[5].

В третий, завершающий период Великой Отечественной войны СССР и его вооруженные силы вступали с уверенностью в грядущей победе и одновременным осознанием того, что путь к ней будет по-прежнему тернистым.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных / Пер. с нем. СПб., М., 1998. С. 79–80.
[2] Там же. С. 122–123.
[3] Там же. С. 80–81.
[4] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 3-х т. М., 1990. Т. 3. С. 73.
[5] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. В 2-х кн. М., 1988. Кн. 2. С. 65.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДОКУМЕНТЫ 1941–1943 гг.

Перечень приведенных документов

№ 1. Распоряжение верховного командования вермахта об обращении с советскими военнопленными.

№ 2. Директива Военному совету Черноморского флота об учете опыта Таллинна при эвакуации Одессы.

№ 3. Приказ командующего 6-й немецкой армией В. Рейхенау относительно поведения военных частей на Востоке.

№ 4. Указание главного командования сухопутных войск Германии о порядке захвата Москвы и обращении с ее населением.

№ 5. Директива Военному совету Черноморского флота о непременном удержании Севастополя.

№ 6. Телеграмма американского посла в СССР Л. Штейнгардта в государственный департамент США о беседе с заместителем наркома иностранных дел Деканозовым.

№ 7. Приказ Ставки Верховного главнокомандования об уничтожении населенных пунктов в прифронтовой полосе.

№ 8. Директива ставки верховного главнокомандования вооруженных сил Германии о суровых мерах наказания за выступления против оккупационных властей.

№ 9. Доклад командующего войсками Кавказского фронта народному комиссару обороны плана операции по освобождению Крымского полуострова.

№ 10. Директивное письмо Ставки ВГК военным советам фронтов и армий о действиях ударными группами и организации артиллерийского наступления.

№ 11. Директива Ставки ВГК командующему войсками Калининского фронта о мерах по окружению демянской группировки противника.

№ 12. Директива Ставки ВГК командующему войсками Забайкальского фронта о представлении соображений по оперативному использованию войск фронта и МНРА в случае внезапного нападения Японии.

№ 13. Директива Ставки ВГК главнокомандующему войсками Западного направления о разгроме ржевско-вяземско-юхновской и болховско-жиздро-брянской группировок противника.

№ 14. Директива Ставки ВГК командующему войсками Волховского фронта на отражение контратак противника в районе Мясного Бора.

№ 15. Директива Военного совета Западного фронта об устранении преступно-халатного отношения к сбережению жизней красноармейцев.

№ 16. Из директивы верховного командования вермахта.

№ 17. Директива Ставки ВГК командующему войсками Карельского фронта о мерах по улучшению оперативного положения и совершенствованию обороны.

№ 18. Директива Ставки ВГК народному комиссару Военно-морского флота, командующим ВВС Северного флота, войсками Карельского фронта, ВВС Красной армии, ВВС 14-й армии, авиацией дальнего действия, войсками ПВО территории страны, начальнику ПВО Мурманска об обеспечении проводки каравана судов в Баренцевом море.

№ 19. Приказ об увеличении численного состава флота в Ладожском озере под перевозки грузов для г. Ленинграда.

№ 20. Директива Ставки ВГК командующему войсками Закавказского фронта об улучшении руководства войсками, находящимися в Иране.

№ 21. Директива Ставки ВГК военным советам фронтов и армий о причинах поражения Крымского фронта в Керченской операции.

№ 22. Приказ Наркомата обороны СССР о формировании центрального и региональных штабов партизанского движения.

№ 23. Директива Ставки ВГК Военному совету Брянского фронта об эвакуации из оставляемых войсками районов и прифронтовой полосы.

№ 24. Директива Ставки ВГК командующему войсками Дальневосточного фронта об отправке стрелковых частей и соединений в резерв Верховного главнокомандования.

№ 25. Директива Ставки ВГК командующим войсками Северо-Кавказского фронта и Северо-Кавказского военного округа о направлении военных училищ на Сталинградский фронт.

№ 26. Директива Ставки ВГК командующим войсками Калининского и Западного фронтов о проведении наступательной операции в районе Ржева.

№ 27. Приказ народного комиссара обороны.

№ 28. Директива Ставки ВГК командующему войсками Сталинградского фронта о создании заградительных отрядов.

№ 29. Доклад представителя Ставки — командующего войсками Западного фронта Верховному главнокомандующему плана операции в районе Ржева.

№ 30. Директива Ставки ВГК командующим войсками фронтов и военных округов, армиями, заместителям народного комиссара обороны, народному комиссару Военно-морского флота, начальникам центральных управлений НКО о назначении генерала армии Г. К. Жукова заместителем Верховного главнокомандующего.

№ 31. Из доклада командующего Северной группой войск командующему Закавказским фронтом И. В. Тюленеву.

№ 32. Доклад командующего войсками Волховского фронта Верховному главнокомандующему плана операции по разгрому синявинской группировки противника и выходу на Неву.

№ 33. Приказ верховного командования вермахта о переходе к стратегической обороне.

№ 34. Директива Ставки ВГК командующим войсками Волховского и Ленинградского фронтов об утверждении плана операции «Искра».

№ 35. План разгрома окруженной сталинградской группировки противника.

№ 36. Директива Ставки ВГК командующему войсками Южного фронта и представителю Ставки на проведение операции «Дон».

№ 37. Доклад командующего войсками Южного фронта заместителю Верховного главнокомандующего плана операции на Нижнем Дону.

№ 38. Ультиматум советского командования командующему 6-й немецкой армией генерал-полковнику Ф. Паулюсу.

№ 39. Доклад командующего войсками Закавказского фронта Верховному главнокомандующему плана операций «Море» и «Горы».

№ 40. Доклад представителя Ставки и командующего войсками Воронежского фронта Верховному главнокомандующему плана операции по освобождению Харькова.

№ 41. Директива Ставки ВГК командующему войсками Южного фронта на разгром северокавказской группировки противника.

№ 42. Оперативный приказ ставки вермахта о плане операции «Цитадель».

№ 43. Приказ о противопартизанской войне.

№ 44. Директива Ставки ВГК командующему войсками Центрального фронта на разгром противника северо-восточнее Орла.

№ 45. Директива Ставки ВГК командующим войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов, представителям Ставки о задачах по развитию наступления на правом берегу р. Днепр.

№ 46. Из приговора Международного военного трибунала для Дальнего Востока о подготовке в Японии агрессивных планов войны против СССР в конце 1941 — в 1942 году.

№ 1

РАСПОРЯЖЕНИЕ ВЕРХОВНОГО КОМАНДОВАНИЯ ВЕРМАХТА ОБ ОБРАЩЕНИИ С СОВЕТСКИМИ ВОЕННОПЛЕННЫМИ

8 сентября 1941 г.

I. Общие вопросы обращения с советскими военнопленными. Большевизм является смертельным врагом национал-социалистской Германии. Впервые перед германским солдатом стоит противник, обученный не только в военном, но и в политическом смысле, в духе разрушающего большевизма. Борьба с национал-социализмом привита ему в кровь и плоть. Он ведет ее всеми имеющимися в его распоряжении средствами: диверсиями, разлагающей пропагандой, поджогами, убийствами. Поэтому большевистский солдат потерял всякое право претендовать на обращение как с честным солдатом, в соответствии с Женевским Соглашением.

Поэтому вполне соответствует точке зрения и достоинству германских вооруженных сил, чтобы каждый немецкий солдат проводил бы резкую грань между собой и советскими военнопленными... Самым строгим образом следует избегать всякого сочувствия, а тем более поддержки. Чувство гордости и превосходства немецкого солдата, назначенного для охраны советских военнопленных, должно во всякое время быть заметным для окружающих.

Поэтому предлагается безоговорочное и энергичное вмешательство при малейших признаках неповиновения, а особенно в отношении большевистских подстрекателей. Неповиновение, активное или пассивное сопротивление должны быть немедленно и полностью устранены с помощью оружия (штык, приклад и огнестрельное оружие). Правила о применении вооруженными силами оружия применимы лишь с ограничениями, так как эти правила исходят из предпосылок общей мирной обстановки. В отношении советских военнопленных даже из дисциплинарных соображений следует весьма решительно прибегать к оружию. Подлежит наказанию всякий, кто для понуждения к выполнению данного приказа не применяет или недостаточно энергично применяет оружие.

По совершающим побег военнопленным следует стрелять немедленно, без предупредительного оклика. Не следует производить предупредительных выстрелов. Существовавшие до сих пор правила, и в особенности положения устава сухопутных войск 38/2, стр. 13 и т. д., в связи с этим отменяются.

Опубл.: Нюрнбергский процесс:
Сборник материалов в 8-ми т. Т. 4. М., 1990. С. 208.

№ 2

ДИРЕКТИВА ВОЕННОМУ СОВЕТУ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА ОБ УЧЕТЕ ОПЫТА ТАЛЛИННА ПРИ ЭВАКУАЦИИ ОДЕССЫ

№ зн/545 — 30 сентября 1941 г.

При эвакуации Одессы учесть опыт Таллинна.

1. Первые эшелоны вывести скрытно ночами, для чего можно пунктом посадки использовать Ак-Мечеть.
2. Перед уходом последнего эшелона нанести противнику сильный удар, вынудив его в момент нашего ухода заняться приведением себя в порядок, этим же ударом создать видимость начавшегося нашего наступления. Удар поддержать авиацией и артиллерией кораблей.
3. Авиации и кораблям в момент отхода и посадки мощными артиллерийско-бомбовыми ударами пресечь попытки противника наступать.
4. Тщательно и заблаговременно организовать погрузку, обеспечив ее быстроту заблаговременной расстановкой средств и планом.
5. Заранее подготовить к взрыву и пожару все военные объекты. Поджигать и взрывать в самый последний момент, чтобы не обнаружить раньше времени своего отхода.
6. Для перевозки использовать главным образом мелкие суда.

7. Обеспечить транспорт достаточной обороной боевыми кораблями и, где возможно, истребительной авиацией (с перебазированием ее на Тендра и Тар-ханкут). Учесть, что обнаружив наш отход, противник будет стремиться нанести максимальные потери в первую очередь авиацией (мины, торпеды, бомбы).

8. Выделить специальные спасательные корабли.

9. Продумать вариант высадки части эвакуированных войск, в первую очередь 3 морского полка, в тыл перекопской группировке противника.

КУЗНЕЦОВ

ЦВМА. Ф. 216. Д. 12501. Л. 94–95. Подлинник.

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны. Т. 21 (10). М., 1996. С. 63–64.

№ 3

ПРИКАЗ КОМАНДУЮЩЕГО 6-й НЕМЕЦКОЙ АРМИЕЙ В. РЕЙХЕНАУ ОТНОСИТЕЛЬНО ПОВЕДЕНИЯ ВОЕННЫХ ЧАСТЕЙ НА ВОСТОКЕ

10 октября 1941 г.

По вопросу отношения воинских частей к большевистской системе существуют еще неясные представления. Основной целью похода против еврейско-большевистской системы является полный разгром их окруженных сил и искоренение азиатского влияния на европейскую культуру.

В связи с этим перед воинскими частями ставятся задачи, выходящие за пределы прежних солдатских задач. На восточном фронте солдат является не только воином по правилам военного искусства, но и носителем народной идеи и мстителем за зверства, причиненные немцам и родственным им народам.

Поэтому солдат должен иметь полное понятие о необходимости строгой, но справедливой кары еврейским подонкам человечества. Дальнейшая задача — это уничтожить в зачатке восстания в тылу армии, которые, согласно опыту, затеваются всегда евреями.

Борьба с врагом в тылу ведется пока с недостаточной серьезностью. Все еще продолжают квалифицировать коварных, жестоких партизан и развратных женщин как военнопленных. Все еще продолжают рассматривать одетых в полугражданской и гражданской одежде вооруженных подростков и бродяг как порядочных солдат и помещают их в лагеря военнопленных. Да, пленные русские офицеры, язвительно смеясь, рассказывают, что советские агенты беспрепятственно ходят по улицам и часто питаются в немецких полевых кухнях. Такое поведение воинских частей можно объяснить лишь полной необдуманностью. Настало время для начальников разъяснить смысл этой борьбы.

Выдача питания местному населению и военнопленным, которые не работают в пользу германской армии, войсковыми кухнями является такой же ошибочной человечностью, как дарить хлеб и сигареты. То, от чего родина отказывается и руководство с большими трудностями доставляет сюда, солдат не должен дарить врагу, даже тогда, если это является трофеями. Это необходимая часть нашего снабжения.

При своем отступлении Советы часто поджигали постройки. Воинская часть лишь настолько заинтересована в тушении, поскольку должны быть сохранены строения для своего размещения. В остальном исчезновение символов прежней большевистской власти, также в виде строений, входит в программу войны на уничтожение. Ни исторические, ни художественные соображения не играют при этом на Востоке никакой роли. О получении военно-хозяйственно важного сырья и продукции руководство даст необходимые указания.

Полное разоружение населения в тылу действующих частей, принимая во внимание длинные и опасные дороги снабжения, является крайней необходимостью. Там, где это возможно, необходимо собрать трофейное оружие и боеприпасы и его охранять. Если военные обстоятельства это делают невозможным, то необходимо привести оружие и боеприпасы в негодность. Если устанавливается, что в тылу армии действуют партизаны, то необходимо действовать драконовскими мерами. Это нужно распространить также на мужское население, которое смогло бы причинять вред. Многочисленные, якобы враждебные Советам элементы, которые занимают выжидательную позицию, нужно склонить к решению активно сотрудничать против большевизма.

В противном случае никто не сможет потом пожаловаться, что его квалифицируют как приверженца советской системы. Боязнь немецких контрмер должна быть сильней угроз блуждающих большевистских остатков.

Прежде всех политических задач в будущем немецкий солдат должен выполнить две следующие задачи:

1. Полное уничтожение большевистского ложного учения, большевистского государства и его вооруженных сил.

2. Беспощадное искоренение коварства и зверства и тем самым охранение жизни немецких вооруженных сил в России.

Только так мы разрешим нашу историческую задачу и освободим раз и навсегда немецкий народ от азиатско-еврейской опасности.

Главнокомандующий генерал-фельдмаршал *ФОН РЕЙХЕНАУ*

Опубл.: Органы государственной безопасности в Великой Отечественной Войне. Т. II. Начало. 1 сентября — 31 декабря 1941 года. Кн. 2. М., 2000. С. 549–550.

№ 4

УКАЗАНИЕ ГЛАВНОГО КОМАНДОВАНИЯ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК ГЕРМАНИИ О ПОРЯДКЕ ЗАХВАТА МОСКВЫ И ОБРАЩЕНИИ С ЕЕ НАСЕЛЕНИЕМ

12 октября 1941 г.

Группе армий «Центр»

Верховное главнокомандование приказало:

«Фюрер вновь решил, что капитуляция Москвы не должна быть принята, даже если она будет предложена противником. Моральное обоснование этого мероприятия совершенно ясно в глазах всего мира. Так же, как и в Киеве, для наших войск могут возникнуть чрезвычайные опасности от мин замедленного действия. Поэтому необходимо считаться в еще большей степени с аналогичным положением в Москве и Ленинграде. То, что Ленинград заминирован и будет защищаться до последнего бойца, объявлено по русскому радио.

Необходимо иметь в виду серьезную опасность эпидемий. Поэтому ни один немецкий солдат не должен вступать в эти города. Всякий, кто попытается оставить город и пройти через наши позиции, должен быть обстрелян и отогнан обратно. Небольшие незакрытые проходы, предоставляющие возможность для массового ухода населения во внутреннюю Россию, можно лишь приветствовать. И для других городов должно действовать правило, что до захвата их следует громить артиллерийским обстрелом и воздушными налетами, а население обращать в бегство.

Совершенно безответственным было бы рисковать жизнью немецких солдат для спасения русских городов от пожаров или кормить их население за счет Германии.

Чем больше населения советских городов устремится во внутреннюю Россию, тем сильнее увеличится хаос в России и тем легче будет управлять оккупированными восточными районами и использовать их.

Это указание фюрера должно быть доведено до сведения всех командиров».

Дополнение главного командования сухопутных сил:

Следует как можно скорее отрезать город от коммуникаций, связывающих его с внешним миром.

Дальнейшие указания будут отданы позже.

Опубл.: Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973. С. 255.

№ 5

ДИРЕКТИВА ВОЕННОМУ СОВЕТУ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА О НЕПРЕМЕННОМ УДЕРЖАНИИ СЕВАСТОПОЛЯ

№ 29738/ш 7 ноября 1941 г.

Директиву Ставки получите, но мне кажется достаточно ясно, что вашей главной задачей является удержать Севастополь до крайней возможности. Так держался под огнем артиллерии и авиации Таллинн, так держится Ханко, так вы, черноморцы, держали Одессу, и мне непонятна нотка безнадежности в отношении Севастополя. На борьбу за Севастополь нужно привлечь корабли, хотя условия для их базирования там и будут труднее, но весь Северный флот в Полярном с начала войны находится под ударами авиации, и фронт проходит еще ближе. Севастополь можно и нужно защищать, и пока оборона его не будет устойчивой, Военный совет должен быть там.

КУЗНЕЦОВ

ЦВМА. Ф. 216. Д. 12505. Л. 262. Подлинник.

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны. Т. 21 (10). М., 1996. С. 69.

№ 6

ТЕЛЕГРАММА АМЕРИКАНСКОГО ПОСЛА В СССР Л. ШТЕЙНГАРДТА В ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ США О БЕСЕДЕ С ЗАМЕСТИТЕЛЕМ НАРКОМА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ДЕКАНОЗОВЫМ

9 ноября 1941 г.

Куйбышев. Для президента, мистера Хэлла, мистера Уэллеса

Вчера вечером я имел продолжительную беседу с Деканозовым.

Деканозов, возможно, является наиболее доверенным лицом Сталина, чем кто-либо еще в его правительстве. В процессе разговора Деканозов высказал следующие мысли:

1. Для немцев станет невозможным захват Москвы и Ленинграда этой зимой, если русские силы смогут удерживать эти города еще в течение 30 дней.

2. В течение последней недели германский нажим усилился на определенных направлениях, но ослаб на других.

3. Немцы столкнулись с серьезными транспортными трудностями, вызванными как погодными условиями, так и продолжительностью кампании.

4. Недавно в плен был захвачен один из немецких солдат, которому оказалось меньше, чем 17 лет.

5. Этой зимой советское правительство столкнется с серьезными продовольственными трудностями.

6. Немцы собираются захватить на Украине больше зерна, чем на самом деле они смогут захватить. Хотя его количество станет больше, чем ожидало русское правительство.

7. Русские армии столкнулись с тяжелым недостатком материального обеспечения. Советские офицеры полагаются на поставки из Соединенных Штатов. По этому вопросу ими выражается сейчас определенное нетерпение.

8. Даже по масштабам СССР людские потери Красной Армии чрезвычайно велики. Однако остаются еще огромные резервы, которые в настоящее время направляются на формирование новых армий. Но эти армии не смогут проявить себя с лучшей стороны, если им не будет доставать материального обеспечения.

9. Беря в расчет эти резервы, потери, понесенные германской армией с начала кампании, являются более тяжелыми, чем советские потери.

10. Потери Германии в авиации велики. Если же принимать во внимание ее материальные резервы, то потери покажутся не столь значительными.

11. Военной индустрии Советского Союза нанесен серьезный удар. Выпуск продукции сейчас упал до самой нижней точки. Однако советское правительство продолжает перебазировать свои военные предприятия на восток, и можно рассчитывать, что часть из них заработает уже через три месяца или даже меньше.

12. Из состава русских войск на Дальнем Востоке было взято и отправлено на фронт значительное количество военных материалов. Однако те войска, которые остаются на Дальнем Востоке, способны вести жесткую оборону против любой атаки со стороны Японии. Со стороны Деканозова было выражено сожаление позицией, занятой Великобританией, и ее нежеланием произвести диверсию. Было отмечено, что Россия сражается с противником вот уже пятый месяц, но Красная Армия по-прежнему одна несет всю ношу вооруженной борьбы. Деканозов подчеркнул, что СССР получает из Великобритании больше экспертов, чем военной продукции. Некоторые из этих экспертов заняты прежде всего получением информации, которая может пойти на пользу английской торговле уже после войны. Тем не менее суть высказываний Деканозова сводилась к следующему: советское правительство определенно намерено продолжать войну, независимо от того, какие от Советского Союза потребуются еще жертвы.

ШТЕЙНГАРДТ

U. S. Library of Congress. Manuscript Division. Harriman Collection. Container 161.

Опубл.: Мировые войны XX века: В 4-х кн.
Кн. 4. Вторая мировая война: Документы и материалы.
М., 2002. С. 363–364.

№ 7

ПРИКАЗ СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ ОБ УНИЧТОЖЕНИИ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ В ПРИФРОНТОВОЙ ПОЛОСЕ

№ 0428 17 ноября 1941 г.

Опыт последнего месяца войны показал, что германская армия плохо приспособлена к войне в зимних условиях, не имеет теплого одеяния и, испытывая огромные трудности от наступивших морозов, ютится в прифронтовой полосе в населенных пунктах. Самонадеянный до наглости противник собирался зимовать в теплых домах Москвы и Ленинграда, но этому воспрепятствовали действия наших войск. На обширных участках фронта немецкие войска, встретив упорное сопротивление наших частей, вынужденно перешли к обороне и расположились в населенных пунктах вдоль дорог на 20–30 км по обе стороны. Немецкие солдаты живут, как правило, в городах, в местечках, в деревнях в крестьянских избах, сараях, ригах, банях близ фронта, а штабы германских частей размещаются в более крупных населенных пунктах и городах, прячутся в подвальных помещениях, используя их в качестве укрытия от нашей авиации и артиллерии. Советское население этих пунктов обычно выселяют и выбрасывают вон немецкие захватчики.

Лишить германскую армию возможности располагаться в селах и городах, выгнать немецких захватчиков из всех населенных пунктов на холод в поле, выкурить их из всех помещений и теплых убежищ и заставить мерзнуть под открытым небом — такова неотложная задача, от решения которой во многом зависит ускорение разгрома врага и разложение его армии.

Ставка Верховного Главного Командования приказывает:

1. Разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог.

Для уничтожения населенных пунктов в указанном радиусе действий бросить немедленно авиацию, широко использовать артиллерийский и минометный огонь, команды разведчиков, лыжников и партизанские диверсионные группы, снабженные бутылками с зажигательной смесью, гранатами и подрывными средствами.

2. В каждом полку создать команды охотников по 20–30 человек каждая для взрыва и сжигания населенных пунктов, в которых располагаются войска противника. В команды охотников подбирать наиболее отважных и крепких в политико-моральном отношении бойцов, командиров и политработников, тщательно разъясняя им задачи и значение этого мероприятия для разгрома германской армии. Выдающихся смельчаков за отважные действия по уничтожению населенных пунктов, в которых расположены немецкие войска, представлять к правительственной награде.

3. При вынужденном отходе наших частей на том или другом участке уводить с собой советское население и обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать. В первую очередь для этой цели использовать выделенные в полках команды охотников. <...>

Ставка Верховного Главного Командования *И. СТАЛИН*
Б. ШАПОШНИКОВ

ЦАМО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 66. Л. 221–222.

Опубл.: Мировые войны XX века: В 4-х кн.
Кн. 4. Вторая мировая война: Документы и материалы.
М., 2002. С. 236–237.

№ 8

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ГЕРМАНИИ О СУРОВЫХ МЕРАХ НАКАЗАНИЯ ЗА ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ

7 декабря 1941 г.

В оккупированных областях с самого начала русской кампании коммунистические элементы и другие враждебные немцам круги усилили свои выступления против империи и оккупационных властей. Масштабы и опасность этих выступлений принуждают по соображениям устрашения к самым крайним мерам против зачинщиков. В соответствии с этим следует руководствоваться следующими основными принципами:

В оккупированных областях гражданские лица немецкой национальности, выступающие против империи или оккупационных властей и ставящие под угрозу их безопасность или боевую готовность, подлежат принципиально смертной казни.

Наказуемые действия, упомянутые в п. 1, подлежат принципиально судопроизводству в оккупированных областях лишь в тех случаях, когда вполне вероятно, что преступники, во всяком случае главные преступники, подлежат смертной казни и когда судебный процесс и исполнение смертных приговоров могут быть проведены в кратчайший срок. В противном случае преступники, во всяком случае главные преступники, подлежат отправке в Германию.

Преступники, доставленные в Германию, подлежат там военно-полевому суду лишь в тех случаях, когда этого требуют особые военные соображения. На запросы немецких и иностранных органов и инстанций о судьбе этих преступников следует отвечать, что они арестованы и ход следствия не допускает никакой дополнительной информации.

Командующие в оккупированных областях и судьи лично отвечают в рамках своих полномочий за осуществление этого приказа.

Начальник штаба верховного главнокомандования вооруженных сил определяет, в каких именно оккупированных областях следует ввести этот приказ. Он уполномочен разъяснять, вводить и дополнять этот приказ в дальнейшем. Имперский министр юстиции должен выпустить инструкцию по проведению этого приказа в границах своей компетенции.

По поручению: начальник штаба
верховного главнокомандования вооруженных сил *КЕЙТЕЛЬ*

Опубл.: Преступные цели — преступные средства: документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944). М., 1985. С. 88–89.

№ 9

ДОКЛАД КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ КАВКАЗСКОГО ФРОНТА НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ОБОРОНЫ ПЛАНА ОПЕРАЦИИ ПО ОСВОБОЖДЕНИЮ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА

1 января 1942 г.

1. Докладываю, что части Кавказского фронта в период 2–3.1.1942 г. закончат Керченскую операцию и полностью освободят Керченский полуостров от немецких оккупантов.

2. Дальнейшая цель действий, согласно вашей директиве, — освободить Крым.

3. Идея операции: ударом подвижной мотомехгруппы в направлении Перекопа полностью окружить и изолировать части противника от Таврии в Крыму при одновременном наступлении на Симферополь и вдоль побережья Черного моря.

Высадкой морских десантов в районах Евпатории, Алушты содействовать общей задаче — уничтожению всех сил [противника] в Крыму.

Частями Приморской армии активными действиями содействовать выполнению общей задачи.

4. Состав сил и средств: армейских управлений — три, стрелковых дивизий — двенадцать, стрелковых бригад — три, танковых батальонов — четыре, танковых бригад — одна, полков РГК — четыре, артдивизионов — один, зен. артдивизионов — десять, понтонных батальонов — два, инжбатальонов — четыре, огнеметных рот — одна, дивизион гмп — один, Азовская военная флотилия и Черноморский флот (без Приморской армии).

План действий:

а) Мехгруппой в составе двух танковых бригад, одного танкового полка, одного мотострелкового полка, одной кавдивизии, усиленной АРГК, ударом в направлении Владиславовка, Перекоп изолировать крымскую группировку противника от Северной Таврии, прочно занять Перекоп, Чонгар, поворотом на юг основных сил добиться полного окружения и уничтожения группировки противника.

б) 51 А в составе четырех сд, двух стрелковых бригад, усиленная двумя ап АРГК, двумя инжбатами, одним понтонным батальоном, развивает наступление за мехгруппой. В дальнейшем переходит к обороне [района] Чонгар, Перекоп и не допускает подхода свежих сил [противника] в Крым.

в) 44 А в составе трех сд, усиленная одним ап АРГК, одним инжбатальоном, ударом в направлении Владиславовка, Симферополь не допустить отхода крымской группировки противника на север от Севастополя.

г) 9 ск в составе двух гсд ударом вдоль побережья Черного моря обеспечивает ударное крыло фронта, наступая вдоль побережья.

д) Приморская армия в прежнем составе активными действиями сковывает противника у Севастополя, одновременно выбрасывает десант в Евпаторию для действия в направлении Симферополя.

е) Выброской парашютного десанта в район Перекопа отрезать пути отхода противника на север до подхода мехгруппы.

ж) ЧФ и АзВФ обеспечивают операции в Крыму, одновременно выбрасывают десанты в Алушту и Евпаторию, Геническ.

з) 47 А в составе двух сд обеспечивает побережье Черного моря на фронте Приморско-Ахтарское, Таманский полуостров.

ВВС в прежнем составе. Задачи: прикрывают сосредоточение и развертывание войск; не допускают подхода свежих сил противника в Крым; содействуют войскам непосредственно на поле боя; обеспечивают высадку парашютного десанта на Перекоп.

Управление: штаб фронта в Тбилиси, опергруппа — в Новороссийске. Штаб 51 А на ст. Ак-Монай; 44 А — в Феодосии; 9 ск — в Коктебеле; 47 А — в Темрюке.

Для проведения операции прошу разрешить с 3.1.42 г. начать переброску:

а) Управления 47 А — в Орджоникидзе; 138 гсд — в Орджоникидзе; 77 гсд — в Буйнакск; 6 тбр — в Вагаршабад.

б) Начать операцию в период 8–12.1.1942 г.

в) До начала общей операции провести частные операции по высадке морских десантов с целью создания плацдармов и облегчения положения войск Приморской армии в районах Алушты, Евпатории.

КОЗЛОВ
ШАМАНИН
ТОЛБУХИН

ЦАМО. Ф. 215. Оп. 1185. Д. 1. Л. 8–10. Копия.

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 г. Т. 16 (5-2). М., 1996. С. 481–482.

№ 10

ДИРЕКТИВНОЕ ПИСЬМО СТАВКИ ВГК ВОЕННЫМ СОВЕТАМ ФРОНТОВ И АРМИЙ О ДЕЙСТВИЯХ УДАРНЫМИ ГРУППАМИ И ОРГАНИЗАЦИИ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ

№ 03 — 10 января 1942 г.

После того как Красной Армии удалось достаточно измотать немецко-фашистские войска, она перешла в контрнаступление и погнала на запад немецких захватчиков.

Для того чтобы задержать наше продвижение, немцы перешли на оборону и стали строить оборонительные рубежи с окопами, заграждениями, полевыми укреплениями. Немцы рассчитывают задержать таким образом наше наступление до весны, чтобы весной, собрав силы, вновь перейти в наступление против Красной Армии. Немцы хотят, следовательно, выиграть время и получить передышку.

Наша задача состоит в том, чтобы не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов, и обеспечить таким образом полный разгром гитлеровских войск в 1942 году.

Но для осуществления этой задачи необходимо, чтобы наши войска научились взламывать оборонительную линию противника, научились организовывать прорыв обороны противника на всю ее глубину и тем открыли дорогу для продвижения нашей пехоты, наших танков, нашей кавалерии. У немцев имеется не одна оборонительная линия — они строят и будут иметь скоро вторую и третью оборонительные линии. Если наши войска не научатся быстро и основательно взламывать и прорывать оборонительную линию противника, наше продвижение вперед станет невозможным.

Можно ли сказать, что наши войска уже научились взламывать и прорывать оборонительную линию противника?

К сожалению, нельзя сказать этого с полным основанием. Во всяком случае, далеко еще не все наши армии научились прорывать оборонительную линию противника.

Что требуется для того, чтобы обеспечить прорыв оборонительной линии противника на всю ее глубину?

Для этого требуется по крайней мере два условия: во-первых, нужно заменить в практике наших армий и фронтов действия отдельными дивизиями, расположенными цепочкой, действиями ударных групп, сосредоточенных в одном направлении, и, во-вторых, необходимо заменить так называемую артиллерийскую подготовку артиллерийским наступлением.

1) Действия ударными группами. Большинство наших армий, к сожалению, еще не научилось взламывать и прорывать при нашем наступлении оборонительную линию противника. Наши войска наступают обычно отдельными дивизиями или бригадами, расположенными по фронту в виде цепочки. Понятно, что такая организация наступления не может дать эффекта, так как не дает нам перевеса сил на каком-либо участке. Такое наступление обречено на провал. Наступление может дать должный эффект лишь в том случае, если мы создадим на одном из участков фронта большой перевес сил над силами противника. А для этого необходимо, чтобы в каждой армии, ставящей себе задачу прорыва обороны противника, была создана ударная группа в виде трех или четырех дивизий, сосредоточенных для удара на определенном участке фронта. В этом первейшая задача командования армии, ибо только таким образом можно обеспечить решительный перевес сил и успех прорыва обороны противника на определенном участке.

То же самое нужно сказать о задачах командования фронта при организации прорыва и наступления, при этом понятно, что ударная группа фронта должна состоять не из нескольких дивизий, а из нескольких армий, ибо прорыв в пределах фронта является более мощной и широкой операцией, требующей гораздо больше сил, чем наступление в пределах армии.

2) Организация артиллерийского наступления. В деле прорыва обороны противника и организации наступления против противника артиллерия имеет решающее значение. Без серьезной и длительной помощи артиллерии, сосредоточенной на одном каком-либо участке, прорыв обороны противника и организация наступления невозможны.

У нас нередко бросают пехоту в наступление против оборонительной линии противника без артиллерии, без какой-либо поддержки со стороны артиллерии, а потом жалуются, что пехота не идет против обороняющегося и окопавшегося противника. Понятно, что такое «наступление» не может дать желаемого эффекта. Это не наступление, а преступление — преступление против Родины, против войск, вынужденных нести бессмысленные жертвы.

В чем должна состоять артиллерийская поддержка пехоты при наступлении?

Под артиллерийской поддержкой пехоты у нас обычно понимают артиллерийскую подготовку перед наступлением. Обычно артиллерия ведет огонь перед наступлением пехоты полчаса, час, иногда два часа и больше, а потом артиллерия перестает действовать, предоставляя пехоте наступать, несмотря на то что оборона противника еще не разрушена на всю ее глубину, а артиллерийские точки и пулеметные гнезда противника еще не подавлены. Это называется артиллерийской подготовкой. Не трудно понять, что такая артиллерийская поддержка недостаточна, а наступление при такой недостаточной поддержке не может дать желаемого эффекта. Этим, собственно, и объясняется, что наши наступательные операции против обороны противника довольно часто выдыхаются, несмотря на наличие артиллерийской подготовки, причем для того, чтобы наступление сделать эффективным, приходится несколько раз повторять так называемую артиллерийскую подготовку.

Из этого следует, что так называемая артиллерийская подготовка как средство артиллерийской поддержки наступления пехоты уже не отвечает требованиям войны, отжила свой век и должна быть отброшена.

Чтобы артиллерийскую поддержку сделать действенной, а наступление пехоты эффективным, нужно от практики артиллерийской подготовки перейти к практике артиллерийского наступления.

Что это означает?

Это означает, во-первых, что артиллерия не может ограничиваться разовыми действиями в течение часа или двух часов перед наступлением, а должна наступать вместе с пехотой, должна вести огонь при небольших перерывах за все время наступления, пока не будет взломана оборонительная линия противника на всю ее глубину.

Это означает, во-вторых, что пехота должна наступать не после прекращения артиллерийского огня, как это имеет место при так называемой артиллерийской подготовке, а вместе с наступлением артиллерии, под гром артиллерийского огня, под звуки артиллерийской «музыки».

Это означает, в-третьих, что артиллерия должна действовать не вразброс, а сосредоточенно, и она должна быть сосредоточена не в любом месте фронта, а в районе действия ударной группы армии, фронта, и только в этом районе, ибо без этого условия немыслимо артиллерийское наступление.

Любая наша армия, как бы она ни была бедна артиллерией, могла бы сосредоточить в районе действия своей ударной группы 60—80 орудий, обратив на это дело армейский артиллерийский полк и взяв у своих дивизий, скажем, по две батареи дивизионной артиллерии и десятка два-три 120-мм минометов. Сформированная таким образом группа артиллерии была бы вполне достаточна для того, чтобы взломать оборону противника и оказать таким образом неоценимую артиллерийскую поддержку ударной группе армии. Если этого не делают наши армии, то это происходит потому, что они недооценивают великое значение массированного артиллерийского огня для наступления пехоты.

Любой наш фронт, как бы он ни был беден артиллерией, точно так же мог бы сосредоточить в районе действия ударной группы фронта 150—200 орудий, обратив на это дело свой фронтовой артиллерийский резерв и взяв у ряда своих армий их армейские артиллерийские полки и хотя бы одну треть их дивизионной артиллерии. Сформированная таким образом группа артиллерии была бы вполне достаточной для того, чтобы взломать оборону противника в районе [наступления ударной группы] фронта. Если этого не делают наши фронты, то это происходит потому, что они недооцениваю великое значение массированного артиллерийского огня для наступления пехоты.

Выводы.

1) Противник перешел на оборону и строит оборонительные укрепления линии с целью задержать продвижение Красной Армии.

2) Красная Армия не может дать врагу передышки — она должна наступать и гнать врага на запад.

3) Чтобы успешно наступать, мы должны взламывать и прорывать оборону противника.

4) Чтобы взламывать и рвать оборону противника, надо нам научиться действовать ударными группами в [полосе наступления] армии, фронта.

5) Чтобы ударные группы имели успех, они должны иметь серьезную артиллерийскую поддержку на все время прорыва обороны противника на всю ее глубину.

6) Чтобы обеспечить пехоте такую артиллерийскую поддержку, нужно перейти от практики артиллерийской подготовки к практике артиллерийского наступления.

7) Чтобы артиллерийское наступление стало эффективным, командующие армиями и фронтами должны сосредоточить основную массу артиллерии в районе действия их ударных групп.

8) Только соединенные действия ударной группы пехоты и массовой артиллерии могут обеспечить успех наступления.

Ставка Верховного Главнокомандования *И. СТАЛИН*
А. ВАСИЛЕВСКИЙ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 103. Л. 75–81. Подлинник.

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 г. Т. 16 (5-2). М., 1996. С. 33–35.

№ 11

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ КАЛИНИНСКОГО ФРОНТА О МЕРАХ ПО ОКРУЖЕНИЮ ДЕМЯНСКОЙ ГРУППИРОВКИ ПРОТИВНИКА

№ 170040 24 января 1942 г.

Ставкой Верховного Главнокомандования утвержден план командующего Северо-Западным фронтом по разгрому демянской группировки противника, по которому 1-й гв. [стрелковый] корпус с 26.01 начинает движение из района Старый Двор, Добрости в район Рамушево, Васильевщина, откуда наносит удар по обоим берегам р. Пола в направлении Висючего Бора.

Одновременно 241 и 245 сд 34-й армии из района Ватолино будут продолжать наступление в направлении на Демянск.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает Вам во взаимодействии с 1-м гв. [стрелковым] корпусом для окружения демянской группировки противника силами одной сд и двух-трех стрелковых бригад 3-й [ударной] армии нанести удар из района Шавлово, Липье, Кирилково в направлении на Тоболку навстречу 1-му гв. [стрелковому] корпусу; вместе с тем потребовать от 3-й армии занять и удерживать район Шубине.

Ставка Верховного Главнокомандования *И. СТАЛИН*
Б. ШАПОШНИКОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 131. Л. 12. Подлинник.

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 г. Т. 16 (5-2). М., 1996. С. 58.

№ 12

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ФРОНТА О ПРЕДСТАВЛЕНИИ СООБРАЖЕНИЙ ПО ОПЕРАТИВНОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ВОЙСК ФРОНТА И МНРА В СЛУЧАЕ ВНЕЗАПНОГО НАПАДЕНИЯ ЯПОНИИ

№ 170042 24 января 1942 г.

Ставка Верховного Главнокомандования приказала к 28 января 1942 г. представить шифром Ваши соображения по оперативному использованию войск Забайкальского фронта и МНРА на случай внезапного выступления Японии против СССР.

По поручению Ставки Верховного Главнокомандования
Начальник Генерального штаба *Б. ШАПОШНИКОВ*

ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 72. Л. 375. Подлинник.

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 г. Т. 16 (5-2). М., 1996. С. 59.

№ 13

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЗАПАДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ О РАЗГРОМЕ РЖЕВСКО-ВЯЗЕМСКО-ЮХНОВСКОЙ И БОЛХОВСКО-ЖИЗДРО-БРЯНСКОЙ ГРУППИРОВОК ПРОТИВНИКА

№ 01542 16 февраля 1942 г.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Войскам Западного фронта при содействии 39, 29, 22, 30 и 31-й армий, 11-го кавалерийского корпуса Калининского фронта разгромить и уничтожить ржевско-вяземско-юхновскую группировку противника и к 5 марта выйти [на рубеж] Оленино, Олецкое, Булашево и далее по р. Днепр через Благовещенское до г. Дорогобуж, (иск.) Усвятье, Ельня и далее по р. Десна до Снопоти.

2. К тому же 5 марта 1942 г. войскам Западного фронта разгромить болховско-жиздро-брянскую группировку противника и, уничтожив ее, занять Брянск и закрепиться на нашем старом оборонительном рубеже с готовыми противотанковыми рвами по р. Десна от Снопоти до Ядрово и далее по линии на Высокое, Красное, Сосновка.

3. Распоряжением замнаркома обороны т. Щаденко в течение периода времени от 16 до 25 февраля подать на Западный фронт, кроме занаряженных, находящихся в пути, 60 тыс. обученного пополнения в пункты по указанию главкома Западного направления.

4. Распоряжением начальника ГАБТУ в течение времени от 16 до 25 февраля подать на Западный фронт 40 танков КВ, 80 танков Т-34 и 80 танков Т-60 в пункты по указанию главкома Западного направления.

5. Командующему ВВС Красной Армии в двухдневный срок передать Западному фронту 20 самолетов Ил-2 и 20 самолетов Як-1 без экипажей. Экипажи для всех указанных самолетов выслать распоряжением главкома Западного направления.

6. Командующему воздушно-десантными войсками с 17 февраля передать в распоряжение главкома Западного направления для Юхновской операции 9-ю и 214-ю авиадесантные бригады, зам. командующего ВВС т. Новикову и замнаркома обороны т. Громадину обеспечить выброску десанта по указаниям главкома Западного направления.

7. Для проведения операции по разгрому болховско-жиздро-брянской группировки противника в распоряжение главкома Западного направления передать 5-й гв. стрелковый корпус, 97, 116 и 149-ю стрелковые дивизии по прибытии их в пункты разгрузки не позднее 25 февраля.

Ставка Верховного Главнокомандования *И. СТАЛИН*
Б. ШАПОШНИКОВ

ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 95. Л. 27–28. Подлинник.

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная.
Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 г. Т. 16 (5-2). М., 1996. С. 98–99.

№ 14

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ВОЛХОВСКОГО ФРОНТА НА ОТРАЖЕНИЕ КОНТРАТАК ПРОТИВНИКА В РАЙОНЕ МЯСНОГО БОРА

№ 170156 17 марта 1942 г.

Противник контратаками со стороны Спасской Полисти на Мостки и от Любцов и Земтицы на Мясной Бор пытается отрезать 2-ю ударную армию от ее коммуникаций.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Всемерно развивая операцию 59-й армии по захвату Чудово и по разгрому чудовской группировки противника, одновременно усилиями левофланговых соединений 59-й армии совместно с 52-й армией не только не допустить перехвата противником коммуникаций 2-й ударной армии, но и полностью разгромить и уничтожить контратакующие части противника.

2. Для выполнения этой задачи Ставка Верховного Главнокомандования разрешает перебросить в район Мясного Бора 376-ю стр. дивизию из состава 4-й армии.

3. Личное руководство операцией по ликвидации контрнаступления противника со стороны Спасской Полисти и Любцы, Земтица командующему фронтом тов. Мерецкову взять на себя.

4. Немедленно по ликвидации контрнаступления противника предусмотреть силами 52-й армии операцию с задачей до наступления весенней распутицы овладеть Новгородом. Ваши соображения по этой операции представить в Ставку не позднее 20 марта.

Ставка Верховного Главнокомандования *И. СТАЛИН*
Б. ШАПОШНИКОВ

ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 31. Л. 148–149. Подлинник.

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная.
Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 г. Т. 16 (5-2). М., 1996. С. 133.

№ 15

ДИРЕКТИВА ВОЕННОГО СОВЕТА ЗАПАДНОГО ФРОНТА ОБ УСТРАНЕНИИ ПРЕСТУПНО-ХАЛАТНОГО ОТНОШЕНИЯ К СБЕРЕЖЕНИЮ ЖИЗНЕЙ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ

19 марта 1942 г.

Всем командирам, комиссарам дивизий и бригад

В Ставку Верховного Главного Командования и Военный Совет фронта поступают многочисленные письма от красноармейцев, командиров и политработников, свидетельствующие о преступно-халатном отношении командования всех степеней к сбережению жизней красноармейцев пехоты.

В письмах и рассказах приводятся сотни примеров, когда командиры частей и соединений губят сотни и тысячи людей при атаках на неуничтоженную оборону противника и неуничтоженные пулеметы, на неподавленные опорные пункты, при плохо подготовленном наступлении.

Эти жалобы, безусловно, справедливы и отражают только часть существующего легкомысленного отношения к сбережению пополнения. <...>

Я требую:

1. Каждую ненормальную потерю людей в 24 часа тщательно расследовать и по результатам расследования немедленно принимать решение, донося в высший штаб. Командиров, преступно бросивших части на неподавленную систему огня противника, привлекать к строжайшей ответственности и назначать на низшую должность.

2. Перед атакой пехоты система огня противника обязательно должна быть подавлена и нейтрализована, для чего каждый командир, организующий атаку, должен иметь тщательно разработанный план уничтожения противника огнем и атакой. Такой план обязательно должен утверждаться старшим начальником, что одновременно должно служить контролем для старшего командира.

3. К докладам о потерях прилагать личное объяснение по существу потерь, кто является виновником ненормальных потерь, какие меры приняты к виновным и чтобы не допустить их [потерь] в дальнейшем.

Командующий Западным фронтом генерал армии *ЖУКОВ*
Член Военного совета *ХОХЛОВ*
ВРИО начальника штаба *ГОЛУШКЕВИЧ*

ЦАМО. Ф. 353. Оп. 5879. Д. 174. Л. 390.

Опубл.: Мировые войны XX века: В 4-х кн.
Кн. 4. Вторая мировая война: Документы и материалы. М., 2002. С. 240–241.

№ 16

ИЗ ДИРЕКТИВЫ ВЕРХОВНОГО КОМАНДОВАНИЯ ВЕРМАХТА

№ 41 5 апреля 1942 г.

Итоги зимних боев в России и задачи вермахта на лето 1942 г.

Зимняя кампания в России приближается к концу. Благодаря выдающейся храбрости и готовности солдат Восточного фронта к самопожертвованию оборона наших позиций увенчалась большим успехом немецкого оружия.

Противник понес огромные потери в людях и технике. Стремясь использовать мнимый первоначальный успех, он расходовал этой зимой большую часть резервов из предназначенных для дальнейших операций.

Учитывая превосходство немецкого командования и немецких войск, мы должны снова овладеть инициативой и навязать свою волю противнику, как только это позволят условия погоды и местности.

Цель заключается в том, чтобы окончательно уничтожить оставшиеся еще в распоряжении Советов силы и лишить их по мере возможности важнейших военно-экономических центров.

Для этого будут использованы все войска, имеющиеся в распоряжении наших вооруженных сил и вооруженных сил союзников. При этом следует обеспечить при всех обстоятельствах охрану областей, оккупируемых нами на западе и севере Европы, в особенности побережья.

I. ОБЩИЙ ЗАМЫСЕЛ

Общие первоначальные планы кампании на востоке остаются в силе: главная задача состоит в том, чтобы, сохраняя положение на центральном участке, на севере взять Ленинград и установить связь на суше с финнами, а на южном фланге фронта осуществить прорыв на Кавказ.

Эта задача может быть выполнена только путем расчленения ее на несколько этапов, так как необходимо учитывать обстановку, создавшуюся после окончания зимней кампании, наличие сил и средств, а также транспортные возможности.

Поэтому в первую очередь все имеющиеся в распоряжении силы должны быть сосредоточены для проведения главной операции на южном участке с целью уничтожить противника западнее Дона, чтобы затем захватить нефтеносные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет.

Окончательное окружение Ленинграда и захват Ингерманландии откладываются до тех пор, пока изменение обстановки в районе окружения или высвобождение других достаточных для этого сил не создадут соответствующих возможностей.

II. ПРОВЕДЕНИЕ ОПЕРАЦИЙ

А. Первоочередной задачей сухопутных сил и авиации после окончания периода распутицы является создание условий для осуществления главной операции.

Для этого необходимы стабилизация и укрепление всего Восточного фронта и тыловых районов с задачей высвободить благодаря этому по возможности больше сил для главной операции, одновременно на остальных фронтах быть в состояний небольшими силами отразить наступление противника. <...>

Б. Последующие задачи в рамках этих операций: очистить от противника в Крыму Керченский полуостров и овладеть Севастополем. Авиация, а вслед за тем и военно-морской флот должны, с целью создания условий для этих операций, блокировать порты Черного моря и Керченский пролив.

На юге противник, вклинившийся по обе стороны от Изюма, должен быть отрезан на. р. Донец и уничтожен. <...>

В. Главная операция на Восточном фронте. Ее цель, как уже указывалось, — разбить и уничтожить русские войска, находящиеся в районе Воронежа, южнее его, а также западнее и севернее р. Дон. <...>

В связи с тем, что в настоящее время совершенно ясно выявилась нечувствительность русских к окружению оперативного характера, главное внимание (как это было в обоих сражениях в районе Вязьмы, Брянска) следует уделять отдельным прорывам с целью плотного окружения группировок противника.

Необходимо избегать того, чтобы в результате слишком позднего подхода войск, предназначенных для окружения, противник получил возможность избежать этого окружения. <...>

Началом всей этой операции должно послужить охватывающее наступление или прорыв из района южнее Орла в направлении на Воронеж. Из обеих группировок танковых и моторизованных войск, предназначенных для охватывающего маневра, северная должна быть сильнее южной. Цель этого прорыва — захват города Воронежа. В то время как часть пехотных дивизий будет иметь своей задачей немедленное оборудование мощного оборонительного рубежа от исходного района наступления (Орел) в направлении на Воронеж, танковые и моторизованные соединения должны будут продолжать наступление своим левым флангом от Воронежа вдоль р. Дон на юг для взаимодействия с войсками, осуществляющими прорыв примерно из района Харьков на восток. И здесь главная задача состоит не в том, чтобы заставить русских отодвинуть свой фронт, а в том, чтобы во взаимодействии с наносящими удар вниз по течению р. Дон моторизованными соединениями уничтожить силы русских.

Третье наступление в рамках этой операции необходимо организовать таким образом, чтобы силы, наносящие удар вниз по течению р. Дон, соединились в районе Сталинграда с теми силами, которые наступают из района Таганрога, Артемовска между нижним течением р. Дон и Ворошиловградом через р. Донец на восток. Эти силы должны затем соединиться с наступающей на Сталинград танковой армией. <...>

Союзные войска должны распределяться по нашим позициям с таким расчетом, чтобы на наиболее северных участках располагались венгры, затем итальянцы, а дальше всего на юго-восток — румыны.

Г. Для достижения цели операции необходимо обеспечить быстрое продвижение войск за р. Дон на юг, поскольку к этому вынуждает небольшая продолжительность благоприятного времени года. <...>

IV.

О планах подготовки трех видов вооруженных сил к намеченным операциям и о ходе ее проведения докладывать мне через ОКВ.

АДОЛЬФ ГИТЛЕР

Опубл.: Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма.
М., 1973. С. 320–324.

№ 17

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ КАРЕЛЬСКОГО ФРОНТА О МЕРАХ ПО УЛУЧШЕНИЮ ОПЕРАТИВНОГО ПОЛОЖЕНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ОБОРОНЫ

№ 170353 3 мая 1942 г.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. В течение мая месяца выйти на рубежи:

на мурманском направлении — государственная граница от Губы М[ало-]Волоковой до оз. Чапр;

на кандалакшском направлении — озеро Куола-Ярви, Апа-Ярви, д. Вуо-ри-Ярви;

на кестеньгском направлении — восточный берег р. Софьянга.

2. На направлениях ухтинском и ребольском, а также на фронте 32 А упорной обороной удерживать занимаемые ныне позиции.

3. С выходом на указанные в пункте первом рубежи перейти к обороне, прочно закрепив их за собой и создав резервы как на каждом направлении, так и фронтовой резерв. Все рубежи оборудовать оборонительными сооружениями с применением инженерных средств.

4. При выполнении указанных в пункте первом задач иметь в виду, что никаких дополнительных сил и средств дано не будет, а поэтому необходимо не распылять усилий, иметь достаточно сильные группировки лишь на решающих направлениях, соответственно эшелонируя их в глубину.

Ставка Верховного Главнокомандования *И. СТАЛИН*
Б. ШАПОШНИКОВ

ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 31. Л. 178. Подлинник.

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 г. Т. 16 (5-2). М., 1996. С. 191–192.

№ 18

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА, КОМАНДУЮЩИМ ВВС СЕВЕРНОГО ФЛОТА, ВОЙСКАМИ КАРЕЛЬСКОГО ФРОНТА, ВВС КРАСНОЙ АРМИИ, ВВС 14-й АРМИИ, АВИАЦИЕЙ ДАЛЬНЕГО ДЕЙСТВИЯ, ВОЙСКАМИ ПВО ТЕРРИТОРИИ СТРАНЫ, НАЧАЛЬНИКУ ПВО МУРМАНСКА ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРОВОДКИ КАРАВАНА СУДОВ В БАРЕНЦЕВОМ МОРЕ

№ 170405 21 мая 1942 г.

Для обеспечения проводки каравана судов в Баренцевом море в период с 22 по 29.05 Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

Первое. Систематически разрушать в период с 23 по 29.05 аэродромы Бардуфосс, Стермоен, Тромсе, Гаммерфест и самолеты на них, для чего командующему АДД генерал-лейтенанту авиации Голованову выделить 36 ад в составе 20 самолетов Ил-4 и перебазировать их на аэродромы Ваенги, где дивизия поступит в распоряжение командующего ВВС Северного флота генерал-майора авиации Кузнецова.

Второе. Систематически разрушать в период с 23 по 29.05 аэродромы Киркенеса, Варде, Сейбы, Хонинговога, для чего использовать бомбардировочную авиацию Северного флота и Карельского фронта.

Для прикрытия бомбардировщиков использовать истребительную авиацию Северного флота, Карельского фронта и ПВО, базирующуюся в районе Мурманска.

Третье. Обеспечить подход судов в Кольский залив прикрытием истребителями Пе-3 Северного флота на 74 градусе северной широты и при подходе судов на расстояние 200 км до Мурманска — одномоторными истребителями, включая истребители ПВО Мурманска.

Четвертое. Командующему АДД генерал-лейтенанту Голованову и командующему ВВС КА Новикову закончить сосредоточение выделенной авиации для проведения указанной операции к исходу 22.05.[1942].

Пятое. Руководство и ответственность за все операции, проводимые согласно настоящему приказу, возлагаются на командующего ВВС Северного флота генерал-майора авиации Кузнецова, которому и подчиняется вся авиация, выделенная для проведения указанной операции.

Ставка Верховного Главнокомандования *И. СТАЛИН*
А. ВАСИЛЕВСКИЙ

ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 32. Л. 96–98. Подлинник.

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная.
Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 г. Т. 16 (5-2). М., 1996. С. 212.

№ 19

ПРИКАЗ ОБ УВЕЛИЧЕНИИ ЧИСЛЕННОГО СОСТАВА ФЛОТА В ЛАДОЖСКОМ ОЗЕРЕ ПОД ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗОВ ДЛЯ г. ЛЕНИНГРАДА

№ 00448 26 мая 1942 г.

В целях увеличения перевозки грузов для Ленинградского фронта и населения г. Ленинграда через Ладожское озеро Совет Народных Комиссаров Союза СССР № 747-385сс от 24 мая 1942 г. постановил:

1. Обязать Наркомлес СССР (тов. Салтыкова) в пятидневный срок передать Наркомречфлоту вместе с командами 15 мотокатеров с Северо-Двинского речного бассейна и 5 мотокатеров с Камского речного бассейна для отправки их на Ладожское озеро.

2. Обязать НКВД СССР (тов. Чернышева) в пятидневный срок передать Наркомречфлоту вместе с вольнонаемными командами 8 мотокатеров, принадлежащих Волгострою НКВД СССР, для отправки их на Ладожское озеро.

3. Обязать Наркомречфлот (тов. Шашкова):

а) передать КБФ со Средне-Волжского и Верхне-Волжского пароходств 20 катеров вместе с командами для использования их на Ладожском озере;

б) принять катера в соответствии со ст. ст. 1 и 2 настоящего постановления и обеспечить совместно с Наркомлесом СССР и НКВД СССР погрузку катеров на железнодорожные платформы в Котласе и Горьком, произвести разгрузку катеров на станции Гостинополье Кировской ж. д., а также приспособить эти катера для перевозки грузов, обратив особое внимание на исправность катеров и полное их обеспечение инвентарем и запасными частями;

в) передать КБФ все катера, полученные от Наркомлеса СССР и НКВД СССР вместе с командами, для использования их на Ладожском озере.

4. Обязать НКПС (тов. Хрулева) выделить по заявке Наркомречфлота необходимое количество железнодорожных платформ и обеспечить в счет нормы соответствующих наркоматов перевозку катеров на станцию Гостинополье Кировской ж. д. к 1 июля 1942 г.

Во исполнение постановления Совета Народных Комиссаров Союза ССР приказываю:

1) Командующему БВФ назначить представителя для наблюдения за приемкой и отгрузкой Наркомречфлотом катеров Наркомлеса: Двиносплава № 33, 34, 36 и 63; Котлосплава № 27, 30, 38, 39, 41, 43, 44, 45, 46 и 66; Севтрансплава № 22 вместе с командами.

2) Командующему ВВФ назначить представителей для наблюдения за приемкой и отгрузкой Наркомречфлотом катеров:

а) Наркомлеса — 5 единиц с Камского бассейна;

б) Волгостроя НКВД — 8 единиц, в том числе: «Ворошиловский стрелок», «Парашютист» и № 13, 14, 15, 16, 32 и 33;

в) Верхне-Волжского пароходства — 11 единиц, в том числе: «Дизель № 2», «Меркурий», «Володарец», «На страже», «Огонек», «Фабзайчик» и № 25, 29, 34, 47 и 65;

г) Средне-Волжского пароходства — 9 единиц, в том числе: «Норд-Ост», «Братск», «Соревнование», «Парторг», «В. Куйбышев» и № 1, 18, 39, 72.

3) Обязать представителей Беломорской и Волжской флотилий при приемке катеров:

а) обратить особое внимание на исправное состояние катеров, моторов, наличие инвентаря и запчастей. В случае непригодности того или иного катера доносить названия других катеров на замену негодного;

б) не допускать следования с командами катеров (рулевые, мотористы) их членов семей, женщин и детей;

в) в случае негабаритности катеров по высоте предусмотреть съемку надстроек до габаритности.

4) Командующему Ладожской военной флотилией назначить представителя для наблюдения за разгрузкой катеров, за приспособлением их для перевозки грузов, а также за приемкой катеров.

Изыскать возможности обеспечения катеров навигационными принадлежностями.

5) Начальнику военных сообщений ВМФ капитану 1-го ранга тов. Кечеджи иметь наблюдение за своевременной подачей подвижного состава и за продвижением транспортов с катерами.

КУЗНЕЦОВ

ЦВМА. Ф. 79. Д. 39798. Л. 169–171. Подлинник.

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны. Т. 21 (10). М., 1996. С. 141–142.

№ 20

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЗАКАВКАЗСКОГО ФРОНТА ОБ УЛУЧШЕНИИ РУКОВОДСТВА ВОЙСКАМИ, НАХОДЯЩИМИСЯ В ИРАНЕ

№ 170434 3 июня 1942 г.

Несмотря на явно неудовлетворительное состояние ряда частей и соединений Закавказского фронта, невзирая на неоднократные указания Генерального штаба по поднятию боевой готовности войск, командование и штаб Закавказского фронта, по-видимому, не только не принимают должных мер к решительному искоренению всех недочетов в войсках, а и продолжают осуществлять бумажное руководство, зачастую сами оставаясь в неведении об истинном положении дел в войсках. Только этим можно объяснить полную бесконтрольность за действиями и отсутствие какой-либо заботы о войсках, находящихся в Иране. Известно ли командованию о том, что в 1-й кавалерийской дивизии около 1000 человек бойцов ходят босиком, что из-за необеспеченности фуражом конский состав, особенно в Ардебиле и Казвине, гибнет, а остающийся является непригодным для боевых целей.

Знает ли командование и штаб фронта условия размещения наших войск в Казвине, английских и польских солдат, которые незаконно живут на территории, занятой нашими войсками, имеют радиостанции, и никто не придает значения тому, что эвакуация поляков закончилась и пребывание английских и польских представителей не вызывается необходимостью, а, очевидно, преследует какие-то другие цели.

Ставка Верховного Главнокомандования, выражая свое недовольство состоянием войск Закфронта, особенно в Иране, требует решительного улучшения руководства войсками, изжития нетерпимых фактов, подрывающих боевую способность войск, и приведения в кратчайший срок в полную боевую готовность всех войск фронта. О принятых мерах, и особенно в отношении 1-й кавалерийской дивизии, донесите через Генеральный штаб Ставке Верховного Главнокомандования.

По поручению Ставки Верховного Главнокомандования *А. ВАСИЛЕВСКИЙ*

ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 71. Л. 359. Подлинник.

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 г. Т. 16 (5-2). М., 1996. С. 231.

№ 21

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК ВОЕННЫМ СОВЕТАМ ФРОНТОВ И АРМИЙ О ПРИЧИНАХ ПОРАЖЕНИЯ КРЫМСКОГО ФРОНТА В КЕРЧЕНСКОЙ ОПЕРАЦИИ

№ 155452 4 июня 1942 г.

В период с 8 по 20 мая войска Крымского фронта вели неудачные бои с наступающим противником на Керченском полуострове и потерпели поражение.

К началу наступления противника Крымский фронт располагал шестнадцатью стрелковыми дивизиями, тремя стрелковыми бригадами, одной кавалерийской дивизией, четырьмя танковыми бригадами, девятью артиллерийскими полками усиления, 401 самолетом, в том числе 176 исправными истребителями и 225 исправными бомбардировщиками. Противник против указанных сил Крымского фронта имел семь пехотных дивизий, одну танковую дивизию, одну кавалерийскую бригаду, одну механизированную бригаду и до 400–500 самолетов.

Как видно, Крымский фронт имел большое превосходство над противником в пехоте и артиллерии и лишь несколько уступал противнику в авиации. Тем не менее наши войска на Крымском фронте потерпели поражение и в результате неудачных боев вынуждены были отойти за Керченский пролив.

Изучение хода всей Керченской операции вскрыло несостоятельность руководства войсками фронта со стороны командующего Крымским фронтом генерал-лейтенанта Козлова, члена Военного совета дивизионного комиссара Шаманина, начальника штаба генерал-майора Вечного и представителя Ставки Верховного Главнокомандования армейского комиссара 1 ранга Мехлиса.

I

Основная причина провала Керченской операции заключается в том, что командование фронта — Козлов, Шаманин, Вечный, представитель Ставки Мехлис, командующие армиями фронта, и особенно 44-й армией генерал-лейтенант Черняк и 47-й армией генерал-майор Колганов, обнаружили полное непонимание природы современной войны, что нашло свое выражение в следующих фактах.

1. Опыт современной войны, где танки и авиация играют большую роль, показывает, что исход боя и судьбу войск нельзя ставить в зависимость только лишь от полевых укреплений и линейно растянутых по переднему краю сил боевого порядка. Войска, растянутые в линию по переднему краю линии обороны, могут быть прорваны, как говорят об этом многочисленные факты. Поэтому главная задача состоит в том, чтобы иметь сильные вторые и третьи эшелоны, развернутые на подготовленных в глубине рубежах, армейские и фронтовые резервы, которые должны задержать прорвавшегося врага, а затем контрударом разгромить его. При этом расстановка вторых эшелонов и резервов должна всегда производиться с обязательным учетом характера местности. Например, открытая, ровная местность, как это имело место на Керченском полуострове, требует от всех командиров более глубокого построения своих боевых порядков, выделения сильных резервов в глубину, с размещением их на узлах дорог, в населенных пунктах, достаточно удаленных от передовых позиций, дабы иметь время для развертывания этих резервов и выдвижения их против прорвавшегося противника.

Вопреки этому опыту командование Крымского фронта растянуло свои дивизии в одну линию, не считаясь с открытым равнинным характером местности, вплотную пододвинуло всю пехоту и артиллерию к противнику и резервов в глубине не создало, причем на одну дивизию приходилось на фронте не более двух километров, — значит, фронт имел возможность создать вторые и третьи эшелоны. Вследствие этого, после прорыва противником линии фронта, командование оказалось не в силах противопоставить достаточные силы наступающему противнику. Приступив же с опозданием к организации контрудара по прорвавшемуся противнику, командование фронта не могло довести это дело до конца, ибо противник атаковал дивизии, разрозненно подходившие к полю боя с правого фланга своего фронта.

2. Опыт войны показывает далее, что организованное и твердое управление войсками в бою играет решающую роль и что потеря связи командования с войсками гибельно отражается на исходе боевой операции. Штабы обязаны иметь хорошо оборудованные, замаскированные командные пункты, должны иметь заранее оборудованные запасные командные пункты с тем, чтобы периодически менять свое местонахождение; штабы должны держать в полной готовности все виды средств связи (радио, провод, самолет, авто, офицер связи),

дабы связь была бесперебойной и безотказной. Штабы должны, наконец, понять, что радио является наиболее надежным средством связи и что они обязаны всячески развивать и культивировать его в армии.

Вопреки этому опыту командование Крымского фронта в первые же часы наступления противника выпустило из рук управление войсками. Командование фронта и армий продолжительное время не меняли своих командных пунктов, вследствие чего противник, зная расположение этих пунктов, первым же налетом авиации разбомбил эти пункты, нарушил проводную связь на командных пунктах штаба фронта и армий и расстроил узлы связи, а радиосвязь по преступной халатности штаба фронта оказалась в загоне. К использованию других средств связи штабы армий оказались неподготовленными.

3. Опыт войны показывает, что успех боевой операции немыслим без четко организованного взаимодействия всех родов войск в бою. Особенно важное значение имеет организация взаимодействия в боевой работе наземных сил с авиацией.

Вопреки этому опыту командование Крымского фронта не организовало взаимодействия армий между собой и совершенно не обеспечило взаимодействия наземных сил с авиацией фронта. Командование Крымского фронта авиацией не руководило и допустило такое положение, когда наша авиация действовала распыленно и вне общего плана операции, ввиду чего она не дала массового контрудара против немецкой авиации, хотя она имела для этого все возможности.

4. Опыт войны показывает, что наряду с умением организовать наступательный бой командование должно уметь, когда этого требует обстановка, вывести свои силы из-под удара противника. При отводе войск решающим является умение командования правильно наметить маршруты движения, рубежи и сроки выхода на них войск, умение организовать прикрытие отводимых сил достаточно сильными арьергардами.

Вопреки этому опыту командование Крымского фронта не организовало отвод войск. Командование Крымского фронта не поняло того, что противник, нанося главный удар против левого фланга фронта, сознательно вел себя пассивно против правого нашего фланга, будучи прямо заинтересован в том, чтобы наши войска на этом фланге оставались на своих позициях, и рассчитывая нанести им удар с выходом своей ударной группировки на тылы наших войск, остававшихся в бездействии на правом фланге. Когда же на второй день после начала наступления противника, учитывая обстановку, сложившуюся на Крымском фронте, и видя беспомощность командования фронта, Ставка приказала планомерно отвести армии фронта на позиции Турецкого вала, командование фронта и тов. Мехлис своевременно не обеспечили выполнение приказа Ставки, начали отвод с опозданием на двое суток, причем отвод происходил неорганизованно и беспорядочно. Командование фронта не обеспечило выделение достаточных арьергардов, не установило этапов отхода, не наметило промежуточных рубежей отвода и не прикрыло подхода войск к Турецкому валу заблаговременной выброской на этот рубеж передовых частей.

II

Вторая причина неудач наших войск на Керченском полуострове заключается в бюрократическом и бумажном методе руководства войсками со стороны командования фронта и тов. Мехлиса.

Тт. Козлов и Мехлис считали, что главная их задача состоит в отдаче приказа и что изданием приказа заканчивается их обязанность по руководству войсками. Они не поняли того, что издание приказа является только началом работы и что главная задача командования состоит в обеспечении выполнения приказа, в доведении приказа до войск, в организации помощи войскам по выполнению приказа командования.

Как показал разбор хода операции, командование фронта отдавало свои приказы без учета обстановки на фронте, не зная истинного положения войск. Командование фронта не обеспечило даже доставки своих приказов в армии, как это имело место с приказом для 51-й армии о прикрытии ею отвода всех сил фронта за Турецкий вал, — приказа, который не был доставлен командарму. В критические дни операции командование Крымского фронта и тов. Мехлис, вместо личного общения с командующими армиями и вместо личного воздействия на ход операции, проводили время на многочасовых бесплодных заседаниях Военного совета.

III

Третья причина неуспехов на Керченском полуострове заключается в недисциплинированности тт. Козлова и Мехлиса. Как уже отмечалось выше, тт. Козлов и Мехлис нарушили указание Ставки и не обеспечили его выполнения, не обеспечили своевременный отвод войск за Турецкий вал. Опоздание на два дня с отводом войск явилось гибельным для исхода всей операции.

Учитывая, что тт. Мехлис, Козлов, Шаманин, Вечный, Черняк, Колганов, Николаенко (начальник авиации фронта) показали свою несостоятельность в руководстве войсками и являются прямыми виновниками неудачного исхода Керченской операции, Ставка Верховного Главнокомандования решила:

1. Снять армейского комиссара 1-го ранга т. Мехлиса с постов заместителя Народного комиссара обороны и начальника [Главного] политического управления Красной Армии и снизить его в звании до корпусного комиссара.

2. Снять генерал-лейтенанта т. Козлова с поста командующего фронтом, снизить его в звании до генерал-майора и проверить его на другой, менее сложной военной работе.

3. Снять дивизионного комиссара т. Шаманина с поста члена Военного совета фронта, снизить его в звании до бригадного комиссара и проверить его на другой, менее сложной военной работе.

4. Снять генерал-майора т. Вечного с должности начальника штаба фронта и направить его в распоряжение начальника Генерального штаба для назначения на менее ответственную работу.

5. Снять генерал-лейтенанта т. Черняка с поста командующего армией, снизить его в звании до полковника и проверить на другой, менее сложной военной работе.

6. Снять генерал-майора т. Колганова с поста командующего армией, снизить его в звании до полковника и проверить на другой, менее сложной военной работе.

7. Снять генерал-майора авиации т. Николаенко с поста командующего ВВС фронта, снизить его в звании до полковника авиации и проверить на другой, менее сложной военной работе.

Ставка считает необходимым, чтобы командующие и военные советы всех фронтов и армий извлекли уроки из этих ошибок и недостатков в руководстве командования бывшего Крымского фронта.

Задача заключается в том, чтобы наш командный состав по-настоящему усвоил природу современной войны, понял необходимость глубокого эшелонирования войск и выделения резервов, понял значение организации взаимодействия всех родов войск, и особенно взаимодействия наземных сил с авиацией.

Задача заключается в том, чтобы наш командный состав решительно покончил с порочными методами бюрократическо-бумажного руководства и управления войсками, не ограничивался отдачей приказов, а бывал почаще в войсках, в армиях, дивизиях и помогал своим подчиненным в деле выполнения приказов командования.

Задача заключается в том, чтобы наш командный состав, комиссары и политработники до конца выкорчевали элементы недисциплинированности в среде больших и малых командиров.

Ставка Верховного Главнокомандования *И. СТАЛИН*
А. ВАСИЛЕВСКИЙ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 107. Л. 177–184. Подлинник.

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 г. Т. 16 (5-2). М., 1996. С. 236–239.

№ 22

ПРИКАЗ НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СССР О ФОРМИРОВАНИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНЫХ ШТАБОВ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

№ 00125 16 июня 1942 г.

В соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны от 30 мая 1942 г. № ГОКО-1837сс к 25 июня 1942 г. сформировать:

1. Центральный штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования по штату № 01/277, возложив формирование Центрального штаба на начальника штаба тов. Пономаренко П. К.*

---

* Пономаренко П. К. (1902–1984) — один из организаторов и руководителей партизанского движения, генерал-лейтенант (1943). В 1938–1947 гг. 1-й секретарь ЦК КП(б) Белоруссии. С июня 1941 г. член военных советов армии и ряда фронтов. В 1942–1944 гг. начальник Центрального штаба партизанского движения.

2. Украинский, Брянский, Калининский, Западный, Ленинградский и Карело-Финский штабы партизанского движения по штатам 02/301—301-Б.

3. Оперативные группы Штаба партизанского движения при военных советах армий по штату № 02/302.

Перечень армий, при которых создаются оперативные группы, установить Центральному штабу партизанского движения.

4. Центральную школу организаторов партизанских отрядов Штаба партизанского движения по штату № 017/219 с дислокацией в г. Москва.

5. Центральную специальную радиошколу по штату № 014/51 с дислокацией в г. Москва.

6. Подвижные радиоузлы при Центральном штабе партизанского движения и при Украинском, Брянском, Калининском, Западном, Ленинградском и Карело-Финском штабах партизанского движения — по штату № 014/60.

Оперативно-учебный центр, содержащийся по штату № 017/201, изъять из подчинения военного совета Западного фронта и передать в подчинение Центрального штаба партизанского движения.

Формирование фронтовых штабов партизанского движения, оперативных групп при военных советах армий, подвижных радиоузлов возложить на военные советы соответствующих фронтов.

Начальнику Главного управления кадров НКО обеспечить формирование необходимыми кадрами начальствующего состава.

Обеспечение формирований всеми видами имущества и транспорта вести распоряжением начальников главных управлений НКО СССР.

Заместитель Наркома обороны СССР армейский комиссар 1 ранга *Е. ЩАДЕНКО*

ЦАМО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 67. Л. 416–417.

Опубл.: Мировые войны XX века: В 4-х кн.
Кн. 4. Вторая мировая война: Документы и материалы. М., 2002. С. 246–247.

№ 23

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК ВОЕННОМУ СОВЕТУ БРЯНСКОГО ФРОНТА ОБ ЭВАКУАЦИИ ИЗ ОСТАВЛЯЕМЫХ ВОЙСКАМИ РАЙОНОВ И ПРИФРОНТОВОЙ ПОЛОСЫ

№ 170476 3 июля 1942 г.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Эвакуировать из покидаемых районов население, железнодорожное имущество и составы, сельхозмашины, скот, а все взрослое мужское население, способное носить оружие, использовать для пополнения частей, передав его в запасные части фронта и армий.

2. Всю прифронтовую полосу по всему Брянскому фронту глубиной в 30 км также эвакуировать, а взрослое мужское население использовать для пополнения частей.

3. По районам, покидаемым нами, разбросать большое количество противотанковых и противопехотных мин, мосты взорвать и тем задержать продвижение противника.

Ставка Верховного Главнокомандования *И. СТАЛИН*
А. ВАСИЛЕВСКИЙ

ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 12. Л. 257. Подлинник.

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная.
Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 г. Т. 16 (5-2). М., 1996. С. 285.

№ 24

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФРОНТА ОБ ОТПРАВКЕ СТРЕЛКОВЫХ ЧАСТЕЙ И СОЕДИНЕНИЙ В РЕЗЕРВ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ

№ 994101 8 июля 1942 г.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Отправить из состава войск Дальневосточного фронта в резерв Верховного Главнокомандования следующие стрелковые соединения:

205-ю стр. дивизию — из Хабаровска; 96-ю стр. дивизию — из Куйбышевки, Завитой; 204-ю стр. дивизию — из Черемхово (Благовещенского); 422-ю стр. дивизию — из Розенгартовки; 87-ю стр. дивизию — из Спасска; 208-ю стр. дивизию — из Славянки; 126-ю стр. дивизию — из Раздольного, Пуциловки; 98-ю стр. дивизию — из Хороля; 250-ю стр. бригаду — из Биробиджана; 248-ю стр. бригаду — из Закандворовки, Приморья; 253-ю стр. бригаду — из Шкотово.

2. Отправку соединений начать 10.07.1942 г. и закончить 19.07.1942 г.

3. Стрелковые дивизии и бригады отправить полностью укомплектованными по штатам и табелям личным составом, лошадьми, оружием, транспортом и имуществом, не допуская никаких изъятий из состава отправляемых соединений.

4. На путь следования дивизии и бригады обеспечить: боеприпасами — 1 боевым комплектом, горючим — 1–2 заправками, путевым запасом продфража — на 15 суток, выгрузочным запасом — на 5 суток.

5. Под личную ответственность Военного совета фронта принять все меры по обеспечению скрытности перевозок и сохранению военной тайны как в районах погрузки, так и в пути следования.

Получение подтвердить. [Об] исполнении донести.

Ставка Верховного Главнокомандования *И. СТАЛИН*
А. ВАСИЛЕВСКИЙ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 126. Л. 120. Подлинник.

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 г. Т. 16 (5-2). М., 1996. С. 294.

№ 25

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФРОНТА И СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА О НАПРАВЛЕНИИ ВОЕННЫХ УЧИЛИЩ НА СТАЛИНГРАДСКИЙ ФРОНТ

№ 1035064 13 июля 1942 г.

Копия: начальнику Главного управления формирования и укомплектования войск

Ставка Верховного Главнокомандования приказала:

1. Отправить [в] распоряжение командующего Сталинградским фронтом находящиеся [в] вашем оперативном подчинении Орджоникидзевское и Житомирское пехотные училища и Краснодарское пулеметно-минометное училище.

2. Отправку училищ произвести по железной дороге немедленно. Станции погрузки:

а) 2-го Орджоникидзевского пехотного училища — ст. Ремонтная;

б) Житомирского пехотного училища — ст. Хутуны, Зимовники;

в) Краснодарского пулеметно-минометного училища — ст. Трубецкая.

Выгрузка для всех училищ — Сталинград. Темп перевозки — максимальный.

3. Училища отправить полностью, [с] имеющимся личным составом, оружием, транспортом и прочим имуществом, не допуская никаких изъятий перед отправкой. Дообеспечение училищ — распоряжением командующего Северо-Кавказским военным округом в соответствии с указаниями заместителя НКО тов. Щаденко.

4. Отправляемых обеспечить: 1,5 боекомплектами боеприпасов, 2 заправками горючего и подовольствием [на] путь следования 3 суток и 5-суточным выгрузочным запасом.

5. Прикрытие районов погрузки — распоряжением командующего Северо-Кавказским фронтом, района выгрузки — распоряжением командующего Сталинградским фронтом.

Ставка Верховного Главнокомандования обращает внимание на срочность отправки училищ.

6. Получение подтвердить. Исполнение донести.

По поручению Ставки Верховного Главнокомандования
Начальник Генерального штаба *А. ВАСИЛЕВСКИЙ*

ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 72. Л. 23. Подлинник.

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 г. Т. 16 (5-2). М., 1996. С. 307.

№ 26

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ КАЛИНИНСКОГО И ЗАПАДНОГО ФРОНТОВ О ПРОВЕДЕНИИ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ В РАЙОНЕ РЖЕВА

№ 170514 16 июля 1942 г.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает в период с 28 июля по 5 августа 1942 г. общими усилиями левого крыла Калининского фронта и правого крыла Западного фронта провести операцию с задачей очистить от противника территорию к северу от р. Волга в районе Ржев, Зубцов и территорию к востоку от р. Вазуза в районе Зубцов, Карамзино, Погорелое Городище, овладеть городами Ржев и Зубцов, выйти и прочно закрепиться на реках Волга и Вазуза, обеспечив за собой тет-де-поны в районе Ржева и Зубцова, для чего:

1. Калининскому фронту создать основную группировку в составе 30-й армии силою не менее одиннадцати стр. дивизий, трех стр. бригад, восьми танковых бригад, десяти арт. полков РГК и нанести удар с фронта Ново-Семеновское, Плотниково в общем направлении Полунино, Ржев с задачей прорвать фронт обороны и, обеспечивая себя справа наступлением трех стр. дивизий и слева не менее двух стр. дивизий, главными силами овладеть городом Ржев, переправами через р. Волга и железнодорожным узлом.

Дальнейшей задачей для этой группировки иметь удар в восточном направлении с целью совместно с 29-й армией окончательно очистить от противника северный берег р. Волга.

Вспомогательный удар фронту нанести левым флангом 29-й армии силою не менее трех стр. дивизий, одной танковой бригады и трех арт. полков РГК вдоль северного берега р. Волга в общем направлении на Зубцов.

Готовность к операции — 28 июля.

2. Западному фронту, приняв от Калининского фронта в оперативное подчинение 31-ю армию в составе трех стр. дивизий, двух арт. полков РГК и двух танковых бригад со всеми армейскими учреждениями, частями и транспортом, силами 31-й и 20-й армий в общем составе не менее четырнадцати стр. дивизий, четырех стр. бригад, десяти танковых бригад и двадцати арт. полков РГК, нанести удар с фронта Алешево, Василевское в общем направлении на Зубцов.

Ближайшая задача фронта прорвать оборону противника и, обеспечивая себя с юга, выйти на р. Вазуза и прочно закрепиться. Готовность к операции — 31 июля.

3. Для усиления указанных фронтов начальнику Генерального штаба к 26 июля 1942 г. перебросить и передать:

а) для Калининского фронта пять стр. дивизий, шесть танковых бригад, два арт. полка РГК (152 мм), четыре арт. полка УСВ и 10 дивизионов М-30;

б) для Западного фронта одну стр. дивизию, шесть танковых бригад, 16 дивизионов М-30 и 2-й кав. корпус.

4. Командующему ВВС КА тов. Новикову совместно с начальником Генерального штаба не позднее 19 июля представить план использования и боевых действий авиации в указанной операции с привлечением к ней не менее 1100 самолетов, из них 600 истребителей — за счет авиации Калининского и Западного фронтов и авиации Ставки Верховного Главнокомандования.

Ставка Верховного Главнокомандования *И. СТАЛИН*
А. ВАСИЛЕВСКИЙ

ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 41. Л. 207–209. Подлинник.

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 г. Т. 16 (5-2). М., 1996. С. 311.

№ 27

ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ

№ 227 28 июля 1942 г.

Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге, у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором.

Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток.

Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам.

Каждый командир, красноармеец и политработник должны понять, что наши средства небезграничны. Территория Советского государства — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы, матери, жены, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, — это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину.

Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие

разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо если не прекратим отступление, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог.

Из этого следует, что пора кончить отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв.

Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас, в ближайшие несколько месяцев — это значит обеспечить за нами победу.

Можем ли выдержать удар, а потом и отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно и наш фронт получает все больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов.

Чего же у нас не хватает?

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять Родину.

Нельзя терпеть дальше командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу.

Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования.

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо как с предателями родины.

Таков призыв нашей Родины.

Выполнить этот призыв — значит отстоять нашу землю, спасти Родину, истребить и победить ненавистного врага.

После своего зимнего отступления под напором Красной Армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали более 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, далее, около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасные участки фронта и приказали им искупить свои грехи. Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникеров в случае попытки самовольного оставления позиций и в случае попытки сдаться в плен. Как известно, эти меры возымели свое действие, и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой. И вот получается, что немецкие войска имеют хорошую дисциплину, хотя у них нет возвышенной цели защиты своей родины, а есть лишь одна грабительская цель — покорить чужую страну, а наши войска, имеющие возвышенную цель защиты своей поруганной Родины, не имеют такой дисциплины и терпят ввиду этого поражение.

Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу?

Я думаю, что следует.

Верховное Главнокомандование Красной Армии приказывает:

1. Военным советам фронтов и прежде всего командующим фронтами:

а) безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступать и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда;

б) безусловно снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования фронта;

в) сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины.

2. Военным советам армий и прежде всего командующим армиями:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии, и направлять их в военный совет фронта для предания военному суду;

б) сформировать в пределах армии 3–5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной;

в) сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной.

3. Командирам и комиссарам корпусов и дивизий:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров полков и батальонов, допустивших самовольный отход частей без приказа командира корпуса или дивизии, отбирать у них ордена и медали и направлять их в военные советы фронта для предания военному суду;

б) оказывать всяческую помощь и поддержку заградительным отрядам армии в деле укрепления порядка и дисциплины в частях.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах.

Народный комиссар обороны *И. СТАЛИН*

РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 105. Л. 122–128.

Опубл: Русский архив: Великая Отечественная.
Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. 1942 г. Т. 13 (2-2). М., 1997. С. 275–276.

№ 28

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТА О СОЗДАНИИ ЗАГРАДИТЕЛЬНЫХ ОТРЯДОВ

№ 170542 31 июля 1942 г.

Отход без приказа частей 192-й и 184-й стр. дивизий 62-й армии 30 июля с оборонительных позиций в районе Майоровского в район Верхне-Голубой говорит о неустойчивости молодых дивизий 62-й и 64-й армий, а также и о том, что приказ НКО за № 227 до войск фронта не доведен.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Немедленно донести Ставке, какие меры в соответствии с приказом НКО за № 227 предприняты Военным советом фронта и военными советами армий по отношению к виновникам отхода, к паникерам и трусам как в указанных дивизиях, так и в частях 21-й армии, оставивших без приказа Клетскую.

2. В двухдневный срок сформировать за счет лучшего состава прибывших во фронт дальневосточных дивизий заградительные отряды до 200 человек в каждом, которые поставить в непосредственном тылу, и прежде всего за дивизиями 62-й и 64-й армий. Заградительные отряды подчинить военным советам армий через их особые отделы. Во главе заградительных отрядов поставить наиболее опытных в боевом отношении особистов.

3. Об исполнении донести не позднее 3 августа 1942 г.

Ставка Верховного Главнокомандования *И. СТАЛИН*
А. ВАСИЛЕВСКИЙ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 126. Л. 137–138. Подлинник.

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная.
Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 г. Т. 16 (5-2). М., 1996. С. 337.

№ 29

ДОКЛАД ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СТАВКИ И КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ЗАПАДНОГО ФРОНТА ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ПЛАНА ОПЕРАЦИИ В РАЙОНЕ РЖЕВА

№ 105 6 августа 1942 г.

Разобрав с Коневым обстановку на Калининском фронте, принял решение:

1. Наступательные действия на фронте 29-й армии в районе Карлово, Батюково прекратить. Из этой группировки перебросить три артполка и две сд на направление главного удара.

2. В связи с большим количеством соединений, действующих в составе 30-й армии, участок ее фронта от Кулаково до Ильино передать 39-й армии.

На 30-ю армию возложить только организацию и проведение операции по захвату гор. Ржев.

3. Операция по ликвидации противника в районе Ржева и захвату последнего будет проведена следующим образом:

30-я армия главный удар наносит на своем левом фланге, охватывая Ржев с северо-востока, южнее жел. дороги. Для обеспечения себя с востока армия разворачивает часть сил на восток и юго-восток с ближайшей задачей овладеть районом Находов, Гляденово и далее вдоль жел. дороги. Вспомогательный удар 30-я армия наносит на Добрую и далее на Ржев.

31-я армия Западного фронта после овладения районом Зубцова силами не менее 2—3 сд, трех тбр с артполками усиления наносит удар в северо-западном направлении вдоль шоссе Зубцов — Ржев. Остальные силы 31-й армии наступают южнее, с выходом на желдорогу Ржев — Сычевка, после захвата которой частью сил наносят удар с юго-запада, с выходом в район Ржев, Хорошево, Абрамково.

4. На время атаки привлекается авиация обоих фронтов и авиация Голованова.

5. В целях достижения одновременности удара 30-й и 31-й армий начало наступления готовится на 8 августа.

6. Группировка противника, действующая севернее Зубцова и против 29-й армии, будет уничтожена только после захвата Ржева.

7. Для обеспечения удара со стороны Зубцова 31-й армии будет поставлена задача захватить и удержать плацдарм севернее Волги в районе Зубцова.

8. На проведение операции 30-й армии требуется отпустить из ресурсов Ставки дополнительно 2 боекомплекта снарядов. Потребность в снарядах для ПА и орудий ПТО можно ограничить 1 1/2 бк. Снаряды М-30 у т. Конева имеются.

Прошу Вашего разрешения.

КОЖУВ
БУЛГАНИН

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 218. Л. 101—102. Подлинник.

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 г. Т. 16 (5-2). М., 1996. С. 538—539.

№ 30

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ ФРОНТОВ И ВОЕННЫХ ОКРУГОВ, АРМИЯМИ, ЗАМЕСТИТЕЛЯМ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ, НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА, НАЧАЛЬНИКАМ ЦЕНТРАЛЬНЫХ УПРАВЛЕНИЙ НКО О НАЗНАЧЕНИИ ГЕНЕРАЛА АРМИИ Г. К. ЖУКОВА ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

№ 170589 26 августа 1942 г.

Ставка Верховного Главнокомандования доводит до сведения фронтов и армий, что постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР генерал армии Жуков Г. К. назначен заместителем Верховного Главнокомандующего РККА и Военно-Морского флота с освобождением его от должности командующего войсками Западного фронта.

Ставка Верховного Главнокомандования *И. СТАЛИН*
А. ВАСИЛЕВСКИЙ

ЦАМО. Ф 148а. Оп. 3763. Д. 124. Л. 248. Подлинник.

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 г. Т. 16 (5-2). М., 1996. С. 374.

№ 31

ИЗ ДОКЛАДА КОМАНДУЮЩЕГО СЕВЕРНОЙ ГРУППОЙ ВОЙСК НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ОБОРОНЫ, КОМАНДУЮЩЕМУ ЗАКАВКАЗСКИМ ФРОНТОМ И. В. ТЮЛЕНЕВУ

№ 0016 3 сентября 1942 г.

Совершенно секретно
Экз. № 4
НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ОБОРОНЫ
Товарищу СТАЛИНУ
ЧЛЕНУ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ
Товарищу БЕРИЯ
КОМАНДУЮЩЕМУ ЗАКАВКАЗСКИМ ФРОНТОМ
Товарищу ТЮЛЕНЕВУ

ДОКЛАД
о состоянии войск Северной группы Закавказского фронта

1. Противник перед фронтом Северной группы сосредоточил части: 370, 111 и предположительно 430 пд, 3, 23, 13 тд, 2 гсд румын и на подходе 1 гсд румын, имея основную группировку районе Мекенская, Наурская, второстепенную группировку [на] участках Ищерская, Моадов.

Противник продолжает распространение танковых сил вдоль ж. д. линии [в] направлении Гудермес.

Основной удар враг направит на Грозный для дальнейшего развития успеха на Махач-Кала; второстепенный удар на Орджоникидзе и далее по Военно-Грузинской дороге, одновременно сковывая левое крыло Северной группы частями гск румын.

2. Войска Северной группы отбивают попытки врага форсировать р. Терек, ускоренно возводят оборону по р. Терек, продолжают совершенствовать оборонительные сооружения обвод[ов] Дербент, Махач-Кала, Гудермес, Грозный и Орджоникидзе, используя строительные материалы и металлолом по территориальности. Цемент для дотов и колпаков доставлен из Ереван[а] и Баку.

Части 9 и 37 А не дают противнику распространяться на юг и юго-восток с направления Баксан на Нальчик, уничтожив (по показаниям пленных 2 румынской горной сд) до 60% этой дивизии, и районов Моздок, Прохладный.

Оставление Моздок небольшим гарнизоном частей 9 А было после того, когда противник, имея, видимо, план внезапно форсировать р. Терек на направлении Моздок, атаковал этот пункт свыше 70 танками и одним ПП.

В боях в р-не Моздок, Прохладный было выиграно время для сдерживания прорыва противника, раскрытия его группировки и уточнения замысла. Это время использовано для проведения перегруппировки войск Северной группы. Выделение больших сил для удержания Моздок, Прохладный считал нецелесообразным в связи с неподготовленностью тет-де-пона обороны этих пунктов, войска находились на марше в районы сосредоточения, а также не был готов основной рубеж обороны.

3. В целях укрепления обороны, создания необходимых резервов, проводится перегруппировка войск. Переброшена 30 сд [в] р-н Кизляр, которая совместно с 110 кд, группой бронепоездов, усиленным СБ обеспечивает бесперебойную работу ж. д. Астрахань — Кизляр и вывод скота [на] южн. берег р. Терек. Поставлен для обороны один полк 414 сд на участке левого фланга 44 А, выведена 417 сд [в] р-н Калаус, Маковкин, Эскин. СП 389 сд переброшен [из] р-на Ниж. Курп на правый фланг своей дивизии. За счет подходящих стрелковых бригад намечено усилить 44 А четырьмя стрелковыми бригадами, 9 А двумя бригадами, оставив две группы не менее четырех бригад и по одной стрелковой бригаде ввести 10 и ГСК*.

Продолжать сколачивать резервы армии и Сев. группы для наступательных действий [в] направлении Гудермес, Грозный, Червленная, Ищерская, Ассиновская, Орджоникидзевская, Вознесенская, Моздок, Средне-Ачалуки, Эльхотово, Майской, добиваясь взаимодействия стрелковых, артиллерийских, танковых, авиационных частей.

Наряду с усилением боевых порядков обороны войсковая агентура в полосе, непосредственно прилегающей к фронту группы, дает данные, характеризующее положение, перемещение противника, проверяемое нашей авиацией. Агентурные сведения соответствуют действительному положению. Поставлена задача продолжать сосредоточение войск противника [на] направлениях: Кизляр, Астрахань, Червленная, Моздок, Прохладный.

Подготовлена через Арутюнова и Восканова Орджоникидзевская дорога [чтобы] в течение трех дней выполнить задание по эвакуации госимущества и ценностей.

Для усиления и продолжения работы ж.д. участка Орджоникидзе — Грозный приступаем к строительству обхода узла от Слепцовская на Хасан-Юрт. <...>

6. Действиями авиации группы противник днем, ночью подвергается бомбардировке, неся большие потери. В среднем ежедневно делается 300–350 самолето-вылетов, уничтожается враг на марше, в районах сосредоточения, не допускается к переправам. В период с 20 по 27.8 действиями авиации и наземных войск противник имеет убитых, раненых солдат и офицеров 2182 чел., подбито 32 самолета, 749 автомашин, 168 танков.

7. В целях дальнейшего укрепления обороны, подготовки войск к контрнаступлению в состав группы необходимо включить не менее пяти ОТБ, трех-пяти горнострелковых бригад, 4-х полков ГМЧ, трех полков ПТО, укомплектовать автотранспортом, довести норму в каждой бригаде, дивизии комплект радиосредств*, обеспечить проволокой для усиления постоянных линий связи Грозный — Махачкала.

8. Дальнейшей задачей войск Северной группы считаю развитие и усовершенствование обороны по р. Терек, отсечных и промежуточных позиций в глубине обороны, всеми мерами не допуская переправы противника в направлении Грозный, Махачкала, Моздок, Орджоникидзе. Этой целью предусмотрено сколачивание выделенных резервов в ударную группу, которая имеет задачу в случае прорыва противника в направлении Тепловодный, Грозный уничтожить его ударом из района Катаяма, Первомайская в направлении Ищерская, Орджоникидзевская, уничтожить его ударом 10 ГВСК, 417, 389 сд, 563 ОТБ вдоль долины Алхан-Юрт, Калаус и резервами 9 А, 131 СВр, 52 ТБр из района Средне-Ачалуки, Вознесенская, Пседах [в] направлении Ищерская, в случае прорыва на направлении Моздок, Орджоникидзе уничтожить противника ударной группой в составе 57, 131 СБр, 52 ТБр, 417 сд в направлении Моздок.

---

* Так в документе.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РУБЕЖЕЙ

Основной рубеж имеет противотанковые препятствия в виде эскарпа и рва по берегу р. Терек. Рубеж № 1, Орджоникидзевский и Грозненский обводы имеют противотанковые рвы не полностью. Остальные рубежи противотанковых препятствий не имеют.

Огневая система — преимущественно окопы. Это объясняется небольшим сроком работ и недостатком рабочей силы. По основному рубежу и Грозненскому обводу есть ДОТы и ДЗОТы, построенные ранее. Проволоки нет. Противотанковых мин установлено около 30 тыс. шт. по переднему краю действующих частей. Потребность в минах 160 тыс. шт., налицо осталось 6 тысяч, которые устанавливаются, имеется ВВ для снаряжения 5 тыс. мин. Высланные 80 тыс. мин и 60 тонн ВВ из Закфронта в период 15–20 августа до сих пор не прибыли.

На рубеже 3, 4, Грозненском, Орджоникидзевском, Гудермесском узлах сопротивления намечена установка ежей в комбинации с противотанковыми рвами по долинам и дорогам. Вывезено на эти участки больше 5200 штук. На вывозе работают 60 машин. <...>

2. Огневые заграждения — использование нефтепродуктов гор. Грозный

В целях создания в нужный момент огневой завесы часть противотанкового рва Грозненского обвода заполняется нефтепродуктами. В настоящее время проводится монтаж трубопроводов для питания рва.

Вместе с этим будет использован Алханчуркский канал и р. Нефтянка.

На равнинной местности танкоопасные места будут залиты нефтью с примесью селитры.

Закончены мероприятия устройства заграждений использования нефти, собранной в специально расположенных ямах (колодцах) перед и внутри боевых порядков войск группы. Для создания огневой завесы будет использован мазут, для поджога на р. р. Сунжа, Нефтянка и Терек.

СОСТОЯНИЕ АВИАЦИИ

1. 4-я воздушная армия имеет в своем составе 16 действующих полков с ограниченным количеством материальной части.

По состоянию на 1 сентября армия имела <...> 164 исправных и 48 неисправных самолетов.

Кроме того, армия имеет полностью личный состав на 5 истребительных полков, 4 штурмовых полка Ил-2 и 2 полка бомбардировщиков, но в этих полках полностью отсутствует матчасть.

2. Воздушная армия не обеспечена аэродромами, необходимо иметь еще 25–30 аэродромов. Строительство новых аэродромов в наших условиях требует большого количества земляных работ.

Кроме того, для работы в осенних условиях требуется построить на 10 аэродромах грунтово-щебенчатые ВПП*.

В данное время имеется только одна ВПП и идет строительство трех ВПП.

Необходимо для строительства аэродромов 2 батальона, а строительство ВПП возложить на УАСНКВД и Закфронт. <...>

Занаряженные запасные части и расходные материалы из-за отсутствия транспортной авиации не можем вывести с аэродрома Монино (Москва), а подача их другим транспортом занимает много времени. Доставку запасных частей необходимо возложить на УТС ВВС КА их самолетами. <...>

Требуется доукомплектовать 4-ю воздушную армию: 500 штук грузовых автомашин, 20 компрессоров, 20 зарядно-аккумуляторных станций. Отпустить 1500 штук покрышек и камер, 200 штук аккумуляторов и других запасных частей для восстановления автотранспорта. <...>

О СОСТОЯНИИ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ АРТИЛЛЕРИЙСКИМ ВООРУЖЕНИЕМ И БОЕПРИПАСАМИ

1. Обеспеченность арт. вооружением:

Войска Северной группы войск до последнего дня неудовлетворительно обеспечены вооружением. По отдельным видам в комплект вооружения входит:

---

* ВПП — взлетно-посадочная полоса.

по противотанковым ружьям — 89%
по ручным пулеметам — до 79%
по винтовкам — до 73%.

<...> В силу большого некомплекта в мехтяге артиллерийские части производят перегруппировку очень медленно. Перевозка материальной части происходит перекатами. Некоторые артиллерийские части вместо мехтяги укомплектовываются конной тягой, но отсутствие арт. амуниции удовлетворить наши потребности*.

В некоторых артиллерийских частях перегруппировка полка проводится в 3–4 рейса.

Автотракторный парк в народном хозяйстве весь изъят еще до организации Северной группы войск.

1. Обеспеченность боеприпасами по состоянию на 27-е августа

Войска удовлетворительно снабжены следующими видами боеприпасов: 7,62 мм патроны, патроны «маузер» и ППШ. Снаряды 76 мм, пушка 02/30 года, 152 мм пушка 37 года.

Эти виды артвооружения имеют боеприпасов от 3,3 до 5,3 боекомплекта.

По-прежнему плохо с такими видами боеприпасов, как:
мины 50 и 92 мм калибра
снаряды к 45 мм пушкам и 76 мм
ручные гранаты.

Для обеспечения бесперебойного снабжения войск Северной группы необходимо иметь запас в складах — 2,5 боекомплекта, в войсках — 1,5 боекомплекта. Итого желательно иметь не менее 4,0 боекомплекта.

ПРИБЫВАЮЩИЕ ЧАСТИ И СОЕДИНЕНИЯ

Всего должно прибыть в состав Северной группы войск 3 стр. бригад, 2 АИ ПТС, 6 санбатов.

Прибыло по состоянию на 3 сентября 6 стр. бригад, 4 ГСБр, 19, 59, 84, 119 стрелковые бригады и 62 морская стрелковая бригада.

Остальные бригады в стадии деформирования и подхода к району Махачкала.

Прибывающие бригады имеют большой некомплект как в личном составе, так и вооружении.

Только 59 и 119 стрелковые бригады личным составом укомплектованы полностью, но и они имеют по отдельным видам вооружения большой некомплект. Так, в 59 стр. бригаде не хватает 1069 винтовок, ручных пулеметов — 21 и 176 ППШ, в 119 стр. бригаде некомплект 127 винтовок, 50 ручных пулеметов, 173 ППШ. В остальных бригадах некомплект в личном составе и вооружении значительно больше. <...>

Прошу:

1. Удовлетворить просьбу в удовлетворении Северной группы войск самолетами и авиабоеприпасами.
2. Занарядить 160 тыс. мин и 100 тонн «ВВ».
3. Удовлетворить потребности войск в артвооружении и боеприпасах.
4. Ускорить подвоз занаряженных войск в состав Северной группы.
5. Доукомплектовать прибывшие стрелковые бригады до их штатной численности и положенного вооружения.

Командующий Северной группой войск Закфронта
генерал-лейтенант *МАСЛЕННИКОВ*
Член Военсовета Севгруппы войск Закфронта
корпусной комиссар *ФОМИНЫХ*

---

* Так в документе.

№ 32

ДОКЛАД КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ВОЛХОВСКОГО ФРОНТА ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ПЛАНА ОПЕРАЦИИ ПО РАЗГРОМУ СИНЯВИНСКОЙ ГРУППИРОВКИ ПРОТИВНИКА И ВЫХОДУ НА НЕВУ

№ 073/22 — 21 сентября 1942 г.

В ходе операции фронта произошло существенное изменение в соотношении сил. Противник, имевший к началу операции до трех пд (223, 227 и 207 пд), в процессе операции перебросил с других фронтов и направлений полностью 24, 170, 28 лпд, 5 гсд, а также части 121, 96 пд и 12 тд. Кроме того, по документам убитых, 20.9.1942 г. появились части 100 лпд (хорватский полк). Всего десять дивизий. Были также сведения, которые до сих пор не подтвердились, о наличии 46 и 4 пд. По мере переброски резервов противник перешел к активным действиям, имея группировки на флангах прорыва:

а) на синявинском направлении — 5 гсд, 28 лпд, 227 пд, части 207 и 121 пд, а также вновь появившийся полк 100 лпд;

б) на мгинском направлении 24, 170, 223 пд, часть 207 пд и 12 тд.

Этими группировками противник уже дважды переходил в контрнаступление: первый раз 10.9 и вторично 21.9.1942 г. Кроме того, противник предпринимал ряд частных операций как на синявинском, так и на мгинском направлениях против отдельных участков фронта. Каждый раз противник поддерживается мощной артиллерией до 500 орудий и на протяжении всей операции располагает многократным превосходством в авиации (по данным разведки, противник имеет 400–450 самолетов).

Учитывая соотношение сил и создавшуюся группировку войск противника на флангах участка прорыва, намечаю следующий план дальнейшего ведения операции:

а) Ближайшая задача — разбить синявинскую группировку противника, последовательно овладеть рощей «Круглая» и синявинским укрепленным узлом, что приведет к расширению фронта прорыва и создаст более выгодные условия для последующего наступления в западном и сев.-зап. направлениях до Невы. На период проведения Синявинской операции прочно обороняться силами 8-й армии с тем, чтобы не допустить прорыва противника в тыл ударной группировки. Синявинскую операцию считаю возможным провести наличными силами фронта. С этой целью 2-я ударная армия, закрепившись на своем левом фланге сев.-зап. оз. Синявинское, произведет перегруппировку для усиления своей группировки в районе рощи «Круглая». Кроме того, для овладения рощей «Круглая» из фронтового резерва в состав 2-й [уд.] армии передана 376 сд. Для овладения районом Синявино 2-я [уд.] армия будет усилена 372 сд, находящейся сейчас во фронтовом резерве.

б) Последующим этапом операции будет прорыв фронта в направлении Московской Дубровки, выход на восточный берег р. Нева и очистка от противника района южного берега Ладожского озера. Для проведения этой операции прошу:

а) Передать в состав фронта 314 и 256 сд и 3-ю бригаду для использования их в операции после овладения Синявино. Так как они располагаются в 2,5–3 переходах от фронта, разрешить подвести их к полю боя, чтобы не допустить запаздывания с вводом в бой.

б) Усилить авиацию фронта тремя истребительными полками.

в) Дать 100 тяжелых и средних танков.

г) Отпустить дополнительно 1 бк боеприпасов. Заявка представляется начальнику Генерального штаба сегодня ночью.

МЕРЕЦКОВ
КОЧЕТКОВ
СТЕЛЬМАХ

ЦАМО. Ф. 204. Оп. 97. Д. 78. Л. 130–133. Подлинник.

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 г. Т. 16 (5-2). М., 1996. С. 546–547.

№ 33

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО КОМАНДОВАНИЯ ВЕРМАХТА О ПЕРЕХОДЕ К СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ОБОРОНЕ

14 октября 1942 г.

Оперативный приказ № 1

Летняя и осенняя кампании этого года, за исключением отдельных еще продолжающихся операций и намечаемых наступательных действий местного характера, завершены. Достигнуты крупные результаты.

В итоге мощного наступления противник отброшен на Кавказ и Дон, а центральная часть России в основном отрезана от районов Кавказа, имеющих жизненно важное значение для дальнейшего ведения войны. На остальном фронте были успешно отражены все отвлекающие удары русских с незначительными для нас потерями. При этом противнику нанесены громадные людские потери.

Успехи командования и войск, достигнутые в ходе этих летних и осенних сражений, достойны быть внесенными в славную летопись войны прошедших лет. Они вселяют уверенность, что и в последующий период настоящей войны немецкий народ может в любых обстоятельствах положиться на свою армию.

Нам предстоит провести зимнюю кампанию. Задачей Восточного фронта в ней является, за исключением еще продолжающихся или намечаемых наступательных операций, — во что бы то ни стало удерживать достигнутые рубежи, отражать всякие попытки со стороны противника прорвать их и тем самым создать предпосылки для продолжения нашего наступления в 1943 г. в целях окончательного уничтожения нашего опаснейшего врага.

Подготовка к зимней кампании идет полным ходом. Эту вторую русскую зиму мы встретим более тщательно и своевременно подготовленными.

Сами русские в ходе последних боев были серьезно ослаблены и не смогут зимой 1942/43 г. располагать такими же большими силами, какие имелись у них в прошлую зиму. В отличие от минувшей, эта зима не может быть суровой и тяжелой. Всем штабам и войсковым командирам вменяю в обязанность как можно быстрее и тщательнее закончить все приготовления к зиме, чтобы не только облегчить войскам выполнение возложенных на них задач, но и создать им возможно лучшие условия для жизни и боя на весь зимний период. При этом важно, чтобы никто не надеялся на то, что все необходимое будет доставлено высшими штабами. Каждый войсковой командир должен сам себе помогать всевозможными импровизациями и изыскивать дополнительные средства и оборудование для облегчения условий размещения своих войск.

Я, в свою очередь, позабочусь о том, чтобы посредством крупных организационных мероприятий усилить боевые части, сменить в течение этой зимы фронтовых солдат, непрерывно сражающихся на передовой линии уже на протяжении полутора лет, и направить их на отдых.

Но я ожидаю от командования и войск, что они вступят в зимнюю кампанию 1942/43 г. с гордым сознанием достигнутых успехов, с твердой верой в свои собственные силы, с непоколебимой волей разбить противника и в этой зимней кампании везде, где бы он только ни попытался прорвать наш фронт.

Основные требования:

1. Во что бы то ни стало удерживать зимние позиции.
2. Оборона должна быть повсюду активной, не позволяющей противнику успокаиваться и вводящей его в заблуждение относительно наших намерений.
3. В случае атак со стороны противника не отходить ни на шаг и не производить отступательных маневров оперативного характера.
4. Местные прорывы немедленно ликвидировать контратаками и контрударами.
5. Большие прорывы локализовать, стабилизировавшиеся участки нашего фронта во что бы то ни стало удерживать как бастионы, которые облегчат проведение предпринимаемых контрмероприятий.
6. Отрезанные или окруженные части должны обороняться до тех пор, пока не подоспеет помощь.

За безусловное выполнение данных требований командиры несут ответственность непосредственно передо мной...

АДОЛЬФ ГИТЛЕР

Верно: майор службы генерального штаба граф Кильманзег.

Опубл.: Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973. С. 328–329.

№ 34

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ ВОЛХОВСКОГО И ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТОВ ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ПЛАНА ОПЕРАЦИИ «ИСКРА»

№ 170696 2 декабря 1942 г.

1. План операции по Волховскому и Ленинградскому фронтам утвердить.

2. Операцию ударной группы Волховского фронта проводит командарм 2-й ударной под непосредственным руководством зам. ком. фронтом генерал-лейтенанта Федюнинского. Ком. фронтом помимо своих обязанностей по фронту осуществляет наблюдение за действиями вспомогательной группы войск.

3. Операцию ударной группы Ленинградского фронта проводит командарм 67 под непосредственным руководством командующего фронтом ген.-лейтенанта тов. Говорова.

4. Готовность операции — к 1 января 1943 года.

5. Операцию при телефонных переговорах и переписке именовать «Искра».

6. Координация действий обоих фронтов поручается маршалу Ворошилову К. Е.

Ставка Верховного Главнокомандования *И. СТАЛИН*

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 124. Л. 301–302. Подлинник.

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 г. Т. 16 (5-2). М., 1996. С. 458.

№ 35

ПЛАН РАЗГРОМА ОКРУЖЕННОЙ СТАЛИНГРАДСКОЙ ГРУППИРОВКИ ПРОТИВНИКА

27 декабря 1942 г.

Представляя план разгрома окруженной сталинградской группировки противника на ваше утверждение, докладываю:

1. Главный удар наносится силами Донского фронта — четырнадцать стрелковых дивизий, восемь танковых полков, тридцать два артполка, девять гв. минполков — с фронта выс. 131,7, выс. 122,9 в общем направлении на Бабуркин, хутор Гончара, Сталинградский, пос. Красный Октябрь.

Цель удара — расколоть окруженную группировку с запада на восток и последовательно уничтожать ее по частям.

Вспомогательный удар наносится:

а) 66-й армией пятью дивизиями на фронте выс. 130,7, изгиб железной дороги северо-западнее Орловка, в направлении рзд. Древний вал, х. Новая Надежда.

б) Силами Сталинградского фронта (четыре стрелковые дивизии, три мотострелковые бригады, две мехбригады, двенадцать артполков и четыре полка РС) на участке Попов, Ракотино, в общем направлении Кравцов, выс. 123,6, ст. Воропоново.

2. Направление главного удара выбрано, исходя из следующих соображений:

а) Нанося главный удар с запада на восток, главную мощь нашего удара сосредоточиваем по основным силам противника, находящимся в районе Мариновка, Жирноклеевка, Малая Россошка, свх. № 1, расчленяем их и в дальнейшем последовательно уничтожаем расчлененные отдельные группы противника.

б) На фронте главного удара обороняются войска, которым частично нанесено поражение в предыдущей операции Юго-Западного и Донского фронтов (76, 44, 376, 384 пд и 14 тд), среди них 44 и 376 пд дали за последнее время наибольшее количество пленных и перебежчиков.

в) Оборонительный рубеж, занимаемый противником в западном секторе, готовился только после отхода его частей из-за Дона, тогда как северный сектор подготавливался к обороне в течение 4 месяцев. Кроме того, в северном секторе занимают оборону лучшие немецкие дивизии и на поле боя много подбитых немецких и наших танков, которые используются противником как бронированные огневые точки.

г) Характер местности, изрезанный глубокими балками, идущими с запада на восток, обеспечивает нашим танковым частям свободу маневра в глубину, тогда как при ударе с севера на юг действия их будут ограничены.

д) Выгодное исходное положение, не требующее сложной перегруппировки войск.

3. Начало операции зависит от срока прибытия частей усиления, пополнения и боеприпасов Донскому фронту. После прибытия пополнения три дня отвожу на его обработку и ввод в строй.

Ориентировочный срок начала действий — 6 января 1943 г.

Первый этап операции — уничтожение западной части окруженной группировки и выход на рубеж х. Новая Надежда, х. Гончара, выс. 155,0, Песчанка — два дня.

Второй этап — уничтожение противника в районе Песчанка, Сталинград, Гумрак — два дня.

Третий этап — окончательная очистка (частью сил) всего района от отдельных обороняющихся групп противника — три дня.

Всего на операцию — семь дней.

4. После окончания операции войска Донского фронта выводятся к северу от линии Калач (Сталинградский), Мариновка, Карповка, Питомник, пос. Красный Октябрь (все пункты для Донского фронта). Войска Сталинградского фронта — к югу от указанной линии.

Генерал-полковник *ВОРОНОВ*

ЦАМО. Ф. 16А. Оп. 1002. Д. 1. Л. 26–29. Подлинник.

Опубл.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 2. М., 1998. С. 428.

№ 36

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЮЖНОГО ФРОНТА И ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СТАВКИ НА ПРОВЕДЕНИЕ ОПЕРАЦИИ «ДОН»

№ 30000 1 января 1943 г.

Ставка Верховного Главнокомандования представленный Вами план утверждает.

В план внести следующие дополнения:

1. Частью сил нанести удар из района Пролетарская, Сальск на Тихорецкую с задачей захватить железнодорожный узел Тихорецкая и отрезать силы противника при отходе их на Ростов.

2. Ставка Верховного Главнокомандования приказывает силами подвижных частей овладеть Цимлянской — 2 января; Константиновской — к исходу 4 января и ни в коем случае не позже 5 января; районом Шахты, Новочеркасск — 7 января; Сальском — 5 января; Тихорецкой — 15–16 января.

3. Организацию взаимодействия Южного и Юго-Западного фронтов осуществлять тов. Михайлову.

4. Настоящую операцию в телефонных и телеграфных переговорах и переписке именовать «Дон».

Ставка Верховного Главнокомандования *И. СТАЛИН*
Г. ЖУКОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 1. Подлинник.

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). М., 1999. С. 21.

№ 37

ДОКЛАД КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ЮЖНОГО ФРОНТА ЗАМЕСТИТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ПЛАНА ОПЕРАЦИИ НА НИЖНЕМ ДОНУ

1 января 1943 г.

В соответствии с Вашими указаниями докладываю общие соображения по построению операции Южного фронта по разгрому противника в районе Шахты, Новочеркасск, Константиновская во взаимодействии с ЮЗФ.

1. До выхода на рубеж р. Цимла, Дубовское, Приситное войска фронта действуют согласно отданным им приказам:

2 гв. А — 2 сп, 300, 387 сд на Тормосин, Нижне-Гутов; 33 сд на Епифанов, Цимлянская; 24 сд, 13 ск и 6 мк овладевают Дубовским; 7 мк — [в] Котельниково [в] резерве;

51 А действует на Зимовники;

28 А — на Элиста, Прихатное.

2. С выходом на р. Цимла удар наносить:

5 гв. А — в общем направлении Лозной, Александров, Усть-Быстрянская;

2 гв. А — 2 гв. мк, 33, 387 и 300 сд по сев. берегу р. Дон [на] Цимлянская, Константиновская; 13 ск, 6 мк — по сев. берегу р. Сал на Константиновскую; 24 сд и 3 гтк — резерв командующего 2 гв. А — за 15 ск.

51 А с 13 и 3 гв. мк частью сил преследует противника вдоль ж. д. на юго-запад и овладевает Пролетарской; главными силами по овладению Раздорским наносит удар на Батлаевская, Новоселовский, Багаевская.

При выходе на рубеж р. Сев[ерский] Донец и Дон 5 уд. и 2 гв. А с фронта Усть-Быстрянская, Семикаракорская нанести удар на Шахты с востока, а 51 А — из района Багаевской на Новочеркасск, в последующем действия главной группировки развиваются в обход Ростовского УР с севера.

28 А, подтянув 98, 99, 79, 156 сбр и 51 тп из района Прихатного, наносит удар в направлении Дивное, Ипатово, Монотивское, Тихорецк.

Для обеспечения операции потребуется дополнительно два автобата на перевалочный участок Ленинск, Красноармейск и по одному автобату для подвоза грузов из района Котельниково к войскам. При отсутствии этих транспортных средств обеспечить подвоз и своевременное продвижение войск будет невозможно.

ЕРЕМЕНКО
ХРУЩЕВ
ВАРЕННИКОВ

ЦАМО. Ф. 228. Оп. 512. Д. 61. Л. 7, 7а, 8, 8а. Подлинник.

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). М., 1999. С. 255.

№ 38

УЛЬТИМАТУМ СОВЕТСКОГО КОМАНДОВАНИЯ КОМАНДУЮЩЕМУ 6-й НЕМЕЦКОЙ АРМИЕЙ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКУ Ф. ПАУЛЮСУ

8 января 1943 г.

6-я германская армия, соединения 4-й танковой армии и приданные им части усиления находятся в полном окружении с 23-го ноября 1942 года. Части Красной Армии окружили эту группу германских войск плотным кольцом. Все надежды на спасение ваших войск путем наступления германских войск с юга и юго-запада не оправдались. Спешившие вам на помощь германские войска разбиты Красной Армией, и остатки этих войск отступают на Ростов. Германская транспортная авиация, перевозящая вам голодную норму продовольствия, боеприпасов и горючего, в связи с успешным, стремительным продвижением Красной Армии вынуждена часто менять аэродромы и летать в расположение окруженных издалека. К тому же германская транспортная авиация несет огромные потери в самолетах и экипажах от русской авиации. Ее помощь окруженным войскам становится нереальной.

Положение ваших окруженных войск тяжелое. Они испытывают голод, болезни и холод. Суровая русская зима только начинается; сильные морозы, холодные ветры и метели еще впереди, а ваши солдаты не обеспечены зимним обмундированием и находятся в тяжелых антисанитарных условиях.

Вы как командующий и все офицеры окруженных войск отлично понимаете, что у вас нет никаких реальных возможностей прорвать кольцо окружения. Ваше положение безнадежное и дальнейшее сопротивление не имеет никакого смысла.

В условиях сложившейся для вас безвыходной обстановки, во избежание напрасного кровопролития, предлагаем вам принять следующие условия капитуляции:

1) Всем германским окруженным войскам во главе с Вами и Вашим штабом прекратить сопротивление.

2) Вам организованно передать в наше распоряжение весь личный состав, вооружение, всю боевую технику и военное имущество в исправном состоянии.

Мы гарантируем всем прекратившим сопротивление офицерам, унтер-офицерам и солдатам жизнь и безопасность, а после окончания войны возвращение в Германию или любую страну, куда изъявят желание военнопленные.

Всему личному составу сдавшихся войск сохраняем военную форму, знаки различия и ордена, личные вещи, ценности, а высшему офицерскому составу и холодное оружие.

Всем сдавшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам немедленно будет установлено нормальное питание. Всем раненым, больным и обмороженным будет оказана медицинская помощь.

Ваш ответ ожидается в 15 часов 00 минут по московскому времени 9 января 1943 года в письменном виде через лично Вами назначенного представителя, которому надлежит следовать в легковой машине с белым флагом по дороге разъезд Конный — станция Котлубань.

Ваш представитель будет встречен русскими доверенными командирами в районе «Б» — 0,5 км юго-восточнее разъезда 564 в 15 часов 00 минут 9 января 1943 года.

При отклонении Вами нашего предложения о капитуляции предупреждаем, что войска Красной Армии и Красного Воздушного флота будут вынуждены вести дело до уничтожения окруженных войск, а за их уничтожение Вы будете нести ответственность.

Представитель Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии
генерал-полковник артиллерии *ВОРОНОВ*
Командующий войсками Донского фронта
генерал-лейтенант *РОКОССОВСКИЙ*

ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 86. Л. 316, 322–324. Подлинник.

Опубл.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 2. М., 1998. С. 429.

№ 39

ДОКЛАД КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ЗАКАВКАЗСКОГО ФРОНТА ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ПЛАНА ОПЕРАЦИЙ «МОРЕ» И «ГОРЫ»

№ 05/оп 10 января 1943 г.

Ознакомившись на месте с состоянием войск Черноморской группы, установили, что поставленная Вами задача в директиве от 4.01.1943 г. будет выполнена.

Однако состояние дорог и сосредоточение перегруппировываемых частей требуют некоторого изменения представленного Вам нами плана первых двух этапов операций.

Необходимо также, как Вы правильно требуете, включить в план третий этап операции — по захвату Батайска. Поэтому вносим на Ваше утверждение заново весь план в целом с вносимыми нами изменениями по сравнению с первым планом.

Основная суть этих изменений сводится к следующему:

1. Дороги от Джубги до района Ставропольской даже после их полного восстановления не позволяют сосредоточить, а затем питать 5 стр. дивизий, 9 стр. бригад, 2 танковые бригады, 3 танковых батальона и так далее.

Поэтому, оставляя в силе основную идею плана нанесения стремительного удара через Ставропольскую и не откладывая действий уже сосредоточенных наших войск, необходимо часть сил, предназначенных для этого направления, сосредоточить через Абинскую по хорошей шоссейной дороге Абинская — Холмская — Ставропольская.

Для этого необходимо расширить рамки вспомогательного удара через Абинскую в этом направлении и отвоевать хорошую коммуникацию для наших войск.

В соответствии с этим увеличивается количество частей, направляемых на Абинскую, и действия на этом направлении начинаются на день раньше ставропольского направления.

ПЛАН

При разработке плана операций командование ЗКФ и Черноморской группы войск строго руководствовалось поставленными Верховным Главнокомандующим в директиве от 4.01.1943 г. генеральными задачами:

Первая задача — Черноморской группе войск выйти на Тихорецкую и помешать таким образом противнику вывести свою технику на запад.

Вторая главная задача состоит в том, чтобы выделить мощную колонну войск из состава Черноморской группы, занять Батайск и Азов, влезть в Ростов с востока и закупорить таким образом северокавказскую группировку противника с целью взять ее в плен или уничтожить.

В соответствии с этими двумя генеральными задачами устанавливается следующий план действий:

1. Операция «Горы»:

а) противник — группировка противника на фронте 56-й армии прежняя. Подтверждаются данные о наличии в районе Краснодар, Пашковская 125 пд (без одного пп);

б) задача операции — прорвать фронт противника на участке (иск.) Горячий Ключ, Крепостная (6 и 9 кд румын), выйти на рубеж р. Кубань и овладеть (блокировать) гор. Краснодар. В последующем, имея главной целью, отрезая пути отхода кавказской группировке противника на Ростов и Ейск, овладеть ж. д. станцией Тихорецкая, нанести удар в сторону Батайска и захватить последний;

в) силы и средства — девять сд, одиннадцать сбр, две тбр, один тп, один тб, четыре ап, три минполка, группа гвардейских минчастей, 5 ВА (200 боевых самолетов);

г) исполнение — первый этап — выйти на р. Кубань. Овладеть (блокировать) гор. Краснодар.

Первый эшелон:

55 и 32 гв. сд с одним минполком из района западнее Горячего Ключа наносят удар в направлении Пензенская, Шенджий. В дальнейшем выходят в район переправы [у] Пашковской.

20 и 83 гсд, 9-я гв. стр. бригада, 7, 16-я стр. бригады, усиленные двумя артполками и двумя минполками, из района Ставропольская, Крепостная, нанося удар между Ставропольской и Смоленской в общем направлении на Георгие-Афинскую и далее на гор. Краснодар, захватывают перепревы через р. Кубань;

216 сд, усиленная 151-й танковой бригадой и частью сил 339 сд, взаимодействует с главной группировкой 56 А и, перейдя в ее подчинение, наступает в направлении Ахтырская, Холмская и далее Елизаветинская, имея целью захватить переправы в районе последней.

Во вторые эшелоны 56 А выходят: 111-я стр. бригада — в район Горячего Ключа, 61 сд и 10 ск (три стрелковые бригады) — в район Ставропольская, Крепостная и, ввиду крайне ограниченной емкости дорог, Джубга, Дефановка, Ставропольская, а остальные силы в составе 3 ск (три сбр), 242, 394, 337 сд, 92 тбр, 257 тп сосредоточиваются в [районе] Шапсугская, Эриванская для дальнейшего ввода в направлении Холмская, Марьянская. Головная дивизия этой группы усиливает 216 сд.

Выполнение первого этапа предполагается с 14 по 18.01.

Мероприятия по форсированию р. Кубань разрабатываются особо.

Выполнение второго этапа:

а) задача — захват (блокировка) Краснодара, овладеть ж. д. узлом Тихорецкая, занять исходное положение для удара в направлении Батайска;

б) силы и средства — для действий по Краснодару выделяются две сд и одна сбр (предположительно — приготовленные и 32 гв. сд) и одна сбр из главной группировки 56 А. Остальные силы 56 А, усиливаемые 61 сд, 10 ск, 216 сд, 151 тбр, с рубежа Пашковская, Елизаветинская [будут] наступать в направлении Кареновская, Тихорецк.

Часть сил для обеспечения с востока направляется по северному берегу р. Кубань в направлении Усть-Лабинской.

Одновременно группа, сосредоточенная в районе Эриванская, Ахтырская, Холмская в составе 3 ск, 242 сд, 394 сд, 337 сд, 257-го танкового полка, 92 тбр, двумя эшелонами выходит в район Марьянской, откуда

наступает в направлении Тимашевской и далее в направлении станции Сосыка до рубежа р. Челбас, определяя этот рубеж как исходное положение для развития удара на Батайск.

С выходом 56 А на северный берег р. Кубань подвижные передовые отряды 56 А со средствами усиления (танки) выбрасываются в направлении Тихорецкой, а 383 сд, составляя левую колонну, посаженная на автомашины, усиленная 257-м танковым полком и одним иптап, наступает в направлении Тимашевская, Каневская, Уманская, Кущевская.

В зависимости от обстановки эта группа может быть усилена одной-двумя сбр.

Овладением Тихорецкой, выходом войск на рубеж р. Челбас и левой мотоколонной [к] Каневской заканчивается второй этап. Ориентировочно к 30.01.

Действия 56 А в соответствии с обстановкой увязываются с действиями подвижной колонны Северной группы фронта. Остальные силы Черноморской группы (46, 18 А) ведут наступление в своих полосах с задачей выхода на рубеж р. Кубань.

Третий этап — прочно удерживая рубеж Тихорецкая, Каневская, обеспечивая себя с направления Армавир, Кропоткин, главные силы с рубежа р. Челбас в составе не менее четырех сд, трех стр. бригад со средствами усиления наступают на Кущевскую, Батайск с целью овладеть последним.

2. Операция «Море»:

а) противник — группировка противника на фронте 47 А прежняя. Есть данные, что в районе Крымской до двух полков 9 пд. Последние дни войсковым и авиационным наблюдением отмечается интенсивное маневрирование пехоты и артиллерии в войсковом тылу противника;

б) задача операции — прорвать фронт противника на участке 3 гсд румын в районе Абинской и, уничтожая противостоящего противника, овладеть Крымской. Последующая — захватить Новороссийск и в дальнейшем всеми силами 47 А овладеть Таманским полуостровом;

в) силы и средства — 47 А в составе: четыре сд, пять сбр, три тб, три ап АРГК, один иптап, восемь дивизионов РС, авиагруппа Квадэ в составе 90 боевых самолетов из ресурсов 5 ВА и ВВС ЧФ.

Первый этап. Задача — прорвать фронт в районе Абинской, захватить Абинскую, Крымскую и создать предпосылки для дальнейших действий по захвату Новороссийска и выхода на Таманский полуостров.

Выполнение задачи на первом этапе — 216 сд, 103 сбр, 8 гв. сд, 81 сбр со средствами усиления (два тб, три ап, восемь гв. минометных дивизионов), имея во втором эшелоне 383 сд, овладевают Абинской, перерезая шоссе и ж. д. на участке между р. Бол[ьшая] Богундырь, (иск.) Ставропольская, а главными силами развивают удар в направлении Крымской, имея целью овладеть станцией Крымская.

216 сд, достигнув шоссе, разворачивается и действует во взаимодействии с 339 сд [в] направлении Ахтырской, обеспечивая исходное положение для войск, выводимых на это направление (см. план «Горы»).

383 сд через Абинскую наступает на Варнавинское, имея задачей захват последней, обеспечивает этим самым действия главных сил 47 А с севера. По подходу к ней средств усиления — в готовности к действиям в составе главной группировки 56 А по плану «Горы». Выход на рубеж Крымская, Нижн[е]-Баканская, Неберджаевская — к исходу третьего дня суток от начала операции.

Начало операции 12.01.1943 г.

Второй этап. 103 сбр, 8 гв. сбр усиливают 176 сд, развивают успех в общем направлении Верхн[е]-Баканский, имея задачей выйти на фронт Молдаванская и Верх[не]-Баканский.

81 сбр — на фронте Неберджаевская, гора Долгая, имеет задачу овладеть рубежом выс. 433,2, перевалом Неберджаевский, в дальнейшем во взаимодействии с морским десантом овладеть Новороссийском и выйти на перевал Волчьи Ворота. Одновременно, в наиболее удобный по ходу действий момент, десантный отряд в составе 255, 83 морск. сбр, двух отдельных батальонов, 563-го танкового батальона, высаживаясь в районе Южная Озерейка, наступает на северо-восток с задачей овладеть Новороссийском, имея прикрытие фронта на западе на рубеже оз. Абрау.

Этап заканчивается выходом всех сил 47-й армии на рубеж Киевская, Верх[не]-Баканский, оз. Абрау.

Срок окончания второго этапа — 25.01.1943 г.

Третий этап. Задача — овладеть всем Таманским полуостровом, обеспечивать новороссийское направление по юго-восточной части Азовского побережья и войска на тихорецком и батайском направлениях.

Силы и средства — те же.

Группировка — по обстановке.

Срок выполнения всей операции — ориентировочно 1.02.1943 г.

Использование ВВС (по обеим операциям): операция «Горы» — 5 ВА, имея в составе до 200 боевых самолетов и обеспеченная восстановлением матчасти в пределах 10-процентной потребности, на первом этапе обеспечивает 56 А, привлекаясь не более одного раза для действия в направлении 47 А.

По остальным этапам — полностью взаимодействует с 56 А.

По третьему этапу — переключается на батайское направление. Со второго этапа — ВВС фронта обеспечивают выполнение операций как Черноморской группы войск, так и Северной группы войск в полном взаимодействии 4 и 5 ВА.

Материальное обеспечение операций — по особому плану.

Просим Вашего утверждения.

ТЮЛЕНЕВ
КАГАНОВИЧ
ПЕТРОВ

ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1060. Д. 23. Л. 13–20.

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 г. Т. 16 (5-3). М., 1999. С. 259–262.

№ 40

ДОКЛАД ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СТАВКИ И КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ПЛАНА ОПЕРАЦИИ ПО ОСВОБОЖДЕНИЮ ХАРЬКОВА*

№ 00179/оп 21 января 1943 г.

1. Выполняя Ваши указания, войска левого крыла Воронежского фронта (3-я танковая армия и 18 ск) после окончательной ликвидации группировки противника, окруженной в районе к западу от железной дороги Лиски — Россошь, своими главными силами к 25 января выйдут на рубеж Нов[ый] Оскол, Валуйки, Покровское. 3-я танковая армия будет готова к нанесению удара на Харьков к 28 января в составе двух танковых корпусов (12 и 15), одной отбр, пяти стрелковых дивизий (48 гв., 62 гв., 160, 111, 184), 6 гв. кавкорпуса (двухдивизионного состава с танковой бригадой). Дополнительно в состав армии несколько позднее подойдет еще одна стрелковая дивизия.

2. Считаем целесообразным главный удар 3-й танковой армии наносить в направлении Валуйки, Ольховатка, Печенеги, Чугуев, Мерефа с задачей обойти и взять Харьков с юго-запада. Главный удар наносить силами двух танковых корпусов, четырех сд, одной отдельной тбр по следующему плану: первый день — подвижными частями выйти на линию Ольховатки; второй день — Печенеги; третий — Рогань, Введенский; четвертый — Мерефы; пятый-шестой — овладение Харьковом с юго-запада. Стрелковые дивизии армии подойдут к Харькову (ориентировочно) на 8–9 день.

Обеспечение операции с юга будет возложено на 6-й гвардейский кавкорпус с направления Уразово, Двуречная, Шевченково, Андреевка, Алексеевское, ст. Беспаловка. 18 ск в составе трех сд, двух сбр с фронта ст. Чернянка, (иск.) Валуйки будет готов к наступлению с целью обеспечения 3-й танковой армии справа — с 28 января. Направление удара — Волоконовка, Волчанск, Непокрытое, Харьков.

3. Войска правого крыла фронта (50, 40-я армии) в составе одиннадцати сд, двух сбр, трех лыжных бригад, 4 тк, трех отдельных танковых бригад после окончания Воронежской операции будут готовы для наступления на Белгород, Харьков главными силами с рубежа р. Оскол — 30 января.

38-я армия в составе четырех сд после окончательного завершения Воронежской операции будет в дальнейшем использована для обеспечения удара 60-й и 40-й армий со стороны Курска.

4. Удар подвижной группировкой правого крыла фронта наносить в направлении Стар[ый] Оскол, Боброво-Дворское, Белгород, Уды, северо-западная и западная окраины Харькова.

---

* Условное наименование — «Звезда».

Состав подвижной группировки: 4 тк, северная группа из трех тбр, три лыжные бригады.

Главный удар стрелковых дивизий 60-й и 40-й армий (всего десять сд и одна сбр) наносить с фронта Ястрабовка, Казачек в общем направлении на Белгород, Харьков с расчетом выхода на сев.-зап. окраину Харькова на 9–10 день.

С выходом стрелковых дивизий 60-й и 40-й армий на рубеж Марьино, Александровский, Алексеевка 38-ю армию развернуть для удара в направлении Ивни с целью обеспечения операции фронта со стороны Курска.

5. Общей задачей предстоящей операции иметь — овладение районом Белгород, Харьков и на 15–20 день операции — выход на рубеж Медвенское, Ракитное, Грайворон, Богодухов, Валки, ст. Власовка для дальнейших действий на Полтаву.

6. Необходимо:

а) установить разгранлинии Воронежского фронта с Брянским: Задонск, Касторное, Теплый Колодезь, Обоянь, Воложба; из них первые два — для Воронежского, остальные — для Брянского фронта включительно; с ЮЗФ — Верхний Мамон, Покровское, Купянск, Шевченково, Змиев, Полтава (все пункты для ЮЗФ включительно);

б) одновременно нанести удар левым крылом Брянского фронта в общем направлении на Курск с выходом на линию Курск, Обоянь;

в) усилить Воронежский фронт одной артдивизией и одной дивизией РС;

г) в связи с тем, что выделенные фронту 100 шт. танков «россыпью» идут на укомплектование только 3 ТА, просим отпустить фронту дополнительно 100 шт. танков «россыпью» для доукомплектования отдельных танковых бригад.

7. Просим рассмотреть и утвердить план.

*МИХАЙЛОВ**
*ФИЛИППОВ***
*ФЕДОРОВ****
*ИЛЬИН*****

ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 360. Л. 1–2. Подлинник.

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 г. Т. 16 (5-3). М., 1999. С. 274–275.

№ 41

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЮЖНОГО ФРОНТА НА РАЗГРОМ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ГРУППИРОВКИ ПРОТИВНИКА

№ 30025 — 23 января 1943 г.

Копия: командующему 2-й гв. армией

Захват Батайска нашими войсками имеет большое историческое значение. Со взятием Батайска мы закупорим армии противника на Северном Кавказе, не дадим выхода в районы Ростова, Таганрога, Донбасса 24 немецким и румынским дивизиям.

Враг на Северном Кавказе должен быть окружен и уничтожен, так же как он окружен и уничтожается под Сталинградом.

---

* Михайлов — условная фамилия А. М. Василевского.

** Филиппов — условная фамилия Ф. И. Голикова.

*** Федоров — условная фамилия Н. Ф. Ватутина.

**** Ильин — условная фамилия М. И. Казакова.

Войскам Южного фронта необходимо отрезать 24 дивизии противника на Северном Кавказе от Ростова, а войска Черноморской группы Закавказского фронта, в свою очередь, закроют выход этим дивизиям противника на Таманский полуостров.

Главная роль принадлежит здесь Южному фронту, который должен совместно с Северной группой Закавказского фронта окружить и пленить или истребить войска противника на Северном Кавказе.

Основные силы Южного фронта, расположенные в районе Маныча и южнее Дона, необходимо немедленно двинуть на Батайск для захвата Батайска и Азова, для перехвата основных путей отхода противника и для окружения его отходящих частей, с тем чтобы вся техника противника осталась на месте.

Прошу принять настоящее указание к руководству и донести о мерах по его исполнению.

И. СТАЛИН

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 139. Л. 163–164. Подлинник.

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 г. Т. 16 (5-3). М., 1999. С. 274–275.

№ 42

ОПЕРАТИВНЫЙ ПРИКАЗ СТАВКИ ВЕРМАХТА О ПЛАНЕ ОПЕРАЦИИ «ЦИТАДЕЛЬ»

№ 6 — 15 апреля 1943 г.

Я решил, как только позволят условия погоды, провести наступление «Цитадель» — первое наступление в этом году.

Этому наступлению придается решающее значение. Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом. Наступление должно дать в наши руки инициативу на весну и лето текущего года.

В связи с этим все подготовительные мероприятия необходимо провести с величайшей тщательностью и энергией. На направлении главных ударов должны быть использованы лучшие соединения, наилучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов. Каждый командир, каждый рядовой солдат обязан проникнуться сознанием решающего значения этого наступления. Победа под Курском должна стать факелом для всего мира.

Я приказываю:

1. Цель наступления — сосредоточенным ударом, проведенным решительно и быстро силами одной ударной армии из района Белгорода и другой — из района южнее Орла, путем концентрического наступления окружить находящиеся в районе Курска войска противника и уничтожить их.

В ходе этого наступления в целях экономии сил следует занять новый сокращенный фронт по линии Нежега, р. Короча, Скородное, Тим, восточное Щигр, р. Сосна.

2. Необходимо:

а) широко использовать момент внезапности и держать противника в неведении, прежде всего относительно времени начала наступления;

б) обеспечить максимальное массирование ударных сил на узком участке, чтобы, используя местное подавляющее превосходство во всех средствах наступления (танках, штурмовых орудиях, артиллерии, минометах и т. д.), одним ударом пробить оборону противника, добиться соединения обеих наступающих армий и таким образом замкнуть кольцо окружения;

в) как можно быстрее перебросить из глубины силы для прикрытия флангов ударных группировок, чтобы последние смогли продвигаться только вперед;

г) своевременными ударами со всех направлений по окруженному противнику не давать ему передышки и ускорить его уничтожение;

д) осуществить наступление в возможно быстром темпе, чтобы противник не смог избежать окружения и подтянуть мощные резервы с других участков фронта;

е) путем быстрого создания нового фронта своевременно высвободить силы для выполнения последующих задач, в особенности подвижные соединения.

3. Группа армий «Юг» сосредоточенными силами наносит удар с рубежа Белгород — Томаровка, прорывает фронт на рубеже Прилепы — Обоянь, соединяется у Курска и восточнее его с наступающей армией группы армий «Центр». Для обеспечения прикрытия наступления с востока как можно быстрее достичь рубежа Нежега — р. Короча — Скородное — Тим, однако при этом не допустить ослабления массирования сил на направлении Прилепы, Обоянь. Для прикрытия наступления с запада использовать часть сил, которым одновременно поставить задачу нанести удар по окружаемой группировке противника.

4. Группа армий «Центр» наносит массированный удар наступающей армией с рубежа Троена — района севернее Малоархангельска, прорывает фронт на участке Фатеж, Веретиново, сосредоточивая основные усилия на своем восточном фланге, и соединяется с ударной армией группы армий «Юг» у Курска и восточнее. Для прикрытия наступающей группировки с востока необходимо в кратчайший срок достигнуть рубежа Тим — восточнее Щигр — р. Сосна, не допустив при этом ослабления сил на направлении главного удара. Для прикрытия наступающей группировки с запада использовать часть имеющихся сил.

Части группы армий «Центр», введенные в бой на участке западнее р. Троена до разграничительной линии с группой армий «Юг», имеют задачу с началом наступления сковать противника путем проведения местных атак специально созданными ударными группами и своевременно нанести удары по окружаемой группировке противника. Непрерывным наблюдением и воздушной разведкой обеспечить своевременное вскрытие отхода противника. В этом случае следует немедленно перейти в наступление по всему фронту.

5. Сосредоточение сил обеих групп армий для наступления осуществить в глубине, вдали от исходных позиций, чтобы, начиная с 28.4, на шестой день после отдачи приказа главным командованием сухопутных войск они могли начать наступление. При этом следует принять все меры по маскировке, сохранению тайны и введению противника в заблуждение. Самым ранним сроком наступления является 3.5. Выдвижение на исходные позиции для наступления должно осуществляться только ночью при соблюдении всех правил маскировки.

6. Для введения противника в заблуждение продолжать в полосе группы армий «Юг» подготовку операции «Пантера». Подготовку надлежит усилить всеми средствами (демонстративные рекогносцировки, выдвижение танков, сосредоточение переправочных средств, радиопереговоры, действия агентуры, распространение слухов, применение авиации и т. д.) и проводить ее как можно дольше. Эти мероприятия по введению противника в заблуждение должны эффективно поддерживаться также соответствующими мероприятиями на фронте по р. Донец, необходимыми к тому же для усиления обороноспособности находящихся там войск (см. пункт 11 настоящей директивы). В полосе группы армий «Центр» не следует проводить в крупном масштабе мероприятия по введению противника в заблуждение, однако всеми средствами необходимо скрыть от противника истинную картину обстановки (отвод войск в тыл и ложные переброски, передвижение транспорта в дневное время, распространение ложных сведений о сроках начала наступления лишь в июне и т. д.).

В обеих группах армий соединения, вновь прибывающие в состав ударных армий, должны соблюдать радиомолчание.

7. В целях соблюдения тайны в замысел операции должны быть посвящены только те лица, привлечение которых абсолютно необходимо. Новые лица должны знакомиться с замыслом постепенно и по возможности позже. На этот раз необходимо непременно избежать [того], чтобы вследствие неосторожности или небрежности противнику стало что-либо известно о наших замыслах. Путем усиления контрразведки обеспечить постоянную борьбу с вражеским шпионажем.

8. Войска, предназначенные для наступления, учитывая пространственно ограниченные и точно известные цели наступления (в отличие от прежних операций), должны оставить в тылу весь транспорт, без которого можно обойтись в наступлении, а также всякий обременяющий их балласт. Все это только мешает и может отрицательно повлиять на наступательный порыв войск и затруднить быстрый подвод последующих сил. Поэтому каждый командир должен быть проникнут стремлением взять с собой только то, что необходимо для боя. Командиры корпусов и дивизий должны строжайшим образом контролировать выполнение этого требования. Необходимо ввести строгое регулирование передвижений на дорогах. Оно должно осуществляться самым решительным образом.

9. Распоряжения о снабжении, а также о немедленном и полном учете всех захваченных пленных, местных жителей и трофеев, а также о ведении пропаганды по разложению противника даны в приложениях 1–3*.

---

* Не публикуются.

10. Военно-воздушные силы также используют все имеющиеся силы на направлениях главного удара. Следует немедленно начать согласование вопросов взаимодействия с командными инстанциями ВВС. Обратить особое внимание на соблюдение секретности (см. пункт 7 настоящей директивы).

11. Для успеха наступления решающее значение имеет, чтобы противнику не удалось наступательными действиями на других участках фронта групп армий «Юг» и «Центр» заставить нас отсрочить начало наступления «Цитадель» или же преждевременно отвести участвующие в нем соединения. Поэтому обе группы армий должны наряду с наступательной операцией «Цитадель» подготовить планомерно до конца месяца оборону на остальных и прежде всего на угрожаемых участках фронта. При этом в первую очередь необходимо ускорить всеми средствами строительство оборонительных позиций, прикрыть танкоопасные направления достаточным количеством противотанковых средств, создать тактические резервы, своевременно вскрыть активными действиями разведки направления главных ударов противника.

12. По завершении операции предусматривается:

а) перенесение разграничительной линии между группами армий «Юг» и «Центр» на общую линию Конотоп (для группы армии «Юг») — Курск (для группы армий «Юг») — Долгое (для группы армий «Центр»);

б) передача 2-й армии в составе трех корпусов и девяти пехотных дивизий, а также частей РГК, которые будут еще уточнены, из группы армий «Центр» в группу армий «Юг»;

в) высвобождение группой армий «Центр» дополнительно еще трех дивизий в резерв главного командования сухопутных войск в районе северо-западнее Курска;

г) вывод с фронта всех подвижных соединений для использования их в соответствии с новыми задачами. Этим замыслам должны соответствовать все передвижения соединений 2-й армии.

Я оставляю за собой право еще в период операции, в зависимости от хода боевых действий, постепенно переподчинять группе армий «Юг» штабы и соединения, упомянутые в пункте 12 настоящего приказа.

Я оставляю за собой также право в случае планомерного развития операции начать незамедлительно с ходу наступление на юго-восток («Пантера») с тем, чтобы использовать замешательство в рядах противника.

13. Группам армий доложить о мероприятиях по подготовке наступления и оборонительных действий, проведенных на основании этого оперативного приказа, с приложением карт масштаба 1:300 000 с нанесенной группировкой войск в исходном положении, а также таблицы распределения частей РГК и плана согласованных с командованием 4-го воздушного флота и командованием ВВС «Восток» мероприятий по поддержке с воздуха наступления «Цитадель», а также плана мероприятий по дезинформации противника. Срок представления — 24 апреля.

ГИТЛЕР

Опубл.: Совершенно секретно! Только для командования! Стратегия фашистской Германии в войне против ССР: Документы и материалы. М., 1967. С. 502–503.

№ 43

ПРИКАЗ О ПРОТИВОПАРТИЗАНСКОЙ ВОЙНЕ

№ 4705/43 27 апреля 1943 г.

Фюрер. Ставка фюрера.
Главное командование сухопутных войск.
Генеральный штаб сухопутных войск. 124 экз.
Оперативный отдел (1). Экз. № 76.
Совершенно секретно. Только для командования

Основная директива № 14 (оперативный отдел)

(Борьба против бандитизма)

Русские все интенсивнее развертывают борьбу посредством бандитизма. Они назначают командирами банд генералов, организовали систематические связь и снабжение с помощью курьеров, радио и авиации; члены банд даже вывозятся самолетами в отпуск.

В составе банд, функционирующих в районах боевых действий, насчитывается, по имеющимся данным, около 80 тыс. человек, исключая многочисленные отряды на Западной Украине, в Белоруссии и в Прибалтике.

В последнее время банды причинили серьезный вред железнодорожному транспорту и сельскому хозяйству, нарушили сплав леса по рекам и т. д.

Исходя из этого, мы должны вести борьбу против бандитизма еще более интенсивно и продуманно, тем более что в районах боевых действий для этих целей выделены крупные силы (приблизительно также 80 тыс. человек, в том числе 36 тыс. немцев).

Я приказываю:

1. Считать борьбу с бандитизмом равнозначной боевым действиям на фронтах. Ею должны руководить оперативные отделы штабов армий и групп армий. Эта борьба должна вестись систематически.

2. Все пригодные для данной цели силы должны быть использованы там, где таких сил недостаточно, необходимо, смотря по обстоятельствам, создавать сводные части и в течение определенного времени использовать их для борьбы с бандитизмом. Это послужит и целям боевой подготовки, повышению боеспособности вошедших в них подразделений.

3. Надлежит проверить пригодность для руководства действиями, направленными против бандитизма, командиров всех степеней в частях, предназначенных для этого. Только деятельные, энергичные и физически крепкие люди подходят для выполнения этой, зачастую весьма нелегкой задачи.

4. Необходимо дальнейшее совершенствование разведки против банд. Для этого наряду с помощью населения следует использовать все доступные средства военной разведки. Особенно целесообразно запрашивать у командных инстанций ВВС выделение самолетов для широкого участия в разведывательных мероприятиях.

5. Оповещение о нападениях банд должно быть налажено так же, как и разведка. Надлежит немедленно оповещать соответствующие органы о действиях банд, где-либо происходивших.

6. Следует создать подвижные оперативные группы, которые способны немедленно в ударном порядке начать действия против обнаруженных банд. Медленно развивающиеся наступательные действия наших сил часто не достигают цели, так как банды узнают об этом и уклоняются от боя. Упомянутые оперативные группы необходимо на время противобандитских действий оснащать средствами передвижения, а командовать ими поручить особо надежным командирам. Эти группы должны неожиданно появляться то здесь, то там и не оставлять в покое банды.

7. В осуществлении мероприятий по борьбе с бандитизмом на данной территории должен быть обеспечен тесный контакт между начальниками тыловых учреждений действующих войск и высшими руководителями СС и полиции имперских комиссариатов.

8. В ходе борьбы с бандитизмом необходимо беспощадно карать его пособников. Бандитизм — это такой враг, который применяет в борьбе любые средства и только такими же средствами при равнозначной ожесточенности может быть разгромлен.

9. Необходимо использовать все средства обмана и маскировки. Оправдала себя организация лжеотрядов из местных жителей, находящихся на службе у немцев и действующих под их руководством. С помощью таких отрядов можно собрать важные сведения и накопить соответствующий опыт.

10. Я направляю особых уполномоченных, которые проверяют проводимые на местах мероприятия по борьбе с бандитизмом и доложат о результатах проверки мне лично.

11. ОКХ будет систематически издавать «Сообщения о борьбе против бандитизма», которые будут содержать все данные о действиях банд, полученные из собранной информации.

Группам армий к 5 мая 1943 г. донести о намечаемых мероприятиях по борьбе с бандитизмом и сообщить данные об особых мерах: создании сводных частей, ударных групп и т. п.

АДОЛЬФ ГИТЛЕР

Верно: Ратгенс, подполковник службы генерального штаба.

Опубл.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 2. М., 1998. С. 462–463.

№ 44

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА НА РАЗГРОМ ПРОТИВНИКА СЕВЕРО-ВОСТОЧНЕЕ ОРЛА

№ 30158 1 августа 1943 г.

За последнее время в связи с наступлением войск Брянского и левого крыла Западного фронтов противник значительно ослабил свою группировку, действующую перед Центральным фронтом, сняв с этого участка пять танковых дивизий, две мотодивизии и до двух-трех пехотных дивизий.

В то же время Центральный фронт значительно усилился танками, получив в свой состав 3 ТА Рыбалко. Все это привело к улучшению положения войск фронта и создало благоприятные условия для решительных наступательных действий. Однако эти условия до сего времени командованием фронта использованы недостаточно.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Незамедлительно подготовить и нанести решительный удар силами 70-й армии и 2 ТА в общем направлении Чувардино, Красная Роща, Апальково. Одновременно 13-й армии прорвать оборону противника западнее Короськово, подготовив условия для ввода в прорыв 3 ТА к моменту ее сосредоточения.

2. К 4–5 августа закончить сосредоточение 3 ТА в районе южнее Короськово с задачей развить успех 13-й армии и ударом в общем направлении на Кромы свернуть оборону противника по западному берегу р. Ока и содействовать тем самым продвижению 48-й армии.

3. В дальнейшем иметь в виду действовать обеими танковыми армиями в обход Орла с запада, содействуя Брянскому фронту в разгроме орловской группировки противника и овладении г. Орел.

4. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 180–181. Подлинник.

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 г. Т. 16 (5-3). М., 1999. С. 185–186.

№ 45

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ 2-го и 3-го УКРАИНСКИХ ФРОНТОВ, ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ СТАВКИ* О ЗАДАЧАХ ПО РАЗВИТИЮ НАСТУПЛЕНИЯ НА ПРАВОМ БЕРЕГУ р. ДНЕПР

№ 30234 26 октября 1943 г.

В результате успешного наступления войск 2-го и 3-го Украинских фронтов днепропетровская группировка противника отходит на юго-запад. Одновременно немцы усиливают свою кировградскую группировку и стремятся воспрепятствовать дальнейшему продвижению войск 2-го Украинского фронта на запад и юго-запад.

Учитывая сложившуюся обстановку Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. 2-му Украинскому фронту, продолжая операцию по овладению Кривым Рогом, главные усилия направить на разгром кировоградской группировки противника, для чего основными силами наступать в направлении Кировограда, имея ближайшей задачей выйти на рубеж Чигирин, Знаменка, Кировоград, Устиновка.

В дальнейшем развивать наступление в общем направлении на ст. Христиновка, прочно обеспечивая себя с юга.

---

* Г. К. Жукову, А. М. Василевскому.

Левым крылом во взаимодействии с 3-м Украинским фронтом разгромить днепропетровскую группировку противника, для чего 57-й армией, усиленной одним тк или одним мк, овладеть районом Апостолово.

2. 3-му Украинскому фронту во взаимодействии с левым крылом 2-го Украинского фронта разгромить отходящую днепропетровскую группировку противника, для чего, не ввязываясь в затяжные бои и обходя крупные населенные пункты, энергично преследовать противника в общем направлении на Апостолово.

Ближайшая задача — к 3–5 ноября выйти на рубеж Кривой Рог, Апостолово, Никополь, в дальнейшем развивать наступление в общем направлении на Николаев, прикрываясь частью сил со стороны Вознесенска.

3. Разгранлиния между фронтами: до Мироновки — прежняя и далее Софиевка (для 2-го Украинского фронта включительно). Далее разгранлиния будет дана дополнительно.

4. К исполнению приступить немедленно.

5. Об отдаваемых распоряжениях своевременно доносить в Генштаб.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 270–271. Подлинник.

Опубл.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 г. Т. 16 (5-3). М., 1999. С. 228–229.

№ 46

ИЗ ПРИГОВОРА МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА ДЛЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА О ПОДГОТОВКЕ В ЯПОНИИ АГРЕССИВНЫХ ПЛАНОВ ВОЙНЫ ПРОТИВ СССР В КОНЦЕ 1941 — В 1942 ГОДУ

Планы войны против СССР

<...> О наступательном характере этих планов и мероприятий свидетельствует секретный оперативный приказ командующего объединенным флотом адмирала Ямамото от 1 ноября 1941 г., в котором говорилось: «...Если империя не нападет на Советский Союз, то мы уверены, что Советский Союз не начнет военные действия». Эта же точка зрения была высказана Тодзио на заседании исследовательского комитета при Тайном совете 8 декабря 1941 г.: «...Советская Россия занята сейчас войной против Германии, поэтому она не воспользуется японским продвижением на юге».

Хотя говорили о том, что эти планы были «обычными» планами «стратегической обороны» и т. д., все же ясно, что они были наступательными, а не оборонительными. Возможно, что при определенных обстоятельствах оборонительная стратегия оправдывает наступательные операции и, может быть, требует их проведения. Однако рассмотрение характера этих планов и военной политики Японии в отношении СССР приводит к заключению о том, что эти планы были агрессивными планами, а не планами «стратегической обороны».

Они были «оборонительными» только в искаженном смысле слова, о чем уже говорилось, поскольку они предусматривали защиту «императорского пути», т. е. экспансию Японии за счет своих соседей на азиатском континенте.

<...> На аналогичном совещании 5 декабря 1941 г. начальник штаба Квантунской армии дал инструкции командирам соединений закончить приготовления к операциям против Советского Союза и следить за всеми изменениями военной обстановки на Советском Дальнем Востоке и в Монголии в связи с ходом советско-германской войны, с тем чтобы вовремя использовать поворотный момент в военной обстановке. Эта речь была произнесена в то время, когда Умедзу все еще был командующим Квантунской армией.

План управления оккупированными советскими территориями

Японские руководители считали захват советских территорий в такой степени осуществимым, что в генеральном штабе и в штабе Квантунской армии был выработан конкретный план по управлению этими территориями. С июля по сентябрь 1941 г. специальная группа офицеров генерального штаба занималась изучением вопроса об оккупационном режиме для советских территорий, которые должны были быть захвачены японскими войсками.

В сентябре 1942 г. в штабе Квантунской армии был создан пятый отдел во главе с генерал-майором Икеда, одним из подчиненных Умедзу, который также занимался изучением вопроса, связанного с оккупационным режимом на советских территориях. Для этой работы использовались специалисты из управления общими делами Маньчжоу-Го.

Утверждалось, по крайней мере официально, что общество «Кокусаку кенкьюкай» было неофициальной организацией. Однако для разработки своих проектов и проведения различных исследований оно получало совершенно секретные документы из военного министерства, министерства колоний и других правительственных органов.

Одним из примеров является совершенно секретный «план управления территориями, входящими в сферу сопроцветания Великой Восточной Азии», разработанный военным министерством и министерством колоний в декабре 1941 г.

Согласно этому плану Советское Приморье, так же как и советская территория вплоть до озера Байкал, должно было войти в состав Японии или Маньчжоу-Го.

Это общество в своем предварительном плане, касающемся границ и структуры «сферы сопроцветания Великой Восточной Азии», от 18 февраля 1942 г. заранее планировало меры для предотвращения «концентрации в Сибири славян, которые изгоняются из европейской части России».

В связи с усилением военной подготовки использовалось все большее количество людей. Были созданы специальные организации. В числе их были институт тотальной войны, находившийся в ведении кабинета министров, и общество по изучению национальной политики («Кокусаку кенкьюкай»). <...>

К весне 1942 г. штаб Квантунской армии разработал план военного управления советскими районами, подлежавшими оккупации со стороны Японии, и с одобрения Умедзу этот план был передан в генеральный штаб. В него входили такие разделы, как «администрация, поддержание мира и порядка, организация промышленности, денежное обращение, связь и транспорт». <...>

Активные приготовления к войне после нападения Германии на СССР

После нападения Германии на Советский Союз Япония усилила общие приготовления к войне против СССР.

Хотя в то время Япония уже вела затяжную войну с Китаем, она надеялась воспользоваться войной в Европе для осуществления своих замыслов в отношении СССР. Это повлекло за собой секретную мобилизацию и увеличение численности Квантунской армии.

Летом 1941 г. согласно плану была проведена секретная мобилизация, и в состав Квантунской армии были включены 300 тыс. человек и приданы две новые дивизии и различные специальные части.

К январю 1942 г. численность Квантунской армии увеличилась до одного миллиона человек: Квантунская армия получила значительное количество нового вооружения. Количество танков по сравнению с 1937 г. увеличилось вдвое, а число самолетов — втрое. Вдоль границы Советского Союза на территории Маньчжурии было развернуто большое количество войск. В предполагавшемся нападении на СССР должны были принять участие, помимо Квантунской армии, армии, находившиеся в Японии. Кроме увеличения личного состава и военной техники, была произведена заготовка запасов продовольствия для Квантунской армии.

Подрывная и диверсионная деятельность

<...> В 1942 г. японский генеральный штаб и штаб Квантунской армии разработали новые планы наступательной войны против СССР, которые оставались в силе и на 1943 г. Согласно этим планам война против СССР должна была начаться неожиданно, после сосредоточения в Маньчжурии около 30 дивизий. Эти планы, как и планы, составленные раньше, не были проведены в жизнь. В это время военные перспективы стран оси — Германии, Италии и Японии — стали ухудшаться. Они вынуждены были занимать все более и более оборонительную позицию, и такая авантюра, как намеченное Японией нападение на СССР, становилась все менее возможной, пока, наконец, в 1945 г. державы оси не потерпели окончательного поражения.

Трибунал считает, что во всяком случае до 1943 г. Япония не только планировала агрессивную войну против СССР, но также активно продолжала готовиться к такой войне.

Цит. по: Рагинский М., Розенблит С. Международный процесс главных японских военных преступников. М. — Л., 1950. С. 249–250.

Именной указатель

Географический указатель

Содержание

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
1941–1945 ГОДОВ

ТОМ ТРЕТИЙ
Битвы и сражения, изменившие ход войны

Научные редакторы *Е. И. Рычкова, А. П. Аристов, Е. Р. Ароян*
Бильд-редактор *Д. А. Стребков*
Художественное оформление *А. П. Зарубин*
Компьютерная верстка *И. В. Белюсенко*
Корректоры *Е. Р. Цегельник, Е. А. Сирин*

Издательство «Кучково поле»
123022, г. Москва, ул. Красная Пресня, 28, оф. 554.
Тел./факс: (499) 255 93 49; (499) 255 96 22.
E-mail: kuchkovopole@mail.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 26.10.12. Формат 84×108/16.
Усл. печ. л. 69,66. Печать офсетная.
Тираж 10 000 экз. Заказ № .

Отпечатано в ООО «Медиа-групп»
123056, Москва, ул. Большая Грузинская, д. 42

